

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

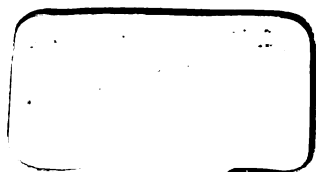
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~Vet. Slaw. Per. 2~~

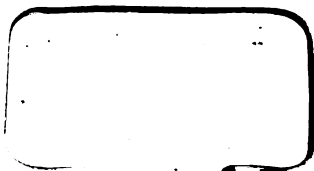
Vet DK4 S2775 C85

~~Vet. Slav. Ser. 2~~

Vet. DK4. S2775. C53

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга пятая.

М А Й.

— 803 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. АМТРИЕВА.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го мая 1850 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Ценсоръ *Н. Елатинъ.*

Редакторъ *К. Масильскій.*

Издатель *К. Жеряковъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТОЙ КНИГИ.

	Стр.
Май.	12—18

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Тайный наказъ, данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи. <i>К. Масальскаго</i>	1—8
---	-----

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія.	1—31
Извѣстія съ Кавказа.	32—35
Иностранныя извѣстія.	36—114

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Легкомысліе и раскаяніе. Повѣсть <i>Р. З.</i>	1—78
---	------

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Маркиза <i>Соммервилль</i> . Романъ <i>Жюль-Сандв</i> . Часть 1.	1—64
--	------

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Лафатеръ и его ученіе. <i>А. Б—скаго</i>	1—17
Биографическіе очерки знаменитѣйшихъ механиковъ и строителей. III. Томасъ Бланшаръ, изобрѣтатель ваятельной машины. Соч. <i>В. Карелина</i>	18—24

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

47. Грамматика Монгольско—Калмыцкаго языка. Соч. <i>А. Бобровникова, Баккалавра</i> . — 48. Исторія черно-морской торговли въ среднихъ вѣкахъ, изд. <i>В. Шестака</i> . — 49. Греческія стихотворенія. <i>Н. Щербины</i> . — 50. Историческій очеркъ общихъ гражданскихъ учрежденій Новороссійскаго—Края. <i>Комарницкаго</i> . — 51. Русская Фауна или описаніе и изображеніе животныхъ. Сост. <i>Ю. Симашко</i> . — 52. Двѣ жизни или казаться и быть. Соч. <i>Миссъ Макинтошъ</i> , пер. съ англійскаго. <i>А. Ишимовой</i> . — 53. Творенія Тертуліана. Перев. <i>Е. В. Карпьева</i> . — 54. Краткая Исторія Церкви <i>В. Нордова</i> . — 55. Поѣздка на Синай. <i>А. Уманца</i> . — Библиографическое извѣстіе.	1—40
--	------

С М Ъ С Ъ.

Адамсово открытіе планеты Нептуна. (Извлечено изъ недавно вышедшаго англійскаго сочиненія Джемса Джервуда). Пер. съ англійскаго *Н. Карелина*. — Примѣчаніе Редакціи. — Ирландскія фермы. — Лондонскій почтамтъ. — Походная жизнь въ Африкѣ. (Записки французскаго офицера). — Старыя бабуши Абу-Кассема. Арабская сказка. — Двойникъ. Истинное происшествіе. — Двѣ страшныя тайны. Разсказъ Поль-де-Кока. *Новости ученаго міра*. Опредѣленіе скорости движенія свѣта неастрономическимъ путемъ. — Соединеніе Парижа съ Лондономъ помощію электрическаго телеграфа. — Нѣсколько словъ о чернилѣ. — Золотоносная розсыпь на Борнео. — Сухое молоко. — Потребленіе свѣтильнаго газа въ Великобританія. — При-

вилегированная машина для печенія хлѣба.—Золоченый и серебряный шолкъ.—Приборъ Флечера для опредѣленія скорости движенія по желѣзнымъ дорогамъ.—Лешелевъ нажимъ.—Добываніе поташа безъ сожиганія дерева.—Литой мраморъ у древнихъ.—Искусственный горючій матеріалъ.—Новый способъ травленія стали и мѣди.—Грибъ—*Sputagia alba*.—Некристаллизованный алмазь.—Химическія измѣненія яйца во время развитія зародыша.—Платина въ Альпійскихъ горахъ.

Городская почта. Похожденія провинціала въ столицѣ.—Пріѣзжіи.—Колокольчики.—Иванъ Ивановичъ.—Дядюшка и племянникъ.—В. В. и Н. В. Самойловы.—Бѣги.—Вызовъ.—Утренній Костюмъ.—Портные.—Увеселенія въ посту.—Излерь.—Пассажъ.—Вѣтанъ.—Человѣкъ бывалый.—Саргісіо «Камаринская» М. И. Глинки.—Рубинштейнъ.—Францъ Францовичъ Космополитскій.—Вишневка и лафитъ.—Кавось и Бавери.—Сеймуръ Шифъ.—Михайловъ и Артемовскій.—Кашевскій.—Концертъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ.—*Аллегро* графа М. Ю. Віельгорскаго.—М. В. Шилловская.—А. А. Тришатная.—А. О. Львовъ.—Глѣбовъ.—Концертъ въ пользу семейства Варламова.—З. П. Башинская.—Живыя картины.—Лотерея.—Базаръ въ пользу бѣдныхъ въ залѣ Благороднаго Собранія.—Русская изба.—Продавицы.—Концертъ съ живыми картинами въ домѣ Галлера.—Карты.—Стихи еще новаго поэта.—Книгопродавцы.—Исаковы.—Поляковъ.—Какія бываютъ странныя книги.

Русская почта. О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ.—Время дубленія.—Закалъ.—Сравнительная таблица.—Сбытъ за границей.—Польза для казны.—Обороты.—Золотыя розсыпи.—Куринская долина.—Льняная машина.—Выгоды.—Цѣнность.—Воздѣльваніе чалтыка (Сарачинскаго пшена).—Лучшая почва.—Приготовленіе земли и посѣвъ.—Созрѣніе, уборка и урожай.—Обмолачиваніе и очищеніе.

Иностранная почта. Парижъ. — Лоншанское гульбище. — Весна. — Экипажи. — Изъ Калифорніи. — Кто былъ, кто не былъ. — Калифорнія вездѣ. — Лоттерея. — Нико или Бадуляръ? — Во снѣ! — Старая басня. — Последняя недѣля поста. — Селамъ. — Віардо. — Лаблашъ. — Точность и усердіе. — Директоръ и актриса. — Пора ѣхать! — Штрафъ. — Неумолимый соучастникъ. — Брюссель. — Картина Рубенса. — Странная переторжка. — Испанія. — Меахарасть. — Лунная ночь. — Пляски. — Португальки и Испанки. — Потѣшные огни. — Окорокъ. — *Sola soletta.* — На полу.

Мысль и улыбка. Свѣтскія отношенія. — Беранже и пирожникъ. — Ненужныя письма. — Журналь и газета. — Находчивый портной. — Анекдотъ. — Хвастунъ. — Что такое душа? — Семьдесятъ лѣтъ. — Невымышленное письмо. — Длиннѣйшее имя. — Совѣтъ отца. — Иностранное и Русское слово. — Французскія поясненія для русскихъ. — Тетрадь Наполеона. — Майскія замѣтки: Далія, георгина, гортензія.

Петербургскія моды.

Русскія книги. 1—162

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

М А Й.

Май, по церковному *Майй*, по славянски *травный, травень*, по воложски и словацки *Мей*, по виндски *Майникъ, Welici Trauen, Petnik, Shentlipachnik*, по кроатски *Коснякъ, Розокруць zsuiban*, (это названіе май носить у многихъ Славянъ). Настоящее свое названіе мѣсяць этотъ получилъ отъ Ромула, который, перемѣнивъ счисленіе года, начинавшагося послѣ лѣтняго равноденствія, и давъ первому мѣсяцу именованіе марта (*mars*) въ честь бога Войны желалъ, чтобы третій мѣсяць происходилъ отъ названія *majores* (старшинъ), изъ которыхъ состоялъ сенатъ. Въ этомъ мѣсяцѣ, посвященномъ старчеству, запрещено было жениться.

Нѣкоторые производятъ еще названіе мая отъ *Main*, дочери Атласа и Плеіоны и матери Меркурія. Римляне праздновали первый день мая жертвоприношеніями своимъ педатамъ или домашнимъ богамъ.

У Евреевъ май считается десятымъ мѣсяцемъ, и называется *пени*. У Грековъ, которыхъ годъ заключалъ въ себя одиннадцать мѣсяцевъ и начинался послѣ лѣтняго равноденствія, май назывался *таргеліонъ* и состоялъ изъ трехъ словъ: *Теро—генъ—зію* (грѣю землю солнцемъ). Май почитается самымъ лучшимъ мѣсяцемъ года, въ который все оживаетъ, все цвѣтеть, и потому, почти у всѣхъ народовъ, были въ честь его разныя празднества. У древнихъ Славянъ праздни-

вались богъ *Ярило* и богиня *Жива*. У нынѣшнихъ Грековъ, въ первый день мая, косятъ траву и посыпаютъ ею пороги домовъ, а также увѣшиваютъ стѣны и окна гирляндами. Простонародная Англія, которой климатъ такъ дорого продаетъ цвѣты, также празднуетъ май и возитъ по улицамъ украшенное лентами и свѣжими растѣніями дерево, окруженное наряженными *sweeper-boys* (трубочистами). Въ Испаніи одѣваютъ молодую дѣвушку въ бѣлое платье, увѣнчиваютъ зеленью и цвѣтами и сажаютъ на возвышенное мѣсто. Дѣвушка эта представляетъ собою *Маію*, плеяду юга, которая родилась недалеко отъ этой прекрасной и богатой страны.

Въ наше время, у насъ остались еще нѣкоторыя древнія обыкновения праздновать май. Это завиваніе вѣнковъ въ Троицынъ день и Семикъ.

Вотъ что говоритъ поэтъ Авзоній о маѣ:

«Май даритъ насъ львомъ, цвѣтами и наполняетъ улья наши медомъ.» Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что вообще въ маѣ засѣваютъ конопель, чечевицу, фасоль, полбу, воздѣлываютъ масляничныя растенія и стригутъ овецъ и ягнятъ. У Поляковъ существуетъ слѣдующая примѣта о плодородіи мая:

Suchy Marzec, mokry Kwiecien, chlodny May będzie Źyto jako gaŭ.

То есть:

Сухой мартъ, мокрый апрѣль и прохладный май наполняютъ житницы.

У всѣхъ принято называть маѣ мѣсяцемъ розъ. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать этого. У насъ бываютъ не майскія, но іюньскія розы, а праздники розъ еще позднѣе, въ сентябрѣ, и то на одной Королевой дачѣ.

Въ маѣ мѣсяцъ солнце все выше и выше поднимается на нашемъ сѣверномъ небѣ, и 9 мая вступаетъ въ знакъ Близнацовъ, находящійся въ наше время въ созвѣздіи Тельца. Въ Санктпетербургѣ солнце:

восходитъ • заходитъ

1 Мая въ 3 ч. 31 м.	8 ч. 23 м.
10 » » 3 ч. 11 м.	8 ч. 43 м.
30 » » 2 ч. 42 м.	9 ч. 17 м.

День прибудеть съ 1 по 31 числа на 1 ч. 44 м. — Такъ какъ въ кынѣшнемъ мѣсяцѣ солнце опускается подъ петербургской горизонтъ менѣе чѣмъ на 18°, то у насъ собственно ночей не бываетъ, а отъ заката до восхода солнечнаго, продолжаютъ сумерки.

Первая четверть луны 6 мая;

Полнолуніе 14 числа;

Послѣдняя четверть 22 числа;

Новолуніе 29 мая.

Мая 7 случилось вечеромъ весьма любопытное небесное явленіе. Луна приблизилась къ планетѣ Юпитеру, и вдругъ это блестящее свѣтло, не доходя до освѣщеннаго луннаго края, на половинну луннаго поперечника, исчезло среди небеснаго пространства. Это произошло отъ того, что Луна прошла между Землею и Юпитеромъ такъ, что всѣ эти три небесныя тѣла находились на одной прямой линіи; а такъ какъ Луна, по причинѣ своей относительной къ намъ близости, кажется намъ кружкомъ, въ 2000 разъ, большимъ чѣмъ Юпитеръ, то, естественнымъ образомъ, послѣдній скрылся за Луною. Но въ это время Луна была въ первой четверти, такъ что только правая половина ея круга была освѣщена; къ Юпитеру же она приблизилась лѣвою, темною половиною, которою и закрыла его: вотъ почему блестящая планета внезапно исчезла на ночномъ небѣ, не коснувшись еще освѣщеннаго края Луны.

Меркурій есть одна изъ тѣхъ планетъ, которыя весьма трудно отыскиваются безъ помощи трубъ. Великій Коперникъ, открывшій истинный порядокъ мірозданія, умирая въ преклонныхъ лѣтахъ; еще на смертномъ одрѣ своемъ, сожалѣлъ, что ему никогда не удалось видѣть Меркурія. И въ самомъ дѣлѣ,

эта планета такъ близка къ солнцу, что почти всегда терлется въ его огнистыхъ лучахъ; по этому видимость Меркурія простыми глазами принадлежитъ къ рѣдкимъ случаямъ, когда Меркурій находится въ наибольшемъ своемъ, восточномъ или западномъ, удаленіи отъ солнца. Мая 4 случилось одно изъ такихъ удаленій, и Меркурія можно было дайтн вскорѣ послѣ солнечнаго заката, на сѣверо-западномъ небѣ, гдѣ онъ, не смотря на свѣтлыя вечернія сумерки, являлся блестящею звѣздочкою (между рогами созв. Тельца). Въ нынѣшнемъ году эту планету можно падѣяться вновь увидѣть около 12 октября, во время утреннихъ сумерекъ.

Венера является, въ наѣ, свѣтлою звѣздочкою, блестящею низко на сѣверо-западномъ горизонтѣ, вслѣдъ за закатомъ солнца, и постоянно дѣлается все лучше и лучше видимою.

Юпитеръ красуется блестящею вечернею звѣздою, по вечерамъ, на западѣ. Онъ является раньше всѣхъ прочихъ звѣздъ на небѣ.

Что касается до созерцанія ночнаго неба, то въ нашихъ сѣверныхъ странахъ короткія майскія ночи слишкомъ свѣтлы для того, чтобы въ подробности разсматривать звѣздное небо. Одаѣ только свѣтлыя звѣзды первыхъ трехъ величинъ могутъ быть предметомъ созерцанія любителя не вооруженнаго зрительною трубою.

Часовъ въ одиннадцать, когда вечернія сумерки потемнѣютъ, на самомъ западѣ, видна закатающаяся свѣтлая звѣзда 1 величины, называемая *Прокіонъ* и находящаяся въ созвѣздіи *Малаго Пса*. Правѣе и повыше, на сѣверо-западѣ, видны двѣ близкія, одна къ другой, яркія звѣзды, въ косвенномъ положеніи къ горизонту: это *Касторъ* и *Поллуксъ* или такъ называемые *Близнецы*. Вправо отъ ихъ, на сѣверѣ, горитъ яркая *Капелла*, звѣзда 1 вел. въ созвѣздіи *Возничаго*.

Надъ блестящимъ Юпитеромъ является созвѣздіе *Льва*, замѣчательное по многимъ большимъ звѣздамъ и о которомъ мы поговоримъ съ нашими читателями въ-послѣдствіи, потому-что

въ этомъ созвѣздіи есть много интересныхъ свѣтилъ. Вѣздо отъ Юпитера видна звѣзда 1 вел., *Спика* или *Колосъ Дьен*.

Высоко на небѣ, почти надъ нашею головою, горитъ красный *Арктуръ*, въ созвѣздіи *Ботеса*; а лѣвѣе его, на восточномъ небѣ, красуется свѣтлая, бѣлая звѣзда, называемая *Альфою Лкры*. Эта послѣдняя звѣзда, одна изъ ярчайшихъ звѣздъ сѣвернаго неба, замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ что мы знаемъ довольно точно, какое именно разстояніе отдѣляетъ ее отъ насъ. По изысканіямъ Директора пулковской Обсерваторіи, Академика Струве, *Альфа Лкры* удалена отъ насъ на разстояніе слишкомъ

100000,000,000,000 верстъ!!!

Чтобы понять это ужасное разстояніе, всю огромность этого числа, должно вспомнить, что отъ Петербурга до Тифлиса, несмотря на всѣ изгибы и повороты дорогъ, можно уложить плотно въ рядъ только

3,000,000,000

песчинокъ, изъ которыхъ каждая будетъ имѣть не болѣе одной десятой части линіи въ поперечникѣ. Даже на разстояніи 13 тысячъ верстъ, отдѣляющихъ Петербургъ отъ Петропавловскаго порта, на восточномъ берегу Камчатки, нельзя уложить въ рядъ болѣе

20,000,000,000

такихъ мелкихъ песчинокъ. А это послѣднее число въ 5000 разъ менѣе числа верстъ, отдѣляющихъ насъ отъ звѣзды *Альфы Лкры*. Но всего удивительнѣе то, что эта звѣзда есть одна изъ самыхъ близкихъ къ землѣ, и, за весьма немногими исключеніями, всѣ остальные звѣзды находятся еще несравненно далѣе!

Подъ яркою *Лирою*, немного вправо, пять яркихъ звѣздъ созвѣздія *Лебедя*, имѣютъ видъ продолговатаго креста. Ниже *Лкры*, поправѣе ея, видна свѣтлая звѣзда *Атаиръ*, въ созвѣздіи *Орла*.

Надъ нашею головою, на сѣверо-западѣ, видно созвѣздіи большой *Медвѣдицы*, столь характерное положеніемъ семи

яркихъ звѣздъ. На сѣверѣ видны созвѣдія *Персея* и *Кассіопеи*.

Въ началѣ мая, пока еще видѣнъ яркій *Прокіонъ*, замѣчается на западномъ небѣ треугольникъ, котораго южный уголъ составляетъ звѣзда 2 величины—*Альфардъ* или *Сердце Гидры*, западный уголъ звѣзда *Прокіонъ*, а восточный звѣзда 1 вел. *Регуль*, въ созвѣздіи *Льва*.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ,

данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи.

Послѣ договора 30 января 1667 года, заключеннаго на сѣздѣ, въ деревнѣ Андрусовѣ, полномочными послами; о перемиріи между Россією и Польшею, Царь Алексій Михайловичъ, заботясь о защитѣ Россіи противъ турецкаго султана, къ которому гетманъ Дорошенко, еще до заключенія означеннаго перемирія, обратился съ просьбою о принятіи Малороссіи въ покровительство Порты, — рѣшился отправить къ королямъ испанскому и французскому посольство съ извѣстіемъ о заключенномъ съ Польшею перемиріи, и съ предложеніемъ войти съ Россією въ дружественный союзъ, чтобы соединеніемъ всѣхъ государей христіанскихъ

держатъ въ страхѣ Турцію и крымскаго хана, и достигнуть освобожденія единовѣрныхъ намъ Грековъ и всѣхъ Христіанъ изъ-подъ власти Турокъ, поклонниковъ Магомета. Такова была главная цѣль посольства.

Посланниками были назначены стольникъ Петръ Ивановичъ Потемкинъ и дьякъ Семенъ Румянцовъ. Въ свитѣ посольства находились семеро дворянъ, переводчикъ, торговый иноземецъ Иванъ Горецъ, и трое подъячихъ.

Въ то время правилъ Посольскимъ Приказомъ извѣстный въ исторіи бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нашочкинъ. Онъ далъ посламъ тайный наказъ о дѣйствіяхъ ихъ и переговорахъ въ Испаніи, и предписалъ имъ руководствоваться тѣмъ же наказомъ и во Франціи, куда они изъ Испаніи должны были отправиться; для переговоровъ съ королемъ Людовикомъ XIV и съ его министрами.

Этотъ любопытный, во многихъ отношеніяхъ, наказъ нигдѣ донынѣ не былъ напечатанъ. Онъ сохранился въ старинномъ, современномъ посольству спискѣ, который въ числѣ многихъ другихъ старинныхъ рукописей достался автору настоящей статьи отъ его прадѣда. Въ этой же рукописи помѣнены вслѣдъ за наказомъ: 1) Записки посланниковъ Потемкина и Румянцова, которыя они вели въ Испаніи и во Франціи, и которыя они представили боярину Ордину-Нашочкину по возвращеніи своемъ въ Россію; 2) Царскія грамоты, отправленныя съ посланниками къ королю испанскому, Филиппу IV, и королю французскому, Людовику XIV; 3) переводы съ отвѣтныхъ грамотъ, присланныхъ къ Царю Алексію Михайловичу королями испанскимъ и французскимъ; и 4) подробное исчисленіе расходовъ, употребленныхъ посланниками для исполненія возложеннаго на нихъ порученія.

Надѣмся угодить читателямъ Сына Отечества, напечатать всю эту любопытную рукопись въ нашемъ журналѣ, съ подстрочными, въ нужныхъ случаяхъ, примѣчаніями. Изъ нея читатели увидятъ обряды и правила, какія соблюдались предками нашими при посольствахъ; увидятъ государственный умъ боярина Ордина-Нашочкина, который въ рукописи титулуется: *Намѣстникъ Шатскій, Царской большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ*

дѣль оберегатель»; увидятъ наконецъ оригинальный, но вмѣстѣ вѣрный взглядъ на все, что наши посланники, согласно тайному наказу, замѣтили въ Испаніи и во Франціи. Взглядъ этотъ, при общихъ, преувеличенныхъ понятіяхъ о необразованности нашихъ предковъ, часто возбуждаетъ удивленіе. Старинный слогъ рукописи еще болѣе возвышаетъ, во многихъ отношеніяхъ, ея занимательность, и своимъ простодушіемъ; своею наивностью нерѣдко заставляетъ улыбаться. Спросимъ въ заключеніе: для кого, изъ образованныхъ читателей, не будетъ любопытно рассмотреть вѣрную, неподдѣльную, подлинную картину русской дипломатіи семнадцатаго столѣтія? На этотъ вопросъ, отвѣтъ, кажется, не нуженъ.

К. МАСАЛЬСКІЙ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ СТОЛЬНИКУ ПЕТРУ ПОТЕМКИНУ И ДЬЯКУ СЕМЕНУ РУМЯНЦОВУ.

Лѣта 1667 іюня въ 4 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, велѣлъ Стольнику и Намѣстнику Боровскому Петру Ивановичу Потемкину, да Дьяку Семену Румянцову, ѣхать для своего Государева дѣла къ Ишпанскому Олиппу, да ко Французскому Лодвику Королю въ посланникахъ.

А напередъ быти имъ у Ишпанскаго Олиппа Короля.

А съ нимъ Петромъ во дворянехъ 7 человекъ, а кто имяны и именамъ ихъ списокъ данъ имъ особо.

Да для перевода и толмачества торговой иноземецъ Иванъ Госенцъ, да подьячихъ 3 человекъ.

А съ Москвы итти имъ въ Ерославль, да на Вологду, а съ Вологды къ Архангельскому городу, а отъ Архангель-

скаго города моремъ на икряномъ кораблѣ * въ испанскую землю куда ближе и податиѣе.

А по городамъ къ воеводамъ объ отпускѣ ихъ Великаго Государя грамоты посланы.

А отъ Архангельскаго города на чьемъ имъ кораблѣ итти и о томъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамота къ Архангельскому городу и Думному Дворянину и Воеводѣ къ Ивану Ивановичу Чедаеву да къ Дьяку послана.

И Стольнику Петру Ивановичу и Дьяку Семену ѣхати съ Москвы не мѣшкая нигдѣ, а приѣхавъ на Вологду взяти ему у Стольника и Воеводы у Степана Зубова, да у Дьяка у Микиѳора Бакунина суды какъ имъ мочно поднятца и кормщиковъ и гребцовъ, и ѣхать къ Архангельскому городу потомужъ не мѣшкая, а котораго числа на Вологду приѣдутъ и съ Вологды поѣдутъ и о томъ для вѣдома отписать къ Великому Государю къ Москвѣ.

А какъ они приѣдутъ къ Архангельскому городу и имъ говорить Думному Дворянину и Воеводѣ Ивану Ивановичу и Дьяку, чтобъ по указу Великаго Государя отпустили ихъ въ испанскую землю на кораблѣ безъ мотчанія.

Да какъ Думной Дворянинъ и Воевода и Дьякъ корабль имъ, на которомъ ѣхать, приготовить велеть и отъ Архангельскаго города отпустить, и имъ на томъ кораблѣ и ѣхать.

А въ которомъ числѣ къ Архангельскому городу приѣдутъ и отъ Архангельскаго города за моря пойдутъ, и на чьемъ кораблѣ и что отъ того корабля дано будетъ найму и до которыхъ мѣстъ и что провѣдаютъ у иноземцевъ, которые будутъ у Архангельскаго города всякихъ вѣстей; и имъ о томъ о всеи отписать къ Великому Государю подлинно.

Да какъ они Петръ и Дьякъ Семень отъ Архангельскаго города въ испанскую землю пойдутъ моремъ, и имъ выспрашивати на которыя мѣста ближе и податиѣе и без-

* Купеческій корабль, отвозившій ежегодно изъ Архангельска въ Италію грузъ астраханской икры.

страшите идти и которые бѣ Государи черезъ свои земли пропустили и задержанья имъ не учинили.

А будетъ имъ ѣдучи до испанскаго государства случится ѣхать котораго Государя землю или курфистровъ и удѣльныхъ князей владѣнными и вольными городами, и буде которые Государи или князи и вольныхъ городовъ бурмистры и ратманы и полатники велѣтъ имъ быть у себя или учнутъ ихъ спрашивать откуда они и къ которому Великому Государю ѣдутъ и для какихъ дѣлъ или будетъ учнутъ ихъ звать къ себѣ гости.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену велѣти имъ говорить: посланы они отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя, отъ Его Царскаго Величества къ брату его къ Великому Государю къ Филиппу Королю Испанскому о ихъ государскихъ общихъ дѣлахъ, которыя настоятъ къ ихъ государственной братской дружбѣ и любви; а къ великимъ государемъ королемъ и курфистромъ и арцыкняземъ и вольныхъ городовъ къ бурмистромъ и ратманомъ о пропускѣ ихъ послана съ ними отъ Царскаго Величества проѣзжая грамота, какъ ведется у всѣхъ великихъ государей, и они государи короліи и курфистры или какіе владѣтели для Царскаго Величества любви велѣли ихъ пропускати къ великому государю Королю Испанскому, къ его королевскому величеству, безъ задержанія, со всякимъ поможательствомъ, и кормъ и подводы и провожатыхъ давать имъ велѣли; а которыми ихъ буде людемъ случится ѣхать черезъ российскія государства, и Великій Государь нашъ Его Царское Величество ихъ людей потомужъ велитъ пропускать и задержанія нигдѣ имъ никакого не будетъ; да проситися къ Испанскому королю, чтобъ ихъ къ его королевскому величеству велѣли пропускать не задерживая, а ни къ кому къ нимъ не ходить.

А какъ ажъ дастъ Богъ придуть они испанскія земли въ которой порубежный городъ и буде приключтъ къ нимъ того города державецъ или иной какой приказной человекъ

и учнутъ у нихъ спрашивать изъ котораго они государства и къ кому ѣдутъ и для какихъ дѣлъ, и имъ того города къ державцу или кому будетъ приказано послать говорить, что посланы они Петръ и Дьякъ Семень отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя отъ Его Царскаго Величества, изъ великаго россійскаго царствія къ великому государю ихъ, къ Филиппу Королю Ишпанскому къ его королевскому величеству въ посланникахъ о ихъ государскихъ великихъ дѣлахъ, которые настоять къ ихъ государственной братской дружбѣ и любви наскоро, и онъ бы державецъ объ ихъ приѣздѣ къ великому государю своему къ его королевскому величеству отписалъ и давъ имъ кормъ и подводы и пристава, отпустилъ ихъ не державъ и провожать ихъ велѣлъ до того города, гдѣ нынѣ великій государь ихъ его королевское величество.

Да какъ они Петръ и Дьякъ Семень будутъ въ томъ городѣ, гдѣ будетъ король, и буде пришлютъ къ нимъ кого отъ короля на встрѣчу и учнутъ встрѣчники ихъ спрашивать отъ кого они и для чего присланы.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену говорить встрѣчникомъ таковажъ рѣчь, какъ велѣно говорить въ первомъ порубежномъ городѣ.

Да какъ ихъ Петра и Дьяка Семена поставятъ въ томъ городѣ на дворѣ и пристава дадутъ и посланникомъ Стольнику Петру и Дьяку Семену приказывать съ приставомъ королевскаго величества къ думнымъ людямъ, чтобъ великій государь ихъ его королевское высочество, царскаго величества съ грамотою велѣлъ имъ быть у себя вскорѣ. И буде королевскіе думные люди къ королю пустить ихъ вскорѣ не похотятъ, а учнутъ говорить, чтобъ имъ напередъ быть царскаго величества съ грамотою или безъ грамоты, у котораго думнаго человека и объявить дѣло о чемъ они отъ царскаго величества къ государю ихъ къ его королевскому величеству присланы.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену къ королевскимъ ду

нимъ людямъ приказать: присланы они отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, отъ Его Царскаго Величества къ брату его къ великому Государю ихъ къ его королевскому величеству, а не къ нимъ думнымъ людямъ, и имъ царскаго величества посланникамъ не бывъ у великаго Государя ихъ у его королевскаго величества, къ нимъ думнымъ людямъ ходитъ не пригоже, да и ни въ которыхъ христіанскихъ государствахъ того не бѣваетъ, что не бывъ у того Государя, къ которому кто посланъ, напередъ ходитъ и дѣла объявлять думнымъ людямъ и тѣмъ государскія чести не понижаютъ и надъ кѣмъ того не вымогають, и чтобъ королевское величество велѣлъ имъ быть у себя вскорѣ и царскаго величества грамоту принять и посольства ихъ выслушавъ самъ, какъ имѣется у всѣхъ великихъ Государей, къ ихъ высокой чести и славы.

И буде королевскіе думные люди учнутъ къ нимъ приказывать, что Государь ихъ его королевское величество въ молодыхъ невырослыхъ лѣтахъ, а всякія посольскія дѣла вѣдаютъ и пословъ и посланниковъ принимаютъ и отпускаютъ они думные люди или правители, и для того имъ Царскаго Величества посланникамъ быть они у себя и велать.

И посланниковъ Стольнику Петру и Дьяку Семену: къ королевскимъ думнымъ людямъ или къ правителямъ не ходитъ, а приказывать: хотя великій Государь ихъ его королевское величество въ невырослыхъ лѣтахъ, однакожь имъ не бывъ у его королевскаго величества и не видя его очей, къ нимъ думнымъ людямъ ходитъ и дѣла объявлять не наказано потому, что они присланы отъ Великаго Государя, отъ его Царскаго Величества къ брату его, къ великому Государю ихъ къ его королевскому величеству, и наказано имъ про его Царскаго Величества здоровье его королевскому величеству сказать, а его королевскаго величества здоровье видѣть и къ любительной дружбѣ подвижность объявить, и они къ королевскаго величества думные люди до Государя своего, до его королевскаго величества донесли, чтобъ имъ велѣлъ свои королевскаго величества очи видѣть вскорѣ и царскаго величества грамоту у нихъ принять и посольства ихъ дво-

лидъ выслушать самъ, чтобъ между ихъ великихъ Государей ихъ государская братская дружба и любовь множилась и прибавлялась. Да одилично въ томъ стояти накрѣшко и е томъ у думныхъ людей отговаривать.

Да какъ имъ у короля быть велять и имъ приказать съ приставомъ къ королевскимъ думнымъ людямъ, что они у королевскаго величества на посольствѣ быть готовы, только бѣ то время, какъ они на посольствѣ будутъ у великаго государя ихъ, у его королевскаго величества, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было.

Да какъ имъ скажутъ, что у короля въ то время, какъ имъ быть, иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не будетъ, и Стольнику Петру и Дьяку Семену къ королю на посольство ѣхать и Великаго Государя грамоту къ королю на дворъ везти подъячому, а при королѣ въ палатѣ, какъ время доидеть, взять грамоту Дьяку Семену и поднести стольнику Петру, а Стольнику Петру воднести королю въ камкѣ.

И Стольнику Петру, пришедъ въ палату, правити королю отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца покловъ, а мольбъ:

Бога въ троицѣ елавинаго милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ государствъ, и Великій Князь Новагорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея сѣверныя страны повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и обладатель, вамъ братъ своему пресвѣтлѣйшему и всемогущему великому Государю Донъ Филиппу, Божіею милостію королю Касти-

лійскому, Леонскому, Аррагонскому, обоихъ Сыцыли ¹, Ерусалимскому, Португальскому, Наварскому, Гранацкому ², Толедскому ³, Валенскому, Галицыйскому, Маллорцкому ⁴, Севильскому ⁵, Сарденскому, Кордовскому, Корсегатцкому ⁶, Мурциятцкому ⁷, Халскому ⁸, Алгарвскому, Алгетцкому ⁹, Гибралтарскому, и острововъ Канарскихъ и Индѣй восточной и западной и острова Тарафирна ¹⁰ и окіяна моря, Арцьярцуху ¹¹ Аустриіскому, Арцуху Бургунскому, Брабанскому и Миланскому ¹², Графу Анспурскому ¹³, Фландерскому, Тиролскому и Варселонскому, Государю Вицанскому ¹⁴ и Малинскому ¹⁵, Вашему Королевскому Величеству велѣть поклонитися и свое государское здоровье вамъ брату своему сказати, а ваше брата своего здоровье видѣти.

И поклонитися по обычаю рядовымъ поклономъ, и буде король спроситъ про Государево здоровье, и Петру мольба: какъ ны поухали отъ брата вашего, Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ царствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наследника и Государя и обладателя, отъ Его Царскаго Величества, и братъ вашъ, Великій Государь вашъ, Его Царское Величество на своихъ великихъ и пре-

¹ Обѣихъ Сицилій.

² Гренадскому.

³ Толедскому.

⁴ Мальоркскому (de Mallorca).

⁵ Севильскому.

⁶ Корсегатцкому (de Corsega).

⁷ Мурціятцкому (de Murcia).

⁸ Халенскому (de Jaen).

⁹ Алгесирааскому (de Algeciras).

¹⁰ Терра-Фирма.

¹¹ Эригерцогу.

¹² Миланскому.

¹³ Габсбургскому.

¹⁴ Вискайскому.

¹⁵ Мелланскому (de Melina).

славныхъ государствъ Россійскаго царствія, даждь Богъ, въ добромъ здоровьѣ.

А буде Король противъ Великаго Государя ниими не встанеть и о здоровьи не спроситъ или и спроситъ сидя, а шляпы не снявъ, и Петру молитъ канцлеру, который объявляетъ, которые послы и посланники и гонцы хаживали отъ великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, отъ предковъ Великаго Государя нашего, такожъ и отъ отца Его Царскаго Величества блаженныя памяти отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и отъ его Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества къ братьямъ ихъ ко окрестнымъ великимъ Государямъ цесарямъ Римскимъ и къ нынѣшнему великому Государю Леопольду, Цесарю Римскому, къ его Цесарскому Величеству и къ инымъ христіанскимъ и мусульманскимъ Государямъ, и какъ они отъ Царскаго Величества поклонъ и несолиства правили, и великіе государи воѣ въ то время Царскаго Величества про здоровье спрашивали, стоя и шляпу снявъ, а Ваше Королевское Величество Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, къ именованію не всталъ или о здоровьѣ не спросилъ или и спросилъ о здоровьѣ, а сидя и шляпы не снявъ, или велѣлъ спроситъ ближнему человѣку, а какъ учнется дѣлать, такъ и молитъ, и то въ Великомъ Государѣ къ брату своему, къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству оказывается нелюбовью.

И буде королевскіе думные люди учнутъ говорить, что Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, еще не въ рослыхъ лѣтахъ, про здоровье Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, спросити и стоять не сможетъ, и они бѣ въ томъ на Его Королевское Величество не подивили, что то учинено не съ хитрости, и Петру и Дьяку Семену ближнимъ людямъ говорити: хотя Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, и не взрослыхъ лѣтахъ и Царскаго Величества про здоровье спросити и стоять не сможетъ, и на то время мочно имъ ближнимъ людямъ Его Королевское Величество и на рукахъ поддержать и шляпу снять впредь на памяство и выговора о томъ, учинити сю-

тра по таинственному дѣлу, какъ бы Великаго Государя имени было къ чести и къ повышенію и къ поиску впредь дружбы, и не къ разорванію.

Да буде Король про Государево здоровье спроситъ, вставъ и шляпу снявъ.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену сказавъ про Государево здоровье, какъ писано выше сего, подати Королю Великаго Государя грамоту.

А молыть:

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь, и обладатель, прислалъ къ вамъ, брату своему, къ Великому Государю, къ Вашему Королевскому Величеству, свою Царскаго Величества любительную грамоту.

И грамоту поднести королю въ камкѣ.

И какъ король грамоту приметъ или велитъ принять и воднести къ себѣ канцлеру, и Стольнику Петру и Дьяку Семену грамота подати пришедъ близко Короля.

И какъ ихъ Король позоветъ къ рукѣ, и имъ къ рукѣ идти.

А послѣ того явити Королю отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, поминки *.

А молыть:

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и Обладатель къ вамъ, брату своему, пресвѣтлѣйшему и вельможѣйшему Великому Государю Филиппу, Божіею милостіею Королю Кастильскому и иныхъ, къ Вашему Королевскому Величеству, прислалъ любительныя поминки.

Да подать поминки по росписи, безъ цѣны, отнявъ ярлыки.

* Подарки на память.

А послѣ того говорити рѣчь о дѣлахъ, росписавъ на двое.

А молить:

Божією милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и Обладатель, Его Царское Величество, вамъ, пресвѣтлѣйшему и вельможнѣйшему Великому Государю брату Своему, Вашему Королевскому Величеству, велѣтъ говорити: вѣдомо вамъ, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, что отъ древнихъ, вѣсколькихъ сотъ лѣтъ, на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго Царствія были Великіе Государи прародители наши, отъ рода Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною, отъ сродичей нашихъ, отъ Великаго Князя Рюрика, отъ Великаго Князя Владиміра Святославича, и отъ Великаго Государя и Великаго Князя Владиміра жъ Всеволодовича Мономаха, отъ Грекъ высокодостойнѣйшемъ украшеніемъ главы честь воспріемшаго, даже и до Великаго Государя повсюду хваламъ превысокаго блаженныя памяти прадѣда нашего, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, и сына его Великаго Государя дѣда нашего, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Ивановича, всея Россіи Самодержца и до отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя праведнаго въ милости и истиннѣ изрядно возсіявшаго и великостольнѣйшаго и неизсчетнымъ къ хваламъ достойнаго греческою вознесенною славою и честію въ наслѣдіе отъ рода въ роды Богомъ вѣчнаго Царя и Великаго Князя Михаила Θεодоровича, всея великія Россіи Самодержца и многихъ государствъ Государя и обладателя, и Великихъ Государей высочайшихъ родителей нашихъ во всѣхъ великихъ государствахъ имя славится и великая Россія отъ года въ годъ, съ подлежащими великими государствами во благихъ преумножается, и многіе окрестные великіе Государя любительную и спомощную ссылку съ нами, Великимъ Государемъ, съ нашимъ Царскимъ Величествомъ имѣютъ,

а съ вами, братомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ, любительныя ссылки даже до сего времени, за отдаленіемъ странъ или по волѣ всемогущаго Бога, во ожиданіи лучшаго времени, удержаны были. А нынѣ, по премногому всемогущаго Бога христіанскому роду милосердію, мы, Великій Государь, наше Царское Величество, съ вами, братомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ, къ братской дружбѣ и любви и къ любительной и спомочной ссылкѣ подвижны есмь. А что отъ продолжительныя войны желаемый покой между нами Великимъ Государемъ нашимъ Царскимъ Величествомъ и братомъ нашимъ наяснѣйшимъ Великимъ Государемъ Яномъ Казиміромъ, Королемъ Польскимъ, его Королевскимъ Величествомъ, и между нашихъ обоихъ великихъ государствъ и многочисленными христіанскими народы учиненъ есть, въ общихъ посольскихъ сѣздахъ, на перемирьѣ на тринадцать лѣтъ, на шесть мѣсяцовъ, и оное Богомъ спомочное христіанское дѣло у обоихъ нашихъ великихъ и полномочныхъ пословъ и комисаровъ въ надежду вѣчнаго и неразорваннаго покоя и впредь непорушимаго и некончаемаго перемирья, изъ чего быти имѣеть и совершеніе вѣчнаго мира договорено и утверждено, прежде объявивъ вамъ, Великимъ Государямъ брати нашей и черезъ самихъ насъ, Великихъ Государей, нашими государскими особами передъ Святымъ Евангелиемъ во всемъ вѣроу утвердить бы въ уставленные сроки впредь черезъ пословъ нашихъ, для крѣпчайшаго совершенія призвати Государей христіанскихъ посредниковъ на умирненіе, изъ которыхъ мы, Великій Государь, наше Царское Величество, ближайше и усерднѣйше имѣемъ Леопольдуса, Цесаря Римскаго, брата нашего, его Цесарскаго Величества, въ миротворителяхъ неотложно желаемъ быть, а надѣмся мы, Великій Государь, наше Царское Величество, что вы, братъ нашъ, Великій Государь, ваше Королевское Величество, сіе наше любительное объявленіе въ пріятство почтете, и не сумнѣваемся, что ваше Королевское Величество, яко Государь христіанскій, за общую христіанскую утѣху принявъ, и не меньше оныхъ о вѣчной дружбѣ съ нами, Великимъ

Государемъ, съ нашимъ Царскимъ Величествомъ, вѣдая дражайшаго и любезнѣйшаго Великаго Государя Леопольдуса, Цесаря Римскаго, брата нашего, Его Царскаго Величества, непремѣнную и некончаемую братственную спомочную дружбу и любовь, похочешь ниѣти и доброхотственнымъ сосѣдомъ и другомъ быти.

И нынѣ мы, Великій Государь, наше Царское Величество, послали къ вамъ, брату своему, къ Великому Государю, къ вашему Королевскому Величеству, съ нашею Царскаго Величества любительною грамотою посланниковъ нашихъ, Стольника и Намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина да Дьяка Семена Румянцова, и наказали ниѣ про наше Великаго Государя, нашего Царскаго Величества здоровье вамъ, брату нашему, Великому Государю, вашему Королевскому Величеству, сказать, а ваше Великаго Государя здоровье видѣти, чѣ нашу Царскаго Величества подвижность вашему Королевскому Величеству къ любительной дружбѣ объявить и о иныхъ належащихъ дѣлахъ къ той же обонхъ насъ, Великихъ Государей, дружбѣ и любви предложить.

И вамъ бы, брату нашему, Великому Государю, вашему Королевскому Величеству, отъ нынѣшняго времени съ нами, Великимъ Государемъ, съ нашимъ Царскимъ Величествомъ, въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ быти, яко настоятъ къ лучшему; а мы, Великій Государь, наше Царское Величество, съ вами, братомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ, хотимъ быти въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, какъ и съ иными окрестными Великими Государя христіанскими.

А буде послѣ посольства королевскіе ближніе или думные люди учнутъ къ нимъ приказывать, которую они Царскаго Величества грамоту будучи на посольствѣ Королевскому Величеству подали, и тѣбѣ Царскаго Величества грамоты перевестъ у нихъ некому, и учнутъ спрашивать: есть ли у нихъ съ той Царскаго Величества грамоты списокъ по латынѣ или по вѣмецки, и буде есть, и они бѣ тотъ списокъ дали. И посланникамъ Стольнику Петру и Дьяку Семену списокъ имъ дать, каковъ съ ними посланъ по латынѣ.

А буде Королевскаго Величества ближніе или думные лю-

ди послѣ того учнутъ имъ посланникомъ говорить, что Великаго Государя Его Царскаго Величества въ грамотѣ, которая прислана къ Великому Государю и къ Его Королевскому Величеству съ ними посланники королевское именованіе и титуло писано не противу того, какъ самъ себя описуетъ.

И Петру и Дьяку Семену говорити: вѣдомо имъ самимъ, что у Великихъ Государей нашихъ Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, также и у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества съ Великимъ Государемъ и съ его Королевскимъ Величествомъ сошло по сіе время не бывало и Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству подлинно про то не вѣдомо, какъ Великій Государь и Его Королевское Величество въ своихъ грамотахъ описуется, а какъ ажъ дастъ Господь, Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству ихъ посланниковъ отпустить и свою Королевскаго Величества съ ними пошлетъ и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество брата своего, Великаго Государя Вашего Королевскаго Величества, именованіе и титуло въ своихъ Царскаго Величества грамотахъ впередъ писати учнетъ во всѣхъ потому, какъ Великій Государь самъ себя въ своихъ грамотахъ описуетъ, да и въ любительной нынѣшней грамотѣ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству писано.

А какъ они будутъ у Короля на посольствѣ, а въ той же началѣ въ то время будетъ Королевскаго Величества ихъ Королева.

И посланникамъ Стольнику Петру и Дьяку Семену отъ Великаго Государя Королевѣ поклонъ правити жъ.

А молить:

Божію милостию Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, вмѣстѣ Великой Государыни, имя рекъ, Божію милостию Королеви, Вашему Королевскому Величеству, желать доклонитися и свое Царскаго Величества здоровье

сказати, а ваше Королевина Величества здоровье видѣть и васъ Великую Государыню поздравить.

А отъ Великой Государыни Царицы и Великой Княгини Маріи Ильиничны Королевѣ поклонѣ правити жѣ.

А мольба:

Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества супруга, Великая Государыня наша Царица и Великая Княгиня Марія Ильинична вамъ Великой Государыниѣ, Вашему Королевскому Величеству велѣла поклонитися и свое Государское здоровье сказать, а ваше Королевина Величества здоровье видѣть и васъ Великую Государыню поздравить.

А буде Королева позоветъ ихъ къ рукѣ, и имъ къ рукѣ ити.

А буде Король пришлетъ къ нимъ со столомъ, и имъ на королевскомъ жалованьи бити челомъ.

А буде Король позоветъ ихъ къ себѣ ѣсть.

И посланникомъ Стольнику Петру и Дьяку Семену приказати къ королевскимъ думнымъ людямъ, что они у Королевскаго Величества у стола быть готовы, только бѣ въ то время, какъ имъ у стола быть, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ не было, а буде въ то время будутъ Королевскаго Величества иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцы, и имъ у Королевскаго Величества у стола быть немочно.

А какъ имъ приставы скажутъ, что въ то время у Короля, какъ имъ быть у стола, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ не будетъ.

И имъ за столъ ѣхать.

А каковъ ихъ къ Королю на дворъ будетъ проѣздъ и съ кѣмъ имянемъ пришлетъ по нихъ Король лошадей или кареты и кто будетъ отъ Короля во встрѣчѣ и изъ какого чину и какова у стола будѣтъ и имъ честь и кто станеть ихъ подчивать и что съ ними Король или изъ ближнихъ людей поговорять, и имъ то все записать подлинно, а противъ королевскихъ и ближнихъ людей словъ держать отъ-

гѣть остререгательно, чтобъ Государеву имени было къ чести и къ помышлению.

А за столомъ сидѣть имъ отъ Короля вѣжливо и остререгательно.

А буде Король онды въ столѣ учнетъ пить чаши при здоровье Царскаго Величества.

И про Государей Царей здоровье.

И Петру и Дьяку Семену въ то время стоять и про Государское здоровье чаши у Короля принимать и пить, вышедъ изъ за стола и выинивъ чашу поклонитися рядовымъ поклономъ.

А буде Король учнетъ чаши присылать съ чапники, имъ чаши принимать, а пить про Государское и про Королевское здоровье вышедъ же изъ-за стола и челомъ ударя Королю, быти за столомъ по прежнему.

А буде Король пришлетъ послѣ стола къ нимъ кого подчивать съ питьемъ.

И имъ питье принимать и пить у того, кто съ тѣмъ питьемъ будетъ присланъ подчивать и подарить чѣмъ пригожо.

А буде Королевскаго Величества думные люди послѣ посольства ихъ, велятъ имъ быть на королевскомъ дворѣ или кто изъ нихъ къ нимъ на дворъ приѣдутъ и учнутъ ихъ посланниковъ спрашивать опричь тѣхъ дѣлъ, что они на посольствѣ Великому Государю ихъ, Его Королевскому Величеству объявили иные дѣла, съ ними какіе наказаны и какъ Великій Государь, Его Царское Величество съ Государемъ и съ Его Королевскимъ Величествомъ хочетъ быть въ братской дружбѣ и любви и въ ссылкѣ и на какове мѣрѣ и чтобъ они посланники про то имъ объявили.

И посланникомъ стольнику Петру и дьяку Семену къ королевскимъ думнымъ людямъ приказати, что они у нихъ въ отвѣтъ быть готовы, только бъ имъ напередъ надобно быть у Королевскаго Величества на дворѣ и видѣть Его Королевскаго Величества очи и челомъ ударить на Его Королевскаго Величества жалованье за столѣ, а быть у Королевскаго Величества и къ нимъ думнымъ людямъ въ отвѣтъ пойдутъ.

Да какъ имъ Король велитъ быть у себя на дворѣ и у думныхъ людей въ отвѣтъ и посланникамъ къ Королю ма дворъ ѣхать, а напередъ съ приставы приказать во прежнему, чтобъ въ тотъ день и въ то время, какъ имъ быть у Королевскаго Величества нныхъ Государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ не было.

И пришедъ къ Королю бити челомъ на Его Королевскомъ жалованьи, что они были у его королевскаго стола или буде Король присылалъ къ нимъ со столомъ.

А послѣ того идти въ отвѣтъ къ думнымъ людямъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Господину Министру Финансовъ.

Согласно съ представленіемъ вашимъ, разрѣшаю васъ, на основаніи Указа, давнаго Правительствующему Сенату 10-го августа 1849 г., приступить къ выпуску въ обращеніе XXIV разряда билетовъ Государственнаго Казначейства, на три миліона рублей серебромъ, съ назначеніемъ теченія процентовъ по онымъ съ 1-го апрѣля сего 1850 г.; о чемъ вы будете вы учинить надлежащее распоряженіе и донести Правительствующему Сенату.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

« П И К О Л А Й . »

Въ С.-Петербургѣ, марта 24-го дня 1850 года.

— Въ-слѣдствіе ходатайства Начальника Новгородской губерніи о распространеніи на г. Кириловъ права представлять каменные зданія въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по сповенію съ г. Министромъ Финансовъ, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ. Нынѣ выпискою изъ журнала Комитета, 14 и 28 мѣсяца февраля, сообщено ему, что Государь Императоръ, по положенію Комитета, Высочайше повелѣтъ дозволять: «распространить и на г. Кириловъ право представлять каменные зданія въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы преимущество это, дарованное нѣкоторымъ городамъ, по 1347 ст. Св. Зак. Гражд. т. X, ограничено было мѣстными надобностями Новгородской губерніи».

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената о порядкѣ производства торговъ, *мнѣніемъ положили*: докладъ сей утвердить, и въ-слѣдствіе того: I. Для отклоненія недоразумѣній и въ видахъ пользы казны, при производствѣ торговъ на подряды, поставки и проч., въ поясненіе и дополненіе 1575 и 1580-й статей Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X), постановить слѣдующее: 1) Если къ назначенному отъ казны, на подрядъ или поставку, торгу никто не явится, или явится одно только лицо, а въ день переторжки будетъ нѣсколько желающихъ торговаться, въ такомъ случаѣ переторжку обращать въ торгъ, назначая за тѣмъ новую переторжку чрезъ три дня, и 2) Если въ опредѣленные для торга и переторжки дни никто не явится, или явится одно только лицо, то производившее вызовы мѣсто представляетъ о семъ своему Начальству, отъ разрѣшенія коего зависѣть уже будетъ или сдѣлать новые вызовы, или принять другія мѣры, или же, наконецъ, оставить дѣло и за однимъ, бывшимъ на торгѣ и переторжкѣ лицомъ, когда предложеніе его оно признаетъ для казны выгоднымъ. II. Правила сіи не распространяются на Министерство Военное, которое въ совершеніи казенныхъ заготовленій, посредствомъ подрядовъ съ торговъ, руководствуется узаконеніями, изложенными въ Сводѣ военныхъ постановленій части, IV, кн. I., въ раздѣлѣ III-мъ (Высочайше утверждено 20 февраля).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ

Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Герольдическаго Правительствующаго Сената по дѣлу о сборѣ, въ пользу городскихъ доходовъ, съ контрактовъ и условій, въ которыхъ не означается договорной суммы, *мнѣніемъ положили*: докладъ сей утвердить, и, вслѣдствіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановить правомъ, чтобы при запискѣ у городскихъ маклеровъ договоровъ о наймѣ мальчиковъ въ лавочные сидѣльцы и объ отдачѣ ихъ въ обученіе торговлѣ и ремесламъ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ контрактовъ, которые по закону могутъ быть заключаемы безъ означенія договорной суммы, и кои, по силѣ ст. 140 Устава о Пошлинахъ (Св. Зак. т. V), должны быть писаны на крѣпостной гербовой бумагѣ въ 90 коп. сер. листъ, взимаемо было, въ пользу городскихъ доходовъ, полпроцента съ высшей суммы, въ какой установлено писать акты на бумагѣ помѣнутаго достоинства, и именно съ 300 руб. серб. (Высочайше утверждено въ 20 день февраля).

— По Указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ рапортъ г. Министра Государственныхъ Имуществъ, что по всеподданнѣйшему докладу его о томъ, что въ губерніяхъ Екатеринославской и Харьковской въ которыхъ Государственными крестьянами въ прежнее время разведенъ былъ собственнымъ трудомъ лѣсъ, который они просятъ предоставитъ имъ однимъ въ пользованіе, Его Императорское Величество, въ 6-й день марта, Высочайше повелѣть соизволилъ: «въ видахъ поощренія къ лѣсоразведенію во всѣхъ вообще малолѣсныхъ губерніяхъ, предоставитъ Государственнымъ крестьянамъ право разводитъ на свободныхъ и неудобныхъ, принадлежащихъ обществамъ крестьянъ мѣстахъ, съ согласія общества, лѣсъ, съ оставленіемъ спѣхъ мѣствъ въ пользованіи тѣхъ крестьянъ потомственно, доколѣ плантаціи сіи будутъ ими поддерживаться; въ случаѣ же истребленія отобрать разведенный лѣсъ въ пользу сельскихъ обществъ».

Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 1-й день марта, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «По случаю оказавшейся необходимости ввести на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ разныя новѣйшія усовершенствованія въ выдѣлкѣ монеты, составлены были въ Министертвѣ Финансовъ проекты новаго Положенія и Штата сего Двора, которые въ 1845 г. предоставлено было Министру Финансовъ привести въ дѣйствіе съ 1846 г., въ видѣ опыта,

на четыре года. Нынѣ, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ представленныхъ вновь Министромъ Финансовъ Положенія и Штата означеннаго Двора, въ исправленномъ, по указаніямъ четырехлѣтняго опыта, видѣ, Мы утвердили оныя, и препроводя въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ привести въ надлежащее исполненіе».

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что онъ вѣлъ счастье испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе, не зміняя ни учебнаго плана Философскаго Факультета Дерптскаго Университета, ни таблицъ испытанія, самый Факультетъ раздѣлить на два особые Факультета, въ слѣдующемъ видѣ:

Историко-Филологическій Факультетъ:

Теоретическая и практическая философія.

Краснорѣчіе, древне-классическая филологія, эстетика и исторія художествъ.

Исторія литературы, древне-классическая филологія и педагогика.

Русскій языкъ и словесность.

Статистическія и географическія науки.

Историческія науки.

Науки камеральныя, финансовыя и торговлія.

Физико-Математическій Факультетъ:

Чистая математика.

Прикладная математика.

Астрономическія науки.

Теоретическая и опытная физика.

Теоретическая и опытная химія.

Ботаника.

Минералогія.

Зоологія и сравнительная анатомія.

Экономія и технологія.

При такомъ раздѣленіи, попрежнему, избирать двухъ Декановъ: одного для Историко-Филологическаго, а другаго для Физико-Математическаго Факультетовъ.

Его Императорское Величество, на всеподданнѣйшей докладной запискѣ о семъ, въ 13 день марта, Собственнооручно написать изволилъ: «Исполнить».

— Государи Императоръ, въ 13 день минувшаго марта, Высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденный въ 14 день мая 1826 года Комитетъ устройства учебныхъ заведеній закрыть.

— Г. Министръ Народнаго просвѣщенія сообщилъ г. Министру Юстиціи, что съ Высочайшаго соизволенія, онъ имѣлъ счастье докладывать Его Императорскому Величеству соображенія свои по предмету приѣзженія къ Дерптскому Университету Именнаго Высочайшаго указа 11 октября прошлаго года, касательно порядка опредѣленія въ прочіе Университеты Ректоровъ и Декановъ, и испрашивалъ соизволенія Его Величества: силу и дѣйствіе Именнаго Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 11-й день октября прошлаго года, распространить и на Ректора Дерптскаго Университета, на слѣдующемъ основаніи:

1) Ректора въ этотъ Университетъ избирать Министру Народнаго Просвѣщенія изъ лицъ, имѣющихъ ученія степени, на неопредѣленное время, и представлять на Высочайшее утвержденіе.

2) Службу сего Чиновника, состоящаго по росписанію должностей въ пятомъ классѣ, отнести къ учебной, съ присвоеніемъ ему всѣхъ преимуществъ, которыми пользуются профессоры.

3) Освободивъ за тѣмъ Ректора отъ обязанности преподаванія по званію профессора, несомнѣнной съ непосредственнымъ начальствомъ надъ Университетомъ, производить ему жалованья 1,600, столовыхъ 400 и квартирныхъ 200, а всего двѣ тысячи двѣсти рублей въ годъ, со включеніемъ въ то число 285 руб. 92 коп., составляющихъ нынѣ прибавочный ректорскій окладъ, и съ обращеніемъ недостающихъ тысячъ девяти сотъ четырнадцати руб. восьми коп. на счетъ Государственнаго Казначейства.

Его Императорское Величество, на всеподданнѣйшей докладной запискѣ о семъ Князя Ширинскаго-Шахматова, въ 13 день марта, Собственноручно написать изволилъ: «*Исполнить*».

— Въ слѣдствіе представленія Начальника Симбирской губерніи, объ оказаніи нѣкоторыхъ льготъ и пособій жителямъ сказанной губерніи по случаю неурожая, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ Министромъ Финансовъ и Статсъ-Секретаремъ Гофманомъ, входилъ съ представленіемъ во этому предмету въ Комитетъ Гг. Министровъ, по положенію

лю. Ябего, Государь Императоръ, въ 13 день марта, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Вслѣдъ слѣдующимъ платежей отъ причиниковъ Симбирской губерніи по займамъ ихъ изъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Государственнаго Заемнаго Банка и известнаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, отсрочить до 15 декабря 1850 года, съ причисленіемъ всей суммы, какая накопится за это время, къ капитальнымъ долгамъ, для уплаты равными частями въ остальные сроки займовъ, но съ тѣмъ при томъ, чтобы помѣщики, которые будутъ имѣть дѣйствительную необходимость въ таковой отсрочкѣ, предварительно представляли о семъ свидѣтельства Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, Начальникомъ губерніи утвержденные.

2) По имѣніямъ же, заложеннымъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, допустивъ на вышеизложенномъ основаніи, отсрочку платежей до 15 декабря 1850 г., присоединить, послѣ истеченія этого срока, къ капитальнымъ долгамъ только тѣ недоимки, кои причитаются за 1847 и 1848 годы

и 3) Изъясненную во 2-мъ пунктѣ разсрочку долговъ распространить и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель, находящихся въ Симбирской губерніи и состоящихъ въ залогъ тамошняго Приказа Общественнаго Призрѣнія.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: губерцкіе пограничные столбы на шоссе и на большихъ почтовыхъ трактахъ, строить впредь по Высочайше-утвержденному, 19 января сего года, нормальному чертежу и изложенному на немъ описанію.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ переданное, по Высочайшему повелѣнію, изъ Комитета Министровъ, представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, относительно отсрочекъ по займамъ изъ Херсонскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, подъ залогъ незаселенныхъ земель, произведеннымъ до изданія новаго по сему предмету закона, и не встрѣчая, и съ своей стороны, затрудненія постановленную для означеннаго Приказа мѣру увеличенія сроковъ займовъ распространить и на прежнихъ заемщиковъ подъ незаселенныя земли; признавъ однако, что по тѣмъ же уваженіямъ, по которымъ, при расширеніи сроковъ, нормальная цѣна таковымъ землямъ уменьшилась вполнѣнну противу первоначальной, надлежитъ допускать и предполагаемыи отсрочкѣ на томъ же основаніи; ибо иначе заемщики тѣ воспользовались бы преимущественно предъ по-

внн, а капиталъ Приказа не имѣлъ бы благонадежнаго обезпеченія. Въ-слѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ постановилъ: дозволить Херсонскому Приказу Общественнаго Призрѣнія по произведеннымъ изъ онаго, до состоянія мнѣнія Государственнаго Совѣта, 14 февраля 1849 года, трехлѣтнимъ ссудамъ допускать, по просьбамъ заемщиковъ, отсрочки на 5-ть и на 9-ть лѣтъ, съ тѣмъ: во 1-хъ, чтобы въ первомъ случаѣ, т. е. при отсрочкѣ на 5-ть лѣтъ—заемщики вносили ежегодно по равной $\frac{1}{4}$ части капитала съ процентами на остальную сумму долга, а въ последнемъ, при отсрочкѣ на 9-ть лѣтъ—въ первый годъ только одни проценты за годъ впередъ, а въ прочіе 8-мъ лѣтъ по равной $\frac{1}{4}$ части капитала, съ процентами же на остальной долгъ, и во-2-хъ, чтобы сумма, къ отсрочкѣ допускаемая, опредѣлена была по расчету установленной помннутымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта нормальной цѣны незаселеннымъ землямъ, т. е. по 1 руб. 50 коп. за десятину. Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 6 марта.

—Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, въ 27 день февраля, Высочайше соизволилъ утвердить Уставъ учреждаемаго въ Тифлисѣ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

—Въ-слѣдствіе ходатайства Г. Генераль-Губернатора Восточной Сибиря, о продолженіи еще на 5 лѣтъ права производить безошлипно въ Камчаткѣ иностранную торговлю, Г. Министръ Финансовъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, по подожелію коего, Государь Императоръ, въ 21 день мнпущаго февраля, Высочайше повелѣтъ соизволилъ оканчивающійся 6-го августа 1850 года срокъ дозволенію производить въ Камчаткѣ безошлипно иностранную торговлю на правлахъ, поставленныхъ въ Высочайше-утвержденномъ 6-го августа 1828 года положеніи Государственнаго Совѣта, продолжить еще на пять лѣтъ, то-есть по 6 августа 1855 года, на прежнемъ основаніи.

—Г. Управляющій дѣлами Кавказскаго Комитета сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что учрежденная по особому Именному Высочайшему Его Императорскаго Величества Указу, данному Правительствующему Сенату 21 декабря 1849 года, Экспедиція Государственныхъ Имуществъ при Главномъ Управленіи Закавказскаго края, 1 марта 1850 г. открыта и воспріяла свои дѣйствія.

* Означенный Уставъ напечатанъ въ № 31 Сиб. Сенат. Ведомостей.

— Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права учредить въ г. Козловѣ пятидневную ярмарку, съ 5-го по 10-е сентября ежегодно.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: дворянству Оренбургской губерніи, за сдѣланное онымъ пожертваніе 29,916 руб. 30 коп. сер., на содержаніе пзъ процентовъ отъ сего капитала въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ нѣсколькихъ бѣдныхъ спротивъ изъ дворянъ, — объявить Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

— По взаимному соглашенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Почтоваго Управленія, вмѣсто существовавшихъ въ Курской губерніи, по тракту между городами Бѣлгородомъ, Корочеею и Старымъ-Осколомъ станцій: Шляховской, Скородевской и Рождественской, учреждены пять новыхъ станцій: *первая* въ Игуменкѣ, въ 15 верстахъ отъ Бѣлгорода, *вторая* въ Ломовѣ, въ 15 верст. отъ Игуменки и 22 верст. отъ Корочи, *третья* въ Толстой, въ 22 верст. отъ Корочи, *четвертая* въ Шерстовѣ, въ 23 верст. отъ Толстой и *пятая* близъ деревни Этовки, въ 21 верстѣ отъ Старо-Оскола и 20 верстахъ отъ Шерстовки.

— Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ донесъ Государю Императору, что нѣкоторые жители московской столицы изъявили желаніе участвовать въ издержкахъ открытія Измайловской Военной Богадѣльни слѣдующими пожертвованіями:

1) Почетный Гражданинъ, московскій временный 1-й гильдіи купецъ Мазуринъ представилъ 10 тыс. руб. сер., на первоначальное обзаведеніе Богадѣльни мебелью и другими вещами.

2) Московскій 3-й гильдіи купецъ Волковъ принялъ на свой счетъ полную постройку одежды, бѣлья и обуви, по Высочайше-утвержденной 14 декабря 1849 года табели, какъ для призрѣваемыхъ въ Богадѣльнѣ 10 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, такъ равно для прислуги и учреждаемаго при Богадѣльнѣ лазарета, всего по табели на 3,217 руб. 84 коп. сер.

3) Почетный Гражданинъ, Елатомскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Сорокинъ принялъ на себя безвозмездно все продовольствіе призрѣваемыхъ 110 человекъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, со-дня открытія Богадѣльни въ теченіе года, на сумму по табели 2,190 руб. сер.

4) Московскій 3-й гильдіи купецъ Сапелкинъ обязался доставлять безвозмездно потребное для освѣщенія Богадѣльни количество ламповаго масла, со дня открытія оной по 1-е января 1851 года. Кромѣ того представилъ билетъ Сохранной казны Московскаго Опекунскаго Совѣта, на внесенные имъ на вѣчное время, въ пользу Измайловской Богадѣльни 500 руб. сер., съ тѣмъ, чтобы пропенты съ сей суммы употребляемы были на содержаніе въ Богадѣльнѣ одного инваліда, служившаго въ одномъ изъ полковъ имени Его Императорскаго Высочества, въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича.

Его Императорское Величество, изъявивъ Высочайшее согласіе на принятіе означенныхъ пожертвованій, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: Почетному Гражданину *Мазурку*, золотую медаль, для ношенія на шеѣ, на *Александровской лентѣ*, купцу *Волкову*, золотую медаль, для ношенія на шеѣ, на *Аннинской лентѣ* и купцаиъ: *Сорокину* и *Сапелкину*, Высочайшіе подарки.

— По представленію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и согласно положенію Комитета гг. Министровъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: Почетному Члену Санктпетербургскаго Совѣта Дѣтскихъ Приютовъ и Члену Соревнователю Русскаго Географическаго Общества, Коллежскому Совѣтнику *Голубкову*, объявить Монаршее Его Величества благоволеніе, за постоянное стремленіе его на пользу отечественнаго просвѣщенія и за разныя оказанныя имъ по сей части заслуги.

— Въ Субботу, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, 25 марта, происходила въ Святотроицкомъ Соборѣ Александровской-Лавры Хиротонія Ректора Санктпетербургской Духовной Семинаріи, Архимандрита Христофора, въ санъ Епископа Ревельскаго, Викарія Санктпетербургской Митрополіи. Посвященіе сіе совершено Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ Никаноромъ, съ Преосвященными: Неофитомъ, Митрополитомъ Иліопольскимъ, Іаковомъ, Архіепископомъ Нижегородскимъ, Названшломъ, Епископомъ Старорусскимъ, и Евсеіемъ, Епископомъ Винницкимъ.

— Въ Воскресенье, 2-го апрѣля, происходила въ Казанскомъ Соборѣ, хиротонія Ректора Псковской Духовной Семинаріи, Архимандрита Антонія, въ санъ Епископа Волгскаго, Викарія Саратовской Епархіи. Посвященіе сіе совершено Высокопре-

освященнѣйшій патр. Митрополитомъ Новгородскимъ, и Санктпетербургскимъ Никаноромъ съ Пресвященными: Митрополитомъ Новгородскимъ, Иаковомъ, Архіепископомъ Нижегородскимъ, Леонидомъ, Епископомъ Костромскимъ, Назанашимъ, Епископомъ Старорусскимъ, Христофоромъ, Епископомъ Ревельскимъ, и Евсеіемъ, Епископомъ Введенскимъ.

— 30-го марта, въ девять часовъ утра, скончалась въ Москвѣ Царица Грузинская, Марія, супруга послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII, родившаяся въ Тифлисѣ 26-го октября 1769 года.

— Санктпетербургскому 3-й гильдіи купцу Дмитрію Гаврилову Теляеву, въ слѣдствіе представленнаго патр. похвальнаго листа, даннаго отъ лица купческаго общества 31 июля 1842 года, о похвальной службѣ его по выбору въ 1-ль Департаментѣ здѣшняго Магистрата Бургомистромъ, г-мъ Санктпетербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, на основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 12 апрѣля 1846 года: по собраніи о службѣ г-на Теляева подлежащихъ свѣдѣній, представлено званіе *Степеннаго Гражданина*. Почѣну Санктпетербургской Губернской Правленію, выдать г-ну Теляеву подлежащее свидѣтельство о дозволеніи именоваться тѣмъ званіемъ, публиковать о семъ повсемѣстно въ Губернскихъ Ведомостяхъ.

— Съ 1846 года, неизвѣстный благотворитель равновременно сталъ вносить въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совѣта значительныя суммы, на имя Коломенской и Дмитровской Городскихъ Думъ (Московской губерніи), и препровождалъ въ сказанныя Думы билеты на внесенныя имъ деньги, одну часть ихъ предназначалъ на облегченіе участи бѣдныхъ жителей вышеупомянутыхъ городовъ, а другую на вспоможеніе недостаточнымъ дѣвщамъ мѣщанскаго сословія, при выходѣ въ замужество.

Такимъ образомъ, съ октября 1846 года по октябрь 1848 г., Коломенская и Дмитровская Городскія Думы получили отъ неизвѣстнаго благотворителя, каждая по девяносту тысячъ рублей серебромъ (по 75.000 для бѣдныхъ жителей, и по 15.000 для дѣвщъ, выходящихъ въ замужество).

Вышеупомянутыя пожертвованія неизвѣстнаго благотворителя и предназначеныя имъ правила объ употребленіи оныхъ приняты были съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и по доведеніи о томъ до свѣдѣнія Государя Императора, Высочайше повелѣно было, въ разное время напечатать о благо-

творительныхъ дѣйствіяхъ неизвѣстнаго лица въ губернскихъ и другихъ вѣдомостяхъ.

Въ 1849 году оказалось, что неизвѣстный благотворитель былъ почетный гражданинъ, Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ. При жизни скрывалъ онъ имя свое, и внесъ въ Московскую Сохранную Казну, сверхъ вышензаясненныхъ суммъ, еще по 30,000 рублей серебромъ, для городовъ Коломны и Дмитрова на вспоможеніе бѣднымъ дѣвкамъ, выходящимъ замужъ, не успѣвъ отвратить туда сплетовъ, когда послѣдовала его кончина. Билеты найдены были по смерти его душеприказщикамъ, и переданы по принадлежности. Затѣмъ покойный Крашенинниковъ завѣщаніемъ предоставилъ душеприказщикамъ своимъ, сдѣлать изъ оставшагося послѣ него капитала подобныя прежнимъ пожертвованія въ пользу разныхъ городовъ. На семь основаній получили города Московской губерніи: Рузы, Волоколамскъ, Звенигородъ, Подольскъ и Воскресенскъ, каждый по 30,000 руб. сер., именно: по 15,000 для вспоможенія бѣднымъ жителямъ, и по 15,000 для выдачи пособій выходящимъ замужъ дѣвкамъ.

Вообще пожертвованы покойнымъ Михаиломъ Крашенинниковымъ въ пользу городовъ Московской губерніи, съ 1846 г. по настоящее время, слѣдующія суммы:

для городовъ:	для бѣдныхъ жителей:	для выдачи приданого дѣвкамъ:	итого:
	Руб.	Руб.	Руб.
Коломны	75,000	45,000	120,000
Дмитрова	75,000	45,000	120,000
Рузы	15,000	15,000	30,000
Волоколамска	15,000	15,000	30,000
Звенигорода	15,000	15,000	30,000
Подольска	15,000	15,000	30,000
Воскресенска	15,000	15,000	30,000
	225,000	165,000	390,000

По доведеніи о томъ, чрезъ Комитетъ гг. Министровъ, до Высочайшаго свѣдѣнія, Его Императорское Величество, по положенію Комитета, находя, что Крашенинниковъ при жизни дѣлалъ разныя пожертвованія даже не отъ своего имени, но отъ лица неизвѣстнаго, и что подобныя примѣрныя и полезныя дѣйствія заслуживаютъ быть доведенными до всеобщаго

свѣдѣнія, Высочайше повелѣтъ соизволить: о всѣхъ вообще пожертвованіяхъ Крашенинникова напечатать въ газетахъ особою статьею.

— Императорское Археологическое Общество, по предложенію Дѣйствительнаго Члена И. П. Сахарова, предприняло издать *Собраніе надписей съ русскихъ древнихъ памятниковъ до конца XVII вѣка*. Надписи, послѣ лѣтописей и актовъ, составляютъ самый важный источникъ нашей исторіи. Полное собраніе ихъ будетъ главнымъ основаніемъ къ объясненію русскихъ древностей. Онѣ дополняютъ наши родословныя книги, объясняютъ время основанія церквей и монастырей, открываютъ имена художниковъ, занимавшихся въ Россіи искусствомъ. Надписи объясняютъ частную жизнь русскаго народа, которой не найдемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ антахъ. Памятники съ надписями истребляются непрерывно, а съ потерей ихъ исторія лишается нужныхъ пособій.

Общество, обращаясь цынѣ къ просвѣщеннымъ соотечественникамъ, занимающимся изученіемъ русскихъ древностей въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, проситъ о сообщеніи извѣстныхъ имъ надписей:

- 1) съ надгробныхъ камней,
- 2) съ колоколовъ,
- 3) съ иконъ и крестовъ,
- 4) съ разныхъ древнихъ зданій,
- 5) съ одеждъ и разныхъ церковныхъ утварей.
- 6) съ пушекъ, пищалей и другихъ ратныхъ доспѣховъ,
- 7) съ металлическихъ издѣлій — кубковъ, блюдъ, чашей, братинъ и проч.,
- 8) съ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Общество желаетъ, чтобы надписи съ русскихъ памятниковъ были списаны съ буквальною точностію, съ монограммами и сокращеніями, и подстрочными знаками.

Желающіе доставлять надписи благоволятъ высылать ихъ въ Санктпетербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

— Въ Земледѣльческой Газетѣ напечатано слѣдующее объявленіе отъ Министра Государственныхъ Имуществъ: «Въ числѣ мѣръ, принимаемыхъ Правительствомъ къ развитію и усовершенствованію разныхъ отраслей промышленности, одну изъ главныхъ составляютъ публичныя выставки, которыя сначала были открываемы въ Россіи только въ столицахъ, преимущественно для мануфактурной промышленности, но съ 1843

года учрежденіе это, по волѣ Государя Императора, распространено и на сельское хозяйство. Польза открываемыхъ ежегодно, въ разныхъ частяхъ Россіи, выставокъ сельскихъ произведеній очевидна: служа къ опредѣленію степени развитія той или другой отрасли народнаго труда, и указывая на нѣры, необходимыя для дальнѣйшихъ усилій, онѣ въ то же время сближаютъ хозяевъ между собою и съ потребителями, знакомятъ ихъ послѣднихъ съ произведеніями, часто до того для нихъ неизвѣстными, и потому не имѣвшими надлежащаго сбыта, даютъ извѣстность труду и изобрѣтательности, и тѣмъ возбуждаютъ соревнованіе—главный двигатель всякаго усовершенствованія.

Нынѣ, для нашихъ хозяевъ, открывается новое средство предстать съ своими произведеніями на судъ всего промышленнаго міра, и въ то же время, не только сблизиться съ главными заграничными потребителями нашихъ сырыхъ произведеній, но и найти новыхъ между жителями тѣхъ странъ, которыя доселѣ еще не были въ постоянныхъ съ нами торговыхъ сношеніяхъ.

18-го апрѣля (1-го мая н. ст.) будущаго 1851 года, откроется въ Лондонѣ всемірная выставка произведеній сельскаго хозяйства и промышленности, которая будетъ состоять изъ четырехъ отдѣловъ: 1) сырыхъ произведеній; 2) машины всякаго рода; 3) издѣлія мануфактурныя; 4) изваянія, модели и вообще произведенія пластическаго искусства.

Учрежденная, по повелѣнію Королевы Великобританской, для управленія этимъ дѣломъ, особая въ Лондонѣ Коммиссія просила наше Правительство о содѣйствіи къ доставленію русскихъ произведеній на всемірную выставку.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество, изъявивъ согласіе на удовлетвореніе желанія англійскаго Правительства, въ то же время Высочайше повелѣтъ дозволять: 1) для сношенія съ англійскою Коммиссіею, и для содѣйствія всѣмъ желающимъ изъ отечественныхъ хозяевъ и мануфактуристовъ въ отправкѣ образцовъ нашего хозяйства и промышленности на всемірную выставку, учредить въ С. Петербургѣ особую коммиссію, по примѣру тѣхъ, которымъ поручалось завѣдываніе бывшими у насъ съ столицѣ мануфактурными выставками. 2) Въ отвращеніе трудностей и расходовъ, сопряженныхъ съ перевозкою произведеній Новороссійскаго Края въ С. Петербургъ, предоставитъ Южному Обществу Сельскаго Хозяйства учредить въ Одессѣ, изъ свѣ-

лучшихъ лѣтъ, особую комиссію, на которую возложить все распоряженія по приему и разбору лучшихъ произведеній, и по отправки оныхъ изъ одесскаго порта прямо въ Лондонъ. Южная Комиссія должна дѣйствовать въ видѣ отдѣленія С. Петербургской Центральной Комиссіи, и состоять съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ. 3) Принять на счетъ казны издержки по доставленію въ Лондонъ предметовъ, которые будутъ назначены Центральною Комиссіею въ С. Петербургъ, и Южною въ Одессу. 4) С. Петербургскую Центральную Комиссію составить изъ двухъ отдѣленій: сельско-хозяйственнаго и мануфактурнаго.

Предсѣдателемъ Комиссіи Высочайше назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Тенгоборскій.

Такъ какъ въ числѣ предметовъ, могущихъ быть посланными изъ Россіи на всемирную выставку, одно изъ главныхъ мѣстъ займутъ произведенія нашего земледѣлія и скотоводства, то Министръ Государственныхъ Имуществъ, по лежащей на немъ обязанности пенясь о развитіи и поощреніи сельскаго хозяйства въ Россіи, считаетъ нужнымъ о вышеизложенномъ извѣстить нынѣ же хозяевъ, имѣя въ виду, чтобы тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ принять участіе въ лондонской выставкѣ, могли съ наступленіемъ весны, заняться приготовленіемъ лучшихъ изъ своихъ произведеній, и даже сдѣлать, съ этою цѣлью, нарочные нѣкоторыя хлѣбныя посѣвы.

Участіе наше во всемирной выставкѣ должно имѣть главной цѣлью не состязаніе съ однородными произведеніями другихъ странъ, гдѣ и мануфактуры и самое земледѣліе получили уже большее развитіе, но ближайшее и подробнѣйшее ознакомленіе иностранцевъ съ нашими сельско-хозяйственными произведеніями, изъ которыхъ для многихъ, быть-можетъ, этимъ путемъ откроется новый сбытъ, или усилятся прежній, а другимъ будетъ сдѣлана вѣрнѣе оцѣнка ихъ достоинствъ, какъ напримѣръ, нѣкоторымъ хлѣбамъ нашимъ, въ особенности разводимымъ на дѣвственныхъ почвахъ, исключительно принадлежащихъ въ Европѣ одной Россіи; шерстямъ нашихъ обширныхъ овчаренъ, а въ особенности тѣхъ породъ овецъ, которыя свойственны только Россіи; нѣкоторымъ торговымъ и мануфактурнымъ растеніямъ, и пр.

Изъ объявленія, сдѣланнаго Императорскимъ Высочайшимъ Экономическимъ Обществомъ, уже извѣстно, что въ сентябрѣ, настоящаго 1850 года, оно также откроетъ выставку сельскихъ произведеній въ С. Петербургѣ. Предметы, которые за-

служать особею вниманію на этой выставкѣ, могутъ быть, по желанію представителей, отправлены и на выставку въ Лондонъ. Такимъ образомъ, для хозяевъ открывается возможность ознакомиться съ ихъ произведеніями и отечественную публику, и иностранцевъ. Это представляетъ и то удобство, что срокъ С. Петербургской выставки совпадаетъ съ временемъ, къ которею образцы нашихъ произведеній должны быть отправлены въ Лондонъ, именно, осенью 1850 года, до закрытія судоходства въ С. Петербургѣ.

Лица, которыя пожелаютъ участвовать только въ лондонской выставкѣ, должны будутъ распорядиться такъ, чтобы ихъ произведенія были получены въ С. Петербургѣ не позже августа нынѣшняго года *.

Вслѣдъ за симъ, С. Петербургская Коммиссія, по полученіи надлежащихъ объясненій отъ Лондонской, объявитъ во всеобщее свѣдѣніе о качествахъ, въ которыхъ должны быть присылаемы образцы, о способѣ ихъ укладки, о мѣстѣ и времени приѣма, и вообще обо всѣхъ подробностяхъ, касающихся до этого дѣла.

Независимо отъ сего, сельскіе хозяева обо всемъ, что они сочтутъ нужнымъ предварительно знать въ отношеніи къ доставкѣ ихъ произведеній на лондонскую выставку, — могутъ относиться прямо въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства.

Указаніе важнѣйшихъ предметовъ сельскаго хозяйства, которые могутъ быть посланы на выставку въ Лондонъ.

Хлѣбная и кормовая произведенія: Рожь (обыкновенная озимая и яровая, ваза, ярица, ассирійская, кустовая). Пшеница (озимая обыкновенная, арпаутка простая, желтоколосная, болгарская съ синею остью, болгарская черноколосная, сендомирка, яровая красная, парбонская, гирка, бѣлотурка и пр.). Пшѣба (обыкновенная и желтаго цвѣта). Ячмень (озимый, голый, шестирядный). Овесъ (обыкновенный, литовскій, ангайскій крупный, камчатскій, картофельный, кустовой, односторонній, червѣй и др.). Просо (обыкновенное, уральское, египетское и проч.). Боръ. Грѣчиха (обыкновенная, татарская). Горохъ (обыкновенный, крупный, силій и проч.) Чечевица, вика, манна, кукуруза разныхъ сортовъ. Сѣмена разныхъ кормовыхъ травъ, и пр.

* Срокъ доставленія изъ южныхъ губерній произведеній въ Одессу будетъ объявлено отъ Южной Коммисіи.

Масличные семена: льняное и конопляное; репс: белый и яровой; сурбаница, макъ, подсолнечный, мушкетъ, горчица, клещевина, и пр.

Растения торговля, мануфактурныя и лакированные: шафранъ, саалоръ, тинь, ашъ, стручковый перецъ, солодовый корень; хлѣбъ; табакъ (разнаго рода); крахмалъ пареша, вайда, жостыишь, сары-агачъ, бирюкозъ, сигизъ-агачъ, перелевъ, желтка, красильная грѣшка, и пр.

Съестныя припасы: крупа зеленая рижаная; крупа полбенная, манная, ячмень, грѣшечная разныя сорта; пшено; крахмалъ, патока и другія произведенія изъ картофеля. Мясо разныя животныхъ, приготовленное разными способами въ прокъ; сыры, бульоны; икра, рыбій жиръ, ялей рыбій, ишкетъ, рыба, приготовленные разными способами въ прокъ; орѣхи разнаго рода; горошекъ, ягоды, каверсы, грибы и разныя другія растительныя произведенія, варенныя, сушенныя и разными способами приготовленные для сохраненія; медъ въ сотахъ и другыя выдаютъ, и пр.

Произведенія растительнаго и животнаго царства, служащая для одежды и другаго употребленія: Ленъ, пенька; коноплъ и разноцвѣтные шелки. Руза (шеркосомыиъ швецъ, облыловосныхъ, шугайскихъ, довскихъ и др.) Овчины (обыкновенная, ромашовскія, карачаровскія, камыцкія); смушки: шпенскія, рѣшетилловскія, крымскія, сѣрыя и черныя; выворотки; дубленныя овчины, конскій волосъ, ергаки, оленья выдѣланныя шкуры; козій пухъ, верблюжья шерсть, шетина разныя сорта; сало; воскъ; разныя роды растительнаго масла; перья и пухъ птицій, собровая струя, животный уголь; червань, шпенскія муш и проч.

Строительные материалы: разнаго рода кирпичи и кирпичи, употребляющіеся для построекъ и архитектурныхъ украшеній; цементъ; разнаго рода глины; гидравлическая известь; кирпичи, черепица, и пр.

Произведенія лесотехническія: разнаго рода смолы, скипидаръ, поташъ, деготь, и пр.

Разнаго рода усовершенствованныя земледѣльческія орудія и хозяйственныя машины, приспособленныя по почвѣ и потребностямъ Россіи.

Примѣчаніе. Независимо отъ предметовъ, указанныхъ здѣсь только въ общихъ чертахъ, могутъ быть представлены и другія сельско-хозяйственныя произведенія, по усмотрѣнію самихъ хозяевъ.

— Высочайше утверждено Общество Посещения Бѣдныхъ, съгласно своему назначенію, съ самаго учрежденія своего постоянно поддерживать способъ, сколько въ облегченіи маломощнѣйшихъ бѣдныхъ, предоставляемыхъ его участию, столько-же въ устраненіи излишнихъ причинъ, въ-слѣдствіе которыхъ возникаетъ и разрастается бѣдность.

При посѣжденіи причинъ бѣдности, имѣя оказаніемъ на самой практикѣ, въ теченіе четырехъ-лѣтняго существованія Общества, оно не могло не убѣдиться, что къ числу важнѣйшихъ изъ сихъ причинъ принадлежитъ болѣзня, легкая въ началѣ, а потомъ запущенная и обращающаяся въ неизлечимую. Многие люди, имѣя занятія, доставляющія имъ честный и достаточный способъ содержанія, часто переходятъ въ иныя свои состоянія, единственно потому, что долговременный недугъ заставляетъ ихъ прервать, а наконецъ и прогнать все свои доходныя занятія. Опасаясь такового послѣдствія, они, при заблаговременнѣмъ разстройствѣ здоровья, не ищутъ средствъ пригласить опытнаго врача, для правильного пользованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, охотятся прибѣгать къ безплатному врачеванію, или перемогать себя или лечатъ сами, на удачу, единственно по той причинѣ, что родъ занятій, отъ которыхъ зависятъ существованіе сихъ лицъ, не позволяетъ имъ поступать въ какую-либо изъ бѣднотъ.

Между-тѣмъ, есть много болѣзней, въ которыхъ успѣхъ леченія зависитъ единственно отъ скорого и правильнаго пособія, а напротивъ, ослабленнымъ въ первое время безъ вниманія, или поручаемымъ людямъ незнающимъ, болѣзни эти часто принимаютъ такое развитіе, что требуютъ уже постояннаго, систематическаго, и, слѣдственно, весьма-продолжительнаго врачеванія. Не рѣдко также случается, что в это врачеваніе становится безуспѣшнымъ, и тогда больной, потерявъ возможность продолжать обычныя свои занятія, доставившія ему способъ къ жизни, по необходимости впадаетъ въ полную нищету.

Изъ сихъ изслѣдованій явно истекаетъ необходимость такого заведенія, которое бы устраняло вышеназванныя неудобства: которое-бы совершенно бѣдному доставляло безплатное пользованіе, людямъ средняго достатка, — возможность лечиться, хоть несовершеннѣе даромъ, но дешево, — для всѣхъ вообщѣ доступъ къ своевременному, правильному леченію, не препятствующему, въ болѣе части случаевъ, обыкновеннымъ занятіямъ пациента.

Основываясь на этих соображеніях и видя въ немъ пользу, какую можетъ принести въ многолюдной столицѣ подобное заведеніе, Общество посѣщенія бѣдныхъ, при помощи нѣкоторыхъ благотворительныхъ лицъ, предположило учредить *Лечебницу для приходскихъ*. Проектъ сего заведенія, по одобреніи оного Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, былъ представленъ Совѣтомъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на Высочайшее благоусмотрѣніе, и Его Императорское Величество, въ 25-й день декабря 1849 года, соизволило изъявить Высочайшее согласіе на открытіе здѣсь упоминаемой Лечебницы.

Общество посѣщенія бѣдныхъ, въ чувствахъ благоговѣйной благодарности ко Всеплостивѣйшему Монарху, удостоивающему Своими Высокими вниманіемъ всякое полезное предпріятіе, поспѣшило принять мѣры къ возможно-скорѣйшему открытію Лечебницы.

Ближайшее управленіе сими заведеніемъ возложено на доктора Ф. Ф. Фан-дер-Фласа; который дѣятельно способствовалъ Обществу, какъ въ предварительныхъ мѣрахъ для подобаго предпріятія необходимыхъ, такъ равно и въ самомъ устройствѣ Лечебницы, которое нынѣ приводится къ окончанію.

Квартира для оной панята въ центрѣ города, для удобства приходскихъ, на углу Вознесенскаго проспекта и Глухаго переулка, въ дѣлѣ пастѣдниковъ Сольскихъ и Лиховинныхъ.

Основанія сего учрежденія суть слѣдующія:

1) Оно предназначается для больныхъ всякими болѣзнями, всѣхъ состояній и возрастовъ, обою пола.

2) Въ Лечебницу допускаются больные во всякое время дня и ночи; для чего въ ней безотлучно находится—или самъ управляющій оною врачъ, или помощникъ его, которые обязаны оказывать больнымъ всѣ возможные медицинскія пособія.

3) Сверхъ-того, Лечебница имѣетъ консультантовъ изъ извѣстныхъ въ столицѣ врачей, которыхъ благотворительная дѣятельность распредѣляется соотвѣтственно съ главнѣйшими родами болѣзней, а именно:

- а) Консультанты по части терапевтической.
- в) Консультанты по части хирургической.
- с) Консультанты по части акушерской и женскихъ болѣзней.
- д) Консультанты по части окулистки, и наконецъ,
- г) Зубные врач.

Свѣдѣнія Гг. консультантовъ будутъ подаваемы въ особо назначенныя часы, о коихъ будетъ немедленно публиковаться во всеобщее свѣдѣніе.

4) Для экстренныхъ случаевъ, каковы ударъ, ушибъ, вывихъ какой-либо части, переломъ и проч., и вообще для познанія перваго необходимаго медицинскаго пособія, лечебница будетъ имѣть нѣкоторое число кроватей, смотря по надобности, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

За пребываніе больныхъ на сихъ кроватяхъ, платы не полагается никакой.

5) Для обследованія и пособія въ особенныхъ болѣзняхъ женщинъ, Лечебница для приходящихъ будетъ имѣть опытную повивальную бабку, которая постоянно будетъ руководима г. консультантомъ по части акушерской.

6) Для кровопусканія, приставленія банокъ и проч., Лечебница будетъ имѣть опытныхъ фельдшеровъ.

7) Больные, обращаемыя въ Лечебницу для приходящихъ отъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, будутъ получать вышеобъясненныя медицинскія пособія, какъ равно и самыя лекарства, безденежно.

8) Для поддержанія средствъ Лечебницы, люди состоятельные платятъ за право полученія всѣхъ возможныхъ медицинскыхъ пособій каждыи разъ 30 к. сер.

Всякій благомыслящій человекъ убѣдится, что съ открытіемъ этой Лечебницы не надобно уже будетъ, ко вреду себѣ, откладывать медицинское пособіе до другаго дня. Чувствуете себя дурию, идите въ Лечебницу. Вы бѣдны, вамъ окажутъ пособіе даромъ; если въ состояніи, положите ничтожную плату,—и для васъ равно сдѣлаютъ все, что найдутъ полезнымъ, и уходя изъ заведенія вы вынесете въ душѣ то теплое отрадное чувство, что, помогая себѣ—вы сдѣлали доброе дѣло, ибо ваша плата пойдетъ на лекарства бѣднѣйшимъ.

Въ Россіи, гдѣ ни одна добрая мысль не остается втунѣ, Лечебница для приходящихъшла уже самое живое сочувствіе въ общественномъ мнѣніи. Между-тѣмъ какъ вѣдѣстнѣйшіе врачи столицы: Лейбъ-Медикъ: Н. О. Арендъ, М. А. Маркусъ, В. Б. Шольцъ, Профессоры: Н. И. Пироговъ, А. А. Кутерь, Лейбъ-Окулистъ Н. И. Кабатъ, и другіе, изъявляя желаніе содѣйствовать усиленіямъ Лечебницы, въ званіи консультантовъ, лица благотворительныя сдѣлали пожертвованія деньгами и вещами, на первоначальное устройство оной. Но для со-

вершиннаго обезпеченія поддержкою столь многослазнаго заведенія, помощь добрыхъ людей еще необходима.

Общество посѣщенія бѣдныхъ имѣеть исключительныя права: оно не докучать никому лично просьбами о содѣйствіи. Оно считаетъ свое дѣло общимъ для всей благотворительной публички, и потому, нуждаясь въ пособіи оной, ограничивается единственно объявленіемъ о своихъ дѣйствіяхъ во всеобщее свѣдѣніе; дѣло должно говорить само за себя, — пусть благотворители рѣшаютъ сами, достойно ли оно ихъ участія. Общество считаетъ долгомъ лишь повторить то, что неоднократно было имъ сказано, а именно: что Общество посѣщенія бѣдныхъ не имѣеть никакихъ другихъ фондовъ, кромѣ благотворительныхъ приношеній; единственный капиталъ Общества — довѣренность публики; если донынѣ Общество, не смотря на всѣ трудности, съ родомъ его занятій сопряженныя, успѣло свискать сію довѣренность, то имѣть сомнѣніи, что и въ настоящемъ случаѣ, оно найдетъ въ благотворительныхъ людяхъ ту же готовность пособить усиліямъ Общества посѣщенія бѣдныхъ.

Приношенія могутъ быть доставляемы въ контору Общества посѣщенія бѣдныхъ, находящуюся въ Ново-Исакиевской улицѣ, противъ Конногвардейскаго манежа, въ домѣ Бремке, или въ контору Лечебницы, находящуюся на углу Вознесенскаго проспекта и Глухато-перулка, въ домѣ наследія Сольскихъ и Лихонныхъ, откуда будутъ тотчасъ выдаваемы въ полученіи денегъ сорменныя квитанціи, заведенныя порядкомъ.

Имена благотворителей будутъ обнародованы въ газетахъ. Имена оказавшихъ значительныя пожертвованія, по признанію Обществомъ обмывовенію, будутъ выставлены въ приемной залѣ самой Лечебницы.

— 8 апрѣля происходило годовое Собраніе Инвентарскаго Волнаго Экономическаго Общества.

Въ началѣ засѣданія г. Непременный Секретарь Дѣйств. Стат. Совѣт. Джунковскій прочиталъ составленный имъ отчетъ о дѣйствіяхъ Общества въ 1849 году. Изъ отчета сего Собраніе убѣдилось, что кругъ полезной дѣятельности Общества годъ отъ году расширяется и что Общество привело въ исполненіе многія изъ своихъ предположеній на пользу отечественнаго земледѣлія. Собраніе, выслушавъ со вниманіемъ означенный отчетъ, благодарило г. Непременнаго Секретаря.

Читаны и утверждены два списка лицъ, кои, по заслугамъ своимъ по распространенію предохранительнаго осповриванія въ 1849 году, признаны достойными награды. Первый

определены имена 26 осповривателей, изъ коихъ 4 назначены золотыя, а 20 серебряныя медали, для поощенія наградамъ, изъ зеленой ленты; во второму-же списку 3 лица изъ назначены золотыя медали безъ ленты, въ видѣ подарковъ. Положено просить Его Императорское Высочество Президента объ искондитайствованіи Высочайшаго соизволенія на награды по первому списку; объ изготовленіи-же медалей и грамотъ сообщитъ, кому слѣдуетъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ и согласно представленію Совѣта и Отдѣленій оного, Собраніе утвердило назначеніе медалей въ награду слѣдующимъ лицамъ: 1) Ученому Лѣсничему, Поручику Амидеману, за тщательное составленіе гербарія курляндской флоры, изъ 1000 видовъ растений, и за привнесеніе сего гербарія въ даръ Обществу, — золотой медали въ 15 черв.; 2) Полотняному мастеру, въ мѣстѣ г. Члена Общества, Табачнаго Совѣтника А. Е. Жадовскаго, крестьянину Костромской губерніи Галичскаго уѣзда, Лариону Амидѣеву, за тщательное приготовленіе и бѣленіе по бельгійскому способу льняной пряжи и полотенъ самыхъ высокыхъ и тонкихъ нумеровъ и за обученіе сосѣднихъ крестьянъ бѣленію по сему способу, большой серебряной медали; 3) Помѣщичьему крестьянину Московской губерніи, Михаилу Гвоздкову, за старательное приготовленіе въ своей мастерской земледѣльческихъ орудій и машинъ и за изобрѣтеніе машинъ для чищенія прудовъ и выенки пшени, большой серебряной медали, и 4) Государственному крестьянину Глаголеву, за изготовленіе весьма хорошей краски (вытяжки изъ сафлора), — малой серебряной медали. Положено: по изготовленіи медалей разослать оныя при грамотахъ.

По произведеніи надлежащей баллотировки, посредствомъ закрытыхъ билетовъ, большинствомъ голосовъ избраны Членами въ Коммиссію для обревизованія денежныхъ отчетовъ, книгъ и документовъ Общества за 1849 годъ, Гг. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ А. Ф. Долголовъ, Статскій Совѣтникъ Н. И. Брыковъ и Надворный Совѣтникъ А. К. Мейеръ.

За снѣзъ, на основаніи § 4 гл. IV и § 5 гл. X. Устава Общества, гдѣ сказано, что Предсѣдателямъ Отдѣленій Совѣта Общества избираются въ годовомъ собраніи баллотированіемъ, по предложенію Президента, прочтано было предложеніе Его Императорскаго Высочества Президента о избраніи Предсѣдателя. По произведеніи надлежащей баллотировки, всѣ предло-

женныя Его Высочествомъ лица избраны Предсѣдателями Отдѣлений, именно: I-го. *Хозяйственнаго* — Тайный Совѣтникъ А. Я. Голохвастовъ; II-го, *Ученаго* — Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ Н. А. Жеребцовъ; III-го, *По сельскому домовому и опытному земледѣлію* — Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ А. Н. Муравьевъ; IV-го. *По части рукодѣльной* — Генераль-Маіоръ М. П. Сакеръ; V-го, *Попечительнаго о сохраненіи здоровья людей и домашнихъ животныхъ* — Тайный Совѣтникъ А. Д. Боровковъ, и VI. *Для поощренія льснаго хозяйства* — Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П. Я. Фонъ-Фокъ.

Доложено Собранію, что Его Свѣтлость Князь Намѣстникъ Царства Польскаго препроводилъ въ даръ для библіотеки Общества 107 томовъ сельскохозяйственныхъ сочиненій на польскомъ языкѣ, и что Совѣтомъ приняты мѣры, какъ о разборѣ означенныхъ книгъ и о выборѣ изъ нихъ замѣчательнѣйшихъ статей, для перевода на русскій языкъ, такъ и о помѣщеніи сей библіотеки въ отдѣльномъ шкафѣ, съ надписью, что оная принесена въ даръ Обществу г. Членомъ онаго, Княземъ Варшавскимъ. Собраніе единогласно постановило: послать г. Намѣстнику отъ имени всего Общества благодарственный адресъ за такое приношеніе.

Чтано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о томъ что согласно съ ходатайствомъ Комитета учреждаемой Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ С.-Петербургской выставки сельскихъ произведеній (имѣющей быть въ сентябрѣ сего года), открыты во-всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ вспомогательные Комитеты, подъ предсѣдательствомъ Гг. Начальниковъ губерній, изъ Гг. Предводителей Дворянства, Управляющихъ Палатами Государственныхъ Имуществъ и Удѣльныхъ Конторамъ, нѣкоторыхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, проживающихъ въ губерніяхъ, и такихъ помѣщиковъ, которымъ состояніе мѣстнаго сельскаго хозяйства вполне извѣстно. Назначеніе сихъ губернскихъ Комитетовъ — быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главнымъ Комитетомъ, и содѣйствовать оному, какъ сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній, такъ и указаніемъ производителейъ и хозяевамъ на тѣ предметы, кои желательно видѣть на выставкѣ, а также способствовать и самому отправленію изъ губерній предметовъ на выставку.

Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ, препровождая издавное отъ имени Его Сіятельства объявленіе, сообщаетъ по Высочайшему повелѣнію, что Великобританское правительство, увѣдомивъ объ открытіи въ Лондонѣ 18-го апрѣля (1-го мая)

1851 года года всемірной выставки для сельскихъ и мануфактурныхъ произведеній, проситъ, чтобы и русскіе сельскіе хозяева привяли участіе въ этой выставкѣ. Посему для представленія промышленникамъ и хозяевамъ большаго удобства къ отправленію на выставку въ Англію ихъ произведеній, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволить-учредить въ С.-Петербургѣ и Одессѣ особыя Коммиссіи для содѣйствія хозяевамъ и фабрикантамъ къ отправкѣ на всемірную выставку образцовъ нашего хозяйства и промышленности; расходы же по доставленію въ Лондонъ сихъ предметовъ принять на счетъ казны. А какъ срокъ, учреждаемой В. Э. Обществомъ въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ сего года выставки сельскихъ произведеній совпадаетъ со временемъ, въ которое русскія произведенія должны быть отправлены на лондонскую выставку, то предметы, которые заслужатъ особаго вниманія на нашей выставкѣ, могутъ быть, по желанію владѣльцевъ, отправлены на счетъ казны и на выставку въ Англію. Въ изданіи отъ Г. Министра объявленіи поименованы важнѣйшіе предметы сельскаго хозяйства, которые могутъ быть посланы на выставку въ Лондонъ.

Собраніе, выслушавъ съ благоговѣнною признательностію извѣстіе о семъ новомъ знакѣ Монаршаго попеченія о благѣ русской промышленности, положило передать означенное отношеніе въ Комитетъ выставки, для надлежащихъ распоряженій.

Собраніе рассматривало представленные г. Флоріаномъ новаго устройства столовые часы, которые заводятся одинъ разъ въ годъ. Часы сіи, изготовленные по заказу г. Вице-Президента Общества, Князя Долгорукова, были испытываемы на Пулковской Обсерваторіи, и по письменному удостовѣренію г. Директора, астронома Струве, оказались весьма вѣрными, ибо въ 24 часа разность составляла только 4 секунды времени. Внутреннее устройство сихъ часовъ отличается между прочимъ отъ обыкновенныхъ часовыхъ механизмовъ тѣмъ, что, вмѣсто колеса, дѣйствуютъ въ немъ два рычага.

Д. Членъ Стат. Совѣт. И. П. Брыковъ представлялъ въ даръ для Музеума стальную машину для прививки деревъ, а г. Членъ, садовникъ Императорскаго Таврическаго Дворца Грей, изъявилъ готовность испытать сію машину.

За сию, по подлежащей балотировкѣ, избраны въ Члены Общества, съ обязанностию вносить установленную плату—Генерал-Адъютантъ Графъ А. А. Ржевускій, Полковникъ Н.

П. Волковъ, Кабинетскій Секретарь В. В. Кочубой, и Прапорщикъ С. В. Марковъ; безъ обязанности вносить плату: Адъюнкты Профессоръ Ботаники въ Горьковскомъ Земледѣльскомъ Институтѣ Э. Ф. Раго, и въ Корреспонденты: Ротмистръ Баранъ М. Е. Гейкинъ и помощникъ садовника Императорскаго Таврическаго-Ботаническаго сада, Е. Л. Яковъ.

Въ заключеніе розданы присутствовавшимъ разнымъ полезныя книги.

— По приказанію Его Сіятельства г. Намѣстника Кавказскаго, Комитетъ тѣлеской выставки произведеній Закавказскаго Края объявляетъ къ общему свѣдѣнію, что назначена премія въ 100 руб. сер. тому, кто представитъ къ 1-му ноябрю 1850 года машину самаго простаго устройства для очищенія хлопчатой бумаги отъ сѣмянъ, доступную для простаго класса производителей оной.

Машина эта должна быть представлена, со всѣми необходимыми объясненіями, какъ относительно ея устройства, такъ равно и употребленія и цѣности ея, въ канцелярію Намѣстника Кавказскаго.

— Осетинскій Окружной Начальникъ донесъ, по начальству, что съ 6 на 7 числа марта мѣсяца скатилась съ горы огромная снѣговая лавина, которая потребла подъ собою селеніе Ганатъ, со всѣми жителями и скотомъ, за исключеніемъ одного дома, отскользавшаго отъ селенія на четверть версты. Шестьдесятъ восемь душъ обоюго пола погибло, тринадцать домовъ разрушено. Двадцать шесть мертвыхъ тѣлъ уже открыты; остальные еще находятся подъ массою снѣга.

Каждый почти зимъ поглощаетъ подъ лавинами снѣга по нѣсколькимъ семействамъ въ горахъ Осетинъ. Почти каждое селеніе подвергается опасности испытать участь Ганата; климатъ суровый, почва скудная, едва дающая средства къ удовлетворенію главныхъ нуждъ жизни, — но ни одинъ Осетинъ не прѣмываетъ самаго бесплоднаго клочка своей родины на роскошнѣйшую долину Карталиинъ. Такова общая привязанность Горцевъ, всѣхъ почти племенъ Кавказа, къ мѣстамъ, гдѣ они выросли и гдѣ современныя должны быть покорены, рядомъ съ могилами праотцевъ. Если случается, что особенныя какия-нибудь обстоятельства возбуждаютъ Горцевъ, или жителей долины, въ особенности нагометанъ, переселиться на другія мѣста чуждыми селеніями, или отдѣльными семействами, то умершіе и даже убитые въ сраженіихъ отказываются на древнее родное кладбище. Эта самая привязанность къ праху отцевъ, дѣ-

дают весьма рѣдкимъ добровольное переселеніе съ мѣстъ прежней осѣдлости.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано: Заграничная торговля при Одесскомъ портѣ оживляется въ нынѣшнемъ году весьма медленно: по слабости требованій на хлѣбъ изъ за границы, по незначительности запасовъ его здѣсь на мѣстѣ и наконецъ по недостатку въ судахъ, въ числѣ которыхъ съ начала года почти вовсе нѣтъ греческихъ, обыкновенно приходившихъ во множествѣ въ это время года, — обороты здѣшней торговли далеко не соотвѣтствуютъ еще, въ настоящемъ году, важности, приобретенной Одессою въ числѣ большихъ европейскихъ рынковъ. Въ минушемъ мартѣ мѣсяцѣ цѣнность отпуска изъ Одессы за границу составляла 1,059,212 руб. сер.; пшеницы вывезено $92,125\frac{1}{2}$ четв., льнянаго сѣмени 4,625 четв., шерсти 11,140 пуд. и сала $15,398\frac{1}{2}$ пуд. Въ цѣнахъ на хлѣбъ не было ощутительной перемены. Запасы хлѣба въ зернѣ простирались въ 1-ю апрѣля не болѣе какъ до 120 тыс. чет. пшеницы и до 20 или 25 тыс. четв. другихъ сортовъ хлѣба въ зернѣ, и подвозы изъ внутреннихъ губерній до-сихъ-поръ весьма слабы, по трудности сообщеній, — слѣдствію слишкомъ продолжительной зимы. Цѣнность привоза изъ-за границы къ Одесскому порту составляла въ мартѣ: въ товарахъ 470,154 р. и въ монетѣ 64,178 р., всего 534,332 руб. сер.; вывезено иностранныхъ товаровъ изъ Одессы внутрь Имперіи на 228,290 руб. сер. — Судовъ прибыло въ мартѣ 30, а отошло 45; всего-же, по 1-е апрѣля въ приходѣ было 65, а въ отходѣ 68.

— По географическому положенію и мѣстнымъ средствамъ, городъ Александровскъ, въ Екатеринославской губерніи, имѣетъ все удобства, всѣ условія, которыя требуются для торговыхъ оборотовъ. Онъ расположенъ въ одной верстѣ отъ Дитмара, и въ 12-ти верстахъ отъ окончанія Дитаревскаго порога, слѣдственно, имѣетъ средства къ выкупокъ многихъ товаровъ, отправляемыхъ по этой рѣкѣ; не слишкомъ дальнее разстояніе его отъ г. Харьковна способствуетъ къ приобретению товаровъ другаго рода, доставка которыхъ обходится весьма не дорого. Принимая въ соображеніе близость помѣщичьихъ и дворянъ цѣлаго уѣзда и большой почтовый трактъ, лежащій чрезъ этотъ городъ, можно бы, кажется, ожидать довольно значительнаго сбыта произведеній разнаго рода, — и при всемъ томъ, городъ Александровскъ такъ скуденъ товарами (не говоря уже о торговлѣ), что помѣщики, живущіе въ

самомъ близкомъ разстояніи, нахлѣять себя въ необходимости посылать для покупокъ разныхъ хозяйственныхъ потребностей въ городъ Екатеринославль, за сто верстъ и болѣе, потому, что существующая въ городѣ Александровскѣ одна лавка краснаго и одна лавка бакалейнаго товара—если только горсть товаровъ можно назвать лавкою, — ни по качеству, ни по количеству не могутъ удовлетворить потребностямъ пѣлако уѣзда. Не менѣе неудобства встрѣчаютъ они въ сбытѣ своихъ продуктовъ, которые, по цѣпнѣнію въ своемъ уѣздномъ городѣ покупателей, вынуждены перевозить для продажи въ города Мариуполь или Бердянскъ, за 200 и болѣе верстъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы узнали теперь, что Одесскій 1-й гильдіи купецъ Городецкій, содержащій питейный откупъ въ Александровскомъ уѣздѣ, оцѣнивъ выгоды, которыя торговля можетъ здѣсь доставить, предпринялъ основать въ городѣ Александровскѣ торговую контору, выстроить каменный домъ, лавки, магазны (рѣдкость, въ городѣ, имѣющемъ ни одного каменнаго зданія), и кромѣ другихъ коммерческихъ дѣлъ, завести оптовый и раздробительный отпускъ товаровъ всякаго рода. Осуществленіе этого намѣренія купцомъ Городецкимъ, удостоившимся неоднократно благоволенія начальства за разные челоѣколюбивые и торговые подвиги, содержащій питейные откупа до 35 лѣтъ сразу в много почтовыхъ стачій и имѣющимъ въ оборотѣ большіе подряды и другія коммерческія дѣла, общаетъ оживить бѣдный, но удобный городъ Александровскъ, и направить и мѣстное купечество его на широкій путь промышленности. Искренно желаемъ, чтобы благое предпріятіе купца Городецкого исполнилось въ возможной скорости; тогда отстранятся, можетъ-быть, для окрестныхъ жителей, помянутыя и дворянъ тѣ затрудненія, которымъ они подвержены теперь, по недостатку торговли въ своемъ уѣздномъ городѣ.

— Въ 1849 г. отпускъ товаровъ изъ Бердянска въ иностранные порты простирается на 1,128,589 руб., противъ 1848 г. на 382,565 р. менѣе, по случаю уменьшенія вывоза пшеницы и льнянаго сѣмени, важнѣйшихъ статей отпуска въ здѣшнемъ портѣ. Въ послѣдніе два года вывезено изъ Бердянска:

	Въ 1848 г.	1849 г.
Пшеницы . . .	199,191	120,342 четв.

Ржи	1,500	—
Сѣмян льняного	23,445	13,069
» сурьезаго	24,150	4,042
Кожа невыдѣлан- ныхъ	—	15,131 пуд.
Шерсти овечьей	281	13,136

Привозныхъ товаровъ въ Бердяпской таможи оплачено пошлиною на 65,138 руб., противъ 1848 г. на 57,621 руб. болѣе.

— Въ «Закавказскомъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее о заграничной торговлѣ Закавказскаго края въ 1849 году.

Общая сложность торговли Закавказскаго края въ 1849 году составляетъ изъ слѣдующихъ оборотовъ:

		Серебромъ	
		Р.	К.
Привезено товаровъ на	4,488,263	71	
Вывезено — —	700,164	98	
Привезено монеты —	41,308	90	
Вывезено — —	3,477,681	30	
<hr/>			
Всего — 8,710,418		89	

Обороты сѣмъ въ предшествовавшихъ четырехъ годахъ составили:

Въ 1848 году	8,652,000	р.
— 1847 —	7,601,000	—
— 1846 —	7,365,000	—
— 1845 —	7,887,000	—

Ниже будетъ объяснено, что превышеніе въ 1849 году произошло отъ довольно-значительнаго усиленія привоза товаровъ.

Обороты 1849 года могутъ быть также подраздѣлены слѣдующимъ образомъ:

Во торговлѣ съ Персіею, которая производится сухопутно и Каспійскимъ-моремъ.

Привезено товаровъ на	3,380,068	17
Вывезено — —	378,168	28
Привезено монеты —	4,931	—
Вывезено — —	3,112,897	75

Итого 6,874,994 20

По сухопутной торговлѣ съ Турціею:

Привезено товаровъ на	595,188	90
Вывезено — —	155,688	70
Привезено монеты —	39,377	90
Вывезено — —	348,654	55

Итого 1,138,910 5

По торговлѣ Черномъ-моремъ съ нѣкоторыми европейскими и турецкими портами:

Привезено товаровъ на	513,006	64
Вывезено — —	167,308	—
Вывезено монеты —	16,200	—

Итого 695,514 64

Всего — — 8,710,418 89

Изъ сего слѣдуетъ, что въ отношеніи ко всему обороту торговыхъ сношеній за Кавказомъ, персидская торговля составляетъ 79 на 100; сухопутная турецкая 13 на 100, а черноморская, въ которой заключаются всѣ торговые сношенія края съ европейскими государствами, только 8 на 100. Въ 1848 году обороты составили въ слѣдующей пропорціи: торговля персидская 77 на 100, турецкая сухопутная 15 на 100, и черноморская, такъ-же какъ и въ 1849 году, 8 на 100. Результаты эти доказываютъ восточность торговли за Кавказомъ предпріятій, которыя, хотя и усиливаются каждый годъ, но нѣтъ размещенія народонаселенія и постепеннаго водворенія европейскихъ нравовъ и обычаевъ, но по широтѣ того, остаются до-сихъ-поръ въ одной и той-же соразмѣрности между собою.

— Въ Земледѣльческой Газетѣ помѣщена слѣдующая любопытная таблица цѣвъ на хлѣбъ по губернскимъ и другимъ городамъ около половины марта 1850 года.

Мука ржаная за фунтъ въ 9 фунтъ. Рожь. Пшеница. Овесъ. Ячмень. Крупа гречневая. Пшено. Герохъ. Сѣно.

За четверть въ 8 четвертиковъ. пуд.

	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	К.
Архангельскъ . . .	4	—	—	—	1 90	—	9 60	10	—	8
Вотка	2 40	2 3	—	—	1 10	—	—	—	—	10
Вяткернсская . . .	3 30	3	—	4 80	2 30	2 90	—	5 00	—	11
Владив	2 90	2 35	—	—	1 30	—	4 40	—	—	8
Волынскъ	3	—	2 30	—	2 95	2 80	9 75	8 55	—	15
Воло	3 65	3 15	7 50	2	—	2 80	5 60	—	—	20
Вострава	2 80	2 50	5 50	1 10	—	—	4 70	—	—	7
Вурскъ	1 80	1 60	5 70	1 3	—	3	—	—	—	—
Вязьма	—	3 54	6 39	2 4	2 85	—	—	—	—	27
Владимирскъ . . .	4 85	3 80	5 40	2 10	4 20	5 75	—	—	—	25
Восна	2 75	2 30	5 45	2	—	2 60	4	6	—	23
Вик.-Новгородъ . .	3 60	—	—	—	1 25	—	4 24	—	—	9 1/2
Вологодскъ	4 20	3 80	—	—	1 80	—	—	—	—	—
Вятка	4	—	—	—	2 70	—	8	12	—	15
Вельскъ	4 62	4 32	7	—	1 87	2 86	—	—	—	15
Владимирскъ . . .	2 25	2 10	3 70	—	90	—	3	4 50	—	4
Владимирскъ . . .	3 10	2 50	5	—	1 40	2 30	4 25	—	—	12
Владимирскъ . . .	2 80	2 60	—	—	1 40	2	4 10	—	—	9
Владимирскъ . . .	3 50	3	8 14	1 60	2 60	5 70	9	—	—	—
Черниговъ	2 70	2 40	—	—	1 25	—	4	—	—	—
Ярославль	3 15	2 80	—	—	1 40	—	4 80	7	5	10

Цѣны показаны на серебро.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему Двору.

Апрѣля 3. — Гдовскій Уездный Предводитель Дворянства въ званіи Камер-Юнкера, Статскій Советникъ Графъ Алексѣй Кочевниковъ и Старшій Секретарь СП.-бургскаго Губернскаго Правленія Графъ Александръ Бобринскій Всеншлостивѣйше пожалованы — первый въ званіи Камергера, а послѣдній въ званіи Камер-Юнкера Императорскаго Двора.

* Кукуруза 3 руб. 30 коп. сер. за четверть.

** Картофель 1 руб. 75 коп. сер. четверть.

ОПРЕДЕЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Марта 12. Мппистру Народнаго Просвѣщенія, Сенатору, Тайному Совѣтнику Князю *Ширинскому-Шихматову* Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Главнаго Совѣта Женскихъ Учебныхъ Заведеній, съ оставленіемъ и при настоящихъ должностяхъ. Марта 18. Директору Главнаго Педагогическаго Института, Дѣйст. Статс. Совѣтнику *Давыдову* Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Главнаго Правленія Училищъ, съ оставленіемъ его и въ настоящей должности. Сенатору, Тайному Совѣтнику *Митусову* Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Главнаго Правленія Цензуры, съ оставленіемъ его и въ настоящей должности. — Марта 22. Члену Общаго Присутствія Морскаго Интендантства, Контр-Адмиралу *Болю*, Всемилостивѣйше повелѣно быть Исправляющимъ должность: Главнаго Командира Архангельскаго Порта и Архангельскаго Военнаго Губернатора, управляя и гражданскою частью въ Архангельской губерніи. — Апрель 6-го Члену Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Тайному Совѣтнику *Семлеву*, Всемилостивѣйше повелѣно быть Товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Пожалованы орденами.

Св. Равноапостольнаго Князя Владимира, 2-й степени.

Марта 16. Начальникъ 47 пѣхотной Дивизіи, Генерал-Лейтенантъ *Шербатцкій*.

Св. Анны 1-й Степени, съ Императорскою короною.

Марта 11-го. Измаильскій Комедантъ, Генерал-Маіоръ *Карновичъ*.

Св. Анны 1-й степени, безъ короны.

Марта 16. Начальникъ Штаба 1 Пѣхотнаго Корпуса, Генерал-Лейтенантъ *Желтухинъ*. — Сенаторъ, Генерал-Лейтенантъ *Карильевъ*. — Командиръ 2-й Бригады 1-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генерал-Маіоръ *Гладковъ*. — Военный Генерал-Полицеймейстеръ Дѣйствующей Арміи Генерал-Маіоръ *Шепелевъ*. — Командиръ 2-й Бригады 3-й Пѣхотной Дивизіи Генерал-Маіоръ *Самаринъ*.

Пожалованы медалими.

Золотыми, съ надписью: за усердіе, для пошеи на шеѣ: на Александровской лентѣ: Ростовскій (Екатериин. Губ.) Градской Глава, 2-й гильдіи купецъ Андрей *Яценковъ*. — На Аннинской лентѣ: Казанскій 3-й гильдіи купецъ *Ложкинъ*. — Бирскіе (Оренб. Губ.) купцы: 1-й гильдіи Данила *Балаевъ* и 3-й гильдіи Никита *Серебряковъ*.

Серебряною, съ надписью: за усердіе, для пошеи на шеѣ, на аннинской лентѣ: Архангельскій 3-й гильдіи купецъ Егоръ *Плотниковъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Предположенные нынѣшнею зимою военныя дѣйствія въ Большой Чечнѣ нынѣ окончены, съ честью для нашего оружія, въ успѣхѣмъ превзойдемъ ожиданія, и для всего края отъ Военно-Грузинской дороги до Кумыкской плоскости.

Послѣ дѣла 6-го февраля, отрядъ, собранный на р. Аргуни, дѣлательно продолжалъ вырубку просѣки къ Шалинской волѣвѣ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней непріятель, устрешенный повесенными имъ большими потерями, не оказывалъ сильного сопротивленія; но 11-го числа, усиленный новыми толпами, прибывшими изъ Дагестана, онъ занялъ снова своими многочисленными сборщиками лѣсъ и оврагъ, до вырубленного мѣста, и устроилъ завалы и батареи изъ пяти орудій, для встрѣчи колонны, высланной въ этотъ день на рубку подъ командою Полковника Серебрякова. Хотя завалы эти были мгновенно заняты нашими войсками, и Чеченцы отгнаны въ самую чащу лѣса, однакожъ когда колонна заняла позицію и начала работы, непріятельскія толпы опять выдвинулись впередъ и открыли по рабочимъ сильный ружейный и пушечный огонь. Неоднократно пытались они бросаться въ наши на цѣпи, прикрывавшія рабочихъ, то на правомъ, то на лѣвомъ флангахъ нашего расположенія; но отражаемые и сію атакованные, въ свою очередь, въ штыки храбрыми егерями Князя Воронцова полка, они должны были отступить и ограничиться дѣйствіемъ своихъ батарей.

Этотъ жаркій и упорный бой продолжался около 7-ми часовъ; войска наши подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ бодро производили работу и по окончаніи оной, возвратились въ лагерь, не бывъ преслѣдуемы утомленными и упавшими духомъ Чеченцами, которые ограничились нѣсколькими пушечными выстрѣлами по артиллеріи.

Въ этотъ день была совершенно окончена Шалинская просѣка, а 14-го и 15-го чиселъ дѣйствующій отрядъ оставилъ лагерь на правомъ берегу Аргуна и возвратился въ кр. Воздвиженскую. Такимъ образомъ послѣ тяжкихъ, но бодро и неутомимо, въ продолженіе мѣсяца, производимыхъ работъ, почти постоянно подъ непріятельскимъ огнемъ, проложено удобное сообщеніе въ самый центръ Большой Чечни (на разстояніи 12-ти верстъ), и прорублена просѣка шириною въ 700

самыхъ. Мы приобрѣли теперь возмѣжность во всякое время года и малыми отрядами дѣлать внезапные набѣги на Шалинскую поляну, гдѣ не только Чеченцы, но и Дагестанцы до- бывали прежде главные свои продовольственные запасы и пасли свои стада. Непріятель упорнѣе нежели когда-либо сопротивлялся нашимъ дѣйствіямъ, но это упорство повело его только къ весьма большому урбну. По свидѣтельству всѣхъ лезгинъ, потеря его, убитыми и ранеными, чрезвычайна, въ особенности въ сборникѣ Тамжа и Тавашевѣ погибли отважнѣйшіе вожди и предводители хищническихъ партій.

Моложикъ основаніе нашему утвержденію за Аргуномъ, нѣтъ оставалась кончить дѣло въ Малой Чечнѣ. Здѣсь жители, гнѣшимые въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оружіемъ нашимъ и востепенною вырубкою прѣсѣкъ, были частью истреблены, другіе же выселились въ горы или въ покорные намъ аулы. На протяженіи между Сунжею и передовою Чеченскою линіею оставались только небольшіе хутора и кутаны въ лѣсахъ и болотахъ, которые они считали для насъ неприступными. Эти остатки непризнаннаго населенія на Гойтѣ и на низовьяхъ Валерика были намъ весьма вредны, производя наваденія на команды, посылаемыя за дровами, служба сборными пунктами для хищническихъ партій, которыя пытаются пресѣкать наши ливни и мирные аулы, и доставляя всѣ продовольственные припасы и сѣно этимъ партіямъ и непокорнымъ Чеченцамъ, которые удалились въ Черныя горы и не находятъ тамъ достаточныхъ средствъ къ существованію.

Чтобы вытѣснить окончательно это неприятельское населеніе и въ его послѣднихъ убѣжищъ, предписано было Г. Главнокомандующимъ по окончаніи дѣйствій за Аргуномъ произвести въ Малую-Чечню набѣги съ трехъ сторонъ, что и было исполнено 17-го февраля одновременно и съ отличными успѣхомъ. Генерал-Маіоръ Баронъ Меллеръ-Закомельскій съ одною колонною атаковалъ внезапно хутора Курманай, на средней Гойтѣ, разбилъ жителей, которые успѣли спастись отъ штыковъ солдатъ, и уничтожилъ ихъ запасы. Двѣ другія колонны, подъ командою Генерал-Маіора барона Вревскаго и Полковника Ситцова, направившись въ тотъ же день отъ р. Сунжи и отъ ур. Урус-Мартанскаго внизъ и ввѣрхъ по р. Валерику, и поставивъ разсѣянные тамъ кутаны между двухъ огней, разрушили эти хутора, истребили всѣ запасы и взяли до 70 человекъ въ плѣнъ. Непріятель потерялъ и при этомъ вновь вскинулъ значительный урбнъ; а уstraшенные жители искали един-

ствоваго средства спасенія въ покорности и до 700 душъ уже переселились въ мирныя аулы, такъ что въ Малой Чечнѣ сѣвернѣе Русской-дороги, не осталось уже въ настоящее время ни одного непокорнаго аула.

Одновременно съ этими дѣйствіями, произведены были отрядомъ Полковника Бакланова, со стороны Кумыкской плоскости, два удачныя набѣга, 7-го и въ особенности 10-го февраля на аулы Тамбулак-Юртъ (на Гумоѣ) и въ долину Мичика. Въ послѣднемъ, при обратномъ слѣдованіи, храбрые казаки Донскаго № 20 полка, устроивъ скрытно засаду, внезапно атаковали спатичельную непріятельскую толпу и уничтожили ее. Кромѣ тѣхъ, оставленныхъ на мѣстѣ, казаки привезли въ Курниское укрѣпленіе 17 тѣхъ убитыхъ Чеченцевъ и 3-хъ плѣнныхъ, взято также на мѣстѣ боя 40 винтовокъ, 30 пистолетовъ и 50 кинжаловъ и шашекъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 23-февраля, столь же удачный и смѣлый поискъ произведенъ былъ отрядомъ Полковника Майделя, отъ укр. Хасав-Юрта къ Ауховцамъ въ ущелье р. Яман-су. Аулы Исманлъ и Берц-Отаръ истреблены войсками, равно какъ и все имущество жителей. При обратномъ слѣдованіи, непріятель въ значительномъ числѣ нападалъ неоднократно на нашу колонну, но и здѣсь казаки № 20 полка, поддерживаемые пѣхотою, обратили его въ бѣгство, и нанесли ему сильный уронъ. Въ нашихъ рукахъ осталось 39 тѣхъ чеченскихъ, множество оружія и 13 лошадей съ сѣдлами.

Не смотря на упорное сопротивленіе непріятеля и трудную, болотистую мѣстность, въ дѣлѣ 11-го числа и во всѣхъ упомянутыхъ поискахъ, потеря паша была менѣе значительна, нежели должно было ожидать: она заключается: въ 8 раненыхъ и 7 контуженныхъ Штабъ и Ober-Офицерахъ; 32 убитыхъ, 142 раненыхъ и 39 контуженныхъ пѣжныхъ чинахъ.

— Вотъ подробности объ упомянутомъ выше удачномъ набѣгѣ отряда Полковника Майделя:

Въ теченіе прошлаго февраля исполненъ войсками, на перодовой Кумыкской линіи расположенными, новый, смѣлый и удачный набѣгъ на непокорныя Ауховскіе аулы, въ ущельи р. Ямансу.

Въ ночь на 23 число, Полковникъ Майдель выступилъ изъ укр. Хасав-Юрта съ пятью баталіонами, командою стрѣлковъ и 6 сотнями Донскихъ казаковъ, при 8 орудіяхъ, и быстро направился въ сел. *Марцык-Юртъ*, *Мустафа-Отаръ* и *Сити-Юртъ*, поселившимся въ дремучемъ лѣсу, гдѣ они считали се-

бы вполне обезопасеннымъ отъ всякаго нападенія, будучи прикрыты со стороны нашей линіи нѣсколькими нарочно вырытыми канавами и, такъ называемыми, *Гойтемировскими воротами*, т. е. защитою, возведенною Ауховцами на единственной тропинкѣ, ведущей здѣсь въ ущеліе Ямансу. Отстраняя всѣ эти препятствія, авангардъ колонны овладѣлъ мгновенно этими воротами, разрушилъ оныя, и такимъ образомъ очистилъ проходъ для казаковъ, которые на рѣсѣяхъ бросились къ ауланъ и, поддерживаемые, бѣжавшею за ними командою стрѣлковъ Егерскаго Князя Чернышева полка, ворвались въ эти селенія, укрѣпленныя также сильно оградою; вскорѣ прибыли и остальные войска и предали аулы пламени, истребивъ все имущество жителей.

Когда это было исполнено, отрядъ началъ обратное слѣдованіе, сильно преслѣдуемый ожесточеннымъ непріателемъ, который собрался въ значительныхъ силахъ; но всѣ его нападенія были отражены нашими войсками, слѣдовавшими въ прикѣрномъ порядкѣ, и горцамъ не удалось ни разу разстроить или замедлить движеніе нашихъ цѣпей. Между-тѣмъ, за Гойтемировскими воротами и въ другихъ трудныхъ мѣстахъ, Полковникомъ Майдедемъ устроены были засады, и Ауховцы, наткнувшись на нихъ, потерпѣли сильное пораженіе, въ особенности за послѣднюю канавою, гдѣ вся кавалерія и часть пѣхоты, расположенныя здѣсь скрытно, въ кустарникѣ, дали непріятелю подойти на самое близкое разстояніе и произвели общую атаку, которая привела Чеченцевъ въ такое разстройство, что они не смѣли болѣе показываться. Этимъ прекращено было упорное и блистательное для войскъ нашихъ дѣло, продолжавшееся около шести часовъ. Къ 12 часамъ дня отрядъ возвратился благополучно въ Хасавъ-Юртъ, принеся съ собою множество оружія и 39 непріятельскихъ тѣлъ. Вообще уронъ непріятеля весьма великъ; съ нашей же стороны убито нижнихъ чиновъ 6, ранено и контужено 2 Обер-Офицера и 25 нижнихъ чиновъ.

Устрашенные Ауховцы убѣдились, что крѣпкая мѣстность не спасетъ и впредь ихъ отъ дѣйствія нашего оружія, и рѣшились переселиться далѣе въ горы, что будетъ имѣть весьма выгодное вліяніе на спокойствіе Кумыкскаго владѣнія.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГРЕЦІЯ.

Въ *Journal des Débats* пишутъ:

«Если разсмотрѣть въ подробности всѣ важнѣйшія проявленія англійской политики, всегда оказывается, что тайною ихъ причиною бываетъ желаніе сохранить владычество въ торговомъ мірѣ. Доказательства этому, со времени копенгагенскаго дѣла до китайской войны, такъ многочисленны, что не знаемъ даже, которое изъ нихъ выбрать. Греческое дѣло новое доказательство. Англія, сильная на Ионическомъ морѣ своими владѣніями на островахъ, расположенныхъ по Албанскому берегу и вдоль западной Греціи, постоянно взираетъ съ чувствомъ, если не алчности, то зависти, на развивавшійся, по ту сторону пространнаго Греческаго Архипелага торговый флотъ цикладскихъ острововъ и другихъ гаваней, принадлежащихъ греческому правительству. Недавно говорили, по случаю удержанія англійскимъ флотомъ греческихъ кораблей, что взяты лишь нѣсколько барокъ. Это выраженіе можно себѣ легко объяснить, если посредствомъ его хотятъ сильнѣе выставить превосходство Англіи на морѣ, и такимъ образомъ точнѣе опредѣлить насильственные поступки послѣдней державы. Но безъ преувеличенія данныхъ, не справедливо было бы уменьшать такимъ образомъ купеческій флотъ, производящій большію часть торговли Леванта, и даже западной части Средиземнаго моря. Въ Марсели онъ извѣстенъ своею дѣлательностью, искусствомъ, дешевымъ фрахтомъ и превосходною постройкою судовъ. Потому мы полагаемъ, что нижеслѣдующія подробности будутъ прочтены съ удовольствіемъ:

Известно, что Греки почитались съ давнихъ времени искусными мореплавателями: можно даже сказать, что въ древности, они одни были посвященны въ таинства науки мореплаванія. Подъ мусульманскимъ владычествомъ, въ ихъ рукахъ находилась вся нравственная сила Турецкой Имперіи; война за независимость, не только не ослабила ихъ, но, напротивъ, болѣе укрѣпила, а миръ, продолжавшійся съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, дозволилъ имъ развить на моряхъ свой духъ предприимчивости. Надобно прибавить, что успѣхамъ своимъ они обязаны круговой порукой (*solidarité*), которая, какъ въ Греціи, такъ и вездѣ, гдѣ находятся греческія купеческія конторы, соединяетъ другъ съ другомъ всѣхъ торговцевъ греческаго племени; всюду они поддерживаютъ одинъ другаго и помогаютъ другъ другу, и, благодаря этой благоразумной поддержкѣ, множество Грековъ, вытѣсненныхъ, двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, съ своихъ острововъ съ одною способностью къ торговлѣ, основали въ различныхъ европейскіхъ и азіатскіхъ портахъ богатые торговые дома, выдержавшіе, по болѣшей части, всѣ сильнѣйшіе переломы.

— За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, въ 1838. году, греческій флотъ состоялъ изъ 3,269 судовъ, вмѣстимостью въ 88,502 тонны *. Одинадцать лѣтъ спустя, т. е. въ 1849, число купеческихъ кораблей возрасло до 5,052, а число тоннъ до 234,443. Это составляетъ почти треть противъ французскаго купеческаго флота, состоящаго изъ 14,353 кораблей, вмѣстимостью въ 683,298 тоннъ. Для второстепенной державы, какова Греція, это отношеніе, какъ видно, довольно замѣчательно.

Этотъ греческій флотъ раздѣляется на четыре отдѣла: главныя мѣста его суть Идра, Сира, Скіатосъ и Миссологія. Въ Идріотскомъ отдѣлѣ считалось въ 1849 году 2976 судовъ, въ Сирскомъ 1049; остальное число было распределено между Скіатосомъ и Миссологіею. Въ это число не включено большое число греческихъ судовъ, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ, которыя со времени войны за независимость его не покидаютъ. Благоразумное употребленіе Греками своихъ купеческихъ кораблей, и особенныя условія устройства этого флота, основанныя на томъ правилѣ,

* Всѣ эти данныя заимствованы, по болѣшей части, изъ официальныхъ источниковъ, обнаруженныхъ французскимъ министерствомъ коммерціи.

что каждый матросъ имѣеть свою часть въ выгодахъ, получаемыхъ всеми кораблями, дозволяютъ имъ понижать свой фронтъ, и такимъ образомъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, поддерживать свое преимущество предъ другими соперничающими купеческими флотами. Исчислено, что греческій купеческій флотъ получаетъ ежегодно за перевозку товаровъ отъ 14 до 15 милл. рублей сер.

«Постройка кораблей производится во всѣхъ главныхъ портахъ и почти на всѣхъ греческихъ островахъ; корабельныя верфи находятся въ Идрѣ, Спецдин, Паросѣ, Галаксидѣ, Эгинѣ, Миконѣ, Андросѣ, Санторинѣ, Пиреѣ, но дѣйствительныя постройки собственно производятся только въ Пиреѣ и на Сирѣ. Особенно последнее мѣсто замѣчательно своею дѣятельностью. Здѣсь бывають заняты этимъ дѣломъ иногда около двухъ тысячъ работниковъ, и здѣсь же находится огромное складочное мѣсто строеваго и мачтоваго леса, якорей, корабельныхъ цѣпей, такалажа, парусовъ и проч., изъ котораго, въ случаѣ нужды, доставляются необходимыя матеріалы, не только въ большую часть Греціи, но и на материкъ и на турецкіе острова. Въ 1846, 1847 и 1848 годахъ на Сирской верфи построено было 212 судовъ, болѣе чѣмъ на два милліона р. сер. Корабли, стровные въ Марсели и обшиваемые мѣдью, вообще прочіе сооружаемыхъ въ Сирѣ, но послѣдніе обходятся гораздо дешевле, и совершенно удовлетворяють условіямъ каботажнаго и караваннаго судоходства, которыми преимущественно занимаются греческіе корабли. Дешевизна ихъ вооруженія и умеренность матросовъ доставляютъ греческому флоту главную часть грузовъ въ Архипелагъ и въ Левантъ, почему этотъ флотъ представляется опасно возрастающимъ соперникомъ для всѣхъ иностранныхъ флотовъ, особенно—же для англійскаго—Ионическаго. 1-го января 1850 года число матросовъ на греческомъ купеческомъ флотѣ доходило до 23,000 чел.; полагають, что въ случаѣ нужды береговые и островскіе жители могутъ выставить отъ 40,000 до 45,000 матросовъ.

«Теперь ясно, что государство, которое въ состояніи выставить не въ дальнемъ разстояніи отъ Ионическихъ острововъ и Мальты подобное число матросовъ, должно, по необходимости, сильно беспокоить Англію, государство, желающее, какъ извѣстно, сохранить за собою исключительное владычество на моряхъ.»

Афины.—20 марта. — Въ Times напечатано слѣдующее письмо изъ *Афинъ*:

— «Французскій пароходъ прибылъ сюда вчера утромъ. Дешевы, полученные г. *Уэйзомъ* и *барономъ Гро*, не заключаютъ ничего особенно важнаго. *Лордъ Пальмерстонъ* снова одобряетъ дѣйствія г. *Уэйза*,

«*Баронъ Гро* уже болѣе двухъ недѣль живетъ въ Греціи, но до-сихъ-поръ ничего не могъ сдѣлать для устраненія несогласій между повѣренными Англии и министрами *Короля Оттона*. Впрочемъ онъ усердно занимался разсмотрѣніемъ различныхъ требованій, и чрезъ день или два, будетъ имѣть возможность предложить нѣкоторыя мѣры къ устраненію затрудненій.

«*Баронъ Гро* хочетъ сперва переговорить съ гг. *Уэйзомъ* и *Лондосомъ* неофициально, объяснить имъ, какъ онъ думаетъ устроить дѣло, и если они согласятся съ нимъ, то онъ изложитъ свой планъ форменнымъ порядкомъ, и прикажетъ составить протоколъ, который окончателно устроитъ это дѣло. *Король* сказалъ недавно одному изъ иностранныхъ дипломатовъ, что онъ охотно далъ бы, изъ своей собственной шкатулки, 1,000,000 драхмъ (около 220,000 р. сер.), чтобъ только скорѣе все кончить. Но къ несчастію, это предложеніе не можетъ теперь произвести того дѣйствія, какое оно произвело бы прежде. Главное затрудненіе состоитъ, не въ уплатѣ суммы, означенной въ требованіяхъ Англии, а въ правѣ, на которомъ требованія основаны. Г. *Уэйзъ*, дѣйствуя по даннымъ ему инструкціямъ, не соглашается разсматривать спорный вопросъ, какъ обыкновенное дѣло кредитора съ должникомъ. Онъ требуетъ удовлетворенія за оскорбленіе англійской чести.

«Греческое правительство предлагало вчера *барону Гро*, представить ручательство въ уплатѣ всѣхъ суммъ, требуемыхъ гг. *Пачифико* и *Финлемъ*, но съ условіемъ, чтобы Англичане освободили всѣ задержанные ими корабли. Повѣренный Франціи до того увѣренъ въ бесполезности этого предложенія, что отказывается передать его представителю Англии. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Греція готова на всякія уступки, но врядъ ли повѣренный Англии согласится вознѣнить свои требованія. *Баронъ Гро* порицаетъ греческое правительство за его поведеніе съ Англійей, и думаетъ, что Греція обязана дать Англии удовлетвореніе; но въ то же время, онъ не допускаетъ со стороны Англии такихъ требова-

нѣй, которыя могли бы нарушить независимость греческой націи.»

— Въ газетѣ Times напечатано слѣдующее письмо изъ Афинъ, отъ 28 марта:

«*Баронъ Гро* имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ *Г. Уэйзомъ*, на французскомъ пароходѣ «*la Vedette*», стоящемъ въ Пиреѣ на якорѣ. Они положили первыя основанія соглашенія Англіи съ Греціей. *Г. Уэйзъ* и *Гро* считаютъ дѣйствительно важными однѣ только требованія гг. *Финеля* и *Пачифико*. Говорятъ, однако-же, что *баронъ Гро* энергически возставалъ противъ огромности суммы, требуемой бывшимъ португальскимъ консуломъ *Пачифико*, въ вознагражденіе за посуду, драгоценныя вещи и мебель, расхищенныя и испорченныя во-время разграбленія его дома. *Баронъ Гро* открылъ, что часть посуды находится, въ настоящее время, въ афинскомъ банкѣ, въ видѣ залога за занятыя и еще неуплаченныя 1-ю *Пачифико* суммы. Кроме того, *баронъ Гро* досталъ списки пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу *Пачифико*, который былъ въ крайней бѣдности гораздо прежде разграбленія его дома. Говорятъ, что *г. Уэйзъ* согласился съ мнѣніемъ *барона Гро*, на счетъ преувеличенія требованій *Пачифико*.

«Я видѣлъ, говорить далѣе корреспондентъ газеты Times, домъ *Пачифико*; это дрянная лачужка, выстроенная изъ лѣсу и глины, въ одноиъ изъ самыхъ грязныхъ афинскихъ кварталовъ. Греческое министерство только нѣсколько дней тому назадъ вздумало обратиться къ португальскому правительству съ просьбою о сообщеніи свѣдѣній касательно основательности требованій *Пачифико*. Разумѣется, что отвѣтъ придетъ слишкомъ поздно, но мы нашли въ парламентскихъ отчетахъ свѣдѣніе, что англійскій посланникъ въ Лиссабонѣ писалъ къ *Пачифико*, извѣщая его, что онъ получить отъ португальскаго посольства въ Лондонѣ 197 фун. стер., для покрытія всѣхъ требованій, означенныхъ въ предъявленномъ имъ счетѣ. Впрочемъ *г. Пачифико* отказался тогда принять эту сумму, объявивъ ее недостаточною.

«*Баронъ Гро* сообщилъ и *Фиклею* и *Пачифико* свое мнѣніе объ ихъ требованіяхъ. Завтра онъ будетъ имѣть вторичное свиданіе съ *г. Уэйзомъ*, и они покончатъ, вѣроятно, это неприятное дѣло. Потомъ *баронъ Гро* будетъ имѣть свиданіе съ *г. Лондосомъ*, съ которымъ *г. Уэйзъ* рѣшительно не хочетъ входить въ привычныя сношенія.

Правительство изъявило уже готовность удовлетворить г. Филлея, а для удовлетворения г. Пачифико, баронъ Гро предложить такую сумму, на которую согласятся, впрочемъ, оба правительства, греческое и англійское. Если барону Гро не удастся привести это дѣло къ удовлетворительному окончанію, то онъ долженъ будетъ, вслѣдствіе давнихъ ему инструкцій, возвратиться во Францію; въ такомъ случаѣ положеніе Греціи можетъ сдѣлаться очень критическимъ, потому что адмиралъ Паркеръ будетъ принужденъ, на основаніи послѣднихъ инструкцій, полученныхъ имъ отъ Лорда Пальмерстона, немедленно усилить блокаду всѣхъ греческихъ береговъ.

— Афины, 28-го марта. Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами извѣстіямъ изъ Греціи, мы можемъ присовокупить еще слѣдующее: баронъ Гро имѣлъ съ г. Уэйзомъ свиданіе, вслѣдствіе котораго г. Финлей и Пачифико были призваны на адмиральскій корабль, гдѣ имъ объявили, что какъ скоро они получатъ присужденныя имъ, въ видѣ вознагражденія, суммы, то должны немедленно выехать изъ Греціи.—

16-го апрѣля.—Вотъ что говорить United Service Gazette объ англійскомъ флотѣ Средиземнаго моря: «Судя по полученнымъ нами извѣстіямъ, должно заключить, что греческія дѣла, если не совершенно кончены, то, по крайней мѣрѣ, приняли очень мирный оборотъ, позволяющій надѣяться на скорое возвращеніе флота сэра В. Нернера къ острову Мальтѣ. Правительство съ такою увѣренностію ждетъ скорого окончанія несогласій съ Греціей, что отдало приказаніе о немедленномъ уменьшеніи флота. 120-ти-пушечный корабль «Howe»—капитанъ Сэръ Джемсъ Стирлингъ и 84-хъ пушечный «Venetianse»—капитанъ Блэквудъ, получили уже приказаніе возвратиться, и имъ будетъ выдано жалованье. Въ сѣвѣннѣ 80-ти пушечный линейный корабль «Superb»; а фрегатъ—пароходъ «Tegrible», находящійся теперь въ Лессабонѣ, сѣвѣннѣ фрегатъ-пароходъ «Odin».

— Изъ Афинъ, отъ 9 апрѣля: 6 с. м. празднована здѣсь годовщина войны за независимость. Въ иностранныя корабли были объявлены флагамъ и выкинули греческій флагъ. Замѣчательно, что англійскіе корабли, стоящіе при Саламинѣ, равнообразно выкинули этотъ флагъ; сверхъ того, каждый изъ нихъ самолично празднѣкъ 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

— Острова Сѣрви и Сапіэнца, которые *Лордъ Пальмерстонъ* почитаетъ принадлежащими къ Ионической-республикѣ, сами по себѣ не стоютъ ничего, но весьма важны по своему положенію. Сапіэнца лежитъ всего въ одной англійской милѣ отъ Метона и господствуетъ надъ южнымъ входомъ въ гавань. Сѣрви, отдѣленный отъ материка каналомъ, имѣющимъ 1,200 футовъ ширины, занимаетъ съ западной стороны Ватикаскую губу, лежащую невдалекѣ отъ мыса С.-Анжелло. Значитъ, кто владѣетъ этими островками, тотъ господствуетъ надъ двумя изъ важнѣйшихъ гаваней юго-западной и юго-восточной оконечностей Морен. О справедливости притязаній англійскаго правительства здѣшніе журналы до-сихъ-поръ спорятъ: газета «the Times» утверждаетъ, что Сѣрви и Сапіэнца принадлежатъ Греціи; а газета «the Globe», напротивъ, причисляетъ ихъ къ Ионическимъ островамъ.

29 апрѣля. — Въ газетѣ Times напечатано слѣдующее касательно рѣшеній *Лорда Пальмерстона* о греческомъ вопросѣ. Когда получены были послѣднія извѣстія изъ Афинъ, в послѣ того, какъ *баронъ Гро* утратилъ цѣлый мѣсяцъ на благонамѣренныя, но не имѣющія цѣли предложенія, которыя инструкція *г. Уэйза* не дозволяли ему принять, сдѣлалось ясно, что вопросъ этотъ не можетъ быть улаженъ одними стараніями этого посланника. Наконецъ *Лордъ Пальмерстонъ* такъ увѣрился въ этой трудности, что онъ самъ пригласилъ *г. Друэна де Люи* заняться съ нимъ вмѣстѣ опредѣленіемъ такихъ началъ, вслѣдствіе которыхъ можно бы было удовлетворить требованіямъ и вскоре разрешить этотъ вопросъ. Это соглашеніе послѣдовало на прошедшей недѣлѣ, о чемъ и дано знать въ Афины. Извѣстіе дойдетъ, вѣроятно, туда на первыхъ недѣляхъ будущаго мѣсяца. Мы полагаемъ, что хотя начало для удовлетворенія требованій и сдѣлано, но количество суммы все-таки должно было быть опредѣлено въ Греціи. Особенно подаетъ причину къ опасеніямъ то, что мы еще не знаемъ, что случилось въ Греціи съ 8 апрѣля, когда послѣдній курьеръ выѣхалъ изъ Афинъ, до того дня, когда тамъ получать новыя инструкція. Мы надѣемся во всякомъ случаѣ, что дальнѣйшія дѣйствія флота будутъ прекращены и что *Король Оттонъ* приметъ условія, которыя предложитъ ему Франція вслѣдствіе этихъ дальнѣйшихъ преній. До послѣднихъ извѣстій изъ Афинъ, требованія *г. Уэйза* не имѣли такой формы,

на которую бы *г.* Гро могъ согласиться, и потому было бесполезно навязывать Греціи, силою, требованія, которыя французскій агентъ считалъ преувеличенными.

А н г л і я .

— Въ Лондонѣ собирался митингъ, цѣлью котораго было открытіе подписки, для приобрѣтенія покупкою модели, Ватерлооскаго сраженія, сдѣланной капитаномъ *Сиборномъ*. Эта модель построена по масштабу 9-ти футовъ на одну милю, и заключаетъ въ себѣ 440 квадратныхъ футовъ пространства. Все поле сраженія, всѣ движенія британской, французской и прусской арій представлены съ чрезвычайною вѣрностію въ самую интересную минуту битвы, посредствомъ 120,000 металлическихъ фигуръ. Всякая деревня, всякій домъ, всякая ферма, даже группы деревъ и различныя принадлежности военной службы, изображены въ ней съ такою точностію, что, по отзыву всѣхъ знатоковъ, эта модель лучше всякаго описанія и всякой картины передастъ историческій фактъ потомству. Премія, присужденная капитану *Сиборну*, за его произведеніе, состояла изъ 4,000 ф. стерл., но творецъ модели уже умеръ, и лицо, которое владѣетъ ею въ настоящее время, проситъ за нее только 802 ф. стерл.

8-го апрѣля. Лондонъ.—Англійскіе протекціонисты употребляютъ всѣ возможныя средства для возстановленія законовъ, стѣсняющихъ вышнюю торговлю. Они приписываютъ уничтоженію запрещеній на ввозъ хлѣба чрезвычайное пониженіе цѣны на этотъ продуктъ. Французскій журналъ *la Patrie* очень основательно замѣчаетъ, что если даже допустить, что это пониженіе есть зло, то должно, по крайней-мѣрѣ, согласиться, что оно существуетъ въ настоящее время не въ одной только Англій, и происходитъ, не столько отъ мѣрѣ, принятыхъ сэромъ *Робертномъ Пилемъ*, сколько отъ урожая въ двухъ послѣднихъ годовъ. Какъ бы то ни было, а протекціонисты собираютъ митингъ за митингомъ, для пораженія, торжествующихъ нынѣ, приверженцевъ, свободной торговли. Изъ средствъ, употребляемыхъ протекціонистами для достиженія этой цѣли, особен-

но оригинально ихъ взаимное условіе, не носить бумажныхъ тканей, а только шерстяныя. Подобный способъ уже былъ употребленъ въ Англіи приверженцами уничтоженія колониальнаго невольничества, чтобы принудить колонистовъ освободить Негровъ; аболиционисты условились не употреблять сахару, воздѣлываемаго невольниками, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, триста тысячъ Англичанъ имѣли твердость пить чай и кофе безъ сахару.

Такая же лига, но уже не съ такою благородною цѣлю, составлена нынѣ въ Англіи, въ пользу шерстяныхъ матерій, противъ бумажныхъ. Предложеніе составить эту лигу было сдѣлано закореннымъ протекціонистомъ, г. Феррандомъ, на митингъ, бывшемъ недавно въ Понтефаркѣ.

«Составимъ силу говорилъ г. Феррандъ, противъ американской хлопчатой бумаги, для поддержанія нашей старой Англіи. Насъ двѣсти тысячъ землевладельцевъ, семь-сотъ фермеровъ, три милліона работниковъ: поклянемся не употреблять хлопчатой бумаги. Да и развѣ она намъ нужна? Наши дѣды не употребляли ея: они носили одежды, сдѣланныя изъ доброй англійской шерсти и добраго англійскаго льна. Едва шестдесятъ лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы узнали эту проклятую матерію, а теперь она все поглотила: мы носимъ ее сверху, снизу, вездѣ; она господствуетъ, но мы ее уничтожимъ. Да и можетъ ли это намъ не удасться? Развѣ герцогъ Бетфортъ не уничтожилъ налогъ на парики введеніемъ въ моду новой прически? Откажемся отъ бумажныхъ матерій и черезъ два года, мы заставимъ фабрикантовъ ланкастерскаго графства просить у насъ пощады».

Эти оригинальныя выходки г. Ферранда имѣли величайшій успѣхъ на понтефаркскомъ митингѣ. Всѣ присутствошіе фермеры обязались не употреблять бумажныхъ матерій, говоря, что предпочтутъ «сморкаться въ воловые пузыри, чѣмъ въ бумажные платки». Лига, основанная такимъ страннымъ рѣшеніемъ, начинается уже организоваться.

8-го апрѣля.—*Ниж. Пал.* Первое засѣданіе послѣ праздникова Пасхи. *Капитанъ Болдеро* объявилъ, что Палата слѣдуетъ рассмотреть, прежде нежели она образуется въ

финансовые комитеты, его предложеніе объ увеличеніи содержанія подлекарей на королевскихъ военныхъ корабляхъ. Хотя *Адмиралъ Дундасъ* отъ имени правительства и противился предложенію, не смотря на то, (48 голосовъ противъ 40) предложеніе было принято.

9-ю. — *Лордъ Сеймуръ*, недавно избранный комиссаромъ казенныхъ львовъ и государственныхъ имуществъ, присягнувъ какъ представитель *Тотнера* и, занявъ въ Палатѣ свое мѣсто. *Г. д'Израили* объявилъ, что въ случаѣ, если *Лордъ Росселъ* потребуетъ, чтобы Палата 12 числа образовалась въ комитеты, онъ сдѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

«Палатѣ известно все, что нужно для того, чтобы прійти за разсмотрѣніе и учрежденіе порядка въ содержаніи должностныхъ лицъ; парламентскіе слѣдственные комитеты въ подобныхъ случаяхъ ни къ чему не служатъ; они только замедляютъ дѣло, тогда какъ правительство обязано, для предупрежденія собственной отвѣтственности, начать съ такихъ мѣръ, которыя оно считаетъ необходимыми для того, чтобы въ государственныхъ учрежденіяхъ наблюдаема была экономія, сообразная съ потребностями».

Г. Горсманъ объявилъ, съ своей стороны, что онъ предложитъ уменьшить не только жалованье свѣтскихъ, но и жалованье духовныхъ лицъ. На вопросъ *г. Юма*, можно ли надѣяться, что греческій споръ вскорѣ окончится, *Лордъ Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что ни одинъ изъ членовъ Палаты не можетъ болѣе его принимать участія въ истинныхъ интересахъ греческой націи. Онъ говорилъ, что онъ участвовалъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыми упрочена независимость Греціи, и увѣрялъ Палату, что, во всякомъ отношеніи, ему было очень горько, быть причиною страданій греческой націи. Не нація, а греческое правительство виновато въ томъ, что Англія была принуждена прибыгнуть къ такимъ мѣрамъ. Что касается до переговоровъ, то они не привели еще ни къ какому результату; но *баронъ Гро* еще такъ недавно находится въ Афинахъ, что иначе и не могло быть. Затѣмъ Палата образовалась въ комитеты, для разсмотрѣнія бюджета военнаго вѣдомства. *Полковникъ Ансонъ* объявилъ, что коммиссія назначаетъ для этого бюджета сумму въ 2,434,417 ф. стер.; сумма эта меньше суммы выданной въ прошломъ году 198,184 ф. ст., и 557,726 ф. стер., меньше суммы 1848 года. Затѣмъ утверждены разныя назначенія.

9-го. *Нижн. Пал.* — Подано было множество прошений объ уничтоженіи штемпельной пошлины на періодическія изданія. *Лордъ Дунканъ* говорилъ объ уничтоженіи пошлины на окна, но предложеніе его было отвергнуто незначительнымъ большинствомъ (80 противъ 77 голосовъ). *Лорду Дункану* возражалъ канцлеръ казначейства; онъ сказалъ, между прочимъ, что онъ никакъ не согласится на уничтоженіе пошлины, которая приноситъ казнѣ 1.800,000 фунтовъ стерлинговъ дохода. Канцлеръ опровергалъ также мнѣніе, что налогъ на окна тягостенъ преимущественно для бѣдныхъ сословій; во всемъ соединенномъ королевствѣ считается 3.500,000 домовъ, а пошлину платять изъ нихъ 500,000, которые, по всей вѣроятности, почти исключительно заняты зажиточными сословіями.

11-го. — Въ субботу пріѣхали на нѣкоторое время въ *Брайтонъ*, бывший Король *Людвикъ-Филиппъ* съ супругою и *Герцогъ* и *Герцогиня Немурскіе* съ семействомъ.

12-го. *Верх. Пал.* — Третье чтеніе билля о тюрьмахъ. Билль этотъ былъ принятъ. Потомъ передъ Палатою долженъ былъ явиться г. *Начъ*, секретарь компаніи одной изъ желѣзныхъ дорогъ; ему былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ не исполнялъ повелѣнія Палаты, представить какія-то показанія. Въ *Ниж. Пал.* первый министръ, *лордъ Джонъ Россель* объявилъ о снаряженіи особой комиссiи, для изслѣдованія, какое жалованье и доходы получаютъ вообще чиновники, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, въ 1789, 1818, 1828, 1830 годахъ, когда тоже хотѣли сдѣлать возможные уменьшенія. Г. *д'Израэли* предложилъ Палатѣ, немедленно принять необходимыя для того мѣры, подъ собственной отвѣтственностью, потому-что Палата, говорилъ онъ, должна лучше всѣхъ знать, что слѣдуетъ ей дѣлать, если только она находитъ возможнымъ уменьшить жалованье должностныхъ лицъ; а впрочемъ ничто не можетъ быть столь противно кореннымъ узаконеніямъ, какъ подобная попытка со стороны правительства сложить съ себя отвѣтственность на парламентъ. Г. *Брайтъ* объявилъ, что онъ не можетъ согласиться съ г. *д'Израэли*, потому уже, что онъ никогда не находилъ его имени въ спискѣ тѣхъ лицъ, которыя подавали голоса въ пользу практической экономіи. Наконецъ министерское предложеніе было принято (250 голосовъ противъ 159). Г. *Горсманъ* требовалъ, чтобы содержаніе духовныхъ лицъ было также подвергну-

то изслѣдованію. Министръ внутреннихъ дѣлъ сэръ Джорджъ Грей говорилъ даже, что парламентъ имѣетъ право изслѣдовать доходы епископовъ, хотя эти доходы совсѣмъ не то, что содержаніе, которое получаютъ судьи, дипломаты, и другія должностныя лица; но нѣкоторые члены возставали противъ такого смѣшенія духовныхъ и свѣтскихъ должностей, и предложеніе г. Гёрсмана было отвергнуто (208 голосовъ противъ 95).

15-го. *Ниж. Пал.* — Помощникъ статсъ-секретаря колоній, г. Гевсъ объявилъ, что вѣдствіе протеста гибралтарскаго епископа противъ нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ совѣтомъ острова Мальты, въ тамошнихъ уголовныхъ законахъ, онъ писалъ къ губернатору Мальты, уведомляя его, что правительство не можетъ утвердить упомянутыхъ измѣненій, потому-что они представляютъ католическую церковь господствующую, англійскую же церковь не болѣе, какъ терпимую церковь. Лордъ Джонъ Россель объявилъ, что онъ представитъ, 6-го мая, свое предложеніе объ уничтоженіи въ Ирландіи намістническаго достоинства и объ учрежденіи четвертаго статсъ-секретарства, въ видѣ министерства для ирландскихъ дѣлъ. За тѣмъ Палата образовалась въ комитетъ, для разсмотрѣнія билля о штемпельной пошлинѣ; послѣ довольно продолжительныхъ преній, дальнѣйшее разсмотрѣніе билля было отложено. Палата отложила также до другаго засѣданія билль о вспоможеніи для Ирландіи, и разрѣшила министру внутреннихъ дѣлъ представить билль о погребеніяхъ.

— Въ *Morning Herald* напечатано письмо Джона О'Коннелля къ ирландскимъ репилерамъ, въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ, что рѣшился возвратиться къ частнымъ занятіямъ, потому-что общественное мнѣніе не поддерживаеетъ его. Такимъ образомъ положенъ конецъ еженедѣльнымъ собраніямъ дублинскихъ репилеровъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ собраній явился, кромѣ Джона О'Коннелля, еще одинъ только репилеръ; недѣльный же доходъ общества репилеровъ не превышалъ на этотъ разъ 4 фунтовъ стерлинговъ; вслѣдствіе чего г. О'Коннелль и рѣшился удалиться изъ общества.

— Въ Ирландіи былъ недавно обвиненъ одинъ человекъ въ покражу на полѣ рѣпы. Единственнымъ свидѣтелемъ этого воровства былъ полевой сторожъ, представившій,

вмѣсто уликъ, уже обвиненнаго, оторванное на мѣстѣ преступленія.

16-го. *Верх. Пал.* — Послѣдовало третье чтеніе билля о пошлннѣ на кирпичъ, и билля о билетахъ государственнаго казначейства. Оба они были приняты.

— Съ 1840 по 1848 годъ англійскіе крейсера захватили 625 кораблей, подозрѣваемыхъ въ торговлю Неграми. Изъ этого числа, 578 кораблей дѣйствительно оказалось невольничьими. На нихъ найдено 38,033 невольника.

18-го. *Верх. Пал.* — При второмъ чтеніи билля объ измненіи существующаго закона о призахъ за взятіе пиратовъ, въ Палатѣ разсуждали о пиратствѣ близъ острова Борнео. Дѣло идетъ теперь о томъ, что впредь правительство будетъ раздавать награжденія, смотря по заслугамъ тѣхъ, которые отличились въ преслѣдованіи морскихъ разбойниковъ. Пользуясь этимъ случаемъ, *лордъ Элленборо* горилъ противъ того, какъ недавно были изрублены цѣлыя шайки пиратовъ на берегу. Послѣ него сталъ говорить *графъ Элсмеръ*. Онъ защищалъ *сара Брука*, правителя Лабуанскаго, и утверждалъ, что онъ своими дѣйствіями упрочилъ спокойствіе тамошней страны. *Лордъ Элленборо* сказалъ, что какъ ему извѣстно, тамъ называютъ пиратствомъ просто войну между различными племенами. Впрочемъ онъ не признавалъ пользы Лабуанской колоніи. *Лордъ Грей* доказывалъ, выписками изъ официальныхъ донесеній, что эти племена были въ самомъ дѣлѣ разбойники, которые навели ужасъ на всѣ торговыя суда въ Индѣйскомъ архипелагѣ. Лабуанъ есть мѣсто, которое должно бы быть очень полезно для торговли Англіи, а оно драгоцѣнно для нея только какъ мѣсто стоянки для военныхъ пароходовъ. Послѣ возраженія *лорда Элленборо*, это дѣло было оставлено.

Ниж. Пал. — Палата образовалась въ комитеты, для разсмотрѣнія билля касательно введенія сокращеннаго судопроизводства за незначительное веровство. *Серъ Джоржъ Стриклендъ* опровергалъ этотъ билль, потому что черезъ принятіе его уничтожится въ Англіи судъ присяжныхъ за разныя преступленія, а судъ Англичанина есть самое драгоцѣнное право. *Г. Лоу* предлагалъ выпустить ту часть билля, вслѣдствіе котораго взрослые должны тоже подвергаться сокращенному судопроизводству, если покража ихъ не превышаетъ шиллинга, и представить этотъ билль Палатѣ,

въ сѣриѣ особаго билля; это предложеніе было принято; другая часть билля, по которой подвергались сокращенному судопроизводству люди въ возрасте 16 лѣтъ, была также принята, но съ прибавленіемъ сѣра *Джоржа Спиркленда*, которымъ запрещается такихъ преступниковъ подвергать наказанію розгами.

19-го.—*Вер. Пал.*—*Маркизь Вестмисъ* говорилъ о томъ, какъ въ Ирландіи худо исполняются законы о бѣдныхъ, и предложилъ составить частный комитетъ, который бы подтвердилъ его показанія. *Маркизь Лансдоунъ* полагалъ, что такое слѣдствіе не приведетъ къ цѣли. *Лордъ Станлей* былъ того мнѣнія, что даже необходимо составить комиссію, которой можно было бы жаловаться на извѣстныхъ лицъ.

Ниж. Пал.—Палата образовалась въ комитетъ, и продолжала совѣщаться о биллѣ, касательно организаціи правительства Австралійской колоніи. По случаю разсмотрѣнія 6-й главы билля, Парламентъ употребилъ большую часть своего засѣданія на пренія о томъ, долженъ ли Парламентъ состоять изъ одной или двухъ Палатъ, и о томъ, какими образомъ должны быть избираемы члены законодательнаго сословія. Въ биллѣ предлагается образовать въ землѣ Вандименовой и Южной Австраліи Парламентъ изъ одной Палаты, и предоставляется избирать треть членовъ этой Палаты (Законодательный Совѣтъ), которыхъ не должно быть болѣе 24, правительству, а двѣ трети народу. *Сэръ В. Меллордъ* сдѣлалъ другое предложеніе—составить въ этихъ двухъ колоніяхъ, кромѣ Законодательнаго Совѣта, еще другую Палату, члены которой, такъ же какъ и члены Законодательнаго Совѣта, должны быть избраны народомъ. *Лордъ Россель* опровергалъ последнее предложеніе, и объяснилъ, какой вредъ причинитъ этимъ колоніямъ вторая Палата. Наконецъ послѣ долгихъ преній, предложеніе было отвергнуто, (218 голосовъ противъ 150).

—Сегодня, молодые принцы съ Сандвичевыхъ острововъ, *Камегама* и *Лихомю*, были на аудіенціи у принца *Альберта*.

—На банкетъ, данномъ недавно *Лордомъ Меромъ*, по старинному обычаю, присутствовали всѣ политическія знаменитости Лондона и многіе иностранные дипломаты, въ числѣ которыхъ находился французскій посланникъ. *Лордъ Джонъ Россель*, отвѣчая на тостъ за здоровье министровъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Прямые увѣреніе, что мы и впредь будемъ стараться вести государственныя дѣла въ томъ же духѣ, т. е. что мы никогда не будемъ считать учрежденія нашего отечества до того совершенными, какъ будто бы къ нимъ уже признаны всѣ усовершенствованія, въ которыхъ они отъ времени до времени нуждаются; что мы никогда не отбросимъ въ сторону полезное, только потому, что оно устарѣло, что мы не отбросимъ въ сторону и такого, что кажется намъ страннымъ потому только, что ново. (*Одобрѣніе*). Только соединеніемъ и тѣснымъ союзомъ этого почтенія къ старому, постояннымъ поддержаніемъ уваженія къ началамъ, на которыхъ наши почтенные предки основали свои учрежденія и признаніемъ ихъ къ настоящему времени, только соединеніемъ уваженія къ старому съ уваженіемъ къ новѣйшимъ улучшеніямъ, можетъ быть утверждена независимость и счастье нашего отечества. (*Одобрѣніе*). Мнѣ пріятно, что я снова вижу близъ себя посланника Франціи, потому-что его присутствіе между нами, служитъ признакомъ тѣснаго союза между обоими государствами. Да продлится этотъ союзъ долго! Я думаю, что тѣсный союзъ двухъ такихъ государствъ можетъ послужить къ поддержанію мира и благополучія всего человѣчества.» (*Громкія рукоплесканія*).

29-го.—*Королева Бельгійцевъ*, прибывшая въ Англію, посетила третьяго дня *Королеву Викторію* въ Букингамскомъ дворцѣ. Когда она прибыла изъ Клермонта, *Принцъ Альбертъ* встрѣтилъ ее на дворѣ желѣзной дороги, и проводилъ во Дворецъ. *Герцогиня Орлеанская*, равномерно прибывшая съ своимъ семействомъ въ Лондонъ, остановилась въ домѣ *леди Нозль Байронъ*. 25-го апрѣля былъ день рожденія *Принцессы Алиси*, по какому случаю данъ при дворѣ дѣтскій балъ. Того же числа былъ день рожденія и *Герцогини Глостерской*. *Королева Бельгійцевъ* и *Герцогиня Орлеанская* съ *Графомъ Парижскимъ* и *Герцогомъ Шартрскимъ*, прибыли въ Клермонтъ 25-го апрѣля. Сюда прибылъ также съ материка *Князь Лейкингенъ*.

30-го.—*Ниж. Пал.*—269 голосовъ противъ 173, то есть большинствомъ 93 голосовъ, отвергнуто предложеніе г. *Гемли*, изслѣдовать постановленія о жалованьи должностнымъ лицамъ, и если можно, уничтожить нѣсколько публичныхъ должностей; предложеніе это было отвергнуто, потому-что въ этомъ отношеніи, все возможное уже сдѣлано и что такое предложеніе можетъ быть принято за недоуміе.

И Т А Л І Я.

Римъ.—Получено известіе, что *Папа* выѣдетъ изъ Неаполя 4-го апрѣля. Онъ поѣдетъ сухимъ путемъ, а не моремъ, какъ говорили прежде. *Пій IX* поручилъ *Кардиналу Антонелли* благодарить Францію, за предложенный ею, для проѣзда въ Чивита-Веккію, пароходъ. Такъ какъ жители Римской области прислали множество прошеній, въ которыхъ они просятъ *Папу*, чтобы онъ благословилъ ихъ, то *Папа* рѣшился склониться на ихъ просьбу, и объѣхать часть своихъ владѣній. Онъ пробудетъ по одному дню, въ Террачинѣ, Фрозепоне, Веллетри, а изъ послѣдняго города отправится въ столицу свою.

— Другія же газеты говорятъ, что возвращеніе *Папы* въ Римъ подвержено еще сомнѣнію. Въ Террачинѣ дѣлаются приготовленія, заставляющія предполагать, что онъ долго проживетъ тамъ. Говорятъ даже, что и *Король Неаполитанскій* пріѣдетъ на нѣкоторое время въ Террачину. Съ другой стороны извѣщаютъ, что въ Португалию готовятся къ отъѣзду....

— При возстановленіи въ Римъ австрійскаго герба не присутствовалъ ни одинъ изъ французскихъ офицеровъ, что возбуждало разные толки въ здѣшней публикѣ. Носится слухъ, что при возвращеніи *Папы* будетъ обнародована общая амнистія, изъ которой исключается только 30 человекъ. *Кардиналъ Ламбускини*, какъ утверждаютъ, пріѣдетъ нѣсколькими днями раньше *Папы*, и привезетъ съ собою декретъ объ амнистіи.

— На дняхъ случилось въ Римѣ слѣдующее курьозное происшествіе. Собирались разстрѣлять человека, за то, что онъ грозился заколоть кинжаломъ одного французскаго солдата. Известно, что въ Римѣ запрещено, въ настоящее время, носить при себѣ оружіе. Преступникъ былъ уже приведенъ на мѣсто казни, и солдаты готовились исполнить печальный долгъ свой, когда явился на площадь какой-то господинъ, съ длинной бородой, одѣтый въ черное платье. Онъ подошелъ къ офицеру и сказалъ ему:

— Этотъ человекъ невиненъ, отпустите его; а такъ какъ

вашему генералу непременно нужна жертва, то разстреляйте меня.

Эти слова возбудили рукоплесканія зрителей, но офицеръ не потерялся и отвѣчалъ:

— Мнѣ право очень жаль, милостивый государь, что не могу сдѣлать вамъ пріятное; я исполняю приговоръ суда! Еслибъ вы были Французъ, то знали бы, что мы имѣемъ обыкновеніе повиноваться законамъ. Впрочемъ, такъ какъ вамъ, по-видимому, очень хочется быть разстрѣляннымъ, то я научу васъ средству достигъ этой цѣли. Ступайте домой, возьмите кинжалъ, положите его въ карманъ и приходите ко мнѣ. Тогда я безъ отговорокъ исполню ваше желаніе.

Черный господинъ, разсчитывавшій на участіе народа, былъ принужденъ отказаться отъ задуманной имъ хитрости, и удалиться, провожаемый насмѣшками!

— 25 марта, Папа принималъ въ замкѣ Портичи адмирала и всѣхъ офицеровъ французской эскадры, и также французскаго посланника г. Реневаль. Въ этомъ замкѣ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, исключая мѣстоположенія; мемблорованъ онъ очень скромно, обои въ немъ полинялые и залы пусты. Прежде нежели офицеры вошли въ тронную залу, они, сообразуясь съ установленнымъ церемоніаломъ должны были снять перчатки. Пій IX былъ весь въ бѣлой одеждѣ; онъ средняго роста, но довольно тученъ, волосы у него сѣдые, но довольно густые. Адмиралъ поблагодарилъ за аудіенцію, и увѣрялъ, что онъ гордится тѣмъ, что командуетъ эскадрою, которая будетъ сопровождать его. Папа отвѣчалъ по италіянски, что онъ никогда не забудетъ, что Франція сдѣлала для него, для церкви и для его духовнаго права.

«Я желалъ бы, сказалъ онъ, благословить Францію такъ какъ васъ благословляю».

При этихъ словахъ всѣ офицеры встали на колѣни и приняли благословеніе. Адмиралъ и г. Реневаль поцаловали кольцо Папы, и всѣ удалились.

— Портичи, 4-го апрѣля, l' Evénement. Сегодня, въ полдень, Папа оставилъ Портичи и отправился обратно въ свои владѣнія. Его Святѣйшество переночуетъ сегодня въ Казертѣ. Кромѣ кардинала Антонелли, прелатовъ и придворныхъ чиновъ, Папу сопровождаютъ кардиналъ Диопонъ и г. Микара. Король Неаполитанскій проводитъ Его Святѣйшество до границы.

— Римъ, 2-го апрѣля.—Со вчерашняго дня на замкѣ Св. Ангела въ Римѣ снова развивается папскій флагъ. Во внутренности Ватикана встрѣчаются уже не французскіе, а папскіе солдаты. Въ дневномъ приказѣ къ французской арміи, солдатамъ велѣно между прочимъ, отдавать кардиналамъ военныя почести и извѣстить о прибытіи Папы 101 выстрѣломъ. Болонская газета, которой хорошо извѣстны эти дѣла, полагаеть, что Папа прибудеть 8 числа, потому-что 6 числа онъ будетъ, навѣрное, въ Террачинѣ.

5-го.—*Монсильоръ Савелли*, министръ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, министръ земледѣлія, искусство и публичныхъ работъ *Якоби*, и министръ финансовъ *Галли*, отправились въ Террачину, чтобы поздравить Папу съ прибытіемъ въ его владѣнія.

Папу приняла въ Террачинѣ съ восторгомъ; въ Римѣ также непритворно радуются скорому прибытію его.

— Папу принимали съ величайшимъ восторгомъ вездѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ. 10 числа въ Чивита-Веккии служили благодарственный молебень по случаю счастливаго возвращенія Его Святѣйшества.

— Временная Муниципальная Комиссія издала слѣдующее позваніе къ Римлянамъ:

«Наконецъ приблизился многожеланный день, когда папскій престолъ и нашъ Римъ возвратятся къ прежнему своему блеску! Въ пятницу, 12-го апрѣля, въ 4 часа, Папа будетъ въ Римѣ, приметъ въ Латранской церкви поздравленія общиннаго начальства, и помолясь Всемогущему Подателю всѣхъ благъ, отправится по *Via S. Giovanni* къ *Fogo Trojano*, оттуда по *Via Papele* въ соборъ св. Петра, а изъ собора св. Петра поѣдетъ въ Ватиканъ. Празднуйте, сограждане, это счастливое событіе! Превзойдите рвеніемъ вашими прочіе города, потому-что возвращеніе верховнаго главы церкви удовлетворитъ ваши желанія, и будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, ручательствомъ за ваше истинное благосостояніе. *Калимой, 9-го апрѣля. (Под.) Президентъ Князь Одесналинъ, Кав. А. Алибранди. Б. Периколи. Маркизь Б. Капраникъ. Кав. Дж. Паласци. Д-ръ А. Тавани. Б. Белли. Кав. Бенедетти. Адв. Пулиеро.»*

— Утромъ, 12 апрѣля, Папа выѣхалъ изъ Веллетри, въ сопровожденія кардиналовъ *Аскини*, *Дюпона* и *Антонелли*; онъ останавливался на пѣкоторое время въ городѣ *Гвезано*, былъ въ таинственной церкви, благословлялъ народъ и нежно-

миланскихъ солдатъ, которые провожали его. Неаполитавцевъ завѣщали Французы. Въ Альбано Папа былъ угощаемъ тамошнимъ Епископомъ, Кардиналомъ Патрици. Въ 4 часа по полудни онъ вступилъ въ предѣлы вѣчнаго города. На Латранской-площади его встрѣтила многочисленная толпа радостнаго народа. Стоявшія тамъ французскія и римскія войска отдали ему обычную честь. Пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ отдаленныхъ кварталовъ о счастливомъ событїи. На паперти базилики св. Юанна Латранскаго Папу встрѣтило духовенство этой церкви; тутъ же были поднесены ему городскимъ начальствомъ ключи Рима. Когда Папа выходилъ изъ экипажа, его встрѣтило все римское духовенство и дипломатическій корпусъ. На дорогѣ къ Ватикану, онъ встрѣчалъ многочисленныя толпы народа, радовавшагося его возвращенію. Въ церкви Ватикана встрѣтилъ его кардиналъ Маттеи; онъ прїобшился тутъ Святыхъ Тайнъ, выслушалъ благодарственный молебенъ и потомъ удалился во внутренніе покои Ватикана, гдѣ снова принималъ поздравленія кардиналовъ и дипломатическаго корпуса. Вечеромъ весь городъ былъ великолѣпно иллюминированъ.

— Вѣнская газета получила по телеграфу извѣстїе, что по прибытїи Папы въ Римъ, за дворцомъ князя Дикси лопнула петарда, что произвело нѣкоторое волненіе. Нѣсколько чиновниковъ отставлено отъ должности по этому случаю.

— Генераль Барраге д'Илье возвращается, съ позволенія правительства, во Францію, потому что если онъ находился бы въ отсутствїи болѣе полугода, то лишился бы званія представителя. На время команда поручается старшему послѣ него, генералу г. Гевилье.

— Въездъ Папы въ Римъ воспослѣдовалъ 12 числа, въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди шли папскіе драгуны и величты, потомъ французскіе егеря, драгуны и жандармы, а за ними бригадный командиръ и римскій комендантъ со своимъ штатомъ и отрядъ дворянской гвардіи. За ними слѣдовала карета Папы, въ которой сидѣли также кардиналы Медичи, д'Оттавио и Барромео. По правой сторонѣ кареты ѣхалъ дивизионный генераль Барраге д'Илье, а съ лѣвой, начальникъ дворянской гвардіи князь Альтеери. За каретою ѣхалъ французскій генеральный штабъ, дворянская гвардія и французскіе драгуны, потомъ кардиналы: Патрици, Делла Джениа, Серматтеи, Ваничелли-Касони, Алтиери,

Асими, Дюпюи и Антонелли, временная муниципальная комиссия и дипломатический корпусъ, именно. *Г. Марти-нецъ де-ла-Роза* (испанскій посланикъ), *Графъ Лидекерне Бофоръ* (нидерландскій), *графъ Дюпюльфъ* (неаполитанскій), *графъ Спауръ* (баварскій), *баронъ да Вендо де-Крупъ* (португальскій), *Муттино де-Лама Альваресъ-Сильва* (бразильскій), *Бутеневъ* (русскій), *Ирраразабаль* (чплійскій), *графъ Эстергази* (австрійскій). Секретари французскаго посольства: *Гр. Ла-Туръ, д'Овернь, и Беркастель-Брукеръ* (бельгійскій), *Кестнеръ* (ганноверскій), *Бергалли* (тосканскій), *Маркизъ Лоренцано* (экваторіальной республики), *графъ Симонетти* (модеискій), *Монмоиа* (мексикаускій), *Альфредъ де-Рёмонть* (прусскій), *маркизъ Спинола* (сардинскій), *фонъ-Кольдъ* (виртембергскій), *Касъ* (сѣверо-американскій).

— Въ *Bulletin de Paris*, отъ 22' числа, напечатано: «Мы узнали сегодня, чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ, что извѣстія, напечатанныя въ Аугсбургской газетѣ и перепечатанныя парижскими журналами, оказываются, къ несчастію, сираведливными. Передъ дворцемъ Спізі были положены петарды, былъ и взрывъ. генералъ *Барагè д'Илье* подтвердилъ эти извѣстія въ депешѣ къ Генералу *Лаитту*, полученной сегодня утромъ. Въ Римѣ замышляютъ много интригъ, чтобы ослабить благотельное вліяніе возвращенія Папы...»

— *Кардиналь Викарій* объявлялъ Римлянамъ, что *Папа*, обращая особенное вниманіе на положеніе бѣдныхъ, и желая показать имъ, сколько онъ тронутъ перенесенными ими несчастіями, приказалъ раздать имъ, изъ собственной казны, 25,000 экю. Примѣру *Папы* послѣдовало городское начальство, приказавшее также раздать бѣднымъ значительную сумму, и многіе богатые люди.

20-го апрѣля. — *Папа* былъ въ Боргезской часовнѣ, и потому, при восклицаніяхъ народа, объѣхалъ большую часть города. Поздравительная депутация города Анконы была принята имъ очень ласково.

Неаполь.—Король, проводивъ *Папу* до границъ его владѣній, отправился въ Гаэту. Тамъ собрано довольно много войска, и портъ укрѣпляютъ; это дѣлается, говорятъ, вслѣдствіе ноты *Лорда Пальмерстона*.

Тоскана.—31 марта скончался во Флоренціи извѣстный поэтъ *Джузепе Джусти*.

— Австрийское военное начальство распорядилось, чтобы церкви въ Ливорно были заперемы въ 7 часовъ вечера, и отпираться только на слѣдующее утро.

— Договоръ между Австріей и Тосканой почти заключенъ, на условіяхъ, довольно выгодныхъ для Тосканы. Въ этомъ договорѣ сказано, что австрийскія войска останутся въ Тосканѣ, въ качествѣ вспомогательнаго корпуса. Тосканское правительство будетъ пользоваться ими сообразно съ своими надобностями; но дисциплина и военное управленіе будутъ вполне зависетьъ отъ Австріи.

4-го апрѣля. — Въ письмѣ изъ Флоренціи рассказываютъ о великолѣпномъ маскарадѣ, данномъ французскимъ посланникомъ при тосканскомъ дворѣ, г. *Валевскимъ*. Особенное вниманіе обратили на себя, богатствомъ своихъ костюмовъ, п. *Демидовъ*, *Зичи* и *лордъ Вернонь*; первый былъ въ костюмѣ Карла I, осыпанномъ брилліантами, второй въ венгерскомъ костюмѣ, а третій въ шотландскомъ.

10-го. — Сегодня торжествовали во Флоренціи бракосочетаніе *Прицессы Тосканской, Изабеллы*, съ *графомъ Трапани*.

Сардинія. — 3 апрѣля. — Вотъ исторія переговоровъ съ *Папою* объ уничтоженіи духовныхъ преимуществъ: Въ ноябрь мѣсяцъ, *графъ Аветъ* отправилъ въ Римъ записку объ этомъ дѣлѣ; за тѣмъ послѣдовала, въ май мѣсяцъ 1848 года, другая записка, и объ онѣ были основаны на статутѣ. Составленная по этому дѣлу папская коммиссія потребовала отъ посланника *Парето* подробный проектъ. *Кардиналъ Антонелли* отвѣчалъ на это другимъ проектомъ, рѣшительно невозможнымъ. Такъ какъ Римъ упрямо настаивалъ, то туда послали *Аббата Росмини*, чтобы навѣрное узнать, склонны ли тамъ къ переговорамъ. *Росмини* хотѣлъ наконецъ вести переговоры на основаніи папскаго проекта, но правительство не могло на это рѣшиться. По этому г. *Росмини* отказался отъ даннаго ему порученія. Наконецъ *вицестръ Маргерита* послалъ въ Римъ г. *Сиккарди*, чтобы сдѣлать новую попытку, и эта попытка осталась тщетною. Тогда предложенъ былъ извѣстный законъ.

— Въ газетѣ *Concordia* рассказываютъ, что австрийское правительство прислало ноту, въ которой оно требуетъ удаленія ломбардскихъ бѣглецовъ.

— Работы на желѣзныхъ дорогахъ въ сардинскихъ владѣнiяхъ, продолжавшіяся даже во-время войны съ Австріею, быстро идутъ впередъ. Сквозь цѣпь Апеннинскихъ-горъ, отдѣляющую Геную отъ равнины рѣки По, уже прорытъ туннель, и можно надѣяться, что скоро между этими важными портами и большою Италійскою рѣкою установится быстрое сообщеніе. Длительно трудится также на линіи, которая поведетъ отъ Александріи къ озеру Маджоре, потому къ швейцарской границѣ, и соединится съ большими германскими линіями, ведущими къ Сѣверному Морю. Другая линія должна идти отъ Турина, чрезъ гору Сени, (Мон-Сени) на Шамбері и Женеву, и соединиться съ французскими желѣзными дорогами, когда на этой сторонѣ онѣ будутъ готовы.

16-го.—Въ Алессандріи собирается новый корпусъ войскъ.

26-го. — Весна распространяетъ свое чарующее вліяніе на засѣданія Палаты Депутатовъ. Скамьи, залы и галереи для постороннихъ слушателей пустыютъ. Бываютъ только настоянные посѣтители, habitués; всякій ѣдетъ въ деревню, если есть хоть малѣйшая къ тому возможность. Вчерашніе пренія касались вопроса о учрежденіи университета на островѣ Сардиніи, в не представляють интереса.

Ф р а н ц і я .

1-го апрѣля.—Дѣлають приготовленія къ весьма-важному опыту. На привязанномъ воздушномъ шарѣ, поднятомъ на высоту 300 метровъ, устроенъ будетъ сильный электрическій маякъ по указаніямъ новѣйшихъ открытій. При безвѣтріи, надѣются этимъ приборомъ освѣтить четвертую часть кварталовъ праваго берега Сены.

Зах. Соб.—Продолжались пренія о бюджетъ. Г. Видаль объявилъ, во-время засѣданія, что онъ принимаетъ выборъ Нижне-Рейнскаго Департамента. Паризу приходится выбирать новаго представителя, а демократическая партія имѣеть уже кандидата, г. Эмиля де-Жирардета, который объявилъ уже въ своемъ журналѣ la Presse, что принимаетъ эту кандидатуру.

— Выписываемъ изъ брошюрки, вышедшей недавно подѣ

названіемъ: «Mystères de l'Hôtel de ville», довольно любопытный анекдотъ о томъ, какимъ образомъ раздавались мѣста во времена временнаго правительства. Вотъ этотъ анекдотъ:

«Въ маленькихъ комнатахъ, которыя входятся подъ входа въ кабинетъ, гдѣ засѣдало временное правительство, было такъ тѣсно, что никто не могъ болѣе войти туда, а тѣ, которые уже добрались на такое близкое разстояніе отъ восходящаго солнца, никакъ не хотѣли выйти оттуда; они во что бы то ни стало хотѣли приблизиться къ этому трону въ новомъ родѣ, и ни за какія деньги въ мірѣ не отступили бы на шагъ назадъ.

«Придверникъ, который несъ блюдо съ котлетами, хлѣбъ и бутылку подъ рукою, старался, но тщетно, проложить себѣ дорогу; напрасно онъ показывалъ цѣпочку, которая свидѣтельствовала о его должности, всѣ были глухи и слѣпы».

— Граждане, говорилъ онъ: вы забываете, что я несу эту скудную пищу господамъ членамъ временнаго правительства!»

«Но и тутъ никто не шевелился. Наконецъ, какой-то толстый и веселый господинъ, лѣтъ около 35 или 40, въ черномъ фракѣ, въ длинныхъ и гладко-зачесанныхъ волосахъ, составилъ новый планъ для своего похода, вслѣдствіе котораго онъ долженъ былъ самъ попасть туда, куда тщетно старался войти придверникъ: онъ сталъ передъ человекомъ съ серебряною цѣпочкою, и началъ сильно расталкивать толпу направо и налево, восклицая громкимъ голосомъ:

— Пропустите! Завтракъ *г. Гарнье Пажеса*, который умираетъ съ голоду. Посторонитесь, чтобы этотъ достойный гражданинъ подкрѣпился и сталъ снова работать для утвержденія республики, которая одна только и можетъ составить счастье насъ всѣхъ!»

«Повинуясь голосу, а особенно геркулесовскимъ жестамъ этого покровителя придверника, толпа очистила маленькій проходъ, и оба они дошли до кабинета, гдѣ происходила совѣщанія. Черезъ четверть часа послѣ того, гражданинъ-покровитель вышелъ оттуда съ веселымъ лицомъ, держа въ рукахъ повелѣніе дать ему почтовыхъ лошадей и проч. и проч. Онъ отправлялся съ какимъ-то порученіемъ въ провинцію».

— *Прудонъ* будетъ представленъ на-дняхъ въ *Ассизный Судъ*; онъ выбралъ себѣ въ адвокаты г. *Кремьб*.

2-го. — *Зак. Соб.* Собрание приняло мѣстный проектъ закона. Затѣмъ слѣдовало продолженіе преній о бюджетѣ. При разсмотрѣніи 2 главы, а особенно о содержаніи приходскаго духовенства, многіе члены лѣвой стороны требовали, чтобы эта сумма была уменьшена въ 1,200,000 фр. *Г. Фавръ* говорилъ о нештатныхъ священникахъ. Онъ утверждалъ, что они невольники, которыхъ участь зависитъ отъ расположенія духа *Епископовъ*, и что званіе ихъ должно быть пожизненнымъ, какъ званіе штатныхъ священниковъ. Поэтому-то и должно измѣнить ихъ положеніе. *Министръ Парьб* объявилъ, что онъ не ожидалъ, чтобы членъ лѣвой стороны сталъ защищать религію и духовенство. Это предложеніе было совершенно неожиданно. Никто и не намѣревался серьезно разсматривать его, и г. *Жюль-Фавръ*, сдѣлавъ это предложеніе, хотѣлъ, вѣроятно, только возбудить низшее духовенство противъ правительства. *Церковь*, для пользы религіи, нуждается въ строгой дисциплинѣ. Въ заключеніе своей рѣчи, г. *Парьб* просилъ собраніе отвергнуть предложеніе. *Г. Жюль Фавръ* требовалъ, чтобы ему просто и тотчасъ же отвѣчали на вопросъ:

Намѣрено-ли Собрание продолжать пренія о положеніи низшаго духовенства?

Г. Беррье потребовалъ слова (*Вниманіе*). Ораторъ, при живомъ одобреніи правой стороны, развивалъ разницу между добровольнымъ покореніемъ и между мнимымъ гражданскимъ неравенствомъ низшаго духовенства; онъ говорилъ также о томъ, что правительство не имѣетъ права вмешиваться въ дисциплину церкви; о необходимости строгаго испытанія духовныхъ лицъ, прежде утвержденія ихъ въ санъ священника на всю жизнь, и въ заключеніе своей рѣчи старался доказать нецѣлность мысли, высказанной лѣвою стороною, предоставить гражданамъ избирать общинныхъ священниковъ, въ такое время, когда большая часть избирателей или атеисты, или совершенно равнодушны, или заражены политическими страстями. За тѣмъ собраніе (434 голосовъ противъ 142) отвергло предложеніе г. *Жюль Фавра*.

3-го. — *Зак. Соб.* — Собрание снова принялось за пренія о бюджетѣ. *Г. Жюль Фавръ* требовалъ уменьшенія 32000 фран. суммы, назначенной на секретныя издержки полиціи.

Правительство пользуется этими фондами для преследованія некоторых мѣтій. Одно лицо, не участвующее въ Собраніи, имѣетъ рѣшительное вліяніе на правительство, а именно префектъ полиціи, г. Карлье. (Очень хорошо!) Министерство придаетъ охранительнымъ журналамъ слѣдующее сильное вліяніе. Въ префекты полиціи всегда избирали людей достойныхъ и замѣчательныхъ.

Галось. А Коссидьеръ?

Г. Фаэръ. Это не согласно съ французскими правами, наказать за отсутствующаго, на осужденнаго (Шумъ). Теперь это мѣсто поручили простому полицейскому агенту, который только и извѣстенъ доносами на социалистовъ. Соціализму объявили войну, и это объявленіе будетъ началомъ междоусобной войны.

Съ льва. Очень хорошо! (Шумъ).

Г. Фаэръ. Такъ и начинается междоусобная война. Стараются уничтожить партію, которую называютъ красною.

Съ права. Вы сами избрали членовъ этой партіи въ представители!

Съ льва. Уважайте оратора!

Г. Мортимеръ Терло. Такъ пусть же онъ уважаетъ Собраніе. (Снова шумъ).

Г. Дюшэ, членъ лѣвой стороны напасть на г. Гюна члена правой стороны. Между ними завязался споръ. Послышалось слово: «трусъ». (Страшное волненіе). Волненіе дошло до крайности.

Г. Дамжуа. Здѣсь обругали товарища. Надо принять мѣры!

Наконецъ спокойствіе слова возобновилось.

Г. Фаэръ. Я не подаю повода къ этому несправедливому случаю.

За тѣмъ онъ продолжалъ говорить. Онъ утверждалъ, что одного человека лишили мѣста, а одной бедной вдовѣ перестали давать пособіе, за то только, что они принадлежали къ социалистской партіи. Въ заключеніе онъ говорил о циркулярѣ г. д'Олу жандармантъ, и о циркулярѣ префекта объ осадномъ положеніи Ронскаго департамента, утверждалъ, будто бы въ библіотекѣ отыскиваютъ вредныя книги и готовятъ списки изгнанниковъ (Шумъ).

Между-тѣмъ г. Фульдъ объявлялъ, что онъ желалъ бы представить бюджетъ на 1851 годъ, но теперь не рѣшается потребовать слова.

Г. Данжуа сказалъ, что во-время всеобщаго волненія г. Дюше угрожалъ правой стороной сжатый кулакомъ, требуя, чтобы уважали трибуну. Г. Сегюръ д'Агессо отвѣчалъ на это: уважайте насъ самихъ. Г. Дюше обидѣлъ г. Гоіона, сдѣлавъ угрожающій жестъ. Г. Дюше долженъ быть наказанъ по положенію статьи 119 регламента. Къ такому поведенію тѣмъ менѣе можно быть равнодушнымъ, что третьяго дня самаго Президента Республики жестоко обидѣли. (Страшное волненіе).

Президентъ. Я слышалъ слово: доносчикъ, и напоминаю о порядкѣ тому, кто произнесъ его.

Г. Міо требовалъ слова, для объясненія по личному дѣлу (Ропоть).

— Когда я услышалъ, что г. Данжуа требовалъ, чтобы нашъ товарищъ Дюше былъ подвергнутъ наказанію, мною овладѣло негодованіе, и я невольно назвалъ его доносчикомъ! (Страшный шумъ).

Президентъ предложилъ сдѣлать г. Міо замѣчаніе со внесеніемъ въ протоколъ. Предложеніе это было принято.

Г. Данжуа, въ своей рѣчи сказалъ, что Президентъ не дружелюбно былъ принятъ въ предмѣстьи Сент-Антуанъ. Генералъ д'Олу утверждалъ, что это несправедливо, что Президентъ не потерпѣлъ никакихъ оскорбленій и что все слухи объ этомъ не основательны. Г. Гоіонъ объявлялъ, что угрожающій жестъ (сжатый кулакъ) не относится къ нему. Г. Дюше прошелъ мимо скамейки г. Гоіона, когда онъ воскликнулъ: «уважайте самихъ себя». Тутъ онъ обратился съ сжатымъ кулакомъ къ всѣмъ, которые тамъ сидѣли, а не лично къ нему, и спросилъ: кто это сказалъ? г. Гоіонъ возразилъ: «Я». Тутъ въ дѣло вмѣшались нѣсколько представителей. Вотъ какъ это было, но онъ не считаетъ себя лично обиженнымъ. Самъ г. Дюше объявилъ, что это было дѣйствительно такъ и что онъ не имѣлъ намѣренія кого-нибудь обидѣть. Г. Шасселу-Лоба замѣтилъ, что не г. Данжуа, а одинъ президентъ можетъ предлагать наказанія.

Затѣмъ Собраніе перешло къ очереднымъ занятіямъ. Г. Барошъ опровергалъ предложеніе г. Жюля Фавра. Въ заключеніе это предложеніе, сдѣланное съ целью порицанія министерской политики, было отвергнуто (410 голосовъ противъ 175).

— 29-го ноября 1849 года, Кабѣ былъ приговоренъ заочно судомъ исправительной полиціи, за употребленіе во

зло доверія и за обманъ, къ заключенію на 2 года въ тюрьму, къ уплатѣ 50 фр. денежнаго штрафа и къ лишенію гражданскихъ правъ на 5 лѣтъ. *Кабё* протестовалъ противъ этого приговора, обѣщая лично явиться въ судъ. Ему назначили для этого срокъ, который кончился третьяго-дня. Защитникъ *Кабё*, *Генри Селее* требовалъ вторично трехмѣсячной отсрочки, но Судъ отринувъ это требованіе и подтвердилъ приговоръ 29-го ноября.

— По извѣстію, сообщаемому въ газ. «la Patrie», изъ Парижа выслано вчера 1,500 человекъ.

5-го — *Зак. Соб.* Въ 2¼ часа было окончено собраніе голосовъ для выбора двухъ послѣднихъ вице-президентовъ.

— Мистриссъ *Гильдъ (Дола-Монтес)* поселилась въ отель Божонъ, въ Елисейскихъ поляхъ, который мужъ ея нанялъ для нея. Супруги живутъ опять мирно.

— Почти все парижскіе журналы толкуютъ о происшествіи, случившемся съ *Президентомъ Республики* въ Сент-Антуанскомъ предместьи, но во всехъ этихъ толкахъ много разногласія. Дѣло въ томъ, что *Президентъ* въ 2 апрѣля въ Венсенъ, для смотра стоящихъ тамъ артиллеристовъ; артиллеристы приняли его съ большимъ восторгомъ; онъ роздалъ солдатамъ нѣсколько крестовъ и медалей, и поблагодаривъ ихъ за отличную выработку, отправился въ обратный путь. *Президента* сопровождалъ генералъ *д'Опу*, сидѣвшій въ одномъ съ нимъ экипажѣ, и конвой изъ 30 драгунъ. Пока *Президентъ* смотрѣлъ артиллеристовъ, демократы успѣли собрать множество народа и разставили его на довольно длинномъ разстояніи; когда *Президентъ* вѣхалъ назадъ, весь этотъ народъ кричалъ:

— Да здравствуетъ демократическая республика!

Нѣкоторые журналы утверждаютъ, что за *Президентомъ* вѣхала пустая коляска, ему же принадлежащая, и что кучеру и лакею этой коляски было сдѣлано нѣсколько довольно грубыхъ оскорбленій.

— Изъ Берлея (въ Энскомъ департаментѣ), отъ 29-го марта пишутъ, что савойскіе карабинеры захватили въ Левинъ восьмерыхъ молодыхъ людей въ блузахъ, скрывавшихъ подъ этою одеждою высшее состояніе. Говорятъ, что они прибыли во Францію съ революціонными замыслами. Слухи эти подтверждаются тѣмъ, что въ эту же ночь двадцать другихъ лицъ переправились чрезъ Рону въ Шо, и вступили во Францію. Когда французская таможенная стража хо-

теля ихъ остановить, они угрожали ей оружіемъ. Будучи слишкомъ слаба, чтобъ бороться съ ними, она ихъ пропустила. Этотъ случай привелъ въ волненіе всѣхъ окрестныхъ жителей. Всѣ таможи по этой линіи получили приказаніе задержать бывшаго редактора газеты *Le Peuple Souverain*, *Фореса*, бѣжавшаго изъ рукъ жандармовъ.

6-го. — *Зак. Соб.* — *Президентъ* объявлялъ, что имѣетъ быть произведенъ выборъ двухъ вице-президентовъ посредствомъ баллотировки между гг. *Фоше*, *Ватименилемъ*, *Бенуа д'Ази* и *Жюлемъ де Ластері*. Въ 2 часа перечисленіе голосовъ было окончено, и Собраніе занялось снова выборами въ департаментъ Верхняго Рейна. Министръ внутреннихъ дѣлъ не сомнѣвался, что выборы будутъ утверждены, и хотѣлъ защитить чиновниковъ. Онъ увѣрялъ, что префектъ дѣйствовалъ безпристрастно, а что касается до циркуляра, то о немъ производится слѣдствіе. Соціалисты не должны полагать, что они могутъ поколебать дисциплину въ арміи. Правительство будетъ оберегать отъ этого армію, а въ случаѣ нужды приметъ строгія мѣры противъ виновныхъ.

Г. Пеанъ. Вы проповѣдуете мщеніе.

Барошъ. Это они дѣлаютъ и въ письмѣ и на словахъ. Они поощряютъ солдатъ къ неуваженію начальства, они злословятъ правительство. (*Ободреніе съ права*).

Г. Валентинъ (бывшій лейтенантъ егерскаго Венсенскаго полка) вошелъ на трибуну въ мундирѣ. Онъ говорилъ, что онъ съумѣетъ оправдать армію, и что онъ проситъ только снисхожденія, потому-что никогда публично не говорилъ (*шумъ*). Ораторъ принялся читать свою рукопись, но его заглушили. Требовали окончанія преній. Не смотря на протестъ г. *Шофура*, предложеніе было принято. Затѣмъ *президентъ* объявилъ результатъ выборовъ вице-президентовъ. Въ вице-президенты избраны гг. *Леонъ Фоше* и *Жюль де Ластері*. Затѣмъ Собраніе перешло къ собиранію голосовъ о выборахъ въ департаментъ Верхняго Рейна. Результатъ вышелъ слѣдующій: полагающихъ голоса было 629; въ пользу выборовъ подано 420, противъ нихъ 209 голосовъ. Такимъ образомъ выборы были утверждены. Въ заключеніе Собраніе назначило министру публичныхъ работъ на издержки желѣзной дороги изъ Парижа въ Сео 40,000 франковъ. Собраніе безъ преній назначило выдать прибавочные кредиты для покрытія недоимокъ за 1846 и 1847 годъ.

— Въ *Gazette des Tribunaux* напечатано: г. *Эмиль Жирарденъ* намѣренъ вычеканить медаль въ память послѣдней рѣчи г. *Виктора Гюго*.

— Газета *l'Ordre* увѣряетъ, что число первоначальныхъ учителей, отставленныхъ отъ должности вслѣдствіе закона 10 января, простирается не болѣе, какъ до 300.

8-го. — *Зак. Соб.* По причинѣ отреченія г. *Жюль Ластери* отъ должности четвертаго вице-президента Собранія, была открыта новая балатировка и *Жюль Ластери* былъ вторично выбранъ 325 голосами противъ 22, поданныхъ въ пользу г. *Ватимениля*. Г. *де Лабордь* представилъ Собранію просьбу, подписанную многими жителями нѣкоторыхъ общинъ Воклюзскаго департамента, которою требуется исполненіе предложенія г. *Ларошжаклена* (*Смѣхъ*). На очереди были вторичныя пренія о желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Авиньонъ. По требованію г. *Ламартина*, пренія отложены до слѣдующаго засѣданія.

— *Президентъ Республики* произнесъ, при открытіи генеральнаго совѣта земледѣлія и торговли, слѣдующую рѣчь:

«Милостивые государи! Никогда содѣйствіе ваше не было столь необходимо, какъ въ настоящее время. При нашемъ послѣднемъ собраніи, бывшемъ за четыре года, вы пользовались совершенной безопасностью, и могли спокойно заниматься изысканіемъ средствъ къ усовершенствованію промышленности. Въ настоящее время, исполненіе этой обязанности труднѣе. Непредвидимый переворотъ, поколебавшій общество, породилъ множество вопросовъ. Съ одной стороны, должно утвердить то, что поколеблено, съ другой, принять рѣшительныя мѣры къ вспомошествованію страждущимъ интересамъ. Лучшее средство къ обезсиленію того, что опасно и ложно, есть принятіе того, что дѣйствительно хорошо и полезно. (*Рукоплесканія*).

«Затруднительное положеніе земледѣлія должно прежде всего обратить на себя ваше просвѣщенное вниманіе. Правительство уже оказало земледѣлію первыя пособія, избавленіемъ поземельной собственности отъ налога въ 27 милліоновъ франковъ, и предложеніемъ измѣнить, въ пользу земледѣльцевъ, законы о залогахъ.

«Кромѣ того, для облегченія займовъ, правительство уменьшило пошлыны, взимаемыя при составленіи заемныхъ писемъ; наконецъ, оно намѣрено предложить вскорѣ на ваше разсмотрѣніе проектъ закона, которымъ, я надѣюсь, у-

терпится поземельный кредитъ, представляющій существенныя выгоды землепалъдьямъ, не подвергая казны никакихъ опасностямъ.

«Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашего мнѣнія объ уменьшеніи налога на сахаръ. Мы бы хотѣли, чтобъ цѣны на этотъ важный предметъ потребления понизились, безъ вреда, какъ туземной, такъ и колоніальной промышленности.

«Многія мануфактуры находятся въ упадкѣ и, подобно земледѣлію и торговлѣ, не могутъ возстановиться иначе, какъ возстановленіемъ общественнаго кредита. Кредитъ есть нравственная сторона матеріальныхъ интересовъ; это духъ, живущій въ родѣ промышленности. Онъ удерживаетъ живость произведеній, а недоверіе уничтожаетъ ее. Такъ, вѣрнѣе, въ настоящее время, Франція не имѣетъ избытка въ хлѣбѣ, но недостатокъ довѣрія препятствуетъ торговымъ сдѣлкамъ, поддерживаетъ слишкомъ высокія цѣны на хлѣбъ, и причиняетъ тѣмъ земледѣлію вредъ, не отвратимый тѣми способами, какіе до-сихъ-поръ предлагались.

«Итакъ, вмѣсто того, чтобы впасть въ мечтательныя жоріи, здравомыслящіе люди должны содѣйствовать нашимъ усиліямъ къ возстановленію кредита, а эта цель можетъ быть достигнута не иначе, какъ при усиленіи нравильства для поддержанія порядка и повиновенія законамъ. (Руклясскамія).

«Принимая общія мѣры, долженствующія содѣйствовать благосостоянію всего государства, правительство заботится также объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи, оно обратитъ ваше вниманіе на сберегательныя и пенсіонныя кассы, на кассы взаимнаго вспоможенія и на улучшеніе квартиръ, занимаемыхъ рабочими.

«Мнѣ пріятно надѣяться, что ваше собраніе, составленное изъ людей способныхъ и спеціально образованныхъ, будетъ обильно благотворительными результатами. Вы чужды того духа партій, который въ наше время приводитъ къ бездѣйствию самыя лучшія намѣренія; вы оживлены однимъ желаніемъ, — желаніемъ общественнаго блага.

«Итакъ, вслѣдуйте же, съ свойственною вамъ добросовѣстностью, вопросамъ наиболее практическіе, вопросы непосредственнаго приложенія. Съ своей стороны, я сдѣлаю, съ содѣйствіемъ собранія, все, что будетъ возможно. Но еще разъ повторяю: неслѣдуетъ тратить время дорого: да не опередитъ

иастъ движеніе зловредныхъ страстей.» (*Продолжительнымъ рукописканіемъ*).

9-го. — *Зак. Соб. Г. Ламартинъ* потребовалъ слова во время преній о Парижско-Авиньонской желззной дорогѣ.

— Въ случаѣ волненія политическихъ страстей, сказалъ онъ, надо оказывать единодушіе относительно одного вопроса: вопроса о работѣ и о поддержаніи національнаго благосостоянія. Если предложеніе правительства и будетъ отвергнуто, то я подамъ голосъ къ пользу предложенія г. *Греви*, лишь бы только доставить работу народу. Сперва я вѣзставалъ противъ предоставленія постройки обществамъ построенія большихъ желззныхъ дорогъ и отдачи такимъ образомъ пространныхъ частей земли во владѣніе частныхъ лицъ; но теперь законъ 1842 года устранилъ отчасти это зло. Ораторъ повторилъ доводы г. *Леона Фошэ*, и объявилъ, что совершенно согласенъ съ ними. Теперь государство находится не въ состояніи строить само большія дороги, и оно должно считать себя счастливымъ, если большія компаніи хотять дать на то свои капиталы. Онъ (ораторъ) посвятить 25 лѣтъ своей жизни изученію политической экономіи (*ропотъ*). Этимъ я не хочу сказать, что я обогатилъ науку, но, вѣроятно, всѣ повѣрятъ, что я довольно умель, чтобы быть въ состояніи изучать ее. Многіе возстають противъ торга акціями. Но вѣдь торгъ этотъ есть спекуляція, которая оплодотворяетъ промышленность. Тотъ, кто хочетъ дождя, долженъ хотеть, чтобы были и облака.

Съ льва. Да, но не градъ!

Ламартинъ. Въ пользу этого предложенія говорятъ также и политическія причины. Теперь снова появились безумныя ученія. Я не говорю о коммунизмѣ, противъ него мы всѣ возстаемъ, а о социализмѣ, который имѣетъ приверженцевъ и здѣсь, въ Палатѣ. Лучшее средство противъ этихъ химеръ, этихъ зловидныхъ страстей, этихъ утопій — работа. Рѣшеніе этого дѣла должно вести къ уменьшенію нищеты и вредныхъ страстей. (*Долгое молчаніе*).

Г. Кремьѣ: До той минуты, когда г. *Ламартинъ* не посоветовалъ принять законъ, не оказывая никакого уваженія къ прежнимъ своимъ мнѣніямъ и системъ, дѣйствительно это говорилъ г. *Ламартинъ*. Я вспомнилъ при этомъ о знаменитой рѣчи, произнесенной въ прежней Палатѣ Депутатовъ, въ которой г. *Ламартинъ* такъ краснорѣчиво защищалъ противное тому, что теперь защищаетъ. Какъ че-

ловкѣ съ здравымъ смысломъ, я не постигаю этой переизны итѣнѣй, и буду опровергать проектъ, глядя на него съ точки зрѣнія г. *Ламартина*. Ораторъ доказывалъ, что проектъ этотъ не можетъ соответствовать понятіямъ г. *Ламартина* о вспоможеніи работникамъ, и что удовлетворить эти понятія можно только въ такомъ случаѣ, когда государство приметъ на себя эти постройки. Г. *Ламартинъ* опровергалъ проектъ не г. *Греви*, а другой, который онъ самъ составилъ. Государство не въ состояніи братья за такія предпріятія, говорилъ онъ. Но когда хотятъ расточать деньги, тогда говорятъ только о хорошемъ положеніи финансовъ. Такъ возставалъ противъ пагубнаго вліянія событій 1848 года на финансы, и наконецъ въ бюджетъ оказалась недочетъ 3 милліонновъ. Этотъ недочетъ напоминаетъ о постыдныхъ спекуляціяхъ во времена іюльской монархіи. Г. *Ламартинъ* говорилъ о химерахъ, и самъ же указываетъ на нихъ, какъ на причину, по которой слѣдуетъ подать голоса въ пользу закона. Это несогласно съ логикою. Ту же причину приводили и въ пользу закона о мерахъ. Комиссія отвергла эти причины, и хорошо сдѣлала. (*Волненіе*). Требуютъ также закона о клубахъ, но лучшей отвѣтъ на это требованіе есть: «Подите и посмотрите сами».

Ораторъ объявилъ себя противъ закона. Докладчикъ г. *Вите* полагалъ, что компаніи могли бы доставить работникамъ доходъ, а государство не можетъ сдѣлать этого. Онъ старался представить ничтожными и преимущества, которыя предоставляются компаніямъ. Наконецъ онъ сообщилъ исторію проекта. Сперва президентъ хотѣлъ приступить къ собранію голосовъ о томъ, слѣдуетъ ли государству самому строить эту желѣзную дорогу, или нѣтъ. Но собраніе сильно противилось намѣренію президента. Наконецъ предложеніе г. *Греви* было отвергнуто (443 голосовъ противъ 285).

10-го.—*Зак. Соб.* — На очереди состояло второе разсмотрѣніе проекта закона о Парижъ-Авиньонской желѣзной дорогѣ. Предложеніе г. *Дарблѣ* состоитъ въ слѣдующемъ: въ ожиданіи лучшаго времени, Парижъ-Авиньонская желѣзная дорога имѣетъ быть окончена на казенный счетъ до Шлона. Посреди возрастающаго шума и громкихъ разговоровъ, министръ старался убѣдить собраніе отвергнуть предложеніе г. *Дарблѣ*. Въ Собраніи шумѣли все болѣе и болѣе. Рѣчь оратора уже не было слышно, и всѣ требовали соби-

ранія голосовъ. Собраніе приступило къ собиранію голосовъ и предложеніе г. *Дарбл* было отвергнуто (358 голосовъ противъ 314).

— Г. *Эмиль де-Жирарденъ* напечаталъ, въ своей газетѣ *La Presse*, статью, въ которой онъ исчисляетъ все заслуги свои передъ французскимъ народомъ, все пожертвованія, которыя онъ добровольно налагалъ на себя, послѣ 24 февраля, для пользы демократіи. Въ заключеніе статьи своей, Г. *Эмиль де-Жирарденъ* объявляетъ, что отказывается отъ своей кандидатуры, и безъ всякаго сожалѣнія уступаетъ мѣсто свое восьмидесяти трехъ-лѣтнему *Дюпону*.

— *Графъ Сиракузскій*, братъ *Короля Неаполитанскаго*, прибылъ изъ Парижа въ Марсель, сѣлъ тамъ на корабль и отправился въ Неаполь. Онъ путешествуетъ подъ строжайшимъ инкогнито, подъ именемъ *сильора Валенте*.

12-го. — *Зак. Соб.* — Въслѣдствіе предложенія министра публичныхъ работъ, Собраніе отложило продолженіе преній о желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Амьенонъ, равно какъ и пренія о бюджетѣ и о пенсіонныхъ кассахъ. Затѣмъ Собраніе рѣшило принять къ разсмотрѣнію предложеніе г. *Надд*, объ отъѣнѣ 1781 статьи гражданскаго кодекса. Въ концѣ засѣданія были довольно шумныя пренія, по случаю назначенія дѣлъ, которыя должно было поставить на очередь, для разсмотрѣнія въ завтрашнемъ засѣданіи.

— Во всѣхъ приготовительныхъ избирательныхъ собраніяхъ демократической партіи рѣшено противиться кандидатурѣ г. *Жирардена*, который, впрочемъ, какъ мы уже говорили, отказался отъ нея, въ пользу г. *Дюлова*. Въ этихъ избирательныхъ собраніяхъ обращаютъ вниманіе только на тѣхъ кандидатовъ, которые объявляютъ, что они ставятъ республику выше большинства.

— Газета *Assemblée Nationale* требуетъ сегодня, чтобы г. *Фоа* также отказался отъ своей кандидатуры.

— *Парижскій Архіепископъ* разрѣшилъ, съ согласія *Папы*, построить въ Парижѣ церковь для исповѣдующихъ православную греческую вѣру. Эта церковь будетъ построена на концѣ предмѣстья Сент-Оноре.

— *Прудонъ* и *Лангранъ* были представлены вчера въ Ассизный Судъ, первый за статью подъ заглавіемъ «Да здравствуетъ Императоръ», а послѣдній, какъ правитель дѣлъ газеты «*la Voix du Peuple*». *Креме* и *Маде де-Монжу* защищали обвиненныхъ.

13-го.—*Зак. Соб.* Приняты безъ прений два мѣстныхъ проекта закона. На очереди состояло разсмотрѣніе предложенія г. *Мелена*, касательно нездоровыхъ квартиръ. Затѣмъ на очереди состояло разсмотрѣніе предложенія, касательно пошлины на собакъ.

Ст. 1-я: «Съ 1 января 1851 года въ пользу общинъ налагается пошлина на всѣхъ собакъ, исключая принадлежащихъ слѣпымъ выцымъ, и щенковъ, которые еще не отстали отъ матери».

Во 2-й *ст.* пошлина опредѣляется въ 1 до 10 франк. Эти статьи были приняты.

Г. *Бонъ* потребовалъ позволенія сдѣлать вопросъ касательно запрещенія избирательныхъ собраній. Министръ объявилъ, что онъ готовъ отвѣчать ему.

Г. *Бонъ*. Граждане весьма благоразумно пользовались правомъ составлять собранія для разсужденій о выборахъ. Правительству вздумалось вдругъ закрыть эти собранія, и такимъ образомъ оно возстаиваетъ противъ себя гражданъ.

Г. *Барошъ* замѣтилъ, что парижскіе избиратели имѣютъ не болѣе вліянія, чѣмъ департаментскіе избиратели. Парижскіе выборы вовсе не стѣсняють правительство. Но тутъ дѣло идетъ о публичной безопасности. Въ избирательныхъ собраніяхъ развивали правду, недопускаемыя ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ. Одинъ изъ кандидатовъ этихъ избирательныхъ собраній хвастался тѣмъ, что онъ непріятель жандармовъ и что однажды у него было въ рукахъ красное знамя. Въ одномъ изъ собраній многіе носили красныя галстуки, а въ другомъ и красныя повязки на рукахъ. Въ избирательномъ собраніи въ Монмартрѣ произносили рѣчи, противныя религіи. Наконецъ, какъ мы уже говорили, Палата огромнымъ большинствомъ рѣшила перейти къ очереднымъ дѣламъ. Засѣданіе было закрыто въ седьмомъ часу.

— Въ *Indépendance Belge* пишутъ: Ультра-демократы произнесли наконецъ свое рѣшеніе. Послѣ двенадцати-часоваго засѣданія, которое было, говорятъ, очень оживлено, они окончательно отвергли кандидатуры Гг. *Дамеля Жирардена* и *Дюпона* (изъ Эрскаго Департамента), равно какъ и всѣхъ прочихъ искателей, и объявили, большинствомъ 143 голосовъ изъ 227, кандидатомъ ультра-демократической партіи Г. *Евмилъ Сюл...*

— Г. Ламартинъ уезжаетъ изъ Франціи; онъ отправляется на востокъ, черезъ Вену, по Дунаю. Онъ ѣдетъ въ юнѣ мѣсяцъ. Поэтъ намѣревается благодарить Султана, за уступленныя ему въ окрестностяхъ Смирны земли, и просить, чтобы онъ продолжилъ двадцатипятилѣтній срокъ владѣнія ими. Еще неизвѣстно, когда г. Ламартинъ думаетъ возвратиться.

— Волненіе, возникшее по поводу приближенія выборовъ 28 апрѣля, усилилось до такой степени что префектъ полиціи счелъ себя въ правѣ приказать, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, воспрепятствовать, сегодня вечеромъ, открытію избирательныхъ клубовъ.

— Бывшій представитель, сержантъ Буашо, съѣзъ въ Генуѣ на корабль, вмѣстѣ съ двумя бывшими членами римскаго Учредительнаго Собранія. Они отправляются въ Африку, къ извѣстному Гарибальди.

— Кандидатъ охранительной партіи, г. Фернандъ Фoa замѣненъ г. Леклеркомъ. Главныя достоинства г. Леклерка состоятъ въ томъ, что онъ человекъ не политическій, онъ просто негоціантъ, и потому не можетъ имѣть политическихъ враговъ ни въ одномъ изъ отгѣнковъ умѣренной партіи.

15-го.—Зак. Соб.—По прочтеніи протокола послѣдняго засѣданія, г. Матье (изъ Дромскаго Департамента) замѣтилъ, что многіе члены требовали слова, для возраженія министру, но президентъ счелъ полезнымъ перейти, тотчасъ послѣ второй рѣчи министра, къ собиранію голосовъ: это значить стѣснять право представителей высказывать свое мнѣніе, и потому онъ протестуетъ противъ этого отъ имени оппозиціи.—Президентъ отвѣчалъ, что онъ приказалъ приступить къ собиранію голосовъ по требованію правой стороны, и что онъ допустилъ г. Жюля Фавра возражать Министру, а это доказываетъ, что пренія не были стѣснены. На очереди состояло разсмотрѣніе бюджета расходовъ за 1850 годъ. Ректоры академій раздѣлены на три класса: одни получаютъ 6,000 жалованья, другіе 5,000, а третьи 4,500. Сумма, назначенная на жалованье инспекторовъ, которые получали съ 1840 года по 3,000 франк., уменьшена на 162,000 ф. Г. Родо предложилъ отсрочить это рѣшеніе до завтрашняго засѣданія, и предложеніе его было принято. Собраніе дозволило выдать 10,000 ф., на издержки богослуженія въ Алжирѣ. Министру внутреннихъ дѣлъ было дозволено употребить

25,000 ф. для вознагражденія разныхъ должностныхъ лицъ. За тѣмъ слѣдовала глава о суммахъ на секретныя издержки, для сохраненія общественной безопасности. Г. Моррелё требовалъ, чтобы эта статья была исключена, потому-что большая часть неизвѣстныхъ агентовъ полиціи ведетъ себя безнравственно и постыдно. Но Собраніе приняло эту статью.

Въ ст. 8-й говорится о выдачѣ 112,000 ф. для національной гвардіи. Г. Сомейра требовалъ, чтобы двойное жалованье, получаемое генералами Шангарнѣ и Перрѣ и составляющее 30,000 ф. было исключено, какъ совершенно незаконное. Г. Беррѣ утверждалъ, что это ошибка, и Собраніе отвергло предложеніе Г. Сомейра. Затѣмъ 6 главъ были приняты безъ преній. При разсмотрѣніи главы 15, по художественной части, Г. Ларабѣ требовалъ сооруженія статуи г. Карно, по декрету Учредительнаго Собранія. Министръ обѣщалъ представить проектъ касательно этого дѣла. Въ статьѣ 20-й говорится о вылачѣ денежнаго вспоможенія театрамъ. Г. Родо требовалъ, чтобы вспоможеніе было уменьшено 274,000 фр. Г. Беррѣ противился этому, и предложеніе было отвергнуто (390 голосовъ противъ 228.) Г. Руэ требовалъ, чтобы разсмотрѣніе закона о ссылкѣ было назначено. Г. Маллевиль обратилъ вниманіе Собранія на жалкое положеніе Итальянской-оперы, которую содержать теперь только одинъ иностранный пѣвецъ. Онъ требовалъ, чтобы Итальянскому-театру назначили денежное вспоможеніе въ 60,000, или предоставили зданіе театра безденежно въ его распоряженіе. Г. Кердрель требовалъ, чтобы и театру Одеону было назначено вспоможеніе въ 56,000 фр. Г. Барошъ объявилъ себя въ пользу перваго, но противъ послѣдняго предложенія. Оба эти предложенія были переданы въ комиссію. Военный министръ Г. д'Опу представилъ проектъ закона касательно жандармовъ. Г. Моренъ предложилъ уменьшить сумму, назначенную на вспоможеніе политическимъ лицамъ, осужденнымъ за преступленіе при прежнихъ правленіяхъ, съ 500,000 до 200,000 фр. Большинство одобрило его предложеніе, равно какъ и предложеніе о сокращеніи въ 50,000 фр. капитала, назначеннаго для вспоможенія лицамъ, сражавшимся въ іюль и въ февраль.

16-го.—Зак. Соб.—На очереди состояло предложеніе разсмотрѣнія бюджета расходовъ. Въ ст. 20 говорится о пособіяхъ театрамъ. Комиссія поддерживала предложеніе

Г. Маллескиа о назначеніи 60,000 фр. на вспоможеніе Италіанской оперы. *Г. Родо* опровергалъ это предложеніе, говоря, что этотъ театръ существуетъ для однихъ аристократовъ. *Г. Ламартинъ* защищалъ театры, говоря, что они доставляютъ занятіе 100,000 работникамъ, и что процвѣтаніе искусствъ въ Парижѣ необходимо и для благосостоянія провинцій. 10,000 художниковъ и артистовъ, живущихъ въ Парижѣ, терпѣли въ два минувшіе года жестокія лишешія. Предложеніе *Г. Маллескиа* принято, (362 гол. противъ 222). *Г. Шёлхеръ* предлагалъ соединить статьи 29 и 30, въ которыхъ говорится о политическихъ приговоренныхъ преступникахъ, участвовавшихъ въ февральской и іюльской революціяхъ (шумъ). Справа требовали, чтобы собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ. *Г. Викторъ Левранъ* возставалъ противъ этого требованія (волненіе). *Г. Дамьеръ* замѣтилъ, что это дѣло рѣшимо. *Г. Шаррасть* требовалъ, чтобы голоса были собираемы публично, для того, чтобы Франція узнала противниковъ обихъ революцій (шумъ справа). *Г. Дюфоръ* говорилъ противъ соединенія лицъ, участвовавшихъ въ битвахъ, происходившихъ въ іюль 1830 и въ февраль 1848, съ людьми, которые осуждены за политическія преступленія. *Г. Лео-де-Лабордъ* сказалъ, что революціи 1830 и 1848 года были произведены безъ согласія Франціи. Президентъ сдѣлалъ ему за это замѣчаніе. *Г. Барошъ* требовалъ, чтобы пренія были заключены, и Собраніе (406 гол. противъ 205) положило отвергнуть это предложеніе безъ разсмотрѣнія.

— Газета *Moniteur du soir* рассказываетъ, что новый кандидатъ, г. *Леклеркъ*, есть бумажный торговецъ, который, благодаря своему героизму, заслужилъ любовь національной гвардіи. *Г. Леклеркъ*, лишившись въ іюньскіе дни своего старшаго сына, который палъ прострѣленный 17 пулями, поставилъ вѣсто его младшаго своего сына, 18 лѣтняго юношу; описаніе этого происшествія, напечатанное крупными литерами, было приклеено на всѣхъ углахъ. Газета *la Patrie* говоритъ что назначеніе этого кандидата будетъ одобрено всѣми, и замѣчаетъ, что это кандидатство служить лучшимъ отвѣтомъ на выборъ г. *Флота*, который командовалъ со стороны инсургентовъ.

— Обвинительная Палата парижскаго Апелляціоннаго Суда призвала г. *Либри*, члена Академіи Наукъ и бывшаго инспектора публичныхъ библіотекъ, въ ассизный судъ Сен-

скаго Департамента. *Г. Либре* обвиненъ въ познщеніи изъ библіотека множества книгъ и рукописей.

17-го. — *Зак. Соб. Президентъ* открылъ засѣданіе чтеніемъ просьбы стразбургскаго государственнаго прокурора о позволеніи преслѣдовать судебнымъ порядкомъ представителю *г. Абулѣ*. Представитель этотъ былъ школьнымъ учителемъ, и отставленъ отъ должности за его политическія мнѣнія, и потомъ открылъ безъ позволенія другую школу. Просьба была передана въ бюро. На очереди состояло разсмотрѣніе бюджета. Въ главѣ 28, министерство внутреннихъ дѣлъ требуетъ 1.600,000 ф., на пособіе политическимъ выходцамъ. Коммиссія полагала на это только 1.200,000 ф. *Г. Жюль* противился этому уменьшенію, и воспользовался случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ съ ними обходились. Ихъ выгоняютъ изъ Франціи безъ всякой причины. 50 Венгерцамъ предложили, при ихъ пріѣздѣ во Францію, воротиться назадъ или ѣхать въ Алжирію; они приняли, говорятъ, последнее предложеніе, и теперь погибаютъ тамъ отъ лишеній. *Министръ внутреннихъ дѣлъ* перешелъ отъ обвиненій *г. Жюль* къ упрекамъ, которые дѣлаютъ правительству. Сегодня былъ подвергнутъ суду отвѣтственный редакторъ газеты *National* за то, что въ ней приписывали правительству намѣреніе произвести государственный переворотъ. Такъ будутъ поступать со всеми, кто будетъ приписывать правительству дурныя намѣренія. (*Шумъ*) *Военный министр* вошелъ на трибуну и объявилъ, что онъ хочетъ сообщить Собранію прискорбное происшествіе. Вчера въ Анжерѣ оборнались дѣли висячаго моста, въ ту минуту, какъ по мосту проходилъ 1 баталіонъ 11 юлка. Полагаютъ, что при этомъ несчастіи погибло до 200 или 300 человекъ. Онъ прибавилъ, что правительство представить проектъ закона о вспоможеніи несчастнымъ семействамъ погибшихъ въ этотъ день. За тѣмъ Собраніе снова перешло къ разсмотрѣнію бюджета. *Г. Либ* говорилъ противъ уменьшенія, но не смотря на то, собраніе (402 голосовъ противъ 207) рѣшило сократить эту сумму, согласно съ предложеніемъ коммиссіи. *Г. Баронъ* требовалъ назначенія 18,000 ф., для того, чтобы можно было доставлять газету *Монитѣръ* всемъ подпрефентамъ.

— 18-го. — *Зак. Соб.* На очереди состояло второе разсмотрѣніе закона о осылкѣ. *Г. Жюль Фавръ* сдѣлалъ пред-

ложение, которое совершенно измѣняетъ проектъ правительства.

Ст. 1-я. «Политическій преступникъ, подвергающійся по уголовнымъ законамъ смертной казни, ссылается на всю жизнь или на известный срокъ».

Ст. 2-я. «Настоящій законъ примѣняется также къ политическимъ преступникамъ, приговореннымъ съ 4 мая 1848 года».

Г. Фавръ соглашался съ тѣмъ, что его предложеніе совсемъ измѣняетъ законъ. Но онъ хочетъ, говорилъ онъ, замѣнить нравственнымъ варварское наказаніе, отъ котораго содрогается нынѣшняя образованность. Требуя, чтобы ссыльныхъ подвергали еще заключенію, — наказанію, по словамъ всѣхъ преступниковъ, ужаснѣйшему изъ всѣхъ наказаній. Тѣ, которые предложили такой законъ, вступаютъ на дуршій путь. Неужели Собраніе послѣдуетъ за ними? Однакожь министерство надѣется, что этотъ Драконовъ законъ будетъ принятъ. Не надо забывать, какъ часто во Франціи мѣняются роли побѣдителей и побѣжденныхъ. Министръ юстиціи думаетъ устранить только ссылкой людей, мнѣнія которыхъ рѣшительно противны его мнѣніямъ. *Г. Жюль Фавръ* предлагаетъ для этого простое изгнаніе. *Г. Маттё* (изъ Дромскаго департамента) говорилъ въ пользу предложенія, которое было однако отвергнуто огромнымъ большинствомъ. *Генераль Кавеньякъ* подалъ тоже голосъ противъ него.

— Ужасное приключеніе, случившееся съ 1 баталіономъ 11 полка, когда онъ переходилъ по висячему мосту въ Анжеръ и провалился въ воду, произвело сильное впечатлѣніе. *Президентъ Республики*, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, послалъ въ Анжеръ своего адъютанта г. *Флери*, съ порученіемъ оказать пособіе раненымъ и разузнать причины этого несчастія. Самъ *Президентъ* уѣхалъ сегодня утромъ, съ военнымъ министромъ и министромъ публичныхъ работъ, для того, чтобы присутствовать при погребеніи анжерскихъ жертвъ. Вотъ подробности объ этомъ несчастномъ случаѣ. Обрушившійся вислчій мостъ былъ построенъ 12 лѣтъ тому назадъ и поправленъ въ прошломъ году, на что общинное правленіе издержало 46,000 ф. Мостъ длиною только въ 100 метровъ. Проволочный канатъ лопнулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ привязывался къ колоннѣ.

Чуть это мостъ опустился на бокъ, солдаты, по инстинкту, всѣ бросились на противоположную сторону, такъ что отъ сильной тяжести лопнулъ кабатъ и съ другой стороны. Голова баталіона, а также и послѣдніе взводы 4 роты, спаслись, прыгнувъ съ моста на берегъ, но многіе изъ нихъ сильно ранены. Остальная часть 4 роты и 3, 2 и 1 роты пострадали болѣе всего. Въ ту минуту, когда случилось это происшествіе, вся рѣка была покрыта сплошною массою несчастныхъ, которые напрасно боролись съ яростными волнами. При тихой погодѣ легче было бы подать имъ пособіе, но, къ довершенію несчастія, въ тотъ день была страшная буря; къ тому же еще на рѣкѣ не было судовъ, а брошенные доски и бревна не могли замѣнить ихъ. Работники и матросы боролись съ быстротою теченія и многихъ спасали. Но и спасенные тяжело ранены или своими оружіями или развалинами моста. Одинъ офицеръ спасъ 10 человекъ; плотникъ 7, и одинъ матросъ спасъ 12 человекъ. Солдатъ, который несъ знамя и котораго вытаскали уже мертвого, держалъ свое знамя въ правой рукѣ, судорожно сжатой. Одинъ солдатъ былъ проколотъ штыкомъ. Когда въ 10 часовъ вечера стали дѣлать перекличку, то въ баталіонѣ недоставало 5 офицеровъ и 219 солдатъ. До отправленія послѣднихъ извѣстій въ госпиталь было 123 трупа. Сегодня въ газетѣ *le Siècle* объявлено, что газета открываетъ національную подписку для семействъ тѣхъ солдатъ, которые изувѣчены, или погибли въ этотъ день. Сама газета жертвуетъ 500 фр. Такія подписки открыты и во всѣхъ легіонахъ національной гвардіи.

20-го. — *Зак. Соб.* — На очереди состояло разсмотрѣніе закона о ссылкѣ. *Г. Кретонъ* полагалъ, что замѣненіе смертной казни ссылкой на всю жизнь логически ведетъ къ замѣненію ссылки временнымъ арестомъ. Онъ объявилъ, что представилъ бы сообразное съ этимъ предложеніе, если бы не зналъ навѣрное, что оно будетъ отвергнуто. Въ главѣ 4 содержится слѣдующее: «Ссылка влечетъ за собою не гражданскую смерть, а только временное лишеніе правъ». Пока не послѣдуетъ новаго постановленія о гражданскихъ правахъ, до-тѣхъ-поръ ссыльные будутъ лишены этихъ правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ пользоваться этими правами въ ссылкѣ. Правительство можетъ позволить ссыльнымъ располагать своимъ имѣніемъ или частью его. Кромѣ того, ссыльные не могутъ располагать ни тѣмъ, что имѣли

въ день приговора, ни тѣмъ, что позже получили въ пастьство. *Г. Валезитъ и Пьеръ* опровергали эту главу. *Г. Родо*, какъ докладчикъ, допускалъ слѣдующее изъясненіе. Ни въ какомъ случаѣ гражданская смерть не должна быть слѣдствіемъ ссылки. Глава эта, измѣненная такимъ образомъ, была принята.

Гл. 5. Мѣстомъ изгнанія назначается одинъ изъ Маркизскихъ острововъ, именно островъ Нукагива.

Гл. 6. Правительство будетъ назначать, какія рабочія пособія нужны для работы ссыльныхъ, и эти пособія будутъ имъ оказываться по требованію правительства. Оно же будетъ заботиться о содержаніи самыхъ бѣдныхъ ссыльныхъ.

Эта глава была также принята.

Гл. 7. Въ случаѣ, если мѣсто изгнанія будетъ перемѣнено, то ссыльные будутъ отправлены на новое назначенное мѣсто. Также принята.

Собраніе рѣшило, что законъ будетъ имѣть обратное дѣйствіе. *Г. Фаврдъ* возставалъ противъ этого рѣшенія, а *г. Везенъ* утверждалъ, что Собраніе имѣетъ право сдѣлать это. *Г. Саватье* предлагалъ принять ст. 6 проекта правительства, въ которой сказано, что законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія. Онъ опровергалъ обратное дѣйствіе закона, потому что, въ такомъ случаѣ, присяжные и судья конечно произнесли бы другой приговоръ. *Морской министръ* описывалъ пріятный климатъ острова Нукагивы, и объявлялъ себя въ пользу предложенія комиссіи.

Г. Ватимениль полагалъ, что это долженъ рѣшить Верховный Судъ. (*Шумъ*). Не слѣдуетъ забывать, что законъ касается только до предводителей мятежниковъ, которые не могутъ быть оставлены въ стѣнахъ образовавшаго города. (*Шумъ*). Теперь не время быть великодушными.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, *г. Барошъ*, прямо объявилъ, что правительство, во всякомъ случаѣ, подъ собственною отвѣтственностію, примѣнитъ законъ къ тѣмъ, которые уже теперь приговорены къ ссылке. Объ обратномъ дѣйствіи закона должно быть рѣшено особою балотировкою. Что касается до него, то онъ лично расположенъ въ пользу обратнаго дѣйствія закона.

На трибуну вошелъ *г. Одмлонъ Барро*. (*Волненіе*). Онъ сказалъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ согласиться съ министромъ. Кто имѣетъ въ рукахъ власть, тотъ обязанъ у-

нажать право. Онъ исторически доказалъ, что прежде ссылка действительно не существовала, потому-что не были назначены мѣста для ссылки. Наказаніе состоитъ не въ самомъ постановленіи, а въ мѣстѣ изгнанія. Если законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, то онъ связываетъ, не только подсудимаго, но и судью.

— Получены письма изъ Анжера, въ которыхъ содержатся подробности погребальной церемоніи, происходившей въ тамошнемъ соборѣ, по случаю похоронъ недавно погибшихъ солдатъ. При этой церемоніи присутствовали *Президентъ Республики* и всѣ должностныя лица. Три четверти жителей города, которымъ въ церкви не было мѣста, стояли на площади передъ церковью, и преклоняли колѣна, во время отпѣванія. По официальнымъ извѣстіямъ, число людей, погибшихъ въ Анжерѣ, простирается до 219. Изъ нихъ 181 человекъ были похоронены въ одной могилѣ. Имъ хотѣтъ воздвигнуть монументъ. Газета *le National* увѣряетъ, что въ Анжерѣ *Президента Республики* встрѣтили съ криками:

«Да здравствуетъ демократическая республика!»

Недавно было положено запрещеніе на три департаментскіе журнала, которые требовали, чтобы было произведено изслѣдованіе о несчастіи, случившемся въ Анжерѣ. Вчера правительство велѣло также закрыть нѣсколько избирательныхъ собраній, потому-что въ нихъ говорили объ анжерскомъ происшествіи. Нѣкоторые представители предложили употребить сумму въ 200,000 ф., назначенную для празднованія 4 мая, на вспоможеніе семействамъ погибшихъ въ Анжерѣ.

— Сегодня *Президенту Республики* минуло 49 года.

— *Президентъ Республики* рѣшительно высказалъ, что онъ ободряетъ выборъ г. *Леклерка*. Легитимистскій избирательный комитетъ также рѣшился, въ своемъ вчерашнемъ засѣданіи, поддерживать кандидатство г. *Леклерка*, не смотря на его іюльскій орденъ. Газета *la Patrie* увѣряетъ, что социалистская партія, видя, съ какимъ общимъ одобреніемъ принято назначеніе г. *Леклерка* въ кандидаты, просила г. *Евения Сю* отступить отъ кандидатства въ пользу г. *Дюпола* изъ Эрскаго департамента, однакожь онъ не согласился на это. Въ газетѣ *la Voix du Peuple* напечатана статья, подъ рубрикою: «простой вопросъ», въ которой увѣряютъ, что все, что рассказываютъ о героическомъ подвигѣ г. *Лек-*

лерка, ложно. Газета увѣряетъ, что старшій сынъ *г. Леклерка* былъ только раненъ одною пулею; отецъ взялъ его на руку и понесъ съ поля сраженія, но другая пуля убила сына на рукахъ отца; что *г. Леклеркъ* не возвращался болѣе на поле битвы, а напротивъ того постоянно оставался съ женою у трупа сына, пока его не зарыли въ землю; что младшій сынъ *г. Леклерка* совсѣмъ не дрался въ это время, и что за часъ передъ сраженіемъ нотаріусъ *Фремилъ*, у котораго онъ служилъ писаремъ, послалъ его въ Домъ-инвалидовъ, а такъ какъ неожиданно вспыхнувшее сраженіе прервало сообщеніе съ нѣкоторыми частями города, то онъ и былъ тамъ задержанъ до окончанія битвы; третій сынъ также не былъ на полѣ сраженія. Эти показанія газета противопоставитъ рассказамъ о 17 пуляхъ и проч., которые были наклеены на всѣхъ углахъ улицъ. Она требуетъ, чтобы *г. Леклеркъ* далъ категорическій отвѣтъ на эти показанія, потому что ей не вѣрится, чтобы отецъ захотѣлъ сдѣлать изъ окровавленнаго трупа своего сына подножіе для партій. Въ заключеніе, газета спрашиваетъ, не племянникъ ли *г-ну Карльё* тотъ самый *г. Леонъ Триконесъ*, который былъ некогда первымъ прикащикомъ *г. Леклерка*? Газета объявляетъ также, что она готова представить доказательства этого. Въ комитетъ умѣренной партіи нашелся капитанъ національной гвардіи, который объявилъ, что случай въ жизни *г. Леклерка*, который иные считаютъ за выдумку, случился въ его глазахъ и подъ его командою; онъ привелъ даже слова, которыя *г. Леклеркъ* произнесъ, передавая ружье старшаго сына младшему, тутъ же у баррикады.

— Продавцевъ журналовъ призывали сегодня въ префектуру полиціи, для того, чтобы дать новыя свидѣтельства о дозволеніи продавать газеты отдѣльными нумерами. Многимъ дано было только дозволеніе продавать журналы умѣренной партіи. Соціалистскія газеты очень протестуютъ противъ этой мѣры, принятой префектомъ полиціи *г. Карльё*, оттого, что черезъ нее многіе лишились своихъ доходовъ.

— Въ «*Gazette des Tribunaux*», пишутъ. «Рѣчь шла объ очищеніи Парижа отъ опасной части его населенія, состоящей изъ бывшихъ колодниковъ, бродягъ, нищихъ, пришлецовъ и проч. Въ-самомъ-дѣлѣ, относящейся сюда законъ уже былъ составленъ, какъ вдругъ правительство перемѣнило свое намѣреніе. Государство погибаетъ не отъ не

достатка въ законахъ, а отъ нерѣшительности въ ихъ исполненіи. Не законы ослабляютъ власть, а власть ослабляетъ законы, если она не умѣетъ или не отваживается приводить ихъ въ дѣйствіе.

— Газета «le Contsitutionnel», какъ извѣстно, обнародовала въ своемъ фельетонѣ самыя увѣсисыя произведенія *Евгенія Сю*, «Парижскія Тайны», «Матильду», «Мартина-Найденыша», и проч. Теперь, она оспариваетъ его кандидатуство именно за тѣ сочиненія, которыя сама распространяла.

— Въ газетѣ *Napoleon*, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Большинство и правительство» сказано: «Мы хотимъ однажды навсегда сдѣлать возраженіе на странныя обвиненія. Увѣряютъ, что мы нападаемъ на Законодательное Собраніе, и что большинство сдѣлалось предметомъ нашей систематической ненависти. Отвѣтъ нашъ на это будетъ рѣшительный и откровенный. Мы никогда не имѣли намѣренія нападать на большинство. Большинство есть власть, отъ которой правительство не можетъ отрѣшиться. Главнѣйшія выгоды правительства состоятъ въ томъ, чтобы большинство поддерживало его, и насъ не могутъ обвинять въ томъ, что мы этого не умѣемъ цѣнить, и измѣняемъ этимъ выгодамъ. Когда мы говоримъ, это вовсе не значитъ, какъ мы уже сказали, что то же самое говорить и правительство. Но нашъ долгъ есть защищать благія начала, которыя представляетъ избранныкъ Франціи. Чего же мы можемъ желать болѣе, какъ видѣть большинство, которое дѣйствуетъ согласно съ правительствомъ? По-крайней-мѣрѣ, мы имѣли право ожидать такого большинства. Когда Франція избрала свое Законодательное Собраніе, она поручила защиту общественнаго порядка не представителямъ одной или другой партіи, но твердому большинству, которое умѣло бы пользоваться всѣми средствами, которыя представляетъ наше положеніе. Страна, по инстинкту, ожидала полного преобразованія всѣхъ старыхъ элементовъ, благоразумнаго и патріотическаго забвенія всѣхъ ссоръ и разъединеній. Она надѣялась, что Законодательное Собраніе не пойдетъ по слѣдамъ Учредительнаго Собранія, которое употребило послѣднее время своего существованія на то, чтобы своею злобною оппозиціею обезсилить правительство *Президента*. Всякій разъ, когда мы видѣли, что правительство нерѣшительно принимаетъ проекты, которые по своей пользѣ и популярности требовали

свободнаго согласія, мы жаловались. Это было пачъ въ тѣ-
 гость; даже критика наша доказываетъ, какую важность
 мы приписываемъ дѣйствіямъ Собранія. Конечно, никто не
 усомнится въ томъ, что мы охотнѣе похвалили бы поведе-
 ніе болѣе рѣшительное и болѣе дружественное къ прави-
 тельству. Не надо забывать, что въ странѣ тѣмъ менѣе бу-
 детъ согласія, чѣмъ болѣе въ Собраніи будетъ людей спо-
 собныхъ, талантливыхъ, которые бы могли заботиться о
 всеобщемъ благѣ, но не дѣлаютъ этого. Если прежде поте-
 ряли время, то теперь можно вознаградить эту потерю по-
 средствомъ дѣятельности и доброй воли. Должно упрочить
 настоящее и обезпечить будущее, изгнать всякую ненависть
 и успокоить страну, посредствомъ постоянства и умѣрен-
 ности.

— Г. *Ларошжакленъ* назначилъ вчера вечеромъ собраніе
 въ своей квартирѣ, въ *Chaussée d'Antin*, но полиція запрети-
 ла это собраніе, подъ предлогомъ общественной безопас-
 ности. Собраніе должно было состоять изъ однихъ пред-
 ставителей.

— Вчера въ 10 часовъ вечера, г. *Жирарденъ* вышелъ на
 бульваръ, ходилъ отъ одного продавца журналовъ къ дру-
 гому, и требовалъ газеты *Evenement*, которую *Префектъ*
полиціи запретилъ продавать отдѣльно. Такъ какъ всѣ да-
 вали ему отрицательный отвѣтъ, то онъ воскликнулъ:

— Стыдъ и срамъ! и разсердившись такимъ образомъ,
 продолжалъ ходить по бульвару, протестуя противъ запре-
 щенія полиціи, такъ что около него столпились проходящіе.
 У кофейной *Тортоши* его узвали, разорвали на немъ платье,
 и преслѣдовали его, пока полиція не приняла его подъ свое
 покровительство. Онъ требовалъ, чтобы сержанты, которые
 защитили его, повели его въ префектуру, но они не по-
 слушались его.

— Сегодня въ газетѣ *La Voix du Peuple* подтверждается
 извѣстіе, что г. *Прудонъ*, который былъ заключенъ въ тюрь-
 му за нарушеніе закона о печатаніи, переведенъ изъ *Коя-*
сіержери въ *Дуланскую* крѣпость. Г. *Прудонъ* передъ свое-
 имъ отъездомъ послалъ газетѣ *Voix du Peuple* протестъ,
 который газета обнародовала.

— Г. *Либри* отданъ подъ судъ. Обвинительная Палата
 нашла, что его письменная защита не оправдываетъ его.
 Послѣ новѣйшихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, общественное
 мнѣніе сдѣлалось благопріятнѣе, и многіе не вѣрятъ обви-

венію г. *Амбри* въ томъ, что онъ кралъ книги и манускрипты изъ библіотекъ и потомъ продавалъ ихъ. На судьбу г. *Амбри* сильное вліяніе имѣла записка президента тосканскихъ адвокатовъ, г. *Дампрракки*, профессора пиванскаго юридическаго факультета, а также и президентъ тосканской палаты депутатовъ ручается за невинность г. *Амбри*.

— Третьяго дня скончался, 73 лѣтъ отъ роду, *Баронъ Менневалъ*, бывшій секретарь Императора Наполеона и частный секретарь Императрицы Маріи-Луизы, во-время ея регентства.

22-го.—*Зак. Соб.*—На очереди состояли вторичныя пренія о законѣ касательно ссыльныхъ. Г. *Пьеръ Леру* предложилъ слѣдующую дополнительную статью:

«Жены и дѣти ссылаемыхъ въ мѣста, находящіяся въ Франціи, имѣютъ право слѣдовать за мужьями и отцами своими».

Докладчикъ, г. *Родд*, говорилъ противъ предложенія г. *Пьера Леру*, ссылаясь на то, что Государственный Советъ предоставилъ рѣшеніе этого пункта Собранію, потому-что разрѣшеніе родственникамъ ссыльныхъ слѣдовать за ними, можетъ быть иплотью, но не должно быть правомъ. Г. *Родд* говорилъ среди ужаснаго шума, и президентъ *Дюпенъ* принужденъ былъ пригласить къ порядку правую сторону.

— Берите примѣръ съ лѣвой стороны, сказалъ онъ ей, и возбудилъ этой выходкой всеобщій смѣхъ. «А вы, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ лѣвой сторонѣ, старайтесь, чтобъ я долго могъ ставить васъ въ примѣръ.» Эти слова возбудили новый смѣхъ.

За тѣмъ г. *Пьеръ Леру* старался доказать, что отъ принятія предложенной имъ статьи зависитъ сохраненіе святости семейныхъ отношеній, и что если Собраніе отвергнетъ ее, то отвергнетъ тѣмъ самымъ начало семейныхъ отношеній, за которое Собраніе такъ твердо до-сихъ-поръ стояло. Собраніе требовало, чтобы приступили къ собиранію головъ, но на трибуну вошелъ г. *Гертье*, и предложилъ еще слѣдующую добавочную статью:

«Жены и дѣти приговоренныхъ къ ссылке будутъ имѣть возможность отправляться на мѣсто ссылки, а въ случаѣ бѣдности, будутъ перевозимы туда на счетъ государства. Тѣмъ не менше однакоже, ихъ поселеніе въ самомъ мѣстѣ

жительства сѣмьныхъ (*l'enceinte fortifiée*) будетъ зависеть отъ начальства.»

За тѣмъ говорилъ министръ юстиціи, г. Руэ, объявившій, что правительство отвергаетъ обѣ добавочныя статьи, предложенныя гг. Пьеромъ Леру и Гертье. Послѣ министра юстиціи вошелъ на трибуну г. Ламартинь.

— Господа, сказалъ онъ, я вошелъ на эту трибуну для того, чтобъ отвѣчать на одно выраженіе г. министра юстиціи, произшедшее на васъ впечатлѣніе. Г. министръ сказалъ, что опасно вводить въ уголовное законодательство такое распоряженіе, которое можетъ создать или возбудить неблаго-разумное самоотверженіе, и заставить Собраніе раскаяваться. Только на эти слова хочу я отвѣчать, и вотъ мой отвѣтъ: всякое законодательство, которое, особенно въ подобныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о семейныхъ отношеніяхъ, считаетъ себя разумнѣе природы, подвергается опасности сдѣлаться противуестественнымъ. (*Громкія одобренія на лѣвой сторонѣ*). Г. Ламартинь требовалъ принятія добавочныхъ статей, говоря, что безъ нихъ законъ возобновитъ самыя грустныя эпохи французской исторіи. Неужели успѣли уже забыть о Лафайетѣ, Полиньякѣ и Людовикѣ Бонапартѣ? спросилъ онъ. Неужели вы не знаете, что по англійскимъ законамъ, даже семьямъ самыхъ простыхъ преступниковъ позволяютъ слѣдовать за ними въ Ботаникей?

Министръ юстиціи возразилъ, что онъ согласенъ давать подобныя разрѣшенія отдѣльнымъ лицамъ, но не согласенъ, чтобы это было общимъ правомъ. Одно только правительство можетъ рѣшить этотъ вопросъ. Г. де Морнѣ изъявлялъ согласіе на то, чтобы позволеніе слѣдовать за родственниками въ ссылку получило характеръ права, но требовалъ, чтобъ его ограничили строгимъ правиломъ, для избѣжанія злоупотребленій. «Г. Ламартинь не долженъ воображать, сказалъ г. Морнѣ, что ему принадлежитъ монополія челобіюбія. Когда кто-нибудь изволнуетъ, подобно ему, обществу....»

Эти слова были прерваны шумомъ. Затѣмъ г. Морнѣ продолжалъ въ томъ же тонѣ, но его безпрестанно прерывали, такъ что онъ былъ принужденъ, наконецъ, уступить свое мѣсто г. Ламартину, который отвѣчалъ г. Морнѣ съ большимъ достоинствомъ. Тѣмъ не менѣе, предложеніе г. Гертье было отвергнуто (361 гол. противъ 302); послѣ чего Собраніе рѣшило допустить законъ о ссылкѣ къ третьему раз-

смотрѣнію. Военный министр, г. *д'Ону*, представилъ проектъ закона объ открытіи кредита въ 150,000 франковъ. для вспоможенія семействамъ солдатъ, погибшихъ въ Анжеръ. Г. *Паскаль Дюпрэ* просилъ разрѣшенія потребовать отъ министерства объясненіе; касательно запрещенія продавать на улицахъ демократическіе журналы, оно Собраніе назначило быть этимъ объясненіямъ чрезъ мѣсяць.

— *Архіепископъ Парижскій* разослалъ всемъ священникамъ своей епархіи циркуляръ, въ которомъ приглашаетъ ихъ отслужить, по случаю возвращенія *Папы* въ Римъ, благодарственный молебенъ.

— Полемика журналовъ представляла чрезвычайно грустное зрѣлище; объ партіи, умѣренная и ультра-демократическая, не ограничились одними похвалами своимъ кандидатамъ, гг. *Леклерку* и *Евгенію Сю*, а старались наперерывъ другъ передъ другомъ, очернить кандидата враждебной партіи, не стыдись прибѣгать, при этомъ, даже въ клеветѣ. Гг. *Леклеркъ* и *Евгеній Сю* не были до-сихъ-поръ, какъ извѣстно, людьми политическими, не вмѣшивались въ общественныя и государственныя дѣла, у нихъ, стало-быть, нѣтъ политическаго прошедшаго; все, что они дѣлали до-сихъ-поръ, относится преимущественно къ жизни частной, семейной; журналы не постыдились заглянуть и въ эту частную жизнь, не постыдились нескромно выставить ее на показъ цѣлому свѣту. Но выборы начались наконецъ, и надо надѣяться, что эта грустная полемика кончится. Надѣются, что будетъ выбранъ г. *Леклеркъ*, хотя кандидатству его представлялось много препятствій и опасностей. Больше всего вредилъ г. *Леклерку* префектъ полиціи г. *Карльё*, тѣмъ, что преслѣдовалъ нѣкоторые изъ вечернихъ оппозиціонныхъ журналовъ, запрещая продавать ихъ на улицахъ, въ розницу. Даже умѣренные журналы возставали противъ этой мѣры, называя ее несвоевременной и говоря, что она можетъ возстановить избирателей противъ умѣренной партіи и доставить победу демократическому кандидату *Евгенію Сю*. Г. *Карльё* не обращалъ на это вниманія, и продолжалъ преслѣдованіе. Другая опасность грозила г. *Леклерку* со стороны партіи бывшаго Избирательнаго Союза и г. *Фернана Фoa*, бывшаго кандидата умѣренныхъ. Г. *Фoa* не хотѣлъ сначала отказываться отъ своего кандидатства, потомъ намѣревался напечатать въ газетахъ отказъ, но съ намекомъ, что онъ не признаетъ кандидатства г. *Леклерка* и не будетъ

подавать за него голоса. Наконец друзья г. Фoa успели склонить его къ благоразумію, и онъ согласился напечатать въ газетахъ отказъ отъ кандидатства, съ присовокупленіемъ, что онъ рѣшился на него охотно, признаетъ кандидатство г. Декрера, и подастъ за него свой голосъ.

— Вечерніе журналы извѣщаютъ, что хотя выборы уже начались, но день прошелъ очень спокойно. Избиратели показываютъ большое рвеніе, и спѣшатъ подавать голоса. Проверка голосовъ покажетъ, справедливо ли это. Результатъ выборовъ слишкомъ близокъ, и потому мы не станемъ повторять здѣсь всѣхъ слуховъ о вѣроятной побѣдѣ того или другаго кандидата; ограничимся извѣщеніемъ, что большинство слуховъ клонится въ пользу г. Декрера, что демократическіе журналы приуныли и говорятъ съ мѣншею самоувѣренностію, нежели передъ выборами 10 марта. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ случаѣ возмущенія, армія явится, попрежнему, защитницею порядка.

24-го—*Зак. Соб.*—Засѣданіе не представляетъ ровно ничего интереснаго; оно прошло въ разсмотрѣніи бюджета, безъ всякихъ заслуживающихъ особеннаго вниманія обстоятельствъ.

25-го.—*Зак. Соб.* Продолжались пренія о бюджетѣ земледѣльческомъ. Въ промежутокъ между преніями, Собраніе разрѣшило кредитъ въ 150,000 фр., для вспоможенія семействамъ погибшихъ въ Анжеръ. Г. Ларошжакленъ воспользовался этимъ случаемъ, для протеста противъ слуховъ, о томъ, что представители, предлагавшіе выдать семействамъ погибшихъ въ Анжеръ 200,000 фр., назначенные на устройство народнаго праздника, (4 мая) сдѣлали это съ неприязненнымъ для республики намѣреніемъ.

26-го—*Зак. Соб.*—Собраніе кончило разсмотрѣніе бюджета земледѣлія и торговли. Оно отвергло измѣненіе, имѣвшее цѣлю уничтожить кредитъ, назначенный для поддержанія конскихъ скачекъ.

27-го.—*Зак. Соб.*—Собраніе начало пренія о военномъ бюджетѣ. Пренія были довольно живы. *Генераль Гравмонъ* выразилъ мнѣніе, что мѣстопробываніе правительства должно быть перенесено изъ Парижа въ другой городъ. Военный Министръ, г. *д'Ону*, энергически возражалъ на это мнѣніе. За тѣмъ г. *Шаррасъ* упрекалъ *Президента Республики* за то, что онъ носитъ, при церемоніяхъ, генеральскій мундиръ. Наконецъ Собраніе занималось важными во-

просить, а именно, вопросомъ объ увеличеніи корпуса подвижныхъ жандармовъ. Не смотря на оппозицію *генерала Ламорисьера* и *Кавеньяка*, Собраніе утвердило, (424 гомъ противъ 199), набрать новый батальонъ въ 1,200 человекъ.

29-го.—*Зак. Соб.* — На очереди состоялъ законъ о сберегательныхъ кассахъ. Собраніе рѣшило признать этотъ законъ нетерпящимъ отлагательства. За тѣмъ следовало продолженіе разсмотрѣнія бюджета. Гл. 5, о корпусѣ жандармовъ. Г. *Ламорисьеръ* замѣтилъ, что нуженъ особенный законъ для составления новыхъ кадровъ. Онъ предложилъ следующее постановленіе: *Военному министру* поручается сформировать второй подвижной батальонъ жандармовъ. Г. *Беррье* опровергалъ предложеніе, потому что кредитъ былъ уже назначенъ, и нѣтъ необходимости въ новомъ законѣ. Г. *Ламорисьеръ* защищалъ свое предложеніе. *Военный министръ* говорилъ противъ него. Собраніе рѣшило возвратиться къ очереднымъ занятіямъ. Гл. 5, 6 и 7 были приняты. Въ ст. 8 полагается на расходы по судопроизводству 368,000 ф. г. *Шаррасъ* предлагалъ прибавить къ этой суммѣ еще 10,000 ф., которыя Коммиссія сбавила съ военныхъ судовъ. Г. *Беррье* опровергалъ предложеніе; ст. 8 была принята. Въ ст. 9 полагается на жалованье пѣхоты 73 миліона. Г. *Саваньё Ларошъ* предлагалъ уменьшить 100 мил. военный бюджетъ 1850 г., простирающійся до 319.304.348: то-есть уменьшить число наличныхъ войскъ. Налоги, говорилъ онъ, достигли высшей степени. Въ 1851 г. придется уменьшить пошлину съ вина и поземельный налогъ, хотя бы страна и изнемогала. Министерство само видитъ необходимость въ экономіи, а дѣйствительно значительную экономію можно соблюсти только уменьшивъ армию; *Генералы Кавеньякъ* и *Ламорисьеръ* возставали противъ предложенія г. *Саваньё Лароша*, которое и было отвергнуто. Г. *Буве* предлагалъ сдѣлать уменьшеніе въ 24 мил., уволивъ, 1 мая, отъ службы людей набора 1843 г. Г. *Шаррасъ*, не одобряя вообщемъ этого предложенія, жаловался на то, что 400,000 чел. употребляются на угнетеніе страны. Можно бы было безъ всякой опасости увольнять людей, принадлежащихъ къ набору 1843 г., чтобы сберечь 14 мил. Оба предложенія были отвергнуты. Г. *Ламорисьеръ* упрекалъ Коммиссію въ томъ, что она финансовыми мѣрами разстроиваетъ въ 9 мил. кадры. Онъ опровергалъ съ военной, политической и эконо-

нической точки зрѣнія, отъѣхавъ раздачи войску провіанта натурою, ссылался на то, что въ июль 1830 г. гвардія должна была отступить по недостатку въ хлѣбъ. Генералъ *Удино* замѣтилъ, что тогда заняли у инсургентовъ магазинъ провіантовъ. (*Шумъ*). Г. *д'Опу* сказалъ, что этому были свидѣтели. Гвардія сложила весь хлѣбъ въ одинъ магазинъ. Во все время слово: «инсургенты» возбуждало шумъ. Опасеніе г. *Ламорисьера* неосновательно, сказалъ г. *д'Опу*. Первый снова сдѣлалъ ему возраженіе. Собраніе отвергло предложеніе г. *Кавеньяка*. (*Волненіе*). Предложеніе г. *Граммона*, сохранить колоновожатыхъ, возбудило продолжительныя пренія. Г. *Ламорисьеръ* предложилъ сдѣлать уменьшеніе въ 4 эскадрона, и оставить одинъ эскадронъ. Предложеніе это было отвергнуто тайнымъ собраніемъ голосовъ.

— Сегодня въ 4 часа по-полудни, было окончено собраніе голосовъ о выборахъ. Волненіе продолжалось до послѣдней минуты. Въ этотъ разъ умѣренная партія высказала большое рвеніе; каждому избирателю, который входилъ въ залу, гдѣ происходили выборы, давали, кромѣ избирательной карточки съ именемъ г. *Леклерка*, еще письмо г. *Фоа*, въ которомъ онъ объясняетъ, что онъ подаетъ голосъ въ пользу г. *Леклерка* и отказывается отъ своего кандидата. Вчера и сегодня на улицахъ были приклеены объявленія разныхъ родовъ и между прочимъ слѣдующее:

«Демократы! воздержитесь отъ подаванія голосовъ: г. *Евгеній Сю* писалъ о щцетъ и живетъ въ изобиліи. Онъ получаетъ отъ насъ доходы и не служитъ намъ. Г. *Лекерк* храбрый солдатъ, но не законодатель. Полно намъ служить къ возвышенію другихъ!»

Это объявленіе было приклеено возлѣ письма г. *Фоа*, съ означеніемъ типографіи, въ которой печатаются всѣ объявленія Избирательнаго Союза. Недавно были вывѣшены еще разныя объявленія противъ г. *Евгенія Сю*. Сынъ *Геронима Бонапарте*, г. *Наполеонъ Бонапарте*, который служитъ теперь полковникомъ въ одномъ изъ легіоновъ окружной національной гвардіи, роздалъ въ своемъ легіонѣ 50,000 избирательныхъ карточекъ въ пользу г. *Фоа*. Съ тѣхъ поръ, какъ стали подавать голоса, демократы строго стерегутъ избирательныя урны, и вообще залы, гдѣ производятся выборы. Этотъ присмотръ не прекращался и ночью. Сегодня, когда открылось засѣданіе Національнаго Собранія, тамъ собирались толпы членовъ большинства, которые, казалось,

были очень озабочены. Полагали, что голоса умеренной партіи раздѣлятся между гг. *Фиа* и *Леклеркомъ*, между тѣмъ какъ всѣ демократы подадутъ голоса въ пользу *Евгенія Сю*. Въ 4 часа во всѣхъ домахъ меровъ начали считать поданные голоса. Инвалиды подали 1,200 гол. въ пользу г. *Леклерка* и 600 въ пользу г. *Сю*. Выборы въ *Доаръ-и-Сонскомъ* департаментѣ клонятся на сторону демократовъ. Надежда умеренной партіи на выборъ г. *Леклерка* очень ослабѣла. Въ 8 часовъ вечера увѣряли, что до-тѣхъ-поръ у г. *Евгенія Сю* было болѣе голосовъ, нежели у г. *Леклерка*. По распоряженіямъ Префекта Сенскаго Департамента, голоса отдѣлений будутъ перечисляемы въ четвергъ, 2 мая, въ *ратушъ*. Говорятъ, что правительство серьезно занимается составленіемъ проекта закона о лучшемъ устройствѣ подаванія голосовъ. Оно смотритъ на избирательный законъ, какъ на органическій законъ только по его началу, и потому хочетъ измѣнить его въ подробностяхъ.

— Съ 29 апрѣля во всѣхъ винныхъ погребахъ и нижнихъ магазинахъ лавокъ имѣютъ право продавать только журналы умеренной партіи. Г. *Карльè* запретилъ продавать по нумерамъ слѣдующіе журналы: *Charivari*, *Crédit*, *Démocratie pacifique*, *Estafette*, *Evénement*, *National*, *Nouveau Monde*, *Presse*, *République*, *Siècle*, *Voix du Peuple*. Последний проигралъ процессъ противъ префекта полиціи, объявленіе котораго въ журналъ не хотѣли печатать прежде, нежели онъ внесетъ за него плату. Республиканскія газеты подали аппеляцію.

— Всѣ догадки и предположенія разрушились, парижскіе выборы еще разъ обманули общія ожиданія. Мало того, что г. *Леклеркъ* побѣжденъ, — но г. *Евгеній Сю* избранъ такимъ большинствомъ голосовъ, что оно сравнительно значительнѣе большинства, выбравшаго демократическихъ кандидатовъ на выборахъ 10 марта. Официальный результатъ выборовъ будетъ объявленъ 2 мая, на площади, передъ *Ратушей*, (*Hôtel de Ville*), но въ *Парижѣ* его знали еще вечеромъ 30 апрѣля, и незначительныя измѣненія, которыми подвергнется этотъ результатъ при официальном перечетѣ голосовъ, нисколько не измѣняетъ значенія и важности этого неожиданнаго выбора.

— Г. *Евгеній Сю* получилъ 128,121 голосъ.

— Правительство спокойно, и рѣшилось не прибѣгать къ

крайнимъ мѣрамъ, а, если возможно, употребить настоящий случай въ свою пользу, безъ шума.

30-го. — *Зак. Соб. Г. Лео де Лабордъ* представлялъ просьбу, подобную предложенію *Ларошжаклена*. По предложенію докладчика, г. *Беррье*, утверждено нѣсколько остальныхъ главъ земледѣльческаго бюджета, предъ преніями о бюджетѣ военнаго министерства. Продолженіе преній о военномъ бюджетѣ: *Гл. 9, ст. 2*, о жалованіи кавалеріи. *Г. Удино* предложилъ употребить 37,000 фр. на поддержаніе 3 эскадроновъ колоновожатыхъ. Принято Собраніемъ, въ противоположность со вчерашнимъ рѣшеніемъ. *Ст. 3*, о жалованьи артиллеріи. *К. Эме* требовалъ возстановленія отпущенныхъ комиссіею 201,847, фр. для содержанія парковыхъ лошадей и прислуги. Ему возражалъ г. *Беррье*.

Г. Ламорисьеръ замѣтилъ, что нападенія его на министерство ни къ чему ни ведутъ. Онъ жаловалъ, что устройство войска хотять измѣнить не законами, а финансовыми постановленіями. Когда дело дойдетъ до защиты закона, армія исполнитъ свою обязанность безъ малѣйшей нерѣшимости. Нельзя слушать всего, что говорятъ, потому что, по увѣренію нѣкоторыхъ журналовъ, намъ грозятъ страшныя и неожиданныя обстоятельства. Объ этомъ не требовали же объясненій у министровъ, и совершенно справедливо, потому что они не знали бы, что отвѣчать.

Военный министръ сказалъ, что при преніяхъ о водростѣ финансовомъ, онъ не думалъ услышать критику на правительство. Онъ говорилъ, что знаетъ армію, и требуетъ уменьшенія числа лошадей. Что касается журнальныхъ статей, то министерство признаетъ официально только одинъ журналъ — *Монитеръ*. Предложеніе г. *Эме* было отвергнуто, и *гл. 2* принята. *Г. Монне* представилъ докладъ комиссіи о пенсіяхъ вдовъ генерала *Реньо* и офицерамъ подвижной гвардіи. *Гл. 9*, вторая половина военнаго бюджета, содержаніе и отѣпленіе. *Г. Эме* говорилъ противъ предложенія, замѣнить раздачу пищи натурою — денежною выдачею. Мѣру эту защищалъ г. *Беррье*. *Военный министръ* сказалъ, что такимъ образомъ можно уменьшить расходъ. 2 часть 9 ст. принята. *Гл. 10*, о госпиталяхъ. *Г. Дюку* сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о медицинскою части въ арміи. Онъ жаловался, что до-сихъ-поръ не приведено въ исполненіе постановленіе Учредительнаго Собранія объ этомъ предметѣ. *Военный министръ* замѣтилъ, что въ этомъ нужно видѣть

дурной духъ лекарскихъ учениковъ. Впрочемъ студенты медицинскихъ факультетовъ соответствуютъ потребностямъ военной службы. *Генераль Граммонъ* представилъ прошение одного соѣзтника гренобльскаго суда о перемѣщеніи столицы изъ Парижа.

— Вчера въ 10 часовъ явилось второе изданіе вечернихъ журналовъ, въ которыхъ обнародованъ результатъ выборовъ. Они подтвердили побѣду г. *Евгенія Сю*. По сегодняшнимъ извѣстіямъ, г. *Сю* получилъ 128,121, а г. *Леклеркъ* 117,177 гол. Въ республиканской гвардіи г. *Сю* получилъ 62, г. *Леклеркъ* 1240 гол. Демократическая партія не была увѣрена въ такомъ успѣхѣ; вчера еще замѣтна была въ ней эта неувѣренность, особенно потому, что много работниковъ было выслано изъ Парижа или вычеркнуто изъ списковъ. Безпокойство, произведенное побѣдой демократическаго кандидата, значительно. Дѣла на нѣсколько дней, вѣроятно, совершенно остановятся. Биржа съ трудомъ поднимется отъ этого удара. Многіе избиратели въ настоящемъ случаѣ не подавали голосовъ. Демократическія газеты увѣщываютъ сегодня народъ не собираться 2 мая на площадь предъ *Hôtel de ville*, гдѣ будетъ провозглашаемъ результатъ выборовъ, чтобъ избѣжать всякаго повода къ нарушенію порядка. Избирательные округа подавали въ этотъ разъ голоса отчасти въ другомъ духѣ, чѣмъ 10 марта.

— Вчера, въ часъ ночи, всѣ полицейскіе комиссары въ Парижъ были призваны къ г. *Карлье* на долгое совѣщаніе. Неизвѣстна цель этого сбора. До глубокой ночи стоялъ вчера эскадронъ коновожатыхъ на Вандомской площади. Изъ нихъ время отъ времени отдѣлялся ординарецъ, сообщавшій въ Элизе результатъ выборовъ. 10 марта въ Парижъ состояло по спискамъ 353,509 избирателей; изъ нихъ 260,198 подавали голоса. Теперь многіе избиратели были вычеркнуты и число ихъ простиралось до 307,000. Кроме того, очень многіе воздержались отъ выборовъ, и всего голосовъ собрано 242,529. Нельзя сказать утвердительно, къ какой партіи принадлежатъ неучаствовавшіе въ выборѣ избиратели. Сегодня очень рано собралось важнѣйшія биржевыя лица на бульваръ и въ пассажъ de l'Орѣга. Результатъ выборовъ былъ поводомъ къ жаркимъ спорамъ. Въ часъ, галерея биржи была совершенно полна. Представители пришли въ Собраніе ранѣе обыкновеннаго, и между ними шумъ былъ тоже очень силенъ. Газета *La Patrie* увѣряетъ, что прави-

тельство хочетъ представить Собранию новый законъ о выборахъ, и увѣщеваетъ большинство поступить энергически.

— Г. *Фаллу* явился сегодня снова въ первый разъ въ Законодательное Собрание.

Г Е Р М А Н И Я .

Эрфуртъ — 1-го апрѣля. — При вечернемъ засѣданіи Конституціонной Комиссіи опять присутствовалъ г. *фонъ Радовицъ*, возвратившійся изъ Берлина только утромъ. Комиссія занималась обсужденіемъ политической части проекта уложенія.

2-го. — Засѣданіе Палаты Представителей открыто президентомъ *Симсономъ* въ 11 ч. утра. По прочтеніи и принятіи протокола, президентъ объявилъ, что къ Палатѣ присоединилось 26 новыхъ членовъ. Потомъ сообщилъ, что Конституціонная Комиссія окончила въ десять засѣданій разсмотрѣніе проекта уложенія, и что ей только остается разсмотрѣть, въ сегодняшнемъ вечернемъ засѣданіи, законъ о выборахъ, дополнительный актъ и посланіе Правительственнаго Совѣта. Въ половинѣ 12-го часа, засѣданіе Палаты уже закрылось.

3-го. — Въ засѣданіи, продолжавшемся до часа по-полудни, Учредительная Комиссія Палаты Представителей окончила свои засѣданія. Въ присутствіи комиссара *фонъ-Радовица*, 21 членъ Комиссіи участвовали въ совѣщаніи. Докладчикъ *Кампгаузенъ* предложилъ слѣдующее:

- 1) Палата Представителей принимаетъ уложеніе.
- 2) Она принимаетъ также дополнительный актъ.
- 3) Палата Представителей признаетъ измѣненія, произведенныя Комиссіею въ уложеніи, обязательными, но предоставляетъ правительствамъ право отменить тѣ изъ нихъ, на которыя они не согласятся.

Послѣ продолжительнаго пренія, въ пользу предложенія г. *Кампгаузена* подано только 10 гол. и оно не получило необходимаго большинства. Другія предложенія, сдѣланныя гг. *фонъ-Бодельшвингомъ*, *Тристомъ*, *фонъ-Зенденомъ* и *Гассельбахомъ*, имѣли ту же участь. Такимъ-образомъ, члены Конст. Ком. Пал. Предст., такъ скоро и легко согласив-

шлись между собою насчетъ измѣненій въ уложеніи, не могли согласиться въ главномъ вопросѣ о томъ, какъ пустить въ ходъ эти измѣненія. Докладъ будетъ представленъ Палатѣ въ понедѣльникъ, 8-го апрѣля.

6-го. — Конст. Ком. Пал. Штатовъ приняла (19 гол. противъ 5) предложеніе депутата *фон-Патова*, сходное съ предложеніемъ *Кампгаузена*. Это предложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Пал. Штатовъ исполнѣ и безусловно принимаетъ проектъ уложенія и проектъ закона о выборахъ депутатовъ для Пал. Представителей:

2) Пал. Штатовъ исполнѣ безусловно принимаетъ дополнительный актъ къ этому уложенію.

3) Пал. Штатовъ даетъ правительству союза требуемое полномочіе на приведеніе въ порядокъ торговыхъ отношеній ганзейскихъ городовъ.

4) Пал. Штатовъ предлагаетъ Правительственному Совѣту измѣнить въ уложеніи, въ законѣ о выборахъ въ дополнительный актъ, слѣдующіе параграфы (слѣдуетъ исчисленіе этихъ параграфовъ).

Докладчикомъ объ этомъ предложеніи назначенъ г. *фонъ Патовъ*.

8-го. — Сегодня утромъ, прусскіе государственные министры *графъ Бранденбургъ*, *баронъ фон-Мантейфель* и *фон-дер-Гейдтъ* прибыли сюда. По слухамъ, продолжительная конференція, которая они вѣли, въ теченіе дня, съ президентами обѣихъ Палатъ, какъ равно съ многими депутатами, повели къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ, и снова усилили надежду на успѣхъ эрфуртскаго дѣла.

12-го. — Въ Палатѣ Представителей началось преніе о докладѣ Учредительной Комиссіи. На публичныхъ хорахъ присутствовали, между прочими слушателями, *Владѣтельный Герцогъ Саксенъ-Готскій*, *наслѣдный Герцогъ Саксенъ-Веймарскій*, *Принцъ Саксонскій Эдуардъ* и многіе члены Палаты Штатовъ. Прусскій министръ *фон-Мантейфель* говорилъ въ пользу немедленной ревизіи уложенія, и сильно возставалъ противъ мюнхенскаго проекта. Кромѣ г. *Мантейфеля*, говорили депутаты *фон-Беккератъ*, *Гассельбахъ*, *Гарпортъ*, *Келлеръ*, *де-Суаронъ*, *Шталь*, *фон-Винке* и *Ульрихъ*, одни въ пользу, другіе противъ ревизіи.

13-го. — Преніе продолжалось, и приведено къ концу. Послѣ рѣчей, произнесенныхъ депутатами *фон-Притвицомъ*,

Фалькомъ, фон-Бодельшвингомъ, Рейхмиллергеромъ, г. фон-Гаверномъ (докладчикомъ) Собрание приступило къ болотировкѣ. По отринутіи разныхъ предложеній, принято, наконецъ предложеніе г. *фон-Бодельшвинга* съ товарищи, клонившееся къ тому, чтобы принять уложеніе и дополнительный актъ, безъ предварительной ревізій, и уповомочить правительство союза на сдѣлку съ Гавзбургскими городами.

14-го. — Напечатанный докладъ Конст. Ком. Пал. Шт. разданъ депутатамъ. Въ этомъ докладѣ, Комиссія рекомендуетъ принять предложеніе *фон-Патова*.

15-го. — Въ Пал. Пред. присутствовали сегодня комиссары: *фон-Радовицъ, фон-Карловичъ* и *фон-Фольпрахтъ*. Предметомъ пренія были слова «Имперія» и «Союзъ», изъ которыхъ первое удержано въ уложеніи, а послѣднее принято только для дополнительнаго акта. Напрасно гг. *фон-Герлахъ* и *фон-Бисмаркъ* старались доказать, какъ неумѣстно слово «Имперія». Потомъ принято предложенное Комиссіею измѣненіе 2 и 99 параграфовъ, по которому глава Имперіи долженъ пользоваться правомъ независимаго вѣта даже въ коллегіи владѣтелей. Всѣ предложенія правой стороны, и между-прочимъ, предложеніе г. *фон-Бисмарка*, о измѣненіи коллегіи владѣтелей простымъ совѣтомъ (*Verwaltung*) и уничтоженіи Пал. Шт., отринуты или отстранены. Кажется, партія *Бодельшвинга* (лѣвая сторона) должна одержать побѣду, потому-что передъ засѣданіемъ 13 апрѣля, 112 депутатовъ письменно обязались подать голосъ въ пользу немедленнаго принятія уложенія. На правой сторонѣ болѣе всѣхъ горячится г. *фон-Бисмаркъ*; на лѣвой, послѣ г. *фон-Винке*, г. *фон-Беккератъ* и графъ *Шверинъ* выказываютъ наиболее энергіи въ своей оппозиціи и наименѣе щадятъ своихъ противниковъ.

— Вотъ статистика партій въ эрфуртской Палатѣ Представителей: По отреченіи Ганновера и Саксоніи отъ союза, въ Палатѣ, осталось 225 членовъ; значить, необходимое большинство состоитъ изъ 113 гол. Они распределены такъ:

1) Депутаты, подписавшіе программу *Бодельшвинга* (принятіе уложенія прежде ревізій), въ числѣ 112;

2) Депутаты, подписавшіе программу центра (принятіе уложенія на нѣкоторыхъ условіяхъ, клонящихся рѣшительно къ ревізій и оставляющихъ правительствамъ свободу соглашенія), въ числѣ 37;

3) Партия *Штала* (сперва ревизія, а потомъ уже принятіе уложенія).

4) Ультра-монтаны, изъявившіе готовность присоединиться къ партіи *Штала*, если она согласится предложить парламенту, вмѣстѣ съ прусскими проектами, и мюнхенскую конвенцію; этихъ депутатовъ 17;

5) Тридцать пять депутатовъ или находятся въ отсутствіи или еще не присоединились ни къ какой партіи.

— Важный вопросъ волнуетъ теперь Германію, вопросъ о томъ, какъ замѣнить центральное правительство, нѣгющее пребываніе свое во Франкфуртѣ на Майнѣ? Известно, что вѣсть этого правительства должна кончиться 1 числа будущаго мѣсяца. Самые противорѣчающіе слухи ходятъ объ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые журналы говорятъ, что власть теперешняго правительства будетъ продолжена, и что Пруссія согласна на это. Аугсбургская же всеобщая газета извѣщаетъ, что Пруссія согласилась на предложеніе вѣнскаго кабинета, замѣнить теперешнее центральное правительство конгрессомъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ. Кѣльнская газета объявляетъ, что извѣстіе Аугсбургской газеты не имѣетъ основанія. Въ этомъ, какъ во всѣхъ прочихъ германскихъ дѣлахъ, все та же прежили нерешительность, а между-тѣмъ время идетъ впередъ, и до 1 мая остается только нѣсколько дней.

16-го. — Пал. Предст. занималась сегодня, между прочимъ, измѣненіями, предложенными г. *Шталемъ* и его товарищами для параграфовъ, относящихся къ Имперскому Суду. Палата, отстранивъ всѣ эти предложенія, перешла къ основнымъ правамъ. Два предложенія г. *Штала* и *фон-Гершаа*, изъ которыхъ первый требовалъ, чтобы эти права были обсуждены въ слѣдующемъ Парламентѣ, а послѣдній желалъ упрощенія ихъ и уменьшенія числа относящихся къ нимъ статей до пяти, отринуты сильнымъ большинствомъ голосовъ. Г. *фон-Массовъ* поддерживалъ ихъ. По поводу 135 параграфа, о равенствѣ всѣхъ сословій, принятаго съ небольшоимъ измѣненіемъ, предложеннымъ г. *Фибаномъ*, г. *фон-Гершаа* замѣтилъ, что Палатѣ, при всѣхъ стараніяхъ ея, не удастся истребить существующихъ отличій, точно такъ-же, какъ ей было бы невозможно уничтожить различіе между двумя полями. Предложеніе г. *Триста*, члена правой стороны, направленное противъ 137 параграфа, отивняющаго позорный столбъ и телесное наказаніе, было ра-

вномѣрно отринуту. Предложеніе князя *Рейскаго*, относительно свободы книгопечатанія, отмены цензуры и предоставленія всякаго ограниченія этой свободы законодательству, принято вмѣстѣ съ предложеніемъ комиссіи, требовавшей, чтобы всѣ проступки противъ закона о книгопечатаніи, на которые онъ именно не указываетъ, были судимы судомъ присяжныхъ.

17-го.—Въ сегодняшнемъ засѣданіи Пал. Шт. было на очереди преніе о докладѣ Кѣнст. Ком. Докладчикъ *Патовъ* представлялъ принятіе предложенія Комиссіи тѣмъ болѣе необходимымъ, что предложеніе это уже принято Палатою Представителей. Комиссаръ *фон-Карловицъ* предлагалъ родъ сделки, требуя предварительной ревизіи, но съ условіемъ, что если правительства не согласятся на измѣненія, предложенныя Палатою, то она можетъ потомъ принять уложеніе въ его настоящемъ видѣ. Послѣ того, депутатъ *Брюлеманъ* говорилъ противъ немедленнаго принятія уложенія, и настаивалъ на союзѣ съ Австріею. Въ томъ же смыслѣ выразился и г. *фон-Клейстъ-Рецовъ*, объявившій, что для прочнаго основанія Германскаго-Союза, надобно возвратиться къ прежнему германскому уложенію, потрясенному событіями 1848 г. и особенно, остаться въ тѣсной связи съ Австріею. Князь *Сольмс-Лихскій*, графъ *Ритбергъ* и г. *Зибель* говорили въ пользу, а г. *Эйхгорнъ* и *Цепфъ* противъ мнѣнія комиссіи. Наконецъ, Палата приступила къ баллотировкѣ и приняла первую часть предложенія Комиссіи (62 гол. противъ 29,) а вторую менѣе значительнымъ большинствомъ голосовъ.

— Въ письмѣ изъ Эрфурта въ редакцію газеты «*Deutsche Reform*», говорятъ, что принятіе Палатою Штатовъ предложенія Комиссіи, тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что болѣшая часть депутатовъ дѣйствовала въ этомъ случаѣ не по убѣжденію, а единственно изъ упорства въ приплатомъ однажды мнѣніи, какъ равно изъ желанія дѣйствовать согласно съ Палатою Представителей.

18-го.—Пал. Предст. окончила ревизію уложенія. Вопросъ о правѣ мира и войны подалъ поводъ къ продолжительнымъ и жаркимъ преніямъ. Гг. *Кампаузенъ* и *Гауссеръ* (профессоръ гейдельбергскаго университета), краснорѣчиво доказывали, что это право принадлежитъ Исполнительной Власти Союза. Крайняя правая сторона хотѣла, чтобы право это было вполне предоставлено Центральной Власти Боль-

шаго, Союза (т. е. всего Германскаго Союза, а не того Союза который основанъ 26 мая и въ пользу котораго говорил Гг. Кампаузенъ и Гауссеръ). Измѣненіе, предложенное ею въ этомъ смыслѣ, было поддержано лишь весьма немногими членами. При отобраніи голосовъ оно отринуто почти единогласно. Потомъ собраніе приняло (191 гол. противъ 9) измѣненіе, предложенное правымъ центромъ и одобренное г. Кампаузеномъ и Правительственнымъ-Союзомъ. Это измѣненіе предоставляетъ право мира и войны Исполнительной Власти Союза 26 мая, но съ условіемъ, что она не можетъ объявлять войны германскимъ владѣніямъ, не вошедшимъ въ составъ этого Союза. Комиссія Пал. Шт. предлагаетъ то же самое. — Прежде этого пренія, Палата рѣшила вопросъ о душеприказчикахъ (*fidei-commis*): статья уложенія, уничтожавшая ихъ вычеркнута. Это почитаютъ шагомъ назадъ; но его требовалъ духъ примиренія. Наконецъ Пал. Предст. приняла дополнительный актъ. Такимъ образомъ дѣло ревизіи для нея окончилось.

— Пал. Шт. равнобѣрно занималась ревизіею и приняла важное рѣшеніе: она отринула, (47 гол. противъ 42) постановленіе, которымъ Пал. Предст. опредѣлила, что она одна въ правѣ зааниматься бюджетомъ. Надобно, однакожъ, надѣяться, что этотъ споръ между двумя Палатами кончится такою же полюбовною сдѣлкою, какими оканчивались прежніе, болѣе важныя, споры. — Пал. Шт. окончательно избрала себя президента и вице-президентовъ, которые до-сихъ-поръ были у нея лишь временныя. Въ Президенты избранъ, на все время продолженія засѣданій Сейма, г. фон-Ауерсвальдъ, (58 гол. противъ 23 подданныхъ въ пользу графа фон-Арлима). Гг. фон-Ландорфъ и фон-Сольмъ-Лаубахъ назначены вице-президентами.

29-го. — Пишутъ о закрытіи Парламента. Члены не окончательно распущены и могутъ быть созваны, какъ скоро германскія правительства согласятся между собой на счетъ окончательнаго принятія уложенія.

— Большая часть депутатовъ уже оставила Эрфуртъ. Г. фон-Гагерль отправился сегодня утромъ.

— Засѣданія обѣихъ Палатъ отсрочены на неопредѣленное время. Будутъ ли эти Палаты созваны снова? Никто не знаетъ этого; но многіе думаютъ, что Эрфуртскій-Парламентъ отжилъ свой вѣкъ.

Франкфуртъ на Майнъ.—Въ газетѣ Глазгаго Почтамта, напечатано слѣдующее:

«Вчера здѣсь получена австрійская нота, въ которой приглашаютъ всѣ нѣмецкія правительства собраться во Франкфуртъ, для того, чтобы немедленно начать разсмотрѣніе германскаго вопроса; первое засѣданіе назначается 10 мая. Задачею этого перваго засѣданія будетъ рѣшеніе вопроса: «объ учрежденіи новой временной центральной власти»; оно темъ легче можетъ-быть окончено въ двѣ недѣли, что австрійское правительство хочетъ облегчить столь желательное соглашеніе возможными, соответствующими предложеніями». После исполненія, такимъ образомъ, главнаго, существеннаго условія, отъ котораго зависитъ достиженіе цѣли Союза, надобно будетъ обратить вниманіе собранія уполномоченныхъ, на пересмотръ Уложенія Союза, что всѣми признано необходимымъ, а потомъ рѣшить, какимъ образомъ привести уложеніе въ исполненіе. До-сихъ-поръ всѣ старанія были тщетны, потому-что не было согласія въ мнѣніяхъ касательно основаній уложенія, и того, какимъ образомъ можно согласить эти мнѣнія. Эти недоразумѣнія будутъ рѣшены въ собраніи, созванномъ австрійскимъ дворомъ, потому-что онъ имѣетъ на это право по четвертому параграфу вѣскаго заключительнаго акта; собраніе будетъ заимствовать изъ этихъ же постановленій, основныя начала Уложенія Союза, если сохранится этотъ Союзъ, признанный неразумнымъ по договору 1815 г. Впрочемъ австрійское правительство, вѣрное нѣсколько разъ данному обещанію, не возвращается къ прошедшему, не соответствующему потребностямъ времени, но старается развить, сообразно дѣйствующимъ отношеніямъ, рѣшенія, основанныя на правѣ и договорѣ и полезныя для будущности, будетъ содѣйствовать тому, чтобы Уложеніе было оставлено на такихъ основаніяхъ, которыя бы могли удовлетворить справедливымъ и умереннымъ требованіямъ. Австрійское правительство надѣется, что всѣ участвующіе въ Союзѣ, будутъ отвѣчать на это воззваніе, и эта надежда оправдывается увѣренностью, что путь, по которому слѣдуетъ теперь Союзѣ, не только сообразенъ съ законами Союза, но даже есть единственный путь, который можетъ привести къ желанной цѣли. Правительство полагаетъ также, что предлагаемый имъ мѣры сообразны съ цѣлью Союза. Оттого ни одинъ изъ членовъ Союза

не можетъ отказать въ своемъ участіи, если хочетъ остаться членомъ Союза.

Ганау.—8-го апрѣля.—Сегодня, въ 9 часовъ утра, начался судъ надъ убійцами г. фон-Ауэрсвальда и Лихновскаго. Подсудимые явились въ числѣ пяти человекъ.

Саксонія.—22 марта.—Въ Дрезденѣ много толкуютъ о мѣстѣ вѣдь стражу знатнаго французскаго семейства, проживавшаго въ Дрезденѣ уже нѣсколько лѣтъ. Прежде всего былъ сдѣланъ домовой осмотръ, и вѣдь что рассказываютъ по этому предмету. Около пяти лѣтъ тому назадъ, украдено было въ этомъ городѣ значительное количество брилліантовъ, и до-сихъ-поръ не могли найти виновнаго, хотя обещано было 20,000 талеровъ тому, кто его отыщетъ. Увѣряютъ, что онъ найденъ, наконецъ, въ Яссахъ, за нѣсколько недѣль тому, и въ-слѣдствіе сообщеній, присланныхъ оттуда молдавскими судебными начальствами, взято было подъ стражу означенное семейство.

—18-го апрѣля. (Дрезден. газ.) Сегодня, въ 12 часовъ по-полудни, сардинскій комиссаръ, генераль-майоръ дель-Ромка-Мараццо, торжественно просилъ у Короля и Принца Іоанна руки Принцессы Елисаветы для Принца Сардинскаго Фердинанда, Герцога Генуэзскаго. Потомъ, Король и Королева и Принцъ Іоаннъ, супруга его и Принцесса Елисавета принимали поздравленія отъ чиновъ двора, отъ государственныхъ министровъ и отъ дипломатическаго корпуса. Въ 4 часа, въ парадной залѣ королевскаго замка была большой столъ.

19-го.—Лейпцигъ.—Герцогъ Генуэзскій Фердинандъ прибылъ сюда сегодня со свитою, и остановился въ Hôtel de Rogne.

22-го. Сегодня, въ 2 часа по-полудни, Епископъ Андрианъ совершилъ въ католической придворной церкви бракосочетаніе Герцога Генуэзскаго (родивш. въ 1822 году) съ Принцессою Елисаветою (род. въ 1830 году).

Баденъ.—22 марта.—Требованія Пруссіи о вознагражденіи за военныя издержки представлецы были во Вторую баденскую Палату. Сумма ихъ простирается до трехъ съ половиною милліоновъ гульденовъ, или двухъ милліоновъ талеровъ. Изъ Карлсруэ пишутъ, что это требованіе произвело въ Палатѣ большое уныніе.

Баварія.—Извѣстно, что Баварскій Пфальцъ, со времени послѣднихъ безпокойствъ, происходящихъ въ этой об-

ласти, находится въ осадномъ положеніи. Баварская Палата Депутатовъ, въ засѣданіи 21-го апрѣля, рассматривала предложеніе, по которому слѣдовало пресѣчь это исключительное положеніе Пфальца. Министръ-президентъ, г. фон-Пфордтенъ, возсталъ противъ этого, объявивъ, что она-сность еще не миновала, и Палата согласилась съ нимъ.

Саксенъ-Веймаръ.—13-го апрѣля. Сегодня Герцогиня Орлеанская со своей свитой поѣхала изъ Эйзенаха въ Кобургъ, чтобы оттуда отправиться въ Англію.

Гогенцоллернъ-Гехингенъ.—8-го апрѣля.—Сегодня воспомядовала передача княжества Гогенцоллернъ-Гехингена Прусской коронѣ. Президентъ правительства баронъ Шнигель принялъ страну во владѣніе Короля Прусскаго. Празднества, которыми сопровождалась сдача, были проще нежели въ Зигмарингенъ, потому-что бывшій князь Фридрихъ Константинъ былъ въ своихъ шлезвигскихъ помѣстьяхъ.

Дармштатъ.—23-го марта.—Результатъ изысканій, полученный судомъ присяжныхъ по дѣлу Штауфа, еще не рѣшительнъ, но уже не оставляетъ сомнѣнія, что графиня Гёрлицъ погибла насильственной смертью. Въ нынѣшнемъ вечернемъ засѣданіи суда президентъ изложилъ, по произведенному слѣдствію, весь ходъ дѣла.

— Министерство издало слѣдующее предписаніе о продажѣ хлороформа:

«Такъ какъ изъ опытовъ видно, что употребленіе хлороформа для эфиризаціи при операціяхъ, было часто причиною смертныхъ случаевъ, то министерство внутреннихъ дѣлъ, доводя объ этомъ до свѣдѣнія публики, считаетъ нужнымъ предписать слѣдующее: продажа хлороформа должна впредь производиться на основаніи предписанія отъ 30 сентября 1823, о продажѣ ядовитыхъ веществъ, т. е., что производители и торговцы аптекарскими товарами могутъ продавать его только аптекарямъ; аптекаря же могутъ отпускать хлороформъ иначе, какъ съ разрѣшенія имѣющаго законный дипломъ медика, по рецепту его, безъ докторскаго же рецепта хлороформа не продавать».

П р у с с і я .

Берлинъ. — 14-го апрѣля. — Въ сегодняшнемъ номерѣ «Еженедѣльной Военной Газеты» напечатанъ договоръ меж-

ду Е. В. *Герцогомъ Ангальт-Дессаускимъ*, о присоединеніи военныхъ контингентовъ Ангальт-Дессаускаго и Ангальт-Кётенскаго Герцогствъ къ прусской арміи. Подобный договоръ заключенъ Е. В. и съ *Герцогомъ Ангальт-Бернбургскимъ*, о присоединеніи къ Прусской арміи контингента войскъ Ангальт-Бернбургскаго Герцогства.

19-го. — Въ сегодняшнемъ номерѣ «Прусскаго Государственнаго Указателя» напечатанъ королевскій приказъ, которымъ *генералъ-маіоръ фон-Бонинъ*, назначенный берлинскимъ комендантомъ, отзывается съ поста главнокомандующаго Шлезвиг-Гольштейномъ, предписывается немедленно возвратиться въ свои полки или гарнизоны. Приказъ подписанъ въ Шарлоттенбургѣ, 11 с. м.

22-го. — Письмо изъ Берлина, напечатанное въ Кельяской Газетѣ, извѣщаетъ, что Пруссія не согласилась на предложеніе Австріи, замѣнить теперешнюю центральную власть въ Германіи конгрессомъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ. Пруссія предлагаетъ продолжить срокъ теперешней временной центральной власти.

1-го мая. — Въ полдень, у Е. В. Короля собирався въ замкѣ Бельвио совѣтъ министровъ, въ совѣщаніяхъ котораго участвовалъ и *генералъ-лейтенантъ фон-Радовицъ*. Въ 7 часовъ, Е. В. отправился, по желѣзной дорогѣ, въ Потсдамъ.

2. — Въ 10 часовъ утра, Е. В. изволилъ сдѣлать смотръ 1-му полку пѣшей гвардіи, а въ 12 часовъ по-полудни возвратился, по желѣзной же дорогѣ, въ Берлинъ и Шарлоттенбургъ. Въ четвертомъ часу вечера прибыли сюда изъ Дрездена И. К. В. *Герцогъ и Герцогиня Генуэзскіе*, которые вотомъ немедленно отправились въ Шарлоттенбургъ.

А В С Т Р І Я .

— Изъ Милана сообщаютъ о благородномъ поступкѣ *графа Шварценберга*, командующаго австрійскимъ корпусомъ въ Ломбардіи. *Графъ Арена*, политическій изгнанникъ, проживающій въ Швейцаріи, обратился къ нему съ просьбою о позволеніи пріѣхать въ Миланъ, повидаться съ отцомъ, лежащемъ на смертномъ одрѣ. Онъ обязывался пробыть только три дня, не посѣщать никого, и подвергнуться даже

военному присмотру. Князь Шварццелберг не только согласился на его просьбу, но и дозволяет ему пробывать в Миланѣ цѣлые два мѣсяца на полной свободѣ.

— Не только въ Венгріи, но и въ Ломбардіи, происходятъ безпрестанные разбои и убійства. Въ послѣдней области составились большія шайки.

— Въ «Конституціонной Богемской Газетѣ» пишутъ:

«Наконецъ, можемъ надѣяться, что холера, по десяти-мѣсячному пребываніи въ стѣнахъ нашего города, оставила насъ, потому-что съ 24 по 31 марта занемогъ ея только одинъ человекъ, а умершихъ совсѣмъ не было. Съ начала іюня 1849 по конецъ марта 1850, занемогло холерою всегона-все 999 человекъ, изъ которыхъ умерло 528.

— Въ Парижской газетѣ *Patrie* сообщаютъ частныя письма изъ Вѣны отъ 28-го марта, въ которыхъ находятся слѣдующія замѣчательныя мѣста:

«Въ газетахъ много говорили о цѣли поѣздки графа Гулля въ Италію. Могу сообщить вамъ вѣрныя объ этомъ свѣдѣнія. Графъ ѣдетъ сперва въ Триестъ. Онъ осмотритъ укрѣпленія и успѣхи работъ, имѣющихъ цѣлью сдѣлать изъ этой гавани важный военный портъ. Потомъ отправится въ Венецію, гдѣ осмотритъ арсеналь. Онъ убѣдится въ усиліяхъ, предпринимаемыхъ въ этомъ городѣ для развитія морскихъ силъ Австріи. Известно, что матросовъ у насъ много, потому-что моряки Адриатическихъ береговъ очень способны къ дѣйствительной службѣ; притомъ же вербуютъ ихъ много въ Бременъ и Гамбургъ. Потомъ графъ Гулля отправится въ Тоскану, и говорятъ, что графъ Ридецкій будетъ сопровождать его. Во Флоренціи, какъ и въ другихъ Италіанскихъ областяхъ, чрезъ которыя графъ поѣдетъ, будетъ онъ вести переговоры о пребываніи Австрійцевъ въ Италію. Число австрійскихъ войскъ простирается тамъ теперь до 150,000 чел. Австрійскій кабинетъ хочетъ, чтобы армія эта содержалась на счетъ Италіи. Если достигнуть такой цѣли, это будетъ важнымъ облегченіемъ для бюджета. Тогда можно будетъ содержать на военной ногѣ арміи въ Богеміи, Галиціи, Венгріи и въ Германскихъ областяхъ. Правительство не хочетъ войны, и не вѣритъ въ возможность ея, но принимаетъ мѣры, чтобъ немедленно выступить въ походъ, если будетъ нужно. Никогда съ болѣею дѣятельностью не приводили въ исполненіе старой поговорки: *si vis pacem, para bellum* (если хочешь мира, готовься

съ войнѣ). Оружейныя фабрики работаютъ день и ночь. Въ Леопольдштадтскихъ трактирахъ взяты были подъ стражу въсколько иностранцевъ. Они были снабжены надлежащими паспортами, но Правительство узнало, что присутствіе ихъ имѣетъ политическую цѣль, и ихъ захватили. Кажется, что въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ извѣстныхъ коноводовъ тайнаго общества, но этотъ успѣлъ скрыться*.

— *Банкъ-Исламъ* вступаетъ въ бракъ съ богатою графиней *Штокау*.

— 8-го апрѣля. Въ Венгерской официальной газетѣ напечатаны вновь 41 приговоръ военнаго суда. Въ числѣ приговоренныхъ находятся два извѣстныхъ лица—*Германъ Герсей* и *Антонъ Перцель*; изъ нихъ первый, осужденный на разстрѣляніе, получилъ прощеніе, и приговоръ его смягченъ на шестнадцатилѣтнее заключеніе въ крѣпости, а второй былъ приговоренъ къ двѣнадцатилѣтнему тюремному заключенію, и оно замѣнено десятилѣтнимъ.

— По словамъ «*Богемской Конституціонной газеты*», австрійская армія въ Италіи распределена теперь такъ:

Пятый корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта графа *Страссольда* въ Миланѣ, съ бригадами генерал-маіора *Перена* въ Лодя и Е. Н. В. *Эрц-Герцога Сигизмунда* въ Миланѣ; 2) дивизія фельдмаршал-лейтенанта графа *Галлера* въ Миланѣ, съ бригадами генерал-маіора графа *Фететиче* въ Миланѣ, графа *Вратислава* въ Миланѣ и *Драсковича* въ Пиаченцѣ.

Шестой корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта барона *Роша* въ Кремонѣ, съ бригадами генерал-маіора графа *Тёрна* въ Кремонѣ и генерал-маіора *Вейса* въ Мантуѣ; 2) дивизія фельдмаршал-лейтенанта графа *Кулоца* въ Веронѣ, съ бригадами генерал-маіора графа *Саласа* въ Веронѣ, генерал-маіора *Русса* въ Виченцѣ.

Седьмой корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта графа *Арнольди*, въ Коно, съ бригадами генерал-маіора *Зансера* въ Вирезѣ и Е. Н. В. *Эрц-Герцога Эреста* въ Коно; 2) дивизія Е. Н. В. фельдмаршал-лейтенанта *Эрц-Герцога Карла-Фердинанда* въ Бергамо, съ бригадами генерал-маіора барона *Шпигельберга* въ Бергамо; генерал-маіора графа *Кавриана* въ Брешии и генерал-маіора графа *Нелчевича* въ Триентѣ.

Восьмой корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта князя *Фридриха Лихтенштейна* во Флоренціи, съ бригадами ге-

генерал-маіоровъ графа Стадіона и графа Коловрата, которыя обѣ стоятъ во Флоренціи; 2) дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта Іецера въ Болоньи, съ бригадами генерал-маіора графа Марціани въ Болоньи и генерал-маіора Пфенцельтера въ Анконѣ.

Десятый корпусъ: 1) дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта Вимпфена въ Венеціи, съ бригадами генерал-маіора Ландсера въ Удинѣ, генерал-маіора Граверта въ Венеціи и генерал-маіора Даркеса въ Венеціи; 2) дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта барона Бордона въ Герцѣ, съ бригадами генерал-маіора графа Дейма въ Клагенфуртѣ и генерал-маіора Горицутти въ Триестѣ. Общее число этихъ боевыхъ силъ полагаютъ въ 130—150,000 человекъ.

9-го.—Герцогиня Ангулемская возвратилась изъ своего путешествія въ Венецію. Посѣтивъ Императорскую фамилію, она поѣдетъ въ Фросдорфъ. Герцогъ Бордосскій остался съ супругою своею въ Венеціи.

Прага.—Въ «Народныхъ Новинахъ» напечатано объявленіе кроато-сербскихъ литераторовъ, въ которомъ они изъявляютъ намѣреніе соединиться вмѣстѣ, для избранія одного общаго литературнаго языка. Они хотятъ прежде всего истребить существующее нынѣ обыкновеніе набирать литературныя выраженія изъ всѣхъ нарѣчій, которыми говоритъ народъ. Цѣль союза этихъ литераторовъ будетъ состоять въ введеніи южно-славянскаго нарѣчія, потому-что на немъ говоритъ большая часть націи, потому-что оно ближе другихъ къ древне-славянскому языку, употребляется во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, и слѣдовательно, знаменитѣльнѣе отраслямъ славянскаго племени; наконецъ, потому-что на этомъ нарѣчій писали Рагузскіе классики и пишетъ часть духовенства восточной Церкви.

— За нѣсколько передъ симъ дней, совѣтники Венгерскаго Отдѣленія Верховнаго суда представлялись Е. В. По словамъ «Конституціонной Бюгенской газеты», живущіе въ Вѣнѣ Венгерцы очень довольны тѣмъ, что, при такихъ представленіяхъ, они являются предъ лицомъ Монарха въ своемъ національномъ костюмѣ и говорятъ съ Е. В. только на венгерскомъ языкѣ.

10-го. Верона.—На основаніи Уложенія Австрійской Имперіи, вечеромъ 18-го марта 1848 года объявлено. Сызо повелѣніе объ изгнаніи іезуитовъ изъ ихъ коллегіи и послушническаго дома, не дѣлая имъ никакой личной обиды. Здѣш-

ніе добросердечные граждане приняли ихъ тогда гостеприимно и ухаживали за ними, пока они не разсѣялись по свѣту. Теперь Фельдмаршалъ *графъ Радецкий* далъ имъ позволеніе снова возвратиться въ свои дома, здѣсь и въ Вѣнѣ. Зданіе, гдѣ у нихъ были коллегіи, и въ которомъ помѣщается теперь баталіонъ гренадеровъ, а также и церковь въ Сен-Себастьяно, которая служитъ хлѣбнымъ магазиномъ, будутъ немедленно очищены; только послушническій домъ будетъ занятъ солдатами, пока для нихъ не приищутъ другаго помѣщенія.

— На-дняхъ найдено въ Пресбургѣ нѣсколько ящиковъ съ бумагами революціоннаго правительства. Увѣряютъ, что это открытіе компрометируетъ многихъ, кого до-сихъ-поръ и не подозревали въ измѣнѣ. Въ Венгріи произведено множество арестовъ.

18-го.—«Лойдъ» извѣщаетъ, что торжественное коронованіе Императора будетъ совершено въ день его рожденія, т. е. 18-го августа.

— Въ газетѣ Лойда напечатано:

«Торжественное возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Австрійской Имперіей и Оттоманской Портою произошло 6 числа текущаго мѣсяца. Пока происходилъ взаимный обмѣнъ инструкцій и полномочій, австрійскому флагу салютовали пушечными выстрѣлами, потомъ салютовали равнымъ числомъ выстрѣловъ и турецкому флагу. У *графа Штурмера* былъ вечеромъ большой балъ, на которомъ присутствовала бѣлая часть находящихся въ Константинополѣ дипломатовъ.

22-го.—Нынче въ Австріи издаются 179 журналовъ: изъ нихъ 92 нѣмецкихъ, 56 италіянскихъ, 28 славянскихъ, 6 венгерскихъ и 2 руманскихъ.

20-го.—«Вѣнская газета» официально объявляетъ сегодня о возведеніи супруги Е. И. В. *Эрцъ-Герцога Иоанна, баронессы (Freiin) Анны фон-Брандгофенъ*, дипломомъ Е. В. Императора, въ графское достоинство Австрійской Имперіи, съ титуломъ *графини фон-Меранъ, баронессы фон-Брандгофенъ*.

— Въ редакцію «Журнала Австрійскаго Лойда» пишутъ изъ Темешвара, что работы въ тамошнихъ крѣпостныхъ веркахъ продолжаются съ большимъ рвеніемъ. Предмѣстія должны быть окружены крѣпкими башнями, подобнымъ

гды; какъ издвигнуты при Липпѣ. Вашии эти будутъ защищать внутренній городъ отъ дѣйствія бомбъ. Говорятъ также о предложенномъ построеніи желѣзной дороги, которая должна вести отъ Сегедина къ Тенешвару.

— Газета *Omnium*, извѣщаетъ, что Фельдмаршалъ Радецкій издалъ, 16 апрѣля, прокламацію, въ которой приглашаетъ жителей Долбардо-Венеціанскаго Королевства добровольно согласиться на заемъ въ 120 милліоновъ ливровъ (25,000,000 руб. сереб.) Правительство предлагаетъ этотъ заемъ на выгодныхъ условіяхъ, но если къ 3 мая онъ не будетъ покрытъ, то оно прибѣгнетъ къ принудительному займу, и будетъ въ правѣ отмѣнить прежнія выгодныя условія. Газета *Concordia* говоритъ, съ своей стороны, что этотъ заемъ уже отмѣненъ и что скоро будетъ обнародована обширная амнистія.

— Е. В. Императоръ Австрійскій отправился въ Триестъ, гдѣ ждетъ его Фельдмаршалъ Радецкій, а оттуда отправится, можетъ-быть, въ Венецію и даже въ Миланъ.

— 30-го. Императоръ повелѣлъ строить новыя укрѣпленія у Коморна и фортъ на Сандбергѣ. Укрѣпленія, которыя строятся въ Офенѣ, должны быть оконченны къ исходу октября. Прежде всего будетъ окончена часть построекъ у Вѣнскихъ воротъ и у бастиона противъ Швабенберга; теперь уже выстроена большая часть стѣны бастиона. Больше всего поправки требуетъ совершенно разрушенный Штудвейсенбургъ, Вѣнскія-ворота и укрѣпленія передъ Императорскимъ замкомъ, гдѣ опустошеніе было значительнѣе всего. Ворота замка повреждены незначительно, и будутъ въ скоромъ времени исправлены.

2-го Мая.—Въ Вѣнской газетѣ напечатано: «По неоднократной просьбѣ константинопольскаго интернунція *Графа Штюрмера* и по предложенію министра иностранныхъ дѣлъ и палаты, онъ уволенъ отъ должности, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 29 апрѣля.

ШВЕЦІЯ.

— Стокгольмъ, 9-го апрѣля, (Гамбургск. Бор.) Вчера утромъ, Его Королевское Высочество Наслѣднй Принцъ отправился отсюда въ Копенгагенъ. Изъ Копенгагена Принцъ поѣдетъ, черезъ Любекъ и Гамбургъ, въ Гагу.

Д А Н И Я .

Шлезвигъ-Голштейнъ. Киль.—10-го *апрѣля.*—Дворянство и благородные помѣщики (Ritterschaft und edle Gutbesitzer), вслѣдствіе рѣшенія, принятаго ими въ полномъ заведеніи 6 апрѣля, адресовали на имя намѣстничества слѣдующую записку:

«Прелаты и помѣщики обонхъ герцогствъ собирались для разсужденія о средствахъ къ заключенію мира. Слѣдствіемъ этихъ разсужденій было рѣшеніе: объявить намѣстничеству, что при теперешнихъ обстоятельствахъ прямыя переговоры съ владѣтелемъ страны—самое удобное средство къ доставленію ей скораго мира. Собраніе шлезвигъ-голштейнскихъ прелатовъ и помѣщиковъ, сообщая намѣстничеству это рѣшеніе, основанное на искреннемъ его убѣжденіи, присовокупляетъ, что оно рѣшилось поддерживать намѣстничество всѣми своими силами на этомъ пути къ достиженію мира».

— Изъ Гамбурга пишутъ, отъ 16 апрѣля, что депутація, посланная въ Копенгагенъ отъ дворянства и помѣщиковъ Шлезвигъ-Голштейна, вѣроятно, уже прибыла къ мѣсту своего назначенія. Извѣстно, что эта депутація послана для прямыхъ переговоровъ о мирѣ съ самимъ Королемъ Датскимъ и что Пруссія одобрила это посольство; тѣмъ не менѣе сомнѣваются въ успѣшномъ окончаніи возложеннаго на нее порученія, потому-что Король Датскій объявилъ, что онъ только въ такомъ случаѣ вступитъ въ непосредственныя переговоры, если оба Герцогства предварительно обезоружатъ и распускаютъ по домамъ свое войско.

Н И Д Е Р Л А Н Д Ы .

— Гага, 30 *апрѣля.* Сегодня, послѣ обѣда, во дворцѣ Принца Фридриха и въ присутствіи королевской фамиліи, произошло обрученіе Принцессы Нидерландской Луизы съ наследникомъ Шведскаго престола.

Испания.

Въ газетѣ *Realdo* напечатано: «Мы недавно говорили, что въ Леонской провинціи открыты золотыя россыпи. Сегодня мы получили отъ нашего корреспондента въ Гренадѣ письмо, въ которомъ онъ уведомляетъ, что такое же открытіе сдѣлано и въ этой провинціи, гдѣ, какъ кажется, очень много золота. Если жители Леона и Гренады не обманутся въ своихъ надеждахъ, у насъ, въ Испаніи, будетъ новая Калифорнія. Вотъ копія съ письма нашего корреспондента въ Гренадѣ.

«Здѣсь является новая Калифорнія. То же безумство, тѣ же надежды скорого обогащенія; нѣтъ только калифорнскихъ преступленій. Древнее преданіе говоритъ, что въ Дурро есть золотыя пески, и его поэтическое имя, «*Dauro*» служитъ этому доказательствомъ, но теперь открыто, что драгоценный и рѣдкій металлъ находится не въ Дурро, а въ окрестностяхъ Гренады. Гражданскому губернатору представлено уже болѣе ста образчиковъ золотосодержащихъ песковъ. Жители Гуэрты, Веги, Молахия, Диларо и Субин, находятся какъ-будто въ какомъ-то возстаніи, потому-что этотъ песокъ найденъ у нихъ, и никто ничѣмъ не занимается, кромѣ промыванія песку и добыванія изъ него золота. Вчера я посѣтилъ часть провинціи, называемую Дона-Хуана, гдѣ нашли болѣе всего золотосодержащаго песку, и видѣлъ тамъ болѣе 300 человекъ, которые отыскивали золото. Устроивъ необходимыя машины, можно будетъ добыть значительныя суммы денегъ. Открытіе это сдѣлано очень кстати для этой несчастной провинціи.

— 31-го марта. На мѣсто сэра *Булльвера* назначенъ англійскимъ посланникомъ при испанскомъ дворѣ *лордъ Годенъ*.

— *Графъ Мирасоль* уже отправился въ Кубу.

— Сегодня начались здѣсь бои быковъ, которые будутъ въ нынѣшнемъ году очень блистательны.

2-го апрѣля. — Принцъ и Принцесса *Жуанвилльскіе* отправились изъ *Кадикса* въ Англію.

7-го. — Говорятъ, что для крещенія *Принца Астурийскаго* пошлютъ за водой на *Юрданъ*; многіе добиваются чести ѣхать за этой водой.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ ждутъ въ Мадридѣ Герцоговъ Мон-мессе и Жуанвилскаго, съ супругами.

— Многіе журналы объявляютъ, что Король отправляется въ Аранжуэсъ, и по этому поводу, дѣлаютъ разныя предположенія. Вчера Король дѣйствительно уѣхалъ; но онъ долженъ возвратиться сегодня же. Единственною причиною его удаленія было, кажется, то, что онъ не хотѣлъ имѣть у себя оффиціального пріема въ день рожденія своего отца, Инфанта дона Франциска де-Паулы.

15-го.—Говорятъ, что графъ Монтемолинъ снова протестуетъ противъ правъ ожидаемаго наследника престола.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Бернъ,—2 апрѣля. Положеніе нѣмецкихъ рабочихъ обществъ въ Швейцаріи изслѣдовано, и докладъ о немъ представленъ Совѣту Союза. Изъ этого доклада видно, что съ 1848, нѣмецкія рабочія общества занимались только-демократическою волнитою, что они распространены по всей Швейцаріи, имѣютъ между собою тѣсную связь и состоятъ въ такой же связи съ подобными обществами во Франціи и Германіи. Совѣтъ Союза принялъ слѣдующее рѣшеніе:

«Члены нѣмецкихъ рабочихъ обществъ въ Женевѣ, Лозаннѣ, Вевѣ, Ла-Шо-де-Фонѣ, Локлѣ, Флерѣ, Поррантрию, Севтъ-Имьѣ, Бургдорфѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Туизѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, Винтертурѣ и Шафгаузенѣ высылаются изъ Швейцаріи. Рабочія общества въ Арау, Лудернѣ, Гларусѣ, Хурѣ и Геризау поручаются надзору полиціи».

Число высылаемыхъ членовъ нѣмецкихъ рабочихъ обществъ, по слухамъ, простирается слишкомъ до 400 чело-вѣкъ.

— Въ Швейцаріи, въ ожиданіи общихъ выборовъ для большаго Совѣта, партіи испытали свои силы въ Бернскомъ-Кантонѣ, при выборѣ, въ Эменталѣ и Оберландѣ, двухъ депутатовъ для Союзнаго Собранія. Къ сожалѣнію, попытка эта не предвѣщаетъ ничего хорошаго консерваторамъ. Въ Эменталѣ избранъ кандидатъ радикальной партіи, г. *Деманъ*, а въ Оберландѣ другой радикальный кандидатъ, г. *Керленъ*, получилъ въ свою пользу 5,569 гол., тогда-какъ въ пользу

кандидата консервативной партіи, г. *Виссмансберга*, пода-
но 5,322 гол. Какъ Оберландъ есть одна изъ частей бере-
скаго Кантона, гдѣ консерваторы всего многочисленнѣе, то
этотъ результатъ во всякомъ случаѣ долженъ быть по-
чтенъ дурнымъ предзнаменованіемъ для выборовъ 5 мая.

— Швейцарскій національный Совѣтъ, въ засѣданіи 25
апрѣля, принялъ (64 гол. противъ 36) десятичную монетную
систему, въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она во Фран-
ціи и Бельгіи.

Т у р ц и я .

— Въ Сераскиратѣ (военномъ министерствѣ) трудятся
надъ проектомъ сформированія христіанскихъ баталіоновъ,
которые должны быть составлены изъ волонтеровъ и при-
соединены къ музьяманскимъ полкамъ.

— *Скутари*. На дняхъ появились у нашихъ береговъ, два
военные парохода подъ англійскимъ флагомъ; они пробыли
два дня недалеко отъ Антивари, занимаясь тщательнымъ
изслѣдованіемъ глубины моря, и потомъ удалились. Неожиданное
появленіе этихъ судовъ произвело на жителей глупое
впечатленіе, потому-что они не привыкли къ такимъ
посѣщеніямъ. Здѣшній наша посылалъ собрать свѣдѣнія объ
этихъ неожиданныхъ гостяхъ.

— *Константинополь*, 4-го апрѣля (23-го марта ст. ст.)
На прошедшей недѣлѣ, Султанъ присутствовалъ въ Софій-
ской мечети при испытаніи воспитанниковъ въ правахъ и
богословіи: эти воспитанники окончили курсъ наукъ, и полу-
чили дипломы на званіе докторовъ правъ и богословія.

— Русскій скрипачъ г. *Дмитріевъ-Сельчинъ*, приобрѣт-
шій блистательную репутацію, прибылъ сюда изъ Одессы
нѣсколько дней тому назадъ. Въ прошлую субботу онъ
имѣлъ честь исполнить нѣсколько пѣсень въ султанскомъ двор-
цѣ, въ присутствіи Е. В. Султана и Султанши-матери. Е. В.
въ знакъ своего удовольствія, приказалъ вручить ему подарокъ,
въ 12,000 піастровъ. Другой подарокъ былъ врученъ
артисту итальянскаго театра г. *Маріани*, который приня-
малъ участіе въ концертѣ и пропѣлъ нѣсколько арій изъ
итальянскихъ оперъ.

— Казенный пароходъ, на которомъ отправлены были въ Александрию, въ Сирію, египетскіе выходцы, назначенные для поселенія въ Аденъ, возвратился въ Константинополь.

Скутари, 15-го апрѣля, Англійскіе пароходы, которые позвались у береговъ между Антивари и устьемъ Бояны, чтобы вымѣрить тамъ глубину моря, возвратились изъ Ионическаго моря и прибыли 24 числа къ берегамъ Албаніи. Жители Дульцины (приморскаго города въ Албаніи) и Свят. Николая (деревни, лежащей у устья рѣки Бояны) были очевидцами маневровъ этихъ судовъ. Самый большой изъ англійскихъ пароходовъ стоялъ недалеко отъ албанскаго берега и тщательно занимался помѣркою глубины, а маленькій пароходъ ходилъ въ задъ и впередъ, въ искомомъ отдаленіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что суда эти были англійскія, потому что жители могли разглядѣть великобританскій флагъ, особенно тотъ, который былъ на большомъ пароходѣ. Отъ этого парохода часто отходили люди съ шлюпки, которая ревностно занималась измѣреніемъ глубины устья рѣки Бояны. Извѣстно, что рѣка ведетъ къ большой равнинѣ въ Скутари. Пароходы эти измѣрили съ 24 до 25 числа вечера, не разспрашивая ни одного жителя Албаніи, не только глубину рѣки, но и глубину устьевъ береговъ до Антиваря; 28 числа, рано утромъ, большой пароходъ пошелъ въ направленіи къ Ионическому морю, а маленькій скоро послѣдовалъ за нимъ. Это изслѣдованіе произвело сильное впечатлѣніе на жителей Скутари, потому, что они до-сихъ-поръ не привыкли видѣть на своихъ берегахъ незваныхъ и неожиданныхъ гостей, которые, не объявляя о себѣ, удались, послѣ таинственной и долгой работы.

— По извѣстіямъ изъ Смирны, тамошніе жители были чрезвычайно утрачены нѣсколькими землетрясеніями, въ короткое время послѣдовавшими одно за другимъ. Первый ударъ землетресенія случился 22-го марта ст. ст. (3-го апрѣля). Въ 3 час. 10 мин. утра, земля сначала легко сотряслась; потомъ вдругъ послышался глухой подземный гулъ, быстро смѣшавшійся съ трескомъ кровель и стѣнъ, и земля сильно задрожала; чрезъ 10 минутъ этотъ ударъ повторился, и чрезъ 5 минутъ позже почувствованъ былъ и въ третій разъ, по-слабѣе. Море, которое въ полночь еще было совершенно спокойно, внезапно взволновалось и отошло отъ береговъ, такъ-что привязанные у берега калки

на минуту остались на сушѣ, и нѣсколько судовъ ударились о дно. Землетрясеніе это было сильнѣе, нежели въ 1846 году, и повредило всѣ почти дома въ Смирнѣ, но незначительно, и къ счастью, при этомъ никто не погибъ. 26-го марта ст. ст. (7-го апрѣля), въ 3 час. по-полудни послѣдовалъ въ Смиринѣ новый ударъ землетрясенія, а 31-го марта (12-го апрѣля) въ 7 часовъ утра, повторился въ третій разъ. Жители, испуганные этими частыми потрясеніями и распространившимися, сверхъ-того, въ городѣ предсказаніями о предстоящемъ разрушеніи Смирны, толпами собираются въ церквахъ, и особенно у Св. Иліи близъ Буджи, и многіе переселяются за городъ или на стоящія на рейдѣ суда. По дошедшимъ свѣдѣніямъ, это землетрясеніе, особенно при первомъ ударѣ, 22 марта, распространилось по всей Анатоліи; говорятъ, что въ Скала-Новѣ разрушилась часть крѣпости, и что одна деревня близъ Нильфіо была почти завалена обрушившимися на нее скалами, при чемъ, какъ слышно, погибло много жителей. Въ Айвали и въ Митленѣ сотрясеніе земли ощущено было въ ту же минуту, какъ и въ Смирнѣ.

— По письмамъ изъ Багдада, въ этомъ городѣ, въ Сюлейманѣ и въ тамошней области произошли значительные безпорядки; багдадскій губернаторъ *Абди-Паша* и главнокомандующій иранскою арміею *Намикъ-Паша* немедленно приняли мѣры къ восстановленію порядка.

— На прошлой недѣлѣ русскій виртуозъ г. *Дмитріевъ-Свѣчкинъ* далъ на здѣшнемъ театрѣ свой первый концертъ, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ. Въ пятницу на этой недѣлѣ онъ предполагаетъ дать второй концертъ.

А М Е Р И К А.

Лондонскія газеты перепечатали изъ *British Packet* текстъ договора, заключеннаго 24 ноября 1849 года, между англійскимъ правительствомъ и Аргентинской республикой. Главныя условія этого договора, слѣдующія:

- 1) Англійское правительство обязывается очистить аргентинскіе корабли, находящіеся въ его власти, и салютовать флагу Аргентинскаго Союза 21 выстрѣломъ.
- 2) Всѣ купеческіе корабли, забранные во-время блокады, должны быть возвращены обѣимъ сторонамъ владѣльцамъ.
- 3) вспомоگательныя аргентинскія войска, находящіяся въ восточной Республикѣ, должны возвратиться чрезъ Урагвай,

как скоро французское правительство обезоружитъ иностранный легионъ и всѣхъ иностранцевъ, составляющихъ гарнизонъ Монтевидео, очиститъ земли обѣихъ республикъ, откажется отъ своего враждебнаго положенія, и заключитъ мирный договоръ. Англія обязуется, въ случаѣ надобности, принять роль посредницы, и уговорить Францію къ исполненію упомянутыхъ условій.

4) Англія признаетъ судоходство по рѣкѣ Параль судоходствомъ внутреннимъ, которое должно быть подчинено однихъ аргентинскимъ законамъ. Устройство судоходства по Параль должно зависѣть отъ обѣихъ республикъ, Западной и Восточной, въ равной степени.

5) Аргентинская Республика удерживаетъ за собою право осуждать свои права какъ государства независимаго, а именно въ отношеніи къ веденію войны.

5) Аргентинская Республика объявила, что для пріятія договора, она считаетъ необходимымъ условіемъ согласіе парагвайскаго Президента, *Дона Манозля Орибе*; затѣмъ она принимала нужныя для того мѣры, и получила упомянутое согласіе. Договоръ подписали: *Герцль Сутернъ* и *Феликс Арана*.

Позднѣйшія письма изъ Буэнос-Айреса, отъ 15-го января, извѣщаютъ, что *Генераль Розасъ* не взялъ еще назадъ своей просьбы объ увольненіи его отъ званія Президента Аргентинскаго Союза, хотя Палата представителей настоятельно просила его о томъ. При открытіи засѣданій своихъ, Палата издала предписаніе о закрытіи всѣхъ торговыхъ заведеній; вовсе время, которое употребитъ *Генераль Розасъ* на отчетъ о дѣлахъ своего правленія. Дѣловые люди послушались предписанія, и всѣ магазины были закрыты. Такъ какъ, однакоже, это торжество продолжилось долѣе назначеннаго срока, то англійскій генеральный консулъ *Сутернъ* сдѣлалъ о томъ представленіе, на которое получилъ довольно рѣзкій отвѣтъ, послужившій поводомъ къ нѣкоторой холодности между нимъ и *Розасомъ*.

— *Сѣверо-Американскіе Штаты*. — Въ газетѣ *Times* пишутъ изъ Нью-Йорка отъ 5 марта:

«Торговля и переселенія изъ этой страны въ Калифорнію не только не уменьшаются, но напротивъ того усиливаются съ безпримѣрною живостію. Въ февралѣ мѣсяцѣ, 3 парохода и 57 парусныхъ судовъ отправилась изъ Нью-Йорка въ Сан-Франциско и 34 другихъ корабля готовились къ отплытію.

Бостонскій журналъ утверждаетъ, что въ теченіи прошлой недѣли, изъ Нью-Йорка пошли въ Сан-Франциско 11 кораблей, не считая 49 судовъ, которыя уже нагружаются, и приготовленій, дѣлаемыхъ для зафрахтованія еще нѣсколькихъ кораблей.

«Итогъ всѣхъ судовъ, отправившихся до 1 числа сего мѣсяца изъ портовъ Атлантическаго океана въ Калифорнію, составляетъ 960. Разсчитываютъ, что они свезли около 60,000 пассажировъ, да сверхъ того 25,000 пѣшкомъ сухимъ путемъ; по послѣднимъ извѣстіямъ туда прибыло много эмигрантовъ изъ Австріи. Между прочимъ грузомъ, назначеннымъ въ Калифорнію, въ послѣдніе четыре мѣсяца отправлено изъ Бостона болѣе десяти милліоновъ квадратныхъ футовъ мебели и 2,280 деревянныхъ домовъ и другихъ строеній, которыя можно составить тотчасъ по выгрузкѣ».

— Въ другомъ письмѣ, изъ Сан-Франциско въ Калифорнію, отъ 1-го января, находятся слѣдующія подробности:

«Городъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, и тамъ, гдѣ полгода назадъ стояло нѣсколько лачужекъ, возвышаются теперь 5,000 прекрасныхъ домовъ и столько же палатокъ. Теперь началось дождливое время, и дождь этотъ будетъ продолжаться четыре мѣсяца, но за-то остальную часть года дождь не пойдетъ ни разу. Въ эту минуту городъ представляетъ море грязи. Можно считать себя счастливымъ, если грязь вамъ только по колѣна. За длинныя рыбачьи сапоги платятъ до 500 франк. Теперь въ Калифорніи до 100,000 человекъ. Здѣсь ихъ 35000, и только 120 женщинъ; что касается до послѣднихъ, то въ продолженіе двухъ недѣль, я не видалъ ни одной женщины. За маленькій деревянный домикъ съ меня просятъ 1,800 фунт. стерл. (11,700 р. сер.) въ годъ, а за наемъ маленькой комнатки въ 10 квадр. футовъ, безъ мебели, 50 фунт. стерл., (325 р. сер.) въ мѣсяць. Столяры и всѣ люди, занимающіеся рукодѣльными искусствами, выработываютъ безъ труда 3 фунта стерлинговъ и 10 шиллинговъ въ день. Врачей здѣсь такъ много, какъ мухъ, но несмотря на то, едвали имъ удастся найти квартиру и больного. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, то имъ нѣтъ цѣны. На розсыпяхъ, которыя находятся въ 300 или 600 миляхъ отсюда, еще хуже. Чтобы попасть туда, надобно имѣть большое состояніе. Погонщики лошаковъ не берутъ меньше доллара за фунтъ поклажи, такъ что провізія тамъ втрое дороже, чѣмъ здѣсь».

— *Ріо-Жанейро (Бразилія) 17 января.*—Императоръ *Дон-Педро* открылъ 1 января засѣданіе Палаты. Онъ произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой благодарилъ національную гвардію, армию и флотъ, за оказанное ими содѣйствіе въ усмирении фернанбужскихъ мятежниковъ; далѣе, онъ говорилъ о необходимости принять строгія мѣры, для того, чтобы положить конецъ сопротивленію, оказываемому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства правительству. Императоръ *Дон-Педро* говорилъ также о необходимости улучшить монетную систему и принятіи мѣры для ободренія переселенцевъ.

— 9 января скончался, въ *Ріо-Жанейро*, послѣ кратковременной болѣзни, наследникъ престола—Принцъ *Дон-Педро-Альфонсо*,

— *Соединенные Штаты.*—На послѣднихъ пзвѣстіяхъ изъ Нью-Йорка отъ 20 марта, полученнымъ въ Саутгемптонѣ съ почтовымъ пароходомъ Канада, Сенаторъ *г. Кальюунъ* находился при смерти. Одинъ пароходъ на Алабамѣ, сдѣлая жертвою пожара, при чемъ погибло 80 пассажировъ. Американская экспедиція для отысканія *Сэра Джона Франклина* будетъ состоять изъ трехъ шкутъ, подъ командою лейтенанта *Дергелла*, и вступитъ подъ паруса 1-го мая. Въ Калифорніи было дѣлкое землетрясеніе.

А Ф Р И К А .

— Частныя письма изъ Туниса, отъ 19 марта, пзвѣщаютъ, что холера тамъ опять усиливается. Давно ожидаемый въ Тунисѣ англійскій консулъ наконецъ прибылъ; онъ былъ прежде въ Санктпетербургѣ.

— Въ журналѣ «*The Examiner*» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ арміи негртянскаго короля въ Дагомеѣ, на западномъ берегу Африки:

«Этотъ король, союзникъ Англии, имѣетъ у себя 8,000 ратниковъ, изъ которыхъ половина женщины. Король питаетъ къ послѣднимъ неограниченное довѣріе и сформировалъ изъ нихъ свою лейб-гвардію. Онъ лучшія войска его, и онъ бережетъ ихъ для рѣшительнаго мгновенія, употребляя ихъ для штурмованія непріятельскихъ крѣпостей, что онъ исполняютъ съ равнымъ мужествомъ и искусствомъ. Для пользы службы, этимъ женщинамъ запрещено вступать въ бракъ. Въ лейб-гвардію выбираются женщины красивыя и высокаго роста. Недавно, какъ слышно, король просилъ Англійское правительство прислать ему, для его амазонокъ, ящикъ пистолетовъ».

А з і я.

Бомбей.—По извѣстіямъ отъ 22-го февраля, на британскихъ саперовъ, работавшихъ при построеніи дороги около Когатскихъ-Горъ, сдѣлано было 2-го числа нападеніе тамошнихъ племенемъ. Англичане были большею частію перебиты, а убійцы удалились, овладѣвъ ихъ инструментами. Для наказанія ихъ послана была 9-го числа, экспедиція. Полковникъ 16 егерскаго полка *Брадшау* начальствовалъ войсками, а *Сэръ Чарльсъ Непиръ* и бригадиръ *Кембель* сопровождали экспедицію. 10 числа достигла она до мѣста назначенія, и напала на убійцъ, которые вступили въ битву, продолжавшуюся съ большимъ мужествомъ, съ обѣихъ сторонъ, въ продолженіе всего дня 11-го числа. Экспедиція окончилась благополучно. У непріятеля раззорено шесть деревень. Въ британскомъ войскѣ прапорщикъ *Ситвель* изрубленъ на части, а поручикъ *Галіаудъ* и три или четыре европейскіе солдата тяжело ранены. У бунтовщиковъ не было взято ни одного плѣннаго, но большое число убито и ранено. По окончаніи дѣла, войско возвратилось, 14-го числа, къ петауэрскому гарнизону; только небольшой отрядъ остался при муттанійской тѣснинѣ. *Раджа Сикима*, противу котораго также снаряжалась экспедиція, ушелъ въ горы по полученіи извѣстія о происшедшемъ; послѣ того британскія войска заняли часть его владѣній на большей рунджитской рѣкѣ. Область эта даетъ ежегоднаго дохода 1,600 ф. ст., и сверхъ того англійскому правительству не нужно уже платить, по условію, 600 фунтовъ годоваго содержанія бѣжавшему раджѣ. Пенджабское войско пользовалось совершеннымъ здоровьемъ. Нѣкоторые изъ бенгалскихъ уроженцевъ были осуждены военнымъ судомъ, частію къ исключенію изъ службы, частію къ дорожной работѣ.

Кантонъ, 25-го марта. — Вдовствующая *Императрица Китайская* скончалась. Извѣстно, что Китайцы носятъ бѣлый трауръ, и потому всѣ гражданскіе и военные чиновники принуждены были одѣться въ бѣлыя одежды. Ожидали, что и Императоръ скончается, но онъ выздоравливаетъ.

— *Лайердъ* ревностно продолжаетъ отрывать при *Нимрудѣ* ассирійскія древности. Въ послѣднее время онъ опять открылъ много любопытнаго, и между-прочимъ нашелъ цѣлый кухонный приборъ одного ассирійскаго царя, въ томъ числѣ огромный мѣдный котелъ и болѣе ста мѣдныхъ блюдецъ. Золота не находятъ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕГКОМЫСЛЕННОСТЬ И РАСКАЯНИЕ.

Новѣсть двухъ столѣтій.

ГЛАВА I.

ДВА БРАТА.

Иванъ Ивановичъ былъ славный старикъ. Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ прожилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, строго исполняя законы совѣсти и чести. Съ молодю онъ, правда, немножко кутилъ, но кто жъ этого на своемъ вѣку и не дѣлалъ! Мы всегда почти въ молодости живемъ какъ будто никогда не должны умирать, а на старости многіе за то умирають, какъ будто никогда не жили. Иванъ Ивановичъ бывалъ и вспыльчивъ, но эта минутная вспышка крови не заставляла его никогда дѣлать безразсудностей, или жестокостей. Да какъ бывало и не вспылить? Вездѣ въ людяхъ каверзы, злость, неблагодарность, хитрость, а पुце всего этотъ страшный эгоизмъ, который кромѣ свое-

го драгоцѣннаго «Я» ничего на свѣтъ знать не хочетъ. Между всѣми этими людскими пороками вспыльчивость конечно простибельнѣе всѣхъ, хотя людской эгоизмъ и эту слабость уже слишкомъ оправдываетъ. Иной просто золъ и бѣшенъ, а окружающіе ласкатели говорятъ, что онъ немножко крутенежъ, но за-то дескать незлопамятенъ: оборветъ, обругаетъ, надѣляетъ тысячу неприятностей, обидъ и оскорбленій, но за-то такъ великодушень, что не помнитъ этого. Такъ извиняютъ всѣ наши недостатки, и отъ этого дѣлаютъ насъ хуже. Еслибъ насъ съ малолѣтства приучали къ горькой истинѣ, то она бы не была намъ такъ противна въ зрѣломъ возрастѣ.. Еслибъ родители, няньки, наставники, и всѣ окружающіе говорили намъ правду съ молодыхъ лѣтъ, то полъ старость мы бы не видѣли враговъ въ тѣхъ людяхъ которые говорятъ намъ правду. Или уже это безумствѣе баловство и похвальба дѣтей: кто ни придетъ, кто ни взглянетъ на ребенка, кричитъ уже: ахъ какъ милъ! какая прелесть! какой милашка! хотя бы онъ весь былъ выпачканъ въ грязи; кто ни послушаетъ ничтожнаго его лепета, восклицаетъ: какой умъ! какая удивительная понятливость! Начнетъ ли онъ шалить, кричать, ему даютъ все, чтобъ успокоить его; его за все хвалятъ, гладятъ по головкѣ, такъ что каждый ребенокъ съ младенчества бываетъ эгоистомъ — и разумеется будетъ послѣ, не только удивляться, если кто въ немъ найдетъ ошибки и недостатки, но и серьезно сердиться за это.

И такъ, Иванъ Ивановичъ былъ съ молоду вспыльчивъ, — и, вѣроятно, этимъ качествомъ былъ обязанъ баловству своей маменьки и услужливости челядинцевъ, которымъ свое счастье было дороже счастья дитяти.

Странное однако же дѣло и даже любопытный физиологическій вопросъ! Съ Ванею (впоследствии сдѣлавшимся Иваномъ Ивановичемъ) росъ и воспитывался меньшей его братъ Гриша, — и способъ воспитанія ихъ былъ, разумеется, одинаковъ во всемъ. Отецъ и мать одинаково и любили ихъ и баловали. Видимаго предпочтенія никому изъ двоихъ не было. Только челядинцы, всегда съ такою охотою подматривающіе слабости своихъ господъ, увѣрили, что отецъ больше любитъ старшаго сына Ваню, а мать — младшаго — Гришу. Былъ ли этотъ отгѣнокъ дѣйствительный

суть, или чуждыми такъ казалось. — Но сами родители никогда не означались въ этомъ. Они увѣрены были, что въ сердцахъ ихъ не было никакой разницы въ чувствахъ къ которому-либо изъ двохъ. Замѣтно только было, что во всѣхъ дѣтскихъ капризахъ, Ваня обращался съ требованіями къ отцу, а Гриша къ матери. Съ обѣихъ сторонъ капризы были выполняемы, — и слѣдственно, ни какой видной причины не было, чтобъ у мальчиковъ сдѣлались разные характеры. Однако же это случилось. — Ваня сдѣлался гордъ, вспыльчивъ, повелителенъ, рѣшителенъ, самоувѣренъ. Гриша же ласковъ, вкрадчивъ, бояливъ, своенравенъ и злунъ. Какъ послѣ этого не подумать, что на каждомъ ребенкѣ отразились, вмѣстѣ съ родительскою любовью, отдѣльные качества каждаго изъ нихъ, — и качества, разумѣется, самыя дурныя, которыя въ обществѣ вовсе были не замѣтны ни у отца, ни у матери. А между тѣмъ дѣти уиѣян уже принять, перенять и освоить ихъ себя, тогда какъ изъ добродѣтелей родительскихъ невиднo было ни одной. Неужели же по системѣ хронологическѣ въ человѣкѣ пороки врождены, а добродѣтели обязаны онѣ воспитанію, примѣрамъ, собственному уму и опытамъ — уже въ извѣстныхъ лѣтахъ? Кажется, что такъ.

Ваня и Гриша получили совершенно домашнее воспитаніе. Въ то время... да! вѣдь мы еще не сказали, что они жили въ XVIII вѣкѣ. Со временъ Петра I прошло еще только полстолѣтія, — и Россія не была еще вполне убѣждена въ пользу всѣхъ высокихъ намѣреній преобразователя ея. Слово *учитель* казалось какъ-то дико и для ушей дворянина и помѣщика. Чему учиться и къ чему ему учиться? Подвизаться ему не быть, а для война; какому почиталъ себя каждый Рубежій съ колыбели, нужна только сила и храбрость. Конечно надобно, изъ приличія, знать грамоту, надобно умиѣть читать приказанія начальства, и подписывать свое имя; надобно иногда и вести денежные счета, чтобъ не слишкомъ быть обманутымъ своими управителями и дворецкими... Но больше что еще?... Всѣ остальные человѣческія премудрости казались тогда большею частію ничтожными, лишними; едва-ли даже не вредными. Надобно было имѣть опытность цѣлаго столѣ-

тія, чтобъ почувствовать пользу просвѣщенія и необходимость ученія. Надобно было, чтобъ въ это столѣтіе половина его была занята славными царствованіями Екатерины II-й и Александра I-го, которые, возведя Россію на небывалую дотолѣ степень политическаго могущества, исполненскими усиліями вводили въ нее и свѣтъ ученія, и теперь, слава Богу,—всякой чувствуетъ, что не давши дѣтямъ своимъ всего современнаго образованія, зависящаго отъ его средствъ, онъ доказываетъ имъ свою нелюбовь, дѣлаетъ имъ неисправимое зло, и осуждаетъ ихъ на получеловѣчское состояніе. Но тогда думали иначе.

Ваня и Гриша воспитывались просто дома, то есть въ деревнѣ. — Мы вовсе не противники домашняго воспитанія. Напротивъ, находимъ въ немъ много полезнаго, особливо для взрослыхъ юношей и дѣвицъ. Въ домашнемъ кругу заранѣе приучаются они къ условіямъ свѣта, къ обходительности, учтивости, развязности и утонченности. Но для учебнаго образованія человѣка публичное воспитаніе лучшее, а безъ учебныхъ энциклопедическихъ свѣдѣній—нѣтъ истиннаго образованія.

Впрочемъ, во времена Вани и Гриши не разсуждали о преимуществѣ того или другаго воспитанія, а полагали, что посылать дѣтей изъ родительскаго дома—претивно патриархальнымъ нравамъ предковъ. А потому оба брата и прожили дома, въ своей деревнѣ, до-тѣхъ-поръ, пока отецъ рѣшилъ, что ихъ пора отдать на службу. Мать поспорила, поплакала, просила, чтобъ хотя одного оставить ей (Гришу), но отецъ настоялъ на своемъ: *надо!*—и отправился съ дѣтьми въ Питеръ. Тутъ посредствомъ небольшихъ протекцій записали ихъ въ гвардію рядовыми, поручили ихъ подъ крылышко дальнаго родственника, приставили къ нимъ вѣрнаго дядку, оставили ему порядочную кису денегъ, отслужили молебень, обнялись и разъѣхались; отецъ воротился въ свою деревню, а Ваня съ Гришею начали служить!

Сначала Гриша всѣмъ товарищамъ и начальникамъ понравился гораздо больше, нежели Ваня, потому-что былъ услужливъ, веселъ, гибокъ и любезенъ, тогда какъ старшій братъ былъ угрюмъ, крутъ, непослушенъ и несооб-

щителевъ. Но мало-по-малу это расположеніе перемѣнилось. Нашли, что Гриша лѣнивъ по службѣ, лжетъ во всѣхъ обѣщаніяхъ, любезничаетъ для какихъ-нибудь выгодъ и старается надуть всякаго и во всякомъ случаѣ. Ваня же былъ всегда исправенъ, отмалчивался, когда былъ виноватъ, бралъ на себя иногда ошибки другихъ и услуживалъ гдѣ могъ — не словомъ, а дѣломъ.

Въ одно время они произведены были въ офицеры, и пустились въ свѣтъ. Быть офицеромъ гвардіи какъ и доселѣ, всегда значило очень много, — и первую обязанностію новопожалованнаго было отпроситься въ отпускъ къ родителямъ, чтобъ порадовать ихъ отеческое сердце. Ваня и Гриша исполнили этотъ долгъ, отправились и явились въ деревню.

Можно вообразить себѣ, что это былъ за праздникъ во всей окрестности! Два офицера гвардіи въ провинціи произвели на нѣскольکو недѣль всеобщій переворотъ въ образѣ жизни всѣхъ сосѣдей. Изъ гостей въ гости, съ праздника на праздникъ! — А какъ прекрасно ѣзжали тогда въ гости другъ къ другу! Вся семья, съ дѣтьми, няньками, учителями, лакеями, кучерами, — отправляется къ сосѣду, верстъ за двадцать, и пріѣхавши, располагаетъ не на день, не на два, а на недѣлю, на двѣ недѣли. Всѣмъ свои комнаты, прислуга, всѣхъ кормятъ, поятъ, и людей, и лошадей, и въ такомъ порядкѣ ѣздятъ круглый годъ одинъ къ другому. Вотъ истинное русское гостепріимство! Теперь его уже мало осталось! — Впрочемъ всѣ народы въ первобытныя времена своего существованія славилась гостепріимствомъ, а по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи эта народная черта терялась.

Во время всѣхъ этихъ праздниковъ, данныхъ по случаю прибытія новопожалованныхъ офицеровъ, заботливая маменька уже успѣла прискаты имъ и невѣсть. Гриша тотчасъ же и согласился на предложеніе матери, потому что у невѣсты его было шестьсотъ душъ и она была собою не дурна. Но Ваня рѣшительно отказался, хотя и его невѣста была точно такихъ же достоинствъ. Мать обратилась къ отцу, чтобъ тотъ уговорилъ его, но Ваня отказался, говоря, что намѣренъ найти себѣ жену по-сердцу, а

не по нарману; что хочеть узнать сперва жемя свою и полюбить, а не рассчитывать на приданое.

Совсѣмъ иначе думалъ Гриша. Отецъ и его спросилъ: точно ли онъ согласенъ на выборъ матери?

— Совершенно согласенъ, — и отъ всей души, — отвѣчалъ онъ.

— Но ты вѣдь ее еще хорошенько не знаешь, Гриша.

— На что и знать! Если сперва разузнавать и то и другое, то такъ пожалуй никогда не рѣшишься жениться. Удалось—хорошо, неудалось—какъ быть! А чѣмъ болѣе откладывать, да раздумывать, тѣмъ хуже. — Я лучше хочу взять съ перваго шага жену, у которой есть какія-нибудь средства жить, нежели потомъ, пожалуй, навяжутъ какую-нибудь бездомную и полунищую.

Отецъ предоставилъ все волю судьбы.

Дѣйствительно, Гриша вскорѣ былъ сговоренъ и женился, — а Ваня воротился въ Петербургъ холостой, и по-прежнему продолжалъ жить и служить.

Братъ же его зажилъ домою и началъ блистать въ обществѣ. У него родился сынъ, которому тоже дали имя Григорья; — и молодой Григорій Григорьевичъ началъ уже воспитываться по столичному, — то есть, тоже дома, но съ прибавленіемъ французскаго языка и танцевъ.

Ивану Ивановичу вздумалось идти въ походъ. Начались тогда турецкія войны. Вся Европа боялась до-тѣхъ-поръ Турковъ, и Россіи первой пришлось доказать, что дисциплина всегда побѣждаетъ дикую храбрость. По разрядамъ тогдашнихъ гвардейскихъ чиновъ Ивану Ивановичу дали тысячный полкъ, переименовавъ его въ подполковникъ. Онъ очень доволенъ былъ новою сферою своихъ дѣйствій, и вскорѣ приобрѣлъ любовь и уваженіе подчиненныхъ и начальниковъ. Пороки молодыхъ лѣтъ, порожденные бабствомъ и угодливостію, исчезли отъ соприкосновенія съ долгомъ и честью. Врожденный умъ и опытность научили его, что исполненіе одного и сохраненіе другого — первыя качества гражданина. Стараясь о томъ, чтобъ его награждали по заслугамъ, онъ привыкъ дѣлать то же и съ подчиненными. Увидя, хотя уже и поздно, — что тогдашнія мысли о воспитаніи очень плохи и что невѣжество

очень дурная рекомендація въ службѣ и въ жизни, — онъ принялся читать все, что тогда было на русскомъ языкѣ. Этого было конечно немного, но для него очень достаточно, чтобъ расширить сферу его понятій, — и по мѣрѣ этого расширенія, онъ чувствовалъ всю пользу просвѣщенія. Прежняя его вснѣльчивость умѣрилась теперь здравымъ понятіемъ о долгѣ начальника и подчиненнаго. Это сдѣлало характеръ Ивана Ивановича гораздо спокойнѣе. Лѣта привели къ опытности, а опытность къ разсудительности.

Мы не будемъ говорить о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Кто не знаетъ подвиговъ Русскихъ въ эти знаменитыя компаніи? Мы обязаны только разсказать одинъ эпизодъ, который имѣлъ большое вліяніе на всю жизнь Ивана Ивановича.

Это было въ самомъ разгарѣ жестокой войны. Полкъ его находился тогда въ одномъ отдѣльномъ отрядѣ, назначенномъ для особенной экспедиціи. Надобно было овладѣть печально какимъ-то городомъ, въ которомъ собраны были неприятелемъ огромные магазины припасовъ. А какъ этотъ городъ лежалъ внѣ операціоннаго пути русской арміи, то на него и не ожидали никакого нападенія, и оставили подъ защитою довольно слабаго гарнизона. Надобно было только употребить быстроту и скрытность. Надобно было выступить поутру рано, прѣйти съ нѣсколькими привалами цѣлыя сутки, и на разсвѣтѣ другаго дня явиться подъ стѣнами города. Расстояніе было около семидесяти верстъ. Переходъ былъ трудный, но всѣ полковые командиры отбѣжали за своихъ людей, — и отрядъ двинулся.

Какимъ-то образомъ случилось, что паша, командовавшій въ этомъ городѣ, вздумалъ въ это же самое время сдѣлать поискъ въ окрестностяхъ, и выступилъ изъ города съ частью гарнизона, расположилъ ночевать верстахъ въ десяти. Тутъ узналъ онъ отъ бѣжавшихъ поселянъ, что идетъ русскій отрядъ, который и остановился верстахъ въ десяти отъ этой деревни. Всѣ полагали, что Русскіе тутъ ночуютъ и на другое утро пойдутъ дальше, ни какъ не воображая, что это только былъ привалъ, а что ночью походъ возобновится. Пашѣ вздумалось застать Русскихъ въ расплахъ, во время сна. Тотчасъ же взять съ собою кавале-

рію, онъ поскакалъ впередъ окольными путями, чтобъ напасть съ тыла,—а въ городъ послалъ гонцевъ, чтобъ весь гарнизонъ спѣшилъ къ нему на помощь, надѣясь такимъ образомъ, взять Русскихъ между двухъ огней. Одна часть этого предположенія исполнилась.

Въ той деревнѣ, гдѣ паша полагалъ застать въ расплохъ весь корпусъ Русскихъ, нашелъ онъ только аррьергардъ, о-становившійся на полчаса. Весь остальной отрядъ уже выступилъ въ ночной переходъ. А какъ паша со своею конницею не встрѣтилъ его, пустившись окольною дорогою, то никто и не зналъ о взаимныхъ движеніяхъ. Вдругъ Турки съ дикимъ крикомъ устремились на деревню, и слабый аррьергардъ, вовсе не ожидая нападенія, не въ состояніи былъ долго сопротивляться. Для Турковъ побѣдить, значитъ вырѣзать всѣхъ, и несчастный аррьергардъ почти весь подвергся этой участи. Только передовые конные никеты успѣли ускакать, и догнавъ свой отрядъ, извѣстили его о случившемся несчастіи. Начальникъ тотчасъ же остановилъ всю колонну, сдѣлавъ немедленные распоряженія и со всею каваллеріею быстро понесся на помощь аррьергарду. Турки, въ свою очередь, дрогнули не ожидая нападенія свѣжихъ войскъ, и паша, не зная въ темнотѣ великъ ли русскій отрядъ, велѣлъ отступать по тѣмъ же окольнымъ дорогамъ, надѣясь встрѣтить тутъ свою пѣхоту и навести на нее преслѣдованіе Русскихъ. — Точно такъ и случилось.

Около разсвѣта русская каваллерія догнала бѣгущихъ въ той самой деревнѣ гдѣ паша съ своею каваллеріею собирался почевать. Тутъ Турки остановились, чтобъ отразить догоняющихъ и повторить ту же рѣзню, какую произвели съ аррьергардомъ. Для этого паша велѣлъ каваллеріи продолжать отступление за деревню, а пѣхотѣ приказалъ скрыться въ домахъ, и въ ту минуту, какъ Русскіе займутъ всю ея длину, начать по нимъ самый жестокий огонь.

Дѣйствительно, голова русской конницы доскакала до входа въ деревню, и уже хотѣла было продолжать погоню, но начальникъ отряда, боясь засады, велѣлъ спѣшиться нѣсколькимъ всадникамъ, и осмотрѣть дома. Тотчасъ же открылась военная хитрость Турковъ, — и Русскіе, чтобъ сбѣжать своихъ солдатъ, пустили каваллерію въ обходъ де-

решия, а подходящей пѣхотѣ велѣно было зажигать деревню съ края, не вступая въ черстрѣлку съ засѣвшими Турками. Приказаніе было исполнено,—а въ это время и пѣхота русская обошла деревню, и отгѣсня еще болѣе пашу съ конницею, отрѣзала совершенно оставшихся въ деревнѣ Турковъ. Пламя распространилось быстро по этимъ полу-соломеннымъ лачужкамъ—и несчастные Турки выбѣгали оттуда, чтобъ погнѣбать подъ выстрѣлами. Паша видѣлъ неминуемую ихъ погнѣбь и не могъ имъ помочь. Наконецъ остальные, полуобгорѣлые, сдались въ плѣнъ, и весь отрядъ, съ живостію, бросился теперь преслѣдовать пашу. Къ нему безпрестанно подходили отряды гарнизона, но это еще болѣе увеличивало безпорядокъ преслѣдованія, потому что эти подходившія войска всякой разъ пытались оставивать Русскихъ, которые всякой разъ опрокидывали ихъ. И однакоже, съ обѣихъ сторонъ, усиливалось ожесточеніе. Русскіе помнили вырѣзанный арьергардъ, Турки созжегнную свою пѣхоту. Безпрестанно какой-нибудь дели-бангъ, выскакавъ изъ рядовъ и прилегши къ лошади, съ быстротою стрѣлы проносился мимо фланговъ пѣхотной колонны, и презирая пули, которыми его осыпали, искуснымъ ударомъ сабли сносилъ голову какому-нибудь отсталому солдату и подхватя ее на острѣе сабли, съ дикимъ крикомъ торжества, несся къ своимъ сотоварищамъ, чтобъ повергнуть къ ногамъ пашы свой кровавый трофей; — то промахнувшись въ своемъ наѣздничествѣ и свалившись съ раненой лошади, въ тотъ же мигъ, былъ подхватываемъ на штыки мимондущихъ солдатъ, которые, съ свойственными имъ островами, отбрасывали трупъ наѣздника и продолжали путь, неразрывая рядовъ; то, залегши за какой-нибудь кустъ, или въ оврагъ, десятокъ янычаровъ дѣлали мѣлкій залпъ по мимондущей колоннѣ, цѣля преимущественно въ офицеровъ, — и потомъ вскочивъ изъ-засады, пускались бѣжать; но неусыпные казаки тотчасъ же летѣли за ними вслѣдъ, и поражали никами. Къ янычарамъ подскакивали новыя толпы спаговъ, и эта отдѣльная рѣзня на каждомъ шагу возобновлялась, и всегда къ невыгодѣ Турковъ. Русскихъ только одна дисциплина удерживала въ своихъ рядахъ, а Турки уже шли нестройною, безобразною толпою,

жаждущю крови и мщенія, но бессильною въ своей ярости. Паша видѣлъ уже, что отрядъ Русскихъ гораздо сильнѣе его гарнизона, и послалъ гонцовъ въ городъ, чтобъ воззвать всѣхъ жителей къ защитѣ. Большая часть народолюбившихъ, конечно, не слѣдила на этотъ зовъ и заперлась въ своихъ домахъ. Это были Молдаване, которые вовсе не думали еодѣйствовать Туркамъ. Но мусульманскіе жители тотчасъ же сбѣжались съ кинжалами, ружьями, пистолетами, и бросились къ городскимъ воротамъ.

Между-тѣмъ русская колонна шла все впередъ, стройною, неотразимою массою, все болѣе и болѣе тѣснящею беспорядочныя толпы бѣгущихъ. Такъ дошли до городскихъ стѣнъ, на которыхъ стояло нѣсколько пушекъ безъ лафетовъ и артиллеристовъ. Ихъ на-скоро зарядили, выстрѣлили по Русскимъ, и попали въ своихъ. Суматоха еще болѣе увеличилась. Чтобъ принудить всѣхъ къ отчаянной оборонѣ, Паша велѣлъ заперѣть ворота, остановилъ, устроилъ все свое войско, и съ крикомъ *Аллахъ!* устремилъ его на русскій отрядъ. Но тотъ самъ уже остановился, построился, вывезъ нѣсколько орудій, далъ по неприятелю залпъ изъ картечей—и съ крикомъ *ура!* пошелъ на штыки. Минута была ужасная!... На нѣсколько мгновений обѣ массы смѣшались,—но твердая стѣна русской колонны проломила однимъ ударомъ неприятельскую толпу,—надобно было сдаваться или умирать.

Нѣсколько времени Паша командовалъ на стѣнѣ, но видя, что весь его гарнизонъ гибнетъ, рѣшился отворить ворота, чтобъ спасти хоть сколько-нибудь своихъ храбрѣйшихъ спаговъ. Приготовя въ городѣ еще фанатическую толпу жителей, онъ выслалъ ихъ на встрѣчу русскимъ штыкамъ, чтобъ задержать ихъ на нѣкоторое время, а самъ, созвавъ горсть своей свиты, бросился въ галопъ къ противоположнымъ воротамъ, и пустился по дорогѣ къ Варнѣ.

Еще нѣсколько минутъ, и Русскіе ворвались вмѣстѣ съ бѣгущими въ городъ.... Картина была ужасная.... Это было уже не простое, правильное сраженіе, которымъ руководствуетъ искусство полководца и дисциплина воиновъ. Тутъ ослѣпленные фанатизмомъ жители убивали солдатъ изъ оконъ, у дверей, изъ-за угла,—и ожесточеніе войска,

ворвавшася въ городъ, было неукротимо. Оно мстило за своихъ товарищей.

Набросимъ завѣсу на эти печальныя сцены, такъ часто прежде встрѣчавшіеся въ войнѣ, — и съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ взглянемъ на Ивана Ивановича. Полицъ его былъ одинъ изъ первыхъ ворвавшихся въ городъ — и солдаты его разсыпались по домамъ. И онъ, какъ солдатъ, чувствовалъ ожесточеніе, — но какъ христіанинъ, бросался спасать кого могъ. Собравъ вокругъ себя толпу людей, которыхъ гонелъ его заставилъ повиноваться, онъ побѣждалъ по домамъ и удерживалъ бесполезное кровопролитіе.

Въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ домовъ, на площади, раздались сильные крики, — и Иванъ Ивановичъ бросился туда. Старикъ защищалъ тамъ дочь свою, а дочь защищала старика. Появленіе полковника (Иванъ Ивановичъ уже былъ полковникомъ) спасло ихъ обоихъ. Онъ былъ любимъ во всемъ полкомъ, — и въ самую минуту ожесточенія — солдаты охотно повиновались ему. Спасенный старикъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, — а дочь на колѣняхъ благодарила избавителя отца своего.

Вскорѣ порядокъ водворился въ завоеванномъ городѣ. Ни одно войско въ свѣтѣ не повинуетъ такъ скоро дисциплинѣ какъ русское, — и вотъ въ чемъ тайна его силы и побѣдъ. Бой барабана собралъ весь отрядъ на площадь. Распредѣляли квартиры; Иванъ Ивановичъ былъ назначенъ временнымъ командиромъ города, — и помѣстился въ домѣ спасеннаго и въ молдавскаго боярина. Остальной отрядъ выступилъ по назначенію, а Иванъ Ивановичъ занялся доставленіемъ въ главную армию припасовъ изъ завоеванныхъ магазиновъ.

Развязка эпизода очень ясна: — Иванъ Ивановичъ влюбился въ Зою, дочь боярина, — а та нелюбила его, какъ героя, и спасителя. Бояринъ радъ былъ отдать свою Зою такому великодушному и храброму человѣку, — и бракъ назначенъ былъ при заключеніи мира.

Скоро былъ заключенъ и знаменитый Кучумъ — Кайнарджинскій миръ. Иванъ Ивановичъ былъ произведенъ въ генералы, и съ молодою своею женою поѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ показать ей сѣверную столицу и блжтательный Дворъ

Екатерины. Когда онъ представлялся Императрицѣ, — то узнавъ уже о романическомъ бракѣ его, она пожелала видѣть Зою, — и та была въ несказанномъ восторгѣ отъ милостиваго приѣма Монархини.

Мы не описывали читателямъ красоты Зои по пунктамъ, — всѣ эти описанія страхъ какъ надоѣли. Красота Молдаванокъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оригинальное. Это какая-то смѣсь азіятскаго съ европейскимъ. Онѣ воспитываются почти въ затворничествѣ, — и оттого въ нихъ рано обнаруживается дородность тѣла, которую не совсѣмъ любятъ мечтательныя Европейцы, но которая за то, почитается первымъ совершенствомъ у чувственныхъ Азіятцевъ. Между Молдаванками очень мало дѣвушекъ высокаго роста: всѣ онѣ нѣсколько миниатюрны. Безпечность ума и лѣтность движений составляютъ странную противоположность съ живостію глазъ. Правильныя черты древней Греціи смѣшаны съ округлостію формъ востока. Однимъ-словомъ, это отдѣльный типъ красоты, который много говоритъ воображенію.

Послѣ милостиваго приѣма Императрицы, Зоя сдѣлалась модною петербургскою красавицею. Всѣ наперерывъ искали ея знакомства, дѣлали для нее праздники, носили ее на рукахъ. Зоя вскорѣ образовалась въ нашихъ обществахъ, — и что сперва дѣлалось изъ любопытства и моды, вскорѣ превратилось въ пріятную привычку.

По возвращеніи Ивана Ивановича въ Петербургъ, двѣ грустныя новости поразили его. Во-первыхъ добрый его отецъ и мать скончались, — а во-вторыхъ, братъ его Григій Ивановичъ совершенно разорился и, разумѣется, уже ни съ кѣмъ почти не былъ знакомъ. Во-время предсмертной болѣзни отца, онъ ѣздилъ къ нему въ деревню, и уже успѣлъ прибрать къ рукамъ все, что старикъ накопилъ. Черезъ двѣ недѣли послѣдовала въ гробъ и бѣдная мать, — и Григорій Ивановичъ, похороня ее, распорядился тотчасъ всѣмъ имуществомъ, которое падало на его долю. Не надолго стало и этого имущества. Онъ былъ весь въ долгахъ — и одни безсовѣстные проценты поглощали послѣдніе его доходы. Когда прибылъ изъ похода Иванъ Ивановичъ, онъ обратился къ нему съ просьбами, — и тотъ далъ ему значительную сумму для поправки. Каково же

было его удивленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль, братъ опять объявилъ ему, что у него нѣтъ ни гроша. Онъ прочелъ ему сильную нотацию, и опять далъ все, что у него было наличныхъ,—а самъ въ то время уѣхалъ въ деревню, чтобъ привести и тамъ свои дѣла въ порядокъ..

Еще не успѣлъ онъ окончить этихъ дѣлъ, какъ братъ пріѣхалъ къ нему въ деревню,—и объявилъ, что жена его умерла, а кредиторы принудили бѣжать изъ Петербурга; что ему нечѣмъ жить и нечѣмъ воспитать своего Гришу. Разумѣется, онъ остался у брата, и продолжалъ жить на его счетъ.

Въ это самое время Зоя родила сына, котораго въ честь отцу назвали Иваномъ,—и сосѣдственные праздники возобновились по случаю крестинъ.

Григорій Ивановичъ, вспомня о пріобрѣтеніи имъ въ этомъ окологдѣ невѣсты, началъ стараться о пріисканіи другой, да если можно побогаче. Но на этотъ разъ всѣ невѣсты избѣгали его. Всѣ уже знали, что онъ прогулялъ все свое и женино имѣніе и что теперь надобно кормить вдовца съ сыномъ. Никто даже не приглашалъ его къ себѣ,—и только тѣ, которые пріѣзжали къ брату, видѣли его.

Новое и самое чувствительное огорченіе ожидало Ивана Ивановича со стороны брата. Однажды нужно ему было съѣздить въ ближайшій городъ по дѣламъ.... вдругъ Зоя объявила ему, что и она съ нимъ поѣдетъ.

— Зачѣмъ, другъ мой?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Ни зачѣмъ,—отвѣчала она,—только пожалуста возьми меня съ собою.

— Что ты тамъ будешь дѣлать? Я дни два буду ходить по судамъ,—а ты?...

— Я ничего не буду дѣлать: только не хочу оставаться дома безъ тебя.

— Помилуй,—что это значить? Сколько разъ ты оставалась?...

— И очень дурно дѣлала.... Повторяю тебѣ, что мнѣ непременно надобно ѣхать съ тобою....

— Я, разумѣется, не откажу тебѣ въ такихъ пустякахъ, другъ мой,—но увѣрься, что и ты не изъ пустаго каприза

требуешь этого. А какъ между нами не можетъ существовать никакихъ секретовъ, — то прошу тебя, объясни мнѣ: что это значить?

— Мнѣ бы лучше хотѣлось не объяснять тебѣ.... Позволишь ли ты мнѣ это?

— Опять-таки, другъ мой,—я и въ этомъ не хочу ни принуждать тебя, ни убѣждать. Пустаго любопытства во мнѣ ты никогда не найдешь.... Но я понимаю, что въ твоей просьбѣ скрывается важная причина.... Можетъ-быть отъ нея зависитъ твое и мое спокойствіе; можетъ-быть есть средство обезпечить его.... Лучше скажи мнѣ.... и тогда мы увидимъ, что надо дѣлать....

— Ты очень добръ и уменъ, милый другъ,—отвѣчала жена: но ты немножко вспыльчивъ,—и я боюсь....

— Милая Зоя! Я вспыльчивъ въ бездѣлкахъ,—и тамъ, гдѣ не вижу надобности скрывать минутный порывъ моихъ чувствъ. Когда же дѣло серьезное, то какъ бы оно ни было огорчительно, во мнѣ достаетъ довольно ума и твердости, чтобъ хорошенько обдумать все дѣло, прежде, нежели на что нибудь рѣшиться. Говори же что это такое? Я дамъ тебѣ слово, что безъ твоего согласія ничего не предприму.

Зоя на минуту задумалась.

— Я воспитывалась въ глуши, — сказала она: и худо знаю ваши нравы и обычаи. Я и въ Петербургѣ уже часто краснѣла, слыша, что мужчины говорятъ женщинамъ самыя странныя рѣчи о любви, красотѣ, страсти и взаимности. Я сперва думала, что мое происхождение даетъ право говорить со мною такъ неприлично, — но потомъ слышала, что и другимъ женщинамъ говорятъ точно тоже, называя это любезностію и комплиментами. Надобно было покориться вашимъ обычаямъ,—и я на всѣ эти рѣчи отвѣчала однимъ молчаніемъ. Но здѣсь, въ провинціи я нашла больше скромности, нежели въ столицѣ.... Здѣсь только *одинъ* человекъ преслѣдовалъ меня подобными рѣчами,—и я до-сихъ-поръ отмалчивалась, — полагая, что на него еще слишкомъ дѣйствуетъ воздухъ столицы. Но наконецъ вижу, что его любезничанію конца нѣтъ, и что оно болѣе и болѣе становится несноснымъ....

— Кто же этот любезник? — съ живостию вскричалъ Иванъ Ивановичъ, — и глаза его засверкали.

— Вотъ видишь ли, другъ мой, что ты уже всыхнулъ....

— Я думаю, что и есть отъ чего!.... Кто же это, говори....

— Вспомни, что ты мнѣ далъ слово ни на что не рѣшаться безъ моего совѣта....

— Помню, — и исполню. Говори только скорѣе!.... Кто это?

— Твой братъ!

— Григорій?... Быть не можетъ!...

Зоя посмотрѣла на мужа съ нѣкоторымъ упрекомъ. Тотъ почувствовалъ всю неумѣстность послѣдняго восклицанія, — и съ нѣжностію поцаловалъ ея руку.

— Виновать, милая Зоя — продолжалъ онъ: — я самъ не знаю, что хотѣлъ сказать. Но твоя новость такова, что по неволѣ сведеть съ ума.... Боже мой! Могу ли я этого ожидать отъ Григорья?...

Иванъ Ивановичъ опустилъ печально голову на грудь. Тысяча мыслей боролась въ умѣ его, какъ волны въ часъ бури, — и онъ не могъ остановиться ни на одной. Та ему казалось слишкомъ слабою а та — черезъ чуръ жестокою.... Вдругъ онъ вспомнилъ, что далъ слово не рѣшаться ни на что не посоветовавшись съ женою, и чтобы окончить тягостное свое недоумѣніе, обратился къ ней:

— Послушай однакоже, милая Зоя, — сказалъ онъ: — ты взяла съ меня слово, — и я разумѣется сдержу его!.... По въ подобныхъ случаяхъ женщины всегда умѣе насъ. Чѣмъ мнѣ придумывать, что дѣлать, скажи мнѣ лучше свое мнѣніе.... Какъ, ты думаешь, долженъ я поступить въ подобномъ случаѣ?

Въ свою очередь Зоя задумалась.... Хотя она много думала объ этомъ прежде, нежели рѣшилась говорить мужу, хотя ей казалось, что она все возможное придумала, — но теперь, въ рѣшительную минуту, она какъ будто все забыла, все.... Ей какъ будто самой страшно стало за ту отвѣтственность, которую она на себя принимала, объявляя рѣшеніе въ подобномъ дѣлѣ....

Нечаянный случай вывелъ обоихъ изъ затрудненія. Въ эту самую минуту вошелъ въ комнату лакей и подалъ Ивану Ивановичу письмо, присланное изъ столицы съ нарочнымъ. Онъ уже хотѣлъ бросить письмо на столъ, не читая его, потому—что теперь занимала его мысль слишкомъ важная.... однакоже, перевернувъ его нечаянно и увидя казенную печать, невольно распечаталъ и прочелъ.

Это было предписаніе отъ Военной Коллегіи — немедленно отправиться въ армію. Началась вторая турецкая война,—и Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ бригаднымъ командиромъ въ одной изъ дѣйствующихъ армій.

Казалось, что подобное повелѣніе, полученное въ такую критическую минуту, должно было чрезвычайно затруднить его,—и однакоже сердце его забилося какою-то радостію, для самаго его непостижимою. Исполненіе долга, который такъ святъ каждому русскому воину объяло его душу, — и мысль разстаться съ Зоею, и въ такое мгновеніе вовсе не поразило его горестію.

— Это очень кстати,—сказалъ онъ вздохнувъ, — и подалъ пакетъ Зоѣ.

— Что такое, другъ мой? — вскричала жена, устремивъ взоръ на бумагу.

— То, что насъ соединило, то велитъ намъ и разстаться,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.—Война!

Зоя закрыла лицо руками и заплакала. Эти слезы произвели и въ сердцѣ мужа переломъ. Грудь его стѣснилась. Онъ почувствовалъ, какъ тяжело ему будетъ разстаться съ Зоею—и слезы навернулись на глазахъ его.

— Милый другъ, — сказалъ онъ ей: ты жена солдата, и должна быть тверда. Грустно и мнѣ покинуть тебя, но долгъ къ отечеству и Царицѣ—выше всего. Богъ намъ защита; онъ не оставитъ насъ.... Но, Боже мой.... Въ какую минуту все это случилось.... Мы сейчасъ говорили....

— О! теперь ты долженъ забыть объ этомъ....

— Какъ забыть! вскричалъ съ живостію Иванъ Ивановичъ. Напротивъ! теперь еще больше долженъ я принять сильныя мѣры, чтобъ въ мое отсутствіе ни чей дерзкій взглядъ, ни слово....

— Возьми меня съ собою,—и все будетъ кончено.

— Нѣтъ, другъ мой, не все. Во-первыхъ, со мною можешь ты ѣхать только до границы, а тамъ должна остаться жить въ какомъ нибудь городишкѣ. Во-вторыхъ, уѣзжать, не сказавъ ничего брату, значитъ поступить слабо и неоткровенно. Я все-таки долженъ высказать ему мое мнѣніе, и принять мѣры, чтобъ онъ не смѣлъ... О! чувствую, что кровь моя слишкомъ волнуется.... Не тебя, а его мнѣ бы надобно было увезти отсюда!

Мгновенная, свѣтлая мысль блеснула въ умъ его. Онъ ударилъ себя по лбу, позвонилъ въ колокольчикъ, и спросилъ вошедшаго лакея: дома ли братъ Григорій?

— Сейчасъ хочеть ѣхать на охоту,—отвѣчалъ слуга.

— Скажи ему, что мнѣ нужно съ нимъ видѣться, и что я его жду въ моемъ кабинетѣ.

— Что ты хочешь дѣлать, другъ мой? — съ безпокойствомъ спросила Зоя.

— Будь спокойна.... отвѣчалъ мужъ:—мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль... ты будешь ею довольна.... я тебѣ все послѣ расскажу....

Съ этимъ словомъ онъ съ нѣжностію поцаловалъ ее и вышелъ. Зоя, видя его спокойствіе, не наставляла, чтобъ узнать, какое средство онъ придумалъ.

Вскорѣ въ кабинетъ Ивана Ивановича явился Григорій, веселъ и безпеченъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ты присылалъ за мною? сказалъ онъ.

— Да, Григорій.... Я сей часъ получилъ предписаніе отправиться въ армію.... Вотъ оно,—прочти.

— Опять война съ Турками! и ты уѣзжаешь? Какъ жаль.

— Чего тебѣ жаль?

— Разумѣется, скучно будетъ съ тобою разстаться....

— Очень вѣрю, — но я придумалъ средство не разставаться...

— Съ кѣмъ? Со мною? Какое же?

— Ты долженъ со мною ѣхать....

— Я? что за мысль!

— Кажется самая благородная и достойная русскаго джорянина. Ты до-сихъ-поръ не можешь похвастать, что

принесъ отечеству какую нибудь пользу. Есть случай, надобно имъ воспользоваться и загладить прежній образъ жизни...

— Я, братецъ, уже служилъ въ военной службѣ.

— Подумай, Григорій, о своемъ отвѣтѣ, сказалъ Иванъ Ивановичъ, становясь болѣе и болѣе серьезнымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты послушался голоса чести, а не другаго какого-либо убѣжденія...

— Какого? Что это значитъ?

— Повторяю тебѣ еще разъ свое предложеніе,—пойдемъ со мною въ армию.

— Ты меня удивляешь, Иванъ,—сказалъ Григорій, съ удивленіемъ глядя на него. Что тебѣ за мысль пришла?.... Неужели я тебѣ такъ надобъль?

— На это я тебѣ буду отвѣчать, когда ты рѣшишься на что нибудь.

— Право, я тебя не понимаю... У тебя что нибудь другое въ виду,—а не то, что ты говоришь,—признайся....

— И на это я буду тебѣ отвѣчать, когда ты рѣшишься на что нибудь.

— Очень странно... И что бы значило твое предложеніе, но если ты хочешь, чтобъ я отвѣчалъ на него откровенно и по убѣжденію, то искренно скажу тебѣ, что вовсе не намѣренъ промѣнять здѣшней спокойной жизни на походную, бивачную... развѣ ты меня выгонишь отсюда.

— И то можетъ быть....

— Какъ?.... — Тутъ Григорій посмотрѣлъ на брата съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и возрастающимъ изумленіемъ. Веселость его исчезла, что-то непонятное стѣснило сердце его, онъ не имѣлъ силы продолжать разговора—и ждалъ, чтобъ братъ Иванъ окончилъ зловѣщее объясненіе. Но тотъ угрюмо молчалъ, опустя голову.

Нѣсколько минутъ продолжалось тягостное молчаніе—и Григорій чувствовалъ, что ему же надобно прервать его, чтобы выйти изъ этой неизвѣстности.

— Братъ Иванъ!—сказалъ онъ ему наконецъ:—ты сказалъ очень жестокое слово, но я слишкомъ хорошо знаю твое сердце, чтобъ предполагать какой-нибудь капризь, недостойный тебя. Я очень хорошо знаю, что я безпутный че-

юрокъ, который самымъ глупымъ образомъ прокутилъ все свое имѣніе, уморилъ жену, сдѣлалъ сына безъ хлѣба—а теперь живу только твоими милостями,—но увѣренъ, что ты никогда не откажешься отъ меня и дашь мнѣ у себя какой-нибудь уголокъ, чтобы окончить ничтожную свою жизнь. Что-же значитъ твое внезапное предложеніе, а еще болѣе твое жестокое, убійственное слово, что ты, можешь-быть, меня и выгонишь? Скажи, ради Бога....

— Подумай хорошенько, Григорій,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ; хочешь ли ты, чтобъ я тебѣ сказалъ причину этихъ жестокихъ словъ? Подумай: къ чему поведетъ подобное объясненіе? Загляни лучше самъ въ свое сердце и спроси его: не знаетъ ли оно о причинѣ моего внезапнаго предложенія и жестокихъ словъ?.... А если знаетъ и понимаетъ, то спроси у него: не лучше ли тебѣ просто согласиться на это предложеніе, нежели заставлять меня говорить гораздо больше того, что я сказалъ?....

Григорій понялъ въ чемъ дѣло; лицо его вспыхнуло, голова опустилась, языкъ онѣмѣлъ. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ письменному столу, сѣлъ за него и написалъ что-то на листѣ, подаль брату. Тотъ прочелъ, дружески пожалъ ему руку,—и сказалъ:

— Хорошо! теперь, между нами остается все по прежнему. Просьбу твою я сегодня отправлю съ курьеромъ при моемъ представленіи,—а послѣ завтра мы ѣдемъ.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ кабинета и воротился къ Зоя, которая съ величайшимъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ кончится объясненіе

— Что, другъ мой?—вскричала она, увидя мужа.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, подаль ей бумагу, написанную Григорьемъ. Зоя прочла ее и радостно вскричала:

— Какъ? онъ ѣдетъ въ армию?

— Да, другъ мой! послѣ завтра, вмѣстѣ со мною....

Последнее слово заставило вновь Зою заплакать.... Но Иванъ Ивановичъ утѣшилъ ее какъ могъ, и тотчасъ же началъ дѣлать всѣ приготовленія къ отъѣзду.

Черезъ два дни оба брата отправились въ армию.

Увы! При штурмѣ Измаила бѣдный Григорій былъ убитъ, и умирая просилъ брата, чтобы онъ прирѣлъ его сына Гри-

шу.... Тотъ не отвѣчалъ ничего и пожалъ ему руку. Этого было довольно для умирающаго Григорья.

Съ новыми знаками отличія, съ чиномъ генерал-поручика и съ прибавкою нѣсколькихъ ранъ возвратился Иванъ Ивановичъ послѣ мира въ столицу, куда пріѣхала и Зоя, жившая до-тѣхъ-поръ въ деревнѣ и занимавшаяся воспитаніемъ сына своего Вани и племянника Гриши.

ГЛАВА II.

Генераль Вистовъ и Надинька.

Вскорѣ вышелъ въ отставку и Иванъ Ивановичъ и поселился въ деревнѣ, чтобъ въ спокойной жизни доживать свою старость. Тамъ умерла у него добрая его Зоя, которая столько лѣтъ составляла домашнее его счастье. Какъ прелестный цвѣтокъ юга, перенесенный въ угрюмый нашъ сѣверъ, она долго противилась вліянію климата, согрѣваемая любовію мужа и ласками сына, но мало по малу силы ея истощились, и она увяла, поруча своего Ваню попеченіямъ мужа.

Глубока, невыразима была скорбь Ивана Ивановича,—но онъ былъ христіанинъ—и перенесъ ее, *возверзивъ свою печаль на Господа.*

Усердно занялся онъ воспитаніемъ дѣтей своихъ—потому-что никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго различія между сыномъ и племянникомъ, — и чувствуя, что самъ былъ очень дурно воспитанъ, рѣшился дать имъ наилучшее современное образованіе. Для этого надобно было переѣхать въ столицу. Тяжка была эта жертва для него, но онъ принесъ ее,—и поселился опять въ Петербургѣ.

Тогда не знали почти другаго рода воспитанія кромѣ военнаго. Основаніемъ всей европейской политики была война. Не было года, когда бы тѣ или другіе народы не вели войны

между собою въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы. Только теперь мудрость правителей народовъ основываетъ свою славу и силу на всеобщемъ мирѣ и благоденствіи подданныхъ. Теперь стараются соединить всѣ народы узами общихъ выгодъ. Теперь гордятся побѣдами надъ невѣжествомъ; хвалятся завоеваніями ума въ области природы, празднуютъ милость и отеческія попеченія государей, водворяющіе законы, порядокъ и всеобщее благосостояніе, О! нашъ періодъ есть великолѣпная эра исторіи человѣчества, за которую, какъ за благодѣтельное начало, будутъ насъ благодарить наши потомки, — точно такъ же какъ мы теперь начинаемъ радоваться распространяющемуся просвѣщенію и благодарить за него распространителей....

И Гришу и Ваню опредѣлилъ Иванъ Ивановичъ въ Корпусъ, — и остался въ Петербургѣ, чтобъ наблюдать за ними.

Странное дѣло! Когда отецъ Гриши умеръ, то ребенокъ былъ слишкомъ малъ, чтобы помнить характеръ его, — и однако же онъ уже съ малолѣтства обнаруживалъ тѣ же слабости, какія имѣлъ отецъ. Такъ точно и Ваня, вовсе не могшій видѣть, какъ отецъ его жилъ съ своимъ братомъ, съ первыхъ дней дѣтства, взялся за управление своего двоюроднаго брата, какъ бывало Иванъ Ивановичъ управлялъ своимъ. Физиологическій феноменъ повторился и въ классахъ, и въ юношескихъ бесѣдахъ; Ваня былъ протекторомъ и наставникомъ Гриши, который повиновался этому вліянію, какъ бы оно было назначено отъ природы.

Ваня сдѣлался хорошимъ математикомъ — и дурнымъ танцоромъ, отличнымъ латинщикомъ — и не могъ свободно объясниться на французскомъ. Фортификація, артиллерія, исторія, географія — видѣли въ немъ лучшаго ученика своего, — а въ поэзіи онъ былъ изъ послѣднихъ. Гриша напротивъ превосходно зналъ все, чѣмъ не занимался Ваня, и худо учился тѣмъ предметамъ, которые нравились ему. Однимъ словомъ, еслибъ этихъ двухъ людей слить въ одного, то изъ нихъ вышелъ бы типъ прекраснаго общественаго человѣка, столь же пріятнаго въ бесѣдахъ, какъ и полезнаго въ ученыхъ предметахъ. Но каждый

порозы имѣлъ недостатки, которые были очень ощутительны. Серьезные и дѣловые люди предпочли бы Ваню, а свѣтскіе лучше бы полюбили Гришу.

Окончивъ курсъ, выпущены они были оба въ гвардію, и вошли въ лучшіе петербургскіе дома,—и тутъ то первые неизбѣжныя условія общества показали Гришѣ, что свѣтъ неодинаково цѣнить его съ Ванею,—и вовсе не по учебнымъ, или моральнымъ качествамъ,—а потому-что всѣ знали, что Ваня единственный наслѣдникъ двухъ тысячъ душъ, а что у него ровно ничего не было. Это показалось очень ему грустно—и онъ впервые задумался,—но не надолго. Задумчивость была не въ его характерѣ. Онъ сказалъ только, что общество очень несправедливо, цѣня людей по богатству. Самъ же не чувствовалъ, что онъ не имѣетъ еще никакихъ другихъ достоинствъ, ни заслугъ, по которымъ можно бы было его цѣнить иначе, какъ по деньгамъ, Онъ не зналъ, что если общество дѣлаетъ исключенія изъ этого правила, то надобно на это много причинъ, оправдывающихъ этотъ феноменъ. Покуда онъ находился въ кругу своихъ сотоварищей, онъ былъ ровень всѣмъ имъ, потому-что молодежь не заботится о числѣ помѣстій своихъ всеневныхъ пріятелей, любить только веселыхъ и остроумныхъ; но какъ скоро онъ являлся въ кругъ дамъ и людей, имѣвшихъ болѣе опыта, то разница между пріемами была тотчасъ же ощутительна. Напрасно Ваня, можетъ-быть, безотчетно понимавшій все это, вводилъ его вездѣ, куда его приглашали, и почти рѣшительно объявилъ всѣмъ, что онъ безъ Гриши нигдѣ не можетъ быть, Гришѣ отъ этого было не легче. Звали и его конечно,—но въ этомъ самомъ зовѣ видна уже была разница.

Иванъ Ивановичъ, не дѣлая до-сихъ-поръ никакого различія между молодыми людьми, ассигновалъ имъ совершенно одинаковое содержаніе,—но какъ бывало съ братомъ его Григорьемъ, такъ и съ сыномъ его теперь — одна исторія. Въ первыхъ же числахъ cadaго мѣсяца карманныя деньги, выдаваемые поровну обоимъ братьямъ, исчезали тотчасъ у Гриши,—и остальное время Ваня кое-какъ долженъ былъ снабжать ими своего брата. Чувство

всегдашняго недостатка и зависимости, давало характеру Гриши совершенно другое направлєніе. Онъ сдѣлался скрытень, липемѣренъ, завистливъ и искателенъ.

Нѣкоторые философы и физиологи увѣряли, что у каждаго челоуѣка есть свой врожденный характеръ, свои врожденные качества и пороки, свои склонности! По ихъ мнѣнію одинъ челоуѣкъ родится уже гениемъ, а другой глупцомъ, или злодѣемъ. Какая жестокая ошибка! Какъ можно такъ клеветать на природу? Что у нея за протекція, что за пристрастіе, чтобъ одного надѣлять всѣми своими дарами, а другаго обижать? Нѣтъ! вся разница между людьми, которая на каждомъ шагу встрѣчается между ними—происходитъ отъ самихъ же людей. Одинъ родится болѣзненный, другой здоровый,—и вотъ, разумѣется, на всю жизнь между ними разница и моральная и физическая;—но отъ чего она произошла? Мать, или отецъ были больны, изнурены, слабы,—и произвели на свѣтъ щедушное дитя, передавъ ему свои недуги, свои слабыя нервы, свою испорченную кровь. Или кормилица дурнымъ своимъ молокомъ и беззаботнымъ присмотромъ сдѣлала ребенка больнымъ, полуувѣчнымъ,—и онъ на всю жизнь будетъ слабымъ, хилѣющимъ созданіемъ, которое будетъ прозябать, лечиться, дряхлѣть съ самой молодости,—и жаловаться на природу и судьбу. А чѣмъ они виноваты? Говорятъ вообще, что наше поколѣніе стало слабѣе, недолговѣчнѣе,—и опять обвиняютъ природу,—тогда какъ виноваты одни люди. Когда древнія Гречанки и Римлянки одѣвались сообразно своему климату, и оставляли на свободѣ, какъ всѣ движенія членовъ, такъ и обращеніе крови, тогда онѣ служили образцами ваятелямъ, которые потому и производили прекраснѣйшія статуи, что вездѣ имѣли подъ руками пластическія, изящныя формы. Эти женщины рождали на свѣтъ здоровыхъ мальчиковъ, которые превращались потомъ въ воиновъ, удивлявшихъ свѣтъ своею силою, ловкостію, крѣпостію. Теперь для женщины неестественное составляетъ красоту, и мужчины дѣлаютъ съ своей стороны тоже. Женщины вообразили, что надобно съ малолѣтства стягивать свой станъ сильною шнуровкою, и отъ этого молодья кости растутъ неправильно и производятъ кривобокихъ; чтобъ корсеты давили лег-

кія и грудь, — и это располагаетъ поколѣніе къ чахоткѣ; чтобъ шея и плечи всегда красовались наружѣ, не смотря на сѣверные наши морозы и губительные сквозные вѣтры, и это производитъ вѣчные ревматизмы, головныя боли и разстройство нервъ; чтобъ, раздѣливъ чело-вѣческое тѣло на двѣ половины, предавать верхнюю, содержащую самые благородные органы, всѣмъ вліяніямъ враждебнаго климата, а нижнюю укутывать въ двѣнадцать рядовъ разнокалиберной ткани, безъ малѣйшей цѣли для здоровья и красоты; чтобъ проводить ночи въ душныхъ залахъ въ прыганьи и круженіи, будучи стянуты до обмо-рока, — и вставая потомъ въ полдень, превращать дни въ ночи и обратно... И послѣ этого, дѣлаясь вдругъ матерями семействъ, могутъ ли эти существа производить на свѣтъ здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей! Можетъ ли поколѣніе корсето-носящихъ и такъ одѣвающихся женщинъ — не быть слабо и болѣзненно? И въ чемъ же опять тутъ природа виновата?...

А потомъ, когда начнется воспитаніе, мы обыкновенно оставляемъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ на попеченіе наемницъ. Намъ некогда заниматься первымъ и священнѣйшимъ долгомъ природы: раннимъ образованіемъ ребенка. Мы думаемъ, что еще успѣемъ внушить ему все, что нужно, когда онъ будетъ способенъ разсуждать. Горькая ошибка! Какъ слабое здоровье и недуги отъ неестественной одежды и привычекъ передаются дѣтямъ при самомъ ихъ рожденіи отъ родителей или кормилицъ, такъ и самыя нравственныя качества всасываются, такъ-сказать; съ молокомъ. Восприимчивость понятій во младенчествѣ — удивительна: когда мы думаемъ, что дитя совершенно инстинктивно живетъ и ничего не понимаетъ, оно караулитъ каждое наше слово, каждое движеніе, идею. Оно живетъ переимчивостію, и все, что видитъ, слышитъ,—освоиваетъ себѣ. Вспомните теперь, сколько дурныхъ примѣровъ, словъ и наставленій оно получаетъ въ это время отъ окружающихъ. Его пу-гаютъ букою, темною комнатою и подобными вздорами—и дѣлаютъ суевѣрнымъ, кромѣ уже тѣхъ невѣжественныхъ идей, которыя сообщаютъ ему кормилица и нянька. Его заставляютъ ласкаться, чтобъ получить лакомство,—и онъ

получаетъ наставленіе въ лицемѣрствѣ. Когда онъ заплачетъ, ему все даютъ, какъ бы глупо и вредно ни было исполненіе его просьбъ, и вотъ онъ приучается къ капризамъ и самовластію, вотъ онъ съ малолѣтства начинаетъ думать, что ничто не можетъ противиться его волѣ.... О папеньки и маменьки, баловники и баловницы! вы воображаете, что доказываете дѣтямъ любовь свою, когда исполняете ихъ капризы; — нѣтъ! вы ихъ губите, вы готовляете имъ самую несчастную будущность. Характеры ихъ навсегда испорчены этою угодливостію, которую вы имъ оказываете,—а если несчастье и заставитъ ихъ современемъ одуматься, то какъ трудно имъ переломить свои привычки и идеи! И послѣ этого говорятъ, что такой-то одаренъ отъ природы умомъ и прекрасными качествами, а такого-то природа во всемъ обидѣла! Въ чемъ тутъ виновата природа? Младенцу дали дурное направленіе, дурныя впечатлѣнія, дурныхъ окружающихъ,—однимъ-словомъ не заботятся о немъ, или избаловали его, притупили развитіе умственныхъ способностей страхомъ, побоями, или излишнимъ ласкательствомъ,—и послѣ говорятъ, что такъ сдѣлала природа!

Въ самой общественной жизни, когда онъ уже вступить въ нее, сколько тутъ дѣлаютъ обстоятельства и окружающія лица. Возьмите двухъ совершенно одинаково воспитанныхъ людей и поровну надѣленныхъ хорошими качествами; помѣстите одного въ кругъ образованныхъ, честныхъ и добрыхъ людей,—повѣрьте, что и онъ будетъ прекраснымъ человѣкомъ. Другаго же окружите людьми дурными, нечестивыми, съ порочными склонностями,—и вы увидите, что послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы съ ними—онъ упадетъ въ уровень съ ними.

Скажемъ же еще разъ, что по болѣе части виноватъ самъ человѣкъ,—и теперь, продолжая разсказъ нашъ о Гришѣ и Ванѣ, не будемъ винить природу, что она такъ различно надѣлила ихъ обоихъ. Нѣтъ! она обоимъ дала поровну и членовъ, и мускуловъ, и нервъ, и крови, и мозга. Но впечатлѣнія дѣтства дали ихъ вкусамъ и характерамъ совершенно разное направленіе. А теперь самъ свѣтъ далъ имъ горькое наставленіе, что и при одинаковыхъ хорошихъ

качествахъ, не всѣ могутъ быть приняты одинаково. Надобно ли винить въ этомъ и свѣтъ. Едва ли!

Нужно ли говорить, что первымъ предметомъ исканій въ свѣтѣ — и Вани и Гриши — была любовь. Вотъ склонность, въ которой мы можемъ сослаться на природу, — тѣмъ болѣе, что разсудокъ тутъ рѣдко участвуетъ! Счастливы, кто это внушеніе природы можетъ согласить съ разсудкомъ, — и изъ порыва молодости составить себѣ связь, освященную законами и вѣрою! Къ сожалѣнію, прекрасная связь супружества часто бываетъ спекуляціею. Многіе не ищутъ себѣ жены, а одного приданого, думая только: чѣмъ я буду жить съ женою и съ дѣтьми? чѣмъ я буду воспитывать послѣднихъ? чѣмъ обезпечу ихъ существованіе, когда меня вдругъ не будетъ?

Иванъ Ивановичъ привезъ однажды сына своего (а съ Ваней былъ и Гриша) къ генералу Вистову, прежнему товарищу его военной жизни, пріѣхавшему на нѣкоторое время по дѣламъ въ Петербургъ. У этого генерала была дочь Надинька, прелестное, доброе и милое созданіе, не много мечтательное, нѣсколько избалованное любовію отца (мать давно уже умерла), — но все-таки прекраснѣйшая дѣвушка, которая при первомъ своемъ явленіи заставила прокричать о себѣ весь Петербургъ, и не мудрено! Кромѣ томныхъ и голубыхъ глазокъ, лилейной шейки, розово-пушистыхъ щечекъ, атласныхъ бѣлокурыхъ волосъ, завитыхъ змѣйками, тоненькой талии, пухленькихъ ручекъ и крошечной ножки, — кромѣ всѣхъ этихъ качествъ, у нея были другія самая увлекательныя, а именно двѣ тысячи душъ. Какъ послѣ этого было не восхищаться ею всѣмъ женихамъ! Мудрено ли, что и самъ Иванъ Ивановичъ, не смотря на все благородство характера, привезъ своего сына съ тою мыслию, что если-де молодые люди понравились бы другъ другу, то очень хорошо къ цифрѣ 2000 еще присоединить 2000?

Вистовъ тоже былъ престарѣлый генералъ времени Екатерины II, — и обожалъ свою эпоху. Разговоры его съ Иваномъ Ивановичемъ были нестоимы о славныхъ кампаніяхъ, въ которыхъ они участвовали, о знаменитыхъ людяхъ, которыхъ на своемъ вѣку видѣли. Они бы могли еще похва-

стать превосходными генералами, которыхъ образовали для будущаго поколѣнія, но тогда только одинъ Суворовъ-Рымникской побѣдою приобрѣлъ европейскую извѣстность. Прочіе стояли еще на второмъ планѣ. Кутузовъ, Милорадовичъ, Багратионъ, Каменской, Воиновъ обѣщали еще много въ будущемъ. Было, слѣдственно, о чемъ и о комъ поговорить двумъ старикамъ,—покуда нѣсколько паръ молодежи танцевали подъ фортепіано. Въ этихъ разговорахъ Иванъ Ивановичъ часто упоминалъ, что знаменитый Суворовъ служилъ нѣкогда подъ его начальствомъ, — но что вскорѣ вышедши въ отставку, онъ совершенно потерялъ было его изъ вида, какъ вдругъ Кинбурнъ, Рымникъ и Прага прогремѣли это имя во всеуслышаніе всей Европы.

Почти всякій день сходились старики одинъ у другаго, и дѣти ихъ тоже. Ваня очень полюбилъ Надиньку,—а та?..... Разумѣется и та, хотя начитавшаяся довольно французскихъ романовъ, мечтала иногда совѣмъ о другомъ обожателѣ, нежели степенный и серьезный Иванъ Ивановичъ,—но когда романическая эта кутерма проходила въ головѣ ея, когда она со всѣхъ сторонъ слышала величайшія похвалы ему, когда онъ съ нѣжностію смотрѣлъ ей въ глаза и спокойно говорилъ ей о своихъ чувствахъ, — она невольно задумывалась—и должна была сознаваться, что неравнодушна къ нему и что онъ больше всѣхъ заслуживаетъ ея любовь,—даже больше нежели..... Тутъ голова ея склонялась къ груди;—она вздыхала,—и отъ самой себя утаивала свои мысли.

А Ваня? точно ли онъ любилъ Надиньку? То есть та ли это была страсть, которую писатели романовъ подвели подъ правила? Та ли это была болѣзнь молодости, которую можно теперь по книгамъ узнать каждому, такъ хорошо описаны всѣ ея примѣты и кризисы? Романисты описали не всю классификацію любви; у нихъ она вездѣ почти одинакова: пылкая, бѣшеная, подозрительная, мучительная. Да! тамъ гдѣ мало разсудка, гдѣ нервы слабы и гдѣ много въ жилахъ крови, — любовь дѣйствительно получаетъ эти свойства. Но чѣмъ она, повидимому, сильнѣе и раздражительнѣе, тѣмъ непрочнѣе, непродолжительнѣе. У людей съ свѣтлымъ, холоднымъ разсудкомъ,

здоровыми нервами и небыстро волнующеюся кровью часто бываетъ любовь, которая гораздо больше заслуживаетъ это названіе, нежели сумасбродные порывы романической страсти, потому—что вѣриѣ, продолжительнѣе, прочнѣе послѣдней. Эта любовь не годится въ романы,—и потому ее рѣдко описываютъ. А жаль! Она гораздо болѣе заслуживаетъ изслѣдованій, нежели та, которая до-сихъ-поръ составляла основаніе каждой повѣсти. Иногда влюбленный холоденъ, спокоенъ, равнодушенъ, вовсе не льститъ обожаемому предмету, не ловить его взглядовъ, не трепещетъ при его появленіи, не говоритъ сладостей и метафоръ, напротивъ очень весело и спокойно радуется при свиданіи, неслишкомъ мучается при отсутствіи, окружаетъ любимую особу всѣми возможными попеченіями безъ афектаціи, даетъ дружескіе и полезныя совѣты, даже часто бранитъ за ошибки, если же встрѣчаетъ обманъ, измѣну со стороны любимаго предмета, то не приходитъ въ отчаяніе, не думаетъ о самоубійствѣ,—а печально удаляется отъ него, грустя объ ошибкахъ своего сердца, полюбившаго недостойный предметъ, и словомъ, это скорѣе чувство дружбы, которое мы привыкли видѣть въ этой формѣ. Эта любовь принадлежитъ немногимъ, избраннымъ характерамъ,—но не менѣе того ее должно причислить къ разрядамъ настоящей, и едва ли не самой доброкачественной, любви.

Такова—то была и любовь Вани,—но отъ этого—то именно Надинька, начитавшаяся романовъ и привыкшая къ мечтательности, сомнѣвалась въ ней, и почитала, что ежедневныя посѣщенія его и кроткія, дружескія рѣчи о чувствахъ привязанности, ощущаемой къ ней, не что иное, какъ обыкновенное, всedневное некательство невѣсты. И потому—то, любя его какъ благороднаго, умнаго и прекраснаго человека, она не видѣла въ немъ идеала своихъ мечтаній. Былъ другой, который больше волновалъ ее сердце,—но который видимо не хотѣлъ, или не могъ искать руки ея.

Это былъ Гриша.—Съ перваго взгляда на Надиньку почувствовалъ онъ самую романическую страсть. Но уже довольно оглядѣвши въ свѣтъ, онъ тотчасъ понялъ, что цифра нуль противъ 2000—очень плохая рекомендація для некательства руки ея,—и потому онъ замялъ это чувство глу-

боку въ груди своей.—Но этимъ—то самымъ онъ и обнаружилъ ее. Нѣмая страсть всего опаснѣе для дѣвушки. Отъ болтливой можно отговориться,—и въ этомъ дѣвушки всегда сильны. Но противъ безмолвной что дѣлать? чѣмъ защититься? Тутъ глаза гораздо хуже языка. Разговоръ глазъ гораздо больше говоритъ, нежели всякія пышныя фразы, и Григорій, осудя себя на всегдашнее молчаніе, полагалъ однако, что имѣлъ полное право смотрѣть. Взоръ его всегда и повсюду преслѣдовалъ Надиньку, и та очень хорошо поняла, чего имъ надобно, — дѣвушки всегда очень догадливы на это, — и даже черезъ чуръ. Иной привыкъ смотрѣть на каждую хорошую картину и любоваться ею, — а дѣвушка уже воображаетъ, что въ нее влюблены.

На этотъ разъ конечно нельзя было ошибиться, и молчаливость Григорія, увеличивая въ глазахъ Надиньки его страсть, усиливала въ ней самой мечтательность и тайную къ нему склонность. Но она была слишкомъ хорошо воспитана, чтобъ обнаружить это чувство, — и въ этомъ дѣвушки имѣютъ огромное преимущество предъ мужчинами. Первые всегда и тотчасъ же знаютъ, что онъ нравятся, — а послѣдніе никогда не увѣрены, точно ли ихъ любятъ. Притомъ же, какъ порядочная дѣвушка, она знала, что ей не должно хлопотать о женихахъ. Этого ожидала она отъ отца.

Дѣйствительно, покуда Ваня придумывалъ, какъ бы открыть свое супружеское намѣреніе двумъ отцамъ и невѣстѣ, Иванъ Ивановичъ уже давно объяснился съ Вистовымъ — и они ударили поручкамъ между собою, а вслѣдъ затѣмъ старикъ, чувствуя, что ему очень мало осталось времени для выжиданія объясненій сына, позвалъ его однажды ввечеру къ себѣ, и сказалъ:

— Послушай, братъ, Иванъ, — мнѣ уже подъ семьдесятъ, и пора костямъ на покой. Какъ ни грустно мнѣ будетъ разставаться съ тобою, — но эта разлука необходима. Хотѣлось бы мнѣ только дожить до одной радости. Желалъ бы видѣть тебя женатымъ, — а тамъ, кто знаетъ, можетъ-быть достигнуть бы и до дѣдушекъ.....

Ваня вспыхнулъ. Ему казалось, что все уже извѣстно, и что рѣчи отца только шутка.

— Виновать, милый батюшка, — отвѣчалъ онъ, намуя его руку. Виновать, если давно не открылся вамъ...!

— Въ чемъ, другъ мой? — спросилъ удивленный отецъ.

— Вижу, что вы все знаете, — продолжалъ Ваня.... Но видѣть всадницею Надиньку и не полюбить ее — было невозможно....

— Какъ! — радостно вскричалъ старикъ: такъ ты из Надину, идюбленъ. Прекрасно, другъ мой! Ты угадалъ мою намеренія. Обними меня.... Поздравляю тебя женихомъ...

— Я знаю, батюшка, всю вашу доброту, — сказалъ Ваня, — и вы съ своей стороны, вѣрно, не отказали бы мнѣ.... Но на это надобно во-первыхъ согласіе самой Надиньки, а наконецъ отца ея.

— Ну, съ отцомъ ея мы уже давно поладили, — потому-то, я тебя и поздравляю, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ; а о самой Надинькѣ могу только те сказать, что она добрая и милая дѣвушка, которая слишномъ хорошо воспитана, чтобъ противиться волѣ отца.

— Батюшка! мы же въ такомъ уже вѣкѣ живемъ, чтобъ дѣвушкамъ приказывать, за кого именно выходить замужъ. Вы чувствуете, что мнѣ безъ согласія Надиньки нельзя ей нейъ жениться....

— Да! по вашему, конечно такъ, — и мы, разумѣется, будемъ хлопотать теперь около нея, хотя повѣрь, что и наши старинные обычаи не такъ дурны, какъ вы думаете. Отецъ, выбирая жениха своей дочери, вѣрно делаетъ ей счастье и добра. Онъ гораздо лучше молодой, неопытной дѣвушки знаетъ и семейныя и общественныя качества всякаго молодого человѣка. Теперь же дѣвушкамъ понравится маленькое личико, красивое платье, хорошій тацноръ, милый болтунъ, — и онъ отъ него бѣгъ намяти. А есть ли въ немъ душа, есть ли честныя правила, есть ли истинная склонность къ ней?... объ этомъ рѣдка думаетъ, да ни одна, и узнать не можетъ, потому-что видѣть человѣка только во баламъ и вечеринкамъ.

— Я, батюшка, не смѣю спорить съ вами, — отвѣчалъ Ваня, — потому-что все, что вы теперь изволили сказать, совершенная правда; но въ защиту нашего времени осмѣлюсь толькотъ спрости у васъ: случилось ли въ ваше время, чтобъ

какой-нибудь отец насильно принуждает свою дочь къ немилому замужеству—изъ одной корысти?

— Разумѣется, дурные люди всегда бывали и будутъ, но это исключеніе изъ правила....

— Позвольте же вамъ доложить, что для огражденія отъ этихъ исключеній и существуютъ теперешніе обычаи. Добрымъ отцамъ дѣти и теперь во всемъ повинуются, зная, что они живутъ только для счастья своихъ дѣтей....

— Охъ ужъ вы, философы!—весело сказалъ старикъ. На все у васъ отвѣтъ готовъ. Ну, да ужъ Богъ съ вами! Будемъ говорить о дѣлѣ. Завтра поутру мы поѣдемъ къ Вистову съ формальнымъ предложеніемъ.—Будь готовъ...

— Какъ, уже завтра?—вскричалъ Ваня.

— Вотъ мило! Ты никакъ уже струсилъ? Что за вздоръ! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Повторяю тебѣ, что мнѣ ждать некогда.... да и тебѣ что за мысль откладывать?

— О нѣтъ, батюшка.... я очень радъ....

— Знаю, знаю.... у влюбленныхъ всегда такъ. Ну, Богъ съ тобою, обними меня—и ступай спать. Утро вечера мудренѣе.

Они обнялись и расстались. Можно вообразить себѣ, какую безпокойную ночь провелъ Ваня.

На другое утро они отправились къ Вистову,—и Иванъ Ивановичъ безъ предварительныхъ фразъ объявилъ ему о цѣли своего посѣщенія.

— Очень радъ, отвѣчалъ добродушный старикъ.—Я давно поджидалъ этого пріятнаго предложенія, но вѣдь молодые люди нынче все хотятъ жениться по романамъ. Хотя изъ всей нашей молодежи твой Иванъ Ивановичъ самый степенный и разсудительный малой, но я въ немъ есть много нывѣшняго духа.... Ну, да намъ старикамъ вѣрно не передѣлать уже людей,—и я душевно радъ, что лучшей изъ нихъ достается на долю моей Надиньки. Очень радъ такому зятю! Обнимите меня, Иванъ Ивановичъ....

Онъ обнялъ Ваню, который былъ въ такомъ смущеніи, что не нашелся, что и отвѣчать.

— Ну, какъ же намъ теперь поступить съ твоею дочерью?—сказалъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ Вистову.

Ты ли ее спросишь, или надобно самому сыну съ ней объяснить....

— Признаюсь, мой милый,—отвѣчалъ Вистовъ: что я страхъ какъ не люблю этихъ объясненій молодыхъ людей между собою. Не понравится какое-нибудь слово, какой-нибудь взглядъ не по правиламъ романовъ,—и они готовы отказаться отъ счастія цѣлой жизни. Нѣтъ, братецъ, дай лучше мнѣ самому переговорить съ нею.... А вы ступайте куда, посидите въ гостиной.... я позову ее,—и мы тотчасъ же окончимъ все.

Иванъ Ивановичъ ушелъ съ сыномъ въ гостинную, а Вистовъ послалъ за дочерью. Та тотчасъ же явилась, никакъ не ожидая, что рѣшеніе судьбы ее такъ близко.

— Вы присылали за мной, папа?—сказала она, войдя въ кабинетъ отца.

— Да, дружокъ! — отвѣчалъ отецъ: мнѣ надобно съ тобою поговорить кое-о чемъ. Сядь-ко поближе. Есть у насъ поговорка: сядемъ-ко рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ....

— Это можно сдѣлать и безъ старинной поговорки, сказала Надинька, улыбаясь....

— Да, да! Вѣдь вы не любите старины.... Вамъ всегда дай модные французскіе комплименты.

— Чтѣже вы прикажете, папа?... прервала его дочь, зная что когда начнется сравненіе старины съ новыми идеями, то скоро кончится.

— А какъ бы ты думала? Угадай? Какую новость дѣвушка всего пріятнѣе слышать?

— О какомъ нибудь балѣ, или обновленияхъ, отвѣчала Надинька....

— Да, да! почти угадала. Будутъ балы и обновки самыя щегольскія,—если ты только согласишься на мое предложеніе....

— Какъ послѣ этого не согласиться? Чтѣ же такое? говорите скорѣе....

— Выйди за мужъ!

Надинька вспыхнула, и потупя голову замолчала.

— Чтѣ это, дружокъ?—вскричалъ отецъ. — Вѣдь насъ только двое,—и со мною тебѣ нечего церемониться и жеманиться. Какой дѣвушка не нравится замужство?

Надинька все еще молчала и не поднимала глазъ. Она поняла, о комъ идетъ рѣчь, и кого отецъ ей назначаетъ въ мужья. Еще за часъ передъ тѣмъ, она мысленно въ мечтахъ своихъ сознавалась въ достоинствахъ Вани,— теперь этотъ внезапный, прозаическій способъ сватовства вдругъ охолодилъ ея воображеніе и убавилъ всѣ добрыя качества жениха.

— Я не церемонюсь и не жеманюсь, папа, — отвѣчала она наконецъ.... Но меня поразила внезапность вашего предложенія, а еще болѣе удивило то, что женихъ мой,—кто бы онъ ни былъ, не потрудился сперва узнать отъ меня: каково я приму его сватовство. Это, право, было бы не лишнее.

— Да, да! по правиламъ романовъ надобно бы ему конечно было сперва упасть передъ тобою на колѣна и сказать: Владычица души моей! рѣши мой горькій жребій....

— Нѣтъ, папа! — прервала она его: уже вѣрно не такихъ фразъ я отъ него ожидала,—но все бы, мнѣ кажется, надобно было....

— Надобно было дѣлать ему то, что я приказалъ, отвѣчалъ старикъ. И онъ, и отецъ его спрашивали у меня: не лучше ли имъ обратиться сперва къ *тебѣ* для объясненій,—но я просилъ ихъ не разыгрывать у меня глупыхъ романовъ, а попросту предоставить мнѣ все дѣло. У васъ, я знаю, оно бы пошло визитовъ на пятнадцать.... сегодня слово, завтра два....

— А развѣ, папа, это дѣло такое поспѣшное?—съ улыбкою спросила Надинька.

— Для васъ, конечно, надобно, чтобъ романъ былъ въ вѣсколькихъ частяхъ и чтобъ тутъ были препятствія, слезы, пожертвованія, вздохи, но для насъ стариковъ всякой день счастья потерянный дѣтьми нашими, слишкомъ дорогъ. Я старъ, моя милая. Сегодня живь, а завтра....

— Полно, папа!—Къ чему заводить рѣчь объ этомъ? прервала его Надинька полуслезливымъ тономъ.

— О смерти надобно всегда думать, милый другъ мой. И для меня было бы величайшимъ утѣшеніемъ старости, еслибъ я могъ при жизни тебя пристроить.

— Кого же вы мнѣ назначаете женихомъ? — спросила

Надинька послѣ нѣкотораго молчанія, хотя и знала заранее кого ей назовутъ.

— Кого же, какъ не милаго нашего Ивана Ивановича? сказалъ отецъ.

— Его! — отвѣчала Надинька, не поднимая глазъ.

— Разумѣется: — А развѣ ты думала, что кого-нибудь другаго?...

— Я вѣдь не могу знать вашего выбора....

— А твой собственный развѣ былъ бы другой?—спросилъ отецъ.

Надинька молчала. Въ умѣ ея мелькнулъ Григорій съ своими томными, пламенными, задумчивыми взглядами, со своею глубокою страстію.

— Ты не отвѣчаешь, дружокъ? Что это значитъ?

— Ничего, папа,—отвѣчала опомнясь Надинька:—я, можетъ-быть, читаю очень много романовъ, но уже, вѣрно, не сочиняю ихъ. Моя мечтательность, въ которой вы меня упрекаете, не простирается до этого....

— А въ доказательство,—прервалъ ее отецъ,—ты согласна принять жениха, котораго я тебѣ предлагаю?

— Если это вамъ угодно, тихо и хладнокровно отвѣчала она.

— Мнѣ ужъ очень угодно, другъ мой,—сказалъ старикъ. Но ты знаешь, какъ я тебя люблю,—и хотя увѣренъ, что ты будешь счастлива съ Иваномъ Ивановичемъ, но ни за что не захочу выдать тебя противъ воли. Скажи же мнѣ откровенно: не нашла ли ты въ этомъ молодомъ человѣкѣ чего-нибудь такого, что тебѣ не нравится?....

— О нѣтъ, папа!—онъ самый добрый, благородный и умный человѣкъ,—но....

— Что же значитъ твое но?.... Вѣрно какой-нибудь недостатокъ по части романовъ?...

— Именно, папа!—Не смѣйтесь. Вы судите только о качествахъ общественныхъ и семейныхъ, а иногда о связяхъ и богатствѣ жениха,—а дѣвушка нужно немножко и любви....

— Да ты съ ума сошла, Надина!—Онъ безъ памяти въ тебя влюбленъ. Посмотрѣла бы ты на него, какъ онъ смущался, краснѣлъ и готовъ былъ плакать отъ радости.

когда и сказала ему, что согласна выдать тебя за него.

— Неужели! — сказала Надина, и удовлетворенное ее самодовольствіе тотчас же украсило Ваню всеми качествами романческаго любовника. — А признаюсь откровенно, — хотя Иванъ Ивановичъ и прекраснѣйшихъ качествъ молодой человекъ, но я никакъ не полагала, чтобы онъ способенъ былъ къ романтической нѣжности, которая всегда такъ пріятна для насъ....

— Ну, такъ на этотъ счетъ ты можешь быть спокойна, отвѣчалъ отецъ. — Онъ влюбленъ, какъ лучшій герой вашихъ повѣстей, — но слишкомъ знаетъ свѣтъ и приличія, чтобы обнаруживать это.... Ну чтоже, милый мой дружокъ? Согласна ли ты?

— Да дайте мнѣ, папа, хоть нѣсколько минутъ подумать! — нѣсколько дней, — сказала съ улыбкою Надинька.

— Къ чему это жеманство, другъ мой? — За что мучить человека безъ всякой причины? Зачѣмъ думать о томъ, что давно извѣстно?... Ты будешь счастлива, — въ этомъ ручается тебѣ твой старшій отецъ. Твоя красота и достоинства ручаются тебѣ, что женихъ тебя искренно любитъ. Чего же больше? Не лучше ли искренно подать мнѣ руку, — и сказать: я согласна!

— Извольте! я согласна! — сказала со вздохомъ Надинька.

Съ чувствомъ живѣйшей радости обнявъ ее отецъ, расцаловалъ, прослезился, и почти на рукахъ вынесъ въ гостиницу; гдѣ Иванъ Ивановичъ съ сыномъ ожидалъ, чѣмъ окончится роковой разговоръ.

— Вотъ она! — возмите ее! вскричалъ Вистовъ, передавая ее на руки Ивану Ивановичу. Возмите мое лучшее, единственное сокровище. До-сихъ-поръ была въ ней и жизнь моя и счастье. Но я отдаю ее такимъ людямъ, которые умѣютъ цѣнить ее....

— И которыхъ первымъ долгомъ будетъ ей счастье, — прервалъ его Иванъ Ивановичъ. Въ этомъ я даю честное слово и за себя и за сына, — и даже въ этомъ ты долженъ быть самъ увѣренъ, старшій другъ и товарищъ мой.

— Безъ этой увѣренности я бы ее не отдалъ вамъ, —

отвѣчалъ Вистовъ. Но видя ее счастливою, — я буду вдвое счастливъ, и здѣсь, и за гробомъ....

Ваня, сперва совершенно растерявшійся отъ внезапнаго появленія Надиньки съ отцомъ, и отъ словъ его, — теперь оцѣнилъ, тихо подошелъ къ ней, склонилъ колѣно, взялъ ее за руку, съ нѣжностію подаловалъ и съ торжественностію сказалъ:

— Позвольте и мнѣ, Надежда Васильевна, въ эту незабвенную минуту моей жизни, поклясться въ вѣчной и искренней къ вамъ любви, которую я не въ силахъ выразить словами, но которую докажу тѣмъ, что посвящу вамъ все мое попеченіе, заботы, мысли и чувства, чтобъ заслужить мое счастье....

Надинька ничего не отвѣчала. Она лежала въ объятіяхъ Ивана Ивановича, съ нѣжностію смотрѣла на Ваню, не отнимая у него руки своей, которую тотъ съ восторгомъ продолжалъ цаловать — и воображала, что это одинъ сонъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, дѣти мои, какъ я васъ благославляю, — сказалъ Вистовъ, подойдя къ нимъ и обхватя обонхъ въ свои объятія.

Это нечаянное сближеніе заставило вздрогнуть обонхъ молодыхъ людей. Оба покраснѣли.... Но Вистовъ еще сильнѣе прижалъ ихъ.

— Поцалуйтесь, дѣти мои, — продолжалъ Вистовъ: въ залогъ того, что вы съ этой минуты женихъ и невѣста....

Ваня осмѣлился прикоснуться трепещущими губами своими къ пылающей щекѣ Наденьки, — и союзъ былъ заключенъ.

Въ свою очередь благословилъ ихъ и Иванъ Ивановичъ, но не заставлялъ уже ихъ цаловаться, а самъ обнялъ обонхъ.

— Ну, дѣло слажено, — сказалъ Вистовъ послѣ первыхъ минутъ нѣмой радости. Теперь я могу умереть спокойно.... Поговоримъ-ко теперь о формѣ этого дѣла, а именно о приданомъ. Покуда я живъ, — то даю Надинькѣ....

— Позвольте же мнѣ однако, — прервалъ его Ваня, уйти отъ подобнаго разговора, если онъ необходимъ. Рука Надежды Васильевны для меня выше всѣхъ богатствъ въ

міръ,—и, признаюсь, я бы желалъ, чтобъ у нея рѣшительно ничего не было....

— Знаю, знаю, Гг. романическіе герои! — весело вскричалъ Вистовъ. Сердце и хижина,—вамъ вѣдь больше ничего ненадобно. Ну, пожалуй, я не хочу оскорблять твоей щекотливости и увольняю тебя. Я останусь съ другомъ Иваномъ Ивановичемъ, и мы съ нимъ все это приведемъ въ ясность.

— Ну, братъ Василій, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — и мнѣ не очень нравится подобная рѣчь. Мы съ тобою хоть люди положительные, — но я тоже хотѣлъ душевно этого союза вовсе не за тѣмъ, чтобъ ты далъ своей Надинкѣ большое приданое, а потому—что она сама по себѣ истинное сокровище. Такъ уволь же и меня отъ твоихъ разсчетовъ. Что сдѣлаешь, то и будетъ прекрасно. И ужь, вѣрно, ни я, ни сынъ спорить и прекословить не будемъ.—Прощай, дружище. Намъ съ сыномъ надобно отдохнуть и опомниться отъ такого счастливаго происшествія. Вечеру мы, по обыкновенію увидимся....

— Ну, какъ хочешь, — отвѣчалъ Вистовъ. Я свое дѣло сдѣлаю—и вы, вѣрно, будете мною довольны. Прощай—и обвините меня еще разъ. Ты правъ, и мнѣ надобно немножко отдохнуть отъ этой передряги. Я какъ будто сдѣлалъ форсированный переходъ.

Они разстались, — и Вистовъ, оставшись одинъ съ своею дочерью, еще разъ ее обнялъ, прослезился, перекрестилъ ее и пошелъ въ свой кабинетъ.

А Надинька? Она едва сама себѣ вѣрила, что судьба ея такъ скоро была рѣшена, и безвозвратно. Все это случилось такъ быстро, что ей некогда было ни подумать, ни отклонить роковаго случая.

ГЛАВА III.

НЕОЖИДАННОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Ввечеру, по обыкновенію, съѣхались гости у Вистова, и онъ объявилъ имъ о помолвкѣ дочери своей за Ивана Ивановича Смѣлова. Григорій былъ тутъ же, — и новость эта поразила его какъ громовымъ ударомъ. Онъ имѣлъ довольно силы, чтобъ не дать замѣтить своего мучительнаго состоянія, но когда всѣ мужчины подходили къ Вавѣ и поздравляли его, онъ отошелъ и пристально смотрѣлъ въ это время на Надежку. Та нечаянно тоже посмотрѣла на него, и взглядъ Григорія выражалъ такъ много нѣжности и упрека, что ей почти сдѣлалось дурно. Она вспыхнула, задрожала, отвернулась... но и не видя его, она чувствовала, что этотъ пламенный взглядъ проникаетъ въ ея сердце. И прежде этого взглядъ Григорія часто приводилъ въ смущеніе Надиньку, — но теперь онъ сдѣлался неумолимъ. Онъ преслѣдовалъ, жегъ ее своимъ пронизательнымъ, укоряющимъ выраженіемъ, — и та совсѣмъ растерялась.

Почти никогда не говорилъ онъ съ нею, — но теперь послѣ всѣхъ подошелъ и онъ, — и съ горькою улыбкою сказалъ:

— Позвольте и мнѣ присоединить мое усердное поздравленіе... Позвольте отъ всей души пожелать вамъ счастья.

Надина не имѣла даже силы поблагодарить его. Она стояла передъ нимъ, какъ будто измѣнила ему въ вѣрности. Никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ этого. Да и кому было дѣло до Гриши! Начались танцы — и Григорій, всегда самый веселый и неутомимый танцоръ, сѣлъ теперь въ углу и ни разу не пошелъ танцевать. Товарищи спрашивали о причинѣ этой странности, и онъ объявилъ, что у него чрезвычайная головная боль. Иванъ Ивановичъ узналъ объ этомъ, и какъ бы сжался надъ нимъ, услалъ его домой.

Какъ скоро онъ уѣхалъ, Надинькѣ стало легче; она же

весело и непринужденно продолжала танцевать, и вскорѣ всѣмъ забыла о странномъ чувствѣ, которое недавно ощущала. Танцы кончились очень весело, и гости разъѣхались. Только тогда, оставшись одна и прильнувъ къ дѣвическому своему изголовью, она начала раздумывать о своемъ подожженіи, и спросила сама себя: любить ли она Ваню, или чувствуетъ влеченіе къ Григорью? На первый вопросъ она утвердительно могла отвѣчать, что любить его какъ добраго и благороднаго человѣка, какъ брата, но вовсе безъ романтической страсти. Второй же вопросъ остался пока безъ отвѣта, нерѣшеннымъ, потому—что произвелъ въ ней такое волненіе и безпокойство, что она сама испугалась и рѣшилась не думать объ этомъ. Общій же результатъ обоихъ вопросовъ былъ тотъ, что дѣло это безвозвратно рѣшено, и что какъ скоро всѣмъ уже извѣстна ихъ помолвка, то не только перемены въ этомъ никакой не можетъ быть, но и думать о ней неприлично. Мысль долга возвратила ей спокойствіе, — и она уснула.

Вскорѣ весь городъ узналъ о помолвкѣ Ивана Ивановича, и всѣ осыпали его поздравленіями. Старики хлопотали, какъ бы ускорить свадьбу, а Надина старалась отдалить роковой срокъ. Назначили обрученіе, къ которому весь городъ былъ приглашенъ. Этотъ день произвелъ роковой переломъ.

Въ продолженіе этого времени Григорій, разумѣется, всякой день видѣлся съ Надьинкою, и страсть обоихъ развивалась съ удивительною силою, хотя оба очень хорошо знали, что она ни къ чему не ведетъ. Притомъ же ни слова любви между ними не было сказано,—хотя тѣмъ не мѣнѣе они очень хорошо понимали другъ друга.

Обрученіе назначено было поутру, въ присутствіи однихъ родственниковъ, а ввечеру долженъ бы быть балъ. Прежде, чѣмъ гости съѣхались, явился Григорій, и на него, какъ на домашняго человѣка, никто не обратилъ вниманія. Онъ спросилъ мимоходомъ у одной горничной, гдѣ Надинка, — и та отвѣчала, что барышня еще не одѣвалась, а ходитъ одна по-саду. И онъ отправился туда.

Въ рукахъ его былъ букетъ, какъ бы въ подарокъ невѣстѣ, и букетъ этотъ состоялъ изъ одной розы, окруженной

кипарисовыми вѣточками. Это значило: *любовь и смерть*. Въ самой темной аллеѣ сада нашелъ онъ Надиньку, — и та вскрикнула, увидя его.

— Боже мой! — сказалъ онъ ей печально. Видь мой даже наводитъ на васъ ужасъ, Надежда Васильевна.

Та молчала и трепетала, слегка только покачавъ головою вмѣсто отвѣга.

— Я принесъ вамъ подарокъ къ радостному дню вашего обрученію.

Она взяла букетъ, но едва посмотрѣла на него, — и все таки ничего не отвѣчала.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ я пришелъ съ вами проститься, — продолжалъ онъ.

Надинька молча взглянула на него, — и глаза ея были наполнены слезами.

— Минуты дороги, — сказалъ онъ. — Я долженъ отсюда на всегда выѣхать.

Надинькѣ сдѣлалось грустно; она съ трудомъ дошла до своей комнаты, и когда сказали ей, что пріѣхали женихъ и много гостей, начала нехотя одѣваться.

Печальна и задумчива вышла она въ залу собраніе. Всѣ полагали, что такъ быть должно. Не раздѣляя этого мнѣнія женихъ, ожидая встрѣтить Надиньку веселою.

Среди приготовленій къ совершенію обрученья, пріѣхалъ голецъ къ Ивану Ивановичу съ извѣстіемъ, что Григорій Григорьевичъ лишился чувствъ и не подаетъ признаковъ жизни. Ужасная вѣсть эта мгновенно распространилась между гостями.... Надинькѣ сдѣлалось дурно. Тотчасъ всѣ разѣхались.

Иванъ Ивановичъ понялъ любовь Надиньки къ Григорію, который по возвращеніи Ивана Ивановича съ сыномъ пришелъ уже въ чувство.

— Что намъ теперь дѣлать, Ваня? — Сказалъ онъ ему, когда они остались одни.

— Если братъ выздоровѣетъ, — отвѣчалъ Иванъ, — то разумѣется онъ долженъ жениться на Надеждѣ Васильевнѣ...

— Но, милый другъ, — это не такъ легко сдѣлать. Во-первыхъ, ты, вѣрно, не меньше ее любишь.

— О! вѣрно больше!—съ глубокою горестію сказалъ Ваня. Но что за дѣло до меня! Сердце мое обольется кровью. Но у меня есть отецъ, вѣра и отечество. Пусть братъ будетъ счастливъ, — а я... — Онъ махнулъ рукою и глаза его наполнились слезами.

—Я знаю тебя, Иванъ,—сказалъ отецъ, — и съ нѣжностію обнялъ его.—Знаю, что ты съ мужествомъ перенесешь всякое несчастье... Но неужели и Надинька?...

— Да! И она его любить! — печально сказалъ Ваня.

—Да! ты правъ. Послѣ этого бракъ твой съ нею былъ бы неумѣстнымъ. Но если ты уступишь Григорью свою невесту, то старикъ Вистовъ едвали согласится на этотъ союзъ.

—Почему же, батюшка?—Онъ слишкомъ благороденъ, чтобъ отказать въ своемъ согласіи, потому только, что Григорій бѣденъ... При томъ же, вы, вѣрно, поможете брату...

—Да! конечно! Хотя все, что я ему дамъ, будетъ отнято у тебя; но я знаю твое доброе сердце... Дѣло не въ томъ... Если старикъ Вистовъ согласится отдать Надю за Григорья, то у нихъ будетъ чѣмъ жить и безъ нашего пособія. Но главная трудность состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдить старика. Ему никогда не нравился характеръ и образъ мыслей Григорья... Впрочемъ, мы попробуемъ, мы постараемся уговорить его.

Едва они кончили разговоръ, какъ пріѣхалъ Вистовъ. Произошла бурная и продолжительная сцена. Старикъ кричалъ, сердился, противился,—но настойчивость и убѣжденія Смѣловыхъ были такъ истинны и неотразимы, что онъ принужденъ былъ согласиться на все.

Черезъ два мѣсяца послѣ послѣдняго происшествія отпразднована была свадьба Надиньки и Григорья. Не было ни баловъ, ни визитовъ. Общество очень неблагосклонно приняло эту перемену жениховъ и поступокъ Григорья. Онъ даже принужденъ былъ оставить службу. Подъ предлогомъ болѣзни, отправился онъ на годъ въ чужіе края, на Теплицкія воды. Старикъ Вистовъ поѣхалъ съ молодыми,—и въ Петербургѣ поговорили, поговорили, да черезъ два мѣсяца и забыли обо всемъ. Да и было время поговорить о другомъ, важнѣйшемъ событіи. Началась зна-

менитая суворовская кампанія въ Итали. Иванъ Ивановичъ выпросился о переводѣ его въ дѣйствующую армію, — и съ письмомъ отца своего къ Фельдмаршалу отправился въ свой полкъ.

ГЛАВА IV.

Суворовъ.

Кто не знаетъ этого дивнаго похода? Французская революція потрясла престолы Европы своими демагогическими правилами и новою своею тактикою. Военныя правила, которыми Фридрихъ II цѣлыя семь лѣтъ боролся съ сильнѣйшими державами Европы, вдругъ низпровергнуты были революціонными массами, которыя кровавый Конвентъ двинулъ на всѣ окрестныя народы. Явилась цѣлая фаланга новыхъ полководцевъ, которые изумили старыхъ, посѣдѣвшихъ воиновъ Европы своими планами и смѣлостію исполненія. Больше всѣхъ прославился тогда молодой генералъ Бонапарте, который съ горстію оборваныхъ солдатъ побѣдилъ одну за другою три многочисленныя арміи австрійскія, съ самыми опытными и дѣятельными полководцами, — и силою меча прищудилъ Австрію къ миру. Но вскорѣ завистливая Директорія удалила этого опаснаго соперника съ европейской сцены битвъ, отаравив его въ Египетъ, — а Англія и Австрія, рѣшась сдѣлать новую попытку, чтобъ уничтожить революцію, обратились на этотъ разъ къ Россіи, умоляя ее пристать къ коалиціи. Императоръ Павелъ, царствовавшій тогда, былъ по чувствамъ прямодушія и благородства — истинный рыцарь. Не имѣя для себя въ виду никакихъ выгодъ отъ этой войны, онъ однако же не колебался присоединить свое оружіе къ оружію союзниковъ, — единственно съ тою цѣлю,

чтобы спасти Европу отъ нашествія демагога, и возвратить законнымъ Государямъ отнятыя у нихъ престолы. Коалиція просила у него полководца для предводительствованія союзными арміями, — и онъ имъ далъ Суворона. Это увѣрило коалицію въ побѣдѣ. Послѣдствія доказали, что изъ всѣхъ воюющихъ державъ Россія дѣйствовала всѣхъ безкорыстѣе и великодушнѣе.

Иванъ Ивановичъ Сиблювъ, переманованный изъ гвардейскихъ поручиковъ въ капитаны, присоединился къ полку своему у границъ Моравіи, и слѣдовалъ съ нимъ въ Италію. Суворова еще не было. Хотя у него и было письмо къ Фельдмаршалу отъ отца, но онъ чувствовалъ, что только при какомъ-нибудь особенномъ случаѣ можетъ вручить его. Проситься же въ галливую квартиру, для представленія одного письма, было очень странно, — а по характеру Суворова, очень нелюбимаго протекторство и фаворитизмъ на полѣ битвы, — было бы и безполезно. А потому, онъ оставилъ письмо при себѣ, въ ожиданіи какаго-нибудь счастливаго случая, который бы представилъ ему возможность явиться къ главнокомандующему.

Веноръ ветунами русскія войска въ Италію; прибылъ самъ Суворовъ; громное ура! встрѣтило побѣдоноснаго ввѣдя, — и сраженіе при Кассано было первымъ лавромъ, пожатымъ имъ на землѣ Сципіоновъ. Въ этомъ сраженіи Сиблювъ стоялъ съ своею ротой у прикрытія двухъ орудій, востановившихъ *post-de-pole*, для воспринятіи непріятеля переправиться на этомъ пунктѣ. Хотя постъ этотъ и былъ на оконечности лѣваго крыла и не входилъ въ соображеніе плана битвы, а болѣе былъ наблюдательнымъ постомъ, — но судьба какъ бы нарочно хотѣла доставить случай Сиблюву отличиться. Во весь день все нападеніи непріятеля обращены были на правый флангъ, — и почти всѣ силы Русскихъ стянулись туда. Одинъ Суворовъ съ резервомъ не вѣрилъ этимъ яростнымъ атакамъ и не хотѣлъ двинуть туда своего резерва, не смотря на представленія австрійскихъ генераловъ.

Вдругъ сильная колонна, которой существованіе было до-тѣхъ-поръ скрыто глубокимъ обротономъ, вышла изъ него и двинулась къ посту, гдѣ стояла горсть Сиблюва. Два ору-

дѣя осмыслили неприятелей картечью, — но Французы шли съ рѣшимостію впередъ, стѣсняя ряды свои. Суворовъ увидѣлъ это движеніе съ высоты, на которой стоялъ, и велѣлъ тотчасъ же резерву идти къ мосту, а адъютанту приказалъ скакать къ отряду Смѣлова, съ приказаніемъ защищать мостъ до-мѣльзая. Другихъ же послалъ къ ближайшему войскамъ, чтобъ они спѣшили на этотъ пунктъ.

— Доложите Фельдмаршалу, что я исполню свой долгъ — отвѣчалъ Смѣловъ, — и продолжалъ производить самый убійственный огонь. — Но силы были слишкомъ неравны. Французы съ веселыми криками: *en avant!* бросились въ ровъ мостоваго укрѣпленія, перебрались черезъ него и смѣло подеали на нараветь. Смѣловъ чувствовалъ, что настала минута отступленія — и стацивъ орудія на мостъ, поставилъ ихъ насрединѣ, а самъ продолжалъ поражать неприятелей, толпами лезшихъ черезъ брустверь. Но сколько ни были ихъ штыками и прикладами, свѣжія толпы замѣняли пораженныхъ, — и вытѣсняли изъ укрѣпленія небольшую горсть Русскихъ. Построивъ ее въ густую колонну, онъ медленно сталъ отступать къ мосту и Французы съ криками торжества бросились на него. Вдругъ, скомандовавъ: *стой, на штыки!* онъ снова съ своею ретюю ринулся на небольшое число Французовъ, усѣвшихъ взбѣжать на мостъ, опрокинулъ ихъ, перекололъ, вогналъ въ рѣку, и отбросилъ назадъ въ мостовое укрѣпленіе. Но тутъ число неприятелей было уже слишкомъ сильно, — и онъ опять медленно сталъ отступать къ срединѣ моста, гдѣ стояли орудія, — а Французы бросились опять за нимъ вслѣдъ. Пройдя орудія, онъ велѣлъ сдѣлать изъ нихъ еще залпъ картечью, которой губительное дѣйствіе остановило и смѣшало неприятелей. Еще разъ бросился Смѣловъ впередъ и отбросилъ ихъ въ укрѣпленіе, — но новая, сильная колонна Французовъ устремилась на-мостъ, и раздавша оставшуюся горсть Смѣлова. Онъ продолжалъ тихо отступать, отвезти орудія на противоположный берегъ — и видя, что сильная помощь летитъ уже къ нему на встрѣчу, далъ послѣдній залпъ въ неприятелей; въ послѣдній разъ бросился на нихъ съ крикомъ ура! — еще разъ отгѣснилъ ихъ, — но: послѣ кратковременнаго боя былъ отброшенъ за-мостъ.

Въ это самое мгновеніе первая русская колонна резерва ринулась на мостъ, и на штыкахъ начала отгнать Французовъ. Прискакали шесть орудій, которыя начали стрѣлять имъ во флангъ—и непріатели тихо начали отступать.

Самъ Суворовъ подъѣхалъ къ мосту—и спросилъ: живъ ли офицеръ, командовавшій постомъ? — Ему представилъ Смѣлова.

— Славно дразья, помилуй Богъ, — славно! сказалъ ему Суворовъ. Какъ тебя зовутъ, милый храбрець мой?

— Капитанъ Смѣловъ!—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Ты стоишь своей фамиліи! — сказалъ фельдмаршалъ. А какого Смѣлова? Ужъ не Ивана ли Ивановича?

— Его сынъ, ваше сіятельство... отвѣчалъ Смѣловъ— и тотчасъ же вынулъ изъ кармана письмо отца, которое всегда съ собою носилъ, подаль ему.

— Что это?

— Отецъ далъ мнѣ письмо къ вашему сіятельству, — но я не хотѣлъ явиться прежде, нежели не заслужу этой чести въ какомъ-нибудь сраженіи.

— Хорошо! молодець! хватъ!—Не правда ль, господа, — сказалъ онъ окружающимъ генераламъ, — что это самый новый способъ и новое мѣсто для отдачи писемъ. Ну, дружокъ, теперь читать некогда, а ввечеру приходи ко мнѣ, поговоримъ. Теперь иди отдохни, ты довольно поработалъ.

— Позвольте ваше сіятельство, примкнуть съ моею ротю къ этой колоннѣ, — сказалъ Смѣловъ.

— А много ли, братецъ, осталось въ твоей ротѣ?

Смѣловъ оглянулся. У него осталось только десять человекъ.

— Сто человекъ, ваше сіятельство!—отвѣчалъ Смѣловъ.

— Какъ сто? что у тебя за счетъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство. Каждый изъ моихъ солдатъ сражался за десятерыхъ, — такъ этихъ остальныхъ десять человекъ, я и считаю за сто.

— Умень! помилуй Богъ, умень. Ну, а сколько противъ тебя было непріателей?

— Русской считаетъ ихъ только послѣ побѣды.

— Спасибо, спасибо. Побереги же однако своихъ де-

сидя молодцовъ, — да подбери ранниѣхъ. За каждаго изъ нихъ тебѣ особое спасибо. А теперь поздравляю майоромъ.

— Радъ стараться — и умереть...

Но уже Суворовъ не слышалъ его: отрята, и поспекала на возвышеніе, чтобъ видѣть дальнѣйшій ходъ дѣла.

Побѣда была одержана — и ввечеру Смѣловъ явился къ Суворову. Тотъ его обнялъ и сказалъ:

— А я ужъ читалъ письмо отца твоего... Знаешь ли ты, что онъ былъ моимъ начальникомъ?... Добрый былъ человекъ, очень добрый, нынче мало такихъ. Очень радъ, что познакомился съ тобою. Яблоко падаетъ не далеко отъ дерева. Ты пойдешь весь по оцѣ. Очень радъ, очень радъ... А все таки странно, что ты не хотѣлъ прежде доставить мнѣ этого письма.

— Можетъ быть вашему сіятельству показалось бы, что я ищу протекцію и награду безъ заслугъ. А я хочу прудью помучать те, что украшаетъ нашу грудь.

— Унеси, помилуй Богъ, уменъ! — Служи и вражайся какъ сегодня, — и грудь твоя будетъ изукрашена всѣмъ, что намъ дорого и свято. Только, пожалуйста, дружокъ, поберегай солдатиковъ. Тебѣ дадутъ баталіонъ, тамъ послѣ волкъ, а тамъ пожалуй и цѣлый корпусъ; худо, малый, какъ будетъ оставаться у тебя всякой разъ, какъ сегодня, по десять человекъ.

— Вы приказали защищать позицію до изнеможенья, — и исполнилъ свой долгъ. Не осталось бы и тѣхъ, если бы вы сами не вѣсѣли на выручку.

Обласканный Суворовымъ, Смѣловъ возвратился отъ него въ полкъ, — и явился къ своему полковнику, для донесенія ему объ этомъ свиданіи.

Полковникъ этотъ, Семенъ Михайловичъ Лебедевъ, былъ стариннъ лѣтъ, пятидесяти пяти. Необыкновенный и суровый, онъ вообще не любимъ былъ окружающими его, потому что кромѣ службы ничего знать не хотѣлъ. Въ лагерь ли, на бивакахъ ли, на кантонирквартирахъ, или въ завоеванномъ городѣ, онъ всегда стоялъ одинъ, — и иначе какъ съ рапортами по службѣ, никого къ себѣ не принималъ. Ни обѣдать, ни чай пить никого изъ офицеровъ не приглашалъ; самъ ни къ кому не ходилъ — и только во фронтѣ ви-

дѣтъ своихъ подчиненныхъ. Иному, впрочемъ, чѣмъ не зналъ звать снисхожденія, или протекціи, и не любилъ, чтобы ему ктонибудь рекомендовалъ какого-нибудь офицера. Однимъ словомъ это бѣдѣ челоуѣкъ который скиталъ для одной службы, а не для общества. Впрочемъ, денщикамъ и прислугѣ отзывался о немъ хорошо. Когда онъ былъ одинъ, то никогда не сердился, не кричалъ, даже бывалъ веселъ и доволенъ самъ собою. Но за то при посѣщеніяхъ всегда почти бывалъ суровъ—приговаривая ко всему: *удивительно-сы!*

Смѣлова не полюбилъ онъ съ перваго взгляда. Гвардіи поручикъ, переименованный въ капитанъ, казался ему—блѣднымъ маворышиа. Онъ его принялъ очень оухъ и холодно, ожидая что у него множество рекомендательныхъ писемъ, и что Смѣловъ, какъ столичный житель, будетъ околдованъ увиваньемъ и ласкаться, звать на обѣды, на вечеринки, давать балы. Какъ же удивился онъ, когда увидѣлъ, что капитанъ былъ повзятеленъ и холоденъ, также одинокъ: всегда, какъ былъ самъ, не искателенъ, не любезенъ, и не притворъ никакой протекціи! Онъ началъ облюбливать съ дикъ строже и суровѣ прочихъ; былъ въюна-тальнѣ къ нему,—но тотъ все терпѣливо переносилъ, съ точностію исполнялъ свой долгъ,—и былъ по прежнему мраченъ, молчаливъ и одинокъ. Это поразило его,—и когда началась насвоящая кампанія, — онъ уже сталъ къ нему гораздо снисходительнѣе.

Когда послѣ сраженія онъ явился къ нему и привелъ съ собою десять челоуѣкъ, доносъ ему обо всемъ случившемся. Сенявъ Михайловичъ дошелъ до того, что сказать ему:

— Благодарю васъ, капитанъ. — Каждый Русскій долженъ такимъ образомъ исполнить свой долгъ. Еще разъ благодарю васъ, какъ начальникъ и какъ соотечественникъ. Вы приносите честь моему полку.

Сказавъ это, онъ повернулся и пошелъ. Такъ много и такъ ласково онъ никогда не говаривалъ. Когда же Смѣловъ остановилъ его, и сказалъ, что долженъ явиться въ главную квартиру, полковникъ кивнулъ ему головою въ

знакъ согласія, прибавя, чтобъ онъ оттуда явился къ нему въ какомъ бы то ни было часу, и донесъ объ этомъ слѣдѣнн.

Онъ въ точности исполнилъ это приказаніе, — и Семенъ Михайловичъ, по окончаніи разсказа, спросилъ его:

— Почему же вы, капитанъ, не воспользовались милости-вымъ къ вамъ расположеніемъ Фельдмаршала и не попроси-лись остаться при главной квартирѣ? Это бы вамъ было выгодно, чѣмъ служить въ моеи полку.

— Служба вездѣ одинакова, г. полковникъ, — отвѣчалъ Смѣловъ: лишь бы ее исполнять съ честію. Выгодъ по службѣ я другихъ не ищу, какъ съ пользою пожерт-вовать Царю и отечеству моею жизнью. — Спокойная ночь, г. полковникъ. Больше никакихъ приказаній не бу-дутъ?

Вмѣсто отвѣта, Семенъ Михайловичъ кивнулъ головою, чѣмъ означало, что Смѣловъ можетъ идти... Вдругъ у самыхъ дверей онъ его воротилъ и сказалъ:

— Зайдите г. капитанъ, къ полковому адъютанту, и скажите ему отъ меня, чтобъ онъ въ завтрашнемъ приказѣ полку отдастъ, что вы назначаетесь впредь до распорядо-нія начальства отправлять должность младшаго штаб-офи-цера.

Съ этого дня Семенъ Михайловичъ сталъ гораздо ласковѣе къ Смѣлову, который однако же отъ этого ни мало не пере-мѣнился. Да и что ему было за дѣло до чьей либо дружбы, до чьего либо расположенія? Онъ прѣехалъ въ армию для то-го, чтобъ умереть. Какъ хорошій христіанинъ, онъ не хотѣлъ ничѣмъ укорить своей смерти, — но все же надѣялся, что какая-нибудь услужливая пуля прекратитъ его страданія. Онъ только переписывался съ отцемъ, — а о Григорѣ и моло-дой женѣ его и знать ничего не хотѣлъ. Онъ не питалъ къ нимъ ни малѣйшей неависти, — но и рана сердца его была еще слишкомъ свѣжа, чтобъ касаться до нея. Онъ лю-билъ сильно, глубоко, — и думалъ быть любимымъ. Только наканунѣ почти напечатлѣлъ онъ на пылающей щекѣ На-диньки поцалудъ жениха, — и та дряхла его, какъ равно благословеніе отца своего, — а въ это самое время обмань-вада ея: — любила другаго.

Черезъ нѣсколько времени произошло знаменитое трехдневное сраженіе при Требии, — и современный военный писатель Жюмнинъ сказалъ о ней, что съ обѣихъ сторонъ числительная сила войскъ была равна, одушевленіе — равное, потребность побѣдить — одинаковая, взаимное ожесточеніе — въ совершенно-равной степени, однимъ словомъ, все было равно, кромя полководцевъ: Суворова и Макиональда. Борьба была ужасная, жестокая, упорная. Три дни продолжалась она. Рѣка Требиа раздѣляла сражавшихся, — но по мелководію ея въ лѣтніе жары война безпрестанно черезъ нее переходила. Наконецъ Русскіе побѣдили — и съ этой минуты моральный духъ республиканскихъ войскъ упалъ. До-тѣхъ-поръ Европа трепетала новой ихъ тактики, и почитала ихъ непобѣдимыми. Теперь нашли ихъ достойные соперники, которые могучею своею грудью не только отразили бѣшенныя порывы демагоговъ, но поразили ихъ, лишили даже нравственной самоудѣльности, руководившей ими на поляхъ битвъ.

Въ эти кровавые три дни Сидловъ съ полкомъ своимъ выдерживалъ самыя жестокия напоры непріятелей, Суворовъ, объѣзжавшій безпрестанно поле сраженія, вездѣ лично одушевлялъ войско — и нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ полку Лебедева, разговаривалъ съ Сидловымъ и хвалилъ за новые опыты мужества, оказанные въ эти дни. Наконецъ въ третій и рѣшительный день прибыла небольшая помощь къ Французамъ, и эта горсть свѣжаго войска начинала давать въ одномъ мѣстѣ нѣкоторый перевѣсъ непріятелю. На подкрѣпленіе этого пункта былъ посланъ ближайшій къ нему полкъ Семена Михайловича. Эта помощь только на самое короткое время возстановила равновѣсіе — и всѣ чудеса храбрости, оказанные этимъ полкомъ, послужили только ко взаимному истребленію людей. Полкъ совершенно перекрѣпился съ непріятелемъ. Это была гомеровская единоборственная битва. Наконецъ прибытіе еще одной свѣжей резервной роты къ непріятелю, дало ему перевѣсъ. Полкъ Лебедева былъ отдѣленъ. Самъ Семенъ Михайловичъ былъ раненъ пулею въ плечо и двумя штыками въ грудь. Онъ упалъ — и закричалъ Сидлову: Г. майору (онъ действитель-

— «произведенъ» бывъ въ это время, «воглаголю» обидиши
 «Суворова») — «схватите» остальную часть; «можете ли» «нести» этого
 — о! — «Ребята!» «вскричалъ» «Смѣловъ» «содатцами»: «Что» «можете»
 «Русской» «и» «христианской»; — «спасай» «поживемъ!» «!»: «Но» «ужель» «мы»
 «не» «останемъ» «въ» «рукахъ» «ту» «пустоту?»

— «Твердое» «волею» «сталъ» «онъ» «передъ» «раненныхъ» «Лебедевымъ»,
 «во» «всмерть» «около» «него» «составивъ» «штыкъ» «стѣна» «остальныхъ»
 «ванновъ». «Напрасно» «нападши» «на» «нихъ» «орестные» «Французы»,
 «накрасно» «предлагали» «Смѣлову!» «пощадитъ» «отвѣчалъ» «онъ». «Были»
 «удары» «штыкомъ» «и» «прикладами». «Вынести» «полковника» «лебяно»
 «на» «какой» «возможности» «изъ» «этого» «побѣда», «по» «тому» «что» «горь»
 «Русскихъ» «была» «со» «всѣхъ» «сторонъ» «окружена» «и» «обрела» «себя» «на»
 «смерть». «Французы», «видя» «съ» «какимъ» «отчаяннымъ» «жесточе-
 «лиемъ» «защищать» «какого-то» «раненнаго» «и» «лежащаго» «началь-
 «ника», «вообразивъ» «себѣ», «что» «это» «кто-либо» «изъ» «главнѣйшихъ» «ге-
 «нераловъ» «основной» «арміи», «а» «можетъ-быть» «и» «самъ» «Суворовъ». «Они»
 «увидѣли» «успѣли», «чтобъ» «отбить» «его», «но» «Смѣловъ» «стоялъ»
 «передъ» «нимъ» «какъ» «стѣна»; «кровь» «струилась» «у» «него» «изъ» «не-
 «сколькихъ» «ранъ», — «но» «онъ» «продолжалъ» «одушевлять» «своихъ»
 «солдатъ» «и» «защищать» «полковника».

— «Наконецъ» «въ» «ту» «самую» «минуту», «какъ» «Смѣловъ», «ослабѣ-
 «вшій» «отъ» «потери» «крови», «опустилъ» «шпагу», «и» «хотѣлъ» «упасть»
 «челомъ» «своего» «полковника», «чтобъ» «выбить» «ужереть». «Явился»
 «свѣжій», «резервный» «русскій» «батальонъ», — «и» «въ» «одно» «минове-
 «ніе» «неприятель» «былъ» «снятъ», «опрокинутъ», «разбитъ», «истреб-
 «ленъ».

— «Побѣда» «была» «окончательно» «одержана». «Суворовъ» «вездѣ»
 «объявлялъ», «всѣхъ» «благодарилъ». «Онъ» «подъѣхалъ» «и» «къ» «пол-
 «ку» «Семена» «Михайловича», «но» «тутъ» «некого» «было» «и» «благо-
 «дарить». «Увидя» «Фельдмаршала», «Смѣловъ» «приподнялся» «и» «за-
 «кричалъ»:

— «Ше» «Ура», «ваше» «сиятельство!» «Побѣда!» «Мы!» «исполнимъ»
 «свой» «долгъ!»

— «Оказавъ» «это», «онъ» «упалъ». «Суворовъ» «велѣлъ» «толкать» «въ»
 «веревности» «Лебедева» «и» «Смѣлова» «въ» «ближайшую» «хижину», «и»
 «созвалъ» «къ» «своему» «доктору». «Раны» «полковника» «оказались»
 «опасными» «и» «требующими» «долговременнаго» «леченія»; «Смѣловъ»
 «же», «хотя» «весь» «покрытъ» «былъ» «ранами», «но» «всѣ» «онъ» «былъ» «на»
 «спасеніи». «Только» «потеря» «крови» «всегда» «произвѣсти» «благую» «об-

дѣла, и потому состояніе его требовало еще бдительнѣйшаго присмотра. Когда Суворову доносили объ этомъ, онъ далъ имъ отпускъ до излеченія, и оставилъ при нихъ безсмысленно врача.

Черезъ недѣлю можно было уже перенести ихъ на носилкахъ въ ближайшій гѣрбодокъ. Тамъ они пролежали мѣсяць — и здоровье ихъ до того укрѣпилось; что докторъ велѣлъ ихъ перевезти въ Инспрукъ, гдѣ они и пробыли всю зиму 1799 года.

Кампанія была уже кончена — и безъ нихъ. Русскія войска возвратились въ Россію.

Полковникъ Лебедевъ былъ произведенъ въ генерал-майоры, а Смѣловъ въ подполковники.

Настала весна, — и докторъ окончательно совѣтовалъ имъ провести хорошее время года гдѣ-нибудь на водахъ Германіи, а къ осени уже ѣхать обратно въ Россію. Оставалось рѣшить, куда именно отправиться.

Съ кроваваго дня сраженія при Требюхѣ два недовѣка докружились самымъ необыкновеннымъ образомъ. Черта великодушія, съ какою Смѣловъ защитилъ тогда Лебедева отъ злобы послѣдствіе глубокаго думи. Ледяная кора, прикрывавшая его сердце, растаяла, и онъ такъ полюбилъ Смѣлова, что старался по взраму его угадывать малѣйшія его желанія; ходилъ за нимъ какъ за ребенкомъ, оправдывался во всемъ свое мнѣніи. И теперь, когда надобно было, по совѣту врача, ѣхать на терменскія воды, онъ обратился къ Смѣлову и спросилъ его:

— Куда же вы поѣдете, любезный Иванъ Ивановичъ?

— Куда хотите, — мнѣ все равно, — отвѣчалъ Смѣловъ безразличнымъ самымъ печальнымъ тономъ.

— Хорошо, если бы вамъ въ самомъ дѣлѣ все равно было, — сказалъ Семенъ Михайловичъ. Тогда бы я могъ вести васъ туда, гдѣ бы мнѣ хотѣлось быть.

— Что жъ мѣшаетъ? Мнѣ дѣлать совершенно все равно.

— Дайте же руку, любезный Иванъ Ивановичъ. Вы меня такъ любите самымъ приятнымъ образомъ. Это былъ хотѣнно дружескій поступокъ...

— Да не плачьте! тутъ съ моей стороны нѣтъ ни малѣйшей жертвы. Я готовъ ѣхать хоть на полюсъ, если это вамъ угодно. Моя забота вся въ томъ, чтобъ какъ можно долѣе не возвращаться на родину.

— Что это значить? Вы ли это говорите?

— Не удивляйтесь, Семень Михайловичъ. Тѣлесныя мои раны зажили, но душевныя вылечить развѣ одна могила, — или время....

— Понимаю. Вы имѣли какія-нибудь несчастія.... Да! Вы всегда были такъ угрюмы, печальны, уединенны....

— Да! Мы съ вами представляли въ полку довольно странное зрѣлище, — сказалъ Смѣловъ съ легкою улыбкою.—Вѣдь и вы были такого же права.

— О! у меня совсѣмъ другое дѣло! У меня привычка! — Я нарочно не хотѣлъ никогда дружить съ подчиненными, чтобъ имѣть право всегда требовать по службѣ, — и знаю, что меня за это всѣ не любили. Только вы одни могли поступить такъ великодушно, защищая меня при Требѣ, съ такимъ удивительнымъ мужествомъ....

— Всякій офицеръ на моемъ мѣстѣ тоже бы сдѣлалъ.... Послѣ знамени, начальникъ всего дороже и священнѣе для подчиненнаго.... При томъ же я долженъ вамъ сознаться, что въ моей скромности и великодушїи не было ни малѣйшаго достоинства. Я просто искалъ смерти....

— Боже мой! — вскричалъ Леведовъ. — Неужели вы, Иванъ Ивановичъ, потерпѣли такія ужасныя несчастія?... Послушайте! Ужъ вѣрно не пустое любопытство говорить во мнѣ, — нѣтъ, а самое искреннее и живое участіе. Какъ бы вы ни были расположены ко мнѣ, я во всю жизнь не буду имѣть никого, къ кому бы былъ такъ привязанъ, какъ къ вамъ. Расскажите же мнѣ свои несчастія. Говорятъ, что чувство это облегчается, какъ скоро оно передано другому.

— Не думаю, — а рассказать готовъ. Вы оказали мнѣ столько знаковъ дружбы и участія, что я не могъ бы противиться и простому любопытству.

Тутъ онъ рассказалъ ему все свое прошедшее.

— Да! — сказалъ Семень Михайловичъ, по окончанїи разсказа.—Вы испытали очень неприятныя минуты въ жизни. Но искренно скажу, что не вижу еще причины вознена-

видеть за это жизнь и все человечество. Ошиблись въ одномъ существѣ, — и значить всё остальные на свѣтѣ не годятся. Это несправедливо. И я увѣренъ даже, что теперь, по прошествіи года, это чувство ослабѣло въ васъ....

— Да! сознаюсь и въ этомъ. Я воображалъ, что мнѣ надобно непременно умереть послѣ этого, — а теперь чувствую даже удовольствіе, вылечась отъ ранъ. Тоска такъ же тѣснитъ сердце, когда вспоминаю обо всемъ случившемся; но я уже начинаю думать, что эти люди больше слабы, нежели виновны. Мнѣ даже кажется, что я въ состояніи простить имъ....

— Видите ли, что я правъ, любезный Иванъ Ивановичъ. — О! время поправляетъ многое, — и всё наши земныя несчастія проходятъ съ нимъ.... Теперь надобно же и мнѣ рассказывать вамъ, отчего я такъ радъ, что вамъ все-равно куда бы ни ѣхать на-воды. Я недавно получилъ письмо отъ своихъ.... Да! вѣдь вы не знаете и этого: у меня есть ~~сынъ!~~ У меня есть добрая сестра Ольга Михайловна, у меня есть прекрасная дочь Лиза, у меня была жена, лучшее и добрѣйшее созданіе, — но Богъ ее взялъ, — и я перенесъ это несчастіе какъ христіанинъ. Вотъ всё мое! Сестра у меня теперь вмѣсто матери для моей Лизы, — и дай Богъ, чтобъ она долго могла быть при ней. Но съ нѣкотораго времени бѣдная моя Ольга все хвораетъ, слабѣетъ и вотъ наконецъ, по совѣту врачей, поѣхала она на воды въ Германию. Съ нею вмѣстѣ и дочь моя. Мнѣ даже прислали портретъ Лизы.... хотите взглянуть?

Семенъ Михайловичъ вынулъ изъ бумажника миниатюрный портретъ и подалъ его Смѣлову. Вѣроятно живописецъ украсилъ его противъ оригинала, потому-что на портретѣ была дѣвушка чудной красоты, съ голубыми, томными глазами, свѣтло-каштановыми волосами, роскошною шею и удивительно стройнымъ станомъ. Смѣловъ грустно вздохнулъ, вспомнилъ о своей Надинкѣ, — и однако же долженъ былъ сознаться, что если Лиза Лебедева дѣйствительно похожа на свой портретъ, то красота ея превосходитъ даже и красоту Надинки.

— Вы, вѣрно, думаете, Иванъ Ивановичъ, — сказалъ генералъ, — что живописецъ польстилъ моей Лизѣ? Нѣтъ! увѣ-

риво васъ, что она гораздо лучше. На портретѣ нѣтъ того выраженія доброты, которая составляетъ главную черту ея характера.... Впроемъ, — вѣдь это говоритъ отецъ... Нельзя ему вѣрить.... Вотъ придемъ въ Теплицъ, такъ сами увидите....

— Въ Теплицъ! — со страхомъ вскричалъ Смѣловъ.

— Да! что жъ васъ такъ пугаетъ?...

— О! вы не знаете.... Да! я вѣдь я вамъ рассказывалъ... Братъ Григорій — и Наденька послѣ свадьбы своей поѣхали въ Теплицъ....

— Ну такъ что еще? — Они не будутъ вѣдь тамъ жить всю свою жизнь. Они жуть, вѣрно, давно опять къ Петербургу. Подобнымъ людямъ нужна столица и развлеченія... Повѣрьте мнѣ, что съ романтической нѣтъ страха из-за насъ теперь ничего, кроме дурнаго совѣсти, — да и въ этомъ я сомнѣваюсь. Повѣрьте, что они не будутъ долго жить своимъ мѣстомъ... А впроемъ, любя васъ еще всей душой, я бы даже желалъ, чтобы вы сошлись съ ними (въ Теплицѣ) Германнъ, а не въ кругу нашего столичнаго общества. Здѣсь бы вы увидѣли ихъ въ настоящемъ ихъ быту, а тамъ все и кажется условно. Еще разъ утѣряю васъ; но смолкнула она нѣтъ, — и вы перестанете грустить.

— Я уже сказалъ вамъ, что пойду куда вамъ угодно, — отвѣчалъ Смѣловъ. — Извините, что первая минута застала меня вскрикнуть. Когда до незажившей раны дотронуешься чѣмъ-нибудь, то всегда больно. Но вы правы. Гораздо лучше, если и даже и сойдусь съ ними. Поѣдемте.

Лебедевъ обнялъ его, — и черезъ нѣсколько дней они отправились въ Теплицъ.

ГЛАВА V.

Т Е П Л И Ц ь .

Кто не знает прелестнаго местоположенія Теплицы? Сочли путешественниковъ уже описали ея, тысячи посетители рассказали о немъ. Въ то время, какъ проеходитъ дѣйствіе нашего разсказа, Теплицы не имѣлъ еще нивѣдливо комфортабельнаго состоянія, но за-то дикія, первобытныя красоты ея были еще привлекательнѣе въсѣхъ теоретическихъ улобствъ, порожденныхъ спекуляціею. Любители лянцнаго говорятъ, что природу надобно всегда украшать искусствомъ. Можетъ-быть! Но, право, — тогда уже это не будетъ природа.

На восточной сторонѣ Теплица, почти уединенно отъ деревни, стоялъ домикъ самой красивой маружности. Въ немъ жилила въ русская путешественница Ольга Михайловна Семановская съ молодою своею племянницею Елизаветою Семановною Лебедевою. Бѣдная женщина страдала грудною болѣзнію, — и ее отправили на теплыя воды, надѣясь болѣе на климатъ и природу, нежели на врачевныя ошиса воды.

На водахъ очень скоро знакомятся. Всѣ полюбили эту дѣлху путешественницъ, и не составлялось ни одной общедереудки, въ которую бы ихъ не приглашали. Разумѣется болѣею частію одна племянница участвовала въ нихъ, потому что болѣзнь теткн не позволяла ей лазить по горамъ. И не смотря на всю свою материнскую копенительность, она бѣзъ опасенія отпустила свою Дяну повсюду, потому что во всемъ обществѣ съѣхавшихся на воды не видѣла ни одного лица, въ одномъ взглядѣ, которое бы навело на нее какое-нибудь безпокойство. Дѣйствительно, какъ ни прелестна была Дяна, какъ ни осыдали ее комплиментами, но не было ни одного мужчины, который бы простираалъ на

ды на пустое волокитство, оскорбляющее невинность и унижающее самого мужчину.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, — и Ольга Михайловна съ Лизою сдѣлались душою и украшеніемъ теплицкаго общества. Она часто писала къ брату своему, генералу Лебедеву, — и тотъ наконецъ увѣдомилъ ее, что скоро къ нимъ будетъ вмѣстѣ съ лучшимъ своимъ другомъ и избавителемъ, подполковникомъ Иваномъ Ивановичемъ Смѣловымъ. Разумѣется еще въ прежнихъ письмахъ описывалъ онъ имъ этого добраго и великодушнаго человѣка. Обѣ женщины, не видѣвъ еще Смѣлова, безъ памяти его любили, тронутыя высокими его подвигомъ при Требин, спасшимъ жизнь ихъ брата и отца. Можно вообразить себѣ, съ какою радостію они получили извѣстіе о скоромъ ихъ прибытіи, — и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали ихъ! Но какъ они тихо ѣхали, то надобно было еще ждать недѣли двѣ.

Въ это время общество водъ вздумало однажды предпринять большую прогулку по горамъ, — и Лиза отправилась со всѣми. Мужчины были верхами, а дамы, въ коляскахъ и телѣжкахъ. Приѣхавъ въ горы, оставили экипажи у подошвы, и все общество пѣшкомъ пошло по этнигъ цвѣтущимъ и живописнымъ крутизнамъ. У всякаго были въ узелкѣ какіе нибудь припасы, — и когда остановились на одной изъ вершинъ, то составилъ самый веселый и обильный обѣдъ.

Окончивъ его, всякому было уже легче идти безъ узелка, — и всѣ рѣшили, что поднявшись еще горы на двѣ, они спустятся оттуда по направленію къ той долинѣ, гдѣ стоятъ экипажи, и усѣвшись воротятся опять въ Теплицъ. При отправленіи этомъ, никто и не замѣтилъ, что на юго-западномъ горизонтѣ накаплиются тучи, медленно подвигающіяся къ горамъ.

Всѣ разбрелись. Лиза была въ сотовариществѣ двухъ почетныхъ дамъ, сопровождаемыхъ однимъ кавалеромъ. Занятые всѣ самую веселую бесѣдою, они нечувствительно поднялись на вершину высокой горы, изрытой по склонамъ своимъ разными расщелинами и пропастями. Тутъ отдохнувши они немного подъ тѣнью нѣсколькихъ деревъ, и встрѣтившись съ другими товарищами отправились изглануть на весь окре-

ственный ландшафтъ съ безлѣсной оконечности горы. Всѣ собрались туда, — и дѣйствительно, видъ былъ великолѣпный.... Но въ тоже время другой видъ очень обезпокоилъ ихъ. Уже третья часть горизонта обхвачена была чернопенельною тучею, надвигающеюся на вершины горъ. Тамъ, гдѣ путники стояли, было тихо, и свѣтло еще солнце, но вдали видно было, что сильный вихрь крутитъ уже пыль и ломаетъ деревья. Раздался отдаленный раскатъ грома, — и всѣ со страхомъ взглянули между-собою. Мужчины стали успокаивать дамъ, хотя и сами не очень были спокойны. Рѣшились ускорить обратное шествіе съ горы, — но, какъ водится, всякой выхвалялъ свою дорогу и не хотѣлъ идти по другой, кромѣ той, по которой поднимался, потому-что она казалась ему знакомѣе. Медлить было опасно, — и всѣ разошлись въ разныя стороны, условясь только, чтобъ какая бы ни была погода, подождать другъ друга въ экипажахъ, для удостовѣренія, что всѣ безопасно сошли.

Лиза отправилась опять съ прежними своими двумя спутниками и однимъ кавалеромъ, — но едва успѣли они сойти около третьей части горы, какъ вдругъ разыался надъ ними ужаснѣйшій дождь и буря. На минуту остановились они подъ купою деревъ, въ надеждѣ, что эта мимолетная туча скоро пройдетъ, — но простоявъ съ часъ, они увидѣли что надежды ихъ напрасны. Оставаться подъ деревьями нельзя было долѣе. Дождь, пробившись сквозь листья, еще обильнѣе орошалъ спрятавшихся подъ деревьями. Темнота увеличивалась, громъ усиливался, молніи раздробляли въ щелы столѣтніе дубы. Пустились внизъ на авось. Тропинки исчезли. Поминутно надобно было останавливаться, потому-что расклинаны и бездны встрѣчались на каждомъ шагу, — и каждый разъ мужчина долженъ былъ отправляться сперва одинъ для отысканія дороги, а потомъ уже возвратиться и вести дамъ.

Такъ достигли они до половины. Вечеръ уже стемнѣлъ, и только блескъ молній освѣщаль окружающіе предметы. Вдругъ она молнія освѣтила передъ ними обвалъ горы, на краю котораго они стояли. Всѣ вскрикнули. Мужчина опять отправился на обходъ. Обвалъ видимо долженъ былъ быть

большой. Услышались подавать другъ другу голоса, но объе-
завлудиться. Но черезъ пять минутъ голоса ушедшаго мужчи-
чины не было, уже слышно. Оставшіеся женщинами рѣши-
лись, когда сами подвигаться вдалѣ, окраины обвала, чтобы
не терять голоса мужчины, — но вскорѣ голоса этого, восты-
таки замолкъ. Обѣ женщины растерялись и приняи въ-
отчаяніе. Лиза была бодрѣе, ихъ встѣхъ и предложила идти
впередъ одна, по направленію обвала, съ тѣмъ, чтобы и по-
други ея подвигались по этому же пути.

Бодрѣе и спокойнѣе пошла она, всматриваясь въ тропинки
и направленіе обвала; часто подавала голосъ и долге
слышала отклики подругъ своихъ. Но, наконецъ все за-
молкло, потому что вой бури и трескъ грома заглушалъ
все. Нѣсколько времени шла она еще впередъ, но или от-
того, что она непримѣтно подалась къ сторонѣ, или, оправдан-
бразны слышала вдругъ крутой поворотъ, — вдругъ, при-
блескъ молніи она очутилась на самомъ краю обвала. Съ
ужасомъ вскричала она и отступила. Въ это самое мгнове-
ніе, продолжалъ нелый, ужасный ударъ грома, — и молнія,
клубясь спустилась на вершину того самаго дерева, подъ ко-
торымъ Лиза стояла. Она испустила новый, ужасный крикъ,
голова ея закружилась; ей показалося, что молнія поразила
ея; машинально сдѣлала она еще шагъ впередъ, тогда ея ос-
мельзнула на краю пропасти, раздался еще раздирающій
крикъ, и она упала....

Гибель ея была немѣлжна.... Но на самой окраинѣ об-
вала росли густые кустарники; она спазидась на нихъ, по-
пала ногами въ крѣпкія вѣтви, которыя и остановили ея
паденіе. Еще на мгновение она одумилась, увидѣла ужас-
ное свое положеніе, молнія освѣтила белзду, надъ которой
она висѣла.... Надъ головою показалося въ эту минуту, ка-
кое-то существо съ ружьемъ, простиравшиа къ ней руку
свою, — и она лишилась чувствъ.

Дѣйствительно, какой-то охотникъ, тоже достигнутый
грозою въ лѣсу, но вовсе не безпечливый объ этомъ, по-
тому что хорошо зналъ всѣ дорожки по горамъ, слышалъ
съ разныхъ сторонъ раздававшіеся оклики. Онъ наудачу
пошелъ по направленію одного голоса, и очутился у Лизы.
въ то самое мгновение, какъ она падала. Конечно, еслибѣ

кустарникъ окранный, не остановилъ ее, то помощь его ни къ чему не послужила бы, — но теперь ему, легко было, вытаснуть ее оттуда.

Тяжесть была не велика. Онъ легко приподнялъ ее, на минуту положилъ на траву, чтобъ привести въ чувство и при блескѣ молніи, всматривался въ прелестное ея лицо.

— Боже мой! какъ она хороша! — сказалъ онъ. Что же мнѣ теперь съ нею дѣлать? Тамъ у подошвы горы я видѣлъ экипажи. Вѣрно она принадлежитъ къ этой компаніи... Но во первыхъ, я не въ силахъ буду донести ее туда, — а во-вторыхъ мнѣ бы и не хотѣлось такъ скоро разстаться съ такимъ чудомъ красоты. Постой! здѣсь близко хижина дѣсовщика Готлиба, я у него и безъ того часто бываю... Туда я могу отвести эту прелесть...

Тутъ онъ подхватилъ Лизу, къ себѣ на-руки, какъ ребенка, и понесъ ее по знакомой ему дорожкѣ, испытывая иногда пощадываясь своимъ: не пришла ли она въ чувство.

Скоро она опомнилась, открыла глаза и нѣсколько секундъ не могла понять, что съ нею дѣлается.

— Гдѣ я? — спросила дѣвушка.

Охотникъ при этомъ воскросъ испустилъ радостный крикъ. Вопросъ былъ сдѣланъ по-русски, — и охотникъ отвѣчалъ ей съ вѣжливостію на томъ же языкѣ:

— Въ рукахъ друга и соотечественника, который сейчасъ принесетъ васъ въ теплое и безопасное убѣжище....

— Позвольте, позвольте.... Благодарю васъ; только опустите меня.... я пойду....

И она сдѣлала быстрое усиліе, чтобъ освободиться изъ рукъ его. Поневолѣ выпустилъ онъ ее, но схватилъ за руку и поводъ.

— Напрасно вы не позволили мнѣ донести васъ, — сказалъ онъ. — Вы гораздо легче моего ружья. Мнѣ было все не тяжело; напротивъ, я былъ счастливъ съ такою прелестною ношею....

Лиза ни слова не отвѣчала. Она еще впервые слышала подобный языкъ. Она вдрогнула, вспомнивъ, что этотъ человѣкъ несъ ее на рукахъ.

— Куда же мы идемъ? — спросила она его черезъ нѣсколько минутъ.

— Здѣсь есть по близости домикъ фюрстлейстера, — отвѣчалъ охотникъ. Вы отдохнете тамъ и осушитесь, — а потомъ я провожу васъ до Теплица, — потому-что вы, вѣрно, оттуда.

— Точно такъ. Насъ поѣхало большое общество на прогулку, — но буря застала насъ, и разлучила. Я вдругъ очутилась на краю бездны.... Ударилъ громъ, — и мнѣ показалось, что я полетѣла въ нее.... Но вѣрно это былъ обморокъ....

— Нѣтъ! я дѣйствительно нашелъ васъ въ самой безднѣ.... Но только какимъ-то чудомъ ваши ноги уперлись въ кустарникъ во-время паденія, и вы остановились. Я видѣлъ ваше паденіе, бросился туда, — и вытащилъ изъ пропасти. Только вы были все безъ чувствъ.... И не мудро! Это должно быть очень непріятная минута, когда летишь въ черную пропасть. Я взялъ васъ на руки и понесъ, какъ ребенка.... Вы такъ легки, что я бы съ радостію снесъ васъ на край свѣта, и такъ прелестны, что обошелъ бы съ вами весь шаръ земной....

Тихо освободила Лиза руку свою изъ руки охотника. Какъ ни благодарна она ему была, за свое спасеніе, — но языкъ его оскорблялъ ея слухъ и вѣжность чувствъ. Охотникъ понялъ это и сдѣлался осторожнѣе. Онъ началъ съ нею самый обыкновенный разговоръ, — и они скоро пришли въ домикъ лѣсничаго.

Тотъ принялъ ихъ съ германскимъ своимъ простодушіемъ — и объявилъ, что тоже слышалъ много окликовъ по горамъ и уже отправилъ всѣхъ своихъ служителей съ фонарями, чтобъ отыскивать заблудшихся.

— Но ни одного сюда не привели еще, — сказалъ онъ. — Вѣрно всѣ просили проводить ихъ до экипажей, которые я видѣлъ у восточной полошвы.

— Да! если бъ я смѣла просить и меня туда же проводить, — сказала Лиза.

— Зачѣмъ же? отдохните, согрѣйтесь, обсушитесь, — отвѣчалъ охотникъ, — и завтра поутру я васъ отвезу въ Теплицъ.

— Очень благодарна вамъ, — только повторяю свою убѣдительнѣйшую просьбу отвести меня къ экипажамъ. Ме-

ня будутъ ждать, безноконтясь обо мнѣ.... Васъ я не смѣю безноконтъ,—прибавила она, обращаясь къ охотнику. Вамъ ли такъ уже много благодарна, — и если вы сдѣлаете милость пожаловать къ намъ въ Теплицъ, — то тетинька моя будетъ рада познакомиться съ моимъ избавителемъ. Теперь же, г. форстмейстеръ, вѣрно, не откажетъ мнѣ въ этой услугѣ, чтобъ приказать проводить меня до экипажей.

— Съ величайшею охотою, — отвѣчалъ лѣсничій, — только предложу вамъ вотъ еще что. Переодѣньтесь въ сухое платье жены моей. Вы всё мокры, — и это можетъ разстроить ваше здоровье. Завтра же я пришлю къ вамъ въ Теплицъ ваше платье, — а вы возвратите мое....

Лиза согласилась, — и уйдя въ другую комнату, тотчасъ же переодѣлась съ поменію доброй жены лѣсничаго. Въ это время охотникъ уговорилъ Нѣмца, чтобъ онъ позволилъ ему проводить дѣвушку до экипажей и завтра отвезти ей платье.

Когда Лиза воротилась, ей объявили объ этомъ новомъ условіи, — и она принуждена была согласиться на него. Правда, ее нѣсколько пугалъ смѣлый языкъ русскаго ея провожатаго, — но успѣвъ уже разглядѣть его, она нашла, что это очень красивый, молодой мужчина, который, разумѣется, принадлежалъ къ образованному классу общества, — тѣмъ болѣе, что въ то время путешествіе за границу могли предпринимать только богатые люди.

Слабженные фонаремъ, отправились они, — и какъ охотникъ видобывался теперь позволенія взять ее подъ руку, чтобъ вести, — но Лиза возразила, что чувствуетъ себя совершенно крѣпкою и здоровою. Дѣлать было нечего! Онъ понималъ, въ чемъ дѣло, — но не показывая вида, что огорчается ея застѣчивостію и недоувѣрчивостію, продолжалъ съ нею по прежнему разговоръ о ея теткѣ, ея болѣзни, способѣ леченія и обо всѣхъ прочихъ домашнихъ подробностяхъ. Однимъ словомъ, онъ все возможное у нея разспросилъ, а о себѣ самомъ ничего не сказалъ.

Черезъ полчаса ходьбы пришли къ экипажамъ. Всѣ уже собрались тамъ, хотя въ самомъ печальномъ видѣ. Люди лѣсничаго дѣйствительно всѣхъ собрали и провели

туда. Всѣ безпокоились объ участи Лизы и опять разослали лѣсовничковъ, — и теперь очень обрадовались, что она шла. Охотникъ посадилъ ее въ экипажъ, — и обѣщала явиться къ тетенькѣ на другой день, откланилася и поцаловала на прощаньи руку.

Пріѣхавъ домой, рассказала она обо всемъ теткѣ, которая начинала уже очень безпокоиться объ этой поѣздкѣ, видя ужающую погоду. Рассказъ Лизы заставилъ ее тоже задуматься. Кто этотъ охотникъ? Хотя Лиза и не спросила его ни о чемъ, но тетка тотчасъ нѣ поняла, что это кто-нибудь изъ русскихъ путешественниковъ, посланныхъ здѣсь давно и живущихъ въ окрестностяхъ Теплица. Но кто? и въ чѣмъ поселился тутъ? Почему не бываетъ въ городѣ и не съ нѣмъ незнакомъ тамъ? Все это казалось ей страшнымъ, непонятнымъ и даже довольно опаснымъ, потому что въ рассказу Лизы, она тоже замѣтила впечатлѣніе, которое этотъ незнакомецъ произвелъ на племянницу. Впрочемъ, какъ онъ долженъ быть пріѣхать по утру; Ольга Михайловна и дала себѣ слово все выспрашивать у него.

Рано встала и тетка и племянница. Лизѣ пріѣзжую ночь снились самые фантастическіе сны. Молодой незнакомецъ опять спасалъ ее, опять несъ на рукахъ. Проснувшись она чувствовала волненіе крови. Она встала, одѣлась, — и тетка тотчасъ замѣтила, что въ нарядѣ ея есть изысканность.

Вскорѣ пріѣхалъ и вчерашній незнакомецъ. Сегодня онъ былъ еще красивѣе. Нарядъ его былъ щегольскою, богатой. Онъ пріѣхалъ въ прекрасной однопалаткѣ, которую самъ привезъ. Сбруя на лошади была серебряная, самая же лошадь — дорогой шны. Онъ былъ высокаго роста, статенъ, съ пламенными глазами, густыми бровями, длинными, вьющимися волосами и веселымъ, окровавленнымъ лицомъ. Свободно явился онъ, — и не только не принявъ благодарности тетки и Лизы, но самъ началъ благодарить за доставленіе ему пріятнаго знакомства.

— Племянница моя не успѣла вчера спросить васъ, — сказала Ольга Михайловна, — кому она обязана своимъ спасеніемъ?

— Извините, — отвѣчалъ охотникъ, — Я еще вчера имѣлъ честь сказать ей, что я ея соотечественникъ и лучший другъ.

Такъ, по-крайней-мѣрѣ, было вчера. Сегодня не знаю: позволите ли вы мнѣ льститься, что расположеніе ея къ вамъ дѣлаетъ мнѣ право такъ называться?

— Спаситель Лизы можетъ во всю жизнь рабагодовать вамъ, — сказала тетка. — Позвольте узнать вашу фамилію.

— Вы окрестностихъ Теплица всѣ меня знаютъ подъ названіемъ русскаго охотника, — прибавляя иногда титулъ добра-го севальчака. Настоящее же мое имя Григорій Сидюковъ.

— Давно вы здѣсь поселились? — спросила опять тетка.

— Уже больше года.

— Конечно не лечитесь.

— Почему знать. Наружный здоровый видъ не доказываетъ еще внутренняго здоровья. И красивое яблоко гнить иногда червь. Я сюда точно пріѣхалъ лечиться; — но черезъ три мѣсяца уже выздоровѣлъ, — и съ тѣмъ-перъ все обратился обратно въ Россію, — но покуда и здѣсь короши. Судьба всегда умнѣ насъ. Вотъ и я, оставшись здѣсь, съ избыткомъ вознагражденъ, успѣвъ спасти прелестнѣйшую въ свѣтѣ дѣвицу и познакомиться съ ея тетюшкою.

— Вы очень любезны, — отвѣчала тетка: — отъ этого знакомства, вѣрно, вы больше выиграемъ, потому что при такомъ началѣ обязаны уже вамъ спасеніемъ жизни. Вы здѣсь одни, или съ семействомъ живете?

— Одинъ одишешенекъ. Куда мнѣ съ семействомъ?...

— Извините! Прошлаго года, я пользовался здѣсь чинами и былъ всѣдневнымъ посѣтителемъ заведенія. Но окончивъ курсъ и вздумавъ провести здѣсь зиму, нашелъ въ окрестностяхъ очень удобную и выгодную квартиру. Всего двѣ мили отъ города. Я тамъ спокоеенъ. Никого не обязанъ принимать, никому дѣлать визиты. Здѣшняя оффиціальная жизнь ужасно какъ мнѣ наскучила. Я ушелъ въ дѣсь. Очень вижу теперь, что дурно сдѣлалъ, потому что, вѣроятно, могъ бы раньше познакомиться съ вами!...

— Очень благодарны вамъ за любезность.... А въ Россіи есть у васъ родственники, родители?

— Есть дядя и двоюродный братъ, — но я съ ними немножко въ разладѣ, и потому могу себя почесть совершенно одинокимъ и независимымъ.

— Я знаю одного Смѣлова, — Ивана Ивановича. Не родня ли вамъ?

— Какъ же, это мой двоюродный братъ. Очень хороший малой, — и говорятъ, отличился въ послѣднюю италійскую компанію.... А какъ вы съ нимъ познакомились? Вѣрно онъ здѣсь не былъ, а вы еще меньше могли быть въ арміи?

— Онъ лучший другъ брата моего, генерала Лебедева. Оба они ранены были при Требин. Братъ мой обязанъ ему жизни. Оба лечились въ Инсбрукъ, — и теперь ѣдутъ сюда...

— Сюда? — вскричалъ Григорій — и вскочилъ со стула, — но вдругъ, опомнясь, прибавилъ: — Какъ я радъ! Какъ я его давно не видалъ.... Да! я и забылъ, что мы въ ссорѣ.

— Что жъ это за ссора? — спросила небрежно тетка. Вѣрно раздѣлъ имѣнія?...

— Да! почти! Мнѣ удалось у него оттягать хорошенькую частицу его имущества.... но, признаюсь, — теперь я готовъ былъ бы возвратить ее — и даже съ процентами.

— Слѣдственно, и ссоры никакой не можетъ быть. Какъ благородный человекъ, вы отдадите — и все будетъ кончено.

— Какъ же? — Знаете вы моего брата? Онъ ни за что не возьметъ назадъ.... О! преупрямая голова.... Я, такъ-вотъ добрый малый — на все сейчасъ согласенъ.

— Онъ у насъ остановится, — и я употреблю всѣ старанія, чтобъ помирить васъ....

— О нѣтъ! ради Бога! не говорите ему обо мнѣ, — а не то онъ и васъ возненавидитъ. Дайте мнѣ сперва съ нимъ встрѣтиться, сойтись, объясниться. Между нами есть секретныя молодости, о которыхъ никто другой знать не долженъ, — иначе ему худо будетъ. Этого-то онъ и боится, — тогда какъ я вовсе неспособенъ на подобную измѣну.... Но что мы заговорили о какихъ-то судебныхъ и полицейскихъ дѣлахъ. Позвольте и мнѣ покороче узнать васъ....

Тутъ онъ началъ съ своей стороны самый веселый распросъ, обращаясь часто къ Лизѣ, которая наконецъ рѣшилась принять участіе въ разговорѣ. Наконецъ онъ всталъ и откланялся. Его разумѣется звали, чтобъ онъ чаще навѣщалъ, — онъ шутливо отвѣчалъ, что никакъ не можетъ чаще, какъ всякой день.

Онъ уѣхалъ, и тетка, нараулившая всѣ движенія племянницы, тотчасъ же замѣтила ея задумчивость по отъѣздѣ Григорья. Она понимала эти признаки рождающейся любви, — и не слишкомъ бы беспокоилась объ нихъ, если бы хорошенько знала того, кто внушилъ ее. Но въ Григорьѣ — все ей казалось сомнительнымъ. Этотъ уединенный родъ жизни, это отсутствіе изъ отечества, этотъ страхъ при имени Ивана, эта ссора съ нимъ и мнимое великодушіе, отдающее назадъ имѣніе, — все было подозрительно. Братъ ея, вѣрно, не ошибся въ своемъ новомъ другѣ, описывая его благороднѣйшимъ человѣкомъ, слѣдственно, Григорій долженъ былъ быть въ чемъ-нибудь виноватъ. Это заставляло и ее задуматься. Впрочемъ, какая тетка, или мать не съ радостію хваталась за слово женихъ для дочери своей, или племянницы!

Съ тѣхъ-поръ Григоріи всякій день сталъ ѣздить къ Сементовской, провожалъ ее въ заведеніе водъ, проводилъ съ ней цѣлый день, — и всякой разъ болѣе и болѣе покорялъ сердце Лизы. Всякой взглядъ его разливалъ по жиламъ дѣвушки невѣдомый огонь, пожиравшій ее; всякое прикосновеніе его заставляло ее вздрагивать, всякое слово любви наполняло душу ее сладостнымъ чувствомъ. Но тетка не покидала ихъ на минуту. Это бѣсило Григорья, но онъ молчалъ и приготавливалъ свой планъ.

Однажды, просидѣвъ у нихъ довольно поздно, онъ началъ прощаться. Тетка и Лиза вышли провожать его, — на дворѣ было уже темно, — и онъ при прощаніи сунулъ непримѣтно въ руку Лизы записку, шепнувъ ей: величайшая тайна, и безотлагательная. Бѣдная дѣвушка вспыхнула, задрожала, — но не смѣла измѣнить ему. Въ первый разъ въ жизни скрыла она отъ тетки тайну сердца.

Воротясь домой, куда тетка вышла по разнымъ домашнимъ распоряженіемъ, она прочла роковую записку:

«Завтра поутру я приѣду къ вамъ. Миѣ нужно съ вами видѣться и говорить наединѣ. Отъ этого зависитъ жизнь моя. Если вы скажете объ этомъ письмѣ тетущкѣ, то никогда уже не увидите меня».

Безмолвно опустела она голову — и слезы покатались по щекамъ ея. Что ей было дѣлать? Посоветоваться съ теткою,

значило потерять его навсегда; неопластиться на свиданіе значило: быть причиною его удаленія. Она рѣшилась повиноваться ему. Когда тетка вошла читать въ комнату и увидѣла слѣды слезъ, то съ заботливостію стала спрашивать о причинѣ. Лиза отвѣчала, что у нея голова болитъ, — и тетка спѣшила уложить ее въ постелью, вапонецъ бузиновъ.

Поутру первымъ вопросомъ тетки было, чтѣ у Лизы голова, — и та отвѣчала, что болитъ. Послѣ нѣсколькихъ невинныхъ домашнихъ лекарствъ, рѣшено было, чтобъ Лиза осталась дома, когда тетка побѣдетъ на воды.

Едва Ольга Михайловна успѣла уйти, какъ явился Григорій. Лиза затрепетала и заплакала при появленіи его, — но онъ наговорилъ ей столько нѣжностей и клятвъ, что наконецъ успокоилъ.

Выразивъ ей самую пламенную страсть свою, умолялъ онъ ее — быть его женою. Лиза наивно созналась, что тоже любить его и что готова отдать ему свою руку и сердце, но что это зависитъ отъ отца, который впрочемъ, вѣрно, не откажетъ ему.

— Еслибъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ отцомъ, — сказалъ Григорій, — или съ тетусшкою, то, разумѣется, у нихъ не можетъ быть никакой причины отказать мнѣ въ сътовствѣ. И родъ мой, и богатство могутъ мнѣ доставить возможность соединенія съ первѣйшими домами. Но я люблю васъ. Мнѣ никакого приданого не надобно. Вы одни будете составлять все мое счастье, все богатство, весь мой міръ. И какъ вы тронулись моею любовію, такъ, вѣрно, и отецъ вашъ тронется бы моими просьбами. Но сюда вмѣстѣ съ нимъ, пріѣдетъ двоюродный братъ мой. По письмамъ батюшки вашего вижу я, что онъ совершенно ему противенъ, и всегда будетъ его мнѣнія, а мы съ братомъ въ ссорѣ, то онъ тотчасъ и разстроитъ нашу свадьбу. всѣми возможными средствами и даже клеветами на меня.

— На васъ? Возможно ли это? — сказала Лиза.

— О! вы не знаете злости людей, — вскричалъ онъ. — Я ее испыталъ. Повторяю вамъ, что какъ скоро пріѣдетъ братъ мой, то свадьба наша уже будетъ невозможна.

— Боже мой! Что вы говорите!

— Вы не понимаете; не постигаете всей силы моей любви! Если хотите счастья меня, если рѣшаетесь быть моею женою, если чувствуете ко мнѣ хоть искру любви, то согласитесь тайно обѣнчаться.

Предлагаю вамъ быть женою чловѣка, который будетъ любить васъ всю жизнь.

— Что жъ мнѣ надобно дѣлать?

— Надобно ухватить ночью. Три часа ѣзды — и мы въ Дрезденъ. Тамъ у меня будетъ все приготовлено. Тамъ обѣнчаютъ насъ, — и мы въ тотъ же день воротимся сюда къ ногамъ тетушки и отца.

— Это невозможно! стыдъ! бѣгство!...

— Какъ хотите, Лизавета Семеновна. Но я слышала, что батюшка вашъ будетъ завтра. Сегодня ввечеру, когда уйду отъ васъ, я буду ждать до полночи, у садовой калитки, выходящей въ поле.

Лиза рыдала и ломала себѣ руки съ отчаянія. Но она была слишкомъ слаба и неопытна, чтобъ противиться подобному нападенію. Рыдала сказала она, что явится на роковое свиданіе.

Григорій съ торжествомъ ушелъ.

Можно вообразить себѣ, съ какими мучительными чувствами провела она весь день! Какой-то огонь переливался по жиламъ ея; туманъ носился передъ глазами; она трепетала, слезы безпрестанно наворачивались на глазахъ.... Наконецъ, не въ силахъ будучи перенести мучительнаго своего состоянія, она ушла въ свою спальню и почти съ наступленіемъ бросилась на колѣни предъ образомъ Спасителя, умоляла счастье ее и наставить....

День уже склонился къ вечеру.... Солнце закатывалось за горы Теплица.... а молитва ея все еще продолжалась. Вдругъ она услышала, что кто-то подѣхалъ къ ихъ дому; всъ зашумѣла; засуетилась.... Еще минута — и она услышала, что тетка ея вскрикнула, громко заговорила.... раздались еще чей-то знакомый голосъ.... Лиза испустила крикъ радости, вскочила, бросилась въ гостиную — и очутилась въ объятіяхъ отца!

Это былъ онъ. — Онъ ускорилъ свой пріездъ, чтобъ одѣ-

затъ пріятный сюрпризъ. Онъ не чувствовалъ, что этимъ можетъ-быть, спастъ дочь свою отъ погмбели.

Въ эту минуту Лиза все забыла. Нвжность отца зачѣнила ей все.... Вдругъ взоръ ея упалъ на Ивана Ивановича Смѣлова, — и она вспыхнула. Тотъ незамѣтно вошелъ въ комнату и наслаждался картиною спокойнаго счастья. Семень Михайловичъ, разумеется, познакомилъ его тотчасъ же съ сестрою и дочерью, — и тѣ съ живѣйшимъ выраженіемъ чувствъ благодарили его, какъ избавителя отца и брата.

Вскорѣ разговоръ сдѣлался всеобщимъ, — и тетка тотчасъ же рассказала Семену Михайловичу о новомъ своемъ знакомствѣ съ Григорьемъ. Иванъ Ивановичъ взглянулъ со старикомъ. Оба поняли другъ друга.

Ольга Михайловна рассказала объ избавленіи Лизы, — о ежедневныхъ посещеніяхъ Григорья, о его любезностяхъ и о сознаніи его, что онъ въ ссорѣ съ Иваномъ Ивановичемъ. Лебедевъ заставилъ повторить рассказъ Григорья о мнимой этой ссорѣ, — и оба пожали плечами, слыша его глупую, двусмысленную выдумку на счетъ отнятаго будто имѣнья, которое онъ готовъ былъ возвратить.

— Онъ одинъ сюда ѣздилъ? — спросилъ Семень Михайловичъ.

— Съ кѣмъ же еще? — отвѣчала сестра. — Онъ совершенно одинокъ.

— А жену свою онъ не привозилъ сюда?...

При этомъ словѣ Лиза вкрикнула и упала безъ чувствъ. Всѣ бросились помогать ей, — и когда она пришла въ чувство, ее отвели въ спальню, и уложили. Не о чемъ было спрашивать: дѣло было ясно. Не о чемъ было и разговаривать: слова тутъ были бесполезны. Отецъ и тетка рѣшили оставить бѣдную дѣвушку въ покоѣ до завтра, и ушли отъ нея, чтобъ заняться разговорами.

Не замѣтно продолжались они до полночи, — но когда ударило двѣнадцать, тетка замѣтила, что пора бы путешественникамъ и отдохнуть. Поговора еще минутъ съ десять, Семень Михайловичъ пошелъ тихонько въ спальню, чтобъ посмотрѣть на Лизу....

Какъ изобразить его страхъ и изумленіе! Лизы не было въ комнатѣ.

Тетка, которая пошла вследъ за отцемъ, тотчасъ же бросилась искать ее. Но служанка сказала, что Лизавета Семеновна пошла въ садъ. Всѣ бросились туда: одинъ Смирновъ пошелъ тихонько около сада.

Вскорѣ онъ достигъ какихъ-то кустарниковъ, растущихъ въ полѣ, и продолжалъ идти вдоль близъ садовой стѣны. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, услышалъ онъ голоса, довольно громко разговаривавшіе. Это были Григорій и Лиза.

При ударѣ полночи Лиза вспомнила все и бросилась къ садовой калиткѣ. Тамъ она уже нашла Григорія, съ восторгомъ спѣшившаго къ ней на встрѣчу.

— Остановитесь, Григорій Григорьевичъ, — сказала она. — Я пришла сюда не съ тѣмъ, чтобъ быть жертвою вашего низкаго обмана, а чтобъ спасти васъ. Отецъ мой пріѣхалъ, братъ вашъ здѣсь, — и я знаю, что вы женаты....

Какъ пораженный громомъ, стоялъ несчастный передъ Лизою, и нѣсколько секундъ не зналъ, что отвѣчать и на что рѣшиться. Но наконецъ опомнился и сказалъ ей:

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что какъ скоро братъ мой пріѣдетъ, то счастье наше будетъ разрушено.... Такъ точно — я женатъ, но эти люди не знаютъ, что на дняхъ я получу свидѣтельство о разводѣ съ нею. Мы бы обвинчались безъ препятствія, и счастья нашего никто уже не смѣлъ бы нарушить... Прощайте!

— Я вѣрю вамъ, но ни зачѣмъ не рѣшусь оскорбить и огорчить отца постыднымъ бѣгствомъ. Придите завтра къ нему, расскажите ему все, — мы оба упадемъ къ ногамъ его, и онъ благословитъ насъ.

— А если откажетъ? Если уже въ это самое время враждебный духъ нашего счастья, мой двоюродный братъ, вооружилъ его противъ меня такъ, что онъ почитаетъ меня злодѣемъ, и чтобъ не сдѣлать дочь свою несчастною, откажетъ мнѣ отъ дома? Если я лишусь возможности даже васъ видѣть когда-нибудь? Что мнѣ тогда дѣлать? Для чего жить тогда? Неужели смерть моя будетъ вамъ пріятна?

Вмѣсто отвѣта, Лиза закрыла глаза и зарыдала. Сердце ея начинало колебаться, мысли мѣшались, она трепетала и едва могла стоять.

Вдругъ изъ-за кустовъ вышелъ Иванъ Ивановичъ, остановилъ Григорья, и съ тихимъ упрекомъ сказалъ ему:

— Григорій! что ты дѣлаешь?

Съ невольнымъ чувствомъ страха, въ сильномъ смущеніи Григорій отступилъ нѣсколько шаговъ.

— Благодарн Бога, Григорій, что я тебя спасаю отъ вѣчнаго раскаянія, — сказалъ Иванъ, — и повелъ Лизу къ садовой калиткѣ.... Но въ это самое мгновеніе вышелъ оттуда отецъ съ теткою и служитель съ фонаремъ.

При видѣ Лебедева и Ольги Михайловны, Григорій съ бѣшенствомъ бросился въ свою кабриолетку и быстро поскакалъ по тропинкѣ.

Молча передалъ Смѣловъ Лизу, которая лишилась чувствъ, на руки отца, — и всѣ возвратились домой, не сказавъ другъ другу ни слова.

ГЛАВА VI.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА.

Душа Григорья кипѣла бѣшенствомъ, когда онъ воротился домой.

— Что это значить, другъ мой? — спросила Надинька, радостно выбѣжавъ къ нему на встрѣчу. Ты сказалъ, что дни три пробудешь въ отсутствіи.... Не случилось-ли съ тобою чего-нибудь?

— Разумѣется, — отвѣчалъ Григорій, — Еслибъ нежданно не испордился лодкѣ моихъ плановъ, — я бы, вѣрно, не воротился сюда, чтобъ имѣть удовольствіе бесѣдовать съ вами.

Надинька печально опустила голову, замолчала и ото-

шла, — а Григорій засвисталъ какую-то вѣсенку, и пошелъ со скуки бесадовать со своими слугами.

Изъ этой короткой сцены и нѣсколькихъ словъ легко можно понять все, что случилось между этими двумя молодыми супругами. Дѣйствительно ли Григорій любилъ Надиньку, или это было только безумство молодости, — или даже тайное желаніе поправить свое состояніе богатою женитьбою? Кто разгадаетъ человека, для котораго нѣтъ ничего священнаго? Мы же — для чести человечества, не будемъ предполагать въ Григорѣ — нечистыхъ намѣреній. Онъ былъ молодъ, легкомысленъ, завидовалъ богатству — и красота Надиньки свела его съ ума. Но достигнувъ однажды до своей цѣли, и видя съ перваго шага, что порядочное общество еще болѣе отвергаетъ его за разстройство сватъбы брата, онъ почувствовалъ, что ровно ничего не выигралъ своимъ бракомъ, кромѣ хорошенькой жены. Принужденный уехать въ чужіе края и жить тамъ въ уединеніи, онъ не болѣе, какъ черезъ три мѣсяца, охладѣлъ къ своей пламенной любви. А какъ всякій взглядъ Надиньки казался ему упрекомъ, то онъ скоро даже возненавидѣлъ ее, потому что люди подобнаго характера терпѣть не могутъ, чтобъ имъ напоминали о неблагодарности и дурныхъ качествахъ сердца. И теперь домашняя жизнь казалась ему невыносимая: Онъ проводилъ все время на охотѣ, или въ волонитствахъ. Но какъ ни скучно ему было, онъ все-таки не смѣлъ вѣхать обратно въ Петербургъ, зная, что тамъ всеобщее мнѣніе будетъ всякой день казнить его; особенно боялся онъ отца Надиньки.

Что же касается до Надиньки, то и ея любовь не могла продолжиться. Она первоначально увлеклась романтическими своими идеями — и Григорій ей нравился, потому что она воображала найти въ немъ самую пылкую страсть. Но какъ скоро увидѣла его перемену, его холодность и неблагодарность, то не могла уже ни любить, ни уважать его. Чувствуя обязанность супруги, она была всегда тихая, кроткая, послушная, но эти-то спокойныя каче-

ства семейной жизни. еще больше возбуждали негодованіе мужа. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе Надиньки выставить себя, какъ жертву его неблагодарности и дурнаго характера.

Можно вообразить себя, что подобная жизнь самымъ враждебнымъ образомъ дѣйствовала на силы и здоровье Надиньки. Печальное разочарованіе во всѣхъ мечтахъ юности губительно подсаждало жизненныя ея силы, — и Григорій почти съ злою радостію видѣлъ это болѣзненное состояніе жены, сулившее ему свободу. Конечно, эта свобода не такъ была близка, какъ онъ увѣрилъ Лизу, — но, вѣроятно, еще бы годъ, два, такой жизни, — и она бы сошла въ могилу.

Григорій чувствовалъ, что пріѣздъ Лебедева и Ивана разстроивали всѣ планы волокитства его. Но, по безнравственности характера своего, онъ полагалъ, что если успѣетъ склонить Лизу на бѣгство съ нимъ, то можетъ гдѣ-нибудь въ невѣдѣнности прожить съ нею около года, — а потомъ когда эта новая черта его неблагодарности и злодѣйства убьетъ его жену, онъ можетъ жениться на похищенной дѣвушкѣ. Гнусный планъ его едва не удался. Только появленіе Ивана спасло Лизу.

Теперь онъ чувствовалъ, что отецъ Лизы потребуетъ строгаго отчета въ презрѣнномъ его поступкѣ, — и потому рѣшился немедленно уѣхать куда-нибудь. Веротись домой, онъ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ побѣгу, — и не сказавъ, разумѣется, Надинькѣ ни слова, уѣхалъ до разсвѣта.

На другое утро Лебедевъ, послѣ долговременныхъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей и властей, узналъ гдѣ живетъ Григорій, и въ сопровожденіи Ивана тотчасъ же отправился туда. — Онъ не нашелъ его, — но Надинька приняла гостей, — и встрѣча съ прежнимъ женихомъ своимъ была для нея жестокимъ ударомъ.

Щадя бѣдную женщину, покровители не сказали ей причины своего пріѣзда, — но Лебедевъ не могъ скрыть всего

своего негодованія протнть ея мужа, — в та могла понять, что цѣль посѣщенія ихъ была самая враждебная. Она умоляла ихъ сказать имъ все, — но ей только отвѣчали, что сожалеютъ о ней.

Свиданіе Ивана Ивановича и Надиньки было непродолжительно. Оно слишкомъ тягостно было для обоихъ. Особенно Надинька могла теперь ясно видѣть, сколько она потеряла, повѣря страсти Григорья.

Семену Михайловичу нуженъ былъ предлогъ часто быть теперь у Надиньки, чтобъ поймать ея мужа, а потому онъ выпросилъ у нея позволеніе познакомиться съ нею сестру свою Ольгу Михайловну. Та, разумеется, согласилась, сколько изъ учтивости, столько и изъ надежды, что отъ нея выведаетъ причину, по которой ищутъ мужа ея.

На другой же день Лебедевъ прїѣхалъ съ сестрою къ Надинькѣ, — Ольга Михайловна убѣдила ее прїѣхать къ ней въ Теплицъ. Но сколько Надинька ни добивалась узнать отъ тетки причину бѣгства своего мужа, та только что вздыхала, сокрушалась, но не открывала ей ничего. При прощаньи только тетка шепнула ей, что если мужъ ея и воротится, то чтобъ она убѣдила его не показываться ея брату, иначе произойдетъ большое несчастіе.

Въ слѣдующее утро Надинька прїѣхала къ Ольгѣ Михайловнѣ, — и тутъ только взглянувъ на Лизу, начала истинно понимать преступленіе своего мужа. Лиза съ неожиданнымъ мужествомъ перенесла все случившееся съ нею. Внезапное бѣгство Григорья при появленіи Ивана Ивановича обнаружило ей все. Женщина много прощаетъ любимому своему предмету, кромѣ трусости. Отецъ и тетка образумили ее нѣсколькими словами, доказавъ, что если бы она тотчасъ же сказала обо всемъ, то ничего бы не случилось. По временамъ мечтала иногда бѣдная дѣвушка, что Григорій явится и передъ всѣми оправдается, — но скорѣ опять ясно видѣла, что ему не въ чемъ оправдаться. Вдругъ обѣавили ей, что прїѣхала къ нимъ Надежда Васильевна

Смѣлова: — и крошечное, добродушное, прелестное личице этой женщины вполнѣ ее обрадовало.

Во все продолженіе визита Надиньки, Лиза была безмолвна, занявшись, повидимому, какою-то работою, — но она сама шла, какъ только спросила Сладкову, воротился-ли ей супругъ, — и какъ та отвечала, что уже третій день его нѣтъ.

Иванъ Ивановичъ явился только въ первую минуту визита — и ушелъ. Видъ Надиньки все еще былъ для него мучителенъ. Печально пошелъ онъ бродить по саду, и съязвъ отдаленную бѣснову, погружаясь въ глубокія размышленія....

Голосъ Семена Михайловича пробудилъ его.

— Скорѣе, скорѣе, Иванъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ увидя Смѣлова. Братъ нашъ здѣсь.... Онъ блуждалъ. Шапали на его слѣды.... Поѣдемъ....

— Кто сказалъ вамъ?... Гдѣ онъ? — спросилъ Смѣловъ.

— Ты знаешь, что я послалъ въ окрестности Лазутичкова.... Сейчасъ одинъ изъ нихъ воротился и донесъ, что Григорій скрывается въ ближайшемъ лѣсу, въ хижинѣ Лѣсовщика Готлиба.... Поѣдемъ же, поѣдемъ....

— Куда ѣхать — и зачѣмъ? — сказалъ Смѣловъ. — Въ первую минуту вашего изслѣдованія не этого человека, я обязалъ конечно содѣйствовать вамъ чтобы отыскать его: и наказать. Но теперь, вѣроятно, этотъ порывъ vášней прошелъ, — и вы конечно чувствуете, что увидите себя и обезславите дочь свою, если войдете въ объясненія съ Григорьемъ.

— Угодно ли вамъ со мною ѣхать? — сурово спросилъ генералъ: — а не то я одинъ поѣду.

— Въ такомъ случаѣ я, разумеется, съ вами ѣду, — отвѣчалъ Смѣловъ. Но заранѣе говорю вамъ, что буду употреблять все возможное, чтобы не допустить васъ до объясненій съ

человѣкомъ, который не стоитъ этой чести, — и который — повѣрьте мнѣ, откажется отъ всякаго удовлетворенія....

— Это мы увидимъ. Теперь же поѣдемъ. Я уже велѣлъ осѣдлать лошадей. Онѣ, вѣрно, готовы.

Не сказавъ ни слова никому и не простясь съ гостями, они отправились. Съ ними былъ провожатый, который взялся привести ихъ къ движинѣ лѣсовщика.

Черезъ полчаса они уже были тамъ, — но ни Григорья, ни Готлиба; ни жены его, не было дома. Послѣ всѣхъ разспросовъ, узнали они, что лѣсовщикъ еще поутру отправился въ Теплицъ, и сказалъ жень, что цѣлый день не будетъ дома. Григорій же приходилъ на самое короткое время къ Готлибу для принятія пищи, шатаясь по лѣсу дни и ночи въ угрызенин совѣсти.

Дѣлать было нечего. Семень Михайловичъ не хотѣлъ дожидаться, — а рѣшился самъ идти по лѣсу наудачу, съ тѣмъ чтобы потомъ воротиться въ хижину, гдѣ запретилъ говорить, что былъ чловѣкъ, отыскивавшій хозяевъ.

Молча бродили они по лѣсу, поднялись на гору, и достигли до прорѣзья, въ которой Григорій спалъ Лизу....

Вдругъ дѣлится крикъ. Какъ молнія бросается туда Смѣловъ; Лебедевъ послѣдовалъ за нимъ. Какое ужасное зрѣлище представилось имъ! На краю бездны лежалъ Григорій, плавающий въ крови своей.

Иванъ осмотрѣлъ рану Григорья, на-скоро платкомъ перевязалъ ее, чтобы унять кровь, поднялъ его на ноги и повелъ медленными шагами внизъ по горѣ, къ тому мѣсту, гдѣ они оставили лошадей.

Безотчетно пошелъ за ними вельдъ Семень Михайловичъ. Являсь туда, чтобы наказать Григорья, онъ чувствовалъ, что вину его должно было замолкнуть. Заботливость Ивана Ивановича тронула его до глубины сердца, — и онъ самъ началъ помогать ему для облегченія страданій раненаго. Кто-то изъ усадьбы его на лошадей и повезли въ Теплицъ.

Въ это время объ женщины, которыя наконецъ узнали о внезапномъ отъездѣ Семена Михайловича и Ивана Ивановича, были въ величайшемъ безпокойствѣ. Онѣ поняли цѣль этого отъезда, — и каждая изъ нихъ боялась за жизнь мужа, или брата. Наконецъ увидѣли онѣ печальную кавалькаду, приближающуюся къ нимъ.

Съ крикомъ и слезами бросилась Наденька къ мужу, и помогала спять его съ лошади и свести въ комнату. Послали тотчасъ же за докторомъ. Тотъ осмотрѣлъ рану, и объявилъ, что она не смертельна, но требуетъ долговременнаго леченія и спокойствія. Семенъ Михайловичъ отвелъ ему у себя комнату, и просилъ врача постоянно слѣдить за пользованіемъ больнаго. Надя рѣшительно объявила, что она ни на минуту не оставитъ мужа, — и въ домъ ея посланъ былъ нарочный, чтобъ привести оттуда гардеробъ и горничную.

Такимъ образомъ въ одномъ домѣ неожиданно поселились люди, которые за часъ передъ тѣмъ кипѣли другъ къ другу враждою и мщеніемъ. Надя все простила мужу, видя его опасность и страданія. Григорій, видя ежеминутныя о немъ попеченія жены, несмотря на его дурное поведеніе, почувствовалъ къ ней нѣжную благодарность и дружбу. Этотъ взаимный, ежедневный обменъ чувствъ мало по-малу превратился въ искреннюю симпатію.

Два мѣсяца продолжалось леченіе Григорья, — и въ первый разъ, когда онъ всталъ и докторъ позволилъ ему выйти, онъ пошелъ въ комнату Семена Михайловича, чтобы примириться съ нимъ. Сначала тотъ принялъ его сухо, — но когда увидѣлъ, какъ тотъ искренно раскаявается и умоляетъ о прощеніи, — протянулъ къ нему руку — и сказалъ:

— Такъ и быть, Григорій Григорьевичъ! — Вы во многомъ виноваты передъ всѣми нами, — и все произошло отъ того, что вы не хотѣли быть добрымъ мужемъ такой женщины, которая заслуживаетъ любовь и уваженіе всего свѣта. Но

теперь, когда вы вполне узнали ей цену, — то для нея охотно прощаю вамъ вашъ проступокъ. И повѣрьте, что покуда будете любить свою жену, то будете счастливы.

Послѣ этого Григорій просилъ позволенія увидѣться съ Лизою, чтобы на колѣняхъ выпросить у нее прошеніе за нанесенное ей оскорбленіе.

Отецъ повелѣлъ его къ ней. Она сидѣла вмѣстѣ съ теткою и Иваномъ Ивановичемъ, который имъ что-то читалъ.

Кротко, безъ смущенія, приняла Лиза Григорія и его извиненія. Онъ было упалъ къ его ногамъ, — но она подняла его, — и ласково отвѣчала:

— Вы дурно поступили, Григорій Григорьевичъ, — но я давно простила вамъ. Я была сама виновата. У меня была тетушка, — и я не открылась ей съ перваго шага. Ко мнѣ судьба послала въ роковой день добрейшаго изъ отцевъ, — и я скрыла отъ него все, воображая, что одна буду въ силахъ образумить васъ. Отъ этой самонадѣянности я чуть не погибла, — да и вы, вѣроятно, дорого бы заплатили за свое торжество. — Богъ съ вами! Вы уже довольно наказаны, — и вы великодушію брата своего, на котораго такъ жестоко клеветали, обязаны были еще разъ спасеніемъ своимъ. Теперь все кончено! — Я слышала, что вы примирились сами съ собою, потому-что полюбили опять добрую и прекрасную Надежду Васильевну. Всѣ мы будемъ отъ этого счастливы. А чтобъ вы вполне были удостовѣрены въ моемъ прощеніи и будущемъ моемъ счастіи, — то позвольте вамъ представить вамъ моего жениха.

При этомъ она указала на Ивана Ивановича. — Съ радостнымъ крикомъ бросился Григорій въ объятія брата....

— И ты, Иванъ, — прощаешь меня? — вскричалъ онъ.

— Отъ всей души, Григорій — отвѣчалъ Иванъ. Ты обратился опять къ добру — и будешь счастливъ любовію сво-

ей жены. Я же.... ты видишь — кто тебѣ ручается за мое счастье и прощеніе.

Вскорѣ всѣ они вмѣстѣ отправились въ Россію, — и, какъ исторія гласитъ, жили счастливо и спокойно.

Р. 3.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА СОММЕРВИЛЬ.

(Романъ Жюль Сандо)

ЧАСТЬ I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Сен-Леонаръ — бѣдный городокъ въ провинціи Ла-Маршъ. Если вамъ когда случится ѣхать по берегамъ Крезы, выбирайте тропинку, которая отдѣляется отъ большой дороги при ѣздѣ въ предмѣстье. Весной вы найдете, что она усыяна фіалками и окаймлена растеніями въ полномъ цвѣтѣ. Съ одной стороны предъ вами будетъ гора, покрытая золотистымъ дроздомъ, съ другой Креза, которая издали вамъ будетъ казаться широкой лентой, брошенной на равнину. Страна эта вамъ понравится; она бѣдна, но живописна; вы полюбите шумъ ея.

К. V. — Отд. IV.

1

потоковъ и тишину ея небольшихъ озеръ, теряющихся между верескомъ. Послѣ двухъ часовъ ходьбы, вы придете въ Анземъ: это бѣдная деревушка, лежащая подъ массою дубовъ и каштановыхъ деревьевъ, какъ птичье гнѣздо въ кустарникѣ. Ея сельскіе домики соединяются одинъ съ другимъ аллеями, посаженными боярышникомъ и бузиной. Эти улицы, состоящія изъ листьевъ и цвѣтовъ, окружаютъ всѣ части города. Гряды овощей, расположенныя симметрически, оставляютъ еще мѣсто для розъ, которыя блестятъ въ зеленѣ. Кровельная солома домовъ сама собою превратилась въ цвѣтникъ, и питаетъ кусты желтыхъ левкоевъ, хмѣлевыхъ гирляндъ, плющевые ковры. До самой дороги извиваются роскошные цвѣты. Если вы слѣдите за теченіемъ Крезы, при выходѣ изъ деревни, вы увидите противъ мельницы, красиво и гордо возвышающейся на противоположномъ берегу, съ своимъ новымъ фасадомъ, многочисленными этажками и асфидной крышей, садъ, въ глубинѣ котораго скромно и задумчиво прячется господскій замокъ.

Въ одинъ осенній вечеръ, двое молодыхъ людей сидѣли на террасѣ анземскаго замка. Вечеръ былъ прекрасенъ; звѣзды сіяли на небѣ; луна показывала свое блѣдное лицо сквозь тополи, растущіе по берегамъ Крезы. Все спало въ деревнѣ; ночная тишина была нарушена только шумомъ водъ, плескавшихъ о камни, и лаемъ собакъ.

Молодые люди были скучны и разсѣяны.

— Странная судьба, сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ, вставая и взявъ за руку своего товарища; она соединяетъ насъ въ этихъ мѣстахъ, которыя мы обѣщались въ нашей коллегіи посѣтить вмѣстѣ. Судьбу эту я бы хотѣлъ назвать счастливой, но слишкомъ много дней прошло послѣ мечтаній нашей молодости. Зачѣмъ же спрашивать повѣсть моей жизни? Вы, чье существованіе было украшено смѣющимися и прекрасными минутами, вы придаете своимъ первымъ горестямъ какую-то особенную важность. Вы жалуетесь, что одинъ только терпите то, что уже всѣ терпѣли прежде васъ, и видя къ сожалѣнію несчастія, которыми вы утѣшены, можно подумать, что душа ваша, страдая, растроена гармонію дѣлаго снѣга. Я, кому жизнь не дала ни ласкъ, ни улыбокъ, я равно позналъ настоящую цѣну души удивленной и растроженной, и улыбку лучше васъ сморщиться въ несчастіи. Въ эту ночь, я вѣрю безъ страха тайну моей бѣдственной молодости; но я открылъ бы ее въ своемъ сердцѣ, если бы эта исторія не дала вамъ урока въ самоотверженіи....

— Пойдите, прибавилъ онъ, уведя своего товарища къ крыльцу зинка.... Этотъ домъ необитаемъ; тѣ, которые жили въ немъ, не существуютъ болѣе; свѣтъ обладалъ ими, незная ихъ, а я, который зналъ ихъ, остаюсь на землѣ для того, чтобъ ихъ оплывать.

Оба они сѣли на одну ступеньку крыльца. Молодой человѣкъ долго былъ погруженъ въ горестныя воспоминанія; онъ долго осматривалъ уединенныя мѣста, окружавшія его, потомъ, возмолвленнымъ голосомъ, началъ слѣдующій рассказъ.

I.

«Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда смерть отца моего сдѣлала меня обладателемъ порядочнаго богатства и неопыннаго сокровища. Это сокровище была сестра моя, которой только что наступило пятнадцать лѣтъ. Мать наша умерла вскорѣ послѣ рожденія моей сестры. Передъ смертью, отецъ мой призвалъ насъ обоихъ къ себѣ; взялъ насъ за руки, и взвѣсивъ мнѣ счастье своей дочери, взялъ съ насъ клятву любить другъ друга и жить всегда вмѣстѣ. Сестра моя и я, мы бросились другъ къ другу въ объятія; отецъ благословилъ насъ и умеръ. Съ этой минуты началась моя жизнь; до этого я былъ не больше какъ дитя; возложивъ на меня обязанность, смерть отца сдѣлала меня человекомъ. Эту обязанность я принималъ на себя съ любовью, съ гордостью. Я оставилъ честолюбивыя помыслы, которые долгое время занимали меня; я не хотѣлъ оставить на произволъ будущность такого милаго существа; я съ восторгомъ посвятилъ ей мечты моей молодости.

Вы, можетъ-быть, не знаете, какую нѣжностью и любовью небо надѣлило сердца двухъ бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ послѣ Бога не было никакой защиты и родни, кромя ихъ самихъ; быть-можетъ, вы не знаете, сколько было счастья въ этомъ братскомъ союзѣ. Не думаю, чтобы кто нибудь могъ вдали отъ свѣта, въ уединеніи, избраннымъ имъ самимъ, проводить время веселѣе меня съ моей молодою сестрой. Въ ея любви ко мнѣ было столько открытости, свойственной ея возрасту, а въ моей

нѣжности къ ней чувство покровительства, которое придавало моему существованію бѣольшую торжественность. Съ тѣхъ поръ, я понялъ, что истинная поэзія жизни заключается въ исполненіи своихъ обязанностей.

Въ Сен-Леонарѣ мы бывали рѣдко: Нанси предпочитала наше маленькое помѣстье, которое я привелъ въ хорошее состояніе и котораго доходы достаточны были для нашихъ нуждъ. Мы жили тамъ уединенно съ кормилицею моей сестры. Даже зима, которая чрезвычайно жестока въ этихъ странахъ, никогда не заставляла насъ переѣзжать въ городъ, кромѣ случаевъ, когда меня призывали дѣла за процентами нашего скромнаго состоянія. Я почти не ѣздилъ туда никогда, кромѣ воскресенья, чтобы проводить Нанси къ обѣднѣ; впрочемъ мы предпочитали проводить и этотъ день въ анземской церкви, если погода была хороша и дорога позволяла намъ запретъ нашу тележку. Мы выѣзжали въ часъ, какъ услышимъ первые удары колокола, доносимые вѣтромъ, и всегда вечеромъ возвращались домой. Отсюда вы могли бы видѣть бѣлый фасадъ и зеленыя ставни, если бы луна не бросала на нихъ тѣнь отъ большихъ дубовъ, которые окружаютъ это зданіе. Крѣза течетъ у подножія. Подъ навѣсомъ иль, тополей и лѣса на косогорѣ оно защищено отъ декабрьскихъ вѣтровъ и отъ лѣтнихъ жаровъ.

Тутъ мы прожили счастливые дни нашей жизни. Свѣтъ возбуждалъ нашихъ сожалѣній. Наша жизнь протекала покойно, какъ воды нашей рѣки; никогда ни одно облако не помрачало ея ясности. Бѣдные въ городѣ, мы были богаты въ поляхъ и помогали бѣднымъ живущимъ въ нашей деревушкѣ. Они платили намъ за то благословіями. Богъ внималъ ихъ молитвамъ и каждый день дарилъ сестру мою новою милостію, новою добродѣтелью. Она была гениемъ хранителямъ всего околodka; старушки этой страны называли ее своею дочерью, и цаловали ей руки; когда она проходила по деревнѣ, шопоть простодушнаго удивленія несея вслѣдъ за ней. Ея присутствіе утѣшало горести и удваивало радость; умирающіе вѣрили въ жизнь, когда она садилась у ихъ постели.

Праздникъ не былъ веселъ, если я не встрѣчалъ его вѣстѣ съ нею въ скромныхъ жилищахъ или подъ тѣнью деревьевъ. Наше счастье напоминало намъ двухъ дѣтей Иль де Франса, которыхъ цѣломудренную любовь и трогательную участь мы знаемъ; но они были счастливѣе насъ; каждый изъ нихъ имѣлъ мать, а мы часто оплакивали нашу.

Я твердо увѣренъ, что между вещами, которыя болѣе всего

имѣли вліяніе на всю нашу жизнь, первое вліяніе производитъ на насъ книга, случайно попавшаяся; второе:—первая женщина, которую судьба намъ посылаетъ. Какъ бы то ни было, но чтеніе Павла и Виргиніи рѣшило нашу участь, и направленіе нашихъ идей подчинилось вліянію, произведенному на насъ этою книгою. Книга сдѣлалась нашимъ другомъ; мы забавлялись находя нѣжныя и таинственныя отношенія между героями этой книги и нами; исторія ихъ дѣтства была исторіею нашей молодости; только въ то время, когда одни, подъ каштанами, съ этой любимой книгой, мы доходили до той минуты, когда Виргинія оставляетъ своего молодого друга, чтобы искать счастья во Франціи, мы обѣщали другъ другу никогда неразлучаться. Мы не знали скуки неясныхъ стремленій, утомляющихъ душу, ни бесполезныхъ мечтаній, которыя ослабляютъ ее, ни ложныхъ нуждъ, которыхъ она никогда не можетъ удовлетворить: каждый день приносилъ намъ свои заботы и каждое время года свои удовольствія; наша жизнь была и религіозна, и непорочна, и уединенна. Я говорю религіозна, потому что она была полна мыслию о Богѣ: къ Нему наша душа возносилась безпрестанно, Его она благословляла и восхваляла каждую минуту, въ созерцаніи нашего счастья. Это также была жизнь чистая. Въ свѣтѣ очень рѣдко или очень трудно провести хоть одинъ день безъ того, чтобы намъ не случилось оплакать какой-нибудь поступокъ, несогласный съ нашею совѣстью; иногда, противъ себя, можно сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ, живя между людьми; но въ жизни, о которой я говорю, мы были одни съ Богомъ; въ этой жизни мысли какъ-то улучшаются, сердце освящается; день проходитъ, а вечеромъ засыпаешь въ мирѣ и невинности души.

Я долженъ вамъ сказать, что уединеніе наше имѣло свою пріятность: когда я былъ молодъ, я занимался литературою и искусствами; когда смерть отца призвала меня къ занятіямъ болѣе важнымъ, я все-таки продолжалъ мои прежнія занятія, и воспитывалъ сестру мою въ любви къ искусствамъ. Во-время долгихъ зимнихъ вечеровъ мнѣ было особенно пріятно заставлятъ ее раздѣлять мои убѣжденія, сдѣлать ее доступною благороднымъ идеямъ. Мы любили старыя книги; мы любили романы основательные; живое описаніе свѣта, которое мы въ нихъ видѣли, дѣлало нашу жизнь болѣе привлекательною; бурныя страсти ихъ героев заставляли насъ еще болѣе цѣнить спокойствіе нашего безмятежнаго союза. Счастье наше—ходъ нашими родными дубами, говорили мы; оно обитаетъ въ

нашихъ долинахъ, на скатахъ нашихъ холмовъ и на берегахъ Крезы. Мы любили повторять стихи поэта, который восхвалялъ чистоту воды въ стихахъ столь же плавныхъ, какъ и вода. Мы любили поэзію; ея языкъ такъ свойственъ счастливымъ душамъ, какъ запахъ цвѣтовъ и шумъ вѣтра въ лѣсу.

Я сказалъ вамъ, что насъ любили въ нашей деревнѣ; ничего не можетъ быть прекраснѣе, величественнѣе и мечтательнѣе зимы, проведенной въ деревнѣ. Есть тысяча тайнъ въ проявленіи природы; когда горы, покрытыя снѣгами, блестятъ на солнцѣ, можно подумать, что онѣ ослѣвлены въ серебро; лѣса имѣютъ видъ магическій, хотя туманы ихъ покрываетъ, хотя иней блестящими кистями виситъ на вѣтвяхъ. Снѣговатый дымъ мрачно поднимается съ крышъ сквозь бѣлыя дубы; все такъ строго и молчаливо: вѣромы такъ тяжело летаютъ по долинамъ, малиновка прилетаетъ какъ гость и стучитъ клювомъ и крыльями въ окна. Ночь бываетъ еще торжественнѣе: вѣтеръ свиститъ у дверей, деревья трещать, волки воютъ вдалекѣ, снѣгъ хруститъ подъ ногами запоздалаго крестьянина. Но мои счастливые дни прошли: природа потеряла прелесть, украшавшій ихъ, и пускай зима покрываетъ наши деревни своимъ снѣжнымъ покровомъ, пускай наши деревья расширяютъ свои листочки, при возвращеніи весны, пускай осень отбѣгаетъ колоритъ нашихъ лѣсовъ и боръ,—отнынѣ эти мѣста будутъ для меня мрачны и пустыжны.

Уже болѣе года вся мы такую жизнь, какъ вдругъ Нанси стала грустить. Я видѣлъ ее въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ погруженною въ мрачную задумчивость и увлеченною шумною веселостью, переходящую отъ печали къ радости, въ одно и тоже время гордою и покорною, убѣгающею моихъ ласкъ и плачущею на моей груди. Это было въ то самое время, какъ случай печально сблизилъ меня съ Альбертомъ.

Можетъ-быть, возвращаясь изъ Сен-Леонара въ Анземъ, вы замѣтили между городомъ и деревнею уединенный домъ, выходящій на дорогу и прислоненный у горы. Тутъ жилъ Альбертъ, молодой человекъ, безъ семейства и имени, воспитанный попеченіями строгаго и важнаго человекъ, который не былъ его отцомъ. Этого человекъ звали Сент-Естевъ. Г. Сент-Естевъ былъ докторъ въ Сен-Леонарѣ; онъ удалился въ этотъ домъ еще въ молодости, съ новорожденнымъ ребенкомъ, котораго воспитывалъ вдали отъ города. Этотъ ребенокъ былъ Альбертъ. Кто былъ онъ и откуда явился? Долго объ

звать гонимым въ деревнѣ, но не хотѣть и говорить перестали. Сен-Естева былъ непроницаемъ для всѣхъ, даже для самого Альберта. Когда онъ умеръ, оставивъ своему воспитанику въ наслѣдство этотъ домъ и 1200 франковъ дохода, все имущество его на землѣ, молодой человѣкъ не могъ найти ничего, что бы объяснило ему его рожденіе. Старикъ унесъ эту тайну съ собою въ могилу. Альбертъ помнилъ только, что въ одну темную ночь, когда онъ былъ еще ребенкомъ, онъ былъ приведенъ къ прекрасной молодой женщинѣ, которая обнимала его подрауями и облила слезами; это были всѣ его семейныя воспоминанія.

Всѣ вообще думали и думаютъ и теперь еще въ деревнѣ, что онъ былъ побочный сынъ сестры С. Естева, которая удалилась изъ Сен-Леонара при появленіи Альберта, и которую уже тамъ болѣе не встрѣчали.

Альберту было семнадцать лѣтъ, когда я познакомился съ нимъ; г. С. Естева былъ еще живъ. Я узналъ Альберта и полюбилъ его, не оттого, что между нами была симпатія, но я любилъ жаръ его молодости, уже потухшій во мнѣ; онъ мнѣ казался какъ чудный сонъ моихъ поэтическихъ лѣтъ, и невольная сила привлекала меня къ нему. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ молодыхъ людей могъ счастлива соединить въ себѣ всѣ обонятія своего возраста; быстрый умъ и пламенное сердце, безпрестанно томимое любовью къ добруму, къ прекрасному, вѣчная веселость и тихая меланхолія, натура въ одно время дѣятельная и задумчивая, восторженная и боязливая, веселое удивленіе на будущее, горячая откровенность души, восхитительныя мечты; словомъ, въ немъ были всѣ сокровища юности. Но нѣружности онъ былъ нѣжный и слабый ребенокъ, рѣшительный и скромный, замѣчательный по блеску своихъ глазъ, бѣлзвѣтѣ лица и подвижности своей физиономіи, которая съ удивительною точностію выражала ощущенія его души. Сен-леонарская женщина находила его безобразнымъ и вообще ненавидѣла его. Правда, что онъ былъ мальчикъ не очень вѣжливый съ этими дамами, и что однимъ взглядомъ ихъ принуждалъ его бѣжать. Онъ продалъ оригинальнымъ. Это названіе считается оскорбленіемъ, которымъ надѣляются жители нашихъ малыхъ городовъ всѣхъ существъ, которыя не подходятъ на нихъ.

Мы скоро подружился. Альбертъ, любившій до-сихъ-порѣ одного г. С. Естева, вскорѣ страстно полюбилъ меня. Я находилъ даже въ любви этого молодого человѣка что-то женствен-

ное, что иногда смущало меня; я бы желалъ, чтобы привязанность эта была болѣе спокойна и строга. Я боялся даже, что онъ не повѣритъ моей дружбѣ къ нему, и найдя ее болѣе спокойною, почесть ее менѣе вѣрною и дѣйствительною. Въ семнадцатъ лѣтъ, дружба и любовь только нѣжныя изліянія души; опытъ и факты считаются ни во что, и тотъ, кто говоритъ болѣе или лучше, кажется, что болѣе любить.

Наканунѣ дня, въ который я узналъ Альберта, отвезъ я Нанси въ городъ, къ одной подругѣ нашей матери; я надѣялся, что она найдетъ развлеченіе пустыжъ безпокойствамъ, въ которыя повергло ее одиночество, весна и молодость. Весь апрѣль она провела въ Сен-Леонарѣ, и въ ея то отсутствіе я сблизился съ моимъ молодымъ другомъ. Онъ приходилъ ко мнѣ всякое утро, идя на охоту; вечеромъ, чтобы провѣдать Нанси, я шелъ всегда по анземской дорогѣ, и оставлялъ Альберта у самаго дома. Не смотря на сильное желаніе его видѣть мою сестру, напрасно старался я увлечь его съ собою въ городъ; я никакъ не могъ отвести его отъ первыхъ тополей аллен, ведущей въ предмѣстье.

«Вы счастливы», сказалъ онъ мнѣ разъ вечеромъ, проводя до этой послѣдней границы: вы счастливы, Максимъ; у васъ есть сестра, и вы любите другъ друга. Подите, мой другъ, обнять ее. Я не завидую вашему счастью, и вѣрите, что сердце мое раздѣляетъ его. Но видъ вашего счастья дать мнѣ еще болѣе почувствовать тягость уединенія, въ которомъ я всегда жилъ. Такъ какъ вы великодушны, вы бы также почувствовали его, и присутствіе мое уменьшило бы восторгъ вашей нѣжности.»

Съ этими словами онъ удалился, пожавъ мнѣ руку, и съ тѣхъ-поръ я не смѣлъ болѣе говорить ему о моей сестрѣ.

Г. С. Естевъ заболѣлъ, и я нѣсколько дней не видалъ Альберта. Разъ утромъ онъ воспользовался сномъ своего названнаго отца, и пришелъ ко мнѣ. Это было въ первый день мая: наша деревня была наполнена благоуханіемъ цвѣтовъ; крестьяне посадили предъ нашею дверью дерево, увѣчанное цвѣтами, и птицы пѣли на вѣтвяхъ его. Въ сопровожденіи двухъ собакъ, съ ружьемъ на плечѣ, Альбертъ быстро вошелъ въ нашъ домикъ и бросился въ залу, надѣясь найти и обнять меня тамъ. Онъ не нашелъ меня, но въ глубинѣ залы, противъ двери, сидѣла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, и читала, нагнувшись надъ книгой. Ея длинныя блонурья волосы падали въ безпорядкѣ на шею и на лицо. Цвѣты, неуступавшіе

ей въ свѣжести, окружали ее своимъ благоуханіемъ, и ея большая бѣлая собака, съ ошейникомъ изъ голубыхъ бусъ, отдыхала у ногъ ея. При появленіи Альберта, Нанси встала, красивя, а онъ, краснѣе ея, краснѣе розъ Прованса, которыя выказывали свои головки изъ-за забора нашего садика, остановился передъ нею нѣмой, неподвижный, какъ будто пораженный волшебнымъ жезломъ. Между-тѣмъ двѣ собаки Альберта производили ужасный шумъ; гончая собака, вставшая въ одно время съ своею госпожею, стояла между ею и молодымъ человѣкомъ, оцѣтнннвшисъ и вытянувъ лапы съ блистающими глазами, оскаливая свои бѣлые и острые зубы на двухъ противниковъ. Къ счастью, я вошелъ, чтобы окончить эту странную сцену; я игралъ роль судьбы древнихъ, которая никогда не опаздывала вступать въ посредничество въ самую запутанную минуту развязки.

Альбертъ забылъ, что онъ пришелъ только на одинъ часъ; весь день прошелъ въ искреннихъ разговорахъ. Мы обѣдали и ужинали на берегу рѣки, танцовали съ нашими крестьянами, подъ тѣнью деревьевъ. Въ сумерки, Нанси хотѣла показать Альберту рѣдкости деревни; мы вмѣстѣ посѣтили готическую церковь съ черепичнымъ навѣсомъ, покрытымъ мохомъ, деревянный крестъ, возвышавшійся на краю тропинки, фонтанъ, вода котораго исцѣляла больныхъ и предохраняла отъ лихорадки. Было одно преданіе объ этомъ чудесномъ источникѣ. Нанси рассказала преданіе, вѣря въ его истину; она перекрестилась предъ Мадонною. Потомъ, когда солнце спряталось за горами Крезы, мы пошли по дорогѣ въ Анземъ. Небо было чисто, тропинки напаяны благоуханіями; соловей пѣлъ въ кустахъ, крылатые насѣкомые журчали въ ночномъ воздухѣ. Наши собаки играли вокругъ насъ, а мы шли тихо, разговаривая о разныхъ вещахъ: нашъ разговоръ былъ то веселъ, дружественъ, то грустенъ, отрывистъ: мы любили, знали другъ друга уже десять лѣтъ, могли видѣться всякій день. Мы дошли такимъ образомъ до Анзема, и Альбертъ насильно увелъ насъ на террасу, которая разстилалась передъ нами; замокъ, какъ и теперь, былъ тогда необитаемъ.

— Восхищайтесь, сказалъ намъ Альбертъ, этими почернѣвшими и полуразрушенными башнями, покрытыми пучками гвоздикъ и флукъ; этимъ расколотымъ фасадомъ, на которомъ еще существуетъ феодалный гербъ; этимъ флюгеромъ, украшеннымъ цѣпями, который скрипитъ на часовнѣ, посмотрите на эти разломанныя ставни, сквозь которыя дуетъ вѣтеръ, на эти рвы,

въ которыхъ растетъ тернъ, на растрескавшихся камняхъ, этого крыльца, между которыми растетъ высокая трава. Здѣсь поэзія исчезаетъ, какъ и вся поэзія во Франціи; надо сибѣшить насладиться всѣмъ этимъ, пока время и промышленность не уничтожили послѣднихъ слѣдовъ ея. Я люблю этотъ старыи замокъ, прибавилъ онъ: это жилище, оставленное своими господами, мнѣ нравится; это то именно и привлекало меня всегда къ нему. Его молчаливый видъ имѣетъ для меня всю прелесть мечтательности, которой я не могу выразить; я нахожу въ уединеніи этихъ развалинъ и въ уединеніи, въ которомъ я выросъ, не знаю самъ, какое то отношеніе, которое, кажется, возбуждаетъ между нами таинственную симпатію. Когда я васъ еще не зналъ, мой другъ, этотъ замокъ былъ обыкновенною цѣлью моихъ прогулокъ, даже и теперь я часто по вечерамъ прихожу сюда мечтать. Вы, сударыня, рассказываете преданія съ такою прелестью, сказалъ онъ моей сестрѣ, улыбаясь: не знаете ли вы какого-нибудь разсказа объ этомъ уединенномъ жилищѣ?

— Исторія этихъ мѣстъ всѣмъ извѣстна, сказалъ я ему: и вы се навѣрное знаете. Маркиза Аврелія Коммервилъ исчезла изъ Анжема за годъ до смерти своей матери. Причины, побудившія ее къ этому, остались тайною для этой страны, и розысканія, которыя были сдѣланы на счетъ ея отъѣзда, были такъ невѣроятны, такъ различны, что не стоить и говорить объ нихъ. Маркиза Коммервилъ была тогда 16-ти лѣтъ. Мать ея умерла угнетенная преслѣбіемъ всѣхъ...

— Но несчастная и оставленная всѣми, покинула подхватить Нанси, послѣ своей смерти заслужила за свои грѣхи прощеніе на землѣ и на небесахъ.

— Съ-тѣхъ-лоръ прошло много лѣтъ, возразилъ я: и дочь древнихъ владѣтелей не видала болѣе этого замка.

— Да спасетъ ее Богъ, вскричала Нанси: говорить, она была добра къ бѣднымъ.

— Бѣдные нашли ее опять въ другой разъ, сказалъ Альбертъ, смотря съ любовью на дѣвушку.

Нанси потушила глаза.

Я пожалъ руку Альберта, и мы разстались.

Ночь была холодна, вѣтеръ становился сибѣже, и я чувствовалъ, какъ рука сестры моей дрожала въ моей рукѣ.

II.

Что должно было случиться, то исполнилось: двое этихъ молодыхъ людей увидѣли и полюбили другъ друга, а же ничего не предвидѣлъ. Я не понималъ, что двѣ души эти должны были соединиться, какъ блуждающіе огоньки, притягивающіе другъ друга и сливающіеся вмѣстѣ. Я видѣлъ какъ Навси дрожала и блѣднѣла при появленіи Альберта, я видѣлъ, что она становилась грустнѣе и задумчивѣе, когда онъ удалялся вечеромъ; возлѣ нея Альбертъ былъ болзливъ и самъ не собой, возлѣ меня разсѣянъ и мечтателемъ; его дружба не была такъ искренна, а сестрина не была такъ нѣжна: я видѣлъ все, мнѣчего не понимая. Я страдалъ, видя ихъ печаль, и не могъ объяснить ее; я не угадывалъ, что сердца ихъ обмѣнялись своимъ богатствомъ, которое до-тѣхъ-порѣ называлось на одного меня.

Г. С. Естевъ умеръ, и я съ радостію принялъ опекунство надъ его названымъ сыномъ.

Разъ Альбертъ увлекъ меня на тропинку въ саду, и сказалъ:

— Кромѣ васъ, у меня никого нѣтъ въ свѣтѣ; я свободенъ и люблю нашу сестру. Я не могу дать ей никакого имени; состояніе мое мнѣе вашего, но я люблю ее; мы любимъ другъ друга. Мы теперь друзья, хотите-ли вы, чтобы мы были братьями?

Это неожиданное признаніе поразило меня.

— Вы любите другъ друга? сказалъ я строго: и я не зналъ этого!... Альбертъ, вы дурно поступили.

— О! другъ мой, вскрикнулъ молодой человекъ: мы сами этого не знали, и въ тотъ день, когда мы открыли, что любимъ другъ друга, мы еще не сказали этого самимъ себѣ. Сердце наше чувствовало и несознавалось; только вчера узнали мы объ этомъ вмѣстѣ. Я не знаю какъ это сдѣлалось: за четверть часа предъ тѣмъ я сидѣлъ возлѣ вашей сестры; я взялъ ее за руку, которую осмѣлился пожать, и любовь наша открылась, такъ что мы и не думали предостеречь себя отъ нея, ни предаться ей. Максимъ, простите меня.

Слова эти усюкоили меня: еще было время выслетить болѣзнь, которую я не умѣлъ предупредить.

— Вы любите другъ друга! повторилъ я: чего-же вы надѣетесь теперь?

— Мы хотимъ составить себѣ счастье, раздѣлять вмѣстѣ радость и горе.

— Однимъ-словомъ, вы хотите жениться? замѣтилъ я съ улыбкою.

— Да, мы хотимъ этого, отвѣчалъ мнѣ съ рѣшительнымъ видомъ семнадцатилѣтній юноша.

Мы примѣтили мелькающее около забора платье. Приходъ Нанси прервалъ нашъ разговоръ.

Я пригласилъ Альберта возвратиться въ Анземъ, и общалъ дать ему отвѣтъ завтра утромъ.

Проводивъ его, я удалилъ сестру; мнѣ нужно было уединеніе, и я отправился на берегъ Крезы, подумать о словахъ Альберта.

Обвиняйте меня въ эгоизмѣ: первыя разсужденія мои были полны скорби и горести.

Старый опытомъ, давно излеченный отъ этого нервическаго и болѣзненнаго состоянія, которое вы называєте любовью, я нашелъ счастье въ привязанности болѣе мирной и вѣрной, и никогда не думалъ, чтобы счастье это могло когда-нибудь оставить меня. Открытіе Альберта представило мнѣ жизнь въ новомъ видѣ; оно мнѣ показало дѣйствительность, и послѣдняя мечта моя исчезла. Тогда я понялъ, что былъ для моей сестры только временною опорой, что жизнь Хранила для нея новыя привязанности, большее счастье, чѣмъ любовь брата; я понялъ это, и сталъ ревновать; я обвинялъ я жизнь и сестру. Я также предвидѣлъ мученія въ будущемъ, которое открывалось предъ нами, и предчувствуя грозу, которая должна была разразиться надъ нею, съ ужасомъ видѣлъ тотъ день, въ которой судьба ея отдѣлится отъ моей... О! зачѣмъ, прекрасный цвѣтокъ, моя ревнивая нѣжность не скрыла тебя подъ тѣнью нашихъ лѣсовъ! зачѣмъ не оставилъ я тебя благоухать въ уединеніи! зачѣмъ предала тебя моя слѣпая довѣренность свѣтскимъ бурямъ! Увы! ты была слишкомъ слаба: блескъ твой скоро поблѣднѣлъ, и лишь только несчастье успѣло покрыть грустью чело твое, какъ ты уже склонилась къ смерти...

Скрывъ горестное впечатлѣніе, которое произвели на меня слова Альберта, я обдумывалъ, что мнѣ предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ, и провелъ ночь, предназначывая планъ дѣйствій.

Во-первыхъ я рѣшился сохранить тайну Нанси и не добиваться ея довѣренности.

Въ сердцѣ молодой дѣвушки, когда оно открывается для любви, есть столько тонкихъ отбѣнокъ, непримѣтныхъ грубой натурѣ мужчины. Съ утреннею зарею я поѣхалъ въ Анверъ къ Альберту, и провелъ съ нимъ все утро, разбирая различные вопросы, относящіеся къ наслѣдству покойника.

— Есть вопросы, которые для меня еще дороже денежныхъ, сказалъ наконецъ пылкій молодой человекъ, перебирая съ интересѣннѣе титулы и пергаменты.

Потомъ онъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на меня съ беспокойствомъ.

— Я понимаю васъ, сказалъ я ему. Выслушайте меня. Вы любите мою сестру, но точно ли вы убѣждены въ этомъ? Подумали ли вы о своихъ чувствахъ и о своей молодости; не увлечены ли вы только пылкію вашихъ желаній? Моя сестра васъ любитъ, но ея любовь не есть ли это простое, неопредѣленное чувство, жажда любить, которую мы чувствуемъ въ первой молодости ко всему, что насъ окружаетъ? Не есть ли это скорѣе инстинктъ сердца, которое пробуждается, нежели привязанность души разсудительной? Дѣти оба, вы еще не знаете жизни. Въ ваши лѣта сердце часто принимаетъ за любовь то пылкое беспокойство, которое ее ищетъ и призываетъ; оно безумно предается ему; но заблужденіе кратко, разочарованіе скоро слѣдуетъ за нимъ, а горестъ вѣчна. Впрочемъ, я вѣрю, да, вѣрю, Альбертъ, что счастье моей сестры состоитъ въ васъ, а ваше въ ней; я нахожу, что ваши души достойны соединиться, и я не поколеблюсь вручить вамъ современемъ сокровище, которое получилъ отъ моего умирающаго отца, если вы будете достойны его; но вамъ должно будетъ завоевать это сокровище. Вы прекрасны и великодушны, вы чисты и пламенны къ добру, но вы еще не боролись, не страдали. Эти основанія счастья, которые Богъ далъ вамъ, могутъ ли противустоять искушеніямъ свѣта? Цвѣты вашей юности принесутъ ли плоды? Въ борьбѣ съ жизнью выйдете ли вы всегда благороднымъ и незанятпаннымъ? Послушайте, Альбертъ, посоветуйтесь съ вашими сядами; борьба предложена вамъ: сестра будетъ наградою побѣдителя.

— Говорите, вскричалъ онъ: я готовъ на всѣ испытанія.

— Хорошо, молодой человекъ, испытаніе будутъ долго и тяжело, но побѣда прекрасна и блистательна.

— Говорите же, вскричалъ опять Альбертъ: только разчетливая храбрость торгуется со счастьемъ.

— Охъ мой, сказалъ я ему: я видѣлъ много храбрцевъ, вступающихъ на подобное поприще съ поднятымъ чоломъ и надменнымъ видомъ, и потомъ чрезъ нѣсколько часовъ возвращающихся съ кровными и съ поникшею главою. Я видѣлъ несбывшимися блестящія надежды, увидѣвши много молодыхъ кустарниковъ, бывшихъ, подобно вамъ, въ великомъ цвѣтѣ. Вы ошиблись, если думали, что добродѣтель легко достается; тропинки къ ней круты и скользки; самая твердая нога сползается.

— Любовь вашей сестры поддержитъ меня, сказалъ Альбертъ.

— Такъ подчинитесь же испытаніямъ жизни. Что бы вы стали дѣлать въ этой деревнѣ? Вы не могли думать, чтобы я вручилъ судьбу моей дорогой Нанси неопытности вашихъ лѣтъ. Уѣзжайте отсюда въ Парижъ, изучать людей и вещи. Выберите какое-нибудь званіе; обезпечьте вашу будущность, судьба моей сестры зависить отъ васъ. Случай можетъ отнять у васъ богатство, которое онъ вамъ далъ; ищите въ трудѣ и занятіяхъ болѣе вѣрные способы къ существованію. Каждую осень вы будете приѣзжать къ намъ; потомъ, когда вы сдѣлаетесь челоуѣкомъ, если разлука, время, размышленіе не потушатъ вашей страстной любви и любви моей сестры; если ваши сердца, ссѣрѣвши съ лѣтами, будутъ еще чувствовать привязанность другъ къ другу, тогда я безъ опасенія допущу ихъ соединиться вѣчными узамъ.

Альбертъ не отвѣчалъ мнѣ.

— Неужели ваша храбрость уже ослабѣваетъ, сказалъ я ему: или можетъ быть награда за борьбу, кажется вамъ незаслуживающею усилій!

— Я уѣду! вскричалъ онъ наконецъ, задыхающимся голосомъ.

— Осень кончается, прибавилъ я тотчасъ: ны уже въ началѣ ноября; лекціи въ Парижѣ скоро откроются. Докторомъ или законовѣдцемъ, вамъ надобно вѣхать черезъ недѣлю.

— Я уѣду черезъ недѣлю, сказалъ онъ наконецъ, отирая слезы, которыя текли изъ глазъ его.

— Обнявъ же меня, вскричалъ я, привлекая его къ себѣ. Да покровительствуетъ тебѣ любовь Нанси, да будетъ она тебѣ ангеломъ хранителемъ и да осѣнитъ она тебя! Если ты исполнишь свои обѣщанія, я исполню мои клятвы. Осуши же слезы свои, братъ мой!

— Въ эти долгие годы, сказалъ Альбертъ, будете ли вы мнѣ непрежнему другомъ. Тогда, какъ я буду бороться со свѣтомъ, послушаетесь ли вы вашей дружбы, и вспомните, что и сирота, не будете ли вы искать для вашей сестры болѣе блестящей партіи?

— Замолюте, сказалъ я ему: вѣрите мнѣ! При исполненіи моихъ намереній, свѣтъ не будетъ ничего значить; все будетъ состоять въ вашемъ счастьи и въ счастьи моей сестры. Если я когда-нибудь спрошу отчета о вашихъ предкахъ, отвѣчайте мнѣ вашими добродѣтелями.

Было положено, что Альбертъ отправится 4-го ноября въ Парижъ, изучать курсъ законовѣдѣнія. Я воспользовался послѣднимъ временемъ пребыванія его въ Анверъ, чтобы узнать, въ какомъ состояніи находится его дѣла, которыми и долженъ былъ управлять, и далъ ему нѣсколько совѣтовъ на счетъ нововведеній, которые внушила мнѣ опытность. Мы условились не говорить Нанси о нашихъ предположеніяхъ до сегодняшняго отъѣзда. Этотъ день скоро пришелъ. Дилжансъ долженъ былъ идти Альберта въ 7 часовъ вечера по дорогѣ въ Парижъ: въ 6 часовъ мы всѣ трое собрались въ нашей залѣ; углубленные въ мысли, мы смотрѣли на уголья, горящія въ каминѣ.

Одна лампа насъ освѣщала; слышался только трескъ пламени и свистъ сѣвернаго вѣтра, который стучалъ въ ставни и въ черепицы крыши. Нанси еще ничего не знала, но печальное предчувствіе угнетало ее душу, и взглядъ ея съ волнованіемъ спрашивалъ о причинѣ нашей мрачной грусти. Часы пробилъ 7, и бой ихъ вывелъ меня и Альберта изъ мечтательности, въ которую мы были погружены; мы встали оба молча.

Нанси встала вмѣстѣ съ нами, блѣдная, трепещущая, и спросила: что съ вами? Я удалился въ углубленіе окна и слышалъ какъ Альбертъ сказалъ ей: Я уѣзжаю въ Парижъ, трудиться для моей будущности и для вашей; если вы сохраните ко мнѣ любовь, вашъ братецъ соединитъ насъ, когда я буду достоинъ васъ.

Съ этими словами Альбертъ закрылъ свое лицо и горько заплакалъ. Нанси, заплаканныя, выбѣжала изъ залы и скрылась въ своей комнатѣ. Я поручалъ ей кормилицѣ смотреть за ней, и увѣкъ моего несчастнаго друга.

— Помните твердость, говорилъ я ему: примите горестъ съ благодарностію; человекъ, который не страдалъ, не совершеннѣе; счастье расслабляетъ его; закаленный въ горѣ, онъ выходитъ изъ него блестящимъ, какъ сталь. Вы еще очень мо-

люды, чтобъ страдать, но это благородное страданіе; оно возвышаетъ нашу душу и очищаетъ ее.

Наконецъ, вышелъ на тропинку, я посадилъ его подлѣ себя, на кучу камней, которая лежала на краю дороги, и такъ, завернувшись въ наши плащи, мы ждали кареты. Альбертъ былъ истомленъ ощущеніями и едва держался на ногахъ.

— Я оставляю въ этихъ мѣстахъ мое сердце, сказалъ онъ, глядя на голыя скалы, по которымъ мы такъ часто гуляли вѣсть.

— А наше будетъ вездѣ слѣдовать за вами, сказалъ я, сжимая его въ объятіяхъ.

Карета остановилась передъ нами. Кондукторъ, опираясь на отворенныя дверцы, ждалъ молодаго путешественника. Альбертъ обнялъ меня, бросился въ карету, спустилъ стору и протянулъ мнѣ руку. Я схватилъ ее, и не смотря на глину, которая приставала къ моимъ ногамъ и затрудняла мой путь, шелъ такимъ образомъ возлѣ кареты до вершины холма; потомъ лошади поскакали галопомъ, и вѣтеръ донесъ до меня послѣднія прощанія моего друга.

Я возвратился домой грустный, но довольный самимъ собою. Я приготовилъ будущность моей сестры и отдалилъ всѣ опасности, угрожавшія ея молодости и неопытности. Когда я возвратился домой, Нанси не приняла меня.

На другой день она была серьезна и молчалива, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы ни слова не говорили объ Альбертѣ.

III.

Наша жизнь, на долго потрясенная этимъ непредвидѣннымъ ударомъ, сдѣлалась наконецъ повидимому нѣсколько спокойнѣе. Я достигъ до того, что сестра начала говорить со мной о своей любви; я заставилъ ее покориться моимъ распоряженіямъ на счетъ ея настоящаго спокойствія и будущаго счастья: она согласилась со всѣмъ, и съ чувствомъ благодарила меня. Опасдѣлалась опять весела, и находила въ письмахъ, которыя мнѣ писалъ Альбертъ, развлеченіе въ горестяхъ, разлуки. Мы часто разго-

варивали о нашем молодомъ другѣ; не обладавшая никогда страсть Нанси, я слушалъ ее снисходительно; я ободрялъ ее душу и усмиралъ ее стремленіе, смотря потому какъ ея опасенное воображеніе представляло жизнь въ мрачныхъ картинахъ, или, ослѣпленное надеждою, изображало ее слишкомъ блистательною. Такимъ образомъ я старался предохранить ее отъ слишкомъ сильныхъ ощущеній, которыя безиременно выводятъ насъ изъ дѣйствительности. По этой-то причинѣ я не позволилъ молодымъ людямъ переписываться въ первые годы ихъ разлуки.

Въ ихъ лѣта любовь въ выраженіяхъ всегда выше истины; при этихъ пламенныхъ обѣщаніяхъ умъ дѣлается восторженнымъ, голова воспламеняется, и когда настаетъ дѣйствительность, воображеніе остается холоднымъ и оплакиваетъ очаровательное сновидѣніе. Что касается до меня, я любилъ письма Альберта, я слѣдовалъ на каждой страницѣ за развитіемъ его разума; въ каждой строкѣ я находилъ чистоту его сердца, живость ума и то наивное тщеславіе, которое такъ идетъ къ молодости.

Такимъ образомъ прошла зима; весною однообразіе нашей страны было прервано происшествіемъ, которое исторгло у жителей болѣе удивленія, восклицаній и эпитетовъ, нежели свадьба внуки Генриха IV съ бѣднымъ гасконскимъ дворяниномъ у г-жи де *Севинье*. Это была вѣсьняшка удивленія; новость эта занимала земледѣльцевъ въ часы ихъ отдохновенія: Сен-Леонардскіе салоны съ завистию набросились на добычу, предоставленную ихъ злости, и быстрота ихъ глупостей оставила на нѣсколько мѣсяцевъ въ покоѣ всѣхъ честныхъ и великодушныхъ людей въ городѣ.

Это происшествіе было—возвращеніе Аврелии Сомервилъ въ Анземъ. Она покинула его шестнадцать лѣтъ, и въ продолженіе восемнадцати лѣтъ объ ней никто не слыхалъ. Проведя осьмнадцать лѣтъ жизнь скитальческую и безпокойную, она возвратилась одна, усталая, истомленная, чтобы успокоиться и умереть во владѣніяхъ своихъ предковъ. Ничего не знали о ея судьбѣ и просто называли ее: маркизою Сомервилъ. Сердце ея должно было сжаться, когда послѣ столькихъ тяжелыхъ дней, она увидѣла мѣста, въ которыхъ провела свое рѣзвое дѣтство, мечтательную молодость. Истерзанная бурями, она нашла деревья, которыя оставила такими же слабыми и нѣжными, какъ она сама, высокими и крѣпкими. Чуждая въ этой странѣ,

гдѣ смерть и забвѣніе гитчали дѣть ея души любовью молодой дѣвѣ, Соммервилль, юной силой старалась избѣгнуть всякихъ сношеній съ Сэн-Доннеромъ. Рѣшилась жить одна, она совершенно посвятила себя благосостоянію своихъ крестьянъ. Въ городѣ ее обвиняли въ гордости, но имя ея было благословлено въ поляхъ. Едва промелькнулъ мѣсяцъ со времени ея возвращенія, какъ дѣла Альберта привели меня къ ней. Управляющій имѣніемъ маркизы Соммервилль, упрямый и ограниченнаго ума старикъ, съ давнихъ поръ присвоивалъ себѣ участокъ земли, на которое имѣлъ полное право мой воспитанникъ. Сперва я представилъ свои права старику, но онъ продолжалъ уперствовать; тогда, чтобы избѣжать процесса, я рѣшился обратиться къ самой маркизѣ, увѣренній, что ея просвѣщенный умъ оправдаетъ меня. Признаюсь, я долго не рѣшался на это; я боялся, чтобы она не привисала моего прихода неспрошеному любопытству, которое ее преслѣдовало въ этой странѣ. Однако же я отправился въ одно прекрасное майское утро, и скоро пріѣхалъ въ Анземъ. Я нашелъ маркизу одну, прогуливающуюся по террасѣ замка. Я видѣлъ ее прежде только издали на лошади, сквозь зелень. Я удивился, найдя ее столь прекрасною и молодою. Я приблизился къ ней, и сказавъ мое имя и званіе, объяснилъ ей дѣло, приведшее меня въ Анземъ. Соммервилль не дала мнѣ кончить.

— Милостивый государь, съ добротой сказала она мнѣ:— я рада васъ видѣть; ваше имя мнѣ знакомо; я не забыла о вашемъ семействѣ. Я помню, что вы еще ребенкомъ ѣздили къ замку; вашъ отецъ былъ высокаго роста, и съ серогими глазами; это былъ человекъ самый честный. Вы же, сударь, вы были смуглы также какъ и теперь, и любили играть со мной на травѣ. Вы позабыли это; съ тѣхъ поръ прошло столько времени! Вы тогда еще были ребенкомъ! При вашемъ имени сердце мое затрепетало, и предо мной открылась картина моей молодости....

— А вы, прибавила она, вы счастливѣе меня? Сохранили ли вы какое-нибудь воспоминаніе? Попадало ли время вашимъ роднымъ, вашимъ друзьямъ? Конечно да, вы еще такъ молоды; время пролетѣло только для меня!

— Маркиза, сказалъ я, оно летитъ одинаково, и никто не избѣгнетъ его: у меня осталась только одна сестра.

— У васъ есть сестра, сказала она живо, молода она?

— Да, сударыня.

— И хороша себою?

— Да, маркиза.

— И вы любите друг друга; вы живете среди людей, один, счастливые?

— Да!

Она подумала нѣсколько минутъ.

— Я не думала, сказала она, взять меня подъ руку и подвести къ крыльцу, чтобы въ этой бѣдной странѣ я могла найти два существа, которыя бы такъ любили другъ друга и были бы такъ взаимно счастливы. Я хочу познакомиться съ Нанси; я буду любить ее, я заступлю ей мѣсто матери. Франкъ, сказала она одному изъ своихъ слугителей: ты поставишь прибрать эту комнату господину.... Вы будете завтракать въ замкѣ, прибавила она, обращаясь ко мнѣ.... Какое же у васъ есть до меня дѣло? Я васъ заранѣе оправдываю.

Я рассказывалъ ей правдѣ, которыя я объявилъ въ пользу Альберта.

— Альбертъ! воскликнула она, не разслушавъ отвѣта, который я растолковывалъ ей какъ можно яснѣе. Кто это такой Альбертъ?

Я рассказывалъ жизнь этого молодого человѣка, не говоря ей о любви его къ Нанси. Сомервиль слушала меня со вниманіемъ, и сдѣлала нѣсколько вопросовъ, относящихся къ моему воспитаннику.

— Вѣрно мой управляющій окончательно помѣшался, сказала она съ сердцемъ. Франкъ, попроси г. Губерта придти въ залу. Мы сидѣли за столомъ, когда Губертъ вошелъ.

— Наконецъ-то вы пришли, сказала г-жа Сомервиль, бросивъ сердитый взглядъ на бѣднаго управляющаго, дрожащаго передъ ней. Вы рѣшились уничтожить меня, вы хотите отнять у меня все имѣніе, раззорить меня, привести въ нищету? По правдѣ, сударь, у васъ странное средство управлять моимъ имѣніемъ и увеличивать мои доходы! Вы знаете, какъ дорого обходится эта пустошь; вы знаете, что она ничего не приноситъ. И вы оспариваете у опекуна г. Альберта десять десятинъ этой неблагоприятной земли! Даже, еслибъ вы и имѣли на это право, то вы бы напрасно старались присвоить ее себѣ; это тягостное право, и съ этого дня я отказываюсь отъ него. Пусть г-нъ Альбертъ владѣетъ этой пустошью, а вы, сударь, старайтесь впередъ болѣе думать о доходахъ, которыя я вамъ звѣрила.

Несчастный Губертъ стоялъ посреди залы блѣдный, съ опущенными руками, съ открытымъ ртомъ; я думаю, онъ бы остал-

ся такъ долго, еслибъ г-жа де Соммервилль не протянула ему руку съ очаровательной граціей.

— Ну, сказала она съ улыбкою: я васъ прощаю; садѣте подлѣ меня и раздѣлите нашъ завтракъ. Онъ очень простъ; но, мой бѣдный другъ, еслибъ я вамъ дала волю на вѣсколько лѣтъ, я не знаю, до какой бы степени вы довели простоту моихъ обѣдовъ.

И обращаясь ко мнѣ она сказала:

— Я уступаю вамъ, сударь, эти десять десятинъ земли.

— Но, сударыня, вскричалъ старикъ, который еще не пришелъ въ себя отъ удивленія: тамъ вѣдь пятнадцать десятинъ.

— Я считала васъ способнымъ удержать только десять десятинъ, сказала г-жа де Соммервилль: но я вамъ прощаю и эти пять за вашу откровенность.

Во весь остатокъ дня, я наблюдалъ за г-жею Соммервилль. Красота ея пережила горести: станъ ея былъ высокъ и гибокъ; нарядъ, хотя не изысканный, но почти кокетливый; кротость ея улыбки заставляла забывать строгость лица, блескъ глазъ оживлялъ его блѣдность. Ея волосы, приподнятые около лба, падали на шею черными, густыми доконами. Гордая безъ тщеславія она покоряла однимъ жестомъ, однимъ изглядомъ; одинъ ея голосъ, кроткій и звучный, уже очаровывалъ; аристократическія манеры удовлетворяли всѣмъ свѣтскимъ требованіямъ, побуждали самыя враждебныя предубѣденія. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не старѣются, которыя остаются всегда женщинами даже въ томъ возрастѣ, гдѣ различіе пола сглаживается, и когда человѣкъ дѣлается старикомъ, какъ въ колыбели, когда онъ бываетъ только ребенкомъ; впрочемъ у нея было скептическое сердце, душа утомленная, которая все испытала и которой все наскучило, жадная развлеченій, и ищущая забвенія самой себя: такую показалось мнѣ съ перваго раза Соммервилль.

Мы вѣсколько разъ заговаривали о моей сестрѣ и объ Альбертѣ. Г-жа Соммервилль останавливалась на всѣхъ подробностяхъ дружбы, которая соединяла насъ троицъ.

— Любите другъ друга, говорила она: долго и всегда; только въ этомъ заключается истинное счастье на землѣ, все прочее не стоить сожалѣнія. Я также, какъ и вы, любила; я также внушала въ мои молодые годы не одну пламенную страсть, но неблагодарность меня всего лишила.... Дай Богъ, чтобъ вамъ никогда не привелось испытать этого. Но можетъ-

быть намъ случится узнать, какъ пріятно тому, кто уже старѣется, потерять существа, которыя ему были дороги, еще въ цвѣтѣ молодости: по — крайней — мѣрѣ мертвые никогда не обманываютъ; ихъ образъ сохраняется чистымъ и прелестнымъ, мы всегда можемъ ихъ любить. Жизнь тяжела! Мы охлаждаемъ живыхъ, и намъ остаются одни мертвые. Счастлива дружба, еще втрое счастливѣе любовь, которая угасла рано, не испытавши неблагодарности и непостоянства, этихъ законовъ жестокой судьбы, и которыя смерть сравнила еще въ цвѣтѣ ихъ прекрасныхъ дней! Это называется умереть во-время.

Въ этихъ разговорахъ наступило время разставанья.

— Прощайте, сказала она, подавая мнѣ свою руку, которую я поцаловалъ. Приходите почаще къ бѣдной, покинутой женщинѣ. Вамъ надобно будетъ пожертвовать собой, а это чувствую; моя жизнь скучна, и сердце мое также; но въ нихъ вы все еще можете найти занимательныя стороны.

Я удался задумчивый, съ душою, исполненною скучными предчувствіями. Кто бы могъ сказать отчего? Я нашелъ г-жу Сомервилъ благородною, великодушною, но не довольно откровенною; ея благосклонность меня очаровала, ея умъ меня прельстилъ, но я оставилъ ее подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія; мнѣ казалось, что судьба должна была преслѣдовать все, что любила эта женщина, и изъ всѣхъ чувствъ, которыя она во мнѣ возбудила, самое сильное, самое непреодолимое, то которое господствовало надъ всѣми,—это былъ страхъ.

Два дня спустя, она пріѣхала къ намъ въ деревню верхомъ. Франкъ сопутствовалъ ей. Цѣлый день пробыла она у насъ. Почтительная ко мнѣ, она была удивительно добра съ моею сестрой, и Нанси скоро была совершенно очарована ею. Владѣтельница замка хотѣла осмотрѣть все наше маленькое имѣніе; она заставила сестру разказать всѣ подробности нашей дружбы. Подъ вечеръ она предложила маленькую прогулку къ жилищу моего воспитанника; мы съ радостію приняли это предложеніе. Франкъ уѣхалъ съ лошадьми, и мы всѣ трое направили нашъ путь къ тропинкѣ дома.—Въ немъ жила одна коровьяца Альберта. Когда мы пришли, добрая женщина пріяла на порогѣ своей хижины. Двѣ собаки Альберта лежали у ея ногъ. Когда мы приблизились, онѣ начали лизать руки Нанси, и коровьяца ввела насъ въ домъ своего молодого господина.

Г-жа де Сомервилъ разсмотрѣла все со вниманіемъ. Видъ комнаты Альберта поразилъ ее. Ружье и пороховница висѣли

на стѣнѣ надъ его кроватью. Все говорило о беспорядкѣ его отъѣзда: возлѣ лампы, которая освѣщала его крѣти, введённая за работой, лежалъ открытый томъ Эмиля; садовые инструменты лежали въ одномъ углу, въ другомъ засохшія растенія и насѣкомыя; бумаги были разбросаны по столу, собраніе минераловъ на пыльных полкахъ. Г-жа Сомервилль съ грустью разсматривала все это.

— Бѣдное дитя! сказала она.... Въ его приведете не нѣтъ, Максимъ; я хочу узнать и полюбить этого молодого человека, котораго вы любите и который любитъ васъ. Скажите ему, что во-время его отсутствія я приходила въ его уединеніе.... Я ему оставляю мой визитный билетъ, прибавила она, отвязывая отъ пояса букетъ фиалокъ, который она положила на одинъ изъ листовъ Эмиля. Когда онъ возвратится, онъ долженъ привезти мнѣ эти цвѣты. — И такъ, говорила она, переходя отъ одного предмета къ другому: здѣсь онъ выросъ. Сколько свѣжихъ мыслей разлилось между этими старыми разважинами! Сколько прелестныхъ сновъ съ золотыми крыльями летали подъ этими зелеными занавѣсками! Лѣта мечтаній, любви и поэзіи, счастливыя лѣта! говорила она.

И когда мы возвращались въ Анжю, она снова хотѣла слышать разсказъ о жизни Альберта.

Съ-тѣхъ-поръ, не проходило дня, чтобы мы всѣ трое не собирались въ замкѣ или въ нашей деревнѣ. Привязанность Нанси къ г-жѣ Сомервилль скоро превратилась въ самую сильную страсть, и самъ я предался этому влеченію. Мы кончили тѣмъ, что пересказали Аврелии всѣ наши предположенія будущаго счастья. Она ихъ одобрила съ восторгомъ, и рдѣляла наши надежды. Она представлялась устарѣвшей и угонленной, но тогда я находилъ ее еще малеже и болѣе способною воссламениться, чѣмъ мы. Мнѣ казалось она готова была на все. Съ сердцемъ ея было тоже самое, что и съ красотой: какъ одна, такъ и другое наслались отъ неумолимаго времени.

Вы не можете себѣ представить дружбы болѣе нѣжной, болѣе безкорыстной и болѣе дѣятельной, какъ ея дружба. Какую прелесть, очарованіе, эта женщина разливала вокругъ себя! Никто не могъ знать ея и въ тоже время не любить, и никто не любилъ ее безъ восторга; всѣ, которые любили ее, любили другъ друга. Нѣкоторыекъ она поразала какъ громомъ, они не знали, для-чего Богъ послалъ ее, — въ наказаніе или какъ благословеніе; но тѣ, вторыхъкъ она только встрѣчала, уносилъ съ собой сладкое воспоминаніе. Она соединяла въ

себя: ей совершенство, но забывала объ нихъ съ тѣмъ же искусствомъ, что женщина было подуметь, что она ихъ не любила; могла бытъ, и въ самомъ дѣлѣ, она не знала бы объ нихъ, если бы злеть не натеропилась открыть ей эти совершенства. Она затинала собою весь Сен-Леонаръ, и всѣ умники этого города не могли простить ей своихъ глупостей и ея превосходства. Въ особенности женщины завидовали ей отъ всего сердца. Ни одна изъ нихъ не могла даже сравниться съ Аврелию, но всѣ онѣ притворялись, что не могутъ даже произнести имени этой женщины при своихъ дочеряхъ. Не было такой смѣшной сказки, которую ихъ воображеніе не сочинило бы, чтобы очернить самое невинное существо. Такова судьба возвышенныхъ душъ: глухая толпа мститъ ихъ генію, насмѣхаясь надъ ихъ нравственностью.

Ненависть этихъ мелкихъ людей упала и на насъ, и заставила насъ отдалиться отъ жителей Сен-Леонара. Это было первое благодѣяніе, которымъ мы обязаны были Аврелию.

— Я васъ уважаю въ мое изгнаніе, говорила она намъ однажды вечеромъ, сидя между мной и моей сестрой блваъ дороге, у плетня.

— Что вы говорите? воскликнула Нанси: изгнанники, остаются въ городѣ.

— Я къ нашему счастью, прибавилъ я.

— Да, сказала Аврелия, взявъ насъ обонкъ за руки: наше счастье состоитъ въ томъ, чтобы быть всѣмъ троицъ вмѣстѣ, любить другъ друга, и не обращать вниманія на Сен-Леонаръ. Но не находите ли вы, моя милая, спросила она, смѣясь, у Нанси: что вы теперь гораздо спокойнѣе и что еще одинъ изгнанныкъ могъ бы жить очень спокойно подъ этими деревьями?

Нанси бросилась къ Аврелию на шею, и скрыла на ея груди краску стыда. Однакоже письма Альберта становились все рѣже, и были писаны уже не въ презнемъ тонѣ: отрывчатыя и печальныя, они мнѣ обнаруживали въ моемъ воспитанникѣ глубокое уныніе; онъ не говорилъ иначе о Нанси, какъ съ замишательствомъ, о живни, какъ съ горестью. Я напрасно стараясь возбудить въ немъ бодрость: его восторгъ не существовалъ болѣе, и молодость, казалось, въ немъ погасла. Въ его слогѣ, отличавшемся неясностью мыслей и выраженій, изображалась его усталая душа: иногда это были ваныщенныя восклицанія, которыя я едва могъ понять, еще чаще мечты, которыхъ я совсѣмъ не понималъ, и всегда сильное изнеможеніе, которое раздирало мнѣ сердце. Я такъ не болѣе года достаточно было,

чтобы истребить эту гедрую твердость. Я скрывалъ мою печаль отъ Нанси и отъ ея подруги: я не хотѣлъ разрушить это счастье, на которое мы надѣялись цѣлые десять мѣсяцовъ, и ждалъ возвращенія Альберта, чтобы узнать его болѣзнь и стараться вылечить его. Я никакъ не могъ заставить себя отказаться отъ надежды; я еще былъ увѣренъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Въ первые дни осени Альбертъ возвратился; но, увы! это уже былъ не онъ.

IV.

Молодость въ наше время испорчена льстецами и поэтами. Льстецы обѣщали ей обладаніе цѣлымъ свѣтомъ. Истощенная, надменная и жадная, она вѣрила ихъ увлекательнымъ обѣщаніямъ. Потомъ, когда настало время разочарованія и когда цѣль, которую они видѣли какъ сквозь восхитительный сонъ надежды, представлялась въ отдаленной будущности, которой опасно и трудно было достигнуть, поэты внушили молодости уныніе и скорбь; и она, находя эту скорбь легче труда, сложа руки, вздумала обвинять жизнь, которой она не понимала, и оплакивать несчастія, которыхъ она не испытывала. Эти несчастія, сначала вымышленныя, вскорѣ осуществились; за праздностью послѣдовала скука, тщеславіе довершило остальное. Стоны раздавались со всѣхъ сторонъ, всѣ старались освободиться отъ дѣйствительной жизни, чтобы предаться бесполезнымъ мечтаніямъ. Эти склонности, усиленныя общественнымъ недугомъ, были увеличены еще болѣе большими умами, краснорѣчиво воспѣвавшими людскія страданія. Зло распространилось скоро; слабыя души, хотя и великодушныя, погубили, пораженныя бездѣйствіемъ; ихъ энергія выразилась въ бесплодныхъ вздохахъ; а другіе, люди менѣе благородные, скрыли эгоизмъ, лѣность и забвеніе своихъ обязанностей подъ выраженіемъ поэтическихъ страданій.

Альбертъ возвратился сильно зараженный этой болѣзью. Я его спрашивалъ и понималъ изъ его отвѣтовъ, что увлеченный пустымъ честолюбіемъ и несчастными вліяніями, онъ

пренебречь своими занятіями, чтобы искать въ высшей сферѣ торжественныхъ волеицій и упоеній славы. Но равнодушіе встрѣтило его первые опыты. Въмѣстѣ съ этимъ общественнымъ недугомъ, онъ получилъ отвращеніе къ ученью жизни. Такова была исторія его обманчивой надежды. И эта старая исторія обновляется. Всегда изнеможеніе прежде достиженія цѣли, уныніе и жалобы прежде битвы и пораженія; великій человекъ притѣсненъ и гений не понятъ; и всегда этотъ нескончаемый Рене, которому мы всѣ подражаемъ въ двадцать лѣтъ!

Новая литература присоединила къ заблужденіямъ этого полодаго человека еще одинъ недостатокъ. Въ представленіи одной драмы, онъ видѣлъ на сценѣ человека, страднаго какъ Отелло, мрачнаго какъ Лара и резонера какъ Гамлетъ. Судьба, несчастная еще до рожденія, мрачная жизнь еще въ колыбели. Этотъ человекъ боролся тщетно съ судьбою; пламенная, настойчивая, непоколебимая, она привязалась къ нему, и ни любовь, ни науки, ни богатство не могли ее умиловить. Этотъ человекъ былъ, подобно Альберту, безъ имени и семейства. Альбертъ глубоко погрузился въ свою горестъ, которой онъ не могъ намѣрить ни объема, ни силы, предался ей и сроднился съ нею; въ свою очередь онъ вообразилъ себя всѣми оставленнымъ, и возненавидѣлъ одиночество, на которое его осудило рожденіе. Неблагодарный! онъ забылъ мою сестру, которая только имъ и жила; онъ забылъ даже меня, котораго называлъ своимъ братомъ! но я всегда замѣчалъ, что эти истомленные молодые люди, отягощающіе свѣтъ своимъ отчаяніемъ, только вздыхаютъ объ одиночествѣ ихъ сердца и оплакиваютъ уединеніе, которому судьба ихъ подвергла. У многихъ изъ этихъ людей есть родители, пожертвовавшіе всѣмъ для нихъ, въ надеждѣ, что они когда-нибудь могутъ быть предметомъ ихъ гордости и подпорою ихъ старости. Также много есть и такихъ, отъ будущности которыхъ зависѣла судьба ихъ молодой сестры, которая сдѣлается бѣдной и останется безъ всякой помощи, если они не будутъ ей покровительствовать. Наконецъ мало такихъ, которые бы не имѣли священныхъ обязанностей.

Ничтожное, тщеславное поколѣніе! воображающее, что его назначеніе совсѣмъ не то, на которое его обрекла судьба, и которое всю жизнь жалуется на свою судьбу, пренебрегаетъ счастіемъ, ему назначеннымъ, стремясь къ другому только потому, что оно блистательнѣе ожидающей его участи. Не мало употреблено краснорѣчія, чтобы уменьшить наши бѣдствія:

довольно страдали мы: настало время действовать, и каждый из насъ, исполняя долгъ, къ которому онъ призванъ, отдастъ дань славы, къ которой стремится.

Я не былъ снисходителемъ къ Альберту: строго упрекалъ его за нерадѣніе къ наукамъ, которыя онъ забывалъ, покорялся безумнымъ мечтаньямъ; бранилъ за его уныніе и лѣность, за его ребяческія грезы, напоминалъ ему объ общаніяхъ, данныхъ мнѣ при отъѣздѣ.

— Сдержали ли вы ихъ? спросилъ я его. Я вѣрно и твердою рукою начертаю вамъ планъ, которому вы должны были слѣдовать: а вы слѣдовали ли ему? Что сдѣлали вы съ мужествомъ, которое ни въ чемъ не находило сомнѣнія? Что стало съ любовью, которая не находила прегрѣды? Едва успѣли вы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ почувствовали невозможеніе. Вы обвиняете теперь судьбу за то, что она прикрыла васъ своимъ крыломъ. Чего надѣялись вы, начиная вашу жизнь? Что пути ея будутъ выровнены, и что плоды и древесная тѣнь склонятся надъ вашей головой? Тѣнь встрѣчается рѣдко, плоды же постоянно ускользаютъ отъ насъ. Какое средство употребили вы, чтобы достигнуть ихъ? Вы считаете себя несчастнымъ, я же признаю васъ виновнымъ. Несчастныи! повторяете вы. Васъ спросить: отчего? Безъ сомнѣнія оттого, что вы не успѣли еще въ продолженіе десяти мѣсяцевъ осуществить ваши желанія, подчинить себѣ весь свѣтъ. Но вы еще такъ молоды! Или можетъ быть свѣтъ не понялъ васъ? Но вамъ не богѣе восемнадцать лѣтъ!...

— Не сомнѣвайтесь въ томъ, что свѣтъ когда-нибудь заглядитъ свое заблужденіе; дайте только ему время узнать и оцѣнить васъ, людей, которые считаютъ себя великими, такъ много, что они должны быть ему въ тягость. Вы жалуетесь на отверженіе, которое начинается съ самаго вашего рожденія: это предосудительное мнѣніе, которое здравый разумъ не называетъ справедливостью, и герой, котораго вы берете вашимъ образцомъ, не что иное въ нашемъ обществѣ, какъ анахронизмъ. Что же касается до того, что всѣ избѣгаютъ васъ, это важнѣе: вѣдь вы сами были неблагодарны къ тѣмъ, которые предлагали вамъ свою любовь и свои старанія составить ваше счастье. Вы видите, что вы несчастны потому, что сами въ томъ виноваты.

Вотъ наставленія, которыя я давалъ Альберту на всѣ его декламации. Что касается до Нанси, не имѣя другаго ума, кромѣ здраваго смысла и простой души, она не понимала горести своего друга.

— Что съ вами, говорила она ему: я не узнаю васъ послѣ вашего возвращенія? Я хотѣла бы знать ваше горе, чтобы помочь вамъ. Мы не перестали васъ также любить и никогда не отдѣляли нашей судьбы отъ вашей: къ чему же эта горестъ и уныніе? Развѣ вы болѣе не довольны нашими ласками, нашими предположеніями о сельскомъ блаженствѣ; они вамъ болѣе не нравятся? Наконецъ вы, вѣрно, насъ болѣе не любите? Скажите: вы насъ обманываете, вы скрываете ваши надежды отъ нашихъ друзей? Если они не въ состояніи раздѣлить вашихъ горестей, значить вы имѣете радости, которыхъ они чужды? Вы жалуетесь на всѣхъ и на все; свѣтъ не такъ черенъ, какъ вы воображаете; да и что вамъ до людей и до свѣта, если мы нисколько не переживались? Посмотрите на нашихъ лѣса, развѣ они не такъ же прекрасны; развѣ наше небо менѣе ясно, наши рѣки не такъ прозрачны и чисты; сердца наши расположены къ вамъ не такъ, какъ прежде? Было время, и я также была печальна, мыслительна и задумчива; но съ тѣхъ поръ, какъ Максимъ благословлялъ нашу любовь, я сдѣлалась поврежнему спокойною, а вы, неблагодарный, вы потеряли довѣрчивость; я стала вѣрить въ счастье, а вы, жестокой, еще не нашли его! Чего вамъ не достаетъ? Развѣ Максимъ не считаетъ васъ своимъ братомъ? Вы не считаете себя развѣ моимъ братомъ? Развѣ я для васъ не болѣе, какъ сестра?

Столько благосклонности возбуждало, повидимому, мужество въ Альбертѣ, но любовь его не находила той прелести и молодости, какъ прежде. Все кончилось для нашего счастья! равнодушіе Альберта и горестъ Нанси, скрытыя до-сихъ-поръ, у одного отъ угрызенія, у другой отъ надежды, ждали только перваго случая, чтобъ вспыхнуть. Случай этотъ не замедлилъ представиться.

Во время поѣздки Альберта въ Парижъ я ему часто рассказывалъ въ моихъ письмахъ о г-жѣ Сомервилъ и о живѣйшемъ ея желаніи познакомиться съ нимъ; я ему рассказавъ также о нашемъ посѣщеніи его домика, о привязанности этой женщины къ намъ, о дружбѣ, которая соединяла насъ троихъ.

Когда онъ пріѣхалъ, г-жа Сомервилъ была не такъ здорова, и долго не являлась къ намъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Альберта, я предложилъ ему идти съ нами, то есть со мной и моею сестрой, въ Анжескій замокъ; но такъ какъ я довольно строго побранилъ его за употребленіе его времени въ Парижѣ и за послѣдствія его ученія въ продолженіе пер-

ваго года, сердитый и капризный, недовольный самимъ собою, всегда недовольный и другими, онъ сухо отказалъ мнѣ.

— Да и что такое эта г-жа Соммервиль? спросилъ онъ меня. За чѣмъ позволять постороннимъ вмѣшиваться въ нашу искреннюю дружбу? Развѣ мы не были счастливы втроемъ? И зачѣмъ эта новая дружба? Не сами ли вы говорили мнѣ, на террасѣ въ Анземѣ, что эта женщина оставила мать свою? Я нахожу, что ваша благосклонность очень скоро рождается, ваше уваженіе слишкомъ неразборчиво, и воспоминанія ваши очень снисходительны!

— Неговорите ничего дурнаго про эту женщину! возразила почти разгнѣванная Нанси.... Зачѣмъ злословите вы ее? прибавила она съ кротостью, когда знаете, что я люблю ее?

— Вы обижаете, сказалъ я ему холодно: все, что есть великаго и прекраснаго на землѣ.

— Хорошо, пусть такъ, отвѣчалъ Альбертъ, котораго сознание своей ошибки дѣлало еще упрямѣе. Меня только удивляетъ, что вы хотите непременно передать мнѣ вашу симпатію и вашъ восторгъ!...

— Вы несправедливы и злы! сказала Нанси, и если бы вы знали г-жу Соммервиль....

— Я не хочу ее звать, прервалъ Альбертъ....

— Пойдемте, прибавила сестра моя умоляющимъ голосомъ: пойдите, Альбертъ, я прошу васъ! Еслибы вы знали, сколько разъ г-жа Соммервиль говорила о васъ съ участіемъ, еслибы вы могли понять это участіе, которое вы ей внушаете, вы не захотѣли бы быть неблагодарнымъ передъ нею.

— Эта-то притворная нѣжность и отдаляетъ меня отъ этой женщины, возразилъ онъ: въ ея заботахъ я вижу только неумѣстное любопытство, которое меня обижаетъ и отъ котораго я съумѣю отдѣлаться. Въ ея участіи я вижу только сильную скуку, которая ищетъ развлеченій и которую я не берусь разогнать.

— Вы всегда готовы воображать все дурное! печально сказала сестра. Не болѣе года, какъ вы вѣрили только въ доброе... И такъ вы не пойдете? прибавила она со слезами. Что подумаетъ г-жа Соммервиль о вашемъ отказѣ и упрямствѣ; она употребила все, чтобы привлечь васъ въ Анземъ; она васъ любитъ, потому что, мы васъ любимъ, даже посѣщала вашъ домъ во время вашего отсутствія.

— Вы забываете, что въ отсутствіе г-жи Соммервиль, я также чаще посѣщала ея жилище. И вы теперь видите, что по-

явленіе маркизы въ домѣ моемъ не что иное, какъ учтивость, которую она должна была отдать.

При этихъ словахъ Альбертъ позвалъ своихъ собакъ и пошелъ чрезъ Сен-Леонардъ къ своему холму. Нанси и я, мы пошли въ Анзема.

— Простите меня, что я передаю вамъ эти ничтожныя подробности обыкновенной жизни; но тутъ-то мы и можемъ судить о людяхъ: на театрѣ свѣта они бываютъ только актеры, играющими свою роль съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и одѣтыми съ большею или меньшею роскошью. Чтобы изучить и подмѣтить таинственныя нити, приводящія ихъ въ движеніе, надо заглянуть въ жизнь простыхъ людей. Сколько убѣжденій, занимающихъ въ настоящее время политическихъ людей, и которыми послужила основаніемъ какая нибудь прихоть! Сколько ревностныхъ подвиговъ, главнымъ источникомъ которыхъ было гордое сознаніе своихъ заблужденій!

Мы шли молча, въ продолженіе всей дороги, занятые оба печальной мыслию, которую боялись вѣрить другъ другу. Не далеко отъ Анзема мы встрѣтили Франка, служителя замка, который ѣхалъ въ Сен-Леонардъ на лошади г-жи Сомервиль. Увидя насъ, онъ осадилъ сердитое животное, и остановился у холма, гдѣ мы его ждали.

— Я ѣду въ городъ, сказалъ Франкъ: за письмами къ г-жѣ Сомервиль; ей теперь лучше, она ждетъ васъ.

Лошадь горячилась, съ нетерпѣніемъ становилась на дыбы, и принудила Франка ускакать галопомъ. Это была лошадь испанской породы, ласковая и покорная, когда чувствовала приближеніе своей доброй госпожи, но на ней не ѣздили во время болѣзни Аврелии, и полная рвенія и огня, она скакала подъ Франкомъ какъ дикое животное.

Когда мы пришли въ замокъ, г-жа Сомервиль сидѣла на крыльцѣ и читала.

— Это вы, мои милые! воскликнула она, вставъ, какъ только насъ увидѣла. Я читала только глазами, а думала о васъ. Прелестная моя, сказала она цалуя Нанси въ лобъ: какъ ты блѣдна, глаза твои красны! Милая, не болитъ ли у тебя что-нибудь? Ты кажется, плакала? Что съ ней, Максимъ? Друзья мои, я очень рада видѣть васъ: въ себѣ я уже не вижу ни веселья, ни молодости—какъ въ васъ. Да благословить васъ Богъ за вашу привязанность къ моему скучному существованію. Когда я съ вами, когда Максимъ согрѣваетъ мои руки своими, а ты, мое милое дитя, обнимаешь меня твоими молоденькими ручками, въ

напоминаете мнѣ цѣбты, постыжные вѣтрома въ скалахъ и распустившіяся на солнцѣ.... Но гдѣ Альбертъ? Мнѣ сказали въ деревнѣ, что онъ возвратился, и я его ждала сегодня. Отчего онъ не съ вами?

Вопросъ г-жи Сомервилль затруднялъ насъ обоихъ; Нанси покраснѣла, опустила глаза и не отвѣчала ни слова; я началъ было бормотать что-то, но остановился на первой же ошибкѣ. Удивленная г-жа Сомервилль, смотрѣла на насъ въ недоумѣніи. Я уже собирался разсказать ей всю правду, какъ вдругъ послышался конскій топотъ у загородаки.

— Что это такое? сказала г-жа Сомервилль: неужели Франкъ уже возвратился изъ Сен-Леонара?

— Это невозможно, сказала Нанси: нѣтъ и двадцати минутъ, какъ мы встрѣтили его по дорогѣ, ведущей въ герольдъ.

— Я однакожь слышу, что это Кортесъ, прибавила г-жа Сомервилль.

Едва она сказала это, какъ Кортесъ, перелетѣвъ подобно вѣтру террасу, сердито остановился у рѣшетки замка. Молодой человѣкъ слезъ съ лошади: онъ былъ блѣдень, разстроень, покрытъ пылью; весь дрожа, онъ прислонился къ разгорѣвшейся лошади.

— Это не Франкъ! сказала г-жа Сомервилль, съ удивленіемъ.

— Это Альбертъ! вскрикнула Нанси съ радостью.

И всѣ трое мы пошли къ нему на встрѣчу.

V.

Никто не избѣжитъ своей судьбы. Мы напрасно стараемся обмануть ее: ея приговоръ напечатлѣнъ на насъ; она ослѣпляетъ и привлекаетъ насъ; только мы думаемъ скрыться отъ нее, какъ рокъ снова увлекаетъ насъ къ ней.

Я уже говорилъ, что домикъ Альберта выходилъ на дорогу, ведущую изъ Анзема въ Сен-Леонаръ. Альбертъ стоялъ у дверей, когда проѣзжалъ Франкъ; онъ остановился, чтобы поговорить съ молодымъ человѣкомъ, котораго еще не видалъ послѣ его приѣзда. Франкъ ѣхалъ на Кортесѣ; Альбертъ, сто-

якъ облокотясь на двойное ружье, которое онъ привезъ изъ Парижа. Альбертъ имѣлъ страсть къ лошадямъ, Франкъ къ хорошему ружью.

— Ты ѣдешь на славной лошади! сказалъ Альбертъ.

— Это Кортесъ, отвѣчалъ Франкъ, хлопая рукой по широкой шеѣ животнаго.

При одномъ имени Кортеса, лошадь заклопала ушами, заржала и начала бить передними ногами объ землю.

— Горда и прекрасна какъ Кастилецъ! сказалъ Альбертъ. Однимъ изъ моихъ задуманныхъ мечтаній было всегда—скакать на хорошемъ конѣ.

— А у васъ славное ружье! отвѣчалъ Франкъ, не обращая вниманія на поэтическую фантазію Альберта и оглядывая ружье, котораго двойной стволъ отсвѣчивалъ полосами на солнцѣ.

— Безполезное оружіе, Франкъ! Я не знаю, куда дѣвались зайцы: мотуру я цѣлые три часа бился попустому, и никакъ не могъ застрѣлить даже одного зайца.

— Оттого, что они васъ теперь не знаютъ и боятся, сказалъ Франкъ съ насмѣшливымъ тономъ и взявъ ружье изъ рукъ Альберта.

Потомъ взведя курокъ, попробовавъ ружье и прицѣливаясь:

— Г. Альбертъ, сказалъ онъ, отдавая ему ружье, я бы съ удовольствіемъ прошелся съ вашимъ ружьемъ и съ вашими собаками по полю въ Сен-Леонаръ, и за это повѣсилъ бы послѣ того на вашу дверь двухъ зайцевъ.

— Если хочешь! отвѣчалъ молодой человекъ: возьми мое ружье и моихъ собакъ, и ступай охотиться; я отведу Кортеса въ Анземъ, и ты найдешь его потомъ привязаннаго къ загородкѣ. Согласенъ ли ты?

Онъ еще не успѣлъ договорить свое предложеніе, какъ Франкъ былъ уже на землѣ, и примѣралъ охотничій костюмъ молодаго человека. Альбертъ взялъ уздечку, поставилъ лѣвую ногу въ стремя, и вскочивъ въ сѣдло поскакалъ въ галопъ, между тѣмъ, какъ Франкъ и двѣ собаки исчезли въ кустахъ.

Кортесъ, не чувствуя подъ собою обыкновенной ноши и управляемый искусной ружью, неся какъ вихрь. Стройный и гибкій станъ Альберта наклонился отъ быстроты бѣга, но онъ держался твердо, непоколебимо, полный огня и отваги, дыша съ радостію, и погоняя коня жестами и голосомъ; ему казалось, что онъ летѣлъ какъ стрѣла. Однако замѣтивъ деревенскую колокольню Анзема и маленькую башню замка, которая рисовалась на пожелтѣвшей зелени, близкій къ цѣли, онъ

хотѣлъ умѣрить бѣгъ Кортеса; но напрасно: вмѣсто того, чтобъ ослабить повода, онъ тянулъ ихъ къ себѣ всѣми силами своихъ мускуловъ, которые и въ случаѣ опасности не напрягались такъ, какъ тутъ, когда онъ противъ воли стремился къ г-жѣ Sommerville; пылокое быстрое животное, чувствуя боль отъ уздечки, сжимавшей ему ротъ, и отъ ногъ всадника, который неловко сидѣлъ на лошади, съ каждой минутой ускоряло свой бѣгъ. Въ нѣсколько секундъ онъ проскакалъ разстояніе Анзема, въ два прыжка проѣхалъ деревню, устремился къ оградѣ, перила которой были отворены, и остановился на террасѣ, у рѣшетки замка.

Альбертъ, очутившись какъ-будто волшебствомъ передъ г-жей Sommerville, понялъ свое положеніе, какъ человѣкъ умный, но воспользовался имъ какъ глупецъ: какъ человѣкъ съ умомъ, онъ приписалъ себѣ всю честь невольной побѣды. Sommerville, удивленная неожиданнымъ появленіемъ нашего друга, благодарила его за то, что онъ успѣшилъ доставить ей удовольствіе своимъ посѣщеніемъ; онъ, не смутясь, отвѣчалъ, что хотѣлъ этимъ собственно доставить удовольствіе себѣ, и какъ глупецъ началъ рассыпаться въ длинныхъ и глупыхъ комплиментахъ, удивившихъ всѣхъ насъ. Слова его такъ странно противорѣчили его суровому выраженію, въ манерахъ его было что-то дерзкое и вмѣстѣ съ тѣмъ болзливое; такое странное сліяніе смѣлости и застѣнчивости, что г-жа Sommerville сама не могла не улыбнуться.

— Если это доставляетъ вамъ удовольствіе, спросила простодушно Нанси: отчего же вы не хотѣли идти вмѣстѣ съ нами? Можетъ быть оттого, что я просила васъ объ этомъ.

При этихъ необдуманыхъ словахъ Альбертъ смѣшался и не отвѣчалъ ни слова.

— Я очень хорошо вижу, прибавила она съ разсерженнымъ видомъ, что здѣсь, кромѣ вашихъ друзей, никто не внушаетъ вамъ отвращенія; вы избѣгаете насъ, а не г-жу Sommerville; дорога показалась бы вамъ очень длинна между мною и братомъ; я моя рука, опираясь на вашу, тяготила бы васъ. Ну чтожь! тѣмъ лучше! пусть вы будете виноваты передъ нами; по-крайней-мѣрѣ мы всегда готовы простить васъ. Но зачѣмъ вы бѣжите насъ, что мы вамъ сдѣлали?

Альбертъ былъ тронутъ; онъ подошелъ къ Нанси, чтобъ утѣшить ее; но она, сердясь, оттолкнула его и сѣла возлѣ г-жи Sommerville.

— Что съ вами, мои друзья? спросила г-жа Sommerville, на-

чего не понимая изъ всего этого: кто изъ васъ объяснить мнѣ это?

— Маркиза, сказалъ Альбертъ, подходя къ ней, повидимому тронутый: я, можетъ быть, потеряю ваше участие и лишусь навсегда вашей благосклонности, но я вамъ признаюсь во всемъ.

И съ благородствомъ человѣка, который обвиняетъ себя, онъ разсказалъ все, что происходило въ нашемъ домѣ, и то, что онъ приведенъ былъ въ Анзетъ отчасти судьбою.

— И такъ, сказала задумчиво г-жа Соммервиль: это вы меня избѣгали! Это очень естественно, и не могло быть иначе: какая симпатія можетъ существовать между вашимъ молодымъ сердцемъ и моимъ? Я нисколько на васъ не сержусь за это.

— Правда, маркиза, сказалъ Альбертъ, опустивъ глаза: я избѣгалъ васъ. Я безумный! Вы меня полюбили, не зная меня, а я не любилъ васъ. Я очень хорошо чувствую, что въ эту минуту мы виноваты оба.

— Не надѣйтесь, сказала смѣясь Соммервиль, что признаніе вашихъ ошибокъ заставитъ также и меня признаться въ моихъ. Въ мои лѣта придерживаются своихъ заблужденій болѣе, чѣмъ въ ваши, и расстаются съ ними съ трудомъ.

При этихъ словахъ, она взяла Альберта за руку и подвела къ сестрѣ. Альбертъ равнодушно поцаловалъ Нанси въ лобъ, и боязливо поднесъ къ своимъ трепещущимъ губамъ руку, которую онъ держалъ въ своей рукѣ.

— Ахъ, Максимъ! воскликнулъ онъ съ восторгомъ, между тѣмъ, какъ Соммервиль утѣшала бѣдную сестру: какъ женщина эта хороша! какъ печаленъ и кротокъ взглядъ ея, какое благородное, страдальческое лицо! И какъ она граціозна, Максимъ! Вы мнѣ не говорили обо всемъ этомъ. Она также молода и прекрасна, она прекрасна еще болѣе потеряю своей красоты. Сколько покорности на этомъ величественномъ, блѣдномъ лицѣ! И эта женщина васъ любитъ, Максимъ, и вы также смѣете ее любить! Какъ вы счастливы! Когда я почувствовалъ ее руку у моихъ губъ, я думалъ, что не переживу этого.

Слова эти огорчили меня: онъ замѣчалъ только одну Соммервиль, я думалъ о Нанси. Сильно пораженная равнодушіемъ Альберта, она плакала въ объятіяхъ Аврелин, которая осыпала поцалуньями ея бѣлокурую головку. И мнѣ тогда маркиза казалась щитомъ, прикрывшимъ мою сестру.

Нанси была печальна въ продолженіе всего дня, но ея другъ не замѣчалъ этого. Соммервиль, желая убѣдить Альберта въ

его несправедливости и вынести эту затруднительную до-
ложеніа, въ которомъ онъ находился передъ всю, употребилъ
все, что только можетъ очаровать и прельстить. Альбертъ
былъ побужденъ, и сомнѣе не такъ скоро гаснотъ за наивны
горами, какъ образъ Нанси изгладился изъ его сердца. Это
потому, что образъ этотъ былъ уже и безъ того очень блѣ-
денъ и слабъ въ его памяти; этому сердцу, потерявшему свою
дѣвственность отъ литературныхъ заблужденій, которыя отъ-
рываютъ человека и дѣлаютъ разочарованнымъ въ двадцать лѣтъ,
тихія волненія чистой любви не были болѣе достаточны;
этому воображенію, настроенному въ продолженіе десяти мѣ-
сяцевъ лихорадочными ощущеніями, развитыми романами и
пѣсами, скромная дѣвушка, воспитанная въ горахъ, была бы
самая окаяная героиня. Еще прекрасная, таинственная, рома-
ническая энтузіастка, Сомервилъ была напротивъ для него
восхитительнымъ осуществленіемъ неясныхъ, пылкихъ идей,
толпившихся въ его головѣ, и появленіе этой женщины от-
крыло ему тайну и цѣль его новыхъ стремленій.

И потому, надо признаться, этотъ день показалъ всю опро-
чную разницу, отдѣлявшую Нанси отъ Сомервилъ, и сколько
врожденная грація безъ развитія ничтожна передъ гордою увѣ-
ренностью, которую даетъ свѣтская опытность. Въ Нанси я на-
ходилъ всю мою радость, всю мою гордость; любимое суще-
ство было для меня самымъ любезнымъ, и до сихъ поръ я не
думалъ, чтобъ какая-нибудь женщина обладала болѣею красо-
той и болѣшими совершенствами, какъ моя сестра. Нанси, съ
своей стороны, счастливая и твердая любовью Альберта, про-
стодушно вѣрила въ достоинства, которыя онъ въ ней нахо-
дилъ; никогда не воображала она, чтобы женщина любимая
Альбертомъ, была мила и любезна меньше дружокъ. Наша лег-
ковѣрная довѣрчивость исчезла въ одинъ день. Видя, что другъ
ея, которымъ Сомервилъ совсѣмъ завладѣла, не обращаетъ на
нее вниманія, Нанси поняла, что она ничто иное, какъ просто-
душное, скромное дитя, безъ особеннаго ума и опытности, и
въ то время, какъ Аурелія носилась съ Альбертомъ въ мирѣ
вечтаний, за которыми не могла слѣдить сестра, мы тихо шли
са ними грустные и глотая нѣши слезы.

Возвратясь въ замокъ, маркиза съѣла за ройаль. Она пѣла съ
душой. Альбертъ, съ восхищеніемъ слушалъ ее. Нѣжно, стра-
стно олицетворяла она передъ нимъ фантазіи: Анну, Джульет-
ту, Дездемону, Эльвиру. Какъ хороша, какъ трогательна!
слабко мелодической грусти было въ ея голосѣ, вдохнове-

вѣдъ и лизали въ ея взглядѣ, даже въ ея волосахъ, такъ дурноинесенно облежавшихъ ея блѣдное личико! Кто бы не полюбилъ ее? И кто не забылъ бы при ней сестру мою? Альбертъ забылъ все на свѣтѣ; одѣ былъ въ уносѣмъ, а Нанси, желая обмануть свое горе слезами, плакала отъ тоски, какъ будто тронутая музыкой.

Апрелия прочла романсъ. Руки ея еще лежали на клавишахъ, глава быи поднята къ небу, послѣднiе лучи солнца зашла; сивозъ открытъя одна на ея задумчивую голову. Она напомнила мнѣ Коринну на Миаевскомъ мысѣ известнаго живописца. Она медленно встала, подошла къ Нанси, и положивъ руки на голову бѣлокурой дѣвушки, сказала:

— Понятно ничего не могли придумать молодежь и прекраснѣе есть, милое дитя мое!

И обращаясь къ Альберту, она прибавила:

— Альбертъ, мы, кажется, были въ Парижѣ въ одно время его быи прошедшей зимой; я только что прѣехала изъ долгого путешествiя, и приготовлялась къ вѣчному изгнанiю. Нансъ случалось, я думаю, не одинъ разъ быть подъ одной крышей, при блескѣ тѣхъ же огней, дрожать отъ однихъ и тѣхъ же ощущенiй, плакать одними и тѣми же слезами. Можетъ-быть, также въ галереяхъ Лувра мы вѣхстѣ останавливались передъ одними и тѣми же созданiями искусства; можетъ-быть въ одинъ цѣль вечеронъ, на одномъ изъ свискихъ мостовъ, мы любовались старымъ городомъ, покрытымъ вечернимъ сумракомъ. Я любила Парижъ; еще и теперь иногда, подъ широкимъ небомъ, наполненнымъ благоуханiемъ нивъ, я сожалею о непостоянствѣ, переменчивомъ небѣ Парижа. Расскажите мнѣ что нибудь о Парижѣ. Жизнь тамъ такъ полна, такъ скоротечна, любовь народа такъ непостоянна, слава такъ ничтожна; каждый часъ, каждую минуту новыя приключенiя смѣняютъ старыя, и вѣсть вѣхонцовъ отсутствiя, вѣроятно, сдѣлали изъ него другой мiръ, новую страну. И такъ, молодой путешественникъ, возвратясь изъ далекихъ странъ, въ хижину вашихъ родныхъ, расскажите что нибудь о обширномъ городѣ дикаремъ, живущимъ на берегахъ Крезы.

Альбертъ говорилъ остроумно и обдуманно.

Искусный въ этомъ случаѣ, одаренный вѣрнымъ инстинктомъ, стремящiйся къ прекрасному въ искусствѣ, днѣ былъ въ одно и тоже время живописецъ, артистъ, поэтъ; неизвѣстительно возгорженный, молодой человекъ, съ пылкими склонностями, заглавъ каждую мысль какъ доктрину, каждый

набиралось на лаву Везувія! Вы очень счастливы!... А это не маки, засохшая роза; не роза ли Пестуна?

— Нѣтъ! Въ этой книгѣ, какъ и въ моей жизни, всевозможна разбросанна безъ порядка и безъ сюжета. Эта роза напоминаетъ мнѣ дальнѣйшіе берега:

— Это роза заключаетъ въ себѣ, можетъ-быть, цѣлую несутъ бегство, что часто видѣнъ книгой-нибудь несомнѣнной вещию оставалась намъ цѣлую жизнь радости и горя!

— Эта роза переѣзжала моря. Послѣ продолжительнаго путешествія, нашъ брѣвъ, Фаши, при противномъ вѣтрѣ, остановился у Мыса Доброй Надежды. Я была также между пассажирами. Шлюпку спустили на воду, и всякій изъ насъ, утомленный морскою пищею, велѣлъ себѣ принести съ мыса любимое блюдо. Двѣ молоденькія женщины спросили себѣ, одна камелию, другая розу. Мы такъ долго не видѣли цвѣтовъ!

— Вы ходили также по берегамъ Арно?

— Да, я пролила на этихъ берегахъ много слезъ.

— А Римъ, маркиза! вы видѣли Римъ?

— Онъ у васъ подъ руками.... будьте осторожны, а то они превратятся въ пыль.

— Этотъ листокъ плюща?...

— Я сорвала его на развалинахъ Колизея.

— Путешествовать, маркиза, это нечты моей молодости! Сколько разъ я умоляла перелетныхъ птичекъ унести меня на своихъ крыльяхъ и облака, проходящія въ воздухѣ, взять меня съ собою! Если бы я могла когда-нибудь ѣхать въ эти прелестьныя мѣста искать вашихъ слѣдовъ!

— Эта жизнь, непостоянная, безъ глубочайшихъ впечатлѣній, скоро утомляетъ насъ; скоро захочется раскинуть шалунку на любимомъ берегу, который вы не должны болѣе оставлять.

— Какія мѣста вы бы избрали вашимъ райемъ?

— Нашъ рай тамъ, гдѣ мы начали нашу жизнь; это уголокъ земли, гдѣ мы въ первый разъ плакали, гдѣ мы въ первый разъ улыбнулись. Нѣтъ прекраснѣе неба, цвѣтущаго берега, душистыхъ полей, которые заставили бы насъ забыть мѣста, гдѣ мы родились. Родина не пустое слово. Она тамъ, гдѣ былъ любимый и любимый.

— Правда ли, по-крайней-мѣрѣ, что путешествіе развѣиваетъ грусть, что вы можемъ найти подъ другимъ небомъ, тамъ, гдѣ вы обитаете, которая потеряла на своей землѣ?

— Тихина и спокойствіе имѣю. Только одну родину, эту нашу душу. Когда онъ оставитъ ее, какъ будетъ очень трудно найти ей въ разрозненн, пожалуй, наши цѣна и оставшая

тѣ мѣста, гдѣ мы жили, но мы все-таки не убѣдимъ отъ самихъ себя и всздѣ влечемъ за нашими растерзанными сердцами сонещу цѣни, которую разорвали.

Они долго говорили такъ. Альбертъ слушалъ Аврелію съ простодушнымъ удивленіемъ. Онъ самъ себя спрашивалъ, что это за женщина, которая, будучи такъ молода и такъ прекрасна казалось, все знаетъ, все видѣла и все перестрадала. Съ своей стороны Совмервилъ увлекалась прелестью, что можетъ передать свои впечатлѣнія и воспоминанія высокой душѣ, которая оказалась сестрой ея души. Нанси и я слушали молча, на время намъ вмѣшивая въ разговоръ пустые вопросы.

Я не знаю ничего непостояннѣе, разнообразнѣе, увлекательнѣе разговора молодыхъ людей, которые видятъ другъ друга въ первый разъ и уже сочувствуютъ одинъ другому. Они не слѣдятъ за собой, они любятъ другъ друга, и хотѣли бы еще болѣе любить. Какъ стараются они найти между ними новую симпатію, какъ торопятся они подѣлиться богатствомъ сердца!

— Напримѣръ, говорила маркиза наши фамильные портреты не казались намъ смѣшными, за что можетъ-быть, вы меня и осуждаете, я люблю старые портреты, въ особенности тѣ, которые напоминаютъ неизвѣстныхъ добродѣтели. Я бы хотѣла, чтобы каждое семейство имѣло свою галерею старыхъ знаменитостей. Пріятно не отдавать забвенью то, что мы любимъ; пріятно также думать, что мы не сойдемъ въ могилу совершенно, что между нашими отцами, которые уже болѣе не существуютъ, мы будемъ занимать также мѣсто возлѣ нашихъ дѣтей. А потомъ, если эти портреты напоминаютъ намъ добродѣтели, не находите ли вы, что это совѣсть наша смотритъ на насъ? Древніе сохраняли въ урнахъ пепелъ, который имъ былъ дорогъ, а мы передаемъ полотну черты тѣхъ, кого мы любимъ: это религія мертвыхъ.

Эти необдуманная слова жестоко напомнили Альберту, что онъ не могъ даже повѣсить къ своему изголовью портрета своей матери. Онъ ничего не отвѣчалъ, но любовь его покрылась краской, его глаза наполнились слезами. Нанси, имѣвшая сердце живое и повѣтливое, подошла къ своему другу и хотѣла взять его за руку; онъ ее хладнокравно оттолкнулъ. Маркиза поняла, въ свою очередь, что она поступила неосторожно, напомнивъ въ семействѣ тому, кто не видѣлъ его; она не прибавила ни одна-

го слова; но когда мы вышли изъ залы, она взяла Альберта за руку и съ чувствомъ пожала ее.

— Вы не боитесь уронить себя? сказалъ молодой человекъ съ горечью.

— Ахъ! Альбертъ! сказала она, скрестивъ руки.

Мы подошли къ нимъ: они замолчали. Проходя по терасѣ, мы встрѣтили Франка, который велъ лошадей съ водою. Маркиза подошла къ Кортесу, и погладила его по черной груди, блестящей какъ вороново крыло.

— Не сердитесь ли вы на бѣдное животное? спросила она, обратясь къ Альберту. Альбертъ улыбнулся, и прежде чѣмъ ушелъ, поцаловалъ бѣлую звѣзду, свѣтившуюся на лбу Кортеса. Маркиза проводила насъ до Анзема. Дойдя до деревни, я и сестра пошли по дорогѣ въ нашу домъ. Альбертъ шелъ по другой тропинкѣ. Маркиза одна возвратилась домой.

Мы шли долго, не говоря ни слова, но наши сердца понимали другъ друга и тихо говорили между-собою. Была минута, что наши души сошлись, и добровольнымъ движеніемъ мы бросились въ объятія другъ друга. Нанси повисла у меня на шеѣ, я цаловалъ ея лобъ и волоса.

— Ты меня любишь! сказала она, рыдая. Ты меня будешь любить всегда и безъ граціи, безъ ума, безъ красоты!... Максимъ, братъ мой, зачѣмъ не сберегъ ты моего сердца для одного тебя? Твоя любовь была такъ покойна, а другая приноситъ столько горя. Я все слышу голосъ, который говоритъ мнѣ: я уже болѣе не люблю васъ!

Потомъ она мнѣ говорила:

— Ему это можно простить. Кто я, чтобы онъ могъ любить меня? Не-что иное, какъ сельская дѣвушка. Я ничего не имѣю, кромѣ любви, а онъ такъ уменъ, гениаленъ, краснорѣчивъ!... Ахъ! Максимъ! зачѣмъ посылали вы его въ Парижъ, зачѣмъ не оставили вы его въ нашей деревнѣ? Зачѣмъ ему всѣ его познанія, науки? Онъ меня любилъ, и я была счастлива, и онъ былъ также счастливъ, мой Альбертъ! Отдайте мнѣ мою радость, отдайте мое счастье!

И обращаясь ко мнѣ, она прибавила:

— Пожалѣй меня, прости твою бѣдную сестру; сжался надъ ея горемъ! Я несчастна, горе отнимаетъ у меня рассудокъ. Этотъ день казался мнѣ такимъ длиннымъ! Я не знала, какъ дожидаться ночи. Она приближалась такъ скоро, когда Альбертъ былъ съ нами! Какъ коротко и быстро проходилъ тотъ день, который мы проводили вмѣстѣ! Ты поминишь, Максимъ, что мы

иногда по цѣлымъ часамъ сидѣли, не говоря ни слова, и эти часы были самые пріятныя. Онъ говорилъ со мной о нашихъ занятіяхъ, о нашихъ удовольствіяхъ, о нашей счастливой любви. Когда птицы стали летать надъ нашими головами, онъ говорилъ мнѣ: я бы хотѣлъ летѣть вмѣстѣ съ ними въ далекія страны; я бы принесъ тебѣ оттуда цвѣтовъ и плодовъ. Или когда онъ задумывался, онъ говорилъ мнѣ: я бы хотѣлъ знать; куда идутъ облака, мелькающія въ небесахъ, куда разносится шерсть, которую стада оставляютъ на колючемъ плетнѣ, и которую уносятъ вѣтеръ; я хотѣлъ бы также знать, что говорить вѣтеръ древеснымъ листьямъ, Креза камнямъ своихъ водъ.... Я такъ любила все, что онъ говорилъ.

Такимъ образомъ сестра моя искала, въ мѣрѣ своихъ воспоминаній, Альберта, за которымъ не могла слѣдовать въ новый мѣръ, куда я его поставилъ. Когда мы возвратились, у нея открылась сильная лихорадка. Я провелъ ночь возлѣ нея. Эта ночь была также дурно проведена Альбертомъ.

VI.

Возвратясь въ свою комнату, Альбертъ облокотился на окно. Ночь была свѣтла. Красная, матовая луна показалась на горизонтѣ, и тихо плыла по небу; листья, покрытые росой, шевелились безъ шума; ничто не нарушало сельскаго спокойствія. Одинъ Альбертъ бодрствовалъ посреди общей тишины. Онъ пошелъ на берега Крезы, подышать свѣжимъ воздухомъ, утомленный жаждою спокойствія и не находя его, онъ боялся волненій своей души. Онъ мнѣ часто рассказывалъ объ этой ночи, которая была такъ тиха въ поляхъ и бурна въ его сердцѣ.

— Боже мой, говорилъ онъ самъ себѣ, ступая по мертвымъ листьямъ долины: что значатъ эти тревожныя ощущенія, которыя родились въ моемъ сердцѣ? Развѣ въ этомъ заключается любовь, этотъ пожирающій огонь, эта болѣзнь, немилбующая названія? Въ этомъ ли чувствѣ заключается земное счастье? Нѣтъ, эта женщина мой злой геній; я чувствую, какъ

нелюби; съ жгуть мои губы, ея рука нашь жгѣнная сжмаетъ мою руку. Я люблю Нанси, я хочу ее любить; она получила мое слово, и когда нибудь мы вмѣстѣ иреклонимъ наши колѣна предъ алтаремъ. Боже мой, ты знаешь это: зачѣмъ же въ жалобамъ вѣтра, въ шумѣ метель, въ переливкахъ воды и сльзю и вижу имя другой женщины, другой образъ, другое желаніе въ моей душѣ?... Но я буду бороться; если Ты вознежешь мнѣ, я буду силенъ, я сохраню клятву, которую далъ.... Но помоги мнѣ: въ настоящую минуту я слабъ; возьми мнѣ ангела снокопотвїя, вели бурѣ затихнуть, проходящему облаку принять другой видъ, и пусть въ твоихъ звѣздахъ я прочту другое имя на небесномъ сводѣ.

Такииъ образомъ молодой человекъ боролся съ угрызёніемъ совѣсти и любовью. Какъ обыкновенно случается съ благородными душами, упряміе совѣсти побѣдило. Альбертъ поставилъ себѣ долгомъ счастье Нанси, и торжественно далъ клятву не выдать болѣе никогда Сомервилъ. Но онъ не зналъ, что счастья нельзя дать, что имъ можно только обѣщанья.

Сомервилъ, зная что пора любви ея уже прошла, надѣялась все еще разъ увидѣть Альберта. Этотъ молодой человекъ живо возбуждалъ ея любопытство; любопытство въ женщинѣ это уже любовь, но и самая любовь женщины не что иное, какъ любопытство. И потому, самолюбіе Сомервилъ было живо тронуту тѣмъ, что онъ убѣгалъ ее. У нѣкоторыхъ женщинъ любовь проявляется тогда, когда трудно ее внушить: любовь такихъ женщинъ похожа на смерть: она поражаетъ только тѣхъ, которые убѣгаютъ ее, и убѣгаетъ тѣхъ, которые ищутъ ее. Участіе Сомервилъ къ Альберту, при нашемъ расположеніи къ нему, приняло съ перваго дня нѣтъ знакомства характеръ болѣе романтической и вѣжливый. Впрочемъ Альбертъ обладалъ достоинствами, которыхъ Аврелія не подозревала. Она представляла себѣ его молодымъ человекомъ, съ котораго за двадцать шаговъ пахнетъ наукою и табакомъ, который только и мечтаетъ о тлябахъ, нашла прекраснаго свѣтскаго молодого человека, отравеннаго до грубости; скромнаго до неловкости, такого же энтузіаста, какъ и она сама, какъ и она, страстнаго любителя искусства, съ душою, понимающею его, и говорящаго о немъ со вкусомъ, впрочемъ молодого человека безъ таланта, и который въ продолженіе десяти мѣсяцевъ слегка коснулся частныхъ, но обладалъ изъ одного изъ нихъ, одареннаго всѣми качествами его возраста и ни одной добродѣтелью, дитя, котораго Аврелія не замѣтила

баръ въ Швейцарскомъ кругу, и который ей? нечаялся въ деревнѣ предметомъ ее мечты, самой поэтической въ ея молодости. Въ деревнѣ, во-время дождя, если окука завладѣетъ нами, мы радушно готовы принять всякаго, кого случай можетъ посылать; все хорошо, все прекрасно, нѣтъ ни одной нечистой книги, ни одного случайнаго посетителя. Наконецъ, что скажу я вамъ? Соммервилль раскрыла раны Альберта своими словами; чувствуя себя виновною передъ нимъ, она считала обязанностью любить его. Сердце такъ искусно умѣетъ примирить страсть съ долгомъ!

Нѣсколько дней прошло, но Альбертъ не появлялся въ замкѣ. Соммервилль ѣздила часто въ Сен-Леонаръ, за письмами, и каждый разъ заѣзжала въ деревню, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Альберта. Она насъ любила непрежнему, но наша привязанность не могла ей представить ничего необыкновеннаго: такому исперванному сердцу необходимы сильныя возбуждательныя средства, которыя она не находила въ нашей простой и смирненной обыкновенной жизни. Какъ ни велика была ея надежда, но она не встрѣчала Альберта. Онъ только по утрамъ заходилъ въ деревню, узнать о здоровьи Мэнон, и тотчасъ же возвращался назадъ, всегда подлѣ предмета каннѣхъ илибудъ занятій и работъ. Соммервилль напрасно ждала его остальное время дня, и вечеромъ, возвращаясь въ Анзамъ, всегда проѣзжала черезъ городъ.

Изъ всего этого вышло то, что Альбертъ сдѣлался для Аврелии предметомъ постоянныхъ мыслей, и что страсть этого молодаго человѣка возрастала съ омною по мѣрѣ того, какъ онъ старался побѣдить ее. Вѣномъ онъ уже сталъ слабо сопротивляться; не отказываясь отъ предположенія избѣгати Соммервилль, онъ не старался болѣе изгнать ее изъ своего сердца, и совершенно предался ей.

Если ему случалось видѣть, какъ она верхомъ ѣхала по дорогѣ въ городъ, онъ не зналъ, какъ сопратить смертельную медленность дня; часы тянулись за часами, а вечеръ все не наступалъ. Наконецъ, когда тѣнь тополею легла на луга, онъ выходилъ къ истиню, устремляя все свое вниманіе на дорогу, и когда сквозь смѣшанные голоса стада, возвращающихся съ истобница, сквозь лай собакъ и пѣсни наступала, ему слышался конскій топотъ, тогда онъ говорилъ самъ себѣ, что день проходилъ быстро и что ночь скоро наступала, и по мѣрѣ того, какъ этотъ топотъ приближался, его сердце билось сильнѣе; оно такъ сильно трепетало въ его груди, какъ будто желало

освободиться отъ своихъ оковъ; онъ стоялъ за кустарникомъ, боязливый и дрожа при безокойномъ бѣгѣ лошади, какъ птичка подлѣ магнетической силой взгляда собаки, которая дѣлаетъ стойку.

Наконецъ Кортесъ проѣзжалъ, и снова исчезалъ. Тогда Альбертъ поднималъ голову, чтобы посмотреть на нее черезъ заборъ; она удаллась живая и прекрасная, при чистомъ вечернемъ воздухѣ. Онъ возвращался, унося съ собой ея образъ, и въ сновидѣнiяхъ ночи онъ все еще видѣлъ бѣлый корсажъ Аврелии, мелькавшiй между зеленью, какъ прекрасная лiлiя, сорванная вѣтромъ.

Другой образъ представлялся его воображенiю. Эта была Нанси, блѣдная и умирающая, которая приходила и садилась къ его изголовью; одѣтая въ саванъ, она говорила ему: Вы слишкомъ поторопились одѣть меня въ подвѣнечное платье!... На головѣ у нея былъ вѣнокъ изъ иммортелей и кипарису; она ему говорила: вотъ мой обручальный вѣнецъ, который вы мнѣ сами надѣли.... Щеки ея были блѣдны, цвѣтъ лица свинцовый, на глазахъ блестѣла слеза, и она ему говорила: Вотъ мой вѣнчальный уборъ, который вы мнѣ привезли изъ Парижа.... Альбертъ хотѣлъ обнять ее, и встрѣчалъ только грозную тѣнь, которая требовала у него отчета въ томъ, что онъ сдѣлалъ съ моей сестрою. Неумолимый голосъ тревожилъ его сонъ, и когда онъ просыпался, подушка его была омочена слезами.

Тогда только угрызенiе совѣсти оживляло его любовь къ Нанси, и приводило его къ намъ въ деревню. Тогда только изрѣдка эта потухающая любовь бросала яркiя искры. Альбертъ выходилъ изъ своего дома полный огня и силы; его умъ былъ занятъ только одною прiятною, сладостною, восхитительною мыслью, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленной, сомнительной, таинственной; онъ видѣлъ Нанси, онъ слышалъ ея голосъ, онъ вдыхалъ въ себя утреннiй воздухъ; онъ какъ ребенокъ, перескакивалъ заборы и рвы, чтобы придти скорѣе; ему казалось, что совершенно новая душа переселилась въ него, и что возлѣ сестры онъ найдетъ свои прежнiя чистыя волненiя.... Но когда онъ приходилъ, онъ чувствовалъ, какъ ледъ гасилъ его пламя; слова любви, приготовленныя заранѣе, холодѣли на его губахъ; онъ уходилъ смущенный, оскорбленный и съ смертельною грустью въ душѣ.

Тѣ, которые увѣряютъ насъ, что переменчивость чувствъ составляетъ прiятныя и легкiя минуты, обманываютъ насъ; непостоянство влечетъ за собою свои несчастiя.

Что касается до Нанси, она была спокойна и покорна судьбѣ. Даже тогда, когда Альберта не было у насъ, она не пронесла ни одной жалобы; только блѣдная худоба ея лица открывала горесть, которая ее убивала. Она еще не вѣрила страсти Альберта къ Сомервилъ, но тайное предчувствіе ей предсказывало это. Она съ ужасомъ припоминала всю прелесть красоты сердца и ума, которыя Аврелія выказала при Альбертѣ, и хотя у насъ въ деревнѣ Альбертъ говорилъ, что эта женщина ему не нравится и что онъ рѣшился никогда ее болѣе не видѣть, Нанси смутно поняла, что ея другъ хотѣлъ обмануть ее и, можетъ-быть, обмануть самого себя. Что касается до меня, я все видѣлъ и ничего не могъ сдѣлать. Одна Сомервилъ не знала печальной драмы, происшедшей въ нашихъ сердцахъ; она съ заботой спрашивала о болѣзни Нанси, моеи грусти и объ отсутствіи Альберта.

— Что случилось между вами? спросила она меня одинъ разъ вечеромъ, когда сестры не было съ нами. Что стало съ вашимъ счастьемъ, о которомъ вы столько говорили, съ этою свѣтлою дружбою, соединяющею васъ тронхъ, съ этимъ прелестнымъ союзомъ, который обѣщалъ вамъ такъ много въ будущемъ? Нанси день ото-дня все болѣе худѣетъ; цвѣтъ молодости пропадаетъ на ея щекахъ, на лбу видны морщины, блескъ глазъ ея тухнетъ; Альбертъ удаляется, а вы, Максимъ, вы угрюмы, какъ башня Анземскаго замка. Будьте счастливы попрежнему, друзья мои, чтобы я могла видѣть въ васъ счастье, котораго мнѣ не достаетъ! Что же такое съ вами? Я принимала участіе въ вашихъ радостяхъ, я имѣю право раздѣлять ваше горе. И три томъ я ваша мать, милые дѣти мои; вы это хорошо знаете, Максимъ.

Эти слова меня тронули: я ей рассказалъ, какъ Альбертъ пріѣхалъ изъ Парижа, грустный, разстроенный, разочарованный. Сомервилъ съ собеннымъ участіемъ слушала рассказъ объ этихъ несчастіяхъ, хотя я ей представилъ ихъ безо-всякихъ поэтическихъ выраженій. Я ждалъ отъ нея строгости, и встрѣтилъ только сожалѣніе къ Альберту, и болѣе чѣмъ материнскую снисходительность къ его заблужденіямъ.

— Вы можете ясно понять остальное, прибавилъ я: Альбертъ печаленъ и убѣгаетъ насъ; его печаль огорчаетъ сестру мою; его равнодушіе ее убиваетъ, и свидѣтель всѣхъ этихъ несчастій, я разстроенъ, потому-что не могу помочь имъ.

Аврелія меня не слушала: она пробѣгала въ своемъ умѣ все, что знала про Альберта, все, что я рассказалъ ей о немъ, и все, что она поняла.

— Да, сказала она сама себѣ: это одна изъ тѣхъ душекъ, которыя слишкомъ рано или слишкомъ поздно появились на этой жалкой землѣ. Зачѣмъ судьба, давшая эту смелую жажду къ прекрасному, если въ стѣни, куда она ихъ послала, нѣтъ источника, чтобы утолить эту жажду? Зачѣмъ такая нужда, если поля ихъ безплодны? Изъ чему эти бесконечные книги въ этомъ мѣрѣ знояща, невыносимаго праница?... Вы спрашиваете, Максимъ, отчего эти души такъ сильно предаются парестии: это отъ того, что и въ безднѣ горести, мы каждый день делаемъ новые открытiя. Счастье такъ скоро увасноя!... и такъ же скоро проходитъ; дороги къ нему такъ протопаны, такъ шибаты, такъ извѣстны! Пути же парестии безпрестанно разстилаются передъ нашими стопами, и никто еще не замечаетъ конца ихъ. Вы знаете, сколько прелести въ этихъ страданiяхъ, какъ приятно ласкать ихъ, чувствовать, какъ онѣ увеличиваются при нашихъ ласкахъ, и беречь ихъ, какъ сокровище! Ихъ однакъ у насъ всегда довольно; онѣ наши зѣримый другъ, наши непримѣнный спутникъ; онѣ всегда готовы сообщитъ намъ всяка тайна, новые секреты.

— Маркиза, сказала я ей: Альбертъ можетъ понять васъ лучше меня: я только бѣдный молодой человекъ; я обрабатываю свою землю, засеваю хлѣбомъ поля, молю Бога помочь мнѣ въ дѣлахъ моихъ и содержу сестру моими трудами. Я счастливъ, если счастлива моя сестра, и это счастье не утомило бы меня, если бы даже было вѣчно. Что же касается до страданiй, маркиза, я не могу знать ихъ: я страдаю только за Нанси.

— Максимъ, сказала мнѣ Коммервиль: вы лучше меня.

— Да, можетъ-быть, оттого, что я меньше васъ понимаю вещи, маркиза.

— Счастливы тѣ, которые многого не знаютъ!...

VII.

Одинъ разъ вечеромъ Альбертъ долго ждалъ у загородки на дорогѣ: Коммервиль не возвращалась. Небо было покрыто тучами, быстрыя молнии извивались на горизонтѣ. Альбертъ саж-

платье, и пять крупных камней должны упасть вокруг него на листья. Онъ возвратился въ свою комнату, и сѣлъ у лампы. Его лампа горѣла на столѣ, обѣ собаки его спали. Альбертъ былъ одинъ: кормилица его наконецъ ушла въ Сен-Леонара, къ своей дочери, умиравшей въ чахоткѣ.

Безпокойство, скука его одолѣвали; онъ взялъ со стола книгу и отирывъ ее. Это была Эмиль; въ немъ еще лежали засохшіе цвѣты Аврелин. Альбертъ поднесъ ихъ къ губамъ; онъ вспомнилъ о Нанесъ, съ гнѣвомъ смалъ ихъ. Онъ хотѣлъ дышать, и сломалъ перо; онъ бросился на постель и рыдалъ. Его собаки начали лаять ему руни, но онъ съ сердцемъ оттолкнулъ ихъ, и бѣдная животныя съ поникшими головами отомыла и раскатылась на прежнемъ мѣстѣ.

Гроза разгоралась; громъ раздавался въ облакахъ, дождь бѣжалъ изъ окна Альберта, и раздраженный вѣтеръ, казалось, каждую минуту готовъ былъ снести домикъ, стоявшій на дорогѣ, выскочить съ кустами, вырванными съ корнями; неровности крыши съ трескомъ летѣли; ураганъ вырывалъ огромныя деревья; источникъ, увеличенный дождемъ, лился по ливнору.

Альбертъ съ наслажденіемъ слушалъ шумъ этой бури, которая какъ будто сочувствовала волненіямъ его души. Онъ заснулъ, убаюканный воемъ сворнаго пѣтра, какъ вдругъ вскочилъ на постель, и обѣ собаки его поднялись, ворча.

— Это вѣтеръ, подумалъ Альбертъ, можаешь снова...

Но почти въ тоже время раздавался стукъ въ дверь, собаки принялись снова лаять. Альбертъ всталъ съ постели и шибко пошелъ отворять.

— Я пришла просить у васъ гостепріимства! послышался голосъ, вставившій его вдрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Кто бы вы ни были, отвѣчала Альбертъ, прислонясь къ рамкѣ дверей: добро пожаловать!

И тогда онъ замочилъ лампу, погасившую вѣтромъ, ворвавшимся въ комнату, онъ узнавалъ Семмервилъ, стоявшую передъ нимъ.

— Вы, маркиза, здѣсь! воскликнулъ онъ, отступая съ ужасомъ.

— Да, сказала она, падая въ кресло Альберта: гроза застала меня, когда я выѣзжала изъ Сен-Леонара. Я думала, что успею доѣхать до Анвеса; но Кортесъ спотыкался на каждомъ шагѣ и отказывался идти далѣе. Слышите, бѣдное животное рвется у вашихъ дверей: нельзя ли его поставить въ сарай?

Альбертъ вышелъ, чтобы исполнить ея желаніе. Когда онъ возвратился, Семмервилъ спала уже свой амазонскій костюмъ, и

грѣла у огня свои оледенѣвшія руки. Онъ поправилъ почти потухшій огонь, бросилъ въ каминъ полѣна два сухихъ дровъ, и пламя весело вспыхнуло; потомъ онъ предложилъ Коммервилъ нѣсколько капель ликера, приготовленнаго его кормилицей.

— Мое гостепріимство очень бѣдно! сказалъ онъ, смотря на нее съ любовью.

— Гостепріимство никогда не бываетъ бѣдно, отвѣчала Аврелія.

Альбертъ стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, и обращалъ весь свой взглядъ на нее.

— Сядьте возлѣ меня, прибавила она. Дождь еще сильно идетъ; Франкъ пошелъ предупредить моихъ людей, чтобы они не беспокоились обо мнѣ; пусть вѣтеръ воетъ, мы можемъ поговорить.

— Отчего я васъ болѣе не видала? продолжала Аврелія, усаживая его подлѣ себя. Развѣ вы меня не простили, и все еще сердитесь? Будьте снисходительнѣе, Альбертъ! Зачѣмъ забывать вашихъ друзей? И отчего вы такъ печальны и серьезны? Вы скучаете, начиная жизнь и еще ничего не понимая изъ нея! Въ ваши лѣта скучать! Что будетъ съ вами въ старости?

Альбертъ ободрился и сталъ говорить о своемъ одинокомъ существованіи, о своихъ мечтахъ, о счастьи и скоромъ разочарованіи; онъ рассказывалъ увлекательно. Онъ говорилъ объ одиночествѣ сердца своего, передавалъ увлеченіе свой души къ таинственному существу, которое должно было призвать его къ жизни; онъ говорилъ съ жаромъ. Потомъ онъ рассказалъ свою жизнь въ Парижѣ, свою борьбу, свою бѣдность и холодную дѣйствительность, отъ которой онъ тщетно старался бѣжать. Аврелія была тронута. Однако это были безконечныя слезы, которыя мы всѣ проливаемъ въ двадцать лѣтъ, но для женщинъ эти обыкновенныя страданія такъ привлекательны, что, можетъ быть, ни одна изъ нихъ неотказалась бы отъ удовольствія утѣшить неузнаннаго генія, вознаградить новаго неузнаннаго Бонапарте за несправедливость судьбы.

Я не знаю ничего вреднѣе и несчастнѣе для домашней жизни этихъ мялкихъ людей, которые торгуютъ своими страданіями, идутъ вслѣдъ, пѣвая вторую пѣсню Енеиды какой-нибудь поврѣи Дидонѣ, или рассказывая о своихъ походахъ, какъ Отелло у ногъ Дездемоны. Эта система очарованія рѣдко не достигаетъ своей цѣли; есть столько пустаго сожалѣнія, легко-вѣрнаго великодушія въ сердцахъ женщины! Несчастіе такъ при-

взкатошно для этихъ слабыхъ душъ! Имъ такъ пріятно лезть и утѣщать, омьть, слезою рану, высушить слезы улыбкой! Они такъ гордятся соперничествомъ съ судьбою.

Соммервиль, безумно предалась удовольствію слушать Альберта. Она видѣла его такимъ молодымъ, торопящимся жить, и чувствовала, какъ она стара и утомлена жизнью; ея душа и красота казались ей такимъ безцвѣтными, бессильными, одна чтобы почувствовать любовь, другая, чтобы внушить ее, что она могла только удивляться очарованію, которое приковывало ее къ рассказамъ молодаго челоука. Она плакала при его горестяхъ, улыбалась его наивной самонадѣянности, восхищалась его мальчишскими словами, искусство возвращала его къ рассказу тѣхъ же самыхъ происшествій, или съ заботой останавливала на подробностяхъ, которыхъ онъ коснулся мелькомъ.

Альбертъ, съ своей стороны, увлекался живымъ участіемъ, которое онъ возбуждалъ въ сердцѣ этой женщины. Я разогналъ его мечты моею суровостью; Нанси оскорбляла его горестъ, не понимая ее; онъ нашелъ наконецъ существо, полное симпатіи къ нему, понимавшее его жалобы и ласкавшее его заблужденія, какъ радости заблужденнаго ребенка.

Съ этой минуты любовь его къ Аврелин не знала ни страха, ни нерѣшительности, и образъ Нанси совершенно изгладился изъ памяти ея друга, не оставя угрызедей совѣсти, ни даже сожалѣнія.

— И такъ, говорила Соммервиль: вы воспитывались безъ семейства, и выросли безъ любви? Ваша мать не сидѣла у вашей колыбели и никогда ея поцалуи не осушали вашихъ слезъ? Да, это, скучно, бѣдное дѣтя!

— Вы мнѣ напоминаете, отвѣчалъ Альбертъ, единственное водпомянаніе счастья, которое какъ солнечный лучъ, пало въ мое дѣтство:

Въ одинъ вечеръ (это было также, какъ и теперь осенью) я игралъ въ саду съ дочерью моей кормилицы; я былъ тогда очень молодъ. Мой названный отецъ былъ въ городѣ, моя кормилица вертѣла колесо своей прялки у дверей.

Около ночи какой-то незнакомецъ подошелъ ко мнѣ съ любознательствомъ, спросилъ мое имя и лѣта, и, не знаю подъ какимъ предлогомъ, повелъ меня по дорожкѣ. Когда мы прошли небольшое разстояніе, я увидѣлъ одноколку, въ которую меня посадилъ, не смотря на мой крикъ. Одноколка эта ѣхала въ продолженіе трехъ часовъ въ ночной темнотѣ. Когда она останови-

лась, меня приподняли твердыя руки, и проламываясь сквозь темныхъ, темныхъ корридорозъ, я очутился вдругъ въ залѣ, гдѣ былъ, освѣщенъ блескомъ огня. Я было хотѣлъ ускользнуть чрезъ отверстную дверь, но она затворилась за мною, и женщина, которой я не замѣтилъ войдя, обняла меня, целовала меня, называя своимъ милымъ Альбертомъ. Она была хороша, какъ вы, маркиза, голосъ ея былъ также пріятенъ, какъ вашъ. Много дней прошло съ тѣхъ поръ, но я не забылъ его; этотъ живннй голосъ говорилъ только часъ со мною, и остался, какъ мелодія, въ носѣ сердца.

— Это женщина была ваша мать? спросила Сомервилль.

— Она называла меня своимъ сыномъ. Когда пришли отнять меня изъ ея объятій, она судорожно прижала меня къ своему сердцу. Мое единственное счастье, говорила она заливаясь слезами, увижу ли я тебя еще разъ въ этой жизни? И если Богъ не проститъ меня, встрѣтятся ли мы въ другой жизни?... Я чувствовалъ, какъ слезы ея лились по моимъ щекамъ; и слезъ плакалъ.

Меня вырвали изъ ея объятій; и таже сияя карета въ ту же ночь отвезла меня на то мѣсто, гдѣ меня звали. Мой важной отецъ, который, я думаю, зналъ происшествія этого романческаго вечера, никогда не старался объяснить мнѣ, и эту женщину я видѣлъ послѣ того только во снѣ.

— И вы никогда не искали дорожки, которая привела васъ къ ней?

— Тысячу разъ, но всегда напрасно; я даже не узналъ бы дома, въ который былъ таинственно приведенъ. Но если бы случай привелъ меня въ эту залу, гдѣ я провелъ не болѣе часу, я бы, безъ сомнѣнія, узналъ ее по расположенію, котораго наибольшія подробности такъ живы въ моей памяти, какъ будто прошло только два дня послѣ этой торжественной ночи.

— И вы не жаловались на эту женщину, которая васъ бросила?

— Никогда! я молился за нее, чтобы разлученные здѣсь, мы могли бы встрѣтиться тамъ.

— А если вы ее найдете, вы не отвергнете ее?

— Я на колѣняхъ буду просить у нее прощенія за слезы, которыя она пролила за меня. Но Богъ не отдастъ мнѣ ее, маркиза: онъ меня призываетъ къ ней.

— Она умерла? спросила Аврелія.

— Мнѣ сказали это; но все-таки надежда увидѣть ее на этомъ

судь не повела въ жизнь сердца! Ахъ, Африка, какъ сладко, должно быть, имѣть добрую мать!

— Да, и какъ ужасно имѣть дурную! отвѣчала Аврелия съ грустными вѣдами.

Они сидѣли долго, погруженные въ задумчивость ихъ воспоминаніями. Сомервилль обломотилъ голову на руки и влажными кисти скользнула по ей пальцамъ. Былъ ли это дождь, оставшіяся на ее волосахъ, или, можетъ-быть, слезы, жившіяся изъ глазъ? Альбертъ въ молчаніи смотрѣлъ на нее.

— Въ вашихъ поступкахъ, Альбертъ, видно все-таки немного благодарности; сказала она наконецъ, и Максимъ правъ: ваше дѣтство было печально, за-то ваша молодость имѣла друзей, а вы ихъ, кажется, забываете. Вы вступаете въ жизнь подъ покровительство двухъ вѣрныхъ сердецъ, и вредитесь отчаянію. Вы нашли любовь, дружбу, и ваша душа еще не доведена! Я боюсь, дитя мое, чтобы вы не сдѣлались неблагодарными.

— Дружба Максима довольно сурова, а любовь Нанси...

Альбертъ покраснѣлъ и не окончила своей сразы; она бормотала вставая Аврелия.

— Да это правда, вскричала она наконецъ, вставая: да, я благодаренъ! я виноватъ, Максимъ правъ.. И вы, маркиза, осуждаютъ меня: я не стою вашей благодѣтельности. Отвергайте меня всѣ; кто любилъ меня! Развѣ я не была отвергнута съ самаго рожденія?... Да, я страдаю, я несчастливъ!... Отчего, и кто можетъ это сказать? Я сама этого не знаю; я не понимаю вора, которое меня убиваетъ; я несчастливъ, потому-что не умю быть счастливымъ. Я любилъ Нанси, но-крайней-мѣрѣ я это воображалъ: зачѣмъ Максима выдѣлалъ меня изъ деревни? Я былъ такъ добръ и независимъ тогда! Максимъ погубилъ меня.

Альбертъ прислонилъ голову къ камню. Сомервилль подошла къ нему и начала утѣшать его.

— Вы обвиняете меня, прибавилъ онъ съ горечью: вы не знаете, какъ ужасны послѣднія вспышки угасающей любви! Вы не знаете, что она изнуряетъ насъ своими послѣдними потрясеніями; мы не вырвемъ ее изъ вашей груди безъ того, чтобы она не унесла съ собою частицу нашего сердца... Вы безжалостны, маркиза, а я такъ несчастливъ.

— Но-крайней-мѣрѣ, сказала Сомервилль тронутая и взявъ Альберта за руку: съ-отнихъ-воръ вы найдете во мнѣ заботливую душу, безпрестанно пекущуюся о васъ, душу, понимающую

ваши горести, сестру, готовую раздѣлять съ вами ваши прекрасные и дурные дни. Альбертъ не отвергайте меня, покажите сами себя!

При этихъ словахъ Альбертъ, изумленный, обратился къ Сомервилль, готовый унасть къ ея ногамъ и высказать свою любовь; но взглядъ Авреліи былъ такъ благороденъ, такъ чистъ; было столько довѣрія, столько цѣломудрія въ нѣжности, выражавшейся на ея лицѣ, видѣ ея былъ такъ спокоенъ и нѣженъ, что Альбертъ стоялъ дрожа передъ ней; такова была эта женщина: такъ чиста и такъ цѣломудренна, что ей не доставало только стыдливости; на непринужденность ея обращенія не позволяла никакой вельности, и скромность, хорошо изученная не столько внушала къ ней почтенія, сколько свободное ея обращеніе.

— Вы увидите съ вашими друзьями, сказала она ласковымъ голосомъ. Будьте добры съ тѣми, которые васъ любятъ: берегите сердце Нанси, отдайте справедливость Максиму; и когда у васъ будутъ горести, въ которыхъ одинъ приметъ участіе не понимая ихъ, а другая пойметъ не раздѣляя ихъ, тогда обратитесь ко мнѣ; мое сердце всегда будетъ открыто для васъ. Другіе, болѣе счастливые, объяснятъ вамъ счастье: я растолкую вамъ жизнь, и научу васъ страдать.

Между тѣмъ вѣтеръ затихъ, дождь пересталъ, и синеватая луна показывалась сквозь облака, освѣщенныя блѣдыми серебряными лучами.

— Намъ надо радоваться! сказала Сомервилль, смотря на небо.

— Буря затихла слишкомъ скоро! отвѣчалъ молодой человекъ.

— Да, сказала разсѣянно Авреліа, надѣвая свой амзонскій нарядъ. Я никогда не забуду вашего добраго гостепріимства.

— Это гостепріимство, о которомъ говорится въ преданіи, отвѣчалъ Альбертъ:

«Два бѣдные дровосѣка отворили въ одинъ вечеръ дверь путешестввеннику, застигнутому бурей: до-тѣхъ-поръ они жили просто и очень бѣдно. Преданіе говоритъ, что остальные дни своей жизни они были очень несчастны.»

— Не скучайте же болѣе, проговорила Сомервилль умоляющимъ голосомъ, уходя изъ комнаты Альберта. Вы не будете болѣе скучать, прибавила она съ видомъ материнскаго права, опираясь своею маленькой пожлой на руку молодого человѣка, и садясь на Кортеза, она поцаловала въ лобъ Альберта. Аль-

берть хотѣлъ поцаловать ея руку, но она ускользнула какъ тѣнь; онъ даже не слышалъ топота лошади, безъ шума выѣзжавшей на сырой песокъ дороги.

— Бѣдное дитя! говорила сама себѣ Сомервиль, подъѣзжая къ Анжесу: бѣдное дитя, что испытало ты такъ рано? Я буду твоимъ другомъ; я подкрѣплю тебя въ этомъ трудномъ путешествіи, которе ты только начинаешь и которе я уже кончаю. Я укажу твоей неопытности бездны, въ которыя ты можешь упасть, и рѣдкія тѣнистыя мѣста, гдѣ голова твоя могла бы отдохнуть. Я стану удалять отъ твоихъ ногъ тернія, растущія по дорогѣ, и, можетъ-быть, ты достигнешь конца пути менѣе усталый и не такъ изтерзанный, какъ я....

И въ то время какъ Сомервиль облекала въ поэзію, въ довѣрчивость и въ безкорыстную дружбу болѣе живѣйшее и глубокое чувство, Альбертъ не спалъ, и его ненасытная дума съ тоскою слѣдила за будущимъ. Онъ со страхомъ припоминалъ тихую нѣжность г-жи Сомервиль: это участіе, которому онъ позавидовалъ бы наканунѣ, только раздражало его нетерпѣливость, и утомленный своимъ первымъ блаженствомъ, онъ съ жадностью предался мечтаніямъ.

VIII.

На другой день и послѣ того каждый день мы всѣ четверо проводили время въ нашемъ домѣ. Поутру Альбертъ заѣзжалъ въ Анжесъ за г-жею Сомервиль, и оба проводили день близъ Нанси. Изнуренная продолжительной лихорадкой, она не могла гулять далѣе сада. Альбертъ былъ добръ и внимателенъ къ ней, но въ нашей привязанности замѣтна была принужденность, тяготѣвшая надъ нами.

Одна Сомервиль сохранила спокойствіе души, которое мы потеряли. Ея сердце отстрадало, не вынеся съ собою никакого урока изъ жизни: ея умъ сохранилъ всю непредусмотрительность ранняго возраста; наивная и прстодушная, какъ дитя или какъ старикъ, она столько же не подозрѣвала любовь Альберта, сколько не думала предостеречь себя отъ страсти, которую чув-

ствовава въ вѣснѣ. Будущее, завтра, — она не понимала, что они значатъ. Существо живое и пыльное, она безумно предавалась своимъ непостояннымъ впечатлѣнiямъ, и никогда не подумала замѣтить отъ нихъ или побѣжать ихъ. Она темнѣла каждою къ неизвѣстному, и любопытство неоставляла ее всю жизнь.

Сколько привязанности должно было родиться и угаснуть въ этомъ сердцѣ, не оставивъ въ немъ болѣе слѣдовъ, чѣмъ облако въ небесной лазури. Сколько старой дружбы пожертвовано было новымъ впечатлѣнiямъ! Странное созданiе это впрочемъ нашло средство оставить свѣтъ, если не съ огромной ослѣпленностью, но крайней мѣрѣ съ большимъ заносомъ горечи, благодаря удивительной способности воображать себя обманутой друзьями, которыхъ она сама оставляла.

Но это было все-таки прекрасное, роскошное созданiе, у котораго зло происходило отъ экзальтаци; полная организація ея была бы совершенна, если бы голова ея не развилась болѣе сердца; но воображенiе этой женщины рано увлекло ее такъ далеко отъ истины, что сокровища дѣйствительности вскорѣ сдѣлались ей недостаточны.

Нанси, болѣе проникательная, хорошо видѣла страсть Альберта къ Сомервиллю; но она не жаловалась: она умѣла молчать и страдать; никогда не дѣлала она упрековъ своему другу, и когда тотъ боязливо спрашивалъ ее о причинѣ ея страданiй, она отвѣчала задумчивой улыбкой.

Присутствiе Альберта усиливало ея печаль, но отказаться отъ него ей стоило бы смерти: несчастная еще надѣялась. Напрасно каждый день она увеличивала свои страданiя; каждый вечеръ говорила она сама себѣ: завтра онъ, можетъ-быть, снова полюбитъ меня... Она такъ легко обманывалась! Улыбка, взглядъ, благосклонное слово Альберта, облегчали ея страданiя, возбуждали въ ней столько надежды! строгиe умы, обманувъ покинутыхъ любовниковъ, что они не могли понять и предугадать минуты, въ которую ихъ покинули! Они не знаютъ, какъ упорна, сильна и упряма презрѣнная любовь; эта прекрасная страсть обезсиливаетъ насъ, отнимаетъ у насъ достоинство, и оставляетъ намъ стыдъ и презрѣнiе къ самому себѣ! Упорная и пылка, она хватается, какъ утопающiй, за прибрежную зеленъ; какъ осужденный, она не хочетъ вѣрить своему смертному приговору — она не хочетъ умереть. Ея жизнь — буря; дуновенiе вѣтра убиваетъ ее, одинъ единственный лучъ оживляетъ ее; одна волна отбрасываетъ ее къ небесамъ, другая опрокидываетъ въ бездну. Это то живое, живое

тени. и опять оживляла, убивала сестру мою и сводила ее въ могилу; но смерть не ужасала ее. Каждое утро, сидя у зеркала, которое прежде отражало ее такую прекрасную и свѣжую, она слѣдила съ удивленіемъ за отпечатками горести на своемъ блѣдномъ, худомъ лицѣ, и чувствовала тайную радость, видя въ себѣ одну тѣнь, смотря на багровый цвѣтъ своего лица, на мутныя глаза, на засохшія губы; воспоминала дядю несчастныхъ любовниковъ: возвратитъ состраданіемъ сердца, которое ускользаетъ отъ нихъ, или умереть, и тѣмъ отмстить невѣрному...

Альбертъ не могъ скрыть отъ себя причину изнеможенія Нанси. Базъ сомнѣній, онъ страдалъ, но его новая страсть не дала ему времени заниматься чужими несчастіями: въ любви такъ много агоніи и суровости ко всему, кромѣ любимаго предмета.

Что касается до меня, я чувствовала, что въ присутствіи этого молодого человѣка нельзя было ожидать выздоровленія Нанси, и съ нетерпѣніемъ ждалъ открытія лекцій въ Парижѣ. Повеломъ къ первому его отъѣзду я представилъ необходимость его къ Нанси; въ этотъ разъ я говорилъ о его любви къ самому себѣ: отдавая ему отчетъ объ управленіи дѣлами его по имѣнію во время его отсутствія, я объяснилъ ему, что долги С. Естена послотная часть его имѣнія, и что сумма его доходовъ была гораздо ниже нашихъ прежнихъ расчетовъ.

Мужна ея угнетала, крулъ былъ для него условіемъ возможности существованія въ будущемъ.

Во всей нашей маленькой колоніи было одно только существо, которое дѣйствительно не было разстроено: это было тѣ, которое всѣмъ разстроивало. Какъ камень, падающій къ озеру и волнующій его кристалъ, г-жа Соммервилъ, можетъ-быть, навсегда нарушила спокойствіе нашего счастья; между тѣмъ она была единственная связь, существовавшая между нами: она каждый день собирала насъ подъ однимъ кровъ, приводила Альберта къ Нанси; она придавала нѣсколько сіяющихъ отблесковъ жизни нашимъ молчаливымъ собраніямъ; безъ нея положеніе между сестрой, Альбертомъ и мною было бы невыносимо.

Мы какъ будто сдѣлали безоговорное условіе, никогда не ссорившись громко въ напѣреніяхъ, которыя намъ льстятъ. Но это условіе придавало нашимъ отношеніямъ принужденность, которая сдѣлала бы ихъ ненавистными, если бы г-жа Соммервилъ не заставляла насъ забывать иногда это условіе. Ея сдержанное поддерживало нашу колеблющуюся привязанность, и

благодаря ея уму, ровности характера, уклончиваго и удерживающаго примирить, мы проводили шибко часы вмѣстѣ, не касаясь неприятныхъ вопросовъ, которые оскорбляли бы насъ троихъ.

Этотъ послѣдній союзъ рушился.

Мы были въ половинѣ октября. Нанси уже не вставала болѣе: лихорадка приняла оборотъ смѣльѣе; мы не оставляли постели больной.

Каждое утро Альбертъ и Аврелія прїѣзжали къ намъ; каждый вечеръ они уѣзжали вмѣстѣ. Грустно признаться, въ чемъ впрочемъ они и сами не сознавались, что болѣзнь Нанси удивительно помогала развитію ихъ любви, и къ участию, которое приводило ихъ къ моей сестрѣ, не прихвотно присоединялась радость видѣться каждый часъ и встрѣчать другъ друга каждый день! Грустно подумать, что любовь эта возростала возлѣ ея жертвы, и что жертва сама слѣдила за успѣхами и развитіемъ этой любви.

Правда, что при мнѣ симпатія Альберта и Аврелія открывалась только въ половину; но когда они удалялись вечеромъ, и одни посреди деревни, ѣхали подъ небомъ, усьинымъ звѣздами, между зеленымъ жлетней дороги, освобожденные отъ моего холоднаго надзора, они не боялись, что онъ разстроитъ поэзію ихъ разговора — тогда сколько заблужденій, сколько жалобъ, сколько таинственныхъ страданій поворачивали они другъ другу, въ тишинѣ нашихъ осеннихъ ночей! Сколько неясныхъ сожалѣній, сколько обманчивыхъ надеждъ, напуганныхъ мечтою! Какъ будто двѣ эти души должны были слиться вмѣстѣ и имѣть одну радость и одну горе, летѣть однимъ полетомъ въ благоухающія поля ихъ мечтаний! Не разъ первые дневные лучи находили ихъ обомкнъ на нашихъ холмахъ, посреди густаго тумана Крезы.

Мы были при началѣ осени. Въ продолженіе ночныхъ путешествій, которые непременно возбуждали бы толки и пересуды въ нашемъ околоткѣ, Альбертъ не смѣлъ высказать свою любовь г-жѣ Сомервилъ; любовь Авреліи еще не открылась даже для нея самой. Это не была боязливая невольность молодого человѣка, удерживавшая признаніе на устахъ Альберта. Это было чувство осторожности и жалости, которое сохранялось у него къ несчастному состоянію Нанси. И потому, въ вѣжности г-жи Сомервилъ было что то мужественное, пугавшее вѣжностью Альберта.

Стыдась наконецъ своей роли, роли ребенка (онъ мнѣ потопилъ

признался въ томъ); усталый противиться и страдать, терпя терпѣннѣе въ любви, и страшась показаться глупцемъ, онъ для удовольствонія самолюбія, далъ клятву при умирающей сестрѣ, объяснитъся съ г-жею Сомервилдъ, возвращался въ Анверъ. Но въ тотъ вечеръ Альбертъ уѣхалъ одинъ; а между прочимъ на другой день г-жѣ Сомервилдъ нечего было болѣе унавать.

Этотъ день былъ дурень для Нанси: голова ея горѣла, голосъ былъ отрывистъ, взглядъ быстръ; воздухъ съ трудомъ проходилъ въ воспламененныя легкія; пульсъ ея бился съ страшною скоростью. Г-жа Сомервилдъ захотѣла провести ночь воалѣ Нанси. Альбертъ уѣхалъ одинъ.

Вечеръ былъ сыръ и холоденъ; зима, начинающаяся въ нашихъ странахъ до ноября, уже воорыла деревню снѣгомъ.

Я и г-жа Сомервилдъ сидѣли у камина, гдѣ горѣло цѣлое погѣно молодого вяза. Мы были одни у Нанси: ея кормилица, сидѣвшая надъ ней нѣсколько ночей сряду, отдыхала. Мои силы были истощены тоскою и усталостію.

Сомервилдъ была молчалива. Я слышалъ монотонный шумъ пламени, гудосъ сверчна въ щеляхъ очага; вода кипѣла въ чайникѣ, сѣверный вѣтеръ вылъ у дверей. Мои мысли помирались; свинцовый сонъ тяготѣлъ на глазахъ; голова машинально оперлась на каминъ, руки опустились, неясные образы скользили мимо меня: это были мои лучшіе дни въ правдивныхъ нарядахъ, мои печальные дни въ траурѣ... я видѣлъ себя молодымъ, съ сестрою еще моложе меня, играющими какъ два ребенка на лугу сада... всѣ мои сладкія воспоминанія останавливались, чтобы осыпаться шелью цвѣтами... Потомъ тянулся цѣлый рядъ горькихъ воспоминаній; мой умершій отецъ, умирающая сестра, угасшая любовь, уничтоженная дружба!.. я видѣлъ также тѣни моихъ друзей въ шестнадцать лѣтъ... Арманъ, Альфредъ, друзья мои, вы ли это? говорилъ я имъ. Жители неба, что пришли вы дѣлать здѣсь? Мы пришли утереть твои слезы, говорили они, оттого что ты оплакивалъ насъ съ нашей матерію... И они брали меня за руку, чтобы увести меня съ ними.

Посреди этихъ явленій, казалось, я слышалъ гомозъ Нанси; призраки, вызванныя моимъ большимъ воображеніемъ, исчезли. Но голова, которую я съ трудомъ приподнялъ, упала на синюю кресла, въ которомъ я сидѣлъ; утомленные глаза болѣзненно закрылись отъ сильнаго свѣта, и я пришелъ опять въ то положеніе, въ одно и то же время бдѣнія и сна: мои способности дремали въ заснушемъ тѣлѣ....

При жалобном стоѣ сестры, г-жа Сомеррава шла у ея ногамъ.

— Гдѣ Максимъ? спросила Манси слабымъ голосомъ, вскрывая тяжелыя рѣсницы, не принадлежавшая опухшимъ долоу.

— Онъ спитъ.

— А Альбертъ?

— Уѣхалъ.

— Гдѣ Аврелія? спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Она возлѣ насъ, дѣтя мое.

Манси быстро повернулась, посмотрѣла на г-жу Сомерраву блуждающими глазами и прошептала слова, которыхъ я не поняла. Наступило молчаніе, въ продолженіе котораго въ ней замѣтно было сильное волненіе. Когда успокоилась, она протянула къ себѣ Аврелію, и обвиняя ея милою своими бѣдами, худыми руками, сказала съ глазами полными слезъ: — Прости чѣмъ я умру, простите меня.

— Васъ простятъ! за чѣмъ, душа моя? Вы можете смѣло престать передъ Богомъ.

— Не говорите этого! скажите, что вы меня прощаете.

— Милая дочь моя, ты знаешь, что сердце мое полно любви и состраданія къ тебѣ.

— Не говорите мнѣ, что вы меня любите!.. Мнѣ страшно самой себя.

— Манси, мочь моя, моя дорогая!..

— Сжалось, Аврелія, сжалось надо мной!.. Я столько страдала за васъ!.. черезъ васъ я умираю!.. Простите меня!.. если я прокляла васъ.

— Прокляла?

— Да прокляла, я поклялась вамъ! клялась она, сироту голову подъ одеяло, заглушая свои стоны и рыданія.

Аврелія открыла ее и привлекла къ себѣ: — Ты меня прокляла, а я благославляла тебя, ты меня поклялась, а я люблю тебя, ты умерлашь чрезъ меня, которая отдала бы жизнь свою, чтобы возвратить тебѣ сонмища молодости!.. Лихорадка приводитъ тебя въ заблужденіе, слова твои очерчиваютъ меня!

— Я въ совершенномъ умѣ, сказала Манси съ печальными глазами. Развѣ вы не чувствуете этого по моему сасанку? прибавила она, поднося дрожащую руку Авреліи къ своимъ глазамъ.

— Боже мой, что же я сдѣлала? спросила съ безпокойствомъ Аврелія.

— Вы вложили въ мою грудь змѣю, которая грызетъ мое сердце.

— Лихорадка убиваетъ тебя ума!

— Нѣтъ: это ревность убиваетъ меня.

Эти слова были для Авреліи молніей, которая убиваетъ и освѣщаетъ.

— Ревность! вскрикнула она слеза руки... вы ревнуете!...

— Васъ!

— Меня, старую и отжившую!

— Развѣ я такъ молода и хороша! спросила равнодушно Манси, наклоня свое лицо къ лампѣ, горѣвшей возлѣ нее, и откидая художавыми пальцами волосы, падающіе ей на лобъ... Смотрите, маркиза: вотъ ваша соперница; вы свѣдали меня такою.

Г-жа Сомервилль испустила громкій раздирающій крикъ, ноги ея задрожали, сердце замерло въ груди, она упала лицомъ къ кровати, колѣнами на полъ, и долго оставалась въ такомъ положеніи, подъ вліяніемъ потухающаго взора Манси, которая въ лихорадочномъ жару вылила изъ своей груди всю горечь, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ терзавшая соннавшуюся у нее.

— Я видѣла трауръ по моему счастию въ тотъ день, когда Альбертъ увидѣлъ васъ въ первый разъ, сказала она голосомъ печальнымъ и важнымъ: съ этого дня Альбертъ полюбилъ васъ.

— Альбертъ никогда не любилъ меня!

— Она васъ любила, продолжала медленно Манси: я видѣла, какъ эта любовь родилась; при моихъ глазахъ она выросла, и я свѣдала за ея усиліями съ тоскою, которая сводитъ меня въ могилу.

— Альбертъ никогда не любилъ меня!... повторила Аврелія въ отчаяніи.

— Я сильно страдала! продолжала остра съ безжалостною настойчивостью. Чувствовать, что онъ меня болѣе не любитъ, это бы не убilo меня, но не любить болѣе васъ, ощущать ревность, этотъ постыдный порокъ, унижающій наши чувства—это погубило меня. О! еслибъ вы знали, какъ я ненавидѣла себя за то, что ненавижу васъ. Сколько разъ огненныя дождюны падали на мое сердце проклятій, которыя я призывала на вашу голову!

— Твоя ненависть жестокое—заблужденіе... Дочь моя, приходи ко мнѣ, я твой другъ и мать.

→ Вы были безжалостны: каждый день я видѣла васъ подлѣ

себя, плѣняющую Альберта своими прелестями. Забывъ мои страданія, неблагодарный жилъ только для васъ, которая убивала меня!... Ахъ, маркиза, вы заставили меня быть свидѣтельницею вашего торжества.

— Дочь моя, приди въ себя!.... повторяла умоляющая Аврелія.

— Каждое утро встрѣчало васъ обѣихъ, васъ болѣе прекрасную, меня умирающую; можно подумать, что вы отнимали у меня мою молодость, чтобы придать ее вашей граціи, вашему уму.... мою молодость, мое единственное сокровище!... Пусть Альбертъ сохранить вашу любовь вѣчно!

— Бѣдная потеряла рассудокъ! сказала г-жа Соммервилль, взявъ своими руками горящія руки Нанси. Альбертъ никогда не любилъ меня.

— Онъ васъ любитъ, говорю я вамъ! сказала сестра моя съ нетерпѣніемъ.... и вы, можете-быть, также его любите.

— Несчастная, кто сказалъ тебѣ это? воскликнула Аврелія, вставая испуганная.

— Значитъ вы его любите! прошептала Нанси задышающими голосомъ и падая на свою постель.

При открытіи, произведенномъ этими быстрыми словами, обѣ несчастныя поняли ихъ роковую участь.

Г-жа Соммервилль впрочемъ не имѣла живой и глубокой страсти къ этому ребенку, котораго мы называемъ Альбертомъ: она любила его, безъ сомнѣнія, съ дружескою нѣжностью, иногда восторженною иходящею на любовь, потому-что во вефѣхъ привязанностяхъ этой женщины было столько любви.

Отчего же слово, случайно произнесенное Нанси, вынудило у Авреліи крикъ страсти и ужаса? Отчего чувство, до-сихъ-поръ свойственное материнскому, превратилось вдругъ въ сильную, дѣйствительную любовь.

Это отъ того, что воображеніе, сильно взволнованное, дѣйствительно производитъ зло, котораго страшатся. Если бы Соммервилль не видѣла препятствій своей новой страсти, еслибы эта любовь представилась въ улыбающемся видѣ, съ свободнымъ коленемъ и протоптанной дорогой, Соммервилль не любила бы Альберта; не любя его она отвлекала его отъ той, которую онъ любилъ; она губила Нанси, которую называла своею дочерью; она поселила въ наше существованіе безпокойство и отчаяніе; она боялась его любить, и потому любила его.

Мы такъ гордимся, заслуживая проклятія; наше тщесловіе такъ довольно горестями, возбуждаемыми нами, что Сом-

мерзавь почувствовала, можетъ быть, радость, явля, что судьба еще не устала ее преслѣдовать.

Между тѣмъ лихорадка Нанси усиливалась; безпамятство овладѣло ею; я слышалъ, какъ она пѣла, спрятавъ голову подъ подушку, медленную, печальную пѣснь. Аврелія стояла у ея постели, какъ предвѣстница смерти. Ея руки были сложены на груди, ея высокая тѣнь, дожидавшаяся на бѣлую стѣну, дрожала при трепетномъ свѣтѣ пламени. Эти пѣсни умирающей, и дрожащая тѣнь этой неподвижной фигуры наводили на меня ужась; я даже думалъ, что безпамятство моей сестры перешло ко мнѣ. Я хотѣлъ бѣжать къ ней и не могъ: желѣзная рука приковывала меня къ мѣсту; мнѣ казалось, что эта тѣнь, бродящая по стѣнѣ, насмѣхалась надъ моими тщетными усиліями.

Я слышалъ или думалъ, что слышу, — потому-что не увѣренъ въ томъ, что въ эту ночь мое воображеніе не приняло сна за дѣйствительность, — чье-то пѣніе, повторяемое посреди завываній вѣтра.

Одинъ голосъ говорилъ:

«Господи, мнѣ только шестнадцать лѣтъ: я не хочу умереть.»

Другой голосъ отвѣчалъ:

— Господи, я стара; призови меня къ Себѣ.

Скоро я ничего болѣе не слышалъ; Сомервилль оставила постель больной, и медленно подошла ко мнѣ. Боясь, чтобы мое присутствіе не привело ее съ этого времени въ затрудненіе и замѣшательство, я притворился, что сплю. Она наклонилась ко мнѣ свою голову, и я почувствовалъ на моемъ лбу ея жаркое дыханіе. Она отошла, и приподнявъ вѣки, я могъ слѣдить за ея малѣйшимъ движеніемъ.

Она сѣла возлѣ сестры, и долго на нее смотрѣла; потомъ встала на колѣни и молилась въ полголоса. Когда она встала, глаза ея были заплаканы, она была спокойнѣе. Она приклонилась къ постели, и послѣ долгаго, безмолвнаго размышленія, сказала:

— Если какое-нибудь преступное заблужденіе заплотило чистоту молодыхъ лѣтъ нашихъ, жизнь уже не воротить прежняго спокойствія и чистоты. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Богъ оставилъ меня, я тщетно искала добра: я только встрѣчала и дѣлала зло. Въ чашѣ, въ которую я лила медъ, находились польны; тамъ, гдѣ я сѣяла доброе сѣмя, выросло терніе... Боже мой! я, вѣроятно, испытала еще не весь. Твой гнѣвъ! На двѣ чаши осталось нѣсколько капель желчи, которой я еще

не вышла! Ты видела мои ошибки, Ты видела также мое горе; Ты знаешь, что мое чело страдало также подъ волочивши въ лицо, что я очень утомилась, неся мой крестъ, я утомлена, мои ноги разтерзаны: моя судьба еще не кончилась! Надо было, чтобы я внесла разстройство и беспорядокъ въ этотъ бѣдный домъ!...

Долго она была погружена въ думы. Волге разу уста произносили имя Альберта. Была минута, когда она поднялась съ гнѣвомъ, суровымъ движеніемъ головы отбросила свои волосы назадъ, и сжала сердце судорожной рукой.

«Ты обмануло меня, проментала она: я думала, что ты уснуло, а ты только дремало.»

IX.

Съ разсвѣтомъ дня Сомервилъ объявила желаніе свое возвратиться въ Анземъ. Нанси спала тихимъ сномъ; я поручилъ ее кормилицѣ, и хотѣлъ проводить Аврелію. Я велѣлъ заперчь одноколку; она отказалась вѣхать.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ, сказала она мнѣ: ходьба и открытый воздухъ мнѣ помогутъ. Поспѣшите.

Мы отправились. Аврелія шла такъ скоро, что я едва успѣвалъ за ней слѣдовать. Одинъ только разъ во-время пути, она ко мнѣ обратилась:

— Когда вѣдетъ Альбертъ? спросила она меня отрывистымъ голосомъ, остановясь посерединѣ дороги.

— Маркиза, сказалъ я, Альбертъ долженъ быть въ Парижѣ 15 ноября.

— Хорошо.

И мы продолжали нашъ скорый путь.

Мы пришли въ замокъ.

— Максимъ, сказала она: вы будете завтракать со мною. Черезъ часъ вы будете свободны... Франкъ, чтобы дѣла не падали стояли у рѣшетки: я вѣду черезъ часть, ты проводишь меня... Не находите ли вы, Максимъ, что сегодня душнее жарко... Франкъ, распорядись, чтобы намъ подали чай на террасѣ.

Холодъ былъ чрезвычайно оидутительный, но въ словахъ

Аврелия бормотала что-то да того невольничьего и строгого, что я не могла сказать ни одного слова.

Однако я осмелилась спросить о ея скоромъ отъездѣ.

— Вы вѣрнѣе идете въ Клевию, и возвратитесь вечеромъ?

— Я уѣзжаю отсюда.

— Ваше отсутствіе будетъ продолжительно?

— Можетъ быть. Я всегда имѣла особенное желаніе объѣхать берега Крезы: эта страна очень занимательна. Вы знаете Кросанъ?... Были ли вы когда нибудь въ старомъ аббатствѣ Фонломбо, которое такъ любятъ поэты? Право, стыдно жить въ какой-нибудь странѣ, не зная ея богатства.

— Не, маркиза, скандалъ я ей: это опасное путешествіе: теперь зима, дороги непроходимы; Креза, вѣрно, выступила изъ береговъ. Подождите весны.

— Нѣтъ, сказала она: Богъ, который знаетъ куда я їду, опасаетъ меня.

Чай былъ поданъ на террасѣ. Послѣ чаю, который продолжался не болѣе пяти минутъ, она вышла и возвратилась черезъ полчаса въ зимнемъ амазонскомъ костюмѣ. Она держала въ рукахъ, въ замѣнъ хлыстика, гладкую, гибкую виноградную вѣтвь, которую сорвала въ долинѣ Сорренты, во-время своихъ путешествій. На ней всегда былъ беретъ шотландскаго бархата или соломенная шляпка, подбитая голубой тафтой, безъ вуала; она безъ боязни открывала нашему снисходительному солнцу свое лицо, загорѣлое на солнцѣ Италіи и Испаніи; но на этотъ разъ на головѣ ея была сѣрая пуховая шляпа, какъ тогда ихъ носили. Когда она пришла такъ одѣтая, и остановясь, на крыльцѣ, бросила странный взглядъ на удивленные холмы, вершины которыхъ бѣлѣлись на горизонтѣ, она мнѣ показалась такой великой, гордой, я находилъ въ ней столько благородства и величія, что-то мужественное и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительное, что я едва не сказалъ ей наивныхъ словъ Венеціанскаго Мавра: «Привѣтствую тебя! моя прекрасная воинственная героиня.» Кортесь, увидя ея чрезъ рѣшетку, испустилъ ржаніе, полное гордости и радости; но Аврелия отвѣчала взглядомъ полнымъ грусти на взглядъ благороднаго животнаго.

Франку поручено было отвести двухъ лошадей и ждать Соммервилъ у калитки сада. Простясь съ своими людьми, которые плакали, какъ будто ихъ госпожа уѣзжала въ самое долгое путешествіе, улыбувшись старому Губеру, который пришелъ

ей сказать о неудобствѣ путешествія, которое она предпринимаетъ, Аврелія оперлась на мою руку и мы пошли къ Франку.

— Вы поклонитесь отъ меня вашему другу, сказала она мнѣ: передайте вашей сестрѣ мое сожалѣніе, что я ее оставляю больную. Но мнѣ необходимо ѣхать, я ѣду!.. Судьба моя должна рѣшиться!

Когда мы пришли къ саду, Соммервиль сказала мнѣ:

— Если когда нибудь вы узнаете, что я вамъ сдѣлала много зла, что будете вы обо мнѣ думать?

— Что вы болѣе меня должны страдать за то, и омывать грѣхи ваши слезами.

— Хорошо, Максимъ... Дайте мнѣ вашу руку.

Она съ чувствомъ пожала мнѣ руку, потомъ прибавила:

— Думаете ли вы теперь, что у меня добрая душа?

— Душа благородная, маркиза!

— Лучше скажите измученная... Не случилось ли вамъ когда нибудь думать, что враждебная мысль вашему счастью могла иногда родиться во мнѣ?

— О! маркиза никогда!

— Поцалуйте меня, Максимъ.

Я ее долго прижималъ къ груди моей. Наконецъ она выпалась изъ моихъ объятій и вскочила на Кортеса. Черезъ минуту Франкъ также былъ въ сдѣлѣ.

— Не на долго, не правда ли? кричалъ я Авреліи.

— Не ждите меня прежде 15 ноября, закричала она мнѣ, быстро удаляясь.

Окончаніе во слѣдующей книгѣ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЛАФАТЕРЪ И ЕГО УЧЕНІЕ.

Лафатеръ былъ одинъ изъ знаменитыхъ людей восемнадцатаго столѣтія и извѣстенъ какъ физогномистъ, богословъ и поэтъ. Онъ родился въ Цюрихѣ, 15 ноября 1741 года. Отецъ его, докторъ, не опредѣляя сыну своему никакого назначенія, отдалъ его предварительно въ школу. Находясь въ училищѣ, Лафатеръ не показывалъ блестящихъ способностей и привязанности къ наукѣ, но любилъ уединеніе и отличался набожностью. По выходѣ изъ школы, онъ обладалъ только поверхностными познаніями въ богословіи, латинскомъ и греческомъ языкахъ; другихъ же предметовъ онъ вовсе не зналъ.

Вскорѣ по окончаніи своего ученія, Лафатеръ путешествовалъ вмѣстѣ съ художникомъ Фюсли. * Это было въ 1763 году. Они отправились чрезъ Лейпцигъ и Берлинъ въ Шведскую Пomerанію, въ городъ Бардъ. Здѣсь Лафатеръ окончивалъ свое образованіе, занимаясь богословіемъ и эстетикою. Поэмы и оды германскаго поэта Клопштока, въ то время писавшаго, особенно подѣйствовали на Лафатера. Онъ сталъ изучать нѣмецкую литературу, и почувствовалъ свое призваніе и способ-

* Fuesli или Fouseli, Heinrich родился въ Цюрихѣ въ 1742 году. Онъ путешествовалъ по всей Европѣ. Прибывъ въ Лондонъ въ 1778 г., гдѣ получилъ мѣсто профессора живописи въ Академіи, оставался тамъ до самой своей смерти, т. е. до начала 19-го столѣтія. Изъ картинъ его замѣчательнымъ слѣдующимъ: Леди-Макбетъ и Геркулесъ, усмиряющій дщера Діомеда.

ность быть поэтомъ, началъ писать стихи въ религиозномъ и патриотическомъ направленіяхъ. Его *Швейцарскія пѣсни* (1767-го) и *взглядъ на загробную жизнь и вѣчность* имѣли въ свое время большой успѣхъ. Съ этихъ поръ, до конца своей жизни, онъ не переставалъ предаваться поэзіи, и написалъ нѣсколько одъ и эпоей въ этомъ же родѣ. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія: *Мессія*, *Понцій Пилать* (объ эпоне), *Ода: Цюрихъ въ концѣ 18-ю столѣтія*, ея продолженіе: *Цюрихъ въ 19-мъ столѣтіи* (1800-го) и наконецъ *Пѣсни для страждущихъ*. Всѣ его творенія въ этомъ родѣ суть, болѣе или менѣе, христіанскія размышленія, проникнутыя чувствомъ вѣры и любви, человека, вдохновеннаго религіей, нежели поэтическія произведенія. Въ нихъ Лафатеръ размышляетъ о небесахъ, о любви христіанской, утѣшаетъ несчастныхъ, обманутыхъ судьбою, покинутыхъ людьми, и призываетъ ихъ въ духовную жизнь, т. е. въ сферу дѣйствій ума и сердца. Его поэтическія произведенія хотя и имѣли большой успѣхъ, но только въ кругу людей религиозныхъ и набожныхъ. Такихъ людей было тогда уже немного, потому что ученіе французскихъ энциклопедистовъ того времени, протѣкая на чадомъ религіи, прогрессивно распространялось не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ Европы. Весть обо этомъ находило много послѣдователей и приверженцевъ. Люди, все болѣе и болѣе оставаясь прежніи свои вѣрованія, и принимали комья, которыя тогда распространялись. А потому, весьма естественно, что поэтическія произведенія Лафатера, и притомъ еще религиозныя, не могли обратитъ на себя большого вниманія и имѣть всеобщій успѣхъ.

Такихъ образомъ, хотя Лафатера и считаютъ нѣкоторые сѣточкомъ своего времени, но за всѣмъ тѣмъ, его поэтическія произведенія не обнаруживаютъ высокаго таланта настоящей поэзіи. Лафатеръ былъ просто проповѣдникъ евангельскаго ученія и истинъ священнаго писанія, которыя онъ излагалъ въ простыхъ и прекрасныхъ формахъ поэзіи.

Въ 1769 году Лафатеръ, будучи уже женатымъ, получилъ должность дѣкана (diakonus) швейцарской церкви въ Цюрихѣ. Скоро послѣ того онъ сталъ старшимъ пасторомъ той же самой церкви (въ 1775 г.), и исполнялъ эту должность до конца своей жизни. Сдѣлавшись служителемъ Церкви, онъ ревностно исполнялъ обязанности своей трудной и многосторонней должности, отличаясь своими проповѣдями, высокой нравственною жизнью и добрыми дѣлами. Какъ богословъ, онъ гораздо болѣе знаменитъ, нежели какъ поэтъ.

онъ былъ сильно привязанъ къ некоторымъ католическимъ догматамъ и обрядамъ. Но во всѣхъ богословскихъ сочиненіяхъ Лафатера видно гораздо болѣе чувства и любви къ человѣчеству, нежели философскаго ума. Вообще о его сочиненіяхъ по части богословія и поэзіи, можно сказать, что въ первомъ онъ является болѣе поэтомъ, нежели философомъ; а въ поэзіи, напротивъ, онъ болѣе богословъ, нежели поэтъ. Лафатеръ, былъ человѣкъ простой, добрый отъ природы, всегда и во всемъ дѣйствовавшій безкорыстно, внимательный и снисходительный къ слабостямъ всѣхъ. Кроме того, въ наружности и манерахъ самаго Лафатера выражалось такъ много добра и искренности, что достаточно было одной встрѣчи съ нимъ, чтобы расположить человѣка въ его пользу. Всѣ эти качества привлекали къ нему много людей, и дали ему средства имѣть огромное вліяніе на нѣтъ.

Онъ такъ былъ преданъ своему дѣлу и своимъ вѣрованіямъ, что желалъ видѣть во всѣхъ людяхъ, его окружавшихъ, своихъ послѣдователей. Всѣми силами онъ старался не только быть образцомъ настоящаго христіанина, но и сдѣлать такими же людей близкихъ себѣ. Будучи знакомъ съ еврейскимъ философомъ Мендельсономъ, Лафатеръ старался обратить его къ христіанству. Въ этомъ дѣлѣ онъ неимѣлъ никакого успѣха, и сдѣлался только предметомъ насмѣшекъ, какъ со стороны самаго философа, такъ и другихъ ученыхъ людей. Прибавить еще ко всему этому, что Лафатеръ одаренный поэтической душою, съ пламеннымъ воображеніемъ и мечтательностью, былъ склоненъ къ мистицизму. Такъ онъ вѣрилъ въ таинственное призываніе духовъ Гаснера; вѣрилъ въ ученіе о животномъ магнетизмѣ, доктора Меснера, которое впервые тогда появилось. Лафатеръ сильно привязался къ этому новому ученію. Кроме всего этого онъ вѣрилъ во все то, что дѣлалъ и разсказывалъ графъ Калиостро. Вѣра Лафатера въ этого человѣка была такъ сильна, что когда Калиостро былъ пойманъ и обнаруженъ во всѣхъ своихъ хитростяхъ, то и тогда Лафатеръ непереставалъ по-прежнему вѣровать въ него, и въ оправданіе свое говорилъ, что пойманный графъ Калиостро не есть настоящий, прежній Калиостро, который теперь скрылся. Объ

* Мендельсонъ, Моисей, философъ еврейскій, родился 1729 года въ Делаву. Онъ первый, старался философію извѣстную до популярности. Сочиненія свои онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: *Phædon ou Entretiens sur la spiritualité et l'immortalité de l'ame, traduit par Süssler 1772. Dialogues sur l'immortalité de l'ame et Recherches sur les sentimens moraux etc.*

этомъ говорить Гете, лично знавшій Лафатера, въ своей перепискѣ съ друзьями, вышедшей послѣ смерти автора.

Слава Лафатера, какъ прекраснаго проповѣдника и пастора, была такъ велика, что во-время своего втораго путешествія на минеральныя воды въ Эмсъ (въ 1774 г.), онъ вездѣ былъ торжественно принимаемъ, и вездѣ получалъ приглашенія читать рѣчи, не только въ приходскихъ церквахъ, но даже и при дворахъ германскихъ владѣтелей. Вольный городъ Бременъ предложилъ ему мѣсто пастора въ одной изъ своихъ церквей, но Лафатеръ, изъ чувства патриотизма, отказался отъ этого лестнаго для него приглашенія, оставаясь по-прежнему въ Цюрихѣ. Наконецъ онъ сдѣлался духовникомъ многихъ семействъ, съ одними вслѣдствіе личнаго знакомства, а съ другими по одной только перепискѣ. Простой народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этого человѣка. Въ 1775 году, по возвращеніи изъ путешествія, онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе по части фizioгномки, которое было весьма неблагоклонно встрѣчено учеными.

Съ этихъ поръ, до конца своей жизни, онъ подвергался различнымъ огорченіямъ и нападкамъ со стороны своихъ враговъ, которыхъ у него было много. За приверженность Лафатера къ католицизму, нѣкоторые считали его опаснымъ человѣкомъ, видя въ немъ хитраго іезуита. Это мнѣніе сильно распространилось во время французской революціи, когда онъ съ жаромъ проповѣдовалъ на кафедрахъ о вредныхъ ея началахъ и слѣдствіяхъ. Швейцарское правительство подозрѣвало въ немъ шпиона двухъ главныхъ европейскихъ державъ. Вслѣдствіе этого (въ маѣ 1796 г.) Лафатеръ, какъ человѣкъ опасный, былъ взятъ подъ стражу и отправленъ въ Базель, гдѣ содержался нѣкоторое время подъ присмотромъ полиціи. Вскорѣ онъ оправдался и по освобожденіи своемъ, сталъ по-прежнему открыто говорить противъ французской революціи и вездѣ проповѣдывать правосудіе и порядокъ. Наконецъ его дневникъ, который началъ издаваться въ 1795 г. послужилъ еще болѣе къ упадку его славы. Этому способствовалъ баронъ Книге (авторъ сочиненія: *Объ обращеніи съ модями*), который жестоко посмѣялся надъ этимъ сочиненіемъ Лафатера.

29 сентября 1799 года, французскія войска, подъ предводительствомъ Массены, осаждали Цюрихъ, гдѣ жилъ Лафатеръ. Во время этой осады, когда Лафатеръ, находясь между солдатами, поощрялъ ихъ къ храбрости и ухаживалъ за ранеными, одинъ гренадеръ, изъ числа осаждаемыхъ, выстрѣлилъ по нему

и ранилъ его пулею въ животъ. Рана, которую получилъ такимъ образомъ Лафатеръ, не была смертельна, но произвела жестокою болѣзнь, продолжавшуюся полтора года. Во-время этой болѣзни онъ написалъ оду «Цюрихъ въ 18 и 19 столѣтій» лучшую изъ его поэтическихъ произведеній, и рассказъ о своей смерти. Къ концу 1800 года болѣзнь значительно усилась, но Лафатеръ былъ терпѣливъ и переносилъ всё отраданія съ удивительною твердостью. Онъ даже зналъ своего убійцу, какъ некоторые думаютъ, но не хотѣлъ предать его въ руки правосудія, единственно по добротѣ своей души. Наконецъ, 2 января 1801 года Лафатеръ скончался, среди жестокихъ мученій, на 60-мъ году своей жизни. Такъ умеръ онъ, оставивъ по себѣ въ потомствѣ память прекраснаго человѣка.

До-сихъ-поръ мы говорили о заслугахъ Лафатера какъ поэта и богослова; но все это неважно въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ Лафатеръ для фязіогномики. Его фязіогномика или ученіе о человѣческой наружности, состояло въ способѣ, какимъ образомъ, разсматривая лицо и вообще всю наружность человѣка, можно судить о его характерѣ. Приступая къ изложенію этого ученія, мы покажемъ сперва, какимъ образомъ Лафатеръ дошелъ до этой идеи и что было до него сдѣлано другими по этой части.

Лафатеру, какъ пастору, нужно было хорошо знать характеръ человѣка, чтобы вѣрно судить о его дѣйствіяхъ. Для этого онъ долженъ былъ проникать въ глубѣйшіе изгибы человѣческаго сердца, угадывать его страсти, движенія, наклонности, однимъ-словомъ, знать все то, что относится до человѣческой души. Но внутренній міръ человѣка или его душа, хотя не можетъ быть узнава нами непосредственно, однакожь обнаруживается во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ или, говоря вообще, во вѣнности человѣка; а потому нужно сперва узнать всевозможныя разнообразныя дѣйствія человѣка, чтобы составить себѣ какое-нибудь понятіе о его душѣ. Такимъ образомъ, разсматривая людскіе характеры, Лафатеръ скоро это замѣтилъ, и вслѣдъ за тѣмъ сталъ еще болѣе наблюдать людей. Все, что соприкасалось близко съ человѣкомъ и подвергалось его вліанію, не только не ускользало отъ проникательнаго взора Лафатера, но напротивъ было предметомъ его внимательныхъ изслѣдованій и розысканій. Лицо, какъ благороднѣйшая часть тѣла, болѣе всего обращало на себя его вниманіе. Убѣждаясь, мало-помалу, въ томъ, что наружность человѣка выражаетъ его характеръ, онъ продолжалъ преслѣдовать эту идею только посред-

отвѣтъ обогрѣшить своихъ наблюдѣній и опытовъ. Не довольствуясь наученіемъ мадей, его окружавшихъ, Лафатеръ, при возможности своихъ корреспондентовъ, которымъ у него было много, доставлялъ портреты знаменитыхъ людей того времени, хорошо ему извѣстныхъ, взглядывалъ въ эти лица, сравнивалъ ихъ между собою, и старался опредѣлять характерныя черты ихъ свойственныя. Кромѣ того, онъ занимался изслѣдованіемъ картинъ знаменитыхъ художниковъ, частію въ оригиналахъ и частію въ копіяхъ, которыя также ему доставлялись его друзьями. Расширяя, такимъ образомъ, кругъ своихъ наблюдѣній, онъ пріобрѣталъ все болѣе навыка, угадывать по чертамъ лица и наружности характеръ людей и ихъ умственныя способности. Многимъ людямъ онъ, въ ихъ же присутствіи, говорилъ свои записки о характерѣ и склонностяхъ, ихъ свойственныхъ, и тѣ невольно приходили въ изумленіе, услышавъ отъ него такое вѣрное опредѣленіе своего характера. Искусство Лафатера, знать и опредѣлять человека по его наружности, скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ. Многою любопытные люди, видя въ этомъ что то таинственное и непостижимое, вѣрочно являлись къ Лафатеру, чтобы услышать отъ него мнѣніе о своемъ характерѣ. Онъ удовлетворялъ всегда подобныя просьбы съ тою необыкновенною простотою и шепринужденностью, которая всегда была ему свойственна. Бѣольшая часть этихъ людей предполагали увидѣть въ немъ какое-нибудь таинственное лицо, но каково-же было ихъ удивленіе, когда, видя что то такое человека, они встрѣчали простаго нѣмецкаго мастера, скромно и одиноко живущаго, и не имѣющаго подлѣ себя никакихъ атрибутовъ таинственности, какъ то мертвыхъ головъ, человѣческихъ скелетовъ и тому подобныя вещи, которыя такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе многихъ. Журналы того времени и французскіе эмигранты, вѣрочію захажавшіе въ Цюрихъ, чтобы видѣть Лафатера распространили еще болѣе его славу, какъ фیزیогномиста. Простой народъ, убѣждался въ истинѣ, что Лафатеръ предсказываетъ каждому человеку его будущую судьбу. Въ то время о Лафатерѣ вездѣ ходили различныя толки и слухи. Одни видѣли въ немъ необыкновеннаго и загадочнаго человека, другіе ничего ровню, кромѣ простаго фокусника. Самъ же Лафатеръ говорилъ о своемъ ученіи нѣкоторымъ ученымъ людямъ, въ особенности доктору Циммерману, Гете, и видя, что они раздѣляютъ его мнѣніе, приступилъ къ ученой разработкѣ своей идеи. Первымъ его дѣломъ было узнать, что написано по этой части другими. Перечитавъ

изъ и несогласия раздѣльныхъ сочиненій ему современныя и дрязга, какъ не нашелъ въ нихъ ничего удовлетворительнаго, кромѣ однихъ только неясныхъ намековъ на справедливость своего ученія. Тогда онъ увидѣлъ, что ему самому нужно оправдать свое ученіе. Объ этомъ говоритъ самъ Лафатеръ въ своемъ сочиненіи, и приводитъ нѣкоторые мѣста изъ писателей, которые оправдываютъ его показанія.

Впрочемъ, за долго до Лафатера, нѣсколько разъ была попытка опредѣлять по наружности человѣка его характеръ. Доминиканскій монахъ и философъ Тома Кампанелла, жившій отъ 1568 до 1639 г., былъ уже физиогномистъ. Но онъ облакалъ это таинственностью и не оставилъ послѣ себя никакого сочиненія по этой части. Bapliste-de-la-Porta, умершій въ 1615 году, сравнивалъ головы животныхъ съ человѣкомъ, и такимъ образомъ дѣлалъ свои заключенія о послѣднемъ. Тимбейнъ продолжалъ тоже самое. Объ нихъ Лафатеръ ничего не говоритъ въ своемъ сочиненіи; вѣроятно, онъ ихъ не зналъ, да еслибы и зналъ, то они не принесли бы ему никакой пользы. Во всякомъ случаѣ Лафатеръ правъ, говоря: «Я нигдѣ не нашелъ нужныхъ для себя матеріаловъ, долженъ былъ руководствоваться собственными наблюденіями и доходить до всего своимъ опытомъ.» Изъ этого видно, что, какъ открытіе этой идеи, такъ и ея разработка, принадлежать ему самому. Наконецъ, въ 1775 году, появилось его сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ *Physiognomische Fragmente*. Это сочиненіе обратило на себя большое вниманіе публики. Люди, привязанные къ Лафатеру и слѣпо вѣровавшіе въ него (а ихъ было довольно), предполагали найти здѣсь ясныя правила, какимъ образомъ можно угадывать характеристическія черты человѣка. Но такъ какъ это сочиненіе состояло изъ портретовъ разныхъ лицъ, съ описаніемъ, при каждомъ изъ нихъ, его характера, и все это было составлено безъ всякой системы, то очевидно, что они не могли имъ руководствоваться такъ легко, какъ предполагали, и потому нѣкоторые говорили, что Лафатеръ въ своемъ сочиненіи не все высказалъ, но многое скрылъ. Такъ какъ Лафатеръ былъ давно уже извѣстенъ за физиогномиста, то конечно это сочиненіе имѣло большой успѣхъ въ публикѣ; этому способствовали, весьма много, какъ самая занимательность предмета, такъ и новизна ученія. Скоро послѣ того оно появилось на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Essai sur la Physiognomonie destiné à faire connaître l'homme et à le faire aimer; par Jean Gaspard*

Новое изданіе Ambreister въ Визъ, 1829 года, со 120 картинками.

"*L'écuyer, Ministre du St. Evangil. Naryé 1781 — 1803.* (a) Это издание гораздо полнее и лучше немецкаго; оно переведено съ новой рукописи Лафатера, тремя лицами: M-me de la Fite, Casillard et Ненг. Renfer. (b) Переводомъ этимъ ученіе Лафатера еще болѣе распространилось, и нашло себѣ еще болѣе приверженцевъ. Многие стали заниматься физиогномикой, выдумывали свои правила, и такимъ образомъ, болѣе или менѣе, развивали его ученіе.

Совсѣмъ другимъ образомъ смотрѣли на сочиненіе Лафатера ученые того времени. Бѣльшая часть изъ нихъ отвергала его ученіе, и это было еще тѣмъ легче, что въ немъ не было никакихъ доказательствъ относительно ученія. Одинъ только гаверскій медикъ Пимерманъ защищалъ Лафатера, но математикъ Лихтенбергъ опровергъ его совершенно, а потому это сочиненіе не имѣло никакой цѣны въ глазахъ ученыхъ современниковъ Лафатера. Вотъ какъ говоритъ объ физиогномикѣ знаменитый натуралистъ Бюффонъ, въ своей Естественной Исторіи человѣка: 1) «Душа, по существу своему, не будучи матеріальною, не можетъ имѣть такой связи съ тѣломъ (матеріею), чтобы по лицу и тѣлу можно было судить о первой. Въ художественномъ тѣлѣ можетъ находиться хорошо устроенная душа, и потому никакъ не должно судить о характерѣ человѣка по его наружности, потому что черты лица не имѣютъ никакого отношенія съ существомъ души. Они не имѣютъ между собою никакой связи, на которой можно было бы основать какія-нибудь справедливыя предположенія. 2) Движеніе души еще можно иногда понять посредствомъ глазъ, но носъ и губы не участвуютъ въ ея движеніи. Человѣкъ будетъ ли менѣе уменъ, если у него глаза маленькіе а ротъ великъ? 3) Нужно сознаться, что всѣ положенія физиогномистовъ не имѣютъ никакого основанія, и пѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ ихъ ученіе, которое они хотятъ основать на своихъ ложныхъ метафоскопическихъ наблюденіяхъ.» Приговоръ такого человѣка какъ Бюффонъ, имѣ-

(a) Всѣ ссылки на сочиненія, Лафатера находящіяся въ нашей статьѣ, слѣдуютъ по этому изданію.

(b) Лафатера сочиненіе переведено было тогда уже и на англійскій языкъ съ немецкаго подлинника. На русскомъ языкѣ ничего непереведено изъ сочиненія Лафатера.

* Метофоскопіею называютъ искусство опредѣлять характеръ человека и его будущую судьбу, рассматривая линіи, находящіяся на лбу и сообразуясь съ планетами. Каждая линія, находящаяся на лбу, соответствуетъ какой-нибудь изъ семи планетъ.

ного въ то время бѣднѣе авторизетъ, былъ весьма важенъ въ глазахъ всѣхъ современниковъ. Доказательствомъ этому служить то, что Даламберъ и Дидро, въ своей энциклопедіи, основываясь на этихъ самыхъ положеніяхъ Бюффона и не подвергая ихъ никакому дѣлу критическому разбору, называютъ ученіе Лафатера воображаемымъ и химерическимъ.

Гете жестоко посѣялся надъ Лафатеромъ и его ученіемъ. Въ своемъ Фаустѣ, именно въ интермедіи Блоксбергъ, онъ вывелъ его въ видѣ журавля, который говоритъ: «Я ищу моей добычи въ свѣтлыхъ водахъ, ищу ее въ мутныхъ рѣкахъ: это зрѣнище составляетъ мое наслажденіе. Но это слишкомъ таинственно, какъ и весь Фаустъ, и отсюда нельзя заключить о Лафатерѣ ничего опредѣленнаго, по крайней мѣрѣ въ его пользу. Мѣсто это, бывшее долго загадкою для комментаторовъ Гете, относится именно къ этому человѣку, какъ показала переписка Гете съ друзьями. Вотъ что говоритъ объ немъ Гете, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Целлеру: «Лафатеръ былъ честная душа, но мечтатель, который обманывалъ себя и другихъ. Мы однажды очень сильно поссорились съ нимъ. Въ послѣдній разъ, когда мы съ нимъ видѣлись, это было въ Цюрихѣ, я былъ переедѣтъ, и Лафатеръ же узналъ меня. Съ виду онъ выходилъ на журавля, и вотъ почему, въ своей интермедіи Блоксбергъ, я вывелъ его въ видѣ этой птицы.» Но между тѣмъ тотъ же самый Гете говорилъ: *Наружность человека есть лучшая книга его души.*

Постараемся сколько можно, разобрать критически опроверженія Бюффона и оправдать главные основанія Лафатерова ученія.

Изъ естественныхъ наукъ намъ извѣстно, что всякая сила, будучи, по существу своему, хотя совершенно отличною отъ матеріи, не только можетъ имѣть связь съ этой послѣднею, но находится въ ней, дѣйствуетъ и тѣмъ самымъ является намъ свое существованіе. Всякая матерія есть масса, сама по себѣ не дѣятельная, но дѣйствующая только при соединеніи съ силою. Эта истина останется справедливою, будемъ ли мы разсматривать силу, какъ самостоятельную и могущую существовать иногда отдѣльно отъ матеріи, или всегда присущую и никогда не отдѣлимую отъ этой послѣдней, другими словами—какъ свойство и принадлежность матеріи. Тоже самое мы можемъ отнести къ нашему міру духовному. Душа чловѣка есть такая же сила, только духовная, которая тѣсно соединена съ его тѣ-

доль (материальна). Взаимная связь между собою доказывается влиянием души на тело, его подчиненностью нервам, и обратно, — зависимостью души от нашего тела. Эта зависимость и взаимное их влияние друг на друга, такъ велики, что большая часть философовъ, при разсматриваніи человека, впадала въ крайности: одни, разсматривали его какъ существо матеріальное, другіе видѣли въ немъ одно только начало духовное, и не давали телу человека никакого значенія. Отсюда то и происходятъ два разнородныя, по существу своему, ученія: матеріалистовъ и спиритуалистовъ. Вліяніе души на тело доказывается тѣмъ, что глазныя наши движенія происходятъ подъ вліяніемъ души. Точно также и осьь отправленія нервовъ, которые (нервы), будучи проводниками воли нашей души, подчиняются ей. Вотъ почему, воображеніе имѣетъ такое сильное вліяніе на наше тело. Оно одно, само по себѣ, приводитъ его изъ здороваго состоянія въ болное, и, на оборотъ, иногда очень сильно способствуетъ къ возстановленію разстроеннаго здоровья. Вліяніе души на тело бываетъ иногда такъ сильно, что высшія чувства, подчиняясь ей, воспримимають и ощущаютъ впечатлѣнія такихъ предметовъ, которые на самомъ дѣлѣ не существуютъ въ это время. Эти явленія называются галлюцинаціею. Онѣ бывають при какомъ-нибудь сильномъ возбужденіи мозга, и суть причины различнаго рода, такъ называемыя, видѣній и предвидѣній. Одинъ изъ такихъ замѣчательныхъ примѣровъ былъ наблюдаемъ въ 1791 году. Нѣкто Nikolai былъ поражаемъ подобными видѣніями: къ нему являлись различныя люди, живые и мертвые, и даже, какъ ему казалось, разговаривали съ нимъ. Кадранъ подвергался также галлюцинаціи, но всегда произвольной, точно также и Гете, который, закрывая глаза, могъ по произволу видѣть различныя цвѣта. Вотъ главные доказательства дѣйствія души на тело. Что же касается до обратнаго вопроса, — зависимости души отъ тела, то это доказывается вліяніемъ мозга на наши умственныя способности. Известно, что при всякомъ физическомъ пораженіи мозга, умственныя способности наши приходятъ въ расстройство. Но помимо, кромѣ того, имѣетъ вліяніе также кровь, такъ что приливъ или недостатокъ крови всегда ощущителенъ для него; кромѣ того состояніе мозга, а следовательно и нашей души, подвергается еще вліянію пищи, находящейся въ желудкѣ, и т. д. Всѣ эти

Дальнѣйшія подробности объ этихъ явленіяхъ и галлюцинаціи, выходятъ въ Manuel de Physiologie par J. Muller. Traduit par Jourdan. Tome 2, page 335. Paris 1845.

человѣка суть предметъ эстетическія. Мы изложили ихъ здѣсь кратко, чтобы не удаляться отъ нашего предмета. Теперь рѣшится вопросъ: при такой взаимной связи души съ тѣломъ, наружность человѣка носить ли на себѣ отпечатокъ его ума?

Исказавши подчиненность тѣла нашей душѣ, намъ будетъ понятно, что душа должна непрерывно обнаруживать свои дѣйствія въ тѣлѣ какіи-нибудь образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ душѣ человѣка происходитъ какое-нибудь волненіе, то оно всегда обнаруживается, или во всей его наружности разомъ, или въ какой-нибудь только части его тѣла, т. е., въ лицѣ, глазахъ, голосѣ, въ движеніяхъ рукъ и прен. По этимъ внѣшнимъ явленіямъ мы судимъ о томъ, некоего рода волненіе происходитъ тогда въ душѣ. Это, вѣ думаю, всѣмъ извѣстно, потому что каждому почти доводилось видѣть другаго человѣка въ какомъ-нибудь волненіи, напр. въ радости, въ печали, гнѣвѣ и т. под. Въ этихъ случаяхъ волненія души всегда обнаруживаются въ наружности человѣка, болѣе или менѣе ясною дѣйствіемъ образомъ. Нѣкоторые могутъ на это намъ сказать, что часто подобныя волненія не примѣтны для другаго человѣка, но это бываетъ весьма-рѣдко; если же и бываетъ, то мы его не замѣчаемъ, или отъ того, что самъ человѣкъ старается скрыть это отъ насъ (что довольно трудно при сильномъ волненіи), или оно бываетъ слабо, или, наконецъ, ускользаетъ отъ нашего вниманія, по недостатку въ насъ самикъ наблюдательности и промѣцательности. Все искусство талантливаго актера основывается на этомъ. Актеръ не только долженъ понимать волненія человѣческой души и знать, какъ онѣ проявляются въ наружности, но еще и воспроизвести тоже самое надъ самимъ собою. Этому онъ достигаетъ или тѣмъ что, на самомъ дѣлѣ, производитъ въ душѣ своей различныя волненія, которыя тогда уже обнаруживаются сами собою, или, зная хорошо тѣ внѣшнія явленія, которыми обнаруживается какое-нибудь дѣйствіе души, онъ подражаетъ имъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ бываетъ замѣтно, что душа человѣка не участвуетъ въ этихъ внѣшнихъ его дѣйствіяхъ, хотя онѣ принадлежатъ извѣстному волненію души. Вотъ доказательство того, что мы можемъ хорошо судить о движеніяхъ души, по явленіямъ, происходящимъ въ нашемъ тѣлѣ; такъ что трудно обмануть нашими голосомъ и глазами другаго человѣка, когда мы желаемъ показать какое-нибудь движеніе души, котораго, на самомъ дѣлѣ, въ это время не происходитъ, между-тѣмъ, какъ другими частями тѣ-

за это сделать гораздо легче. Тотъ, кто внимательно слѣдилъ за игрою актера, согласится въ справедливости сказаннаго нами. Часть Лафатерова ученія, въ которой разсматривается наружность человека, во-время дѣйствія какой-нибудь страсти, называется патогномоникою. Лихтенбергъ, сильный противникъ Лафатера, допускалъ ея существованіе, потому-что отвергая ее, нужно уничтожить все драматическое искусство. Но душа человека не находится постоянно въ волненіяхъ; это бываетъ только изрѣдка, обыкновенно же она бываетъ въ состояніи покоя. Подъ этимъ спокойнымъ состояніемъ нельзя представлять себѣ совершеннаго покоя, то-есть какъ будто въ это время уже ничего не происходитъ. Въ этомъ случаѣ, въ душѣ происходятъ различныя дѣйствія, какъ это бываетъ обыкновенно всегда, но только безъ волненій, безъ порывовъ, и эти дѣйствія также проявляются въ наружности. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только намъ обратиться къ живописи и къ другимъ искусствамъ. Въ скульптурѣ, напримѣръ, каждому мнѳологическому лицу принадлежитъ извѣстная наружность, въ которой выражается характеръ, свойственный этому лицу. Въ этихъ фигурахъ нѣтъ волненій, потому-что страсти, производящія волненія, принадлежать только людямъ, а мнѳологическія лица суть боги или полубоги, и отъ того-то въ нихъ все спокойно, и не смотря на это, все же есть выраженіе, понятное и опредѣленное. Тоже самое можно сказать также относительно живописи. Художникъ, точно также какъ и скульпторъ, создавая какой-нибудь идеалъ, всегда старается найти приличную ему форму, въ которой бы ясно выражалась душа этого идеала. Каждое такое лицо, произведенное художникомъ, имѣетъ извѣстную наружность, свойственную его характеру, будетъ ли это лицо представлено въ страсти или въ совершенно спокойномъ состояніи. Въ этомъ состоитъ достоинство всякаго художественнаго произведенія. Всѣ таковыя знанія артисты заимствуютъ изъ своихъ наблюденій надъ живыми людьми, ихъ окружающими, и только посредствомъ долгихъ наблюденій и навыка достигаютъ вѣрнаго знанія различныхъ оттѣнковъ человѣческаго характера, и умѣнья узнавать по наружности, что происходитъ въ это время въ душѣ человека. Такіе художники только по одному описанію характера, сдѣланному какимъ-нибудь романистомъ, производятъ этихъ людей въ живописи, то-есть—присутствуютъ ихъ наружность такъ вѣрно, что каждый имѣющій ясное понятіе о характерѣ такого лица, узнаетъ теперь это лицо по его наружности. Въ произведеніяхъ искусства главное состоитъ

въ наружности, потому-что по ней мы всегда судимъ о душѣ; следовательно, чѣмъ разнообразнѣе наружность въ какомъ-нибудь искусствѣ, тѣмъ оно стоитъ выше, потому-что его произведенія будутъ тогда для насъ болѣе понятны и опредѣленны. Смотря на изящныя искусства съ этой точки зрѣнія, всякой согласится, что живопись стоитъ выше валяя, потому-что въ ней передаются глаза, (кромѣ другихъ еще преимуществъ) часть тѣла, въ которой болѣе, нежели въ другихъ, исключая голоса, выражается состояніе души. Драматическое искусство, имѣя въ своей сферѣ всю разнообразную наружность человѣка, изображаетъ намъ такимъ образомъ характеръ яснѣе и опредѣленнѣе чѣмъ всѣ другія искусства, а потому самому стоитъ выше всѣхъ прочихъ. Послѣ всего этого можно смѣло и утвердительно сказать, что наружность человѣка всегда выражаетъ его характеръ, а потому основаніе Лафатерова ученія совершенно справедливо и не подлежитъ никому сомнѣнію.

Главныя возраженія противъ Лафатерова ученія сдѣланы были Бюффономъ; Лихтенбергъ, которому приписываютъ совершенное опроверженіе физиогномики, дѣлаетъ почти такія же, какъ Бюффонъ. Прочія его опроверженія, равно какъ и другихъ современниковъ, мы покажемъ при разборѣ самаго сочиненія Лафатера; потому-что онѣ слишкомъ просты и не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Сочиненіе Лафатера, не есть систематическое изложеніе его ученія, но состоитъ изъ отдѣловъ (fragments), содержаніе которыхъ не имѣтъ между собою никакой связи. Нѣсколько такихъ отдѣловъ посвящено на выписку различныхъ мыслей и мнѣній тѣхъ писателей, которые оправдываютъ его ученіе. Эти писа-

Балетное искусство нельзя считать отдѣльнымъ и цѣлымъ. Это есть часть драматическаго искусства: потому-что актеръ долженъ всегда наблюдать мимикю. При томъ же, самый балетъ тоже нельзя считать чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ и цѣлымъ. Онъ можетъ-быть введенъ въ драму, комедію и проч., въ приличномъ для этого мѣстѣ, какъ танецъ, и это будетъ естественно и хорошо. Въ противномъ же случаѣ, когда онъ составляетъ что-нибудь цѣлое, когда даже начинаютъ парадать, все это дѣлается дѣйственнымъ и утомляетъ зрителя своею неестественностію.

Что же касается до музыки, то многіе говорятъ, что она выражаетъ только радость и печаль: это совершенно несправедливо.—Музыка, подражая человѣческому голосу, выражаетъ намъ всѣ тѣ чувства, которыя обнаруживаются въ немъ. А въ голосъ же, кромѣ радости и печали, выражаются также еще другія чувства и ощущенія, сообразныя душевному волненію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прилечь къ драматическому актеру; голосъ, которымъ онъ произноситъ различныя слова и монологіи, выражаетъ весьма разнообразныя ощущенія души.

тепѣ быть слѣдующіе: Монтанъ, Баконъ, Лейбницъ, Виллемъ, Зульцеръ Вольфъ, Геллертъ, Ла-Шамбръ и Гердери. Каждый изъ этихъ людей говоритъ нѣсколько словъ, въ какомъ-нибудь мѣстѣ своихъ сочиненій, объ истинности того, что наружность человека есть выраженіе его души, но ничѣмъ не доказываетъ своего мнѣнія. Не довольствуясь этими повѣнчивши писателями, Лаватеръ еще приподнял нѣсколько отрывочныхъ мыслей, въ томъ же родѣ, изъ Цицерона, и другихъ писателей древнихъ. Все это составляетъ нѣсколько отрывковъ, разбросанныхъ въ 2-хъ томахъ его сочиненія. Въ самомъ опредѣленіи своего ученія Лаватеръ противорѣчитъ самъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ, онъ физиогномикѣ даетъ значеніе науки, и опредѣляетъ ее такъ: «Физиогномію, въ обширномъ смыслѣ, я разумю всю наружность человека, рассматривающую въ позахъ или въ движеніяхъ, и тогда физиогномика есть наука, которая неизмѣняетъ отношеніе всѣхъ «наружности къ внутренней природѣ человека. Въ смыслѣ же узкомъ, физиогномія есть лице, и физиогномика есть познание «смысла лица и его выраженія.» * Въ другомъ же мѣстѣ, онъ не называетъ ее наукою, и опредѣляетъ такъ: «Физиогномика «есть искусство (talent) знать внутренней міръ человека, посредствомъ его наружности.» ** Позднѣе опредѣленіе гораздо вѣрнѣе первого, хотя истинность этого ученія несомнительна, но за всѣмъ тѣмъ оно не можетъ быть наукою. Объ этомъ очень хорошо сказалъ Кантъ, который одинъ, изъ всѣхъ современниковъ Лаватера, такъ прекрасно и вѣрно показалъ его. Вотъ его отзывъ: Физиогномика, говоритъ онъ, не можетъ быть наукою, потому-что наружность человека можно знать только по изображенію, а не по описанію. Если еще принять во вниманіе безчисленное разнообразіе человѣческихъ лицъ, — разнообразіе, едва уловимое для некуснаго глаза даже въ рисунгѣ, то вслѣдствіе сего, что здѣсь мало будетъ общихъ законовъ, изъ которыхъ можно бы составить науку, приведя ихъ въ систему. Вотъ почему Лаватеръ не могъ навѣстать систематически своего сочиненія, хотя онъ старался это сдѣлать. Вся сущность его сочиненія состоитъ изъ портретовъ, съ описаніемъ характеровъ, существенныхъ каждому изъ нихъ. Если при описаніи характеровъ ограничиться показаніемъ способностей, какъ принимаетъ физиогномология, то такіа описанія часто не могутъ дать намъ

* Lavater. Tome 1 page 27. Наука наружностей. въ обширномъ смыслѣ Лаватеръ подразумеваетъ не только тѣло человека, но и все, что его окружаетъ и соприсасуетъ съ нимъ.

** Lavater. Tome 1 page 22.

это понятія о человѣкѣ; Лаватеръ очень хорошо поступилъ, что при описаніи характеровъ, сдѣлалъ обыкновенному языку. Черезъ это его описанія сдѣлались полнѣе и опредѣленнѣе.

Намъ кажется, что ученіе Лаватера опредѣляется гораздо вѣрнѣе, если мы скажемъ, что физиогномика состоитъ изъ знаній, какими образомъ способности и страсти нашей души проявляются въ наружности. Опредѣленіе Лаватера не такъ вѣрно, потому что только особенныя и сильныя способности нашей души, преимущественно предъ другими, хорошо проявляются въ наружности, проявленіе же нѣкоторыхъ бываетъ весьма слабымъ и почти незамѣтно. Отсюда слѣдуетъ, что не о всякой наружности мы можемъ сдѣлать какое-нибудь заключеніе. Самъ Лаватеръ откровенно сознается въ этомъ вошедши, когда говоритъ.... И теперь, когда я пишу это сочиненіе, могу сказать въ физиогномикѣ таковы, что обо многихъ физиогноміяхъ я не могу ничего сказать опредѣленно. По этому, нельзя требовать, чтобы физиогномистъ могъ опредѣлить способности каждаго человѣка, безъ исключенія, по его наружности. Прибавимъ еще къ этому словами того же Лаватера: «что часто какая-нибудь черта лица скрытана, замаскирована и омутительна только при известномъ положеніи лица; весьма рѣдкою, а потому легко можетъ ускользнуть отъ нашего вниманія; кромѣ того, платье, положеніе тѣла, освѣщеніе и другія случайности, могутъ ввести насъ въ заблужденіе, при разсмотрѣніи какого-нибудь человѣка.» Изъ этого всего видно, какъ трудно опредѣлять характеръ человѣка по его наружности, и что такое искусство достигается только долгими трудами и многочисленными наблюденіями надъ людьми. По этому несправедливо дѣлаютъ тѣ, которые отвергаютъ истинность физиогномики, потому только, что о лицахъ нѣкоторыхъ людей они не могутъ сдѣлать никакого своего заключенія. Никогда нельзя думать, чтобы можно было по наружности всякаго человѣка безъ исключенія, опредѣлить его способности и характеръ, или, какъ обыкновенно говорятъ, видѣть всякаго человѣка насквозь. Это происходитъ отъ того, что иногда эти способности, по своей слабости и незрѣлости, слишкомъ неясно и неопредѣленно обнаруживаются и потому не могутъ быть нами замѣчены. Правда, что въ этомъ случаѣ, такого человѣка можно опредѣлять отрицательнымъ образомъ,

* Lavater. Tome I page 14.

** Lavater. Tome I page 99.

т. е., показать какихъ способностей у него нѣтъ, но такое опредѣленіе все-таки не дастъ намъ яснаго понятія о его характерѣ.

Самое главное условіе, случающееся при этомъ, о которомъ досихъ-поръ мы еще не упоминали, состоитъ въ томъ, что на наше тѣло, независимо отъ души, имѣютъ еще вліяніе нѣкоторыя обстоятельства или причины, извнѣ на насъ дѣйствующихъ, которымъ подчиняется наше тѣло. Онѣ оставляютъ въ нашей наружности неизгладимыя впечатлѣнія и, такимъ образомъ, измѣняютъ насъ. Слѣдовательно, наружность человѣка есть не только выраженіе его души но и внѣшнихъ обстоятельствъ. Это условіе такъ важно, что Лихтенбергъ, въ своей диссертации, поставилъ его въ числѣ главныхъ доказательствъ противъ истинности Лаватерова ученія. Онъ говоритъ: «Наше тѣло, будучи посредникомъ между душою и остальнымъ міромъ, носитъ на себѣ отпечатокъ климата, мѣстности, въ которой мы живемъ, болѣзней, лишеній и др.» Но вліянію мѣстности подвергается не одинъ какой-нибудь человѣкъ а многіе вмѣстѣ, слѣдовательно, это впечатлѣніе находится на тѣлѣ извѣстныхъ людей и потому, оно не можетъ быть смѣшано съ индивидуальной характеристикескою чертою. Болѣзни, хотя сильно измѣняютъ наружность, но дѣйствуютъ, болѣе или менѣе, индивидуальнымъ образомъ; болѣзнь есть состояніе патологическое, ненормальное; слѣдовательно, хотя принимается во вниманіе, но будучи исключеніемъ не можетъ опровергать физиогномики. Кроме того, дѣйствіе болѣзни на тѣло бываетъ только временное и, по прекращеніи этой причины, истощенное тѣло снова восстанавливается и приходитъ въ прежнее свое состояніе. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ болѣзнь совершенно измѣняетъ наше тѣло; сюда относятся: оспа, различныя увѣчья и т. п., но такіе случаи бываютъ очень рѣдки. Впрочемъ, болѣзнь, находящаяся въ насъ, измѣняетъ часто нашъ характеръ и проявляется въ нашемъ тѣлѣ извѣстнымъ образомъ, знаніе и пониманіе котораго относится къ искусству доктора. Въ этомъ случаѣ физиогномикъ занимаетъ цѣлый рядъ знаній прямо изъ медицины. Кроме того, Лихтенбергъ сдѣлалъ еще слѣдующее возраженіе: «Если внѣшность выражаетъ наше внутреннее состояніе, то слѣдуетъ ли изъ того, что мы понимаемъ его, смотря на наружность?» Великій согласится, что это возраженіе есть ничто иное, какъ искусный софизмъ. Потому что, если бы мы не понимали и не знали, какимъ образомъ внутренній духъ нашъ выражается во внѣшнемъ, то никогда не могли бы дойти до дѣ-

деи, что внутреннее состояніе выражается въ нашемъ тѣлѣ. Далѣе, между прочими опроверженіями, онъ говоритъ: «Человѣкъ, «при своемъ сильномъ безобразіи, посредствомъ достоинствъ «своей души, можетъ приобрести такія качества, противъ ко- «торыхъ никто не можетъ устоять.» Подобные случаи большаго различія между душою и тѣломъ бывають слишкомъ рѣд- ки, и потому не могутъ быть разсматриваемы какъ опроверга- ющіе фizioгноміку. Такая разнородность между душою и тѣ- ломъ можетъ происходить иногда отъ того, что во время раз- витія тѣла, какая-нибудь внѣшняя причина, какъ на пр. бо- лѣзнь, сильно на него дѣйствуетъ, но объ этомъ мы уже гово- рили. Въ другомъ мѣстѣ Лихтенбергъ говоритъ: «Лобъ выда- «ющійся или плоскій, нельзя приписать никакой особенной при- «чины, это чисто дѣло случая; а потому люди, при различныхъ «лбахъ, могутъ имѣть одинаковыя способности.» Такъ какъ имѣть ничего безъ причины, то это бываетъ дѣломъ не слу- чая, но только случайной причины. Впрочемъ такіе примѣры суть тоже частные случаи. Никакъ нельзя предположить, что форма лица, лба и головы происходятъ у всѣхъ людей только отъ однихъ случайныхъ причинъ, безъ всякой опредѣленной за- висимости отъ души. Вотъ главные опроверженія, сдѣланныя Лихтенбергомъ, другіе же не заслуживають особеннаго внима- нія, и потому мы объ нихъ не говоримъ.

Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ МЕХАНИКОВЪ И СТРОИТЕЛЕЙ.

III.

ТОМАСЪ БЛАНШАРЪ,

Изобрѣтатель саятельной машины.

Томасъ Бланшаръ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которыхъ вдохновеніа творятъ новыя искусства и распространяютъ кругъ дѣятельности человѣческихъ обществъ. Оригинальность его, изобрѣтсвій, по истинѣ удивительная, даетъ имъ право стоять на ряду съ изобрѣтеніями Бриндлея и Иенса.

Бланшаръ *, гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, нашъ современникъ, живетъ теперь въ Бостонѣ, въ провинціи Массачюзетсъ, своей родицѣ. Онъ родился 24-го іюня 1788, г. въ селеніи Соттонъ (Sutton). Отецъ его, давній переселенецъ въ Америку, не богатый, но почтенный сельскій хозяинъ, не могъ дать своимъ дѣтямъ никакого образованія.

* Всѣ предлагаемыя здѣсь подробности сообщены самимъ Бланшаромъ и напечатаны въ Америкѣ въ 1841-мъ году, въ извѣстномъ сочиненіи Гера (Howe) *Eminent Mechanics*.

Природное влеченіе Томаса къ механическимъ искусствамъ обнаружилось съ самыхъ первыхъ лѣтъ его дѣтства. Обыкновенные мастерскіе инструменты и ихъ употребленіе приводили его въ восторгъ, и какъ скоро онъ могъ улучшить удобное время, то украдкою отъ строгаго отца бѣжалъ на другой, довольно далекій конецъ селенія, гдѣ была кузница, и съ жадностію смотрѣлъ на работу, стараясь перенять у мастеровыхъ ихъ уловки и приемы.

Первое свое механическое изобрѣтеніе Бланшаръ сдѣлалъ, когда ему было двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Видѣвъ со многими другими дѣтьми, его часто заставляли срѣзывать кожу съ яблоковъ для напитка, извѣстнаго подъ названіемъ *сидра*. Чтобы сократить свою работу, и скорѣе другихъ отъ нея освободиться, онъ выдумалъ, в своихъ рукахъ сдѣлалъ инструментъ, помощію котораго онъ одинъ могъ начистить яблоковъ болѣе; нежели шесть другихъ мальчиковъ, какъ бы они прилежны ни были.

Когда Томасу минуло восемнадцать лѣтъ, братья его, промышлявшіе выдѣлкою мелкихъ гвоздей, приняли его къ себѣ въ товарищи. Тутъ стали показываться проблески его механическаго гевія. Чтобы избавиться отъ скучной обязанности считать выдѣлываемые гвозди, онъ сдѣлалъ механизмъ, которымъ на циферблатѣ указка двигалась сама-собою при всякомъ готовомъ гвоздѣ, а когда набиралось извѣстное число, тогда звонилъ колокольчикъ.

Находя выработку гвоздей до крайности медленною и несовершенною, онъ тогда же задумалъ устроить машину, съ помощію которой эта работа производилась бы механически, вовсе безъ людей. Не смотря ни на совершенный недостатокъ средствъ, ни на практическія затрудненія, съ такимъ новымъ дѣломъ неразлучныя, ни даже на негодованіе и упреки братьевъ, по мнѣнію которыхъ онъ бесполезно терялъ свое время на пустыя затѣи, гевіальный юноша ни на минуту не выпускалъ изъ виду своихъ

замысловъ, и если исполненіе ихъ замедлялось, то это было единственно отъ недостатка въ средствахъ. Наконецъ полный успѣхъ наградилъ его постоянство и терпѣніе, и явилась гвоздильная машина (Task-machine) для штукатурныхъ и самыхъ мелкихъ гвоздей, которой въ остроуміи и превосходствѣ дѣйствія и по-сіе-время нѣтъ подобной. Она выдѣлываетъ въ каждую минуту по пяти сотъ звездъ, конхъ на фунтъ идетъ тридцать тысячъ, и конхъ прямизна, остріе и правильность головки такъ совершенны, какъ никакое искусство рукъ сдѣлать того не въ состояніи. Гвоздильную машину купила у Бланшара за двадцать пять тысячъ рублей компанія промышленниковъ, и эта плата, ничтожная въ сравненіи съ достоинствомъ изобрѣтенія, доставила ему полную свободу предаться любимымъ его занятіямъ.

Вскорѣ за тѣмъ, одинъ изъ знакомыхъ Бланшара, оцѣнившій необычайныя его способности, предложилъ ему обратить вниманіе на обточку ружейныхъ стволовъ, бывшую въ то время предметомъ особенной важности для оружейныхъ заводовъ. Кроме того, что совершенно равную толщину стѣнъ ствола получить есть дѣло не легкое, грани на казенной части приходилось додѣлывать въ тискахъ, ручною обрубкою и онлкою. Бланшаръ принялся и за это, и дѣло увѣнчалось самымъ полнымъ успѣхомъ.

Придуманый имъ механизмъ удивительно замысловатъ. Стволъ ставится въ токарный станокъ особливаго устройства, и обтачиваніе круглой части его, происходитъ обыкновеннымъ образомъ самодвижнымъ рѣзцомъ; но когда послѣдній дойдетъ до казенной части съ гранями, тогда стволъ самъ собою принимаетъ качательное движеніе, такъ что рѣзецъ образуетъ на немъ плоскія, овальныя и съ осью ствола параллельныя грани. Это прекрасное устройство, сначала введенное въ Спрингфилдѣ, главнымъ оружейномъ заводѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, теперь извѣстно и употребительно почти во всей Европѣ.

За этимъ послѣдовало самое оригинальное и самое удивительное изобрѣтеніе Бланшара, поставившее его въ ряду вероисте-

ценныхъ механическихъ геніевъ; то была машина, въ которой кругомъ вертящійся рѣзецъ самъ собою выдѣлываетъ произвольныя и самыя неправильныя формы.

— Самъ онъ рассказываетъ, что первая мысль такой машины пришла ему слѣдующимъ образомъ: на заводѣ спринг-филдскомъ показывалъ онъ свой самодѣйствующій станокъ для стволовъ, и толпа работниковъ обступила его.

— Ну, Джонъ сказалъ слесарю одинъ изъ его товарищей: вотъ въ нашей работѣ и надобности теперь нѣтъ; этотъ искусникъ того и гляди, что у всѣхъ насъ хлѣбъ отниметь.

— Только не у меня, подхватилъ другой мастеровой, лжещикъ: ужъ вѣрно не у меня; пусть-ка господинъ механикъ со всею своею хитростію попробуетъ выточить не стволъ, а для него ложу, такъ увидитъ, что это другое дѣло.

Воображеніе Бланшара вспыхнуло.

— Не горячись, молодецъ, сказалъ онъ лжещику: ты можешь ошибиться. Дай-ка я подумаю, да погадаю.

Съ тѣхъ-поръ мысль заставить вертящійся рѣзецъ вытачивать не круглое тѣло, а какой бы оно ни было неправильной формы, и именно ружейное ложе съ прикладомъ, не выходила изъ головы Бланшара.

Однажды, лѣтомъ, проѣзжалъ онъ черезъ селеніе, шагомъ, опустивъ поводъ лошади и погруженный въ глубокое размышленіе. Вдругъ сердце его забилося сильно и голова запылала: мысли его созрѣли, полное, совершенное устройство его машины представилось ему ясно... Онъ вскрикнулъ отъ радости; работавшіе въ огородѣ поселяне сочли его за сумасшедшаго...

Такимъ образомъ образовался станокъ Бланшара, одно изъ изящнѣйшихъ созданій механики, дѣлающее честь человеческому уму. На любителей механическихъ искусствъ, знакомыхъ съ ихъ сложными и трудными соображеніями, оно производитъ такое

же впечатлѣніе, какое прелестнѣйшіе стихи Пушкина на чувствительнаго и одареннаго тонкимъ вкусомъ читателя.

Безъ чертежей, описаніе его было бы непонятно, и слѣдовательно бесполезно. Теперь, подъ разными пменами, напримѣръ. Жирара, Гремпе и другихъ, онъ употребляется во всей Европѣ. Имъ вытачиваются сапожныя колодки, колесныя спицы, всѣхъ видовъ ручки, формы для париковъ, для шляпъ, и ружейныя ложки. Для послѣдняго употребленія находится онъ и у насъ на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ.

Безъ сомнѣнія, есть много машинъ, коихъ важность далеко превосходитъ станокъ Бланшара; но всѣ онѣ, безъ исключенія, суть произведенія многихъ лѣтъ и соединенныхъ успій многихъ искусныхъ людей, и достигли вышшняго ихъ совершенства медленно и съ пожертвованіемъ огромныхъ капиталовъ; тогда какъ изобрѣтеніе Бланшара вышло изъ его головы разомъ, полное.

Кромѣ механической обточки ружейныхъ стволовъ и ложекъ, Бланшаромъ сдѣланы на оружейныхъ заводахъ еще многія другія нововведенія, всѣ въ высокой степени остроумныя и полезныя, и теперь приняты повсюду.

Въ парходствѣ заслуги его не менѣ важны. Будучи вызванъ найти средство сдѣлать плаваніе парходовъ возможнымъ по рѣкамъ не глубокимъ и быстрымъ, и при томъ наполненнымъ порогами, онъ успѣлъ очень много, помощію особеннаго расположенія гребнаго колеса, устроеннаго за кормою. Это устройство теперь въ Америкѣ во всеобщемъ употребленіи.

Послѣднее, извѣстное намъ изобрѣтеніе Бланшара, о которомъ громко провозглашали повѣйшіе англійскіе и американскіе журналы, есть истинное чудо, которому не было ничего подобнаго и которое могло быть произведеніемъ только такого гевія, какимъ одарила его природа. Это машина, безъ участія рукъ выдѣлывающая сама собою, изъ какого бы то ни было матеріала, бюсты, такіе совершенные, какіе сдѣлать можетъ искуснѣйшая рука первостепеннаго ваятеля. Механически искусныя

этою машиною бюсты президентовъ Вебстера и Клея, привезенные въ Лондонъ, возбуждали всеобщее удивленіе.

Тотъ очень ошибается, кто думаетъ, что напрасно превозносить похвалами такое изобрѣтеніе, котораго, при всемъ его остроуміи и необычайности, вся польза состоитъ въ произведеніи вещей, хотя и изящныхъ, но имѣющихъ очень малое вліяніе на истинныя выгоды и благосостояніе людей.

Изобрѣтенія Бланшара будутъ на всегда славны, не потому, что превосходные бюсты сдѣлались отъ нихъ дешевле и доступнѣе для каждаго, или что ружейныя ложы, вмѣсто хлопотливой ручной выдѣлки, дѣлаются неодушевленной силою и съ величайшею быстротою, а потому что онѣ увеличиваютъ могущество искусствъ, и открываютъ имъ новые пути, указывая возможность и удобоисполнимость того, что прежде почиталось вовсе невозможнымъ. Онѣ дали человѣку какъ будто новый органъ, новое чувство, которыхъ въ немъ прежде не было; и если первымъ произведеніемъ вдохновенія Бланшара были бюсты и выдѣлка неправильныхъ формъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени за ними послѣдуютъ труды другихъ людей, съ результатами, которыхъ теперь и предвидѣть невозможно.

Такъ, напримѣръ, въ половинѣ и къ концу прошлаго столѣтія, были въ большомъ ходу въ высочайшей степени любопытныя и остроумныя, но практически безполезныя автоматы.

Куклы, дѣйствіемъ скрытыхъ въ нихъ пружинъ, играли на флейтѣ и на клавинокрахъ, писали, рисовали и танцевали; Вокансонова утка издавала голосъ, двигалась, брала кормъ и извергала его *перевареннымъ*, точно какъ живая; стальныхъ пауковъ, ящерицъ, змѣй, мышей, нельзя было по взгляду отличить отъ натуральныхъ, — и все это теперь разошлось и исчезло въ кабинетахъ любопытныхъ богачей, и въ наше время покажется всякому пустою игрушкою.

Но механическія средства, открытыя строителями такихъ рѣд-

костей, остались ихъ послѣдователямъ, и въ наше время произвели результаты положительной и огромной пользы.

Тонкости и ухищренія механизма, родившія въ восемнадцатомъ вѣкѣ изъ проволоки сдѣланныхъ танцоровъ, музыкантовъ и ящерицъ, въ нашемъ девятнадцатомъ произвели машины, которыя сами-собою вышиваютъ на кисей узоры, плетутъ кружева, прядутъ тончайшія нити, ткнутъ матеріи и даже безошибочно вычисляютъ и въ тоже время печатаютъ сложныя математическія формулы.

Таковыхъ же послѣдствій мы должны ожидать и отъ гениальныхъ вдохновеній Бланшара. И хотя механическое ваяніе уже занимало славнаго Уатта, и при томъ съ успѣхомъ, но великое совершенство бюстовъ, изваянныхъ Бланшаровою машиною, не позволяетъ сомнѣваться, что имъ открыты для этого новыя, доселѣ неизвѣстныя средства.

В. КАРЕЛИНЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

47. *Грамматика Монгольско-Калмыцкаго языка.* Сочиненіе А. Бобровникова, Бакалавра Казанской Духовной Академіи. Казань, въ университетской типографіи. 1849.

Обитатели обширнаго русскаго царства дѣлятся по языку на шесть отдѣловъ. Къ первому, многочисленнѣйшему, принадлежатъ говорящіе языкомъ славянскаго происхожденія. Ко второму народы языка финскаго, къ третьему народы турскаго языка, къ четвертому монгольскаго, къ пятому манжурскаго, и наконецъ къ шестому принадлежатъ говорящіе языками восточнаго происхожденія. Изъ шестидесяти милліоновъ жителей Имперіи, 300,000 душъ обоего пола говорятъ языкомъ монгольскимъ. На югѣ Иркутской губерніи обитаетъ кочующій народъ Буряты, а въ Астраханской губерніи Калмыки или Ойроты. Они принадлежатъ къ племени и языку монгольскому. Отечество этого языка есть Средняя Азія, или пространство отъ вершинъ рѣки Лены до Великой-стѣны. Отъ востока на западъ владѣтельствуемъ монгольскій языкъ на всемъ протяженіи отъ Манчуріи до казачьихъ степей, потомъ выказывается отдѣльнымъ оазисомъ въ Астраханской Губерніи, и тутъ оканчивается.

Ни одинъ изъ народовъ, говорящихъ теперь монгольскимъ языкомъ, не составляетъ отдѣльнаго, независимаго государства,

а между-тѣмъ вся Азія, Россія и частію Европа записали на скрижаляхъ исторіи кровавыми литерами происшествія XIII-го столѣтія, произведенныя монголами. Ханъ монгольскій повелѣвалъ тогда всею Азією, выключая Сѣверной Сибири, и Восточной Европою. Народы кочующіе всегда страшны были набѣгами, неожиданными ударами, но устроить государство на прочныхъ основаніяхъ, оградить его извнѣ силами, а внутри мудрыми законами, было не въ духѣ кочевой жизни. Огромное государство, составленное Чингисъ-Ханомъ и пророжаемыми потомками его, развалилось. Китаемъ владѣли они восемьдесятъ лѣтъ, только Россія стесалась подъ игомъ ихъ владычества два столѣтія, потому-что преемники Батю основали единодержавное царство, а Россію раздирали тогда мелкія междоусобія удѣльныхъ князей. Но лишь удѣлы пали, лишь показалась тѣнь единства власти, владычество Монголовъ начало колебаться, и при Іоаннѣ III уничтожилось. Только изрѣдка остатки монгольскихъ ордъ раззоряли, открытую съ юга, Россію, нечаянными набѣгами.

При такой растяженности монгольскаго народа, кто не въ правѣ подумать, что языкъ монгольскій дѣлится на множество нарѣчій; однакожъ на дѣлѣ выходитъ иначе. Собственно въ Монголіи только два нарѣчія: сѣверное и южное; разница между ими не въ словахъ, не въ грамматическихкихъ формахъ, но въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ, такъ-что Монголъ ученый, постигнувъ разность произношенія буквъ, и познавъ нѣкоторые мѣстныя слова, очень скоро привыкнетъ къ нарѣчію, недавно названному страннымъ и даже худо понятнымъ. Далше всѣхъ отошли отъ своего корня нарѣчія Бурятъ, живущихъ около вершинъ рѣки Лены, и Калмыковъ, но и тутъ для знатока монгольскаго языка не много трудностей.

Единству монгольскаго языка много способствовало разбѣжаніе отдѣльныхъ родовъ во времена войнъ или раздѣловъ, и вторичное соединеніе по тѣмъ же причинамъ. При вторичномъ соединеніи, слова, заимствованныя у сосѣднихъ народовъ, уничтожались, или получали право гражданства, сглаживались отступленіи; и языкъ получалъ общность. Неподвижность въ мѣстнѣхъ и привычкахъ предохраняло отъ нововведеній, а мнѣніе о происхожденіи отъ знаменитыхъ предковъ поддерживало народность. Каждый Монголъ твердо помнитъ и передаетъ дѣтямъ свою фамилію или родовое названіе, и забудетъ его развѣ послѣдній въ родѣ, а потому весьма часто найдете между Волжскими Калмыками родъ или колѣно, которое повторяется въ Сибири, но сю

сторону Байкала и у Великой-стѣны. Народъ монгольскій скорѣе перемѣнитъ свое общее названіе, нежели родъ или фамилію. Уничтоженіе фамильнаго названія бываетъ иногда и отъ того, на-пр., у Бурятъ, если какой-нибудь родъ слишкомъ расплодится такъ, что управляющій имъ Даргу или Зайсанъ объявитъ, что онъ не въ состояніи управлять такимъ многочисленнымъ. Тогда выбирается новый даргу, и всѣ подчиненные получаютъ его имя. Но и тутъ бываютъ исключенія. Нерѣдко новый родъ или поколѣніе получаетъ только прибавленіе къ прежнему: второй или третій такой-то родъ.

Общее названіе народъ монгольскій перемѣнялъ нѣсколько разъ. До Р. Х. господствовалъ въ нынѣшней Монголіи домъ Султ-ну или по сѣверному произношенію Хунь-ну. Послѣ того усилился родъ Татаръ или Та-Та, и всѣ нынѣшніе Монголы назывались Татарами, и подъ этимъ названіемъ перешли въ лѣтописи западныхъ азіатскихъ писателей, подъ этимъ названіемъ сдѣлались извѣстны и намъ, при Чингисъ-Ханѣ и Бату. Въ началѣ XIII столѣтія усилился умомъ Чингисъ-Хана родъ Монголь, кочевавшій вдоль вершинъ рѣки Окона, близъ нынѣшнихъ границъ нашихъ съ Китаемъ, въ Иркутской губерніи. Вскорѣ онъ покорилъ соседнихъ народовъ турецкаго и монгольскаго языка, поглотилъ все въ имя Монголь, и пошелъ войною на западныхъ народовъ. Послѣдствія побѣдъ его извѣстны. Чингисъ-Ханъ далъ своему народу общее имя Монголь, и подъ этимъ названіемъ существуютъ они до нынѣ, подъ этимъ названіемъ извѣстны они цѣлому свѣту. Родовичи поколѣнія Монголь будутъ сохранять его и передавать потомкамъ своимъ. Домъ Татаръ, Уйгоръ, Найманъ исчезли, а между-тѣмъ вы найдете эти поколѣнія у Монголовъ, Енисейскихъ Татаръ, Киргизъ-казаковъ и у Калмыковъ. Для Европейца можетъ быть непонятна генеалогія Азіатцевъ, объяснимъ ее примѣромъ: Богъ повелѣлъ Аврааму называться Израилемъ, а весь народъ носилъ имя Израилитявъ, но онъ дѣлился на колѣна, по именамъ дѣтей Іакова. Такъ и Монголы сохраняютъ имя своего родоначальника, отъ котораго происходятъ, или того, который составилъ изъ нихъ цѣлое. Безъ всякаго сомнѣнія, въ древности каждый родъ составлялъ независимое владѣніе, но современемъ мелкіе владѣльцы отдались подъ покровительство сильныхъ, и упавшее владѣніе сохранило только имя свое.

Какъ давно существуютъ монгольскій народъ и языкъ, о томъ положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Китайскія лѣтописи говорятъ о какихъ-то народахъ, бродившихъ къ сѣверу отъ нынѣшней

Вѣликой-стѣны. Повелитель Китая Хуанъ-ди въ XXVII столѣтіи до Р. Х., расширяя предѣлы своего государства, прогналъ на сѣверъ народъ Хунъ-юй. За нѣсколько столѣтіи до Р. Х. основалось уже въ Монголіи владѣніе Хунъ-ну, покорившее народы, обитавшихъ въ нынѣшней Сибири. Китайцы должны были построить стѣну, для удержанія набѣговъ этого народа.

До времени Чингисъ-Хана, въ Монголіи обитали, мѣстами, то племена турскія, то монгольскія. Было время, когда и народъ Чурча, или по нынѣшнему Манжуры, усиливался и повелѣвалъ почти всею Восточною-Азіею. Такъ напр., народъ Уйгуръ или по китайскому произношенію Хой-хе, говорилъ языкомъ турскимъ. Г. Клапротъ доказалъ это неоспоримыми доводами. Есть основанія думать, что народъ Джеланръ, обитавшій въ низовьяхъ рѣки Онова, принадлежалъ къ племени турскому. Не подлежитъ сомнѣнію, что народъ Динъ-линъ, обитавшій около озера Байкала, о которомъ такъ много и часто упоминаютъ китайскіе историки, говорилъ языкомъ турскимъ. Чингисъ-Ханъ уравнивалъ эту шероховатость, и теперь нѣтъ и тѣни разнообразія племенъ собственно въ Монголіи, однакожъ, найдете много словъ одинаковыхъ въ языкахъ монгольскомъ и турскомъ. Это сходство подадо нѣкоторымъ мысль о происхожденіи Монголовъ отъ Татаръ. До знакомства, очень недавняго, съ азіатскими историками, никто не подозрѣвалъ, что племена турскія обитали около озера Байкала, и когда приводилось объяснять происхожденіе Якутовъ, говорящихъ языкомъ турскимъ и столь далеко углубившихся на сѣверъ, обыкновенно говорили, что Якуты переселенцы съ рѣки Енисея. Теперь обнаруживается, что народъ этотъ обиталъ гдѣ-то около Байкала, и усилившимся Монголами прижатъ былъ къ рѣкѣ Ленѣ, по которой спустился на плотахъ къ тѣмъ равнинамъ, которыя теперь занимаетъ. Это переселеніе помнятъ Якуты, только не знаютъ, откуда они вышли.

Можно полагать, что до времени Чингисъ-Хана, языкъ монгольскій не имѣлъ грамоты. Завоеватель всей Азіи посылая свои повелѣнія во все концы огромной монархіи, и для изложенія ихъ на бумагѣ долженъ былъ принять буквы уйгорскія. Народъ этотъ былъ образованнѣе прочихъ, и чингисъ-хановы секретари были все Уйгоры. Само собою разумѣется, что буквы языка чуждаго не могли выражать всехъ звуковъ языка монгольскаго, но дѣлать было нечего. Коверкали языкъ, натягивали на уйгорскую форму, и сдѣлали наконецъ то, что теперь въ монгольскомъ языкѣ пишутъ, на-пр., такъ, а произносятъ иначе. Если не грамотному Монголу будутъ читать книгу мон-

гольскую такъ, какъ она написана, Монголы ничего, или очень худо пойметъ ее. И вотъ, при самомъ началѣ грамотности, монгольскій языкъ раздѣлился на книжный и разговорный. Это неудобство чувствовали всѣ, и наконецъ Хубилай, пятый ханъ послѣ Чингисъ-Хана, поручилъ тибетскому духовному Паксбѣ Ламѣ, составить новыя буквы, свойственныя монгольскому языку. Ученый взялъ за образецъ буквы тибетскія, и составилъ азбуку, известную подъ именемъ квадратныхъ буквъ. Она была введена во всеобщее употребленіе, только не устояла. Народъ привыкъ уже къ уйгорскимъ буквамъ, и старая азбука вытѣснила новую. Монголы коверкали свой языкъ на письмѣ, и не думали объ исправленіи. Главный недостатокъ уйгорской азбуки состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ буквъ для выраженія долгихъ гласныхъ звуковъ, для чего сливаютъ двѣ буквы. Такимъ образомъ Монголы не могутъ передать на письмѣ живаго языка, которымъ говорятъ, но должны стѣснять его искусственными книжными формами.

Въ XVII столѣтіи Калмыки вышли изъ Зюнгариі, и поселились на степяхъ Астраханской-губерніи. Въ 1648 году, лама Зая-Пандита осмыслился передѣлать нѣсколько уйгорскую азбуку, онъ вставилъ въ нее новыя знаки для выраженія долгихъ гласныхъ, но писалъ все еще по старымъ формамъ. Преемники его улучшали эту азбуку постепенно, и довели наконецъ до того, что Калмыки пишутъ и говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Такимъ-образомъ Калмыки отдѣлились письменностію отъ Монголовъ. Языкъ, составленный Зая-Пандитомъ, сохранился до нынѣ въ старинныхъ духовныхъ книгахъ.

За Байкаломъ русскіе любители и знатоки монгольскаго языка пробовали измѣнить старинную, неудобную азбуку, но попытки не нашли подражателей.

Монгольскій языкъ господствуетъ у насъ въ Иркутской губерніи, вдоль китайской границы. Тамъ нѣтъ ни одного Русскаго, который бы не говорилъ по-монгольски; многіе умѣютъ читать и писать. Зато весьма трудно сыскать Монгола, знающаго по-русски; о грамотности и поминать нечего. За Байкаломъ есть и были страстные любители монголзма, на-пр., г. Игумновъ. — Жаль, что страсть эта доставалась въ удѣлъ всегда людямъ полученымъ. Цѣль ихъ не исполнялась уже потому, что онѣ шли къ ней околицею. Здѣсь представляется довольно странный феноменъ. По китайской границѣ, какъ мы уже сказали, нѣтъ ни одного Русскаго, который бы не говорилъ по-монгольски, зато въ Кахтѣ нѣтъ ни одного Русскаго, который бы зналъ по-ки-

тайски, между-тѣмъ, какъ нѣтъ ни одного торгующаго Китайца, который бы не говорилъ по-русски.

Со времени появленія книгъ Новаго Завѣта на монгольскомъ языкѣ началось въ Россіи правильное изученіе этого языка. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Казанскій Университетъ прислалъ въ Иркутскъ двухъ студентовъ, кончившихъ курсъ наукъ, учиться монгольскому языку. Они жили между Бурятами за Байкаломъ, посѣщали Монголію, и приобрѣли богатые познанія въ монгольской литературѣ, и въ тоже время занимались собираніемъ монгольскихъ словъ по алфавиту, для будущаго словаря. Такимъ образомъ открыта въ Казанскомъ Университетѣ первая кафедра монгольскаго языка въ Европѣ. Иркутская духовная семинарія имѣла преподавателей монгольскаго языка еще при святителѣ Иннокентіи, но по временамъ ученіе это прерывалось, и только въ послѣднее время попеченіемъ нынѣшняго Архіепископа Нила языкъ монгольскій введенъ въ иркутской семинаріи. Въ Кяхтѣ открыто монгольское училище для бурятскихъ казачьихъ дѣтей, у Калмыковъ въ Ставрополѣ есть также училище монгольскаго языка.

Въ теченіе этого времени академикъ Шмидтъ сочинилъ монгольскую грамматику, а потомъ и словарь. Въ Казани г.г. профессора монгольскаго языка Ковалевскій и Поповъ издали хрестоматию, первый монгольскаго, а второй калмыцкаго языка, и написали по грамматикѣ каждаго языка. Послѣ того г. Ковалевскій составилъ огромный словарь монгольскаго языка. Наконецъ въ прошедшемъ году бакалавръ казанской духовной академіи Бобровниковъ издалъ грамматику сводную монголо-калмыцкаго языка. Кто послѣ этого не скажетъ, что изученіе этого языка обезпечено у насъ какъ нельзя лучше, между тѣмъ какъ въ ученой Европѣ одинъ Клапротъ кое что толковалъ о томъ?

Иные скажутъ: изученіе монгольскаго языка обезпечено: есть и грамматики и словари, да имѣютъ ли Монголы литературу, стоить ли учиться ихъ языку?... Вопросъ щекотливый.—Есть грамотность, должна быть и литература, бѣдная или богатая. Литература монгольская образовалась подъ религіознымъ вліяніемъ. Большая часть монгольскихъ книгъ состоятъ изъ переводовъ преимущественно съ тибетскаго языка, который въ началѣ бытія своего довольствовался переводами съ санскритскаго. Монгольскіе ламы или духовные, отправляютъ богослуженіе на языкѣ тибетскомъ, не смотря на то, что всѣ духовныя книги, по приказанію китайскаго Багда-Хада, еще

въ половинѣ прошедшаго столѣтія, переведены на монгольскій языкъ.

За книгами духовными и правоучительными слѣдуютъ сочиненія медицинскія, потомъ историческія, а потомъ уже повѣсти или сказки. Но все это пребываетъ подъ снудомъ для европейскія ученыхъ. До-сихъ-поръ не было еще любителя, собирателя рукописей, которыми изобилуютъ юрты достаточныхъ Бурятъ; никто не записалъ тѣхъ сказокъ о Чингисъ-Ханѣ и другія героикъ, которыя рассказываютъ Буряты, никто не собралъ тѣхъ пѣсень, которыя поются какъ историческія легенды; никто еще не объяснилъ удовлетворительно тѣхъ надписей, которыя донынѣ сохранились на утесахъ и въ пещерахъ Сибири.

Изъ монгольскихъ историковъ извѣстенъ только одинъ Сананъ-Сеценъ, переведенный г. Шиндтомъ съ монгольскаго на нѣмецкій языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Сананъ-Сецена, найдутся и другіе историкъ, но мы ихъ не знаемъ.

Въ Казанскомъ университетѣ образовался одинъ Бурятъ и много оправдалъ надежды правительства. Природа наградила его счастливыми дарованіями и любознательностію, а наука обогатила умъ познаніями. Онъ посвятилъ себя преимущественно языкамъ и сдѣлался единственнымъ филологомъ Восточной Азіи. Имя ему Доржи сынъ Банзаравъ. Онъ возвратился уже въ единонѣмецъ своимъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ имъ много полезнаго, а ученому свѣту откроетъ такія сокровища, которыхъ никто не подозрѣвалъ.

Въ то время какъ изученіе монгольскаго языка было обезпечено грамматиками и словарями, г. Бобровниковъ рѣшился обратить вниманіе на различіе какое существуетъ, въ настоящее время, между языками собственно Монгольскимъ и, такъ называемымъ, Калмыцкимъ, и послѣ тщательныхъ изученій okazało się, что языкъ калмыцкій почти не имѣетъ никакого отличія отъ языка стверныхъ Монголовъ. Разность состоитъ — въ нѣсколькихъ особенномъ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, перешедшихъ изъ Татарскаго языка, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ словахъ монгольскаго происхожденія, употребляемыхъ въ другомъ смыслѣ; но эти разности ничтожны и не могутъ служить основаніемъ рѣшительному отдѣленію нарѣчія калмыцкаго отъ монгольскаго. Принимая оба языка за одинъ, г. Бобровниковъ составилъ грамматику монголо-калмыцкую, въ которой излагаются правила не двухъ языкахъ, но одного нарѣчія, но одного языка въ двухъ письменностяхъ, для

грамматику разговорно-книжнаго Монгольскаго языка. Такое соединеніе нашелъ авторъ необходимымъ по слѣдующимъ уваженіямъ:

Для учащихся калмыцкому языку нѣтъ важнѣйшаго пособия словаря, между тѣмъ какъ для монгольскаго цѣлыхъ два; почему, сближая письменность обоихъ языковъ, авторъ даетъ возможность, обучающимся калмыцкому языку, пользоваться словарями Шмидта и Ковалевскаго и, въ тоже время, узнать монгольскій языкъ. Такія же выгоды предоставляются изучающему языкъ монгольскій.

Для насъ и Европейцевъ монгольскій языкъ тоже, что какойнибудь патагонскій, но вѣроятно найдутся люди, желающіе имѣть какое либо понятіе о языкѣ Чингисъ-Хана, Батю, столь грозномъ для нашихъ предковъ: мы обрисуемъ этотъ языкъ по мѣрѣ возможности.

Музыка монгольскаго языка довольно благозвучна, но Европейцу не понравятся въ ней звуки гортанные Х и Г. Монголы произносятъ ихъ, какъ-то полнымъ горломъ и чрезвычайно выразительно; нѣтъ словъ длинныхъ, сложныхъ, нѣтъ слышномъ обильнаго стеченія согласныхъ, какъ въ языкахъ польскомъ и богемскомъ, и едва ли есть слово, въ которомъ бы три согласныя помѣщались одна послѣ другой; вездѣ перевесъ на полногласіе. Монгольская азбука имѣетъ свои особенности, а именно—гласныя долгія, за тѣмъ, всѣ остальные слова легко можно выразить русскими буквами, даже были покушенія у Бурятъ, кочующихъ около Иркутска, писать по монгольски русскими литерами. У Монголовъ есть наши мягкія гласныя *л*, *е*, *ю*, есть *ы*, есть твердое *л*, только вовсе нѣтъ буквы *ф*, и когда нужно произнести её въ словахъ иностранныхъ, то употребляютъ букву *п*. Есть сложныя *дж*, *дз*; есть буквы двугласныя *ай*, *эй*, *ой*, и пр.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ Русскому весьма легко выучиться монгольскому произношенію. Затрудненіе встрѣтится только въ словосочиненіи.

Что значить гласная долгая, объяснить не возможно словами — понять можно только, прислушиваясь къ разговору Монголовъ, особенно жепщинъ. Языкъ Монгольскій не очень богатъ, весьма часто одно слово выражаетъ нѣсколько понятій, или отбѣиковъ понятій. Такъ слово *Модо* значить дерево, но выражаетъ и верстовой столбъ, и бревно и доску и почти все, сдѣланное изъ дерева и Монголамъ не сподручное.

Грамматика монгольская имѣетъ свои особенности. Членовъ

нѣтъ, имена существительнымъ измѣняются окончаніями, какъ у насъ, падежей семь, но послѣ именительнаго, родительнаго, и винительнаго слѣдуютъ: исходный, мѣстный, творительный, соединительный.

Предлоги ставятся послѣ именъ; глаголы по залогамъ дѣлятся на причиняющіе, страдательные, взаимные, учаственные и учащательные.

Между временами глаголовъ есть настоящее однократное и многократное, прошедшее оконченное, прошедшее неоконченное, давно прошедшее. Будущее бываетъ настоящее, сомнительное.

Есть наклоненія совершенно чуждыя грамматикамъ языковъ Европейскихъ и другія особенности.

Исполнилъ ли г. Бобровниковъ намѣреніе свое удовлетворительно, могутъ сказать одни глубокіе знатоки монгольскаго и калмыцкаго языковъ; только Сибирь и Лондонъ могутъ оцѣнить ее по достоинству. Г. Бобровниковъ совершилъ великое дѣло уже потому, что не нѣлъ себѣ предшественниковъ, и слѣдовательно примѣровъ. Авторъ зналъ, что книга его будетъ покоится въ книгохранилищахъ учебныхъ заведеній, зналъ, что она не принесетъ ему вещественной пользы и предпринялъ тяжкую работу изъ одной любви къ наукѣ. Честь труженнику для пользы общей! Благодарность ученому, вскрывающему для себя одного познаній своихъ; онъ помнитъ, что обязанъ принести на алтарь отечества посильную жертву. Люди благонамѣренные одобрятъ предпріятіе автора и надѣются, что онъ посвятитъ себя переводамъ съ русскаго языка на монгольскій тѣхъ наукъ, которыя обязанъ знать каждый, сколько вѣбуть, любознательный человѣкъ; что онъознакомитъ крѣпкихъ Монголовъ съ ихъ новымъ отечествомъ, подъ свѣтло котораго они благоденствуютъ и возбуждаютъ зависть въ единородцахъ своихъ, обитающихъ за нашею границею.

По всему видно, что труды г. Бобровникова поддерживаются начальствомъ, гдѣ онъ служитъ, а при такихъ условіяхъ, равнодушіе большинства не отнимаетъ охоты трудиться. Доброжелательный человѣкъ доволенъ уже тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать полезное.

48. *Исторія черноморской торговли въ среднихъ вѣкахъ*, изданная Василіемъ Шестакомъ. Часть I. Одесса. Въ типографіи Л. Нитче.

Одесса, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе начинаетъ развѣ-

вать свою литературную дѣятельность. Чего не издавалось въ ней въ послѣднее время? Есть и учебники, и путешествія, и беллетристическія произведенія. Г. Шестакъ издавъ нынѣ очень дѣльную книгу, «Исторія черноморской торговли». Она занимаетъ насъ съ тою важною ролью, которую играла въ самыя отдаленныя времена наша нынѣшняя Южная Россія и преимущественно страны, прилегающія къ Черному-морю, въ вѣторіи древняго мореплаванія и особенно древней морской торговли. Книга эта не есть собственно оригинальное произведеніе, а только переводъ *несколько-солонній*, какъ это объясняетъ самъ издатель, съ сочиненія г. де-ла-Примода, изданнаго на французскомъ языкѣ въ 1848 году. Но тѣмъ не менѣе трудъ г. Шестака заслуживаетъ вниманія, какъ по своему интересу, такъ и по чисто-патріотической и благотворительной цѣли, съ которою онъ изданъ. Дѣтство бывшей дѣятельности южнаго поморья посвящено Одесѣ, юной представительницѣ черноморской торговли и назначена въ пользу одесскихъ дѣтскихъ приютовъ. Первая часть ея заключаетъ въ себя XI главъ. О древней торговлѣ эгиптскаго поита, Восточные Императоры, торговля русскихъ съ Константинополемъ, Венеціею, Туріею и Генуэзцы въ Константинополѣ; генуэзскія поселенія Таврическаго полуострова; внутреннее управленіе Кафы; исторія колоніи Таны, Азона, торговля Крыма и обширныя береговъ Чернаго-Моря; торговля съ Индіею черезъ Черное-Море; большіе торговые пути въ Китай; Таврическая дорога, Латвія колонія, Триезуиты, Силонъ, Амасра, Турки въ Константинополѣ, Осада и занятіе Кафы. Оглавленіе это довольно уже показываетъ, что въ книгѣ, изданной г. Шестакомъ есть что почитать и запомнить; жаль только то, что, переводя сочиненія г. де-ла-Примода, изъ котораго приведены даже многія ссылки, переводчикъ не заимствовалъ другихъ сочиненій подобнаго рода; и преимущественно книгамъ, содержащимъ въ себѣ описаніе первыхъ зачатковъ мореплаванія и слѣдовательно и зачатковъ коммерческихъ отношеній, которыхъ первою торною дорогою были многочисленныя озера, залитыя и волны прибрежнаго моря Индіи. Изъ этихъ-то морей пустились ушедшія лодки, потомъ суда гораздо большіе, сперва къ прибрежью Китая, потомъ въ персидскій заливъ и, наконецъ, къ берегамъ Африки, что засвидѣтельствовано Плиніемъ и въ некоторыхъ мѣстахъ священнаго писанія, именно—библейскими преданіями о потребностяхъ роскоши Вавилонія, сохраненными въ книгѣхъ Эздры, Эсфиря и Эзекиа. Скажемъ съ своей стороны, что ве-

обще всю морскую коммерцію, съ самаго ея начала, можно раздѣлить на два главные періода. Первый охватываетъ все пространство времени, которое предшествовало двумъ вольнымъ открытіямъ — пути къ Ост-Индію, чрезъ мысъ Доброй Надежды, и открытіе Америки; второй — отъ этихъ открытіи до нашихъ временъ. Первый періодъ можно раздѣлить на четыре эпохи. Первая — отъ перваго появленія судовъ на моряхъ, до-тѣхъ-поръ, покуда римское оружіе не подчинило своей зависимости всѣ народы, занимавшіеся мореплаваніемъ и морскою торговлею и не сосредоточило въ вѣчномъ городѣ всѣ пути коммерческихъ морскихъ сдѣлокъ и оборотовъ. Эпоха эта продолжается до распада римской имперіи и сливается съ водвореніемъ христіанства въ землѣ римской. Вторая, заключаетъ въ себѣ время, когда совершилось паденіе восточной римской имперіи, значительный катастрофъ, который, разрушивъ всѣ политическія связи, соединявшія между собою различныя породы, грозилъ разрушить также и всю начинавшуюся тогда цивилизацію. Третья эпоха простирается до крестовыхъ походовъ, во время которыхъ начинается уже морская торговля въ странахъ сѣверныхъ, и наконецъ, четвертая эпоха оканчивается открытіемъ Америки, измѣнившимъ всѣ морскія коммерческія отношенія и давшимъ имъ новый видъ. Этому предварительнаго взгляда на древнюю коммерцію вообще древняго міра, нѣтъ въ книгѣ г. Шестака. Она начинается прямо съ торговли собственно азіатской, центромъ которой былъ Понтъ Эвксинскій. Азія, страна обширная, разнообразная по своему климату и своимъ произведеніямъ, была колыбелью первыхъ гражданскихъ государствъ, а слѣдовательно и торговли. Два кряжа горъ, раздѣлявшихъ ее отъ востока до запада, разсѣкали ее на три части, въ которыхъ и травы, и почва земли, и климатъ были различны. Изъ этихъ-то странъ и стекались купцы къ волнамъ морей и расплывались въ разныя стороны. Къ сожалѣнію, тотъ видъ, въ которомъ дошли къ намъ сказанія древней исторіи, на которыхъ мы должны основывать свои свѣдѣнія о подвигахъ и соотношеніяхъ первыхъ людей и ихъ полезныхъ открытіяхъ, наполнены сказками и несообразностями. Очень краткіе намеки, изолированныя факты или кое-какія замѣчанія, случайно вброшенныя въ сочиненія кое-какихъ древнихъ писателей — вотъ все, что намъ осталось для повѣрокъ о древнемъ мірѣ и его гражданскихъ и коммерческихъ отношеніяхъ. По общепринятому убѣжденію экспедиція Аргонавтовъ была первымъ опытомъ плаванія по Черному-мору; до-тѣхъ-поръ его почтади покрытымъ вѣчнымъ мракомъ,

предѣльнымъ съ Эребомъ и думали, что берега его были населены дикими скифами, убивавшими безъ жалости тѣхъ несчастныхъ, которыхъ буря выкидывала на негостепримный берегъ. Это повѣрье на долго удаляло Грековъ отъ негостепримнаго моря, но наконецъ, нѣсколько смѣльчаковъ, подъ предводительствомъ Язона рѣшились пуститься какъ за сокровищами странъ, его окружающихъ, такъ и для освобожденія Чернаго-моря отъ морскихъ разбойниковъ. Попытка ихъ удалась. Они хорошо были приняты жителями Колхиды и Пафлагоніи, завели съ ними мѣновой торгъ и основали многочисленныя колоніи. Первая изъ нихъ была Ольвія (счастливая) гдѣ теперь недалеко стоитъ Херсонъ, вторая Феодосія, съ гаванью, вмѣщавшую сто судовъ, потомъ Паутликапса, столица городовъ европейскаго Босфора, и Танаисъ, при устьѣ рѣки того имени (Дана). Народы, прилегающихъ къ нему странъ, доставляли въ эти колоніи рабовъ, зерновой хлѣбъ, кожи, воскъ, медъ, фрукты, строевой лѣсъ и получали въ замѣнъ вина, разные ткани и парчи. Кавказъ и тогда, какъ и нынѣ, служилъ преимущественно для Азіатовъ мѣстами, откуда они получали товаръ невольниками и невольницами.

Вотъ начало первой морской торговли Чернаго-Моря и первыхъ ея коммерческихъ колоній. Основываясь на сочиненіи г. де-ла-Примоде, издатель исторіи черноморской торговли, г. Шестаковъ, полагаетъ, что первыя плаванія Грековъ, по Черному-мю, были чисто предпринимаемы изъ видовъ коммерческихъ. Основываясь на фактахъ древнихъ сказаній, мы съ своей стороны, скажемъ, что г. де-ла-Примоде, вѣроятно смѣшиваетъ жителей Средней-Азіи съ Греками; потому-что, какъ извѣстно изъ Геродота (переводъ Ларше, Larcher, книга IV и изъ Банье Banier—Mem. de l'Acad. des inscriptions, t. IX, pag. 62) Греки позже всѣхъ азіатскихъ народовъ начали мореплаваніе и ограничивались только морскими прибрежными разбоями. О морской же ихъ торговлѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ до войны ихъ съ Персами (Фукидидъ, кн. I. глава XIV). Правда, Греки основали многія колоніи, но только отнюдь не изъ коммерческихъ видовъ, а для того, чтобы избавиться отъ слишкомъ многочисленнаго народонаселенія на твердой землѣ. (Плат. de legibus, книга V). Колоніи греческія на пунктѣ эвксинскомъ были очень слабы, потому-что, въ то же самое время, Греки заселили берега Египта (Страбонъ, книга XVII, глава I. § 8.) Хотя это поселеніе и не имѣло никакой цѣли, кромѣ роскоши и наслажденія жизнью, потомъ основали Марсель въ Галіи и Эссъ, знамени-

тый своимъ храмомъ, роскошью и обширнымъ торгомъ, привлекавшимъ всѣхъ азіатскихъ купцовъ. Впрочемъ эти поселенія Грековъ нѣсколько не относятся къ торговлѣ черноморской; она развилась отдѣльно. Вторая глава въ переводѣ г. Шестака:— Восточные императоры и торговля русскихъ съ Константинополемъ, намъ кажется, очень кратко изложена. Недовольствуясь фактами, собранными де-ла-Примоде, г. Шестакъ могъ бы, отступить немного отъ своего намѣренія, высказаннаго имъ въ предисловіи и вмѣсто того, что бы сглаживать только слогъ французскаго автора, неизмѣняя фактовъ, хотя добавить эти факты изъ нашихъ отечественныхъ источниковъ и исторій, въ которыхъ есть много данныхъ о торговыхъ сношеніяхъ древнихъ Руссовъ съ Греками. Руссы, говоритъ г. Шестакъ въ своей книгѣ, въ X и XI столѣтіяхъ имѣли съ Восточною Имперіею частыя и важныя коммерческія сношенія, а при комъ именно — неизвѣстно. Французскій авторъ вѣроятно не нуждался въ этомъ объясненіи. Пройдя молчаіемъ очень любопытныя главы о Венеціанцахъ, жившихъ въ Константинополѣ, генуэзскихъ поселеніяхъ Таврическаго-Полуострова, исторіи колоніи Азава, торговли Крыма, мы остановимъ вниманіе читателей на любопытномъ преданіи о заселеніи Генуэзцами Трапезунта.

Когда испанскій посолъ Клавиго, на перепутьи въ Саморкандъ, проѣзжалъ чрезъ Трапезунтъ (въ 1404 году), онъ замѣтилъ при входѣ въ гавань, два укрѣпленія, на которыхъ развѣвались флаги Генуи и Венеціи. Пригорокъ въ концѣ пристани, до сихъ поръ носятъ названіе «горы Франковъ (Френчъ-Гисаръ).»

Это поселеніе Генуэзцевъ въ Трапезунтѣ, было весьма важно для значенія черноморской торговли и облегчало ихъ сношенія съ верхнею Арменіею, гдѣ они вели значительный торгъ безъ всякихъ за то налоговъ.

Осадою и взятіемъ Кафы оканчивается первая часть этой занимательной книги, которой, къ сожалѣнію, мы знаемъ только почти вступленіе. Намъ всегда кажется страшнымъ выпускъ тѣхъ книгъ, которыхъ продолженія или окончанія нужно ждать. Это ожиданіе и періодическіе выпуски весьма много вредятъ интересу цѣлаго сочиненія, заставляютъ позабыть многое, а главное, не позволяютъ сдѣлать вѣрной критической оцѣнки. Мы не знаемъ причины, побудившей автора, такъ спѣшить издавіемъ своей первой части; но смѣемъ его увѣрить, что если онъ, въ послѣдующихъ частяхъ своей исторіи черноморской торговли, воспользуется, для большей полноты своего сочиненія, не однимъ сочиненіемъ Примоде и не сглаживая только

одинъ словъ, станетъ добавлять переводъ свой фактами, почерпнутыми изъ другихъ авторовъ,—кига его очень много выигрываетъ.

Мы не говоримъ, чтобы было какое-нибудь исключительное сочиненіе, посвященное единственно морской торговлѣ Чернаго и Средиземнаго моря, но есть много сочиненій по части морскихъ правъ, какъ древнихъ, такъ и среднихъ и новыхъ временъ, изъ которыхъ можно почерпнуть многое г. Шестаку и для его исторіи былой дѣятельности южнаго полуострова. Насчетъ наружнаго достоинства книги г-на Шестака, должно сказать, что она не заставляетъ желать ничего лучшаго и издана такжѣ чисто и опрятно, какъ и всѣ вообще одесскія изданія.

49. *Греческія Стихотворенія* Н. Щербины. Одесса. 1850.

Пусть читатели не думаютъ, что это переводныя стихотворенія. Онѣ вполнѣ самобытны. Авторъ самъ поясняетъ это:

Страннымъ можетъ быть покажется, говорить онъ, названіе этой книжки *Греческія Стихотворенія*, и кромѣ того, онъ подастъ поводъ принять ихъ за переводы изъ греческихъ поэтовъ, или спросить: отчего она не названа — Антологическія стихотворенія? Для этого авторъ счелъ не неумѣстнымъ написать эту статейку, чтобы слѣловать оговорку.

Переводныхъ пьесъ у г. Щербины только двѣ: изъ Аиакреона и изъ Вакхиланда. Мы не будемъ говорить о ихъ относительномъ переводномъ достоинствѣ, потому что самъ авторъ убѣжденъ, что никакой переводъ не въ состояніи передать красотъ греческаго подлинника. Эта трудность зависитъ сколько отъ архитектурности стиха, столько же и отъ самаго языка, выключая пьесъ, по характеру своему способныхъ къ переводу. Новыя языки совершенно иначе организованы, чѣмъ языкъ греческій, и стопосложеніе ихъ несколько не похоже на стопосложеніе древнихъ.

Въ греческихъ стихотвореніяхъ г. Щербины мѣньшая ихъ половина, какъ онъ самъ объясняетъ, чисто антологическія пьесы. Къ нимъ принадлежатъ: *Купанье, Стыдливость, Мигъ, Въ деревнѣ, Туча, Миръ и человекъ, Стихъ* и нѣкоторыя другія; остальная же и большая половина ихъ не антологическія, но собственно греческія стихотворенія, навѣянные автору нѣкоторыми образомъ знакомствомъ его съ эллинскою жизнію, наукой и искусствомъ, и внушенные ему симпатіею ко всему греческому. То, что не являлось, или, можетъ-быть, не дошло до насъ въ гре-

ческой лирикѣ и чуждо антологіи, но что мѣстами, мелькаетъ въ драмѣ, философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ, въ образѣ жизни, характерѣ и убѣжденіяхъ Грековъ, то авторъ бралъ за тему своего стихотворенія.

Авторъ представляетъ оцѣнку своего труда на судъ публики. Спѣшимъ увѣрить его, что добросовѣстный трудъ всегда оцѣнится публикою. Вѣрная, безпристрастная оцѣнка его, показывавшая, какъ его недостатки, такъ и достоинства, дастъ на будущее время, возможность исправиться отъ худаго и воспользоваться замѣчаніями дѣльными. Въ греческихъ стихотвореніяхъ промаховъ очень мало.

Поэзія Греціи, какъ и вся поэзія древняго востока, болѣе чувственная, осязательная. Видимый міръ, судьба, тяготящая надъ человѣкомъ, наслажденія и печали жизни—вотъ цвѣтки, которыми украшаетъ себя болѣею частію муза Греціи, впрочемъ, стыдливая и граціозная. Въ греческой музѣ поэтому, пусть читатель не ищетъ ни слишкомъ сильной глубины мысли, ни ея современности. Напѣвы этой музы и хотѣлъ намъ передать г-нъ Щербина, на русскомъ языкѣ и успѣлъ не безъ похвалы. Для примѣра выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Книга начинается очень миленькимъ витологическимъ стихотвореніемъ *Купанье*, послѣ котораго идетъ «Послѣ чтенія Умоляющихъ,» Еврипида: Стихотвореніе это намъ очень понравилось. Вотъ оно:

Что ты рѣжешь для этой могилы
Благовоный пряди кудрей,
Перси полныя женственной силы
Надрываешь рыданьемъ надъ ней.

Къ чему эти печальныя платья
Къ чему ликъ свой прекрасный терзать,
И горячія жизни объять
На безжизненный трупъ расточать?

И что въ ней тебѣ, въ этой гробницѣ,
 Безотвѣтной на звучный твой зовъ,
 Тебѣ, пламенной страсти парницѣ
 Я земному подобию боговъ?

Послѣши ей отдать возліянье,
 Ее плачемъ обычнымъ почти,
 Схоронивши свое въ ней страданье,
 Ты отъ смерти вновь къ жизни иди.

Гдѣ отвѣтъ есть на радость и горе
 Въ дуновеньи нѣжномъ вѣтерка
 И въ немолчно-враждующемъ морѣ
 И въ роскошномъ дыханьи цвѣтка.

Послѣшай же творить возліянья; —
 Слышишь, въ городѣ хоры поютъ,
 И поютъ, что мгновенно страданье,
 Что отъ слезъ тебя пѣсни зовутъ.

Греческая ночь г- Щербинны также полна южного страстного колорита.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
 И листки серебрятся оливъ;
 Дикой воли полна
 Заходила волна,
 Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
 При сіяньи безстрастного дня,
 И заботой полна,
 Буду я холодна,
 Ты тогда не узнаешь меня!

Какая чудная картина восточной ночи.

Какъ хорошо выражено у него также то полное довольство, которое искали Греки въ созерцаніи природы и стремленіи къ высшему существу, въ стихотвореніи Героя:

I.

Какъ сладко на перси природы
Приникнуть усталой главой.

Сюда пріютился покой!

Вотъ пчелы роятся надъ тинномъ,
Корвинны плетутъ пастухи,
Блѣзютъ стада по долинамъ,
И пахарь поетъ у сохи.

Мнѣ слышится пѣснь Тіѳеокрита
Сквозь грѣзы спокойнаго сна...
Здѣсь прошлая жизнь позабыта,
Здѣсь жизнь настоящимъ полна!..

II.

Заснулъ я въ тѣни енкоморы:
Но видѣлъ ущелія скалъ;
На нихъ опиралися горы,
Орелъ надъ горами леталъ.

И грозныя тучи носились,
И буря ревѣла въ горахъ,
И глубокою тростью клонились
Столѣтніе дубы во прахъ.

Такихъ стихотвореній, въ книгѣ г. Щербинны довольно. Не желая лишать читателей удовольствія самимъ позрѣть слова наши, мы приводимъ, на выдержку, здѣсь еще одно только стихотвореніе; это Софокловой Антигонѣ:

Судилъ тебѣ рокъ непреклонный,
 Подъ бурями жизни разцвѣсть,
 И розы любви благовонной
 Подъ свода Анда увести.

И эти роскошныя розы
 У насъ не распустятся вновь:
 Росили ихъ жгучія слезы
 И грѣла же наша любовь.

Зачѣмъ ты взяла ихъ съ собою.—
 Но мы недостойны любви;
 Мы бросили грязью земною
 На чистыя розы твои.

И стали мы жадной толпою
 Лобзать на груди красоты,
 Облитыя пѣной морскою
 Панаоской богини цвѣты.

Признавая звучность и достоинство греческихъ стихотвореній г. Щербинны, мы, къ сожалѣнію, не могли доискаться никакихъ красотъ и ничего греческаго, только въ одномъ. Это въ ессалійской мелодіи:

• Виновата признаюсь, Зоя!..
 Оботри платочкомъ слезы....
 У вершины Ахелоя
 На горѣ пасутся козы. •

— Правда ль это? по далеко
 Надо мнѣ идти на гору...
 Мать осталась одинока,
 И боюсь я въ эту пору:

Ночью тамъ блуждаютъ духи,
 Ходить волкъ, чакалака рыщетъ,—
 Да и жаль жоей старухи
 Чтò (которая?) меня напрасно ищетъ...

Виновать, врести мнѣ, Зоя!
 Стадо выгналъ я на гору.
 Чтòбъ къ вершинѣ Ахелоя
 Намъ идти въ почную пору.

. Тихе, воды Ахелоя,
 На щекахъ зардѣлись розы;
 Ты въ любви призналась, Зоя!
 Обманулъ я, дома ковы.

Къ счастью для нашей непонятливости, такихъ стихотвореній только одно.

Кромѣ приведенныхъ здѣсь стихотвореній совѣтуемъ обратить вниманіе на *Сказки*, на *Тучу*, на *Стжжѣ'*, на *Тимона Афинскаю*, но восторженному окончанію стихотворенія, на *Мудрца и Человѣка*, по чисто греческому чувственному взгляду на прелесть существованія, непроницаемому воплѣтъ глубокой тайной идеѣ о вѣчности. Но болѣе всего намъ понравилось стихотвореніе: *Дѣтскія шра*.

Всѣхъ стихотвореній въ книгѣ г. Щербины 36. Намъ кажется, что имя его намъ уже встрѣчалось въ нѣкоторыхъ альманахахъ, но тогда ничего нельзя было сказать о его стихотвореніяхъ. Это его первая попытка. Изданіе, какъ и всѣ одесскія изданія, прекрасно.

50. *Историческій очеркъ* общихъ гражданскихъ учрежденій Новороссійскаго-Края, рѣчь адъютанта Комарницкаго. Одесса. 1849.

Восхищенный климатомъ, теченіемъ рѣкъ Волги, Дона, Днѣпра, и любя море, Императоръ Петръ Великій, по свидѣтельству историковъ, имѣлъ мысль основать столицу на берегахъ Азовскаго Моря. Взятіе Азова подкрѣпило эту мысль, но Провидѣнію угодно было сдѣлать поприщемъ славы Петра другое море. Между тѣмъ зная важность для Россіи того края, Императоръ спѣшилъ положить начало, какъ заселенію, такъ и гражданскимъ учрежденіямъ пывѣтшей новороссійской области. Императрица Елисавета Петровна, Императрица Екатерина Великая, Императоры Павелъ, Александръ и Николай не переставали обращать вниманіе на великое завоеваніе ихъ предка, и издавали разныя постановленія къ благоустройству новороссійскаго края. Г. Комарницкій, въ рѣчи своей, развиваетъ исторически всѣ эти учрежденія, отъ начала времени Великаго Преобразователя до благополучнаго царствованія Государя Императора Николая I. Матеріалы для своей рѣчи авторъ заимствовалъ изъ полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи.

51. *Русская Фауна* или описаніе и изображеніе животныхъ водящихся въ Имперіи Россійской. Составлено и посвящено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Юліаномъ Симашко. Тетрадь 22. С. Петербургъ 1850.

Новый выпускъ этого прекраснаго и полезнаго изданія, знакомящій насъ со всѣмъ животнымъ царствомъ, млекопитающихъ, птицъ, гадовъ, рыбъ, насекомыхъ и проч., водящихся въ Россіи, заключаетъ въ себѣ продолженіе сравненія формъ череповъ различныхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ и вообще всю остеологию человѣческую. Не упуская ничего изъ виду, авторъ, въ подробныхъ рисункахъ, объяснилъ и ту систему Галля, по которой онъ, по возвышенностямъ, находящимся на черепѣ опредѣляетъ, какъ душевныя, такъ и умственные способности человѣка, изъ которыхъ къ первымъ принадлежатъ склонности и чувства, а ко вторымъ способности воспріятія ощущенія и способности мышленія. Изложивъ съ отчетливою подробностію всѣ составныя части человѣческаго тѣла, авторъ кончаетъ этотъ новый выпускъ началомъ сравненія костей туловища человѣка съ туловищемъ животныхъ. Къ этому новому выпуску Русской Фауны приложены пять прекрасно раскрашенныхъ рисунковъ, изображающихъ хищныхъ диев-

выхъ птицъ: кончика, красного сокола, пустельгу, семь видовъ мелкихъ птицъ, изображеніе устройства когтей и ногъ хищныхъ дневныхъ птицъ, остеологию ихъ череповъ, и три породы рыбъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: костистыхъ-глоперыхъ. Нельзя не пожелать, и на будущее время, этому полезному и изящному изданію той полноты, отчетливости и той акуратности выхода въ свѣтъ, какими оно всегда отличалось. Мы, съ своей стороны, находимъ въ этомъ изданіи только одинъ недостатокъ, именно тотъ, что выпуски Фауны выходятъ слишкомъ малы (заключая въ себѣ 1 — 2 листа текста). Это значитъ подстрекать любопытство читателей, и ставить ихъ въ непріятную необходимость не имѣть предъ собою ничего отдѣльнаго, цѣлаго. Но это только наше собственное мнѣніе и вѣроятно, избѣжаніе этого недостатка не зависить отъ издателя, при той дороговизнѣ, съ которою у насъ сопряжены подобныя изданія. Помочь ему въ этомъ, зависить отъ образованной русской публики, скорѣйшимъ пріобрѣтеніемъ Фауны. Желательно бы было видѣть скорѣйшее окончаніе всего изданія Русской Фауны, чтобы сдѣлать ей полную и вѣрную критическую оцѣнку, которая не возможна при отдѣльныхъ выпускахъ, какъ потому, что многое, пропущенное, вѣроятно будетъ добавлено въ-послѣдствіи, такъ и потому, что строгая и добросовѣстная оцѣнка труда требуетъ его полного изученія и сравненія съ другими, уже вышедшими подобными книгами на языкахъ иностранныхъ. Къ лучшимъ книгамъ подобнаго содержанія, какъ Русская Фауна г. Снмашко, принадлежитъ фауна французская знаменитаго Кювье.

52. *Девъ жизни или казаться и быть.* Сочиненіе Миссъ Макинтошъ, переводъ съ англійскаго. А. Ишимовой. С. Петербургъ 1850.

Нельзя не подивиться литературной дѣятельности г. Ишимовой. Издавая очень хорошій дѣтскій журналъ Звѣздочку и съ нею вмѣстѣ, даря дѣтей разнообразными дѣтскими книгами, она при всемъ томъ имѣетъ еще время заниматься и переводами романовъ. Новый этотъ трудъ госпожи Ишимовой заслуживаетъ вниманія, какъ по своему хорошему переводу, такъ и по ввунреннему содержанію самаго оригинала.

53. *Творенія Тертуліана*. Части 3 и 4. Переводъ Е. В. Карпѣва. С. Петербургъ 1850.

Переводъ этотъ служить продолженіемъ двумъ первымъ частямъ сочиненія того же автора, изданнымъ въ 1847 году. Читателямъ, имѣющимъ у себя уже первыя двѣ части творенія Тертуліана, необходимо имѣть и двѣ послѣднія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключаются самыя лучшія произведенія этого христіанскаго писателя. Имя переводчика, заслужившаго уже известность многими трудами этого же рода, должно вполнѣ служить порукою за занимательность и ясность изложенія этого новаго его перевода.

Краткая исторія Церкви. Изложеніе Протоіеря Василія Нордова. С. Петербургъ 1850.

Мы должны сказать безъ преувеличенія, что отъ души радуемся, видя, какъ все чаще и чаще начинаютъ появляться сочиненія подобнаго рода. Онѣ показываютъ готовность нашей публики къ нравственному, духовному чтенію. Не говоря уже про благое намѣреніе выдать въ свѣтъ такую полезную книгу для всякаго, мы должны сказать, что и система, принятая авторомъ, для изложенія исторіи Церкви, заслуживаетъ похвалу, какъ по своей ясности, такъ и по тому труду, при которомъ авторъ не только не ограничился одними общими мѣстами о своемъ предметѣ, но на всякомъ шагѣ сопровождаетъ эти изложенія размышленіями и вѣрнымъ, положительнымъ взглядомъ на предметы.

54. *Поездка на Синай*, съ приобщеніемъ отрывковъ о Египтѣ и Святой землѣ. А. Уманца. 2 части съ 3 картами и 10 рисунками. Сиб. 1850.

Съ нѣкотораго времени, Малая Азія и вообще Востокъ все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе, какъ путешественниковъ, такъ и ученыхъ. Наскучивъ дѣлаться съ публикою тѣми впечатлѣніями, которыя западаютъ въ душу на истошанныхъ и перетоптанныхъ путяхъ Европы, какъ иностранцы, такъ и наши туристы, захотѣли наконецъ дать понятіе о жизни, нравахъ, обычаяхъ и мѣстностяхъ той страны, о которой мы знали очень немногое. Англичане первые начали писать кое-что о Востокѣ; потомъ вышло довольно хорошее путешествіе по Востоку Ламартина,—вотъ и все, что представлялось любопытнымъ для чтенія объ этой странѣ, колыбели всего человѣче-

ства: На русскомъ языкѣ свѣдѣній о Востоку до начала сороковыхъ годовъ этого столѣтія было очень немного. Правда, хотя мы и имѣли еще во-время царя Іоанна Васильевича, въ 1582 году, свѣстія о Синаѣ и Святой-землѣ, изъ путешествія московскихъ купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, и позднее ихъ, путешествіе Василья Гогары, родомъ изъ Казани, въ 1634 г. и немногихъ другихъ, но все эти путешествія были или неполны, или уже слишкомъ наполнены вымыслами. Въ путешествіяхъ по Востоку былъ видный недостатокъ въ русской литературѣ, который впрочемъ скоро пополнился. Гг. Норевъ, Муравьевъ, Рафаиловичъ, молодые ориенталисты Диттель и Березинъ, трудами своими проливали все болѣе и болѣе яркій свѣтъ на полувѣдомую намъ целосу Азіи и тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершалась высокая тайна человѣческаго искупленія и соединеніе жизни земной съ жизнью небесною? Пользуясь, какъ хорошими путеводителями, путевыми замѣтками европейскихъ ученыхъ и въ особенности Е. Робинзона и Смита, а также и изданными уже послѣ его путешествія трудами А. С. Норова, г. Уманецъ рѣшился наконецъ напечатаніемъ своего путешествія на Синай, въ Египетъ и Святую-землю сдѣлать русской читающей публикѣ очень пріятный подарокъ. Не отличаясь многочисленными изысканіями и статистическими свѣдѣніями, книга эта заслуживаетъ вниманіе въ этнографическомъ отношеніи. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по ходатайству Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора и Намѣстника Кавказскаго, Князя М. С. Воронцова, въ маѣ 1842 г., была отправлена на Востокъ особая карантинная коммиссія, для произведенія опытовъ очищенія зачумленныхъ вещей посредствомъ усиленной теплоты. Въ числѣ членовъ этой коммиссіи былъ и авторъ «Повѣдки на Синай» г. Уманецъ. Пользуясь отсутствіемъ чумы въ Египтѣ, онъ съѣздилъ въ Верхній Египетъ, до перваго водопада Нила и острова Филе, потомъ на Синай, и наконецъ, въ концѣ іюня 1843 года, на обратномъ пути въ Россію, г. Уманецъ посетилъ Даміетъ и Сирію, Іерусалимъ, Мертвое море, Іерданъ, Іерихонъ, развалины Самаріи, Сидонъ (имѣвшію Саиду), Тиръ (Суръ), Дамаскъ, главный хребетъ Ливанскихъ горъ, Байрутъ и многія другія мѣста. Изъ приведеннаго здѣсь перечня мѣстъ, осмотрѣнныхъ авторомъ, ясно, что ему есть что рассказывать и чѣмъ подѣлиться съ желающими прочесть его книгу. Въ путевыхъ запискахъ своихъ, добросовѣстный авторъ не пренебрегъ никакими замѣчаніями, никакими соображеніями; которыми снабжали его А. С. Норевъ и нашъ ученый

ориенталистъ, бывшій профессоръ одесскаго Лицея В. В. Григорьевъ, переведшій г. Уманцу съ арабскаго языка любопытный Фирманъ, данный синайскому монастырю самимъ Муххамедомъ. Фирманъ этотъ дышетъ необыкновенною вѣротерпимостію, и предоставляетъ христіанамъ многія права личности и собственности: христіане могли свободно отправлять и сохранять свою религію; строить новыя церкви, молельни и монастыри, причемъ Муххамедъ обязываетъ музульманъ даже оказывать христіанамъ пособіе, запрещаетъ послѣдователямъ своимъ входить съ христіанами въ споры о превосходствѣ религіи, а если христіанкѣ случится быть между музульманами, то позволять ей молиться по своей вѣрѣ, заключая эти права личности словами:

— Кто поступитъ противъ этого, тотъ есть бунтовщикъ противъ Аллаха и его пророка.

Сверхъ того, по этому Фирману христіане освобождались отъ обязанности ходить на войну, освобождались отъ всякихъ повинностей, могли имѣть невольниковъ, и вести торговлю, взносая за нее маловажную плату, и другія права. Фирманъ писанъ въ собственной мечети Муххамеда, и скрѣпленъ въ вѣрномъ его исполненіи вѣрнѣйшими друзьями и послѣдователями его, въ числѣ 22 человекъ. Фирманъ этотъ былъ подтверждаемъ каждымъ Султаномъ, и между прочимъ и нынѣшнимъ падишахомъ Абдуль-Медждидомъ. — Онъ переведенъ вполне въ книгѣ г. Уманца. Нельзя его не поблагодарить за такой любопытный фактъ, бросающій свѣтъ на минувшія отношенія магометанъ къ христіанамъ. Прибывъ въ Египетъ и съѣздивъ на развалины Онеъ, которыхъ, къ сожалѣнію, авторъ не описываетъ, онъ поѣхалъ изъ Каира въ Суэсъ, на наемныхъ верблюдахъ, въ сопровожденіи Бедуиновъ, которыхъ нравы и характеры описаны г. Уманцемъ довольно подробно, видѣлъ дорогою опустѣлую гробницу Халифа Малекъ-Адела, рисунокъ которой хранится въ портфелѣ нашихъ художниковъ, путешествовавшихъ по Востоку, братьевъ Чернецовыхъ, и наконецъ вступилъ въ пустыню. Новое, особенное чувство, объемлющее путника, когда онъ въ первый разъ увидитъ себя посреди мертвой, повидимому безконечной пустыни, гдѣ, куда ни обратишь взоръ, не видишь ни одного живаго существа, ни малѣйшихъ признаковъ растительности, разсказано г. Уманцемъ очень краснорѣчиво. Послѣ многихъ непріятностей непривычнаго путя, путешественникъ нашъ прибылъ въ Суэсъ, который не произвелъ на него никакого пріятнаго впечатлѣнія. Какъ въ природѣ, такъ и въ жителяхъ этого города, онъ замѣтилъ бѣдность и

запустѣніе. Не смотря на транзитъ товаровъ изъ Индіи въ Европу чрезъ Красное-море, дѣлающій этотъ городъ важнымъ въ торговомъ отношеніи, особенно послѣ учрежденія пароходнаго сообщенія съ Индіею чрезъ Красное-море, Суэсъ все остался маленькимъ городомъ. Въ немъ до 3 тысячъ жителей, изъ числа которыхъ до 70 человекъ христіанъ. Посѣтивъ гостиницу, гдѣ останавливался Наполеонъ, и его комнату, оставшуюся неприкосновенной, какъ она была, а также и то мѣсто въ проливѣ, гдѣ онъ чуть-чуть было не утонулъ, г. Уманецъ торопился увидѣть колодцы Моисея, горькій источникъ Мара (по славянски Мерра), обозрѣть Черное-море, и побывать на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, древніе Израильтяне совершили свой исходъ изъ Египта и было поглощено воинство Фараона. О истинномъ мѣстѣ перехода существуютъ разныя мнѣнія. Г. Уманецъ всѣ ихъ приводитъ.

До-сихъ-поръ еще о Черномъ-морѣ идутъ разнородные толки, и долго не знали, откуда произошло названіе Чернаго, Краснаго, и разныя предположенія и догадки, болѣе или менѣе не вѣрныя, сыпались со всѣхъ сторонъ. Разрѣшеніе вопроса принадлежитъ недавнему времени. Это сдѣлалъ профессоръ Эренбергъ въ 1823 году, и наблюденія другихъ ученыхъ, въ 1843 году, совершенно подтвердили основательность выводовъ Эренберга. Докторъ Монтанъ читалъ объ этомъ замѣчательную записку въ парижской Академіи Наукъ, которая и послужила поводомъ къ многимъ статьямъ, какъ въ иностранныхъ, такъ и въ нашихъ журналахъ.

Вотъ что говоритъ Эренбергъ, проведшій нѣсколько мѣсяцевъ въ Торѣ, на Суэзскомъ полуостровѣ, о Черномъ-морѣ (иначе, Красномъ).

«10 декабря, говоритъ онъ, я видѣлъ поразительный феноменъ окрашенія всего залива, образующаго гавань этого города, въ красивый, красный цвѣтъ. Открытое море, за кораловыми скалами, сохранило обыкновенный цвѣтъ. Въ продолженіе знойнаго дня, мелкія волны спокойнаго моря приносили и слагали на песчаный берегъ сливистое кроваво-красное вещество, и въ полчаса времени, при отливѣ, вся губа окружилась красною каймою въ нѣсколько футовъ ширины. Я почерпнулъ воды въ стаканъ, и принесъ въ палатку, которая находилась у меня близъ моря. Легко было видѣть, что окраска эта происходила отъ множества мелкихъ, едва видимыхъ хлопьевъ, часто зеленоватыхъ, иногда темно-зеленоватыхъ, но по большей части красныхъ. Сама же вода, изъ которой они плавали, была со-

вершено бездѣтна. Окрашивающее вещество я рассматривалъ въ микроскопъ. Хлопья состояли изъ маленькиѣ растительныѣ пучковъ волоконъ. Они были веретено-образны, имѣли рѣдко болѣе двухъ миллиметровъ толщиною и заключались въ оболочкѣ изъ слизи, какъ бы въ футлярѣ. Покуда солнце находилось на горизонтѣ, хлопья держались на поверхности воды, въ стаканѣ; но ночью, когда я покачивалъ стаканъ, онуекались на дно, и чрезъ нѣсколько времени снова подымались на поверхность. Явленій окрашенія воды на морѣ не было постоянныхъ.

Эренбергъ дѣлалъ эти наблюденія три раза на небольшомъ пространствѣ, и притомъ на берегу. Въ недавнее время они подтвердились новыми случайными наблюденіями, и притомъ въ гораздо большемъ объемѣ. Наблюденія эти были сообщены Жофруа Сентъ-Илеру однимъ адвокатомъ съ острова Св. Маврикія, Эвеноромъ Дюпономъ, плывшимъ чрезъ Черное-море, на пароходѣ «Атланта», принадлежащемъ Остъ-Индской Компаніи. Напрасно спрашивалъ онъ у капитана, долго плававшего по этимъ водамъ, почему море именуется Краснымъ, когда ничто не оправдываетъ этаго названія,—ни капитанъ, ни лоцманъ, ни матросы, ни офицеры, ничего не могли про это сказать Дюпону. Море было синее, а вокругъ него тянулись по 'обонимъ берегамъ обнаженныя горы черновато-кирпичнаго цвѣта, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бѣлыхъ полосъ, отъ потухшихъ вулкановъ; пески кругомъ бѣдые и бѣлыя коралловыя скалы. Въ полдень Черное-море было самаго прекраснаго голубаго цвѣта. Дюпонъ уже отчаялся видѣть Черное-море иначе, но къ его удовольствію случай скоро представился. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ, въ письмѣ своемъ къ Жофруа де Сентъ-Илеру:

• 15 іюля, знойное аравійское солнце разбудило меня вдругъ, просіявъ на горизонтѣ безъ разсвѣта, во всемъ своемъ великолѣпнн. Машинально облокотился я на окно кормы парохода, чтобы пелышать остаткомъ свѣжнго ночнаго воздуха, пока дневной жаръ не поглотилъ его. Каково-же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вся поверхность моря, такъ далеко, какъ только видѣлъ глазъ, была окрашена въ красный цвѣтъ! Я выбѣжалъ на палубу, и по всѣмъ сторонамъ увидѣлъ тоже самое явленіе. Снова я обратился съ своими разпросами къ офицерамъ; лекаръ объявилъ мнѣ, что онъ еще прежде видѣлъ это явленіе, и приписываетъ его плавающей на водѣ рыбьей икрѣ, другіе же ничего подобнаго не могли припомнить.

Не станемъ приводить иполаіъ собственныя словъ Дюпона,

скажемъ только что, глядя на Черное-море, онъ видѣлъ, что вся поверхность его была покрыта сплошнымъ, но не слоистымъ слоемъ чего-то мелкаго, коричнево-краснаго и нѣсколь-но оранжеваго цвѣта, какой нибудь видъ опилки краснаго дерева. Дюпонъ приказалъ достать себѣ ведромъ нѣсколько воды съ этимъ веществомъ, и налилъ его ложкою въ бѣлую стеклянку, и потомъ, опасаясь, чтобы осажденіе не ускорило разложенія, вылилъ эту воду на полотно. По стеченіи воды окрашивающее вещество осталось на полотнѣ, и будучи высушено, приняло зеленый цвѣтъ. Дюпонъ приложилъ къ своему письму, на кускѣ бѣлой бумажной ткани, собранное имъ вещество, которое Жо-эруа де Севъ-Илеръ и докторъ Монтанъ разсматривали въ микроскопъ. Наблюденія ихъ показали, что вещество это есть не что иное, какъ морской поростъ, состоящій изъ членистыхъ и сложеввыхъ связкамъ волоконъ, толщиною въ поперечникѣ отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{100}$ миллиметра. Они дали этому поросту названіе—*Trichodesmium Ehrenbergi*, въ память Эренберга, впервые наблюдавшаго этотъ морской поростъ.

Докторъ Монтанъ, въ своей запискѣ, читанной имъ въ парижской Академіи Наукъ, полагаетъ, что 1) названіе Чернаго и Краснаго-моря, данное Аравійскому-заливу, сперва Геродотомъ, а потомъ Семьюдесятью Толковниками, выведено, вѣроятно, изъ описаннаго выше періодическаго явленія, бывающаго на водахъ Чернаго-моря что, 2) это явленіе происходитъ отъ присутствія особаго рода микроскопическаго пороста, плавающаго на морской поверхности, и не столь замѣчательнаго своимъ краснымъ цвѣтомъ, сколько своимъ плодородіемъ. 3) Краснота водъ озера Морать, описанная де-Кандолемъ и производимая дрожалкою, имѣетъ самое большое сходство съ краснотою водъ Аравійскаго-залива, хотя оба растенія, по своему роду, очень различны между собою; 4) что это любопытное явленіе хотя замѣчено только недавно, но, вѣроятно, существовало всегда; 5) этотъ необыкновенный цвѣтъ моря не имѣетъ исключительною причиною присутствіе моллюсковъ и микрокопическихъ животныхъ, но часто происходитъ также, можетъ-быть отъ періодическаго, всегда плодovitаго явленія нѣкоторыхъ поростовъ (*algues*) и особаго рода *Trichodesmium*, и наконецъ, что это чудное явленіе хотя всего обыкновеннѣе бываетъ въ моряхъ между тропиками, однакоже встрѣчается и въ другихъ, напримѣръ въ океанахъ Атлантическомъ и Тихомъ.

Осмотрѣвъ Красное-море, нашъ путешественникъ приступаетъ къ подробной описанію Спая. Монастырь расположенъ вдоль

ущелья, на крутой покатости, идущей отъ подошвы Хорива. Путешественникъ, разбитый усталостію, хотѣлъ поскорѣй войти внутрь, но воротъ въ стѣнахъ не было видно, и только сверху, почти у верхней оконечности стѣны, находилось, въ видѣ двери, окно изъ котораго выглядывали монахи. Окно это было при-крыто всячею деревянною будкою безъ дна, съ блокомъ чрезъ который висѣлъ конецъ веревки. По этой-то веревкѣ пріѣхавшіе совершили воздушный путь въ монастырь. Г. Уманецъ былъ счастливѣе нашего извѣстнаго пѣшехода Григорія Барскаго—тотъ провелъ два дня предъ монастырскими стѣнами. Но и г. Уманца впустили не безъ хлопотъ, и спрашивали, имѣеть ли онъ рекомендательныя письма. Во внутренности этого монастыря онъ нашелъ всѣ удобства, фонтанъ, бібліотеку, а что еще всего важнѣе, одного изъ нашихъ соотечественниковъ, молодого монаха, уроженца Одессы, который могъ ему сообщить всѣ замѣчательности Сивая на родномъ языкѣ. Во всѣхъ стѣнахъ монастырскихъ нѣтъ ни одной двери, а только три от-верстія, надъ которыми вдѣланы двѣ мраморныя доски, одна на арабскомъ языкѣ, а другая на ново-греческомъ, пояснющія какъ имя строителя, такъ и время постройки.

Синайскій монастырь, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ Моисеемъ, построенъ въ 527 году, римскимъ императоромъ Юстиніаномъ. Монастырь этотъ заключаетъ въ себѣ много достопримѣчательныхъ вещей, мозанковыхъ образовъ, серебряныхъ лампадъ и прочее. Но самую драгоценную принадлежность монастыря составляютъ мощи Святой Велико-мученицы Екатерины. Сестра Императора Петра I-го, Царевна Екатерина Алексѣевна, прислала сюда серебряную позолоченную раку во весь человѣческій ростъ, которую монахи хранятъ особо, въ числѣ драгоценностей. Синайская гора съ давнихъ временъ служила убѣжищемъ христіанамъ, и первый о ней упоминаетъ Діонисій Александрійскій, около 250 по Р. Х., и наконецъ болѣе полныя свѣдѣнія о Синаѣ, сообщаетъ около того же времени Аммонъ, монахъ изъ Канопы, въ Египтѣ. Нынѣ въ вѣдѣніи Синайскаго монастыря имѣется всего около пятидесяти монаховъ. Изъ нихъ на Синаѣ живетъ менѣе чѣмъ половина— всего двадцать два монаха; два или три въ Торѣ, городкѣ на восточной сторонѣ Суесскаго залива, для завѣдыванія тамо-щною церковью, монастырскими садами и домами, столько же при архіепископѣ въ Константинополѣ, и двадцать-два человѣка на Джоволскомъ подворьи. Жизнь на Синаѣ считается самою трудною, и всѣ какъ только возможно избѣгаютъ ее. Для уве-

личенія числа братіи, иноки готовы принять въ монашество всякаго желающаго, даже безъ всякаго денежнаго пожертвованія. Тягость жизни и скудость средствъ дѣлають то, что монахи живутъ на Синаѣ не долго. Рѣдкій изъ нихъ проживаетъ на Синаѣ лѣтъ пять. Между тѣмъ доходы монастыря не маловажны, и по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Уманцемъ отъ самаго синайскаго архіепископа Констандіуса, при хорошемъ управленіи можно получать сотни тысячъ рублей дохода въ годъ. Нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь значительнаго города на Востокѣ, въ которомъ бы не было садовъ, постоялыхъ дворовъ и домовъ, принадлежащихъ монастырю. Греція, Россія, Валлахія, въ особенности Молдавія, Константинополь, даже Бенгалъ и Голконда въ Остѣ-Индіи, даютъ Синайскому монастырю значительные доходы съ земель и домовъ, завѣщанныхъ монастырю или подаренныхъ въ разное время. Въ Бенгалѣ у Синайцевъ одинъ священникъ, въ Голкондѣ два. Осмотрѣвъ Синай, авторъ посылалъ Архіепископа синайскаго Констандіуса, и имѣлъ случай узнать отъ него много замѣчательныхъ подробностей. Г. Уманецъ, собирая свѣдѣнія о Синаѣ, кончаетъ этотъ отдѣлъ своего путешествія выпискою изъ сочиненія Василія Голгары родомъ изъ Казани, путешествовавшаго по Св. Землѣ въ 1634 году. Уже и тогда на Синайской-горѣ, по словамъ Голгары, было сорокъ монастырей, но всѣ оны были почти пусты, кромѣ монастыря Св. Екатерины, въ которомъ было до трехъ сотъ человѣкъ братіи.

Второй отдѣлъ книги г. Уманца заключаетъ въ себѣ его путешествіе по Египту. Отдѣлъ этотъ не представляетъ въ себѣ ни подробныхъ описаній мѣстностей, ни историческихъ изысканій, но въ немъ нашъ путешественникъ знакомитъ читателей съ обычаями, нравами и администраціею этой страны, которая обратила на себя общее вниманіе съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ управлять ею Мегметъ-Али. Авторъ имѣлъ случай два раза дозвѣщать этого правителя Египта, и даетъ въ своей книгѣ очень подробное извѣстіе о частной жизни Пашы, который желалъ заслужить названіе египетскаго преобразователя. Вотъ какъ описываетъ г. Уманецъ первую свою встрѣчу съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, съ желѣзною волею надъ своими страстями, съ человѣкомъ, отказавшимся отъ перваго наслажденія музульманъ,—гаремной жизни, чтобы только поставить себя выше своихъ соотечественниковъ, и имѣть возможность подольше править Египтомъ. Паша отправился въ Булокъ, глав-

ное преддѣлье Каира, осматривать свои бумагопрядильныя фабрики:

• Минуть черезъ пять, говорить г. Уманецъ, показалась толпа красиво одѣтыхъ всадниковъ, примѣрно человекъ двадцать, въ платьѣ египетскаго низыма и широкихъ бурвусахъ, на кровныхъ арабскихъ лошадахъ, одна другой лучше, выступавшихъ самымъ тихимъ шагомъ. Впереди кавалькады, на полсажени, ѣхалъ старецъ съ бѣлою какъ лунь, большою бородою и длинными, густыми усами. Это былъ Мегметъ-Али. Мы поджидали, покуда онъ поравняется съ нами, чтобы его привѣтствовать, но онъ предупредилъ насъ, и привѣтствовалъ первый, по восточному обычаю, приложеніемъ правой руки къ рубамъ и легкимъ обращеніемъ ея ко лбу и груди. Мы поспѣшили снять свои шляпы и поклониться. Я вперилъ свои глаза въ старика и вокругъ его ничего не видалъ. Подъ нимъ былъ дивный гнѣдой жеребецъ; сверхъ платья надѣтъ былъ въ рукава бурнусъ, коричневаго цвѣта, на головѣ тарбушъ. Саженихъ въ двадцати сзади ѣхала прекрасная высокая, послѣдняго фасона карета, принадлежавшая пашѣ.

На первой аудіенціи, нашъ путешественникъ имѣлъ время, еще отчетливѣе разсмотрѣть физиогномію Паша. Г. Уманецъ говоритъ, что ни одинъ изъ портретовъ Мегметъ-Али, видѣнныхъ имъ, на него не похожъ. Брови у него нависшія нѣсколько, черныя и съ просѣдою; глаза небольшіе, темно-каріе; глубоко впаде, подернутые влагою, быстрые, безпрестанно въ движеніи, и горятъ, какъ бы слегка налитые кровью; въ нихъ рѣзко было видно много энергіи и отваги. Носъ паша небольшой. Лицо Мегмета-Али довольно обыкновенное, какъ бы простонародное, небольшое, смуглое, весьма загорѣлое, съ немногими морщинами. Ростъ паша нѣсколько менѣе средняго; корпусомъ онъ довольно плотенъ; сложенъ хорошо, кость широкая, но какъ говорятъ въ простонародіи не *тылистъ*. Не смотря на то, что когда авторъ видѣлъ Мегмета-Али, ему уже было 74 года, онъ былъ быстръ и ловокъ, какъ юноша. Г. Уманецъ очень подробно повѣствуетъ о всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и вѣстныхъ чертахъ Египта, и между прочимъ объ истребленіи мамлюковъ. Не менѣе интересно описаны у г. Уманца образчики уголовнаго судопроизводства въ Египтѣ, которое до Мегмета-Али вполнѣ зависѣло отъ произвола пашей. До изданія Мегметомъ-Али, въ 1842 году, манифеста, которымъ приказано всякій смертный приговоръ подносить ему на конфирмацію, всякій паша могъ казнить въ своей провинціи всякаго, кого

находились сколько-нибудь виновнымъ. Паши иногда долго даже задумывались о томъ, какую бы казнь придумать ужаснѣе. Въ особенности отличались изобрѣтательностію правитель мамурской провинціи, Ибрагимъ-Бей, христіанскій ренегатъ, и Ахмедъ-Бей, сеноконикъ по части сбора государственныхъ доходовъ.

Приведемъ для образчика нѣсколько примѣровъ изъ подлинника. Вотъ что говоритъ г. Уманецъ:

Солдаты и многочисленная дворня принесли однажды Ахмедъ-Бюю жалобу въ томъ, что кашеваръ крадетъ часть мяса изъ количества, отпускаемаго для варева. Призванный кашеваръ не признавался, не смотря на улички жалобщиковъ. Бей отпустилъ его изъ своему дѣлу, но приказалъ дѣть себѣ знать немедленно по положеніи мяса въ котель; если кашеваръ вновь будетъ подозрѣваемъ. Случай изъ этому скоро представился. При наварѣ мяса не достало нѣсколькихъ фунтовъ, и Бей приказалъ бросить кашевара въ тотъ же самой котель, прикрыть его крышкою и сварить вмѣстѣ съ мясомъ, говоря:

Пусть собственнымъ жиромъ онъ дополнитъ недостатокъ мяса!

Приказаніе это тутъ же было буквально исполнено служителями. Вотъ еще другой образчикъ расправы Ахметъ-Бей.

Одинъ изъ его молодыхъ слугъ при внутреннихъ покояхъ, въ родѣ пажей, выпилъ на улицѣ, у простой торговки молока, на пять паръ, и не заплативъ денегъ, ушелъ въ дворецъ. Арабка громко жаловалась. Ахмедъ-Бей услышалъ ея жалобы изъ окна и приказалъ позвать ее. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ выставилъ ей на лицо всѣхъ своихъ придворныхъ. Молодой человекъ былъ узнавъ, но на вопросы Бей отвѣчалъ, что обвиненіе несправедливо, и въ этомъ стоялъ твердо, а между-тѣмъ арабка упорно его уличала. Паша, заблагоразсудивъ взойти въ разбирательство этого дѣла, приказалъ тутъ же, при себѣ, обвиняемого пажа опрокинуть на земь и живому вскрыть желудокъ, предваривъ притомъ женщину, что если жалоба ея окажется несправедливою, то ее ожидаетъ тоже самое. Въ желудкѣ оказалось молоко, и женщиной было заплачено 5 паръ, въ то время равняющихся 4—5 мон. ассиг.

Кузнецъ дурно подковалъ его лошадь, которая стала хромать отъ этого. Бей приказалъ въ своемъ же присутствіи, самаго кузнеца подковать по голымъ ногамъ подковами, да еще раскаленными до красна. Тоже самое сдѣлалъ онъ своему саюсу (нонюху), когда тотъ, бѣгая цѣлый день, по обычаю страны, впередъ его лошади, однажды началъ отставать озадъ, и на

вопросъ Бей отвѣчалъ, что отстаеъ потому-что у него болятъ ноги.

Послѣ манифеста Мегмета-Али такихъ судопроизводствъ уже не случается.

Путешественникъ нашъ не преминулъ посѣтить также и Мертвое-море, о которомъ ходитъ между Европейцами столько страшныхъ слуховъ. Морю этому были даваемы разные имена. Въ книгѣ Бытія оно названо *Соленымъ-моремъ*, въ книгѣ Числъ *моремъ нѣисоленымъ*, по качествамъ его воды; въ исторіяхъ греческихъ и латинскихъ, оно именуется восточнымъ озеромъ, озеромъ асфальтическимъ, по находженію въ немъ горвой смолы, моремъ содомскимъ и моремъ пустыни. Турки называютъ его Ула-Денызъ, а Арабы-Багръ-Этъ-Лутъ—озеромъ Лота.

Г. Уманецъ, приводитъ слова Жерамба, который говоритъ объ Мертвомъ-морѣ, какъ о картинѣ истинной смерти.

«Шумъ волнъ (говоритъ онъ) никогда не прерываетъ безмолвія смерти. Нѣара этого моря не заключаютъ въ себѣ ни одного живаго существа; ни одно судно, ни одна ладья не разсѣкаетъ водъ его; нигдѣ въ окрестностяхъ птица не вьетъ гнѣзда и не поетъ о любви своей; здѣсь нѣтъ ни растущаго дерева, ни растенія, которое бы цвѣло. Едва видѣвъ кое-гдѣ какой-нибудь кустарникъ, истощенный и засохшій».

Такимъ же чорвыми красками описываетъ Мертвое-море и Пужула бывшій въ этой странѣ за годъ предъ Жерамбомъ.

Если, говоритъ онъ, подъ порывами бури море иногда всколышется, его глухой ревъ долженъ походить на продолжительные задушевные крики, и вы скажете, что это умоляющій голосъ, вопли и стоны городовъ, поглощенныхъ въ безднѣ.

Князь Пюклеръ Мускау, путешествовавшій по Сиріи и Малой-Азіи, говоритъ о Мертвомъ-морѣ совсѣмъ другое. Князь въ восхищеніи отъ этого моря, и въ своемъ сочиненіи «Die Rückkehr», доказываетъ, что все, что только говорили путешественники неблагопріятнаго о Мертвомъ-морѣ, совершенно несправедливо. По словамъ Пюклера-Мускау, въ водѣ этого моря инокъ монастыря Святаго Саввы ловятъ рыбу, а берега усѣяны множествомъ цвѣтовъ, кустарниковъ и камышу, въ которомъ живутъ дикія свиньи, кошки, гіены и журавли.

Не съ такимъ увлеченіемъ, но почти тоже говоритъ о Мертвомъ-морѣ и г. Уманецъ. По берегамъ Мертваго моря водятся и птицы и насѣкомыя; утокъ, путешественникъ нашъ на-

даже даже на самых водах моря, а в соленых потоках спадающих к морским волны, живут некоторые маленькие рыбки.

Пужула, французский ученый и путешественник, говорит в одном месте своего сочинения: «Весьма важным считаю, что могу уверить, что в Мертвом-море есть рыбы, раковины, *des ulves*. Г. Уманец почти целый час искал этих раковин, и что же? нашел всего пять, маленьких, полуразрушившихся, проточенных водою от давнишнего отсутствия в них животных, и совершенно одной породы с раковинами реки Иордана. Что же касается до существования рыб, собственно в Мертвом-море, то г. Уманец решительно отвергает слова Пужула, и говорит, что по опытам, сделанным как Шатобрианом и маршалом Мармоном, так и им самим в Одессе, рыбы, опущенныя в воду Мертваго-моря, умирали в ней через две минуты.

О происхождении Мертваго-моря не может быть никакого сомнения. Кроме повествования Библии и относящихся к нему преданий, все там ознаменовано характером вулканическим, и вся страна наполнена возгорающимися и смолистыми веществами. Прежде переворота, изменившего вид Иордана, устье его было в Черном-море. Огонь, охвативший всю эту страну произвел пропасть, куда хлынули воды, погасили вулкан, и образовали Мертвое-море.

Самая большая глубина Мертваго-моря, исследованная Личчемъ, простирается до 1,308 футовъ (т. е. почти 187 квадрат. сажень). Дно Мертваго-моря представляетъ гладкую плоскость, которая близъ берега состоитъ вообще изъ соленыхъ кристалловъ, а по срединѣ изъ мягкаго ила съ призматическими или кубическими кристаллами чистой соли. На гористыхъ берегахъ моря находятъ куски пемзы, сѣры, селитры, горной смолы, которая иногда поднимается со дна моря огромными глыбами въ видѣ острововъ. Эдуардъ Робинзонъ говоритъ, что очень недавно этой смолы было продано Арабамъ на 2 или на 3000 тысячъ талеровъ. О всплытіи на верхъ этой смолы говорится у Иосифа Флавія и Діодора Сицилійскаго. Въ древнія времена эта смола составляла важную отрасль торговли съ Египтомъ, гдѣ употреблялась въ большомъ количествѣ для бальзамированія тѣлъ. У сѣверныхъ береговъ находятъ черный смолистый камень, изъ котораго дѣлаютъ чашки и чотки, продаваемыя въ Иерусалимѣ поклонникамъ.

Каждый годъ на берега Мертваго-моря прѣзжаютъ много путешественниковъ, но только одинъ изъ нихъ, Англичанинъ Гайдъ, лѣтъ за тридцать, объѣхалъ вокругъ этого моря. Онъ употребилъ на этотъ объѣздъ три недѣли, съ большими трудностями.

Нашему путешественнику захотѣлось испробовать воду Мертваго-моря, и онъ нашелъ ее чрезвычайно соленою, оставляющею во рту отвратительную горечь, какъ отъ глауберовой соли. Слыша, что нѣкоторые говорили, что обыкновенная поваренная соль не расходится въ этой водѣ, г. Уманецъ сдѣлалъ опыты въ Одессѣ, въ привезенной имъ съ Мертваго-моря бутылкѣ съ водою, и нашелъ, что чайная ложка соли разошлась очень скоро въ двухъ столовыхъ ложкахъ этой воды. Г. Гасгагенъ, профессоръ химіи Ришельевского Лицея, разлагалъ воду Мертваго-моря химически, и нашелъ въ ней частицы іода.

Добываемая по берегамъ моря соль составляетъ предметъ торговли, и чрезвычайному избытку соли должно приписать необыкновенную плотность и тяжесть воды. Императоръ Веспасіанъ желалъ удостовѣриться, по словамъ Юсіа Флавія, справедливо ли, что Мертвое-море выбрасываетъ изъ себя все, что въ него ни кинуть. Веспасіанъ приказалъ бросить въ море нѣсколько плѣнниковъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, и ни одинъ изъ нихъ не утонулъ.

Желая повѣрить, какъ сказаніе Юсіа Флавія, такъ и рассказы англійскихъ и французскихъ путешественниковъ, которые также говорили, будто человекъ, желая погрузиться въ Мертвое-море, и оставаясь безъ всякаго движенія, плаваешь на поверхности воды, какъ кусокъ дерева, г. Уманецъ самъ испытывалъ это, и вотъ что говоритъ объ этомъ странномъ свойствѣ воды:

• Я входилъ въ море по колѣна, и при поднятій ноги чувствовалъ, что ее какъ-будто что-то выталкивало или выжимало изъ воды. •

• Къ этому добавлю, по словамъ здѣсь бывшихъ и мнѣ рассказывавшихъ, что неумѣющій плавать, при одномъ только простомъ движеніи членами тѣла, при одномъ, такъ сказать барахтаніи въ водѣ, будетъ долго держаться на ея поверхности, и по близости береговъ, навѣрное, выплыветъ и въ морѣ не утонетъ. Но А. С. Норровъ утверждаетъ противное, говоря, что онъ самъ видѣлъ, какъ дрогоценъ его, переставъ плыть, пошелъ ко дну. •

Разсуждая о наказаніи преступныхъ городовъ, нѣкоторые писатели принимаютъ за несомнѣнную истину, что въ нѣдрахъ

Мертваго-моря хранятся еще остатки этихъ городовъ. Иные даже узнавали въ немъ остатки стѣнъ, колоннъ, чего-то въ родѣ шоссе, и въ особенности развалины Сегора, сперва пощаженаго, но потомъ, подобно прочимъ, поглощеннаго огнемъ, когда Лотъ вышелъ оттуда. Г. Уманецъ, приводитъ въ книгѣ своей довольно любовитныя строки объ англійскомъ путешественникѣ Костиганѣ, который плавалъ по Мертвому-мору, и ошущивая лотомъ дно его, будто бы находилъ во многихъ мѣстахъ развалины, и могъ ясно различать большіе тесаные камни, показывавшіе, что они были употреблены на постройки; и наконецъ видѣлъ большія развалины, которыя, по словамъ Костигана, были развалинами Гоморры. Почти то же самое говоритъ другой англійскій путешественникъ Линчъ.

Посѣтивъ однажды Мертвое-море, авторъ желалъ видѣть всѣ его достопримѣчательности, и по этому спрашивалъ своихъ бедуновъ и о содомскомъ яблокѣ, которые отозвались, что оно точно есть, но растетъ на западномъ берегу моря. Сodomская яблоня, по словамъ Ричардсона, есть чрезвычайно странное дерево, съ длинными овальными листьями, съ сѣватою корою, подобною пробкѣ, и желтыми плодами, которые растутъ кистями и очень похожи на померанецъ. Если ихъ подавить, они лопаются, какъ пузырь, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ тонкой кожицы и нѣсколькихъ волоконъ. Дерево это носитъ у ботаниковъ названіе *Asclepias gigantea* или росега, и растетъ также въ Верхнемъ Египтѣ и въ счастливой Аравіи.

Верстахъ въ 15 отъ Мертваго-моря находятся на пирамидальной горѣ развалины крѣпости Масада, построенной первоначально Ионаоаномъ Маккавеемъ, и укрѣпленной Иродомъ Великимъ. Иродъ построилъ здѣсь дворецъ съ колоннами, портиками, банями и велвколѣпнымъ помѣщеніемъ, цитернами. Она извѣстна очень немногимъ, и авторъ приводитъ о ней любопытныя подробности.

Недалеко отъ Мертваго-моря находится также монастырь Святаго Саввы, умершаго около 532 года по Р. Х. Нашъ путешественникъ не преминулъ посѣтить и его. Никогда еще никакая обитель не находилась въ такомъ пустынномъ и уныломъ мѣстѣ. Здѣсь всякая зелень останавливается, всякая улыбка земли изглаживается. Тамъ царствуетъ не жизнь, а болѣе смерть, ужасный переходъ изъ этого міра въ другой. Вода и черный хлѣбъ и какая-нибудь похлебка безъ масла, составляютъ пищу иноковъ. Въ церкви монастырской авторъ видѣлъ кучу череповъ, сложенныхъ рядами одинъ на другой. Эти черепы при-

надлежаще иноканъ, жертвамъ мусульманскаго фанатизма, которые въ 1104 году были безъ всякой надобности изрублены во время Халифата. По преданіямъ, въ стѣнахъ монастыря Святаго Саввы задѣланы до 300 мощей святыхъ отцовъ, избѣженныхъ отъ Арабовъ. Въ монастырѣ этомъ авторъ встрѣтилъ двухъ русскихъ монаховъ; одинъ изъ нихъ былъ унтеръ-офицеръ Л. Гвардія Егерскаго полка. Окрестности монастыря пустыньны и дикы до неимовѣрности. Вотъ какъ авторъ нашъ описываетъ растительность страны, въ которой расположено монастырь Святаго Саввы:

«Красивая пальма, которую замѣтилъ здѣсь Шатобрианъ, и которая сдѣлалась съ-тѣхъ-поръ деревомъ историческимъ, упоминаемымъ у всѣхъ путешественниковъ, грустно зеленѣетъ до-сихъ-поръ на одной изъ террасъ, у сѣверной оградной стѣны; но только она не есть еще единственное дерево въ этой пустынѣ; на нѣкоторыхъ террасахъ кое-гдѣ видны молодые деревца и нѣсколько грядъ съ зеленью. Это единственная утѣха строгихъ отшельниковъ, стоящая имъ большихъ заботъ, трудовъ и терпѣнія. Будучи присловенъ къ обрывистому, правому боку потока Кедронскаго, монастырь обращенъ на юговостокъ, и весь до послѣдняго уголка выставленъ раскаленнымъ лучамъ солнца, съ утра почти до самой ночи. Въ изгибахъ потока нѣтъ никакого теченія воздуха, а надъ монастыремъ возвышаются горы, препятствующія прохладнымъ вѣтрамъ сюда достигать. Отъ этого зданія монастыря, въ лѣтнее время, раскалятся до неимовѣрной степени, такъ что каждая келья дѣлается удушливой, сухой ба-ней.»

Въ монастырѣ есть ключъ, открытый Св. Саввою во-время всеобщей засухи. Вода въ немъ такъ холодна, что разомъ ее нельзя много выпить. Ключъ этотъ выходитъ изъ тѣсной пещеры подъ скалою, въ которую не иначе можно взойти, какъ согнувшись. Инокіи прибѣгаютъ къ этому ключу только въ случаѣ крайней надобности, потому-что доставать изъ него воду затруднительно и не всегда безопасно, и пользуются водою изъ цистернъ, устроенныхъ въ монастырѣ.

Самый входъ въ монастырь, по словамъ автора, также оберегается, какъ входъ въ какую-нибудь крѣпость, и монахъ, живущій на башнѣ, называемой Диоклетіановою, извѣщаетъ братію звонкомъ, можно ли отворить дверь гостю, или ее еще покрѣче запереть.

Отъ Мертваго-моря и монастыря Св. Саввы, т. Уманецъ по-ѣхалъ къ Іордану.

• Не без душевнаго волненія, говоритъ авторъ, увидѣлъ я эту святую рѣку, но признаюсь, волненіе мое было не такъ сильно, какъ при видѣ потока на ней того мѣста, гдѣ, по преланіямъ, совершилась тайна нашего искушенія. Къ сожалѣнію, воды рѣки не свѣтлы, не прозрачны; онѣ возмущались какъ бы отъ негодования на грѣки міра сего. Полотно воды здѣсь шириною до 14 сажень, но не вездѣ одинаково, въ одномъ мѣстѣ шире и мельче, въ другомъ уже и глубже. Тонкіе берега Иордана окаймлены зеленымъ камышемъ, который перастаетъ ростъ сажень на сто отъ моря.

Прѣвзжая по Иерихонской долигѣ, нашему путешественнику нежелалось имѣть у себя упоминаемыя въ Св. Писаніи іерихонскія розы, но ему, вмѣсто ихъ, монахи продали въ Іерусалимѣ нѣсколько травяныхъ кусточковъ, которые нисколько не отличались особенною прелестію. Монахи вырываютъ эти розы изъ земли съ корнемъ, и когда растѣвіе засохнетъ, то суживается въ шаръ, величиною въ кулакъ, но какъ только корень поставится въ воду, сухія вѣтви оживаютъ и развертываются.

Прибытіемъ въ Іерусалимъ г. Уманецъ оканчиваетъ свое интересное путешествіе. Читатели, имѣющіе у себя путешествіе по Нубіи и къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ, г. Норова, а также и сочиненія о Востокѣ г. Муравьева, не останутся въ накладѣ, если пополнятъ свою бібліотеку и путешествіемъ на Синай, г. Уманца. Изящное изданіе, прекрасные рисунки и карты, все заставляетъ желать, чтобы подобныя книги выходили почаще. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Уманецъ говоритъ:

Въ заключеніе, имѣю честь добавить, что если теперешній трудъ мой заслужитъ благосклонность публики, то, ободренный ея вниманіемъ, я постараюсь привести въ порядокъ и въ приличный видъ, остальные мои записки о Востокѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ болѣе любопытны и еще не устарѣли.

Мы, съ своей стороны, можемъ смѣло увѣрить, что публика съ удовольствіемъ приметъ и дальнѣйшія его путевыя замѣтки, если онѣ будутъ также хороши, какъ тѣ, которыя находятся въ этихъ двухъ частяхъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ:

На-дняхъ вышла въ свѣтъ весьма любопытная книга:

Краткое географическо-статистическое описаніе Калифорніи, заключающее въ себѣ разсужденія о почвѣ, климатѣ и географическомъ положеніи этой страны; ея жителяхъ, ихъ нравахъ, религіи и обычаяхъ; естественныхъ произведеніяхъ, торговлѣ и образѣ правленія включительно, съ геологическимъ обзоромъ обѣихъ Калифорній, въ особенности вновь-открытой золотонесной области, и присовокупленіемъ новѣйшихъ извѣстій о нынѣшнемъ добываніи золота европейскими и сѣверо-американскими переселенцами. Составлено, по лучшимъ и достовѣрнымъ источникамъ, Г. Блокомъ, съ подробною генеральною картою Калифорніи и девятью частными картами главнѣйшихъ бухтъ и золотонесной области этой страны. Спб. Въ Морской типографіи. 1850.

Авторъ этой книги, уже извѣстный многими сочиненіями, говоритъ въ предисловіи:

Недавно, за-океанскіе обитатели Америки открыли совершенно нечаянно сокровище, въ странѣ, до того, такъ-сказать, «Тегга incognita» большинству Европейцевъ. Кладъ этотъ—сокровище изъ сокровищъ: это жизненный нервъ хлопотливаго человѣчества, цѣль многихъ его умствованій и дѣланій, благородный и сокровенный металлъ—золото!...

И гдѣ же нашли этотъ неисчерпаемый кладъ, въ которомъ, какъ говорятъ, золото хоть лопатами огребай?... въ Калифорніи, еще недавно мексиканской провинціи, пріобрѣтенной Соединенными Штатами въ 1847 году, въ-слѣдствіе мирнаго договора съ Мексикою.

Поэтому мы рѣшаемся думать, что обстоятельное, хотя и краткое описаніе этой возрождающей страны, если можно такъ выразиться, будетъ пріятно прочесть нашей читающей публикѣ, тѣмъ болѣе, что ни въ какихъ географическихъ руководствахъ они не найдутъ достаточнаго удовлетворенія любопытству, невольно подстрекаемому газетами различными извѣстіями о вновь-открытыхъ золотыхъ приискахъ въ Калифорніи. Кромѣ того, эта страна такъ интересна своими естественными богатствами, такъ щедро надѣлена природою во всѣхъ отношеніяхъ, что мы вполне убѣждены, что благосклонные читатели не безъ интереса и удовольствія прочтутъ предлагаемое нами описаніе

При составленіи этого географическо-статистическаго описанія Калифорніи, мы пользовались преимущественно трудомъ г. Др. К. Гартманна (Bergcommissär), какъ сочиненіемъ, основаннымъ на вѣрныхъ

источникахъ, заслуживающихъ авторитетъ. Такимъ образомъ связь данныхъ, на которыхъ основанъ трудъ г. Гартманна, была извлечена изъ:

Exploration du Territoire de l'Oregon, des Californies et de la Mer Vermeille, executé pendant les Années 1840, 1841 et 1842, par Duflot de Mofras etc.—2 части, въ 4 томахъ, 8, съ атласомъ. Парижъ, 18'4.

Life in California during a Residence of Several Years in that Territory; comprising a Discription of the Country and the Missionary, Establishments, Incidents, Observations etc. By an American. To which is annexed an historical Account of the Origin, Customs, and Traditions of the Indians of Alta-California. New-York, 1846.

Этотъ трудъ былъ переведенъ однимъ Англо-Американцемъ съ испанскаго, писаннаго на испанскомъ языкѣ; авторъ его обладалъ большими свѣдѣніями о Калифорніи и ея жителяхъ.

Изъ множества путевыхъ записокъ г. Гартманнъ употребилъ въ особенности:

Trawl to the Rocky-Mountains in the Year 1842 and to Oregon and North-California in the Years 1843 and 1844. by Captain I. C. Fremont, Citizen of the United States. London, 1846.

Кромѣ труда г. Гартманна, мы употребили для составленія нашего описанія новѣйшія извѣстія изъ газетъ, въ которыхъ заключались преимущественно описанія, относявшіяся къ золотоносной области этой страны.

Итакъ, предлагая на судъ благосклонной публики составленную книжку, намъ остается просить снисхожденія, если она не окажется удовлетворительною изъ требованій.

Вотъ содержаніе этого сочиненія:

Предисловіе.

Введеніе.

ГЛАВА I. Общій взглядъ на Калифорнію, въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ.

ГЛАВА II. Нижняя Калифорнія. — Калифорнскій заливъ; его пространство, приливъ и отливъ моря; рыбы и жемчужный ловъ при гавани Ла-Пазъ, на ос. дель-Карменъ. — Берега, горы и граница между обѣими Калифорніями. — Острова, якорныя мѣста и миссиі. — Состояніе горнаго искусства. — Обитатели Калифорніи. — Западный берегъ полуострова и якорныя мѣста. — Миссиі дель-Розаріо, Санъ-Доминго, Санъ-Томасъ и Санъ-Мигуэль. — Трудности берегового путешествія въ Нижней Калифорніи; ея гавани и минеральныя богатства. — Климатологическія и геологическія замѣтки. — Произведенія произрастающаго царства. — Царство животныхъ въ Нижней Калифорніи; ловъ выдръ и тюленей.

ГЛАВА III. Верхняя Калифорнія.—Основаніе миссій, пуэбло и пресидію; ихъ состояніе и торговля, какъ и подробности о нихъ.— Политическіе виды Соединенныхъ Штатовъ на Калифорнію. Война Соединенныхъ Штатовъ противъ Мексики; вторженіе въ Калифорнію и отдѣленіе этой страны отъ Испаніи.

ГЛАВА IV. Политическая, административная и военная организація обѣихъ Калифорній.—Бѣлое народонаселеніе.—Чужестранцы.—Топографія миссій, пуэбло и пресидію въ южной части провинціи.— Округъ и гавань Санъ-Діего.

ГЛАВА V. Топографическое описаніе миссій, пуэбло и пресидію въ сѣверной части Новой Калифорніи.— Округи и гавани Монтерей и Санъ-Франциска.

ГЛАВА VI. Состояніе сельскаго хозяйства въ Калифорніи.—Скотоводство.—Строевой дѣлъ.—Торговля и мореплаваніе.

ГЛАВА VII. Колоніи въ Калифорніи.

ГЛАВА VIII. Нравы и обычаи Калифорницевъ.—Незаселенная часть Калифорніи.—Землетрясенія.

ГЛАВА IX. Открытіе золотыхъ росышей въ Верхней Калифорніи.—Донесеніе полковника Массона, командира монтерейскаго гарнизона.—Грубый способъ золотопробыванія, употребленный калифорнскими золотопробышленниками.—Богатство калифорнскихъ росышей.—Мудрая предосторожность Швейцарца Суттера.—Пространство золотоносной области.—Компаніи добытателей золота; ихъ способы и средства къ тому.—Желѣзная дорога въ Калифорнію; послѣдствія этого событія, если оно осуществится.—Краткое разсужденіе о статистикѣ золота, какъ и о физическихъ особенностяхъ этого металла.—Донесеніе полковника Фремонта объ особенностяхъ климата золотоносной области.—Геологія золотоносной области Калифорніи.—Достоинство калифорнскаго золота, и результаты химическихъ анализовъ надъ нимъ.—Вліяніе новооткрытыхъ пріисковъ на цѣнность этого металла вообще и въ коммерческомъ смыслѣ въ особенности.—Будущность Калифорніи, какъ золотой земли.—Интересныя слухи изъ Калифорніи.—Хронологическій очеркъ различныхъ извѣстій изъ Калифорніи, съ половины прошедшаго года по настоящее время.—Новѣйшія извѣстія изъ Калифорніи.—Анекдотъ.—Заключеніе.

Мы читали отрывки изъ этого сочиненія, и рекомендуемъ его читателямъ, какъ трудъ добросовѣстный и очень хорошо знакомящій съ драгоценною странюю, которая еялась и ситяся многъ.

СМѢСЬ.

АДАМСОВО ОТКРЫТИЕ ПЛАНЕТЫ НЕПТУНА. (*Извлечено изъ недавно вышедшаго англійскаго сочиненія Джемса Джереюда*). 3-го іюля 1841, Дж. Адамсъ (Mr J. C. Adams), тогда еще кандидатъ кембриджскаго университета, замѣтилъ въ своей записной книжкѣ слѣдующее: «Въ началѣ этой недѣли я предположилъ изслѣдовать, тотчасъ послѣ полученія ученой степени, неправильности движеній Урана, до-сихъ-поръ еще необъясненные, дабы узнать, нельзя ли ихъ приписать дѣйствию еще неоткрытой планеты, находящейся за Ураномъ; и если возможно, приблизительно опредѣлить элементы ея орбиты, которые, вѣроятно, поведутъ къ ея открытію».

Первое рѣшеніе этой задачи, сдѣланное Адамсомъ въ 1844 году, хотя еще неполное, достаточно было для убѣжденія въ томъ, что догадки его о причинѣ неправильностей движеній Урана были основательны. Въ 1844 году, получивъ отъ королевскаго астронома Эйра наблюденія, сдѣланныя на гринвической обсерваторіи, Адамсъ снова принялся за работу, и тогда рѣшеніе было полнѣе прежняго. Разнообразя свои изслѣдованія и получая результаты болѣе и болѣе удовлетворительные, онъ наконецъ, въ сентябрѣ 1845 года, добился строгаго рѣшенія этой никогда еще до того времени неразрѣшенной задачи, и сообщилъ его кембриджскому профессору Челлису, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ королевскому астроному. Вычисленные имъ элементы орбиты предполагаемой за Ураномъ планеты удовлетворительно объ-

ясняли главные неправильности Урана съ замѣчательной точностью.

Таково было начало пути, пройденнаго Адамсомъ. Нѣтъ ни малѣйшаго доказательства, чтобы въ октябрѣ, 1845 года, когда Адамсъ сдалъ свои бумаги въ королевскую обсерваторію, кому-нибудь другому не приходила на умъ таже задача—обратнаго рѣшенія планетныхъ возмущеній: Адамсъ тогда же имѣлъ возможность безошибочно сказать астрономамъ:—«смотрите въ данную точку безпредѣльнаго небснаго пространства, въ данное время, и вы откроете никогда невиданную планету, — причину всѣхъ неправильностей Урана!» Безъ всякаго сомнѣнія королевскій астрономъ справедливо сказалъ: «Во всей исторіи наукъ мы ничего не находимъ подобнаго».

Очевидно, что въ октябрѣ 1845 Адамсъ сдѣлалъ уже все, что только математикъ могъ сдѣлать: онъ опредѣлилъ элементы орбиты вѣншей планеты (находящейся за Ураномъ) и сообщилъ ихъ профессору Чаллису и королевскому астроному, изъ которыхъ послѣдній принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ современныхъ астрономовъ: Если бы Эйри и Челлисъ побѣдились въ 1845 г. повѣрить на практикѣ выводы г. Адамса, то, можетъ-быть, великое, удивительное открытіе Нептуна принадлежало бы Англичанину, ибо въ это время не было еще и мысли о совиѣстничествѣ. Но королевскій астрономъ не обратилъ большаго вниманія на вычисленія Адамса, и не повѣрилъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ.

Между тѣмъ прошло восемь мѣсяцевъ и Леверрье, знаменитый французскій геометръ, напечаталъ записку о томъ же предметѣ въ *Comptes Rendus* Парижской Академіи Наукъ, указавъ одинъ элементъ новой, далекой планеты, хорошо согласующійся съ тѣмъ же элементомъ, сообщеннымъ Адамсомъ королевскому астроному. Спустя еще три мѣсяца, Леверрье обнаружилъ другіе элементы, также близко подходящіе къ Адамсовымъ. Исслѣдованія англійскаго астронома остались какъ бы забытыми, тогда какъ по приглашенію г. Леверрье докторъ Галле, въ Берлинѣ, въ одинъ вечеръ нашелъ планету въ мѣстѣ, опредѣленной какъ Адамсомъ, такъ и Леверрье.

Касательно правъ Адамса и Леверрье на первенство открытія, должно замѣтить, что вскорѣ послѣ того, какъ Леверрье вышелъ на сценѣ, возникли большія пренія. Не смотря на все это 888-ры и множество написанныхъ по этому поводу статей, предметъ далеко еще не истощенъ. Я думаю, говоритъ г. Джерардъ, что открытіе принадлежитъ Англичанину, и хочу разсказать вамъ

заслуживающіе это факты съ болѣею подробностію, нежели какъ то было доселѣ сдѣлано. Справедливость требуетъ, чтобы притязанія шибшего даровитаго соотечественника были поставлены на тотъ высокій пьедесталъ, на которомъ онѣ заслуживаютъ находиться. Я прочиталъ все написанное объ этомъ предметѣ, по-крайней-мѣрѣ все, заслуживающее вниманія. Я внимательно просмотрѣлъ записки Леверрье, и охотно преклоняюсь предъ его великимъ гениемъ. Его рѣшеніе задачи занимаетъ болѣе двухъ сотъ страницъ въ осмушку, и надобно умяную голову, чтобы только прочитатъ эту книгу. Но изслѣдованія Адамса равно глубоки, и каждая ихъ строчка требуетъ искусства въ анализѣ. Весь трудъ его былъ оконченъ и находился уже въ рукахъ королевскаго астронома, за восемь мѣсяцевъ прежде, чѣмъ кто-нибудь вздумалъ заговорить о томъ же. Что Галле дѣйствительно увидѣлъ планету, не составляетъ еще открытія. Отысканіе планеты, лежащей за Ураномъ, зависѣло единственно отъ рѣшенія обратной задачи планетныхъ возмущеній, опредѣлительнаго положенія неизвѣстнаго свѣтила, а есть доказательство, что Адамсъ, одинъ, безъ всякой помощи рѣшилъ эту задачу, и вручилъ англійскимъ астрономамъ результаты своихъ изслѣдованій, ясно указывающіе положеніе невиданной еще планеты, и сдѣлалъ это, по-крайней-мѣрѣ, восемь мѣсяцевъ прежде другихъ. Послеъ этого не можетъ быть сомнѣнія на счетъ Адамсовыхъ притязаній на первенство въ этомъ удивительномъ открытіи. Пусть завидуютъ и отрицаютъ достоинство: оно не пострадаетъ отъ того.

Въ то время, когда распространили слухи, что Нептунъ не планета, или что эта планета не та, которую искали все прошедшее лѣто, Нептунъ былъ въ положеніи благоприятномъ для наблюденій и былъ наблюдаемъ всякую ясную ночь на весьма многихъ обсерваторіяхъ, двигаясь въ орбитѣ, которую Адамсъ опредѣлилъ столь многіе мѣсяцы прежде другихъ. На зло завѣстникамъ, планета оправдываетъ предсказанія Адамса, подтверждаетъ истину его удивительныхъ изслѣдованій, и даетъ ему блестящую честь открытія, однимъ усиленіемъ ума, мѣста новой планеты, отстоящей отъ насъ на многія тысячи милліоновъ верстъ. Повторимъ еще разъ слова Эйри: «во всей исторіи наукъ нѣтъ ничего подобнаго».

Когда мы размыслимъ, что не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ, размѣры Юпитера не были еще хорошо опредѣлены, то едва ли можно ожидать, чтобы размѣры Нептуна были уже точно извѣстны и, слѣдовательно, чтобы время его обращенія те-

перь же опредѣлилось окончательно. Теперь полагаютъ его диаметръ въ 528 разъ болѣе земнаго веперечника,—время обращенія около солнца въ 167 звѣздныхъ лѣтъ, среднее разстоянiе отъ центрального свѣтла въ 30 разъ больше удаленія земли отъ солнца и гораздо меньше, нежели должно было ожидать того по закону Бода. Пушечное ядро, движущееся со среднею скоростью 480 англійскихъ миль въ часъ, пролетитъ это разстоянiе въ 686 лѣтъ, а свѣтъ, пробѣгающій около 290 тысячъ верстъ въ секунду, достигаетъ отъ солнца до Нептуна слишкомъ въ 4 часа. Пробовали ли вы когда-нибудь составить себѣ идею о скорости, съ которою пробѣгаетъ свѣтъ? Кое-что приблизительное вы можете себѣ составить слѣдующимъ образомъ: Земля имѣетъ около 36,000 верстъ въ окружности; свѣтъ облетитъ землю восемь разъ въ одну секунду. Выраженiе «быстро какъ мысль» вошло въ пословицу; но попробуйте мыслiю слѣдять за свѣтомъ около земли, и вы скоро удостовѣритесь, что мысль, говоря сравнительно, ползетъ, какъ черепаха; однакожь, это покушенiе можетъ до нѣкоторой степени дать понятiе объ изумительномъ отдаленiи Нептуна*. Но возвратимся къ нашему предмету.

Открытiе Нептуна, силою ума, есть одинъ изъ величайшихъ и блистательнѣйшихъ подвиговъ нынѣшняго столѣтiя, и доказательство успѣховъ математическихъ наукъ въ наше время. Вездѣ, гдѣ только занимаются астрономiей, это необыкновенное открытiе будетъ предметомъ удивленiя. Вездѣ, гдѣ цѣвятъ науки, будутъ отдавать должное уваженiе уму, который совершилъ столь великое дѣло.

Но кто таковъ этотъ Адамъ, въ своей уединенной комнатѣ вызвавшiй къ существованiю тѣла, которыя воображенiе едва осмысливалось. подовѣрвать?

Если вы когда-нибудь проѣзжали между Лонсестономъ и Камельфордъ, въ Корнваллсѣ, въ самой срединѣ Девоншайра—то замѣтили, что дорога вела чрезъ болотистую бесплодную страну. Если вы ѣхали въ открытомъ экипажѣ, въ то время,

* Это сравненiе англійскаго астронома не совсемъ—то справедливо. Самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ удалена отъ насъ въ 7000 разъ далѣе Нептуна: это *Альфа Центавра*. Полярная звѣзда еще въ 10 разъ далѣе; а большая часть звѣздъ удалены въ сотни, тысячи и, можетъ-быть, миллионы разъ далѣе; а все-таки мысль переносится туда въ *одно мимовенiе*. Замѣтимъ еще, что свѣтъ не движется по круговымъ, а по прямымъ линiямъ и что почтенный Англчанинъ могъ бы съ тою же самою основательностию заставить нашу мысль бѣгать за свѣтомъ вокругъ булавочной головки.

Примѣч. Редакцiя.

когда рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ наносилъ мелкій дождь и снѣгъ, то вамъ конечно было не до воспоминаній; но я вамъ замѣчу, что на этихъ болотахъ обиталъ дѣятельный фермеръ, отецъ Адамса, который родился на этой болотной землѣ, въ этомъ дикомъ и холодномъ краю. Адамсъ здѣсь учился и положилъ основаніе своей теперешней извѣстности. Сперва онъ учился у г. Мартина, деревенскаго учителя, и потомъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, поступилъ въ Кембриджъ.

Тамъ всякій годъ на экзаменѣ бываетъ болѣе ста студентовъ. Большая часть молодыхъ людей поступаетъ со многими преимуществами. У нихъ хорошее предварительное образованіе; они владѣютъ всѣмъ, что могутъ имъ дать наставники въ три или четыре года пребыванія въ университетѣ. Ихъ подстрекаетъ награда или надежда отличія. Для многихъ университетская степенъ—карьеря; для всѣхъ она много значитъ, ибо на всю жизнь остается при нихъ, какъ признакъ ума и способностей. Въ 1843 году, когда около ста двадцати кандидатовъ одинъ чередъ другамъ старались отличиться, сынъ фермера изъ болотнаго уголка земли, скромный, невызыскательный, ищущій уединенія, молодой человѣкъ—21 или 22-хъ лѣтъ превзошелъ всѣхъ.

Блестательнымъ образомъ выдержавъ экзаменъ, Адамсъ, какъ я уже упомянулъ, принялся за давно задуманное вычисленіе возмущеній Урана, совершивъ которое стяжалъ себѣ высокое удивленіе знаменитѣйшихъ европейскихъ математиковъ.

Уже сказано, что сперва Адамса встрѣтили съ какими-то страннымъ пренебреженіемъ; но ему также были дѣланы и многіе лестные знаки отличія. Кромѣ того, что его сдѣлали членомъ и адъюнктомъ (assistant tutor) Коллегии, ректоръ (Master) и члены сен-джонской коллегии собрали значительную сумму денегъ и основали премію, которую, въ честь открытія Адамса, назвали «Адамсовою».—Она сохранитъ это имя потомству, по крайней мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока будетъ существовать университетъ. Ея Величество, королева, въ бытность свою въ Кембриджѣ, нарочно приказала представить себѣ Адамса, и хотѣла пожаловать его баронетомъ. Хотя англійское правительство располагаетъ очень не большою суммою на пенсіоны за литературные и ученые труды, однакожъ оно дало Адамсу пенсіонъ въ награду за его необыкновенный подвигъ на поприщѣ наукъ.

Съ англійскаго, НИКОЛАЙ КАРЕЛНЪ.

* Болѣе 1,300 фунтовъ стерлинговъ или 8,000 рублой серебромъ.

Примѣчаніе Редакціи.

Напечатавъ эту статейку, мы считаемъ долгомъ объяснить нашимъ читателямъ, что отнюдь не раздѣляемъ безусловно мнѣнія ея автора. Г. Джервудъ принадлежитъ къ почитателямъ Адамсова таланта, и готовъ унизить всѣхъ и каждаго, чтобы только выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ заслугу своего соотечественника. Національному самолюбію Англичанъ протистительно затмѣвать истину, чтобы присвоить себѣ славу блестящаго открытія Нептуна; но для насъ, постороннихъ людей въ этомъ спорѣ, истина дороже всего, и мы должны признаться, что честь открытія новой планеты одною силою ума, вполне принадлежитъ французскому гегметру Леверрье. Мы даже были вынуждены смягчать слишкомъ рѣзкіе порывы фанатическаго восторга г. Джервуда, изъ опасенія ввести нашихъ читателей въ заблужденіе.

Тѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ исторіею открытія Нептуна, и знать истину въ этомъ ученомъ дѣлѣ, совѣтуемъ прочесть не одностороннія мнѣнія британскаго писателя, а выводы безпристрастныхъ русскихъ и нѣмецкихъ астрономовъ. На русскомъ языкѣ мы можемъ рекомендовать двѣ статьи, заключающія въ себѣ подробный очеркъ открытія Нептуна. Это:

1) Опытъ общепонятнаго разсказа о томъ, какъ открыта планета Нептунъ, соч. Профессора Савича, помѣщенное въ мартвской книжкѣ Современника за 1847 годъ.

2) Исторія открытія Нептуна, во второмъ томѣ «Астрономіи для всѣхъ образованныхъ читателей», написанной г. Хотискинымъ для издавія: «Природа съ ея таинствами и богатствами». Здѣсь исторія Нептуна занимаетъ не менѣе 60 страницъ (отъ 295 до 354).

ИРЛАНДСКІЯ ФЕРМЫ.— Въ теченіе двадцати лѣтъ правительство Ирландіи, заботясь о благосостояніи этой страны, назначало нѣсколько комиссій для изслѣдованія народонаселенія, количества земли, народныхъ занятій, почвы и т. п. и, каждый разъ публиковало результаты своихъ наблюденій. Мы предлагаемъ здѣсь краткій очеркъ двухъ такихъ изслѣдованій, обнаруженныхъ въ 1848 году.

Сдѣлать вѣрныя статистическія показанія о хозяйствѣ стра-

ны не легко: правда, можно изслѣдовать свойство почвы, ея производительность, обозначить количество произведеній за одинъ годъ, для небольшого участка земли, на которомъ набросано нѣсколько дервъ; но собрать такія свѣдѣнія для цѣлей страны, вывести изъ всѣхъ наблюденій одинъ общій итогъ—это трудъ обширный и смѣлый. Въ Англии нѣсколько разъ пытались составить такія статистическія таблицы, но ни одна изъ попытокъ не оканчивалась съ такимъ блестящимъ успѣхомъ какъ въ Ирландіи, гдѣ главный надзоръ за комиссіей порученъ былъ графу Кларедону.

Монгомери-Мартенъ въ третьемъ изданіи своего сочиненія объ Ирландіи представляетъ слѣдующую синоптическую таблицу относительно нѣкоторыхъ произведеній Ирландіи:

<i>Пространство</i> (считая на англ. квад. милях).	32,422
<i>Пахатной земли</i>	21,031
<i>Жителей на квад. милю</i>	338
<i>Домовъ въ 1844 г.</i>	1.384,360
<i>Произведенія земли оцѣнены въ</i>	45.626,563 ф.ст.
<i>Итогъ годичнаго дохода земледѣльцевъ</i>	5.607,369 —
<i>Цѣна домашнихъ животныихъ</i> (домашній скотъ, птицы и т. п.)	434,740 —

Эти свѣдѣнія взяты изъ донесеній парламенту. Кромѣ того Мартенъ представляетъ намъ слѣдующую сравнительную таблицу произведеній трехъ соединенныхъ королевствъ:

	Пахатной земли и болотъ.	Пастбищъ и садовъ.	Удобренной земли.	Неудобренной земли.	Всего произ-ства.
	акресъ.	акресъ.	акросъ.	акресъ.	акресъ.
Англія и Валлея }	11.143,370	17.605,630	3.984,000	4.361,400	37.094,400.
Шотландія .	2.493,950	2.771,050	5.950,000	8.523,930	19.738,930.
Ирландія .	5.389,040	6.736,240	4.900,000	2.416,664	19.441,944.
Три королевствъ }	19.026,360	27.112,920	14.834,000	15.301,994	76.275,274.

Для сравненія составимъ навлеченія изъ оффиціальныхъ донесеній. Комиссары, которымъ въ 1841 г. поручено было изслѣдовать состояніе Ирландіи, представили нѣкоторыя свѣдѣнія насчетъ отношенія количества народонаселенія къ количеству земли; вотъ результаты ихъ трудовъ:

Ирландія до и послѣ присоединенія.

	<i>Квадратныя миль.</i>		<i>Народн. на кажды. миль.</i>	
	Пахатной земли.	Всего про- странства.	Пахатной земли.	Всего про- странства.
Лейчестеръ	6.190	7.595	247	202.
Мюнстеръ	6.054	9.453	332	212.
Ульстеръ	5.324	8.547	406	253.
Коннаугтъ	3.407	6.857	386	195.
	20.975	32.452	335	217.
	Всего.	Всего.	Сред.числ.	Сред.числ.

Эти показанія, какъ видно, немногимъ различаются отъ показаній Мартена.

Количество лѣсовъ въ Ирландіи въ 1841 г. было слѣдующее:

<i>Дубъ на пространствахъ</i>	29.536	акровъ.
<i>Ясень</i>	—	6.042 —
<i>Вязъ</i>	—	1.417 —
<i>Букъ</i>	—	3.274 —
<i>Ель и сосна</i>	—	25.239 —
<i>Прочій лѣсъ</i>	—	280.096 —

Итого лѣсъ занималъ — 345.604 акра.

Перечень домашнимъ животнымъ производился слѣдующимъ образомъ: во всей странѣ на 3 фермы полагали по двѣ лошади; на каждую ферму отъ 5-ти до 15-ти акровъ считали по 2 головы крупнаго рогатаго скота, и увеличивали число это въ пропорціи до крайняго числа 13-ти штукъ на каждую ферму, занимавшую болѣе 30-ти акровъ; на малую ферму клали по 2 оцы; но это число представляло самымъ разнообразнымъ отношеніемъ относительно большихъ фермъ. При перечнѣ свиней оказалось, что на малую ферму должно полагать по штукѣ, а на самую большую по 5-ти штукъ; птицъ считалось отъ 5-ти на малой фермѣ, до 20-ти на большой; на 10 малыхъ фермъ считалось по одному ослу и по штукѣ на каждую большую ферму.

Въ рапортѣ, представленномъ въ 1846 году комиссіей для вспоможенія жителямъ Ирландіи, все пространство земли въ Ирландіи раздѣлено было на 683,097 участковъ, занимаемыхъ наемщиками (tenants), такъ, что на каждую ферму приходилось среднимъ числомъ по 22 акра. Самые участки (tenures)

раздѣлены были на классы, соотвѣтственные ихъ пространству:

Занимающихъ	1 акръ и менѣе	124.487 фермеровъ.
— отъ 1 акра до 2-хъ	50.233	—
— — 2 акровъ — 3	35.868	—
— — 3 — — 4	45.135	—
— — 4 — — 5	52.071	—
— — 5 — — 6	36.468	—
— — 6 — — 7	40.374	—
— — 7 — — 8	35.549	—
— — 8 — — 9	40.822	—
— — 9 — — 10	34.792	—
— — 10 — — 20	186.155	—
— — 20 — — 50	130.681	—
— — 50 — — 100	42.772	—
— — 100 — — 200	15.458	—
— — 200 — — 500	5.947	—
— — 500 — — 1000	1.127	—
— — 1000 — — 2000	284	—
— — 2000 — — 3000	46	—
— — 3000 — — 4000	11	—
— — 4000 — — 5000	3	—
— выше 5000	6	—

Изъ этихъ 883.075 фермеровъ, 714.235 производили работы сами; прочіе, занимая пространство въ 1.902.547 акровъ, работали съ помощію другихъ.

Гриффитъ представилъ парламенту проектъ придуманной имъ новой системы, порученной ему оцѣнки произведеній Ирландіи. Въ актѣ за основаніе цѣны земледѣльческихъ произведеній принято было среднее число цѣнъ на эти произведенія въ теченіе нѣкотораго времени, когда онѣ продавались на главныхъ рынкахъ приморскихъ городовъ Ирландіи нѣсколько дороже обыкновеннаго. Гриффитъ зналъ напередѣ, что въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ (до 1830 г.) цѣны на произведенія были восьмою частью выше цѣнъ, означенныхъ въ актѣ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобъ опредѣлить съ достовѣрностью, какъ производительность самой земли, такъ и цѣну ея плодовъ. Онъ

поручилъ оцѣнщикамъ осмотрѣть земледѣльческія произведенія, обозначить ихъ качество, опредѣлять глубину почвы и влажность. На основаніи этихъ данныхъ, онъ составилъ предварительно общую оцѣнку, измѣняя ее потомъ по различію мѣстныхъ обстоятельствъ, и именно принимая въ соображеніе состояніе земледѣлія, наводненія, засухи, близость или отдаленность земля отъ городовъ и рынковъ и т. п. Такимъ образомъ, онъ раздѣлилъ земля Ирландіи, по ихъ качеству, на пять слѣдующихъ классовъ:

К Л А С С Ы.	Доходъ съ акра.		Доходъ сравнительно съ расходомъ.
	миллионствъ.		
Пахатная земля 1-го класса	отъ 20	до 30	четверть.
— — 2 —	— 10	— 20	шестая часть.
— — 3 —	менѣе 10		восьмая часть
Пастбища	— 20	— 30	половина.
Низменные мѣста и пастбища на горахъ	«		треть.

Это было только подготовительной оцѣнкой, соображенной съ мѣстными обстоятельствами.

Чтобъ оцѣнить производительность каждаго графства въ отдѣльности, оцѣнщики раздѣлили между собой бароніи такъ, что каждому пришлось по одной; эти бароніи подраздѣлили они на тауленды, а эти послѣдніе на участки въ 50 акровъ и болѣе. Они изслѣдовали каждый изъ участковъ въ отдѣльности, и составили оцѣнку его произведеній сравнительно съ количествомъ земли. Результаты своихъ наблюденій представили они въ Дублинѣ. Отсюда посланъ былъ опытный оцѣнщикъ, для проверки представленныхъ показаній: онъ долженъ былъ изслѣдовать на улачу одинъ изъ пяти или шести участковъ, и если изслѣдованія его согласовались съ представленными показаніями, то оцѣнка почиталась за достоверную. За тѣмъ слѣдовали разсмотрѣнія мѣстностей и особенностей изслѣдуемыхъ участковъ. Это занятіе поручено было ученымъ. Когда такимъ образомъ произведена была оцѣнка всѣхъ таулендовъ, въ графства отправлены были опытные агенты, для соображенія этихъ изслѣдованій вмѣстѣ съ главными землевладѣльцами графствъ, способными дать объ этомъ предметѣ сужденія болѣе или менѣе

основательныя. За тѣмъ оцѣнки разосланы были во графствахъ, съ тѣмъ, чтобы богатѣйшіе изъ ихъ обитателей, составивъ собраніе (vestry), утвердили или отвергли эту оцѣнку, всю, или только часть ея; еслибы при этомъ возникли споры, то главный jury обязанъ былъ составить нарочную комиссію, для изслѣдованія спорнаго дѣла. Замѣтимъ, что оцѣнка эта производима была съ такимъ безпристрастіемъ и такой акуратностію, что подобныя споры возникали весьма рѣдко.

Эта оцѣнка производима была первоначально съ тою цѣлію, чтобъ опредѣлить таксу произведеній въ различныхъ бароніяхъ; но она можетъ служить матеріаломъ для многихъ другихъ изысканій; во всякомъ случаѣ она еще не вполне окончена. Въ 1846 году положено было начать оцѣнку Дублина, Тенперери, Ветфорда, Лемерика, Корка и Керри. Изъ рапорта комиссара (1848, іюнь) видно, что она будетъ совершенно окончена въ вышшемъ 1850 году. Въ 1848 году произведена оцѣнка графства Дублинскаго; произведенія этого графства, не включая сюда Ротдауна, оцѣнены въ 510.256 фун. стерл.

Графъ Кларендонъ, лордъ-лейтенантъ Ирландіи въ 1847 году, хотѣлъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлить, какъ пространство обрабатываемой земли, такъ и качество и родъ произведеній ея въ теченіе этого года. Производство этой работы поручилъ онъ капитану Ларкому, усердно занимавшемуся въ теченіе двадцати лѣтъ изслѣдованіемъ Ирландіи въ статистическомъ и топографическомъ отношеніяхъ. Ларкомъ принялъ за масштабъ своихъ вычисленій таулендъ, т. е. пространство мѣста бароніи и болѣе обыкновенной усадьбы: ирландскій таулендъ равняется, если возьмемъ среднюю величину, тремъ четвертямъ квадратной мили. Перепись поручена была мѣстной полиціи—констеблямъ, превосходно знающимъ поверхность земли. Ихъ распредѣлили по дистриктамъ, изъ которыхъ каждый находился подъ начальствомъ офицера, снабженнаго картами, планами и т. п. Эти дистрикты могли быть, по распоряженію офицера, въ случаѣ нужды подраздѣляемы на болѣе мелкія части.

Каждый констебль получалъ по печатному листу, на которомъ онъ долженъ былъ записывать пространство тауленда, количество и качество его произведеній; эти листы потомъ отсылались въ Дублинъ, гдѣ ихъ уже приводили въ порядокъ и систему. Намъ вполне будетъ понятна вся огромность этого труда, если вспомнимъ, что для произведенія его должно было методически изслѣдовать 60.760 таулендовъ, изъ которыхъ для

каждаго назначалось по крайней мѣрѣ по 24 статьи, такъ, что всего изслѣдовано было съ возможною подробностью до 1500000 частей. Изслѣдователи, для вывода вѣрныхъ результатовъ, не выпускали изъ виду даже мелочей, такъ что Ларкомъ, описывая констебльскую комиссію, говорить: «Ничто не можетъ быть похвальнѣе необыкновенной ревности и усердія констеблей при исполненіи этой новой для нихъ должности, сопряженной часто съ неудобствами, съ необходимостью часто покидать домъ, для осмотра отдаленныхъ мѣстечекъ и островковъ. Только организація и удивительной дисциплинѣ этого корпуса обязавы мы тѣмъ, что въ состояніи были производить въ Ирландіи такое точное и вѣрное изслѣдованіе страны.»

Такъ какъ произведенія земли были оцѣняемы на мѣстѣ, то должно было прислать средство къ опредѣленію ихъ относительной цѣнности. Для этого поступили слѣдующимъ образомъ: *пшеница* раздѣлена была на 4 разряда: къ первому разряду отнесенъ сборъ выше девяти бочекъ въ 20 стонговъ съ акра; ко второму отъ 6 до 9, къ третьему отъ 5 до 6, къ четвертому ниже пяти. Также поступлено было и съ прочими произведеніями; такъ *овесъ* считался отъ 5 до 11 бочекъ въ 14 стонговъ; *рожь* отъ 7 до 11 боч. въ 20 ст.; *картофель* отъ 31 до 93 боч. въ 20 ст.; *рѣпа* отъ 12 до 21 боч. въ 160 ст.; *бобы* отъ 24 до 39 мѣръ въ 8 галлоновъ; *морковь* отъ 9 до 15 боч.; *капуста* отъ 9 до 15 боч., наконецъ *сѣно* отъ 1 до 2 бочекъ.

Изъ этихъ рапортовъ, хранящихся теперь въ Дублинѣ, видно, съ какой заботливостью вникала комиссію во всѣ мелочи, касающіяся ея предмета; при обнаруженіи эти мелочи были опущены. Такъ въ отчетахъ о жатвахъ, напечатанныхъ въ 1848 году, упоминается о количествахъ ихъ лишь въ провинціяхъ, графствахъ и електоральныхъ округахъ; означеніе ихъ количества въ каждой бароніи и каждомъ таулендѣ опущено.

Представимъ самые общіе результаты этихъ наблюденій:

ПРОСТРАНСТВО РАЗРАБОТЫВАЕМОЙ ЗЕМЛИ ВЪ 1847 ГОДУ.

Провинция.	Акровъ		Акровъ		Акровъ		Акровъ		Акровъ		Пространство въ Ирландіи.	
	пшеницы.	овса.	перлов. ячмн.	ржи.	бобовъ.	картофель.	рубы.	луговъ.	лѣна.	проч. пропаш.		
Лейчестеръ	277.247	564.711	98.555	23.899	3.411	7.860	68.141	109.857	451.339	1.644	27.733	1.634.297
Мюнстеръ	317.567	384.159	106.116	11.315	2.066	1.779	99.372	114.833	315.848	1.186	16.669	1.370.900
Ульстеръ	88.206	957.307	41.718	11.049	4.436	13.795	87.186	107.261	263.149	53.701	22.154	1.649.962
Коннаугтъ	60.951	294.693	37.198	2.805	2.482	334	29.417	38.393	108.610	1.811	6.722	583.416
	743.871	2.200.870	283.887	49.068	12.415	23.768	284.116	370.344	1.138.946	58.312	73.278	5.238.575

* Всего.

Изъ этого видно, что въ 1847 году почти цѣлая $\frac{1}{4}$ Ирландіи была подъ посѣвомъ, $\frac{1}{10}$ подъ хлѣбомъ и $\frac{1}{10}$ подъ пастбищами.

КОЛИЧЕСТВО ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ 1847 ГОДУ.

Провинция.	Четверт.		Четверт.		Четверт.		Четверт.		Тонновъ		Тонновъ		Лѣна	
	пшеницы.	овса.	перл. кр.	ячмн.	ржи.	бобовъ.	картоф.	рубы.	лѣна.	лѣна.	квнн.	проч. пропаш.	лѣна.	проч. пропаш.
Лейчестеръ	1.139.458	3.069.076	495.091	136.956	18.512	28.333	502.499	1.660.890	862.482	9.864	393.034	862.482	9.864	
Мюнстеръ	1.198.259	2.011.280	500.074	61.000	9.564	6.139	680.959	1.772.859	632.125	6.936	224.182	632.125	6.936	
Ульстеръ	357.736	4.945.092	194.422	60.414	22.526	48.853	642.641	1.768.973	489.734	392.206	273.678	489.734	392.206	
Коннаугтъ	231.289	1.496.158	189.442	15.646	12.493	1.131	220.096	557.894	205.973	19.766	88.442	205.973	19.766	
	2.926.783	11.521.606	1.379.029	274.016	63.094	84.456	2.046.616	5.760.616	2.190.217	349.872	976.333	2.190.217	349.872	

Изъ этихъ таблицъ видно, что овса рѣдѣется въ Ирландіи болѣе, нежели вдвое, противъ всѣхъ другихъ земледѣльческихъ произведеній, взятыхъ вмѣстѣ; что рѣпы, благодаря впрочемъ особеннымъ обстоятельствамъ, уродилось втрое противъ картофеля, и что, наконецъ, овесъ, рѣпа и ленъ были въ особенномъ изобиліи въ Ульстерѣ. Если сравнимъ эти показанія съ народонаселеніемъ 1841 года (8,175,124 души), то найдемъ, что въ этотъ годъ хлѣбныхъ зеренъ на каждую душу приходилось среднимъ числомъ по 698 ливровъ (316 квл.); именно въ самыхъ плодоносныхъ мѣстахъ по 1,540 ливровъ и 135 ливровъ въ мѣстахъ скудныхъ. Производя такой же расчетъ по провинціямъ, мы найдемъ, что въ Лейчестерѣ на душу приходилось по 895 ливр., въ Ульстерѣ по 775, въ Мюнстерѣ—595 и въ Коннаугтѣ по 469 ливровъ. На каждого человека приходится круглымъ числомъ по 561 ливру картофеля, т. е. по $1\frac{1}{4}$ ливра въ сутки, кромѣ двухъ ливровъ прочихъ растительныхъ произведеній.

Вторая часть этого рапорта, касающаяся домашняго скота, обнародована была въ 1848 году.

Въ 1847 году на 803.025 арендахъ находилось слѣдующее количество его:

Провинци.	Лошад. и му- ловъ.	Ослось.	Крупна- го рогат. скота.	Овецъ.	Свиней.	Козъ.	Домаш- нихъ птиць.
Лейчестеръ	175.698	34.598	669.320	743.823	205.040	42.492	1.674.039.
Мюнстеръ	160.305	32.289	729.869	608.124	261.243	60.999	1.684.775.
Ульстеръ	155.797	22.239	834.874	238.493	111.733	40.891	1.567.587.
Коннаугтъ	66.317	37.229	357.402	595.737	44.473	19.661	764.654.
	557.917	126.355	2.591.415	2.186.177	622.459	164.043	5.691.055.

Изъ прилагаемой таблицы видно, что количество крупнаго рогатаго скота вдвое болѣе количества народонаселенія; дажѣ, что въ Ирландіи крупный рогатый скотъ превосходитъ въ количествѣ овецъ; что Ульстеръ, страна самая богатая крупнымъ рогатымъ скотомъ, есть въ то же время самая бѣдная овцами, и что, наконецъ, количество лошадей и муловъ почти равно количеству свиней.

Сравнивая эти показанія съ показаніями комиссаровъ за 1841 годъ, мы замѣчаемъ, что съ этого времени количество крупнаго рогатаго скота, овецъ и ослось увеличилось, а количество лошадей, свиней и домашнихъ птицъ навротивъ того

уменьшаются. Это явное должно, кажется, приписать событиямъ 1846 года.

Эти рапорты могутъ служить превосходнымъ основаніемъ для полезныхъ изслѣдованій.

Домашній скотъ и птицы.	Лондонъ.	Ослоуъ.	Крупн. рог. скота въ бѣ.	Овецъ въ 1 ф. 2 шилл.	Свиной въ 1 ф. 2 шилл.	Прочіе въ б. д.	Въ годъ Ирландія.
	Число.	Число.	Число.	Число.	Число.	Число.	Число.
Лондонъ	179.002	167.209	160.172	69.732	576.115.		
Ослоуъ	24.648	24.780	13.481	29.486	92.365.		
Крупн. рог. скота въ бѣ.	496.997	535.596	525.886	298.877	1.868.116.		
Овецъ	652.504	689.970	213.912	534.503	9.106.189.		
Свиной	386.754	546.077	303.126	176.856	1.412.813.		
Прочіе	2.249.835	2.884.592	1.915.382	5.408.719	8.458.517.		
	Цѣна.	Цѣна.	Цѣна.	Цѣна.	Цѣна.		
Лондонъ:							
въ 8 ф. ст.	1.482.016 ф. с.	1.327.672 ф. с.	1.281.376 ф. с.	557.856 ф. с.	4.668.902 ф. с.		
Ослоуъ въ 1 ф. ст.	24.648	24.780	13.451	29.486	92.365.		
Крупн. рог. скота въ бѣ.							
10 шилл.	3.230.026	3.430.919	3.461.809	1.937.496	12.410.280.		
Овецъ въ 1 ф. 2 шилл.	725.445	768.867	234.531	587.958	2.316.806.		
Свиной въ 1 ф. 2 шилл.	483.439	662.596	378.966	221.071	1.766.012.		
Прочіе въ б. д.	56.943	72.113	47.883	35.216	211.455.		
Общ. цѣна	5.931.827 ф. с.	6.366.947 ф. с.	5.417.956 ф. с.	3.369.078 ф. с.	20.105.808 ф. с.		

Къ Бѣвому Нью-Йорскому порту прибыло въ теченіе 1-го семестра 1849 года:

Англичанъ	13.593	
Жителемъ Галліея	968	
Шотландцевъ	4.426	82.388.
Ирландцевъ	63.401	
Нѣмцевъ		26.451.
Голландцевъ		1.012.
Французовъ		841.
Швейцарцевъ		739.
Прочіихъ народовъ		1.581.

Всего . . . 113.015.

ЛОНДОНСКИЙ ПОЧТАМТЪ. Въ Англіи почта существовала еще до царствованія Карла I. Но она походила болѣе на военную службу и не имѣла никакого основательнаго положенія. Важнымъ давались по пути казенные конварты, письма и посылки для отправленія, безъ опредѣленной платы, что однакоже исполнялось съ большою точностію. Поверстная плата парламентомъ установлена была въ 1548 году, а первый государственный почтмейстеръ назначенъ былъ въ 1584 году, а для наблюденія за иностранной корреспонденціею парламентъ за нужное почелъ, въ 1631 году, опредѣлять директора.

Въ 1638 году Парламентомъ водворена была правильная пересылка писемъ, собственно только для Англіи и Шотландіи съ платою, по исчисленію разстояній. По окончаніи внутренней войны, изложены были Эдмундомъ Придоксомъ первыя почтовые правила, приблизительныя къ настоящимъ почтовымъ законамъ. Придоксъ утвердилъ еженедѣльное отправленіе почты и представилъ залогъ за получаемыя 7000 ф. ст. отъ правительства на почтовые издержки. Выгоды отъ этого учрежденія показались жителямъ Лондона столь значительными, что они захотѣли сами управлять имъ, но нижняя судебная расправа, возставъ противъ этого, объявила, что почты принадлежать парламенту.

Въ 1607 году, Кромвель улучшилъ положеніе, дарованное Парламентомъ почтовому вѣдомству и остававшееся безъ всякой перемены до царствованія Королевы Анны. По-возстановленіи, въ 1660 году, королевской власти данъ былъ почтовому вѣдомству, подробный статутъ, которымъ дозволено было, лицамъ, служащимъ въ нижней судебной дистанціи, безденежное отправленіе корреспонденцій, что однакожъ отиѣнено было Георгіемъ III.

Въ 1664 году отдаво было почтовое вѣдомство на откупъ Джону Майлу за 10,000 ф. ст., а въ 1665 году герцогу іоркскому уже за 21,500 ф. ст. Въ послѣдствіи такимъ же порядкомъ, не взирая на войну, исчисляемы были доходы въ восьми-лѣтней сложности до 67,200 ф. ст., а потомъ по водвореніи мира, четырехъ-лѣтнюю сложность разсчитывали на 82,319 ф. ст. Въ 1710 году, по соединеніи Шотландіи съ Великобританіею, учрежденъ былъ главный почтамтъ; которому и предоставлено было сообщеніе съ Ирландіею, Восточною-Индіею и Американскими Штатами. Распространеніе почтоваго вѣдомства имѣло ту пользу, что доходы ежегодно увеличались до 111,464 ф. ст. Хотя отправленіе почтъ происходило только три раза въ не-

дѣлю, а внутренняя корреспонденція была столь незначительна, что однажды въ Эдинбургъ послано было только одно письмо къ банкиру Рамзюю. Переписка съ Индією и Америкою одна значительно поддерживала приходъ.

Въ 1784 году послѣдовала въ отправленіи почтъ важная перемена; до того времени они отправлялись на лодкахъ и съ верховыми почтальонами, но Джонъ Пилмеръ представилъ правительству проектъ учрежденія почтовыхъ каретъ, которыя существуютъ и донинѣ. Отправленіе ихъ ежедневно назначено было изъ Лондона въ 8 часовъ вечера, и онѣ съ такою точностію проѣзжали определенное пространство, 8 англійскихъ миль въ часъ, что прибытіе ихъ на каждой станціи можно было рассчитать изъ минуты въ минуту. Правительство приняло проектъ; учредитель награжденъ былъ значительною денежною суммою и сдѣланъ главнымъ контролеромъ почтоваго вѣдомства. Кареты устроены были такимъ образомъ, что внутри помѣщались 4, назадъ 2, и спереди 2 пассажира. — Заведеніе это имѣло свое начало въ 1785 году въ Бристолѣ. Отъ этого новаго способа отправленія почтовой гонимы прибыло лоходу въ первомъ году 10,000 ф. ст., во второмъ году 146,000 ф. ст., потомъ 170,000 ф. ст. Нынѣ этотъ доходъ простирается до 2,400,000 ф. ст. Изъ этой суммы за всѣми расходами остается въ прибыли 1,500,000 фунт. стерл.

Строеніе, въ которомъ помѣщается лондонскій почтамтъ, великолѣпнѣйшее зданіе въ Европѣ; оно начато было въ 1824 году и приведено къ совершенному окончанію въ 1828 году. Хотя оно построено изъ простаго кирпича, но прекрасной архитектуры, съ великолѣпнѣйшими украшеніями, и на высокомъ гранитномъ фундаментѣ. Въ этомъ зданіи помѣщаются всѣ экспедиціи, сортировка газетъ, гостиница для пріѣзжающихъ и наконецъ, всѣ служащіе по почтовому вѣдомству, начиная отъ главнаго начальника до послѣдняго ѣздоваго. Внутри находится всегда въ готовности необходимое количество лошадей и экипажей. Весь почтамтъ освѣщается ежедневно 1000 газовыми лампами. Особеннаго удивленія достойны машины: первая доставляетъ во всѣ этажи дома и во всѣ комнаты, для топки, каменный уголь; вторая доставляетъ изъ Темзы воду, и въ случаѣ пожара облиываетъ все строеніе водою каждыя двѣ секунды.

Въ 1829 году, одному путешественнику удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія: въ сутки приходятъ въ лондонскій почтамтъ 24 чемодана обыкновенно съ 28,466 письмами, въ педѣлю иногда получаютъ 28,466, а въ мѣсяць 8,888,708 писемъ.

На посылкахъ и тюкахъ податели обыкновенно подписываютъ, кромѣ адреса, фамилію свою, съ означеніемъ жительства и цѣну посылки, а мануфактуристы обязаны въ особое при почтамтѣ отдѣленіе представить пробы отсылаемыхъ вздѣліямъ.

Въ 1784 году одно частное лицо учредило въ Лондонѣ проселочную почту на собственное иждивеніе. Послѣ десятилѣтней привилегіи, правительство присоединило заведеніе это къ главному почтамту. Изъ этого видно, съ какой ничтожной точки лондонскій почтамтъ началъ свое существованіе и до какого цвѣтущаго положенія онъ постепенно дошелъ въ настоящее время.

ПОХОДНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АФРИКѢ.

(Записки французскаго офицера.)

I.

Франція легко завоевала Алжирію, но до-сихъ-поръ еще не покоряла ее. Религіозный фанатизмъ Арабовъ, любовь къ кочующей независимости, совершенная противоположность нравовъ между побѣдителями и побѣжденными,—все сдѣлало борьбу упорною, сопротивленіе отчаяннымъ, вражду непримиримою. Между-тѣмъ, въ нравахъ и образѣ жизни этихъ арабскихъ племенъ столько оригинальнаго и любопытнаго, что мы рѣшились представить нашимъ читателямъ нѣкоторые отрывки изъ записокъ французскаго офицера, участвовавшаго во всѣхъ тамошнихъ экспедиціяхъ, бывшихъ съ 1845 года.

Десять лѣтъ покоряли мы Алжирію тяжелыми колоннами и пушками большаго калибра,—наконецъ догадались, что система наша дурна и не ведетъ къ цѣли. Маршалъ Бюжо первый принялся за смѣлую систему легкихъ, подвижныхъ колоннъ, за отдѣленіе всей Алжиріи кордономъ войскъ, — и съ-тѣхъ-поръ Арабы почувствовали, что рано-ли, поздно-ли—имъ надобно будетъ покориться.

Наступала осень 1845 года. Замѣтно было нѣкоторое волненіе

между Флиттасами. По нѣкоторымъ донесеніямъ, шерифъ Бу-Мава начиналъ возмущать жителей; но всѣ увѣрены были, что присутствіе войскъ тотчасъ же приведетъ все въ порядокъ. Генералъ Буржоли отправленъ былъ съ отрядомъ въ 1,200 человекъ пѣхоты и 140 конныхъ, съ двумя горными орудіями—въ область Флиттасовъ. 19 сентября были мы уже у подошвы горы—и приготовились къ битвамъ. Пѣхота двинулась впередъ, разсыпавъ стрѣлковъ, а мы на рысяхъ понеслись на высоты Дар-Бен-Абдаллаха. Тутъ открылось намъ великолѣпное зрѣлище.

Колонна нашей пѣхоты шла твердо и спокойно посреди окружающихъ ее конныхъ арабовъ, которые старались изъ-за кустовъ стрѣлять по отдѣльнымъ людямъ. Мы присоединившись къ ней, сдѣлали блистательную атаку, и расколочили натискъ непріятеля,—такъ что могли расположиться на бивакахъ на берегахъ Менасфы. Прежде всего озаботились о раненыхъ; прочіе предались безпечному отдыху и веселымъ разговорамъ.

Наше положеніе было однакоже довольно сомнительно. Мы были снабжены съѣстными припасами только на нѣсколько дней, вовсе не воображая, что встрѣтимъ возстаніе всего народоселенія. По безчисленнымъ огнямъ непріятелей видѣли мы, что насъ обманули и что только мужество и твердость могутъ спасти насъ. Рѣшено было, что мы отступимъ, и пойдѣмъ въ Бель-Ассельскій лагерь за припасами. Но какъ небольшой колоннѣ въ баталіонъ пѣхоты и 50 лошадей дано было приказаніе присоединиться къ намъ по дорогѣ черезъ Гербуссу, то половина всего отряда и осталась въ лагерь; а другая отправилась навстрѣчу къ ожидаемой колоннѣ.

Мы стояли въ 500 шагахъ отъ Менасфы, на продолговатомъ возвышеніи. Вокругъ насъ не было ни куста, ни дерева. Даже трава сгорѣла отъ лѣтняго солнца. Только у самого берега росли лаврово-розовые деревья и составляли издали какъ бы живѣйшую мостъ. Оставшись одни съ небольшимъ отрядомъ, мы прислушивались къ шуму, который слышенъ былъ въ непріятельскомъ станѣ. Онъ безпрестанно усиливался, и похожъ былъ на ревъ морскихъ волнъ въ часъ бури.—Уже слышны были звуки там-тама,—и мы готовились къ битвѣ, какъ вдругъ на высотахъ показали наши войска. Они встрѣтили отдѣльную колонну—и всѣ вмѣстѣ воротились къ намъ.

* Флиттасы составляютъ сильное племя на югъ отъ Мостагенама. Они подраздѣляются на разныя вѣтви. Шерифы, по фанатизму своему, наиболѣе жестоко вліяли надъ прочими.

Какъ обрадовались мы этому приращенію силъ въ такую критическую минуту. Весело провели мы въ виду непріятеля цѣлый день. Но рѣшено было съ разсвѣтомъ отступать. Два молодые араба взялись доставить въ Мостагенемъ депешу генерала, съ доносеніемъ обо всемъ. Это была едва замѣтная записка въ складкахъ толстаго каяка. Старый ага Джелуль далъ имъ надлежащія наставленія. Они склонились передъ нимъ на колѣни и съ благородною скромностію сказали: «Отецъ! Это наше первое предпріятіе, мы жертвуемъ жизнью. Благослови насъ. Это поможетъ намъ и подкрѣпитъ насъ.»

По утру на разсвѣтѣ мы уже выступили, — и при первомъ нашемъ движеніи непріятельскія пули привѣтствовали насъ. По мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, число арабовъ увеличивалось, — такъ что едва вступили мы въ лѣсъ, какъ 6000 кабилонъ и 1,500 всадниковъ окружили насъ. Двѣ сильныя атаки обезоховали ихъ сначала, — но вскорѣ наваденія ихъ сдѣлались живѣе. Передъ нами была возвышенность, поросшая лѣсомъ съ трехъ сторонъ; потомъ дорога спускалась въ лѣсистый оврагъ, а за нимъ находилось опять возвышеніе. Уже большая часть войска прошла оврагъ и собиралась на высоту, вдругъ на аррьергардъ нашъ сдѣлано было отчаянное наваденіе. Мы первые бросились на встрѣчу; пѣхота послѣдовала за нами,

Какое ужасное зрѣлище представилось намъ! Рота Орлеанскихъ егерей отбивалась въ оврагъ отъ тысячъ пѣстунныхъ непріятелей. Силою стѣною, оставались они хладнокровны при дикихъ крикахъ враговъ. Наша атака освободила ихъ на время до прибытія пѣхоты. Полковникъ нашъ былъ раненъ — и скончался на нашихъ рукахъ. Трупъ его понесли на носилкахъ, чтобъ не предать на оскорбленіе врагамъ.

Много потеряли и арабы. Наши солдаты производили чудеса. Одинъ стрѣлокъ при насъ убилъ четверыхъ. Спрятавшись за кустъ, онъ караулил подирающихся кабилонъ. Одинъ просмользнулъ черезъ кустарники и уже цѣплялся въ кого-то изъ аррьергарда, вдругъ раздался выстрѣлъ, — и онъ палъ. Подкрался другой, чтобъ унести тѣло по обычаю арабовъ: новый выстрѣлъ повергъ и этого, — и такимъ же образомъ еще двоихъ. Совершивъ свой подвигъ, стрѣлокъ присоединился къ колоннѣ.

Къ вечеру дошли мы до Тулзы, откуда трѣ дни тому назадъ выступили въ такомъ веселомъ духѣ. Всякой нашелъ прежнее мѣсто своего бивака; но многихъ уже не было. Палатку полковника поставили на прежнемъ мѣстѣ — и внесли туда тѣло, ко-

второе набальзамировали душистыми травами, собранными по берегу ручья.

На другой день былъ растахъ,—и арабы только издали перестрѣливались съ нами. Нѣсколько рикшетныхъ выстрѣловъ бранскугелями заставили ихъ отступить далѣе; одни всадники преслѣдовали насъ. Мародеры наши зажгли съ вечера оставшуюся на бивакахъ солому—и изсохшая отъ четырехъ-мѣсячныхъ жаровъ трава вся вспыхнула въ окрестности.

На другой день узнали мы, что возстаніе Флиттасовъ было не отдѣльное, а что всѣ племена отъ западной границы до Кераша поднялись поголовно. Почти всѣ союзники наши передались непріятелю.

Сильныя подкрѣпленія присоединились къ намъ. У насъ уже были полные два эскадрона кавалеріи,—и полковникъ Тартасъ отправленъ былъ съ нами, чтобъ наблюдать за Бу-Маза. Мы смѣло двинулись впередъ,—какъ вдругъ въ полу-мили отъ сѣвннн Шелифа и Мины встрѣтили отступающаго Спид-Эль-Ариби, оставшагося намъ вѣрнымъ. Увидя насъ, онъ тотчасъ же привкнулъ къ намъ и пошелъ опять впередъ, желая сразиться съ непріателемъ. Онъ не долго ждалъ этого.

Едва вѣхали мы на высоту, какъ передъ нами открылись безчисленныя толпы враговъ, покрывающія всю равнину и ожидающія насъ съ неустрашимостію. Они стояли въ видѣ полумѣсяца, котораго рога какъ бы готовились насъ обхватить. Отступать намъ нельзя было: мы бы всѣ погибли; одно отчаяніе могла спасти насъ. Наши два эскадрона и нѣсколько вѣрныхъ Арабовъ смѣло двинулись впередъ, шагомъ и не обнажая сабель. Потомъ полковникъ скомандовалъ рысью,—и непріятель съ изумленіемъ смотрѣлъ на приближающуюся горсть Французовъ. На разстояніи ружейнаго выстрѣла, полковникъ скомандовалъ: сабли нагодъ,—и двѣсти пятьдесятъ сабель блеснули какъ молнія. Еще сто шаговъ,—и вдругъ скомандовано было: *марш-марш!* Какъ дружная стѣна понеслись мы вихремъ впередъ. Непрїятеля, вида этотъ несущійся ураганъ, зашумѣли какъ волны въ морѣ, столпились тѣснѣе, колебались нѣсколько мгновеній—и вдругъ разсыпались во всѣ стороны.

Черезъ четверть часа мы остановились. Сто непріятелей лежало на пескѣ, а вѣрные Арабы забирали что могли, во-время преслѣдованія. У насъ не было ни одного раненаго, — и отчаянный этотъ ударъ спасъ насъ, — тогда какъ малѣйшая нерѣшимость погубила бы насъ. Это была первая наша побѣда.

Съ наступленіемъ ночи пустились мы въ обратный путь къ

Бэль-Асселю,—и въ десять часовъ ночи уже были тамъ. Этотъ блестящій успѣхъ охладилъ на минуту жаръ возмущенія. Наша военная позиція была хороша,—и мы рѣшились ожидать колонны изъ Орлеанвиля, чтобъ снова двинуться къ Флятта-самъ.

Тутъ иногда являлись къ намъ арабскіе наѣздинки—и съ ними происходили гомерическіе поединки. Это было тоже, что ученье стрѣльбы въ цѣль. Болѣе же всего занимались мы тутъ отысканіемъ зерновыхъ припасовъ, которые Арабы всегда закапываютъ въ землѣ. Наши солдаты приобрѣли въ этомъ дѣлѣ такой навыкъ, что почти ни одинъ такой кладъ не укрывался отъ ихъ поисковъ.

Наконецъ прибыла къ намъ и ожидаемая колонна. вмѣстѣ съ прекрасною пѣхотою, привела она еще два эскадрона конныхъ егерей и эскадронъ спаговъ. Теперь силы наши были достаточны, и мы могли расплатиться съ Фляттами. Мы опять двинулись впередъ, и расположились на бивакахъ у Тулзы. Запасшись здѣсь соломою, пошли мы впередъ, и заняли превосходную военную позицію при Дар-бев-Абдаллахъ. Но непріятелей нигдѣ не было видно. Они скрылись въ лѣса—и надобно было начинать противу нихъ наѣздническую войну, отбирая стада и хлѣбъ. Только этимъ средствомъ можно дѣйствительно принудить Араба къ покорству.

Однажды, когда мы отыскивали и то и другое, проникли мы въ ужасный оврагъ, не болѣе двухъ футовъ шириною. Посрединѣ этого оврага была какая-то подземная пещера, прорытая весенними потоками, но теперь совершенно сухая. Лазутчики дошли намъ, что тутъ скрываются Арабы, съ женами, дѣтьми и стадами. Надобно было доискаться. Посланы были полкомъ нѣсколько солдатъ по разнымъ углубленіямъ, вдругъ два выстрѣла обнаружили намъ убѣжище непріятелей. Послали имъ переговорщика, и требовали сдачи. Они отказались. Надобно было принудить силою, но не оружіемъ, потому-что они изъ пещеры могли цѣлить вѣрно и удобно. Мы вздумали выжить ихъ дымомъ. Связали два фашинника, зажгли и бросивъ туда ихъ, вступили вновь въ переговоры. Последовалъ опять отказъ. Тогда бросили туда такое множество пылающихъ фашинъ, что несчастные принуждены были сдаться. Люди, дѣти, жены, бараны и козы полезли изъ пещеры, и требовали аманъ.

Эти набѣги занимали насъ до наступленія зимы. Возстаніе вспыхнуло въ сторонѣ Орлеанвиля, — но маршалъ Бюжо былъ тамъ. Часть нашей кавалеріи перешла въ область Кераншей.

Осень дѣлалась болѣе и болѣе холодною на высотахъ, лежащихъ въ 600 футахъ отъ морскаго уровня. Начиналась зима — и тяжелое время для насъ, — воспоминаніе о которомъ всегда такъ пріятно для солдата.

Маршалъ двинулся къ востоку Риу, — и мы сдѣлали чрезвычайно трудный ночной переходъ, осыпаемые самою мелкою взморозью. Къ утру снѣжилась она проливнымъ африканскимъ дождемъ, — и мы принуждены были разбить палатки. Шестъ дней лилъ онъ не устая; шесть сутокъ стучалъ въ наши палатки, — и если кто осмѣливался сдѣлать шагъ изъ нихъ, тонулъ въ грязи по колѣно. — Всѣхъ болѣе страдали лошади, орошаемые этимъ ливнемъ и подставляя холодному вѣтру свой задъ. Впрочемъ у насъ уже оказывался недостатокъ въ припасахъ. Водки уже не было; оставался одинъ кофе.

Вдругъ мы узнали, что неутомимый нашъ непріятель Абд-эль-Кадеръ находится въ землѣ Флиттасовъ. А какъ въ это же время барометръ сталъ подниматься, — то за полчаса до разсвѣта мы и выступили. Дѣйствительно, черезъ два часа дождь пересталъ наконецъ, и западный вѣтеръ очистилъ горизонтъ. Но утомленные наши лошади съ трудомъ подвигались впередъ, увязая въ грязи и теряя подковы, — и когда мы прибыли къ Темдѣ, то имѣли удовольствіе только видѣть, какъ Абд-эль-Кадеръ спокойно спускался уже съ горъ, на которыя намъ надобно было взбираться.

Мы не въ состояніи были преслѣдовать его; отдохнули съ часъ, и отправились къ Уед-Тегигесу.

24 декабря послалъ маршалъ небольшую легкую колонну въ 600 человекъ пѣхоты и полу-эскадронъ конницы нашей къ Тіарету для отысканія фуража. Но когда мы прибыли туда, то найдя все нужное для лошадей, ничего не нашли для себя.

Черезъ два дни, выступя изъ Тіарета, пошли мы по слѣдамъ Абд-эль-Кадера. Но тутъ начались опять самыя холодныя дожди, — такъ что въ день новаго (1846) года, у насъ рѣшительно не было ничего, — а 2-го января поднялась такая небывалая и ужасная буря, — что въ Сетифѣ погибло въ этотъ день полъ свѣгомъ четыреста человекъ. По неволѣ воротились мы въ Тіаретъ — и только шесть человекъ отморозили себѣ ноги.

Къ февралю присоединились мы къ корпусу маршала, — и тутъ отдохнули и поправились. Съ нимъ вмѣстѣ двинулись мы къ Медез; но едва успѣли вступить туда и протанцовать послѣднюю ночь карнавала, какъ на развѣтъ должны были вдругъ выступить къ Журжурѣ. Абд-эль-Кадеръ не давалъ намъ покоя, но

и мы ему платили тѣмъ же, такъ что эта удивительная дѣятельность маршала заставила снова всѣ племена Арабовъ просить его о помилованіи. Тотъ-то этого онъ и желалъ. Цѣлый годъ трудовъ и бивачной жизни доставили намъ наконецъ желанный миръ, — и когда мы пришли обратно въ Алжиръ, то только тутъ узнали о всѣхъ прекрасныхъ движеніяхъ и неутомимыхъ подвигахъ маршала. Вся слава принадлежала ему.

II.

Если вы къ Алжиру подъѣзжаете съ моря, то вамъ представится спокойный и беззаботный городъ, уснувшій у подножія холма; но когда вы войдете въ него, то увидите, что это вполне европейскій городъ со всею его дѣятельностію. Мусульманскій Алжиръ ежедневно болѣе и болѣе исчезаетъ, превращаясь во французскій портъ; гдѣ съ Европейцами смѣшаны Бискрисы, Арабы, Турки, Негры. — Все это народонаселеніе живетъ здѣсь теперь дружно не заботясь о разности цвѣта, одежды, языковъ и вѣроисповѣданій. Но при первыхъ шагахъ вашихъ въ провинцію, вы увидите, что вы въ чужой землѣ, между враждебными племенами, которымъ никогда не будетъ правиться владычество Европейцевъ, которые покорствуютъ только силѣ — и кромѣ ео другого закона не знаютъ.

Военное народонаселеніе Французовъ весьма немногочисленно въ Алжирѣ. Оно все разсѣяно по пространству завоеванной области, которая только тамъ и обитуется, гдѣ есть достаточное число войскъ. По счастью для Французовъ, всѣ эти полу-кочующія племена Арабовъ въ безиреставныхъ между собою ссорахъ, начавшихся съ древнихъ временъ и передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. — Всего сильнѣе для Араба преданіе. Это его всегдшній законъ и руководитель. Когда мы, напримеръ, были въ Миліанѣ, то тамошнія племена все твердили съ вѣспѣвающимъ уваженіемъ объ Уледъ-Бен-Юсуфъ и Эмбаркѣ. Рассказы о нихъ прекрасно характеризуютъ странное вліяніе преданія на этихъ людей. Что же касается до исторіи Омара, то это очень любопытный эпизодъ турецкой политики и переворотовъ, которымъ подвергались тѣ, которые до 1830 года владѣли здѣшнею странюю.

Четыреста лѣтъ тому назадъ, Си-Могамед-Бен-Юсефъ поселился въ Миліанѣ, и прославился своею мудростію. Всѣ прихо-

длин просить его совѣтовъ и молитвъ. Онъ давалъ наставленія въ стихахъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

«Прими подарокъ отъ богача, который бывалъ голоденъ, но некогда отъ выскочки».

«Кто твой отецъ? спрашивали у осла. Конь—мой дядя! отвѣчалъ онъ».

«Молчаніе — золото; многорѣчивость — серебро».

«Въ ѣдѣ слѣдуй своему вкусу, по въ одеждѣ слѣдуй общему вкусу».

По смерти воздвигли повту памятникъ, и потомки его пользуются въ Миліанѣ всеобщимъ уваженіемъ. Они въ немъ властители, и кланяются только Си-Эмбарекамъ, Кошахскимъ Марабутамъ, происходящимъ отъ Гашемскаго племени.

Надъ Си-Эмбареками носится также религіозное преданіе. Въ 1580 году нѣкто Си-Эмбарекъ отдѣлился отъ своего племени (Гашемовъ) и поселился въ Миліанѣ. А какъ онъ былъ бѣденъ, то и отпустилъ двохъ своихъ служителей и отправился въ Колеагъ, гдѣ нанялся *рамесомъ* (земледѣльческимъ арендаторомъ). Но вмѣсто того, чтобъ работать, Си-Эмбарекъ все спалъ, — а въ это время пара воловъ, вѣрренныхъ ему работала сама, такъ что каждый день работа его шла усѣвшиѣ. Довесавъ объ этомъ Исмаилу, который, чтобъ удостовѣриться, спрятался однажды, и увидѣлъ самъ своими глазами истину разсказовъ. Онъ бросился къ ногамъ Эмбарека, и сказалъ ему: «Ты избранникъ Божій, отнынѣ я твой рабъ, а ты мой властелинъ».

Слухъ о святости его распространился повсюду; онъ разбогатѣлъ и пріобрѣлъ величайшее вліяніе. — Всѣ потомки его почитаются людьми, состоящими подъ особымъ покровительствомъ неба.

Когда вспыхнула война противъ Французовъ, Абд-эль-Кадеръ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Миліанѣ Бен-Алееля, главу Эмбарековъ, марабута всѣми уважаемаго и воинственнаго, — первымъ дѣломъ этого Бен-Алееля было низверженіе Омара, который пріобрѣлъ также большое вліяніе между племенами.

О семействѣ Омаровъ преданія еще любопытнѣе, нежели Бен-Юсефа и Эмбарека. Оно составило себѣ имя силою оружія, — въ послѣднее время героизмъ женщинъ два раза возвышалъ падшее это семейство.

Знаменитѣйшій изъ Омаровъ былъ другомъ Египетскаго Паши Мехмета Али. Оба они пустились въ Египетъ искать тамъ сча-

етія, — но едва прибыли туда, какъ письмо брата отозвало обратно Омара. Друзья разстались, поклявшись другъ другу дѣлиться счастьемъ, какое каждому достанется. Братъ Омара Магометъ назначенъ былъ помощникомъ оранскаго бей; Омаръ поселился у брата и женился на Жеммѣ, красивѣйшей дѣвушкѣ въ Миланѣ. Но вскорѣ оранскій бей, завидуя благосклонности, которою Магометъ пользовался у алжирскаго дея, рѣшился погубить его, и заключилъ въ тюрьму.

Омаръ тоже былъ посаженъ съ нимъ, — и когда палачъ явился за головою Магомета, — Омаръ бросился защищать его.

— Нѣтъ, дитя мое! — сказалъ братъ, остановивъ его. — Частъ мой пробилъ. Не должно человѣку противиться судьбѣ. Помни, что ты долженъ быть мужемъ моей жены и отцомъ моихъ дѣтей.

Съ-тѣхъ-поръ, постоянною идеею Омара было мщеніе за брата. Алжирскій дей велѣлъ освободить его и прислать его къ себѣ. Тамъ Омаръ употребилъ все средства, чтобъ возвыситься, для того только, чтобъ вѣрнѣе отмстятъ. Онъ вскорѣ былъ назначенъ кандомъ арабскаго племени, и жена его Жемма умѣла, не смотря на величайшія опасности, присоединиться къ нему съ отцомъ своимъ и служителемъ.

Во время войны съ Тунисомъ давно было одно сраженіе, въ которомъ мужество Омара рѣшило побѣду. По возвращеніи, все войско просило, чтобъ его назначили агою, — и управленіе его принадлежитъ къ самымъ полезнымъ и блистательнымъ. Но оранскій бей не дремалъ. И онъ хотѣлъ мстать брату Магомета. Иснуганный всеобщемою любовію къ Омару, онъ увѣрилъ дея, что Омаръ хочетъ захватить всю власть въ свои руки. По счастью, Омаръ перехватилъ письмо, — и вида опасность, бросился въ казармы и требовалъ отъ солдатъ защиты. Вы меня возвели, — сказалъ онъ, — вы только можете и повергнуть. Умертвите меня или отыщайте врагамъ моимъ. Войско бросилось на дея, умертвило его, и хотѣло возвести Омара на это званіе; но онъ отказался, и былъ избранъ въ *храснаджихи* (казначей).

Омаръ сдѣлался всемогущимъ. Оранскій бей взбунтовался. Онъ двинулся противъ него, разбилъ его, схватилъ и съ живаго содралъ кожу.

Въ 1816 году, дей, боясь силы Кулуглисовъ, хотѣлъ истребить ихъ, и увѣрилъ свой планъ Омару; но тотъ не рѣшился на это, а велѣлъ задушить дея въ банѣ. На этотъ разъ, онъ долженъ былъ принять пашалыкъ. Посылая Портѣ подарокъ съ

сыномъ своимъ Магомтомъ и тестомъ Си-Гассаномъ, онъ отправилъ богатые дары Мегмету-Али, который тоже въ это самое время былъ назначенъ Пашею.

Два года управлялъ онъ Алжиромъ — и выдержалъ бомбардировку Лорда Эксмута. Но бѣдная Жемма предчувствовала опасность, и твердила ему, что всѣ дни погибали насильственною смертію. Въ 1818 году мучилась она родами — и послала за Омаромъ. Она слышала пушечную пальбу — и безпокоилась объ участи мужа. Вдругъ посланный возвратился, — печаленъ и одинъ. Жемма поняла все и упала безъ чувствъ. Вошли *чаусы* и требовали для *новаго дела* сокровищъ предѣстника его.

Когда Жемма пришла въ себя, то переодѣлась въ бѣдное платье, завернула двухъ дѣтей своихъ въ *кайки*, простилась со ста невольницами, бывшими въ ея услуженіи, и заперевъ комнаты, послала ключъ къ новому дею.

— Жена Омара, — велѣла она сказать ему, вышла изъ дворца бѣдиѣе, нежели вошла въ него. Она не взяла ничего изъ богатствъ, которыми прельстился убійца его. Теперь эти богатства служатъ наградою его злодѣянію. Но пусть онъ спѣшитъ насладиться ими. Богъ не допуститъ ему торжествовать долго.

Хотя нельзя изчислить богатствъ, накопленныхъ Омаромъ въ эти десять лѣтъ, но у него было въ услуженіи триста негрятенокъ, сто негровъ, десять грузинокъ, двадцать абиссиннокъ, сорокъ лошадей чистой крови, десять *кобылицъ пустыни*. Во дворцѣ его была одна зала, наполненная золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями; другая, заваленная парчею и богатыми тканями. У Жеммы къ каждому платью (а она ихъ мѣняла каждую недѣлю) былъ особенный уборъ брилліантовъ.

Черезъ два дня послѣ удаленія Жеммы, явился къ ней первый министръ новаго дела съ порученіемъ отъ него. Сквозь рѣшетку, сказалъ онъ ей слѣдующее:

— Али-Паша (да даруетъ ему Богъ побѣду!) шлетъ свой поклонъ и благословеніе вдовѣ Омара. Успокой свою печаль, — говорить тебѣ знаменитый властитель. Мужъ твой умеръ смертію пашей. Часъ его пришелъ. Да будетъ къ нему милосердъ Господь. Но у тебя остались дѣти. Ты молода, ты провела жизнь въ счастьи и величїи. Можетъ-быть, Богъ судилъ тебѣ дожить до старости. Бѣйся нищеты и униженія. Судьба твоя и дѣтей твоихъ въ собственности твоей волѣ. Ты была женою паша: скажи слово, — и опять будешь женою паша. Вотъ ключъ отъ твоего дворца. Начъя нога не ступала еще за порогъ его. Воз-

врати ему лучшее его украшеніе, и властитель удвонтъ богатства дворца, и число твоихъ невольниковъ.

— О милосердый Боже, — отвѣчала она, за что не повелѣлъ ты ангелу Израилу привести къ себѣ Жемму вмѣстѣ съ Омаромъ! За какое преступленіе должна я быть очистительною жертвою, если ты допускаешь, чтобы я слышала такія унизительныя предложенія отъ убійцы моего мужа? Но, да будетъ воля Твоя. Ты же, безчестный рабъ, оставь скорѣе домъ, который далъ мнѣ убѣжище, потому-что ты заражаешь воздухъ, которымъ я дышу. Поди, убійца, скажи своему властелину, что вдова Омара паши будетъ жить и будетъ умѣть умереть вдовою Омара паши. Скажи, что оболещенія его напрасны, потому-что земныя вещи уже ничто для той, которое все счастье въ небесахъ. Угрозы его будутъ еще болѣе бесполезны, потому-что кто желаетъ смерти, тотъ не боится ничего.

Болѣе недѣли употреблялъ Али-Паша всѣ средства къ оболещенію Жеммы: она осталась непоколебимою. Наконецъ онъ отперъ ключомъ оставленныя комнаты и пзумился найденнымъ богатствомъ. Сперва думалъ онъ, что Жемма унесла много съ собою, но тутъ увидѣлъ, что все на мѣстѣ, и что сокровища безчисленны. Онъ отпустилъ ее жить въ Миліану къ отцу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ Али-Паша былъ умерщвленъ, и Гаджи Могамедъ послѣдовалъ ему. Послѣдній дей умеръ отъ чумы, и Гассан-Паша, служившій прежде *мманомъ* у Омара, вступилъ на его мѣсто. Едва онъ былъ избранъ, какъ доказалъ свое благородство, осыпавъ благодѣяніями вдову Омара. Старшаго сына ея взялъ къ себѣ на службу, — а младшаго послалъ къ Мегмету-Али въ Египетъ, откуда онъ возвратился осыпанный дарами. Гассан-Паша женилъ его на дочери одного изъ самыхъ уважаемыхъ марабутовъ Миліана. Съ-тѣкъ-поръ семейство Омаровъ было счастливо и спокойно. Жемма жила въ кругу дѣтей своихъ.

Насталъ 1830-й годъ; Алжиръ сдѣлался французскимъ городомъ, а племена Арабовъ, угнетаемыя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Турками, вздумали теперь о совершенной своей независимости и о прежнихъ распряхъ между ними. Магометъ, глава семейства Омаровъ, принужденъ былъ бѣжать, оставя въ Миліанѣ мать (Жемму), двухъ женъ и младшаго брата Омара.

Алжирія была тогда въ совершенномъ безначаліи. Послѣ турецкаго деспотизма явилась легкомысленность Французовъ, — и племена начали междуусобную войну. Около 1836 года разразилась гроза надъ семействомъ Омара. Магометъ удалился отъ

участія въ возстаніяхъ и жилъ подъ покровительствомъ маршала Клозея. Явился Абд-эль-Кадеръ, овладѣвъ Медеахомъ, оковалъ цѣпями шестдесятъ значительнѣйшихъ жителей, и наложилъ большую пеню на Омара за переписку его съ братомъ, служащимъ будто бы у Французовъ. Омаръ не въ состояніи былъ заплатить ее. Его сковали и привели къ Абд-эль-Кадеру.

— Благодарн Бога,—сказалъ онъ Омару, спрашивавшему его о причинѣ такого насильства,—что сердце мое милосердо. Безъ этого голова бы твоя пала уже подъ мечемъ правосудія, за твои и брата твоего преступленія. Вы угнетали правовѣрныхъ, вы грабили Арабовъ, вы забыли вашу вѣру, и жили въ развратѣ. Одинъ изъ васъ пошелъ къ христіанамъ, чтобъ притѣснять своихъ соотечественниковъ; другой приготовлялъ ему средства къ владычеству. Но настало время правосудія. Ты долженъ бы былъ сложить голову, а имѣнье твое отдано въ *фейлкс* (въ казну). Но я уже сказалъ. Я дарю тебѣ жизнь. Только все, что есть у тебя и твоего семейства — долженъ ты отдать. Если что утаишь, то погибнешь. Напishi объ этомъ къ своей матери. Если она сдѣлаетъ попытку, чтобъ освободить тебя, то ускорить твою смерть.

Омаръ написалъ требуемое письмо, и всадники Эмира отправились къ ней. Презирая законъ исламизма, они пропикли въ комнаты женщинъ и съ наглостію обыскали ихъ, отняли все, составили списокъ отнятаго,—и оцѣнили все въ 400,000 франковъ.

Эмиръ былъ обрадованъ такою находкою, но Си-Эмбарекъ, руководствовавшій этимъ дѣломъ, еще не былъ вполне удовлетворенъ. Онъ донесъ Абд-эль-Кадеру, что Жемма скрываетъ еще одинъ брилліантъ. Эмиръ повѣрилъ—и хитростію хотѣлъ завладѣть сокровищемъ. Онъ послалъ Жеммѣ охранную грамоту, которою дозволилъ ей видѣться съ сыномъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Бѣдная мать повѣрила состраданію Абд-эль-Кадера и отправилась изъ Миліаны въ Медеагъ. — Ее привели къ Эмиру.

Величественная осанка ее внушала уваженіе. Долго они молчали оба; наконецъ Эмиръ сказалъ:

— Оба твои сына заслужили смерть, потому-что одинъ сдѣлался христіаниномъ, живя между ними, а другой потому-что переписывается съ невѣрными. Жизнь ихъ, жены, дѣти, имущество сдѣлались собственностію правителя государства. Но ты можешь спасти того, который у меня въ плѣну. Отдай намъ

перстень отца его Омаръ-паши, который мы знаемъ, что у тебя еще остался, и укажи намъ, гдѣ ты скрыла это сокровище.

— О сынъ мой Омаръ! За чѣмъ не умеръ ты въ ту минуту, какъ я произвела тебя на овѣтъ?—вскричала Жемма. — И не должна ли я была ожидать печальной участи, постигшей тебя, когда твое роженіе было запечатлѣно смертію отца твоего?— Но ты, сынъ Мегиддана, развѣ забылъ ты, что мать твоя еще жива? Развѣ ты не помнишь, что и у тебя есть дѣти? Не ужель ты не страшишься, чтобъ Богъ не отнялъ у тебя власти, которая теперь временно въ твоихъ рукахъ, и не наказалъ тебя за употребленіе ее во зло надъ тѣми лицами, которыя тебѣ всего дороже? Посмотри на меня, сынъ Мегиддана. Вчера я была женою паши, передъ которымъ трепеталъ отецъ твой и весь Алжиръ; сегодня умоляю о состраданіи того, кто былъ моимъ подданнымъ. Подумай о непостоянствѣ земнаго счастія. Подумай о Зарѣ, женѣ твоей, объ Аишѣ твоей дочери,—и смальса надъ бѣдною женщиною, которая умоляетъ тебя за дѣти свое. Страшась навлечь на себя проклятія матери, потому-что онѣ всегда приносятъ несчастіе. Ты отъ меня требуешь перстня Омара паши. Это одно, что у меня осталось послѣ него на память,—но возьми и это. Отдай мнѣ только моего сына. Съ этимъ перстнемъ отдала я бы тебѣ за это всѣ сокровища земли, еслибъ они у меня были,—но у меня уже нѣтъ больше ничего.

Жемма вынула скрытый на груди перстень и бросила къ ногамъ его. (Перстень оцѣненъ въ 40,000 франковъ). Абдъ-эль-Кадеръ подалъ знакъ: Жемму увели. Черезъ минуту потомъ раздались женскіе крики. Онъ было приказалъ пыткой допросить Жемму, но управитель Эмира и башъ-чаусовъ были люди добрые и сострадательные. Въсто того, чтобъ подвергнуть пыткѣ вдову Омара-паши, они велѣли дать триста ударовъ палками Арабкѣ ея, которая, по доносу Си-Эмбарека, знала, гдѣ хранится остальное сокровище. Жестокость эта была безугодна: она ничего не знала. Донесли объ этомъ Эмиру; множество значительныхъ лицъ вступились за нее, и выпросили наконецъ свободу Омару и его матери, съ тѣмъ, чтобъ все имѣніе ихъ было продано.

Но что до этого было Жеммѣ? Она видѣла опять своего сына—и всѣ несчастія были забыты.—Но увѣ! срокъ испытаній ея еще не кончился. Негры, Арабки, лошади, мулы, мебель, одежда—все было продано,—а жены старшаго Омара сына, Могамеда, были насильно выданы за мужъ за служителей

Эмбарекъ. Оставшись въ совершенной нищетѣ, вдова Омара паши пошла просить убѣжища у вѣрнаго своего слуги Баба-Джелулла. Но и тотъ вскорѣ умеръ.

Омаръ, заболѣвъ жестоко въ тюрьмѣ, долго лечился въ домѣ своей матери, какъ вдругъ постигло ихъ послѣднее несчастье. Въ июнѣ 1838, по приказанію Эмира всѣ Кулуглисы были отправлены въ Тагдемитъ. Напрасно предводители Гашемовъ и Дженделей умоляли за Омара и мать его, предлагая 10,000 буажу въ поручительство (18,000 франковъ). Это ходатайство только больше повредило несчастнымъ. Надобно было отправиться— за конвоемъ всадниковъ Абд-эль-Кадера. Всѣ лица выражали глубокую печаль, спокойствіе и преданность судьбѣ. Люди первѣйшихъ фамилій шли, покрытые рубищемъ и не произносили ни одной жалобы: одни дѣти плакали, измученныя солнцемъ зноемъ.

Чѣмъ тяжелѣе было несчастье Жеммы, тѣмъ сильнѣе было ея мужество. Она одна ободряла всѣхъ спутниковъ, утѣшала сына, не предавалась унынію, переносила все,—и съ презрѣніемъ всегда отвергала предложенія брака, дѣлаемыя предводителями Эмира.

По истребленіи Тагдемита, Омаръ получилъ съ матерью позволеніе удалиться въ Бену-Манасемъ.—Наковецъ, когда Абд-Эль-Кадеръ принужденъ былъ уступать силѣ оружія Французовъ, Омаръ могъ возвратиться въ Миліану. Французы приняли его хорошо. Ему возвратили домъ его и нѣкоторое имущество,—и вскорѣ потомъ главнокомандующій назначилъ его *Гакемомъ* (меромъ).

Во-время проѣзда своего черезъ Миліану, маршалъ Бюжо захотѣлъ видѣть мать Омара и выразить ей чувства своего уваженія. Нѣсколько офицеровъ сопровождали его. Онъ былъ принятъ въ скромномъ жилищѣ, гдѣ не было ни малѣйшаго слѣда прежнихъ богатствъ. Когда онъ вошелъ, то величественная женщина, подъ покрываломъ явилась въ комнату, поддерживаемая Омаромъ.

— Мать! — сказалъ ей Омаръ: ты можешь снять свое покрывало. Вокругъ тебя все друзья, которые видятъ въ тебѣ только вдову паши и мать преданнаго слуги Франціи.

Жемма отбросила покрывало. Всѣ были изумлены благородствомъ лица ея, которому время и печаль, казалось, придали еще красоты. Она смутилась и долго не могла говорить, но ласковый пріемъ маршала ободрялъ ее.

— Я была очень несчастна,—сказала она ему, поднявъ на него

глаза, наполненные слезами. Но теперь начинаю надѣяться, что судьба моя смягчилась, какъ скоро дозволила мнѣ видѣть тебя, французскій султанъ. Я знаю, что сердце твое такъ же чело-вѣколюбиво, какъ рука могущественна. Я имѣю полную къ тебѣ довѣренность. Для себя, я уже ничего не прошу: я стара,—и скоро соединюсь съ моимъ мужемъ, который былъ такой же султанъ, какъ ты, но сына моего отдаю подъ твое покровительство. Будь ему отцомъ. Онъ благородной крови и заслужи-ть добро, которое ты ему дѣлаешь. Всякой день буду молить Бога о твоёмъ и всѣхъ твоихъ счастіи. Да приведетъ Богъ Абд-эль-Кадера къ ногамъ твоимъ съ мольбою о пощадѣ.

Маршалъ успокоилъ ее ласковыми словами,—и мы удалились, исполненныя уваженія къ этой женщинѣ.

III.

Къ намъ прибылъ новой главнокомандующій, генералъ Шаггарнье—в первую его цѣлю было покореніе Кабиловъ. Но надобно знать мѣстность, гдѣ эти племена жили.

Между Шелифскою долиною на сѣверѣ и Малою-степью на югѣ есть область около пятнадцати лье длины. Это не что иное, какъ группа горъ съ безчисленною сѣтью овраговъ, пропастей, неприступныхъ скалъ. Здѣшнія тропинки едва доступны одиимъ горнымъ сернамъ. Въ срединѣ этого горнаго хребта находится главная гора въ 600 футовъ вышины, тогда какъ вся пла-ская возвышенность этой цѣпи находится въ тысячѣ футовъ надъ уровнемъ моря.—Въ этихъ то горахъ живутъ Кабиль, подраздѣляясь на нѣсколько племенъ, возбужденныхъ Абд-эль-Кадеромъ къ возмущенію.

10 мая былъ свѣтлый день, когда мы выступили въ походъ въ Миліаны. Съ нами было сто пятьдесятъ человекъ конницы, потому что мы хотѣли сдѣлать нечаянное нападеніе. Мы шли по дружественной области,—и хотя ружья наши были заряжены, но мы не принимали особыхъ мѣръ осторожности, пѣли и смѣялись до самаго почлега у Шелифскаго моста, во-строеннаго Омаромъ-пашею.

Ночью произошла тревога. Хотя мы шли и по дружественной землѣ, но друзья наши все-таки были отличные воры. У насъ увели двухъ лошадей. Арабы обыкновенно ходятъ ночью на этотъ промыселъ голые, натерѣвшись масломъ, чтобъ при поимкѣ ихъ легче имъ было ускользнуть. Они ползутъ по землѣ до того мѣста, гдѣ стоятъ лошади, обрѣзываютъ коновязи, вскакиваютъ на лошадей и летятъ во весь опоръ въ свой станъ, пригнувшись какъ можно къ гривѣ, чтобъ избѣжать выстрѣловъ.

Дѣлать было нечего. Приказали только часовымъ удвоить бдительность,—и дѣйствительно черезъ два часа другому вору не посчастливилось. Одинъ часовой, прогуливаясь, внимательно посматривалъ на кусты молодыхъ пальмъ. Вдругъ ему показалось, что кустъ шевелится и переходитъ на другое мѣсто; онъ приготовился—и продолжалъ ходить съ притворною безпечно-стію. Вдругъ кустъ подвинулся къ самому часовому, выскочилъ Кабилъ и съ кинжаломъ бросился на солдата,—но тотъ вса-дилъ ему штыкъ—и кустъ уже не вставалъ.

Въ два часа ночи выступили мы, чтобъ застать Кабиловъ въ располхъ,—но у нихъ лазутчики были лучше нашихъ, и тамъ, гдѣ мы надѣялись напасть нечаянно, насъ встрѣтили ружейны-ми выстрѣлами. — и мы обратились къ Уар-Сенису. На вер-шинѣ одной горы открыли мы отъ пяти до шести сотъ Ара-бовъ, и разсѣявъ ихъ, овладѣли ихъ стадами.

Тутъ случилось очень странное происшествіе. Офицеръ ор-леанскаго полка Лоранъ, которому только что отрѣзали раненую ногу, положенъ былъ на носилки на мула; а чтобъ уравни-ваться эту тяжесть, положили еще на другую сторону боль-ного солдата, вочти уже умирающаго отъ лихорадки. Ко-гда мулъ спускался съ горы по узкой тропинкѣ, окруженной пропастями,—то вдругъ оступился и полетѣлъ въ бездну съ обоими больными. Всѣ вскрикнули отъ ужаса. Достали веревокъ, спустились на дво... Чтѣ-же? Мулъ всталъ уже на ноги и щипалъ очень спокойно траву. Лоранъ скользилъ все по кустамъ, и не ушибся даже, а солдатъ, бывшій въ лихорадкѣ, выздоровѣлъ вдругъ, отъ сильного потрясенія.

18 мая перешли мы черезъ Уед-Фодха, и увидѣли на горѣ Арабовъ. Генералъ приказалъ попытаться взойти на вершину;—но она оказалась непрístupною, а Кабилы скатывали оттуда на насъ пѣлые отломки скалъ. Наши егеря успѣли однакоже за-сѣсть на одной высотѣ, пониже гребня, и могли оттуда мѣтко стрѣлять въ Арабовъ, какъ скоро они показывались изъ-за

скалъ. Незавѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, но вдругъ ударили отбой, — и мы спустились въ долину. Генераль узналъ отъ одного плѣннаго Кабила, что тропинки, по которымъ соотечественники его взошли на гору, совершенно завалены; но что имъ самимъ нѣтъ выхода и у нихъ нѣтъ воды. А потому, не жертвуя бесполезно жизнью солдатъ, генераль велѣлъ ограничиться блокадою горы.

Два дни терпѣли Кабила жажду, наконецъ прислали просить лошадей, сдаваясь безусловно. Стада, жены и дѣти, какъ изступленные, бросились къ ручью, когда ихъ выпустили. Одни мужчины спокойно явились и сложили оружіе, все еще преодолевая страданія жажды. — Забравъ плѣнныхъ и десять тысячъ головъ скота, мы уже двинулись въ обратный путь, какъ вдругъ узнали, что цѣлое племя въ 1,500 всадниковъ, бѣжитъ мимо насъ къ югу. Генераль пустилъ противъ нихъ всю свою кавалерію, — т. е. двѣсти двадцать конныхъ егерей. Мужество замѣнило число. Они отрѣзали смѣлымъ нападеніемъ часть непріятельской колонны, и воротились съ 2,000 верблюдами и 80,000-нымъ стадомъ, кромѣ плѣнныхъ. После этого блистательнаго дѣла воротились мы въ Мидіану, отдохнули нѣсколько дней, возобновили припасы, и пустились опять по той же дорогѣ.

Случай привелъ насъ на мѣсто сраженія при Уед-Фодка, прославившаго два года тому назадъ наши войска. Генераль Шангарье, командуя тогда отрядомъ въ 1,200 человекъ пѣхоты, 300 регулярной конницы и 400 Арабовъ, окруженъ былъ въ ужасной тѣснотѣ Уед-Фодка нѣсколькими тысячами Кабилловъ. Они кричали Французамъ: «Вы вошли въ свой гробъ, и не выйдете уже изъ него.» Началась жестокая битва на прострѣнности ста футовъ ширины. Французы шли по изобшему руслу рѣки, которой берега круто примыкали къ отвѣснымъ горамъ. Эти горы покрыты были непріятелями, низвергавшими на Французовъ камни, бревна и осыпавшими ихъ истинны пулями. Французы медленно подвигались впередъ, не разстроивая своихъ рядовъ. До-ночи продолжалась рѣзня. Наконецъ Французы вышли изъ тѣснины и отбросили непріятелей.

Теперь наши дѣла были уже не въ такомъ положеніи. Теперь Абд-эль-Кадеръ не могъ уже писать намъ: «вы владеете только тою землею, гдѣ стоятъ ваши солдаты.» Мы уже успѣли усмирить всѣ взволновавшіяся племена, и имя *Шангарли*, передѣланное Арабами и значившее на ихъ языкѣ *покоритель враговъ*, внушало всѣмъ почтеніе и страхъ. Алжирія уже вся была

завоевана и покорена.... Не увя! Въ это самое время генералъ Шангарнъ былъ отозванъ во Францію.

IV.

Въ мартъ 1847 года стояли мы близъ Дуара, племени Роман. Всеобщій миръ царствовалъ повсюду, и праздность тяготила насъ. Вдругъ узналъ я, что пріятель нашего Араба Раада, Могамедъ, отправляется на охоту въ пустыню, съ борзыми собаками и соколами. Я тотчасъ же отпросился, и съ Раадомъ отправился къ Могамеду.

Арабскіе талебы (ученые) называютъ *Смеръ* ту неуловимую минуту утра, когда ночь уже не ночь, а день еще не день. Во время Рамадана, когда можно еще отличить черную нитку отъ бѣлой, правовѣрный долженъ еще хранить постъ. *Смеръ* предшествуетъ этой минутѣ. Арабскіе ученые выводятъ изъ этого слова названіе *Сагары*.

Первыя высоты Сагары, называемыя *Серреусъ*, составляютъ холмы одинаковой высоты. Издали кажется, что это морскія волны, внезапно остановившіяся. Почти изъ каждаго холма вытекаютъ источники, напоющіе окрестныя пажити, которыя, въ свою очередь, кормятъ безчисленныя стада овецъ, славящихся своимъ мясомъ и шерстью. Въ двадцати лье за этими холмами начинается настоящая Сагара. Это пустынная, безжизненная долина съ бесплодными горами, пересѣкаемая оазисами, покрытыми пальмами, гдѣ весною и осенью стада находятъ пищу. Далѣе,—и весьма далеко, простирается таинственная степь песковъ.

Племена, обитающія на этихъ холмахъ, ведутъ кочующую жизнь. Ежегодно, запасшись съѣстными припасами, уходятъ они къ югу. Къ одному изъ этихъ-то племенъ, къ Гаррарсамъ, отправлялись мы.

Когда мы пріѣхали, все было готово. Всадники сидѣли уже на коняхъ, которыхъ удивительная быстрота такъ славится во всемъ свѣтѣ.

Предводители носили на правой рукѣ *смегъ* (рукавицу), на которой сидѣлъ соколъ. У вьюкъ было по два и по три сокола,

сидѣвшіе на плечѣ и на головѣ. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ уже видѣли опыты быстроты и искусства соколовъ. Нѣсколько зайцевъ и карфагенскихъ курочекъ были тотчасъ же затравлены.

Могамедъ, хозяинъ нашъ, ѣхалъ на одномъ изъ красивѣйшихъ коней, который, по словамъ арабскаго поэта, «могъ бы скакать на женской груди.» Этотъ конь имѣлъ историческую знаменитость. У Могамеда былъ точно такой же другой. Однажды попался онъ въ плѣнъ къ Абд-эль-Кадеру, но успѣлъ бѣжать; за нимъ пустились въ погоню. Онъ успѣлъ добѣжать до своей палатки, вскочилъ на одну изъ двухъ лошадей—и улетѣлъ. Онъ увѣренъ былъ, что теперь его уже никто не догонитъ. Но непріатели его были хитрѣе. Одинъ изъ всадниковъ, видя, что другая лошадь его осталась, соскочилъ со своей, вспрыгнулъ на нее—и велѣлъ маленькому сыну Могамеда развязать коновязь. Тотъ видѣлъ опасность отца. Только эта лошадь могла догнать его. Умный ребенокъ схватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ голову и повалилъ ее мертвою. Это спасло Могамеда.

Едва хозяинъ нашъ окончилъ свой разговоръ, какъ гонецъ Ромзи прискакалъ и вручилъ намъ приказаніе возвратиться. Въ службѣ не разсуждаютъ, и мы тотчасъ же пустились обратно къ своимъ бивакамъ. Тутъ узнали мы, что мы назначены съ колонною генерала Гюо въ продолжительную экспедицію въ южные оазисы. Какъ мы обрадовались этой вѣсти! Давно хотѣли мы познакомиться съ этою таинственною для насъ странною.

Двѣ тысячи верблюдовъ навьючены были нашими припасами, а всѣ мулы боченками съ водою, потому-что въ этой экспедиціи могло пройти нѣсколько дней, что мы не встрѣтили бы воды. Мы двинулись огромнымъ караваномъ,—и всякій старался добыть себѣ, въ теченіе дня, что-нибудь охотою, чтобъ имѣть на вечернемъ бивакѣ свѣжее жаркое.

Черезъ два дни расположились мы биваками на берегу *Чот-созъ*. Это огромныя соляныя озера, пересыхающія лѣтомъ, но въ апрѣлѣ, когда мы шли, переходъ черезъ нихъ представлялъ нѣкоторыя затрудненія. Надобно было идти по узкимъ тропинкамъ, гуськомъ, и раздѣлявшимся на нѣсколько отрядовъ. Это было прелюбопытное зрѣлище. Издали, по необозримой стени соленыхъ озеръ тянулись и извивались, какъ черныя змѣи, наша караваны; то вдругъ расширялись, то сжимались, то под-

вигаясь впередъ вверхъ ногами. Послѣднее было самое забавное дѣйствіе миража.

Проводникъ нашъ привелъ насъ къ колодецу, заваленному древесными вѣтвями. Вода была обильна и чиста. Когда вся колонна наполнилась, то колодець опять закрыли. Это непрехнющая обязанность каждаго странника, потому-что вѣтви защищаютъ воду отъ засоренія пескомъ,—и вообще колодець въ Сагарѣ сдѣлался священнымъ предметомъ.

Пройдя эти озера мы продолжали нашъ путь къ югу по печальной пустынѣ. Эта пустота имѣетъ въ себѣ что-то печальное. Романисты говорятъ, что это высокое зрѣлище: нѣтъ, оно только стѣсняетъ сердце, а не возвышаетъ его. Кажется, что вся земля вокругъ заклѣчена какимъ-то проклятіемъ. Самыя кочующія племена, ѣхавшія съ нами, были печальны. Жаръ былъ несносенъ. Въ часъ пополудни мы сдѣлали привалъ,—и ни одна капля воды не освѣжила засохшія наши горла. Вдругъ кавалерія, вѣхавъ на одно возвышеніе, испустила крикъ радости. Она увидѣла передъ собою большое озеро. Всѣ мы удвоили шаги, чтобъ освѣжиться. Увы! по мѣрѣ, какъ мы подвигались, вода удалялась. Мы опять были обмануты миражемъ. Но проводникъ привелъ насъ къ колодецу—и мы утолили жажду.

На другой день поднялся ужасный ураганъ. Въ нѣсколько минутъ небо покрылось тучами, и термометръ вдругъ упалъ. Послѣ жестокаго зноя закрутилась снѣжная мятель. Въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Мы остановились—и кое-какъ развели огни. Всю ночь продолжалась эта мятель; насъ засыпало снѣгомъ—и мы цѣлые два дни простояли въ немъ, только на третій выяснилось, и при первыхъ лучахъ солнца пески поглотили снѣгъ. Но воздухъ все еще былъ холоденъ. Мы все поднимались въ гору, и наконецъ достигли до предѣловъ плоской возвышенности. Тутъ начали мы спускаться по направленію къ Шеллалъ, но пустыня была также печальна и уныла. Не было никакой зелени. Подъ ногами нашими хрустѣла одна *альфа* съ солеными своими листьями, которые верблюды такъ любятъ, за то жаръ сдѣлался опять несносенъ—такъ что прибывъ въ оазисъ Шеллалы, мы обрадовались сухимъ фиговымъ деревьямъ и нѣсколькимъ пальмамъ.

Жители оазиса явились къ генералу съ подарками,—но мы не долго тутъ пробыли, а двинулись далѣе къ югу, къ Бу-Семруну, отказывавшемуся отъ платежа подати.

Пройдя песчаную долину, мы достигли до Бу-Семруна, который отличается отъ прочихъ соленій только своимъ минеро-

томъ и мечетью, красной архитектуры, Кто построилъ ее на этихъ отдаленныхъ пескахъ? Вѣрно какой-нибудь наѣзникъ христіанинъ. Нѣсколько греческихъ крестовъ, изсѣченныхъ въ отѣнахъ, подтверждаютъ догадку.—Жители селеній бѣжали при нашемъ приближеніи, и мы заняли его безъ боя, потому-что я не считая подлужныи сумасшедшихъ, зашедшихъ на минаретъ и рѣшившихся умереть.

Отдохнувъ здѣсь недѣлю, пустились мы въ послѣднее селеніе Марабутовъ — Абіат-Сиди-Ширкъ. Теперь мы все шли подъ-гору,—и наконецъ достигли послѣдняго склона. Тутъ стоятъ четыре селенія племени Улад-Сиди-Ширковъ, соединенныя между собою тѣнистыми садами. Предводители явились къ генералу съ почтеніемъ и податью. Въ числѣ подарковъ были два маленькіе негра, строусы и галки. Эти селенія замѣчательны по странному метеорологическому явленію. Всякой день лѣтомъ, въ часъ молитвы мусульманъ (въ 3-ю-полудни) гремитъ здѣсь громъ, поднимается вѣтеръ, гроза — и продолжается два часа.

У подножія этихъ горъ начинается настоящая песчаная пустыня. Волны песковъ остановились здѣсь, какъ бы повинуясь голосу Творца. Еврейцы не идутъ уже далѣе, но Арабы продолжаютъ пускаться по тѣмъ же самымъ дорогамъ, которыя оцѣпаны въ Геродотѣ.

Однажды проводникъ каравана разскажетъ намъ цѣлое путешествіе, въ которомъ онъ участвовалъ по степямъ. Разскажемъ его читателямъ.

V.

Всякой годъ караванъ Арабовъ идетъ изъ Абіата-Сиди-Ширка, и идетъ черезъ Метелли до Судана.

Вспомнимъ прежде всего географическое распредѣленіе Африки. Отъ сѣвера до середины ея раздѣляется она на три полосы, совершенно разнствующія между собою. Первая называется *Темля* или *страна зеренъ*, и идетъ постоянно возвышаясь до горъ. Горная полоса, называемая *Сагара*, простирается отъ Темля до пустыни. Наконецъ—самая пустыня, которой уровень равенъ

морскому. Эта пустыня вовсе не такая, какъ ее изображаютъ поэты: *esse arida et munda!* Нѣтъ! это неизмѣримыя равнины безъ воды, безъ деревьевъ, съ немногими только колодцами. Есть конечно и песокъ, часто вздымаемый бурями и принимающій тогда самыя фантастическія формы. Но есть и обширные оазисы.

За пустынею начинаются опять горы, съ вершинъ которыхъ отирается Суданъ, земля Негровъ, о которой такъ много рассказываютъ. Королевство Гаусса завоевано было тридцать лѣтъ тому назадъ бѣлымъ мусульманскимъ племенемъ называемымъ Феллахами. Такимъ образомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, въ то время, какъ христіанская держава основываетъ власть свою на сѣверѣ Африки, исламизмъ заставляетъ силою оружія принимать законъ свой въ центрѣ.

И такъ, караванъ, ведомый Арибомъ Шеггудуномъ, отправился изъ Метилли въ октябрь, прошелъ великій оазисъ Туата, землю Туароговъ—и въ мартѣ достигъ до королевства Гаусса. Разсказчикъ говоритъ слѣдующее:

«Въ Уагарѣ называемъ мы проводника каравановъ *хребиромъ*. Много безъ него не впускается въ путь; такъ христіане думаютъ. Песчаная пустыня такое же море, на которомъ есть свои волны, бури и подводные камни. Хребису повинуются всѣ; у него есть *чауши*, для исполненія его приказаній, есть *шуафы* (виандіе), для развѣдыванія; писецъ для составленія актовъ и условій; глашатый для объявленія распоряженій; *мудденъ* для созыванія на молитву—и наконецъ *иманъ* для совершенія ея. Хребиръ долженъ быть уменъ, храбръ и опытенъ. Онъ по звѣздамъ опредѣляетъ путь; знаетъ всѣ колодцы, предусматриваетъ опасности, умѣетъ лечить болѣзни, укушенія змій, переломы членовъ. Если вѣтъ звѣздъ, то онъ указываетъ пути по горсти травы.

Такимъ Шеггудунъ. У него три жены, онъ молодой, веселъ и силенъ. Въ палатѣ онъ веселъ и разговорчивъ, — но на пути слушай на слова и не улыбаешься. Караванъ всегда идетъ съ торговою цѣлю и запасается товарами. Для продовольствія же, каждый беретъ съ собою: *саа* (мѣшокъ въ 80 килограмовъ) кускусу, полтора *саа* смоквъ; кожаный мѣшокъ масла, высушеннаго мяса, два мѣшка воды, кожаный мѣшокъ, чтобъ повѣть верблюдобой, два пары обуви, иголки съ нитками, огниво и труты. Сверхъ того у наждаго ружье съ двадцатью четырьмя боевыми патронами.

Караванъ всегда отправляется въ четвергъ, потому что Про-

рокъ оказалъ: «Не отправляйся никогда никуда въ путь, какъ въ четвергъ, и всегда въ сотоваршествѣ. Если ты одинъ, то злой духъ плетъ за тобою. Если двое,—то два злые духа за вами слѣдуютъ. Если же трое, то вы охранены отъ злыхъ помысловъ.—И когда васъ трое, то поберите себѣ начальника. Смотрите на первую встрѣчу, потому что она всегда предвѣщаетъ удачу, или неуспѣхъ. Будьте всегда осторожны, потому что кто сунетъ голову въ отрубъ, того будутъ клевать птицы».

На первомъ ночлегѣ, едва путешественники предались сну, голосъ Шеггудуна разбудилъ ихъ: Онъ изъ двери палатки своей кричалъ: «Каравульные! спите ли вы?»—«Не спимъ!»—отвѣчали всѣ голоса часовыхъ,—и молчаніе воцарилось. Черезъ часъ раздался тотъ же голосъ,—и такимъ образомъ каждый часъ проводникъ наблюдалъ за постами.

По мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался къ югу, Шеггудунъ становился бдительнѣе и осторожнѣе. Онъ не разъ осматривалъ ночью всѣ посты, и кричалъ лаутчицамъ, которыя могли быть подосланы:

«Услышите тѣ, которые кружитесь около насъ: вы кружитесь около смерти.

Вы ничего здѣсь не найдете — и не увидите больше своей родины.

Если вы голодны;—приндите—мы накормимъ васъ.

Если жаждете—мы напоимъ васъ.

Если голы—мы васъ одѣнемъ.

Если устали,—то отдохните между нами.

Мы путешествуемъ по своимъ дѣламъ,—и никому не хотимъ зла.»

Благодаря всѣмъ этимъ предосторожностямъ, прибыли благополучно до Уэд-эль-Гашера, гдѣ обыкновенно разбойники стерегутъ караваны. Здѣсь бдительность Шеггудуна еще удвоилась. Онъ объявлялъ путешественникамъ слѣдующее:

«Говорите тихо, или лучше вовсе не говорите. Здѣсь молчаніе—золото.

«Завяжите рты у вашихъ верблюдовъ, чтобъ ржаніе ихъ не открыло вашего пребыванія.

«Не разводите на эту ночь огня, и довольствуйтесь однимъ смокнами. Не ходите за водою; слѣды ваши будутъ усмотрѣны врагами. Не курите и не высѣкайте огня. Табачный дымъ слышенъ издалека. Приготовьте оружіе, и не спите въ эту ночь.»

Наконецъ караванъ достигъ до Гелена, находящагося въ се-

ни переходякъ отъ Тими-Муна, одного изъ главнаго городовъ большаго оазиса Туата. Тамъ вѣсколько недѣль отдыхалъ караванъ. Гостепрѣимство тамъ свято для всѣхъ. Наканунѣ выступленія каравана, одинъ изъ жителей, Бу-Бекръ, пригласилъ путешественниковъ на прощальный обѣдъ. Всѣ знали, что у него прекрасный и веселый сынъ; просили привести его.

—Онъ спитъ теперь,—отвѣчалъ хозяинъ,—и никто не настанвалъ больше. За обѣдомъ долго сидѣли и много говорили, особливо о Франкахъ. Рассказывали, что они идутъ впередъ стѣснясь стѣною, и стрѣляютъ изъ всѣхъ ружей въ одинъ разъ; что они правдивы, что паши ихъ не грабятъ и что передъ ихъ законами и бѣдный и богатый равны. Осуждали ихъ только, что не хранятъ своего достоинства, часто смѣются, не снимаютъ обуви при входѣ въ мечети и не молятся тамъ, что даютъ женамъ слишкомъ много свободы, что пьютъ вино, бьютъ свинину и ѣдятъ своихъ собакъ.

Пиръ продолжался до утра. Когда гости стали прощаться, хозяинъ сказалъ имъ:

«Я вчера сказалъ вамъ, что сынъ мой спитъ. Онъ передъ самымъ вашимъ приходомъ упалъ съ крыши, гдѣ игралъ съ матерью,—и убится до смерти. Такъ было угодно Богу. Чтобъ не нарушить вашего удовольствія, я скрылъ свою печаль,—и велѣлъ даже молчать матери.—Теперь пойдите хоронить его.»

Всѣ удивлялись твердости Араба,—но таковъ законъ гостепрѣимства. Хозяинъ долженъ удалять отъ гостя всякое неудовольствіе и огорченіе, потому-что Пророкъ сказалъ: «Будьте великодушны къ вашему гостю. Онъ приходомъ своимъ приноситъ вамъ свое благословеніе,—и уходя уноситъ съ собою ваши грѣхи.»

Изъ Гезена караванъ сдѣлалъ переходъ къ Марабуту Сиди Магомету-у-Аллахъ. Этотъ марабуть извѣстенъ своею мудростію, и притчами. Вотъ одна изъ нихъ, которую каждый проводникъ рассказываетъ своимъ путешественникамъ:

«Однажды Сиди-Аисса встрѣтилъ *Шайтана*, который гналъ передъ собою четыре тяжело-нагруженные осла, — и спросилъ у него:

«Шайтанъ! Ты никакъ сдѣлался купцемъ?»

—Такъ-точно, господинъ,—и произвожу самую выгодную торговлю.

«Какую же!»

— Посмотри самъ, господинъ, я выбралъ четырехъ сильнѣй-

шихъ ословъ Сирин. Однѣ навьюченъ всѣми возможными несправедливостями.

Другой навьюченъ завистями.

На третьемъ—все воровства и обманы.

На четвертомъ всѣ хитрости и обольщенія.

«Злой духъ! Аллахъ да проклянетъ тебя, — сказалъ Сидни-Аисса.

На другой день молившійся на томъ же мѣстѣ Сидни-Аисса увидѣлъ опять, возвращающаго шайтана. Тюки его были полны.

«Слава Богу! — ты ничего не продалъ, — сказалъ Сидни-Аисса.

— О нѣтъ, господини! — отвѣчалъ шайтанъ: черезъ часъ послѣ встрѣчи съ тобою всѣ мои тюки были уже проданы. Только на счетъ платы произошли нѣкоторыя затрудненія.

Судья велѣлъ заплатить мнѣ своему казначею, а тотъ обманулъ меня.

Ученые увѣряли меня, что они бѣдны.

Кушцы брали меня воровъ, — а сами обкрадывали меня.

Одни женщины не торговались со мною — а все раскупили.

«Но тюки твои еще набиты, — возразилъ Сидни-Аисса.

«Да! деньгами, — отвѣчалъ шайтанъ. — Но ихъ надобно отвезти къ правосудію.

О дѣти мои! — прибавлялъ марабутъ. Довольствуйтесь немногимъ. Богачъ бѣднѣ невольника — если онъ жаденъ, — а бѣдный — веселъ — если доволенъ своею участію. Питайтесь одними произведеніями земли, пейте одну воду, — и вы умрете съ миромъ и въ счастьи.»

Далѣе, караванъ пришелъ въ Сиди-Магамет-Муль-Эли-Гандуль, — и положилъ тутъ нѣкоторое количество припасовъ у вождя, для голодныхъ странниковъ. Этотъ благочестивый обычай наблюдается всѣми. Другіе приходятъ, пиютъ и ѣдятъ. Всякой бѣднякъ знаетъ, что найдетъ тутъ пищу, — и никто изъ нихъ не съѣстъ и не выпьетъ больше, нежели крайне необходимо для поддержанія силъ его. И это дѣлается въ пустынѣ.... Но Богъ вседѣющъ.

Туатъ — есть скопленіе нѣсколькихъ оазисовъ. Арабы говорятъ, что въ Туатѣ столько же селеній, сколько дней въ году. Два племени обитаютъ въ нихъ. Одно кочующее, другое осѣдлое. Въ Туми-Мунѣ, присоединился къ каравану Шеггулува другой изъ Тиди-Кельта, Оба Хребира собрали всѣхъ путешественни-

ковъ и заставили ихъ присягнуть на коранѣ, что «всѣ они будутъ составлять одного человѣка и одно ружье.»

На другой день выступилъ соединенный караванъ — и скоро пришли въ Инсалахъ. Тамъ жила одна изъ женъ Шеггудуна, вѣскольکو смѣшанной крови, жившая у отца. Здѣсь присоединился еще третій караванъ во сто пятьдесятъ человѣкъ и шесть сотъ верблюдовъ. Всѣ три избрали проводникомъ Шеггудуна. Онъ согласился и сказалъ имъ:

«Я готовъ васъ вести, — и вы не будете терпѣть ни голода, ни жажды. — Но мы вступили въ область Туареговъ, а они горды, сильны и неправосудны. Надобно имъ льстить. Помните пословицу: Если тотъ, до кого тебѣ нужда, сидитъ на одрѣ, то говори ему: какая у тебя господинъ, прекрасная лошадь. — Они злы и жадны, надобно ихъ дарить. Если я вамъ подамъ знакъ, — то подвесите подарокъ; если скажу: берегитесь, — то откройте глаза и уши.»

Туареги съ незапамятныхъ временъ обитаютъ между Сагарою и Нигеромъ. Они брѣются и носятъ длинныя волосы. Оружіе ихъ длинное копье, сабля и кинжалъ. Только у предводителей ружья. Благодаря усердію Шеггудуна (у котораго и тутъ была жена), караванъ безвредно прошелъ тѣснины этой области.

Главное богатство Туареговъ, составляетъ особенная порода верблюдовъ, называемая *магара*. Они легче, быстрѣе обыкновенныхъ и больше переносятъ. Ихъ воспитываютъ въ палаткѣ, какъ дѣтей семейства.

Послѣ трудныхъ и утомительныхъ переходовъ, караваны достигли до горъ Судана. Тамъ растетъ *гашишъ*, котораго опьяненіе продается въ Тунисѣ и Триполи. Тамъ деревья, изъ которыхъ течетъ бѣлое гумми *ум-эль-намъ*, — и тотъ кустарникъ съ широкимъ плодомъ, который служитъ вмѣсто масла для Арабовъ, — и наконецъ растеніе *бьади*, котораго капустныя листья придаютъ кушанью кислый вкусъ лимона.

Наконецъ прибыли къ цѣли путешествія въ Кашну, столицу королевства Гаусса. Король принялъ путешественниковъ ласково, и дозволилъ продать свои товары, кромѣ сукна, которое все закупилъ себѣ, платя за каждый аршинъ по невольнику. А какъ по расчету оказалось, что у него нѣтъ столько негровъ, то онъ тотчасъ же отправился съ войскомъ на охоту, и черезъ мѣсяць пригналъ ихъ множество. Три лия дается покупщику, чтобъ возвратитъ негра, если у него окажутся *законные* недостатки, а именно:

Дурная походка (то-есть: если нога за-ногу задѣваетъ.)

Дурные глаза и гнилые зубы;

Храпѣніе во-время сна;

Болезнь въ волосахъ (куптунъ.)

Такимъ образомъ, караванъ, вышедшій въ августѣ, пришель въ Кашну въ апрѣлѣ,—и распродавъ свои товары, пустился въ обратный путь. Теперь, къ прежнимъ заботамъ, прибавился надзоръ за невольниками. Нѣкоторые успѣвали бѣжать, но *кіофаты* всегда ихъ отыскивали. Эти люди знаютъ по слѣдамъ на пескѣ: кто и давно ли проходилъ.

Отыскивая однажды двухъ вмѣстѣ скованныхъ и бѣжавшихъ негровъ, кіофаты наткнулись на льва, спавшаго подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ одинъ бѣжавшій негръ. Другаго левъ уже съѣлъ,—и цѣпь отъ него висѣла. Проворнѣйшій успѣлъ вскочить, но лѣнивѣйшій достался льву, который теперь отдыхалъ послѣ сытнаго обѣда.—Онъ однако же проснулся, видя толпу людей, идущихъ къ нему стѣною. Тихо всталъ онъ и ушелъ, оставя другаго негра.

Безъ особенныхъ приключеній, Шеггудунъ привелъ обратно караванъ—и получилъ условную награду.

СТАРЫЯ БАБУШИ АБУ-КАССЕМА. *Арабская сказка.* — Жиль-быль въ Багдадѣ старый купецъ, по имени Абу-Кассемъ, замѣчательный своею скупостію. Сундуки его были полны золота, но онъ никогда не бралъ оттуда ни одного секина, велъ жизнь нищаго, и старожилы не видали его иначе, какъ вѣчно въ одномъ и томъ же платьѣ; и каково было это платье! Балахонъ, давно потерявшій настоящій цвѣтъ свой, взятая чалма, испещренная безчисленнымъ множествомъ маленькихъ пятнушекъ, будто утѣянная звѣздами, и сквозившая какъ рѣшето, отъ порядочнаго количества дыръ, и наконецъ бабуши, столь часто чипенныя, подбиваемыя гвоздями всѣми башмачниками города, что безъ смѣха невозможно было смотрѣть на нихъ. Онѣ были такъ смѣшны, что дали поводъ къ пословицѣ, и когда кто-нибудь говорилъ о чемъ-нибудь ветхомъ, тяжеломъ, неловкомъ, то всегда прибавлялъ: *«какъ Абу-Кассемовы бабуши»*.

Однажды нашему скупцу удалось воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ одного несчастнаго купца и купить у него за безцѣнокъ нѣсколько прекрасныхъ хрустальныхъ кувшиновъ съ розовой водой. Онъ былъ такъ восхищенъ выгодной сдѣлкой, что рѣшился издержать нѣсколько секиновъ. Это было для

него несмысленное дѣло. Но какъ отпраздновать свою покупку? Позвать обѣдать къ себѣ какого-нибудь родственника? Вотъ ужъ удовольствіе! Вся родня его ѣсть за шестерыхъ, какъ проголодавшійся дервишъ. Не купить ли хорошаго кофе? Къ чему?... Онъ привыкъ пить дурной. Поразмысливъ хорошенько, нашъ скряга нашелъ, что гораздо благоразумнѣе, во что бы то ни стало, отправиться въ баню, гдѣ онъ давно не бывалъ.

Пока онъ раздѣвался въ передбанникѣ, одинъ изъ его родственниковъ, также пришедшій въ баню, осторожно сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній на счетъ его изыщенной скупости, и рѣшился даже сказать, что ему пора бросить свои старыя бабуши, сдѣлавшія его посмѣшищемъ всего Багдада. «Ладно! подумаю», проворчалъ себѣ подъ носъ недовольный Абу-Кассемъ, и быстро отвернувшись отъ докучливаго совѣтчика, вошелъ въ баню. По выходѣ оттуда, онъ увидѣлъ около своихъ лохмотьевъ пару новыхъ бабушей. Мысль, что это подарокъ отъ родственника, съ которымъ онъ недавно здѣсь говорилъ, промелькнула въ умѣ его; онъ тотчасъ надѣлъ новыя бабуши и вышелъ. Зачѣмъ несчастный Абу-Кассемъ дотронулся до этихъ завѣтныхъ бабушей! Онѣ принадлежали кади, который вслѣдъ за купцомъ пришелъ въ баню, и послѣ него вышелъ оттуда. Почтенный судья весьма удивился не найдя своей обуви; хватился искать, и наконецъ, въ самомъ темномъ углу представилась взорамъ разсерженнаго кади бѣдняга, скромно стоявшія Абу-Кассемовы бабуши!—Какъ! этотъ бездѣльникъ укралъ мои бабуши. Сейчасъ привести его ко мнѣ. Стража высыпала на улицу, и подошла къ Абу-Кассему въ ту минуту, какъ онъ готовился открыть дверь своего дома. Не смотря на его клятвы въ чистотѣ намѣреній, въ своей невинности, его посадили въ тюрьму, и выпустили не раньше того, какъ онъ заплатилъ значительную сумму кади, въ вознагражденіе за свое неумышленное воровство.

Абу-Кассемъ возвратился домой въ отчаяніи. Скрестивъ руки на груди, онъ остановился передъ бабушами, виновниками его несчастія; долго изливалъ онъ на нихъ всю жолчь своихъ упрековъ; наконецъ не выдержавъ, схватилъ въ съ сердцемъ швырнулъ ихъ въ Тигръ, огнявшій домъ его. Но случилось такъ, что какіе-то рыбаки, закинувъ неводъ въ рѣку, нѣсколько времени спустя послѣ казни бабушей, почувствовали въ немъ тяжесть и полагая, что это какой-нибудь кладъ, передались всевозможнымъ мечтамъ. Вотъ появится ли ящикъ, полный драгоценными каменьями, или мѣшокъ съ цехинами, — въ съ во-

вымъ усилиемъ они тянуть къ себѣ неводъ. Какое же было ихъ отчаяніе, когда они вытаскили изъ воды..... что бы вы думали? Абу-Кассемовы бабуши, которыя, своими страшными гвоздями даже прорвали нѣтъ неводъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ! Взбѣшенные этой неудачей, рыбаки взяли бабуши и бросили ихъ въ окно къ Абу-Кассему: надо же было случиться, чтобъ онѣ упали на хрустальные вазы съ розовой водою и разбились въ дробезги. Привлеченный необычайнымъ шумомъ, Абу-Кассемъ поспѣшилъ въ ту комнату, и съ ужасомъ, похолодвшимъ на безуміе, устремилъ взоръ на проклятыя бабуши, которыя уже заставили его однажды заплатить большія деньги за выкупъ себя, а теперь вышли изъ рѣки, чтобъ уничтожить самую дорогія ему вещи, и преспокойно купаются въ розовой водѣ. Вырвавъ клокъ бороды своей, Абу-Кассемъ вскричалъ въ изступленіи: «Проклятыя! Я съумѣю лишить васъ возможности болѣе вредить мнѣ». Потомъ унесъ ихъ въ свой садъ, вырылъ глубокую яму и закопалъ ихъ въ нее. Онъ уже заравнивалъ яму, какъ одинъ изъ его сосѣдей, предававшійся кейфу на террасѣ дома, замѣтилъ его. Завистникъ и болтунъ, сосѣдъ этотъ не замедлилъ протрезвонить по всему кварталу, что онъ видѣлъ, какъ Абу-Кассемъ вырывалъ кладъ въ своемъ саду. Слухъ этотъ наконецъ достигъ ушей правителя города, который не замедлилъ потребовать къ себѣ несчастнаго Абу-Кассема, съ тѣмъ, чтобъ заставить его объяснить о справедливости клада. Въ случаѣ отказа бѣдному купцу угрожали палочными ударами. Абу-Кассемъ едва не лишился чувствъ; онъ билъ себя въ грудь, призывая къ свидѣтели имя пророка, и клялся, что онъ только зарылъ свои бабуши. Правителя это раздражило еще болѣе; ему казалось, что скупецъ смѣется надъ нимъ. Абу-Кассемъ уже чувствовалъ надъ собою поднятую палку, и ясно видѣлъ, что ничто не поможетъ ему противиться долѣе власти; и такъ, онъ рѣшился еще разъ выплатить опредѣленный штрафъ за тайное сокрытіе имущества, хотя готовъ былъ отдать лучшую душу свою вмѣсто денегъ. Но теперь ужъ онъ рѣшился закончить со своими бабушами во что бы то ни стало, разъ на всегда.

Вечеромъ, когда затихъ на минаретѣ дребезжащій голосъ муадзина, прогнусаващаго обычное воззваніе къ народу, что Аллахъ великъ и Магометъ пророкъ его, что настала часъ молитвы и затѣмъ время предаться сну, и когда небо едва освѣщалось еще послѣдними лучами догорающаго дня, Абу-Кассемъ осторожно вылезъ изъ дому, тихо прокрался по опустѣлымъ

улицамъ Багдада, и вышелъ за городъ. Осмотрѣвшись на всѣ стороны, и убѣдявшись, что никто за нимъ не подсматриваетъ, онъ вытѣпалъ изъ-подъ полы свои завѣтныя бабуши и бросилъ ихъ въ водопроводъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ и слушалъ со вниманіемъ какъ летѣли его два злѣйшіе врага въ воду. Наконецъ, звукъ, ясно доназавшій ему, что бабуши достигли конца своего путешествія, привелъ его въ восторгъ, и съ неописанной радостью поспѣшилъ онъ домой, предаться давно-желанному спокойствію, безпрестанно возмущаемому его заклятой обувью. Увы! лукавыя бабуши готовили еще не одну штуку!

На слѣдующее утро, багдадскія кумушки, отправившись за водой, были весьма удивлены, когда увидѣли, что въ бассейнахъ на одной капи. Начались толки, жалобы, народъ собрался толпою около пустыхъ бассейновъ; надсмотрщики надъ водопроводомъ, испуганные, боясь подвергнуться строгой отвѣтственности, бѣгали въ разныя стороны, и наконецъ, опустили въ самый водопроводъ, чтобъ изслѣдовать не попали ли въ трубы какія-нибудь постороннія тѣла. Дѣйствительно, нашли что-то твердое, недопускавшее воду течь въ трубу и принудившее ее разлиться по окрестнымъ полямъ. Съ большимъ трудомъ достали эту вещь, и увидѣли, что это было не что иное, какъ слишкомъ извѣстныя Абу-Кассемовы бабуши. Опять обвиненія, опять заключенія въ тюрьму, опять выкупъ. Просто разоренье для бѣднаго купца; опасались даже за жизнь его. Наконецъ, онъ снова очутился, бѣдный, истомленный, постарѣлый десятию годами, одинъ въ своемъ домѣ, передъ ядскими бабушами:

— Что же мнѣ дѣлать съ вами? вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: какимъ мукамъ предать васъ? Разрубить на тысячу кусковъ? Тогда, вмѣсто двухъ враговъ у меня ихъ будетъ тысяча! Остается одно средство, это—сжечь васъ.

И стиснувъ ихъ въ своихъ тощихъ, трясинкахъ отъ злости ругаясь, онъ пошелъ къ жаровнѣ; но замѣтивъ, что бабуши еще сыры отъ вечнаго путешествія, рѣшился высушить ихъ сперва, чтобъ опять не испытать неудачи и въ послѣднемъ своемъ намереніи. Для этой цѣли положилъ онъ ихъ на край террасы, чтобъ солнце могло просушить ихъ.

Не успѣлъ онъ отойти на два шага, какъ молодая собака его соседа прыгнула къ нему на террасу, и желая обнюхать одну изъ бабушъ, нечаянно уронила ее на улицу. Эта бабуша упала на голову спородавшей тутъ въ это время женщинѣ.

— Помогите! рѣжутъ! закричали тотчасъ всѣ кумушки квартала.

— Кого зарѣзали? гдѣ убійца? спрашиваютъ мужчины, покидая свои занятія.

Толпа растетъ съ минуты на минуту, и осаждаетъ дверь Абу-Кассемова дома. Хотятъ тотчасъ же изжарить слрагу или изрубить на мелкіе куски.

Тогда старикъ рѣшился обратиться къ кади.

По его просьбѣ отвели его къ почтенному судѣ. Здѣсь, повергнувшись во прахъ предъ мудрымъ блюстителемъ законовъ, вмѣстѣ съ роковыми бабушами, Абу-Кассемъ вскричалъ:

— Незыскаемый источникъ мудрости, ослѣпляющее свѣтло, о, всевышній кади! Ты видишь передъ собою двухъ фурій, поклявшихся погубить меня. Я былъ счастливъ, вель тихую, спокойную жизнь — онѣ уничтожили мое спокойствіе, сократили жизнь. Издай, издай повелѣніе, по которому могъ бы извѣститься весь Багдадъ, что, по-крайней-мѣрѣ, будущія ихъ злодѣянія не будутъ мнѣ болѣе приписываемы. Если жъ не хочешь исполнить этой просьбы, отдаю жизнь свою въ твои руки — вели меня казнить.

Къди невольно улыбнулся, услышавъ столь странную просьбу; впрочемъ, онъ издалъ желанное повелѣніе, приказавъ прочесть его на всѣхъ перекресткахъ улицъ, и на этотъ разъ удовольствовался только тѣмъ, что замѣтилъ Абу-Кассему о необходимости во-время мѣнять свои бабуши.

двойникъ. — *Истинное происшествіе.* На сѣверѣ Солерно, посреди цѣпи Аппениновъ, столь богатой разнообразными и живописными видами, возвышается красивый замокъ; свѣжіе, густые сады совершенно скрываютъ отъ обитателей стѣны, которыя его окружаютъ. Этотъ замокъ съ одной стороны господствуетъ надъ обширною равниною Калабріи, гдѣ разстилается Постумъ, съ другой — надъ величественнымъ Средиземнымъ моремъ, такъ хорошо названнымъ поэтами:

«La mer aux flots d'or et d'azur.»

Противуположность улыбающейся природы съ глѣснымъ мѣстоположеніемъ, которое разстилается у подошвы горы, составляетъ картину поэтическую и полную прелести для всякаго путешественника, котораго случай, а можетъ-быть и прикетъ завлекли въ этотъ уголокъ Италіи, почти совсѣмъ забытый. Замокъ принадлежалъ въ 1811 году маркизу де-Сидеа, который,

какъ многіе другіе Итальянцы, присоединился къ Французамъ, и занималъ одну изъ первыхъ должностей при дворѣ новаго неаполитанскаго короля, Іоахима Мюрата.

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней сентября этого года, въ полдень, молодой человѣкъ, въ мундирѣ гвардіи короля неаполитанскаго, ѣхалъ верхомъ по каменистой дорожкѣ, которая вела къ замку; онъ, казалось, былъ занятъ пріятными мечтами, потому-что улыбка, полная надежды, воодушевляла его благородную и прелестную фязіономію; а глаза, машинально блуждавшіе съ одного предмета на другой, доказывали, что не красоты природы занимали его въ настоящую минуту.

Подѣхавши къ рѣшоткѣ онъ позвонилъ, и отдавъ лошадь старику сторожу, чрезъ померанцовыя и платановыя аллеи, чрезъ рощи миртъ и акацій, достигъ наконецъ до самаго замка. Лакеи, въ богатыхъ ливреяхъ, сидѣли въ мраморной передней галереѣ. Увидѣвъ молодаго офицера, они поспѣшно встали, и одинъ изъ нихъ, проведя его чрезъ длинный рядъ великолѣпно убранныхъ комнатъ, отворилъ обѣ половинки двери, и доложилъ:

— Графъ Эболл.

Комната, въ которую входилъ молодой человѣкъ, была огромная зала, украшенная рѣзною работою изъ чернаго дерева, съ широкими окнами, сторы которыхъ не позволяли свѣту совершенно проникнуть туда. Внезапный переходъ отъ яркаго свѣта въ полумракъ не позволилъ ему сначала различить предметы, но при его имени легкій крикъ послышался въ глубинѣ залы; въ тоже самое время кто-то сказалъ:

— Добро пожаловать, мой другъ, — и человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ благороднымъ и открытымъ лицомъ, маркизъ де-Спина, пожалъ ему руку, между-тѣмъ какъ слегка покраснѣвшая дочь маркиза пристала, и граціознымъ поклопомъ отвѣчала на привѣтствіе молодаго графа.

— Мы васъ сегодня совѣшъ не ожидали, другъ мой, сказалъ маркизъ де-Спина, показывая ему стулъ: ужъ не ѣдете ли вы?

— Точно-такъ, синьоръ. Маршрутъ войска переименъ, потому я еще свободенъ на одинъ день, которымъ я воспользовался, чтобы еще разъ проститься съ вами и съ моею прелестною невѣстою.

— Очень, очень благодаримъ васъ, Фердинандо.

Лодовика не сказала ни слова; она только подняла на молодаго человѣка взглядъ, полный признательности.

К. V. — Отд. VII.

— Будете ли вы когда-нибудь вспоминать о томъ, который любить васъ больше; немая самая жизнь, девиора? нѣжно спростъ сила Эболи у молодой дѣвушки, вѣсѣ довольно продолжительнаго разговора.

— Неужели вы сомнѣваетесь? отвѣчала она съ жидростію: о что не хорошо!

— Уны! мнѣ необходимо быть увѣреннымъ въ этомъ, для того, чтобы я могъ спокойно перенести тяжесть разлуки. Мы, можетъ-быть, долго не увидимся, милая Лодовика; позвольте мнѣ вручить вамъ это кольцо, которое будетъ вамъ напоминать, что моя судьба навсегда связана съ вашею.

Лодовика посмотрѣла на отца; и по знаку маркиза протянула молодому офицеру свою предестинную руку, на палецъ которой онъ надѣлъ простое золотое кольцо, на которомъ блистала изумруда.

— Это кольцо мнѣ досталось отъ моей матери, съ волненіемъ сказалъ онъ: пусть съ высоты небесъ благословитъ она насъ обрѣхъ. Тщера прѣдайте, милая Лодовика; прощайте, батюшка.

— Вы уже оставляете насъ? спросилъ маркизъ.

— Что дѣлать, необходимо; мнѣ вѣдно возвратиться до наступленія ночи; а посмотрите, прибавилъ онъ, мѣя къ окошку, солнце скоро скроется....

— Въ такомъ случаѣ поѣжайте, мой другъ, и возвращайтесь съ славнымъ именемъ.... Вы знаете, какая награда васъ ожидаетъ.

— Я постараюсь сдѣлаться достойнымъ ея! вскричалъ молодой человекъ съ жаромъ.

— Хорошо, другъ мой; но не забудьте, что во мнѣ вы имѣете отца.

— Батюшкѣ образомъ могу я забыть это, сеньоръ? Не вы ли тотъ, которому я обязанъ славою и счастіемъ.

— Вашъ отецъ былъ лучшимъ моимъ другомъ, Фердинандо; я долженъ замѣнить его вамъ. Это письмо, которое онъ написалъ ко мнѣ предъ самую свою смерть, священно для меня. Онъ просилъ меня предстать вамъ новому королю, я исполнилъ его волю. Государь васъ любитъ, и вы имѣете предъ собою блистательную будущность. Но замѣтите, другъ мой, отдавая за васъ мою дочь, я не уступаю ничему, какъ только влеченію, которое чувствую къ вамъ, и только оно одно могло заставить меня открыть вамъ то, что всего дороже для меня на свѣтѣ: вы ее сдѣлаете счастливою, но правда ли?

— О, клянусь предъ Богомъ! вскричалъ Эбблн, Прощайте, милая Лодовика, прибавилъ онъ, преклонивъ колѣно и взявъ руку молодой дѣвушки, на которой напечатлѣлъ почтительный поцалуй.

— Прощайте, Фердинандо.... Я буду молиться за васъ Богу, сказала она едва слышнымъ голосомъ и отвернувшись, чтобы отаротъ слезу,

— Довольно, довольно, вскричалъ маркизъ, чтобы сиречь исполнение, которое прозвела на него эта сцена. Поважайте, сынъ мой, не хорошо, если его величество упрекнетъ васъ въ томъ, что вы не исполнили его повелѣнiя.

Эбблн, не будучи въ состоянiи проианести слова, съ услаисмъ оторвался отъ твоей невѣсты, крѣпко сжалъ руку маркиза, и поспѣшно вышелъ изъ залы; его лошадь, которую одинъ изъ слугъ держалъ за узду, ожидала его за рѣшеткой. Молодой человекъ вскочилъ на нее и медленно удалился отъ замка, на каждомъ шагу оборачиваясь, чтобы еще разъ взглянуть на Лодовику, которая, стоя на балконѣ, смотрѣла ему вслѣдъ, опершись на руку своего отца, Онъ обернулся въ послѣднiй разъ — и медленно скрылся за горою....

Вечеромъ того же самаго дня, Лодовика, рано возвратившись въ свою комнату, и отославъ своихъ прислужницъ, отворила стеклянную дверь маленькаго кабинета, который находился подле ея комнаты, и сѣла на балконъ. Этотъ балконъ, построенный на краю увеличеннаго пандиона, выходилъ съ одной стороны на дорожку, чрезвычайнао крутую, а съ другой на глубокий ровъ, на днѣ котораго шумѣлъ вѣнцестый потокъ, скрытый подъ чащею листоенницы, верхiя вѣтви которой доходили до самаго балкона.

Ночь была тихая и свѣтлая, мiриады звѣздъ блестящи на небѣ, на этомъ сводѣ храма, куполъ котораго — невѣроятность

Опершись на руку, молодая дѣвушка предалась совершеннао своимъ мечтамъ. Волеусмая то страхомъ, то надеждою, она воображенiемъ слѣдила за любимымъ женихомъ. Она слѣдовала за нимъ во всѣхъ опасностяхъ и случаяхъ войны; потомъ ей представилсяс тотъ счастливыи день — день, въ который они должны на-вѣки соединиться.... Вдругъ послышался какой-то шорохъ. Можетъ-быть это шелестъ листьевъ?... но въ воздухѣ не было нимагѣйшаго вѣтра; покрывало, которое она нагнула на голову, не колебалось. Молодая дѣвушка начала прислушиваться. Опять послышался тотъ же шорохъ, но на этотъ разъ почти подлѣ нея. Въ это самое мгновение высокiя вѣтви листоенницы ти-

хонько раздѣлились, и при слабомъ свѣтѣ звѣздъ, она могла различить фигуру человѣка. Лодовика затрепетала, кровь бросилась къ ея сердцу, она уже готова была бѣжать, когда слова: Не бойтесь ничего! — произнесенныя знакомымъ ей голосомъ, заставили ее остаться на мѣстѣ.

Предъ нею былъ Эболи.

— Именемъ Бога, Фердинандо, вскричала она, видя, что онъ готовился вспрыгнуть на балконъ: тамъ внизу пропасть!...

Но молодой человѣкъ былъ уже подлѣ нея, и преклоня колѣна, умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Простите мнѣ, милая Лодовика, я не могъ воззрѣть въ Неаполь, не повидавшись еще разъ съ вами. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я васъ оставилъ, я, какъ тѣнь, бродилъ около вашего замка; можетъ быть мое отсутствіе будетъ продолжительно...

Вѣсто всякаго отвѣта, Лодовика протянула ему руку. Они сѣли и долго оставались безмолвны. Оба, безъ сомнѣнія, думали объ разлукѣ; потомъ возобновили клятвы въ вѣрности предъ прекраснымъ небомъ, которое, казалось, внимало имъ.

— Дайте мнѣ локопъ вашихъ волосъ, Лодовика! сказа лъ молодой человѣкъ умоляющимъ голосомъ.

И обнаживъ кинжалъ, онъ отсѣкъ одинъ изъ шелковистыхъ локоновъ, которые ниспадали на прелестныя плечи молодой дѣвушки; въ то же самое мгновеніе нѣсколько капель крови упали на обнаженную руку испуганной Лодовики.

— Это будетъ воспоминаніемъ этого вечера, сказалъ Эболи, и смѣясь показавъ ей на легкую парашину, которую конецъ кинжала провелъ на его лѣвой рукѣ. Молодая дѣвушка, краснѣя, отстегнула голубую ленту, обхватывавшую ея талію, и перевязала рану своего жениха.

— О! благодарю, вскричалъ онъ, прача локопъ у сердца: это будетъ шить, который отвратитъ отъ меня удары непріятелей. Милая Лодовика, не забывайте бѣднаго Фердинандо!...

Въ послѣдній разъ пожалъ онъ ей руку, однимъ прыжкомъ перескочилъ ровъ, и спустился по крутой дорожкѣ. Лодовика, наклонившись съ балкона, трепещущая отъ ужаса, внимательно прислушивалась къ шуму шаговъ, постепенно ослабѣвавшихъ, — и скоро напѣвъ горной пѣсни далъ ей знать, что молодой человѣкъ былъ на большой неаполитанской дорогѣ и въ совершенной безопасности.

Лодовика ни слова не сказала объ этомъ своему отцу. — Когда Эболи возвратился въ лагерь, король возложилъ на него исполненіе одного дѣла, въ которомъ онъ долженъ былъ пока-

затѣ и храбрость и благородіе. Надобно было проѣхать чрезъ страну, занятую непріятельскими войсками, достигъ до города, принадлежавшаго Французамъ, отдать депеши, и на слѣдующее утро возвратиться въ лагерь. Самъ король ввѣрилъ Фердинанду депеши и сказалъ ему пароль.

Уже темнѣло, когда Фердинандо, сѣвъ на свою любимую лошадь, поѣхалъ чрезъ поля и виноградники, тщательно избѣгая большой дороги. Легкій мечтами славы и счастья, онъ опустилъ поводья, и ввѣрился инстинкту своей лошади. Вдругъ послышались голоса. Эболи соскочилъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву и осторожно сталъ пробираться вдоль плетня. Прошло нѣсколько минутъ, и наконецъ онъ достигъ берега маленькой рѣчки, которая составляла границу позиціи Австрійцевъ. Съ депешами въ одной рукѣ, онъ готовился скинуть платье, чтобы переплыть рѣчку, какъ вдругъ два человека бросились на него изъ-за кустарника, который скрывалъ ихъ, и прежде нежели успѣлъ онъ сдѣлать хоть одно движеніе, чтобы защищаться, онъ былъ связанъ и положенъ на дно маленькой лодочки, которая быстро понеслась по теченію.

Послѣ первой минуты изумленія отъ этого непріятнаго происшествія, онъ началъ размышлять: былъ ли онъ во власти бандитовъ или плѣнникъ Австрійцевъ? Эта послѣдняя догадка была правдоподобнѣе. Но прежде, нежели успѣлъ онъ убѣдиться въ этомъ, лодка остановилась. Онъ былъ перенесенъ въ домъ, что онъ заключилъ по перебѣнѣ температуры, потомъ чрезъ нѣсколько минутъ, все-таки въ совершенномъ безмолвіи, взяли у него депеши, съ него скинули платье, перстни, которые онъ носилъ на рукѣ; на него надѣли другую одежду, и шумъ веселья возвѣстилъ ему, что похитители удалились.

Нѣсколько часовъ онъ былъ въ отчаяніи, думая о своемъ неисполненномъ препорученіи, видя, что то время, въ которое онъ бы могъ исполнить его, проходило къ мучительномъ бездѣйствіи. Въ такомъ положеніи провелъ онъ ночь. Первые лучи солнца согрѣли его, но въ то же время къ его душевнымъ страданіямъ присоединилось мученіе еще болѣе жестокое — голодъ, страданіе, въ которомъ онъ не хотѣлъ сначала сознаться. День прошолъ, ночь опять возвратилась, и съ нею увеличились страданія молодого офицера. Члены его совершенно онѣмѣли; онъ чувствовалъ, что на лбу у него выступалъ холодный потъ. Неужели ему суждено умереть съ голода?... Звукъ голоса долетаетъ до его напряженнаго слуха; онъ слышитъ, что кто-то входитъ въ комнату, развязываетъ ему руки и ноги, снимаетъ

повязку... нѣсколько капель воды возвращаютъ ему употребленіе всѣхъ чувствъ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя — онъ въ бѣдной хижинѣ, подлѣ него молодой крестьянка и пастухъ лѣтъ 10-ти. Эболи пытался узнать отъ нихъ о тѣхъ, которые его бросили сюда, но они ничего не видали, и только случайно пришли сюда. Освободители его предложили ему молока и хлѣба, и онъ принялъ это съ величайшею признательностью. Куда ему надлежало теперь идти? Преслѣдовать ли покатителей или возвратиться въ лагерь? Фердинандо посмотрѣлъ на свою одежду и рѣшился на послѣднее. Не смотря на то, что онъ былъ еще очень слабъ, Эболи шелъ безъ отдыха цѣлую ночь, и около трехъ часовъ утра достигъ наконецъ лагеря. Часовой ослыкнувъ его. Онъ сказалъ пароль — его взяли какъ шпиона, и отвели къ дежурному офицеру. Фердинандо объявилъ свое имя и требовалъ, чтобы его привели къ королю, но офицеръ отвѣчалъ, что графъ давно уже возвратился отсюда, куда его посылали, и привезъ королю вѣрный во всемъ отчетъ. Эболи настаивалъ, говоря, что какой-нибудь обманщикъ принялъ его имя. Въ это самое время пришла нѣкоторые изъ его друзей. Онъ разсказалъ имъ свое приключеніе, и этотъ разсказъ достигъ до самаго короля.

Мюрать нашелъ это приключеніе до того страннымъ, что приказалъ привести молодаго человѣка къ себѣ, позвалъ также и Эболи.

Фердинандо вошелъ въ палатку короля и совершенно нечаянно увидалъ свой образъ въ зеркалѣ... Онъ испугался. Загорѣлое лицо, растрепанные волосы, разодранное платье, до того измѣнили его, что онъ усомнился, узнаютъ ли его. Но какое было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что вошелъ офицеръ одѣвъ съ нимъ лѣтъ, одинаковаго съ нимъ роста, одѣтымъ въ его платье?... Та же походка, тотъ же видъ, тѣже черты лица; онъ заговорилъ, и голосъ его казался экомъ голоса Эболи. Когда мнимому графу объявили о томъ, зачѣмъ его призвали, онъ клановидно сказалъ, обратясь къ Фердинандо:

— Вы мнѣ дѣлаете честь, сивьоръ, избравъ меня своимъ двойникомъ. Къ несчастію у меня есть два или три предмета, которые я люблю такъ сильно, что, навѣрно, вы мнѣ простите, если я откажусь перемѣниться съ вами нашими положеніями.

Раздраженный такимъ безстыдствомъ, Фердинандо возымѣлъ намѣреніе рѣшить оружіемъ, кто истинный графъ Эболи?

— Мнѣ очень досадно, что я долженъ, другъ мой, отказать вамъ въ этомъ; съ прошею отвѣчалъ мнимый графъ; но я обра-

шиваю васъ, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ офицерамъ, могу ли я, не унижая себя, сражаться съ этими негодяемъ?

Король, не сомнѣваясь болѣе, строго сказалъ Фердинанду:

— Почитайте себя счастливымъ, что я не велю васъ разстрѣлять, какъ шпона. Васъ выведутъ изъ лагеря подъ прикрытіемъ; но не забывайте, что васъ ожидаетъ строгое наказаніе, если вы осмѣлитесь когда-нибудь вновь показаться и будете продолжать вашъ обманъ.

Ярость, стыдъ, горестъ стѣснили сердце Фердинанда. Онъ увидѣлъ себя въ нѣсколько минутъ лишеннымъ имени и званія; обидныя слова обманщика и угрозы короля безпрестанно разлазались у него въ ухахъ. Но скоро бодрость и надежда возвратились къ нему. Онъ рѣшился возвратиться въ шпалу. Спѣша, чтобы маркизъ могъ удостовѣрить всѣхъ, что онъ истинный графъ Эболи. Фердинандо былъ совершенно безъ денегъ, и не имѣлъ по близости ни родныхъ, ни друзей, которые могли бы протянуть ему руку помощи. Онъ долженъ былъ идти, тщательно избѣгая жилищъ, и останавливался только для того, чтобы попросить у крестьянъ винограду или свѣжихъ плодовъ; наконецъ онъ пришелъ на шпалу.

Съ трудомъ могъ онъ уговорить слугъ, чтобы они допустили его къ ихъ господину. Маркизъ принялъ его съ удивленіемъ, потому-что въ этихъ лохмотьяхъ довольно трудно было узнать свѣтскаго графа Эболи. Не менѣе пораженный выраженіемъ его голоса, онъ привелъ его въ свой кабинетъ, съ нетерпѣніемъ ожидая объясненія. Едва только Фердинандо успѣлъ кончить рассказъ своего страннаго приключенія, какъ вдругъ послышался топотъ лошади, и чрезъ нѣсколько времени, лакей отворилъ обѣ половинки двери, и доложилъ:

— Графъ Эболи.

Мнимый графъ граціозно поклонился маркизу, потомъ съ изумленіемъ вскричалъ, обращаясь къ Фердинанду, и бросивъ на него взоръ, полный ненависти и презрѣнія:

— Вы заѣсь!

Фердинандо холодно привсталъ. Не смотря на свою усталость, не смотря на лохмотья, въ его холодномъ поклонѣ было столько достоинства, что маркизъ въ-самомъ-дѣлѣ узналъ въ немъ сына своего друга. Онъ посмотрѣлъ на мнимаго графа — то же самое достоинство было и на его лицѣ.

— Я не ожидалъ, сказалъ мнимый графъ: чтобы послѣ угрозы короля, этотъ несчастный осмѣлился продолжать эту комедію....

Но видя, что недоумѣніе маркиза все болѣе и болѣе увеличивается, онъ прибавилъ:

— Я воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы навѣстить моего будущаго отца и мою прелестную невесту.

— Какъ! вскричалъ Фердинандо, не будучи болѣе въ состояніи удержать себя: не довольный тѣмъ, что присвоилъ мое имя, ты еще осмѣливаешься занять мое мѣсто въ домѣ отца моего?...

Слезы ручьями полились изъ глазъ молодаго человѣка, и онъ закрылъ лицо руками.

— Этотъ дворецъ — есть дворецъ моего отца! дерзко вскричалъ мнимый графъ.

— И земля не разверзается, чтобы поглотить обманщика! вскричалъ Фердинандо, изумленный такою дерзостью.

Маркизь посмотрѣлъ на нихъ, и недоумѣніе его еще болѣе увеличилось. Теперь, несмотря на нищенскую одежду Фердинандо, что-то говорило ему въ его пользу.

— Это сомнѣніе несомненно, сказалъ онъ наконецъ. Я пошлю за своею дочерью, ея рѣшеніе будетъ мовимъ. Можно положиться на пронизательность женщины, и въ особенности влюбленной. Онъ велѣлъ ея позвать. Улыбка торжества проскользнула на губахъ у каждаго изъ нихъ. Недоумѣніе маркиза все болѣе и болѣе увеличивалось.

Лодовика, узнавъ о пріѣздѣ жениха, полная счастья и радости, вошла въ кабинетъ. Она уже хотѣла подойти къ тому, который былъ въ офицерскомъ мундирѣ, какъ вдругъ голосъ, хороню ей извѣстный — голосъ Фердинандо, произнесъ ея имя. Она не вѣрила глазамъ своимъ. Маркизь разсказалъ ей обо всемъ въ немногихъ словахъ, и просилъ рѣшить, кто изъ нихъ настоящій графъ Эболи.

— Синьора, не гнушайтесь мною, сказалъ Фердинандо, потому-что я являюсь предъ вами въ такомъ видѣ. Ваша любовь можетъ мнѣ возвратить честь и счастье.

— Я не знаю, что съ вами сдѣлалось, отвѣчала молодая дѣвушка, но во всякомъ случаѣ я узнаю въ васъ графа Эболи.

— Лодовика, сказалъ мнимый графъ: вы обманулись, однимъ словомъ могу я доказать, что я настоящій графъ Эболи!

— Лодовика, возразилъ Фердинандо громкимъ и торжественнымъ голосомъ: это я надѣлъ на вашу руку обручальное кольцо, предъ Богомъ и вашимъ отцемъ; ваша судьба была ввѣрена мнѣ — развѣ вы не помните этого!

Мнимый графъ молча приблизился къ молодой дѣвушкѣ,

преклонилъ колѣна, и вынулъ съ груди голубую ленту и локонъ черныхъ волосъ.

— Узнаете ли вы это? тихо спросилъ онъ, страстно взглянувъ на нее. Щеки Лодовики покрылись нѣжнымъ румянцемъ. Она обратилась къ отцу, и сказала, указывая на мнимаго графа:

— Вотъ Фердинандо.

Тщетно спорилъ Эболи, маркизъ хотѣлъ его посадить въ темницу, и только по просьбѣ мнимаго графа онъ былъ съ безчестіемъ выгнанъ изъ замка. Ярость вторично раненаго льва ничтожна въ сравненіи съ яростью, которая жала сердце Фердинандо.

Первою заботою Эболи было идти въ кабинетъ, ключъ отъ котораго имѣлъ только онъ одинъ. Онъ преклонилъ колѣна предъ мнѣиатурнымъ портретомъ своего отца, который весь былъ осыпанъ бриліантами, и испросилъ предъ этимъ изображеніемъ отцовскаго благословенія. Потомъ, наскоро подкрѣпивъ свои истощенныя силы, онъ легъ спать, утѣшая себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ спокойно проведетъ ночь подъ отеческой кровлей.... Около полуночи дверь въ его комнату отворилась, и вошелъ маркизъ Спина. Фердинанда лишили свободы. Богатый портретъ, найденный на груди его, показался для всѣхъ явнымъ доказательствомъ, для чего онъ пришелъ сюда. Онъ былъ отданъ въ руки правосудія, посаженъ въ темницу, и осужденъ на всю жизнь на галеры.

Около вечера того дня, когда онъ долженъ былъ покинуть Неаполь, чтобы, съ своими несчастными товарищами, идти работать на дорогахъ Калабріи, дверь его темницы отворилась и онъ увидѣлъ мнимаго графа. Молча смотрѣлъ на него обманщикъ, вмѣстѣ и съ торжествующею радостію и съ жалкимъ состраданіемъ. Фердинандо остался холоденъ и безмолвенъ. Онъ страдалъ, но не хотѣлъ показать страданія своего торжествующему мучителю. По лицу мнимаго графа можно было видѣть, какая борьба происходила въ его сердцѣ: Онъ отвернулся, чтобы возвратитъ присутствіе-духа, которое въ этомъ преступномъ замыслѣ не оставляло его еще до-сихъ-поръ. Фердинандо первый прервалъ молчаніе:

— Чего хочешь отъ своей жертвы торжествующіи преступникъ? холодно спросилъ онъ.

— Чувство состраданія привело меня сюда. Я страдаю, видя того, кого принимали за меня, въ такомъ ужасномъ положеніи.

Возьмите это золото—оно отворить или дверь темницы. Исполните только одно условіе—и вы свободны.

— Какое же это условіе?

— Подпишите эту бумагу.

Рука мнимого графа дрожала, когда онъ подавалъ ему бумагу, всю исписанную, по которой графъ долженъ былъ сознаться въ своемъ обманѣ. Негодованіе Фердинанда ясно можно было прочесть въ глазахъ его. Не сказавъ ни слова, онъ разорвалъ бумагу и бросилъ клочки.

— Если вы противитесь это сдѣлать потому, что надѣетесь получить руку Лодовики, вскричалъ мнимый графъ: то знайте, она уже принадлежитъ мнѣ, я ея мужъ....

Фердинандо поблѣднѣлъ и положилъ руку на сердце. Потомъ переломивъ себя, преодолевъ горестъ, онъ сложилъ руки на груди и пристально посмотрѣлъ на обманщика.

Мнимый графъ не могъ снести пронизательнаго взгляда своей жертвы, онъ затрепеталъ, и потупивъ глаза, отошелъ къ самой двери.

— Въ такомъ случаѣ прощайте, закричалъ онъ, уходя: но вспомните, что я приходилъ сюда за тѣмъ, чтобы предложить вамъ свободу.

Дверь темницы затворилась. Фердинандо не имѣлъ болѣе никакого утѣшенія на этомъ свѣтѣ; онъ преклонилъ колѣна на влажной соломѣ, и закрывъ лицо руками, плакалъ и молился.

На слѣдующій день толпа колодниковъ оставила Неаполь.

Между ними находился графъ Эболи.

Лодовика не была замужемъ за мнимымъ графомъ, но день свадьбы былъ уже назначенъ, какъ вдругъ внезапная смерть маркиза замедлила ее. Сирота, чтобы провести время траура, уѣхала къ одной старой теткѣ, въ замокъ, принадлежавшій нѣкъ фамиліи. Тщетно мнимый графъ употребилъ все способы, чтобы перемѣнить это рѣшеніе, Лодовика осталась непоколебима. Она позволила ему часто навѣщать ее.

До сихъ-поръ мнимый графъ такъ искусно велъ свой обманъ, что не подалъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію. Теперь мало-по-малу и подъ различными предлогами онъ старался окружить Лодовику людьми ему преданными, которые получали отъ него приказъ слѣдить за каждымъ шагомъ сироты, такъ что въ скоромъ времени она сдѣлалась совершенною пленницей въ собственномъ своемъ замкѣ. Такъ какъ она привыкла, какъ и все Итальянка, къ полной свободѣ, то этотъ прсмотръ

казался ей небезопаснымъ. Первые сомнѣнія вкрались въ ея сердце и для нея довольно было нѣсколькихъ вопросовъ, чтобы убѣдиться, что ея подозрѣнія справедливы.

Не имѣя надежды на совѣтъ или на помощь старой тетки, она рѣшилась на послѣднее средство. Лодовика намѣрена была ѣхать въ Неаполь, упасть къ ногамъ короля, рассказать ему всю эту странную исторію, и испросить возвращеніе настоящаго Эболи. Уже она хотѣла дать свои приказанія къ отъѣзду, какъ ей объявила, что она даже не можетъ выйти изъ своей комнаты. Присутствіе духа не оставило ее. Нѣсколько минутъ тому назадъ это было робкое дитя, теперь негодованіе дало ей необыкновенную смѣлость. Она велѣла позвать своего тюремщика.

Мнимый графъ не заставилъ себя дожидаться. Этотъ зовъ казался ему хорошимъ предзнаменованіемъ.—Онъ пришелъ полный надежды.

— Вы меня звали, Синьора? сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Да, отвѣчала она холодно: мнѣ хочется знать, не по вашимъ ли приказаніямъ я здѣсь, у себя—пльнница?

— Синьора, сказалъ онъ, запинаясь... ревность не извинительна ли... когда любить?...

— Довольно вамъ обманывать, я вамъ болѣе уже не вѣрю, сказала она съ гнѣвомъ, вы обманщикъ, а настоящій Эболи—ваша жертва...

Она не могла кончить и зарыдала.

— Да, вскричалъ мнимый графъ: я васъ обманывалъ! Мнѣ также надоѣла эта роль. Да, настоящій Эболи тотъ самый, котораго вы отвергнули, но имя, которое я присвоилъ себѣ— есть также имя моего отца. Я старшій братъ Фердинандо.

— Вы! вскричала молодая дѣвушка съ удивленіемъ.

— Да, синьора. Только у него имя, почести, богатство; у меня бѣдность и презрѣніе!... Матюю, мать мою, любилъ покойный графъ Эболи; онъ долженъ былъ на ней жениться, но честолюбіе заставило его вступить въ бракъ съ другою, отъ которой онъ имѣлъ другаго сына. Онъ позабылъ Матюю и ея дитя. Моя мать была Корсиканка. вмѣстѣ съ ея молокомъ сосала я мечь, и въ особенности ненависть къ тому, кто похитилъ въ свѣтъ мое мѣсто. Я былъ старшій; имя, титулы моего отца должны бы принадлежать мнѣ; каково же было мнѣ видѣть, что ихъ носитъ другой? Онъ наслаждался всѣми почестями въ те время, имѣя я былъ невѣстень! Чудное сходство между братомъ

и мною пригодилось мнѣ удивительно какъ хорошо; мое постоянство сдѣлало остальное. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ преслѣдовалъ я Фердинандо, подражая его походкѣ, голосу, посвящая себя во всѣ его секреты. Что я претерпѣлъ въ эти четыре года, не возможно выразить. Принужденный безпрестанно перемѣнять одежду, чтобы скрыть мое сходство съ братомъ, моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было бродить около этаго замка, входъ въ который былъ мнѣ запрещенъ; но я надѣялся, что двери его скоро для меня отворятся. Когда Фердинандо пріѣхалъ съ вами проститься, синьора, я слѣдовалъ за нимъ подъ одеждою стараго пѣльгрима; потомъ я его догналъ въ Неаполѣ, оттуда съ помощію двухъ австрійскихъ бѣглецовъ слѣдовалъ за нимъ въ эту ночь, когда я исполнилъ свои намѣренія.... Я много страдалъ! но за то какова была моя радость, когда предъ королемъ я увидѣлъ себя въ почестяхъ, а его — униженнымъ! Теперь вы все знаете, синьора. Я васъ обманывалъ, — это правда, но я васъ люблю съ того самаго времени, какъ Фердинандо въ первый разъ былъ къ вамъ представленъ. Въ этотъ день, подъ ливреею одного изъ его слугъ, я упивался вашими взорами и словами, но только они относились къ другому! Вы даже и не подозревали объ моемъ существованіи!...

Потомъ онъ громко вскричалъ:

— Я старшій сынъ графа Эболя, слѣдовательно, и вашъ женихъ. Не вы ли признались мнѣ въ любви на виллѣ Спина?... Лодовика, оттолкнете ли вы теперь того, кого вы видѣли у вашихъ ногъ, кому вы дали локонъ вашихъ волосъ?...

— Оставьте меня! вскричала она съ негодованіемъ: я люблю Фердинандо, а не васъ. Что нужно, что сходство обмануло меня? Я не буду имѣть другаго мужа, кромѣ того, котораго выбралъ мой отецъ.

— Лодовика, Лодовика! Не отвергайте меня!

— Оставьте меня! отвѣчала она: вашъ видъ наводитъ на меня ужасъ!...

— О, вы меня полюбите, я хочу этого! вскричалъ онъ отрывистымъ и глухимъ голосомъ. Лодовика! вы будете моею женою!

— Никогда! вскричала она съ отчаяніемъ.

Всѣ ея мысли сосредоточились теперь на томъ, кого она не узнала, на своемъ благородномъ и несчастномъ женихѣ.

— Это я виновата, говорила она въ отчаяніи. О! Фердинандо! прости меня! Я виновата. Зачѣмъ разговаривала я съ нимъ на балконѣ! Нѣкоторые изъ заключенныхъ получили прощенье...;

можетъ-быть и Фердинандо въ числѣ ихъ; но какъ узнать объ-этомъ, какимъ образомъ достигъ до короля?... Счастливая мысль блеснула въ умѣ ея, и она рѣшилась исполнить ее.

Когда всѣ въ замкѣ уже спали, когда никакой шумъ не нарушалъ уже тишины корридоровъ, она тихо вышла изъ своей комнаты, спрятала лампу подъ-полу своей мантин, прошла чрезъ длинную галерею, и вошла въ высокую и пустую комнату, гдѣ находилось оружіе и платье древнихъ обитателей замка. Молодая дѣвушка поспѣшно одѣлась въ платье пажа, въ лѣвую руку взяла шпагу, въ правую шкатулку съ ея драгоценными вещами и нѣсколькими золотыми монетами. Потушивъ лампу, оцупью спустилась она по потаенной лѣстницѣ, которая выходила въ часовню, въ которой въ продолженіе дня и ночи теплилась лампадка. Лодовика положила на полъ свою шляпу и шпагу и усердно просила у Святой Дѣвы заступничества; потомъ, полная надежды, встала, отворила потаенную дверь и очутилась въ полѣ.

Вокругъ нея возвышались хребты Аппениновъ, надъ нею мрачное, покрытое облаками небо; сильный и холодный декабрьскій вѣтеръ жалобно вылъ. Безъ всякаго страха Лодовика смѣло шла впередъ, и вскорѣ начала взбираться на одну изъ горъ. Такимъ образомъ блуждала она цѣлую ночь, цѣпляясь за кустарники, чтобы взойти на крутизны, такъ, что къ утру все ея платье было разодрано. Она собрала остатокъ силъ своихъ, выпила нѣсколько капель воды изъ прозрачнаго источника и продолжала свой путь. Но около полудня, не будучи въ состояніи идти далѣе, она развела руками кустарникъ, чтобы положить туда свою шкатулку и отдохнуть, какъ вдругъ въ скалѣ, которая находилась позади нея, увидѣла отверстіе, поскользнулась и очутилась въ какой-то пещерѣ, въ которую свѣтъ проникалъ сверху, чрезъ узкую расщелину. Виноградъ, хлѣбъ и бутылка вина стояли посрединѣ, на высокомъ камнѣ.

Молодая дѣвушка робко посмотрѣла вокругъ себя, и не видя никого, сѣла за этотъ грубый столъ. Облокотившись на него, она предалась воспоминаніямъ и нѣсколько слезъ упало изъ прелестныхъ глазъ ея. Она провела нѣсколько времени въ этомъ положеніи, мечтая о своемъ отцѣ, о своихъ несчастіяхъ, о бѣдномъ Фердинандо, какъ вдругъ едва слышный шорохъ прервалъ ея мечты. Она съ испугомъ обернула голову и испустила радостный крикъ... Подъ одеждою странника она узнала Фердинандо!

Различныя ощущенія, которыя со вчерашняго дня волновали кровь ея, усталость, радость, лишили ее остальныхъ силъ. Когда она пришла въ себя, тогда увидѣла возлѣ себя человѣка лѣтъ сорока, съ суровымъ и смуглымъ лицомъ, съ холоднымъ и дикимъ взглядомъ.

— Не бойтесь ничего, сказалъ ей Фердинандо: это здѣшній хозяинъ....

Фердинандо сѣлъ возлѣ нея. Сколько вещей они должны были пересказать другъ другу! Сколько событій случилось съ тѣхъ-поръ, какъ они въ послѣдній разъ видѣлись!

Лодовика рассказала ему смерть своего отца, свою печаль, подозрѣнія, которыя родились у нея къ мнимому графу, и которыя такъ скоро превратились въ увѣренность, свое бѣгство.

Очередь была за Фердинандомъ. Его исторія была коротка. Послѣ кратковременнаго заточенія его, при разсмотрѣнці обвинительныхъ противъ него документовъ, не найдя ихъ достаточно основательными, освободили Фердинандо. Съ тѣхъ поръ онъ находилъ единственнымъ утѣшеніемъ блуждать около тѣхъ мѣстъ, гдѣ надѣялся наслаждаться счастіемъ семейной жизни съ прекрасною Лодовикою.

Молодая дѣвушка была еще слишкомъ слаба, чтобы отправиться въ путь, и потому осталась ночевать въ пещерѣ, входъ которой защищалъ Фердинандо. На другой день, въ недалекомъ разстояніи отъ пещеры, отлучась заводой, нашелъ онъ лежащаго на травѣ брата своего, который преслѣдуя Лодовику, попался разбойникамъ, былъ ограбленъ ими и получилъ нѣсколько ранъ.

— Братъ! вскричалъ Фердинандо, протягивая ему руку.

Сынъ Матем успѣлъ опомниться, всталъ и бросился къ нему въ объятія. Имя брата, произнесенное дѣжнимъ голосомъ, тронуло его до глубины сердца.

— Но простишь ли ты мнѣ! сказалъ онъ, нерывающимся отъ слезъ голосомъ, прижимая брата къ сердцу.

— Я забылъ все, отвѣчалъ Фердинандо, и всѣ съ Лодовикою отправились въ Неаполь.

Спустя нѣсколько времени блистательная свадьба праздновалась на виллѣ Спина. Присутствіе Мюрата и Христины, предѣстной королевы, сестры Наполеона, придавали царскій блескъ этому празднику. Во-время обѣда парующіе съ удивленіемъ замѣтили напротивъ молодыхъ супруговъ человѣка, котораго голось, манеры, который однимъ словомъ весь былъ чрезвычай-

но похожъ на молодого графа Эболи. Фердинандо просилъ короля, чтобы онъ позволилъ утвердить за его старшимъ братомъ чина и всѣ права, которыми онъ долженъ былъ пользоваться по старшинству.

Скоро наступилъ 1812 годъ, и два брата, находясь при особѣ короля, сопровождали его въ несчастномъ походѣ въ Россію. При переправѣ чрезъ Березину, Фердинандо, сброшенный съ лошади упалъ въ воду.... онъ скрылся.... сынъ Матея бросился вплавь, схватилъ своего брата за руку, достигнулъ съ нимъ берега; и такимъ образомъ спасъ ему жизнь. Но это усиліе уничтожило послѣднія его силы, уже ослабѣвшія тяжелою раною....

— Прощай, братъ, сказалъ онъ Фердинандо: тебѣ обязанъ я именемъ отца моего, тѣнь моей матери удовлетворена, умираю спокойно, потому-что моя смерть хотя немного загладитъ проступки мои противъ тебя! Прощай!... посвяти свою жизнь той, которая такъ тебя любитъ.... будь счастливъ!...

Впослѣдствіи Фердинандо и Лодовика часто съ любовью вспоминали объ своемъ братѣ. Это проществіе истинно; оно происходило въ послѣднихъ годахъ владычествованія Мюрата, и было рассказано самому автору въ Неаполѣ, однимъ изъ родственниковъ графа Эболи.

ДВѢ СТРАШНЫЯ ТАЙНЫ. — *Рассказъ Поль-де-Кока.* — Адели Ренневаль минуло двадцать четыре года, а она не была еще за-мужемъ. Не отличалась поразительною красотою, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя привлекаютъ общее вниманіе на балахъ, на концертахъ, на которыя обращаются лорнетки въ театрѣ (вниманіе, часто бывающее въ тягость тому, на кого обращено). Адель имѣла очень умное и пріятное лице, которое рассчитывало въ себѣ пользу; ея черныя глаза были не очень велики, не очень темны, но пріятныя, и это выраженіе придавало еще болѣе прелесть ея разговорю; Адель изъводила съ пріятностію, когда она говорила, ее находили хорошенькою... тогда какъ мы видимъ въ обществѣ много красавицъ, которыя не выигрываютъ, когда ихъ слушаешь.

Адель получила блистательное воспитаніе. Дочь искуснаго адвоката, который не оставилъ ей наслѣдства, потому-что дѣйствовалъ всегда добросовѣстно и не брался за неправыя дѣла, доставляющія всегда больше выгодъ; Адель Ренневаль, имѣя съ сорею матерью необходимое для безбѣднаго существованія, за-

нималась съ успѣхомъ музыкой и живописью, и даже поэзію, страстно любила чтеніе, знала наизусть много отрывковъ изъ лучшихъ авторовъ; наконецъ она писала стихи, но тайкомъ, и показывала ихъ только нѣкоторымъ пріятельницамъ, съ условіемъ, что они никому ничего не скажутъ; само-собою-разумѣется, что пріятельницы въ свою очередь рассказывали это своимъ пріятельницамъ, съ тѣмъ же самымъ условіемъ. Въ обществѣ всегда такъ хранятся секреты.

Адель Ренневаль прослыла въ свѣтѣ женщиной-артисткой: это обыкновенно означаетъ женщину, имѣющую въ манерахъ, въ обращеніи, въ разговорѣ, болѣе откровенности, болѣе увлеченія; однимъ словомъ, женщина артистка должна всегда имѣть что-нибудь особенное. По-крайней-мѣрѣ таково мнѣніе, которое обыкновенно составляется объ нихъ, а я знаю многихъ, совершенно не похожихъ на описанный мною портретъ.

На двадцатомъ году Адель Ренневаль лишилась матери и перѣехала жить къ старой теткѣ, единственной ея родственницѣ. Тетушка получала пять тысячъ ливровъ годового дохода и была туга на ухо. Адель была наследницей своей старой родственницы и имѣла своего дохода двѣ тысячи франковъ, слѣдовательно, была приличная партія для многихъ искателей невѣстъ. Дѣвица пріятной наружности, стройная, умная, съ талантами, в которой современемъ должна была получать семь тысячъ франковъ доходу, кажется, не должна была засидѣться въ дѣвцахъ.

Почему же до двадцати четырехъ лѣтъ, Адель Ренневаль не нашла себѣ еще мужа?

Не нашла! Быть можетъ она и многихъ находила. Дурныя, глупыя, злыя и тѣ ихъ находятъ, а Адель не была изъ такихъ. Развѣ она всѣмъ отказывала?... Быть можетъ, будучи умна, имѣя таланты, она желала встрѣтить тѣ же самыя достоинства и въ своемъ мужѣ, и требуя многого, не нашла ничего? Нѣтъ: умныя и любезныя женщины не взыскательны: снисходительны къ недостаткамъ и къ слабостямъ другихъ, онѣ знаютъ, что совершенства нѣтъ на землѣ.

Такъ почему же Адель Ренневаль не была еще замужемъ? Объ этомъ предметѣ было множество предположеній, и тотъ, кто больше всего толковалъ объ этомъ, былъ мужчиною лѣтъ пятьдесятъ пяти, отставной чиновникъ, жившій своею пенсією, потерявшій уже трехъ женъ, и занятый теперь единственно за-

ботую о томъ, что дѣлалось у сосѣдей и даже въ цѣломъ его кварталѣ.

Мосье Молларъ не могъ нравиться: съ круглыми, выпучеными глазами, съ приплюснутымъ носомъ, съ вострымъ подбородкомъ, съ вдавленными лбомъ и съ поднятыми, какъ у ежа, волосами, нельзя быть красивымъ даже въ двадцать лѣтъ, особенно если къ этому присоединить гордый и самонадѣянный видъ. Слѣдовательно, Молларъ былъ всегда дурень собою, и съ лѣтами неприятное выраженіе его фивіономіи еще усилилось. Не смотря на то, онъ былъ вдовцомъ послѣ третьей жены.... И всѣ три жены его были очень милы!...

Первою женою его сдѣлалась молодая дѣвушка, только что вышедшая изъ пенсіона. Она мечтала о балахъ и удовольствіяхъ. Ея мужъ, ужасно ревнивый, держалъ ее въ заперти и никогда не вывозилъ въ свѣтъ. Она умерла отъ скуки и томленія, спустя два года послѣ свадьбы.

Мадамъ Молларъ *вторая* была гризетка живая, рѣзвая, вѣтряная, которая согласилась выйти за него за-мужъ, чтобъ быть госпожей, а не для того, чтобъ жить съ нимъ въ уединеніи. Молларъ, по прежнему ревнивый, хотѣлъ держать въ заперти и вторую жену, и обхотиться съ нею, какъ съ первою, но на этотъ разъ ошибся. Мадамъ Молларъ вторая давала ему щелчки и уѣзжала на балъ раза четыре въ недѣлю; она прожила съ нимъ три года въ полномъ удовольствіи, и кончила жизнь внезапно отъ воспаленія въ легкихъ, которое было слѣдствіемъ одного галопя.

Мосье Молларъ не былъ огорченъ этой потерей.

Мадамъ Молларъ *третья* была страстная вдовушка. Молларъ, наученный опытомъ, хотѣлъ и ее держать въ заперти, какъ первую. Но мадамъ Молларъ не жаловала уединенія. Нѣсколько лѣтъ спустя, Молларъ овдовѣлъ въ третій разъ.

Три несчастныя попытки должны бы, кажется, вылечить его отъ влеченія къ женитьбѣ, однако Молларъ, будучи въ такихъ лѣтахъ, когда уже не могъ подурить болѣе, обратилъ вниманіе на Адель Ренневаль.

Посѣщая старую тетюшку, съ которою онъ иногда игралъ въ карты, Молларъ увидѣлъ тамъ Адель. Онъ узналъ, что она свободна, и что отказала многимъ женихамъ; онъ былъ восхищенъ ея миловидностію, ея умомъ, и рѣшился ухаживать за нею.

Адель не замѣчала ни взглядовъ, ни вздоховъ Моллара; она

не могла предполагать, чтобы онъ рѣшился искать ее ручь. Замѣтивъ, что вздохи его пропадають даромъ, Молларъ задумалъ притупить къ рѣшительному объясненію, что и исполнилъ въ присутствіи глухой тетушки.

Едва Адель поняла въ чемъ дѣло, какъ расхохоталась такъ громко, что звуки смѣха ее дошли даже до слуха тетушки, и она спросила, о чемъ у нихъ дѣло.

— Ничего, тетушка, сказала Адель: мосьё Молларъ декламируетъ сцену любовнаго объясненія!... Онъ, не смотря на свою лѣта, очень веселаго характера; къ тому же онъ дѣлаетъ такія гримасы, когда играетъ роль влюбленнаго, что я теперь понимаю, почему у него жены умирали!... Онъ, вѣрно, слишкомъ много смѣялся, глядя на него.

Одураченный Молларъ увидѣлъ, что все надежды его тщетны, и самъ обратилъ свои слова въ шутку; но въ глубинѣ души сохранилъ чувство досады и желаніе отомстить: самолюбіе глушца очень раздражительно; онъ не прощаетъ тому, что умный легко и скоро забываетъ.

Молларъ продолжалъ посѣщать мадамъ Бремонтъ, тетушку Адели; онъ слушалъ, наблюдалъ, разспрашивалъ. Разъ вечеромъ, старушка выиграла въ карты, и была веселѣе обыкновеннаго; онъ началъ съ нею разговаривать о племянницѣ, и узналъ, что Адель три раза чуть-было не пошла къ вѣнцу.

— Три раза! говорилъ Молларъ, восхищенный, что сдѣлалъ это открытіе: какія же причины расгрохвали свадьбу?

— Гм?... спросила старушка, наклоняясь ухомъ къ Моллару.

Онъ приставилъ ротъ къ самому уху, и повторилъ тотъ же вопросъ.

— Причина, сказала мадамъ Бремонтъ: а я и сама не знаю!... Молодые дѣвушки такъ мечтательны... то, что имъ нравится сегодня, противно завтра.

— Вѣроятно женихи ей не нравились?

— Гм?...

Молларъ опять нагибается къ уху и повторяетъ вопросъ.

— Нѣтъ женихи нравились Адели... Первый былъ молодой человѣкъ, очень красивый собою. Уже все было готово, чтобы подписать контрактъ, какъ мосьё племянницѣ сдѣлалось дурно; и послѣ этого она отказала. Второй былъ военный, очень статный. За обѣдомъ, въ день обрученія, Адель также упала въ обморокъ, и не захотѣла за него идти замужъ. Наконецъ третій былъ литераторъ, очень умный и любезный; но въ одинъ вечеръ племянница во-время разговора съ нимъ, вдругъ лиши-

лась дуракомъ, а эта третья сватья разошлась, какъ и двѣ пер-
выя.

— Удивительно, непостижимо! Но отчего же вашей племян-
ницѣ дѣлалось дурно?... Тутъ должна быть какая-нибудь при-
чина... Безъ причины не можеть сдѣлаться дурно... особенно
женщинѣ-артисткѣ, которая не жаманится... Она, вѣроятно,
сказала вамъ правду?

— Гм?...

Молларъ закричалъ въ самое ухо старушкѣ, которая ему от-
вѣтила наконецъ:

— Племянница мнѣ только и сказала: я не хочу идти за че-
го замужъ... онъ мнѣ больше не нравится... я въ немъ разо-
очаровалась. — Такъ какъ я ни въ чемъ ей не противорѣчу,
то и не настаивала... Если она хочетъ остаться дѣвушкой,
такъ зачѣмъ же и принуждать ее идти замужъ?

Молларъ не могъ узнать ничего больше. Уставъ кричать на
ухо глухой старухѣ, онъ ушелъ; но то, что онъ узналъ, омы-
но занимаетъ его воображеніе. Молодая дѣвушка падаетъ въ
обморокъ и отказывается несъ дѣтскаго евоимъ женихамъ...
Тутъ что-то кроется?... и Молларъ дѣлаетъ слѣдующіе вы-
воды:

— Или Адель имѣетъ какіе-нибудь скрытые недостатки, въ
которыхъ она не смѣетъ признаться тому, за кого выходитъ
замужъ, или она имѣетъ какія-нибудь слабости, и боится, чтобы
никто не открыли ей женигу, или чувствуетъ непреодолимое от-
вращеніе отъ замужства или... что-нибудь другое. Но во вся-
комъ случаѣ, что-нибудь да есть!

Отъ-тѣль-шоръ, какъ онъ знаетъ исторію обмороковъ и ре-
молвокъ съ женихами, Молларъ выдумалъ новую тактику, чтобы
выяснить еще что-нибудь. Когда онъ съ дѣвицею Рендсвандъ,
онъ всегда найдетъ для разсказа какое-нибудь приключеніе, и
наблюдаетъ за реакціей молодой артистки, чтобы видѣть
насколько это производитъ на нее впечатлѣніе.

То молодая дѣвушка узнаетъ передъ самою сватьбою, что ея
женихъ любилъ другую и влюбилъ ей; то женихъ отыскиваетъ,
что его невѣста уже любила другаго. Но Адель слушала всѣ
эти разсказы совершенно равнодушно; часто даже вовсе не слу-
шала ихъ, и Молларъ приходилъ въ отчаяніе.

Одна молодая дама, сосѣдка Адела, подружилась съ нею. Эта
дама была очень счастлива замужемъ, и безпрестанно хвалила
своей новой подругѣ пріятности семейной жизни.

— Почему вы не выходите замужъ? сказала однажды мадамъ Дюплессъ, Адели.

— Я и сама не знаю! отвѣчала Адель, смѣясь.

— Она не замужемъ, потому-что не хотѣла, сказалъ Молларъ, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ: три раза мадамъ Адель чуть-чуть не вышла замужъ.

— Кто это вамъ сказалъ? спросила Адель, смотря съ досадою на Моллара.

— Ваша тетушка сказала мнѣ, что вамъ всякой разъ дѣлалось дурно, когда вы...

— Хорошо, хорошо, довольно! сказала Адель съ нетерпѣнствомъ: тетушка можетъ-быть шутила, а вы нескромны!

— Сударыня, я....

— Если я не вышла замужъ, такъ это, вѣроятно, потому, что не хотѣла.

— Я и самъ такъ думалъ, сударыня; но.... когда не знаешь причинъ....

— Кажется, я не должна вамъ отдавать отчета.

— Конечно нѣтъ, сударыня; и потому я....

— Довольно!

Молларъ замолчалъ; но онъ сдѣлалъ такую жалкую мину, что Адель покатила со смѣху, и вскричала:

— Въ-самомъ-дѣлѣ, мосьё Молларъ, мнѣ кажется, еслибъ я васъ знала прежде, то, вѣрно, никто не осмѣлился бы привязаться ко мнѣ. Вы при мнѣ точно тоже, что пугало, которое ставится въ садахъ, чтобъ пугать и отгонять птицъ.

— По моему лучше быть пугаломъ, чѣмъ быть подвержену частымъ обморокамъ: отвѣчалъ Молларъ насмѣшливымъ тономъ.

Адель прикусила себѣ губы, а старый волокита уходитъ въ восхищеніи, что сказалъ колкость.

Сосѣдка не отставала отъ своего намѣренія; она любила устраивать сватбы. Она опять навела разговоръ на свой любимый предметъ.

— Любезная Адель, сказала она однажды: я знаю одного челявѣка, пріятеля моего мужа, который бы пришелся вамъ по вкусу: ему тридцать четыре года, онъ хорошъ собою.... это никогда не лишнее въ мужѣ; потому-что обыкновенно, хорошее лицо неразлучно съ добрымъ характеромъ.

— Правда, сказала Адель, я замѣтила, что дурные собой всегда злѣе другихъ.

— Это очень натурально; имъ досадно, что они дурны. На-

конецъ, этотъ человѣкъ имѣеть и состояніе; онъ уменъ, имѣеть таланты, любезенъ. Позвольте мнѣ его вамъ рекомендовать.

— Сдѣлайте одолженіе. Если даже онъ мнѣ не будетъ годиться въ мужья; то его общество мнѣ будетъ всегда пріятно.

Мадамъ Дюплессі не замедлила познакомить г. Перронена съ Аделью, которая наша, что сосѣдка не польстила молодому человѣку. Онъ былъ любезенъ, веселъ; его обращеніе свидѣтельствовало о хорошемъ воспитаніи; вообще онъ имѣлъ всѣ гдѣ достоинства, которыя заставляютъ забывать неловкость, обыкновенно бывающую при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ.

Адель находить, что г. Перроненъ очень любезенъ, и не скрываетъ этого отъ мадамъ Дюплессі; сосѣдка, съ своей стороны, разспрашиваетъ молодого человѣка, котораго она хочетъ женить, и узнаетъ съ великой радостью, что Адель ему очень нравится.

Что касается до старой тетушки, то она становилась такъ глуха, что не было никакой возможности съ нею разговаривать. Не будучи въ состояніи вести разговора, старушка садилась играть въ карты тотчасъ послѣ завтрака; и только въ угоду ей Адель принимала Моллара, который соглашался проводить цѣлые дни за шплетомъ, потому что во время игры съ тетушкою, онъ слушалъ и подсматривалъ за племянницей.

Прибытіе незнакомца сначала удивило Моллара; г. Перроненъ ему не понравился съ перваго взгляда.

— Онъ хорошъ, и, кажется, любезенъ, думалъ онъ, — а эти качества считаются недостатками въ глазахъ людей безобразныхъ и глупыхъ. Такіе люди похожи на лису: они осуждаютъ то, чего сами не имѣютъ; они даже часто стараются обратить смѣхъ на то, что, въ глубинѣ души, составляетъ предметъ ихъ зависти.

Наконецъ, кажется Адель находить удовольствіе слушать и видѣть г. Перронена. Это удвоиваетъ досаду Моллара; кто влюбленъ и не имѣеть надежды понравиться, тотъ не можетъ безъ тайной зависти смотрѣть на счастливаго соперника.

Г. Перроненъ очень часто посѣщаетъ домъ госпожи Бремонъ. Адель съ каждымъ днемъ чувствуетъ къ нему больше расположенія. Вскорѣ уже ясно было видно, что г. Перроненъ влюбленъ въ Адель, и что онъ старается снискать и ея любовь.

Молларъ наблюдаетъ, удивляется и иногда отпускаетъ какую нибудь колкость.

— Эта свадьба устроится, и увѣрена въ этомъ, сказала Мадамъ Дюплесси, восхищенная оборотомъ дѣла, за которое взялась.

— Свадьба!.. возражаетъ Молларъ, качая головой: *О! это еще сомнительно... Уже это не въ первый разъ...*

— Вѣроятно женихи не нравились Адель; но мосье Перроненъ ей очень нравится...

— И другіе нравились ей, не смотря на то, она ни въ откѣзали, въ то самое время, когда надо было подписывать брачный контрактъ.

— Вѣрно она отырала въ нихъ какіе-нибудь недостатки, какія вѣбудь странности.

— Какъ бы не такъ! Оттого, что открось какой-нибудь недостатокъ въ обзорѣ нечего падать... Тутъ, просто, нужно обьясниться, да и дѣло съ концомъ.

— Чтѣ же вы изъ этого заключаете?

— Я заключаю... что есть какая-то тайна, которую Адель скрываетъ отъ всѣхъ, даже отъ своей тетушки... что когда она рѣшается выйти замужъ, эта тайна ее душитъ, что и заставляетъ ее падать въ обморокъ; и не желая всегѣ открывать своему мужу, она предпочитаетъ откѣзать жениху.

— Какой вздоръ!

— Увидите сами; какъ только дѣло будетъ приходиться къ окончанію, ей непременно сдѣлается дурно.

Дѣло приближалось къ концу. Перроненъ просилъ руки Адель Ренневаль у ея старой тетки, которая сначала ему отвѣчала, что она уже слишкомъ стара, но потомъ понявъ, что дѣло шло о племянницѣ, а не о ней самой, дала свое согласіе, съ условіемъ, что будущій ея племянникъ будетъ играть съ ней въ пикетъ, по-крайней-мѣрѣ, разъ въ недѣлю.

Всѣ переговоры кончены; назначенъ день для подписанія контракта. Молларъ не спускаетъ глазъ съ Адель. Онъ все ожидаетъ, что ей сдѣлается дурно; но Адель попрежнему весела и любезна со своимъ женихомъ.

Въ день, назначенный для подписанія контракта, Молларъ прѣзжаетъ первый. У него въ карманѣ стеклянца эфира и ароматный уксусъ. Онъ все вертится около невѣсты. При малѣйшемъ ея движеніи, онъ прѣбгаетъ съ своими стеклянками; если она вынимаетъ платокъ или садится, онъ ее спрашиваетъ:

— Вамъ дурно? Не хотите ли освѣжиться?

Но Адель не обращаетъ вниманія на Моллара, который къ

величайшему своему оторченію, принужденъ унести свои стаклѣнки.

Контрактъ подписавъ, и Адела не сдѣлалась дураю; она даже не переживилась въ лицѣ Молларъ въ недоумѣніи, онъ начинаетъ думать, что мадамъ Бремонтъ подшучивала надъ нимъ, или же раслышала того, о чемъ онъ ее спрашивалъ.

Влюбленный старикъ возвращается домой въ бѣшенствѣ. Отринутый Аделю, онъ утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслию, что никто не женится на ней. Но они еще не обвѣнчались. Моллару пришла мысль разстроить свадьбу. Онъ садится къ своей конторкѣ и пишетъ слѣдующее письмо г. Перронену, стараясь поддѣлаться подъ чужой почеркъ.

«Откажитесь отъ союза вашего съ дѣвицею Ренневаль. Эта дѣвушка скрываетъ великую тайну, которая сдѣлаетъ несчастіе всей вашей жизни. Три раза она готова была выйти замужъ, и каждый разъ лишалась чувствъ отъ угрызенія совѣсти. Не дожидайте, чтобъ это и съ вами случилось, откажитесь лучше теперь же.

«Человѣкъ, принимающій участіе въ вашей судьбѣ.»

Отдавъ это письмо на почту, Молларъ сталъ раздумывать, что бы написать Адела, чтобъ заставить ее разлюбить Перронена. Досадуя, что эта мысль не пришла ему прежде, онъ спѣшитъ отправиться на квартиру жениха. Надо выслушать болтовню сосѣдей и сосѣдокъ Перронена: Молларъ знатокъ въ дѣлахъ этого рода.

Г. Перроненъ живетъ въ улицѣ Сент-Онорѣ, въ красномъ домѣ. Молларъ обращается къ дворнику самымъ ласковымъ тономъ, со шляпою въ рукѣ, какъ будто онъ говорилъ съ швейцаромъ:

— Здѣсь живетъ мсье Перроненъ?

— Здѣсь, во второмъ этажѣ, на дворѣ.

— Очень благодаренъ.

Молларъ кланяется, дѣлаетъ видъ, какъ будто уходитъ, потомъ снова возвращается:

— Мсье Перроненъ занимается... вѣроятно... дѣлами?

— Да...

— Извините, что я вамъ дѣлаю эти вопросы... Но дѣло идетъ о важномъ предпріятіи, которое хотятъ поручить мсье Перронену... меня просятъ сдѣлать нѣкоторыя справки...

Такъ какъ дворникъ не былъ ни портной, ни сапожникъ,

и потому не имѣлъ охоты болтать, то онъ опять сѣлъ къ своей печкѣ, и не намѣренъ былъ продолжать разговора.

Молларъ входитъ въ его квартиру и продолжаетъ:

— Давно мсье Перроненъ занимаетъ здѣсь квартиру?

— Квартиру! отвѣчалъ дворникъ отрывисто, не одну, а три.

— Какъ! Мсье Перроненъ занимаетъ одинъ три квартиры!...

У него должно быть множество мебели?...

Дворникъ пожалъ плечами, высморкался, понюхалъ табакъ съ важностію, и наконецъ отвѣчалъ:

— Вы меня не понимаете. Перроненъ уже на третьей квартирѣ: это не значитъ, что у него три квартиры вдругъ... Онъ сначала былъ въ четвертомъ этажѣ, потомъ перешелъ въ третій, а теперь во второмъ.

— О! Го! Сказалъ Молларъ: это что-то особенное... Загадочное... Все спускаться...

— Да; во дѣла повышается по мѣрѣ того, какъ спускаешься...

— Потому то мнѣ это кажется довольно оригинальнымъ. И во сколько времени онъ совершилъ эти перѣзды?

Дворникъ погладилъ свою собаку, поласкалъ кошку, зѣвнулъ, протянулъ руки и отвѣчалъ наконецъ:

— Немного! Еще нѣтъ восьми мѣсяцовъ, какъ мосье Перроненъ живетъ въ этомъ домѣ...

— Частенько же онъ мѣняетъ квартиры... Это забавно... А объ его... поведеніи... его привычкахъ... что вы думаете... не замѣтили ли чего?...

— Я за жильцами не подсматриваю! Чего вы хотите? Нечто вы имѣете какое подозрѣніе на него?...

— Нѣтъ, я уже сказалъ; что пришелъ поговорить о дѣлѣ, которое хотѣтъ повѣрить мосье Перронену.

— Если такъ, то возьмите карточку, которую онъ поручилъ мнѣ вручать тѣмъ особамъ, которыя будутъ спрашивать его. Вы можете прочитать... Мнѣ недосугъ переливать съ вами изъ пустаго въ порожнее.

И вручивъ билетикъ Моллару, дворникъ захлопнулъ съ досадою дверь комнаты и занялся своимъ дѣломъ.

— Грубіанъ! проворчалъ Молларъ, уходя... Ему некогда говорить. Жаль, что я не попалъ на дворника портнаго или сапожника... Они не такъ скупы на слова... Я знаю, что еслибы я далъ ему на водку, такъ онъ былъ бы полюбезнѣе. Но я держусь того правила, что деньги лучше побережь. Все-равно, я теперь знаю, что Перроненъ чудакъ; спускаться этакъ изъ этажа въ этажъ!...

Этотъ человѣкъ самъ не знаетъ чего хочетъ.... Посмотримъ адресъ... *Перроненъ, пошпренный въ дѣлахъ*, въ улицѣ Керъ... О! Прекрасно, вотъ все, что мнѣ надо знать; онъ жилъ въ улицѣ Керъ, пойдёмъ туда... Онъ еще не такъ давно въ улицѣ Сент-Онорé, чтобъ его забыли въ улицѣ Керъ.

Молларъ отправляется. Въ улицѣ Керъ его встрѣтила молодая дворничиха: Два мальчика играли въ комнатѣ, одинъ ребенокъ спалъ въ люлькѣ, а четвертаго она держала на рукахъ.

Молларъ кланяется дворничихѣ, привѣтствуетъ дѣтей, даже того, который спалъ въ люлькѣ, смотритъ во всѣ стороны, чтобъ увѣриться, всѣ ли получили по поклону. Дворничиха, не привыкшая къ такимъ учтивостямъ, послѣшила спрятать свои часы, и повернуть ключъ въ комодѣ.

— Здѣсь живетъ мосье Перроненъ? спросилъ наконецъ Молларъ.

— Здѣсь нѣтъ его... Онъ переѣхалъ... Подите въ улицу Сент-Онорé... Вотъ, возьмите его адресъ...

— Да, я знаю... Да, точно, вѣдь мнѣ сказали, что онъ переѣхалъ.

— Такъ зачѣмъ же вы пришли сюда?

И говоря это дворничиха, чуть было не наступила на ноги Моллару, чтобъ заставить ее отступить; онъ принужденъ былъ такимъ образомъ выйти изъ комнаты; однакожъ удержался за дверь, и вспомнивъ, что у него кусокъ сахару въ карманѣ, посиѣвшилъ подать его ребенку, находившумуся на рукахъ у дворничихи, и вскричалъ:

— Очаровательное дѣтя! Вылитый портретъ матери... Вотъ тебѣ, мой дружокъ, бомбошка!

Кусокъ сахару тронулъ мать семейства, которая къ тому же успокоилась съ тѣхъ-поръ, какъ Молларъ стоитъ на дворѣ; она его поблагодарила, а онъ, пользуясь этимъ добрымъ расположеніемъ, сиѣвшилъ начать распросы.

— Сударыня, я пришелъ въ этотъ домъ съ намѣреніемъ по-разспросить васъ на счетъ мосье Перронена. Въ улицѣ Сент-Онорé онъ еще мало извѣстенъ... Я тамъ ничего не узналъ достовѣрнаго.. Я думалъ быть у васъ счастливымъ. Мосье Перроненъ женится на особѣ, въ которой я принимаю самое живѣйшее участіе; слѣдственно, вы поймете, почему я спрашиваю.

— А! Это другое дѣло, сударь; извините, что я сначала вамъ такъ глушо отвѣчала... Но теперь такъ много воровъ, такъ много мошенниковъ, которые безъ всякой нужды пробираются въ жилища дворниковъ....

- Правда, сударыня, осторожность необходима...
- Еще третьяго дня украли собаку у дворничихи № 15.
- Это ужасно!
- Собака превосходная!... Хозяйка ее неутѣшна... Такая искусная... Рыжая съ бѣлымъ хвостомъ...
- Ахъ! Какъ жалъ!... И такъ мсье Перроненъ?...
- Да еще хозяйка его сколько переплатила денегъ ветеринару на его леченье!
- Это очень неприятно! Мсье Перроненъ?...
- Она носила новоску, прыгала черезъ веревку и курила сигарку...
- Какъ это трогательно въ собакѣ! Если мсье Перроненъ вамъ знакомъ...

— Вѣроятно кто-нибудь вошелъ въ домъ, какъ и вы, подъ какимъ нибудь предлогомъ, и укралъ ее... Бѣдное животное!... Объявили въ газетахъ, но увы!... она ужъ не найдется.

Молларъ наконецъ рѣшается дожидаться окончанія разсказа о потерянной собакѣ, а потомъ уже начинаетъ свои разсказы.

— Боже мой! сударь, сказала дворничиха, качая на рукахъ ребенка: я ничего не могу вамъ сказать о мсье Перроненѣ; онъ слишкомъ мало жилъ здѣсь: три мѣсяца въ четвертомъ этажѣ, три мѣсяца въ первомъ...

— А! онъ занималъ здѣсь двѣ квартиры!

— Да, точно такъ. Вроченъ... онъ выходилъ изъ дому... и возвращался, какъ и всѣ другіе... Но прежде, чѣмъ онъ самъ переѣхалъ, онъ жилъ въ улицѣ Монтолонъ... Быть-можетъ, вы тамъ болѣе узнаете... Вотъ это прежній адресъ...

— Очень вамъ благодаренъ, я пойду въ улицу Монтолонъ... Но вы навѣрное знаете, что мсье Перроненъ жилъ сначала въ четвертомъ этажѣ, потомъ во второмъ?

— О! да! Я въ этомъ увѣрена.

— Крайне обязанъ вамъ.

Молларъ отправляется въ путь, говоря:

— Вѣроятно есть какія-нибудь странности въ Перроненѣ... Переѣзжать каждые три мѣсяца... Все спускаться изъ этажа въ этажъ... Это не натурально... О! если бы я могъ отыскать причину, которая мѣшаетъ ему спокойно оставаться на квартирѣ! Но подождемъ, быть-можетъ я достигну цѣли.

Въ улицѣ Монтолонъ, Молларъ находитъ дворника вѣнца, который чинилъ старое платье, и напѣвая, отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали:

— А, право, не знаю...

— Но мсье Перроненъ жилъ въ этомъ домѣ?

— Мсье Перроненъ?... Не знаю....

— Но я знаю навѣрное, что онъ здѣсь жилъ... Не такъ давно еще...

— Не знаю!

Молларъ въ отчаяніи, что не можетъ добиться никакого отвѣта отъ Нѣнца, уходивъ, повѣся голову, какъ вдругъ кухарка, слышавшая его разговоръ, останавливаетъ его:

— Вы спрашиваете г. Перронена, стряпчего по дѣдамъ? Онъ прекрасный мужчина, еще молодой?

— Точно такъ.

— О! я очень хорошо его помню... У него есть родимое пятнышко у лѣваго уха?

— Не могу вамъ сказать, есть ли пятнышко, но...

— О! такъ это онъ и есть... Любезный молодой человекъ. Онъ жилъ въ пятомъ этажѣ... занималъ свѣтленькую комнату... Но онъ тамъ не прожилъ и пяти недѣль, и спустился въ третій, гдѣ оставался довольно долго. Если вы хотите имѣть объ немъ свѣдѣнія, то во второмъ этажѣ живетъ мадамъ Мато, которая въ этомъ домѣ уже пятнадцать лѣтъ; она была знакома съ г. Перроненомъ, онъ жилъ надъ нею.

— Благодарю васъ. А какъ вы думаете, могу ли я явиться теперь къ мадамъ Мато?

— О! безъ сомнѣнія. Она никогда не выходитъ со двора, ктому же она сильно кашляетъ.

— Такъ я пойду къ ней.

Молларъ оставляетъ кухарку и идетъ къ лѣстницѣ, мимо Нѣнца дворника, который не обращаетъ на него никакого вниманія, продолжая распѣвать.

— Дѣло принимаетъ чрезвычайно таинственный оборотъ, думалъ Молларъ, всходя на лѣстницу. Здѣсь онъ жилъ въ пятомъ, въ прекрасной комнатѣ, и прожилъ пять недѣль... У него долженъ быть самый безпокойный характеръ... Адезь не выйдетъ за него замужъ.

Молларъ позвонилъ; дѣвушка отворила дверь и ввезла посетителя въ комнату. Хозяйка была старушка высокая, сухощавая, на ней было платье по модѣ времянъ консульства.

Мадамъ Мато кашляла въ это время. Молларъ подождалъ окончанія припадка, чтобъ объяснить причину своего посѣщенія. Онъ выдаетъ себя за родственника дѣвицы, на которой хочетъ жениться Перроненъ. Мадамъ Мато предлагаетъ стулъ Моллару, и прокашлявъ снова, говоритъ:

— Дѣйствительно, почти три года г. Перроненъ жилъ надо мною. Кажется онъ порядочный человѣкъ; встрѣчался со мною, онъ всегда кланялся и спрашивалъ о здоровьѣ... Велъ очень регулярную жизнь... Его всегда посѣщали порядочные люди... Должно быть прекрасный человѣкъ... Однако...

— Однако... вскричалъ Молларъ, которому это слово возвратило надежду.

Мадамъ Мато въ нерѣшимости; Молларъ наставляетъ.

— Вы что нибудь знаете, сударыня? О! конечно, вы знаете что набудь... Ради Бога, не скрывайте ничего отъ меня.

— Но... это... такая вещь деликатная... Я только могла предполагать... Я ничего не знаю вѣрнаго.

— Все-равно, сударыня, все, что вы знаете драгоценно. Ктому же такъ легко угадывать истину, соображая обстоятельства... Умоляю васъ, сударыня, не скрывайте ничего отъ меня, цѣлое семейство будетъ вамъ одолжено своимъ счастьемъ!...

— Ваша настойчивость заставляетъ меня рѣшиться. Я вамъ передамъ то, что знаю.

— Я васъ слушаю.

— Господинъ Перроненъ имѣлъ квартиру надо мною...

— Переѣхавъ изъ пятаго этажа?

— Да, онъ жилъ въ пятомъ этажѣ, но потомъ сдѣлался моимъ сосѣдомъ. Надо вамъ сказать, что въ этомъ домѣ нѣтъ никогда шуму; я ложусь рано, но мой несносный кашель заставляетъ меня часто просыпаться ночью и не даетъ мнѣ спать. Господинъ Перроненъ возвращался... какъ всѣ; я всегда слышала, когда онъ запираетъ двери; но въ глубокую ночь, когда онъ долженъ бы спокойно спать, потому-что онъ не кашляетъ, я слышала часто страшный шумъ надъ моею головою: ходила взадъ и впередъ, я думаю, даже бѣгали по всѣмъ комнатамъ... Знаете ли, что г. Перроненъ самъ производилъ всю это тревогу!

— Какъ!... Въ глубокую ночь?...

— Да, въ глубокую ночь.

— И никого у него не было?...

— Онъ былъ одинъ... Дворничиха мнѣ поклялась, — тогда у насъ не было еще этого дворника, Нѣмца...

— И вы не узнали зачѣмъ...

— Когда я ночью слышала шумъ и бѣготню надъ моею головою, тогда на другой день, встрѣчалась съ г. Перроненомъ, спрашивала его обыкновенно, не былъ ли онъ нездоровъ? Но онъ

всегда отвѣчала отрицательно, и я замѣчала, что мои вопросы были ему непріятны, даже сердили его.

— Ого! это чрезвычайно любопытно... Продолжайте, прошу васъ.

— Наконецъ въ одну ночь... Я кашляла больше обыкновеннаго... Была гроза... Сильная гроза!... Не будучи въ состояніи уснуть, я слушала; надо мною ходили, бѣгали, потомъ мнѣ показалось, что отвернули дверь на лѣстницу; я думала, куда это онъ идетъ такъ поздно? Вѣроятно не въ погребъ, онъ не дома готовить, да у него и нѣтъ погреба. Любопытствуя знать, зачѣмъ онъ отперъ дверь, я встала, надѣла платье, взяла свѣчку и тихонько отворила свою дверь... Чтò же увидѣла я на лѣстницѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня? Г. Перронена!... Въ рубашкѣ... Волосы его были растрепаны... Безъ ночнаго колпака!... Перроненъ!... испуганный... встревоженный... Страшно дрожала въ рукахъ его свѣчка, такъ онъ былъ взволнованъ!

— Ахъ! Боже мой! Боже мой! Да это страшно!...

— Признаюсь вамъ, что на меня напалъ ужасъ!

— Да и есть отъ чего!

— Въ первый разъ увидѣла мужчину въ рубашкѣ...

— Чтòжъ вы? Убѣжали?

— Нѣтъ... Я подошла ближе: любопытство возбуждало во мнѣ смѣлость. Увидѣвъ меня, г. Перроненъ измѣнился въ лицѣ... Онъ казался смущеннымъ, озадаченнымъ. Я сказала ему: Ахъ! Боже мой! сосѣдшка, куда вы идете такъ поздно, ночью и не надѣвши... сапоговъ? Онъ смутился, пробормоталъ чтò то, чего я не могла разслушать; потомъ, взойдя на лѣстницу, исчезъ, даже не поклонившись мнѣ! На другой день, я узнала, что онъ объявилъ хозяйну, что съѣзжаетъ съ квартиры, и нѣсколько дней спустя его уже не было въ нашемъ домѣ.

— Ахъ! сударыня, какая необычная исторія! И какъ я васъ благодарю, что вы мнѣ ее рассказали!...

— Я не люблю дѣлать сплетней; но ваши просьбы заставили меня рѣшиться. Вотъ все, чтò я знаю о г. Перроненѣ.

— Этого очень достаточно!... Сударыня, этотъ человекъ долженъ быть большой преступникъ!...

— Вы думаете?

— Я увѣренъ въ этомъ, сударыня!... Видите ли, онъ выѣхалъ изъ этого дома, когда былъ застигнутъ въ...въ...

— Безъ сапоговъ.

— Именно! О, это не даромъ!

— Правда.

— И я знаю уже о немъ вещь, которая подтверждаетъ мой подозрѣнiя. Этотъ Перроненъ никакъ не можетъ ушиться. Онъ безпрестанно мѣняетъ квартиры, переѣзжаетъ изъ этажа въ этажъ, вѣроятно, чтобъ скрыться отъ надзора сосѣдей..

— Неужели?

— Да, сударыня, этотъ человѣкъ совершилъ какой-нибудь преступленiе, которое не даетъ ему покоя ночью.

— Ахъ! Боже мой! Преступникъ живъ надо мною!

— Почитайте за счастье, что онъ оставилъ этотъ домъ!.. Богъ знаетъ, что бы онъ могъ надѣлать!

— Вы приводите меня въ ужасъ! Вотъ, подумаетъ!... Я обещала моему нашить тѣмъ, что застала его...

— Э! сударыня, какъ часто самыя простыя причины приводятъ ужасныя слѣдствiя!.. Прiяните, сударыня, еще разъ мою искреннюю благодарность; то, что вы мнѣ сейчасъ сообщили, спасетъ молодую дѣвушку отъ стыда... отъ несчастiя, которое ее ожидало!..

— Я душевно рада этому.

— Не знаю, какъ вамъ выразить мою благодарность.. Какъ я рада, что возобновился съ вами.

— Не осудите, готова и впредь служить.

Молларъ прощается съ мадамъ Мато. Онъ восхищенъ успѣхомъ своихъ поисковъ; и потому идетъ, а бѣжитъ, летитъ, чтобъ скорѣе прибыть къ мадамъ Бременъ. Завыдавшею, видя въ залу, и бросается въ кресло, вскричавъ:

— Ахъ! сударыня, я пришелъ васъ спасти отъ ужаснаго несчастiя!..

— Меня спасти? сказала Адель, которая, повиданному, нисколько не смутилась такимъ вступленiемъ.

— Кто утонулъ? спросила старая тетюшка, смотря на Моллара съ ужасомъ.

— Какое же несчастiе угрожаетъ мнѣ? спрашиваетъ Адель.

— Величайшее изъ несчастiй, сударыня!.. Человѣкъ, за котораго вы идете замужъ.. мойсь Перроненъ.. который, конечно не похожъ на мошенника съ перваго взгляда.. Ахъ, сударыня.. если бы вы знали!

— Что же?... Говорите..

— Говорить?... Извольте!.. Онъ страшный преступникъ.. великiй преступникъ!.. колоссальный преступникъ!

— Что вы говорите о ступкѣ? спросила мадамъ Бременъ, стараясь вслушаться въ разговоръ.

— Послушайте, сказала Адель строгимъ голосомъ: прежде,

чѣмъ обвинять кого-нибудь, надо имѣть достаточныя доказательства для подтвержденія того, что вы представляете. Говорите: что вы знаете о г. Перроненъ?

— О! я знаю многое, сударыня!.. Я знаю во-первыхъ, что этотъ человѣкъ безпрестанно мѣняетъ квартиры... переходить изъ одного этажа въ другой. Во-вторыхъ, я знаю, что онъ не спитъ по ночамъ... что онъ бѣгаетъ по своей комнатѣ, производя ужасный шумъ... какъ оумасшедшій!.. Наконецъ, что, прескандальный угрызеніями совѣсти... онъ выбѣгаетъ въ одной рубашкѣ... безъ сапоговъ... Вотъ что мнѣ сообщила дама, прежняя сосѣдка г. Перронена, въ улицѣ Монтолонъ, бывшая сама свидѣтельницей того, что я вамъ сказалъ... Выходите высь этого замужъ за такого человѣка!

Адель покатила со смѣху, говоря:

— Такъ это все, что вы открыли?

— Все!.. Но этого, кажется, довольно; и послѣ этого, сударыня, вы сами видите...

— Я сама вижу, мосье Молларъ, что вы большой проказникъ...

— Какъ, сударыня, когда я вамъ представляю доказательства, что мосье Перроненъ...

— Если онъ перебѣгаетъ, такъ значить не доволенъ своими квартирами; если прѣхаживается по ночамъ, значить ему не спится; если онъ вышелъ на лѣстницу въ ночномъ платьѣ, такъ это потому, что не думалъ въ такое время встрѣтиться съ вѣмъ-нибудь; и если вы для того стоильно бѣгали, хлопотали, чтобы рассказать мнѣ вздоръ, такъ вы бѣгали и хлопотали по пустому.

— Услуживай послѣ этого!.. подумалъ Молларъ. Вотъ благодарность! Однакожъ, можетъ-быть, Адель имѣетъ свои причины, чтобъ не быть вѣискательной... Если, съ своей стороны, она также скрываетъ какую-нибудь тайну отъ своего мужа... Во всякомъ случаѣ это будетъ странная парочка... Но они еще не обѣнчаны; женихъ уже получилъ мое письмо.

Г. Перроненъ дѣйствительно получилъ письмо, въ которомъ ему совѣтовали разойтись съ Аделью Ренневаль; но не придавая атому совѣту большой важности, какъ и всякому безымянному письму, онъ бросилъ его въ огонь, и въ тотъ же вечеръ пошелъ къ своей невѣстѣ, которую любилъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

Молларъ игралъ въ пикетъ съ тетужкой. Видя, что Перроненъ также любезенъ съ Аделью, также предупредителенъ, какъ

и прежде, партнеръ госпожи Бремонтъ имѣтъ карты съ десады, дѣлаетъ ошибки, и наконецъ, нарочно проигрываетъ, чтобы скорѣе кончить партію.

Г. Перроненъ беззаботно разговариваетъ съ Аделью. Молларъ оканчиваетъ игру, подходитъ къ жениху и невѣстѣ, и потирая руки, говоритъ:

— Какъ странно! Сколько мнѣ приходилось видѣть сватѣвъ, которыя передъ самымъ обрядомъ вѣнчанія вдругъ разстроивались... Сегодня утромъ еще я былъ свидѣтелемъ подобнаго происшествія: молодой человѣкъ долженъ былъ жениться на дочери честнаго ремесленника; все уже было готово... даже мебель, которую давали невѣстѣ въ приданое, и вдругъ... въ то время, какъ надо было подписать контрактъ... молодой человѣкъ отъказался.

— По какой причинѣ? спросила Адель.

— По какой причинѣ? Потому-что невѣстѣ обѣщали мебель краснаго дерева, а дали орѣховаго! Онъ сказалъ отцу: я хотѣлъ жениться на вашей дочери съ мебелью краснаго дерева, а какъ вы мнѣ даете орѣховую.... то не хочу! И разошлись.

Женихъ и невѣста смѣялись отъ души надъ рассказомъ Моллара.

Молларъ все еще надѣялся, что свадьба не состоится; но назначенный день наступилъ, гости собрались.

— Ей сдѣлается дурно, твердилъ Молларъ: я увѣренъ, что невѣста не вынесетъ обряда вѣнчанія.... ей сдѣлается дурно.... и потомъ, когда она придетъ въ себя, она откажетъ жениху.

Но во время обряда Адель не сдѣлалась дурно; свадьба кончилась безъ приключеній. Обѣдъ, балъ, ужинъ, все идетъ своимъ порядкомъ; молодая со всѣми любезна; молодой очень веселъ.

Молларъ взбѣшонъ, и ворчитъ про себя:

— Обвѣнчаны!... Рѣшительно обвѣнчаны!... Ладно, ладно.... посмотримъ, что будетъ дальше!

Первые дни послѣ свадьбы всегда прекрасны. Это путешествіе, начинающееся въ ясную погоду и общающее однѣ удовольствія. Адель любезна, одарена талантами; Перроненъ уменъ, веселъ; съ каждымъ днемъ, они все болѣе и болѣе привязываются другъ къ другу.

Единственнымъ недостаткомъ Адели было чрезмѣрное притязаніе не имѣть ни одной слабости своего пола, и желаніе быть женщиной съ характеромъ; Перроненъ же былъ до крайности самолюбивъ; онъ боялся больше всего быть смѣшнымъ.

Но какъ молодая не имѣла повода, чтобъ смѣяться надъ своимъ мужемъ; а молодой отдавалъ полную справедливость уму своей супруги; то они жили очень согласно между собою.

Перроненъ любилъ свою жену почти до ревности; если она обращала вниманіе на молодого человѣка, то онъ вспоминалъ о письмѣ, которое ему писали, и въ которомъ было сказано, что Аделя скрывала какую-то тайну и имѣла угрызения совѣсти....

Адель, съ своей стороны, безотчетно вспоминала иногда о томъ, что Молларъ говорилъ ей о мужѣ, о его страсти къ переѣздамъ и ночныхъ походахъ.

Клевета, какъ бы ни была преувеличена, все-таки оставляетъ за собою слѣды.

Первое дѣйствіе злословія показывается въ томъ, что началъ обращать вниманіе на самыя простыя поступки, которые въ другое время и не замѣтилъ бы.

Итакъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, Перроненъ замѣтилъ, что жена его жѣвчалась въ лицѣ, когда садилась за столъ, и часто совѣтъ не обѣдала подъ предлогомъ болѣзни.

Адель также замѣчала, что мужъ ея вставалъ ночью, и когда она просыпалась и спрашивала здоровъ ли онъ, Перроненъ былъ смущенъ и отвѣчалъ уклончиво.

Наконецъ, разъ въ обществѣ, гдѣ было много гостей, Адель вдругъ лишилась чувствъ, взглянувъ на хорошенькаго мальчика, сидѣвшаго подлѣ нея. Придя въ себя, она настоятельно хотѣла ѣхать домой, не смотря на просьбы хозяевъ. Когда мужъ разспрашивалъ ее о причинѣ этого припадка, Адель приписывала его жару и шуму.

Перроненъ не былъ уже такъ веселъ; безъименное питье безпрестанно приходило ему въ голову; онъ сталъ менѣе любезенъ съ своей женой, хотя любилъ ее попрежнему.

Въ одно прекрасное утро, послѣ ночи, во время которой Адель слышала, что мужъ ея вставалъ нѣсколько разъ, Перроненъ сказалъ Адели:

— Нѣдо искать другой квартиры.... Я не хочу долѣ оставаться здѣсь.

— А почему же? сказала Адель, невольно вспомнивъ разсказъ Моллара: кажется у насъ прекрасная квартира, просторная, удобная и не дорогая; почему же хочешь ты переѣхать?

Перроненъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, казался смущеннымъ, потомъ вышелъ, повторивъ:

— Я хочу переѣхать!

Съ этого времени Аделя стала задумчива, беспокойна; тѣмъ же мыслямъ подковала ее; когда она была съ своимъ мужемъ, она часто смотрѣла на него пристально; она, незаметно, хотѣла проникнуть въ глубину души его; Перронбъ также наблюдалъ за женой.

Молларъ часто навѣщаетъ молодыхъ супруговъ, потому-что старая тетюшка жила съ ними; человекъ, который проводилъ цѣлые вечера съ госпожей Бремонъ за пикетомъ, былъ драгоценный другъ, котораго было трудно замѣнить, и потому мало было дорожить имъ.

Молларъ, объявляя игру, безпрестанно слѣдилъ за всѣми движеніями молодыхъ; онъ замѣчалъ съ тайною радостью, что супружеская вѣжность становилась день ото дня менѣе общительною, что какая-то холодность замѣнила беззастѣнливую веселость. Молларъ потиралъ руки и говорилъ про себя:

— Что-то есть уже; невозможно, чтобъ не было чего-нибудь.... есть, есть!...

Такъ какъ мы любимъ всегда говорить о томъ, что насъ занимаетъ, то въ одинъ вечеръ, когда мужъ ее былъ въ отсутствіи, Аделя сказала Моллару:

— Странно, г. Перронбъ непременно хочетъ переѣхать.

— Прекрасно! вотъ и начало! вскричалъ Молларъ подпрыгнувъ на своемъ стулѣ. Я васъ предупреждалъ.... О! вы еще не это увидите.

— Но послушайте, мосьё Молларъ, какое же мнѣніе вы имѣете о моемъ мужѣ?... конечно, онъ очень любезенъ.... онъ любить меня.... Я ни въ чемъ не могу упрекнутьъ его....

— Любезенъ! чтожь это доказываетъ?... Великіе злодѣи всегда любезны.

— Ахъ! мосьё Молларъ, неужели вы думаете....

— Что вашъ мужъ мучится угрызениями совѣсти.... что онъ не можетъ нигдѣ найти покоя.... и какъ вѣчный жидъ, онъ долженъ безпрестанно перемѣнять мѣсто....

— Какой вздоръ!

— Да почему же онъ хочетъ переѣхать? Сказалъ ли онъ вамъ причину?

— Нѣтъ.

— Вы видите, что онъ не смѣетъ вамъ открыть ее.... А ночью.... развѣ онъ не встаетъ безъ причины?

— Нѣ.... я....

— Вы не хотите признаться мнѣ.... но ваше смущеніе говорить за васъ! Бѣдная женщина!... я предупреждалъ васъ!...

Вы прорѣли мои совѣты!... А я страшусь того, что васъ ожидаетъ; на вашемъ мѣстѣ я бы сейчасъ разошелся съ вами!...

Нѣсколько дней послѣ этого разговора Перроненъ, оставшись наединѣ съ Молларомъ, говоритъ ему:

— Вы знали мою жену, когда она была дѣвицей?

— О! я ее давно знаю.

— Правда ли, мосьё Молларъ, что Адель нѣсколько разъ отказывала своимъ женихамъ перелъ самой сватьбой?

— Истинная правда.

— И что во время подписанія контракта она лишалась чувствъ?

— Совершенно такъ.

— Какая же могла быть причина? Какой предлогъ придумывала она для такого разрыва?

— Никакой причины не было!... Все это было всегда покрыто глубокимъ, непроницаемымъ мракомъ.

— Но вы были домашнимъ другомъ. Чтѣ же вы думаете объ этомъ?

— Чтѣ я думаю? Не смѣю сказать.... Только знаю, что я никогда бы не женился на дѣвушкѣ, подверженной такимъ страннымъ слабостямъ....

Коварныя рѣчи Моллара подтвердили еще болѣе сомнѣнiе, вкрадшееся между молодыми супругами. Чтобы угодить мужу, Адель согласилась переимѣнить квартиру, а Перроненъ уже опять говоритъ о новой переѣздкѣ. Молодая супруга начинаетъ серьезно беспокоиться. Перроненъ ревнуетъ, потому-что жена его поблѣдила, взглянувъ на хорошенькаго мальчика. Молларъ ожидаетъ какой-нибудь трагической развязки; одна старая тетушка спокойна и не заботится ни о чемъ.

Пришла весна. У мадамъ Бремонтъ есть хорошенькiй загородный домикъ въ окрестностяхъ Монморанси. Молодые супруги намѣрены тамъ провести нѣсколько времени, и чтобъ сдѣлать удовольствiе старой тетушкѣ, они приглашаютъ Моллара прiѣзжать къ нимъ гостить; Молларъ соглашается; онъ уиѣтъ прiобрѣсти довѣрiе и мужа и жены.

Дача въ прекрасномъ мѣстоположенiи, большiя деревья окружаютъ ее, и садъ прорѣзанъ прекрасными липовыми аллеями.

— Какое наслажденiе гулять подъ тѣнью этихъ деревьевъ! сказала Адель своему мужу. Не правда ли, другъ мой, какая прекрасная дача?

Въ это время поднялся вѣтеръ, и закачались большiя деревья;

шелесть листьевъ, раздающійся въ долині, походилъ на журчанье водъ, когда приходишь къ морю.

Перронёнъ сжалъ крѣпко руку своей жены, и пробормотавъ нѣсколько несвязныхъ словъ, ведетъ ее домой. Адель не можетъ понять причину дурнаго расположенія своего мужа; въ первый разъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ она замужемъ, она рѣшается высказать ему:

— Эта дача тебѣ не нравится, мой другъ?

— Нѣтъ.... напротивъ.... я нахожу ее прелестною.

— Но почему же ты меня заставляешь идти домой, когда я хвалила тебѣ пріятности прогулки? Отчего ты такъ встревоженъ?

— Я, я встревоженъ?...

— Да, другъ мой, съ нѣкотораго времени особенно, я вижу, что ты обходишься со мною не такъ, какъ прежде. Ты отъ меня что-то скрываешь....

— Нѣтъ, душа моя.... нѣтъ.... скорѣе ты имѣешь отъ меня тайны.... ты не откровенна со мною....

— Я? кто тебѣ сказалъ?

— Ахъ! другъ мой.... я самъ вижу, что ты мнѣ исполнивъ открыла свою душу....

— Что это значитъ?...

— Это значитъ, что намъ нужно объясниться ...

Супруги расстаются недовольные другъ другомъ, а Молларъ, слышавшій ихъ ссору, потираетъ руки сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Обѣдъ скученъ. Адель задумчива, Перронёнъ вздыхаетъ, глядя на жену. Вечеромъ, Молларъ предлагаетъ прогулку по саду, но сильный вѣтеръ нагибалъ деревья, и казалось предвѣщала грозу.

— Я боюсь, чтобъ не было грозы, сказала Адель: не лучше ли намъ остаться дома; какъ ты думаешь, мой другъ?

Перронёнъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ, сталъ говорить несвязно и ходить большими шагами по залѣ. Адель съ безпокойствомъ поглядывала на Моллара, который поднимаетъ глаза къ небу; старая тетушка раскладывала карты.

Докладываютъ о пріѣздѣ г. Люсевала. То былъ молодой артистъ, имѣвшій помѣстье въ окрестностяхъ; онъ узналъ, что мадамъ Бремонтъ и ея племянница переѣхали на свою дачу, и какъ добрый сосѣдъ, пріѣхалъ имъ сдѣлать визитъ.

Всѣ обрадованы посѣщеніемъ незнакомца; надѣются, что его присутствіе разсвѣтъ тягостное впечатлѣніе предшествовавшая

го. Г. Люсевала очень хорошо приняли. Онъ молодой человекъ, образованный и любезный; во едва только онъ сѣлъ возлѣ Адель, какъ она вздрогнула и упала безъ чувствъ.

Старая тетушка спѣшить къ племянницѣ; Молларъ кричитъ, сзываетъ на помощь, а Перроненъ, помогая женѣ, смотритъ съ подозрѣніемъ на молодого человека.

Адель перенесли въ ея комнату. Придя въ чувство, она объявила, что не пойдеть въ залу.

— Послушай, сказалъ Перроненъ сердито: ты мнѣ объяснишь причину....

— Чтѣ ты хочешь сказать?...

— Эти обмороки мнѣ кажутся подозрительны. Ты знаешь этого молодого человека, который у насъ?

— Этого молодого человека! Клянусь, что я вижу его въ первый разъ....

— О! не обманывай меня! я все узнаю, и отомщу за честь мою!

Адель хочетъ отвѣчать. Перроненъ, не выслушавъ оправданій жены, возвращается въ залу; молодой сосѣль еще тамъ; онъ спрашивается о здоровьи Адель, и очень огорченъ, что первое его посѣщеніе такъ неудачно.

Перроненъ небрежно отвѣчаетъ молодому человеку, взоръ его мраченъ, огонь ревности блеститъ въ глазахъ. Нѣсколько минутъ спустя, г. Люсеваль прощается, говоря, что онъ въ скоромъ времени придетъ узнать о здоровьи госпожи Перроненъ.

— Чтѣ вы думаете объ этомъ происшествіи? спросилъ Перроненъ на ухо Моллара.

— Я думаю ... я ничего не думаю.... а на вашемъ мѣстѣ потребовалъ бы развода.

Перроненъ молчитъ, и все общество расходится.

Уже поздняя ночь; вѣтеръ дуетъ съ необычайною силою. Адель просыпается; мужа ея нѣтъ возлѣ ея; она удивляется, беспокоится, зоветъ его, и не получаетъ никакого отвѣта.

Адель встаетъ, надѣваетъ платье, беретъ свѣчку и рѣшается идти искать своего мужа. Она выходитъ изъ комнаты, и на лѣстницѣ снова зоветъ его. Откуда ни возьмись, является Молларъ, и спрашивается о томъ, что случилось.

— Я не знаю, чтѣ случилось съ моимъ мужемъ, отвѣчала Адель. Гдѣ онъ можетъ-быть въ три часа ночи.... и въ такую ужасную грозу!..

— Вашъ мужъ страдаетъ, сказалъ Молларъ: онъ не можетъ найти покоя.... должно-быть онъ совершилъ великія преступ-

ленія!... Но подождите.... вотъ онъ.... посмотрите, въ саду.... видите ли?... Человѣкъ, который бѣжитъ, какъ сумасшедшій по луку.... это вашъ мужъ!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ!... о Боже мой!... Что онъ дѣлаетъ въ саду.... въ такое время? Я пойду къ нему!

— И не думайте.... У него припадокъ!... Не ходите.... будетъ бѣда!... Вѣрьте мнѣ.... Событую вашъ развѣкаться съ нимъ.

Адель возвращается въ свою комнату; сначала она хотѣла дожидаться возвращенія мужа, и заставить его высказать правду; но сонъ ее сильно клонилъ; она уснула.

На другой день утромъ, Перронбизъ былъ уже внизу, когда Адель проснулась. Молодая женщина, углубленная въ мысль о странномъ поведеніи своего мужа, рѣшилась объяснитьсь съ нимъ, и поспѣшно одѣвшись, сходитъ въ залу; но находитъ тамъ одного Моллара, испуганное лицо котораго предвѣщаетъ что-то ужасное. Онъ подходитъ, прикладывая палецъ къ губамъ, и говоритъ шепотомъ:

— Я васъ ошарагалъ.

— Что случилось? Какъ вы разстроены!

— Что случилось?... Я все знаю!...

— Вы знаете!...

— Что вашъ мужъ дѣлалъ въ саду.... во-время грозы.... ночью!...

— Возможно ли! Ну, что же?

— Несчастная женщина! вы содрогнетесь! я самъ чувствовалъ, что мои волосы становились дыбомъ!

— Ахъ! Боже мой, что же случилось?... Говорите, пожалуйста!

— Смотрите!...

Молларъ показываетъ Адели мужскую шляпу и платокъ, обрызганный кровью.

— Что это значитъ?

— Шляпа и платокъ г. Люсевала.... Нѣтъ никакого сомнѣнія; вотъ нитка на платкѣ.... вотъ нитка его на шляпѣ!

— Ну, что же?

— А вотъ что!... Слушайте и содрогайтесь!.. Я нашелъ шляпу и платокъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.... подъ теплымъ.... Вчера, вашъ мужъ, вѣроятно, убилъ несчастнаго молодого человѣка.... а ночью онъ хотѣлъ уничтожить всѣ слѣды своего преступленія.

— Ахъ! какой ужасъ!... мой мужъ убійца!... Но за что!...

— Изъ ревности!... Вамъ вчера сдѣлалось дурно, при видѣ этого человѣка... вашъ мужъ открылъ ваши сношенія....

— Какъ! онъ могъ думать.... О! это ужасно....

— Конечно ужасно; и сейчасъ иду къ одиному меру, своему ему эти вещи и раскажу, что самъ видѣлъ ночью....

— О! нѣтъ, умоляю васъ, не ходите!..

Въ то время, какъ Молларъ хотѣлъ выйти, въ залу вошелъ Перроненъ. Увидя мужа, Адель бросается къ нему въ объятія, со слезами на глазахъ, и говоритъ:

— Другъ мой, если ты действительно виновенъ, спасайся.... спасайся скорѣе.... не дожидайся, чтобъ за тобой пришли!

— За мной? повторилъ Перроненъ съ удивленіемъ: по какому случаю? Что я сдѣлалъ?

— Молларъ увѣряетъ, что ты убилъ этого молодого человѣка.... нашего сосѣда.... и что по этому ты и бѣжалъ ночью, какъ сумасшедшій по саду.... Я сама тебя видѣла.... Ахъ! другъ мой! неужели правда, что угрызенія совѣсти не даютъ тебѣ покоя, и заставляютъ тебя безпрестанно мѣнять квартиру?

Перроненъ осматривается; лицо его выражаетъ болѣе удивленія, нежели страха. Не будучи въ состояніи удержаться, онъ вдругъ до того расхохотался, что долженъ былъ сѣсть. Адель удивлена этимъ припадкомъ веселости, однако продолжаетъ:

— Что же касается до Дюсвала.... если правда, что ты меня ревнуешь къ нему, если ты могъ подозревать меня.... потому что мнѣ сдѣлалось дурно, когда я на него посмотрѣла, я должна тебѣ объяснить причину этого приключенія.... я должна тебѣ открыть одну слабость.... которую до-сихъ-поръ тщательно скрывала.... потому-что я чувствовала, что надо мной будутъ смѣяться, а ты знаешь, мой другъ, для женщины болѣе не казаться смѣшиной!

— Говори, милая Адель, сказалъ Перроненъ, взявъ руки жены: говори.... какая причина твоихъ обмороковъ?..

— Другъ мой, я должна признаться тебѣ.... только, пожалуйста, не смѣйся.... я должна признаться тебѣ, что не могу смотреть на вещи, сложенные угломъ.... За столомъ, ножи, вилки, положенныя углами, мѣшаютъ мнѣ обѣдать; но ужаснѣе всего для меня то, если кто-нибудь складываетъ на груди руки или ставитъ ноги угломъ.... О! этого я не могу вынести, я падаю безъ чувствъ, и мнѣ тотъ человѣкъ, который это сдѣлаетъ, становится противенъ. Я видѣла трехъ женщинъ, которые передъ самымъ контрактомъ складывали такъ ноги, и послѣ этого

и объ дикъ и слышать не хотѣла. Вотъ тебѣ, мой другъ, вся правда; слабость моя можетъ тебѣ показаться глупою, странною, смѣшною, я понимаю это; но природа, подождавъ въ глупину души моей ощущенія, которыхъ я преодолѣть не въ силахъ, и противъ которыхъ напрасно возстаешь умъ, ..

Перроненъ целуетъ свою жену, вскричавъ:

— Тебѣ отъ этого дѣлалось дурно?... Ахъ, моя милая, если бы ты мнѣ это прежде сказала, мы бы избежали бы этихъ мучительныхъ непріятностей; потому что, зная за твоею слабостью, я не постыдился бы тебѣ сообщить и мое...

— Какую, другъ мой?

— Я ужасно боюсь вѣтра... да боюсь, хотя я не трусь; въ различныхъ случаяхъ, я показавъ свое мужество, но вѣтеръ производилъ на меня странное дѣйствіе; я тремещу, страдаю, не могу оставаться на мѣстѣ. Я такъ часто переѣзжалъ потому, что искалъ квартиры, гдѣ бы не слышно было вѣтра; я встаю ночью потому, что не могу лежать, когда слышу свистъ вѣтра; случалось иногда, что я выбѣгалъ изъ дома, бѣгалъ, какъ сумасшедшій, чтобъ не слышать этого шума, который меня преслѣдовалъ и приводилъ въ отчаяніе. Вотъ, моя милая, почему и въ эту ночь я бѣгалъ по саду.... Мужчины боятся вѣтра!... О! ты, вѣрно, будешь смѣяться надо мной.... но я тебѣ отвѣчу твоими же словами: Можемъ ли мы вполне владѣть нашими ощущеніями? Герцогъ д'Епернонъ лишился чувствъ при видѣ зайчика. Владиславъ, король, не могъ выносить вида яблоковъ. Еразмъ чувствовалъ лихорадочную дрожь при рыбномъ запахѣ. Скалигеръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ при видѣ крессъ-салата. Канцлеръ Баконъ падалъ въ обмороки, всякой разъ, когда бывало лунное затмѣніе. Вель имѣлъ судороги, когда слышалъ, какъ вода лилась изъ крана. Ламонтъ-Левайе не могъ переносить звука никакого инструмента. Послѣ этого, милая моя, кажется нѣтъ ничего мудренаго, что и мы имѣемъ какиа-нибудь слабости....

Адезь въ восхищеніи; исповѣдь ея мужа возвратила ей счастье, и она вскрикнула:

— И такъ мосье Молларъ, вы подозрѣвали, что мой мужъ убилъ Люсевала изъ ревности?...

Молларъ повѣсилъ носъ; однако онъ смотритъ на шляпу и на платокъ и все еще сомнѣвается. Но дверь въ залу открывается и входитъ молодой сосѣдъ. Онъ пришелъ узнать о здоровье госпожи Перроненъ и взять свою шляпу, которую снесъ.

сображеніи моментовъ зативній Юпитеровыхъ спутниковъ, сравнивая результаты вычисленій съ результатами прямыхъ наблюдений. Послѣ того, въ началѣ XVIII вѣка, знаменитый британскій астрономъ Бредлей опредѣлялъ эту скорость основываясь на открытомъ имъ явленіи *абераціи*. Оба способа дали почти совершенно одинаковый результатъ: именно, что свѣтъ движется съ быстротою слишкомъ 280000 верстъ въ каждую секунду.

Новѣйшія изслѣдованія знаменитого В. Я. Струве, директора Пулковской Обсерваторіи, показали съ полною достоверностію, что скорость движенія свѣта въ пространствѣ составляетъ 288000 верстъ въ секунду.

Всѣ эти опредѣленія основывались на астрономическихъ наблюденияхъ, потому-что при ограниченныяхъ размахѣхъ земной поверхности, трудно было найти средство опредѣлить такую громадную скорость земными наблюдениями. Однакожъ г. Физо (Fizeau) въ Парижѣ достигъ въ прошломъ (1849) году этого неожиданнаго результата, не прибѣгая къ астрономическимъ наблюдениямъ и не выходя, такъ сказать, изъ своего дома. Ему достаточно было пространства 8 верстъ, отдѣляющаго его домъ въ Сюренѣ отъ Монмартрскаго телеграфа, чтобы уловить и опредѣлить страшную быстроту свѣтового луча. Вотъ на чемъ основыванъ опытъ г. Физо.

Если кругъ вертится въ своей плоскости, около оси, проходящей чрезъ его центръ, и вращеніе это совершается съ весьма большою быстротою, то какая либо точка, взятая на окружности такого быстро вертающагося круга, потребуетъ весьма малого времени для прохожденія весьма малой дуги. Если, напримеръ, эта дуга будетъ составлять $\frac{1}{1000}$ ч. окружности, а скорость вращенія будетъ равняться 100 оборотамъ въ секунду, то время, потребное для упомянутой точки на окружности для прохожденія сказаннаго пространства составляетъ $\frac{1}{100000}$ часть секунды.

Пусть будетъ край вертающагося круга вырѣзанъ на подобіе зубчатаго колеса, такъ, чтобы зубья и вырѣзки имѣли всѣ одинаковую ширину $\frac{1}{1000}$ части окружности. Ясно, что для прохожденія каждой изъ этихъ вырѣзокъ чрезъ данную точку потребуется время = $\frac{1}{100000}$ секунды, время, въ которое свѣтъ пробѣгаетъ 3 километра, или $2\frac{2}{10}$ версты.

Если лучъ свѣта, пройдя чрезъ упомянутую вырѣзку, на окружности вертающагося круга, упадетъ на зеркало, поставленное на известномъ разстояніи, и отразится назадъ по прежнему своему

выраженію, то онъ необходимо долженъ, на обратномъ пути, вновь коснуться окружности вертѣщагося круга, причѣмъ лучъ или вновь пройдетъ сквозь вырѣзку, или будетъ остановленъ выступомъ (зубцомъ). Если скорость вращенія круга и удаленіе свѣтящейся точки отъ зеркала извѣстны, то очевидно, прохождение отраженнаго луча вновь чрезъ вырѣзку или остановка его выступомъ должны зависѣть отъ скорости движенія луча. Следовательно, если извѣстна скорость вращенія круга и разстояніе между свѣтящимся предметомъ и зеркаломъ, то скорость движенія свѣта можетъ быть опредѣлена. Разумѣется, что скорость вращенія должна быть значительная, а разстояніе между свѣтящеюся точкою и зеркаломъ не очень мало.

Г. Физо укрѣпилъ на башнѣ Монмартрскаго телеграфа зеркало и передъ нимъ зрительную трубу, такъ что зеркало находилось въ фокусѣ ея объектива (предметнаго стекла). Напротивъ этой трубы г. Физо укрѣпилъ другую, на бельведерѣ дома своего въ Сюрентѣ. Въ этой послѣдней трубѣ, между ея фокусомъ и окуляромъ, онъ поставилъ тонкую, прозрачную стеклянную пластинку, наклоненную подъ угломъ 45° къ оптической оси обѣихъ трубъ.

Оси трубъ должны находиться на одной прямой линіи, такъ чтобы образъ предметнаго стекла одной трубы представлялся въ фокусѣ другой. Вертѣщимся кругъ былъ помѣщенъ такъ, что его зубчатый край находился непосредственно предъ наклоненнымъ стекломъ, со стороны, обращенной къ Монмартру. На наклоненное стекло (между фокусомъ и окуляромъ) падалъ съ боку лучъ свѣта отъ лампы, * проходилъ чрезъ обѣ трубы къ зеркалу, укрѣпленному на башнѣ, и отразившись тамъ, возвращался чрезъ наклоненное стекло къ глазу наблюдателя. Пространство между наклоннымъ стекломъ и зеркаломъ было 8633 метра, и свѣтъ, пробѣгая его взадъ и впередъ, совершалъ путь въ 17266 метровъ или 16 верстѣ и 85 сажень.

Если при такомъ расположеніи прибора заставить вертѣться кругъ, то наблюдатель будетъ видѣть или не видѣть блестящую точку, смотря потому, будетъ ли свѣтъ проходить сквозь вырѣзку, или останавливаться зубцомъ, во время пути своего отъ лампы въ Монмартрскому зеркалу и обратно, что очевидно зависитъ отъ быстроты вращенія круга.

При опытахъ Физо, кругъ имѣлъ 720 зубцовъ и вращался

* Г. Физо употребилъ лампу, устроенную по способу Гюленя. Лучи проходили чрезъ два дуумиурална стекла.

гирами, помощью механизма, устроеннаго г. Фроманомъ. При этомъ механизмѣ находился особый счетситель для опредѣленія быстроты вращенія. Первое затмѣнiе воспослѣдовало при быстротѣ 12, 6 оборотовъ въ секунду; но при удвоенной быстротѣ свѣтъ появлялся снова, проидя обратво чрезъ сосѣднюю вырѣзку. При утроенной быстротѣ новое затмѣнiе, а при учетверенной блестящая точка является вновь. Подобная послѣдовательность имѣетъ мѣсто и при большихъ степеняхъ быстроты.

Среднiй результатъ, полученный изъ всѣхъ опытовъ Физо, даетъ быстроту свѣта чрезвычайно близко подходящую къ той, которая выведена изъ астрономическихъ наблюдений.

Соединенiе Парижа съ Лондономъ помощью электрическаго телеграфа.—Многие изъ нашихъ читателей уже, вѣроятно, слышали объ этомъ, повидному, гигантскомъ, но въ самомъ дѣлѣ простомъ, хотя и чрезвычайно остроумномъ предпрiятiи. Многие считали его сначала журнальнымъ пуфомъ; но такъ какъ нынѣ положительно извѣстно, что не только работы по этому предпрiятiю начались, но что оно скоро будетъ совершенно приведено въ исполненiе, то мы считаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей съ существомъ дѣла.

Во-первыхъ, должно сказать, что французскiй физикъ г. Биетъ изобрѣлъ весьма замысловатый приборъ, названный *электро-тилографомъ*. Помощiю этого прибора, гальваническiй токъ не только передаетъ на какое угодно разстоянiе телеграфическiя депеши, но еще самъ отпечатываетъ ихъ. Г. Биетъ, ободренный такимъ успѣшнымъ открытiемъ, задумалъ провести электрическiй телеграфъ между Парижемъ и Лондономъ и обработалъ такой прекрасный планъ, что англiйское и французское правительства поспѣшили выдать ему привилегiю для приведенiя въ исполненiе этого предпрiятiя.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ дѣло и каковы трудности, которыя предстояли г. Биету при осуществленiи плана.

Задача устройства электрическаго телеграфа на сушѣ уже давно рѣшена удовлетворительнымъ образомъ, и вся трудность предпрiятiя состоитъ только въ томъ, чтобы провести мѣдныя проволоки, по которымъ движется гальваническiй токъ, чрезъ ширину Ламанскаго пролива, отдѣляющаго берега Францiи отъ береговъ Англiи.

Многие полагали это неудобноисполнимымъ, потому что имъ казалось необходимостiю провести по морскому дну, чрезъ всю ширину пролива, трубу, въ которой заключались бы провода.

щія проволоки. Въ такомъ видѣ дѣло было бы чрезвычайно труднымъ; но г. Биггъ придумалъ провести по морскому дну не трубу, а нѣчто въ родѣ гибкаго каната, сдѣланнаго изъ упругихъ смолистыхъ веществъ, внутри котораго помѣстятся совершенно удвоенныя мѣдныя проволоки, числомъ семь. Одинъ изъ концовъ этого каната укрѣпится на утесистомъ берегу мыса Грине (Grinez), близъ Кале, а другой на отвѣсной Шекспировой скалѣ, между Дувромъ и Фолькстономъ. Съ этихъ двухъ почти перпендикулярныхъ возвышеній канатъ прямо опустится въ воду, на глубину 15 сажень, гдѣ, встрѣтивъ морское дно, загнетса колѣномъ, почти подъ прямымъ угломъ и ляжетъ по неровностямъ дна поперегъ всего пролива. Разстоянiе между Грине и Шекспировою скалою составляетъ 18 англійскихъ миль; но чтобы дать возможность гибкому канату колебаться на морскомъ днѣ безъ всякаго вреда, онъ получитъ длину въ 23 мили.

Оба конечные пункта представляютъ скалы, и потому спускающійся по нимъ въ воду канатъ безопасенъ отъ всякаго столкновенiя и отъ напора судовъ. Въ добавокъ, теченiе довольно сильно между этими двумя мысами, такъ что никакой корабль не станетъ бросать тутъ якоря; также рыбаки не могутъ задѣть каната, по той причинѣ, что на мѣстахъ, гдѣ онъ будетъ пролегать, нѣтъ ни рыбныхъ ловлей, ни устричныхъ отмелей.

Канатъ сооружается изъ соединенiя каучука съ гутта-перчею, такъ что будетъ вполне безопасенъ отъ дѣйствiя воды и ѣдкихъ солей и отъ натиска морскихъ животныхъ. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнiя, что въ короткое время и не позже какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, морскiе слизни и многообразныя виды мягкотѣлыхъ животныхъ, обитающихъ на днѣ моря, такъ облѣбятъ собою упомянутый канатъ, что на немъ составится изъ этихъ животныхъ толстая кора, непроницаемая для всѣхъ существующихъ въ морѣ разрушительныхъ дѣателей, такъ что канатъ можетъ смѣло имѣть надежду пролежать въ морѣ неповрежденнымъ въ теченiе нѣсколькихъ столѣтiй.

Задача подводнаго электрическаго проводника между берегами Францiи и Англiи будетъ такимъ образомъ разрѣшена; а продолженiе электротелеграфической линiи отъ Кале до Парижа, съ одной стороны, и отъ Шекспировой скалы до Лондона, съ другой, не представитъ никакихъ затрудненiй.

Такъ какъ проводникъ будетъ состоять изъ семи отдѣльныхъ проволокъ, вполне удвоенныхъ, то можно будетъ одно-

времени сообщать семь дефенгъ. Снарядъ г. Бюта устроенъ такъ, что каждая буква, передаваемая телеграфомъ, немедленно отпечатывается на особой бумажкѣ, на той станціи, куда посылается депеша. По этому г. Бюта и называется свой снарядъ *электро-типографомъ*. Быстрота движенія электричества мгновенная, и снарядъ можетъ передать и отпечатать въ каждую минуту около 15 словъ, такъ что одною проволокою можно передать въ теченіе часа депешу въ 900 словъ, а всѣми семью слѣшкомъ въ 6 тысячъ словъ, что составитъ болѣе печатнаго листа.

Канаты кладутъ въ море въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, и тотчасъ за тѣмъ начнутся опыты передачи дефенгъ, потому что къ 1 сент. (нов. стн.) 1850 года, по заключенному съ г. Бютомъ условію, все должно быть готово. Расходы на электрическій проводникъ составятъ не болѣе 450000 франковъ (112000 руб. сер.), а вся сумма, нужная для приведенія въ ходъ этого предпріятія, не превышаетъ 750000 франковъ (190000 руб. серб.).

Отъ всей души желаемъ успѣха этому прекрасному и остроумному предпріятію, приносящему честь наукѣ и человечеству, стремящемуся на пути совершенствованія.

Нѣсколько словъ о чернилѣ.—Въ одно изъ англійскихъ журналовъ мы прочитали весьма интересную статью о чернилѣ, въ томъ необходимомъ матеріалѣ для всякаго грамотнаго человѣка. Мы представляемъ здѣсь извлеченіе изъ упомянутой статьи, дополнивъ ее собственными замѣчаніями.

Ранѣе XIV столѣтія употребляли повсемѣстно чернило, составленіемъ котораго служилъ весьма измельченный уголь, вещество необыкновенно постоянное въ своемъ цвѣтѣ, неразрушимое и неразрушимое обыкновенными дѣятелями, которыхъ вліанію можетъ подвергаться рукопись. По этой причинѣ буквы рукописей, писанныхъ ранѣе XIV столѣтія, сохранились весьма удовлетворительно. Но съ упомянутого выше времени стали употреблять чернило съ металлическими веществами, очень похожее на нынѣшнее орѣшковое, и въ слѣдствіе такого перемѣноты въ писательномъ матеріалѣ, большая часть рукописей позднѣйшихъ XIV вѣка отличаются своимъ поблеклымъ, помятымъ и нечеткимъ письмомъ, которое чрезвычайно трудно восстанавливается въ нѣсколько сносомъ видѣ.

Наше обыкновенное чернило есть растворъ закиси желѣза, соединенной съ дубильною и орѣшковою кислотами; часто принимаютъ къ этому раствору камедь, индиго и другія веще-

ства, для приданія лучшаго цвѣта и густоты. Вообще цвѣтъ обыкновеннаго орѣшковаго чернила темно-фіолетовый, и написанное имъ бываетъ сначала блѣдно; но постоявъ на воздухѣ, писмо чернѣетъ, потому-что желѣзо, содержащееся въ чернилѣ, переходитъ въ высшую степень окисленія; это одно изъ хорошихъ свойствъ чернила, но дѣло не останавливается на этомъ. Мало-по-малу кислородъ воздуха разъединяетъ первоначальный составъ: растительныя кислоты, содержащіяся въ чернилѣ переходятъ въ простѣйшія формы, а желѣзная окись обращается въ обыкновенную ржавчину, и принимаетъ свойственный ей красно-бурый цвѣтъ. Все это вѣсть дѣлаетъ, что наши рукописи лдиютъ, и это измѣненіе совершается скорѣе или медленнѣе, смотря по качеству письменныхъ матеріаловъ; но всагда непремѣнно ползнаетъ или пожелтѣетъ со временемъ, доколѣ мы будемъ употреблять нынѣшнее орѣшковое чернило, потому-что какъ бы мы ни старались усовершенствовать его, мы никогда не будемъ въ состояніи предохранить составныхъ его частей отъ разрушительнаго вліянія атмосфернаго кислорода.

Нынѣшняя химическая обработка бумаги, особенно писчихъ сортовъ, также способствуетъ къ ускорѣнію вышесказаннаго измѣненія письма, и даже къ совершенному его исчезанію. Но это еще не все: свойство хлора уничтожать мгновенно всякій слѣдъ чернила на бумагѣ придаетъ еще болъшую важность этому предмету, ибо законъ, права, состоянія и имущество множества людей обеспечиваются документами, начертаніе коихъ столь легко изгладимо, что невольно удивляешься, какъ доселѣ стариннаго состава чернила не замѣнили нынѣшъ, болъе надежнымъ. Трудно повѣрить, до какой степени простираются за границею подлоги всякаго рода, въ торговыхъ дѣлахъ. Шотландскіе банки, напримеръ, понесли значительныя потери отъ поддѣлокъ, которыя удалось единственно по свойству чернила, употребленнаго для написанія. Подлогъ отирывался всякій разъ, но уже не выдалъ денегъ. Сверхъ того, обыкновенное чернило вѣдетъ одновременно другія дурныя свойства. По простествію въ некоторое время оно покрывается плѣсенью, густѣетъ и дѣлается ослѣдствіемъ. Наконецъ саранивающее вещество, не будучи здѣсь растворено химически, а только разболтано въ водѣ, осѣдаетъ, и чернило дѣлается постепенно хуже и хуже, и наконецъ вовсе негоднымъ къ употребленію.

Такия неудобства уже давно побуждали къ отысканію новаго, болъе надежнаго состава чернила. Даже академіи сочли нужнымъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Парижская Академія На-

укъ признала предметъ этотъ столь важнымъ, что предложила награду за изобрѣтеніе новаго состава, который былъ бы общепотребителенъ и не имѣлъ бы недостатковъ нынѣшняго обыкновеннаго чернила. Сколько ни проста, повидимому, задача, а еще до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, никто не успѣлъ удостоиться обѣщанной награды. Академія назначила потомъ особую комиссію, которая, въскольکو времени съуста, къ крайнему уничтоженію европейскихъ технологовъ, должна была объявить чрезъ своего предсѣдателя, знаменитаго химика Дюлона, что она не нашла лучшаго средства, чтобъ сдѣлать писанное неизгладимымъ, какъ употребленіе *китайской туши*, разведенной въ водѣ, съ малою примѣсью какой-либо кислоты, всего лучше водохлорной.

Хорошее чернило должно непременно легко стекать съ пера, скоро сохнуть, проникать поверхность бумаги, и не вымываться отъ времени и атмосферныхъ вліяній, а также вротиниться разрушительному дѣйствию химическихъ реагентовъ. Д-ръ Бостокъ, въ запискѣ, представленной имъ англійскому Обществу искусствъ (Society of arts), сообщилъ, что растительная слизь, дубильное вещество и содержащееся въ послѣднемъ экстрактивное начало, суть главнѣйшія причины дурныхъ качествъ нашего чернила. Онъ нашелъ, что крѣпкій отваръ кофе весьма пригоденъ къ разжиженію слишкомъ густыхъ чернилъ. Заплѣсенію можно воспрепятствовать прибавкою къ обыкновеннымъ черниламъ одного или двухъ грановъ сулемы или нѣсколькихъ капель какого-либо летучаго масла; но всего вѣрнѣе, не трудясь надъ исправленіемъ существенно дурнаго состава, замѣнить его лучшимъ.

Основаніемъ всѣхъ предложенныхъ для сей цѣли составовъ есть уголь въ мельчайшемъ его раздѣленіи; его пробы вѣ смѣшивать различнымъ образомъ съ летучими маслами и съ растворами клейкихъ веществъ, но ни одно изъ этихъ соединеній не найдено удовлетворительнымъ. Полученное такимъ образомъ чернило было слишкомъ жирно и густо. Хорошая китайская тушь болѣе всего соотвѣтствовала бы требованію, еслибы написанное ею не такъ легко смывалось водою. Въ одномъ изъ засѣданій Линеева Общества докторъ Кохъ предлагалъ употреблять вмѣсто чернила жидкость, истекающую изъ особаго рода грибовъ; сокъ этотъ чернаго цвѣта; неизмѣняющійся отъ вліянія солнечныхъ лучей, ни отъ дѣйствія хлороваго газа; водохлорная кислота правда уничтожаетъ висалию этимъ сокомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ она развѣдываетъ и самую бумагу.

Еслибъ можно было собрать побольше этихъ грибовъ, то стоило бы испытать это вещество по обстоятельству.—Недавно начали готовить подъ названіемъ марганцоваго чернила жидкость, въ составъ коей входитъ черная марганцовая окись, но свойства новаго чернила еще неизвѣстны; судя однако по густотѣ этого состава, онъ кажется намъ мало способнымъ для общаго употребленія; марганцовая чернь не могла бы удержаться въ жидкости менѣе клейкой и густой, и осѣла бы непременно на дно.

Докторъ Юръ говоритъ, что, разложивъ ванадоксилий аммиакъ, посредствомъ чернильно-орѣшковой настойки, можно получить прекрасное, весьма черное и совершенно прочное чернило; но это чернило можетъ сдѣлаться общеупотребительнымъ только тогда, когда ванадій будетъ найденъ въ большомъ количествѣ; нынѣ же онъ принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ металловъ, и по этому чрезвычайно дорогъ.

Недавно начало входить въ употребленіе такъ называемое *хромовое чернило*, изобрѣтенное нѣмецкимъ химикомъ Рунге и усовершенствованное у насъ въ Петербургѣ. Оно весьма одобряется многими. Лучшій способъ его приготовленія слѣдующій:

Положить въ котелъ или горшокъ 4 фунта измельченнаго снѣга сандала, и наливъ на него ведро воды, поставить на огонь, и держать пока вода закипитъ; потомъ, процѣдивъ жидкость сквозь холстъ, влить въ нее тотчасъ же растворъ изъ 4 золотниковъ желтаго хромовислаго кали въ полустаканѣ воды, и хорошенько размѣшать жидкость палочкою. Желтобурый отваръ сандала тотчасъ приметъ темнофіолетовый цвѣтъ, который, дѣлаясь постепенно гуще, переходитъ, послѣ охлажденія, окончательно въ темносиній. Если же это чернило вскипятить, тотчасъ во прихватитъ хромовой соли, то оно немедленно приметъ упомянутый темносиній цвѣтъ.

Чернило, такимъ образомъ приготовленное, пишеть очень черне, сохраняя, пока не засохло, синеватый отливъ; но засохши, дѣлается черно-бронзовымъ. Оно сохнетъ весьма быстро, не плеснѣеть, потому-что не содержитъ въ себѣ камеди, и не портитъ стальныхъ перьевъ, по причинѣ отсутствія въ немъ купероса и кислоты; но со временемъ также густѣетъ. Послѣднему горю легко пособить примѣсью ничтожнаго количества хлористой ртути.

Чрезвычайная дешевизна этого чернила составляетъ также одно изъ отличительныхъ его свойствъ. Сверхъ того оно не

смывается водою и не разрушается отъ дѣйствія не весьма сгущенныхъ кислотъ.

Недавно въ Лондонѣ извѣстные торговцы канцелярскими принадлежностями Добсъ и компанія пустили въ продажу такъ называемое королевское чернило и королевскую бумагу. Это было нечто иное, какъ бумага, пропитанная растворомъ судены, въ которой писали безцвѣтнымъ растворомъ іодистаго потассія: написанное этою безцвѣтною жидкостію на приготовленной такимъ образомъ бумагѣ, принимало красивый малиновый цвѣтъ. Идея была не новая, и такого рода бумагу давно пытались пустить въ ходъ; но затруднительность ея приготовленія и следовательно высокая цѣна препятствовали этому. Спекуляція Добса не удалась, а ихъ королевское чернило осталось грушкою, на выѣющюю претензію на общепогребительность.

Читая описаніе древняго чернила у Плинія, эдинбургскій химикъ Трайль составилъ прекрасное чернило, подобное древнему и состоящее изъ углистаго вещества, разболтаннаго въ растворѣ растительной клейковины въ уксуѣ. Впрочемъ, должно признаться, что приготовленіе этого превосходнаго чернила довольно затруднительно. Вотъ какъ описываетъ его самъ г. Трайль, въ XIV томѣ *Transactions of the Royal Society of Edinburgh*.

Прежде всего надобно приготовить растительную клейковину. Размывая небольшое количество этого вещества въ струѣ воды, увидимъ, что весь содержавшійся въ немъ крахмалъ уносится водою, а въ рукахъ остается масса клейкая и тягучая. Чѣмъ старательнѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ послѣдняя выйдетъ чище. На десять частей жидкости, известной въ торговлѣ подъ названіемъ пригорѣлой уксуемой кислоты, (некоторая уксусная кислота) берутъ одну съ половиною часть такой очищенной клейковины, и подвергаютъ все выѣстѣ, въ закрытомъ сосудѣ, легкому жару. Черезъ сутки, клейковина растворяется, и смѣсь представляетъ мыльную жидкость. Для обращенія ея въ чернило, надобно примѣшивать къ ней самой лучшей сажѣ, въ пропорціи 8 или 12 грановъ на унцію жидкости, и смѣшивать какъ можно старательнѣе, чрезъ растираніе въ ступкѣ. Тогда чернило готово. Можно прибавить еще нѣсколько измельченной гвоздики, для придачія составу пріятнаго запаха. Чернило это было подвержено самому строгому испытанію. Бумага, написанная имъ, была подвержена въ теченіе цѣлыхъ сутокъ дѣйствію воднаго раствора хлора, столь сильнаго, что самое лучшее обыкновенное чернило бѣлѣло отъ него въ нѣсколько

минуть. Написанное же черниломъ г. Трайля остадеъ послѣ 24-хъ часового дѣйствія хлора столь же явственно, какъ бы сейчасъ написанное. Тотъ же самый результатъ полученъ и послѣ дѣйствія хлора въ теченіе трехъ сутокъ. Письмо, выставленное на воздухъ и на солнцѣ, почернѣло еще болѣе и видѣлось крѣпче въ бумагу. Ни вода, ни щелочи, ни кислоты, не произвели ни малѣйшаго измѣненія въ писанномъ.

Шотландскій банкъ ввелъ у себя исключительное употребленіе чернила, изобрѣтеннаго г. Трайлемъ, и этому примѣру послѣдовали, какъ посылся слухъ, многія купеческія конторы.

Мы сами пробовали дѣлать чернило по рецепту г. Трайля, потому-что не могли найти его въ лавкахъ. Оно дѣйствительно очень хорошо, если только хорошо приготовлено; но тщательное его приготовленіе обойдется очень дорого, такъ что едва ли оно можетъ войти во всеобщее употребленіе, и соперничать съ хромовымъ.

Золотоносная розсыль на Борнео. — Извѣстно, что отставной поручикъ остиндской арміи, мистеръ Брукъ, послѣ многихъ самыхъ романическихъ и занимательныхъ приключеній, сдѣлавъ нынѣ владѣтелемъ или раджою Саравакской области на островѣ Борнео, и подвизается тамъ на поприщѣ просвѣщенія Даяковъ, туземнаго малайскаго племени, в истребленія морскихъ разбоевъ, столь частыхъ и опасныхъ въ Индѣйскомъ Архипелагѣ. Одинъ изъ послѣднихъ номеровъ остиндской газеты *Journal of the Indian Archipelago* произвелъ въ Лондонѣ впечатлѣніе. Въ немъ сообщаютъ, что во владѣніяхъ Саравакскаго раджи, отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей обрушился одинъ изъ скелетовъ горы Триакъ, состоявшій преимущественно изъ кварцоваго песка. Этотъ песокъ былъ снесенъ дождевыми потоками въ долину, и оказалъ чрезвычайное богатство золота, которое попадается самородками, превосходящими часто полфунта вѣсомъ. Немедленно началась промывка, которую занимаютъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Сухое молоко. — Фермеры лорда Тальбота въ Стафордширѣ открыли средство обращать молоко и сливки въ сухія плитки, на подобіе шоколадныхъ. Стоить только распустить такую плитку въ кипяткѣ, чтобы получить молоко или сливки. Въ такомъ образомъ приготовленныхъ плиткахъ, по свидѣтельству химика Брандеса не содержится никакого посторонняго вещества, кромѣ сахара.

Это, повидному, ничтожное, но, въ-самомъ-дѣлѣ, важное

изобрѣтеніе принесетъ большую пользу путешественникамъ, особливо во-время долгихъ морскихъ кампаній.

Потребленіе свѣтильнаго газа въ Великобританіи. — По показанію Mining-Journal нынѣ существуетъ въ Англіи 560 общественныхъ газометровъ, а въ Шотландіи и Ирландіи 215, что составляетъ всего 775 заведеній для приготовленія и продажи свѣтильнаго газа, занимающихъ оборотный капиталъ въ 8 милліоновъ ф. ст. (слишкомъ 50 милліоновъ р. сер.). Въ этихъ заведеніяхъ готовятъ ежегодно до 9,000,000,000 куб. футовъ газа и употребляютъ на то 1,150,000 тоннъ каменнаго угля. Около 20,000 работниковъ заняты этимъ производствомъ въ самыхъ заведеніяхъ и почти столько же въ угольныхъ копяхъ и при перевозкѣ добытаго угля. Изчислено, что для произведенія количества свѣта, равняющагося доставляемому упомянутою массою газа, потребовалось бы примѣрно 13 милліоновъ ведеръ масла, и такое масляное освѣщеніе обошлось бы потребителямъ въ 8 или 9 разъ дороже газоваго.

А вотъ и новый хорошій снарядъ для приготовленія свѣтильнаго газа.

Гражданскій инженеръ Уилькинсонъ, проживающій вблизи Шеффилда, изобрѣлъ снарядъ, посредствомъ котораго можно добыть изъ одной тонны угля (62 пуд.) до 9,000 куб. футовъ газа. Снарядъ этотъ устроенъ такъ, что довольно одного работника для приведенія его въ дѣйствіе, и газъ добытый этимъ способомъ, обходится не дороже 2 шил. (60 коп. сер.) за каждые 1,000 куб. футовъ.

Привилегированная машина для печенія хлѣба. — Гг. Робинсонъ и Ли устроили въ Глазго (Glasgow) особый механическій снарядъ для улучшеннаго печенія хлѣба. Помощію этого снаряда, занимающаго собою помещеніе не болѣе какъ 9 квадрат. футовъ, выдѣлываютъ по 93 пуда хлѣба или 62 пуда сухарей въ часъ, безъ всякаго пособія ручной работы.

Извѣстно, что на заквашиваніе и на выходъ тѣста, при обыкновенномъ хлѣбопеченіи, тратится наиболѣе времени, и что при этомъ мука терлетъ много питательности. Изобрѣтатели новаго снаряда утверждаютъ, что они избѣгаютъ обычныхъ потерь, употребляя для замѣшпванія тѣста насыщенную угольною кислотою воду, приготовленіе коей обходится весьма дешево; впрочемъ снарядъ ихъ равно годенъ и при употребленіи дрожжей.

Весьма простое, но вмѣстѣ и остроумное устройство проводить муку и жидкость одновременно на устроенный въ этой

машинѣ конусъ; падаа на него вмѣстѣ и въ нужной пропорціи, они смѣшиваются и проходятъ въ мѣнительное корыто, откуда тѣсто выдавливается чрезъ отверстіе, при выходѣ изъ коего разрѣзывается эксцентрическимъ ножомъ на куски одинаковой величины. Куски эти или хлѣбы попадаютъ на катокъ, а съ него проводятся тѣмъ же механизмомъ, въ снарядъ, дающій имъ правильный видъ, а оттуда въ печь.

Въ печи паръ, двигающій весь механизмъ и сильно разгоряченный, проходитъ чрезъ змѣеобразную раскаленную металлическую трубку, быстро испекаетъ хлѣбъ. Степень жара управляется само-дѣйствующимъ регуляторомъ,—такъ что пекарь во всякое время увѣренъ въ томъ, что хлѣбы его ни пригорятъ, ни останутся недопечеными.

Эта машина чрезвычайно будетъ полезна тамъ, гдѣ нужно готовить въ короткое время огромное количество хлѣба или сухарей.

Золоченый и серебряный шолкъ. — Въ нѣмецкой петербургской Коммерческой Газетѣ читаешь извѣстіе, что одинъ французскій химикъ открылъ способъ серебрить и золотить шолкъ, и довелъ это производство до высшей степени совершенства.

Уже многіе трудились надъ серебряніемъ и золоченіемъ шолка гальваническимъ путемъ.

Приборъ Флечера для опредѣленія скорости движенія по желѣзнымъ дорогамъ.—Заводчикъ Флечеръ получилъ привилегію на приборъ для опредѣленія, во всякій данный моментъ, мѣста, гдѣ находится поѣздъ на желѣзной дорогѣ. Ночью и въ пасмурную погоду, когда трудно различать окрестные предметы, этотъ приборъ можетъ принести большую пользу. Такъ какъ къ нему присоединенъ часовой механизмъ для измѣренія времени, то, зная время и пройденное пространство, самымъ простымъ вычисленіемъ можно опредѣлить скорость, съ которою движется поѣздъ.

Приборъ Флечера показываетъ пройденное пространство помощію стрѣлки, движущейся по циферблату, раздѣленному на столько частей, сколько дорога имѣетъ миль; сверхъ того означены на немъ станціи, по взаимному ихъ разстоянію. Малая стрѣлка, описывающая цѣлый кругъ, когда поѣздъ пробѣгаетъ двѣ мили, служитъ для опредѣленія скорости. Другая большая стрѣлка, движущаяся въ 5,000 разъ медленнѣе, опредѣляетъ пространство, пройденное поѣздомъ въ значительный промежу-

гокъ времени (напр. въ нѣсколько педѣлъ). Механизмъ, записывающій на бумагѣ скорость и пройденное пространство, помѣщается внутри прибора. Бумага имѣетъ видъ длинной полосы, на которой начерчены продольныя и перпендикулярныя линіи. Во-время движенія поѣзда, полоска бумаги навѣвается на цилиндръ, котораго движеніе разсчитано такъ, что когда поѣздъ сдѣлаетъ одну милю, то на цилиндръ навѣется ровно одинъ промежутокъ между послѣдовательными перпендикулярными линіями. Во-время движенія бумаги, карандашъ, управляемый часовымъ механизмомъ, дѣлаетъ чрезъ каждую минуту на продольныхъ линіяхъ бумаги поперечныя черточки. Такимъ образомъ число поперечныхъ черточекъ покажетъ число минутъ (то есть *время*), а число перпендикулярныхъ къ нимъ линій — число миль (то есть *скорость и пространство*). Для приведенія въ движеніе, приборъ сообщается съ колесомъ вагона или паровоза, катящимся по рельсу и устроеннымъ отъ дѣйствія нажима. Онъ устанавливается на видномъ кондуктору и машинисту мѣстѣ, и по ночамъ освѣщается.

Еще должно присовокупить, что Флечеровъ приборъ, на особомъ листѣ бумаги, дѣлаетъ самъ, въ продолженіе цѣлаго дня, отмѣтки, показывающія скорость поѣзда и время установокъ на станціяхъ.

Ланьелевъ нажимъ. — Литтлхская желѣзная дорога имѣетъ довольно крутые скаты, на которые поѣзды поднимаются помощію канатовъ; скатываются же съ нихъ собственною своею тяжестію. Чтобы предупредить несчастія, весьма возможныя въ послѣднемъ случаѣ, отъ слишкомъ большой скорости скатывающагося поѣзда, а въ первомъ — отъ разрыва каната, необходимо употреблять сильныя нажимы, простаго и удобнаго устройства. Съ этою цѣлію прибѣгнули къ нажимамъ, устроеннымъ по системѣ Ланьеля (Laignel), которые прикрѣпляются къ большимъ шестиколеснымъ вагонамъ. Такой большой вагонъ вѣрнѣе находится въ каждомъ поѣздѣ и къ нему прикрѣпленъ приборъ, имѣющій видъ щипцовъ или клещей, которыми захватывается канатъ при поднятій въ гору и рельсъ при спускѣ.

Нажимъ Ланьеля дѣйствуетъ не на колесо, какъ другіе нажимы, но на рельсъ, такъ что треніе между имъ и рельсомъ составляетъ останавливающую силу. Онъ состоитъ изъ деревяннаго бруска 4 фута длины, $\frac{3}{8}$ фута ширины и $\frac{3}{10}$ фута высоты; къ бруску прикрѣплена снизу желѣзная полоса, вертикальный раз-

рѣзь которой имѣетъ совершенно такую же форму, какъ и разрѣзь колесъ вагона, такъ что полоса, опущенная на рельсъ, ложится на него совершенно также, какъ и ободъ колеса, только съ тою разницею, что полоса прикасается къ рельсу всею своею длиною. Вертикальная ось, приводимая въ движеніе рукояткою, служитъ для подниманія и опусканія полосы, для чего на концѣ ея сдѣланъ винтовой нарѣзь, входящій въ подвижную гайку съ двумя рычагами. Когда ось, посредствомъ рукоятки, приводится въ движеніе, то гайка поднимается по винтовому нарѣзѣ, и заставляетъ прикрѣпленные къ рычагамъ полосы опускаться и давить на рельсы. Давая рукояткѣ самое медленное движеніе, можно увеличивать треніе полосы о рельсъ постепенно и соразмѣрно съ скоростію движенія поѣзда. Наибольшее треніе получится тогда, когда колеса вагона совершенно отдѣлятся отъ рельсовъ, и слѣдовательно вся тяжесть вагона будетъ лежать на полосѣ. Хотя вагонъ, имѣющій отъ 8 до 9 аршинъ длины, уже самъ по себѣ довольно тяжелъ, но вѣсъ его увеличиваютъ еще чугуннымъ балластомъ до 500 пудовъ; не смотря на это, намъ однакожь, что бываютъ случаи, когда сопротивленіе вагона и съ такимъ нажимомъ недостаточно. Тогда посредствомъ цѣпи присоединяютъ къ вагону роль саней, полозья которыхъ замѣнены шинами, подобными описаннымъ. Треніе такихъ полозьевъ вмѣстѣ съ полосами нажима задерживаетъ самъ сильный разлѣтъ поѣзда.

Вагонъ съ нажимомъ имѣетъ цѣлю не одно только уменьшеніе скорости спускающагося поѣзда: его ставятъ еще въ случаѣ подъема впереди цѣпи экипажей и прикрѣпляютъ къ нему безкошечный канатъ, поднимающій на гору. Вагонъ снабженъ, для этой цѣли, спереди и сзади, особымъ приборомъ, похожимъ на клѣщи, посредствомъ котораго канатъ мгновенно соединяется съ вагономъ и отдѣляется отъ него.

Механизмъ этого прибора такъ простъ, что имъ можетъ управлять каждый кондукторъ.

Мы заимствуемъ описаніе этого важнаго для всѣхъ интересующихся желѣзными дорогами изобрѣтенія изъ 105 нумера известнаго французскаго техническаго журнала *La Technologie*.

Добываніе. пошаша безъ сожиганія дерева. — Это открытіе, сдѣланное въ Америкѣ братьями Роджерсъ (Rodgers), объщаетъ обширныя примѣненія въ промышленности. До сихъ поръ думали, что для извлеченія изъ деревь в другихъ растеній содержащихся

въ нихъ щелочей, необходимо нужно сжечь ихъ и превратить въ пепель; но Гг. Роджерсы придумали для этой цѣли совершенно противоположный, но не менѣе надежный путь.

Они приводятъ назначенное для извлеченія щелочей дерево въ состояніе мелкихъ опилокъ, и потомъ промываютъ послѣднія въ водѣ, насыщенной углекислотою, которая и извлекаетъ щелочь. Фактъ этотъ испытанъ понынѣ въ отношеніи клена, дуба и орѣхового дерева, но, вѣроятно, будетъ одинаково успѣшенъ и при другихъ древесныхъ породахъ. Новый способъ представляетъ въ числѣ прочихъ и ту выгоду, что онъ дастъ гораздо больше щелочей противъ прежняго: ибо углекислосое кали и даже натръ, при сильномъ накаливаніи, улетучиваются

Литой мраморъ у древнихъ. — Мы заимствуемъ изъ *Указа-теля открытій*, печатаемаго въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдующую статейку о литомъ мраморѣ, употреблявшемся въ древности вмѣсто цемента, и нынѣ составляемомъ г. Остермайеромъ.

Давно извѣстно, что углекислая известь, смѣшанная въ опредѣленной пропорціи съ ѣдкою или негашеною (кипѣлкою), твердѣетъ отъ образованія основной углекислой соли, поглощающей кристаллизационную воду. Г. Оттовъ *Остермайеръ* въ точности изслѣдовалъ этотъ предметъ, и нашелъ, что упомянутая смѣсь можетъ съ пользою замѣнить не только обыкновенный, но даже гидравлическій цементъ и, во многихъ случаяхъ, гипсъ.

Для составленія своего цемента, Остермайеръ мѣшаетъ известковое молоко съ мелкоистолченнымъ мраморомъ или мѣломъ; смѣсь эта доводится до густоты тѣста, и немедленно употребляется въ дѣло. Она сохнетъ и крѣпнетъ почти такъ же скоро, какъ и гидравлическая известь; щелочныя ея свойства слабы; въ водѣ сохраняется хорошо; но преимущественно годна для формовки и спятія оттисковъ всѣхъ размѣровъ. Штукатурка изъ нея хотя и тяжела, но держится хорошо.

Такъ какъ цементъ Остермайера свойствами и видомъ весьма походитъ на *римскій* или на такъ-называемый *литой мраморъ*, то упомянутый химикъ слѣлалъ разложеніе римскаго цемента-мрамора, найденнаго въ Помпѣѣ. Онъ оказался состоящимъ изъ некристаллической извести, съ примѣсью мелкихъ осколковъ известкового шпата, и растворяется безъ остатка, съ сильнымъ шипѣніемъ, въ слабой соляной кислотѣ. Осколки шпата примѣшаны въ помпейскомъ цементѣ почти въ той же пропорціи,

какъ у насъ присыпается песокъ въ известку для штукатурки. Изъ всего этого должно заключить, что римляне приготовляли свой цементъ изъ смѣси углекислой и негашеной извести, съ прибавкою осколковъ шпата.

Римскій цементъ былъ, гладокъ, твердъ, и поверхность его испещрена мельчайшими параллельными трещинами, что составляетъ особую его принадлежность, и происходитъ, вѣроятно, отъ постепеннаго перехода основной углекислой извести въ среднюю: при этомъ переходѣ освобождающаяся кристаллизационная вода образуетъ трещины. Древнѣй цементъ лежитъ всегда слоеиъ, толщиной въ палецъ, на словъ другаго, сѣраго, въ которомъ шпатъ замѣненъ, какъ кажется, лавою.

Г. Остермайеръ полагаетъ, основываясь на изслѣдованіяхъ римскихъ цементовъ, что при употребленіи изобрѣтеннаго имъ цемента въ большихъ количествахъ, нужно прибавлять, для лучшей связи, крупно истолченный известнякъ, отъ чего масса сохнетъ гораздо лучше. Цементъ Остермайера обходится не дороже обыкновеннаго.

Статья эта переведена Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, изъ *Polytechnisches Centralblatt*.

Искусственный горючій матеріалъ. — На составленіе этого матеріала получили привилегію Гг. *Голандсъ* и *Гринъ*. Они дѣлаютъ его изъ угольнаго мусора, гипса и извести, которыя, хорошо перемѣшавъ между собою, смачиваютъ водою до густоты тѣста, а потомъ пресуютъ въ формы и сушатъ.

Этотъ искусственный горючій матеріалъ оказывается особенно годнымъ для нагрѣванія паровыхъ котловъ. По химическому разложенію онъ оказался состоящимъ, по вѣсу, изъ мелко-смолоатаго обожженнаго гипса 140 ч., обожженной извести 17 ч., квасцовъ 17 ч., каменной соли 17 ч., глины 28 ч. и угольнаго мусора 2,240 частей.

Квасцы прибавляются, вѣроятно, для того, чтобы уголь горѣлъ какъ можно медленнѣе; а каменная соль придаетъ горѣнію большую яркость. Въ случаѣ надобности, чтобы горѣніе совершалось весьма быстро, квасцы слѣдуетъ замѣнить *чильскою селитрою* или азотнокислымъ натромъ.

Такъ какъ главная составная часть новаго горючаго матеріала есть угольный мусоръ, то, полежавъ нѣсколько времени на воздухѣ, онъ весьма легко распадается въ порошокъ, особенно при содѣйствіи сырости. Для избѣжанія этого неудобства,

прессованные куски окунаются въ льняное или конопляное масло.

Новый способ травленія стали и мѣди.—До-сихъ-поръ употреблялись для травленія стали и мѣди крѣпкіе растворы азотной кислоты, что представляло многія неудобства, производимыя отдѣленіемъ недоокиси азота. Пузырьки газа, приставаая къ металлу, защищали его отъ дальнѣйшаго дѣйствія кислоты, и вообще кислота, разъѣдая края и не проникая въ глубину, давала очень грубыя линіи.

Дѣйствіе кислоты, часто противъ желанія, слишкомъ усиливалось отъ поглощенія образующейся изъ недоокиси азота азотной кислоты, которая притомъ вредно дѣйствовала на органамъ работниковъ.

Всѣ эти причины побуждали къ отысканію жидкости для травленія, которая не отдѣляла бы газовъ. Полагали, что солероды, которые непосредственно соединяются съ металлами, будутъ всего приличнѣе въ настоящемъ случаѣ, и дѣйствительно, это предположеніе оправдалось на опытѣ.

Опишемъ вкратцѣ способы приготовленія жидкостей для травленія мѣди и стали.

Для травленія мѣди берутъ 10 ч. дымящейся соляной кислоты (содержащей въ себѣ 40 процентовъ сухой соляной кислоты) разводятъ 70 ч. воды и къ сѣси прибавляютъ кипящаго раствора, составленнаго изъ двухъ частей хлористаго калия и 2 частей воды. Приготовленный такимъ образомъ растворъ содержитъ значительное количество свободнаго хлора, и его можно развести еще 100 или 200 ч. воды для травленія въ слабѣйшихъ частяхъ. Чѣмъ крѣпче растворъ, тѣмъ тонѣ получается темнѣе.

Здѣсь слабый запахъ хлора далеко не такъ непріятенъ, какъ запахъ азотистой кислоты.

Жидкость для травленія стали готовится изъ раствора 2 ч. іода и 5 ч. іодистаго калия въ 40 ч. воды. Если прибавить, вмѣсто 40 ч. воды, 80 ч., то получатся самыя слабыя и тонкія линіи.

Линіи, полученные помощію описанныхъ нами жидкостей, бываютъ весьма глубоки и съ совершенно острыми краями; даже самыя тонкія линейки, проведенныя машинною, никогда не сливаются. Температура при этой операціи не берется въ расчетъ; если только она заключается въ известныхъ предѣлахъ. Жидкость, однажды бывшая въ дѣлѣ, смѣшивается съ

углекислымъ кали, процѣживается, и чрезъ прибавку хлорной воды опять идетъ въ дѣло.

Грибы — sputaria alba. — Часто случается осенью на живыхъ или поблекшихъ листьяхъ, на вѣтвяхъ и заборахъ странное произведеніе, имѣющее видъ клейкой сѣточка, похожей на подсыхающую мыльную воду. Это — грибокъ, названный ботаниками — *sputaria alba*, котораго развитіе, до-сихъ-поръ неизвѣстное, теперь весьма хорошо описано докторомъ Бонорденъ, въ *Botanische Zeitung*.

Прежде образованія гриба, появляются на листьяхъ вѣтвистыя жилки блѣдножелтаго цвѣта, которыя подъ микроскопомъ, при 600-разовомъ увеличеніи, оказываются состоящими изъ клейкой, густой матеріи, содержащей въ себѣ множество мельчайшихъ крупинокъ. При образованіи гриба, крупинки скопляются на одномъ изъ концовъ развѣтвленія, и образуютъ какъ бы пузырьки или желвачки; вѣтви же укорачиваются и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ. Докторъ Бонорденъ не могъ открыть причины, заставляющей крупинки скопляться преимущественно въ одну точку.

Внутреннее развитіе гриба не менѣе замѣчательно. Когда существо его достигнетъ совершеннаго развитія, оно раздѣляется на три слоя. Нижний, непосредственно прилегающій къ листку и вѣткѣ, состоитъ изъ безвидной, полосатой слизи; средний составленъ изъ тонкихъ, прозрачныхъ пластинокъ, которыя (какъ въ *aethalium*), образуютъ родъ петель или глазковъ (углубленій) съ боками, усѣянными множествомъ мельчайшихъ усиковъ, анатомизирующихся въ видѣ сѣти и производящихъ крупинки; третій слой, лежащій на самомъ верху, состоитъ изъ малельныхъ, черныхъ тѣлъ, окристаллизованныхъ въ видѣ желвачковъ.

Г. Бонорденъ основательно замѣчаетъ, что необходимо нужно исправить родовые признаки, которые донынѣ приписывали грибу *sputaria alba*.

Некристаллизованный алмазъ. — Въ числѣ минераловъ, привезенныхъ въ прошломъ году изъ Бразиліи въ Парижъ, находился некристаллизованный, сплошной алмазъ, котораго описаніе и разложеніе представлены г. Риво (Rivot) Парижской Академіи Наукъ. Алмазъ, о которой идетъ рѣчь, представляется въ видѣ округленныхъ кусочковъ чернобураго цвѣта, безъ блеска; поверхность ихъ, рассматриваемая въ увеличительное

стекло, является усѣянною множествомъ мелкихъ углубленій, раздѣляющихъ мельчайшія пластинки неправильной формы, слегка просвѣчивающія и радужно отражающія солнечные лучи. Твердость алмазная; удѣльный вѣсъ отъ 3,01 до 3,41.

Этотъ алмазъ не содержитъ въ себѣ летучихъ веществъ и отъ накалыванья въ тиглѣ не теряетъ своего вѣса. Оно было разложено чрезъ сожиганіе въ кислородѣ и опредѣленіе количества образовавшейся углекислоты. Разложеніе показало, что это почти чистый углеродъ, содержащій отъ 0,24 до 2,03 процентовъ золы.

Образчикъ подобнаго алмаза былъ представленъ въ прошломъ году С. Петербургскому Минералогическому Обществу, членомъ В. И. Левенштимомъ; извѣстнымъ любителемъ и отличнымъ знатокомъ драгоценныхъ камней.

Химическія измѣненія яйца во-время развитія зародыша. Мы заимствуемъ изъ Указателя открытій, помѣщаемого въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдующую, весьма важную въ физиологическомъ отношеніи статью:

Давно извѣстно, что вѣсъ яйца во-время насиживания уменьшается; по опытамъ Проута, эта потеря составляла въ первую недѣлю 5 процентовъ первоначальнаго вѣса, во вторую недѣлю—13, а въ третью 16 процентовъ. Новѣйшіе опыты Сакка * подтвердили эти числа, которыя теперь можно считать довольно вѣрными. Причина потери состоитъ въ томъ, что кислородъ воздуха соединяется съ углеродомъ и водородомъ веществъ, заключающихся въ яйцѣ, образуя углекислоту и воду: слѣдовательно, здѣсь яйцо дышитъ, какъ вполнѣ развитое животное. Гг. Бодримонъ и Мартень Сент-Анжъ, въ отвѣтъ ** на задачу, предложенную Парижскою Академіею Наукъ, превосходно изслѣдовали этотъ процессъ. Необходимость воздуха для развитія зародыша доказывается тѣмъ, что развитіе прекращается и зародышъ умираетъ, если покрыть яйцо лакомъ, непроницаемымъ для воздуха. Чтобы доказать, что уменьшеніе вѣса зависитъ отъ образованія углекислоты и воды, Бодримонъ помѣщалъ куриныя яйца въ плотно-закрытый сосудъ, и нагревалъ его до температуры, необходимой для развитія зародыша (+32° Реомюра), опредѣлялъ, по истеченіи 36 часовъ, составъ воздуха

* Annales des Sciences Naturelles. Septembre, 1847.

** Baudrimont et Martin Saint-Ange. Annales de Chimie et de Physique, Octobre et Novembre 1848.

въ сосудѣ, гдѣ находилъ значительное уменьшеніе кислорода, увеличеніе количества паровъ воды и присутствіе большого количества углекислоты. Анализируя потомъ воздухъ, содержащійся въ воздушной камерѣ яйца или *луиз*, Бодримонъ нашелъ, что онъ богаче кислородомъ, чѣмъ атмосферный. Въ началѣ дыханія яйца, окисленіе совершается помощію кислорода, содержащагося въ воздушной камерѣ; покрывая ее непроницаемымъ для воздуха лакомъ, и оставляя остальную поверхность яйца нелакированной, мы найдемъ, что чрезъ недѣлю насиживания, зародышъ хотя показывалъ признаки развитія, но былъ мертвъ. Покрывая лакомъ одну половину яйца, такъ, что половины раздѣлялись плоскостію, проходящею чрезъ большую ось яйца, Бодримонъ находилъ, что зародышъ развивался въ томъ случаѣ, когда непокрытая лакомъ половина была обращена кверху; если же кверху лежала налакированная половина, то зародышъ болѣе не развивался. Причиною тому — легкость зародыша, который всегда поднимается кверху.

Воздухъ содѣйствуетъ развитію зародыша только своимъ кислородомъ; азотъ же въ этомъ случаѣ остается безразличнымъ: по этому можно было *à priori* полагать, что въ чистомъ кислородѣ, не разжиженномъ примѣсью азота, химическій процессъ во внутренности яйца долженъ совершаться быстрѣе. Но опытъ показалъ, что развитіе зародыша въ чистомъ кислородѣ невозможно, точно такъ же, какъ и продолженіе жизни развитаго животнаго, котораго заставили бы постоянно дышать чистымъ кислородомъ.

Газы, неподдерживающіе дыханія и горѣнія, равно негодны для содѣйствованія развитію зародыша въ яйцѣ.

Если сравнить составъ яйца до насиживания и непосредственно до вылупленія цыпленка, то мы узнаемъ, какія произошли въ немъ химическія измѣненія во-время развитія.

Яйцо состоитъ изъ скорлупы съ ея оболочками, изъ бѣлка и изъ желтка, который есть тотъ же бѣлокъ, только смѣшанный съ желтымъ жиромъ. Мы уже уомянули, что послѣ трехнедѣльнаго насиживания, когда цыпленокъ готовъ вылупиться, яйцо потеряло отъ 16 до 17 процентовъ первоначальнаго вѣса, и эта потеря, по опытамъ Сакка, простирается преимущественно на жиръ, содержащійся въ яйцѣ. Такъ яйцо до насиживания представляетъ слѣдующій составъ:

скорлупы и ея оболочекъ	10,67
бѣлковыхъ веществъ	17,80

жировъ	: 18,83
воды	52,69
	<hr/>
	100,00.

Предъ выходженіемъ цыпленка состоитъ изъ

скорлупы и ея оболочковъ	10,01
бѣлковыиъ веществъ	19,43
жировъ	6,48
воды	47,07

82,99.

Слѣдовательно, потери 17,01

100,00

Изъ этого видно:

1 Что неорганическая часть яйца—скорлупа, не участвуетъ въ химическихъ измѣненіяхъ, происходящихъ съ яйцомъ во время насиживания.

2 Бѣлковина не уменьшилась, но претерпѣла химическія и физическія измѣненія, превратившись изъ безформенной массы въ органы цыпленка.

3 Что уменьшеніе вѣса яйца исключительно зависитъ отъ окисленія жировъ и отъ испаренія воды.

Надобно замѣтить, что вѣсъ отдѣляющихся продуктовъ—углекислоты и воды, вѣскольکو значительнѣе потери вѣса яйца. Это зависитъ отъ присоединенія части кислорода воздуха къ веществамъ, содержащимся въ яйцѣ.

Испытанія Бодримова показали, какъ много зависятъ развитіе зародыша отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ что небольшое измѣненіе температуры или влажности воздуха можетъ остановить процессъ развитія. При + 32° Реомюра развитіе идетъ правильно, при + 30° медленнѣе, а при низшей температурѣ вовсе прекращается. Если температура вѣскольکو выше + 32° то развитіе ускоряется, но при + 34° зародышъ погибаетъ. Зародышъ также погибаетъ отъ чрезвычайно сильнаго испаренія воды, если окружающій воздухъ необыкновенно сухъ.

Опыты надъ развитіемъ яицъ лягушекъ привели къ тѣмъ же общимъ результатамъ: кислородъ и температура не ниже 10° Реомюра составляютъ необходимыя условія для ихъ развитія. Развитіе головастика ускоряется отъ вліянія свѣта; электричество, кажется, имѣетъ на нихъ вредное вліаніе, по-

тому что если держать головастиковъ въ небольшомъ количествѣ воды, то они умираютъ во-время грозы. Такъ какъ яйца лягушекъ не имѣютъ твердой оболочки и развиваются въ водѣ, то тутъ является особенность, что минеральныя вещества, растворенныя въ окружающей водѣ, входятъ въ составъ органовъ зародыша. Въ этомъ можно удостовѣриться сожиганіемъ лягушечныхъ яицъ и головастиковъ и химическимъ разложениемъ полученнаго пепла: мы найдемъ, что въ пеплѣ головастиковъ находятся неорганическія вещества, которыхъ нѣтъ въ пеплѣ лягушечныхъ яицъ

Еще замѣчательный фактъ, что курица во-время насиживания яицъ находится совершенно въ ненормальномъ состояніи: она чрезвычайно худѣетъ и уменьшается въ вѣсѣ. Г. Саккъ нашелъ, опытами, что курица, вѣсившая до насиживания 168 золотниковъ, по вылулпленіи цыплятъ вѣсила только 121 золотникъ. Такое уменьшеніе въ вѣсѣ продолжалось еще съ недѣлю послѣ окончанія насиживания, и курица дошла до 119 золотниковъ вѣса. Потомъ вѣсъ началъ вновь увеличиваться.

Платина въ Альпійскихъ горахъ. — Г. Эмиль Геймаръ (Gueymard), при изслѣдованіи многихъ альпійскихъ минераловъ, нашелъ въ нихъ присутствіе платины, хотя въ количествѣ, недопускающемъ выгодной разработки. Впрочемъ, весьма легко можетъ статься, что современемъ будутъ открыты въ Альпахъ мѣста, гдѣ присутствіе платины окажется достаточно богатымъ для практической разработки.

До-сихъ-поръ извѣстны были мѣстонахожденія платины въ наносахъ Колумбін, Урала, Бразиліи, Сан-Доминга и въ діоритовой породѣ горнаго хребта Колумбін, да въ Уральскихъ серпентинахъ или змѣевикахъ. Г. Эмиль Геймаръ впервые указалъ присутствіе этого металла въ Альпахъ. Онъ попадаетъ здѣсь въ сврой мѣдной рудѣ, залегающей слоями въ метаморфическомъ известнякѣ. Эта руда содержитъ въ себѣ, сверхъ мѣди, еще серебро, сурьму, свинецъ, цинкъ, желѣзо, мышьякъ и сѣру: количество серебра достигаетъ въ ней иногда до 12 процентовъ. Матка состоитъ изъ смеси доломита, кварца и барита.

Впервые найдена альпійская платина на горѣ Шапо, въ Шамполеонской общинѣ, въ Дракской долинѣ. По опытамъ г. Вика, въ этой платинѣ оказываются несомнѣнные признаки родія. Мы полагаемъ, что современемъ откроется тамъ присутствіе и прочихъ металловъ, обыкновенно сопровождающихъ платину во всѣхъ извѣстныхъ мѣстонахожденіяхъ.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

ПОХОЖДЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

I.

Пріѣзжіи. — Колокольчики. — Иванъ Ивановичъ. — Дядюшка и племянникъ. — В. В. и Н. В. Самойловы. — Бѣги. — Вызовъ. — Утреній Костюмъ. — Портные. — Увеселенія въ посту. — Излерь. — Пассаждъ. — Выѣтанъ. — Человѣкъ бывалый. — Сarcisio «Камаринская» М. И. Глинка. — Рубашштейнъ. — Францъ Францовичъ Космополитскій. — Вишневка и лапоть. — Кавось и Бавери. — Сеймуръ Шпѣъ. — Михайловъ и Артемовскій. — Кашевскій. — Концертъ въ пользу Общества Посвященія Бѣдныхъ. — *Аллегрѣ* Графа М. Ю. Вильгорскаго. — М. В. Шиловская. — А. А. Тришатная. — А. Ф. Львовъ. — Глѣбовъ. — Концертъ въ пользу семейства Варламова. — З. П. Башинская. — Живыя картины. — Лотерея. — Базаръ въ пользу бѣдныхъ въ залѣ Благороднаго Собранія. — Русская изба. — Продавицы. — Концертъ съ живыми картинами въ домѣ Галлера. — Устрицы. — Карты. — Стихи еще новаго поэта. — Книгопродавцы. — Исаковы. — Поляковъ. — Какія бываютъ странныя книги.

У огромнаго дома одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, въ первыхъ дняхъ поста, остановилась дорожная клябичка. Почтовые лошади, разные короба и коробочки, привязанныя къ кузову повозки, черныи, полушки, и самый костюмъ пріѣхавшаго въ ней господина, — все показывало, что въ столицѣ прибавилось однимъ провинціаломъ болѣе.

Лакей пріѣхавшаго, живо соскочилъ съ передка и началъ бѣгать и суетиться передъ воротами, спрашивая всякаго, кто только выходилъ изъ нихъ:

— Позвольте спросить, здѣсь живетъ Иванъ Ивановичъ?...

— Какой Иванъ Ивановичъ?...

— Племянникъ нашъ....

Лакей какъ будто былъ увѣренъ, что всякій живущій въ

этомъ огромномъ домѣ долженъ былъ знать къ племянника, но къ большому своему удивленію получалъ въ отвѣтъ:

— А Богъ его знаетъ, всѣхъ Ивановъ не перечесть, на то дворникъ есть.

— А гдѣ же дворника-то отыскать?

— Да что-ты изъ Китая что ли пришелъ? позвони.

— Да во что?

— Вотъ ручка висать!

Лакей съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, исполнилъ благой совѣтъ, и началъ звонить; но, поновизнѣ случая, такъ смѣшно и такъ часто, что дворникъ выскочилъ изъ своей конуры чуть не сломавъ себѣ шею.

Увидя челоюка въ нагольномъ тулупѣ, всего забрызганнаго и все еще потѣшавшагося, дворникъ привѣтствовала прибывшаго не очень ласково.

— Что ты тутъ раззвонился? Что тебѣ нужно?

— Что нужно? Ивана Ивановича.

— Какого Ивана Ивановича?

— Да ты не кричи; тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ Ивана Ивановича, племянника нашего, къ которому мы пріѣхали сюда изъ далека.

— Да какихъ онъ, по себѣ то?

— Какъ какихъ по себѣ?

— Ну да,—какъ фамилія?

Лакей почесалъ немного затылокъ.

— А вотъ объ этомъ нужно спросить у барина, отвѣчалъ онъ. Наша то фамилія Мошкины, а его ужъ Богъ знаетъ какъ. Мы его еще будемъ видѣть первый разъ.

Лакей побѣждалъ снова къ кибиткѣ, и наконецъ кое-какъ объяснился.

— Вотъ давнобы такъ, заключилъ дворникъ; а то звонить себѣ на прошто.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ былъ найденъ, и пріѣзжій, подбирая концы своей волчьей шубы, прошелъ по прекрасной лѣстницѣ въ третій этажъ.

Поддерживая одною рукою своего барина, лакей не приминувъ другою пощупать лакированную рѣшетку лѣстницы, и прошепталъ:

— Ишь ты дерево то какое, кажись не наше, а заморское. Вотъ бы хоть одинъ такой кусочикъ къ намъ.

Оба подошли къ двери, показанной дворникомъ; в'онора, лѣвой, останавливая въ недоумѣніи.

— Ну что жр ты, замѣтилъ прѣзжій пошляккъ.

— Звонить то почему бы не позвонить, отвѣчалъ Омелька, да не зачѣто, вѣрно не туда попали; звонка то у этой двери нѣтъ.

Мѣдное углубленіе у дверей, съ находящеюся въ срединѣ его такой же металлической пуговицею, привело въ недоумѣніе Омельку.

Путешественники добрались наконецъ до своей квартиры Ивана Ивановича.

Было уже часовъ одиннадцать утра, но племянникъ Мошкина еще не вставалъ.

Пользуясь временемъ, покуда ему докладываютъ о прѣздѣ дяди и пока онъ одѣвается въ утренній костюмъ, познакомимъ читателя съ личностію, какъ госпожина Мошкина, такъ и Ивана Ивановича.

Петръ Александровичъ Мошкинъ служилъ когда-то въ милиціи, но къ его большому сожалѣнію, не выдалъ ни какихъ заграничныхъ владѣній. Оставивъ военную службу, онъ снова поселился въ своей деревнѣ и остался тѣмъ же, чѣмъ былъ — добрымъ, неприхотливымъ человѣкомъ, въ жизни котораго первую роль игралъ халатъ. Годы шли, а Петръ Александровичъ не вытѣжалъ изъ деревни, и такъ зацѣпился, что и путешествіе въ недалеій отъ него уѣздный городъ, ему казалось такимъ же страшнымъ и труднымъ, какъ путешествіе въ Киргизскую степь. Село Лужды — была единственною сферою, въ которой онъ вращался, копейничая и приобщая бережливостію копейку къ копейкѣ и рубль къ рублю. Платье ему шилъ домороженный портной; сапоги у него были всегда чуть ли не вѣковѣчные, и такъ громко стучали своими желѣзными гвоздями, что заставляли дребезжать въ окнахъ стекла поднимая цѣдые рои покрывшихся на нихъ мухъ. Бороду брилъ онъ очень рѣдко, кушалъ что заблагоразсудится, подавъ ему его повару и камердинеру виѣтъ, Омелькѣ; слухаго цѣдили только хоровадные цѣсни, да порою торбанъ, на которомъ онъ иногда заставлялъ, играть Омельку.

Петръ Александровичъ не могъ истребить въ душѣ своей врожденную меломанію. Но объ атой страсти мы упомянули совершенно нечаянно. Не она, а совѣтъ другое обстоятельство привело Мошкина въ Петербургъ. Петръ Александровичъ получилъ вѣсть о смерти родной сестры, жившей въ Петербургѣ, и рѣшился навѣстить племянника, единственнаго ея сына. Къ этому у него еще нашлось какое-то дѣло въ присутственныхъ мѣстахъ, и по-

сѣ долгихъ, неоднократно откладываемыхъ сборовъ. Мошкинъ рѣшился оставить свои Лужицы. Зная по наслышкѣ о шумной, развлеченной жизни Петербурга, Петръ Александровичъ припаровилъ такъ, что бы ему прѣхать въ него во-время самое мирное, — въ постъ. Мошкинъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти пяти, полный, дородный, совершенный контрастъ своего племянника, ловкаго, стройнаго и свѣтскаго молодого человека.

Войдя въ переднюю, Петръ Александровичъ очень громко спросилъ у человека, еще только что умывавшагося и чистившаго себя зубы:

— Здѣсь живетъ Ваня?

— Какой Ваня?...

— Известно какой — мой племянникъ. Занъ Ивановъ Иванъ Иванъ.

— Здѣсь.

— Ну, такъ веди меня къ нему, добавилъ Мошкинъ, не думая вовсе скинуть своей волчьей шубы.

— Они изволятъ еще почивать говорилъ лакей.

— Небавка важность, можетъ и встать, веди меня къ нему.

— Позвольте сперва доложить....

— Какой тутъ докладъ, говорятъ тебѣ, что я его дядя.

— Безъ доклада не могу....

Петръ Александровичъ разсердился не на шутку.

— Обойдусь и безъ тебя, любезный, отвѣчалъ онъ, и вдругъ вскрикнулъ густымъ басомъ:

— Ваня, Ваничька, а Ваничька! здравствуй братъ, вставай да принимай гостей.

Голосъ Петра Александровича заставилъ взвизгнуть лягаваго щенка, покоившагося въ передней. Раздался звонокъ колокольчика, и вслѣдъ за этимъ до ушей Мошкина долетѣлъ голосъ племянника: кто тамъ?

— Я Ваня, повторилъ Мошкинъ; дядя твой Петръ Александровичъ, и не дожидаясь болѣе никакого приглашенія, Мошкинъ вступилъ въ спальную и бросился душить Ивана Ивановича своими объятіями.

— Здравствуй Ваня! вскричалъ онъ, — какъ ты выросъ! Я тебя не видалъ лѣтъ двадцать и оставилъ чуть ли не пятилѣтнимъ ребенкомъ.

— Здравствуйте дядюшка! сказалъ онъ: извините, я совсѣмъ не ожидалъ васъ.

— Развѣ я не писалъ къ тебѣ, что приѣду въ Петербургъ. Вскричалъ Мошкинъ.

Иванъ Ивановичъ извинился передъ нимъ и вышелъ въ другую комнату одѣться.

Въ продолженіе того времени, какъ Иванъ Ивановичъ занимался своимъ туалетомъ, Петръ Александровичъ занялся обзоромъ его квартиры. Она ему очень понравилась. Племянникъ его занималъ четыре комнаты, хорошо убранныя, особливо понравился ему кабинетъ, на столѣ котораго многія вещицы были все непостижимы для Мошкина по своему употребленію. Мошкинъ развернулъ нѣсколько книгъ и принялся рыться на фортеціано. Къ большому его удовольствію, онъ нашелъ на нихъ Сѣверную Пчелу и Академическія Вѣдомости. Онъ весь погрузился въ чтеніе и съ углубленнымъ вниманіемъ прочелъ о приѣмѣ, слѣланномъ петербургской публикою двумъ талантливымъ сестрамъ В. В. и Н. В. Самойловымъ, и о драгоцѣнныхъ браслетахъ, подвешенныхъ имъ въ даръ дилетантами драматическаго искусства.

— Что дѣло, то дѣло, замѣтилъ онъ самъ про-себя; если что истинно прекрасно, и тысячу рублей, и двѣ жалѣть не падобно!

Бѣги на Невѣ, и преимущественно троечные, ему также доставила большее удовольствіе. Узнавъ изъ бѣговаго перечня, что большую часть призовъ выиграла тройка С. Петербургской губерніи, принадлежащая г. Анненскому, Петръ Ивановичъ такъ же не могъ не вскрикнуть:

— А! до-сихъ-поръ только и толковали, что англійскимъ лошадямъ лишъ и скакать, а другимъ породамъ хоть воду возить.

Дальнѣйшія его разсужденія были прерваны *охотничьимъ вызовомъ С. Петербургскихъ охотниковъ московскимъ, отъ 500 руб. сер. до 5000 руб. серебромъ, съ тѣмъ, что если тройка г. московскаго охотника Ланскаго пройдетъ на петербургскомъ иподромѣ 30-ти верстную дистанцію со скоростію 54-хъ минутъ, какую она совершила въ Москву.*

— Это, что-то въ родѣ небывлицы въ лицахъ, проговорилъ было про-себя Петръ Александровичъ, и тутъ же остановился, прочитавъ, чрезъ нѣсколько нумеровъ, *отвѣтъ московскихъ охотниковъ, въ которомъ они принимаютъ вызовъ, но только требуютъ петербургскихъ охотниковъ къ себѣ въ Москву.*

— Молодцы! сказалъ Мошкинъ, люблю хоть за то, что не отказались.

Но удивленіе его еще болѣе увеличилось, когда онъ нашелъ еще *третій вызовъ петербургскихъ охотниковъ, отъ 10,000 руб. сереб. и болѣе, которые, защищая превосходство кровныхъ за-*

водою изъ лошадей предъ прочими, битюжскими, вятскими, калмыцкими и другими, предлагаютъ скакать на тройкахъ или въ вдвѣжку, въ какомъ бы то не было экипажѣ, отъ Петербурга до Орла, Казани и даже дальше. Призъ получаютъ лошади, прѣхавшія скорѣе, хотя бы и одна изъ нихъ дѣшла до призового столба. Желающіе принять вызовъ, объявляя о томъ, должны внести закладную сумму въ одно изъ Государственныхъ кредитныхъ учрежденій.

Дальнѣйшее чтеніе было прервано появленіемъ Ивана Ивановича.

— Фу, фу, да куда это ты такъ разрядился? спросилъ Петръ Александровичъ племянника, вышедшаго въ бархатномъ дымчатую цѣптя сюртукъ, въ иреческой фескѣ, бархатной, купленной на Невскомъ у Боюсова, безъ жилета, въ тонкой сорочкѣ голландскаго полотна, вышитой шелковыми цѣптяными мушками, купленной на Невскомъ у Дюфура.

— Никуда, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ: это домашній уборъ.

— А мы такъ и въ гости немножко получше этого ѣздимъ, проговорилъ онъ, смотря на свое платье.

Если вы пожелаете шить себѣ платье лядюшка, закажите его, у Оливье у Сара, въ магазинѣ *au rayon Diable* на Невскомъ или у Асыслова, если хотите имѣть платье подешевле, но также хорошо сдѣланное; тоже на Невскомъ или въ Пассажѣ у него же. Вы, вѣроятно, куда-нибудь будете ѣздить.

— Буду, отвѣчалъ Мошкинъ, да вопросъ: куда ѣздить у васъ въ посту?

— Какъ куда?—въ концерты, въ живыя картины, въ циркъ, на лоттерей въ пользу благотворительныхъ заведеній, на минеральныя воды,—ну, да найдете куда, были-бы деньги.

На лицѣ Петра Александровича выразилось удивленіе.

— Какъ? вскрикнулъ онъ: а я то нарочно спѣшилъ сюда къ посту, чтобы меньше тратить денегъ.

— Можно кататься на оленяхъ, противъ Адмиралтейства, ѣздить на англійскія горы или на горы Крестовскаго острова и минеральныхъ водъ у Излера. Ходить по Пассажу, смотреть разныя панорамы, діорамы, восковыя фигуры и звѣринецъ. Можно посмотреть Самоѣдовъ, которые привезены сюда изъ Архангельской губерніи....

— Настоящіе самоѣды, не водвѣльные! прервалъ Петръ Александровичъ.

— У насъ въ Петербургѣ нѣтъ ничего поддѣльнаго, отдаю чашу Иванъ Ивановичъ: кромѣ волосъ, вубовъ, и талій.

— Ну и слава Богу, порѣшилъ Мошкинъ, что хоть только и есть поддѣльнаго, что лямъ такіа мелочи. Тамъ стало быть ты масляннику провезъ уже Богъ знаетъ какъ весело!

— Да, смѣтрѣлъ въ циркѣ блокаду Ахты, волевишь отъ волшебными превращеніями—Носовъ, прекрасную комедію Тургенева, «Холостякъ», а болѣе всего вѣзидъ въ италянскую оперу, заслушиваться Маріо, Гриви и Фреццоллини.

— Ну, и я ихъ поѣду слушать, замѣтилъ Мошкинъ; а тоже очень люблю музыку.

— Всѣ они уѣзали уже отсюда, кто въ Лондонъ, кто въ Парижъ, кто въ Италію, осталась только одна Фреццоллини, но и та уѣдетъ передъ Пасхою... Во одну вы можете слышать въ концертахъ нашихъ актеровъ.

— Непремѣнно поѣду, порѣшилъ Петръ Александровичъ.

Тутъ у нихъ разговоръ принялъ другой оборотъ.

— Гдѣ-жъ мнѣ помѣститься, Ваня? спросилъ Петръ Александровичъ у племянника.

— Четыре комнаты мои почти всѣ заняты. Тутъ моя гостиная, тамъ кабинетъ, тамъ спальная, тамъ лакейская. Вамъ будетъ безпокойно у меня.

— Я самъ располагалъ остановиться въ гостиницѣ, и захалъ къ тебѣ, чтобы узнать, которая изъ нихъ лучшая.

Hotel des princes въ Морской, у Луи, тоже въ Морской, въ пассажѣ можно, имѣтъ очень хорошенъкую комнату отъ 50 коп. сер., до 150 коп. сереб. въ сутки, наконецъ на Васильевскомъ-острову, у Излера.

— Да кто же этотъ Излеръ такой? спросилъ Петръ Александровичъ. Вотъ уже нѣсколько разъ я слышу отъ тебя его имя?

Иванъ Ивановичъ растолковалъ Мошкину значеніе Излера.

— А, помню, помню! вскрикнулъ Петръ Александровичъ: какъ то разъ я въ деревнѣ читалъ объ немъ стихи, перепечатанные въ выѣздахъ вѣдомостяхъ; очень ими любовался.

— Только одно неудобство у Излера, продолжалъ Иванъ Ивановичъ: если разойдется Нева, вамъ придется иногда гостить денекъ другою на Васильевскомъ островѣ. Поселитесь лучше въ пассажѣ, тамъ и гулять можете, и слушать изъ своего окошка какъ играютъ два хора музыки черезъ дѣнь.

Петръ Александровичъ всѣмълся въ Пассажъ.

Иванъ Ивановичъ не замѣднилъ посѣтить его.

— Ну, что вы дѣлаете, дядюшка? спросилъ онъ. Какъ веселитесь?

— Скуучю, отвѣчалъ Петръ Александровичъ, и такъ съ утра до вечера болятъ голова отъ шуму, который у меня подъ ногами, что и выразить не могу.

— Привыкните, угѣшалъ его Иванъ Ивановичъ. Что бы вы послабѣ этого сказали, еслибъ жили въ Пекинѣ? Тамъ четыре милліона жителей и шумъ такой, котораго въ Петербургѣ нельзя и представить.

— Не знаю, что бы я сказалъ, отвѣчалъ Мошкинъ: только здѣсь мнѣ гулянье наскучило. Ну что, Ванюшка, когда начнутся ваши концерты, я поднимаю, хорошіе концерты?

— Ничего дасть концертъ Вьетанъ. Концертъ его очень хорошо составленъ. Самъ Вьетанъ сыграетъ на скрипкѣ три части своего концерта, Фрецolini будетъ пѣть изъ Гораціевъ и Куріациевъ, Гейнмайеръ флейтистъ, и Росси, оставшійся еще не надолго отъ нашей италянской оперы, будетъ пѣть съ обычною своею веселостію.

Петръ Александровичъ натянулъ на себя свой коричневый дѣтскорымъ фракъ, и отправился въ концертъ Вьетана. Возвратясь домой съ неостывшими еще музыкальными впечатлѣніями, онъ не преминулъ сказать своему Филкѣ:

— Ты, братъ Филка, съ нынѣшняго дня уже отиодъ не смѣй у меня гулять на своемъ торбанѣ, а не то я разобью его въ дребезги. То, что я нынче слышалъ, ужъ кажется другой разъ не услышу.... Фрецolini особенно такъ и звучала: какъ колокольчикъ, такъ и рассыпадась!

Тутъ Петръ Александровичъ помолчалъ немножко....

— И какіе славные люди еще есть въ Петербургѣ! началъ онъ опять, предаваясь пріятнымъ воспоминаніямъ. Поознакомился я тамъ съ такою душою, что такъ бы, кажется и взялъ съ собою, просто такъ, въ пѣнь, въ свои Лужицы. Сиджу я одинъ, какъ персть; знакомыхъ ни души, — некого и спросить порядкомъ, что и какъ. Вдругъ садится около меня человекъ, — очень почтливый человекъ, кто ни пройдетъ всѣхъ знаетъ — тому беззетку по воздуху пошдетъ, тому словцо какое нибудь деликатное отпустить, ну, просто, въ чужѣ за него душа радуется. А я то свжу, смжу, какъ персть, и думаю: что дѣлать?

— Не удержался, взвнулъ съ досадой...

И вдругъ у меня полъ ухомъ прозвучалъ голосъ моего сосѣда:

— А вотъ скоро перестанете зввать.

И дѣлного вздрогнулъ и пробѣлъ.

— Ну, пика, думаю себѣ, сударь мой, петербургская пика, да и только. Нѣтъ, не тутъ то было. Говорилъ онъ отъ полноты души.... прозрѣлъ, умомъ прозрѣлъ, что я пріѣзжій.... и начался у насъ разговоръ.

— Вы, вѣроятно, пріѣзжій? спросилъ онъ меня.

— Пріѣзжій, отвѣчалъ я.

— Это сейчасъ видно, продолжалъ онъ: по нетерпѣнію, съ какимъ свѣжія душа ожидаютъ,—тамъ ужъ я забылъ, какого-то, онъ сказалъ мудренаго удовольствія.... А мы такъ ѣздимъ въ концерты только сердиться, продолжалъ онъ....

— Почему же сердиться? спросилъ я.

— Потому что артисты насъ иногда не хотятъ слушать, принять нашихъ совѣтовъ; оттого и выходитъ у нихъ нѣкотораго рода ералашъ.

— О, подумалъ я: вѣрно онъ въ музыкѣ—то, какъ говорятъ большой мастакъ.

Оказалось, что онъ мастакъ и не въ одной музыкѣ. Господи, какая бездна свѣдѣній, учености, и того и другаго, и пятого, и десятого!

— Вы, спрашиваетъ, здѣшній окружный или откуда-нибудь подальше?

— Да, отвѣчаю, изъ далека, пріѣхалъ.

— Знаетъ нашу сторону какъ свои пять пальцевъ... и пошелъ и пошелъ... Комара послѣдняго и того, кажется, знаетъ!

— Но гдѣ я не перебивалъ, одинъ только Богъ знаетъ продолжалъ я; вотъ навримиръ въ Молдавіи.

— А, *шти Молдавенести*, спросилъ онъ вдругъ меня—Молдавія, говоритъ, мнѣ, какъ тетка родная.

— Въ Бессарабіи, говорю, также горе мыкалъ; съ цыганами чуть ли въ таборахъ не жилъ.

Чтожъ ты, сударь мой, думаешь, вдругъ онъ:

— Ай далъ ромалы, чингарела, салка эра, орасъ уэсъ — ну вотъ цыганъ, да и только!.. Упомянулъ про Литву.

— Былъ!

Верблюдовъ я когда-то видалъ и поэтому коснулся какъ-то Киргизской степи.

— Былъ!...

Въ аду только однимъ развѣ этотъ человекъ не былъ!

Очаровалъ, умилилъ, довелъ почти до слезъ!

Разлучилъ насъ какой-то молокососъ, подхватилъ его полъ ручку, да пошелъ вмѣстѣ съ нимъ шушукать къ какой-то дамѣ.

Цѣлую ночь снились Петру Александровичу его вечернія

впечатлѣнія. Ему грезилось даже, что онъ самъ такъ хорошо игралъ какъ Вьетанъ, и также отлично пѣлъ, какъ Фрецолини.

Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ прочиталъ Мошкинъ афишу о первомъ концертѣ въ пользу заведеній основанныхъ Высочайше утвержденнымъ Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ. Все машило туда Петра Александровича—и пѣніе Фрецолини, которая должна была пѣть русскую вѣсню, Соловей, и въ первый же разъ долго неслыханные звуки М. И. Глинки — воспоминанія объ Испаніи, среди которой онъ не забылъ также мотивовъ своего отечества, издавъ знаменитое свое *carricío* Камаринскую. Ему также много говорили о Рубенштейнѣ, котораго концертъ онъ также хотѣлъ слышать.

Петръ Александровичъ забрался въ залу чуть ли не вмѣстѣ съ музыкантами, составлявшими оркестръ.

Сидя и слушая, Мошкинъ не забывалъ и глядѣть. Ему необыкновенно хотѣлось увидѣть своего интереснаго незнакомаго, и поговорить съ нимъ о музыкѣ. Долго онъ искалъ его въ толпѣ, и наконецъ нашелъ; долго послѣ этого онъ еще кланялся ему, покуда не уловилъ его взгляда и не получалъ самого искреннаго поцалуя во жвадуху, чрезъ нѣсколько головъ. Петру Александровичу было какъ-то неловко во все продолженіе концерта. Онъ сознавалъ, что музыка хороша, но что въ ней всего прекраснѣе, того онъ не могъ постичь, а ему этого очень желалось.

Почти въ прыпрыжку догналъ онъ своего концертнаго знакомаго на лѣстницѣ, при разѣздѣ.

— А, bon jour, mon cher, сказалъ Мошкину новый его знакомецъ.

— *Божжуръ-съ*, какъ ваше драгоценное? сказалъ въ свою очередь Петръ Александровичъ.

— Утомленъ, изтерзанъ звуками!.. душа, просто, просилась на небо....

— Я самъ того же мнѣнія, подтвердилъ Петръ Александровичъ..

— Какову, сдѣлалъ Глинка оркестровку то? какое превосходное народное попури!

— Въ чемъ съ?... Вы изволите говорить про Камаринскаго?

— И нѣтъ, mon cher, про воспоминанія арагонскія и испанскія. Первое представляетъ верхъ совершенства оркестральной музыки.

Петръ Александровичъ вполне согласился. Чрезъ нѣсколько времени Мошкинъ снова увидѣлся съ Францомъ Францовичемъ Космополитскимъ (такъ звали незнакомаго, какъ узналъ наконецъ Мошкинъ отъ него самого) въ Большомъ Театрѣ, въ

концертъ Рубинштейна, въ которомъ также была Фредерика Соловьёва и двѣ сестры Корбара итальянскія арій. По окончании концерта, въ кассовой театра, Петръ Александровичъ спросилъ Франца Францовича его мнѣнiе о концертѣ,

— Все хорошо, какъ нельзя быть лучше, отзывался ему его знакомецъ. Рубинштейнъ игралъ очень хорошо концертъ своего сочиненiя; особенно *Adagio* превосходно, жаль только, что внимательное исполненiе мѣстныхъ духовныхъ инструментовъ не дѣлало достойному исполненiю лучшей части сочиненiя. Роль Рубинштейна также отличается хорошимъ музыкальнымъ слухомъ. Онъ надеется блестящяя игра — непревзойденъ, не *cher?*

Петръ Александровичъ вполнѣ согласился.

Знакомство ихъ еще болѣе сблизилось, и они во славу и процвѣтанiе нашихъ народныхъ артистовъ и за успѣхъ благотворительный цѣль, отправились пить шампанное. Угощая Петръ Александровичъ. Дружба ихъ за бутылкою сирѣпнѣла, и новый другъ началъ безъ церемонiи звать Мошкнна *Петю*, не смотря, что у этого *Петя* не было на головѣ ни одного черноватого волоса. Они разогамовъ, обѣщались посѣщать другъ друга, но Мошкнну не удалось имѣть чести сдѣлать вернаго посѣщенiя. Невская вода тѣмъ выла свое, и положила его дня на три, на четыре въ постель. Онъ этииъ заплатилъ общую дань перемѣнѣиъ воды.

Съ невыразимымъ сожалѣнiемъ прочиталъ онъ афишу о концертѣ Бавери и Кавоса, въ которомъ должны были исполняться партитуры изъ новой оперы Менербера «Пророкъ» и досадовалъ что ему не удастся даже ни отъ кого услышать, какъ исполняли эту оперу, надѣлавшую столько шуму въ Парижѣ. Но случай помогъ ему на другой же день этого концерта.

Петръ Александровичъ, любившiй, по деревенскому обычаю, обѣдать очень рано, едва успѣлъ придвинуться къ столу, какъ въ передней его раздался вопросъ, перемѣшанный съ руганью итальянскихъ арій:

— Тутъ живетъ Петръ Александровичъ Мошкннъ?

Голосъ этотъ заставилъ вздрогнуть Петра Александровича отъ удовольствiя. То былъ голосъ Франца Францовича Космополитскаго.

— Здѣсь, батюшка, вскричалъ Мошкннъ: здѣсь, милости просимъ.

Онъ успѣлъ отворить дверь.

— Саша state, дружище Петя? спросилъ Мошкина Космополитскій: а я гулялъ по Пассажу, встрѣтилъ тамъ прехорошенькую брюнетку и никакъ не могъ отъ нея оторваться.

Мошкину показалось, что Космополитскій его морщитъ, по тому, что въ сажности имъ обоимъ могло быть около полуторазвѣтъ.

— Ну, Богъ съ ними, сѣшьшь веревити Петръ Александровичъ. Скажите-ка лучше, что у насъ по концертной то части?

— Ah! che bella preziosa... запѣлъ Космополитскій. Что это, шоп сбер, кто это затракаетъ съ супомъ?

— Какой завтракъ, я обладаю... Ну, и такъ, что новаго на счетъ жуешич... были у Бавери и Каваса...?

— Я, шоп сбер, по дружбѣ къ тебѣ, просто велю выкашуть твоей обѣдѣ... ну что это за сушь... Я просто, на твою мѣсѣ, велѣлъ бы его выдуть за окно.

Францъ Францовичъ проглотилъ безъ церемоніи десятка два дожекъ, и продолжалъ:

— Что Бавери и Кавосъ...? какъ же, бымъ... говорилъ имъ— нужно сдѣлать вотъ что и вотъ что... Это что у тебя, Петя, стонть на окнѣ?

— Вишневка, домашняя... Такъ что же вы, Францъ Францовичъ, имъ говорили?

— Ну, я тебѣ скажу; Петя, что, прослушавъ Пророка, я помириса съ Мейэрберомъ... вишневка домашняя хороша... но я предпочитаю лучше ласить; чловѣкъ, подай мнѣ ласичу...

— Все будетъ, все будетъ, прервалъ Петръ Александровичъ: только: — и такъ вы помирились...

— Совершенно; нечувствую теперь къ нему ни какой охлажденности. Все части хороши, которыя только давали, и отличаются хорошею инструментаркою и свѣжестію идей. Особенно мнѣ понравились куплеты, пѣтые Леоновымъ, впрочемъ не такъ удачно. Air pastoral превосходно — пѣлъ ее Буаховъ сынъ знаменитаго московскаго тенора. Онъ обладаетъ пріятнымъ голосомъ, но болѣе комватнымъ, чѣмъ сценическимъ. Не вадео лучше поставленъ былъ маршь, исполненный оркестромъ д. полковой, музичкой. Трио буфъ особенно замѣчательное классическими достоинствами... Были дальенькіе промахи, но они случились отъ того, что оперу Пророкъ не успѣли еще хороше разучить... Говорилъ я Кавасу и Бавери... Это, Петя, сваштексъ имъ куда не годятся... откуда это ты берешь?

— Мнѣ тогдаля парсажа...

— Пойдемъ лучше обѣдать къ Сенъ-Жоржу, кстати, а д. муш

нынче располагать собою до шести часовъ, а тамъ долженъ ѣхать къ Фреңцозини, да дать кое какія наставленія Сеймуру-Шифу....

— Это кто же такой?

— А вотъ это ты, мой сшег, увидишь, отъѣчалъ Космополитскій, вынимая изъ кармана нѣсколько билетовъ. Онъ лондонскій музыкальный импровизаторъ. Возьми братецъ билетика три.

— Да на что же мнѣ три?

— Эхъ, братецъ, на то, чтобы быть меценатомъ. Берн примѣръ съ меня; я для одного себя взялъ десять билетовъ. Il faut être à la hauteur du siècle. Понимаешь, что я хотѣлъ тебѣ сказать?

— Понимаю, отъѣчалъ Петръ Александровичъ совершенно не знавшій по-французски, и взялъ всѣ три билета, почесавъ только немного себѣ затылокъ.

Скрѣпя сердце, Мошкинъ послалъ два билета къ своему племяннику Ванѣ, а съ третьимъ отправился въ концертъ Сеймура-Шифа.

У Сеймура-Шифа, перекинувшись словами съ десяткомъ людей, подошелъ къ нему Космополитскій.

— Здравствуй, Мошечка! сказалъ онъ Петру Александровичу: ну, какъ ты думаешь, хорошо ли игралъ Шифъ?

— Хорошо, очень хорошо, отъѣчалъ Мошкинъ.

— Хорошо, но хочу ему замѣтить, прервалъ Космополитскій, что-его музыка и импровизаціи болѣе цимбалическаго характера, если такъ можно выразиться, то есть въ ней бѣглость, быстрота, безъ пѣвучести и выразительности. Болѣе всего отличается онъ въ интродукціяхъ къ своимъ импровизаціямъ....

Сеймуръ Шифъ давалъ два концерта, и на обоихъ ихъ былъ Петръ Александровичъ. Петромъ Александровичемъ не были также пропущены концерты Михайлова, превосходнаго учителя пѣнія и Артемовскаго, изъ которыхъ въ первомъ г. Кашемскій, артистъ-любитель, превосходно исполнилъ одну изъ своихъ фантазій на русскія пѣсни, первое еще произведеніе у насъ въ этомъ родѣ. Онъ также посѣтилъ концертъ Маурера, въ которомъ особенно замѣчательна была вторая часть концерта. Въ ней исполняли «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира — музыка Мендельсона. Scherzo и свадебный маршъ Тезея особенно были въ ней примѣчательны, по словамъ Франца Францовича Космополитскаго.

Но болѣе всего доволенъ былъ Петръ Александровичъ вторымъ концертомъ въ пользу заведеній Общества бѣдныхъ.

— Чтѣ, спросилъ онъ Космополитскаго: какъ вы находите? По моему очень хорошо.

— А по моему такъ лучше ничего и не можетъ быть, отвѣчалъ Космополитскій. Алегро изъ 2 симфоніи, графа М. Ю. Вѣльгорскаго, отличается особенно громозвучностію оркестровки. Любительницы, участвовавшія въ концертѣ, всѣ пѣли отлично, особливо М. В. Шиловская въ своей аріи изъ оперы Русланъ и Людмила, М. И. Глинки. Тарентела — фантазія для оркестраго же — такъ увлекательна и граціозна, что по неволѣ заслушаешься и едва ли есть не первое сочиненіе въ этомъ родѣ для оркестра. Увертюра Рубенштейна изъ оперы Дмитрій Донской, игранная въ этомъ концертѣ, также не безъ достоинствъ, и отличается званіемъ оркестровки. Жаль только, что она не заключаетъ въ себѣ ни одного яснаго, задушевнаго мотива, который бы могъ намъ показать, что мы слушаемъ увертюру русской, національной оперы. Фантазія для оркестра — русская плясовая пѣсня, М. И. Глинки, мнѣ особенно понравилась. Отрывокъ изъ оперы: Цыгане, графа М. Ю. Вѣльгорскаго — антрактъ вечерній хоръ цыганъ, тріо и солдатская хоровая пѣсня, съ большимъ оркестромъ, хорами и полковою музыкою, и соло исполненное М. В. Шиловской, А. А. Тршатною, П. Н. Гладгеймомъ и графомъ В. А. Сологубомъ, не заставляютъ желать ничего лучшаго. Голось А. А. Тршатной, сильный, полный и обработанный, привелъ меня въ восхищеніе!

Петръ Александровичъ вполне согласился съ этимъ. Онъ добавилъ еще, что его привелъ въ большой восторгъ рускій народный гимнъ А. Ф. Львова, исполненный любителями и любительницами. На это Францъ Францовичъ добавлялъ ему:

— Объ этомъ, братъ Петя, и толковать нечего, что хорошо, а потому вмѣстѣ съ исполнителями нельзя не поблагодарить и дирижерѣвъ какъ оркестра, такъ и хорѣвъ гг. Кавоса, Палагина и Альбрехта.

Петръ Александровичъ и съ этимъ вполне согласился. Тутъ онъ невольно вспомнилъ о концертѣ дѣвицъ Погожевыхъ, на которомъ ему не удалось быть и спросилъ объ исполненіи его у Франца Францовича.

Францъ Францовичъ отвѣчалъ:

— Ди. у насъ замѣчательный таланти. Концертъ былъ составленъ очень мило, и въ немъ имѣ больше всего понравилось мнѣ любителя г. Глѣбова — арія Сусаннина изъ оперы Жуанъ за царя. Басъ, пріятный, густой, обработай только онъ его, такъ это, а тебѣ, Петя, скажу, будетъ вотъ что!

Тутъ Францъ Францовичъ поднялъ ко рту три пальца и поцеловалъ ихъ. При этомъ онъ добавилъ, что непростительно было не посѣтить концерта въ пользу семейства Варламова, извѣстнаго композитора русскихъ пѣсень, въ которыхъ таится столько задушевнаго, теплаго чувства.

Когда Петръ Александровичъ явился въ Благородное Собраніе, зала была уже совершенно полна. Цѣня заслуги покойнаго Варламова, оказанныя народной музыкѣ, въ концертѣ въ пользу его семейства участвовали все любители и любительницы: г. Щулепниковъ, Кашевскій, Глѣбовъ, Шмитъ и гг. графиня Сиверсъ, Бунина, Смирнова, Тришатная, Башинская, Романова, Юрьевичъ и княжна Урусова. Францъ Францовичъ Космополитскій бѣгалъ изъ угла въ уголь и охалъ отъ удовольствія, когда пропѣла З. П. Башинская, арію изъ оперы Беатриче ди Тепла, М. А. Тришатная арію и молитву — музыка Верди и г. Глѣбовъ: Бородадь-моя бородашка, музыка Бахметьева, и не жалья рукъ хлопалъ, когда З. П. Башинская пропѣла съ аккомпаниментомъ арфы Соловья — музыка Алябьева, а г. Щулепниковъ игралъ свою элегію.

Этимъ концертомъ Петръ Александровичъ и окончилъ свои музыкальныя странствованія.

Но не одни концерты поглощали одиноко проведенные въ имеръ пассажа дни Петра Александровича; онъ былъ также на двухъ концертахъ съ живыми картинами Роллера и въ концертѣ, также съ живыми картинами, г. Каратыгина, помощника режиссера оперной труппы. Не смотря на то, что въ этихъ трехъ концертахъ живыми картинными были почти одиѣ и тѣже, Петръ Александровичъ смотрѣлъ ихъ всегда съ полнымъ вниманіемъ. Тутъ онъ была морозно обставовлены и исполнены. Ему особенно понравилась картина Левиса-Сумала-Карегви и Шнионъ Христиновъ — въ которой участвовали: Гг. Голландъ, Каратыгинъ 2, Горди-ке, Славинъ, Фихтманъ, Оголейтъ, Огюстъ, Гольцъ, Коштовскій и г. Самойлова 2 и Гизель.

Много денегъ истратилъ Петръ Александровичъ, чтобы удовлетворить своей меломаніи, и желая какънибудь возвратитъ ихъ, покоряясь чувству безотчетной корысти, бралъ билеты на

лотерей, въ пользу дѣтскихъ приютовъ. Малость цѣны билета и значительность выигрышей, между которыми находились не только колески, кареты, серебряныя и бронзовыя дорогія вещи, но даже и бриллиантовый фермуаръ въ 7500 руб. сер., пожертвованный Ч. Балашеву, повольно заставляли Мошкина быть благотворительнымъ, и съ каждымъ днемъ платилъ 75 коп. сер. за новый билетъ, въ надеждѣ выиграть, если не фермуаръ, такъ-по крайней-мѣрѣ, карету. Къ несчастію, Петръ Александровичъ выигралъ только одну прекрасную дамскую шемпзетку, но и ту у него выпросили въ знакъ памяти Францъ Францовичъ Космополитскій.

Но эта неудача не охладяла благотворительности Петра Александровича. Онъ непреминулъ посѣтить и базаръ, устроенный въ пользу бѣдныхъ въ залѣ Благороднаго Собранія. Осторожно ступая между густыми толпами посѣтителей и глядя на дамъ высшаго круга, принявшихъ на себя обязанность продавать въ пользу неимущихъ, какъ свои, такъ и постороннія пожертвованія, онъ съ восторгомъ остановился противъ русской избы, устроенной въ залѣ въ два этажа, въ которой продавались разныя прохладительныя и закуски, и началъ любоваться на искусственныя березы, поставленныя предъ нею. Изъ двери избы показался Францъ Францовичъ Космополитскій.

— А, bon jour, Петя, вскрикнулъ онъ, увидя Петра Александровича, что положилъ ли ты что нибудь въ дань благотворительности?

— Положилъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ: купилъ кое что. Продавщицы такія милыя, добрыя и любезныя. А вы, Францъ Францовичъ?

— За кого же ты меня считаешь? Разумѣется, я тоже покупалъ, отвѣчалъ Францъ Францовичъ.

— Что же вы купили?

— Рюмку водки и бутерь-бродъ, отвѣчалъ Космополитскій. Всякій, шоп снэг, поощраетъ не своимъ друзьямъ. А програвъ, чтобы не забыть, я нынче хочу тебѣ сдѣлать честь и вынить у дѣба лафиту; я братецъ, вчера себя очень дурно велъ, и чувствую, что лафитъ мнѣ нынче необходимъ....

Петръ Александровичъ принялъ это предложеніе съ большою готовностію. Цѣлый тотъ вечеръ они протолковали очень долго и о очень многомъ, а главное о загородныхъ лѣтнихъ удовольствіяхъ, съ которыми Космополитскій обязался познакомить Мошкина.

Петръ Александровичъ остался очень доволенъ....

Петръ Александровичъ уже рѣшительно не думалъ понасть въ какой бы то ни было концертъ, когда дверь въ его номеръ отворилась, и вошелъ Францъ Францовичъ Космополитскій.

— А я къ тебѣ, сказалъ онъ изъ пассажа — шлылся все, братецъ, въ ожиданіи вечера. Одѣцъся, душенька, и пойдемъ гулять а вечеромъ, разумѣется, вмѣстѣ отправимся положить нашу лепту въ кассу благотворительности.

— Какую лепту и въ какую кассу? спросилъ Петръ Александровичъ.

Францъ Францовичъ отодвинулся отъ Мошкина.

— Ты, Петя, просто, меня приводишь въ отчаяніе, вскрикнулъ онъ. Какъ, неужели ты не знаешь, что нынче въ домѣ Галлера концертъ съ живыми картинами, въ которомъ участвуютъ все любители изъ высшаго общества.... Нѣтъ, ты меня такъ сразилъ, что я, съ твоего позволенія, вышью у тебя лафиту. Но не безпокойся, чтобы я остался тебѣ одолженъ этимъ; а тебѣ за это сдѣлаю тоже услугу—даю тебѣ свой собственный билетъ, а ты мнѣ въ замѣнъ его подаришь заплоченные мною пять рублей серебромъ и главное лафиту.

— Но я самъ могу взять, возразилъ Петръ Александровичъ.

— Вотъ этого то ты уже никакъ не думай, прервалъ Францъ Францовичъ.

— Почему? были бы деньги.

— Имѣй ты у себя всю Голконду, и Индію, и Бразилію, и что хочешь, не получишь—всѣ билеты разобраны. Это вмѣстѣ и билетъ и жертва дружбы. А концертъ-то, концертъ-то, Момечька, какой! ты только повѣсь ухо на гвоздь терпѣнія и внимай старцу, которому внимали старцы, когда онъ былъ юношей.

Тутъ Францъ Францовичъ отставилъ правую ногу, приподнял голову и началъ ударять пальцемъ о палецъ, приговаривая:

—Во-первыхъ. Сватъба Фигаро. Участвующіе: княгиня Урусова, г-жа Атрыганьева, гг. Голубцовъ и Галлеръ.

Во-вторыхъ. Вѣра, Надежда и Любовь. Г-жа Клементьева, г-жа Тришатная и г. Галлеръ.

Въ-третьихъ. Торговка цвѣтами. Графиня Орлова-Денисова, графиня Сиверсъ, г-жа Фрейгангъ и г. Набоковъ.

Въ-четвертыхъ. Ангелъ Хранитель. Г-жи Наумова и Татищева....

Но если тебѣ все пересчитывать подробно объяснять достоинство каждаго участвующаго, устанешь, право устанешь! Ска-

жу вкратцѣ, что еще будетъ: прежняя Венеція, Римскій Карнавалъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Испанская любовь, Добрый и дурной совѣтъ, Отдыхъ и Бедуны. Декораціи Роллера, оркестръ подъ управленіемъ Маурера. Кромѣ того концертъ; въ картинахъ и концертѣ участвуютъ еще: г-жа Охотникова, Болговская, Шиловская, Притвицъ, князь Урусовъ, графъ Солдугубъ; Глѣбовъ и другіе.

— Да, отвѣчалъ Мошкинъ, должно быть очень занимательно. Только вы то какъ же проберетесь, Францъ Францовичъ?

— Я, отвѣчалъ Космополитскій: Обо мнѣ уже ты не беспокойся.

— Ъдемъ, порѣшилъ Мошкинъ.

— Ну дай же тебя за это подаковать, душа,

O supremo felice!...

а главное лафиту и гдѣ-нибудь хорошенько пообѣдаетъ.

До восьми часовъ, времени концерта, Петръ Александровичъ, привыкшій всегда немного послѣ обѣда соснуть, волею и неволею, а долженъ былъ бродить съ Космополитскимъ. Онъ зашелъ съ нимъ къ Смурову, и тамъ въ первый разъ принудилъ провинціала проглотить нѣсколько устрицъ.

Устрицы съ перваго разу не слишкомъ показались Петру Александровичу.

— Ну что? сиромъ его Космополитскій.

— Такъ себѣ, отвѣчалъ Мошкинъ: Богъ знаетъ, за что деньги люди платятъ.

— Тс! тс! сказалъ онъ, не говори этого громко, знаешь ли, что я, я, какъ истинный джентльменъ, видя устрицу, готовъ позабыть о присутствіи самой Венеры медицинскій.

— Ну, объ этомъ я бы еще подумалъ, возразилъ Петръ Александровичъ, который, попробовавъ немного удовольствій петербургской жизни, сталъ довольно похожъ на Гоголевскаго капитана Копейкина.

— Ecco la cosa! вскрикнулъ Францъ Францовичъ. Такъ вотъ къ чему у тебя вкусъ. Впрочемъ, что же, братецъ, онъ недуренъ, я самъ похожъ на тебя въ этомъ случаѣ. Сердце мое, какъ алфавитный списокъ, въ немъ столько начертано женскихъ именъ, что и не сочтешь. Ну, а ты часто бываешь между этими цвѣтками творенія?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мошкинъ: никого здѣсь не знаю, а признаюсь, дамское общество люблю; оно, знаетъ ли, усмирляетъ нравы, утончаетъ вкусъ, а пятое и десятое,

— Да, отвѣчалъ Космополитскій: это твоя правда; но какъ же это ты до-сихъ-поръ живешь такимъ аскетомъ?... Фамуля бы ты, покрайней-мѣрѣ, на семейные вечера въ Благородное Общество; познакомился бы съ кѣмъ-нибудь.

— Не довокъ для знакомствъ, отвѣчалъ Мошкинъ.

— Э, какъ ты бы давно мнѣ это сказалъ, прервалъ Францъ Францовичъ; я бы тебя давно познакомилъ. У меня есть одна знакомая дама—живетъ открытымъ домомъ, имѣетъ назначенные вечера. Тамъ ты можешь встрѣтить всѣхъ, и нашего брата артиста, и человѣка солиднаго, какъ ты, и юность, знаешь такую, которая только что расправила крылья и съ нихъ еще не слетѣла краска. Хочешь, я познакомлю тебя?

— Оно бы отчего же не такъ, отвѣчалъ Мошкинъ, да что я тамъ буду дѣлать?... вотъ вопросъ.

— Ну, любезничать.

— Ахъ, Францъ, прошло уже мое время любезничать.

— И дѣлано, милый, въ твои лѣта это занятіе уже слишкомъ устарѣло для тебя. Ну, ты будешь заниматься чѣмъ-нибудь солиднымъ: напримѣръ играть въ карты — въ вистъ, вистъ-преферансъ, вистъ-помпадуръ, преферансъ, преферансъ помпадуръ.

— Вотъ это-то ужъ и подавно не могу, отвѣчалъ Мошкинъ. Кромѣ своихъ козырей, да кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, мушкетъ, ни во что не умѣю.

— Ахъ Петруша, Петруша, вскрикнулъ Францъ Францовичъ; съ каждою минутою, ты меня все болѣе и болѣе производишь въ умопомраченіе.... Мальчикъ, продай еще десятокъ устрицъ Петру Александровичу, мой красавецъ.... Я за тебя ихъ съѣмъ, Петруша, когда уже ты не знаешь въ нихъ толку.... Но постои же, а чѣмъ мы говорили.... у меня, шоп сшег, голова подна вре такими серьезными идеями, что иногда совершенно позабывар, это говорю. Да! кажется я говорилъ объ твоёмъ нравственномъ и умственномъ образованіи.... Воля твоя, Мопечка, а тебѣ непременно нужно выучиться играть въ карты—для препровожденія времени.

— Да вѣдь не учителя же нанимать, замѣтилъ Мошкинъ.

— Кто же говоритъ тебѣ про насѣмъ? Прибѣгни къ услугамъ дружбы. Я тебя выучу даромъ. Разумеетсяъ, ты въ первое время будешь мнѣ проигрывать, но согласись, вѣдь даромъ и воддырь не вскочить. И за то, какое же мнѣ будетъ потомъ удо-

родствѣ, когда мой Петръ Александровичъ, тогда новый Пуджа
князь, посватать мнѣ новое твореніе. Вотъ, нарривѣрь этакое.
Слушай, Петруша, и разяужствуйся, ... Мадчикъ, подай Петру
Александровичу еще десятокъ устриць. Я има, шоп сшег, заѣмъ
за твое здоровье новое твореніе. Слушай же, Петръ Александрови-
чъ.

Тутъ Франць Францовичъ привсталъ, и приподнявъ надъ го-
ловю очень картинно свѣжую устрицу, началъ:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ утонченности игры,
И я, за картами, готовый
Сидѣть съ зари и до зари,
Не зная козней подтасовки
И передѣрки не боясь,
Любилъ раздолье понтировки,
Игрою бурной веселясь.
Въ тѣ дни всечасныхъ пораженій,
На вѣрный отыгрышъ маѣя,
Какой-то, картъ учтивый демонъ
Сталъ часто посѣщать меня.
Ужасны были наши стычки!
Его тасовка, зоркій взглядъ,
И мѣла длинныя странички
Вливали въ душу страхъ и хладъ.
Неистощимой остроюю
Онъ свѣлость въ сердцѣ поселялъ,
Звалъ *семпелъ* бабьею игрою,
И только *транспорти* проолавлялъ.
Онъ злато высыпалъ горою,
Борьбою духъ мой вокушалъ,
И мало гевора со мною,
На вушь лишь вѣжвость обращалъ.
.
Онъ въ карты пристально смотрѣлъ
И ничега во всей колодѣ,
На лѣво бросить не хотѣлъ!

— Bravo, вскрикнулъ Петръ Александровичъ: это ваше со-
щисеніе, Франць Францовичъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Космополетскій: это тоже какого-то но-

ваго поэта, хотя имя автора этого стихотворенія и останется такою же загадкою, какъ имя автора Слова о полку Игоревѣ: Мальчикъ, подай бутылку портеру Петру Александровичу, мой красавецъ.... Я слишкомъ что-то взволновался.... поэзія и музыка меня вообще слишкомъ много волнуютъ.

Францъ Францовичъ наконецъ прохладилъ свое волненіе, и они вышли совершенно довольные другъ другомъ.

— Вотъ не знаю, Францъ Францовичъ, сказалъ Мошкинъ: нужно бы позапасться какими нибудь книжками. Нѣтъ ли у васъ какихъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Космополитскій: я, братъ, всегда читаю все новое, на-лету, въ кондитерскихъ, между глотками шоколада или пирожковъ, да въ этомъ затрудниться нечего. Библиотека для чтенія очень много—подпишись въ любую, и читай хоть цѣлыя ночи на пролетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ: я человекъ степенный, люблю, что прочитаю, чтобъ у меня и оставалось. Не знаете ли вы какого книгопродавца, который бы мнѣ могъ даже высылать книги и въ деревню, вѣрно, и аккуратно?

— Знаю, отвѣчалъ Космополитскій: для французскихъ книгъ два брата Исаковы.

— Ну нѣтъ, прервалъ Мошкинъ, для русскихъ.

— Знаю, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: я могу рекомендовать очень замѣчательнаго, который, если нужно, можетъ тебѣ доставить, пожалуй, хоть грамматику гусинаго языка. Если у него ее нѣтъ, онъ не затруднится, закажетъ кому-нибудь сочинить, только бы имъ остались довольны тѣ, которые поручаютъ ему комиссію.

— Неужели такой обязательный?

— Преобязательный.

— Да, мало ли ты чего у него не приобрѣтешь, продолжалъ Космополитскій: приходитъ весна, онъ даритъ своимъ покупателямъ вѣрныя средства не скучать на дачахъ; настаетъ осень, онъ доставляетъ помѣщикамъ случаи узнать, какъ лучше сохранять хлѣбъ, какъ уваживать на будущій годъ поля. Желаетъ ли кто понравиться дамамъ—онъ представитъ покупателю такую объ этомъ книгу, что покупатель, будь онъ самъ хуже любого чучча, самъ первый въ себя влюбится и погибнетъ предъ своимъ зеркаломъ смертію Нардиса. По самому виду покупателя, онъ уже знаетъ, что кому нужно. Грустнаго, онъ утѣшитъ *Веселымъ Скалозубомъ*, другаго *Искусствомъ наслаждаться денни*, а ученыхъ и антикваріевъ такими книгами, на которыхъ

одной древней, рѣдкой пыли болѣе, чѣмъ на десять процентовъ. Простая кухарка, дѣлается по милости его, чуть ли не знаменитымъ французскимъ поваромъ Каремомъ, бѣлоручка—хорошею опытною хозяйкою, капризное дѣтя, почитавши его дѣтскихъ книгъ, умнымъ мальчикомъ, для котораго розга существуетъ лишь какъ теоретическое исправленіе.

— Bravo, bravo! вскрикнулъ Мошкинъ.

— Его дѣятельность неутомима, отвѣчалъ Космополитскій: вѣроятно онъ и теперь предпринимаетъ какое-нибудь полезное заданіе, современное настоящимъ требованіямъ, и вѣрно готовится къ дѣлу, при усилившейся повсюду страсти къ воздухоплаванию: *«Итъ болѣе новаго Леде! или впрное средство возвышаться и не падать!»* Такихъ у него книгъ для легкаго чтенія необерешься. Но если захочешь искать чего-нибудь серьезнаго, ступай тоже къ нему. Педагогъ, ты получишь отличные учебники, географъ — вѣрныя ландкарты, ремесленникъ — цѣлую энциклопедію ремесль.

— А на счетъ исполненія комиссіи, спросилъ Мошкинъ; вотъ это главное. Иногда къ намъ, иногороднымъ, наши порученія, данныя нами въ молодости, приходять чуть-чуть ли не, перелъ старческою смертію, и то съ грѣхомъ пополамъ.

— О, изъ счетъ этого будь покоенъ, кончилъ Космополитскій: Поляковъ будетъ доставлять всѣ немного медленнѣе мысли.

— Bravo, bravo! порѣшилъ Мошкинъ: непременно буду выписывать у него, а не у когонибудь другаго.

Тутъ встрѣтилъ Франца Францовича какой-то его, тоже новѣйшій знакомый, съ которымъ онъ превосходно заговорилъ по чухонски, и расстался съ Мошкинымъ, не успѣвъ ему сказать ничего достойно похвальнаго о конторѣ комиссіонерства Языкова и о разныхъ книгопродавцахъ, Поляковъ, Ратьковъ, Глазуновъ, Печаткинъ и братьяхъ Лоскутовыхъ.

Вечеромъ, концертъ въ домѣ Галлера привелъ Мошкина въ совершенный восторгъ. Изящество нарядовъ, прекрасное пѣніе, ослѣпительное освѣщеніе и громкіе аплодисманы, набросали не одинъ цвѣтокъ въ воображеніе Петра Александровича.

РУССКАЯ ПОЧТА.

О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ.—Время дубленія.—Запахъ.—Сравнительная таблица.—Сбытъ за границей.—Полезь для казны.—Обороты.—Золотыя розсыпи.—Куринскія долина.—Львиная машина.—Высоты.—Цѣнность.—Воздѣлываніе чатыка (сарачинскаго шпена).—Лучшая почва.—Приготовленіе земли и посѣвъ.—Соорѣніе, уборка и урожай.—Обмолачиваніе и очищеніе.

О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ. — Кожевенное производство составляетъ, безспорно, одну изъ главнѣйшихъ отраслей промышленности. Съ развитіемъ общей цивилизаціи, эта отрасль сдѣлалась почти первою нуждою человѣка. Въ примѣненіи къ Россіи и къ ея мѣстнымъ производеніямъ, кожевенная промышленность должна составлять государственное богатство. Все взятое вмѣстѣ заставляеть обратить особенное вниманіе на эту статью.

Главнѣйшимъ затрудненіемъ въ успѣхѣ и выгодахъ кожевеннаго производства было и до-сихъ-поръ есть время, употребляемое на выдѣлку (дубленіе) старыѣ кожъ.

Въ Англіи и Франціи употребляется на этотъ предметъ отъ 12 до 15 мѣсяцевъ, а въ Россіи отъ 6-ти до 12-ти мѣсяцевъ; но только первая кожа выходитъ изъ процесса доброкачественною въ 15-ть мѣсяцевъ, — а выдѣлываемая у насъ, для скоростн, въ 6, 7, 8 и 9-ть мѣсяцевъ, которая идетъ на общее употребленіе, готовится обыкновенно съ такъ-называемымъ *закаломъ*, выставляемымъ продавцами, изъ частныхъ мелочныхъ ихъ выгодъ, за особенное качество товара; хотя *закалъ*, или, въ прямомъ смыслѣ, *сыралъ*, *непродубленная ередина* *кожи*, есть первый порокъ и причина порчи кожи: подошва съ *закаломъ*, попадая въ сырость, разбухивается и скоро пропускаетъ оную на другую сторону, наподобіе губки, что доказано опытами. Отъ этого кожи русскаго производства не могутъ сравняться съ иностранными, и не имѣють сбыта за границую.

Франція и Англія, покупающія большую часть сырыхъ кожъ въ Россіи, снабжаютъ: Франція—цѣлый Востокъ, Италію, берега Африки, и вывозитъ милліоны паръ башмаковъ въ Китай;—Англія наводняетъ своими произведеніями всю Индію, и американскія колоніи, и доставляетъ въ Россію кожи высшей

выдѣлки, несравненно дороже русскихъ цѣнъ, изъ сырья, купленнаго въ Россіи же.

Многіе полагали прежде, что климатъ, вода и разныя другія причины могутъ имѣть вліяніе на качество кожи во-время дубленія; но наука опровергла эти предположенія.

Вообще успѣхи кожевеннаго производства относятся къ концу минувшаго столѣтія, и обязаны успѣхамъ химіи. До времени *Déuex* и *Seguin* (сотрудника славнаго *Lavoisier*) не имѣла даже настоящаго понятія о дубильномъ веществѣ, которое смѣшивали съ важущими началами. *Seguin* нашелъ средства выдѣлывать гораздо скорѣе, но кожу, выдубленную его способомъ, имѣли только наружный видъ удовлетворительный, внутренность же ихъ оставалась сырою, подобно нынѣшнимъ русскимъ козамъ, приготовляемымъ въ 6, 7 и 8 мѣсяцевъ. Способъ дубленія *Seguin*, какъ ускоренный, былъ въ употребленіи во-время войнъ французской Имперіи; но по минованіи особенныхъ нуждъ, за несовершенствомъ оставленъ.

Долговременныя изысканія, наука, многократные опыты и труды довели нынѣ наконецъ въ Россіи одно лицо до нежданнаго результата по этому предмету, а именно: выдѣлка кожи можетъ производиться, вмѣсто — отъ 12 до 15 мѣсяцевъ, со всѣмъ совершенствомъ, требуемымъ отъ лучшихъ англійскихъ и французскихъ произведеній, — отъ 15 до 60 дней, смотря по толщинѣ кожи, начиная отъ самаго тонкаго ошейка до самой толстой подошвы. Образцы этихъ кожъ, представляемые учредителями, выдублены изъ сырья: подошва въ 60 дней, солдатскій товаръ, или такъ-называемый самый толстый выростокъ въ 30 дней, толстый опоекъ въ 15 дней, тонкій ошейкъ въ 12 дней, ременная кожа для кавалерійскихъ снаряговъ въ 30 дней, бѣлизна кожа и такъ-называемый личный товаръ въ 30 дней.

Весь товаръ, изготовляемый этимъ новымъ ускореннымъ способомъ, отличается плотностью, прочностью, тагучестью, и гораздо большею степенью непроницаемости, противъ обыкновеннаго; причѣмъ должно замѣтить, что подошва, хотя на взглядъ и кажется немного тонѣе обыкновенной, но на самомъ дѣлѣ, по качеству своему, равняется толщиной съ дослатъ-мѣхистою, потому-что подошва, приготовляемая новымъ способомъ, при выколачиваніи, толщины своей несколько не теряетъ, а обыкновенная, для прочности и соединенія рабучиныхъ простомъ дубкою волоконъ кожи, требуетъ непременно въ-

копачиванія, что всегда и дѣлается, теряетъ за тѣмъ почти половину своей толщины.

Взглядъ на средства Россіи, въ отношеніи кожевенной промышленности, на количество вывозимыхъ за границу сырыхъ кожъ и на цѣны въ Россіи и въ остальной Европѣ, легко убѣдить каждаго въ огромномъ успѣхѣ этого дѣла, и положительно докажетъ, что со введеніемъ упомянаемаго здѣсь, вновь изобрѣтеннаго, ускореннаго способа выдѣлки доброкачественныхъ кожъ, другимъ странамъ не будетъ никакихъ средствъ соперничать кожевенной торговлѣ Россіи.

Это можно видѣть изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

Въ С. Петербургѣ: пудъ черкаскаго сырья: не сушеннаго отъ 2 руб. 80 к. до 3 р., сушеннаго 6 р. до 6 р. 50 к., дубленой кожи 10 р. до 10 р. 50 к. сер.

Въ южной Россіи: пудъ сырья: не сушеннаго отъ 1 р. 60 к. до 2 р., сушеннаго 5 р. до 6 р. сер.

Въ Одессѣ: пудъ дубленой кожи отъ 17 р. до 20 р. сер

Во Франціи и Англій: 40 фунт. сырья отъ 35 до 40 фран., 40 фунт. дубленой кожи 83 до 90 фран.

Въ Константинополѣ: 40 фунт. дубленой кожи отъ 120 до 180 фр.

Сверхъ того, обративъ вниманіе на всѣ огромныя выгоды въ частности этого новаго способа выдѣлки кожъ, усматривается:

1. Что товаръ, по своему качеству и по мнѣнію знатоковъ дѣла, равняется, какъ и выше сказано, достоинству лучшихъ произведеній англійскихъ и французскихъ заводовъ. Слѣдовательно, съ этимъ мнѣствъ уничтожается всякая причина, по которой бы кожи русской выдѣлки не могли имѣть сбыта за границею.

2. Что выдѣлка кожъ вновь изобрѣтеннымъ, ускореннымъ способомъ обходится, въ матеріальномъ отношеніи, не дороже обыкновенной выдѣлки.

3. Что прежній способъ кожевеннаго производства доставлялъ и донынѣ доставляетъ заводчикамъ возможность сдѣлать въ 12 мѣсяцевъ только два оборота кожами низшаго достоинства и одиѣвъ оборотъ лучшаго достоинства; а при вновь изобрѣтенномъ способѣ дубленія, гдѣ высшаго сорта подошва готовится въ періодъ отъ 30 до 60 дней, дается возможность сдѣлать отъ 6 до 12 оборотовъ въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ, и слѣдовательно, если при старомъ способѣ заводчики имѣли прибылей на одинъ оборотъ въ годъ до 15%, то новый способъ долженъ неминуемо увеличить это по меньшей мѣрѣ до 100%, потому

особенно, что за сбытъ кожевеннаго товара, вполне доброкачественнаго, не можетъ быть никогда недостатка ни въ средствахъ, ни въ покущикахъ. Это положительно доказывается общою народною потребностью.

4. Что такимъ способомъ выдѣлываемыя кожи лучшаго достоинства могутъ быть, по вышеозначеннымъ расчетамъ, поставляемы для арміи съ уступкою 10% противъ существующихъ нынѣ цѣнъ, что составитъ для казны огромную пользу, потому что казна, въ сравненіи съ нынѣшними цѣнами, получить, при сохраненіи всѣхъ выгодъ заводской промышленности, бесплатно одну десятую часть солдатскаго товара.

5. Что прежній способъ кожевеннаго производства позволяетъ заводчикамъ производить сушку выдубленныхъ кожъ только два раза въ теченіи года, а именно: весеннюю сушку—въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, а особенно — въ августѣ, сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцахъ, смотря по погодѣ. Это ведетъ къ тому, что если потребуется дубленая кожа въ другое время года для казны или частныхъ лицъ, и если оной нѣтъ въ заготовкѣ въ большомъ количествѣ, то ни одинъ заводчикъ не въ состояніи ее приготовить и поставить по требованію. Это доказывается опытомъ. Подобная, вредная остановка въ оборотахъ и подобное неудобство въ кожевенномъ производствѣ устраняются при вновь изобрѣтенномъ ускоренномъ способѣ, при которомъ дѣлается отъ 6 до 12 оборотовъ въ годъ, что весьма важно какъ для заводскаго производства, такъ и для потребителей.

С. Зотовъ.

— *Волотыя росыши.* Въ газетѣ «Кавказъ» (№ 15) пишутъ: «недавно получено частное извѣстіе, что по близости Елисаветполя открыты золотыя росыши довольно богатаго содержанія. Хотя это извѣстіе еще не подтверждено официальнымъ образомъ, но для доказательства, что оно можетъ подтвердиться,—мы съѣшнимъ представить нашимъ читателямъ статью объ этомъ предметѣ, напечатанную еще въ 1830 г. въ № 4 Тифлискихъ Вѣдомостей. Официальное донесеніе можетъ только удостовѣрить: будетъ ли выгодна разработка этихъ росышей на мѣстѣ, теперь избранномъ для развѣдки.»—Въ этой статьѣ между прочимъ, сказано:

«Курниская долина, заключающая лога и русла рѣкъ, изобилующія множествомъ жильныхъ и металлоносныхъ обломковъ, необходимо содержитъ въ себѣ гдѣ-нибудь богатые росыши.

Производя работы близъ Елисаветполя, я не находилъ ни одного лога, который бы не содержалъ въ себѣ золота.

«Огромный хребетъ Урала долгое время скрывалъ отъ насъ неизчерпаемыя богатства свои, но наконецъ, розсыпи, происшедшія отъ разрушенія горъ его, будучи подвергнуты испытанію, представили значительную отрасль горной промышленности. Развѣдочныя партіи, командируемыя всякое лѣто, распростираютъ болѣе и болѣе открытіе драгоцѣннаго металла; въ-которые изъ нихъ, тщетно прилагая все свое стараніе, возвращаются обратно безъ всякаго успѣха; между тѣмъ, какъ другія; иногда руководимыя счастіемъ, вполне увѣнчиваютъ цѣль своего путешествія.

«Изъ этого видѣть можно, что самый Уралъ не повсюду разсыпалъ богатства свои: пески, въ одномъ мѣстѣ изобилующіе золотомъ, въ другомъ представляютъ совершенное отсутствіе или только слѣды его.

«Куринская долина, несомнѣнно содержащая въ себѣ золото (какъ то изъ опытовъ уже найдено), служила грунтомъ наносовъ, происшедшихъ отъ разрушенія горъ; но не должно думать, чтобъ розсыпи расположены были въ ней по всей равнинѣ; напротивъ того, частныя вмѣстипща, называемыя логами, подобно какъ и русла рѣкъ, въ особенности содержатъ періодически образовавшіеся пески.

«Не только утвердительно опровергнуть нельзя содержаніе золота въ Куринской долині, по-сію-пору не исследованной и простирающейся болѣе 600 верстъ въ длину; но пространство одной и той же самой версты, не будучи въ точности испытано, представить нѣкоторое сомнѣніе. Уральскій хребетъ можетъ служить этому примѣромъ: тамъ часто бываетъ, что розсыпи одного лога, покажутъ отсутствіе или только признаки золота; между тѣмъ какъ другой, смежно или близъ него лежащій, представитъ содержаніе въ 2; 3 и болѣе золотниковъ во 100 пудахъ.»

Льняная машина. Выписка изъ Вѣдомостей, ежепедѣльно издаваемыхъ Обществомъ сельскаго хозяйства Лифляндской губерніи 1849 г. стр. 855.

«Хотя почва земли этой губерніи мало способна производить ленъ, но за всѣмъ тѣмъ помѣстья, которыя ввели у себя машины г. Бломеріуса для мятія льна, умножаютъ теперь посѣвъ его; причина весьма явственна: тамъ, гдѣ машины не найдутся, работники не могутъ болѣе 30 фунтовъ сухаго льна

въ сутки вымать и очистить, тогда какъ машина съ 5 человѣками и 2 лошадами въ сутки имеетъ 120 вуд., отъ чего лѣнь дѣлается легче, болѣе чѣмъ на половину противъ первоначальнаго вѣса. Такого льна работники очищаютъ легко отъ 40 до 80 фунт. въ сутки, нѣтъ чего видно, что чрезъ пособіе машины работники обрабатываютъ теперь въ сутки вѣсото 30 фунт., но 80 или 120 фун. сухаго льна. Машинны 1849 г., усовершенствованныя чугунными валами, также чугунными колесами и шестернями, можно видѣть на мызахъ Канферъ и Монзекатцъ, у г. барона Левенштерна, и на мызѣ Левингофъ. Полеза этихъ машинъ не подлежатъ болѣе никакому сомнѣнію: выигрывается двѣтроты льна и вѣсъ его, и, какъ выше объяснено, оберегается втрое и вчетверо число рукъ.

«Желающіе имѣть такіа машины, благоволятъ заказывать Лейпцигской губерніи въ городѣ Верро, у тонарнаго мастера г. Вломеріуса. Цѣна одной машины 150 руб. сер.; кто заказываетъ пять машинъ, получить каждую десятую рублями дешевле; доставка заказныхъ машинъ на счетъ заказчика. Мастеръ ручается за вышесказанное достоинство и скорое исполненіе порученія, при чемъ будетъ доставлена опись, какъ должны быть поставлены валы, колеса и шестерни.»

Воздѣлываніе чалтыка, (сарачинскаго пшена) составляетъ весьма важную отрасль земледѣльческой промышленности въ Шемахинской губерніи. Въ каждомъ уѣздѣ болѣе или менѣе занимаются воздѣлываніемъ чалтыка; но преимущественно онъ занимаетъ поселенъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, гдѣ обрабатываютъ его съ большимъ тщаніемъ. Кромѣ песчаной, всякая почва земли удобна для посѣва чалтыка, но лучшая—глинисто-пловатая; главное же условіе—обиліе воды. Приготовленіе земли и посѣвъ чалтыка производится слѣдующимъ образомъ: сперва удобное для того мѣсто спланировываютъ, и дѣлаютъ гряды ящиками, одинъ другаго выше, не болѣе какъ на одинъ дюймъ, для того, чтобы вода, наполнивъ первый ящикъ, переходила въ другой, третій и т. д. Ящики эти наливаютъ водою, и когда земля хорошо размокнетъ, вспахиваютъ и перебиваютъ сохою съ толстымъ деревяннымъ сошникомъ, до того, что дѣлается жидкая грязь; всѣ корни отъ растеній и стебли выбрасываютъ вонъ. Потомъ грязь эту выравниваютъ и ящики наливаютъ водою, и въ водѣ уже, женщины, по колѣно въ грязь, рассаживаютъ приготовленную прежде расалу, одинъ стебель отъ другаго на два вершка. Начиная рассаживать чалтыкъ съ половины мая, а продолжаютъ до половины іюня. Вода до

самого созрѣнія чалтыка должна наволажить плантаціи; въ противномъ случаѣ чалтыкъ пропадетъ, или переродится въ сульфъ, родъ дурнаго проса. На приготовленной для чалтыка плантаціи производятъ посадку на одномъ и томъ же мѣстѣ 20 и болѣе лѣтъ сряду, только съ каждымъ годомъ нужно болѣе и болѣе воды, а когда земля истощится до того, что никакое количество воды не помогаетъ, плантацію оставляютъ лѣтъ на восемь для отдыха. Чалтыкъ созрѣваетъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Уборка его производится также, какъ и прочихъ хлѣбовъ. Урожай бываетъ отъ самъ 15 до 35-ти.

Въ другихъ уѣздахъ чалтыкъ воздѣлывается съ меньшимъ тщаніемъ. Гряды готовятъ также, ящики наплавляютъ водою и землю взрыхляютъ сохою или лопатами, потомъ сѣютъ на нихъ чалтычныя сѣмена, намоченныя прежде въ водѣ до того, пока начинаютъ пускать ростки. Посѣвъ начинается съ половинны мая и продолжается до іюня. Урожай бываетъ отъ самъ 13 до 25-ти.

Обыкновенно во всѣхъ уѣздахъ чалтыкъ сѣется на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣ 8, 6 и не ближе четырехъ лѣтъ потому, что онъ очень истощаетъ землю. Въ этомъ отношеніи Ленкоранцы, замѣнивъ посѣвъ чалтыка посадкою расама, много имѣютъ на своей сторонѣ выгоды, хотя конечно болѣе труда.

Обмолачиваютъ чалтыкъ также какъ и прочіе хлѣба, а для очищенія въ пшено, употребляютъ зубчатый желѣзный цилиндръ, укрѣпленный на концѣ рычага, который ногами приводится въ движеніе. Работа эта очень медленна и затруднительна. Въ каждомъ уѣздѣ есть кромѣ того водяныя толчен. которыя устрояются на подобіе водяныхъ мельницъ.

Жители Шемахинской губерніи, особенно Ленкоранскаго уѣзда, должны бы воспользоваться *суходольнымъ рисомъ*, который требуетъ $\frac{1}{4}$ воды менѣе противъ обыкновеннаго.—По распоряженію г. Намѣстника, сѣмена чалтыка, выписанныя изъ Китая, были разосланы во многія мѣста, и въ губерніяхъ Эриванской, Кутанской и Тифлисской суходольный рисъ разводится успешно во многихъ мѣстахъ.

Для очистки чалтыка употребляются теперь отличныя машины въ Египтѣ, которыя очень полезно бы было Кавказскимъ земледѣльческимъ промышленникамъ оттуда выписать.

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА.

Парижъ.—Лоншанское гуляище.—Весна.—Экипажи.—Изъ Калифорніи.— Кто былъ, кто не былъ.—Калифорнія вездѣ.—Лоттерея.—Нико или Бадудляръ?—Во снѣ!—Старая басня.—Послѣдняя недѣля поста.—Селамъ.—Віардо.—Даблашъ.—Точность и усердіе.—Директоръ и актриса.—Пора вхлать!—Штрафъ.—Неумолимый соучастникъ.—Брюссель.—Картина Рубенса.—Странная переторжка.—Испанія.—Меахарось.—Лунная ночь.—Пляски.—Португальки и Испанки.—Потѣшные огни.—Оморокъ.—*Sola solena*.—На полу.

ПАРИЖЪ. — Въ прежнее время прогулка по *Лоншану* (*Longchamp*) была одинъ изъ самыхъ блистательныхъ парижскихъ праздниковъ; это было почти тоже, что наше петербургское гуляище перваго мая, только въ гораздо обширѣйшемъ развитіи. Теперь же Лоншанъ почти забытъ, и только изрѣдка какое-нибудь жалкое гуляище напоминаетъ прежнее великолѣпіе его. *Sic transit gloria mundi!* Не такова ли и судьба нашего парижскаго карнавала? Парижъ отвыкъ отъ великолѣпныхъ гуляищ, маскарадныхъ торжествъ, выставокъ изящныхъ экипажей — болѣзнь, погубившая масляничнаго быка съ его остроумной свитой — убила и лоншанское гуляище! Еще таки разъ повторю: *Sic transit gloria mundi!* Весна (холодная, не тѣмъ будь помнута) подарила намъ до-сихъ-поръ два теплые, свѣтлые дня. Елисейскія поля оживились. Если бы публика захотѣла, то праздникъ могъ бы быть еще хотя сноснымъ; но какъ на зло красивые экипажи, которые мы привыкли видѣть въ будни, появились только въ небольшомъ числѣ — а вмѣсто ихъ на каждомъ шагу можно было видѣть маленькія каретки, которыя народъ называетъ въ насмѣшку: *четыре су*; потому-что онѣ нанимаются по часамъ, и плата за часъ не превышаетъ четырехъ су, а по нашему — *пятачка*.

Кавалерійскій пикетъ наблюдалъ за порядкомъ; два ряда экипажей, медленно двигавшихся отъ площади Согласія до Триумфальныхъ воротъ Звѣзды, напомнили намъ, что мы были на Лоншанскомъ гуляищѣ. Толпы любопытныхъ, по обыкновенію, осаждали боковыя аллеи, толкаясь и давя другъ друга.

Были, правда, и красивые экипажи; впрочемъ ихъ не могло и не быть: всегда есть люди, ловящіе всякій удобный случай

выказаться и блеснуть; это или пріѣзжіе, или люди разбогатѣшіе, или, наконецъ, желающіе выказаться разбогатѣвшими.

Такъ, напримѣръ, нынче мы видѣли множество путешественниковъ, возвратившихся изъ Калифорніи.

Въ Калифорнію ѣдутъ очень немногіе, возвращаются оттуда очень многіе.

Разгадка этого очень проста. Въ настоящее время въ Парижѣ появилось много новыхъ богачей, благопріобрѣтеніе состоянія которыхъ трудно объяснить. Калифорнія для этихъ господъ золотая страна, превосходный предлогъ и преграда для любопытства наугомонныхъ согражданъ!

Итакъ, всѣ новые богачи, всѣ двусмысленные пріобрѣтатели—возвратились изъ Калифорніи.

Всѣ люди живущіе сверхъ состоянія, всѣ богачи на счетъ кредита своихъ ближнихъ—возвратились, по ихъ собственнымъ словамъ изъ Калифорніи.

Между-тѣмъ нѣсколько лицъ (дѣло засвидѣтельствовано форменнымъ образомъ), точно пріѣхали въ Парижъ изъ долины Сакраменто, гдѣ жили около 700 или 800 тысячъ франковъ.

Итакъ, лонданское гулянье было нынче праздникомъ Калифорнійцевъ.

Нѣкто Никд, (не тотъ знаменитый Никд, который прославился открытіемъ нюхательнаго табаку) нашелъ свою Калифорнію, не выѣзжая изъ Парижа—въ локуткѣ китайской бумаги, въ билетѣ на лотерею, главный выигрышъ которой выпалъ на его долю. Впрочемъ, кто говоритъ, что выигралъ Никд, кто Бадуляръ; но дѣло не въ имени.... а въ томъ, что есть счастливецъ, получившій безъ труда безчисленное множество франковъ, предметъ зависти большей части Парижа и французскихъ провинцій! лотерея эта волновала около шести мѣсяцевъ сердца столькихъ людей (половина Франціи взяла билеты)—сколько мечтаній, сколько свѣтлыхъ сновидѣній причинили нумера, изъ которыхъ каждый, казалось, обѣщалъ выигрышъ!..

Никогда, ни въ какую лотерею не было столько счастливыхъ, выигрывавшихъ.... во снѣ.

—Мнѣ приснилось сегодня ночью, что я выиграла, говорила одна почтенная дама каждое утро своему супругу: пождиришь ли, мой другъ, что я вѣрю всѣмъ сердцемъ въ этотъ сонъ, предчувствіе рѣдко обманываетъ...

— Только часто, огвѣчалъ обыкновенно мужъ, грубый скептъ: будятъ понапрасну человека, которому спать гораздо пріятнѣе, чѣмъ слушать старую басню о молочницѣ и кушницѣ и модока....

Перейдемъ къ послѣдней недѣлѣ поста — она прошла у насъ въ истинномъ благоговѣніи. Святые дни страданій и смерти Спасителя, Парижъ провелъ во храмахъ, въ молитвѣхъ. Христосъ воскресъ, и Парижъ снова оживился; балы, одни другихъ великолѣпнѣе, одни другихъ многолюднѣе, быстро смѣнялись.

На будущей недѣлѣ насъ ожидаетъ поэтической и музыкальный праздникъ: первое представленіе *Селамы*, большого лирическаго произведенія, произведенія такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго, и которое наконецъ пойдетъ въ пятницу въ Итальянскомъ-театрѣ. Міръ диллетантовъ, аматоровъ и маэстро — томится ожиданіемъ. Музыка *Селамы*, какъ извѣстно, принадлежитъ Ромеру, молодому композитору, которому уже улыбается слава! Нужно ли что-нибудь прибавлять, чтобы сказать, что произведеніе это будетъ оригинально, ценно, прелестно и блестяще? Всѣ мѣста уже давно заняты, — в Итальянскій театръ въ этотъ вечеръ будетъ полонъ стараго великолѣпія и роскоши.

Послѣдняя недѣля марта была для насъ недѣлей грусти и разлуки: Віардо, а вмѣстѣ съ ней и «Пророкъ», оставили сцену Итальянскаго-театра до октября мѣсяца, — какъ долго намъ покажется это время! Лаблашъ, для лучше сказать донъ Бартоло, донъ Жеронимо, донъ Паскуале, донъ Магнifico и вся веселая сочетаніе донъ буфовъ, оставляетъ оперу — и какъ кажется, на всегда! Къ счастью, новость объ окончательномъ оставленіи сцены Лаблашемъ уже нѣсколько разъ оказывалось ложною — это поселяетъ послѣднюю надежду, — что и въ этотъ разъ будетъ тоже самое. Какъ бы не было, публика, болѣе обыкновеннаго многочисленная, собиралась почтить послѣдними рукоплесканіями своего милаго Лаблаша. Лаблашъ, для котораго нѣтъ ни старости, ни ослабленія голоса, — и въ послѣдній разъ, какъ и всегда, игралъ съ неподражаемой веселостью и ловкостью. Голосъ его не потерялъ нисколько своей звучности, упругости, объема, — тѣло гибкости и подвижности. Что же касается до Віардо, то она въ послѣднемъ представленіи хотѣла возвести публику до восторга, возвести до отчаянія — такъ дивно, такъ обворожительно пѣла она, столько искусства, столько одушевленія и жара было въ вѣтрѣ ея! Слушая ее, рукоплеская ей, публика забыла все, за-

была даже и то, что на завтра она уже не услышитъ Вiардо, такъ она была растрогана, увлечена—такъ сладко она наслаждалась... И срокъ разлуки будетъ не такъ тяжелъ. Вiардо оставила въ публикѣ столько восхитительныхъ воспоминаній.

Это великая заслуга, потому-что публика вообще страшная эгонстка. Она платитъ—и требуетъ, чтобы се забавляли. Она не хочетъ и знать о трудахъ артистовъ, о томъ, какою дорогою цѣною достается имъ извѣстность и любовь этой публики!

Не правда ли, какъ пріятно послѣ вкуснаго обѣда устѣться въ покойномъ креслѣ и забавляться спокойно, безъ всякихъ усмѣй? А знаетъ ли почтенный зритель, что водевиль, заставляющій его столько хохотать, доводилъ инаго артиста чуть не до слезъ?...

Знаете ли вы, что такое одиъ репетиціи?

Это пробирный камень усердія артиста.

Точность и настойчивость суть почти всегда вѣрный признакъ призванія.

Пренебреженіе своимъ искусствомъ есть признакъ посредственности. Впрочемъ это пренебреженіе заключаетъ въ самомъ себѣ и свое наказаніе.

Неаккуратный артистъ подвергается *штрафу*.... Расскажу вамъ по этому случаю забавный анекдотъ. Къ слову пришлось.

Жилъ-былъ директоръ одного парижскаго театра, въ которомъ была хорошенькая, живая, веселая актриса, настоящая игрушка.

Въ одно майское утро, а именно нѣсколько дней тому, погода была чудесная. Въ театрѣ кончалась репетиція.

— Ахъ, какая прекрасная погода! вскричала молодая актриса, я поѣду за-городъ.

— Куда? спросилъ директоръ.

— Не знаю.... Да хоть въ Монморансі.

— Далеко; не успѣете воротиться къ вечернему спектаклю.

— Ну, такъ въ Роменвилъ, тамъ много сирени.

— Позвольте мнѣ ѣхать съ вами.

— Пожалуй.

Отправились. Было очень весело. Обѣдали въ Бельвиллѣ. За десертомъ директоръ сталъ посматривать на часы.

— Шесть часовъ, сказали онъ, пора ѣхать.

— Успѣемъ еще!

— Нѣтъ, пора, пора.

— Такъ дайте мнѣ хоть шляпку надѣть.

Хорошенькая кокетка посмотрѣлась въ зеркало, надѣла шляпку, сняла ее, опять надѣла и долго поправляла; то же происходило и съ шалью, и съ перчатками.

А время проходило, да проходило.

Наконецъ сѣли въ карету, отправились; извозчикъ гналъ всю ночь.

Между-тѣмъ въ театрѣ началась пьеса. Надобно было выйти на сцену хорошенькой актрисѣ, и режисеръ только въ ту минуту узналъ, что она еще не пріѣхала.

Публика стала роптать. Режисеръ извинился.

Но вотъ пріѣзжаетъ актриса.

— Пятнадцать франковъ штрафу! закричалъ ей режисеръ.

— За пять минутъ?

— Пятнадцать франковъ. Выходите на сцену!

— Увидимъ, проговорила хорошенькая актриса улыбувшись, — не только пятнадцати франковъ, но ни одного сентима не заплачу.

На другой день она отправилась къ директору съ просьбой снять съ нее штрафъ.

— Невозможно! отвѣчалъ онъ.

Ни просьбы, ни увѣщанія, ничто не подѣйствовало.

БРЮССЕЛЬ. — Здѣсь продавали на дняхъ картинную галерею. Одна картина, преимущественно, обращала на себя вниманіе знатоковъ и любителей. То было изображеніе Венеры, заказывающей Вулкану щитъ Ахиллеса. Эта превосходная картина имѣетъ еще то высокое достоинство, что принадлежитъ кисти знаменитаго Рубенса.

Одна картина за другою продавались. Дошла, наконецъ, очередь и до Рубенсовой.

Глубокое молчаніе воцарилось въ залѣ.

— Десять тысячъ франковъ! провозгласилъ оцѣнщикъ.

Молчаніе.

— Девять тысячъ франковъ!

Никто ни слова.

— Восемь тысячъ франковъ!

Никто не прерывалъ молчанія. Оцѣнщикъ спускалъ по тысячѣ, и наконецъ произнесъ жалобно:

— Двѣ тысячи франковъ!

— Даю! вскричалъ кто-кто.

— Даю три тысячи! перебилъ другой.

— Четыре! закричалъ третій.

Началась отчаянная переторжка. Дошло, наконецъ, до четырнадцати тысячъ.

— Че...тыр...над...цать ты...сячъ... Никто больше? спросилъ оцѣнщикъ въ третій разъ.

Никто больше не давалъ. Французъ, г. Пяторо, ослерзалъ верхъ, и увезъ съ собою драгоцѣнную картину.

ИСПАНІЯ. — Знаете ли, гдѣ я теперь?... Въ Эстрамадурской деревнѣ, въ которой, быть-можетъ, нѣтъ и пяти сотъ душъ; — вы подумаете, что мнѣ нечего вамъ говорить и писать; ошибаетесь! у меня есть въ запасѣ такія приключенія, которыя вполне достойны вашего вниманія.

Отправившись изъ Мериды, по восхожденіи солнца, и проѣхавъ два лье, мы остановились въ одномъ селеньцѣ, Сан-Педро, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ домишекъ. Здѣсь мы хотѣли закусить, потому-что намъ предстояло сдѣлать добрыхъ пять лье до деревни Мсахарасъ, и мы очень хорошо знали, что на пути къ ней не найдемъ никакого пристанища.

Въ то время, какъ мы освѣжались мериданскимъ арбузомъ, пріѣхалъ одинъ старшій полковникъ въ драгунной, изъѣзженной каретѣ, которую съ трудомъ тащили двѣ изнуренныя клячки. За полковникомъ слѣдовалъ его полкъ.

Поглазѣвъ на солдатъ, на офицеровъ и женъ ихъ, изъ которыхъ многія прибывали въ различныхъ экипажахъ въ корчмѣ, и послушавъ военной музыки, отправились мы къ нашимъ коляскамъ. Ъхали, ѡхали и пріѣхали наконецъ въ сумерки въ деревню *Меазарасъ*, гдѣ, какъ я сказалъ уже, едва ли насчитается нять-сотъ душъ. Поужинавъ съ жареными анкетитомъ, пошли прогуляться при свѣтѣ луны, которая была блистательна, ярка и кругла. Дорогою увидѣли мы развалины древняго замка, и пошли къ нему; тутъ нашли стараго священ-

ника здѣшной церкви, который прогуливался одинъ одиночно-некъ. Поживавшись поклонами, мы затворили о замкѣ; почетный священникъ очень охотно пошелъ съ нами въ разговоръ, и разсказалъ все, случившееся въ развалившемся замкѣ. При этомъ случай опять такъ распространился на счетъ испанской исторiи, что, я думаю, Тытъ Ливій не оказалъ столько о римской. Возь шутоцъ, я ишолъ историческую диссертацию ученаго священника очень краснорѣчиво и въармательною, и почелъ бы за счастье имѣть его товарищемъ путешествiя; мнѣ не случалось встрѣчать человека, который бы умѣлъ говорить такъ ясно, краснорѣчиво и прiятно. Даръ слова—великая и рѣдкая вещь!

Луна свѣтила чудесно, какъ я сказалъ уже; что намъ было дѣлать въ трактирѣ при такомъ очаровательномъ, романическомъ блескѣ луны и такой тихой, отрадно-прохладной погодѣ? Насладимся ею еще нѣсколько времени, и пойдемъ въ эту сторону: мнѣ слышатся говоръ и смѣхъ. Замѣчательная вещь, что даже въ Испанiи, даже въ деревушкѣ *Маджараго*, есть люди, которые болтаютъ и смѣются не менѣе, какъ въ Италiи, въ Англии и во всякой части земнаго шара. Но *tutto il mondo è paese*, говоритъ пословица. — Болтали и смѣялись мальчики и дѣвочки, которые танцевали посреди улицы; отцы же и матери ихъ сидѣли и разговаривали очень серьезно.

Возрадные молодые люди танцевали въ трактирѣ. Насъ, безъ церемонiи, пригласили туда.

Мы вошли въ обширную комнату, къ которой съ обѣихъ сторонъ примыкали другiе помон, биткомъ набитые народомъ. Въ разныхъ мѣстахъ видѣлись люди, которые лежали, растлнувшись на своихъ плащахъ, и всѣ свали или кѣзались снѣжками. Молодой погонщикъ муловъ (*mulattieri*) бряцалъ на гитарѣ, другой аккомпанировалъ ему, наѣвывая какую-то настильскую пѣсню. Вдругъ изъ соседнихъ комнатъ вышло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и парней; которые, не теряя времени, начали выплясывать разные танцы, называемые *цигидилie* (*zighedgilie*) и фандайго. Между танцующими было пять или шесть Португалекъ и четыре Испанки. Португалки были неопрятны и нехороши собой. Изъ четырехъ Испанокъ одна была старуха и мать молодой, черноволосой и довольно полноватой дѣвушки; другiя двѣ были сестры: младшая, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, была прекрасна, какъ Венера медичидская. Старшая сестра, въ отношенiи красоты, во многомъ

уступала младшей; но имѣла пару глазъ... о, какихъ глазъ! Жаль, что сравненіе глазъ съ звѣздами было найдено тысячею тысячъ поэтовъ всѣхъ націй, и особенно аркадскими пастухами! Еслибъ сравненіе это не было найдено уже, я сдѣлалъ бы себѣ большую честь уподобленіемъ пары глазъ этихъ двумъ самымъ блестящимъ, прекраснымъ звѣздамъ небосклона, изъ которыхъ одну назвалъ бы полярною арктическою, а другую полярною антарктическою, только ренны радн. Наряды четырехъ Испанокъ были очень великолѣпны: какъ молодыя, такъ и старуха, имѣли платья, украшенные золотомъ и серебромъ. Судя потому, что мнѣ сказали, я узналъ, что онѣ изъ Бадахоса, вѣдутъ съ нѣсколькими родственниками на ярмарку—и что прелестная дѣвица называется Катилина. Я видѣлъ, какъ танцуютъ танцоры всѣхъ націй, начиная отъ Далмаціи до сѣверной части Англии; но ни одинъ танецъ не понравился мнѣ такъ какъ то, что танцовали эти Испанки. Тосканскій *ригодоль*, венеціанская *фурлана*, *кураитъ* (*la corrente*) Мовферринцевъ, польки, вальсы, мазурки, редова и прочее, и прочее,—все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я заѣсъ увидѣлъ!.. Испанскіе танцы производятъ самое живое впечатлѣніе. Они исполняются какъ Португальцами, такъ и Испанцами, подъ звуки одной или нѣсколькихъ гитаръ, или подъ смѣшанные звуки гитаръ и мужскихъ и женскихъ голосовъ. Какъ мужчины, такъ и женщины, танцую, очень мало дѣлаютъ движеній корпусомъ, особенно послѣднія;—онѣ находятся въ непрерывномъ движеніи, но оно едва замѣтно. Удивительно, съ какою вѣрностію, съ какимъ точнымъ соблюденіемъ такта щелкаютъ онѣ пальцами и прихлопываютъ ногами; все это исполняется такъ согласно и въ мѣру, что нельзя смотрѣть безъ восхищенія, особливо въ первый разъ. И я, дѣлая четыре ночи немогшій порядочно выспаться, разбитый усталостію на смерть отъ путешествій этого дня, совершенныхъ большею частію пѣшкомъ—я, принявшій дорожную твердое намѣреніе залечь спать, даже не дожидаясь ужина, — въ нѣсколько секундъ былъ такъ восхищенъ, увлеченъ этимъ новымъ, прекраснымъ и неожиданнымъ спектаклемъ, что совсѣмъ забылъ о готовившейся мнѣ къ ужину курицѣ, о приготовленной для меня постелѣ, обо всемъ; я, съ душею, трепещущею отъ удовольствія, нѣсколько времени стоялъ и смотрѣлъ на праздникъ этотъ, который сдѣлался еще интереснѣе: забавно было видѣть, какъ многіе большіе парни, только что заснувшіе, вдругъ вскочили на ноги, и безъ церемоніи и стыда протряхиваясь чулки свои, начали танцовать, то съ неопратно

одѣтыми и не хорошими собой Португальками, то съ преле- стными и щегольски-одѣтыми Испанками. Последнія танцовали со всѣми охотно, безъ малѣйшаго принужденія или изъявленія неудовольствія, какъ это бываетъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ мнѣ земляхъ, гдѣ дурно-одѣтый ведетъ дружбу съ дурно-одѣ- тымъ, щеголь съ щеголемъ, не допуская между собою никакой общественности. Въ одномъ углу нашей комнаты былъ столъ, в на- немъ я, также безъ церемоній, велѣлъ постлать скатерть, и сѣлъ ужинать виѣстѣ со своимъ товарищемъ, обращая взоры свои чаще на танцующихъ, нежели на блюда. Одна изъ Португалекъ попросила у меня кусочка нашего окорока; и когда въ ту же минуту я самъ принесъ и подалъ его ей, другія тоже пожелали отвѣдать окорока, такъ что въ нѣсколько минутъ весь онъ, исключая костей, исчезъ съ лица земли, или лучше сказать, блюда. Въ полночь балъ былъ прерванъ свѣтомъ потѣшныхъ огней, зажженныхъ по случаю королевскаго праздника; мы всѣ отправились смотрѣть иллюминацію; но дождь, ко- торый вдругъ изъ мелкаго превратился въ крупный, такъ насъ смочилъ, что всѣ поспѣшили возвратиться въ трактиръ, и начали опять играть, пѣть и танцовать. Сестра прелестной Ка- тилины, которая была самая неутомимая изъ всѣхъ нашихъ танцовщицъ, и, какъ мнѣ казалось, имѣла тайное намѣреніе от- платить мнѣ за учтивости, оказанныя мною ей и подругамъ ея окорокомъ, протанцовала одинъ тавецъ *zola soletta* (одна оди- нехонька) и сдѣлала столько разныхъ маленькихъ *па*, жестовъ, въ высочайшей степени граціозныхъ движеній головою, пле- чами и боками, что я былъ въ восторгѣ, особенно когда она украдкою устремляла на меня свои чудесные глаза. Изъ пѣсень, пропѣтыхъ дѣвушками, одна была кастильская, и спѣ- ла ее бадахоская поленькая брюнетка; пѣсня эта растрогала бы камень, такъ пѣжны и живы были страстные выраженія ея. Другая пѣсня, пропѣтая прелестною Катилиною, разсмѣши- ла меня.

Послѣ трехъ часовъ утра кончился праздникъ, и всякій от- правился спать на полу. Да, всѣ легли на полъ, даже прекра- сная Катилина и ея пылкая сестра, со всѣми золотыми и сере- бряными украшеніями, лентами, бантами, кружевами и галуна- ми, которыми были украшены наряды ихъ. Я же, виѣсто то- го, чтобы растянуться на своей соломѣ, велѣлъ подать себѣ перо, чернильницу, бумагу и принялся писать; бьетъ шесть ча- совъ... Всѣ спятъ. Дождь льетъ ливнемъ. Такъ какъ завтра намъ

предстоитъ еще порядочная прогулка до Бадахоса, такъ я, не раздѣваясь, лягу на солому и постараюсь заснуть. До спящаго письма.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Свѣтскія отношенія.—Беранже и пирожникъ.—Неужныя письма.—Журналъ и газета.—Находчивый портной.—Анекдотъ.—Хвастунъ.—Что такое дума?—Семьдесятъ лѣтъ.—Невымышленное письмо.—Длиннѣйшее имя.—Советъ отца.—Иностранное и Русское слово.—Французскія посылки для Русскихъ.—Тетрадь Наполеона.—Майскія замѣтки: Далия, георгина, гортензія.

Свѣтскія отношенія. Самыя глупые люди именно тѣ, которые воображаютъ, что они очень умны. Бѣда тому, кто долженъ выдержать съ ними хоть нѣсколько продолжительный разговоръ.

Въ тягость можетъ быть только глупецъ; умный человѣкъ угадываетъ, нравится ли его общество или нѣтъ; онъ обыкновенно оставляетъ собесѣдника ранѣе истощенія предметовъ разговора.

Искусство бесѣды состоитъ менѣе въ искусствѣ говорить, нежели въ умѣннѣ слушать. Кто, послѣ бесѣды, доволенъ собою, тотъ непременно будетъ доволенъ и собесѣдникомъ. Люди вообще такъ устроены, что они хотятъ болѣе нравиться, нежели научиться.

Тотъ, кто умѣетъ говорить—остроумецъ.

Кто умѣетъ молчать, тотъ—умецъ.

Шутя только съ людьми умными и вѣжливыми: глупецъ на шутку рассердится; невѣжа отвѣтитъ шуткою же, но грубою, обидною.

Постоянная насмѣшливость есть признакъ скудости ума.

Люди, которые все хулятъ, ничѣмъ не довольны, суть именно тѣ, которыми никто не доволенъ.

Хотя вѣжливость и не есть непрѣмѣнный признакъ доброты, любезности или признательности, однакожь она и тѣмъ похвальна, что принимаетъ вилъ этихъ качествъ.

Къ Беранже пришелъ пирожникъ, намѣревавшійся жениться, съ просьбою написать ему стихи на его свадьбу.

Знаменитый поэтъ улыбнулся.

— Я не пишу *стиховъ на случаи*, отвѣчалъ онъ.

— Вотъ вздоръ! возразилъ женихъ, я слышалъ, что вы мастеръ сочинять стихи. Напишите только, а я васъ и на свадьбу приглашу.

— Право не могу, возразилъ Беранже: я давно уже не пишу *стиховъ*.

— Что же вы думаете, вскричалъ разгорчившійся пирожникъ: что я вамъ не заплачу? Если хотите, такъ я вамъ сейчасъ дамъ половнику впередъ! Что стоитъ?

Беранже опять улыбнулся, но не взялся написать стиховъ.

Разобиженный пирожникъ, въ день свадьбы, рассказывалъ за десертомъ, что онъ заказывалъ стихи у Беранже.

— Бѣдовый народъ! прибавилъ онъ: такіе лѣнтяи, что даже за деньги не хотятъ работать.

Лакей замѣтилъ, что баринъ его бросалъ прочитанныя имъ письма.

— Сударь, сказалъ онъ однажды, позвольте мнѣ взять нѣтъ вашей корзинки письма, которыя вамъ не нужны.

— Зачѣмъ они тебѣ?

— Ничего, сударь; у меня есть маленькая зазнобушка...

— Ну?

— Маша, извольте видѣть, просить, чтобы я посылалъ ей почаще письма... а такъ какъ эти письма вамъ ненужны, то мнѣ бы они очень пригодились.

Журналь и газета. Всѣ ежедневные листки, какъ то Сѣверную Пчелу, Санктпетербургскія Вѣдомости, Инвалидъ, и другіе, мы привычки называть *газетами*.

Всѣ же толстыя ежемѣсячныя изданія мы называемъ *журналами*.

Оба слова заморскія. Это еще не бѣда! Первое еще довольно толково, но второе рѣшительно нелѣпо.

Что значить *журналь*, journal? *Ежедневникъ*, отъ слова jour, journalier.

На какомъ же основаніи называемъ мы *ежемѣсячникъ* *ежедневникомъ*?

Привычка, скажутъ. Ничего не бывало. Мы изъ любопытства разсматривали многія старинныя періодическія изданія, и всѣ они называются *ежемѣсячными изданіями*, а не *журналами*.

Къ сожалѣнію мы не одно это заимствовали у иностранцевъ и въ такомъ же превратномъ видѣ.

Одинъ находчивый портной въ Лондонѣ изобрѣлъ сюртукъ, *безопасный отъ воровъ*.

Весь секретъ состоитъ въ томъ, что въ сюртукѣ нѣтъ кармановъ.

Мальчишка вскочилъ на запятки извозчицѣй кареты. Извозчикъ хлестнулъ кнутомъ, и мальчишка соскочилъ; но вслѣдъ за нимъ вскочилъ другой.

Извозчикъ опять сталъ хлестать.

— Полно тебѣ! вскричалъ мальчишка: напрасно труднисья; онъ давно уже соскочилъ!

Какой-то франтъ хвасталъ въ обществѣ, что онъ прескакалъ тридцать верстъ въ тридцать минутъ.

— Возможно ли это? спросили берейтора, находившагося въ томъ же обществѣ.

— Проскакать нельзя, спокойно отвѣчалъ берейторъ, а соврать можно.

Греческіе философы много разсуждали о душѣ:

Гиппократъ утверждалъ, что она заключается въ лѣвой части сердца.

Эразистратъ переселилъ ее въ пленку, окружающую мозгъ.

Эпикуръ и Аристотель говорили, что она находится во всемъ тѣлѣ.

Эмпедоклъ утверждалъ, что она находится въ крови.

Страбонъ назначилъ ей *седалище* между бровями.

Парменидъ говорилъ, что душа огонь.

Анаксимандръ—вода.

Зенонъ называетъ ее эссенціею всѣхъ стихій.

Гераклитъ называетъ ее свѣтомъ.

Французскій іезуитъ Мальбраншъ говорилъ, что мы познаемъ нашу душу *совѣстію*....

Семьдесятъ лѣтъ.

Ужъ память слабѣетъ, нивна забываю;
 Той жизненной гибкости и силы ужъ нѣтъ,
 Что прежде бывало!... Но я не вздыхаю.
 И духомъ я бодръ, хотя—миѣ семьдесятъ лѣтъ!
 А семьдесятъ лѣтъ намъ мотаться на свѣтъ,
 Не легкое дѣло, не пѣсеньку спѣть....

Пусть память слабѣетъ, да духъ укрѣпится,
 Чтобъ съ теплою вѣрою встрѣтить конецъ;
 А тамъ ужъ на небѣ, гдѣ все обитаетъ,
 Порадуетъ насъ нашъ Небесный Отецъ.

Баронъ Александръ Бодъ.

Отрывокъ изъ невымышленнаго письма:

«Проститѣ мае неправильной писаниѣ, но пѣро такоѣ скверноѣ, а обчинитѣ нѣкаму.»

Въ одной базельской газетѣ я нашелъ слѣдующую любопытную замѣтку:

«Въ 1815 году былъ въ Базелѣ русскій офицеръ, имя котораго можно назвать длиннѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ именъ. Его звали:

Димитрисимеоновичситниковъ»

— Надобно вставать рано, сътъ мой, говорилъ заботливый отецъ: вотъ я тебѣ разскажу про одного человѣка, котораго

имѣлъ обыкновеніе вставать очень рано. Однажды онъ вышелъ прогуляться, и нашелъ кошелекъ съ деньгами.

— А много было денегъ, папа?

— Очень много; но дѣло не въ томъ: еслибъ онъ всталъ позже, такъ другой бы нашелъ кошелекъ.

Еще иностранное слово: *интимный*.

Забавное слово: *упористый*.

Иные любятъ вставлять вездѣ французскія поясненія. Недавно еще нашли мы слѣдующую фразу:

«Водевилъ не родился въ Россіи, *c'est une plante parasite*»...

Должно полагать, что эти поясненія дѣлаются для читателей, не знающихъ по-русски.

Долгое время послѣ смерти Наполеона, случайно нашли у одного священника, въ Лионѣ, нѣсколько тетрадокъ бывшаго Императора Французовъ; въ одной изъ этихъ тетрадей были географическія замѣтки; въ ней было тридцать три исписанныхъ страницъ и три бѣлыя.

Послѣднія слова въ этой тетради:

Сент-Еленъ, маленькій островъ.

МАЙСКІЯ ЗАМЪТКИ.

Далія или *георгина*, прекраснѣйшій пышный цвѣтокъ, привезенъ въ Европу съ песчаныхъ равнинъ Мехики. Въ 1789 году Винцентъ Сервантесъ, профессоръ и директоръ мекхиканскаго ботаническаго сада, послалъ три сорта этого цвѣтка директору ботаническаго сада въ Мадридъ.

Тамъ георгина цвѣла въ первый разъ въ 1790 году.

Въ 1798 году она привезена въ Англію, а въ 1804 г. Александръ Гумбольдтъ привезъ сѣмена этого цвѣтка и въ Германию.

Названіе *далии* происходитъ отъ шведскаго ботаника *Далл.*

Названіе *георгини* отъ англійскаго короля *Георга III*, страстно любившаго этотъ цвѣтокъ.

Ученое названіе *гортензіи*—*Hydrangea*.

Въ Европѣ цвѣтокъ этотъ появился впервые во Франціи, а именно въ Мальмезонѣ, въ саду императрицы Жозефины.

Она сама назвала его *гортензіей*, по имени дочери своей *Гортензіи*, тогдашней голландской королевы, и матери тепершняго Президента Французской Республики.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Нужно ли поясненіе костюмовъ, изображенныхъ на модной картинкѣ, приложенной къ нынѣшней книгѣ Сына Отечества? Довольно взглянуть на нее, чтобъ составить понятіе о фасонѣ и отдѣлкѣ платьевъ, познакомиться съ новымъ фасономъ шляпокъ, и замѣтить прочія модныя мелочи. Изящество дѣтскаго наряда, вѣрно, также не будетъ упущено изъ виду. Но такъ какъ картинка не можетъ изобразить всего, что существуетъ въ модномъ свѣтѣ, то мы постараемся помочь этому недостатку и передать наши замѣчанія, сдѣланныя во-время прогулки по лучшимъ магазинамъ Петербурга. Напримѣръ, намъ показались оригинальными прозрачныя соломенныя шляпки съ ярко-пурпуровымъ подбоемъ и отдѣлкою изъ лентъ того же цвѣта. Нѣкоторыя изъ нихъ были отдѣланы цвѣтами. Подъ полями шляпокъ носятъ цвѣты, или бульонѣ бѣлаго или другихъ цвѣтовъ. Зонтики послѣдней моды, безъ бахрамы. Мы видѣли нѣсколько зонтиковъ изъ кружевной ткани на шолковой, розовой или голубой, подкладкѣ. Это чрезвычайно нарядно.

Для дѣтскихъ платьевъ пестрые или одноцвѣтные баржеи очень приличны. Легкія платья преимущественно отдѣляются узкими фалбалами. Широкія кружевныя фалбалы служатъ для украшенія платьевъ изъ дорогихъ шолковыхъ матерій. Кисейныя или жакометовыя платья, обыкновенно дѣлаются съ мантилею изъ той же матеріи. Мы обратили вниманіе на бѣлую кисею, вышитую въ тамбуръ разноцвѣтными шелками. Можно предвидѣть, что платье изъ этой кисеи будетъ превосходно.

Что сказать о мантильяхъ? Право, онѣ, кажется, съ каждымъ днемъ дѣлаются роскошнѣе и превосходнѣе. Бѣлыя шолковыя мантильи, вышитыя шолкомъ и сутажемъ, съ отдѣлкою изъ широкихъ кружевъ, такія же розовыя и голубыя, просто, прелесть. Черныя тюлевыя мантильи, вышитыя въ тамбуръ бѣлымъ шолкомъ, также очень нарядны. Но нѣтъ возможности описать всю роскошь, все изящество нынѣшнихъ мантилій. Въ слѣдую-

щихъ книгахъ Сына Отечества, мы будемъ указывать на магазины, гдѣ именно мы видѣли какія-нибудь замѣчательныя новости. Можетъ-быть, мы этимъ угодимъ нашимъ читательницамъ.

Еще намъ попались на глаза шарфы изъ бѣлаго крепона съ цвѣтной гирляндой вокругъ. Для лѣта это очень милый нарядъ.—Серьги все еще предпочитаютъ, безъ подвѣсокъ. Скажемъ наше замѣчаніе о дѣтскихъ шляпкахъ.

Очень много видно дѣтскихъ шляпокъ съ большими круглыми полями. Шляпки à la jardinière, т. е. съ полуоткрытыми круглыми полями, также въ большомъ употребленіи. Отдѣлка этихъ шляпокъ состоитъ изъ ленты, положенной во-кругъ тульи и связанной на боку бантомъ съ висящими концами. Подъ полями шляпки, къ завязкамъ пришиваются довольно большія кокарды изъ тѣхъ же лентъ.

Сообщимъ еще нѣсколько вѣстей о модахъ въ Парижѣ. Соломенные шляпки всѣхъ сортовъ будутъ въ модѣ цынѣшнымъ лѣтомъ. Шляпки изъ тончайшей флорентинской соломѣ paille de Florence такъ хороши, что не имѣютъ нужды въ изысканной отдѣлкѣ. Простая, перекинута черезъ шляпку лента, которая служитъ завязками и пучокъ изъ колосевицъ, пришпигнутый съ боку, замѣняютъ всѣ прочія украшенія. Другія соломенные шляпы дѣлаются съ цвѣтнымъ подбоемъ изъ тафты или крепа. Ленты должны быть одного цвѣта съ подбоемъ. Много носятъ клѣтчатыхъ лентъ. На шляпки съ бѣлыми лентами прикалываютъ вѣтку цвѣтовъ. Креповыя шляпки, отдѣланныя рюшемъ изъ узкихъ газовыхъ лентъ, превосходны.

Для платьевъ затканныя тафты въ большой модѣ. Отдѣлка на платьяхъ очень нарядна, Широкія фалбалы окаймляются рюшемъ. Талия дѣлается открытыми напередъ; рукава полудлинные, расширяющіяся книзу. Превосходно вышитыя англійскимъ швомъ шемизетки и рукавички, отдѣланныя кружевами, необходимы при этомъ фасонѣ платья. Много видно платьевъ изъ шотландскаго фуллра съ большими клѣтками. Къ этимъ платьямъ дѣлаются мантильи изъ той же матеріи, и онѣ служатъ болѣе утреннимъ нарядомъ. Платья изъ одноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій отдѣлываются шерстяными кружевами, одного цвѣта съ платьемъ.

Въ будущей книгѣ поговоримъ подробнѣе о нѣкоторыхъ новостяхъ, которыя только что появляются въ модномъ свѣтѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛОВЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКІХЪ МОДЪ».

*Въ С.-Петербургѣ, съ Гостинной-двора, по Сухощной-линіи,
подъ № 17.*

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ПОВѢЗКА ВЪ КИРИЛО-БѢЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Вспомогательные дни профессора С. Шевырева, въ 1847 году. Въ двухъ частяхъ (съ 25-ю литографированными рисунками.) М. 1850 Ц. 3 руб. съ перес. 4 руб.

'ЖИЗНЬ' ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ БОГОРОДИЦЫ. Изъ книгъ Чет. мин. Изданная Авдотьей Глинкою. Изд. 4-е м. 1850 Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

ЦЕРКОВНЫЯ ПОУЧЕНІЯ Протоіерея Василья Нордова. С. П. 1850 г. Ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. 25 коп.

ОЧЕРКЪ ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ 1848—1849 годовъ. Переводъ съ нѣмецкаго, Полковника Богдановича и Подполковника

Лебедева; съ тремя картинами С. П. 1850. Ц. 1 руб. 75 коп. съ перес. 2 руб

СЛУЧАЙНОСТИ ЖИЗНИ. Разказы составлен. для юношества Т. Дилтцемъ, перев. съ нѣмец. Лаврентьева 1850. г. Ц. съ раскрашенными картинами, 2 руб. 50 коп. съ черными 1 руб. 50 коп. за пересылку прилагается 50 коп.

БУХГАЛТЕРІЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКАЯ. Или самоучитель бухгалтеріи для всѣхъ сословій, а преимущественно для купечества. Соч. Ивана Буттера. 1850. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. А. Островскаго. 1850 г. 1 руб. 50 коп. съ перес. 2 руб.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРАВИЛА КЪ РУКОВОДСТВУ ПРИ ПОКУПКѢ ЛОШАДЕЙ. Соч. Якова Юнсона. С. П. 1850 Ц. 75 к.

ПРАКТИЧЕСКІЙ, КОНСКІЙ, СКОТСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ. Для учащихся ветеринарной медицинѣ и ветеринарныхъ врачей, сельскихъ хозяевъ, экономовъ и владѣльцевъ, занимающихся скотоводствомъ, сочиненный ordinarily профессоромъ ветеринарныхъ наукъ, докторомъ медицины, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Петромъ Лукинымъ. С. П. Ц. 3 руб.

Гл. шотородные, выписывающіе вышеозначенныя два сочиненія изъ магазина В. П. Полякова, платятъ 3. руб. сер. съ перес.

ТРАКТАТЪ О ПОДСЪДАХЪ И МОКРЕЦАХЪ (рожистой болѣзни ногъ) лошадей, и о правильныхъ способахъ леченія ихъ; соч. О Пашкевича. 1850 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ОХОТНИКОВЪ ДО ЛОШАДЕЙ, или практическія наставленія касательно ухода и предохраненія лошадей отъ всякихъ болѣзней, составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій стараго ветеринара 1849. Ц. 75 коп. съ перес. 1 руб.

ЖИЗНЬ КНЯЗЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КУРЬСКАГО въ Литвѣ и на Волыни. Акты, издачныя Временною Комиссією, Высочайше-учрежденною при Кіевскомъ Военномъ Подольскомъ и Волынскомъ Генераломъ-Губернаторомъ. Два тома въ 4 д. л. Кіевъ 1849 Ц. 10 руб., съ перес. 12 руб.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЦАРСТВОВАНІЯ БЛАГОСЛОВЕННАГО ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Составилъ Зосима Воробьевъ. 1850 Ц. 40 коп., съ перес. 60 коп.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПО ФИЗИЧЕСКИМЪ И ЕСТЕСТВЕННЫМЪ НАУКАМЪ, состав. М. Хотявскимъ. С. П. 1850 г. Ц. 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ РОССІИ. Съ показаніемъ желѣзной дороги между Петербургомъ, Москвою и Царскимъ Селомъ, шоссе, всѣхъ водяныхъ путей сообщенія, купеческихъ трактовъ, большихъ и малыхъ почтовыхъ дорогъ, съ назначеніемъ станцій и числа верстъ между оными. Изданіе третіе тщательно исправленное по 1-е января 1850 года, съ планами. 1) С. Петербурга съ окрестностями, какъ то Кронштаатомъ, Царскимъ Селомъ, Петергофомъ, Ораніенбаумомъ. 2. Москвы, съ окрестностями. 3. Варшавы. 4. Одессы, и 5. Кіева; на 4-хъ большихъ листахъ, превосходно гравированная и правильно раскрашенная по послѣднему раздѣленію. Ц. 3 руб. а наклеенная на коленкоръ и въ футлярѣ. Ц. 4 руб

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССІИ, Григорія Небольсина, удостоенное русскимъ географическимъ обществомъ полной Жуковской преміи; 2 части, 1850. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 75 коп.

ВѢДОМОСТЬ О НАРОДОНАСЕЛЕНІИ РОССІИ, ПО УѢДАМЪ ГУБЕРНІЙ И ОБЛАСТЕЙ, составленная изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Губернаторовъ, при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, А. К., С. П. 1850 Ц. 50 коп. съ перес. 80 коп.

ВЕЛИКОЛѢПНОЕ ИЗДАНІЕ, ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО соч. Н. Ламбина. Украшенное 600 оригинальныхъ рисунковъ, портретами и другими украшеніями, Д. Яценя. Напечатанное въ большую 8-ю долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна вмѣсто 15 руб. сер., 7 руб. сер., а съ пересылкою 8 руб. сер.

Гг. иногородные благоволят адресоваться на всѣми вообще книгами, публикованными и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василія Петровича Полякова, со всею благонадежностію на скорую и аккуратную высылку.

Требованія Гг. иногородныхъ покупателей исполняются съ первоотходящею почтою, съ препровожденіемъ отчета въ полученныхъ деньгахъ.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. сер. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

=

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга шестая.

І Ю Н Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го іюня 1850 года.**

Ценсоръ А. Крыловъ.

Ценсоръ Н. Елатинъ.

Редакторъ К. Масальскій.

Издатель К. Жердиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ КНИГИ.

	<i>Стр.</i>
Іюль	19—22

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Тайный наказъ, данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи. <i>К. Масальскаго. (Продолженіе).</i>	1—16
---	------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія	1—68
Иностранныя извѣстія	69—160

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Памяти незабвеннаго. Соч. <i>М. Половцова.</i>	1—2
Молитва. Соч. <i>Я. Крылова.</i>	2—3
Ребенку.	3—3
Арабелла.	3—4
Первое плаваніе русскаго военнаго судна Малаккскимъ проливомъ. (Изъ путевыхъ записокъ русскаго моряка. Соч. <i>Канибакса.</i>	5—22
Страхи и ужасы. Разказъ. Соч. <i>П. Сухонина.</i>	23—40

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Маркиза Сомервилъ. Романъ <i>Жюль-Сандо.</i> Часть II.	4—76
--	------

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Лаватеръ и его ученіе. (Окончаніе). Соч. <i>А. Б—скаго.</i>	1—20
Графическіе очерки знаменитѣйшихъ механиковъ и строителей. IV. Юсіѳъ Брама, изобрѣтатель гидравлическаго пресси. <i>В. Карелина.</i>	21—24

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

56. Русскіе на Восточномъ Океанѣ. Соч. *А. Маркова*. — 57. Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Афонской. — 58. Историко-статистическое обзорѣніе учебныхъ заведеній. *А. Воронова*. — 59. Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. *А. Рафаловича*. — 60. Практическія правила къ руководству при покупкѣ лошадей. Соч. *Р. Юнсона*. — 61. Начертаніе русской исторіи. Соч. *Н. Устрялова*. — Указатель замѣчательнѣйшихъ открытій по математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ, сост. *М. Хотинскимъ*. 1—36

С М Ъ С Ъ .

- Исторія англійскихъ колоній. Островъ Гельголандъ. — Примадона. *Разсказъ Жюль-Зандо*. — Три Ракана. *Анекдотъ*. — На берегу моря. *Разсказъ Альфонса Карра*.
Новости ученаго міра. Изысканія Кетеле надъ карликами или людьми весьма малаго роста. — Новонобрѣтенная полуда. — Способъ Либиха для приготовленія водки изъ рябиновыхъ ягодъ. — Изслѣдованія надъ цвѣтомъ воды.
 Похожденія провинціала въ столицѣ.
 О кустарникѣ, называемомъ по-латынѣ—*Crataegus*. — Простыя средства противъ чахотки. *Барона А. Бодэ*.
 Новости иностранныхъ.
Мысль и улыбка. Можно ли спорить о вкусахъ? — Счастіе и несчастіе. — Правъ и неправъ. — Прислушиваться и всматриваться. — Правда. — Адресъ и прогрессъ. — Бернулли и Ньютонъ. — Солнечный лучъ. — Ворона въ павлиньихъ перьяхъ. — Визиты. — Число тринадцать. — Противурѣчія, или я и мой сосѣдь.
 Петербургскія моды.
 Русскія книги. 1—84
Домашній театр. Нѣтъ худа безъ добра, комедія-пословица въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Питра-Шевалье*. 1—40
 Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

І Ю Н Ъ.

Іюнь (30 дней) по церковному *Іюній*, по славянски и польски *Червецъ*, получилъ свое настоящее названіе отъ Юноны, которой былъ посвященъ. Въ древнемъ римскомъ календарѣ онъ считался четвертымъ мѣсяцемъ года. Іюнь вполнѣ можно назвать послѣднимъ, совершенно зеленымъ и цвѣтушимъ мѣсяцомъ лѣта и весны, потому что съ окончаніемъ его, въ іюлѣ, начинаютъ уже показываться кое-гдѣ пожелтѣлыя листья, трава, пришедшая въ совершенный ростъ, скашивается, а соловьиная пѣснь, съ пѣснями многихъ другихъ птичекъ, уюлкаетъ до слѣдующаго года. У многихъ народовъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ празднуется *Ивановъ-день*, и наканунѣ его собираются разныя цѣлебныя травы.

Іюнь можетъ считаться самымъ плодотворнымъ мѣсяцемъ во всемъ времени года; все въ немъ зеленѣетъ и цвѣтетъ въ полномъ блескѣ; міръ насѣкомыхъ увеличивается, и кому не случалось, по окончаніи мая, видѣть вдругъ несчетное число жуковъ, бабочекъ, мухъ, червей и другихъ насѣкомыхъ, которыя послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней, появляются вездѣ, гдѣ есть свойственная для нихъ пища, нападая на хлѣбъ, деревья и овощи. По этому-то іюнь и называется *червецъ*. Насѣкомыя эти могли бъ быть очень вредными урожаемъ, еслибъ не находили препятствія къ своему размноженію

въ холодахъ и черѣдко даже инеяхъ, которые, происходя, вѣроятно, отъ таянія, въ это время, льдовъ, на далекомъ сѣверѣ, не только истребляютъ этихъ насѣкомыхъ, но и прихватываютъ верхушки всходовъ ячменя, ржи, даже березовые и еловые побѣги и вообще всѣ растенія, которыя нѣжны и сочны. Но эти холода никогда не оказываютъ того гибельнаго вліянія на урожай, которое предполагалось.

Вотъ нѣкоторыя хозяйственныя напоминовенія въ іюні.

Если гречиха въ маѣ не посеяна и поздній ея посѣвъ предпочтенъ, то начало іюня, по десятое число, отнюдь не далѣе, есть конечный срокъ. Кормовой горошекъ на траву въ зелени и на кошеніе для сѣна можно продолжать во весь іюнь.—Засѣваютъ и засаживаютъ близъ пчельниковъ растенія, могущія цвѣсти въ августѣ и быть полезными пчеламъ.

Заготавливаютъ впрокъ разныя ягоды, грибы и проч.

Іюньскія работы въ огородѣ состоятъ преимущественно въ прополотіи посаженныхъ и посеянныхъ растеній и въ поливаніи по утрамъ и вечерамъ, но отнюдь не въ полдень.

Въ іюні мѣсяцѣ солнце достигаетъ высшаго своего положенія на нашемъ горизонтѣ, и вообще для сѣвернаго полушарія земли самые длинныя дни и самыя короткія ночи бывають въ іюні. У насъ, въ Петербургѣ, даже вовсе нѣтъ теперь ночи, которую замѣняютъ свѣтлыя сумерки, и какъ говорятъ, заря сливается съ зарею. Въ Петербургѣ солнце

1	іюня	восходитъ	въ	2 ч.	41 м.	, а	заходитъ	въ	9 ч.	18 м.	
11	»	»	»	2	»	39	»	»	9	»	24
21	»	»	»	2	»	47	»	»	9	»	20

Въ Москвѣ:

1	»	»	»	3	»	18	»	»	8	»	42
11	»	»	»	3	»	18	»	»	8	»	46
21	»	»	»	3	»	23	»	»	8	»	44

Въ Архангельскѣ:

1	»	»	»	1	»	29	»	»	10	»	32
11	»	»	»	1	»	38	»	»	10	»	41
21	»	»	»	1	»	37	»	»	10	»	29

Въ Астрахани:

1	»	»	»	4	»	8	»	»	»	»	7	»	57	»
11	»	»	»	4	»	9	»	»	»	»	7	»	54	»
21	»	»	»	4	»	14	»	»	»	»	7	»	54	»

Въ Иркутскѣ:

1	»	»	»	3	»	40	»	»	»	»	8	»	20	»
11	»	»	»	3	»	45	»	»	»	»	8	»	24	»
21	»	»	»	3	»	45	»	»	»	»	8	»	22	»

Въ Казани:

11	»	»	»	3	»	17	»	»	»	»	8	»	43	»
11	»	»	»	3	»	17	»	»	»	»	8	»	47	»
21	»	»	»	3	»	23	»	»	»	»	8	»	44	»

Въ Ригѣ:

1	»	»	»	3	»	8	»	»	»	»	8	»	52	»
1	»	»	»	3	»	8	»	»	»	»	8	»	56	»
21	»	»	»	3	»	14	»	»	»	»	8	»	53	»

Въ Тифлисѣ:

1	»	»	»	4	»	26	»	»	»	»	7	»	33	»
11	»	»	»	4	»	27	»	»	»	»	7	»	37	»
21	»	»	»	4	»	31	»	»	»	»	7	»	36	»

Въ Кіевѣ:

1	»	»	»	3	»	49	»	»	»	»	8	»	10	»
11	»	»	»	3	»	50	»	»	»	»	8	»	14	»
21	»	»	»	3	»	55	»	»	»	»	8	»	12	»

Іюня 9, въ 10 часовъ средняго петербургскаго времени, солнце вступитъ въ знакъ Рака, находящійся нынѣ, въ созвѣздіи Вѣсовъ, и на всемъ сѣверномъ полушаріи наступитъ лѣто. Іюня 9 есть должайшій день года, и продолжается въ С. Петербургѣ 18 час. 44 мин., а въ Москвѣ 17 час. 28 минутъ.

Первая четверть луны 5 іюня; полнолуніе 12, послѣдняя четверть 20, а новолуніе 27 дня.

Что касается до зрѣлища звѣзднаго неба, то по причинѣ весьма свѣтлыхъ сумерекъ, замѣняющихъ у насъ на сѣверѣ іюньскія ночи, бываютъ видимы безъ помощи трубъ только звѣзды первыхъ двухъ величинъ. На западномъ небѣ, довольно низко надъ горизонтомъ, видна *Спики* или *Колосъ*,

самая яркая изъ звѣздъ созвѣздія Дѣвы; надъ Спикою, гораздо выше, блещетъ красный Аротуръ, въ созвѣздіи Бетотеса, и почти надъ головою горитъ бѣлая звѣзда Лиры. Влѣво подлѣ нея хорошій глазъ замѣчаетъ въ полночь крестообразно расположенное созвѣздіе Лебеда. На востокъ видна звѣзда 1 вел. Атанръ въ созвѣздіи Орла; а на-лѣво отъ Спикки двѣ свѣтлыя звѣзды въ созвѣздіи Вѣсовъ.

На сѣверѣ блещетъ Капелла въ созвѣздіи Возничаго и выше ея, влѣвѣ, едва замѣтна Большая Медвѣдица.

Тотчасъ по закатѣ солнца, можно замѣтить на сѣверо-западѣ, весьма близко къ горизонту, красавицу—Венеру.

Марсъ видѣнъ на западномъ и сѣверозападномъ небѣ почти до полночи. 30 числа случится покрытие этой планеты темнымъ краемъ луны, которая въ это время будетъ казаться еще только узкимъ серпомъ; но это любопытное явленіе будетъ трудно наблюдаемо безъ помощи трубъ, по причинѣ близости солнца, въ лучахъ котораго почти исчезаетъ планета.

Юпитеръ видимъ на западѣ, блестящимъ свѣтиломъ до полуночи, въ началѣ, и до 11 часовъ въ концѣ мѣсяца.

Сатурна можно найти на западномъ небѣ. Юня 1 онъ заходитъ въ половинѣ третьяго часа утромъ, а въ концѣ мѣсяца въ первомъ часу по-полуночи.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ,

данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи.

**ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ СТОЛЬНИКУ ПЕТРУ ПОТЕМКИНУ
И ДЬЯКУ СЕМЕНУ РУМЯНЦОВУ.**

А пришедъ имъ въ отвѣтную палату съ думными людьми вѣтаться *, а вѣтався сѣсть по мѣстамъ, а посидѣвъ немного думнымъ людямъ говорить: приказывали они, Королев-

* Привѣтствовать. Ред.

скаго Величества думные люди къ нимъ Царскаго Величества посланникамъ, чтобъ имъ у нихъ быть въ отвѣтъ и объявити: Великій Государь Его Царское Величество съ Великимъ Государемъ ихъ, съ Его Королевскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви, на какове мѣрѣ быти хочеть.

И они, посланники, имъ Королевскаго Величества думнымъ людямъ объявляютъ о чемъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, къ брату своему, къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству, въ любительной грамотѣ писалъ, и про то Королевскому Величеству и имъ думнымъ людямъ вѣдомо, а сверхъ Царскаго Величества грамоты наказано имъ объявить, что Великій Государь, Его Царское Величество съ Великимъ Государемъ ихъ съ Его Королевскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви быти хочеть, потому какъ и съ иными съ окрестными Великими Государями христіанскими въ братской дружбѣ и любви пребываетъ, и Великій бы Государь ихъ, Его Королевское Величество, къ брату своему къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, потомужъ самъ, своихъ Королевскаго Величества пословъ или посланниковъ о братственной, межъ ими Великими Государями, дружбѣ и любви и о добрыхъ дѣлѣхъ, которыя настоять межъ ихъ обонхъ великихъ государствахъ, и съ ними о всемъ наказалъ подлинно, какъ имъ Великимъ Государямъ, межъ себя, въ братственной, любительной дружбѣ и въ ссылкѣ впредь быти.

Также, потому они объявляютъ, чтобъ на обѣ стороны Великихъ Государей, подданные, торговые люди ходили и торговали, Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества и Государя ихъ, Его Королевскаго Величества въ государствахъ, и прибылей себѣ и пожитковъ искали, чтобъ отъ того великимъ государствамъ прибавленья и разширенья прибывало.

А буде королевскіе ближніе думные люди учнутъ говорить, говорятъ они, чтобъ Государю ихъ, Королевскому Величеству послать къ Великому Государю ихъ, пословъ своихъ или посланниковъ, и съ ними Королевскаго Величества

на пословъ или на посланниковъ Великаго Государя ихъ, Его Царскаго Величества *опасная* грамота * есть ли.

И Петру и Дьяку Семену Великаго Государя опасная грамота, какова съ ними послана, королевскимъ думнымъ людямъ отдать.

А будетъ королевскіе думные люди учнутъ говорить Царскаго Величества, въ Россійскомъ Государствѣ, иныхъ государствъ торговымъ людямъ, въ которыхъ мѣста для торговли прїѣздъ бываетъ и какая имъ повольность.

И Петру и Дьяку Семену говорить, буде Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, изволитъ своего Государства купецкимъ людямъ торговать Россійскаго Государства съ купецкими людьми, и имъ мочно со всякими товары прїѣзжати къ корабельной пристани Россійскаго Царствія, къ Архангельскому городу, и въ иные города, гдѣ кому случится прїѣхать, и торговля имъ, съ Русскими людьми дана будетъ повольная, а пошлины съ товаровъ ихъ учнутъ имать по уазу Царскаго Величества, какого устава въ Россійскомъ Царствіи положено.

А бывъ у королевскихъ думныхъ людей въ отвѣтъ, послѣ того приказывати къ нимъ съ приставы, чтобъ они до Королевскаго Величества донесли, чтобъ Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, велѣлъ ихъ къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству отпустить, не задержавъ, и противъ Царскаго Величества грамоты о всѣхъ о тѣхъ дѣлахъ о чемъ Великій Государь Его Царское Величество, къ Его Королевскому Величеству писалъ къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, отписать съ нимъ въ своей Королевскаго Величества грамотѣ.

И какъ имъ отпускъ объявятъ и будетъ имъ Петру и Дьяку учнутъ къ Великому Государю, королевскую грамоту отдавать на королевскомъ дворѣ, или Король съ кѣмъ прїѣдетъ къ нимъ на дворѣ, а на отпускѣ Король быть имъ у себя не велить.

И Петру и Дьяку Семену той королевской грамоты не

* ? Опасными грамотами назывались грамоты, выдаваемые Царемъ на без-
опасный прѣздъ и вообще на уваженіе и покровительство имѣющему такую
грамоту. Ред.

инать, а говорить королевскимъ думнымъ людямъ или къ нимъ съ приставы приказывать, что у Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, также и у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, въ посольскихъ обычаяхъ такъ бываетъ, отъ которыхъ Великихъ Государей послы и посланники къ Великимъ Государямъ нашимъ приходятъ, и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, тѣхъ пословъ и посланниковъ жалуетъ на приѣздѣ, а на отпускѣ велитъ имъ видѣть свои Царскаго Величества пресвѣтлыя очи и отпускаетъ ихъ отъ своего Царскаго Величества лица и грамоты къ тѣмъ Государямъ посламъ и посланникамъ подаютъ при Царскомъ Велиествѣ, да и у всѣхъ Великихъ Христіанскихъ Государей, у Цесаря Римскаго и у Королей Англійскаго и у Датскаго и у иныхъ Великихъ Государей и у Королей, такъ посламъ и посланникамъ бываетъ, отпускають отъ своего Государскаго лица и грамоты подаютъ при нихъ Государяхъ, и Государь бы ихъ, Его Королевское Величество, хотя съ Великимъ Государемъ нашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, быти въ братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ на отпускѣ велѣлъ имъ быти у себя и ту грамоту къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, велѣлъ отдать при себѣ Великому Государѣ, и отпустить ихъ къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, отъ своего Государскаго лица, то межъ ихъ Великихъ Государей начало доброму дѣлу и любви, а какъ ажъ дастъ Богъ у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, будутъ Великаго Государя ихъ послы или посланники и Великій Государь, нашъ Его Царское Величество, Государя ихъ посламъ и посланникамъ велитъ учинить потому жъ, да говорити о томъ и приказывати и стояти накрѣпко, и у думныхъ людей на отпускѣ имъ быти и Его Королевскаго Величества грамоты некоторыми дѣлами * взяти у нихъ немочно.

А буде имъ, Петру и Дьяку Семену, королевскіе думные люди учнутъ говорить, что у Государей ихъ издавна такъ

* Никакимъ образомъ. *Ред.*

ведется, отъ которыхъ Великихъ Государей послы и посланники къ нимъ Государямъ приходятъ, и тѣ послы и посланники бываютъ у Государей ихъ на прїѣздѣ и на отпускѣ у Государей ихъ не бываютъ и грамоты, къ тѣмъ посламъ, отсылаютъ на подводѣ и имъ нынѣ какъ то переставить.

И Петру и Дьяку Семену въ томъ отказать, что имъ къ Царскому Величеству грамоты мимо Королевскаго Величества ни у кого не имывать.

Да какъ и Король велитъ быть на отпускѣ, и имъ у Короля на отпускѣ быть и грамоту взять.

А напередъ отпуска, приказывать имъ съ приставы къ королевскимъ думнымъ людямъ, чтобъ они думные люди прислали къ нимъ, со своей грамоты списокъ для того надобно имъ вѣдати съ чѣмъ Государь ихъ къ Царскому Величеству отпускаетъ.

Да буде къ нимъ, Петру и Дьяку Семену, съ той королевской грамоты списокъ пришлютъ по Нѣмецки, и имъ тотъ списокъ, тотчасъ, велѣтъ перевести на Русской языкъ и того смотрѣть и беречь накрѣпко, та королевская грамота писана, къ Великому Государю, съ полнымъ ли Государскимъ именованіемъ и титуломъ.

А буде пришлютъ списокъ на такомъ языкѣ, на которой переводчикъ перевести не умѣетъ.

И имъ, Петру и Семену, приказывать къ думнымъ людямъ, чтобъ прислали списокъ на томъ языкѣ, который бы переводчикъ умѣлъ перевести.

А буде, та королевская грамота, къ Великому Государю писана съ полнымъ его Государскимъ именованіемъ и титуломъ.

И Петру и Дьяку Семену такову грамоту взять и съ тою грамотою ѣхать къ Великому Государю, къ Москвѣ наспѣхъ, не иѣшкая. А буде та королевская грамота написана будетъ не съ полнымъ Царскаго Величества именованіемъ и титулы.

И Петру и Дьяку Семену, ту грамоту отослати назадъ, тотъ же часъ, а приказати къ королевскимъ къ думнымъ людямъ говорити, что та королевская грамота писана не по пригожу, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Ве-

личества именоваше и титулы писаны не сполна и чего будетъ не дописано и то объявить, и Государь бы ихъ, Его Королевское Величество, велѣлъ ту свою Королевскаго Величества грамоту исправить и велѣлъ въ ней, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Его Царскаго Величества, именованье и титулы написать сполна, потому какъ онъ, Великій Государь, Его Царское Величество, къ Государю ихъ, къ Его Корольскому Величеству, въ своей, Царскаго Величества, грамотѣ писалъ, и какъ его, Великаго Государя нашего, Его Царское Величество, всѣ Великіе Государи Христіанскіе и Мусульманскіе описуютъ по Его Царскаго Величества достоянію, что ему Великому Государю нашему, отъ прародителей его, отъ Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ Богъ далъ.

И буде думные люди ту королевскую грамоту исправятъ, потому какъ Великій Государь самъ себя описуетъ и то добро, а буде королевскіе думные люди пришлютъ къ нимъ ту королевскую грамоту Великаго Государя, съ именованіемъ, а Царемъ и Самодержцемъ не напишутъ, а учнутъ говорить, что у всѣхъ Христіанскихъ Государехъ пишется такъ одинъ Римскій Цесарь, а къ инымъ, ни къ кому, Великіе Государи Короли также и Великій Государь ихъ, Король, Царемъ не пишетъ, а Самодержцемъ также ни которые Государи не описуются, а Царь то разумѣется Цесарь, а Царское имя Королевскаго имени больше.

И Петру и Дьяку Семену говорить Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, то Царское достояніе Богъ далъ отъ прежнихъ, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, прародители его, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, Великій Государь, Царь и Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ Кіевскій и всея Россіи воевалъ Греческія, великія государства, даже и до самого царствующаго Константина Града, которой и нынѣ, за грѣхи всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ, и за несогласіемъ всѣхъ Великихъ Христіанскихъ Государей, обладаемъ Мусульманы и Грече-

скій Царь, Константинъ Мономахъ, прося милости у Великаго Государя Владимира Всеволодовича прислалъ къ нему, Великому Государю, погостью Крестъ Животворящаго древа и царскую шапку и вѣнецъ и діадиму, которымъ царскимъ саномъ поставлялись всѣ Великіе Государи, Цари Греческіе на Царство Греческое, и отъ того времени и посемѣста * всѣ Великіе Государи наши, Цари и Великіе Князья Россійскіе поставляются на всѣ великіе и православныя государства Россійскаго Царствія, тѣмъ царскимъ вѣнцомъ и діадимою, а блаженныя памяти, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Миханла Феодоровича всея Великія Россіи Самодержца дѣдъ, а Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, прадѣдъ, блаженныя памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ, Божіею помощію, поималъ подъ свою царскую руку великія царства, про которыя сами вѣдаете, гдѣ были Цари большія золотыя Орды, Астраханскія и Каванскія великія царства и государства и Сибирскіе царства, и нынѣ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, тѣ всѣ великія царства, Божіею помощію, держитъ подъ своею царскою, высокою рукою и по тѣмъ великимъ царствамъ и государствамъ, Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, въ своихъ Царскаго Величества грамотахъ, Царемъ и Самодержцемъ и описуется; да и всѣ Великіе Государи, Цесарь Римскій, Король Польскій и Король Англійскій и Король Датскій и иные Великіе Христіанскіе Государи и Короли и Мусульманскіе Государи, шахъ Персидскій и салтанъ Турской и иные Мусульманскіе Государи, всѣ описуютъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, его царское имя съ полнымъ его царскимъ именованьемъ Царемъ и Самодержцемъ, по его царскому достоинству, что ему Великому Государю отъ прародителей его, Великихъ Государей нашихъ, Царей Россійскихъ, Богъ

* Но сіе время. Ред.

дашь, а что они говорятъ, что самодержцемъ ни которые Христіанскіе Государи не описуются и они имъ достаточно про то объявляютъ, что первыи Христіанскій Великій Царь, Константинъ Олавіанъ, и по немъ всѣ Греческіе Цари, описывались Самодержцы, также и Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, прародитель, Великій Государь Царь и Великій Князь Владимиръ Кіевскій и всея Руси, который просвѣтилъ всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, а по немъ Великіе Государи, Цари и Великіе Князья Россійскіе описывались Цари и Самодержцы, и прадѣдъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Великій Государь, блаженный памяти, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ, также описывался, и Государю вашему и не за что за то стояти, что Великаго Государя нашего имя описать съ его Царскимъ полнымъ именованьемъ, Царемъ и Самодержцемъ.

А только Государь вашъ нынѣ, въ своей грамотѣ Великаго Государя нашего, Царемъ и Самодержцемъ не опишетъ, и намъ безъ того и грамоты не имывать и отказать о томъ впрямъ.

Да какъ имъ посланникамъ Королевскаго Величества грамоту отдадутъ.

И Петру и Дьяку Семю велѣтъ у той королевской грамоты на подписи Великаго Государя именованья и титулы переводчику прочесть, и буде на той грамотѣ, Великаго Государя, именованье и титула написаны сполна Великимъ Государемъ, Царемъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ написано и имъ ту королевскую грамоту взять и ѣхать къ Великому Государю потому жъ безъ мотчанія.

А будетъ у той королевской грамоты, на подписи Великаго Государя именованье и титуло написано не сполна.

И Петру и Дьяку говорить о томъ Королевскаго Величества ближнимъ и думнымъ людямъ противъ тогожъ какъ писано выше сего.

А будетъ Королевскаго Величества, ближніе или думные

люди, учнутъ имъ посланникамъ говорить, чтобъ они Королевскаго Величества ближнимъ и думнымъ людямъ объявили подлинно какими обычаями у Великаго Государя, у Его Царскаго Величества, съ Польскимъ Королемъ прошла война и на какове мѣрѣ учинился съ ними миръ.

И Петру и Дьяку говорить у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, съ Паномъ Казимиромъ, Королемъ Польскимъ война прошла за нѣкоторыя многія причины и за ссоры, которые учинились съ Его Королевскаго Величества стороны за вѣчнымъ докончаніемъ въ порубежныхъ мѣстахъ, а нынѣ, за милостію Божіею, тѣ всѣ ссоры и разности успокоены и учинено между Великимъ Государемъ нашимъ, Его Царскимъ Величествомъ и Великимъ Государемъ, Его Королевскимъ Величествомъ и между обоихъ ихъ Великихъ Государей, великими ихъ государствами перемиріе на 13 лѣтъ и на 6 мѣсяцевъ; а въ тѣ перемирные лѣта обоемъ имъ, Великимъ Государямъ, въ прежней братской дружбѣ и любви, а ссорамъ всѣмъ, впредь вспомнновеннымъ и мстительнымъ не быть, да въ тѣхъ перемирныхъ лѣта обоемъ имъ, Великимъ Государямъ, между собою ссылатся великими и полномочными послами искати всякими способы вѣчнаго мира и, по усмотрѣнію пограничныхъ краевъ, никогда не разрывая того перемирія и вѣчному докончанію быть.

А Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, какъ есть истинный, правый и милосердый и премудрый Христіанскій Государь, по своему царскому обычаю о соединеніи христіанскомъ, всегда о всемъ, милостиваго Бога проситъ и молить, чтобъ между всѣхъ великихъ Христіанскихъ Государей кровь христіанская литися престала и всебъ Христіанство было въ покоѣ и тишинѣ, и чтобъ всѣ Христіанскіе Государя укрѣпились межъ себя, въ докончаніе и въ соединеніе, и стояли за одно и тѣмъ, непріятелю Креста Христова, страшны были и о христіанскомъ высвобожденіи сообща радѣли, чтобъ ими, великими Христіанскими Государями, Христіанство изъ рукъ бусурманскихъ высвободить, а то имъ самимъ вѣдомо, что издавнихъ лѣтъ, по грѣху всего Христіанства, и для не соединенія Христіанскихъ Госуда-

рей, попустилъ Богъ Бусурманъ на Христіанство и обладаетъ Турсною Салтанъ великимъ Христіанствомъ и Греческимъ царствомъ, откуда есть начало и корень истинной Православной Христіанской вѣрѣ, а къ тому обладаетъ иными многими землями, которые принадлежали къ Греческому государству: Болгары, Мутьяны, Волохи и Сербы и съ иными многими государствами Христіанскими, также гдѣ была издавнихъ лѣтъ православная и истинная Христіанская вѣра, Карсунъ градъ, и тутъ вселенся мусульманскій законъ, гдѣ нынѣ государство Крымское, и тѣ Бусурманскіе государи, соединясь, стоятъ на Христіанскихъ Государей за одно, и земли ихъ воюють и города емлють и церкви Божіи разоряють и Христіанство пленяють, людей въ полонъ емлють и побивають, и кровь Христіанскую безпрестанно проливають, а какъ всѣ великіе Государи Христіанскіе, межъ себя будутъ въ любви и въ докончаніи и непріатели христіанскіе, противъ Христіанскихъ Государей стояти не будутъ и православные Христіане, которые, у нихъ Бусурманъ, въ порабощеніи всѣ высвобождены будутъ.

А буде Испанскій Король, или ближніе его люди, или пріставы учнутъ спрашивать о лѣтахъ и о возрастѣ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.

И Петру и Дьяку Семену говорить: Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Его Царское Величество, нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, тридцати осьми лѣтъ, а дородствомъ и разумомъ и красотою лица, милосердымъ правомъ и всѣми благими гондностями Всепогушій Богъ украсилъ его Великаго Государя нашего, Его Царское Величество, хваламъ достойнаго паче всѣхъ людей и ко всѣмъ людямъ и подданнымъ своимъ и иноземцамъ Его Царское Величество, милостивъ и щедръ своею государскою милостию, всѣхъ призираетъ и, по своему государскому разсмотрѣнію, чести даруетъ комуждо достоинству и всѣмъ своимъ изобильствуетъ и никто же, видя Его Царскаго Величества лицо, печалень отходить; также Великій Государь нашъ, къ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и

храброму учевію навиченъ и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому и по достойнію, и потому его государскому бодрому и безопасному разуму и храбрости и мудрому праву достоенъ оны, Великій Государь, содержать иные многія земли и государства.

Да Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, Всемилостивый Господь Богъ, подаровалъ въ наслѣдіе его государскаго рода, благородныхъ чадъ, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Симеона Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и о возрастѣ и о лѣтахъ ихъ государскихъ объявить.

А буде королевскіе думные люди учнутъ ихъ опрашивать для чего Великій Государь, Его Царское Величество въ своемъ Царскаго Величества титулѣ, описуется восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ и которые за его Царскимъ Величествомъ государства на Востоцѣ и на Западѣ и на Сѣверѣ, также и Его Царскаго Величества въ печати, надъ орломъ, для чего три короны съ прочими изображеніями.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену королевскимъ думнымъ людямъ говорить: Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, въ своихъ, Царскаго Величества, грамотахъ ко всѣмъ Великимъ Государямъ, окрестнымъ тѣмъ своимъ государскими титулы восточнымъ, западнымъ и сѣвернымъ описуется издавна потому, что Его Царскаго Величества предкамъ, Великимъ Государямъ, Царямъ и Великимъ Князьямъ Россійскимъ, и праѣду его, Великаго Государя нашего, блаженныя памяти, Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи Самодержцу и дѣду Великаго Государя нашего, блаженныя памяти, Велико-

му Государю, Царю и Великому Князю Θεодору Ивановичу всея Россіи Самодержцу Всемогущей Госюдь быть поручилъ подѣ ихъ Государскую державу въ вѣчное владѣніе къ Московскому царству Казанское, Астраханское, Сибирское, Болгарское и ныня многія страны и земли, въ восточной и сѣверной и западной міра части положеніе свое имѣвшіе, которыя нынѣ, подѣ высокою его Царскаго Величества, милостивѣйшаго нашего Государя, суть самодержавною рукою, съ которой богодарованной причины, вышеупомянутые, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, приснопамятные предки тѣми титулами ко всѣмъ Великимъ Государямъ окрестнымъ писались и нынѣ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, яко истинный Наслѣдникъ и Самодержецъ, наслѣдуя оныхъ богодарованною Его Царскаго Величества честію, такожде тѣми описуется титулы и всѣ великіе окрестные Государи къ Его Царскому Величеству, къ милостивѣйшему нашему Великому Государю въ любительныхъ своихъ грамотахъ вышеупомянутые Его Царскаго Величества титулы пишутъ также, безъ уменія и безо всякаго спора, вѣдая, что Его Царское Величество тѣ свои, государскіе титулы имѣетъ по своему государскому достоинству, а приснопамятныхъ, Его Царскаго Величества предковъ, Великихъ Гоеударей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ.

А что имѣется Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ печати, и про то объявляемъ: орелъ двоглавной есть гербъ державы Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, Россійскаго царства, надъ которымъ три короны изображены, знамѣнающія три великія Казанское, Астраханское, Сибирское славные царства, покоряющіяся богохранной и высочайшей Его Царскаго Величества, милостивѣйшаго нашего Государя державѣ и повелѣнію.

На правой орла сторонѣ три града, при которыхъ буквы В. М. Б. суть по описанію въ титулѣ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи.

На лѣвой сторонѣ три града съ своими на подписи изображеніями восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ.

Подъ орломъ знакъ отчича и дѣдича, на персяхъ его изображеніе Наслѣдника и всего Обладателя.

Въ пазногтяхъ * скипетръ и яблоко изъявляютъ милости-вѣйшаго нашего Государя Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя.

А буде королевскіе думные люди учнутъ ихъ спрашивать, какъ нынѣ Великій Государь, Его Царское Величество, съ Папою Римскимъ, и съ Цесаремъ, и со Французскимъ, и съ Датскимъ, и Свѣйскимъ королями, и съ Голанскими Статами, и съ Турскимъ Салтаномъ, и съ Персидскимъ Шахомъ, и съ Крымскимъ Ханомъ.

И Петру и Дьяку Семену говорить: Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ Папою Римскимъ за дальнимъ растояніемъ и за многими была наступающими войнами ссылки неимѣеть.

Съ Великимъ Государемъ, съ Леопольдусомъ Цесаремъ съ его Цесарскимъ Величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, а Французской и Датской короли съ Великимъ Государемъ нашимъ съ Его Царскимъ Величествомъ въ ссылкѣ и въ дружбѣ и въ любви, а съ Свѣйскимъ Карлусомъ Королемъ у Великаго Государя, у Его Царскаго Величества, учинено вѣчное докончаніе, а Недорлинскіе и Галанскіе Статы съ Великимъ Государемъ нашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, въ ссылкѣ, и къ Архангельскому городу на корабляхъ торговые люди пріѣзжаютъ и торгуютъ.

А съ Турскимъ Салтаномъ у Царскаго Величества о дружбѣ и о любви ссылки есть же, а не дружбы никакія у Царскаго Величества съ Турскимъ Салтаномъ нѣтъ.

А съ Персидскимъ Шахомъ ближайшая дружба и любовь, и на обѣ стороны отъ купецкихъ людей въ привозѣ товаровъ обонимъ государствамъ пожитокъ.

А съ Крымскимъ Ади-Гиреемъ Царемъ Великій Государь нашъ Его Царское Величество послы и посланники ссылаются.

А буде о томъ спрашивать не учнутъ, и имъ собою про то не очинать.

* Въ когтяхъ.

А буде учнутъ спрашивать о нивыхъ какихъ дѣлахъ чего въ семъ Великаго Государя наказѣ не написано, и имъ отвѣтъ держать смотря по дѣлу, чтобъ Государеву имени было къ чести и къ повышенію, а лишнихъ рѣчей не говорить.

Да Стольнику Петру и Дьяку Семену, будучи въ Гишпанской землѣ, провѣдывать себѣ тайно: съ иными Государя, и съ Папою, и съ Цесаремъ Римскимъ, и съ Турскимъ Салтаномъ, и со Французскимъ, и съ Португальскимъ, и съ Англійскимъ, и съ Датскимъ и съ Свѣйскимъ королѣи, и съ Голанскими владѣтелями, и съ Венеціанами, и съ иными поморскими Государя у Короля ссылки есть ли, и буде есть, и о чемъ, и съ которыми Государя онъ въ мирѣ или не въ мирѣ, и нивѣшняя ихъ, отъ Великаго Государя присылка къ нимъ, въ Гишпанскую землю надобно ль, и про иные всякіе вѣсти, которые Великому Государю, Его Царскому Величеству и всему Московскому Государству надобны провѣдывать и записывать себѣ имянно и подлинно и въ правду, и ту записку, пріѣхавъ къ Москвѣ, подать въ Посольскомъ Приказѣ, Боярину Аванасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, да думнымъ Дьякамъ Герасиму Дохтурову да Лукіану Голосову съ товарищи.

Да и о всемъ имъ, Петру и Дьяку Семену, будучи въ Гишпанской землѣ и ѣдучи дорогою, Великаго Государя къ земскимъ дѣламъ промышлять и вѣстей всякихъ провѣдывать по сему Великаго Государя наказу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ ихъ Всемогушій Господь Богъ вразумитъ, а межъ бы ихъ разностей и ссоръ никакихъ ни за что однолично не было, и Великаго Государя имени къ чести во всемъ остерегать и вездѣ искати Великаго Государя имени чести и повышенья, во всѣхъ государствахъ и городахъ Великаго Государя имя выславляти и говорить то, что Царскаго Величества имени къ чести и къ повышенью, а простыхъ словъ, и которыя Царскаго Величества имени не къ чести, не говорить и во всемъ остерегаться всякими мѣрами, чтобъ въ чемъ Великаго Государя имени къ чести и дѣлу помѣшки не было.

А буде межъ ими учинится въ чемъ ссора и вражда, и тою ихъ ссорою и несогласіемъ Великаго Государя дѣлу учинится хотя малая спона * и помѣшка, и имъ за то быть отъ Великаго Государя въ опалѣ и въ разореніи.

А нѣчто судомъ Божиимъ Гишпанскаго Короля Филиппуса

* Преплетвіе. Ред.

не стало, или какими мѣрами королевства отбылъ, а на его мѣсто буде učinился королемъ иной кто.

И Петру и Дьяку Семену приказати съ приставами къ думнымъ людямъ, что послалъ ихъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ и отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель, Его Царское Величество къ брату своему любительному къ Филипу Королю Государство свое обвѣстити и грамотою о любви братской и дружбѣ и Божіимъ судомъ, Филипа Короля не стало или будетъ иными какими мѣрами отъ государства отбылъ, потому смотря и говорить, а про нынѣшняго Великаго Государя ихъ, новаго Короля, Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, вѣдомо не было, что онъ učinился королемъ, и объ томъ намъ Великаго Государя наказъ есть а будетъ судомъ Божіимъ Филипа Короля въ животѣ не станеть, и кто на его мѣсто королемъ учинится новой Король и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель, Его Царское Величество, велѣлъ къ тому новому Королю къ Его Королевскому Величеству итти и грамоту подати и рѣчь говорить и они бѣ думные люди извѣстили Государю своему, чтобъ имъ велѣлъ быти у себя.

Да какъ имъ новый Король велитъ бы на посольствѣ.

И Петру и Дьяку Семену пришедъ передъ Короля отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца новому Королю кто будетъ на Филипово мѣсто правити поклонъ и грамоту подати и рѣчь говорить, и будучи у Короля, Великаго Государя дѣломъ о чемъ они посланы къ Филипу Королю и съ новымъ Королемъ дѣлати по семужъ Государеву наказу.

А будетъ кого на королево Филипово мѣсто Королемъ обрали а на государство еще не сѣлъ, или еще Короля не обрали, а владѣеть Королева мать, или королевскіе ближніе люди, и пришлютъ къ нимъ тѣ думные люди чтобъ быти у нихъ на королевскомъ дворѣ ихъ, у котораго наивысшаго думнаго человѣка.

И Петру и Семену, думнымъ людямъ отъзавати, что Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель, послалъ было ихъ къ Великому Государю ихъ, къ Филипу Королю, къ Его Королевскому Величеству, и Божиимъ судомъ его не стало, а на его мѣсто на государство новый король не избранъ, и имъ быть на посольствѣ не у кого и ихъ бы думные люди отпустили назадъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, а у нихъ имъ быть не для чего.

А будетъ Петръ и Дьякъ Семенъ провѣдаютъ подлинно, что королевскіе думные люди и безъ Короля о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ онѣ посланы учнуть дѣлати.

И Петру и Дьяку Семену къ нимъ идти и Великаго Государя грамоту отдать и рѣчь говорить и дѣло дѣлати по сему Государеву наказу.

Да какъ ихъ Испанской Король отпустить велитъ и грамоту къ Царскому Величеству имъ дастъ.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену, королевскимъ думнымъ людямъ объявить, что до указа Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, велѣно имъ Петру и Дьяку Семену ѣхати Царскаго жъ Величества съ грамотою, къ Великому Государю, къ Лудвику Королю Французскому, къ Его Королевскому Величеству и чтобы Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, велѣлъ ихъ отпустить во Французскую землю и до Французскаго порубежнаго города, на чемъ имъ доѣхати, велѣлъ дать подводы и пристава и кормъ.

Да какъ ихъ во Французскую землю отпустить и пріѣдутъ въ первый порубежный городъ и имъ приказати того города къ державцу, что по указу Великаго Государя посланы они съ его Царскаго Величества любительною грамотою къ Великому Государю ихъ, Лудвику Королю Французскому, къ Его Королевскому Величеству, о братской дружбѣ и любви и о иныхъ добрыхъ дѣлѣхъ, и онъ бы державецъ, велѣлъ ихъ принять и о пріѣздѣ ихъ къ Королевскому Величеству отписалъ, и давъ имъ пристава и въ дорогу кормъ и подводы къ Королевскому Величеству отпустилъ не задержавъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ.

Данные на имя Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государыни Цесаревны Маріи Александровны и Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны.

I.

Ваше Императорское Высочество! При постоянномъ попеченіи о благоустройствѣ находящихся подъ Моимъ покровительствомъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній, столь близкихъ Моему сердцу, не имѣя возможности, по состоянію Моего здоровья, лично посѣщать ихъ такъ часто, какъ бы того желала, Я, съ согласія Государя Императора, прошу Ваше Императорское Высочество, принять на Себя наблюденіе, какъ за физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ, такъ и за успѣхами умствен-

наго образованія дѣввицъ въ Воспитательномъ Обществѣ съ Александровскимъ Училищемъ, равно въ Институтахъ: Екатерининскомъ, Павловскомъ и Сиротскомъ при Воспитательномъ Домѣ съ Александринскимъ Сиротскимъ Домомъ, о замѣчаніяхъ же Вашихъ по всѣмъ частямъ воспитанія доводить до Моего свѣдѣнія. За тѣмъ предоставляя Себѣ, по прежнему, высшее управленіе помянутымъ заведеніямъ, остаюсь въ совершенной увѣренности, что усердное содѣйствіе Вашего Императорскаго Высочества доставитъ Мнѣ душевное утѣшеніе видѣть возрастающее преуспѣяніе ихъ, для блага воспитываемо въ нихъ юношества.

Съ нѣжнѣйшею Моею къ Вамъ любовію пребываю.

II.

Ваше Императорское Высочество! По слабости здоровья Моего, находясь въ необходимости отказать себѣ въ утѣшеніи, состоящія подъ Моемъ покровительствомъ учрежденія посѣщать такъ часто, какъ бы того желала, Я, съ согласія Государя Императора, прошу Ваше Императорское Высочество принять подъ наблюденіе Ваше, какъ физическое и нравственное воспитаніе, такъ и умственное образованіе дѣввицъ въ Патриотическомъ Институтѣ, Елисаветинскомъ Училищѣ, Женскомъ Отдѣленіи Училища Глухонѣмыхъ и Повивальномъ Училищѣ при Родовспомогательномъ Заведеніи, а также порядокъ содержанія грудныхъ дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ, доводя, по осмотру каждаго заведенія, о замѣчаніяхъ Вашихъ до Моего свѣдѣнія. При чемъ, оставляя управленіе помянутыми заведеніями на прежнему основаніи, исполнѣ надѣюсь, что усердное и дѣятельное участіе Вашего Императорскаго Высочества послужитъ новымъ залогомъ постоянного усовершенствованія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Съ нѣжнѣйшею Моею къ Вамъ любовію пребываю.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 22 дня 1850 года.

На подлинныхъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«Вѣчно искренняя доброжелательная.

АЛЕКСАНДРА».

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя

Господина Военнаго Министра.

Князь Александръ Ивановичъ!

Осмотрѣвъ 2 и 3 Пѣхотные Корпуса въ первый разъ по возвращеніи ихъ изъ Венгерскаго похода, Я съ особеннымъ удовольствіемъ удостовѣрился, что войска сіи снабжены съ необыкновенною быстротою и исправностію всѣмъ довольствіемъ, необходимымъ послѣ военнаго времени. Это могло быть совершено только при отличномъ состояніи хозяйственной части Военнаго Министерства, и Мнѣ пріятно при семъ случаѣ вновь повторить, что Военно-Сухопутное Управленіе обязано вамъ своими теперешнимъ примѣрнымъ устройствомъ. Вполнѣ цѣню, что при вашихъ многочисленныхъ Государственныхъ занятіяхъ, вы ничего не упустили изъ виду, что только могло служить къ исполненію Моихъ желаній. Отъ всей души благодарю васъ за службу вашу Мнѣ и Россіи. Сколь искренна Моя признательность, столь же неизмѣнны пребудутъ и чувства Моего сердечнаго къ вамъ благоволенія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Г. Ковно, мая 23-го 1856 года.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя С.-Петербургскаго Военнаго Гепераль-Губернатора.

Дмитрій Ивановичъ! Прочитавъ донесеніе ваше о дѣйствіяхъ учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ вашимъ особаго временнаго Комитета для призрѣнія семействъ, осиротѣвшихъ во время бывшей въ С.-Петербургѣ холеры, и отдавая полную справедливость заботливости сего Комитета, Я вѣнжаю Себѣ въ удовольствіе изъяснить вамъ Мою признательность за понесенные вами труды, а сотрудникамъ Комитета поручаю вамъ объявить Мое особое благоволеніе.

Вмѣстѣ съ симъ, съ окончаніемъ дѣйствій сего Комитета, повелѣваю оный закрыть.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою писано:

«НИКОЛАЙ.»

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 22-го дня 1850 года.

П Р И К А З Ы

ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 7 и 12 1850.

I.

Дворянство Оренбургской губерніи, на бывшемъ въ 1844 году собраніи для выборовъ, изъявило готовность пожертвовать въ пользу Оренбургскаго Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса едновременно изъ доходовъ имѣній своихъ по 30 коп. сер. съ каждой ревизской души помѣщичьихъ крестьянъ, для содержанія въ томъ Корпусѣ на проценты съ составившагося капитала (29,916 р. 30 к. сер.) восьми воспитанниковъ изъ дворянъ.

Нынѣ г. Военный Министръ, Генераль-Адъютантъ *Князь Чернышевъ*, отношеніемъ отъ 24 марта за № 2,675, Меня увѣдомилъ, что Государь Императоръ, какъ увѣдомилъ о томъ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по Положенію Комитета Г. Министровъ о такомъ пожертвованіи Дворянства Оренбургской губерніи, Высочайше повелѣтъ соизволить:

1) Постановленіе о семь Дворянства утвердить, съ тѣмъ: а) чтобы, согласно мнѣнію Оренбургскаго Военнаго Губернатора, жертвуемый для изъявленной надобности Дворянствомъ Оренбургской губерніи, въ теченіе 3 хъ лѣтъ, капиталъ, всего 29,916 руб. 30 коп. сер., отосланъ былъ въ Кредитное Установленіе, подъ наименованіемъ неприкосновеннаго капитала, пожертвованнаго Дворянствомъ Оренбургской губерніи въ Орен-

бургскій Неплюевскій Кадетскій Корпусъ; б) чтобы на ежегодные проценты съ этого капитала содержимы были въ томъ Корпусѣ восемь воспитанниковъ изъ Дворянъ, не имѣющихъ никакого состоянія и преимущественно круглыхъ сиротъ, лишенихъ средствъ къ воспитанію; и в) чтобы назначеніе воспитанниковъ въ Корпусъ предоставлено было Оренбургскому Дворянскому Депутатскому Собранію.

и 2) За сдѣланное Дворянствомъ пожертвованіе, объявить оному Всенностивѣйшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

II.

Г. Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ Князь Чернышевъ, отношеніемъ отъ 31 прошлаго марта, за № 2,876, Мемля увѣдомилъ, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ изъявить согласіе, на испрашиваемое разрѣшеніе, назначать, по сношенію моему съ Епархіальнымъ начальствомъ, и по его выбору, въ законоучители въ Военно-Учебныя Заведенія, священниковъ и діаконовъ, хотя непродслужившихъ 4-хъ лѣтъ въ приходскихъ церквахъ, но имѣющихъ всѣ необходимыя для сего познанія и качества, а особенно въ священники—достойныхъ учениковъ Духовныхъ Академій, имѣющихъ ученые степени, а въ діаконы—изъ Духовныхъ Семинарій и прямо по выходѣ изъ Академій и Семинарій и по посвященіи въ санъ; и на опредѣленіе законоучителемъ въ 1-й Кадетскій Корпусъ, вмѣсто Протоіерея Раевского, одного изъ таковыхъ священниковъ, по назначенію высшаго духовнаго начальства.

III.

С.-Петербургъ. Мал 1-го 1850 года.

№ 1189.

Умершій Генералъ-Маіоръ *Энгольмъ*, по духовному завѣщанію, изъявилъ желаніе пожертвовать три тысячи рублей серебромъ, для выдачи ежегодно процентовъ съ сего капитала одному изъ бѣднѣйшихъ кадетъ, выпускаемыхъ изъ Корпусовъ въ Офицеры, особенно отличившихся прилежаніемъ и нравственностію.

По всеподданнѣйшему докладу о севѣ Государю Императору, Его Величество на принятіе этого пожертвованія Высочайше соизволило изъяснить согласіе.

Въ-слѣдствіе сего—подписываю:

1) Вышеозначенное пособіе выдавать, на изложенныхъ за-вѣщателемъ основаніяхъ, отличнѣйшему по наукамъ и поведѣнію изъ бѣднѣйшихъ надеть, по обсужденію Воспитательнаго Комитета Корпуса, по одобренію Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ и съ моего утвержденія.

И 2) Очередь для назначенія сего пособія Кадетскимъ Корпусамъ и Дворянскому полку принять слѣдующую:

1-й Кадетскій Корпусъ.

2-й Кадетскій Корпусъ.

Павловскій Кадетскій Корпусъ.

1-й Московскій Кадетскій Корпусъ.

Дворянскій полкъ.

2-й Московскій Кадетскій Корпусъ.

Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ.

Въ текущемъ 1850 году выдачу таковаго пособія, на выше-изложенномъ основаніи, начать съ 1-го Кадетскаго Корпуса.

Выписка изъ духовнаго завѣщанія Генералъ-Майора Дьякова у сего прилагается.

Объявляю о севѣ по Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ для свѣдѣнія и руководства.

Подлинныя подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Г. Министръ Императорскаго Двора сообщилъ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, что Государю Императору угодно, чтобы, какъ нынѣ, такъ впредь, Тезоименитство Его Величества, а равно и Великой Княгини Александры Юрьевны, празднуемо было 23-го апрѣля, въ день Св. Великомученика Георгія и Св. Мученицы Царицы Александры.

— Въ 15-й день марта 1850 года Высочайше утверждено слѣдующее Дополненіе къ Положенію 13-го августа 1833 года о пенсіяхъ артистовъ Императорскихъ театровъ.

Относительно артистовъ россійскихъ подданныхъ.

1) Пенсїи артистамъ россійскимъ подданнымъ назначать, какъ нынѣ, за двадцатилѣтнюю беззачетную службу, но раздѣлить оныя на четыре разряда: для перваго разряда опредѣлить 1.140 р., для втораго 750, для третьяго 500, а для четвертаго 300 руб. сер. Если же жалованье артиста менше втораго—либо изъ сихъ разрядовъ, то въ пенсїю обращать получаемый каждый окладъ жалованья.

2) Сообразно съ симъ, и самыхъ артистовъ россійскихъ подданныхъ, относительно пенсїи, раздѣлить на четыре разряда, а именно:

Къ первому разряду должны принадлежать: актеры и актрисы, занимающіе первыя роли во всѣхъ родахъ драматическаго, лирическаго и хореграфическаго искусства, управляющіе труппами, режиссеры, навельмейстеры, машинисты, механики, главные декораторы, главный костюмеръ и музыканты-самисты.

Ко второму разряду: актеры и актрисы, играющія вторыя роли во всѣхъ родахъ вышеозначенныхъ трехъ искусствъ, всѣ вообще музыканты (россійскіе и иностранные подданные), репетиторы, живописцы и машинисты.

Къ третьему разряду: актеры и актрисы, занимающіе третьи роли, суфлеры, балетные корифеи и корифейки, скульпторы, главные паркиахеры и театральные мастера.

Къ четвертому разряду: помощники режиссеровъ, декораторовъ, живописцевъ и машинистовъ, надзиратель потной конторы, фехтмейстеръ, балетные фигуранты и фигурантки, хористы и хористки, актеры и актрисы, употребляющіеся для выходовъ и вывода статистовъ.

Въ отношенїи артистовъ иностранныхъ подданныхъ.

1) Вмѣсто существующаго нынѣ десятилѣтняго срока, для выслуги на право полученія пенсїи, установить срокъ въ пятнадцать лѣтъ, и самыхъ артистовъ, по степени ихъ талантовъ, раздѣлить на два разряда, съ назначеніемъ пенсїи, по первому разряду въ 570 р., а во второму въ 285 р. сер.

2) Къ первому разряду отнести всѣхъ того рода иностранныхъ артистовъ, кои включены въ первомъ и второмъ разрядѣ артистовъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ музыкантовъ, о которыхъ упомянуто выше.

3) Ко второму разряду — всѣхъ, которые обозначены въ третьемъ и четвертомъ разрядѣ о російскихъ подданныхъ.

4) Вдовѣ артиста, вышедшей за него въ замужество по оставленіи имъ театральной службы, равно и дѣтямъ таковой вдовы, пенсіи не производить.

5) На будущее время вдовамъ и дѣтямъ артистовъ-иностранцевъ, проживающихъ за границею, пенсіи не назначать; тѣмъ же изъ нихъ, коимъ пенсіи назначены были во-время пребыванія ихъ въ Россіи, прекращать оныя, какъ скоро выѣдутъ на жительство за границу.

Россійскимъ подданнымъ и иностранцамъ, занимающимъ должности костюмеровъ, гардеробмейстеровъ, парикмахеровъ, цѣточныхъ мастерицъ и настройщиковъ, назначать пенсіи на основаніи Высочайше-утвержденнаго въ 14 день марта 1827 года Положенія для Придворнаго Вѣдомства, не превосходя слѣдующихъ окладовъ: для костюмеровъ, гардеробмейстеровъ и парикмахеровъ 350 р., а для всѣхъ прочихъ 250 р. — Если же жалованье будетъ менѣе котораго-либо изъ сихъ окладовъ, то въ пенсію обращать получаемый каждымъ окладъ жалованья.

Равномѣрно назначать пенсіи по Положенію 14-го марта 1827 года состоящимъ по штату: бутафорамъ, портнымъ мастерамъ и мастерицамъ, кастеляншамъ, смотрителямъ головныхъ уборовъ и другихъ отдѣльныхъ частей гардероба, не превосходя оклада 200 р., портнымъ подмастерьямъ, помощникамъ бутафоровъ, гардеробмейстеровъ, парикмахеровъ и скульпторовъ, фейерверкерамъ, и казеннымъ Охтенскимъ плотникамъ, не превосходя оклада 150 р. сер, если жалованье сихъ лицъ будетъ не менѣе таковыхъ окладовъ, въ противномъ же случаѣ назначать пенсіи по окладу жалованья.

— По Высочайше-конфирмованному, въ 11 день минуваго марта, докладу Святѣйшаго Синода, повелѣно: 1) Изъ Рижскаго Викаріатства Псковской Епархіи образовать особую самостоятельную Епархію, открывъ оную съ 1-го іюля 1850 года. 2) Архіерейскую кафедру ея основать въ городѣ Ригѣ, съ наименованіемъ Рижскою и Митавскою. 3) Епархіи сей присвоить 2-й классъ и степень въ іерархическомъ порядкѣ послѣ Варшавской Епархіи. 4) Съ учрежденіемъ въ Ригѣ Консисторіи, существующее тамъ Духовное Правленіе закрыть, дѣла же передать въ Консисторію. 5) Учрежденное въ Ригѣ, по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1846 г., Духовное Учи-

лише переименовать въ Рижскую Семинарію. 6) Архіерею Псковской Епархіи, за отчисленіемъ изъ состава ея церкви пынѣшняго Рижскаго Викаріатства, именоватья Псковскимъ и Порховскимъ, съ порученіемъ сѣй Епархіи, впредь до усмотрѣнія, въ управление Рижскаго Архіерея, и 7) О бытій пынѣшнему Рижскому Викарію, Епископу Платону, Епархіальнымъ Архіереемъ вновь-учрежденной Епархіи.

— Правительствующій Сенатъ, въ особомъ Присутствіи, учрежденномъ при I Департаментѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 18 марта 1849 года состоявшагося, рассмотрѣвъ представленіе Г. Министра Финансовъ относительно участія золотопромышленниковъ въ питейныхъ откупахъ съ 1851 по 1855 г. согласно съ заключеніемъ Г. Министра Финансовъ, полагалъ: оставя существующій нынѣ, по настоящему предмету, порядокъ безъ пзмѣненія, постановить только правиломъ, и строго наблюдать посредствомъ мѣстныхъ властей, чтобы въ черту пріисковъ горячіе напитки ввозились лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, собственно для употребленія на порцію рабочимъ людямъ, опредѣливъ даже, по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго Начальства, самое количество, какое потребно будетъ по числу рабочихъ, и съ тѣмъ, чтобы на провозъ туда вина заводскія конторы получали особыя, каждый разъ, свидѣтельства отъ Гражданскаго Губернатора. Но какъ на настоящій предметъ обращено вниманіе Его Императорскаго Величества, то не приводя заключенія сего въ исполненіе, Сенатъ предоставлялъ Г. Министру Юстиціи испросить на оное Высочайшее соизволеніе. Г. Управлявшій Министерствомъ Юстиціи вносилъ объ этомъ записку въ Комитетъ Гг. Министровъ. Государь Императоръ, по положенію Комитета, въ 17 день мѣшущаго марта, Высочайше соизволилъ означенное опредѣленіе Правительствующаго Сенага утвердить и повелѣлъ привести въ исполненіе.

— Военный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе Инспекторскаго Департамента, отъ 18 февраля сего года, за № 1,305, о предоставленіи пажнамъ чинамъ, поступившимъ въ военную службу изъ гражданъ и однодворцевъ западныхъ губерній, преимуществъ за службу сверхъ срока, — положилъ: пажнамъ чинамъ, изъ гражданъ и однодворцевъ западныхъ губерній, поступившимъ въ военную службу по наборамъ 15-тилѣтнимъ срокомъ службы, за добровольный отказъ отъ отставки предоставить преимущества, по сравненію съ урочде-

цани Царства Польскаго, именно: по безпорочной выслугѣ 15 лѣтъ, награждать ихъ шеврономъ, прибавляя оный потомъ чрезъ каждыя пять лѣтъ. — По прослуженіи же въ Гвардіи 22-хъ, въ Арміи и другихъ войскахъ 25 лѣтъ, производить жалованье, согласно статьи 431 книги II-й части II Свода Военныхъ Постановленій, то есть два съ половиною оклада, обращая таковое въ пенсіонъ, по выслугѣ еще 5-ти лѣтъ. (Высочайше-утверждено въ 28-й день марта.)

— Г. Статсъ-Секретарь Гофманъ, отъ 28-го марта 1850 года, сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій Генераль-Губернаторъ отослалъ къ нему объ ходатайствованіи Всемилостивѣйшаго разрѣшенія Государя Императора на предоставленіе состоящему подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны заведенію для безпартенныхъ дѣтей въ г. Ревелѣ, права пользоваться ностановленіями, содержащимися въ Высочайше-утвержденномъ, въ 17 день сентября 1848 года, Уставѣ подобнаго-же учрежденія въ г. Нарвѣ. Таковое ходатайство Князя Суворова, по предварительно-послѣдовавшему на то соизволенію Ея Императорскаго Высочества, онъ, Г. Статсъ-Секретарь Гофманъ, представлялъ на Высочайшее возвращеніе.

Его Императорскому Влачеству благоугодно было извѣстить на оное Всемилостивѣйшее соизволеніе.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, въ 30 день марта, Всемилостивѣйше повелѣть соизволялъ: строевыхъ нижнихъ чиновъ арестантскихъ ротъ Гражданскаго Вѣдомства, награждать знакомъ отличія ордена Св. Анны за безпорочную выслугу 20 лѣтъ, наравнѣ съ таковыми же нижними чинами арестантскихъ ротъ Инженернаго Вѣдомства.

— Государь Императоръ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ Комитету Гг. Министровъ, по положенію оного, въ 4 день апрѣля сего года, Высочайше повелѣть соизволялъ:

1) Разрѣшить причисленіе къ капитальнымъ долгамъ, для уплаты въ остальные годы займовъ, наравнѣ съ платежами за 1848 годъ, и слѣдующихъ за прежнее время недоимокъ по займамъ помѣщиковъ Саратовской, Тамбовской, Харьковской, Пензенской и Тульской губерній изъ Кредитныхъ Учрежденій, но съ тѣмъ, чтобы льгота эта допускаема была только для такихъ заемщиковъ, отъ коихъ будутъ представляемы над-

ложидшія свидѣтельства о достигшемъ нѣднѣ ихъ изурожаѣ, и притомъ не иначе, какъ съ предварительнымъ удостовѣреніемъ по каждому займу, что Банковыя Установленія чрезъ сіе свихожденіе не будутъ находиться въ опасности не выручить долга. Тѣмъ-же помѣщикамъ, конхъ займы окажутся неблагонадежными, льготы этой не предоставлять, и въ случаѣ не-платежа вин подлежащихъ помянутымъ установленіямъ денегъ,—подвергать нѣднѣ ихъ продажѣ.

2) Вышензясненную разсрочку долговъ распространить на тѣмъ-же основаніи и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель, находящихся въ сказанныхъ губерніяхъ и состоящихъ въ залогѣ мѣстныхъ Приказовъ Общественнаго Прізрѣнія.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о срокѣ по учету векселей въ Кіевской Конторѣ Коммерческаго Банка, мнѣніемъ положилъ: представленіе сіе утвердить, и въ-слѣдствіе того, въ дополненіе къ ст. 944 Учрежд. и Уст. Государственныхъ Кредитныхъ Установленій (Св. Зак. Т. XI), постановить, что въ Кіевскую Контору допускаются къ учету векселя, конмъ остается срока не менѣе восьми дней и не болѣе шести мѣсяцевъ. (Высочайше-утверждено 10-го апрѣля.)

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о Московской Городской Росписи на 1850 годъ, мнѣніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго-утвержденія въ 10-й день апрѣля сего года, между прочимъ, положилъ: «для приведенія въ дѣйствіе Высочайше-утвержденнаго проекта снабженія Московской столицы, во всѣхъ ея частяхъ, чистую и здоровую водою, увеличить на 6 лѣтъ, одною четвертью процента, оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ въ городѣ имуществъ, и въ-слѣдствіе сего, съ 1850 по 1855 г. включительно, взимать съ оцѣночной суммы означенныхъ имуществъ по 1% и сверхъ того, на прежнемъ основаніи, по 6% со всей вносимой суммы, собственно на содержаніе водопроводовъ».

— Въ Высочайшемъ Указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Правительствующему Сенату, 2-го мая, изображено:

«По всеподданнѣйшему представленію Министра Народнаго,

Просвѣщенія о преобразованіи Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, повелѣваемъ; 1) Изъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, входящихъ нынѣ въ составъ Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, образовать особый учебный округъ, подъ названіемъ «Виленскаго». 2) Остальныя за тѣмъ двѣ губерніи Бѣлорусскаго Округа, Витебскую и Могилевскую, присоединить къ Округу С.-Петербургскому. 3) Управление учебными заведеніями Виленскаго Учебнаго Округа, на правахъ Повѣстителя, возложить на Виленскаго Военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта Генераль-Лейтенанта Бибикова».

Въ Высочайшемъ Указѣ, за Собственнооручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату, изображено:

«Дозволивъ Государственному Канцлеру, *Графу Нессельде*, въ-теченіе наступающаго лѣта отлучиться на нѣкоторое время изъ С.-Петербурга, Всенялоствѣйше повелѣваемъ, согласно съ его ходатайствомъ, Товарищу Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатору, Тайному Совѣтнику *Селявину*, вступить во временное управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ».

— Въ-слѣдствіе отношенія Виленскаго Военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генераль-Губернатора, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права, учредить въ г. Бѣльскѣ, Гродненской губерніи, три четырехнедѣльные ярмарки: одну со дня Св. Троицы, другую—Рождества Богородицы и третью со дня Богоявленія Господня.

— Въ-слѣдствіе ходатайства Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго Генераль-Губернатора, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права, вмѣсто существующей въ г. Змиевѣ, 24 февраля, ярмарки, учредить тамъ трехдневную ярмарку, начинающуюся со дня Преполовенія, ежегодно.

— Студентъ С.-Петербургскаго Университета, *Князь Николай Юсуповъ*, желая почтить память умершаго отца, *Князя Бориса Юсупова*, и оставить воспоминаніе о времени пребыванія своего въ Университетѣ, просилъ принять отъ него

10 т. р. сер., для учрежденія на счетъ процентовъ съ сеі суммы, составляющихъ 400 руб. сер. въ годъ, двухъ стипендій для бѣднѣйшихъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета, кои на вступительномъ испытаніи получаютъ высшіе балы по предметамъ русской словесности и русской исторіи. Разрѣшивъ принять это пожертвованіе, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія доводилъ объ ономъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 12 день апрѣля 1850 г., на всеподданнѣйшей докладной запискѣ по сему предмету, Собственноручно написать: «*благородно*».

— Старобѣльскій Городничій, Маіоръ Терещенко, принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ коллекцію рукописей, книгъ, атласовъ и картъ.

Государь Императоръ, по доведеніи о семъ до Высочайшаго Его Величества свѣдѣнія, Всемилостивѣйше пожаловать позволилъ Маріора Терещенко орденомъ Св. Анны 3-й степени.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ 20 апрѣля Правительствующему Сенату, изображено: Во вниманіе къ особымъ ученымъ трудамъ курскаго мѣщанина Федора Семенова и обширнымъ познаніямъ его по части астрономіи, Всемилостивѣйше жалуетъ его съ семействомъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства.

— Существовавшій въ С.-Петербургѣ Комитетъ, Высочайше-учрежденный для призрѣнія оспротѣвшихъ отъ холеры, по окончаніи возложеннаго на оный Его Величествомъ порученія, 4-го числа текущаго мѣсяца, на основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія, закрытъ. Въ С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго рапорта Санктпетербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, представленнаго 20-го апрѣля 1850 года Его Императорскому Величеству.

Государь Императоръ, въ Монаршемъ попеченіи о семействахъ и лицахъ, оспротѣвшихъ отъ холеры, въ 20-й день юня 1848 года Высочайше повелѣтъ соизволилъ: учредить для отысканія и призрѣнія ихъ, подъ предѣдательствомъ С.-

Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора, особый временный Комитетъ, съ назначеніемъ въ оный членами: Статсъ-Секретаря Гофмана, С.-Петербургскихъ: Оберъ-Полицеймейстера, Губернскаго Предводителя Дворянства, Уезднаго Предводителя Дворянства, Градскаго Главы и состоящихъ въ званіи Камергеровъ Двора Его Императорскаго Величества: Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Шахматова и Статскаго Совѣтника Волыярскаго.

Во исполненіе таковой Монаршей воли, объявленной С.-Петербургскому Военному Генераль-Губернатору Товарищемъ Статсъ-Секретаря. Тайнымъ Совѣтникомъ Ковальковымъ, открыты 24 того-же іюня дѣйствія Комитета, и на основаніи заключенія оного, приглашено было дѣйшее Градское Общество избрать для содѣйствія Комитету къ отысканію и посыланію сиротъ и семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, особыхъ, изъ среды обывателей столицы, доверенныхъ лицъ, въ каждую Часть города по три: одного изъ Дворянъ, другаго изъ Почетныхъ Гражданъ и третьяго изъ купцовъ, а также поручено было Губернскому и Уездному Предводителямъ Дворянства назначить такихъ-же лицъ для отысканія сиротъ въ окрестностяхъ столицы.

Избранные на семъ основаніи лица, по утвержденіи Комитетомъ, вступили въ то-же время въ исполненіе ихъ обязанностей, подъ названіемъ посѣтителей, и тогда-же снабжены были отъ Комитета наставленіемъ.

Въ распоряженіе Комитета, Его Императорское Величество, при самомъ учрежденіи, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать на первый случай 10 т. руб. сер.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна, 2 тыс. руб. сер.

Отъ частныхъ лицъ поступило пожертвованій, 95,385 руб. 59 коп.

Вынуто изъ кружекъ, поставленныхъ по повелѣнію Его Императорскаго Величества для сбора въ пользу Комитета приношеній: на Сѣнной-площади, а также у Никольскаго и Андреевскаго рынковъ, 74 р. 74¹/₂ коп.

Всей-же суммы въ вѣдѣніи Комитета состояло: 107,460 руб. 32¹/₂ к. серебр.

Независимо отъ таковыхъ преподанныхъ Комитету денежныхъ сносовъ. Его Императорское Величество, въ отеческой заботливости о призрѣніи осиротѣвшихъ отъ холеры,

Высочайше повелѣть соизволила открыть приѣмъ сиротъ въ заведеніяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома: въ грудничьихъ отдѣленіяхъ, на 25 мѣстъ и болѣе.

Въ здѣшнемъ Сиротскомъ Институтѣ и Александринскомъ Сиротскомъ Домѣ.	100	м.
Въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ.	40	—
Въ Маринскомъ Межевомъ Училищѣ.	13	—

Воспитаніе сиротъ въ этихъ заведеніяхъ, по Высочайшему повелѣнію Его Величества, объявленному Статсъ-Секретаремъ Геомаионъ, отнесено на счетъ общихъ доходовъ Воспитательныхъ Домовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было повелѣть открыть временный приѣмъ сиротъ, впредь до размѣщенія ихъ по заведеніямъ, въ Дѣтскихъ Приютахъ, гдѣ и устроено было для сей цѣли 50 кроватей; изъ нихъ 22 учреждены на счетъ способовъ Комитета, а остальные на счетъ средствъ вѣдомства Дѣтскихъ Приютовъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Всеплюститѣйше соизволила предоставить въ распоряженіе Комитета въ Училищѣ для воспитанія дѣтей, учрежденномъ при Домѣ Убогихъ, содержимомъ на иждивеніи Ея Величества, 7 мѣстъ.

С.-Петербургское купечество, для призрѣнія сиротъ изъ городскихъ сословій, предоставило въ вѣдѣніе Комитета 50 вакансій, открытыхъ онымъ на сей собственно случай въ Николаевской и Александринской Школахъ Дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ.

Императорское Человѣколюбивое Общество и присоединенное къ оному Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, по предложенію Комитета, одобренному Его Величествомъ, открыли приѣмъ въ заведеніяхъ своихъ сиротъ, подвѣдомственныхъ Комитету, за условленную за воспитаніе ихъ плату, изъявивъ готовность принять въ заведенія сіи, каждое по 100 и болѣе сиротъ.

Денидовскій Домъ призрѣнія трудящихся также предложилъ помѣстити въ заведеніяхъ своихъ пансіонерами Комитета нѣсколько сиротъ. .

Сверхъ сего Человѣколюбивое Общество и Денидовскій Домъ призрѣнія трудящихся изъявили желаніе призрѣть безплатно, первое 5, а послѣднее 2 сиротъ.

Въ разсмотрѣніи Комитета находились 1684 просьбы о денежномъ пособіи и призрѣніи сиротъ.

Положеніе этихъ семействъ было въ свое время обследовано Посѣтителемъ и разсмотрѣно Комитетомъ, согласно постановленіямъ коего:

1043 семействамъ оказано денежное пособіе.

164 семействамъ, кромѣ денежныхъ выдачъ, оказано покровительство призрѣніемъ сиротъ.

277 семействамъ оказано покровительство призрѣніемъ сиротъ и другими распоряженіями.

200 семействамъ, оказавшимся неподлежащими покровительству Комитета, отказано.

Постоянною заботливостію Комитета было, не только облегчить положеніе круглыхъ сиротъ и многодѣтныхъ семействъ, лишившихся отцовъ, но и упрочить средства къ существованію ихъ на будущее время, а потому Комитетъ, не ограничиваясь призрѣніемъ сиротъ, входилъ въ ближайшее разсмотрѣніе нуждъ всѣхъ подлѣжавшихъ покровительству его семействъ, и изыскивалъ всевозможныя средства къ прочтѣишему устройству ихъ будущности.

Сиротъ, конья оказано покровительство Комитета было всего 624, изъ нихъ круглыхъ сиротъ 311.

Всѣ они размѣщены:

Безплатно:

Въ грудныя отдѣленія.	82
Въ Сиротскій Институтъ и Александринскій Сиротскій Домъ.	108
— Гатчинскій Сиротскій Институтъ.	41
— Мариинское Межевое Училище.	13
— Училище для бѣдныхъ при Домѣ убогихъ.	7
— Демидовскій Домъ призрѣнія трудящихся.	2
— Заведенія Человѣколюбиваго Общества.	5
— Школы Дома призрѣнія престарѣлыхъ гражданъ.	56

Съ опредѣленною платою:

Въ Павловскій Институтъ.	1
— Коммерческое Училище.	1
— Общество Посѣщенія Бѣдныхъ.	123
— Петропавловское Училище.	1

— заведения Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.	112
— Демидовскій Домъ призрѣнія трудящихся.	3

Сверхъ того:

Въ Технологическій Институтъ.	1
— Батальионы военныхъ капопистовъ.	3
Въ ученье мастерствамъ.	15
На воспитаніе разнымъ лицамъ.	26
— родину къ роднымъ отправлены.	7
Отосланы на воспитаніе въ деревни, по распоряженію Воспитательнаго Дома (не закон).	18

Всего 624

Въ числѣ сиротъ, помѣщенныхъ въ заведения Обществъ Человѣколюбиваго и Посвщенія Бѣдныхъ, находятся: 2 пансіонерки Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Потемкина, 1 Статсъ-Секретаря Гофмана и 1 воспитывается на счетъ Его Высочайшаго Предсѣдателя.

Кромѣ-того:

11-ть престарѣлыхъ и увѣчныхъ призрѣны въ богадѣльни,—22 сироты зачислены кандидатами для поступленія на воспитаніе въ заведения Человѣколюбиваго Общества и 11 сиротъ въ заведения Дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ.

СУММЫ КОМИТЕТА ИЗРАСХОДОВАНЫ:

	Руб. К.
а) На выдачу пособій семействамъ, пострадавшимъ отъ холеры.	21,026 6
б) На устройство въ Дѣтскихъ Приютахъ помѣщенія для временнаго призрѣнія сиротъ.	326 70
в) Уплачено всѣмъ заведениямъ за все время воспитанія призрѣнныхъ въ оныхъ, по распоряженію Комитета, сиротъ.	85,434 81..
д) На канцелярскіе расходы.	572 77

Императорское Человѣколюбивое Общество, по значительности отпущенной въ вѣдѣніе онаго суммы, по предложенію Предсѣдателя Комитета, на основаніи журнала онаго, 25 января текущаго года, изъявило согласіе, часть процентовъ на сію сумму отдѣлять на составленіе капитала для раздачи пособій пансіонерамъ Комитета при выпускѣ ихъ изъ заведеній, а другую часть в деньги, могущія остаться въ случаѣ убыли пансіонеровъ, расходовать на воспитаніе дѣтей, зачисленныхъ Комитетомъ кандидатами для поступленія въ поминутыя заведенія.

Обществу-же Посѣщенія Бѣдныхъ, на составленіе капитала для выдачи подобныхъ пособій пансіонерамъ Комитета, переданы 13 картвъ, пожертвованныя курцомъ Острогнвымъ въ пользу осиротѣвшихъ отъ холеры, съ тѣмъ, чтобы Общество разыграло ихъ въ лоттерію аллегри.

СПИСОКЪ.

*Господаль Членъ Комитета, Высочайше-упрежденнаго для призрѣнія осиротѣвшихъ отъ холеры въ С.-Петербур-
бургь.*

Предсѣдатель: С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ отъ Инфантеріи Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ.

Члены: Статс-Секретарь, Тайный Совѣтникъ Андрей Лонгиновичъ Гофманъ, С.-Петербургскій Обер-Полцеимейстеръ Свиты Его Величества Генерал-Маіоръ Александръ Павловичъ Галаховъ, С.-Петербургскій Губернскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ, Каммергеры Двора, Его Императорскаго Величества: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Николаевичъ Шахматовъ, Статскій Совѣтникъ Евгеній Петровичъ Волларларскій и С.-Петербургскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Николай Александровичъ Безобразовъ, С.-Петербургскій Городской Глава, Комерціи Совѣтникъ Василій Григорьевичъ Жуковъ.

Дѣлопроизводитель: Управляющій Канцелярію С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Семенъ Романовичъ Ждановъ.

Помощникъ дѣлопроизводителя: Исправляющій должность Начальника Отдѣленія той-же Канцеляріи, Коллежскій Секретарь Дмитрій Александровичъ Соколовъ.

Казначей Канцеляріи С.-Петербургскаго Военнаго Генерал-Губернатора, Надворный Советникъ Иванъ Троешниковъ Макушка.

СПИСОКЪ

Гг. посѣтителей, состоявшихъ при Комитетѣ, Высочайше-учрежденномъ для призрѣнія осиротѣвшихъ отъ холеры.

Названіе частей.	Посѣтители, избран-ные изъ потомствен-ныхъ дворянъ.	Посѣтители, избран-ные изъ почетныхъ гражданъ и купцовъ.
1-й и 3-й Адмирал-тейскихъ Частей.	Дѣйст. Стат. Сов. Левъ Кириловичъ Нарышкинъ.	Почет. Граж. Глуш-ковъ и Прянишниковъ и купцы: 1-й гильдіи Кохунъ и 3-й гильдіи Крутиковъ.
2-й Адмиралтейск. Части.	Дѣйст. Стат. Сов. Федоръ Герасимовичъ Устряловъ.	Почет. Граж. Лѣсни-ковъ и купецъ 1-й гильдіи Гамбсъ.
4-й Адмиралтейск. Части.	Колѣж. Сов. Василій Михайловичъ Лопати-тинъ.	Почет. Граж. Лапот-никовъ и купецъ 2-й гильдіи Глазозъ.
Нарвской Части.	Стат. Сов. Алек-сандръ Петровичъ Ме-двѣдевъ.	Почет. Граж. Жу-ковъ и купецъ 2-й гильдіи Бобковъ.
Московской Части.	Дѣйств. Стат. Сов. Николай Владиміро-вичъ Яковлеву.	Почет. Граж. Дмит-ріевъ и купецъ 2-й гильдіи Микеровъ.
Аптечной Части.	4-го класса Николай Ивановичъ Шамшевъ	Почет. Граж. Мѣ-клевъ и купецъ 2-й гильдіи Кенигъ.
Каретной Части.	Дѣйств. Стат. Сов. Константинъ Аванасы-евичъ Случевскій.	Почет. Граж. Яков-левъ и купецъ Кири-ковъ.

Коллеж. Сов. Дмитрій Почет. Граж. Гро-
 Рождествен. Части. Герасимовичъ Чу- мовъ и купецъ 3-й
 ковъ. гильдіи Кушашниковъ
 Уволенъ 27-го іюня
 1848 года.

5-го класса Влади- Почет. Граж. Погре-
 Васильевск. Части. міръ Петровичъ Арбу- бовъ и купецъ 2-й
 зовъ. гильдіи Строгоновъ.

Тайн. Сов. Гаврило Почет. Граж. Калу-
 Петербургс. Части. Гавриловичъ Биби- гинъ и купецъ 2-й
 ковъ. гильдіи Пентешвиъ.

Дѣйств. Стат. Сов. Почет. Граж. Калу-
 Выборгской Части. Яковъ Козьмичъ Кай- гинъ и купецъ 2-й
 дановъ. гильдіи Эбергъ.

Стат. Сов. Петръ Почет. Граж. Заг-
 Охтенской Части. Елизаровичъ Лейчен- бенниъ.
 ко.
 Умеръ 25-го февраля
 1849 года.

За Шлессельберг- Коллеж. Сов. Алек- Почет. Граж. Лих-
 скою заставою. сандръ Николаевичъ чевъ и 2-й гильдіи
 Меньшиковъ. купецъ Кохановъ.

За Московскою и Надв. Сов. Андрей Купецъ 3-й гильдіи
 Нарвскою заставами Яковлевичъ Качка. Овсянниковъ.

— Императорское Археологическое Общество объявило все-
 общее извѣстіе о второй задачь, и приглашаетъ желающихъ
 доставлять свои сочиненія къ соисканію преміи, предложенной
 отъ И. Т. Яковлева.

I. Для соисканія преміи предлагается задача: *описать рус-
 скія народныя одежды до конца XVII вѣка.*

II. Отъ сочиненія, назначаемаго къ соисканію преміи, тре-
 буется: 1) Критическое обзорѣніе русскихъ и иностранныхъ
 источниковъ о русскихъ народныхъ одеждахъ, съ опредѣле-
 ніемъ ихъ исторической достовѣрности. 2) Историческое из-
 слѣдованіе о существовавшихъ русскихъ одеждахъ съ X вѣка,

и о введеніи въ послѣдующихъ столѣтіяхъ чужеземныхъ одеждъ, греческихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ; 3) Описание мужскихъ и женскихъ одеждъ, уборовъ и нарядовъ, царскихъ, боярскихъ, посадскихъ и деревенскихъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ нынѣ уже болѣе не существуютъ, и какія сохранились или въ своемъ видѣ первобытномъ, или съ измѣненіями. 4) Обзоръ матерій, изъ которыхъ шились русскія народныя одежды, съ объясненіемъ ихъ названій, узоровъ и цвѣтовъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ были въ употребленіи русскаго народа въ разныя времена.

III. Изъ русскихъ народныхъ одеждъ Общество предлагаетъ описать:

а) Мужскіе и женскіе головные уборы: Ватола, Каптуръ, Кика, Клобукъ, Кокошникъ; Колпакъ, Корабликъ, Кучма, Налобникъ, Наурузы, Перепелъ кичный, Повязка, Повойникъ, Подзатыльникъ, Поднапокъ, Полочка, Сборникъ, Сорока, Тафья, Трехъ, Убрусъ, Фата, Чела, Шапка Шляпа.

б) Мужскія и женскія одежды: Азямъ, Арнякъ, Бугай, Варьги, Голицы, Дутегрѣйка, Епанча, Епанечка, Зпунъ, Псодинца, Кабать, Кафтавъ, Кобелякъ, Кожухъ, Корзно, Кофта, Коць, Лѣтнѣкъ, Ментепъ, Однорядка, Опашень, Охабень, Платно, Шбнева, Поддѣвка, Порты, Полукафтавъ, Приволока, Роспашница, Растегай, Рубашка, Рукавицы, Ряса, Сарафанъ, Тегилій, Терликъ, Тѣлотрѣя, Тулузь, Ферязъ, Фурайка, Холодникъ, Чюга, Шуба, Шубейка, Шушунъ, Юбка.

в) Мужская и женская обувь: Башмаки, Босовики, Валенки, Ичетыги, Коты, Лапти, Ошучи, Подвязки, Сапоги, Чеботы, Черевки, Чулки.

г) Мужскіе и женскіе наряды: Агамъ, Бохрома, Ворборка, Запльсте, Завѣска, Зарукавъе, Косоплетина, Кушакъ, Муфта, Нагрудникъ, Наручки, Нашивка, Ожерелье, Платокъ, Подпояска, Поясъ, Пронизъ, Пузыри, Тесьма, Фартукъ, Ширинка.

д) Убранство палатное и компанное: Взаголье, Грава, Завѣсъ, Запавѣска, Коверъ, Лентай, Наволока, Настольникъ, Небо, Одѣяло, Пелена, Перина, Подзоръ, Подпростыняникъ, Подушка, Подножіе, Покрывало, Полавочникъ, Пологъ, Полотенце, Постеда, Простыня, Скатерть, Стелечникъ, Угиральникъ.

IV. Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, въ изложеніи яснымъ и понятномъ для всѣхъ сословіи, безъ

вѣдѣтельности чужеземныхъ словъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ старыхъ названій матеріалъ, уборовъ, одеждъ и нарядовъ, съ соблюденіемъ историческихъ данныхъ, критически очищенныхъ и представленныхъ въ обработанномъ видѣ.

V. Общество желаетъ получить отъ изслѣдователя изображеніе одеждъ, уборовъ и нарядовъ; но не поставяетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность.

VI. За лучшее сочиненіе, написанное по сему объявленію, выдается *четыреста рублей* серебромъ; если-же ни одно изъ присланныхъ сочиненій не будетъ заслуживать полной преміи, то за сочиненія, которыя, по своему изложенію и описанію предметовъ, наиболѣе будутъ приближаться къ требованіямъ объявленія, назначаются двѣ половинныя преміи, каждая въ двѣсти рублей серебромъ.

VII. Срокъ для предьявленія сочиненія къ конкурснѣю преміи И. Т. Яковлева назначается *двухгодовой*, считая его съ 1-го мая 1850 года по 1-е мая 1852 года.

VIII. Господа сочинители присылаютъ свои рукописи въ С.-Петербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

IX. Сочиненія доставляются въ Общество безъ подписи сочинителя; но отъ каждой рукописи требуется, чтобы она имѣла какой-нибудь девизъ, который-бы находился и на приложенномъ конвертѣ къ сочиненію, съ запечатанной запиской, содержащей въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя.

X. Отъ конкурса преміи исключаются одни только Дѣйствительные Члены Императорскаго Археологическаго Общества.

XI. Пріеужденіе преміи публикуется въ вѣдомостяхъ; присенъ не дается отчета о причинахъ, послужившихъ къ отказу въ преміи тому или другому сочиненію; но до свѣдѣнія публики доходятъ лишь причины, по которымъ сочиненіе признано отъ Общества достойнымъ награды.

XII. Сочиненіе, признанное Обществомъ достойнымъ преміи И. Т. Яковлева, печатается въ первый разъ въ *Запискахъ Общества*; но сочинитель его имѣетъ полное право печатать другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

— Тоже Общество объявило во всеобщее извѣстiи о *третьей* задачѣ, приглашая желающих доставлять свои сочиненiя къ соисканiю премii.

I. Для соисканiя премii предлагается задача: *описать исторiю русскихъ школъ иконописанiя до конца XVII вѣка.*

II. Изъ русскихъ школъ иконописанiя предлагается описать школы: Кiевскую, Новгородскую, Московскую, Устюжскую, Строгановскую и Фряжскую.

III. Отъ сочиненiя, назначаемого къ соисканiю премii, требуется: 1) Критическое изслѣдованiе происхожденiя и развитiя каждой русской школы, съ объясненiемъ ихъ возниковъ и различiй между собою по кореннымъ признакамъ. 2) Описанiе сохранившихся произведенiй русскихъ иконописцевъ, съ указанiемъ, въ какихъ мѣстахъ Россii находятся оныя цѣлы, съ объясненiемъ: въ своемъ ли первобытномъ видѣ сохранились эти памятники иконописнаго художества, или возобновлены. 3) Исчисленiе русскихъ иконописцевъ каждой школы, съ краткими извѣстiями о нихъ, замѣстванными въ лѣтописей, актовъ, житiй русскихъ святыхъ, надписей и старыя описей церковныхъ имущества. 4) Объясненiе техническаго производства, существовавшаго въ старыя русскiя школы иконописанiя.

IV. Сочиненiе должно быть написано на русскомъ языкѣ; изложено ясно и понятно для всѣхъ сословiй, съ избѣжанiемъ чужеземныхъ словъ, но съ сохраненiемъ всѣхъ техническихъ названiй иконописнаго художества, съ соблюденiемъ историческихъ данныхъ, критически очищенныхъ, представленныхъ въ обработанномъ видѣ.

V. Общество желаетъ получить отъ изслѣдователя списки образцовыхъ произведенiй каждой школы; но не поставляетъ этого требованiя въ непремѣнную обязанность.

VI. За лучшее сочиненiе, написанное по сему объявленiю, выдается *четыреста рублей серебромъ.*

VII. Срокъ для предъявленiя сочиненiй къ соисканiю *третьей* археологической премii назначается *двухъ годовою*; считая его съ 1-го мая 1850 года по 1-е мая 1852 г.

VIII. Господа сочинители присылаютъ свои рукописи въ С.-Петербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

IX. Сочиненiя доставляются въ Общество безъ подписи сочинителя; но отъ каждой рукописи требуется, чтобы она имѣ-

ла какой-нибудь *деви́зъ*, который-бы находился в на приложенномъ конвертѣ къ сочиненію, съ запечатанной запиской, содержащей въ себѣ: имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя.

X. Отъ соисканія преміи исключаются одни только Дѣйствительные Члены Императорскаго Археологическаго Общества.

XI. Присужденіе преміи публикуется въ вѣдомостяхъ; причѣмъ не дается отчета о причинахъ, послужившихъ къ отказу въ преміи тому или другому сочиненію; но доводятся до свѣдѣнія публики только причины, по которымъ сочиненіе признано отъ Общества достойнымъ награды.

XII. Сочиненіе, признанное Обществомъ достойнымъ преміи, печатается въ первый разъ въ «Запискахъ Общества»; но сочинитель его имѣетъ полное право печатать другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

— Отъ Высочайше-учрежденной въ С.-Петербургѣ Комиссіи о Лондонской выставкѣ обнародовано слѣдующее:

По повелѣнію Ея Величества Королевы Великобританской, назначена въ Лондонѣ Комиссія для устройства тамъ выставки произведеній, какъ мануфактурной, такъ и сельской промышленности всѣхъ народовъ, которую предполагается открыть 19 апрѣля (1 мая новаго стilia) будущаго 1851 года, и англійское министерство изъявило русскому Правительству желаніе, чтобы оно оказало содѣйствіе означенной лондонской Комиссіи относительно доставленія русскіихъ издѣлій на сію всемірную выставку.

Хотя наша мануфактурная промышленность, по недавнему началу своего развитія, во многихъ отрасляхъ еще не въ состояніи состязаться съ произведеніями другихъ странъ, опередившихъ насъ на семъ вѣприщѣ народной дѣятельности, во всей его обширности, тѣмъ не менѣе появленіе русскихъ издѣлій на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ, гдѣ по селу поведу соберутся лица торговаго и промышленнаго сословія всѣхъ странъ, можетъ послужить къ исправленію невѣрныхъ сужденій о состояніи нашей промышленности. Съ одной стороны, замѣчательные успѣхи, сдѣланные въ короткое время во тѣ-которыхъ важныхъ отрасляхъ, оправдываютъ въ глазахъ безпристрастныхъ людей то покровительство, которое наше Правительство доставляетъ отечественному трудолюбію, а съ другой стороны, ближайшее и подробнѣйшее ознакомленіе шло-

странствъ съ пашини фабричными и сельско-хозяйственными произведеніями можетъ открыть для некоторыхъ изъ нихъ новый сбытъ или усилить прежній.

Въ снѣхъ видахъ признано полезнымъ оказати, какъ фабрикантамъ, такъ и сельскимъ хозяевамъ, которые пожелаютъ отправить образцы своихъ пздѣлій на лондонскую выставку, зависящее отъ Правительства содѣйствіе, и съ сего цѣлю учреждена въ С.-Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію, особая Коммиссія изъ Членовъ отъ Министерствъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, коей Предсѣдателемъ Высочайше назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта Тайный Совѣтникъ Тенгоборскій. На сію Коммиссію возложены сношенія съ лондонскою Коммиссіею выставки и всѣ распоряженія по разбору и отправкѣ образцовъ произведеній и пздѣлій въ Лондопъ.

Хотя сельскіе хозяева уже предварены о семъ объявленіемъ отъ Г. Министра Государственныхъ Имуществъ, тѣмъ не менѣе Высочайше-учрежденная Коммиссія, приступая къ исполненію возложеннаго на нее порученія, почитаетъ пужнымъ сообщить всѣмъ производителямъ, какъ сырыхъ, такъ и лану-фактурныхъ предметовъ, слѣдующее:

1) На лондонскую выставку будутъ принимаемы только тѣ иностранныя произведенія, которыя будутъ присылаемы чрезъ посредство или съ разрѣшенія учрежденныхъ по сему поводу въ каждомъ государствѣ Коммиссій. По сему всѣ желающіе послать образцы своихъ произведеній на означенную выставку могутъ доставлять оныя на свой счетъ въ *Высочайше-учрежденную въ С.-Петербургѣ Коммиссію о Лондонской Выставкѣ*.

2) Находящіеся въ С.-Петербургѣ фабриканты могутъ сдавать оныя Коммиссару Коммиссій, Надворному Совѣтнику Андрееву, въ экспозиціонномъ залѣ биржеваго аданія, въ которомъ помещалась С.-Петербургская Выставка 1849 года, а иностородные могутъ высылать оныя на имена: Гофъ-Маклера Якова Андреевича Шредера * и Биржевыхъ Маклеровъ Алексѣя Филипповича Мамыгина **, Михайла Алексѣевича Без-

* Въ Малой-Морской, въ домѣ Арта. № 5

** На Васильевскомъ-Острову, за Среднимъ проспектомъ, въ 4-й линіи, въ собственномъ домѣ, № 38-й.

цѣннаго *** и Василья Михайловича Калгина ****, которые изъявили готовность принимать таковыя образцы и представлять оныя въ Коммиссію. Что касается до сельскихъ произведеній, то оныя должны быть адресуемы въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства.

3) Приёмъ въ Коммиссію назначенныхъ на лондонскую выставку предметовъ начнется 1 іюля и продолжится по 31 августа, такъ какъ срокъ для приема опыныхъ назначенъ въ Лондонѣ съ 20 декабря 1850 (1 января 1851) по 17 февраля (1 марта) 1851 года, когда навигація у насъ еще не открыта, и потому они должны быть отправлены отсюда въ Лондонъ осенью сего 1850 года.

4) Для русскихъ произведеній въ помѣщеніи лондонской выставки назначается пространство въ 10,000 квадратныхъ футовъ, со включеніемъ мѣста для прохода, такъ, что для помѣщенія произведеній нельзя рассчитывать болѣе, какъ на половину сего пространства; а какъ значительную часть оного могутъ занять произведенія сельскаго хозяйства, то Гг. производители приглашаются, въ отвращеніе загроможденія, присылать только такія образцы, которые могутъ обратить вниманіе по достигнутымъ уже въ той отрасли промышленности успѣхамъ, въ особенности-же такія, которые по свойству своему могутъ подавать надежду на открытіе сбыта, и въ такомъ только количествѣ, какое необходимо для того, чтобы дать понятіе о достоинствѣ предмета.

5) Всѣ присылаемые предметы должны быть сопровождаемы фактурами, въ коихъ надобно означать: имя производителя, мѣстонахожденіе мѣстна или фабрики, число, вѣсъ или мѣру предметовъ, а въ отношеніи къ мануфактурнымъ произведеніямъ въ особенности фабричныя цѣны.

6) Произведенія, которыя будутъ избраны Коммиссіею для отсылки на лондонскую выставку, будутъ отправлены туда за счетъ казны и поручены надзору пребывающаго въ Лондонѣ агента Министерства Финансовъ по мануфактурной части, который озаботится и обратнымъ доставленіемъ предметовъ, могущихъ остаться непроданными на выставкѣ.

7) Для свидѣнія сельскихъ хозяевъ и фабрикантовъ, Ком-

*** На Васильевскомъ-Острову, въ 14-й линіи, на набережной Цевы, въ собственномъ домѣ, № 27, 602.

**** На Петербургской-сторонѣ, у Тучкова-моста, въ собственномъ домѣ № 491.

и неси считаетъ не излишнимъ сообщить при семъ переводъ двухъ объявленій, изданныхъ лондонскою Коммиссіею. Если же, въ-слѣдствіе сношеній съ сею Коммиссіею, окажется нужнымъ сообщить какія-либо дальнѣйшія подробности, до выставки относящіяся, то объ оныхъ будетъ доводимо до общаго свѣдѣнія чрезъ публичныя вѣдомства, а между тѣмъ, если кто-либо встрѣтитъ надобность въ объясненіяхъ, тотъ можетъ обращаться въ *Высочайше-учрежденную въ С.-Петербургѣ Коммиссію о Лондонской Выставкѣ*, адресуя пакеты на ея имя въ Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли.

Переводъ съ англійскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ЛОНДОНСКОЙ КОММИССИИ О ВЫСТАВКѢ.

**ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВСѢХЪ
НАРОДОВЪ,**

имѣющая быть въ Лондонѣ въ 1851 году.

I.

Королевская Коммиссія, учрежденная для устройства выставки произведеній промышленности всѣхъ народовъ, имѣющей быть въ 1851 году, рассмотрѣвъ и обсудивъ старательно разныя предлежавшіе оной вопросы, обращается пылъ съ полнымъ упованіемъ ко всѣмъ сословіямъ общества (въ Великобританіи), приглашая ихъ къ щедрымъ пожертвованіямъ для обезпеченія успѣха сего предпріятія въ степени, достойной нашего государства и сообразной вызову, слѣдующему другимъ народамъ: войти съ нами въ совиѣстничество въ духѣ благороднаго и дружескаго соревнованія.

Коммиссары назначили открытіе выставки 1-го мая 1851 года.

Они будутъ въ готовности принимать въ свое вѣдѣніе и храненіе, на собственный ихъ счетъ, всѣ предметы, которые будутъ присланы и сданы въ мѣстѣ, назначенномъ для сего въ Лондонѣ, съ 1-го января по 1-е марта включительно; послѣ же сего дня уже ничего болѣе не будетъ принимемо.

Ея Величество Королева благоволила пожаловать для сей цѣли мѣсто на южной сторонѣ Гайдъ-Парка, между Кенсингтонскою дорогою и аллею, называемою обыкновенно Роттль-Ро.

По предварительному исчисленію, сдѣланному Коммиссарамъ, предполагается выстроить зданіе, покрывающее пространство отъ 16 до 20 акровъ или около одного милліона квадратных футовъ

Произведенія всѣхъ народовъ будутъ выставлены вмѣстѣ, по общему для всѣхъ распредѣленію. Онѣ размѣстятся въ четырехъ отдѣленіяхъ, описаніе коихъ прилагается вмѣстѣ съ общими указаніями для каждаго отдѣла.

Зданіе выставки будетъ несгораемое; выставяющіе пользуются имъ безъ всякой платы.

Сіи послѣдніе обязаны доставить произведенія или издѣлія свои на собственный счетъ и страхъ въ зданіе выставки, а по поступленіи туда они не подвергаются уже болѣе ни какому издержкамъ.

Колоніальныя и чужеземныя произведенія будутъ пропущены на выставку безпошлинно, по подвергнутся платежу пошлины при продажѣ для внутренняго потребленія. Королевское таможенное вѣдомство будетъ считать всѣ присланные изъ чужихъ краевъ на выставку предметы находящимися въ таможенныхъ складахъ, а Коммиссія выставки устроитъ соотвѣтственно тому приемъ сихъ вещей.

Коммиссары желали бы, чтобы мѣстные комитеты выставки, гдѣ таковыя (въ Великобританіи) учредятся, собирали сами денежныя приношенія, поступающія въ предѣлахъ ихъ мѣстности. Они должны публиковать о количествѣ принятыхъ ими денегъ и покрывать всѣ мѣстныя издержки, назначая собирателямъ вознагражденіе, какое сами сочтутъ приличнымъ.

Коммиссары полагаютъ, что подобное-же полное мѣстное устройство слѣдовало-бы распространить по мѣрѣ возможности и на англійскія колоніи.

Приношенія должны поступать къ казначеямъ мѣстныхъ комитетовъ, а отъ нихъ быть переводимы въ Лондонъ, для присовокупленія къ общему капиталу Коммиссін, внесенному въ Англійскій Банкъ, на имена Казначеевъ Коммиссін: А. К. Баркляя, В. Коттона, Баронета Сира Д. В. Люббока, С. М. Пето и Барона Лионеля Ротшильда.

• Отъ 6 до 7 десятковъ.

Коммиссары, принимая на себя полное распоряженіе всѣми деньгами, поступающими въ ихъ вѣдѣніе, распорядились тоже о повѣркѣ счетовъ и о соблюденіи во всемъ строжайшей экономіи.

Коммиссары надѣются, что сумма приношеній, имѣющая поступить въ ихъ распоряженіе, поставитъ ихъ въ возможность назначить довольно умѣренную плату за входъ на выставку, чтобы сдѣлать ее доступною лицамъ всѣхъ состояній.

Если и за доставленіемъ выставляющимъ всевозможныхъ удобствъ, а посѣтителямъ всякаго облегченія, окажется какой-либо денежный остатокъ, то коммиссары предполагаютъ обратить таковой на предметы, имѣющіе прямую связь съ цѣлью предстоящей выставки, пли-же на устройство подобныхъ въ послѣдствіи.

Сколь-бы ни было пространно предполагаемое зданіе, но количество предметовъ, которые будутъ присланы на выставку, вѣроятно, превзойдетъ всякой размѣръ помѣщенія, присвоеннаго онымъ, почему коммиссары и предоставляютъ себѣ полное право отклоненія и выбора. Конечно пространство, которымъ они будутъ въ состояніи располагать, опредѣлится суммною ожидаемыхъ приношеній, но во всякомъ случаѣ они должны будутъ поступать въ этомъ отношеніи по своему благоусмотрѣнію.

Коммиссары желали бы равномерно, чтобы мѣстные комитеты доставляли имъ какъ можно ранѣе общія вѣдомости или списки предметовъ, имѣющихъ быть представленными на выставку изъ ихъ округовъ, съ показаніемъ пространства, требующагося для помѣщенія тѣхъ предметовъ, дабы поставить коммиссаровъ въ возможность опредѣлить заблаговременно объемъ и размѣръ зданія.

Коммиссары вошли въ сношеніе съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ о средствахъ извѣщенія чужестранныхъ правительствъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ по сей выставкѣ.

Коммиссары рассматриваютъ теперь основанія, на коихъ имѣетъ быть распределена сумма 20,000 фунтовъ стерлинговъ, предназначаемая для наградъ, и изыскиваютъ лучшій способъ присужденія оныхъ.

Въ случаѣ, если-бы мѣстные комитеты потребовали какихъ-либо дальнѣйшихъ объясненій, оныя могутъ обращаться по сему къ секретарямъ Коммиссіи, которая поставитъ себѣ за

удовольствіе удовлетворять ихъ желанію по мѣрѣ возможности.

21 февраля 1850 г.

II.

Коммиссары Ея Величества по учрежденію выставки произведеній промышленности всѣхъ народовъ, имѣющей быть въ Лондонѣ въ будущемъ 1851 году, по тщательномъ соображеніи мѣръ, относящихся къ допущенію на выставку иностранныхъ произведеній, положили обнародовать нижеслѣдующее объявленіе къ свѣдѣнію и для руководства иностранныхъ участниковъ въ оной.

Коммиссары уже увѣдомляли, что, не взвѣсивъ на огромность зданія, которое предположено построить, имъ непремѣнно должно быть предоставлено право, по собственному усмотрѣнію принимать или не допускать доставляемые на выставку предметы.

Необходимость принять нѣкоторыя мѣры для ограниченія объема и опредѣленія характера выставки столь очевидна, что не требуетъ дальнѣйшаго объясненія; но образъ примѣненія вышеупомянутаго права, въ особенности къ произведеніямъ чужихъ странъ, есть предметъ, требующій весьма тщательнаго соображенія.

Коммиссары не скрываютъ, что желательнѣе предупредить, по мѣрѣ возможности, присылку сюда такихъ предметовъ, которые не могутъ быть допущены, нежели отвергать оныя по прибытіи ихъ въ Лондонъ.

Они равномѣрно чувствуютъ, что щекотливая и отвѣтственная обязанность рѣшать допущеніе или устраниеніе предметовъ, предназначаемыхъ на выставку иностранными участниками, отнюдь не должна быть возложена на какое-либо англійское судилище, но слѣдуетъ предоставить оную такому мѣсту, которое, пользуясь довѣріемъ самихъ участниковъ, отнюдь не подвержено подозрѣнію въ національномъ пристрастіи. Посему они намѣрены допускать на выставку только тѣ изъ иностранныхъ произведеній, которыя къ нимъ будутъ присланы центральными коммиссіями (какого бы рода оныя ни были) разныхъ странъ. Они положили доставить каждый центральной коммиссіи свѣдѣніе о пространствѣ, которое можетъ быть отведено для помѣщенія произведеній той страны, за которую она дѣйствуетъ, и намѣрены также сообщать

условія и ограниченія, которыя отъ времени до времени опредѣлены будутъ относительно пріема вещей. Всѣ предметы, присылаемые таковыми центральными комиссіями, будутъ приниматься на выставку, если только для помѣщенія оныхъ не потребуются большаго пространства, нежели какое первоначально опредѣлено для произведеній страны, изъ коей оныя посылаются, а равно и если пріемъ оныхъ не нарушаетъ условій и ограниченій, о коихъ доставлено было надлежащее свидѣіе. Центральной комиссіи каждой страны предоставляется предварительное обсужденіе и опредѣленіе достоинства произведеній, доставляемыхъ на выставку, а равно и пожеланіе о томъ, чтобы посылаемые вещи сколько возможно точнѣе изображали характеръ промышленности въ той землѣ.

Комиссары Ея Величества будутъ во всякомъ случаѣ призывать ту центральную комиссію, которую уважаетъ и имѣетъ правительство страны. Вступивъ въ сношеніе съ таковою комиссіею въ какой-либо странѣ, они должны рѣшительно и совершенно отключить всякое сношеніе съ частными и неполномоченными лицами, и если какое-либо сообщеніе сего рода будетъ къ нимъ пришло, то они только могутъ препроводить оное въ центральную комиссію. Постановленіе сіе необходимо для того, чтобы предупредить замѣшательства.

Извѣстія изъ иностранныхъ произведеній и издѣлій, кому-бы оныя ни принадлежали и гдѣ-бы оныя ни находились, не могутъ быть допущены на выставку иначе, какъ только тогда, когда посылаются съ дозволеніемъ центральной комиссіи той страны, произведенія коей они составляютъ. Комиссары не настаиваютъ на томъ, чтобы предназначенныя на выставку предметы непременно были препровождены самою центральною комиссіею, хотя и полагаютъ, что сей способъ былъ бы удовлетворительнѣе всякаго другаго. Во всякомъ случаѣ однакожь необходимо, чтобы таковая отправка была предпринята не иначе, какъ съ явочнымъ разрѣшеніемъ комиссіи и подъ ея отвѣтственностію въ томъ, что посылаемые издѣлія действительно годны на выставку, и что оныя посылаются въ количествѣ, не превышающемъ того, которое можетъ быть помѣщено въ пространство, назначенное для произведеній той страны.

Относительно объема отводимаго помѣщенія, комиссары предполагаютъ войти въ предварительное сношеніе съ правительствомъ каждой страны. Очевидно, что такое опредѣленіе

но пространства во всякомъ случаѣ крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что при семъ комиссары должны принимать въ соображеніе, не только обширность и народонаселеніе каждой страны, но свойства предметовъ, оною производимыхъ, и количество оныхъ, которое, вѣроятно, прислано будетъ, при чемъ естественно, въ числѣ разныхъ другихъ соображеній, возникаетъ и вопросъ о близости и удобствахъ доставки въ Англію. Присылаемыя произведенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ будутъ громоздки и потребуютъ болѣе мѣста, чѣмъ издѣлія, ожидаемыя изъ другихъ странъ, хотя сіи послѣднія могутъ оказаться несравненно драгоценнѣе первыхъ. Такимъ-образомъ невозможно, безъ полученія надлежащихъ свидѣній изъ каждой страны, опредѣлить по сему предмету непреложныя правила. За всѣмъ тѣмъ комиссары признаютъ, что лучше вынѣ-же сообщить дѣйствіямъ своимъ опредѣленное и по возможности положительное направленіе, постановленіемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ, хотя и произвольныхъ правилъ, нежели отложить сію мѣру до полученія надлежащихъ свидѣній, на собраніе коихъ потребуется долгое время; по сему они положили назначить одну половину всего находившагося въ ихъ распоряженіи пространства подъ помѣщеніе произведеній Великобританіи и ея колоній, а другую половину раздѣлить между прочими народами свѣта, извѣстивъ при томъ отдѣльно каждую страну о величинѣ помѣщенія, нынѣ для ея произведеній предназначеннаго, и требуя свидѣнія о томъ, какинъ именно образомъ предполагается наполнить помѣщенное пространство. Въ случаѣ, если центральная комиссія какой-либо страны признаетъ отведенное для произведеній оной помѣщеніе слишкомъ великимъ, то комиссары просятъ о сообщеніи имъ сего мнѣнія, ибо очевидно, что едва ли будетъ прилично, оставлять порожнія пространства въ участкѣ, назначенномъ для произведенія какой-либо страны. Если же напротивъ того для какой-либо страны потребуется мѣста болѣе, чѣмъ предположено, то и о семъ надлежитъ уведомить комиссаровъ, ибо тогда они могутъ быть въ состояніи назначить добавочное помѣщеніе, въ особенности при полученіи изъ другихъ странъ свидѣнія о томъ, что часть отведеннаго онымъ мѣста останется незанятою.

Комиссары тщательно соображали вопросъ, будетъ ли удобно подраздѣлить все помѣщеніе на части, и указать оныя особымъ странамъ, предоставивъ каждой расположить въ предѣлахъ своего участка всѣ свои произведенія. Они оста-

ются однакоже при прежнемъ своемъ заключеніи о несоотвѣтственности сего порядка, ибо гораздо полезнѣе помѣстить на выставкѣ произведенія всѣхъ странъ вмѣстѣ, соотвѣтственно издавпной комиссарамъ классификаціи предметовъ, и съ особымъ подраздѣленіемъ по странамъ въ каждомъ отдѣленіи. Они полагаютъ, что дѣйствіе, которое должна произвести выставка, — представляя при одномъ взглядѣ точку совершенства, коей достигли смысленность и изобрѣтательность чело-вѣка въ каждомъ разрядѣ полезныхъ искусствъ — существенно ослабится, если плоды промышленности различныхъ народовъ по каждой отрасли производства будутъ разбросаны на большомъ пространствѣ, вмѣсто предполагаемаго совокупнаго ихъ размѣщенія. Посѣтитель получить весьма несоотвѣтственное понятіе о степени совершенства до коей нынѣ доведенъ какой-либо родъ мануфактурныхъ издѣлій, видя предъ собою произведенія лишь одного народа. При томъ, въ столь обширномъ строеніи, у него не останется силъ идти изъ какого-либо особаго разряда выставки одной націи въ соотвѣтствующіе разряды выставокъ всѣхъ прочихъ народовъ, для общаго ихъ сравненія; а равно, если произведенія одного рода всѣхъ народовъ не будутъ выставлены совокупно, то весьма трудно будетъ рѣшить, которому слѣдуетъ отдать преимущество. Различныя части выставки будутъ посѣщаемы въ разные дни, и впечатлѣнія, произведенныя какого-либо рода издѣліями одной страны, были бы уничтожаемы впечатлѣніями, порождаемыми соотвѣтственными произведеніями другой страны. Такое раздѣленіе выставки причинило бы также не мало затрудненій относительно опредѣленія наградъ, и сверхъ-того, могло бы легко подать поводъ къ обвиненіямъ въ недоброжелательствѣ или особомъ благопріятствованіи въ распредѣленіи мѣстъ, указываемыхъ каждой странѣ.

При размѣщеніи поступающихъ на выставку разнообразныхъ предметовъ, потребуются соблюденіе различныхъ условій относительно пространства, освѣщенія и разныхъ другихъ подробностей. Въ семъ отношеніи, если-бы оставленное для какой-либо страны мѣсто оказалось менѣе выгоднымъ, чѣмъ назначенное для другой, могутъ немедленно возникнуть жалобы, тогда какъ при помѣщеніи всѣхъ однородныхъ произведеній вмѣстѣ, всѣ страны воспользуются равными выгодами, и каждый предметъ будетъ помѣщенъ въ той части строенія, которая наиболѣе соотвѣтствовать будетъ потребности произведеній того рода. Посему комиссары привужде-

ны предоставить себѣ неограниченное право распределенія и размѣщенія всѣхъ поступающихъ предметовъ, по собственному своему усмотрѣнiю. Они постараются, по мѣрѣ возможности, устроить каждое отдѣленіе выставки такъ, чтобы принадлежащія къ оному произведенія сохраняли нѣкоторый видъ національности, не смѣшивая произведеній одной страны съ произведеніями другой тамъ, гдѣ цѣль выставки можетъ быть достигнута и безъ сего смѣшенія. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ихъ распоряженія, они берутся цѣлѣмъ мѣсто для помѣщенія произведеній каждой страны, которыя, будучи поставлены вмѣстѣ, заняли бы на выставкѣ пространство, отведенное той странѣ. Нужно однако, чтобы они заблаговременно получали увѣдомленія, какая пропорція мѣста требуется для сырыхъ матеріаловъ, какая для машинъ, какая для мануфактурныхъ, и какая для художественныхъ предметовъ. Свѣдѣнія сіи должны быть доставлены къ тому времени, о которомъ будетъ объявлено каждой странѣ.

Коммиссары прилагаютъ при семъ правила, постановленныя таможеннымъ начальствомъ по предмету пропуска на выставку вещей изъ чужихъ краевъ.

Въ непродолжительномъ времени будетъ обнародовано постановление о присужденіи и раздачѣ награды. Впрочемъ не безполезно предварительно объявить, что во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ возникнетъ совѣстничество между выставящими лицами различныхъ націй, награды будутъ опредѣляемы комитетомъ, составленнымъ изъ Англичанъ и иностранцевъ.

Равномѣрно обнародованы будутъ распоряженія для отвращенія копированія узоровъ или снѣтiя дессейновъ и вообще поддѣлки выставленныхъ мануфактурныхъ издѣлій, въ ущербъ самихъ изобрѣтателей.

14-го марта 1850.

Распоряженія таможеннаго начальства въ Англіи, относительно безпошлиннаго ввоза иностранныхъ и колониальныхъ произведеній, предназначенныхъ на выставку въ 1854 году.

Всѣ произведенія иностранныхъ земель, предназначенныя на выставку, должны быть ввозимы чрезъ одинъ изъ слѣдующихъ портовъ: Лондонъ, Ливерпуль, Бристоль, Гуль, Ньюкастль, Довръ, Фокстонъ, Саутгавитонъ.

Всѣ грузы, ввозимые не самими хозяевами, должны быть адресованы къ агентамъ, которые будутъ определены въ каждомъ портѣ королевскими комиссарамъ для приѣма и по-печенія о таковыхъ грузахъ. Объ пмѣнахъ ихъ будетъ дано знаніе центральнымъ комиссіямъ каждой страны, и изъ нихъ желающіе послать на выставку какіе-либо предметы могутъ избрать того, посредничество коего намѣрены употребить.

Сими агентами приняты будутъ всѣ мѣры для провѣроч-денія посылки въ Лондонѣ подѣ присмотрѣ таможеннаго начальства, не вскрывая ихъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда оныя не будутъ присланы прямо въ лондонскій портъ), и для до-ставки въ томъ же видѣ въ стрѣние, въ коемъ заключающія-ся въ нихъ вещи имѣютъ быть выставлены.

Въ случаѣ ввоза какихъ-либо мѣстъ чрезъ лондонскій портъ, агентъ, къ коему оныя будутъ адресованы, озаботится ихъ приѣмомъ немедленно по прибытіи, и препроводитъ оныя, не вскрывая, въ зданіе выставки.

Для обезпеченія исправной доставки посылокъ, безъ вскры-тія и досмотра, на мѣсто выставки, къ нимъ будутъ прила-гаемы казенныя печати таможеннаго управленія въ томъ пор-тѣ, въ которомъ онѣ будутъ выгружены, чѣмъ обезпечится, какъ частный, такъ и казенный интересъ.

Всѣ произведенія будутъ принимаемы первоначально спол-на и безъ платежа пошлины, а въ-послѣдствіи, если не посту-пятъ въ продажу въ Англіи, будутъ сданы кому слѣдуетъ, для беспошлиннаго-же вывоза обратно. Но если кому-либо угодно будетъ оставить ихъ въ Англіи, то слѣдующая съ нихъ пош-лина должна быть уплачена сполна предъ выпускомъ ихъ изъ зданія выставки, въ коемъ они должны оставаться до самаго ея окончанія.

По надлежащемъ доставленіи посылокъ въ зданіе, гдѣ имѣетъ быть выставка, посылки будутъ вскрываемы и досматривае-мы въ присутствіи хозяина или агента, и поступятъ въ вѣ-дѣніе королевскихъ комиссаровъ, безъ разрѣшенія коихъ онѣ не могутъ быть выпущены изъ зданія выставки.

Всѣ ввозимые въ Англію товары останутся подѣ присмотрѣ таможни, до востребованія оныхъ агентами приславша-го ихъ владѣльца, который въ семъ случаѣ, въ удостовѣре-ніе своихъ правъ, обязанъ представить свидѣтельство о вы-грузкѣ и таковое-же отъ центральной комиссіи въ томъ, что помянутые товары были присланы для выставки.

Классификація произведеній на лондонской выставкѣ, приложенная къ объявленію Коммиссіи 21 февраля.

(Нѣсколько сокращено).

Предметы, поступающіе на лондонскую выставку, будутъ на оной помѣщены въ слѣдующихъ четырехъ главныхъ отдѣленіяхъ:

Первое отдѣленіе будетъ содержать сырые продукты и подготовленные изъ нихъ фабричныя матеріалы — какъ образцы произведеній природы, обрабатываемыхъ промышленностію.

Во второмъ отдѣленіи будутъ помѣщены машины: земледѣльческія, фабричныя, инженерныя, и вообще всѣ механическія изобрѣтенія — какъ образцы орудій, придуманныхъ человѣческимъ умомъ, для дѣйствія на произведенія природы.

Третье отдѣленіе составятъ совершенно оконченныя мануфактурныя издѣлія — какъ образцы того, во что промышленность въ состояніи обратить естественныя произведенія.

Въ четвертомъ отдѣленіи помѣстятся изваянія, модели и произведенія пластики вообще — для показанія вкуса и искусства, изъясненныхъ въ семъ родѣ приженія смыслености.

Такое распредѣленіе предметовъ выставки на четыре главные разряда будетъ вообще соблюдаемо; однако нѣкоторыя вещи, принадлежащія къ одному отдѣленію, могутъ быть помѣщены и въ ипомъ, если сіе будетъ признано необходимымъ, но не иначе, какъ для поясненія одного предмета другимъ.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Сырыя произведенія и матеріалы.

Въ сей отдѣлъ поступятъ всѣ произведенія ископаемаго, растительнаго и животнаго царствъ, или въ совершенно-сыромъ состояніи, или же въ какой-либо степени первоначальной обдѣлки, до обращенія ихъ въ готовое издѣліе (какъ въ III Отдѣленіи).

Разрядъ А). Царство ископаемое.

Сюда принадлежатъ:

а). Первообразныя минеральныя вещества, употребляемыя на металлическихъ заводахъ и фабрикахъ, какъ-то: руды, флюсы и также самородные металлы.

б) Металлургическими производствами полученныя металлы.

в) Металлическіе, подготовленные уже матеріалы, напр. полное, листовое и другихъ видовъ желѣзо, проволока, иѣдь въ листахъ, пряденое золото, пушечная и колокольная иѣдь, бронза, латунь, гартъ и разные другіе сплавы.

г) Вещества, нужныя на химическихъ, на стеклянныхъ, фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и другихъ глиняныхъ вещей фабрикахъ, какъ-то: каменный уголь, антрацитъ, сѣра, хлоръ, разные кислоты, щелочи, соли, земли, глины, пески, фельдшпатъ, краски и т. д.

д) Строительные матеріалы: гранитъ, мраморъ, кирпичъ, цементъ, и т. п.

е) Минералы, служашіе къ растиранію и молотью, къ точенію, къ рѣзбѣ и къ полировкѣ твердыхъ камней, стекла и т. д.

ж) Камни, употребляемые для украшеній.

Желательно, чтобы обдѣланные уже матеріалы были представляемы совокупно съ самыми ископаемыми въ естественномъ ихъ видѣ, дабы такимъ образомъ показать послѣдовательный ходъ ихъ подготовленія къ полезному или пріятному примѣненію для потребностей общежитія. При наблюденіи сего, выставка будетъ содержать указаніе разныхъ способовъ и средствъ для извлеченія и подготовленія, изъ первообразныхъ ископаемыхъ, разнаго рода матеріаловъ къ дальнѣйшимъ производствомъ для полученія произведеній, которыя въ послѣдствіи могутъ быть приспособляемы къ полезному употребленію или къ украшенію.

Предметы, назначаемые для выставки, должны-бы состоять: 1) изъ вещей, достойныхъ вниманія, или по превосходству ихъ, или по новизнѣ употребленія и приспособленія, или же по сбереженію трудовъ и расходовъ при добываніи или изготовленіи ихъ, 2) изъ такихъ предметовъ, которые могутъ служить объясненіемъ какихъ-либо дальнѣйшихъ способовъ фабричнаго производства.

Разрядъ Б). Царство растительнос.

Къ сему разряду принадлежать:

а) Вещества, употребляемыя въ пищу или на приготовленіе оной, какъ-то: 1) сельскія земледѣльческія произведенія: хлѣбныя зерна, шелушные овощи, масляныя сѣмена, 2) сушеные плоды и сѣмена, 3) вещества, служашія для приготовленія напитковъ, 4) пряности и приправы, 5) крахмалъ въ разныхъ видахъ, 6) сахарныя вещества, 7) напитки, полученные по-

средством брожения, и перегнанные спирты, оба изъ необычайныхъ матеріаловъ.

б) Вещества, употребляемая преимуществельно при химическихъ производствахъ и въ медицинѣ, какъ-то: 1) камень въ разныхъ видахъ, 2) смолистыя вещества: смола, бальзамы, смолотамеди, каучукъ, 3) масляныя вещества: летучія масла, высыхающія, равно какъ и невысыхающія жирныя масла, растительныя жиры и воскъ, 4) кислоты, 5) красильныя матеріалы и самыя краски, 6) дубильныя вещества, 7) омыляющія вещи, 8) лекарственныя вещества.

в) Матеріалы, служашіе для строеній, для дѣланія одежды и проч. напр. 1) строевой лѣсъ и мебельныя дерева, въ естественномъ видѣ и окрашенныя, 2) волокнистыя вещества, служашія для дѣланія веревокъ и канатовъ, для тканей на одежду и т. д.

Предметы, которые Комиссія наиболѣе желала бы получить въ числѣ произведеній растительнаго царства, суть тѣ, которые по своей полезности, новизнѣ и практическому примѣненію, могутъ показаться достойнѣйшими вниманія публики. Къ таковымъ принадлежатъ, не только превосходные образцы общеупотребительныхъ веществъ, но и образцы такихъ веществъ, которыя хотя и не были еще нынѣ въ употребленіи, но имѣютъ достовѣрно равныя съ первыми свойства и могутъ замѣнить оныя: красильныя матеріалы, сопровождаемые образцами, показывающими дѣйствія оныхъ; рѣдкія дерева, какъ въ сыромъ, такъ и въ полупрованномъ видѣ, равно какъ и въ ладѣляхъ; матеріалы всякаго рода, годныя къ приготовленію полотня, веревокъ, плетеныхъ вещей, бумаги, и т. и.

Разрядъ В). царство животное.

Сюда принадлежатъ:

а) Вещества, употребляемая въ пищу, какъ напр. мясо, приготовленныя въ прокъ для дальнихъ путешествій, таковыя же супы: сгущенныя питательныя соки, сушеное молоко, сухая студень, рыбій клей, бѣлковина, икра, трепангъ, гнѣзда яванскихъ ласточекъ и подобныя предметы восточной торговли; медъ и приготовленія изъ онаго.

б) Вещества, употребляемая въ медицинѣ, какъ-то: испанскія мухи, мускусъ, бобровая струя, цибетъ, амбра, масло тресковой печени, раковыя жерновки и т. д.

в) Вещества, нужныя для фабричныхъ производствъ, какъ-то: шерсть, шелкъ, мѣха, шкуры, кожи, волосъ, ще-

тина, перья, пузыри, кишки для струнъ, тонкія пленки, употребляемыя сусальщиками, китовый усъ, кость, рогъ, копыта, слоновая кость, (также моржевые клыки), черепаха, жемчугъ, воскъ, спермацетъ, сало, жиры, животныя масла, клей мездринный и рыбій, студень, животный уголь, чернь изъ простой и изъ слоновой кости, и т. д.

г) Красильныя вещества и краски, напр. кошениль, карминъ, и т. д.

Въ семь, какъ и въ предыдущемъ разрядѣ, могутъ иногда быть представляемы, для объясненія производствъ въ подготовленіи, совокупно съ готовыми матеріалами и самымъ сырымъ вещества, а въ иныхъ случаяхъ можетъ быть приложено и совершенно оконченное издѣліе, въ видѣ результата цѣлаго ряда подготовительныхъ пріемовъ и преобразованій.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Машины и инструменты.

Въ семь отдѣлъ будутъ помѣщены машины, орудія, инструменты и приборы, служащіе или для непосредственнаго какого-либо дѣйствія, или для употребленія при работываніи разныхъ сырыхъ веществъ и матеріаловъ въ фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ. Сверхъ того модели механическихъ устройствъ при разныхъ постройкахъ.

Разрядъ А). Машины для непосредственнаго примѣненія.

Сюда принадлежатъ:

а) Двигатели, какъ-то: паровыя и гидравлическія машины, водяныя колеса, вѣтренныя мельницы, и т. д.

б) Отдѣльныя механическія части, напр. зубчатые колеса, машинные ремни, и т. п.

в) Машины для водъема и для подвигиванія, напр. насосы, пожарныя трубы, краны, гидравлическіе прессы, механизмы для судоходства и пр.; всякаго рода элеваторы и новозки.

г) Приборы для взвѣшиванія, измѣренія и регистраціи, какъ-то: вѣсы всякаго рода, приборы для измѣренія длины и вѣстности, для отысканія измѣненій въ атмосферѣ и другихъ происшествій въ природѣ, морскаго прилива и т. п., анемометры, динамометры, числительныя и копировальныя машины и т. д.; всякаго рода часы, включая хронометры.

д) Инструменты и приборы различного рода, напр. всякаго рода математическіе и физическіе инструменты, рисовальныя и гравирныя, всякіе музыкальныя, акустическіе, равно и хирургическіе инструменты; замки и пр.

е) Орудія, ружья, пистолеты, со всѣмъ приборомъ.

ж) Земледѣльческія, хозяйственныя и садовническія всякія орудія: плуги, сѣяльныя и молотильныя машины, вѣялки, соломорѣзы и т. д.

Нѣкоторыя изъ машинъ сего разряда могутъ быть показываемы въ ходу или дѣйствіи, если представится возможность сдѣлать надлежащія для того устройства.

Разрядъ Б). Машины для мануфактурныхъ производствъ.

Въ сей разрядъ входятъ:

а) Машины для изготовленія изъ сырыхъ матеріаловъ всякаго рода пряженыхъ, тканыхъ, валяныхъ и кладеныхъ издѣлій, какъ-то: бумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шелковыхъ, волосяныхъ и каучуковыхъ; также для печатанія.

б) Машины для обработыванія металловъ на металлическихъ заводахъ, начиная съ руды до готовыхъ заводскихъ издѣлій.

в) Машины и приборы для дальнѣйшей обработки металловъ въ многочисленнѣйшія фабричныя издѣлія.

г) Машины и орудія для обдѣлки разныхъ минеральныхъ, не металлическихъ веществъ, напр. камней.

д) Машины для обработки дерева вообще и мельницы для крашенія красильныхъ растительныхъ веществъ.

е) Орудія для обдѣлыванія животныхъ веществъ: рога, кости, кожи и т. д.

ж) Машины для пивоваренныхъ, винокуренныхъ и химическихъ заводовъ.

Хотя при размѣщеніи на выставкѣ машинъ сего разряда признано вообще за лучшее отдѣлать произведенія отъ произволящихъ оныя механическихъ приборовъ, но завсѣмъ тѣмъ послѣдніе должны бы всегда быть сопровождаемы достаточными образцами сыраго матеріала въ разныхъ степеняхъ его обработки, а равно и образцемъ оконченнаго издѣлія, для поясненія такимъ образомъ дѣйствія самыхъ машинъ.

Полныя наборы инструментовъ и механическихъ приборовъ, принадлежащихъ къ производству какого бы то ни

было общепотребительнаго предмета, какъ-то: пуговицы, иглы, часовъ, съ присовокупленіемъ образцовъ таковыхъ готовыхъ предметовъ и частей оныхъ, въ различныхъ степеняхъ отделки, столь поучительны и интересны, что весьма желательна бы было имѣть нѣсколько таковыхъ наборовъ на предстоящей выставкѣ.

Разрядъ В). Модели архитектурныхъ инженерныхъ построекъ.

Въ семъ разрядѣ, посредствомъ моделей представится примѣненіе механическихъ вымысловъ къ разнымъ постройкамъ, напр. крышъ большаго размѣра, мостовъ, вѣддуктовъ, корабельныхъ доковъ и верфей, шлюзовъ, гаваней, пристаней, маяковъ, взлетныхъ и проч.

ОТДѢЛЕНИЕ III.

Мануфактурныя и ремесленныя издѣлія.

Въ семъ отдѣлѣ будутъ помѣщены всѣ мануфактурныя и ремесленныя издѣлія въ совершенно оконченномъ видѣ, готовые къ употребленію, какъ-то:

а) Издѣлія: 1) пряленныя и тканыя: а) изъ льна, пеньки, хлопчатой бумаги и другихъ растительныхъ волоконъ, какъ-то: пряжа льняная: пеньковая, бумажная; полотна и бумажныя ткани всякія, даже клеенки, набойки и ситцы, б) изъ шерсти и шелка, т. е. всѣ шерстяныя и шелковыя ткани, 2) валяныя изъ шерсти, пуха, волоса: войлоки, шляпы и пр. 3) кланденыя изъ растительныхъ волоконъ: писчая и всякая другая бумага, обои и пр.

б) Металлическія всякаго рода издѣлія.

в) Издѣлія изъ стекла, фарфора, фаянса и глиняныхъ составовъ вообще.

г) Всякаго рода вещи изъ дерева и изъ растительныхъ волоконъ, напр. цыновки, рогожи и другія лыковыя издѣлія, особенно-же изъ пеньки: веревки и канаты, изъ соломы, изъ каучука, изъ гутта-перчи и д.

д) Издѣлія изъ кожи, кости, рога, черепахи, волоса, щетины, перьевъ и другихъ животныхъ веществъ.

е) Разный мелкій товаръ, напр. искусственные цвѣты, зонтики, игрушки и т. д., также химическіе составы и дру-

гія вещи, какъ-то: мыло, сургучъ, облатки, конфекты, свѣчи и т. д.

Въ семь отдѣленій будутъ помѣщены и образцовые рисунки для разныхъ издѣлій.

Статьи, поступающія въ сіе отдѣленіе выставки, должны отличаться однимъ или нѣсколькими изъ нижеслѣдующихъ свойствъ:

1) Возвышенною полезностію, какъ-то: прочностію красокъ, усовершенствованіемъ формъ или улучшеннымъ устройствомъ предметовъ общепотребительныхъ, и проч.

2) Особеннымъ искусствомъ въ отдѣлкѣ, какъ-то: въ вапнякѣ, чеканеніи и т. п.

3) Новымъ примѣненіемъ извѣстныхъ матеріаловъ.

4) Употребленіемъ новыхъ матеріаловъ.

5) Новымъ сочетаніемъ или совокупленіемъ разныхъ матеріаловъ, какъ напр., въ металлическихъ композиціяхъ или сплавахъ и въ гончарныхъ издѣліяхъ.

6) Изящностію въ формѣ, или въ цвѣтѣ, или-же въ обѣихъ вмѣстѣ, имѣя въ виду и полезность.

7) Дешевизною относительно къ превосходству отдѣлки.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Изваянія, модели и произведенія пластики вообще.

Въ сіе отдѣленіе принимаются вещи, выдѣланныя изъ каго-бы то ни было матеріала, если оказываютъ довольно вкуса и искусства для причисленія ихъ къ разряду художественныхъ произведеній.

Онѣ могутъ быть:

а) Художественныя изваянія: 1) изъ металловъ, какъ чистыхъ, напр. золота, серебра, мѣди, желѣза, цинка, такъ и изъ металлическихъ сплавовъ, какъ-то: изъ бронзы, золотистаго серебра и проч.; 2) изъ ископаемыхъ въ естественномъ состояніи, какъ-то: мрамора, простыхъ и драгоценныхъ камней, глины и проч., а равно изъ искусственно-выдѣланныхъ массъ, какъ-то: изъ стекла, фарфора и проч.; 3) изъ дерева и иныхъ растительныхъ веществъ; 4) изъ животныхъ веществъ, какъ-то: кости слоновой и прстой, черепахи, раковины, и т. п.

б) Произведенія рѣзаного и гравировальнаго искусства.

в) Архитектурныя украшенія, или составляющія части здания, напр., рельефныя или расписныя, или-же прикладныя, напр., изъ цвѣтнаго стекла, ковровъ.

г) Мозаическая и вѣзная работа: въ камнѣ, въ плиткахъ въ остеклованныхъ составахъ въ деревѣ, въ металлѣ.

д) Фивнотыныя работы: на металахъ, на фарфорѣ, на стеклѣ.

е) Матеріалы и способы производства, удобопримѣнимые къ изящнымъ искусствамъ вообще, такъ-то: художественное печатаніе, печатаніе красками, и проч.

ж) Модели архитектурныя, топографическія, анатомическія.

Представляемые предметы должны быть работы художниковъ, находящихся нынѣ въ живыхъ.

Картины, писанныя масляными и водяными красками, рисунками и гравировками, будутъ принимаемы на выставку иначе, какъ въ видѣ показанія новыхъ матеріаловъ и способовъ производства; портретныя бюсты вовсе не будутъ приняты.

УСЛОВІЯ И ОГРАНИЧЕНІЯ.

Никакіе спирты, вина и другіе броженіемъ полученные напитки, кромѣ приготовляемыхъ изъ необыкновенныхъ веществъ, не принимаются на выставку, исключая особые случаи и съ особыми ограниченіями. Представляемые на выставку масла, спиртовыя жидкости, и т. п. должны быть въ хорошо укупорежныхъ стеклянныхъ сосудахъ.

Всѣ удобовозгарающіяся вещества, такъ-то: порохъ, ударныя составы, зажигательныя спички и т. п., а равно всякія живыя животныя и предметы, могущіе подвергнутыя порчѣ въ продолженіе выставки, принимаются не иначе, какъ въ видѣ частнаго исключенія.

— Отъ тойже комиссіи объявлено слѣдующее:

Высочайше-утвержденная Комиссія, въ свидѣствіе сношенія съ Лондонскою Комиссіею, объявляетъ, что Королевскіе Комиссары, принимая въ расчетъ закрытіе навигаціи въ сѣверныхъ портахъ Россіи во все время, назначенное для пріема произведеній на выставку, положили принимать произведенія, препровождаемыя Высочайше-учрежденною Комиссіею, въ теченіе осени 1850 г., и на этотъ конецъ въ Лондонѣ будетъ отведено приличное складочное мѣсто для временнаго помѣщенія оныхъ. Произведенія, которыя не поспѣли-бы къ сроку, назначенному для пріемки оныхъ въ С.-Петербургскую Комиссію, могутъ быть

отсылаемы въ одесскую, которуя опредѣлила окончательный срокъ для пріема 1-го октября.

Вѣсть съ симъ Высочайше-учрежденная Коммиссія пужнымъ считаетъ довести до общаго свѣдѣнія нѣкоторыя подробности о распоряженіяхъ лондонской Коммиссіи, заключающіяся во вновь-изданныхъ ею объявленіяхъ, и служащія дополненіемъ тѣмъ, которыя уже обнародованы.

Зданіе для выставки предположено построить въ одинъ этажъ, съ освѣщеніемъ преимущественно сверху, чрезъ крышу.

Королевская Коммиссія считаетъ нужнымъ объявить, что хотя съ ея стороны будетъ приложено самое ревностное стараніе къ устройству зданія такъ, чтобы оно сколь возможно менѣе было подвержено опасности отъ пожара, совсѣмъ тѣмъ, принимая въ соображеніе его обширность, едва-ли будетъ возможно сдѣлать оное совершенно несгораемымъ, и хотя дѣйствительнѣйшія мѣры предосторожности будутъ приняты для предупрежденія и погашенія огня, однако-же Коммиссія не можетъ принять на себя ответственности за убытки, которые могутъ произойти отъ такого несчастія, или всякаго другаго, вѣ ея власти находящагося случая. Посему каждый можетъ по собственному произволу и на свой счетъ страховать посылаемые на выставку издѣлія.

Каждому производителю, приславшему на выставку такія издѣлія, которыя, соотвѣтственно объявленной предъ симъ классификаціи, могутъ быть выставлены совокупно въ одномъ мѣстѣ, дозволяется расположить оныя по собственнымъ видамъ и вкусу; если такое размѣщеніе не будетъ помѣхою для другихъ участниковъ или для публики, то порядокъ оныхъ не будетъ разстроенъ. Равноотрно, если будетъ изъявлено желаніе выставить вмѣстѣ произведенія какого-либо города или округа, то таковыя произведенія, будучи признаны однородными, могутъ быть выставлены вмѣстѣ. Само-собою разумѣется, что для таковой совокупной выставки, опредѣленіе свойства и однородности предметовъ во всякомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ комиссаровъ.

Если будетъ изъявлено желаніе представить на выставкѣ различные способы мануфактурнаго производства, то могутъ быть допущены и разнородные предметы; но количество ихъ должно ограничиваться дѣйствительною потребностію.

Во всехъ случаяхъ, въ коихъ произведенія одного лица будутъ выставлены вмѣстѣ, желанія его относительно обращенія съ ними будутъ, по возможности, исполняемы; но если на сіе потребуются какія-либо особыя или дополнительные издержки, то расходы сего рода не принимаются на иждивеніе Коммиссіи и должны быть производимы собственными средствами выставяющихъ. Стеклянные колапки, рампы, подставки особаго вида и устройства, и вообще все подобныя принадлежности, служащія для сохраненія, украшенія или выгоднѣйшаго представленія присланныхъ на выставку предметовъ, должны быть присылаемы самими владѣльцами, на собственный ихъ счетъ.

Королевская Коммиссія озаботится о средствахъ къ общей безопасности и соблюденію полицейскаго порядка на выставкѣ.

Если кто-либо изъ выставяющихъ пожелаетъ имѣть при своихъ издѣліяхъ собственнаго повѣреннаго, для уборки, содержанія въ порядкѣ, или показыванія оныхъ посетителямъ, то на сіе можетъ получить позволеніе отъ комиссаровъ. Всѣмъ таковымъ лицамъ однакожь воспрещается приглашать посетителей къ покупкѣ товаровъ, принадлежащихъ ихъ хозяевамъ; за всякое отступленіе отъ сего правила, они подвергаются удаленію изъ зданія выставки, цѣль коей состоитъ единственно въ представленіи издѣлій, а не въ продажѣ оныхъ.

На выставяемыхъ предметахъ не слѣдуетъ означать цѣнъ; но какъ фабричная цѣна, въ которую обходится издѣліе, будетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принята въ соображеніе при опредѣленіи наградъ, то комиссары, или лица, коимъ поручено будетъ присужденіе оныхъ, сами потребуютъ объясненій и показаній по сему предмету; тѣмъ не менше Коммиссія полагаетъ несоотвѣтственнымъ прикреплять къ издѣліямъ билеты, съ показаніемъ на оныхъ цѣнъ. Если достоинство нѣкоторыхъ предметовъ заключаться будетъ собственно въ ихъ дешевизнѣ, то производитель долженъ означить имъ цѣну на фактурѣ, доставляемой комиссарамъ.

Цѣли выставки могутъ соответствовать только такія произведенія челоѳической смышленности, которыя могутъ оставаться невредимыми въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Постановленіе о наградахъ.

Королевская Коммиссія, по разсмотрѣніи предмета о назначеніи наградъ по предстоящей выставкѣ произведеній всѣхъ народовъ, положила немедленно принять мѣры къ изготовленію медалей различной величины и значенія, основываясь на мнѣніи, что знаки отличія сего рода вообще и наиболѣе соответствуютъ предположенной цѣли. Коммиссія намѣрена просить содѣйствія знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ къ изготовленію сихъ медалей, въ надеждѣ, что онѣ будутъ признаны драгоценными, не только какъ произведенія искусства, въ высшей степени изящныя, но и какъ достойныя памятники отличія по сей выставкѣ. Она рѣшилась избрать бронзу матеріаломъ для сихъ медалей, по тому уваженію, что на семь металлъ художникъ можетъ выказать высшую степень изобрѣтательности и совершенства въ медальерномъ искусствѣ, а равно потому, что бронза преимущественно пригодна для утѣковченія памяти о сей выставкѣ.

Относительно образа назначенія и раздачи наградъ, Коммиссары полагаютъ необходимымъ предварительно опредѣлить довольно точныя правила въ руководство присяжнымъ, коимъ окончательно будетъ вѣрена сія обязанность. Между тѣмъ достаточно будетъ указать главнѣйшія данныя, съ коими, вѣроятно, необходимо будетъ соображаться при назначеніи наградъ за успешное состязаніе по различнымъ частямъ выставки.

На-примѣръ, по отдѣленію сырыхъ продуктовъ и матеріаловъ, награды будутъ присуждаемы по соображенію цѣнности и важности предмета съ высшею степенью доброты выставленныхъ образцовъ; въ отношеніи-же приготовленныхъ матеріаловъ, къ сему разряду принадлежащихъ, совѣтами присяжныхъ (juries) будутъ приняты въ соображеніе новизна и важность приготовленнаго продукта, а равно высшая степень смысленности и ловкости, выказанныя въ способъ производства.

По отдѣленію машинъ, выдача наградъ будетъ опредѣляема по соображенію новости изобрѣтенія, превосходства въ исполненіи, увеличенія производящей силы и сбереженія въ употребленіи представленнаго на выставку предмета. При семъ равно будутъ приняты въ уваженіе и важность уло-

требленія, на которое произведеніе предназначается, въ общественномъ или всякомъ иномъ отношеніи, и совокупность препятствій и затрудненій, которыя нужно было преодолеть для доведенія изобрѣтенія до высшей степени совершенства.

По отдѣленію мануфактурныхъ издѣлій, награды присуждаемы будутъ преимущественно за тѣ вещи, въ коихъ окажутся въ высшей степени качества и условія, исчисленныя въ обнародованномъ предъ симъ распределительномъ спискѣ.

По отдѣленію пластическихъ искусствъ, моделей, изваяній и т. п., награды будутъ опредѣляемы соответственно изящности и оригинальности выставленныхъ образцовъ, совершенству въ способѣ производства и отдѣлки, примѣненію художества къ промышленности, и въ отношеніи къ моделямъ, сообразно съ болѣею или мѣнѣею важностію предмета, къ которому относятся.

Изъ сихъ общихъ указаній достаточно яствуется желаніе комиссаровъ, сдѣлать награды, по возможности, доступными по каждому предмету, къ какому-бы разряду выставки оный ни принадлежалъ, если только въ немъ свѣдущими судьями будетъ признано превосходство предъ другими съ нимъ однородными предметами, въ чемъ-бы превосходство сіе ни заключалось. При избраніи присяжныхъ, (juries) сужденія коихъ окончательны принимаемы будутъ въ руководство при назначеніи наградъ, комиссарами приложено будетъ всевозможное стараніе о назначеніи въ сію должность людей свѣдущихъ, вполне способныхъ къ произнесенію правильныхъ сужденій, на которыхъ не можетъ быть подозрѣнія въ національномъ или личномъ пристрастіи, (почему совѣты присяжныхъ и будутъ составляемы частію изъ Англичанъ, а частію изъ иностранцевъ), и которые не усомнятся признать и оцѣнить заслуги, гдѣ-бы оныя ни были находимы, и какимъ-бы путемъ ни проявились. Имѣя особъ, которыя поступятъ въ составъ сихъ совѣтовъ, будутъ обнародованы по мѣрѣ ихъ избранія и опредѣленія.

На предложенный королевскимъ комиссарамъ вопросъ о личности особъ, коимъ дано будетъ право участвовать въ выставкѣ и получать по оной награды, они считаютъ долгомъ утѣдомить, что вообще всѣмъ, какъ изобрѣтателямъ, такъ и производителямъ или хозяевамъ всякихъ предметовъ или произведеній, дозволено выставять оныя, безъ цѣнре-

вышшаго обязательства представить свидетельства о званіи или качествахъ, въ коихъ они участвуютъ въ выставкѣ. При опредѣленіи наградъ, присяжнымъ однако-же вѣнится въ обязанность, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принимать въ соображеніе, въ какой мѣрѣ различные элементы достоинства заслуживаютъ отличія, и подлежитъ-ли выдать награду предъявителю предмета, безъ предварительнаго осведомленія, въ какомъ званіи или качествахъ онъ является.

Въ заключеніе комиссары объявляютъ, что обнаруживъ намѣреніе выдавать въ награду медали, они отнюдь не имѣютъ въ виду совершенно исключить денежные возмездія, какъ за отличіе въ успѣшномъ состязаніи, такъ и въ особыхъ случаяхъ, въ видѣ дополненій къ почетной наградѣ медалью. Весьма легко могутъ встрѣтиться обстоятельства, въ коихъ, по уваженію состоянія или мѣста, занимаемаго достойнымъ соискателемъ въ обществѣ, (какъ напримѣръ, если онъ принадлежитъ къ рабочему классу), присужденіе денежной суммы можетъ оказаться наградой, наиболее приличною и соответственной заслугамъ выставяющаго; а равно въ другихъ особыхъ и исключительныхъ случаяхъ, въ коихъ, по уваженію расходовъ, понесенныхъ производителемъ при изготовленіи или обработкѣ какого-либо произведенія, признаннаго достойнымъ награды, сопряженныхъ притомъ съ причинами, относящимися къ положенію и денежнымъ средствамъ его владѣльца или производителя, не лишнимъ будетъ присовокуплять денежные возмездія къ почетнымъ наградамъ за отличіе. Въ семъ отношеніи комиссары еще не въ состояніи опредѣлить положительныхъ правилъ, но полагаютъ, что неизбѣжно будетъ предоставить обширную власть совѣтамъ присяжныхъ по предмету присужденія денежныхъ возмездій или пособій, въ дополненіе къ почетнымъ наградамъ. Само собою разумѣется, что такая власть будетъ предоставлена лишь подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ королевскихъ комиссаровъ.

Комиссары займутся дальнѣйшимъ обсужденіемъ сего вопроса, когда будутъ въ состояніи вычислить расходы, потребныя на гравировку штемпелей и изготовленіе установленныхъ медалей.

Въ заключеніе Королевская Комиссія приглашаетъ художниковъ всѣхъ странъ къ состязанію по изготовленію медалей, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Нужно вырвать бронзовыя медали трехъ величинъ, съ разными изображеніями.

2) На верхней сторонѣ сихъ медалей, для коей не требуется рисунковъ, будутъ изображенія Ея Величества Королевы и Его Королевскаго Высочества Принца Алберта, изготовленныя въ Англіи.

3) Три приза, каждый во 100 фунт. стер., назначаются за три рисунка (designs) для оборота или реверса медали, которые будутъ признаны превосходнѣйшими и наиболее ответственными предмету.

4) Три приза, каждый въ 50 ф. ст., назначаются за три рисунка, которые окажутся лучшими изъ числа непринятыхъ.

5) Нижнія поверхности медалей должны представлять эмблематическія изображенія, относящіяся къ предмету выставки, или свидетельства отличія за успешное въ оной участіе.

6) Рисунки медалей (designs) надлежитъ присылать къ секретарямъ Комиссін не позже 1 іюня 1850 г. Они должны быть діаметромъ въ 9 дюймовъ и исполнены въ рельефъ изъ парижской гипсовой массы (plaster of Paris).

7) Надлежитъ оставлять на нихъ небольшое мѣсто для краткой надписи.

8) Художникамъ не воспрещается вступать въ состязаніе по всемъ тремъ медалямъ.

9) Имя художника должно быть прислано въ запечатанномъ конвертѣ, прикрѣпленномъ къ сочиненію имъ проекту медали. Конвертъ сей вскрывается не прежде, какъ по произнесеніи комиссарамъ рѣшенія относительно принятія медали и присужденія приза.

10) Комиссарамъ предоставлено право произнести рѣшеніе и принимать по собственному усмотрѣнію окончательныя мѣры къ послѣдующему изготовленію штемпелей, по удостоеннымъ проектамъ медалей.

— Отъ Главнаго Комитета для распоряженій по выставкѣ сельскихъ произведеній, учреждаемой Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ С. Петербургъ въ 1850 году, объявлено слѣдующее: Правила выставки, учреждаемой съ Высочайшаго соизволенія, и общій циркуляръ съ приглашеніемъ къ участію въ оной, препровождены, по принадлежности, къ лицамъ и въ

иства: Высшаго Государственнаго Управленія и различа ведомства, членамъ Вольнаго Экономическаго Общества и лицамъ всѣхъ сословій, отъ которыхъ можно ожидать прямаго участія въ этомъ общеплезномъ дѣлѣ.

Нынѣ, при дальнѣйшемъ развитіи мѣръ и распоряженій по выставкѣ со стороны Комитета, а также во вниманіе поступающихъ изъ губерній весьма благопріятныхъ извѣщеній, общающихся усилъхъ этому предпріятію Общества, Комитетъ считаетъ нужнымъ сообщить во всеобщее извѣстіе о нѣкоторыхъ новыхъ постановленіяхъ, и указать на тѣ свѣдѣнія и справки, которыя ему необходимы для систематической разстановки предметовъ на выставкѣ и для составленія рациональнаго каталога.

По этому Комитетъ сообщаетъ:

1) Что Его Императорское Величество соизволило на занятіе манежа Лейб-Гвардіи Коннаго полка, въ С. Петербургѣ, выставкою сельскихъ произведеній.

2) День открытія выставки назначенъ въ субботу, 2-го сентября сего 1850 года.

3) Въ-слѣдствіе ходатайства Его Императорскаго Высочества Президента Вольнаго Экономическаго Общества объ открытіи въ каждой губерніи особыхъ Комитетовъ для извѣстнаго распоряженія по С. Петербургской выставкѣ сельскихъ произведеній въ текущемъ году, Его Сіятельство Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 31 марта уведомилъ, что онъ, признавая и съ своей стороны учрежденіе, для означенной дѣли, Губернскихъ Комитетовъ выставки полезнымъ, сообщилъ всѣмъ Гг. Гражданскимъ Губернаторамъ циркулярно, отъ 30 марта 1850 года, о приведеніи въ исполненіе означеннаго предположенія. Посему имѣютъ Гг. производители, желающіе доставить на выставку образцы своихъ производствъ, обратиться, по принадлежности, по этому предмету въ Комитетъ выставки той губерніи, къ которой они принадлежатъ.

4) Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ отъ 5-го апрѣля уведомилъ Его Императорское Высочество Президента Вольнаго Экономическаго Общества, что по вниманію просьбы англійскаго правительства о принятіи русскими хозяевами участія въ устраиваемой въ 1851 году въ Лондонѣ всемірной выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства и промышленности, и по разсмотрѣніи сего дѣла въ особомъ Комитетѣ, Его Императорскому Величеству благоуто-

дно было предложено сего Комитета о принятии Россією участія во всемирной выставкѣ удостоить Высочайшаго соизволенія. Для приведенія въ исполненіе Высочайшей воли учреждена въ С. Петербургѣ Центральная Коммиссія. Его Сіятельство Графъ Киселевъ, уведомляя объ этомъ, присовокупляетъ, что желая воспользоваться и этимъ случаемъ къ вѣщему успѣху выставки, учреждаемой Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ С. Петербургѣ въ сентябрь текущаго года, обращено вниманіе хозяевъ на то, что предметы ихъ, которые заслужать особаго вниманія на этой выставкѣ, могутъ быть, по желанію представителей, отправляемы и на выставку въ Лондонъ. Такимъ образомъ для хозяевъ открывается возможность ознакомить съ ихъ произведеніями и отечественную публику и иностранцевъ. Это представляетъ и то удобство, что срокъ С. Петербургской выставки совпадаетъ со временемъ, въ которое образцы нашихъ произведеній должны быть отправлены въ Лондонъ, именно осенью 1850 года, до закрытія навигаціи въ С. Петербургѣ. Издержки по доставленію въ Лондонъ предметовъ, которые будутъ назначены Центральною Коммиссіею въ С. Петербургѣ, будутъ приняты на счетъ казны.

5) Высылаемая на выставку произведенія и относящіяся до оной свѣдѣнія и извѣщенія слѣдуетъ адресовать на имя Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ Редакцію выставки сельскихъ произведеній въ С. Петербургѣ.

6) На основаніи Высочайше-утвержденнаго, 12 сентября 1839 г., положенія Комитета Гг. Министровъ, опубликованнаго 7 октября того же года, § 11, даровано Членамъ и Корреспондентамъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, по Высочайшему соизволенію, право отправлять по почтѣ, безъ платежа въ совоихъ денегъ, корреспонденцію, а равно посылки всомъ до одного пуда.

7) Гг. производители, желающіе представить на выставку предметы ихъ производствъ, приглашаются не оставлять съ своей стороны распоряженіемъ о своевременномъ доставленіи оныхъ, а именно не позже опредѣленныхъ § 37 и § 40 правилъ сроковъ, то есть не позже 15 августа; свѣдѣнія же и извѣщенія по онымъ къ 1 июля, а буде можно и прежде, что весьма облегчило бы пріемъ и разстановку

предметовъ. Самый же приемъ предметовъ будетъ производиться, начиная съ 1-го июля, въ самомъ здании Лейб-Гвардіи Конногвардейскаго манежа, со стороны, обращенной къ казармамъ, съ 11 часовъ утра до 3 часовъ по-полудни.

8) Согласно § 10 правилъ выставки, открыта нынѣ подписка на преміи. Богатые дары, пожертвованные нѣкоторыми лицами, и вообще довольно значительное число назначаемыхъ частныхъ наградъ, служатъ яснымъ доказательствомъ того безкорыстнаго участія, которое принимаетъ публика въ этомъ общемъ для всей Россіи дѣлѣ. Возрастающее количество премій умножаетъ число наградъ, а Комитетъ, располагая усиленными средствами, будетъ въ состояніи наградить съ избыткомъ дѣйствительно хорошіе предметы, представленные на выставку. Посему, если кто-либо еще пожелаетъ поощрить какую-либо отрасль сельскаго хозяйства и промысловъ, то Комитетъ проситъ таковыхъ лицъ не оставить его объ этомъ увѣдомленіемъ для внесенія премій въ особую для сего заведенную книгу и для распубликованія именъ таковыхъ ревнителей русской промышленности.

9) Основываясь на § 12 правилъ выставки, С. Петербургскій Комитетъ выставки приглашаетъ всѣхъ образованныхъ лицъ, желающихъ участвовать въ оной о доставленіи вещей съ предметами, высылаемыми на выставку, а буде можно и *ранѣе* того (что принято будетъ съ благодарностью), разныхъ по онымъ справокъ и показаній, изъ которыхъ необходимы:

I. По всѣмъ вообще высылаемымъ на выставку предметамъ, какаго бы они рода ни были:

а) Имя, отчество, фамилія, званіе, состояніе, мѣсто жительства (именія, села, стана, уѣзда и губерніи) того, кто произвелъ, и мѣстности, гдѣ произведенъ предметъ; б) цѣна предмету на мѣстѣ, съ присовокупленіемъ мѣстныхъ цѣнъ за послѣднее пятилѣтіе, съ 1845 по 1849 годъ включительно; в) способъ и мѣсто сбыта произведеній, образцы конхъ доставлены на выставку; г) ежегодный за пять лѣтъ расчетъ о расходахъ, сопряженныхъ съ производствомъ выставленнаго предмета, о доходѣ и чистой выручкѣ съ онаго, показавъ все это кратко, но по пунктамъ.

II. СВЕРХЪ ТОГО ВЪ ЧАСТНОСТИ :

1) По предметамъ, производимымъ почвою : а) качество почвы, съ особымъ показаніемъ, новъ ли она, или недавно осушенное болото, или же старая пашня, а въ семъ послѣднемъ случаѣ, съ какою послѣдовательностью въ сѣвооборотъ ; б) количество посѣва на казенную десятину и вообще объемъ ежегоднаго посѣва за 5 лѣтъ; в) количество урожая и вѣса въ четверти за послѣднія 5 лѣтъ ; г) способъ сѣмки произведеній и сушки оныхъ.

2) По предмету животныхъ, въ живомъ или какомъ-либо другомъ видѣ представленныхъ: а) порода, масть, лѣта, ростъ, возрастъ, происхождение, кличка, особыя примѣты и главнѣйшія достоинства; б) количество ежедневнаго и ежегоднаго корма, и въ чемъ оный заключается; в) содержаніе и уходъ за животными или ловля оныхъ; г) вѣсъ представленнаго животнаго и средній вѣсъ подобныихъ животныхъ на мѣстѣ производства, а также вѣсъ мяса, сала и кожи въ животномъ.

3) По предметамъ промышленности: а) гдѣ пріобрѣтается первобытный матеріалъ и по какой цѣнѣ; б) стоимость поденной платы за пять лѣтъ.

4) По предметамъ орудій и машинъ: а) указаніе на употребленіе, выгоды и удобства орудій; б) способъ приведенія ихъ въ движеніе или дѣйствіе; в) вѣсъ орудія, гдѣ оный входитъ въ соображеніе при производствѣ работы, сила машины, ремонтъ.

Желательно, чтобы при сообщеніи этихъ свѣдѣній отмѣчаемы были на одномъ и томъ же листѣ, какъ изложенные вопросы, такъ и отвѣты, пунктъ противъ пункта.

Требуя такого рода свѣдѣній, Комитетъ надѣется, что Гг. экспоненты благоволятъ сообщить оныя добросовѣстно, въ совершенной точности и по выправкамъ изъ хозяйственныхъ книгъ, тѣмъ болѣе, что выводы, основанные между прочимъ на таковыхъ данныхъ, могутъ во всякое время быть весьма полезны самимъ производителямъ въ отношеніи благосостоянія и доходности ихъ имѣній.

Въ заключеніе Комитетъ выставки не излишнимъ счтетъ присовокупить извлеченіе изъ Положенія о Комитетѣ, по предмету пріема и возврата представляемыхъ на выставку произведеній, а именно:

§ 21. О каждом предметъ, представляемомъ на выставку, дается производителемъ онаго, или его повѣреннымъ, письменное или изустное объявленіе писмоводителю Комитета, который распоряжается запискою имени производителя, названія предмета, цѣнности и количества онаго и т. д. въ установленныя для того книги.

§ 22. Самый же предметъ, экспонентъ передаетъ комиссару, который, тотчасъ же внеся оный въ особыя книги и прикрѣпивъ къ нему надлежащій ярлыкъ, выдаетъ предъявителю квитанцію въ полученіи отъ него предмета.

§ 23. Въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній о происхожденіи и принадлежности предмета, писмоводитель или комиссаръ немедленно доноситъ о томъ Комитету, который или разрѣшаетъ приемъ, или же требуетъ письменное удостовѣреніе (согласно § 11 правилъ о выставкѣ).

§ 24. При приемѣ предметовъ, относительно вѣса и количества оныхъ наблюдаются постановленныя по сему въ правилахъ выставки ограниченія и условія (Прав. §§ 14, 15, 17, 20, 36 и 37).

§ 25. Разстановка предметовъ въ систематическій порядокъ и снабженіе оныхъ надлежащими ярлыками производится по образцу § 45 правилъ выставки.

§ 26. При продажѣ предметовъ, находящихся на выставкѣ, дѣлается объ этомъ надлежащія отмѣтки въ книги, гдѣ записывается также и о продажахъ, совершенныхъ по образцамъ, бывшимъ на выставкѣ.

§ 27. Купленные предметы могутъ быть взяты съ выставки лишь по закрытіи оной.

§ 28. Возвратъ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ, производится немедленно по закрытіи оной, по востребованіи экспонентовъ, съ предъявленіемъ выданныхъ имъ квитанцій и съ російскою получателю въ книгѣ.

— Въ С. Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ изпечатанъ слѣдующій отчетъ о дѣйствіяхъ С.-Петербургской Сберегательной Кассы за 1849 годъ.

Къ 1-му числу января 1849 года оставалось капиталомъ въ обращеніи Кассы, по 18,765 книжкамъ . 764,894 р. 60 к.

Въ теченіе 1849 года поступило отъ вкладчиковъ на обращеніе, по 35,355 взносовъ

469,891 » 52 »

И того . 1,234,766 р. 12 к.

Приписано процентовъ, за 1849 годъ,
по 1-е января 1850 года. 30,100 » 8 »

Всего . . . 1,264,894 » 10 »

Изъ оныхъ въ 1849 году возвращено
вкладчикамъ капиталовъ 405,880 р. 61 к.

На оныя проценты . . . 18,603 » 88 »

424,574 » 49 »

За сямъ къ 1-му января 1850 года со-
стоитъ въ обращеніи Кассы капиталовъ
процентами, по 19,564 книжкамъ . . . 840,319 » 71 »

Примѣчаніе. Всего, со дня открытія Сберегательной Кас-
сы, съ 1-го марта 1842 по 1-е января 1850 года, было
взносовъ 198,705 на сумму 2,351,729 р. 15 к.

а) Раздѣленіе числа взносовъ и количества внесенныхъ
суммъ и выданныхъ на оныя книжекъ, по сословіямъ вклад-
чиковъ ;

Отъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вспомо-				
ства, взносовъ 3,969 на сум. 69,633 р. 50 к. по 1,002 книж.				
Отъ купцовъ . . . 1,464	—	27,552	»	—
— мѣщанъ . . . 4,292	—	76,541	»	75
— ремесленни-				
ковъ . . . 5,930	—	101,750	»	50
— крестьянъ. 5,796	—	92,328	»	—
— воен.-служ.				
выжн. чин. 9,094	—	39,872	»	10
— иностранц. 1,880	—	31,052	»	50
— восп. Воспит.				
Дома . . . 1,409	—	5,537	»	82
— разныхъ со-				
словій . . . 1,521	—	25,023	»	25

Всего взносовъ 35,355 на сум. 469,891 р. 52 к. по 7,782 книж.

Примѣчаніе. Въ числѣ поступившихъ денегъ, въ пользу
малолѣтнихъ внесено 63,309 р. по 4,034 книжкамъ.

в) Раздѣленіе внесенныхъ на обращеніе капиталовъ, по
количеству вкладовъ ;

Отъ 50 коп. до 5 рублей	7,384	вклада на	15,884	р. 77 к.
— 5 руб. — 10 —————	4,762	— — — — —	35,907	» 75 »
— 10 — — — 25 —————				

включительно 23,209 ————— 418,099 » — »

И того вкладовъ 35,355 вклад. на 469,891 » 52 »

Примѣчаніе. Въ числѣ взносовъ было:

50-ти-копѣчныхъ 3,396 на сумму 1,698 руб. — к.

75-ти-копѣчныхъ 314 ————— 235 — 50 »

Рублевыхъ 4,125 ————— 4,125 — — »

Среднія числа составляютъ:

Вклада вообще 13 — 29 »

Вклада на книжку 60 — 38 »

— Изъ доставленныхъ начальникомъ Пермской губерніи Министерству Финансовъ свѣдѣній объ оборотахъ торговли на Ирбитской ярмаркѣ, бывшей въ нынѣшнемъ 1850 г., съ 1-го февраля, по 1-е марта, видно:

	Привезено.	Продано.
А. Россійскихъ на 27.992,381		19.017,930 р. с.
Б. Иностранныхъ:		
а) Европейскихъ и ко-		
лоніальныхъ » 3.555,916		2.505,800
в) Азіатскихъ » 4.312,944		3.735,545
В. Привед. лошадей » 50,920		35,607

Всего на 35.861,241 25.259,275 р. с.

Въ теченіе ярмарки поступило доходовъ:

а) Въ пользу казны, за розданныя подѣла-		
лаганы мѣста	6,881	р. 85 к.
б) За бумагу, проданную изъ Казначейства	150	50
в) Въ пользу города	3,146	50
г) За розданныя въ гостиномъ дворѣ лавки	17,580	—
д) Въ пользу обывателей	46,869	—
е) Выручено Питейною Конторою за про-		
данныя питья	30,918	20

На ярмаркѣ было купцовъ всѣхъ 3-хъ гильдій 690, купцевъ Азіатцевъ 136, торгующихъ по свидѣтельствамъ крестьянъ 90, разночинцевъ, произволящихъ торговлю 1,589, простаго народа и ямщиковъ 59,830.

Въ нынѣшнемъ году, на основаніи вновь-утвержденныхъ сроковъ, Ирбитская ярмарка была открыта 1-го февраля и продолжалась по 1-е марта (въ предшествовавшіе же годы она продолжалась съ 15-го февраля по 15-е марта).

Послѣдствія такого измѣненія сроковъ оказались благопріятны для купечества въ томъ отношеніи, что оно могло по окончаніи Тюменской, поспѣшить и на Ирбитскую ярмарку, а равно и въ томъ, что оно успѣло отправить товары свои по зимнему, неповрежденному пути.

Главные статьи привоза товаровъ на нынѣшнюю ярмарку, какъ и прежде, были: шелковые, шерстяные, бумажные, преимущественно внутреннихъ мануфактуръ, мягкая рухлядь, виноградныя вина, чай, сахаръ, сафьянъ, стекло, фарфоръ и фаянсъ.

Привозъ въ нынѣшнюю ярмарку всѣхъ вообще товаровъ былъ на 35.861,241 р., а продажа на 25.259,275 р.

Сбытъ товаровъ въ нынѣшнюю ярмарку производился, какъ и прежде, въ Сибирь, въ Уральскіе горные заводы, находящіеся въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ и для пушнаго товара и чаю въ С. Петербургъ и Москву. Значительныя требованія въ тѣ мѣста были на мягкую рухлядь, височую бумагу, стекло, фарфоровую и стеклянную посуду, металлы, издѣлія изъ желѣза, сахаръ, чай; уменьшившіяся требованія были на товары: панскіе, кожаные, москательныя, бакалейныя, галантерейныя и разнаго сорта привозныя вина.

Мягкая рухлядь, или необдѣланный пушной товаръ, привезенный изъ Сибири, преимущественно иркутскими купцами, изъ первыхъ рукъ проданъ оптомъ необыкновенно быстро и по высокимъ цѣнамъ, для отправки въ С. Петербургъ. По этому и при розничной продажѣ мѣховъ, въ магазинахъ ярмарки, они были значительно дороже противъ обыкновенныхъ цѣнъ.

Въ какой мѣрѣ цѣны на нѣкоторые главные предметы во время ярмарки возвысились и понизились противъ цѣнъ ярмарки 1849 г., можно усмотрѣть изъ слѣдующаго:

Цѣны возвысившіяся:

	Въ 1849 г.	Въ 1850 г.		
Чай за цибикъ . . .	отъ 110 до 130 р.	отъ 130 до 150 р.	с.	
Мѣха:				
енотовыя . . .	120	250	130	260
лисья	70	150	80	200
зурковыя . . .	18	25	20	30

медвѣжьи	150	200	160	250
харьковскыя	30	50	35	60
меришчатые	7	20	7	30
волчьи	20	40	20	50
Чугунъ за пудъ	90 к. до 1 р.		1	1 р. 50 к.
Старинновыя свѣчи				
за пудъ	10 до 11		11	12 р. с.

Цѣны понизившіяся:

Въ 1849 г. Въ 1850 г.

Сахаръ за пудъ отъ 14 до 15 р.	отъ 11 р.	— к.	до 15 р.	— к.	сер.
Медъ	5	6	4	50	5 50
Воскъ	16	20	13	—	16 —
Масло деревян.	11	12	9	—	10 —
» конопл.	3	3 р. 20 к.	2	80	3 —
Сандаль	3	4	2	80	50 —

Кромѣ этихъ товаровъ, цѣны на все прочіе, какъ-то: гондлерейныя, шелковыя, шерстяныя, бумажныя, льняныя, пеньковыя, часовыя, бакалейныя, фруктовыя, а также мыло, свѣчи, мебель, азіатскія произведенія, металлы (кроме чугуна), кожи, щетину, сало и проч. оставались въ неизмѣнномъ армарку безъ измѣненія, или при незначительномъ пониженіи противъ прошедшихъ армарокъ.

— О движеніи заграничной торговли одесскаго порта, на конушій мѣсяцъ, мы, къ сожалѣнію, можемъ сообщить только то, что высказано было нами нѣсколько разъ съ начала нынѣшняго года, т. е., что она остается до-сихъ-поръ въ тяжеломъ застоя. — Цѣнность отпущеннаго за границу въ апрѣль простиралась не болѣе, какъ до 678,719 руб. сер.; главныхъ продуктовъ вывезено: пшеницы 57,790¹/₂ четв., льнянаго сѣмени 6,880 четв., шерсти 2,880 пуд. и сала 20,69¹/₂ пуд. Цѣны на хлѣбъ въ зернѣ вообще понизились отъ 15 до 50 коп. сер. на четв.; на льняное сѣмя остались почти безъ перемѣны. Запасы хлѣба въ городскихъ магазинахъ, бывшіе уже весьма значительными въ мартѣ, еще уменьшились въ апрѣль и къ 1 мая едва простирались до 100 тыс. четвертей; подвозы изъ внутреннихъ губерній стали нѣсколько оживляться къ концу апрѣля, но все еще очень слабы. Въ цѣнахъ на шерсть и сало ощутительной перемѣны не было. Цѣны шерсти были: простой, невытой отъ 2 р. 15 к. до

2 р. 22 к., мытой отъ 4 р. 27 к. до 4 р. 72 к., цыгайской немытой отъ 3 р. 15 к. до 3 р. 57 к., мытой отъ 8 р. до 8 р. 28 к.; и Испанской немытой отъ 4 р. 57 к. до 6 р. и мытой отъ 13 р. 71 к. до 16 р. 57 к. сер. за пудъ.—Цѣнность привоза изъ-за границы къ одесскому порту въ апрѣль составляла: въ товарахъ 480,828 руб., и въ монетахъ 83,363 р., всего 564,391 р. сер.; вывезено иностранныхъ товаровъ изъ Одессы внутрь имперіи на 544,142 руб. сер.—Судовъ въ приходѣ въ апрѣль было 71, и въ томъ числѣ, по-прежнему, весьма мало греческихъ, а въ отходѣ 80; всего же по 2 мая прибыло судовъ 136, а отошло 104.

— Въ Севастополь, 11-го апрѣля, въ часъ по-полудни, въ присутствіи его Высокопревосходительства г. Главнаго Командира Черноморскаго Флота и Портовъ, главныхъ мѣстныхъ военныхъ начальствъ и примногочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій, происходила закладка новаго адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, на мѣстѣ бывшаго стараго Собора, во имя того-же святаго, на Екатерининской-улицѣ, близъ адмиралтейства, не въ далекомъ разстояніи отъ башни городскихъ часовъ. Новый храмъ будетъ одноглавый; длина его 16 саж. 2 арш., ширина 10 саж. 2 арш., высота стѣнъ 7 саж. 2 арш., а до главы купола отъ фундамента подъ крестъ 15 саж. 2 арш. На заложеной доскѣ, на одной сторонѣ вырѣзаны Высочайшія имена Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Августѣйшей Фамиліи, равно какъ и годъ и число закладки; а на другой сторонѣ начертана слѣдующая надпись: «при Главномъ Командирѣ Черноморскаго Флота и Портовъ, Адмиралѣ М. П. Лазаревѣ и начальникѣ надъ Севастопольскимъ Портомъ Вице-Адмиралѣ С. П. Хрущевѣ. По проекту Инженеръ Штабъ-Капитана Рулева. Строитель храма Инженеръ Капитанъ Матвеевъ. Подрядчикъ Керченскій Д. К. Гильдіи купецъ Ив. Красильниковъ.»— По окончаніи духовнаго обряда закладки, его Высокопревосходительство Адмиралъ Лазаревъ и прочіе генералы, штабъ и обер-офицеры, духовенство и всѣ присутствовавшіе на мѣстѣ закладки были приглашены подрядчикомъ г. Красильниковымъ на богатую закуску, приготовленную въ нарочно для сего красиво устроенной палаткѣ, украшенной разноцвѣтными флагатами.

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Дѣвица Графиня Ольга *Гурьева*, Княжна Елисавета *Бьлосельская* и Графиня Софія *Маннергеймъ* Всемилостивѣйше пожалованы во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ.

Статскіе Совѣтники: Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта Михаилъ *Михайловъ*, и въ званіи Камер-Юнкеровъ, Старшій Помощникъ Производителя Дѣлъ Канцеляріи Статс-Секретаря у принятія прошеній Александръ *Павловъ* и Управляющій С.-Петербургскою Палатою Государственныхъ Имуществъ Дмитрій *Хрущовъ*; Коллежскіе Ассессоры: Чиновникъ особыхъ порученій Временнаго Люстраціоннаго Комитета Александръ *Башмаковъ* и Столоначальники Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, *Набоковъ* и Князь *Ширинскій-Шахматовъ*, Титулярные Совѣтники: Чиновникъ особыхъ порученій при С.-Петербургскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ, графъ Владиміръ *Бобринскій*, и Переводчикъ Канцеляріи Святѣйшаго Синода Александръ *Ковальковъ* и Регистраторъ Собственной Его Императорскаго Величества Финляндской Канцеляріи, Графъ Владиміръ *Армфельтъ*, Всемилостивѣйше пожалованы, первые трое — въ званіе Каммергеровъ, а прочіе — въ званіе Камер-Юнкеровъ Императорскаго Двора.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Назначены: апрѣля 19. Состоящій въ Почтовомъ Вѣдомствѣ сверхъ штата. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Джунковский*, Чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, 21-го апрѣля, Начальникъ Смоленской губерніи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Шкларевичъ*, — Минскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, и состоящій по Арміи: Военный Губернаторъ г. Минска и Минскій Гражданскій Губернаторъ, Генерал-Маіоръ Князь *Херхеулидзеъ*, Военнымъ Губернаторомъ г. Смоленска и Смоленскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ. 25-го апрѣля, Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ *Семявинъ* къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ при настоящей должности. Директоръ Канцеляріи Его Величества Статс-Секретаріата Царства Польскаго, Дѣйстви-

тельный Статскій Совѣтникъ Графъ *Голенищевъ-Кутузовъ* Товарищемъ Министра Статс-Секретаря Царства Польскаго. 26-го апрѣля, Управляющій Дѣлами Комитета Министровъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Бутковъ*, Членомъ Комитета Призрѣнія Заслуженныхъ Гражданскихъ Чиновниковъ, съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ; Вторые Драгомавы Авіатскаго Департамента: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Демезонъ* и Статскій Совѣтникъ *Богдановъ*, Драгомавами пятого класса при томъ Департаментѣ; чиновникомъ особыхъ порученій V-го класса при Министрѣ Государственныхъ Имуществъ, причисленный къ сему Министерству Статскій Совѣтникъ *Пащенко*. 29-го апрѣля, Товарищу Министра Юстиціи, Тайному Совѣтнику *Илличскому* повельно, на время отсутствія Министра, Статс-Секретаря Графа Панина, вступить въ управленіе Министерствомъ Юстиціи. 2-го мая, назначены: Директоръ, управляющій письмоводствомъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Делинъ*, Директоромъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли. Мая 3-го, Начальникъ 4-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генерал-Лейтенантъ Графъ *Буксгевденъ*, присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ зачисленіемъ по Кавалеріи. 14-го мая, Виленскій Военный Гродненскій, Минскій и Ковенскій Генерал-Губернаторъ, Генерал-Адъютантъ *Бибиковъ* 2-й, Управляющимъ учебными заведеніями Виленскаго Учебнаго Округа, на правахъ Попечителя, съ оставленіемъ въ званіи Генерал-Адъютанта и въ настоящихъ должностяхъ.

УВОЛЬНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Инспекторъ Третьей Люстраціонной Инспекціи, за упраздненіемъ той Инспекціи, Статскій Совѣтникъ *Пиццалло*, уволенъ отъ должности, съ причисленіемъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ.—Преподаватель въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія и Членъ Совѣта сего заведенія, Статскій Совѣтникъ *Яковлевъ*, уволенъ отъ службы, по прошенію. Герольдмейстеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Каммергеръ Графъ *Толстой*, уволенъ отъ службы, по прошенію.

Произведены:

Изъ Действительныхъ Статскихъ въ Тайные Совѣтники.

Директоры: Духовно-Учебнаго Управленія при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ *Карасевскій* и Департамента Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Устиновъ*. За отличіе, изъ *Статскихъ въ Действительные Статскіе Совѣтники*: Состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Временно-Управляющій Тульскою губерніею Каммергеръ *Казадовъ*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи. Управляющій Третьею Экспедиціею Особой Канцеляріи, Младшій Совѣтникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Каммергеръ *Рихтеръ*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи. Вице-Директоръ Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, Каммергеръ *Велискій*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи. Старшій чиновникъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи *Левенталь*. Производитель дѣлъ Канцеляріи Статс-Секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя *Гизетти* и Исправляющій ту должность *Пащенко*. Чиновникъ за Обер-Прокурорскимъ столомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода *Каневскій* (15 апрѣля 1850 года). Старшій Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта *Ульрихъ* (16 апрѣля 1850 года). Состоящій въ должности Совѣтника и Начальника Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири *Тюменцовъ*, съ утвержденіемъ въ настоящей должности (15 апрѣля 1850 года). Статскіе Совѣтники: Событательный Членъ Медицинскаго Совѣта и Главный Докторъ Московской Городской Больницы, Почетный Гоф-Медикъ *Эвениусъ*, и Главный Докторъ Обуховской Городской Больницы *Гейнфельдъ*.

Пожалованы орденами.

Св. Равноапостольнаго Князя Владимира I-й степени, большаго креста.

Апрѣля 21. Соприсчисленъ къ этому ордену Преосвященный Митрополитъ Кіевскій и Галицкій *Филаретъ*.

Св. Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Апрѣля 21 Сопричислены къ этому ордену: Преосвященный *Илиодоръ*, Экзархъ Грузи, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій. Преосвященный *Гавриилъ*, Архіепископъ Рязанскій и Зарайскій. Пожалованы: Тайный Советникъ, Товарищъ Министра Государственныхъ Имуществъ *Гамалы*, Тайный Советникъ, Сенаторъ *Полуденскій*. Апрѣля 29, Президентъ Гоф-Интендантской Конторы Двора Его Императорскаго Величества Обер-Гофмейстеръ Князь *Гагаринъ*. Тайный Советникъ Сенаторъ *Жемчужниковъ*. Апрѣля 23, Управляющій III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Начальникъ Штаба Корпуса Жандармеріи, Генерал-Лейтенантъ *Дубельтъ 1-й*. Санктпетербургскій Военный Генерал-Губернаторъ Генералъ отъ Инфантеріи *Шульгинъ*. Мая 2, Начальникъ Штаба 5 Пѣхотнаго Корпуса, Генерал-Лейтенантъ *Даннонбергъ 1-й*.

Св. равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени.

Апрѣля 17, 19, 20, 23 и 25 и мая 2, Дѣйствительный Статскій Советникъ, Директоръ Канцеляріи Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ *Елиашевичъ*. Витебскій, Могилевскій и Смоленскій Генерал-Губернаторъ, Генерал-Лейтенантъ *Калъзъ Голыцынъ*. Санктпетербургскій Гражданскій Губернаторъ, Тайный Советникъ *Жуковскій*. Статс-Секретарь, Тайный Советникъ *Карпьевъ*. Помощникъ Генерал-Губернатора Финляндіи Генерал-Лейтенантъ *Рокасовскій*. Членъ Комиссіи Прошеній, Почетный Опекунъ Санктпетербургскаго Опекунскаго Совета Тайный Советникъ *Шереметевъ*. Инспекторъ Арсеналовъ и Парковъ Инженернаго Вѣдомства, состоящій по Артиллеріи Генерал-Лейтенантъ *Соломка*. Командиръ 1-й Бригады 4-й Легкой Кавалерійской Дивизіи Генерал-Маіоръ *Данилевскій 1-й*. Членъ Комиссіи Прошеній, Тайный Советникъ *Энегольмъ*. Флота Генерал-Интендантъ, Вице-Адмиралъ *Богдановичъ*. Военный Губернаторъ г. Гродно и Гродненскій Гражданскій Губернаторъ, Генерал-Лейтенантъ *Баронъ фон-дер-Ховенъ*. Директоръ Финляндскаго Кадетскаго Корпуса, Генерал-Лейтенантъ *Баронъ Мункъ*;

Кронштадтскій. Комендантъ, Генерал-Лейтенантъ *Бурмейстеръ 1-й*, и Чрезвычайный Посланникъ и Полномощный Министръ при Нидерландскомъ Дворѣ, Тайный Советникъ *Баронъ Мальтицъ*. Сопричислены къ этому ордену: Управляющій Имеретинскою Епархією, Преосвященный Митрополитъ *Давидъ*. Епископъ Минскій и Бобруйскій, Преосвященный *Михаилъ*, и Епископъ Томскій, Преосвященный *Афанасій*.

БЛАГО ОРЛА.

Апрѣля 22. Генерал-Лейтенантъ, Членъ Финляндскаго Совета, Графъ *Армфельтъ*. Апрѣля 23, Оберъ Прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Генерал-Адъютантъ, Графъ *Протасовъ*. Директоръ Кацеларіи Государственнаго Контроля, Тайный Советникъ *Апрѣловъ*. Инженеръ Генерал-Лейтенантъ, Директоръ Департамента Искусственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій *Рербергъ*. Тайный Советникъ Сенаторъ Графъ *Кушелевъ-Безбородко*. Мая 2, Начальникъ 5-й Легкой Кавалерійской Дивизіи Генерал-Лейтенантъ Князь *Багратионъ-Имеретинскій*. Начальникъ 14-й Пѣхотной Дивизіи Генерал-Лейтенантъ *фон-Моллеръ 2-й*.

Св. Анны 1-й степени, съ Императорскою Короною.

С.-Петербургскій Губернскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Потемкинъ*, и Управляющій Экспедиціею Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ, Тайный Советникъ *Халчинскій*.

Св. Анны 1-й степени безъ короны.

Псковской Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Каммергера, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Беклешовъ*. Директоръ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, въ званіи Каммергера, Дѣйстви-

тельный Статскій Совѣтникъ *Скрипичинъ*. Псковской Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Черкасовъ*. Вице-Директоръ Канцеляріи Обер-Прокурора Святѣйшаго Синода, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Франкъ*, Директоръ Второго Департамента Государственныхъ Имуществъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Шелеховъ*; и Начальникъ XIII-го Округа Путей Сообщенія, Инженеръ Генерал-Маіоръ Князь *Темішевъ*. Начальникъ военной съѣмнн Кіевской губерніи. Генерал-Маіоръ Генеральнаго Штаба *фон-Руге*, и Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Московскій Вице-Губернаторъ, въ званіи Каммергера, *Новосильцовъ*. Генерал-Контролеръ Контрольнаго Департамента Морскихъ Отчетовъ *Шамшичъ*, и Директоръ Департамента Хозяйственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій *Безкоровый*.

Св. Станислава 1-й степени.

19, 20, 21 и 22 апрѣля. Состоящій по Морскому Министерству, Членъ Совѣта Государственнаго Контроля, Контр-Адмиралъ *Веселаго 1-й*. Корпуса Штурмановъ, Начальникъ земельныхъ партій по выдѣлу корабельныхъ ротъ въ Балтійскомъ Округѣ, Генерал-Маіоръ *Филиповичъ*. Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Управляющій Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Князь *Оболенскій*; Повѣренный въ дѣлахъ въ Греціи *Персіани*; Управляющій Дипломатическою Канцеляріею Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, *Крузенштернъ*. Старшій Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта *Вейраухъ*. Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта, *Аничковъ*. Совѣтникъ Придворной Конюшенной Канторы *Мельниковъ*; и Членъ Финляндскаго Сената, Губернаторъ *Кропштетъ*. Тавастгусскій Губернаторъ, *Баронъ Ребиндеръ*. Командиръ Западнаго Инженернаго Округа, Генерал-Маіоръ *Рындины 1-й*. Военный Губернаторъ г. Ярославля и Ярославскій Гражданскій Губернаторъ, Свѣты Его Императорскаго Величества Генерал-Маіоръ *Бутурлинъ*. Абовскій Губернаторъ, Генерал-Маіоръ *Кропштетъ*. Наказный Атаманъ Оренбургскаго Казачьяго Войска, Генерал-Маіоръ *Жуковский 1-й*. Начальникъ 8-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генерал-Маіоръ *Влахопуловъ*.

Начальникъ 6-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генерал-Маіоръ *Черкесовъ*. Директоръ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, Генерал-Маіоръ *Герстфельдъ*. Варшавскій Полицеймейстеръ, Генерал-Маіоръ *Пухало-Цивинскій*: Наказный Атаманъ Уральскаго Казачьяго Войска, Генерал-Маіоръ *Геке*: Состоящій при Шефъ Жандармовъ для особыхъ порученій, числящійся по Кавалеріи, Генерал-Маіоръ *Ахвердовъ*. Состоящій въ Свѣтъ Его Императорскаго Величества, Директоръ Пажескаго Корпуса, Генерал-Маіоръ *Философовъ*. Вице-Директоръ Департамента Проектовъ и Свѣтъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, Паженеръ Генерал-Маіоръ *Кроль*. Виленскій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Бьлицевъ*. Управляющій Канцелярією С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ждановъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ.

Золотыми, съ надписью: «за усердіе», для поощренія на шеѣ на Аннинской лентѣ: Пятигорскій 1-й гильдій купецъ Григорій Поповъ, за пожертвованія на значительную сумму въ пользу православной церкви въ г. Георгіевскѣ, и Нухинскій, 1-й гильдій купецъ Никита Челаховъ, за пожертвованіе въ пользу Ставропольской Губернской Гимназіи книгъ и физическихъ инструментовъ: Серебряными, съ надписью: «за полезное», для поощренія на шеѣ, на Аннинской лентѣ: Австрійскій подданный Іосифъ Бабникъ, за отличное устройство сада въ мѣстечкѣ Зугдидахъ, въ Мингреліи, и за распространеніе между жителями оной садоводства вообще; Бѣлевскіе 3-й гильдій купцы: Николай Требишковъ и Алексѣй Бушаковъ, за отлично-усердную службу по выборамъ городского общества въ Владикавказѣ, за содѣйствіе мѣстному Начальству въ его распоряженіяхъ и за благонамѣренность по торговлѣ, производимой ими въ семь укрѣпленій около 40 лѣтъ.

РАЗВОДЪ 2-го АПРѢЛЯ.

Обыкновенно дѣлать разводы съ церемонією, въ которые уже болѣе полувѣка у насъ обращается особенное вниманіе, приноситъ многостороннюю пользу. Это въ, такъ сказать, общій rendez-vous всего, что составляетъ гарнизонъ города, даетъ возможность всемъ слѣдить и изучать требованія строевой службы; каждое нововведеніе, показанное передъ всеми; передается тотчасъ, каждымъ изъ присутствующихъ, командующей имъ части. Прохождение мимо начальника; съ разомкнутыми рядами, даетъ ему возможность видѣть оди-ночную выправку каждаго солдата. Въ будніе дни, предъ разводомъ дѣлается батальонное ученье, въ которомъ не-многими, но удачно выбранными построениями приучаютъ офицеровъ и людей къ находчивости и спокойствію. Орд-ивры и вѣстовые, кромѣ назначенія своего; служатъ также образчиками щегольства, до котораго доведена въ полкахъ обмундировка, пригонка амуниціи, выправка и выѣздка лошадей.

Въ военное время, въ лагерѣ, въ крѣпости, разводъ, раз-умѣется, получаетъ еще болѣе важное значеніе. Тутъ об-щее свиданіе гарнизона необходимо, для быстрой передачи происшествій прошедшихъ сутокъ и общихъ распоряженій на слѣдующія. Отданіе пороля, при этомъ случаѣ, состав-ляетъ также важное удобство, потому что его знаетъ одно-временно весь гарнизонъ и ни одинъ посторонній человекъ при этомъ не можетъ находиться.

У насъ, въ С.-Петербургѣ, разводы съ церемонією гвар-діи удостоиваются Высочайшаго присутствія Государя Им-ператора; по этому, являясь къ разводу есть одна изъ важ-нѣйшихъ обязанностей всякаго военно-служащаго, принад-лежащаго гарнизону столицы. Мы находимъ удовольствіе въ исполненіи этой обязанности. Не говоря уже о поучи-тельности замѣчаній Государя Императора, такъ глубоко знающаго военное дѣло, можно ли равнодушно видѣть про-хождение по-взводно Преображенцевъ, Семеновцевъ и дру-гихъ линейныхъ полковъ гвардіи? Это совершенство, о кото-ромъ позволено было только мечтать Маршалу Саксонскому. Только отъ подобной, сплошной стѣны, смѣло, бодро, вѣр-но и твердо идущей впередъ, можно ожидать, требуемаго тактикою при атакѣ, сомкнутаго столкновенія и единства въ ударѣ штыками. Не менѣе хорошъ и быглый шагъ егерей.

Невольно одушевляется всякій, кто рожденьем военнымъ чело-
вѣкомъ.

Но иногда разводъ даетъ поводъ къ случаямъ и впечат-
лѣннѣйшимъ замѣчательнымъ, которые надолго врѣзаются въ
душу. Кто изъ присутствовавшихъ вспомнить, безъ особаго
чувства, разводъ въ 1830 году, когда Государь объявилъ
измѣну Польши и походъ противъ мятежниковъ. Какимъ
патріотизмомъ отбѣчало сердце каждаго на призывъ Царя.
Трогательно поздравленіе, которое Государь дѣлаетъ у раз-
вода, предъ гвардіею и народомъ, Сыну, въ день рожденія
Государя Наслѣдника Цесаревича.

Когда въ Петергофѣ, 25-го іюня, Государь явился къ раз-
воду съ юнымъ внукомъ, многозначительная выразилась
мысль. Малютка едва поспѣвалъ за шагами Дѣда, являв-
шаго свѣту данный Богомъ залогъ благоденствія и спокой-
ствія Отечества на долгіе годы. Мы не можемъ забыть, въ
1848 году, весной, первый разводъ, послѣ полученныхъ
извѣстій изъ Франціи о низверженіи Людовика-Филиппа;
Павловскіе гренадеры проходили на-руку—это былъ торже-
ственный отзывъ нашъ на западныя смуты.

Въ послѣднее воскресенье, 2-го апрѣля, мы видѣли у раз-
вода высокую и замѣчательную сцену. Обѣхавъ ряды, Го-
сударь Императоръ изволилъ скомандовать:

«Слушай, на карзуд!»

И когда знамя преклонилось, провозгласилъ:

«Ура!»

Дружно приняли егеря это задушевное русское ура!

Тогда Государь изволилъ подозвать Фельдмаршала, не за-
долго предъ тѣмъ прибывшаго въ столицу, отдалъ ему
честь, съ чувствомъ протянулъ ему руку, сказалъ нѣсколько
словъ, которыхъ мы не могли слышать, но на лицѣ Монар-
ха ясно начерталось удовольствіе видѣть знаменитаго вождя
въ Своей столицѣ, и благоволеніе за новые подвиги прошед-
шаго года. Князь Варшавскій, тронутый до глубины души,
снялъ каску, и въ избыткѣ благодарности, припалъ къ пле-
чу Государя, который съ чувствомъ поцаловалъ его голову,
увѣнчанную свѣжими лаврами.

Нельзя было остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ тро-
гательной благодарности Монарха, который славу Своего
подданнаго, заслуженную подвигами на общее благо, столь
достойно цѣнить и награждаетъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГРЕЦІЯ.

1-го мая.—Получена слѣдующая телеграфическая депеша изъ Афинъ: Распри съ Англіею кончены, условія соглашенія переданы въ англо-греческую посредническую комиссію. Сумма, назначенная въ вознагражденіе за убійства, опредѣлена въ 180,000 драхмъ, изъ которыхъ 150,000 драхмъ оставлено неуплаченными, пока сившанная греко-англійская судная комиссія не рассмотритъ иска *Пачифико*. Какъ въ кассахъ греческаго правительства не оказалось достаточнаго количества денегъ, то національній банкъ помогъ казны. Въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ въ Пакассо одному британскому офицеру, греческое правительство извинилось нотою. Эмбарго захваченныхъ кораблей снято и эти корабли возвратились отъ Саламины въ Пирейскую гавань. Прибылъ французскій пароходъ, привезшій съ собою рѣшительныя депеши для гг. *Гро* и *Уайза*, вслѣдствіе которыхъ переговоры между ними прекращены. Г. *Уайзъ* настаивалъ на условіяхъ, которыхъ *баронъ Гро* никакъ не можетъ принять. Апрѣля 25, послѣ объѣда, снова предприняты насильственные мѣры, и опять на корабли съ греческимъ флагомъ было наложено эмбарго. Г. *Гримъ* на слѣдующее же утро сообщилъ это находящимся здѣсь консуламъ, и греческое правительство принуждено было чрезъ ультиматумъ, посланный ему г. *Уайзомъ*, а также изъ опасенія несчастныхъ для страны послѣдствій, которыя должны произойти отъ новыхъ строгихъ мѣръ, принять условія, предложенныя въ ультиматумъ, и уже въ

тотъ же день г. Лондонъ оффициально объявилъ г. Уайзу рѣшеніе греческаго правительства по этому дѣлу. Вслѣдъ за тѣмъ съ адмиральскаго корабля подавъ былъ знакъ прекратить блокаду. Такъ какъ греческое правительство согласилось на все, что предложилъ ему г. Уайзъ, то судамъ правительства, а также и купеческимъ судамъ, позволено было 29 числа сняться съ якоря въ Саламинъ и идти въ Пирей. ~~Брутъ, въ томъ числѣ кораблей частнаго предпріятія, и самыя суда пострадали.~~ 29 числа въ Саламинъ отправлена комиссія правительства, для того, чтобы донести о потеряхъ, которыя потерпѣло каждое судно. Въ этотъ же день великобританскій посланникъ со всемъ своимъ посольствомъ снова прибылъ въ Афины. Условія, предложенныя греческому правительству въ ультиматумъ, были слѣдующія: для удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя великобританскому флагу въ Патрасъ, греческій министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ выразить въ оффициальномъ отношеніи къ великобританскому правительству живѣйшее сожалѣніе греческаго правительства, касательно дѣла съ ботоцъ Великобританской корветы «Fantomе», а также подвергнуть порицанію поведеніе греческихъ агентовъ и начальства. На вознагражденіе за потери англійскихъ подданныхъ, Англія требуетъ 180,078 драхмъ: въ томъ числѣ 30,000 г. Филлео, 17,538 г. Пачифико, 9,583 драхмы и 52 лепты за ограбленіе іонійскихъ судовъ и 2,246 драхмъ 97 лептъ четверть іонійцамъ, потерпѣвшимъ оскорбленіе въ Патрасъ и Пирей; наконецъ 120,000 др. г. Пачифико, какъ вознагражденіе за всѣ понесенныя имъ потери, не включая его пратизанціи на португальское правительство.

28-го апрѣля. Представленъ былъ Королю Палатою Депутатовъ слѣдующій адресъ:

Ваше Величество!

Десница Бога, управляющая судьбами народовъ въ трудныя времена, вела и поддерживала васъ во время тяжелаго перелома, отъ котораго мы освободились.

Возсылая къ Всемогущему хвалы глубочайшаго благодаренія, Палата Депутатовъ почла священною для себя обязанностію изъявить чрезъ васъ Вашему Величеству, любящему Монарху Греціи, свою живую благодарность за мужество и твердость, съ которою вы вели себя во время переговоровъ съ Англією.

Гречія, вѣря въ ваши негннно-парскія добродѣтели, надеется, послѣдствіе принятаго вами именованія, столь согласнаго съ интересами народа, на будущую счастливую и блестящую.»

Король отвѣчалъ:

«Господа, я благодарю вмѣстѣ съ вами Всемогущаго, который велъ насъ по пути чести.

Ничья въ вѣду честь и истинную пользу народа, будучи, съ другой стороны, увѣренъ въ благородныхъ чувствахъ Грековъ, я отстаивалъ его права, сколько могъ.

Мудрость, спокойная твердость греческаго народа, заслужившаго рукоплесканія Европы, и изъявленія чувствъ Палаты ко мнѣ, вполнѣ оправдали довѣріе, которое я имѣлъ къ нему и къ вамъ, и служить мнѣ утѣшеніемъ.

Я изъявляю вамъ, а чрезъ васъ и всему народу, мою благодарность за преданность, которую онъ оказалъ мнѣ, и мое удивленіе къ благородству его поведенія въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Я горжусь, что управляю такими народами.»

— Въ Ширезъ ходитъ слухъ, что англійскій флотъ броситъ якорь близъ Неаполя. Между тѣмъ *Наркеръ* отправляется на шкумѣ «Королева» въ Мальту, по семейнымъ обстоятельствамъ. Король пожаловалъ гг. *Гра, Тувенелю* и *Цервѣши* знаки греческаго ордена Искупителя, большаго креста, въ благодарность за ихъ услуги.

5-го.—Въ день праздника Пасхи поднятъ былъ на большой мачтѣ столпаго здѣсь англійскаго парохода греческій флагъ, и развѣвался на немъ цѣлый день; до-сихъ-поръ яхтѣ дѣлалось только при народныхъ праздникахъ, но не при церковныхъ.

— Текстъ конвенціи, заключенной между лордомъ *Пальмерстономъ* и г. *Друакомъ де Люи* объ устройствѣ греческихъ дѣлъ.

1) Волядствие распри между правительствами Е. В. Королевы Великобританской и Е. В. Короля Греческаго, возникшей по поводу требованій вознагражденія за претархатныя въ Греціи англійскими и іонійскими владѣніями оскорбленія, подробно исчисленные въ нотѣ британскаго министра

стеротва, отъ 17 января 1850 г., а также вслѣдствіе предложеннаго французскимъ правительствомъ посредничества, принятаго какъ г. *Уайзомъ*, такъ и г. *Лондономъ*, которые были назначены уполномоченными по сему дѣлу,—сія послѣдніе, вмѣстѣ съ г. *Луи Гро*, уполномоченнымъ Франціи, положили, что упомянутыя требованія, по надлежащемъ разсмотрѣніи, должны быть окончены дружественнымъ соглашеніемъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Греческое правительство доставить немедленно англійскому посланнику въ Афины сумму на 8,500 ляр., которая назначается на удовлетвореніе означенныхъ требованій, и будетъ роздана различнымъ лицамъ, предъявившимъ оныя.

2) Послѣ уплаты греческимъ правительствомъ упомянутой суммы, греческія торговыя суда, задержанныя англійскими крейсерами, будутъ немедленно освобождены.

3) Вслѣдствіе жалобы англійскаго правительства на арестованіе одного англійскаго морскаго офицера и матросовъ военнаго корабля «*Гантомъ*», и также вслѣдствіе желанія греческаго правительства изъяснить свое сожалѣніе объ ошибкѣ, бывшей причиною этого ареста, опредѣлено, что для удовлетворенія этой жалобы греческій министръ иностранныхъ дѣлъ напишетъ по этому предмету письмо къ англійскому министру.

4) По полученіи этого письма, задержанные временно греческіе корабли будутъ немедленно возвращены.

5) Вся прочія требованія, исчисленныя въ нотѣ отъ 17 января, прекращаются, за исключеніемъ требованій г. *Пачифико*, объ утратѣ некоторыхъ документовъ, касающихся португальскаго долга. Такъ какъ это дѣло должно подлежать подробнѣйшему разсмотрѣнію, то гг. *Гро*, *Уайзъ* и *Лондооъ* назначать отъ себя трехъ лицъ, для производствъ изслѣдованія. Если этимъ изслѣдованіемъ будетъ обнаружено, что португальское правительство, признавая упомянутыя требованія, откажется отъ уплаты только потому, что г. *Пачифико* не въ состояніи представить затерявшихся или похищенныхъ при разграбленіи его дома документовъ, то греческое правительство обязуется вознаградить г. *Пачифико* за убытки.

6) Условія, заключающіяся въ этой статьѣ, будутъ приведены въ исполненіе немедленно по подписаніи настоящей конвенціи, не дожидая ея ратификаціи.

7) Требования относительно займа, обеспеченнаго ручательствомъ трехъ державъ, и касательно острововъ Сапиенды и Черви, не включаются въ настоящую конвенцію.

14 го. — Афинскія газеты извѣщаютъ, что маіоръ *Папа*, минархъ Акварнаніи, преслѣдуя разбойника, голова котораго была отънена, прѣникъ, въ пылу преслѣдованія, съ оружіемъ въ рукахъ, на островъ Драгоместре, принадлежащій къ Ионическимъ островамъ и обитаемый нѣсколькими іоническими семействами. Опасаются, чтобъ это обстоятельство не породило новыхъ затрудненій. Маіора потребовали въ Афины.

— Пираты, въ числѣ ста человекъ, напали въ расплохъ на городокъ Мандолинъ, и отняли у жителей ихъ имущество. Другія толпы пиратовъ тревожатъ городъ Марси.

— Сношенія греческаго правительства и членовъ дипломатическаго корпуса съ г. *Уайзомъ* весьма рѣдки. Г. *Пачифико* отправился въ Мальту. Предъ отъездомъ изъ Афинъ, онъ выкупилъ изъ ломбарда серебряную посуду, заложенную въ 1842 г. за 1,000 піастровъ; до сихъ-поръ онъ былъ не въ состояніи внести ни капитала, ни процентовъ; а между-тѣмъ еще съ 1847 г. онъ началъ свои непомерныя требованія за разграбленіе казеннаго имущества.

А н г л і я .

Лондонъ. — 1-го мал. — Сегодня, утромъ, въ девятомъ часу, Королева Викторія благополучно разрѣшилась отъ бремени прищемъ. Въ комнатѣ Королевы находились Принцъ Альбертъ, докторъ *Лококъ* и кормилица мистрисъ *Лилли*; въ сосѣднихъ комнатахъ были еще два доктора — гг. *Джемсъ Кларкъ* и *Фергуссонъ*, также министры и знатныя должностныя лица, между прочими герцогъ *Веллингтонъ*, Сэръ *Джоржъ Грей*, Кентербурійскій и Лондонскій Епископы, лордъ *Джонъ Россель*, герцогъ *Норфолькъ* и маркизъ *Бредальбанъ*, какъ представитель тайнаго совѣта. Сегодня въ Парламентъ единогласно рѣшили представить Королеву поздравительный адресъ.

Шиж. Пал. — 30-го апрѣля. — Лордъ *Джонъ Россель*, возражая на вопросъ, сдѣланный ему г. *Вудомъ*, объявилъ,

что онъ намеренъ представить Парламенту въ этотъ же собраніи проектъ закона, касательно присяги членовъ Парламента. Г. Генли предложилъ сделать пересмотръ жалованьямъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, а по возможности уменьшить ихъ. Подобно пересмотру, предпринятымъ Парламентомъ въ 1821 г. и особыми комиссіями въ 1848 г., докладчикъ замѣтилъ, что лордъ Россель предложилъ недавно, предоставить комиссіи пересмотрѣть жалованья въ трехъ отрасляхъ государственнаго управленія, а именно: жалованье тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ засѣдаютъ въ Парламентѣ, дипломатовъ и судебныхъ чиновниковъ. Этотъ пересмотръ не будетъ простирается на частныя выдачи. Если Парламентъ находитъ нужнымъ подвергнуть пересмотру эти три отрасли управленія, то по какой причинѣ онъ исключаетъ другія отрасли? На жалованье и поденную плату, выдаваемыя въ таможенникъ, ассизномъ, штенпельномъ и въ почтовомъ управленіяхъ, а также а въ управленіи казенныхъ земель и др. выходило въ 1848—1849 г. до 4.327,000 фун. стерл., которые не подлежатъ контролю Парламента. Если прибавить къ этому еще жалованье и служебныя вознагражденія, подлежащія издому Парламента и простирающіяся до 2.647,000 фун. стерл., то все вмѣстѣ составитъ 6.974,000. Это еще не все; кромѣ того есть жалованья, которыя находятся подъ контролемъ правительства, и производятся изъ суммы государственнаго казначейства, членамъ судовъ въ графствахъ и другимъ судебнымъ чиновникамъ, что составляетъ еще 500,000 фун. стерл. Причисляя еще эти 500,000 ф. ст., вся сумма составитъ 7 500,000 фун. стерл. За тѣмъ ораторъ подвергъ строгому разсмотрѣнію мнимыя уменьшенія, которыя будто бы прежде были сдѣланы въ разныхъ отрасляхъ государственныхъ доходовъ, и пришелъ къ тому результату, что страна не получаетъ отъ перемѣны системы налоговъ тѣхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать. Изъ официальныхъ извѣстій видно, что въ 1828 году Англія вывозила товаровъ на 52.000,000 фун. стерл. а объявленная цѣна простиралась до 36.000,000. Въ 1848 г. первая сумма возрасла до 132.000,000, вторая до 52,000,000. Во многихъ случаяхъ цѣны домашнихъ произведеній понизились на 25 процентовъ. Ораторъ говорилъ, что цѣны състныхъ припасовъ и предметовъ роскоши понизились, хотя жалованье остается въ прежнемъ видѣ. *Канцлеръ Ка-*

анакростеа, хотя и былъ согласенъ съ началами и мнѣніями оратора; однакожь не признавалъ необходимости его предложенія. Правительство, въ послѣдніе годы, сдѣлало всевозможныя сбереженія, и если г. Генли, сдѣлавъ это предложеніе, не считалъ въ виду сдѣлать правительству незавоужденнаго упрека, то онъ не понимаетъ, какую цель имѣлъ г. Генли. Уменьшить жалованье должностныхъ лицъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, значило бы сдѣлать самую большую несправедливость. Каунцлеръ просилъ Палату не принимать этого предложенія. Полковникъ Сипторвъ, гг. Нюддингъ и Юмъ поддерживали предложеніе г. Генли. Сэръ Робертъ Пилъ былъ того мнѣнія, что главнымъ государственнымъ чиновникамъ платятъ столько, сколько требуютъ выгоды страны, и что чиновники низшаго класса получаютъ немного. Онъ объяснилъ, что предложеніе это такого рода, что не слѣдовало бы даже представлять Палатѣ. Г. Кобденъ говорилъ противъ предложенія, потому, что въ немъ стараются доказать, что въ платѣ за работѣ послѣдовало общее уменьшеніе. Онъ сказалъ, что онъ не можетъ согласиться на предложеніе, въ которомъ свободная торговля выставляется съ дурной стороны и въ которомъ хотятъ утвердить, что теперь страна меньше, нежели при охранительной системѣ, въ состояніи производить свои необходимыя издержки. Г. Израэли объявилъ, что всѣ согласны съ тѣмъ, что налоги въ Англіи чрезмерны. Во всѣхъ классахъ народа и во всѣхъ частяхъ государства говорятъ, что теперь не только желательно, но даже необходимо сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Партію тори осуждали за вновь родившуюся ревность въ экономіи, и она обязалась доказать, что всякая значительная мѣра, принятая касательно публичной экономіи и финансовыхъ преобразованій, была ея дѣломъ. Въ предложеніи не осуждаютъ свободу торговли, она будетъ существовать въ свое время, но само предложеніе есть одно изъ слѣдствій политики свободной торговли. Восклицаніе: Правительство въ опасности! или: уменьшить всеобщую подошную плату—невозможно,—или какая-нибудь другая поверхностная отговорка въ этомъ родѣ, пригодились бы, можетъ-быть, для цѣли финансовыхъ преобразователей, находящихся теперь въ Палатѣ, но чрезъ это они подвергнутся порицаціи страны. Лордъ Джонъ Россель сказалъ, что такъ какъ правительство уже сдѣлало многія сбереженія и предпринимаетъ еще

другія, то адресъ Королевъ, въ которомъ сказано, что въ этомъ отношеніи до-сихъ-поръ ничего не сдѣлано, онъ почитаетъ незаслуженнымъ упрекомъ правительству и выраженіемъ недовѣрія къ министерству. Онъ не можетъ согласиться на предложеніе, въ которомъ увѣряютъ, что страна находится въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что необходимо уменьшить жалованье работниковъ. При собираніи голосовъ оказалось, что въ пользу предложенія было подано 173 голоса, а противъ него 269.

1-го мая.—*Ниж. Пал.*—Г. Пучей предложилъ заняться третьимъ чтеніемъ билля объ арендаторахъ и помѣщикахъ. Предложеніе это было отвергнуто безъ собиранія голосовъ. Также поступлено и съ биллемъ объ управленіи желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ, Палата образовалась въ комитеты и рассмотрѣла билль объ условіяхъ, на которыхъ духовныя лица могутъ имѣть нѣсколько приходовъ. Предложеніе сэра Сиднея Герберта, постановить, что духовное лицо можетъ имѣть два смежныхъ прихода только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ приносить доходу менѣе 100 ф. стер. было принято (169 гол. противъ 16).

2 мая.—*Верх. Пал.* Герцогъ Ричмондъ, ревностный протекціонистъ, представилъ нѣсколько прошеній изъ разныхъ частей Англіи, въ которыхъ жалуются на стѣсненное положеніе земледѣльческихъ классовъ и умоляютъ о помощи.

Ниж. Пал.—Возобновились пренія о предложеніи Лорда Гросвенора, представить билль объ уничтоженіи пошлины, платимой адвокатами за право отправленія своей должности. Канцлеръ Казначейства объявилъ, что онъ не можетъ одобрить этого билля, потому-что упомянутая пошлина приносить 117,000 фунтовъ стерлинговъ, отъ которыхъ теперь невозможно отказаться. Многіе ораторы говорили въ пользу билля, въ томъ числѣ самъ Лордъ Гросвеноръ, и Палата разрѣшила представить билль, (155 гол. противъ 136). Остальная часть засѣданія прошла въ разрѣшеніи билля расширеніи правъ провинціальныхъ (Графскихъ) судовъ.

3-го. — *Ниж. Пал.* — Сэръ Джорджъ Грей говорилъ о мнѣніи правительства, касательно билля о работѣ на фабрикахъ (уменьшеніи рабочихъ часовъ для женщинъ и дѣ-

тей). Онъ объявилъ, что правительство недовольно цѣмъ существующей системой фабричныхъ работъ, на основаніи которой работаютъ 15 часовъ въ сутки. При этомъ, Сэръ Джорджъ Грей сдѣлалъ слѣдующее предложеніе, которое, по словамъ его, согласно, если не съ буквою акта 1847 г., то, покрайней-мѣрѣ, съ духомъ его: «Теперь работаютъ на фабрикахъ отъ половины шестаго утра до половины девятаго вечера, впредь же должно постановить, чтобы работали отъ 6 час. утра до 6 час. вечера, употребляя изъ этого времени 1¼ часа на завтракъ. Такое распоряженіе облегчитъ работниковъ и нисколько не затруднитъ хозяевъ, потому-что сумма рабочихъ часовъ въ недѣлю увеличится двумя часами; вмѣсто 58 часовъ—будутъ работать 60». Лордъ Джонъ Меннерсъ и Эдуардъ протестовали противъ этого предложенія.

6-го.—*Верх. Пал.*—Кентербюрійскій Епископъ оправдывался противъ обвиненій въ непотизмъ; онъ представлялъ обстоятельства, при которыхъ онъ далъ одно мѣсто своему сыну, и увѣрялъ, что воспользовался только правомъ, принадлежащимъ ему по закону. За тѣмъ начались иренія касательно комиссій, для изслѣдованія состоянія Оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ. Маркизь Лансдоунъ объявилъ, что до-сихъ-поръ по этому случаю не было сдѣлано никакихъ распоряженій, и что они еще требуютъ предварительнаго зрѣлаго разсмотрѣнія. Въ заключеніе въ Парламентъ, по предложенію Лорда Кампбелля, былъ прочтенъ вторично билль объ исправленіи уголовного судопроизводства.

Ниж. Пал.—На очереди состояло разсирѣніе билля объ Австралійскихъ колоніяхъ. Палата отвергла, (208 гол. противъ 39), предложеніе г. Эвартса, отменить пошлину съ объявленій, которую канцлеръ казначейства считалъ необходимою при нынѣшнемъ положеніи финансовъ.

8-го.—Сегодня изданъ въ Букингамскомъ дворцѣ послѣдній бюллетень о состояніи здоровья Королевы и новорожденнаго Принца. Онъ содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Королева и юный Принцъ продолжаютъ пользоваться удовлетворительнымъ здоровьемъ. Силы Ея Величества возстановились до такой степени, что, начиная съ этого дня, бюллетени болѣе издаваемы не будутъ».

9-го.—*Ниж. Пал.* отвергла вчера, послѣ продолжитель-

ныхъ преній, (197 гол. противъ 37), была о рыбной промыслъ въ Ирландіи, представленный г. *Алстисомъ*. За тѣмъ Палата отвергла, вслѣдствіе предложенія г. *Лабушера*, (123 гол. противъ 4), другой была, о погребеніяхъ усопшихъ вѣвъ города.

10-го. — *Ниж. Пал.* Утвердила (254 гол. противъ 184), была объ увеличеніи въ Ирландіи избирательныхъ льготъ.

— Въ Ливерпуль прибылъ *Atlantic*, первый изъ числа американскихъ пароходовъ, которые будутъ совершать постоянные рейсы между Ливерпульемъ и Нью-Йоркомъ; онъ привезъ извѣстія изъ Нью-Йорка отъ 27 апрѣля. Туда прибылъ изъ Калифорніи пароходъ «*Ogion*», привезшій на 120,000 долларовъ золотаго песку, но не привезшій никакихъ новыхъ извѣстій. Въ Мехико была большой пожаръ, причинившій на 500,000 долларовъ убытку.

13-го. — *Лондонъ.* — *Магметъ-паша*, посланникъ Турецкаго Султана при завѣнномъ дворѣ, отправился сегодня въ Гагу, съ особеннымъ порученіемъ отъ своего Государя.

— Изъ Америки получено извѣстіе, что правительство приказало чеканить новую монету, чтобы ограничить вывозъ калифорнскаго золота въ Англію.

— *Верх. Пал.* — Были довольно жаркія пренія между Герцогомъ *Веллингтономъ* и лордомъ *Брумомъ*, по поводу предложенія, представленнаго лондонскимъ университетомъ; эти пренія были неожиданно прерваны лордомъ *Станлиемъ*, потребовавшимъ отъ правительства объясненій, касательно послѣднихъ извѣстій, полученныхъ изъ Греціи.

— Современн послѣдняго засѣданія Палаты, сказалъ Лордъ *Станлей*, въ Англіи получено извѣстіе, что помирный Франція, который былъ посланъ въ Афины, для посредничества между Англіей и Греціей, удалился оттуда, и что несогласія между Англіей и Греціей окончательно устроены, съ помощію принудительныхъ мѣръ, употребленныхъ Англіей. Такъ какъ это дѣло кончено, то я надеюсь, что правительство не откажется представить всѣ документы, касающіяся, какъ до самаго дѣла, такъ и до французскаго въ немъ посредничества.

Маркизь *Ландсдоунъ* отвѣчалъ, что правительство готово представить требуемые документы,

— Долгомъ считаю замѣтить, присовокупилъ онъ, что г. Уайзъ вполне сообразовался съ данными ему инструкціями, и я могу засвидѣтельствовать; что дѣло съ Греціей устроилось почти такъ, какъ желалъ уполномоченный Франціи. Я долженъ прибавить, что правительство Е. В. Королевы надѣется, что это дѣло послужитъ Греціи урокомъ на будущее время.

— Я надѣюсь, возразилъ лордъ *Стиллей*, что документы, которые будутъ намъ представлены, подтвердятъ слова Маркиза *Лансдоуна*; но теперь я еще не расположенъ оправдывать поступки Англіи.

Маркизь *Лансдоунъ* отвѣчалъ, что лордъ *Стиллей* долженъ бы подождать, когда представятъ документы о греческомъ дѣлѣ и тогда уже судить о поведеніи Англіи:

— Честь имѣю, заключилъ онъ, представить документы, которые удовлетворятъ, вѣроятно, благороднаго Лорда; они касаются возстановленія дипломатическихъ сношеній между Англіей и Испаніей. (*Одобреніе*).

Остальная часть засѣданія не представляетъ ничего любопытнаго.

16-го.—*Ниж. Пал.*—На вопросъ г. Юма, окончательно ли рѣшенъ греческій вопросъ, лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ:

— Вся непріязненная дѣйствія между Англіей и Греціей кончились и нѣтъ никакого повода ожидать ихъ возобновленія. Что касается до отношеній между Франціей и Англіей, то хотя французское правительство и желало, чтобы это дѣло устроилось при посредничествѣ французскаго повѣреннаго, но обстоятельства сами воспротивились этому. Французскій посланникъ уехалъ вчера въ Парижъ, чтобы быть въ ближайшихъ сношеніяхъ съ своимъ правительствомъ; но я увѣренъ, что этотъ отъездъ не разстроитъ дружественныхъ сношеній, существующихъ между обоими государствами.

Подобный же отвѣтъ далъ маркизь *Лансдоунъ* въ Верхней Палатѣ, на вопросъ лорда *Брума*, который въ особенности упиралъ на то, что отъездъ французскаго посланника изъ Лондона последовалъ въ самый день рожденія Англійской Королевы.

17-го.—Газета *Globe*, органъ лорда *Пальмерстона*, увѣряетъ, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ и г.

Друзь-де-Люи, при составленіи конвенціи относительно греческихъ дѣлъ, условились, чтобы конвенція эта, если она будетъ получена въ Афинахъ послѣ заключенія мировой сдѣлки, считалось недействительною.

17-го. — *Верх. Пал.* — Я считаю долгомъ, сказалъ лордъ *Брумъ*, обратить вниманіе Палаты на происшедшее во французскомъ Законодательномъ Собраніи, вслѣдствіе объявленія объ отозваніи г. *Друза де Люи*; маркизь *Лансдоунъ*, не зная, вѣроятно истиннаго положенія этого дѣла, объявилъ намъ вчера, что отозваніе французскаго посланника не имѣетъ того важнаго значенія, которое я ему придавалъ; что г. *Друзь де Люи* отозванъ въ Парижъ единственно для того, чтобы отдать полный отчетъ о возложенномъ на него порученіи. Сегодня оказалось, что этотъ взглядъ маркиза *Лансдоуна* не имѣетъ основанія, что г. *Друзь де Люи* отозванъ не для объясненій, и что онъ даже не говорилъ въ Законодательномъ Собраніи. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, генералъ *Лигиттъ*, прямо объявилъ, что французское правительство отозвало своего посланника съ цѣлю выразить этимъ дѣйствіемъ неудовольствіе на поведеніе Англій въ греческомъ дѣлѣ. Это объявленіе было принято Собраніемъ съ громкимъ одобреніемъ. Говорили, что отсутствіе г. *Друза де Люи* на банкетъ лорда *Пальмерстона* не имѣло цѣлю оскорбить англійское правительство. Я этому вѣрю; но такъ какъ г. *Друзь де Люи* уѣхалъ изъ Лондона въ этотъ самый день утромъ, то отъ чего же французскій повѣренный въ дѣлахъ, *Марескальки*, не явился на банкетъ?.. Я знаю, что наши несогласія съ Франціей кончатся, но они оставляютъ послѣ себя глубокое раздраженіе, которое можетъ быть вредно для мира, сохраненіе котораго столь важно для Англій, для Франціи, для всей Европы. Генералъ *Лигиттъ* предписалъ г. *Друзю де Люи* показать отзывавшую его депешу лорду *Пальмерстону*, но такъ какъ президентъ совѣта министровъ, маркизь *Лансдоунъ* ничего не зналъ о ней, слѣдовательно г. *Друзь де Люи* не сообщалъ ее лорду *Пальмерстону*, а можетъ быть лордъ *Пальмерстонъ* не хотѣлъ сообщить ее маркизу *Лансдоуну*. Что касается до спорнаго вопроса, то я не буду говорить о немъ до-тѣхъ-поръ, пока не прочту всѣхъ относящихся къ нему документовъ. Если я изъ нихъ увижу, что французское правительство не право, то сдѣлаюсь первымъ защитникомъ англійскаго Правительства; въ про-

тивномъ же случаѣ, я не премину вступить за Францію.

Маркизь *Лансдоунъ* отвѣчалъ, что г. *Друзъ де Люи* не сообщалъ лорду *Пальмерстону* отзывавшую его депешу, какъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ водится; что же касается г. *Марескальки*, то онъ не присутствовалъ на банкетѣ лорда *Пальмерстона* потому, что на подобные банкеты не имѣютъ обыкновенія приглашать секретарей посольства, а г. *Марескальки* не былъ приглашенъ. О спорномъ же вопросѣ, заключилъ маркизь *Лансдоунъ*, я объяснюсь послѣ представленія касающихся до того документовъ, а они будутъ представлены въ самомъ скоромъ времени.

Лордъ *Брумъ* объявилъ, что эти объясненія не удовлетворяютъ его, и за тѣмъ Палата перешла къ очереднымъ своимъ занятіямъ.

— *Ниж. Пал.*—Лордъ *Джонъ Россель*, отвѣчая на вопросъ г. *д'Израэли*, объявилъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ Лорду *Норменби*, что г. *Друзъ де Люи* отозванъ въ слѣдствіе неудовольствія на поведеніе Англіи въ греческомъ дѣлѣ. Г. *Друзъ де Люи* былъ присланъ въ Лондонъ съ порученіемъ устроить греческія дѣла, и такъ какъ порученіе его кончилось или лучше сказать не удалось, то очень естественно, что его должно было отозвать.

— Я сожалею, сказалъ лордъ *Россель*, что французское правительство сочло себя оскорбленнымъ, потому что англійское правительство не отказывалось принимать посредничества г. *Гро* въ греческомъ дѣлѣ; я надѣялся, что это посредничество будетъ имѣть успѣхъ и мы были готовы на всѣ возможныя уступки. Баронъ *Гро* отказался, 27 апрѣля, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, отъ возложеннаго на него порученія, и положилъ этимъ отказомъ конецъ посредничеству Франціи. Но еслибъ онъ дождался депешъ, которыя вскорѣ послѣ того прибыли, то дѣло, безъ сомнѣнія, устроилось бы, и мы избавились бы отъ непріятныхъ несогласій.

За тѣмъ лордъ *Джонъ Россель* объявилъ, что г. *Друзъ де Люи* не сообщалъ отзывавшей его депеши лорду *Пальмерстону*, не оставилъ даже копія съ нея, но читалъ ее

лорду *Пальмерстону* и очень долго объяснял ее. Наконец лордъ *Джонъ Россель* сказалъ, что лордъ *Норменби* отозванъ изъ Парижа.

18-го.—Мальтійскій журналъ *Portofoglio* извѣщаетъ, что адмиралъ *Паркеръ* послалъ въ Неаполь фрегатъ «*Tigrebrand*» для требованія немедленнаго исполненія требованій лорда *Пальмерстона*, касательно вознагражденій англійскихъ подданныхъ, за убытки, понесенные ими во-время бомбардированія Мессины. Въ случаѣ отказа, весь флотъ адмирала *Паркера* отправится къ Неаполю.

20-го.—Въ *Times* напечатано:

«Мы не думали, и не думаемъ и теперь еще, чтобы настоящее положеніе дѣлъ, определенное окончательно договоромъ съ Греціею, могло повести Англію къ столкновеніямъ или даже къ войнѣ съ Франціею. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ мы находимся въ настоящемъ разрывѣ съ Испаніею, и только нѣсколько дней тому назадъ несогласія съ этимъ государствомъ окончены вслѣдствіе ноты, которую мы назвали бы новою обидою Англій, если бы въ ней не заключалась просьба о примиреніи. Сношенія наши съ Австріею не прерваны официально, но оцѣ вовсе не дружественны, и вѣнскій кабинетъ, навѣрно, не пошлетъ въ Лондонъ посланника, пока наша политика не перемѣнится.

«Лордъ *Пальмерстонъ* видѣлъ, по отсутствію нѣсколькихъ иностранныхъ посланниковъ на его банкетъ, данный по поводу празднованія дня рожденія Королевы, что удаленіе иностранныхъ державъ не есть исключеніе, между тѣмъ мы не ведемъ войны ни съ одною изъ нихъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина этого обстоятельства: въ послѣднее время мы потеряли справедливое вліяніе и уваженіе, которыми пользовалась Англія, какъ могучій и безпристрастный защитникъ главныхъ началъ и обязательствъ, составляющихъ основу общенароднаго права Европы; мы измѣнили своей обязанности, не подавъ нравственной помощи нашимъ союзникамъ, хотя они имѣли на нее полное право, въ то время, когда имъ грозилъ ужасная опасность, когда всѣ учрежденія правительственныя и общественныя были подвержены нападеніямъ; да, мы тѣмъ ближе къ войнѣ, что измѣнили своей политикѣ, до-сихъ-поръ вполне

охранительной, и стали содѣйствовать партіи безначалія. Мѣра, принятая французскимъ правительствомъ, не есть выраженіе мнѣнія одной какой-нибудь безыменной партіи: пять шестыхъ частей Собранія, въ высшей степени народнаго, приняли ее съ живѣйшимъ восторгомъ, дѣйствию, произведенное ею, было электрическое.

«Мы должны были рассказать факты такъ, какъ они произошли; какъ ни тяжело то, что сосѣдній нашъ народъ питаетъ къ намъ враждебныя чувства, но было бы смѣшно скрывать настоящее положеніе дѣлъ и преступно опираться, для сохраненія міра, на партію, которой единственное достоинство въ отношеніи къ намъ состоитъ въ томъ, что она ненавидитъ насъ меньше, чѣмъ ненавидитъ правительство и порядокъ. Теперь, когда Собраніе вполне одобрило новую политику министерства, отзываніе французскаго посланника нельзя считать фактомъ безъ значенія; теперь министерство не можетъ отступить, иначе оно будетъ уничтожено Собраніемъ и общимъ мнѣніемъ. Оно знаетъ очень хорошо, что въ настоящемъ случаѣ все европейскія государства стануть помогать ему, чему не находимъ мы примѣра въ новѣйшей исторіи, или, по-крайней-мѣрѣ, будутъ совершенно нейтральны. Знаетъ оно и то, что никогда англійскій народъ не былъ меньше теперешняго готовъ вести войну, что поведеніе лорда *Пальмерстона* возбудило противъ него всеобщій ропотъ во всѣхъ классахъ общества, что, наконецъ, сдѣлалось яснымъ, что обѣщанія, данныя французскому посланнику, нарушены, что для этого употреблены обиды, что ваши соотечественники первые обвиняютъ такія обиды. Скажемъ въ заключеніе, что англійскій народъ, котораго лордъ *Пальмерстонъ* показывалъ такъ мало довѣрія, не будетъ поддерживать такого министра и вынудитъ бѣдствія и поддержки войны, которой главнымъ поводомъ служить требованія Португальца *Пачефико*».

— Ея Величество Королева выѣхала въ первый разъ послѣ родовъ. Она впрогуливалась въ открытой коляскѣ по паркамъ, съ королевой *Бельгийцевъ* и Принцомъ *Альбертомъ*.

— *Людвигъ Филиппъ* ѣдетъ сегодня съ семействомъ въ Сен-Леонаръ. Здоровье его, нѣсколько времени разстроенное, снова поправилось.

23-го.—*Ниж. Пал.*—Объ Палаты должны были начать снова засѣданія, прекращенныя по случаю праздника Св. Троицы; но Верхняя не собиралась,

При началѣ засѣданія Нижней, лордъ *Пальмерстонъ*, потребовалъ слова.

Я полагаю, сказалъ онъ, что вслѣдствіе того, что произошло въ этой Палатѣ, и особенно вслѣдствіе отвѣта моего на возраженія моего почтеннаго друга, представителя Манчестера (*г. Джибсонъ*), я долженъ, для Палаты и для самого себя, сдѣлать нѣсколько объясненій (*рукописанія*). Мой почтенный другъ спрашивалъ у меня, въ прошлый четвергъ, совершенно ли согласны между собою, на стетъ греческаго вопроса, правительства Франціи и Англіи? Я отвѣчалъ ему, сколько помню, что французскій посланникъ оставилъ Лондонъ наканунѣ, что правительство Ея Величества поручило ему передать нѣкоторыя объясненія французскому правительству, что главная цѣль его отъѣзда было личное объясненіе и что самъ онъ (министръ) надѣется, что изъ этого не произойдетъ перемѣны дружественныхъ отношеній между обоими правительствами. Наканунѣ, генералъ *Лазиттъ* прочелъ французской Палатѣ письмо, которымъ отозванъ французскій посланникъ, или вѣрнѣе, которымъ велѣно было ему возвратиться въ Парижъ. (*Слушайте!*)... Многіе члены этой Палаты и постороннія лица думали, что мой отвѣтъ противорѣчилъ этому письму и что я скрываю что-нибудь такое, что Палата и общество имѣютъ полное право знать. (*Слушайте, слушайте!*)... Вотъ въ чемъ дѣло: между французскимъ правительствомъ и правительствомъ Ея Величества произошло несогласіе по поводу греческаго дѣла и мѣръ, принятыхъ нами за нѣсколько дней предъ тѣмъ, для скорѣйшаго окончанія его. Въ сущности несогласіе между правительствами заключалось въ различномъ мнѣніи объ образѣ окончанія разрыва между Англіею и Греціею. Въ прошлую субботу, я получилъ изъ Аѳинъ депешу, и передалъ ее французскому посланнику. Во вторникъ, утромъ, онъ былъ у меня, чтобы поговорить со мной объ ней; и изложилъ ему намѣренія правительства Ея Величества, и сказалъ, что не думалъ, чтобы политика, которой мы слѣдовали въ этомъ дѣлѣ, могла оскорбить Францію. (*Слушайте, слушайте!*)... Совѣщаніе было очень долго, и посланникъ, оставляя меня, сказалъ, что будетъ завтра. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ среду, въ полдень, онъ пріѣхалъ опять,

и во-время разговора прочелъ письмо, только что полученное имъ отъ генерала *Лагитта*. (*Слушайте!*) Это письмо вы-сказывало причины отозванія посланника. *Г. Друэнъ де Люи* прибавилъ: завтра документы представлены будутъ Собра-нiю, и могутъ начаться пренiя объ нихъ; я долженъ быть въ Парижъ до начала засѣданiя, чтобы дать объясненiя, кото-рыхъ отъ меня потребуютъ. Я вполне одобрилъ рѣшенiя французскаго посланника. Я просилъ его сообщить своему правительству сущность объясненiй, которыя онъ слышалъ отъ меня, и передалъ ему нѣсколько депешъ *г. Вэйза*, съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ ихъ своему правительству, озна-чивъ самыя важныя мѣста въ нихъ. Въ такомъ положенiи были дѣла, когда у меня потребовали здѣсь объясненiя. Я не могъ думать, что, противно всемъ обыкновенiямъ, пись-мо генерала *де Лагитта* было прочтено въ Собрании даже до сообщенiя ему документовъ, относящихся къ дѣланъ, о которыхъ въ этомъ письмѣ упоминается. Никогда не могъ я предполагать такого поведенiя, въ какомъ бы то ни было случаѣ. Къ тому же, я имѣлъ основанiе думать, что дан-ныя мною объясненiя, еслибъ даже они не совершенно удо-влетворили требованiямъ французскаго правительства, измѣ-нили бы его тонъ и повели бы къ новымъ переговорамъ. Между-тѣмъ какъ я здѣсь предлагалъ Палатѣ требуемыя ею объясненiя, французскiй министръ долженъ былъ объ-яснить французскому Собранию причины отозванiя *г. Дру-эна де Люи*. Я спрашиваю теперь каждаго изъ членовъ этой Палаты, который въ состоянiи судить объ интересахъ своей нации и отношенiяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ къ парламенту, не былъ ли бы я виновенъ въ самой тяжелой нескромности, если бы сообщилъ Палатѣ содержа-нiе этого письма, надѣясь въ тоже время на то, что несо-гласiе уже кончено? (*Громкiя рукоплесканiя почти на всѣхъ скамьяхъ*). Я долженъ привести еще другое оправданiе моего поведенiя. Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ влия-нiемъ сильнаго желанiя избѣгнуть и смягчить, сколько мож-но, всякое неудовольствiе французскаго правительства, ко-торое бы измѣнило дружественныя отношенiя, существу-ющiя между Англіею и Франціею. Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ, по-тому-что оно обвиняетъ правительство Ея Величества и ме-ня въ особенннсти, какъ органъ его, въ томъ, что мы измѣ-нили слову, данному французскому министерству.

Здѣсь лордъ *Пальмерстонъ* излагаетъ длинныя подробности, съ цѣлію доказать, что англійскій кабинетъ не можетъ сдѣлать себѣ ни какого упрека, по поводу переговоровъ, въ которыхъ Франція участвовала, какъ посредница. Онъ оканчилъ рѣчь свою слѣдующими словами:

Я не считаю нужнымъ прибавлять, что всякое происшествіе, которое бы положило конецъ дружественнымъ отношеніямъ, существовавшимъ до-сихъ-поръ между Франціею и Англіею, будетъ для правительства Ея Величества предметомъ глубокаго и тяжкаго сожалѣнія (*рукоплесканія*). Я надѣюсь, что я не сказалъ ничего такого, что бы могло усилить несогласія или поставить препятствіе къ соглашенію (*рукоплесканія*). Я не теряю надежды, что французское правительство, обсудивъ вопросъ основательно, спокойно, безъ увлеченія, увидитъ, что не было никакого повода прервать сношенія съ дружественнымъ государствомъ, и я не могу не надѣяться, что переговоры, которые ведутся теперь между обоими правительствами, приведутъ къ результату удовлетворительному для каждаго изъ насъ. Я сказалъ уже, что я, очень буду жалеть, если мнѣ случится сказать что-нибудь, что бы могло отдалить скорое рѣшеніе вопроса; мнѣ остается выразить еще одну надежду, что Парламентъ оставитъ этотъ вопросъ до окончанія переговоровъ; но если нужно будетъ разсуждать о немъ, то я увѣренъ, что ни одинъ изъ членовъ Палаты не употребитъ выраженія, которое бы сколько нибудь могло обидѣть Францію или ея правительство.

Правительство Ея Величества питаетъ сильное желаніе быть постоянно къ французскому правительству въ дружественныхъ отношеніяхъ, не обращая вниманія на то, изъ какихъ людей состоитъ оно.

Мы ведемъ переговоры съ правительствомъ, которое существуетъ.

Г. *д'Израэли* совѣтовалъ не одобрять поведенія лорда *Пальмерстона* до изслѣдованія относящихся къ дѣлу депешъ. По его мнѣнію, настоящія причины дѣйствій англійскаго флота въ Средиземномъ-морѣ достаточно не объяснены; вѣроятно между министромъ и колоніями вышли несогласія относительно прибрежныхъ странъ. Лордъ *Пальмерстонъ* не увѣдомилъ Палату объ афинскомъ договорѣ объ островахъ Черви и Сапіенца и о чувствахъ съ-

верныхъ державъ въ отношеніи къ Англіи. Онъ думаетъ, что лордъ *Джонъ Расселъ* будетъ откровеннѣе. Лордъ *Росель* сказалъ, что нечего было болѣе настаивать на договорѣ 18 апрѣля, потому-что 23 числа баронъ *Гро* объявилъ, что его назначеніе кончено, а 5-дней было мало для приведенія въ дѣйствіе лондонской конвенціи въ Афинахъ, гдѣ баронъ *Гро* самъ требовалъ окончанія дѣла. Англійское правительство готово сдѣлать Франціи всѣ уступки, согласныя съ достоинствомъ Англіи, для возстановленія дружбы. Я надеюсь, сказалъ онъ, что въ искренности этого желанія никто не сомнѣвается. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я занимаю теперешнее мѣсто мое, ничто такъ сильно не огорчало меня, какъ это. Мы часто совѣщались съ Франціею, даже когда общее мнѣніе не одобряло ея политики, потому-что хотѣли выразить наше расположеніе къ правительству, которое хотѣли видѣть сильнымъ и котораго существованіе и могущество было необходимо для мира и спокойствія Европы.

— Въ Сентъ-Джемскомъ Дворцѣ происходило на-дняхъ военное празднество. Одинъ изъ двухъ старѣйшихъ полковъ британской арміи, Кольдстримскій гвардейскій полкъ, праздновалъ двухъ-сотую годовщину своего основанія. Онъ обязавъ своимъ происхожденіемъ извѣстному генералу *Монку*, который, будучи уполномоченъ на то Протекторомъ *Кромвеллемъ*, сформировалъ его въ августѣ 1650 года, изъ разныхъ отрядовъ войскъ, стоявшихъ въ Нью-Кэстлѣ и Бервикѣ. Потомъ новый полкъ отправился, подъ предводительствомъ *Кромвелля*, въ Шотландію, и возвратился оттуда лишь тогда, когда *Моикъ* оставилъ, 1-го января 1660 г. свою главную квартиру Кольдстримъ, чтобы возстановить монархію и возвести Карла II-го на престолъ. Послѣдній, пожаловалъ генералу титулъ герцога *Альбемарльскаго*, включивъ его полкъ въ число полковъ королевской гвардіи. Въ-послѣдствіи, Кольдстримскій полкъ неоднократно отличался, особенно при Ватерлоо, гдѣ почетнымъ постомъ него былъ Гугомонтакій дворъ. Его тогдашній полковникъ, сэръ *Джемеъ Мандональдъ*, нынѣ генералъ-лейтенантъ, присутствовалъ при пояннутомъ банкетѣ. Сверхъ того въ празднествѣ участвовали Герцогъ *Валлингтонъ*, секретарь военнаго министерства *Фонсъ Мауль*, Герцогъ *Кембриджскій* (шефъ Кольдстримскаго полка), лордъ *Джорджъ Меннерсъ* и другіе.

— Назадъ тому нѣсколько ней, Общество друзей мира праздновало тридцать-четвертую годовщину своего основанія. При семъ случаѣ, секретарь Общества замѣтилъ, что предположенную выставку произведеній всемірной промышленности равноѣрно должно почестъ предпріятіемъ, направленнымъ къ поддержанію мира, и что потому было бы желательно, чтобъ оружіе не принадлежало къ числу предметовъ выставки. Общество раздѣлило такое мнѣніе и положило просить Принца Альберта, чтобы на выставку не были принимаемы никакія орудія, назначенныя для разрушенія человеческой жизни.

30-го.—*Ниж. Пал.*—Сегодня первое засѣданіе въ новомъ зданіи; оно началось въ 12 часовъ. Временное распределение залы оказалось неудобнымъ; журналисты жалуются, что объ нихъ мало позаботились. Необходимо увеличить нѣсколько измѣнить залу. Въ 5 часовъ Палата собралась снова въ старомъ зданіи, чтобы продолжать засѣданіе. Лордъ *Джонъ Россель* просилъ согласія Палаты на представленіе билля о дополненіи парламентской присяги для Евреевъ; билль этотъ будетъ представленъ. Потомъ Палата приняла, (93 гол. противъ 68), вопреки возраженіямъ канцлера казначейства, предложеніе Лорда *Ашлея* представить Королеву адрессъ, съ просьбою о закрытіи почтовыхъ конторъ въ воскресные дни.

— Генераль *Кабрера* женился вчера на богатой наследницѣ, миссъ *Маріаннъ Катеринъ Ричардсъ*, которая должна имѣть 25,000 фунт. стер. годоваго дохода. При совершеніи брака присутствовалъ между прочимъ *Инфантъ Донъ Жуанъ Испанскій*, братъ *Графа де Монтемолина*.

Ф Р А Н Ц І Я .

1-го мая.—*Зак. Соб.*—Президентъ раздѣлилъ, по жребію, членовъ на отдѣленія. Затѣмъ Собраніе приняло два мѣстныхъ неважныхъ проекта законовъ. Военный Министръ представлялъ проектъ закона, касательно таможеннаго правленія французской и иностранной торговли въ Алжирь. *Г. Раисе* совѣтовалъ передать законъ въ алжирскую комиссію. *Г. Кордье* требовалъ, чтобы Собраніе поставило на

очередь его предложенье касательно счисления голосовъ. Оба предложенія были приняты. Затѣмъ Собраніе снова перешло къ разсмотрѣнію бюджета военнаго министерства.

— Важнѣйшее извѣстіе, полученное изъ Парижа, состоитъ въ томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ нарядилъ комиссію для составленія проекта измѣненій закона о выборахъ. Эта комиссія состоитъ изъ 16 членовъ большинства, а именно Гг. *Бенуа д'Ази, Беррье, Беньо, де Бром, Вюффе, де Шаслу-Лоба, Дарю, Леона Фоше, Жюль де Ластери, Моле, де Монталамбера, де Монтебелло, де Свза, генерала де Сень-Прм, Тьера и де Ватимениля*. Самый составъ этой комиссіи показываетъ, что правительство намѣрено дѣйствовать рѣшительно. По этому мѣра, предложенная министрами внутреннихъ дѣлъ заслужила общее обобреніе чисто-охранительной партіи, а республиканцы и анархисты негодуютъ. Умѣренные республиканцы также намѣрены противиться всякому ограниченію всеобщаго права подаванія голосовъ, а средняя партія еще не рѣшается пристать въ этомъ случаѣ къ большинству. Впрочемъ въ Парижѣ все спокойно.

2-го.—*Зак. Соб.*—Г. *Пасси* представилъ докладъ комиссіи объ устройствѣ правительства и управленія Алжира. Г. *Шарль Дюпенъ* предложилъ признать г. *Клавье* представителемъ Варскаго департамента, что и было принято. На очереди состояли пренія о чрезвычайномъ кредитѣ въ 2.629,910 франковъ, на содержаніе французскаго корпуса въ Церковной области, въ теченіе перваго семестра 1850 года. Г. *Эмманюэль Арагъ* протестовалъ противъ рѣшенія комиссіи отъ имени Республики и произнесъ сильную рѣчь, въ которой старался доказать, что Франція дѣйствовала въ римскомъ дѣлѣ противно рѣшенію Учредительнаго Собранія, противно собственному своему характеру, что Франція бесполезно пролила кровь сыновъ своихъ; что она должна была дѣйствовать противъ вліянія Австріи, и вмѣсто того дѣйствовала за одно съ нею. Рѣчь г. *Арагъ* была нѣсколько разъ прерываема и кончилась страшнымъ шумомъ. Г. *Густавъ де Бомонъ* старался оправдать комиссію. За тѣмъ вошелъ на трибуну г. *Жюль Фавръ*, но правая сторона потребовала заключенія преній, что и было принято. Президентъ прочелъ, среди ужаснѣйшаго шума, 1-ую статью закона. На трибуну вошелъ г. *Фаванъ* и

сказалъ, что онъ былъ батальоннымъ командиромъ въ штабъ-лианскомъ экспедиціонномъ корпусѣ, присутствовалъ при въездѣ Папы въ Римъ, и слѣдовательно лучше другихъ можетъ судить о впечатлѣніи, произведенномъ на Римлянъ возвращеніемъ Папы; что они не желали возстановленія папской власти, а желали республиканскаго правленія, что всѣ рассказы о радости римскаго населенія справедливы только въ отношеніи къ высшимъ сословіямъ и духовенству. Слова г. *Фавана* вызвали сильный шумъ на правой сторонѣ и громкое одобреніе на лѣвой. Генералъ *Удини* опровергалъ слова г. *Фавана*, сказавъ, что и онъ видѣлъ въездъ Папы и потому объявляетъ слова г. *Фавана* совершенно ложными. Въ Собраніи снова поднялся сильный шумъ: правая сторона громко одобряла рѣчь генерала, лѣвая столь же громко порицала ее и смѣялась. Законъ былъ принятъ (462 гол. противъ 198). Гг. *Кавеньяль*, *Бедд* и *Ламорисьеръ* подали голоса за одно съ большинствомъ. Остальныя главы закона были приняты безъ преній.

— Всѣ журналы легитимистской партіи возстаютъ противъ измѣненія закона о выборахъ.

— Г. *Тьеръ*, который хотѣлъ для поправленія своего здоровья ѣхать въ Италію, отложилъ это путешествіе, по причинѣ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

3-го.—Зак. Соб.—Г. *Шельзеръ* (членъ горы) требуетъ отъ морскаго министра объясненій касательно послѣднихъ происшествій на Сенегалѣ. Губернаторъ тамошней колоніи, флота капитанъ *Боденъ*, былъ не разъ вынуждаемъ, въ послѣднее время, наказывать нѣкоторые мавританскія племена, для огражденія французской торговли. Онъ былъ принужденъ удалиться на время изъ колоніи, для примиренія двухъ враждовавшихъ племенъ. Одно мавританское племѣ воспользовалось этимъ случаемъ для нападенія на французскія заведенія, разграбило ихъ, даже убило нѣсколько человѣкъ, и потомъ удалилось. Г. *Шельзеръ* выразилъ мнѣніе, что на Сенегалъ должно послать подкрѣпленіе. Морской министръ успокоивалъ Собраніе на счетъ сенегальской колоніи, и сказавъ, что по его мнѣнію, теперь не слѣдуетъ еще посылать туда подкрѣпленій, а подождать, чтобы самъ капитанъ *Боденъ* ихъ потребовалъ. За тѣмъ Собраніе перешло къ третьему разсмотрѣнію предложеннаго генераломъ *Баразе д'Илье* проекта закона, объ отнѣніи уста-

новденнаго при генералѣ *Касарьякѣ* безвозмезднаго обученія въ Политехнической, военной—сен-Сирской и морской—брестской школахъ. Коммиссія предложила, черезъ своего докладчика, ограничить число бесплатныхъ мѣстъ въ этихъ школахъ третью всего числа учащихся въ нихъ. Вслѣдствіе энергическихъ возраженій генерала *Ламорисьера*, Собраніе отвергло предложеніе коммиссіи. Другое предложеніе коммиссіи, перевести Политехническую Школу въ Мёдонъ, лежащій въ двухъ часахъ пути отъ Парижа, за то, что воспитанники Политехнической Школы постоянно принимаютъ участіе во всѣхъ парижскихъ беспорядкахъ, подало поводъ къ продолжительнымъ преніямъ. Одинъ изъ членовъ большинства требовалъ даже, чтобы школу перевели въ Фонтенебло. Военный министръ воспротивился этому рѣшенію, говоря, что оно есть посягательство на права исполнительной власти. Г. *Лассо* отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ возраженій министра, потому—что Законодательное Собраніе имѣетъ верховную власть; что онъ считаетъ перенесеніе Политехнической Школы въ другой городъ полезнымъ, потому—что воспитанники ея являлись предводителями всѣхъ парижскихъ возмущеній. Генералъ *Ламорисьеръ* воспротивился немедленному рѣшенію о столь важной мѣрѣ, касающейся перваго учебнаго заведенія въ Европѣ, требовалъ, чтобы ее предварительно рассмотрѣли и отвергли бы рѣшеніе коммиссіи. Собраніе почти единодушно согласилось съ этимъ мнѣніемъ. Затѣмъ оно рѣшило допустить къ третьему рассмотрѣнію вторую часть закона, а потомъ продолжало пренія о бюджетѣ морскаго министерства и разрѣшило учредить въ колоніяхъ два епископства. Въ 7 часовъ *президентъ* объявилъ, что засѣданіе закрыто, и представители встали уже съ мѣсто своихъ, когда вошелъ на трибуну г. *Кремель*, чтобы спросить министровъ и представителей, намѣрены ли они принять участіе въ завтрашнемъ торжествѣ, но члены большинства воспротивились преніямъ объ этомъ вопросѣ, и г. *Кремель* принужденъ былъ ограничиться засвидѣтельствованіемъ (constat), что Зак. С. не приметъ участія въ завтрашнемъ празднествѣ въ память провозглашенія республики. *Сезюръ д'Агессо* также пытался говорить, но члены большинства громко требовали закрытія засѣданія, что и было исполнено.

— Говорятъ, что г. *Сю* сбрилъ бороду и усы, какъ ско-

ро узналъ, что выбранъ въ представителя. Демократы думаютъ, что это не добрый знакъ.

— Уличные продавцы журналовъ продаютъ запрещенные журналы, обвертывая ихъ въ позволенные, и такимъ образомъ обманываютъ бдительность полиціи.

— Говорятъ, что къ г. Прудону запрещено допускать посѣтителей.

4-го. Праздникъ прошелъ спокойно; ему благопріятствовала прекраснѣйшая погода. Съ 24 февраля 1848 года не было ни одного столь блистательнаго праздника. Въ 10 часовъ утра былъ благодарственный молебенъ въ соборѣ Парижской Богоматери, при которомъ присутствовали: префектъ Сенскаго департамента, многіе меры и члены муниципальной комиссіи. Музыка всѣхъ легионовъ національной гвардіи принимала участіе въ этомъ религіозномъ торжествѣ. Впрочемъ, въ соборѣ было только нѣсколько сотъ человекъ. Въ прочихъ парижскихъ церквахъ было также немного народа. Но за то въ публичныхъ мѣстахъ, въ особенности же въ Элизейскихъ-поляхъ, съ утра до ночи толпилось множество народа. Центромъ праздника была площадь Согласія, украшенная съ большимъ вкусомъ и освѣщенная великолѣпной иллюминаціей. На четырехъ концахъ обширной площади были воздвигнуты колоссальныя триумфальныя ворота, постройка которыхъ была поручена искуснѣйшимъ парижскимъ декораторамъ; они были украшены аллегорическими изображеніями и портретами историческихъ лицъ. Триумфальныя ворота, находившіяся близъ Тюильери, были украшены надписью: «Наукамъ и искусствамъ», и портретами Паскаля, Боссюэта и Корнеля. Кромѣ того на нихъ были начертаны имена извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ Франціи, Мольера, Вольтера, Руссо, Декарта, Монтескьё и т. д. На противоположныхъ воротахъ (близъ Quai de la Conférence) была надпись: «Земледѣлію», портреты и имена извѣстныхъ агрономовъ. Третьи триумфальныя ворота, на углу улицы Риволи, были посвящены изящнымъ искусствамъ; четвертыя, близъ Avenue Catiotelle, — торговлѣ. Днемъ, эти ворота были украшены знаменами, а вечеромъ люстрами и жирандалями. Обелискъ, стоящій среди площади, былъ обнесенъ восьмиугольнымъ возвышеніемъ, имѣвшимъ двѣ ступени. На верхней его части лежали огромныя сфинксы, на цоколѣ, которыхъ было начертано: Бона-

ларте, Абукирь, Пирамиды, Геліополисъ; пониже были имена Делорме, Кафарелли, Мюрата, Ларрея и т. д. Великолѣпные фонтаны, находящіеся по обѣимъ сторонамъ обелиска, представляли очаровательное зрѣлище, особенно вечеромъ, при огняхъ иллюминаціи. Бассейны обоихъ фонтановъ были украшены дерномъ и цвѣтами. Литые стволы, выходящіе изъ середины бассейновъ, были увѣшаны разноцвѣтными шарами и гирляндами изъ фонарей. Вечеромъ, это освѣщеніе представляло волшебное зрѣлище. Для довершенія очарованія, сирены бассейновъ были окрашены бѣлою краскою и казались живыми, среди блиставшихъ вокругъ нихъ огней. Вокругъ обелиска и площади стояли бѣлые канделабры, блиставшіе позолотою, въ которыхъ горѣли вечеромъ бенгальскіе огни, распространяя волшебный свѣтъ. Сверхъ того, огромная площадь была окружена штандартами и щитами, которые были увѣшаны люстрами и соединялись между собой гирляндами изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Зданіе морскаго министерства было также иллюминировано. Кромѣ того, были иллюминированы, самымъ фантастическимъ образомъ, Тюильерійскій дворецъ и садъ; широкая улица Согласія была уставлена колоннами, на которыхъ горѣли бенгальскіе огни, перковь Св. Магдалины и мостъ Согласія были также блистательно освѣщены. У триумфальныхъ воротъ Звѣзды былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Послѣ обѣда поднялись съ площади Согласія два аэростата; на этой площади играла военная музыка; въ Элисейскихъ-поляхъ были устроены разныя забавы и увеселенія. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ было множество народа; говорятъ, что на площади Согласія и въ Элисейскихъ-поляхъ было до 300,000 человекъ. Порядокъ не былъ ни разу нарушенъ. На площадяхъ стояли войска. На Тюильерійскомъ дворѣ былъ настоящій лагерь, но находившимся тамъ солдатамъ не позволялось выходить оттуда. По городу бѣдило множество конныхъ патрулей; народъ пропускалъ ихъ безъ всякаго сопротивленія.

— Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія закона о тисненіи, кончила возложенное на нее порученіе. Всѣ парижскіе журналы будутъ платить, внѣ Сенскаго департамента, штемпельную пошлину въ 10 сантимовъ, считая въ томъ числѣ пересылку по почтѣ. Но нумера журналовъ, не выходящіе изъ Сенскаго департамента будутъ платить только 5 сантимовъ штемпельной пошлины. Всѣ департаменскіе

журналы, безъ различія, будутъ обложены штемпелемъ в 4 сантима. Разумѣется, что это рѣшеніе будетъ еще измѣнено Собраніемъ.

— Одинъ изъ заключенныхъ въ Дуланской цитадели рядовой солдатъ *Дюкрэ*, бросился, въ порывѣ отчаянія, съ высоты 70-ти метровъ. Однакожь онъ не убился до смерти, а только тяжело раненъ.

6-го — *Зан. Соб.* — Президентъ *Дюло* прочелъ предложе- ніе касательно перече-та голосовъ.

Ст. 1-я. Квесторамъ Собранія разрѣшается кредитъ въ 29,984 франка и 80 сантимовъ, на устройство машины для собира- нія голосовъ.

Собраніе разрѣшило кредитъ. За тѣмъ, оно перешло къ продолженію преній о бюджетѣ морскаго министерства и утвердило нѣсколько статей. Послѣ чего перешло къ бюджету министерства публичныхъ работъ. Г. *Надо* говорилъ противъ предложенія комиссіи, сдѣлать въ этомъ бюджетѣ нѣкоторыя сокращенія, просилъ Собраніе не соглашаться на него, и доказывалъ основательность своей просьбы тѣмъ, что работа лучше другихъ средствъ охраняетъ порядокъ и спокойствіе. За тѣмъ собраніе утвердило, почти безъ преній, 1, 2, 3 и 4 главы бюджета.

— Въ субботу, вечеромъ (4 мая), въ то самое время, когда кончался фейерверкъ, Президентъ Республики предложилъ работавшимъ съ нимъ министрамъ финансовъ, юстиціи и торговли, прогуляться по Парижу. Держа подъ руку г. *Руэ* и сопровождаемый гг. *Дюма* и *Фулдомъ*, онъ гулялъ среди самой густой толпы и возвратился въ Элизе около полуночи. Во-время прогулки онъ слышалъ въ народѣ много чрезвычайно пріятныхъ и лестныхъ для него от- вывовъ, и замѣтилъ, что во многихъ лавочкахъ, раскину- тыхъ въ Элизейскихъ-поляхъ, продавали множество вещей, портретовъ и эмблеммъ, напомнившихъ ему славную эпоху Франціи, столь дорогую ему и всей Франціи.

— Г. *Евгеній Сю* выбралъ себѣ мѣсто въ центрѣ Собранія, почти рядомъ съ гг. *Жюлемъ Фавромъ*, *Дефлоттомъ* и *Видалемъ*.

— Вчера въ церкви Инвалидовъ была панихида по Наполеонѣ. Друзья *Годесфруа Кавеньяка*, умершаго также 5

мая (1845), вѣнчали въ тотъ же день цвѣтами его надгробный памятникъ. *Годефруа Кавеньякъ* родной братъ нынѣшняго генерала *Кавеньяка*, онъ былъ извѣстенъ во-время монархіи, какъ самый рѣшительный республиканецъ.

6-го—*Зак. Соб.*—На очереди состояло разсмотрѣніе бюджета министерства публичныхъ работъ. *Г. Делессеръ* представилъ докладъ о парижскихъ выборахъ 28 апрѣля. У г. *Евгенія Сю* было большинство въ 8,135 голосовъ. Противъ этого выбора было представлено много проектовъ, но комиссія не сочла ихъ довольно важными, чтобы уничтожить выборъ. Что касается до назначенія г. *Сю* подъ именемъ *Евгенія*, то оно не точно, потому-что настоящее его имя *Иосифъ Маріа*. Но такъ какъ онъ извѣстенъ подъ первымъ именемъ и изъ документовъ видно, что ему 49 лѣтъ, и что онъ родился Французомъ, то комиссія не обратила на это особаго вниманія. Выборъ этотъ былъ принятъ единогласно. За тѣмъ собраніе продолжала пренія о бюджетѣ.

7-го.—Въ началѣ газеты *Napoléon* напечатано слѣдующее объявленіе:

«Перемѣна редакціи газеты *Napoléon* отложена еще на сутки.

Впрочемъ въ газетѣ все еще печатается имя ея отвѣтственнаго редактора г. *Жакве*, ея контора все еще находится въ улицѣ *Матиньонъ*, и въ ней, попрежнему, выражаются на полеоновскія идеи. Между прочимъ въ сегодняшнемъ номерѣ напечатано:

«Народъ, предоставленный самому себѣ, всегда сознаетъ свое политическое положеніе. Онъ всегда угадываетъ зло, и часто находитъ средства противъ него. Къ-сожалѣнію, онъ почти никогда не дѣйствуетъ по собственному внушенію. Онъ находитъ, что гораздо спокойнѣе слушаться своихъ предводителей. Оттого и происходитъ это вліяніе его предводителей, оттого и заблужденія, въ которыя они повергаютъ народъ. Но какимъ образомъ можно устранить этихъ предводителей, какъ преодолѣть ихъ могущество? Надо бы неуклонно слѣдовать по пути, однажды принятому въ политикѣ. Ихъ старая тактика, всё ихъ дѣйствія имѣютъ цѣлью разсорить защитниковъ порядка. Если это имъ не удастся, то они хотятъ заставить вѣрить раздору между тѣми, которыхъ все болѣе и болѣе сближаетъ всеобщая

опасность. Такъ теперь они всѣми силами стараются распространить слухъ о томъ, что люди, занимающіе высшія мѣста, несогласны въ мнѣніяхъ, что предводителямъ партій не удастся возстановить согласія. Но этотъ слухъ совершенно ложенъ. Напротивъ того, никогда не было болѣе необходимо, какъ теперь, соединиться другъ съ другомъ, и никогда между добрыми гражданами не было столько согласія какъ теперь. Составилось готовое къ битвѣ войско, которое во всякомъ случаѣ сѣумѣетъ защищаться. Безъ сомнѣнія, съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы ошибки, прежде нежели было возстановлено согласіе. Но эти ошибки были заглажены. Чѣмъ болѣе беспокоитъ нашихъ непріятелей эта неожиданная твердость, тѣмъ болѣе они лицемѣрятъ. Они проповѣдуютъ спокойствіе еще усерднѣе, чѣмъ сама правительственная партія; они хотятъ, чтобы ихъ однихъ считали разсудительными. Разногласіе на счетъ нѣкоторыхъ предметовъ они выставляютъ какъ совершенное разъединеніе. Ничто ихъ такъ не обезнадеживаетъ, какъ это забвеніе всѣхъ прежнихъ ссоръ и это совокупное дѣйствіе для спасенія общества. Но такъ-какъ враги наши сами открыли намъ свою слабость и нашу силу, то остается пожелать, чтобы члены умѣренной партіи, къ какому бы мнѣнію они ни принадлежали, остались въ одномъ положеніи, чтобы они поддерживали другъ-друга, и чтобы личные цѣли не раздѣляли ихъ. Правительство подаетъ имъ добрый примѣръ».

— Во второй статьѣ, подъ рубрикою: *«Наши права и обязанности»*, напечатано слѣдующее.

«У многихъ людей такое странное понятіе о свободѣ печатанія, что они считаютъ непростительною откровенностью, съ которою мы высказываемъ наши мнѣнія и чувства. Въ ихъ глазахъ все позволительно, кромѣ защиты правительства и общества. Намъ представился вопросъ, отчего же не воспользоваться вліяніемъ печатанія для распространенія тѣхъ идей, которыя мы признаемъ самыми полезными для страны; а именно для распространенія наполеоновскихъ идей. Наполеонъ былъ не только завоеватель, онъ болѣе выказалъ свой геній какъ правитель, нежели какъ полководецъ. Онъ былъ первымъ мыслителемъ своего столѣтія, онъ думалъ за массы, онъ разрѣшилъ большое число политическихъ и общественныхъ задачъ, наконецъ онъ оста-

внѣ намъ богатое сокровище идей, которыя надобно тщательно распространять и осуществлять. Мы стараемся распространить эти мысли въ массахъ, которыхъ инстинктъ Императоръ такъ хорошо понималъ. Оттого мы и защищаемъ настоящее правительство, которое возбуждаетъ во Франціи самыя дорогія воспоминанія. Печатаніе служитъ намъ не орудіемъ для потрясенія общества, а напротивъ средствомъ распространять истинныя начала порядка. Мы не официально пользуемся печатаніемъ, но со всею независимостію свободнаго мнѣнія. Такъ понимаемъ мы наши права и обязанности.

8-го Зак. Соб.—На очереди состояло разсмотрѣніе бюджета министерства публичныхъ работъ. Потомъ министръ Барошъ представилъ наконецъ проектъ закона о преобразованіи выборовъ; онъ требовалъ, чтобы проектъ былъ признанъ нетерпящимъ отлагательства, и вошелъ на каедрю (*волненіе*).

Правительство, сказалъ онъ, принуждено было сдѣлать измѣненіе въ законѣ о выборахъ, потому-что законъ тревожитъ общественное мнѣніе (*читайте! читайте!*) Самое опасное изъ настоящихъ постановленій есть то, по которому человѣкъ, который живетъ на мѣстѣ только полгода, можетъ подавать голосъ. Такимъ образомъ одинъ избиратель можетъ поочередно подавать голосъ въ разныхъ департаментахъ. Этотъ недостатокъ надо исправить какъ можно скорѣе. Въ конституціи требуется, чтобы собраніе голосовъ производилось въ дѣйствительномъ мѣстопребываніи. Между-тѣмъ это условіе не исполняется въ избирательномъ законѣ. По этому министерство предлагаетъ устроить такъ, чтобы голосъ могли подавать только тѣ, которые живутъ на мѣстѣ три года, т. е. во все время существованія одного Законодательнаго Собранія. Условія, на которыхъ можно оставаться три года въ одномъ мѣстѣ, будутъ изложены особр. Министерство предлагаетъ считать доказательствомъ этого то, что избиратель платитъ личныя подати въ одномъ мѣстѣ въ теченіе назначеннаго времени. Отъ людей, которые живутъ у родителей, отъ работниковъ и слугъ не требуется, чтобы они платили личныя пошлины, но все-таки они обязаны доказать, что жили на мѣстѣ три года. Оба условія не касаются до солдатъ. И такъ, сообразно съ конституціею, основаніемъ пра-

ва избирательства не будетъ ценсъ. Плата личныхъ податей требуется только для доказательства пребыванія въ одномъ мѣстѣ. Другое недостаточное постановленіе нынѣшняго избирательнаго закона состоитъ въ опредѣленіи условій, препятствующихъ пользоваться правомъ избирательства. Въ новомъ законѣ это измѣнено. Еще недостатокъ нынѣшняго закона состоитъ въ томъ, что для дѣйствительности выбора нужно, чтобы семь восьмыхъ избирателей подавали голоса. Въ новомъ законѣ постановляется, что для перваго собранія голосовъ нужна только четверть внесенныхъ въ списки избирателей. Вакантныя мѣста представителей должны быть заняты не сейчасъ по открытіи ваканцій, а по прошествіи полугода.

Наконецъ министръ требовалъ, чтобы законъ былъ разсмотрѣнъ безъ отлагательства, потому-что онъ возбуждаетъ въ публикѣ волненіе. Гора, которая до-сихъ-поръ молчала, предложила, чтобы это требованіе оставлено было безъ вниманія. Г. Мишель (*Буржскій*) требовалъ также, чтобы законъ былъ разсмотрѣнъ безъ отлагательства. Онъ говорилъ, что не умѣетъ описать чувства, которое онъ испытываетъ при предложеніи закона, который выражаетъ ложь и лицемеріе. (*Шумъ съ права*). Законъ можетъ быть объявленъ нетерпящимъ отлагательства только при условіяхъ, опредѣленныхъ въ конституціи. Министръ нашелъ только одну причину, безпокойство, которое производитъ законъ.

Я хочу, продолжалъ ораторъ, указать ему на другую, настоящую причину. Бѣдственное положеніе народа заставляетъ правительство прибѣгать къ крайностямъ. Избирателей хотятъ наказывать за выборы 10 марта и 28 апрѣля въ Парижѣ.

Президентъ напомнилъ оратору о порядкѣ; г. Мишель спросилъ, неужели же послѣ всякаго выбора противнаго правительству, будутъ измѣнять избирательный законъ? Съ нашей республикою хотятъ поступить также, какъ поступили съ республикой на берегахъ Тибра. Этотъ законъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе не ранѣе 1852 года, потому-что до-тѣхъ-поръ и выборовъ не предвидится. Я скажу въ заключеніе то, что сказалъ въ началѣ: «вашъ законъ только ложь и можетъ повести только къ междоусобной войнѣ». Многіе товарищи оратора поздравляли его. Г. Густавъ де Бомонъ замѣтилъ, что онъ и друзья его не хотѣли, чтобы требованіе министра было отвергнуто безъ рас-

мнѣнія только потому, что они желали, чтобы скорѣе былъ рѣшенъ вопросъ о законѣ, который они находятъ несвоевременнымъ. Онъ хотѣлъ также предоставить вреднымъ учениямъ полную свободу, чтобы правительство видѣло наконецъ, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, съ чудовищемъ или только съ привидѣніемъ. Г. Викторъ Лефранъ объявилъ, что онъ, напротивъ того мнѣнія, что этотъ проектъ долженъ быть переданъ въ Государственный Совѣтъ. Въ заключеніе, какъ мы уже говорили, значительнымъ большинствомъ положено признать этотъ законъ нетерпящимъ отлагательства.

— Почтовое правленіе обнародовало почтовой доходъ, полученный въ Парижѣ въ первые три мѣсяца 1850 года. Число писемъ, разсланныхъ во внутренность Франціи, простирается до 5,320,000, 480,358 болѣе, чѣмъ же въ то же время 1849 года, письма эти принесли доходу 1,127,842 фр., 101,800 фр. болѣе, нежели въ 1849 году. Заграничныхъ писемъ было 725,750 т. е. 25,350 письмами болѣе нежели въ 1849 году, по причинѣ пониженія платы за пересылку ихъ. Писемъ въ Парижъ и изъ Парижа было отослано и получено 73,833, болѣе нежели въ 1849 году. Дохода онѣ принесли 11,076 фр. болѣе нежели въ 1849 году.

— Въ засѣданіи Академіи Наукъ г. Пулье представилъ докладъ о телеграфическихъ депешахъ г. Фрома. Телеграфъ этотъ пишетъ всѣ извѣстія карандашомъ. Карандашъ дѣлаетъ 2000 движеній въ минуту. Изобрѣтатель надѣется удвоить быстроту этого движенія, такъ что карандашъ въ минуту будетъ ясно писать 1000 буквъ.

10-го Зак. Соб.—На очереди состояли пренія о бюджетѣ Законодательнаго Собранія, который простирается, на текущей годъ, до 7,798,000 франковъ, считая въ томъ числѣ жалованье представителей, равняющееся 6,650,000 франкамъ. Г. Родо предлагалъ сократить этотъ бюджетъ, говоря, что Законодательное Собраніе должно подавать примѣръ экономіи. Г. Демуссо старался доказать, что пренія объ этомъ предметѣ унижительно для Собранія, съ чѣмъ Собраніе и согласилось, утвердивъ бюджетъ безъ преній. За тѣмъ Собраніе приступило къ разсмотрѣнію главы бюджета, касающейся государственной казны и боль-

шихъ желѣзныхъ дорогъ. Министръ публичныхъ работъ, г. *Бино*, требовалъ, чтобы Собраніе снова разрѣшило кредитъ въ 29 миліоновъ на постройку желѣзной дороги изъ Парижа въ Ліонъ.

Этотъ кредитъ былъ отмѣненъ, сказалъ онъ, когда была надежда уступить желѣзную дорогу изъ Парижа въ Ліонъ въ руки частной компаніи; но такъ какъ эта надежда не существуетъ болѣе, то я предлагаю возстановить кредитъ въ 29 милліоновъ франковъ.

Г. *Берье* поддерживалъ предложеніе министра публичныхъ работъ, и оно было принято Собраніемъ, которое утвердило за тѣмъ и весь бюджетъ публичныхъ работъ. Потомъ Собраніе перешло къ разсмотрѣнію бюджета министерства финансовъ, и утвердило двѣ первыя главы его: о счетной палатѣ и центральномъ финансовомъ управленіи.

— Въ отдѣленіяхъ Собранія выбирали сегодня членовъ комиссіи, для разсмотрѣнія проекта о реформѣ избирательнаго закона. На эти выборы явилось множество представителей. Комиссія составилаь, какъ мы уже сказали выше, почти изъ однихъ приверженцевъ реформы. Гора не принимала участія ни въ преніяхъ, ни въ выборѣ членовъ комиссіи; но средняя партія, а именно: Гг. *Ламорисьеръ*, *Дюфурнелъ* и *Комбарель де Леваль* сильно возставали противъ реформы. Г. *Леспинасъ*, который самъ предлагалъ подобную же реформу, и г. *Комбарель де Леваль*, одинъ, изъ всей комиссіи, составляютъ оппозицію новому проекту закона. Изъ легитимистовъ наиболѣе говорилъ противъ него г. *Везенъ*. Восемь членовъ прежней комиссіи (семнадцати) поступили въ члены новой, которая собиралась уже для совѣщанія и представитъ свой докладъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

11-го—*Зак. Соб.*—Предсѣдательствовалъ генералъ *Бедо*. По представленію одного изъ членовъ, положено поставить на видъ комиссіи, разсматривающей проектъ реформы избирательнаго закона, два прежнія предложенія о томъ же предметѣ. Г. *Пискатори* требовалъ объясненій послѣднихъ происшествій въ Греціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ замѣтилъ, что извѣстія, полученные изъ Афинъ, въ-самомъ-дѣлѣ очень горестны; правительство требовало уже у англійскаго министерства объясненія по этому дѣлу.

Въ понедѣльникъ или во вторникъ представить онъ Собранию, согласно съ желаніемъ г. *Пискатори*, всѣ документы касательно греческаго вопроса, чтобы оправдать свое поведеніе (*движеніе*). Какъ только полученъ будетъ отвѣтъ Англии, то онъ поставитъ себѣ въ обязанность отвѣчать на вопросы, которые будутъ ему предложены. Онъ выразилъ надежду, что это отложится не далѣе четверга. Собраніе согласилось назначить четвергъ для возраженій г. *Пискатори*. Затѣмъ продолжались совѣщанія о бюджетѣ министерства финансовъ.

— Праздникъ 4 мая въ Алжирѣ былъ прерванъ ужаснымъ несчастіемъ. Въ этотъ именно день, въ 9 часовъ утра, долженъ былъ произойти взрывъ въ одной изъ галлерей Бабъ-ель-ведскихъ каменоломень, помощію 4,000 килограммовъ пороху. Такъ какъ въ декабрѣ прошлаго года произведено было нѣсколько такихъ взрывовъ безъ всякаго вреда, то жители хотѣли насладиться этимъ зрѣлищемъ, по мнѣнію ихъ совершенно безопаснымъ. Огромныя толпы народа сошлись къ тому мѣсту; приняты были всевозможныя предосторожности. Въ 8³/₄ час. зажженъ былъ фитиль, который чрезъ 20 минутъ долженъ былъ зажечь первую пороховую камеру. Вдругъ раздается въ горѣ глухой шумъ, густой дымъ покрываетъ всѣ предметы и страшная масса камней выбрасывается по направленію къ городу. Разстояніе, на которое она была отнесена, изумительно велико; даже многіе стоявшіе въ тысячѣ метрахъ отъ мѣста взрыва были ушибены. Куски скалъ долетали до террасы Касбы. До-сихъ-поръ извѣстно, что убито 8 человекъ; раненныхъ чрезвычайно много. Послѣ такого печальнаго событія, празднество было прекращено. Въ тотъ же день послѣ обѣда произведено было изслѣдованіе о причинахъ этого несчастія.

— Въ продолженіе всего дня 11 мая по городу ходили пѣхотные и кавалерійскіе патрули. Одинъ журналъ утверждаетъ, что въ Парижѣ находится теперь 135,000 человекъ войска, съ 230 орудіями. Венсенъ, откуда можно бомбардировать Сентъ-Антуаское предмѣстіе, и Монъ-Валерьенъ; парижская цитадель, ежедневно снабжаются новыми запасами огнестрѣльныхъ снарядовъ.

— Корреспондентъ газеты *Indépendance Belge* пишетъ,

что встрѣтилъ въ Парижѣ какое-то, повидимому, важное лицо, которое сказало ему слѣдующее:

«Гора и тайныя общества приняли рѣшительныя мѣры, для протеста противъ принятія собраніемъ проекта о пересмотрѣ избирательнаго закона, но правительство не дремлетъ. Какъ скоро проевтъ закона будетъ принятъ, то правительство не дастъ оппозиціи времени поднять знамя, провинность угрозу, не допустить ее протестовать, не дозволить ей даже показать лицо свое. Прежде нежели оппозиція успѣетъ вступить на путь дѣйствительной борьбы, правительство овладѣетъ всѣми лицами, на которыхъ будетъ лежать хотя малѣйшее подозрѣніе въ сообщничествѣ съ анархистами: журналисты, представители, клубисты заговорщики, военные люди, всѣ тѣ, которые могутъ содѣйствовать возмущенію, будутъ арестованы и заключены въ тюрьмы. Это распоряженіе сдѣлаетъ возмущеніе невозможнымъ, потому-что оно лишится своихъ предводителей, прежде нежели успѣетъ ступить. Это распоряженіе распространится и на провинціи. Никогда еще правительство не ограждало себя отъ безпорядковъ такими вѣрными средствами».

— Вчера было погребеніе знаменитаго химика Ге-Люссака. Погребальная процессія тронулась въ полдень изъ Ботаническаго-сада (Jardin des Plantes), въ которомъ знаменитый ученый жилъ; впереди и позади гроба шло по батальйону пѣхоты. Все парижское ученое сословіе, много знатныхъ иностранцевъ и нѣсколько депутацій, провожали гробъ до могилы.

13-го. — *Зак. Соб.* — На очереди продолженіе преній о бюджетѣ министерства финансовъ. Равно многія остальные главы проектовъ о бюджетахъ другихъ министерствъ прошли безъ преній и вся первая статья общаго бюджета, о расходахъ по министерствамъ, послѣ сбора голосовъ, утверждена.

14-го—*Зак. Соб.*—Предсѣдательствовалъ генералъ Бедо. Многіе монпаньяры передали Собранію нѣсколько прошеній противъ преобразованія избирательнаго закона. (*Bravo со льва*). За тѣмъ слѣдовали пренія о бюджетѣ расходовъ.

— По точному разсчету, 4,500,000 чел. теряютъ право подавать голоса на основаніи проекта реформы избиратель-

наго закона. Комиссія, рассматривающая этотъ проектъ, собиралась вчера вечеромъ и разошлась послѣ полуночи. Главныя основанія и положенія закона уже установлены, предположено сдѣлать только нѣсколько частныхъ измѣненій въ пользу сельскихъ жителей. Такъ всѣ сельскіе обыватели, которые въ теченіе трехъ лѣтъ несли дорожную повинность, имѣютъ право голоса. Списки избирателямъ составляютъ меры при пособіи двухъ избирателей, принадлежащихъ къ общинѣ, по указанію мирныхъ судей, которые рѣшаютъ споры. Право голоса можетъ быть дано тѣмъ, которые докажутъ, что пребывали въ одномъ мѣстѣ не менѣе трехъ лѣтъ. Сегодня утромъ комиссія снова совѣщалась съ министрами, вечеромъ докладъ ея будетъ готовъ, а завтра представится Собранію. Докладчикомъ назначенъ г. Леонъ Фоше.

— Шарль Бланъ, бывшій директоръ изящныхъ искусствъ, отправился къ своему брату, Луи Блану, въ Лондонъ.

— Правительство принимаетъ свои мѣры противъ всякаго потрясенія; заботливость его касается самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ, не забывая главныхъ сторонъ дѣла. Казармы наполнены войсками, солдаты готовы ежеминутно приняться за оружіе и покрыть, съ первымъ ударомъ въ барабанъ, всѣ улицы Парижа, днемъ и ночью, чтобы штыками отстоять его спокойствіе и избавить отъ баррикадъ и убійствъ. Планъ дѣйствій составленъ превосходно генераломъ *Шангарнье*: бѣда тому, кто не рѣшится исполнить своей обязанности; онъ предвидѣлъ этотъ случай, при всей его невозможности.

Возмутители не въ состояніи держаться противъ войскъ; генералъ *Шангарнье* и другіе члены правительства рѣшились дѣйствовать быстро, потушить возмущеніе смѣлостію натиска и отнять у толпы зачинщиковъ, явныхъ или тайныхъ, которые впрочемъ всѣ извѣстны. Имъ даже не дадутъ возможности скрыться или бѣжать, какъ это было 13 іюня; они будутъ схвачены при первомъ движеніи. До сихъ поръ мѣра, принятая противъ г. Буле, произвела только волненіе, дѣйствій еще нѣтъ. Многіе осуждаютъ это распоряженіе, находя, что оно основано только на нѣсколько старомъ законѣ 1814 года. Но въ такое бурное время, какъ наше, нельзя такъ мелочно осуждать мѣру безопасности. Говорятъ, что другіе журналы того же враждебнаго на-

правления грозить то же самое. При закрытіи типографіи г. Буле, не было около нея никакихъ собраній, равно какъ и въ остальномъ Парижѣ. Говорятъ, что денежные обстоятельства журнала *la Voix du Peuple* не хороши и что онъ, можетъ-быть, не появится снова.

— Въ «*Bulletin de Paris*», въ номерѣ отъ 13 мая, пишутъ:

«Правительство готовится ко всему съ безпримѣрною дѣятельностію. Сегодня, рано утромъ, изъ венсенскихъ фортовъ привезено множество военныхъ снарядовъ въ казармы, ратушу, префектуру полиціи, Тюильері и проч.

«Три главные штаба въ постоянномъ сборѣ. Главные посты ввѣрены начальству офицеровъ генеральнаго штаба.

«Въ ратушѣ, Тюильері, Военной Школѣ и во всѣхъ отдѣльныхъ фортахъ разставлено множество пушекъ.

«Полиція покрываетъ Парижъ и его окрестности обширною сѣтью, сотканною изъ агентовъ всякаго рода.

«Надъ жилищами извѣстныхъ лицъ бдительно наблюдаютъ, и ни одинъ шагъ этихъ лицъ не скроется отъ глазъ полиціи. Надъ мѣстами собраній демагоговъ равномерно надсматриваютъ.

«Конныя эстафеты безпрестанно скачутъ по всѣмъ направленіямъ, развозя приказы и депеши.

«Вчера публичныя собранія, особенно на заставахъ, были предметомъ особеннаго надзора, и кажется, донесенія агентовъ не были удовлетворительны, потому-что сегодня утромъ велѣно принять оборонительныя и наступательныя мѣры всякаго рода.

«Въ окрестности Парижа прибыли, вчера и сегодня ночью, многіе полки, изъ которыхъ одинъ пришелъ изъ Амьена.

«И такъ, мы здѣсь на военной ногѣ, какъ въ мѣстѣ, которое съ минуты на минуту можетъ быть осаждено неприятелемъ. Однакожъ городъ по наружности спокоенъ, и народонаселеніе, повидимому, вполне полагается на защиту, которую обѣщаетъ ему правительство».

15-го Зак. Соб. Г. Ригаль сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о протоколѣ вчерашняго засѣданія, но эти замѣчанія остались безъ послѣдствій. Гг. *Лодренъ*, *Фришокъ* и *Шаррасъ*

представили нѣсколько прошеній противъ реформы избирательнаго закона, подписанныхъ значительнымъ количествомъ лицъ. Г. *Шофбургъ* жаловался на то, что въ Верхне-Рейнскомъ департаментѣ откладываютъ до-сихъ-поръ выборъ представителя на мѣсто г. *Гельденберга*. Министръ *Барошъ* отвѣчалъ, что его слишкомъ поздно извѣстили объ этомъ и что избирательныя коллегии будутъ созваны къ 9 июня. За тѣмъ г. *Нозль Парфэ* говорилъ о закрытіи типографіи г. *Буле*. Министръ отвѣчалъ что правительство имѣло полное на это право, потому-что г. *Буле* былъ уже три раза подъ судомъ и подвергался приговорамъ его. Г. *Пискатори* оправдывалъ поведеніе министра.

— Министръ можетъ быть увѣренъ, сказалъ онъ, что большинство будетъ всегда на его сторонѣ, когда онъ будетъ поступать съ такою же твердостью. Я и мои товарищи почтемъ священною обязанностию поддерживать и охранять общественный порядокъ, которому угрожаютъ. 15-го мая я былъ на моемъ постѣ. Я и мои товарищи будемъ всегда готовы противодѣйствовать безначалію, какъ скоро оно будетъ грозить общественной безопасности.

Послѣ нѣсколькихъ словъ г. *Дюпона (Бюссакскаго)*, большинство стало требовать окончанія преній, чтд и было исполнено. За тѣмъ, гг. *А Туре, Міо, Мореле* и нѣкоторые другіе члены ихъ партіи представили прошенія противъ избирательнаго закона, а потомъ Собраніе перешло къ разсмотрѣнію состоявшаго на очереди торговаго трактата между Франціей и Сардинскимъ Королевствомъ. Въ единственной статьѣ этого трактата сказано, что Президентъ Республики уполномочивается ратифицировать трактатъ 1 мая 1850 года. Собраніе утвердило эту статью. За тѣмъ Собраніе утвердило весь бюджетъ расходовъ на 1850 годъ, 485 гол. противъ 182), и разрѣшило выдать министру внутреннихъ дѣлъ 1,225,000 фр., на перевозъ арестантовъ.

16-го Зак. Соб. Въ началѣ засѣданія, пятнадцать представителей представили Собранію прошенія противъ закона объ избирательной реформѣ. За тѣмъ на очереди состояли вопросы т. *Пискатори* министру иностранныхъ дѣлъ, относительно Греціи.

Генералъ Лагиттъ. Въ засѣданіи, бывшемъ въ прошедшую субботу, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Собранія,

что правительство Республики, получивъ прискорбное и неожиданное извѣстіе о неуспѣхѣ нашего посредничества въ переговорахъ, производившихся въ Аѣнахъ, сочло своею обязанностию потребовать отъ англійскаго правительства объясненій. Такъ какъ отвѣтъ, полученный нами, вовсе не таковъ, какого мы въ правѣ были ожидать, полагаясь на дружественныя отношенія между обѣими державами, то Президентъ Республики, согласно съ мнѣніемъ своего совѣта, поручилъ мнѣ отозвать изъ Лондона нашего посланника. *(Взрывъ рукоплесканій.—Продолжительное возмненіе.—Гора скачала, также принамавшая участіе въ этомъ движеніи, умолкла по приглашенію нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ).* Чтобы объяснить Собранію причины, побудившія правительство принять эту мѣру, я считаю нужнымъ прочесть письмо, адресованное мною по этому предмету къ г. Друэню де Люи:

«Посланнику въ Лондонѣ, г. Друэню де Люи.

«Парижъ 14 мая, 1850 г.

«Въ совѣтѣ Президента, какъ я имѣлъ уже честь увѣдомить васъ, происходили совѣщанія объ отвѣтѣ лондонскаго кабинета на требованія, которыя вамъ поручено было представить ему. Изъ моихъ прежнихъ депешъ вы могли предвидеть рѣшеніе правительства Республики. Франція, руководимая духомъ доброжелательства и мира, рѣшилась предложить свое посредничество для окончанія, на благородныхъ условіяхъ распри, возникнувшей между Великобританіей и Греціей.

«Съ общаго согласія положено было, что принятыя Англіею принудительныя мѣры будутъ прекращены на время переговоровъ, и что если соглашеніе, признанное удобнымъ со стороны французскаго повѣреннаго, будетъ отвергнуто повѣреннымъ Англіи, то сей послѣдній долженъ донести объ этомъ въ Лондонъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть вновь къ силѣ. Мы получили на этотъ счетъ самыя формальныя обѣщанія; но обѣщанія эти не сдержаны.

«Отсюда произошелъ тотъ прискорбный результатъ, что предъ самымъ полученіемъ въ Аѣнахъ проекта конвенціи, составленной и окончательно утвержденной кабинетами парижскимъ и лондонскимъ и главныя основанія которой тамъ были уже извѣстны,—Греція, снова атакованная англійскимъ флотомъ, не смотря на представленія, сдѣланныя

Французскимъ повѣреннымъ, вынуждена была, для избѣжанія конечнаго разоренія, принять условія ультиматума, несравненно строжайшаго. Получивъ извѣстіе объ этомъ странномъ окончаніи нашего посредничества, мы сочли его слѣдствіемъ какого-нибудь недоразумѣнія. Мы надѣялись, что лондонскій кабинетъ признаетъ какъ бы несуществующими эти прискорбимые для всѣхъ результаты, происшедшіе лишь въ-слѣдствіе нарушенія даннаго намъ обѣщанія, и не нарушитъ конвенціи, которую мы вмѣстѣ съ нимъ составили.

«Вамъ поручено было потребовать отъ него по этому предмету объясненій. Такъ какъ требованіе это не было принято въ уваженіе, то мы считаемъ дальнѣйшее пребываніе ваше въ Лондонѣ несомвѣстнымъ съ достоинствомъ Республики. (*Громкія рукоплесканія*). Президентъ поручилъ мнѣ пригласить васъ возвратиться во Францію, аккредитовавъ г. Марескальки въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Онъ поручилъ мнѣ также объявить вамъ полную признательность правительства Республики за старанія, искусство, духъ миролюбія и твердости, обнаруженные вами при веденіи этихъ переговоровъ, обезпеченіе успѣха которыхъ было не въ вашей власти.

«Прошу васъ сообщить настоящую депешу лорду Пальмерстону. *Подп. де Лагиттѣ*» (*новыя рукоплесканія*).

Едва только было окончено чтеніе депеши, какъ въ Собраніе вошелъ г. *Друэнъ де Люи*, прибытіе котораго произвело на присутствовавшихъ самое живое впечатлѣніе.

Исполняя желаніе Собранія, продолжалъ министръ, я имѣю честь представить всѣ документы, касающіеся этихъ переговоровъ. Собраніе, вѣроятно, согласится, что оно не можетъ приступить къ серьезнымъ преніямъ, прежде чѣмъ каждый изъ его членовъ будетъ имѣть возможность прочитатъ всѣ бумаги, относящіяся къ этому сложному дѣлу, и по нимъ судить о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства.

Многіе голоса: Да, да! ихъ надобно напечатать!

Собраніе постановило, что документы будутъ напечатаны и розданы представителямъ. За тѣмъ послѣдовало сильное волненіе и засѣданіе на нѣсколько минутъ прекратилось. По возобновленіи его, министры морской и публичныхъ работъ представили требованія о кредитахъ. Собраніе перешло къ преніямъ о бюджетѣ доходовъ.

— Въ гаврскомъ журналѣ напечатано, что въ Гаврѣ получены министерскія депеши, предписывающія поставить на военную ногу всѣхъ матросовъ, имѣющихъ отъ роду отъ 20 до 40 лѣтъ. Говорятъ, что получено также приказаніе о томъ, чтобы въ нашихъ военныхъ гаваняхъ были произведены въ наискорѣйшемъ времени сильныя вооруженія.

17-го *Зак. Соб.* Предсѣдательствовалъ г. *Дюпенъ*. При открытіи засѣданія, между представителями царствовало величайшее волненіе. Министръ иностранныхъ дѣлъ потребовалъ слова и сказалъ посреди наступившей внезапно тишины, что онъ удивляется молчанію сегодняшняго Монитера о сдѣланномъ вчера Собранію важномъ сообщеніи (касательно отозванія изъ Лондона французскаго посланника) и требуетъ, чтобы бюро Собранія объяснило причины этого упущенія. Президентъ отвѣчалъ, что причиною этому было то, что Монитеръ получилъ упомянутое сообщеніе послѣ другихъ журналовъ. Конечно, нельзя не пожалѣть объ этомъ упущеніи, но оно сдѣлано было невольно, при томъ же важность сообщенія отъ этого нисколько не теряется, а какимъ образомъ оно было принято Собраніемъ, это извѣстно всѣмъ, не только во Франціи, но и за границей. Впрочемъ оно будетъ сегодня же напечатано въ дополненіи къ Монитеру.—*Наполеонъ Жеромъ Бонапарте* представляетъ прошеніе противъ избирательной реформы. (*Одобреніе съ льва, шумъ съ права*). Всѣ члены горы представляютъ подобныя же прошенія. Гг. *Бурза* и *Міо* приглашаются Президентомъ къ порядку за произнесенныя ими неприличныя выраженія противъ Собранія. За тѣмъ министръ финансовъ представилъ Собранію часть документовъ, о которыхъ упоминается въ предложеніи г. *Ригаля*. Коммиссія, разсматривавшая требованіе о дозволеніи преслѣдовать судебнымъ порядкомъ г. *Лабуле*, объявила себя противъ этого требованія. Собраніе утвердило рѣшеніе коммиссіи, и обратилось къ преніямъ о бюджетѣ доходовъ; статьи 10, 11, 12 и 13 приняты безъ измѣненій.

Принятіе Законодательнымъ Собраніемъ предложенія г. *Ригаля* чрезвычайно важно. Онъ, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы прежде чѣмъ начнутся пренія о новомъ избавительномъ законѣ, Законодательному Собранію представлено было статистическое обзорѣніе выборовъ. Газета *National* об-

народовала еще прежде подобное обозрѣніе, но его считаютъ не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Изъ него видно между прочимъ, что 3,500,000 избирателей должны лишиться своего права вслѣдствіе новаго закона о выборахъ; полагаютъ, что это число окажется еще несравненно значительнѣе, если будетъ произведено надлежащее официальное изслѣдованіе. Рѣшеніе Собранія о принятіи предложенія г. *Ригаля* многіе считаютъ невыгоднымъ для избирательнаго закона, и даже смотрятъ на это рѣшеніе, какъ на пораженіе министерства.

— Журналы гаврскіе, ліонскіе и брестскіе подтверждаютъ извѣстія о наборѣ матросовъ и объ укрѣпленіи всѣхъ военныхъ гаваней.

— Парижъ, 16 мая. Газета *la Patrie*, по случаю разрыва съ Англіей, говоритъ слѣдующее: «Правительство приняло рѣшеніе, которое обрадуетъ всѣхъ Французовъ. Нашъ посланникъ въ Лондонѣ, г. *Друзъ де Люи*, отозванъ; онъ уже прибылъ въ Парижъ. Мы не станемъ повторять здѣсь тѣхъ обстоятельствъ, которыя побудили наше правительство къ этому энергическому дѣйствію; онѣ были уже представлены нашимъ читателямъ во всей ихъ истинѣ. Мы считаемъ себя счастливыми, что первые пригласили правительство, совѣтоваться въ этомъ дѣлѣ только съ чувствомъ нашего національнаго достоинства, дерзко оскорбляемымъ чужестраннымъ министромъ, который, надѣясь на содѣйствіе нашихъ революціонеровъ, думаетъ, что онъ можетъ позволить себѣ все въ отношеніи къ Франціи.

«Разсказъ одного англійскаго журнала, именно *Times*, который привели во вчерашнемъ номерѣ, разоблачаетъ совершенно тѣ хитрости, посредствомъ которыхъ *лордъ Пальмерстонъ* хотѣлъ сдѣлать недѣйствительною конвенцію, заключенную имъ съ нашимъ посланникомъ, относительно греческихъ дѣлъ. Съ одной стороны, *лордъ Пальмерстонъ* послалъ къ г. *Уэйзу* приказаніе, поспѣшить окончаніемъ распри, употребивъ для этого силу; а съ другой, чтобы дать г. *Уэйзу* время исполнить его инструкціи, онъ послалъ ему лондонскую конвенцію черезъ Берлинъ и Вѣну, такъ чтобы она пришла къ нему спустя уже два дня послѣ того, какъ г. *Уэйзъ* достигнетъ результата своихъ насильственныхъ дѣйствій.

«Вслѣдствіе сего наше правительство требовало отъ англійскаго кабинета отозванія г. Уэйза или же его порицанія. Но въ Верхней Палатѣ, несторъ англійскаго кабинета, маркизъ Лансдоунъ, дозволилъ себѣ распространиться въ такихъ похвалахъ на счетъ г. Уэйза, что англійское правительство не могло уже порицать своего агента. Такимъ образомъ требуемое удовлетвореніе сдѣлано не было, и г. Друэнъ де Люи, отозванный французскимъ правительствомъ, выѣхалъ изъ Лондона.

«Если англійское министерство не сдѣлаетъ намъ удовлетворенія въ другомъ видѣ, то надобно ожидать, что въ скоромъ времени и англійскій посланникъ выѣдетъ изъ Парижа.

«Дѣйствія французскаго правительства, въ этихъ обстоятельствахъ, вполне достойны похвалы и заслужатъ одобреніе всей страны».

— Г. Уэйзъ, нынѣшній агентъ англійскаго правительства въ Греціи, находится въ родствѣ съ Президентомъ Республики: онъ женатъ на Летиции Бонапарте, дочери князя Кашино и сестрѣ Пьера Бонапарте.

— La Presse увѣряетъ, что въ теченіе одного дня прошеніе противъ закона объ избирательной реформѣ подписано болѣе чѣмъ 10,000 человекъ.

18-го.—Зак. Соб. Нѣкоторые изъ членовъ Горы представили прошенія противъ преобразованія избирательнаго закона. Послѣ краткаго историческаго вступленія, въ которомъ порицался упомянутый законъ, докладчикъ указалъ на его теперешніе недостатки, заставившіе правительство составить проектъ о его преобразованіи. Коммиссія вполне согласна съ мнѣніемъ правительства, что нынѣ существующій законъ служитъ поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Нынѣ существующій законъ дозволяетъ, напримѣръ, участвовать въ избраніи такимъ людямъ, которые прожили шесть мѣсяцевъ на одномъ мѣстѣ. За тѣмъ докладчикъ старался доказать, что новый проектъ закона не противорѣчитъ Уложенію и имѣетъ цѣлю удалить только отъ выборовъ людей, могущихъ имѣть на нихъ дурное вліяніе. Впрочемъ коммиссія намѣрена предложить къ новому проекту измѣненіе, и требуетъ, чтобы Собраніе признало его нетерпящимъ отлагательства. За тѣмъ докладчикъ

прочелъ самый текстъ проекта; пренія о немъ назначены на 21 мая.—На очереди состояло продолженіе пренія о бюджетѣ.

Вчера былъ вечеръ у Президента Республики, на которомъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ, за исключеніемъ одного только англійскаго посланника, Лорда *Норменби*.

21-го.—*Зак. Соб.* Представители собрались, на этотъ разъ, въ надлежащее время. Въ 12 часовъ наполнились всѣ трибуны, устроенныя для постороннихъ зрителей. Во внутреннихъ зданія всѣ караулы были удвоены. Передъ зданіемъ стояло множество народу. Почти всѣ члены Горы представили прошенія противъ избирательной реформы; это продолжалось около четверти часа. Собраніе приняло безъ преній нѣсколько мѣстныхъ проектовъ законовъ. За тѣмъ, президентъ *Дюпенъ* объявилъ, что на очереди состоятъ пренія объ избирательной реформѣ, (*движеніе*) и что Собраніе должно предварительно рѣшить, признаетъ ли оно проектъ объ этой реформѣ нетерпящимъ отлагательства, а потомъ уже перейти къ самому проекту. *Шарль Лагранжъ* старался доказать, что проектъ закона противенъ государственному уложенію Франціи и потому его должно отвергнуть. *Г. Дефлотъ* также говорилъ противъ закона и старался доказать, что его не должно признавать нетерпящимъ отлагательства. Послѣ этихъ двухъ ораторовъ, никто не пожелалъ говорить о необходимости признать или не признавать законъ нетерпящимъ отлагательства и потому президентъ приступилъ къ собиранію голосовъ. Собраніе признало проектъ закона объ избирательной реформѣ нетерпящимъ отлагательства (461 противъ 239) (*всѣхъ подававшихъ голоса было 700*). За тѣмъ вошелъ на трибуну генераль *Кавеньякъ*; онъ говорилъ противъ проекта о реформѣ. *Г. Шолье* говорилъ въ пользу его. Послѣ говорилъ г. *Викторъ Гюго*, и старался доказать, что общее право участія въ выборахъ не должно быть ограничиваемо. Г-ну *Виктору Гюго* возражалъ г. *Жюль де Ластери* и упрекалъ его въ томъ, что онъ добивался когда-то достоинства пера. Нѣкоторые представители стали было требовать окончанія преній, но большинство не согласилось на это требованіе. *Г. Паскаль Дюпра* говорилъ противъ реформы.

— Полиція произвела прошедшею ночью нѣсколько домовыхъ обысковъ и даже арестовала нѣсколько человекъ. Газета *Evenement* утверждаетъ, что полиція нашла на слѣдъ одного изъ проживающихъ въ Лондонѣ политическихъ бѣглецовъ, который возвратился на-дняхъ въ Парижъ тайкомъ.

— Французское правительство обнародовало официальные статистическія свѣдѣнія объ избирателяхъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что число избирателей, участвовавшихъ въ послѣднихъ выборахъ, простирается до 9,936,000; число же обязанныхъ платить личную подать только до 5,381,000. Такъ какъ проектъ объ избирательной реформѣ устраняетъ отъ выборовъ всѣхъ неплатящихъ податей, то если этотъ проектъ будетъ утвержденъ Законодательнымъ Собраніемъ, то 4,555,000 избирателей лишатся права участвовать въ выборахъ.

— Въ сегодняшнемъ номерѣ газеты *Napoléon* напечатана статья объ отозваніи г. *Друзил де Люи* изъ Лондона, въ которой говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ первый разъ, со времени несчастной битвы при Ватерлоо, возстаетъ Франція противъ своей пятывѣковой гордой соперницы. Это возстаніе не похоже на бессильную комедію, разыгранную въ 1840 году, и такъ печально кончившуюся.

Вся нація будетъ вторить одобренію, изъявленному большинствомъ, одобренію, значеніе котораго демократическіе журналы напрасно стараются уменьшить. Наслѣднику безсмертнаго имени, погребеннаго въ скалахъ Св. Елены, было суждено сдѣлаться мстителемъ за наше долгое униженіе. Выборъ 10 декабря дѣлается съ каждымъ днемъ яснѣе и понятнѣе. Партіи будутъ вынуждены сознаться въ этомъ и искать точку опоры, если онѣ хотятъ устоять, въ избранникѣ 10 декабря».

— 20-го мая скончалась въ Парижѣ *Маркиза де Богарне*.

— Генералъ *Бараге д'Илье* присутствовалъ сегодня въ Собраніи, въ первый разъ по возвращеніи изъ Рима; мѣсто

его намъ занялъ генералъ *Жемо*. *Г. Барассэ д'Ильё* вошелъ въ залу въ то время, когда пренія объ избирательномъ законѣ были уже начаты; впрочемъ онъ успѣлъ сказать своимъ товарищамъ нѣсколько словъ о римскихъ дѣлахъ. Сколько намъ извѣстно, говоритъ журналъ *le Siècle*, почтенный генералъ недоволенъ положеніемъ Французовъ въ Римѣ; онъ не скрывалъ опасеній своихъ на счетъ того, что это положеніе можетъ сдѣлаться очень невыгоднымъ для Франціи, не только въ отношеніи финансовъ, но и въ отношеніи къ вѣршней ея политикѣ.

— Правительство само оцѣнило важность несогласій, возникшихъ между Англіею и Франціею, разославъ во всѣ департаменты слѣдующую телеграфическую депешу, объясняющую настоящее положеніе этого дѣла:

«Парижъ попрежнему спокоенъ. Извѣстіе объ отозваніи *г. Друна де Люи*, по поводу греческаго вопроса, принято Собраніемъ съ восторгомъ. Впрочемъ по всей вѣроятности, не смотря на этотъ случай, согласіе между Франціею и Англіею не будетъ нарушено.»

22-го.—*Зак. Соб.* Очень многіе члены Горы представили большое число прошеній противъ реформы избирательнаго закона. *Г. Ларошжакленъ* представилъ подписанное 250 лицами прошеніе, объ обращеніи къ народу до начала собранія голосовъ объ этой реформѣ. На очереди состояло продолженіе преній объ избирательномъ законѣ. Комиссія раздала представителямъ исправленный ею проектъ.

Г. Бешаръ говорилъ въ пользу закона и опровергалъ слова *г. Кавеньяка*, который доказывалъ въ предъидущемъ засѣданіи, что этимъ закономъ хотятъ возвратиться къ прежнему порядку вещей. До послѣдней революціи правомъ избранія пользовались только тѣ, которые платили извѣстную сумму податей: этимъ пріобрѣтали они гражданство. Новый законъ беретъ во вниманіе только мѣсто жительства избирателей и нисколько не противорѣчитъ Уложенію 1848 года, потому что народъ есть собраніе гражданъ, связанныхъ между собою собственностію, семействомъ и общимъ отечествомъ. Къ нему нельзя причислять бродягъ, преступниковъ и праздношатающихся. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для опредѣленія мѣста жительства, правительствомъ

считаетъ принадлежность лица къ известной общинѣ по взыску личной подати. Предложенный проектъ вообще не противорѣчитъ нисколько естественному праву и писаннымъ законамъ; при всемъ томъ Комиссія сдѣлала въ немъ нѣкоторые облегчительныя измѣненія. Ораторъ выразилъ сожалѣнiе, что, имѣя въ виду общее благо, дѣлають уступки дурнымъ началамъ. По его мнѣнiю, слѣдовало бы требовать отъ избирателей принадлежности къ известной общинѣ: тамъ находимъ мы семейство, трудъ, нравственность. На этомъ пути предлагаемый законъ есть только первый шагъ. Изъ числа избирателей слѣдовало бы исключить всѣхъ тѣхъ, кто не пользуется добрымъ именемъ: такимъ образомъ удалены были бы неоплатные должники, люди болѣе опасныя для государства, нежели нищiе: они въ революціонное время нападаютъ на общество какъ коршунъ.

— Я прошу моихъ политическихъ друзей, сказалъ онъ въ заключенiе, принять законъ, потому-что государству грозить варваретво.

Г. Кане говорилъ противъ проекта. Онъ всегда всѣми силами поддерживалъ спокойствiе, но объявляетъ себя противъ реформы избирательнаго закона, потому-что она противорѣчитъ Уложенiю. Во-время пренiй по 28 статьѣ, ясно выразилось нежеланiе Учредительнаго Собранiя требовать отъ избирателей, не только платы известнаго количества податей, но и постоянного пребыванiя въ одномъ мѣстѣ; это выражено и въ самомъ Уложенiи. Предлагаемый законъ несправедливъ, потому-что исключаетъ изъ числа избирателей большое число работниковъ, вполне заслуживающихъ право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Уложенiе требуетъ только, чтобъ избиратель былъ записанъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ; проектъ говоритъ, что онъ долженъ находиться постоянно на одномъ мѣстѣ, въ продолженiе трехъ лѣтъ; Уложенiе уничтожаетъ всякій ценсъ; проектъ возстановляетъ его. Чиновники могутъ быть избирателями, на основанiи предлагаемаго закона, только послѣ трехлѣтней службы. Относятся ли это и къ солдатамъ.

Г. Базъ, членъ Комиссiи, отвѣчалъ, что нѣтъ.

Г. Кане сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ рѣшительно не понимаетъ закона, который даетъ солдатамъ привиллегiю тамъ, гдѣ ея менѣе всего можно было ожидать.

Послѣ рѣчи г. Кале засѣданіе было закрыто на четверть часа.

Г. Монталамберъ опровергалъ мнѣніе предъидущаго оратора о томъ, что проектъ закона нарушаетъ Уложеніе. Онъ доказывалъ, что большинство даже слишкомъ щадило Уложеніе; (шумъ) онъ подалъ въ свое время голосъ противъ него, но тѣмъ не менѣе повинуется ему и говоритъ это всѣмъ его защитникамъ, которые стараются уничтожить его, чтобы повредить большинству: большинство соблюдаетъ Уложеніе во всей силѣ и дѣлаетъ это для того, чтобы научить партію повиноваться закону. Оно позволяетъ себѣ судить о немъ, но требуетъ, чтобы ему повиновались (шумъ). Далѣе ораторъ сказалъ, что не правъ генералъ Кавеньякъ, говоря, что большинство нарушаетъ Уложеніе; не правъ г. Викторъ Гюго, когда говоритъ, что большинство унижалось предъ общимъ правомъ подавать голоса, между тѣмъ, какъ самъ льстилъ и унижался предъ всѣми партіями и переходилъ изъ одной въ другую. (браво съ права, шумъ съ лѣва). Онъ могъ бы спросить его, на какомъ основаніи обвинялъ онъ комиссію въ двусмысленномъ поведеніи и трусости, когда самъ клеветалъ на своихъ противниковъ и потомъ трусливо отпирался отъ этого. (браво съ права, сильный шумъ съ лѣва). Кто можетъ сказать, что большинство нарушило Уложеніе? Только тѣ развѣ, которые вѣчно строили козни, и впередъ будутъ дѣлать тоже, чтобы получить нинистерскій портфель, мѣсто посланника или префекта полиціи.

Г. Лагранжъ. А я?

Г. Монталамберъ. Почтенный сочленъ, который меня прервалъ, позволить мнѣ сказать ему, что все Собраніе питаетъ къ нему глубокое уваженіе, даже благосклонность за добросовѣстность его политическихъ мнѣній. Но онъ явился слишкомъ поздно. (шумъ съ лѣва). Онъ почти одинъ ведетъ себя въ отношеніи къ своей партіи, такъ, что введеніе его заслуживаетъ уваженіе (шумъ). Люди, о которыхъ я говорю, продолжалъ ораторъ, всякій разъ обвиняютъ большинство въ нарушеніи Уложенія, когда мы хотимъ установить политику Франціи, когда мы успокоиваемъ страну, спасаемъ общество. Въ томъ же обвиняютъ насъ и теперь, когда мы хотимъ исправить злоупотребленія, неизбежныя при неограниченномъ избирательномъ правѣ всѣхъ (шумъ).

Далѣе г. *Монталамберъ* выразилъ свое удивленіе, что члены Учредительнаго Собранія, возстававшіе прежде на г. Прудона, теперь идутъ по его слѣдамъ.

Генераль *Кавеньякъ* требовалъ слова.

Г. *Монталамберъ*. Г. Кавеньякъ боролся, побѣдилъ, ссылалъ въ юговъ: теперь онъ за одно съ Горою. Большинство должно оставить оборонительное положеніе и дѣйствовать наступательно противъ вредныхъ ученій. Реформа избирательнаго закона—шагъ къ тому.

Генераль *Кавеньякъ* сказалъ, что слова, сказанныя г. *Монталамберомъ* въ его пользу въ началѣ, возбудили въ немъ подозрѣніе; онъ былъ правъ: за похвалою послѣдовало порицанія. Чтобы утратить его, стараются хвалить его прошлое поведеніе. Онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія, и въ 1848 году, такъ же какъ и теперь, былъ за общее избирательное право. (*браво съ льва*).

Г. Э. *Араго* возразилъ г. *Монталамберу*, что и г. *Тьера* обвиняли въ зловредныхъ мнѣніяхъ, когда онъ требовалъ улучшеній. По общему требованію, общія пренія о законѣ прекращены.

— Лордъ *Норменби*, англійскій посланникъ во Франціи, рѣшительно не хочетъ возвратиться въ Парижъ; онъ живетъ въ Версали и не бываетъ на официальныхъ собраніяхъ. Его не было на обѣдѣ, данномъ испанскимъ посланникомъ Герцогомъ *де-Сотомайоръ*, по случаю прекращенія несогласій между Англіею и Испаніею, хотя по своему мѣсту онъ бы долженъ быть въ числѣ главныхъ гостей. Его замѣнилъ первый секретарь англійскаго посольства, г. *Эдвардсъ*.

23-го.—*Зак. Соб.*—Многіе члены Горы снова представили прошенія противъ реформы избирательнаго закона. На очереди состояло продолженіе преній о новомъ проектѣ его. Г. *Викторъ Гюго* потребовалъ слова. (*всеобщее вниманіе*) Сначала извинился онъ въ слабости и невнятности своего голоса, утомленнаго послѣдними преніями; только необходимость защититься заставила его взойти на трибуну. Три оратора высказали противъ него одинаковыя обвиненія,—Гг. *Жюль де-Ластери*, *Беноаръ* и *Монталамберъ*. Онъ смотритъ съ презрѣніемъ на рѣзкія слова, сказанныя на его счетъ. Если не хотятъ говорить о мнѣніяхъ человека, то онъ вызываетъ всѣхъ указать хотя на одно противорѣчіе настоящимъ его мнѣніямъ,

которое бы заключалось въ сочиненіяхъ, изданныхъ имъ съ 1827 г., т. е. въ теченіе 23 лѣтъ. Если не хотятъ принять во вниманіе и этого соображенія, то ему на такія обвиненія остается отвѣчать справедливымъ презрѣніемъ.

Когда я далъ клятву въ чемъ-либо, продолжалъ онъ, то остаюсь ей вѣренъ.

Онъ просилъ только вспомнить, что онъ, послѣ отреченія короля, послѣдній изъ перовъ требовалъ учрежденія регентства. Г. Монталамберъ сказалъ, что онъ не заставитъ ждать своего отвѣта цѣлыя сутки, какъ сдѣлалъ г. Викторъ Гюго. Я считаю оппозицію г. Гюго неважною, сказалъ г. Монталамберъ; онъ воспѣвалъ Карла X, льстилъ Людовику Филиппу, теперь онъ поклонникъ радикализма. Г. Викторъ Гюго возразилъ на это, что онъ требовалъ фактовъ, а не фразъ. За тѣмъ Собраніе перешло къ очереднымъ запятіямъ и рѣшило, (462 гол. противъ 227), приступить къ преніямъ объ отдѣльныхъ статьяхъ закона.

Ст. 1. Двадцать дней спустя послѣ обнародованія настоящаго закона, каждый меръ долженъ съ двумя членами общины, по назначенію мирнаго судьи, составить новые списки избирателямъ. Составленный по этому случаю протоколъ долженъ храниться у мера.

Президентъ объявлялъ, что ему подано 37 изиженій этой статьи. Г. Ламартинъ говорилъ противъ 1 и 2-й статьи, въ которыхъ заключается весь законъ, и выразилъ сожалѣніе, что на общее избирательное право жарко возстаютъ тѣ, которые такъ долго защищали его. Онъ самъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ исправленіи нѣкоторыхъ упущеній въ существующемъ теперь законѣ, но это было сдѣлано въ свое время; необдуманная изиженія и нарушенія постановленій непремѣнно вселяютъ въ народѣ неуваженіе къ закону. Потомъ г. Ламартинъ сказалъ, что избирательный законъ не заслуживаетъ взводимыхъ на него обвиненій: на основаніи его составлено было два Собранія, которыя чрезвычайно много сдѣлали для страны. За тѣмъ г. Ламартинъ старался доказать, что должно уважать Уложеніе и не подвергать страну новымъ волненіямъ. Засѣданіе прекращено на четверть часа. Многіе замѣтили, что галерея дипломатическаго корпуса пуста; поводомъ къ этому былъ споръ между дипломатами и квесторами Собранія. На трибуну возшелъ г. Барошъ. Онъ замѣтилъ, что уже поздно и ему нельзя будетъ вдаваться въ подробности, но онъ защититъ правительство. Правительство непод-

чинено нѣсколькимъ членамъ большинства и не требуетъ отъ нихъ защиты; оно цѣнитъ ихъ содѣйствіе, но не повинуется никакому постороннему вліянію. Г. *Ламартинъ* сказалъ, что Президентъ Республики отрекался отъ своего посланія, когда правительство составляло проектъ избирательнаго закона вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами большинства. Предлагаемый законъ не есть дѣло комиссіи, которую правительство насильно должно было принять. Онъ предложенъ былъ однимъ изъ министровъ, какъ мѣра, необходимая для блага Республики. Въ 1848 году, члены лѣвой стороны выставили неудобства общаго избирательнаго права. Министръ прочелъ при этомъ длинную статью г. *Ламартина* о необходимости измѣнить избирательный законъ. За тѣмъ засѣданіе было закрыто. Президентъ *Дюпенъ* предложилъ распределить пренія такъ, чтобы кончить ихъ въ субботу, (черезъ 2 дня) и тогда же собрать голоса о цѣломъ законѣ.

— Недоразумѣнія между Англіею и Франціею, вѣроятно, не поведутъ къ разрыву. Лордъ *Норменби* оправился теперь отъ легкой болѣзни и почти каждый день совѣщается съ г. *Лазиттомъ*. Сегодня въ первый разъ снова получены депеши изъ Лондона; тотчасъ же созванъ былъ совѣтъ министровъ. Все клонится къ миролюбивому соглашенію. Лордъ *Норменби* получилъ вчера отъ лорда *Пальмерстона* депешу, которую немедленно сообщилъ г. *Лазитту*. Она должна быть очень важна по содержанію: лордъ *Пальмерстонъ*, вѣроятно, излагаетъ въ ней все греческое дѣло съ своей, миролюбивой точки зрѣнія и предлагаетъ въ концѣ полюбовную сдѣлку. Вѣроятно, всю отвѣтственность онъ слагаетъ на барона *Грѣ*. Депеша эта должна была привести г. *Лазитта* въ замѣшательство, потому-что она кажется ему неудовлетворительной, а онъ долженъ будетъ согласиться съ доказательствами лорда *Пальмерстона*.

— Толпа близъ зданія, занимаемаго Законодательнымъ Собраніемъ, была сегодня менѣе, нежели въ предъидущіе два дня. На *Place de Bourgogne* было только нѣсколько любопытныхъ. Не смотря на это, правительство приняло большія военныя предосторожности. Правда, что на улицахъ почти невидны солдаты, даже менѣе стало попадаться городовыхъ сержантовъ, но всѣ казармы близъ Собранія, на Орсейской набережной, Домъ Инвалидовъ и Военная-Школа наполнены войсками. Въ залѣ *des pas perdus* и въ конференцъ-залѣ Собра-

нія поставлены койки для солдатъ, которые прежде спали тамъ на соломѣ. Парижъ совершенно спокоенъ. Телеграфическія депешы, полученныя правительствомъ изъ департаментовъ, свидѣтельствуяютъ, что и тамъ все тихо.

Сегодня въ національномъ Собраніи увѣрили, что между генераломъ *Кавеньякомъ* и *Эмилемъ де Жирарденомъ* происходило совѣщаніе, при окончаніи котораго оба они дали обѣщаніе забыть прошлую вражду. Последняя рѣчь г. *Кавеньяка* въ Собраніи подтверждаетъ отчасти этотъ слухъ.

24-го Зак. Соб. — Снова представлено было нѣсколько прощній противъ избирательной реформы. Г. *Греландъ* защищалъ проектъ, доказывая, что онъ нисколько не противорѣчитъ Уложенію, старался оправдать большинство отъ обвиненій г. *Виктора Гюго*, и въ заключеніе доказывалъ, что смѣлость возмутителей, главное ихъ оружіе, падеть предъ силою общества. Г. *Жюль Фавръ* не опровергалъ словъ г. *Греланда*, но рассматривалъ самый проектъ. Послѣ рѣчи г. *Фавра* засѣданіе было прекращено на 20 минутъ, и возобновилось блестящей рѣчью г. *Тьера*. Онъ изложилъ, какъ требовалъ того г. *Фавръ*, причины представленія проекта; онъ давно сознавалъ неудобства общаго избирательнаго права; послѣдніе парижскіе выборы показали, что опасность ближе, чѣмъ думали прежде; медлить было невозможно.

— Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ ораторъ, что доставило ревизію г. *де Флоту* надъ г. *Клеманъ Томасомъ* 10 марта и г. *Ксезио Сю* надъ г. *Дюпономъ* (изъ *Эркенго департамента*)? То, что оба они послѣдователи радикализма.

Г. *де Флотъ* потребовалъ слова.

Г. *Тьеръ* слѣдовательно выборы въ Парижѣ распространилъ самымъ пагубнымъ ученіемъ. Это, конечно, отвергаютъ здѣсь, но тѣмъ не менѣе правда, что въ предварительныхъ собраніяхъ прямо высказываются эти ученія. Не большинство, а лѣвую сторону Собранія слѣдуетъ обвинить въ двуличности.

Здѣсь члены лѣвой стороны начали громко разговаривать, такъ что словъ оратора нельзя было слышать. Гг. *Бонъ, Нада* и *Мишо Бутель* были приглашены къ порядку. Въ заключеніе своей рѣчи, очень длинной и насто прерываемой взглядами членовъ Горы, г. *Тьеръ* сказалъ, что если бы большинство принадлежало радикаламъ, то они бы приняли всѣ тѣ мѣры, которыя отвергаются теперь.

— Мы хотимъ улучшить Уложеніе не нарушая его, мы не ввели по этому непрямыя избранія. Уложеніе не говоритъ про мѣсто жительства избирателей, следовательно, оно позволяетъ ставить его условіемъ для гражданъ, чтобы получить право выборовъ; только при постоянномъ мѣстѣ жительства можно ручаться за правдивность избирателей. Не нужно, чтобы они жили на родинѣ своей; они живутъ тамъ, гдѣ платятъ подати; это и взято правительствомъ, какъ средство къ опредѣленію жительства.

25-го Зак. Соб. — Пренія о законѣ начались рѣчью г. *де Флота*, который удивилъ всѣхъ своею умѣренностію. Въ отвѣтъ на вчерашнія слова г. *Тьера*, онъ изложилъ причины своего избранія на выборахъ 10 марта. Г. *Леонъ Фовэ*, докладчикъ, опровергалъ обвиненія своихъ противниковъ и оправдывалъ себя, обвиняя, въ свою очередь, г. *Фавра*, за поведеніе его при временномъ правительствѣ. Эта часть рѣчи, имѣющая характеръ личности, не имѣетъ никакого отношенія къ закону. Потомъ онъ перешелъ къ самому проекту закона и сказалъ, что съ исполненіемъ нѣкоторыхъ условій, всѣ граждане, на основаніи проекта, могутъ быть избирателями. Къ тому же Уложеніе само указало на нѣкоторые случаи, когда право быть избирателемъ ограничивается. Проектъ закона не удаляетъ хорошихъ работниковъ, а только бродягъ. Выборы 10 марта и 28 апрѣля доказали необходимость представленія этого проекта; они показали, какъ велика опасность; правительство съѣхило помочь странѣ. Новый законъ замѣститъ существующую бурную оппозицію другою, тихою и спокойною, которая по этому самому важнѣе.

Во всякомъ случаѣ проектъ составленъ въ пользу порядка, въ видахъ общаго блага, и Собраніе докажетъ это принятіемъ его. Г. *Дамартинъ* хотѣлъ объясниться по личному дѣлу, но Собраніе не стало слушать его. Г. *Шьеръ Леру* хотѣлъ развить представленный имъ проектъ, но тоже не могъ говорить. Собраніе приняло исправленную комиссіею 1 статью:

«Черезъ 30 дней послѣ обнародованія этого закона, меръ, вмѣстѣ съ двумя выборными пзъ числа жителей общины, по назначенію мирнаго судьи, составить избирательный списокъ. Выборные могутъ излагать свои замѣчанія въ протоколъ, который, вмѣстѣ съ спискомъ хранится, въ канцеляріи мера и показывается всякому желающему».

— *Г. де Жирарденъ* намѣренъ искать кандидатура въ департаментъ Нижняго-Рейна, на мѣсто г. *Гольденберга*. Выборы назначены 9 июня. Но г. *де Жирарденъ* вмѣстѣ съ типографическимъ *Плономъ* полжежить суду, за напечатанное въ *Presse* прошеніе противъ избирательной реформы. *Г. Плонъ* сложилъ съ себя отвѣтственность, на томъ основаніи, что онъ ничего не печаталъ безъ утвержденія главнаго редактора, г. *де Жирардена*. Правительство желаетъ дать этому дѣлу видъ тайнаго печатанія, которое подвергаетъ виновнаго тюремному заключенію отъ 6 мѣсяцовъ до 2 лѣтъ и штрафу отъ 6 до 10,000 фр. Если г. *де Жирарденъ* будетъ обвиненъ, то, въ случаѣ избранія его въ представители, Собраніе должно будетъ сложить съ него это званіе.

— Въ Венсенѣ произведены опыты надъ новымъ родомъ гранатъ, который съ величайшимъ успѣхомъ можетъ быть употребленъ противъ баррикады. Эти гранаты изобрѣтены однимъ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ. Въ отдаленной части Венсенскаго-лѣса устроили изъ кустовъ баррикаду, за которую поставили 20 большихъ куколъ. Первая граната, брошенная за баррикаду, сбѣла 7, а вторая 17 изъ нихъ. По словамъ газеты «*le Dix Décembre*», 12-ти такихъ гранатъ будетъ достаточно для очищенія самой большой баррикады.

— У г-на *Сальванди* собиравлось 17 бывшихъ министровъ *Людвика Филиппа*, при чемъ всѣ единогласно признали необходимость примиренія двухъ линій Бурбоновъ. Другіе говорятъ, что не 17, а 22 бывшихъ министра присутствовали въ собраніи, но что только 17 изъ нихъ подали голосъ въ пользу примиренія.

27.—*Зак. Соб.*—Собраніе должно было заняться разсмотрѣніемъ 2-й статьи проекта, которою опредѣляется, что въ списокъ избирателей вносятся всѣ Французы 21 года отъ роду, не лишеныя правъ и постоянно жившіе въ общинѣ въ продолженіе по-крайней-мѣрѣ трехъ лѣтъ, до заключенія избирательныхъ списковъ. *Г. Пьеръ Леру* долженъ былъ говорить противъ этой статьи; вмѣсто этого онъ сталъ опровергать доказательства *Гг. Бароша, Л. Фоше, Монталамбера и Тьера*. Президентъ два раза замѣтилъ ему, что онъ удаляется отъ предмета; г. *Леру* хотѣлъ продолжать говорить о г. *Тьеръ*, но Собраніе лишило его права говорить въ

это заседание. За тѣмъ вошелъ на кафедру г. *Дюпонъ* (изъ *Бюска*), чтобы защищать предложенное имъ измѣненіе второй статьи. Ему отвѣчалъ докладчикъ, г. *Леонъ Фоше*. Измѣненіе г. *Дюпона* было отвергнуто. За тѣмъ Собраніе отвергло измѣненіе, предложенное гг. *Корниъ*, *Фердинандомъ де Ластери*, *Кокрелемъ* и генераломъ *Казеньякомъ*.

Его защищалъ г. *Корниъ*: Проектъ нарушаетъ Уложеніе и лишаетъ избирательнаго права бѣдныхъ гражданъ, не платящихъ личной подати.

Г. *Ватимениль* поставилъ на видъ, что предлагаемое измѣненіе совершенно уничтожаетъ силу проекта; трехлѣтній срокъ необходимъ потому, что въ такомъ только случаѣ избиратель будетъ въ состояніи при началѣ выборовъ обратиться за совѣтомъ къ тому, въ честности поведенія котораго онъ увѣрился на дѣлѣ, и избѣгнуть пагубнаго вліянія возмутителей.

Г. *Фердинандъ де Ластери* требовалъ слова. Собраніе рѣшило прекратить пренія о предложеніи гг. *Корниъ* и *Казеньяка*, и отвергло его. За тѣмъ отвергнуты были предложенія г. *Лараби*, который требовалъ, чтобы срокъ былъ только полугодовой; г. *Сен-Рома*, предлагавшаго, чтобы избиратель могъ быть всякій, кто дѣйствительно живетъ въ общинѣ; и г. *Эмиль Леру*, требовавшаго, чтобы въ первомъ параграфѣ 2 статьи слово «Община» было замѣнено словомъ «Департаментъ». Собраніе приняло безъ измѣненія 2 статью проекта.

28-го.—Зак. Соб.—Снова представлены прошенія противъ избирательной реформы. На очереди состояло разсмотрѣніе 3 статьи закона. Г. *Родо* говорилъ противъ этой статьи, на томъ основаніи что она исключаетъ изъ числа избирательныхъ списковъ болѣе 4-хъ милліоновъ лицъ. Г. *Генъ* предложилъ, чтобы мѣсто жительства опредѣлялось: 1) справкою, 2) на основаніи 104 статьи гражданскаго кодекса, 3) показаніемъ двухъ избирателей изъ старожиловъ. Проектъ Комиссіи возстановляетъ ценсъ и по этому долженъ быть отвергнутъ. Г. *Фоше* сказалъ, что проектъ исключаетъ изъ списковъ однихъ только бродягъ. Предложеніе г. *Гена* отвергнуто. Г. *Ламорисьеръ* защищалъ предложеніе г. *Моне*, касающееся къ тому, чтобы мѣсто жительства доказывалось, кромѣ означенныхъ въ проектѣ, еще разными другими способами. Г. *Беррье* въ защиту проекта сказалъ, что постоянное пребываніе

на одномъ мѣстѣ есть залогъ хорошаго поведенія. Всѣ же тѣ, которые, по свойству ихъ занятій, не могутъ оставаться на одномъ мѣстѣ, не исключаются изъ числа избирателей, потому-что семейства ихъ остаются въ общинѣ, а они къ нимъ приписаны. Мѣра, предлагаемая проектомъ, необходима для поддержанія порядка. Генераль *Ламорисьеръ* опровергалъ рѣчь г. *Беррье*. По требованію г. *Фоше*, предложеніе г. *Моше* отвергнуто. Первый параграфъ 3 статьи принять.

— Во французскихъ журналахъ появились новыя копіи только что обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ документовъ относительно греческихъ дѣлъ. Эти документы составляютъ довольно толстый томъ. Важнѣйшій изъ нихъ есть депеша, посланная лордомъ *Пальмерстономъ* къ лорду *Норменби*, для сообщенія французскому правительству. Она одна составляетъ цѣлую брошюру, которую, къ сожалѣнію, мы не можемъ, за недостаткомъ времени, передать во всей ея подробности. Мы представимъ, взамѣнъ этого, возможно точный разборъ этой депеши. Не смотря на свой чрезвычайно вѣжливый тонъ, она въ сущности, не дѣлаетъ ни малѣйшей уступки, а напротивъ оправдываетъ вполне поступки лорда *Пальмерстона* и г. *Уэйза*.

«Виконтъ *Пальмерстонъ* маркизу *Норменби*. Министерство иностранныхъ дѣлъ,

19 мая 1850 года.

«Правительство Е. В. узнало, къ большому прискорбію, изъ депешъ вашего превосходительства и изъ совѣщаній бывшихъ между мною и г. *Друэномъ де Люш*, предъ отъѣздомъ его въ Парижъ, что обстоятельства, сопровождавшія окончаніе распри, возникшей между Великобританіей и Греціей, произвели неблагоприятное впечатлѣніе на членовъ французскаго правительства, которое думаетъ, что оборотъ, полученный этимъ дѣломъ въ Аѳинахъ, свидѣлствуетъ о неуваженіи къ Франціи со стороны правительства Е. В., и о разрывѣ того согласія, которое существовало между обоими правительствами.

«Правительство Е. В. полагало, что не было надобности увѣрять французское правительство (что впрочемъ ваше превосходительство сдѣлаете теперь), въ томъ, что оно было слишкомъ далеко отъ мысли или отъ намѣренія нанести хотя малѣйшее оскорбленіе правительству Франціи, или не квазаять

ей того уваженія, которымъ правительство Е. В. обязано въ отношеніи къ ней, какъ по высокому положенію, занимаемому Франціею между великими державами, такъ и по искренности согласія, существовавшего между ею и Великобританіею.

«Что касается до конвенціи, заключенной между обоими правительствами относительно аѳинскихъ переговоровъ, то я надѣюсь, что объясненія, которыя ваше превосходительство вѣстѣ съ сими имѣете передать, убѣдятъ вполне французское правительство, что условія конвенціи нисколько не были нарушены.

«Для объясненія настоящаго предмета, я долженъ обратить ваше вниманіе на ноту, адресованную мною 12 февраля къ г. *Друэню де Люи*, въ которой я увѣдомлялъ его о принятіи добрыхъ услугъ (*bons offices*) Франціи, предложенныхъ въ нотѣ г. *Друэня де Люи* отъ 7-го числа того же мѣсяца.

«Въ нотѣ моей отъ 12 февраля сказано, что такъ какъ правительство Е. В. желаетъ получить удовлетвореніе отъ Греціи, лучше чрезъ дружеское посредничество правительства Франціи, чѣмъ чрезъ употребленіе силы, то и принимаетъ съ удовольствіемъ добрыя услуги Франціи.

«Въ ней также сказано было, что, дабы предоставить французскому уполномоченному полную свободу въ исполненіи его дипломатической обязанности, англійскій адмиралъ прекратить принудительныя мѣры и не станетъ возобновлять ихъ во все время переговоровъ, начатыхъ французскимъ правительствомъ; новѣстѣ съ тѣмъ прибавлено, что такъ какъ правительство Е. В. не можетъ отказаться отъ требованій вознагражденія, предъявленныхъ имъ греческому правительству, за убытки, понесенные въ Греціи англійскими и іоническими подданными, то дѣйствія эскадры будутъ прекращены не далѣе опредѣленнаго срока, и что они, по необходимости, возобновятся, если по истеченіи этого времени, распря не получитъ удовлетворительнаго окончанія. Сверхъ-того, въ нотѣ было постановлено, что задержанные корабли останутся въ видѣ залога, до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ постановлено окончательнаго рѣшенія; наконецъ въ ней постановлялось также и то, что для предоставленія французскому агенту, по возможности, полной свободы въ дѣйствіяхъ, англійскій посланникъ въ Аѳинахъ получитъ приказаніе, только въ такомъ лишь случаѣ принимать участіе въ переговорахъ французскаго агента, когда послѣдній самъ пригласитъ его къ этому.

«Такимъ образомъ изъ этой ноты видно, что французское правительство должно было бы понять съ самаго начала, что правительство Е. В. принимало не посредничество, а добрыя услуги (*bons offices*), чтобы получить чрезъ нихъ удовлетвореніе, котораго можно было бы достигнуть и другимъ путемъ, продолжая принудительныя дѣйствія; что правительство Е. В. не отказывалось ни отъ одного изъ предъявленныхъ имъ требованій, и что наконецъ переговоры главнѣйшимъ образомъ должны были происходить между французскимъ агентомъ и правительствомъ греческимъ».

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ утверждается *лордъ Пальмерстонъ*. Далѣе онъ рассказываетъ очень искусно совѣщанія, происходившія каждый день въ Лондонѣ, между нимъ и г. *Друэнемъ де Люм*. Въ сущности они мало различаются отъ того, что мы уже знаемъ изъ донесенья г. *Друэня де Люм*. *Лордъ Пальмерстонъ* старается доказать, что добрыя намеренія англійскаго правительства состояли въ слѣдующемъ:

1) Французскій агентъ будетъ одинъ въ правѣ опредѣлить срокъ, когда переговоры съ греческимъ правительствомъ должны считаться неудавшимися.

2) Принудительныя мѣры будутъ прекращены до-тѣхъ-поръ, пока французскій агентъ не объявитъ г. *Уэйзу*, что онъ удаляется отъ переговоровъ.

3) Г. *Уэйзъ* не приметъ на себя опредѣленія времени, когда дѣйствія барона *Гро* должны кончиться.

Сверхъ сего, онъ старается доказать:

1) Что англійское правительство предоставило себѣ право возобновить принудительныя мѣры, въ случаѣ, если баронъ *Гро* самъ откажется отъ переговоровъ.

2) Что никогда англійское правительство не отказывалось отъ какого-либо изъ требованій, означенныхъ въ ультиматумѣ 17 января.

3) Что прекращеніе принудительныхъ мѣръ могло продолжаться только въ томъ случаѣ, если бы баронъ *Гро* слѣлалъ г. *Уэйзу* формальныя предложенія, сообразныя съ изложенными выше условіями. Если бы они были признаны удобными, то положили бы конецъ и самому дѣлу; въ противномъ случаѣ, г. *Уэйзъ* долженъ былъ представить ихъ своему правительству и просить у него новыхъ инструкцій.

Для опредѣленія всѣхъ этихъ условій потребно было нѣкоторое время; это продолжалось до первыхъ дней апрѣля. За

тѣмъ лордъ *Пальмерстонъ*, ссылаясь на ходъ самыхъ переговоровъ, старается оправдать себя отъ упрека въ томъ, что онъ слишкомъ поздно извѣстилъ г. *Уэйза* о конвенціи, заключенной въ Лондонѣ между нимъ и г. *Друэмомъ де Люм*.

Лордъ *Пальмерстонъ* разсуждаетъ очень серьезно о времени отбытія въ Грецію французской и австрійской вѣщъ; доказываетъ, почему именно нельзя было отправить во-время депеши, чтобы предупредить г. *Уэйза* о томъ, что происходило въ Лондонѣ; но не упоминаетъ ни слова объ обстоятельствахъ, воспрепятствовавшихъ англійскому посланнику въ Афинахъ довести о сорбшеніяхъ, сдѣланныхъ ему г. *Гро*; онъ даже, повидимому, не подозреваетъ, что Англія, для такого важнаго дѣла, могла очень легко отправить парочный пароходъ, тѣмъ болѣе, что Франція, для устройства чужихъ дѣлъ, отправила два такихъ парохода; «*Vauban*» и «*Solon*,» объ отбытіи которыхъ ему, вѣроятно, было извѣстно. По крайней-мѣрѣ, мы не воображаемъ, чтобы французское правительство не увѣдомило благороднаго лорда о своихъ усиліяхъ къ достиженію миролюбиваго результата.

Далѣе лордъ *Пальмерстонъ* излагаетъ событія, происшедшія въ Афинахъ, между тѣмъ какъ его курьеры были еще въ дорогѣ, и разсказываетъ, какъ г. *Гро* предложилъ г. *Уэйзу* условія, которыхъ инструкціи англійскаго уполномоченнаго не позволяли ему принять, и какъ г. *Гро* послѣ этого совершенно отказался отъ переговоровъ.

«Въ концѣ совѣщанія, происходившаго 22 апрѣля, баронъ *Гро* объявилъ, что, согласно своимъ инструкціямъ, онъ долженъ воздержаться отъ принятія участія въ переговорахъ, и предоставить г. *Уэйзу* дѣйствовать, какъ ему заблагорассудится,—присовокупивъ, что вслѣдствіе сего онъ отправитъ въ Гг. *Уэйзу* и *Лондону* ноты, съ извѣщеніемъ, что на будущее время онъ прекращаетъ всякія общія сношенія. Г. *Уэйзъ*, донося мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ, присовокупляетъ, что онъ разстался съ г. *Гро* столько же удивленный, сколько огорченный; а 23 числа французскій дипломатъ дѣйствительно отправилъ упомянутыя ноты.... Результатомъ этого было то, что 28 числа съ Греціей произведено было соглашеніе, которое впрочемъ въ сущности мало различается отъ условій конвенціи, заключенной въ Лондонѣ 18 апрѣля.

«Послѣ этого я спрашиваю, что же именно, въ поведеніи г. *Уэйза* или правительства Е. В. можетъ считаться, по спра-

ведливости, неуваженіемъ къ французскому правительству, нарушеніемъ принятыхъ обязательствъ? Напротивъ, правительство Е. В. думаетъ, что въ этомъ отношеніи ни оно само, ни его министръ въ Афинахъ, не должны опасаться никакихъ упрековъ.

«Я подтверждаю, что правительство Е. В., принявъ добрыя услуги Франціи, которая, равно какъ и ея агентъ въ Афинахъ, выказали много миролюбія и употребили много усилій по этому дѣлу. — Сожалѣеть, что оно кончилось не чрезъ посредство этихъ услугъ. Не желая разбирать въ подробности поведеніе французскаго агента, правительство Е. В. должно однакоже замѣтить, что только неожиданное уклоненіе г. Гро передало это дѣло опять въ руки адмирала *Паркера*. Но если оно и не было действительно рѣшено при посредствѣ французскаго агента, то все-таки переговоры его съ греческимъ правительствомъ много содѣйствовали къ достиженію настоящаго результата, и слѣдовательно, въ сущности, греческое правительство и греческая нація получили большую пользу отъ добрыхъ услугъ Франціи».

Эти слова почти насмѣшка; но чтобы не навлечь на себя упрека въ этомъ, лордъ *Пальмерстонъ* разсуждаетъ очень серьезно о выгодахъ, которыя простекли для Греціи отъ принятія условій адмирала *Паркера*, и о неудобствахъ, которыми она подверглась бы въ случаѣ прекращенія переговоровъ или принятія проекта, подписаннаго имъ 17 апрѣля въ Лондонѣ. Въ заключеніе лордъ *Пальмерстонъ* изъясняетъ еще разъ сожалѣніе о неудовольствіи, къ которому дало поводъ это дѣло, и проситъ сообщить настоящую денежную генералу *де Лагиттау*.

— Подтверждается слухъ о сближеніи генерала *Кавеньяка* съ г. *Жиранденомъ*, *Constitutionnel*, органъ партіи порядка, говоритъ о генералѣ *Кавеньякѣ* слѣдующее:

«Дѣятельность этого генерала въ высшей степени важна и необыкновенна. Человѣкъ, который въ продолженіе 6 мѣсяцевъ былъ полновластнымъ диктаторомъ Франціи, который до-сихъ-поръ не отказался отъ надежды на власть и значеніе въ государствѣ, достоинъ изученія. Многія великія дарованія в герои искупали скромную, темную жизнь однимъ днемъ, однимъ случаемъ. Генералу *Кавеньяку* представилось два такихъ случая: первымъ онъ воспользовался со славою, второй былъ имъ упущенъ. 23 іюня 1848 года сражался онъ про-

тивъ уличнаго безначалія, 21 мая 1859 года онъ не захотѣлъ сражаться противъ безначалія закона. Г. *Кавеньякъ* перемѣнилъ 23 іюня свое прежнее скромное, стѣсненное положеніе на положеніе блестящее. 23 іюня онъ былъ мужъ порядка, закона, мужъ государственный. Этими привлекъ онъ на свою сторону всѣхъ, которые скорѣе сносили республику, чѣмъ желали ея, которые были счастливы и довольны тѣмъ, что нашли въ немъ демократа, хотя и съ горячей головою, но не демагога, который бы рѣшился пожертвовать для демократіи порядкомъ, отечествомъ и обществомъ изъ-за озлобленнаго и обветшалаго фанатизма. 21 мая уничтожило славу, пріобретенную 23 іюня! Изъ мужа порядка генералъ *Кавеньякъ* сдѣлался другомъ газеты *National*, братомъ радикаловъ, защитникомъ террористовъ. Когда-нибудь онъ самъ повторитъ себѣ слова, которыя мы теперь говоримъ ему: «По собственной волѣ потеряли вы довѣріе спасенныхъ вами, никогда не пріобрѣтете вы довѣрія тѣхъ, въ которыхъ вы бросали картечи». *La Patrie* увѣряетъ, что г. *Жиранденъ* говоритъ всѣмъ о своемъ желаніи достигнуть власти; онъ согласенъ даже принять министерскій портфель отъ *Людовика-Бонапарте*, если тотъ согласится на его условія. По его мнѣнію, теперь одинъ *Кавеньякъ* представляетъ собою среднюю партію; онъ обѣщаетъ ему свое содѣйствіе, если тотъ приметъ хотя часть его экономической системы. Генералъ *Кавеньякъ* одинъ стоитъ на высоте обстоятельствъ, которыхъ можно ожидать; поэтому, если онъ дастъ посредствующему лицу письменное обѣщаніе привести въ исполненіе мысли г. *Жирандена*, то этотъ послѣдній откажется въ его пользу отъ принципа *Жуанвилльскаго*. Таковъ былъ, по увѣренію *la Patrie*, смыслъ перваго совѣщанія между этими двумя лицами. Генералъ *Кавеньякъ* еще не далъ отвѣта.

— Въ Тулонѣ получено, съ паровою корветтою «Солонь», письмо слѣдующаго содержанія: «Предъ Неаполемъ, 15-го мая. Паровая корветта «Солонь» отправляется завтра къ Тулону; я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ написать къ вамъ нѣскольکو строкъ. Объявляютъ, что, между 20-мъ и 25-мъ числами, эскадра должна оставить неаполитанскій берегъ, для приближенія недоразумѣній, въ какія она могла бы быть приведена 30-го мая, въ день тезоименитства короля Фердинанда. Вотъ въ чемъ дѣло. 4 мая, годовщина провозглашенія Республики Учредительнымъ Собраніемъ, было для насъ, разумѣется, праздничнымъ днемъ. Всѣ наши корабли, украшенные флага-

ли, салютовали празднеству при восходѣ солнца, въ полдень и вечеромъ. Вы знаете, что, по принятому обыкновенію, тѣ государства, въ которыхъ находятся на ту пору салютующіе корабли, должны отвѣчать на такой салютъ тоже салютомъ; но неполитавскіе корабли, какъ равно береговые форты и баттарей, безмолствовали, и это безмолвіе показалось адмиралу такъ многозначительнымъ, что онъ, не желая отвѣчать неучтливостью на неучтливость, рѣшился, говорить, лучше удалиться на-время отъ здѣшняго берега. Здѣсь ожидаютъ прибытія англійской эскадры Средиземнаго-Моря, подъ начальствомъ вице-адмирала *Паркера*.»

— На дняхъ совершенно здѣсь бракосочетаніе младшей дочери г-на *Гизо* съ г-мъ *де-Виттомъ* потомкомъ знаменитаго *Жана де-Витта*, Великаго Пенсіонера Голландскаго. Свидѣтелями были, со стороны невесты, г-да *де-Шабо Латуръ* и *Франсуа Делессеръ*, а со стороны жениха вконтъ *Мошотье* и графъ *де-Бланьи*. Въ мартѣ нынѣшняго года, какъ читатели, вѣроятно, помнятъ, старшій братъ г-на *де-Витта* женился на старшей дочери г. *Гизо*.

31-го.—*Зик. Соб.* Пренія объ избирательномъ законѣ кончены; сегодня Собраніе приняло предложеніе г. *Мортимера-Терно*, по которому изъ числа избирателей исключаются тѣ, которые нанесли публичное оскорбленіе судьямъ или свидѣтелямъ, и предложеніе г. *Неттемана*, по которому исключеніе простирается и на обвиненныхъ въ преступленіи противъ брака.

Г. *Лагранжъ* требовалъ, чтобы всѣ лишеныя избирательнаго права не были принимаемы на службу въ войска республики. Предложеніе это отвергнуто Собраніемъ.

Гг. *Ларси* и *Шарансе* предложили замѣнить трехъ-лѣтній срокъ постоянного жительства избирателей двухъ-лѣтнимъ; первое собраніе голосовъ объ этомъ предложеніи не дало рѣшительнаго результата; при второмъ оно отвергнуто, можетъ быть потому, что нѣкоторые изъ членовъ Горы не хотѣли подавать голосовъ. Наконецъ Собраніе приступило къ собранію голосовъ обо всемъ законѣ; для этого представители должны были всходить на трибуну. Одинъ изъ членовъ большинства, г. *Дарблэ* бросилъ свой шаръ въ вазу съ цегодованіемъ, желая выразить этимъ, какъ тяжела ему зависимость отъ своихъ сочленовъ, въ которой онъ находится.

Говорятъ, что президентъ, г. *Дюлакъ*, провозгласивъ рѣшеніе Собранія, сказалъ: «теперь составьте постановленіе о принятіи этого закона».

Думали, что члены лѣвой стороны не удержатся отъ шумныхъ возгласовъ противъ рѣшенія Собранія; напротивъ, оппозиціи выслушала его совершенно тихо; такъ сильно вліяніе, произведенное дружнымъ поведеніемъ большинства.

Г. *Леонъ Фоще* сказалъ, что только завтра представитъ онъ Собранію докладъ о прошеніяхъ противъ избирательной реформы; ихъ теперь, впрочемъ, подають уже гораздо менѣе, чѣмъ прежде.

Большинство, дѣйствуя такимъ-образомъ избирательный законъ, не можетъ оправдываться въ своей нерѣшительности осажденіемъ, которое внушала ему прежній порядокъ избранія; оно должно будетъ опредѣлить планъ своихъ дѣйствій съ точностію. Но теперь оно снова начинаетъ раздробляться на части по поводу слуховъ о военной диктатурѣ и о томъ, что правительство намѣрено требовать возстановленія осаднаго положенія въ Парижѣ. Журналъ *l'Ordre*, который жарко защищалъ новый избирательный законъ, выражаетъ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, неудовольствіе, и съ безпокойствомъ смотритъ на неопредѣленность поведенія большинства. Слишкомъ сильное нападеніе на существующій теперь порядокъ вещей не только не утишитъ страстей, а напротивъ возбудитъ ихъ къ борьбѣ. По всей вѣроятности, представители, которыхъ авторитетъ особенно важенъ для большинства, поймутъ это совершенно.

Г е р м а н і я .

Франкфуртъ-на-Майнѣ. — Ганаускій судъ, разсматривавшій дѣло объ умерщвленіи генерала *Ауэрсвальда* и князя *Литновскаго*, приговорилъ: *Георга* къ каторжной работѣ на 20-ть лѣтъ, *Людвига* къ вѣчной каторжной работѣ, *Пфлуга* къ каторжной работѣ на пять лѣтъ съ половиною, а *Кербера* и *Дитриха* къ заключенію въ исправительный домъ, перваго на полгода, послѣдняго на годъ. Сверхъ-того, осужденные объявлены лишенными права носить національную кокарду Курфюршества Гессенскаго.

— 10-го мая., въ часъ по-полудни, австрійскій уполномоченный, графъ *Тунъ*, открылъ засѣданіе собравшагося здѣсь Конгресса. Уполномоченными для этого конгресса уже назначены: со стороны Австріи, графъ *Тунъ*, отъ Саксоніи, г-нъ *фон-Цешау*; отъ Ганновера, совѣтникъ посольства *Детмольдъ*; отъ Виртемберга, г. *фон-Рейнгардъ*; отъ Баваріи, г. *фон-Ксиландеръ*; отъ Люксембурга, г. *фон-Шерфъ*; отъ Ландграфства Гессен-Гомбургскаго, г. *фон-Гольцаузенъ*. Во вчерашнее засѣданіе конгресса явились представители четырехъ королевствъ, Шлезвигъ-Гольштейна, Люксембурга, Гессенъ-Гомбурга и Гессенъ-Касселя.

— Газета *Neue Preussische Zeitung* говоритъ, что о франкфуртскомъ собраніи уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ ходитъ много противорѣчащихъ слуховъ; говорятъ, между прочимъ, что во Франкфуртѣ вовсе не думаютъ о возстановленіи прежняго Германскаго Союза, а, напротивъ того, предполагаютъ, вслѣдствіе желанія, не только малыхъ, но и большихъ государствъ Германіи, формально передать Австріи и Пруссіи управленіе виѣшней нѣмецкой политикой, а для управленія внутренними дѣлами устроить собраніе представителей всѣхъ государствъ, такъ чтобы каждое государство имѣло представителя своего истиннаго матеріальнаго и политическаго значенія. Короче, во Франкфуртѣ заботятся о томъ, чтобы установить центральный органъ, съ правами въ родѣ тѣхъ, которыми пользовалась временная коммиссія; исполнительную же власть союза намѣреваются поручить комиссарамъ Австріи и Пруссіи, присоединивъ къ нимъ совѣтъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ государствъ, которые будутъ представлять интересы этихъ отдѣльныхъ государствъ и завѣдывать внутренними дѣлами союза. Мы съ радостію привѣтствуемъ этотъ истинно практическій планъ, говоритъ *Neue Preussische Zeitung*.

— Извѣстно, что вскорѣ послѣ смерти генерала *Ауэрсвальда* предполагали воздвигнуть ему и прусскимъ войскамъ, павшимъ въ одно съ нимъ время, надгробный памятникъ на большомъ франкфуртскомъ кладбищѣ; это предположеніе приводится теперь въ исполненіе. Если судить по началу, то памятникъ, воздвигнутый надъ прахомъ воиновъ, будетъ великолѣпный.

— Бывшій имперскій министръ, г. *Юхмусъ*, оставилъ, назадъ тому нѣсколько недѣль, здѣшній городъ. Онъ формально

вступилъ въ службу Порты и отправился чрезъ Лондонъ въ Турцію, гдѣ займется организованіемъ турецкой кавалеріи.

— Пишутъ изъ Берлина: «Первую мысль о конгрессѣ германскихъ владѣтелей возымѣлъ герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій; потомъ мысль эта принята и приведена въ исполненіе прусскимъ правительствомъ. Что касается до Курфирста и Великаго Гетцога Гессенскихъ, можно быть увѣреннымъ, что если они и явятся на этотъ конгрессъ, то все-таки не согласятся на результатъ парламентскихъ переговоровъ въ Эрфуртѣ, а потребуютъ соглашенія съ Австрією и другими владѣніями, невходящими въ составъ прусскаго союза. Г. фон-Радовицъ нѣсколько разъ подавалъ въ отставку, но Король не принялъ его просьбы. Между-тѣмъ, датскій вопросъ все еще не рѣшенъ: копенгагенскій кабинетъ требуетъ, чтобы условія, предлагаемыя Пруссією, были рассмотрѣны особою шлезвиг-датскою комиссією, и хочетъ прибѣгнуть къ третейскому суду какой-нибудь великой державы, а Пруссія настаиваетъ на своемъ: Прусскимъ войскамъ запрещено носить германскую кокарду.

Дреденъ.—Приговоръ суда первой инстанціи, которымъ трое главныхъ участниковъ въ возстаніи, бывшемъ въ маѣ прошлаго года, Гг. Бакунинъ, Рекель и Гейбнеръ, приговорены къ смертной казни, утвержденъ высшимъ апелляціоннымъ судомъ и сообщенъ имъ въ Кенигштейнской крѣпости.

— 20-го апрѣля скончался въ Герлесаузенѣ, имѣніи Ландграфа Гессенъ-Филипсталь-Бархфельдскаго Карла, принца Гессен-Филипсталь-Бархфельдскій Эрнстъ, генералъ отъ кавалеріи російской службы. Онъ родился 28 января 1789 г. и вступилъ въ російскую службу въ 1807 году, когда Наполеонъ овладѣлъ Курфиршествомъ Гессенскимъ; въ 1812 г., въ бородицкомъ сраженіи, пушечное ядро оторвало ему ногу. Покойный провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Бархфельдѣ, гдѣ бранные оставки его преданы землѣ 23 апрѣля, при многочисленномъ стеченіи народа.

П р у с с и я .

— Берлинъ, 8-го мая.—Сегодня прибыли сюда Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, Герцогъ Брауншвейгскій, Великій Герцогъ Саксонскій, Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій и Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій, съ наслѣднымъ Принцемъ, ихъ свѣтлости Князя Шварцбургъ-Зондерсгаузенскій, Рейсъ-Грейцскій и Рейсъ-Шлейскій, Великій Герцогъ Ольденбургскій съ Наслѣднымъ Великимъ Герцогомъ и Наслѣдный Великій Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Наслѣдный Принцъ Саксенъ-Мейнингенскій вріѣхалъ уже третьяго дня. Всѣ они остановились въ здѣшнемъ королевскомъ замкѣ. Вчера, въ 7 часовъ вечера, Король равномерно прибылъ въ этотъ замокъ, чтобы привѣтствовать высокихъ гостей своихъ. Оттуда Король отправился въ оперный театръ, посѣщенный также Королевою и прибывшими великими гостями. По окончаніи спектакля уѣхали опять въ Шарлоттенбургъ. Сегодня, въ 10 часовъ утра, Король дѣлалъ при Кейцбергѣ смотръ тремъ полкамъ 2-й гвардейской кавалерійской бригады. Королева равномерно присутствовала при этомъ воинскомъ зрѣлищѣ.

— 9-го.—Сегодня, въ годовщину подавленія дрезденскаго мятежа, Король угощалъ обѣдомъ, въ Берлинѣ и Шпаидау, 1-й и фузелерный баталіонъ гренадерскаго полка Императора Александра, принимавшіе дѣятельное участіе въ этомъ подвигѣ. Король почтилъ его празднество своимъ присутствіемъ. Передъ обѣдомъ батальіоны представлялись въ парадѣ, а за обѣдомъ Монархъ сдѣлалъ привѣтствіе воинамъ. Сперва, вскорѣ послѣ полудня, привѣтствовалъ въ Шпаидау батальіонъ фузелеровъ, а потомъ отправился въ Берлинъ, чтобы привѣтствовать 1-й батальіонъ. Послѣ того, въ 3 часа по-полудни, Король прибылъ въ берлинскій замокъ и пригласилъ съѣхавшихся сюда германскихъ владѣтелей и представителей вольныхъ городовъ въ Красную-залу, на краткое совѣщаніе. Въ 4 часа, Король и Королева, Принцы и Принцессы королевскаго дома и германскіе владѣтели вступили въ большіе апартаменты Короля Фридриха I, гдѣ были собраны, въ полной парадной формѣ, придворные чины, свита присутствующихъ германскихъ государей, представители вольныхъ городовъ, генералитетъ; министры и совѣтники германскихъ владѣтелей, съѣхавшихъ

ся въ Берлинъ, и многія другія знатныя лица. Обѣдъ происходилъ въ Бѣлой-залѣ. Послѣ обѣда, Король изволилъ трудиться въ своемъ кабинетѣ, а потомъ, въ 8 часовъ, отправился обратно въ Шарлоттенбургъ, куда скоро прибыла и Королева. Сегодня, въ 8 часовъ утра, изволилъ дѣлать при Крейцбергѣ смотръ тремъ пѣхотнымъ полкамъ, по окончаніи котораго, въ полдень, Монархъ возвратился въ Шарлоттенбургъ.

— 13-го. — Король и Королева обѣдали третьягодня, съ своими высокими гостями, въ шарлоттенбургскомъ замкѣ, а вчера у Принца Прусскаго, въ его берлинскомъ дворцѣ, откуда послѣ обѣда возвратились въ Шарлоттенбургъ. Въ десятомъ часу вечера Король прибылъ опять въ Берлинъ и почтилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный въ честь высокихъ гостей, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ фон-Редерномъ. На этомъ балѣ, на который собрались также всѣ находящіеся здѣсь Принцы и Принцессы королевскаго дома, Монархъ пробылъ до полуночи. Сегодня, въ 11 часовъ утра былъ большой парадъ берлинскаго гарнизона. Король, сопровождаемый Принцами королевскаго дома и болѣею частью своихъ высокихъ гостей, дѣлалъ смотръ пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи, а Королева смотрѣла на парадъ изъ оконъ дворца Принцессъ. По окончаніи парада отправились обратно въ Шарлоттенбургъ.

— 16-го. — Газета «Гамбургскій Корресподентъ» напечатала слѣдующій отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ барона Шлейнича, на циркулярную ноту австрійскаго правительства отъ 26 апрѣля.

«Императорскій посланникъ при здѣшнемъ дворѣ, баронъ Прокешъ-Остенъ, сообщилъ мнѣ препровождаемое при семъ въ копіи повелѣніе своего правительства, которымъ предписывается ему пригласить королевское правительство немедленно отправить уполномоченнаго во Франкфуртъ-на-Майнѣ, чтобы, вмѣстѣ съ представителями другихъ членовъ германскаго союза, получившихъ подобное приглашеніе отъ императорско-королевскаго австрійскаго кабинета, заняться, во-первыхъ, назначеніемъ новой временной центральной власти, вмѣсто той, срокъ которой кончился 1 числа с. м., а во-вторыхъ, пересмотромъ германскаго уложенія.

Королевское правительство вполнѣ раздѣляетъ высказанное въ этомъ циркулярѣ сожалѣніе, что всѣ предъидущія сноше-

нія между Пруссіей и Австріей, по этому дѣлу, не привели ихъ къ соглашенію.

Високиъ раздѣляетъ оно также убѣжденіе, что каждый членъ союза непременно обязанъ заботиться о томъ, чтобы дѣла, касающіяся всего государства, управляемы были не иначе, какъ съ согласія всѣхъ членовъ его, и чтобы прежнее уложеніе, непримѣнимое въ настоящее время, было преобразовано согласно современному требованію, совокупными усиліями всѣхъ участвующихъ въ союзѣ.

Королевское правительство предлагало для организаціи новаго временнаго правленія ищры, которыя, по его мнѣнію, представляютъ самое простое рѣшеніе вопроса и наиболѣе соотвѣтствуютъ настоящимъ обстоятельствамъ. Оно должно сложить съ себя всякую отвѣтственность въ томъ, что вслѣдствіе непріятія его предложеній произошло горестное замедленіе, и срокъ временной центральной власти кончился безъ принятія предварительныхъ ищръ къ замѣщенію ея.

Тѣ же самыя обстоятельства постоянно руководятъ королевское правительство при обсужденіи вопроса о всеобщемъ уложеніи Союза. Только точное сознаніе этихъ обстоятельствъ можетъ согласить между собою различные взгляды на основанія, на которыхъ должно быть создано новое заданіе; отсутствіе этого сознанія, какъ справедливо замѣчаетъ императорско-королевскій кабинетъ, есть причина тому, что всѣ предлагающія усилія къ единенію остались безъ успѣха.

Эти обстоятельства заключаются, кромѣ происшествій и постановленій конгресса 1848 года, съ одной стороны въ уложеніи Австрійской Имперіи 4 марта 1849 года и тѣсно связанныхъ съ нимъ требованіи Австріи о причисленіи къ Союзу всѣхъ частей ея, а съ другой стороны въ свободномъ соединеніи между собою различныхъ государствъ Союза, вслѣдствіе собственныхъ потребностей и безъ измѣненія обязанностей ихъ по отношенію ко всему Германскому государству, на основаніи акта 26 мая прошедшаго года.

И такъ Пруссія выводитъ свои заключенія, какъ изъ правъ, освященныхъ трактатами, такъ и изъ современныхъ обстоятельствъ.

Что же касается до предполагаемаго императорскимъ правительствомъ Конгресса членовъ Германскаго Союза во Франкфуртѣ на Майнѣ, то объ этомъ королевское правительство свесется съ союзными ему государствами. Его Величество Король уже отправилъ съ этою цѣлію къ своимъ высокимъ со-

известить приглашеніе посѣтить его въ Берлинъ лично, въ сопровожденіи ответственныхъ министровъ, 8 числа с. м., чтобы обсудить вмѣстѣ путь, по которому нужно слѣдовать.

Послѣдующее поведеніе королевскаго правительства будетъ зависѣть отъ рѣшеній этого совѣщанія.

Но между тѣмъ оно должно протестовать противъ того, что, въ прилагаемомъ циркулярѣ, императорской кабинетъ совѣщается на V и VI главы союзнаго акта, представляя такимъ образомъ предлагаемое во Франкфуртѣ-на-Майнѣ собраніе, какъ одинъ изъ прежнихъ союзныхъ конгрессовъ, созывавшихся Австріею, на основаніи права предсѣдательства: Союзный конгрессъ распущенъ постановленіемъ въ 1848 году, поэтому и самое право предсѣдательства должно считать уже несуществующимъ.

Мы можемъ смотрѣть на это предложеніе единственно, какъ на сдѣланное однимъ отдѣльнымъ государствомъ. Мы полагаемъ, что Австрія имѣетъ полное право предлагать подобнаго собранія для совѣщанія объ общихъ интересахъ, но никакъ не можетъ допустить, чтобы неучастіе въ такомъ собраніи, если какое-нибудь государство считаетъ его лишнимъ, считалось просрочкою и вѣкло за собою какия-бы то ни было невыгодныя для него послѣдствія. Неучастіе его въ собраніи можетъ имѣть для него только то дѣйствіе, что рѣшеніе совѣщавшихся сочленовъ на него не простирается. Тѣ же, которые будутъ участвовать во франкфуртскомъ съѣздѣ, должны смотрѣть на свои рѣшенія, какъ на касающіяся ихъ исключительно, а не какъ на всеобщіе приговоры, произносимые во имя Союза.

Королевское правительство считаетъ для себя долгомъ выразить свои мысли объ этомъ предметѣ; дальнѣйшія же рѣшенія и поясненія его требуютъ сношенія съ союзниками Пруссіи.

3 мая 1850.

16-го, Было окончательное собраніе конгресса германскихъ князей и представителей вольныхъ городовъ, подъ предсѣдательствомъ Е. В. Короля Прусскаго. Изложивъ, въ краткихъ словахъ, результатъ восьмидневныхъ совѣщаній конгресса, Король спросилъ присутствующихъ, желаютъ ли они остаться въ союзѣ 26 мая или нѣтъ. Всѣ присутствующіе отвѣчали утвердительно. За тѣмъ Король спросилъ мнѣніе присутствующихъ объ измѣненіяхъ къ проекту уложенія, которыя были

предложены эрфуртскому парламенту. Большинство присутствующих отвѣчало, что оно согласно въ этомъ отношеніи съ вѣдѣніемъ правительства, т. е. согласно принять упомянутыя измѣненія. Но такъ какъ не всѣ присутствовавшіе были согласны съ Пруссіей, то было рѣшено учредить для союза временное правительство, съ тою цѣлю, чтобы привести къ окончанію уложеніе Союза. Пруссія останется временною представительницею Союза, а права бывшаго административнаго совета будутъ переданы временной коллегіи князей. Наконецъ присутствующіе согласились послать во Франкфуртъ своихъ представителей. Король заключилъ засѣданіе рѣчью, въ которой выразилъ увѣренность, что единство Германіи утвердится. Эти слова встрѣтили всеобщее сочувствіе.

— Ихъ Королевскія Высочества Курфюрстъ Гессенскій, Великій Герцогъ и Наслѣдный — Великій Герцогъ Баденскій и Великій Герцогъ Саксенъ-Веймарскій; ихъ Высочества Герцогъ Брауншвейгскій и Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій и ихъ Свѣтлость Наслѣдный Принцъ Агпальтъ-Дессаускій, Княгиня Вальдекская, Князь Рейсъ-Грейцкій, Князь Рейсъ-Шлейцскій и Князь Шварцбургъ-Зондергаузенскій оставили Берлинъ и отправились обратно въ свои владѣнія.

18-го. — Происходило въ Шарлоттенбургѣ брасочетаніе Ея Королевскаго Высочества Принцессы Шарлотты Прусской съ Его Высочествомъ Наслѣднымъ Принцемъ Саксенъ-Мейнингенскимъ.

23-го. — Въ официальной части прусскаго Staats-Anzeiger, напечатано сегодня, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдующее:

«22 мая. Когда Е. В. Король собирался сегодня, въ 12 часовъ, отправиться по желѣзной дорогѣ въ Потсдаммъ, какой-то человекъ, стоявшій подлѣ, выстрѣлилъ въ него. Провидѣніе сохранило жизнь Короля. Король раненъ въ правую руку, пониже локтя, не въ кость, и послѣ первой перевязки немедленно отправился въ Шарлоттенбургъ. Виновный схваченъ; это фейеркеркеръ гвардейской артиллеріи, по имени Сефелогге, уволенный 1 октября 1849 инвалидомъ. На немъ былъ мундиръ, который онъ самъ себя сдѣлалъ.

— Въ газетѣ Deutsche Reforme напечатана телеграфическая депеша, разосланная тѣмъ же министромъ ко всѣмъ выс-

шимъ провинціальнымъ властямъ, чтобы извѣстить ихъ объ этомъ гнусномъ посягательствѣ. Въ этой депешѣ сказано самымъ положительнымъ образомъ, что Е. В. въ опасности.

24-го.— Въ сегодняшнемъ номерѣ прусскаго Staats-Anzeiger, напечатаны два адреса Королю, одинъ отъ берлинскаго магистрата, другой отъ представителей города Берлина (Stadtverordnete). Въ обоихъ адресахъ выражено горячее участіе къ опасности, которой Е. В. недавно подвергся, и живѣйшая радость, что Провидѣніе сохранило драгоценную для Пруссіи жизнь его.

— Духовное начальство разослало приказаніе, чтобы во всѣхъ удаленныхъ отъ Берлина церквахъ, въ которыя извѣстіе о посягательствѣ на священную особу Короля придетъ поздно, служили бы въ будущее воскресенье благодарственные молебны, объ избавленіи Е. В. отъ опасности.

— Въ берлинскихъ журналахъ, отъ 25 мая, напечатаны бюллетени о здоровьѣ Короля. Одинъ изъ бюллетеней относится къ вечеру 23 числа, а другой къ утру 24. Изъ послѣдняго видно, что Е. В. провелъ ночь спокойно. Лихорадка уменьшилась; рана очищается самымъ благопріятнымъ образомъ.

— Не смотря на холодность, существующую между прусскимъ и ганноверскимъ дворами, Е. В. Король Ганноверскій, узнавъ о покушеніи 22 мая, написалъ къ Королю Фридриху-Вильгельму собственноручное письмо, въ которомъ поздравляетъ его съ избавленіемъ отъ опасности.

— По официальнымъ извѣстіямъ, Король 26 мая чувствовалъ довольно сильную боль, хотя лихорадка не усилилась; къ вечеру боль утихла и ночь онъ провелъ спокойно; къ утру 27 лихорадка уменьшилась; по наружному виду, рана и оузолъ въ прежнемъ положеніи.

— Въ Берлинъ ежедневно присылаютъ изъ провинціаль-ныхъ городовъ адреса, въ которыхъ выражается самая живѣйшая радость объ избавленіи священной особы Короля отъ грозившей ему опасности.

— Изъ Лейхлингена пишутъ, отъ 22 мая, что одно изъ самыхъ замѣчательныхъ зданій тѣхъ мѣстъ, замокъ Нессельроде, приходитъ въ совершенный упадокъ и разрушеніе.

Этотъ замокъ есть родовое помѣстье знаменитаго рода, изъ котораго произошли многіе славные дипломаты нашего времени. Сибилла Нессельроде, вышедшая въ 1511 году за-мужъ за Готтгарда Кеттлера, передала замокъ въ фамилію своего мужа, который перестроилъ его. Сынъ Готтгарда Кеттлера и Сибиллы Нессельроде былъ Гермейстеромъ ордена Меченосцевъ, а потомъ Герцогомъ Курляндскимъ. Замокъ будетъ разрушенъ, а изъ матеріаловъ его выстроить новое зданіе.

— 1-го іюня. Вниманіе здѣшной публики сильно возбуждено теперь отданнымъ приказаніемъ — поставить на военную ногу вѣкоторыя изъ корпусовъ прусской арміи и вооружить многія крѣпости Пруссіи (Нейссу, Глацъ и проч.)

— Третьяго дня происходило кабинетное совѣщаніе, на которомъ положено принять энергическія мѣры противъ употребленія во зло свободы книгопечатанія.

— Президентъ полиціи приказалъ конфисковать нѣмецкій переводъ «Парижскихъ тайнъ», сочиненія *Евгенія Сю*.

А В С Т Р І Я.

— Богемскій корпусъ войскъ, состоящій подъ главнымъ начальствомъ Эрцъ-Герцога *Альберта*, постоянно увеличивается, чтобы быть готовымъ на всякій случай. Онъ расположенъ такъ, что можетъ собраться въ нѣсколько дней.

— По извѣстію, сообщаемому въ газетѣ «Wandereger», 92 католическія семейства приняли недавно въ Богеміи протестантскую вѣру.

— Въ Пестѣ оконченъ процессъ противъ университетскихъ профессоровъ; шестеро изъ нихъ признаны виновными. Трое профессоровъ отрѣшены отъ должности по распоряженію министерства.

— Въ письмѣ изъ Пресбурга, напечатанномъ въ газетѣ *Wandereger*, говорится, что Венгерцы желаютъ:

1) Чтобы духъ 4-го марта воплотился и чтобы вслѣдствіе того

2) Уничтожилось осадное положеніе, тѣмъ болѣе, что оно можетъ обуздать олигархію, а не охлократію, и слѣдовательно не можетъ доставить безопасность собственности.

3) Въ составъ императорскаго министерства долженъ войти представитель интересовъ Венгріи.

4) Мадыарская національность должна быть ограждена введеніемъ мадыарскаго языка въ высшія учебныя заведенія Венгріи.

5) Должно поддержать неприкосновенность Венгріи и въ слѣдствіе того снова включить въ нее Воеводство и подчинить венгерской коронѣ венгерскія военныя границы.

6) Отчислить отъ Трансильваніи къ Венгріи землю Шеклеровъ и другіе мадыарскіе округа, а шеклерскую военную границу подчинить венгерской коронѣ.

7) Кроація и Славонія разорвали свою семивѣковую связь съ Венгріей—да исполнится ихъ воля.

8) Только одни венгерскіе уроженцы должны имѣть право на полученіе служебныхъ мѣстъ въ Венгріи; Высшій Судъ и финансовое отдѣленіе должны находиться въ самой Венгріи.

9) Земскій сеймъ долженъ собраться въ Пестѣ, и рѣшенія его должны относиться къ рѣшенію общаго имперскаго сейма, точно такъ же, какъ относился земскій сеймъ, бывшій до марта мѣсяца, къ тогдашнему австрійскому министерству.

10) Должно удержать венгерскій гербъ, венгерскіе національные цвѣта и венгерскіе военные и гражданскіе мундиръ.

11) Должно удержать въ силѣ автономію (самоуправленіе) протестантской церкви.

12) Австрійскіе Императоры, вступая на престолъ, должны короноваться, не только какъ Императоры, но и какъ Короли Венгріи.

— Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ напечатана копія съ циркуляра, разосланнаго австрійскимъ правительствомъ ко всемъ своимъ посланникамъ при германскихъ дворахъ. Австрійское правительство приглашаетъ, въ этомъ циркулярѣ, всѣхъ германскихъ владѣтелей, прислать во Франкфуртъ-на-Майнѣ своихъ представителей, для принятія мѣръ къ замѣщенію временной центральной комиссіи, срокъ которой кончился. Представитель Австріи будетъ во Франкфуртѣ въ первыхъ числахъ мая, и сдѣлаетъ всѣ необходимыя приготовленія, чтобы собраніе уполномоченныхъ могло сойтись 10 мая. Когда уполномоченные достигнутъ главной цѣли своей, т. е.

устанавливать новый центральный органъ для Германіи, что можетъ быть совершенно въ двѣ недѣли, то приступать къ пересмотру германскаго уложенія и изысканію средствъ, которыми оно можетъ быть приведено въ исполненіе.

— Въ Вѣну прибыли агенты одного лондонскаго общества, имѣющіе намѣреніе основать въ Венгріи промышленныя колоніи и приобрести для этой цѣли пространныя земли.

— Въ послѣднихъ письмахъ изъ Далмаціи извѣщаютъ, что въ городкѣ Станьо, недавно пострадавшемъ отъ землетрясенія, все еще продолжаютъ подземные удары, которые окончательно разрушаютъ поврежденные первымъ землетрясеніемъ дома и дѣлаютъ необитаемыми тѣ, которые до-сихъ-поръ держались. 21-го апрѣля было двѣнадцать сильныхъ подземныхъ ударовъ, 22 четыре и столько же 23. Постоянные дожди затрудняютъ сообщенія, и кажется, будто всѣ стихіи сговорились держать бѣдныхъ жителей въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Въ Рагузѣ также почти каждый день бываютъ подземные удары, но гораздо легче, такъ что нѣкоторые изъ нихъ замѣчаются весьма немногими.

— *Каттаро*, 28 апрѣля. Черногорцы дѣлали, 21 апрѣля, нападеніе на жителей Спикса (въ Турецкой Албаціи) и вся милиція этого укрѣпленнаго мѣста, регулярная и нерегулярная, принимала участіе въ битвѣ, которая, кажется, не имѣетъ политическаго характера, но принадлежитъ къ числу самыхъ жестокихъ стычекъ нынѣшняго года. Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ, послѣ чего Черногорцы отступили. У нихъ было двое убитыхъ нѣсколько раненыхъ; у Албанцевъ убито семь человекъ и довольно много ранено. Говорятъ, впрочемъ, что Черногорцы начинаютъ чувствовать недостатокъ въ порохѣ. 24 апрѣля, Владыка перенесъ свою резиденцію въ Перезано.

— Фельдмаршал-лейтенантъ князь *Шварценбергъ* и квартирмейстеръ генеральнаго штаба фельдцейхмейстеръ баронъ *фон-Гессенъ* поднесли стихотворцу *Грильпальцеру*, отъ лица италійской арміи, великолѣпный серебряный вызолоченный кубокъ, какъ дань признательности этой арміи къ поэту, воспѣвшему ея подвиги. Это приношеніе сопровождалось собственноручнымъ лестнымъ письмомъ фельдмаршала графа *Радецакаго* къ поэту, писаннымъ изъ Вероны, отъ 25-го апрѣля.

Въ Либинѣ и Будвейсѣ обнаружилась на-двѣтъ сильная холера.

— Въ Триестѣ получены, съ далматскимъ пароходомъ, прибывшимъ туда 1-го мая, весьма-печальныя извѣстія. Городъ Станьо, въ Далмаціи, уже не существуетъ. По-крайней-мѣрѣ, такъ говорятъ въ Триестѣ, присовокупляя, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Станьо, бьютъ теперь теперь сѣрные ключи. Мы уже сообщали, что этотъ городъ разрушенъ нѣсколькими сильными подземными ударами. Никто изъ жителей, повидимому, не погибъ при этомъ, потому-что все успѣли переселиться на корабли или въ окрестныя селенія.

— Австрійскій Императоръ отправился 8 мая изъ Вѣны въ Триестъ.

— Газета Лойда извѣщаетъ, что Австрійскій Императоръ прибылъ въ Триестъ 12 мая и былъ встрѣченъ многочисленными толпами радостныхъ жителей.

— *Триестъ*, 14 мая. По прибытіи въ здѣшній городъ, Императоръ въ тотъ же вечеръ посѣтилъ великолѣпно-освѣщенный театръ, гдѣ публика встрѣтила Монарха громкими, радостными восклицаніями. Вчера, утромъ, принималъ всѣ городовыя начальства, и потомъ дѣлалъ смотръ здѣшнему гарнизону. Въ 4 часа у Императора былъ большой обѣдъ, послѣ котораго онъ ѣздилъ въ С. Андреа, гдѣ благополучно спустился на воду новый пароходъ Лойда «Далмата». Вечеромъ городъ и гавань были великолѣпно освѣщены. Фельдмаршалъ графъ Радецкій, въ общему сожалѣнію, задержанъ въ Лайбахѣ незначительнымъ поврежденіемъ ноги, которое, однакожъ, препятствуетъ ему ходить.

.. *Венеція*, 10 мая. Высшія власти Ломбардо-Венеціанскаго Королевства уже отправились въ Триестъ, чтобы представиться Императору. Въ Триестъ спѣшатъ многіе, не только отсюда, но даже изъ болѣе-отдаленныхъ мѣстъ. Князь *Петрулла*, неаполитанскій посланникъ, и монсеньоръ *Амиччи*, чрезвычайный посланникъ Папы, равноѣрно отправились туда, чтобы привѣтствовать юнаго Монарха отъ лица своихъ государей.

Вѣна, 16 мая. Въ сегодняшнемъ номерѣ «Вѣнской газеты» обнародовано слѣдующее объявленіе центральной военно-сѣдательской комиссіи: *Иосифъ Бемъ*, родомъ изъ Галиціи, вѣнчій отъ-роду отъ 60 до 70 лѣтъ, за участіе въ вооружен-

вѣтъ совротченіи императорскимъ войскамъ въ 1848—49 годахъ, былъ преданъ военному суду, но не явился на вызовъ. Посему военный судъ, 1-го с. м., единогласно призналъ, что помянутый предводитель инсургентовъ, *Иосифъ Бемъ*, виновенъ въ томъ, что въ октябрѣ 1848 года онъ сформировалъ въ Вѣнѣ подвижные корпуса и употребилъ ихъ, 28 числа, для отчаянной обороны Леопольдштадта; потомъ, убѣжалъ въ Венгрію, принялъ на себя начальство надъ мятежниками въ Трансильваніи, вытѣснилъ въ апрѣлѣ 1849 года, превосходнымъ числомъ силъ, Императорскія войска въ Валахію, и не только управлялъ Трансильваніею, въ качествѣ главнокомандующаго, отъ имени дебрецинскаго правительства, объявившаго себя, 14 апрѣля, независимъ, но и продолжалъ противиться соединеннымъ австрійско-русскимъ войскамъ до-тѣхъ-поръ, пока не былъ совершенно разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Въ-слѣдствіе сего, военный судъ рѣшилъ, что *Иосифъ Бемъ*, за государственную измѣну, соединенную съ участіемъ въ мятежѣ въ Вѣнѣ и Венгріи, подлежитъ смертной казни на висѣлицѣ, къ которой должно быть прибито его имя, и что всякое имущество его, гдѣ бы оно ни отыскалось, имѣетъ быть конфисковано. Этотъ приговоръ, по предписанію его превосходительства г. гражданскаго и военного губернатора, обнародованъ сегодня, въ 6 часовъ утра, и исполненъ заочно. *Вѣна 16 мая 1850.*

— Газета *Лойдъ* говоритъ, что до настоящаго времени внесено въ казну и сожжено на 30 милліоновъ гульденовъ ассигнацій, выпущенныхъ венгерскимъ республиканскимъ правительствомъ. По свѣдѣніямъ, опубликованныхъ при *Кошутъ*, все количество выпущенныхъ ассигнацій не превышаетъ 60 или 70 милліоновъ гульденовъ.

— Въ журналѣ австрійскаго *Лойда* пишутъ: «Съ Ея Императорскимъ Высествомъ Эрцъ-Герцогиніею *Софіею*, возвращавшеюся съ прогулки отъ Каленберга, едва не случилось печтастіе. Лошади, чего-то испугавшись, понесли и ударилась въ дверь одного дома въ Тейнфальской улицѣ. Къ счастью, это остановило ихъ. Одному изъ работниковъ ружейнаго завода, попавшемуся при этомъ подъ карету, повреждена нога. Эрцъ-Герцогиня, узнавъ о томъ, тотчасъ же вышла, не смотря на свой сильный испугъ, изъ кареты, вошла въ домъ, куда отнесли работника, освѣдомилась объ его положеніи и потомъ прислала къ нему своего собственнаго лейбъ-медика.

По счастью, поврежденіе оказалось маловажнымъ. Собранныя публика представила при этомъ Эрцъ-Герцогинѣ доказательства непритворнаго участія».

22-го.—Его Величество Императоръ, ускоривъ свое возвращеніе, прибылъ сюда сегодня въ вождѣнномъ здоровьи.

— Въ Вѣнѣ замѣчается печальное явленіе, всегда сопровождающее великіе политическіе перевороты, а именно: необыкновенное число случаевъ помѣшательства въ умѣ. Не проходитъ ни одной недѣли, въ которую бы многіе изъ жителей столицы не были поражены этою ужасною болѣзью. Число большихъ въ здѣшнемъ домѣ умалишенныхъ, простиравшееся до 1848 года отъ 150 до 250, возвысилось теперь до 980 человекъ, изъ которыхъ большая часть имѣетъ отъ 20 до 35 лѣтъ отъ роду.

— Изъ Венгріи пишутъ, что тамъ во многихъ мѣстахъ образуются общества Израильтявъ, члены которыхъ принимаютъ на себя обязательство отказаться отъ торговли и посвятить себя земледѣлію.

— Пушутъ изъ Триеста, что Его Величество Императоръ, во-время тамошнихъ морскихъ маневровъ, подвергался большой опасности, потому-что ядро, которымъ, по ошибкѣ, зарядили одну изъ пушекъ, пролетѣло подлѣ Его Величества.

— «Оно свиститъ хорошо», сказалъ юный Монархъ, нимало не встревожась.

— Получено извѣстіе о заключеніи между Австрією и Тосканскою конвенціи, въ силу которой Великое Герцогство будетъ занято, на неопредѣленное время, австрійскими войсками. Число этихъ войскъ должно простираться, пока, до 10,000 человекъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшено ниже 6,000. Австрійское правительство приняло на свой счетъ экипировку и жалованье этихъ войскъ; но о содержаніи ихъ должно заботиться правительство Тосканское.

28-го.— Журналъ *der Oesterreicher Soldatenfreund* сообщаетъ слѣдующій біографическій очеркъ умершаго, 22 числа, фельдцейхмейстера барона *д'Аспре*.

«Баронъ *Константинъ д'Аспре*, командиръ ордеповъ военнаго Маріи Терезіи и Императора Леопольда большаго креста,

кавалеръ Россійскихъ Императорскихъ орденовъ: военнаго Св. Георгія и Св. Владимира, Тосканскаго—Св. Юсифа большаго креста и Папскаго—Св. Григорія и пр. Императорско-Королевскій Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, второй шефъ Императора Франца Юсифа пѣхотнаго полка и командиръ шестаго армейскаго корпуса, родился въ 1789 году въ Брюсселѣ; въ военную службу вступилъ въ 1806, прапорщикомъ, скоро произведенъ былъ въ подпоручики Императорскихъ егерей, въ 1808 причисленъ къ штабу генерал-квартирмейстера; въ томъ же году получилъ чинъ поручика; за особенную дѣятельность, оказанную имъ въ походѣ 1809 года, произведенъ въ капитанъ-поручики 18-го пѣхотнаго полка; въ томъ же году переведенъ въ 31 пѣхотный полкъ съ чиномъ капитана, оставленъ впрочемъ въ штабѣ генерал-квартирмейстера, и въ этомъ званіи участвовалъ въ походѣ 1812 года; компаніи 1813, 1814 и 1815 годовъ доставляли ему часто случаи выказать свое искусство, мужество и распорядительность въ командованіи отрядовъ, чинъ маіора и орденъ Маріи Терезіи, пожалованный ему не по статуту, были справедливою наградою его заслугъ. Во-время экспедиціи 1820 и 1821 годовъ противъ неаполитанскихъ псургентовъ, переведенъ онъ былъ за отличіе маіоромъ въ пѣхотный полкъ Императора; за сраженіе при Ріетти получилъ чинъ подполковника; за тѣмъ въ 1825 году онъ былъ произведенъ въ полковники 21 пѣхотнаго полка, въ 1833 году—въ генерал-маіоры и бригадиръ и 1840 въ фельдмаршалъ-лейтенанты, а въ 1846 назначенъ онъ былъ командиромъ 2 подвижнаго армейскаго корпуса, стоявшаго въ Италіи. Всѣ помнать подвиги покойнаго, во-время компаній 1848 и 1849 годовъ, при Виценцѣ, Кустоци Вольтѣ, Мортарѣ, Новарѣ и Ливорно. Память его сохранится, надолго между соотечественниками и солдатами, которыхъ онъ былъ отцомъ».

Д а н и л.

Копенгагенъ, 11 мая. Е. В. Король принималъ вчера, въ Фридрихсбургскомъ замкѣ, прусскаго генерала *Белова*, который вручилъ ему письмо отъ своего Государя.

— 12 мая. Посольство генерала *Белова* увѣрилось, какъ кажется, желаннымъ успѣхомъ, и люди, достойные вѣроятія говорятъ, что миръ съ Пруссіей и Германіей можно считать окончательно заключеннымъ. Но переговоры съ голштейнскимъ посланникомъ все еще продолжаются.

— 18 мая. Сегодняшнія извѣстія согласны съ вышеприведенными; газета *Hamburger Correspondent* говоритъ, что посольство генерала *Белова* имѣло большое вліяніе на умнреніе герцогства, и теперь можно надѣяться, что жители ихъ будутъ скоро наслаждаться вожделѣннымъ миромъ.

18-го. Графъ *Оттонъ Рапццу* отправился вчера въ Киль. Въ сношеніяхъ между голштейнскою депутаціею и кильскимъ намѣстничествомъ замѣтна большая дѣятельность. Между-тѣмъ вооруженіе здѣсь, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, продолжается, и скоро датскія войска будутъ сосредоточены на многихъ пунктахъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать по обстоятельствамъ.

— Сравнительная таблица датскаго флота съ морскими силами Германіи представляетъ слѣдующія цифры. Данія, послѣ потери кораблей «Христианъ VIII» и «Геофопъ» владѣетъ однимъ линейнымъ кораблемъ, 6 фрегатами, 5 корветами, 4 бригами, 1 баржею, 1 шкуною, 1 кутеромъ, 4 пароходами, 6 буксирными судами и, наконецъ, тремя дивизіями, въ которыхъ считается 90 мортирныхъ гальтовыхъ и канонирскихъ лодокъ. Общее число пушекъ на всѣхъ этихъ судахъ простирается до 740. Германія, за исключеніемъ австрійскаго флота, но тутъ же считая Пруссію и Гольштейнъ, владѣетъ однимъ фрегатомъ, 2 корветами, 1 шкуною, 12 пароходами (фрегатами, корветами и проч.) и 60—70 канонирскими лодками, изъ которыхъ на каждой по 2 мортиры. Общее число орудій германскаго флота простирается всего до 296; однакожь орудія эти большаго калибра, чѣмъ орудія датскія.

Киль, 21 мая. Вчера прибыли сюда изъ Копенгагена синдикъ *Прель* и изъ Берлина поручикъ графъ *Ревентловъ*. г. *фон-Гарбу* равномерно возвратился, и, вѣроятно, государственный совѣтъ соберется сегодня, для обсужденія новыхъ инструкцій, которыя должны быть даны здѣшнимъ

депутатамъ въ Копенгагенъ, куда г. *Прень* отправляется опять. Результатъ переговоровъ еще неизвѣстенъ; но все предвѣщаетъ, что споръ будетъ рѣшенъ силою оружія. Ожидаютъ, что не далѣе, какъ послѣ затра, датскія войска начнутъ дѣйствовать наступательно. Здѣсь все готовится къ войнѣ. Норвежскій батальионъ, стоявшій въ Гадерслебенѣ, переведенъ въ Фленсбургъ. Извѣстія, получаемыя изъ Ютландіи, равномерно не обѣщаютъ ничего добраго.

Копенгагенъ, 24 мая. Съ висмарскіимъ пароходомъ прибылъ сюда вчера графъ *Бломе фонъ-Замцау*, который, по слухамъ, располагаетъ пребыть здѣсь довольно долго. При началѣ движенія въ Гольштейнъ, графъ *Бломе* былъ нѣсколько дней адъютантомъ у принца *Нозрскаго*, но сложилъ съ себя эту должность, не принимая съ тѣхъ-поръ никакого участія въ дальнѣйшихъ событіяхъ, и прожилъ послѣдніе два года отчасти въ Берлинѣ.

— По извѣстію, сообщаемому въ газ. «*Kolding Avis*», изъ Фіоніи отправленъ въ Кноре одинъ резервный батальионъ. Въ Вейлѣ готовятся квартиры для значительнаго числа войскъ.

Фленсбургъ, 26 мая. Въ полдень, одинъ датскій военный корабль сталъ на якорь въ устьѣ Фленсбургской гавани, при Богегольтъ, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ здѣшняго города, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году стоялъ корабль, блокировавшій гавань. Сегодня вступила сюда норвежская артиллерія, прибывшая съ съвера, изъ Апенраде и Гадерслебена. Полагаютъ, что всѣ нейтральныя войска соберутся здѣсь и сядутъ на корабли.

— Пишутъ съ Нижней-Эльбы: «вчера шлезвигъ-гольштейнскій департаментъ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ, которымъ предписываетъ ускорить созваніе резервныхъ войскъ, а также офицеровъ и рядовыхъ, уволенныхъ въ отпускъ. Всѣмъ имъ велѣно собираться въ Рендсбургъ. Правительство, видя военныя приготовленія Датчанъ, почло нужнымъ принять эту мѣру предосторожности.»

И Т А Л І Я.

Римъ, 23 апрѣля. Въ письмѣ изъ Рима говорится о необходимости оставить тамъ французскій гарнизонъ. Авторъ письма основываетъ эту необходимость на томъ, что Папѣ необходимо войско, какъ для охраненія его особы, такъ и для поддержанія порядка и спокойствія. Въ теченіе года изгнано много народа, но основа народонаселенія осталась прежняя, та же, что была во-время революціи; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ народонаселеніе предавалось демонстраціямъ, совершенно противоположнымъ теперешней радости, возбужденной возвращеніемъ Папы, а между тѣмъ, прежнія демонстраціи сопровождались точно такимъ же образомъ..... Еще недавно, на-дняхъ, народъ изъявлялъ громкое неудовольствіе на то, что Папа не хотѣлъ благословить его. — Не должно судить о всей Римской области по одному Риму; въ легатствахъ все еще господствуетъ глубокая антипатія къ церковному правительству и пламенное стремленіе къ свѣтскому управленію. Не должно обманывать себя на счетъ того, что хорошіи пріемъ, дѣлаемый Папѣ въ Римѣ, относится къ нему одному, а не къ окружающимъ его. Вотъ отъ чего возвращеніе Папы не есть еще окончательное рѣшеніе вопроса. Не надо воображать, что все уже кончено.....»

— *Osservatore Romano* говоритъ, что на полуостровѣ снова появились англійскіе агенты, распространяющіе вездѣ надежду на новыя смуты.

— *26 апрѣля.* Въ газетѣ *Nazionale* напечатано, что Папа, послѣ долгаго совѣщанія съ кардиналами и корошными адвокатами, рѣшилъ наложить запрещеніе на ямьніа членовъ учредительнаго собранія, которыхъ цѣльность простирается до 9¹/₂ милліоновъ римскихъ піатровъ.

29-го. Генералъ *Baragi d'Illye* завтра увѣзаетъ отсюда вмѣстѣ съ кардиналомъ *Дюпономъ*. Изъ 10,000 французовъ, занимающихъ здѣсь гарнизонъ, 4,000 будутъ переведены въ Мархин. Главная команда надъ ними поручается

генералу Гевиллье, а г. Реноваль будетъ представителемъ Французской Республики при дворѣ Папы.

Болонья, 3 мая. Весь прошлый мѣсяць здѣсь были наводненія, а 1 мая ужасный градъ, сегодня же утромъ, послѣ сильнаго дождя, у насъ выпалъ большой снѣгъ, такъ что крыши домовъ и улицы были имъ совершенно покрыты. До-сихъ-поръ ничто не предвѣщаетъ благопріятной перемены въ погоду.

3 мая. Въ Giornale di Roma напечатано, что хотя Папа и признаетъ все заслуги слѣдственной комиссіи, но хочетъ уменьшить на половину опредѣленный ею срокъ отставки отъ должностей чиновниковъ, замѣшанныхъ въ послѣднемъ возстаніи. Для слѣдствія надъ наиболее виновными учреждена новая комиссія, которой предписано обращать особенное вниманіе на все послабляющія обстоятельства, чтобы дать Папѣ возможность распространять милосердіе свое и на наиболее виновныхъ.

20 мая. Сегодня въ Ватиканѣ собиралась консисторія. Неизвѣстно еще, что въ ней было говорено; утвѣряютъ однакоже, что при началѣ засѣданія, Папа выразилъ помогавшимъ ему государствамъ благодарность за ихъ содѣйствіе. Говорятъ, что Папа введетъ въ свою рѣчь замѣчаніе о Сардиніи, если къ концу засѣданія не придетъ оффиціальнаго извѣстія объ освобожденіи туринскаго архіепископа.

— Непостоянство и увлеченіе давно уже раздраютъ Италію. Впрочемъ народъ попрежнему выказываетъ Папѣ глубокое уваженіе. Безпрерывно пріѣзжаютъ новыя поздравительныя депутаціи отъ разныхъ городовъ области. Это положеніе, если не блестяще, за то спокойно.

Туринь, 1 мая. Въ палатѣ депутатовъ было очнь бурное засѣданіе, по случаю предложенія объ установленіи штемпельной пошлины на журналы. Такъ какъ всѣхъ журналовъ не болѣе десяти, и притомъ дѣла ихъ въ очень плохомъ положеніи, то упомянутое нами предложеніе встрѣтило сильную оппозицію. До-сихъ-поръ журналы платили только одну лиру съ каждаго четырехъ-мѣсячнаго абонемента, а теперь предлагаютъ обложить пошлиной каждый отдѣльный номеръ.

7-го Здѣсь не совсѣмъ хладнокровно смотрятъ на современное положеніе Франціи; сегодня былъ совѣтъ министровъ, на которомъ присутствовалъ король. Говорятъ также, что лордъ *Пальмерстонъ* настаиваетъ на томъ, чтобы Сардинія вооружилась, по мѣрѣ возможности, и была бы готова на всякій случай. Должно полагать, что англійская партія имѣетъ здѣсь сильное вліяніе.

— Засѣданія палаты не представляютъ ничего занимательнаго.

— 23-го Процессъ туринскаго архіепископа оконченъ. Подсудимый приговоренъ къ заключенію на мѣсяць въ тюрьму, къ денежному штрафу въ 500 лиръ и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Архіепископъ *Сассарисъ* равномѣрно арестованъ и преданъ суду за сопротивленіе закону *Сиккарди*.

Флоренція, 21-го мая. Великій герцогъ отправился вчера, съ супругою и всеми дѣтьми своими, въ Вѣну. Въ газетѣ *La Patrie* пишутъ, по этому поводу, что сельскіе жители Тосканы, любящіе своею государя, боятся, чтобы онъ, утомленный безпорядками и смутами своего государства, не остался бы навсегда въ Вѣнѣ. Разумѣется, что эти опасенія не имѣютъ достаточнаго основанія. Гораздо вѣроятнѣе, что В. Герцогъ отправился въ Вѣну вслѣдствіе окончательнаго заключенія и ратификаціи наступательнаго и оборонительнаго союза съ Австріей, условія котораго еще, впрочемъ, не обнародованы.

Неаполь, 20-мая. Въ газетѣ *Reforma* извѣщаютъ, что въ неаполитанскія владѣнія не допускаютъ сардинскихъ подданныхъ, даже снабженныхъ форменными паспортами. Имъ съ большимъ трудомъ дозволяютъ пробыть въ Неаполѣ 48 часовъ, и то не иначе, какъ вслѣдствіе поручительства министра.

Испанія.

— Изъ Кадикса извѣщаютъ, что 27 апрѣля, одинъ таможенный стражъ чуть не застрѣлъ Принца *Жоаннильскаго*. Пуля пролетѣла на волосъ отъ головы его.

— *Мадридъ, 5 мая.* Гонорятъ, что король находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ членами министерства, въ особенностѣ же съ президентомъ совѣта министровъ. Носятся слухи, что послѣ разрѣшенія королевы отъ бремени, кортесы увеличатъ собственные доходы короля; онъ будетъ, сверхъ того, имѣть въ своемъ распоряженіи 3 милліона реаловъ, которые выдаются въ настоящее время *Герцогинѣ Монпансье*, какъ непосредственной наследницѣ престола. Какъ скоро королева разрѣшится отъ бремени, эта сумма перейдетъ къ новорожденному.

11 Мая русскій фрегатъ «Паллада», на которомъ находится Его Императорское Высочество Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, заходилъ въ Кадиксъ, на пути отъ острова Мадеры въ Лиссабонъ, гдѣ Е. В. остановится на нѣсколько дней во дворцѣ Е. В. Императрицы.

— Въ письмахъ изъ Кадикса, отъ 15-го мая, полученныхъ черезъ Англію, сообщаются подробности происшествія, которое, при извѣстной щекотливости британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, легко можетъ повредить доброму согласію между Великобританіею и Испаніею, которое едва возстановилось. Одинъ изъ агентовъ англійскаго адмиралтейства, одѣтый въ свой офицерскій мундиръ, былъ арестованъ въ Кадиксъ и задержанъ подѣ карауломъ нѣсколько часовъ, не смотра на представленія англійскаго консула. Испанскія начальства обвиняютъ его, что онъ не исполнилъ нѣкоторыхъ установленныхъ формальностей, тогда какъ англійскій офицеръ объявляетъ такое обвиненіе несправедливымъ.

Швейцарія.

— Швейцарскій національный совѣтъ началъ, 2 мая, пренія о Фрейбургскомъ вопросѣ. Извѣстно, что дѣло тутъ касается просьбы объ отменѣ декрета 20 мая 1848 года и относящагося къ нему рѣшенія, отъ 7 сентября того же года, вслѣдствіе которыхъ 214 жителей и 139 общинъ Фрейбургскаго Кантона обязаны были заплатить 1,600,000 фран-

ковъ, въ видѣ контрибуціи за войну Зондербунда. Совѣтъ еще ничего не рѣшилъ на этотъ счетъ.

Бернъ 5 мая. Выборы кончились. Въ городѣ, кандидаты консервативной партіи одержали полную побѣду, и въ пользу ихъ подапо почти двѣ трети голосовъ. Уже при выборѣ президента средней общины въ Мювстеръ, президентъ общиннаго совѣта *фон-Эффингеръ* получилъ 1,112, а *Штемпли* только 746 голосовъ. Изъ прочихъ частей кантона получены до-сихъ-поръ свѣдѣнія только о выборахъ въ Боллингенъ, гдѣ консервативная партія равномерно одержала побѣду. Въ Кеницѣ, Воленѣ и Бельнѣ радикалы тоже потерпѣли поражение.

— Въ бургдорфскомъ округѣ избраны всѣ кандидаты радикаловъ: *Видмеръ, Мейеръ, Дюрръ и Штудеръ*. Въ выборѣ участвовали 1,243 избирателя. Кандидатъ консервативной партіи, въ пользу котораго были употреблены всѣ усилія, получилъ едва 418 голосовъ. Въ Кирхбергѣ радикалы то же одержали побѣду, тамъ избраны *Леманнъ, Гублеръ, Канцигеръ и Брюсманнъ*. Въ Герцогенбухзее равномерно побѣдилъ радикалы.

— Оба совѣта Швейцарскаго Союза, въ одно изъ своихъ послѣднихъ засѣданій, разсматривали дѣло о разрушеніи женевскихъ укрѣпленій. Совѣтъ Союза предложилъ не препятствовать этому разрушенію, потому-что женевскіе крепостныя верки не представляютъ ничего важнаго для обороны Союза, тогда какъ разрушеніе ихъ полезно городу. Предложеніе это принято обоими совѣтами.

— Большой Совѣтъ Берискаго Кантона былъ созванъ, 16 мая, на чрезвычайное засѣданіе. Онъ собрался почти весь, такъ что изъ 227 членовъ недоставало только 37-ми человекъ. Большая часть членовъ этого Совѣта не избрана въ новый совѣтъ, значить, правительство, созывая его, обратилось прямо къ старому законодательному собранію, существованіе котораго должно прекратиться въ теченіи нынѣшняго мѣсяца.

Съ нетерпѣніемъ ожидали предложеній правительства. Оно представило ихъ три: 1) одобрить всѣ мѣры, принятыя правительствомъ; 2) ассигновать суммы, необходимыя для покрытія расходовъ; и 3) уполномочить правительство

на новыя мѣры, какія оно, смотря по обстоятельствамъ, почтетъ нужными.

Первыя два предложенія приняты безъ противорѣчій. Оппозиція ограничилась оспорованіемъ третьяго изъ нихъ, которое она представляла ненужнымъ и незаконнымъ. Г. *Блэшъ* предложилъ сказать: «Полномочіе, требуемое правительствомъ, будетъ дано ему въ границахъ уложенія и законовъ».

Президентъ *Штемплли*, который говорилъ послѣдній, дѣлъ замѣтить, что правительство уже готовится созвать войска къ 1-му іюля, день, въ который долженъ собраться новый Большой-Советъ.

Предложили измѣненіе, клонившееся къ устраненію, третьяго предложенія правительства; но въ пользу этого измѣненія подано только 37 голосовъ. Измѣненіе, предложенное г-нъ *Блешемъ*, равномерно отринуто.

Газета «Швейцарія» объявляетъ, что такое рѣшеніе равносильно провозглашенію осаднаго положенія въ кантонъ. Въ-слѣдствіе послѣднихъ выборовъ, а также и намѣреній, приписываемыхъ правительству, въ кантонъ господствуетъ сильное волненіе. Радикалы протестуютъ противъ 52 оппозиціонныхъ выборовъ, тогда какъ оппозиція протестуетъ сама противъ 26 выборовъ партіи правительства.

— Въ Бернскомъ Кантонѣ произведены, 26 мая, дополнительные выборы. Побѣда осталась на сторонѣ оппозиціи, которая изъ шести выборовъ Егенсторфскаго и Валерискаго округовъ удержала за собою цѣлыхъ пять. Кроме-того, полковникъ *Гейзеръ*, умѣренный либераль, избранъ въ Лангенталь на мѣсто г. *Лемакка*, одного изъ значительнѣйшихъ членовъ Государственнаго-Совета. И такъ, по всему видному, оппозиція будетъ имѣть въ Большомъ Советѣ большинство. Новый Большой-Советъ долженъ собраться 1 іюня, и однимъ изъ его первыхъ актовъ будетъ избраніе вновь членовъ исполнительной власти. Вероятно, большая часть теперешнихъ членовъ ея будетъ удалена отъ дѣлъ.

ТУРЦІЯ.

— Султанъ пожаловалъ на-дняхъ знаки отличія восьми греческимъ архіепископамъ въ Турціи. Е. В. предоставилъ также право живущимъ въ Константинополѣ Болгарамъ устроить для себя особую церковь въ домъ князя Самооскаго.

— Въ минувшую субботу послѣдовало, въ присутствіи Султана, торжественное открытіе новаго коллегіума, основаннаго и выстроеннаго султаншею Валиде.

— Въ ночь съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е) апрѣля, въ Константинополѣ ощущено было три послѣдовательныхъ удара землетрясенія; удары эти въ то же самое время были ощущены сильнѣе въ Дарданеллахъ. Въ Смирнѣ, послѣдній ударъ землетрясенія послѣдовалъ въ ночь на 1 (13-е апрѣля); съ тѣхъ-поръ жители нѣсколько успокоились.

— Изъ Босніи пишутъ, что порядокъ тамъ еще не восстановленъ. Инсурденты, почти исключительно Мусульмане, овладѣли Бигачемъ и Бугимомъ; начальникъ послѣдняго города Арнауновичъ и сынъ его Дервиль-бей бѣжали въ Австрію. Генерал-губернаторъ Боснійскій Тагаръ-паше созвалъ на совѣщаніе въ Травникъ всѣхъ областныхъ правителей, изъ коихъ двое Зворникскій и Тульзинскій отказались прибыть на его вызовъ. Для начатія рѣшительныхъ дѣйствій противъ инсурдентовъ онъ ожидаетъ прибытія корпуса войскъ въ 4,000 человекъ, направленнаго въ Боснію изъ гор. монастыря въ Румелии.

— Слѣдующія извѣстія заимствованны изъ писемъ путешественника, возвратившагося изъ Скутари, которыя хорошо характеризуютъ дѣйствія турецкаго начальства: двое почтенныхъ французскихъ путешественниковъ, графъ Осмонъ изъ Парижа и академикъ Луазонъ, пріѣхали въ Дульчинью, въ Далмаціи, для того, чтобы отправиться оттуда въ Корфу. Турецкій начальникъ, который, какъ казалось, не привыкъ встрѣчать такихъ иностранцевъ, запретилъ имъ вѣхать далѣе и задержалъ ихъ въ соб-

ственномъ домъ. Объ этомъ узналъ австрійскій вице-консулъ въ Скутари, сообщилъ тамошнему визирю и послалъ коменданту приказаніе визиря, отпустить обонхъ иностранцевъ. Графъ Осмонъ, раздраженный сдѣланною ему обидою, требовалъ, черезъ австрійскаго вице-консула, удовлетворенія. Визирь былъ такъ увѣренъ въ справедливости этого требованія, что велѣлъ схватить коменданта и хотѣлъ отставить его отъ должности. Но комендантъ въ отчаяніи явился въ домъ австрійскаго консула и смиренно, въ самыхъ патетическихъ выраженіяхъ, сталъ просить у находившихся тамъ Французовъ, прошенія за ошибку, которую онъ сдѣлалъ по незнанію европейскихъ обычаевъ. По его просьбѣ и благодаря ходатайству нѣкоторыхъ городскихъ жителей, Французы приняли на себя извинить коменданта передъ пашею и освободили бѣдняка такимъ образомъ отъ угрожавшаго ему наказанія. Въ Скутари паша обошелся необыкновенно ласково съ обоими путешественниками и старался своимъ вниманіемъ къ нимъ загладить сдѣланную имъ грубость.

— По извѣстіямъ съ острова Самоса, чрезвычайный комисарь порты *Мустафа-паша* прибылъ туда 13-го (25-го) марта, съ уполномоченнымъ отъ князя Самосскаго, г-нъ *Адамантидесомъ*, и провозгласилъ новое, дарованное сему острову Султаномъ, уложеніе. 1-го (13) апрѣля, произошли тамъ новые безпорядки: нѣсколько сотъ человекъ взбунтовались, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ новыхъ властей, *Мустафа-паша*, при содѣйствіи флотиліи *Эминъ-бей*, расположившейся у Степанополя, разогналъ ихъ силою; одинъ изъ нихъ начальниковъ, *Аварасъ* былъ при этомъ убитъ, а другой *Лепатисъ*, взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Константинополь.

Константинополь, 29 апрѣля.—Въ столицѣ Турціи устроиваютъ, въ настоящее время, батальонъ саперовъ, полкъ кирасиръ и двѣ баттарей конной артиллеріи; саперамъ и кирасирамъ дадутъ европейскіе мундиры, безъ фесовъ, составляющихъ теперь необходимую принадлежность всѣхъ военныхъ и гражданскихъ мундировъ.

— Турецкое првительство имѣетъ намѣреніе послать нѣсколько паровыхъ фрегатомъ, для посѣщенія французскихъ,

английскихъ и адриатическихъ гаваней. Корабли султанскаго флота никогда еще не бывали въ гаваняхъ Западной Европы.

— Е. В. Султанъ, фирманомъ, адресованнымъ на имя египетскаго генерал-губернатора *Абала-Паши*, копия, съ которою сообщена всѣмъ иностраннымъ посольствамъ въ Константинополь, предписалъ учредить въ Каиръ и Александрію коммерческіе суды, при участіи представителей европейскихъ державъ, и совѣты исправительной полиціи, по примѣру уже существующихъ въ Константинополь.

Изъ перечня, помѣщеннаго въ константинопольской газетѣ, видно, что въ настоящее время въ Константинополь находится, сверхъ большихъ султанскихъ училищъ, 1 училище для народнаго и 1 для приуготовительнаго обученія; въ этихъ училищахъ находится 870 воспитанниковъ; 396 первоначальныхъ школъ, которыя посѣщаются 22,700 учениками обою пола. Новая коллегія Султанши-матери учреждена для 220-ти воспитанниковъ.

— Изъ Канен сообщаютъ, что тамъ задержанъ нѣкто *Георгій Ламбрети*, эмиссаръ общества гетеристовъ, имѣвшихъ целью возмутить островъ Кандію противъ власти Султана; изъ показаній его видно, говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны многія лица.

— Изъ Смирны пишутъ, отъ (18) апрѣля, что тамъ еще отъ времени до времени продолжаютъ ощущать легкіе удары землетресенія. Окрестности Бруссы сильно пострадали въ этомъ мѣсяцѣ отъ землетресенія; узнали, между-прочимъ, что греческая церковь и большая часть домовъ въ Улубатѣ обрушились, что въ Караоглу устояло только три дома, и что въ сосѣдствѣ Улубата, хлѣвъ, въ которомъ помѣщалось отъ 18 до 20 коровъ, былъ поглощенъ землею и проч.

— Изъ Яссы пишутъ, что 5 (17) апрѣля скончался тамъ догофетъ и старѣйшій изъ молдавскихъ бояръ *Александръ Гика*, бывшій молдавскій гетманъ и отецъ нынѣшняго господаря *Гр. Гики*. Погребеніе его происходило 8-го (20) ч. съ большою пышностію.—Генералъ-лейтенантъ *Моллеръ*, командовавшій отрядомъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Молдавіи, выѣхалъ изъ Яссы 2-го (14) апрѣля, для возвращенія въ Россію.

Смирна. 10 мая. Галиль-Паша вслѣлъ подать себѣ въ страстную субботу списокъ всѣхъ Грековъ, находящихся подъ стражею за долги, заплатилъ за нихъ, приказалъ освободить ихъ и далъ имъ денегъ на праздникъ Пасхи. Въ Иерусалимѣ было больше богомольцевъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Празднеству было и тецерь много помѣхъ, хотя, впрочемъ, не важныхъ.

А М Е Р И К А.

Соединенные Штаты, Нью-Йоркъ 18 апрѣля.—Вопросъ объ уложеніи для Калифорніи и вопросъ о невольничествѣ все еще занимаютъ конгрессъ; пренія о нихъ бываютъ очень бурны. Въ засѣданіи 17 апрѣля, сенаторъ одного изъ невольничьихъ штатовъ, г. *Футъ*, прицѣлился пистолетомъ въ возразившаго ему г. *Бентона*, но его устыжили, къ-счастью, обезоружить. Сегодня сенатъ рѣшилъ передать калифорискій вопросъ на разсмотрѣніе Комиссіи изъ 13 членовъ.

— Кажется, что противъ Кубы собираются послать экспедицію. Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣлаютъ довольно значительные наборы. Пунктомъ соединенія назначенъ Шагрь, на перешейкѣ. Это предпріятіе можетъ коснуться и Мексики, потому-что, говоря объ экспедиціи, упоминаютъ и имя Сантана.

— *Нью-Йоркъ, 16-го мая.* Въ журналѣ *New-York-Sun*, котораго издателямъ, повиднмому, извѣстны новые планы, составленные для завоеванія Кубы, напечатано, что корабли завоевателей уже вышли въ море: «Мы имѣемъ право ожидать, говоритъ упомянутый журналъ въ заключеніе, что первыя извѣстія, которыя мы получимъ изъ Гаванны, дадутъ намъ знать о счастливой высадкѣ патріотовъ и о началѣ войны за независимость». Экспедиція находится подъ начальствомъ генерала *Лопеца*. *New-York-Herald* не довѣряетъ этому извѣстію, и полагаетъ, что корабли, отплывшіе изъ Нью-Орлеана, отправляются съ пассажирами въ Калифорнію. Но больше вѣроятностей на сторонѣ перваго предположенія; оно отчасти подтверждается тѣмъ, что испанскій

консуль въ Нью-Орлеанѣ предлагалъ хозяину одного парохода 1,000 долларовъ за доставленіе депешъ въ Кубу, и не получивъ его согласія, отправилъ бумаги на шкунѣ, а этого рода суда отличаются, какъ извѣстно, быстротою хода. *New-York-Courier And Enquirer* то же сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній, изъ которыхъ можно заключить, что если экспедиція еще не отплыла, то отплыветъ очень скоро. Даже телеграфическія депеши изъ Нью-Орлеана, отъ 13 мая извѣщаютъ, что всѣ мѣры къ нападенію приняты и десатныя войска собраны въ одно мѣсто. Экспедиціонный корпусъ состоитъ, какъ говорятъ, изъ 6000 человекъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ деньгами и искусными предводителями.

Мексиканскіе Штаты. Мексика, 16 апрѣля. Вчера окончился почти безплодный засѣданіе конгресса; онъ возобновится 1 мая. Всѣ заняты выборомъ президента, который долженъ произойти въ октябрь. По всей вѣроятности избранъ будетъ военный министръ, генералъ *Ариста*, душа нынѣшняго правленія, человекъ съ твердой волей, любимый солдатами, уважаемый гражданами. Онъ одинъ былъ бы въ состояніи одержать побѣду надъ возмутителями, которыхъ одинъ онъ только умѣлъ до-сихъ-поръ обуздать.

Вечеромъ въ великій четвертокъ депутатъ конгресса *Домъ Жуанъ де-Діонъ Каннедо* найденъ въ своей комнатѣ мертвымъ, пронзенный 32 ударами кинжала, съ раздробленной головой и явными слѣдами задушенія. Ему было 60 лѣтъ отъ роду; извѣстенъ же 20 лѣтъ своею дружбою съ *Сантамой*, посольствами въ Европу и Южную Америку и участіемъ въ правленіи въ званіи министра; со всеми онъ жилъ въ ширь, привлекая къ себѣ превосходными качествами души людей всѣхъ мнѣній. Такъ какъ изъ комнаты не было вынесено ни денегъ, ни драгоценностей, то партіи немедленно стали обвинять одна другую въ этомъ преступленіи;

розысканія полиціи были тщетны, и конгрессъ почти единодушно принялъ предложеніе выдать 5000 долларовъ тому, кто представитъ убійцу.

— Въ великую пятницу загорѣлась экипажная фабрика одного Англичанина; сильный вѣтеръ раздувалъ огонь, и скоро пламя охватило многія части города, особенно же предмѣстіе новаго Мексико, производя сильнѣйшее опустошеніе, тѣмъ болѣе, что пожарная часть здѣсь въ очень дурномъ состояніи. Огонь удалось потушить только къ вечеру, когда стихъ вѣтеръ. Между-тѣми, которые все потеряли, былъ одинъ Нѣмецъ, занимавшійся значительной транспортной промышленностью. Имущество его оцѣнивають въ 60,000 долларовъ; у него буквально ничего не осталось, потому-что страховыхъ обществъ здѣсь нѣтъ.

А з і я.

— Въ газетѣ *Indépendance Belge* напечатано извѣстіе о кончинѣ китайскаго Императора. Императоръ *Тоа-Кванъ* скончался 25 февраля, между седьмымъ и восьмымъ часомъ вечера. Четвертый сынъ его, старшій изъ оставленныхъ имъ дѣтей, молодой человекъ девятнадцати лѣтъ, наследуетъ престолъ отца своего, подъ именемъ *Се-Гина*. — Мы извѣщали о кончинѣ вдовствующей императрицы, которой *Тоа-Кванъ* обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Глубокое впечатлѣніе, произведенное этою смертію на престарѣлаго *Тоа-Квана*, быстро разстроило его слабое здоровье; а сильный пожаръ, случившійся нѣсколько дней спустя во внутренности императорскаго дворца, причинилъ *Тоа-Квану* сильный испугъ, низведшій его въ могилу. — *Тоа-Кванъ* скончался на 69 году отъ рожденія и на 30 своего царствованія, въ

теченіе котораго совершились для Китая важныя событія. Надо полагать, что въ Китаѣ совершатся теперь важныя перевороты, въ отношеніи государственнаго устройства и сношеній съ Европою.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАМЯТИ НЕЗАВВЕННАГО.

Пѣснь печальную, похоронную,
Пѣли грустно мы, пѣли всё въ слезахъ,
Передъ смертію непреклонною,
Опуская въ склепъ драгоценный прахъ.

Но будь съ нами Онъ вождь, любимый нашъ,
Тѣнь любезная, вѣчно съ нами будь,
Какъ наставникъ нашъ и покоя стражъ,
И на доблести расширай въ насъ грудь.

На землѣ Онъ былъ солнцемъ радостнымъ,
И всёмъ воинамъ и друзьямъ своимъ;
Въ полѣ доблестнымъ, дома сладостнымъ
Мощный, грозенъ былъ Онъ врагамъ однимъ.

Долго пѣснями будутъ славиться
Его подвиги между воинствомъ;
Память дѣлъ его будетъ нравиться
Всѣмъ желающимъ жить съ достоинствомъ.

Онъ изъ рода въ родъ перейдетъ въ устахъ,
И пока мы здѣсь, на землѣ живемъ,
Будь приущень намъ Онъ во всѣхъ мѣстахъ,
Роду нашему грѣхъ забытъ о немъ.

Помяни жь Его, христіанскій Богъ
Въ горнемъ царствіи, гдѣ любовь Твоя
Вводитъ избранныхъ подъ вѣнецъ, въ чертогъ,
Гдѣ блаженствуетъ предъ Отцемъ семья.

И. Погодинъ.

С. Петербургъ.
28 мая 1850 года.

МОЛИТВА.

О. Боже правый, предъ Тобою
Я подергаюсь во прахъ.
Въ душѣ съ надеждою святою,
Съ молитвой теплою на устахъ.
Молю: грѣхи мои остави,
Мнѣ, Милосердый, ихъ прости,
И отъ несчастія избави
Меня на жизненномъ пути.
Когда жь Тобой, за прегрѣшенія,
Мнѣ чаша бѣдствій суждена—
Ахъ, дай мнѣ силу и терпѣнье
Ту чашу вышить всю, до дна.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

И съ радостью тогда прииму я
Крестъ испытанья и скорбей,
И все безропотно снесу я
Для лучшихъ, тамъ, въ гробовъ, дней.

Я. КРЫЛОВЪ

П Э П И К И У.

Твоей блѣкурой головкой,
Какъ часто люблюся я!
Люблю, когда весело, ловко
Ты рѣзвисься, крошка моя!
И много тяжелаго, злаго
Съ души исчезаетъ моею!
На душу такъ много святаго
Ложится съ улыбкой твоею!
Смолкаетъ гулъ страсти мятежной,
Я чувствую сладкой покою
Гляжу на тебя, ангелъ нѣжный,
Съ какой то невольной тоскою:
И ты испытаешь напасти
И ты, въ этой жизни цорой,
Быть-можетъ, въ волненіяхъ страсти
Вспомынешь свой прежній покой!

А Р А В Е Л Л А.

Всѣ ликуютъ, веселятся
Въ старомъ замкѣ Компостелло,
Лишь одна блѣдна, печальна
Молодая Арабелла!

Возвратились изъ похода
Къ двамъ замка Компостелло
Много рыцарей прекрасныхъ!
Нѣтъ лишь друга Арабеллы!
Гуль отъ страстныхъ поцѣлуевъ
Ходить въ залахъ Компостелло,
Но у оконъ, одиноко
Изнываетъ Арабелла!
Ждетъ, не мчтея ль по дорогѣ
Милый рыцарь въ Компостелло
На сѣдлѣ высокомъ, съ шарфомъ,
Даромъ дѣвы Арабеллы!
Пилигримъ изъ странъ далекихъ,
Не спѣшитъ ли въ Компостелло,
Не несетъ ли вѣсть отъ друга.
Ждетъ и плачетъ Арабелла!
Вчера факлы освѣщали
Гробъ въ часовнѣ Компостелло,
И въ окнѣ высокомъ башни
Не явилась Арабелла!
Награди Господь въ той жизни
Вѣрность дѣвы Компостелло,
Дай такую мнѣ подругу,
Какъ младая Арабелла!

ПЕРВОЕ ПЛАВАНІЕ

РУССКАГО ВОЕННАГО СУДНА МАЛАКЕСКИМЪ ПРОЛИВОМЪ.

Пуло-Пинангъ. — Сингапуръ. — Китайское море. — Люсонъ. — Несколько дней въ Маниллѣ.

(Изъ путевыхъ записокъ русскаго моряка. *)

Въ 6 часу вечера, 10 мая, мы находились по пеленгамъ въ 32 меляхъ отъ Большаго Никобара, и легли на OSO, къ острову Пуло-Пинангу, лежащему съвернѣе Малаккаго пролива. Вѣтеръ былъ свѣжій, брамсельный, иногда порывистый, погода пасмурная, но при всемъ томъ до 23° тепла, а ходу отъ 2¹/₂, до 7 узловъ. Такъ плыли мы до 13 числа, и въ полдень увидѣли берега ос. Пуло-Пинанга; мы находились тогда отъ него въ 52 миляхъ. Послѣ обѣда сдѣлалось маловетріе, изъ SW четверти, при которомъ мы едва подвигались по одному узлу; къ 7 часамъ вечера прошли однако группу острововъ Бутонгъ.

* Благодаримъ почтеннаго автора за эту прекрасную и любопытную статью, за напечатаніе которой благодарятъ насъ наши читатели.

Ред.

Привлекательнаго при такомъ медленномъ плаваніи было, признаться, немного. Жара, штиль, послѣ-часъ порывчикъ—вотъ всѣ удовольствія, которыя разнообразились частымъ бросаніемъ лота; глубина доходила до 65 саж., при шлюватомъ грунтѣ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, въ 6 часу утра, мы увидѣли къ OSO острова Ланкава; въ 10 часу наметѣлъ сильный порывъ отъ NW, съ дождемъ и громомъ. Плаваніе въ этихъ моряхъ сопряжено съ большимъ безпокойствомъ; по вѣтру слѣдовало бы нести большіе паруса, а частые порывы заставляютъ брать рифы, иначе не трудно потерять рангоутъ; ни бдительность, ни осторожность не пособятъ въ противномъ случаѣ. На другой день нашѣлъ свѣжій порывъ отъ SW; вѣтеръ удержался и подогналъ насъ значительно къ ос. *Принца Валлійскаго*, лежащему при входѣ въ Малаккскій проливъ, въ шир. $5^{\circ} 19'$, N и долготѣ $98^{\circ} 12'$, O отъ Гринича, и отдѣленнаго отъ материка берега полуострова Малакка небольшимъ проливомъ до 2 миль. Здѣсь распологалъ нашъ капитанъ простоять несколько дней, чтобъ запастись провизіей. Въ 8 часу вечера мы потребовали лолмана, подъ проводкою котораго, при тихомъ бомбрамсельномъ вѣтеркѣ, стали на рейдъ *Джорджъ Тоуна* на якорь, въ разстояніи не болѣе 1 мили отъ берега.

Приходъ нашъ на рейдъ благодатнаго острова Пуло-Пинанга,—получившаго названіе «острова бетеля» отъ множества растущаго на немъ этого корня, о которомъ я упоминалъ въ описаніи Никобарскихъ острововъ,—былъ въ полномъ смыслѣ очарователенъ. Луна таинственно освѣщала гористый Пинангъ; лучезарныя звѣзды изрѣдка прекривались легкими и прозрачными облаками, огоньки ясно обозначали разбросанныя строенія города, и вѣяніе ароматическаго береговаго воздуха было бодрѣе, чѣмъ пріятно. Все это невольно настроивало насъ къ нѣмой, горделивой восторженности, которая прерывалась на время пріятнымъ шумомъ у водорыва, напоминавшимъ небольшой ходъ транспорта. На палубѣ было тихо, тише, чѣмъ въ будуарѣ модной очаровательницы въ полдочную тишину!... Якорь, отпущенный на 13-ти саженой глубинѣ, съ силою ринулся въ царство гастрономическихъ черепахъ и страшныхъ про-

жери, и можетъ быть раздавить не одну дорогую жемужину!... Между тѣмъ люди рассыпались по рямяхъ крѣпите паруса. Вскорѣ коло-по-малу все улеглось, и на палубѣ нашего Або остались одни вахтенные. Съ полуночи вѣтеръ было загудѣть отъ NO, набѣгая ежеминутными и сильными шквалами, но ко 5 часамъ утра однако стихъ, и погода простояла еще слѣдующіе два дня довольно хороша и тихая.

На другой день, утромъ, Пуло-Цинангъ являлъ намъ одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ видовъ, которыми такъ роскошно издѣленъ Южный Архипелагъ, Благодатная возвышенность острова, достигавшая мѣстами болѣе 2000 ф., была убрана богатою растительностью, между которою, къ северу, красовался сигнальный павильонъ. Около него разбросаны домики, убранные плющомъ; въ окрестностяхъ рустые лѣса, всюду, величественный бамбукъ. Въ этой гористой части острова воздухъ прозраченъ до невѣроятности; отъ этого онъ чрезвычайно здоровъ больнымъ, которые обыкновенно прѣзжаютъ сюда лечиться изъ англійскихъ конторъ. Температура благообразнаго воздуха Цинанга редко превышаетъ между 5° и 6°. Однако въ южныхъ частяхъ острова бываетъ иногда лихорадка, а во время намъ и холера.

Единственный городъ на Пуло-Цинангъ называется *Джорджъ-Таунъ*, или *Тамжонъ Панама*, какъ его называютъ Малайцы. Онъ построенъ на северовосточной сторонѣ острова, и содержится въ большой чистотѣ. Для защиты города служитъ *Форти-Карналлитъ*; но онъ не представляетъ значительной обороны городу. Рейдъ обширенъ; онъ образуетъ большіе проливы, и составляетъ значительную губу, въ которой множество прекрасныхъ гаваней. Число жителей полагаютъ до 50 тысячъ, Малайцы, Бенгалцы, Кохинхинцы, Китайцы, Сіамцы и Аравитяне составляютъ главную часть населенія, которая добавляется небольшою числомъ Европейцевъ: Англичанъ, Португальцевъ и Голландцевъ. *Джорджъ-Таунъ* устроенъ со всею колониальною роскошью; довольно сказать, что здѣсь *идается* политическая и литературная жизнь. Есть множество школъ и учреждена нѣсколько библиотекъ.

Основаніе или первоначальное заселеніе острова Пуле-Пинанга довольно любопытно. Офицеръ англійской морской службы, капитанъ Лейтъ, случайно оказалъ нѣкоторыя услуги королю Кведахскому, который, въ изъясненіе своей благодарности, подарилъ ему незаселенный въ то время островъ Пинангъ; это было въ 1785 году. Вѣрный Британецъ предложилъ пожалованную землю своему отечеству, которое, *разумеется*, не замедлило устроить здѣсь колонію, губернаторомъ которой назначило самаго Лейта. Это обстоятельство встревожило было орометчиваго Короля; но 60 тысячъ піастровъ ежегодной платы успокоилъ его однако. Капитанъ Лейтъ принялъ новую колонію въ завѣдываніе, отъ имени Великобританіи, въ день рожденія принца Валлійскаго (августа 11 1786), въ честь котораго островокъ получилъ это названіе. Такимъ случайнымъ образомъ получила свое бытіе это колонія, которая находится въ настоящее время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Въ числѣ посвящавшихъ нашъ транспортъ, были также индѣйскіе муллы, съ которыми мы познакомились на берегу, въ мечетяхъ. Старшій изъ нихъ, *Псейли-Абдуль-Каберъ Леба*, пріѣхалъ къ намъ, въ день нашего отхода, съ значительною свитою; онъ роздалъ намъ на память и въ знакъ уваженія по нѣскольку бѣлаго и желтаго жасмину, потчивалъ дивными ананасами, бананами, манго и монгустанами. Здѣшніе фрукты считаются лучшими въ Индіи. Мы поблагодарили, и положили по піастру въ пользу сиротъ и вдовъ, принадлежащихъ ихъ приходу.

— Аллахъ, Аллахъ! говорилъ старшій мулла съ удивленіемъ и обращая свои взоры къ небу, когда нашъ старшій лейтенантъ объяснилъ ему, что мы идемъ изъ своего отечества, гдѣ вода принимаетъ иногда отвердѣлость гранитныхъ скалъ, на другой конецъ нашего царства; что идемъ уже болѣе семи мѣсяцевъ, и въ четыре мѣсяца едва ли еще достигнемъ нашей цѣли. Это было для него поразительно, и онъ безпрестанно восклицалъ:

— Аллахъ, Аллахъ!

Мы курили съ ними индѣйскія трубки (въ родъ турецкаго кальяна), бесѣдовали и лакомились плодами. Одинъ изъ

нашихъ офицеровъ подарилъ старнику мулла портретъ нашего благополучно царствующаго Императора Николая I; нужно было видеть, какъ почтенный и съдовласый мулла умъль оценить этотъ дорогой подарокъ.

На Пуло-Пинангъ нѣтъ ни львовъ, ни тигровъ, ни леопардовъ,—этихъ страшныхъ и свирѣпыхъ жителей материка; ихъ замѣняетъ роскошная растительность и богатство всякаго рода естественныхъ произведеній. Главнѣйшіе между ними: мускатные орѣхи и перецъ; послѣдняго высылается отсюда ежегодно до 10 тысячъ центнеровъ. Кроме того бетель, рисъ, кофе, корица, гвоздика, индиго, табакъ, хлопчатая бумага и проч. составляютъ также значительную отрасль колониальной торговли. Здѣсь много прекрасной рыбы, устрицъ и морскихъ черепахъ. Известнаго лакомства Китайцевъ—гнѣздъ ласточекъ—здѣсь также достаточно. Вообще надо замѣтить, что ос. Пуло-Пинангъ, благопріятствуемый природою, чрезвычайно какъ плодороденъ.

Въ 11 часу утра, мая 18, мы снялась съ пуло-пинангскаго рейда, и подъ проводкою взятаго нами въ Джордж-Тоунъ лоцмана, пошли Малаккскимъ проливомъ къ SO. Все разстояніе отъ Пуло-Пинанга до Сингапура составляетъ около 450 миль; при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, этотъ переходъ можно сдѣлать въ двое сутокъ; но не таково море, которымъ намъ предстояло плыть,—не таково и счастье тѣхъ, которымъ судьба предназначила пронести *впервые* русской побѣдоносный флагъ Малаккскимъ проливомъ!... Съдовласый Эолъ предопредѣлилъ намъ грустное плаваніе въ этихъ моряхъ.... мы совершили его въ четырнадцать сутокъ!... Тихіе, бомбрасельные южные вѣтерки, съ сильными противнымъ теченіемъ, измучили насъ до невѣроятности. Что часъ, то поворотъ—а проку мало! Нѣсколько разъ мы были вынуждены становиться на якорь, и изъ всѣхъ этихъ стоянокъ—на вервѣ, или на якорѣ, смотря по силѣ теченія—памятна намъ въ особенности одна. Это было 29 мая; мы стояли на Даггистъ, за сильнымъ противнымъ теченіемъ, нѣсколько южнѣ параллели кривости и города Малакки, и при сдѣлавшимся небольшомъ вѣтеркѣ отъ SW, стали сниматься съ якоря, но вымбовки ло-

мались; якорь, по-видимому, вовсе не желалъ оставить своего покойнаго ложа въ иловатомъ грунту, въ которомъ онъ такъ сильно увязъ, что мы едва только поправились къ 3 часамъ утра: около шести часовъ трудной и утомительной работы стоила, — нидь ата памятная въетка.

Удобнѣйшее и безопаснѣйшее плаваніе Малаккскимъ проливомъ считается во-время NO муссона. Тогда бываютъ рѣдки грозы, шквалы и проливные дожди, которые неизбежны и такъ неприятны и утомительны во-время SW муссона, дующаго съ апрѣля по октябрь. По этому въ плаваніи Малаккскимъ проливомъ въ продолженіе этого муссона, необходимо держаться по возможности ближе къ Малаккскому берегу, чтобъ пользоваться легкими береговыми вѣтрами, дующими по ночамъ отъ OSO и иногда O. Вѣрецъ SW муссонъ рѣдко когда доходитъ далеко въ проливъ, встрѣчая препятствіе въ Суматрскихъ высокихъ берегахъ. Они, заслоняя проливъ отъ силы и направленія этого вѣтра, причиною, что въ проливъ всегда штили или легкіе вѣтерки отъ SSO и OSO, при которыхъ, — особенно въ южной части пролива, гдѣ скорость теченія доходитъ иногда до 7 узловъ, — трудно что-нибудь вылавировать. Известныя здѣсь шквалы, называемыя Суматрами (the Sumatras), бываютъ необыкновенно жестоки и продолжительны. Чтобъ испытать ихъ, нужно только придерживаться поближе къ суматрскому берегу, во-время SW муссона. Замѣчательны также NW шквалы, которые впрочемъ несравненно слабы первыхъ; имъ предшествуетъ черное облако, быстро поднимающееся отъ горизонта. Теченія въ проливъ очень неправильны; только въ некоторыхъ его частяхъ замѣчаются правильные приливы и отливы: это у Малаккскаго берега и отъ Арроа до Каримонскихъ острововъ. Отливъ имѣющій направленіе къ NW, гораздо сильнѣе и продолжительнѣе прилива. Плаваніе около такъ называемыхъ Песковъ (the Sands), между Парселарь-Геслемъ и двухъ съ половиною-саженною банкою и множествомъ острововъ около западной оконечности ос. Сингапура, должно быть въ особенности осмотрительно и осторожно. Это почти единственныя мѣста, которыя нѣсколько опасны въ Малаккскомъ проливѣ.

Еще въ недавнемъ времени плаваніе Малаккскимъ проливомъ было очень опасно, по жестокииъ разбойиъ Малайцевъ. Ихъ, правда, иногда проучивали добрымъ порядкомъ, но иъры эти были слишкомъ недействительны, для совершеннаго истребленія этой саранчи. Лѣтъ за сорокъ тому, они были однако жестоко наказаны англійскимъ фрегатомъ, заштилывавшимъ вблизи Сингапурскаго пролива, въ виду Каринонскихъ острововъ, этого гиззда морокныхъ разбойниковъ. Дѣло въ томъ, что Малайцы приняли боевой фрегатъ за обыкновенное купеческое судно, и въѣхали на него въ числѣ болѣе ста вооруженныхъ лодокъ. Съ фрегата, разумеется, замѣтили это движеніе злодѣевъ, и капитанъ рѣшился ихъ наказать достойнымъ образомъ. Онъ приказалъ задрать порты, и оставилъ имъ пралубъ не болѣе 20 человекъ людей; реи поставили козломъ, фалы потравили, шкоты не осадили до швотъ, и вообще старались придать фрегату видъ коммерческаго судна. Обманутыя наружностью, лодки приблизились къ фрегату, а нѣкоторыя изъ нихъ желали даже нагло пристать къ борту; но этимъ маскарадъ и кончился: баттеремъ были моментально открыты, и страшная сила фрегата обнаружилась громогласно. Изумленные ревомъ орудій, Малайцы думали обратиться въ бѣгство, но постоянный огонь съ фрегата потопилъ ихъ почти безъ исключенія. Только нѣсколько полуразбитыхъ лодокъ успѣли еще кое-какъ достигнуть Суматрскихъ береговъ, гдѣ они, вѣроятно, не скоро очнулись отъ неожиданности.—Утверждаютъ, что съ-тѣхъ-поръ разбой значительно уменьшились; впрочемъ, этотъ громовой ударъ уничтожилъ почти всю разбойничью флотилію. Въ настоящѣе время по Малаккскому проливу часто прогуливаются англійскіе военные пароходы, которые принимаютъ возможные средства для уничтоженія и совершеннаго истребленія коромонскихъ и суматрскихъ разбойниковъ. Между тѣмъ, въ бытность нашу въ Джордж-Тоунъ происходило слѣдственное дѣло по варварскому разбою, подробности котораго слѣдующи.

Въ началѣ 1841 года, Остъ-Индская компанія отправила въ Сингапуръ бригъ съ индѣйскими преступниками, которые, надо замѣтить, иногда не судятся и не наказываются въ самой Индіи, но отсылаются обыкновенно въ Сингапуръ.

Экипажъ судна былъ по какимъ-то обстоятельствамъ незначительный, но преступники хорошо скованы. Однажды, когда бригъ находился въ виду королевства Ачинъ (на сѣверномъ берегу Суматры), преступники, разбивъ цѣпи, освободились и — перерезали всѣхъ Англичанъ, кромѣ одного повара. Совершивъ это ужасное убійство, они прибыли вскорѣ въ Ачинъ. Съѣзжая на берегъ, для продажи провiанта и возможныхъ вещей съ брига, они уводили всегда весь шлюпки, чтобъ поварь, котораго оставляли, разумѣется, постоянно на суднѣ, не попалъ къ королю Ачина, и не рассказалъ бы ихъ кроваваго преступленiя. Но къ счастью, предосторожности злодѣевъ были напрасны: поварь переплылъ на опрокинутомъ ведрѣ, въ довольно темную ночь, на берегъ, гдѣ рассказалъ все случившееся Королю, который, находясь по трактату въ дружескихъ сношенiяхъ съ Остъ-Индскою компанiею и желая ей угодить, предалъ всѣхъ убійцъ въ руки Англичанъ, извѣстивъ правительство въ Пуло-Пинангъ, что онъ задержалъ разбойниковъ. — При насъ участь негодяевъ не была еще рѣшена; но можно представить себѣ, что ихъ ждетъ — висѣлица!...

Къ вечеру 1 iюня, мы увидѣли наконецъ проливъ Правителя, и при 6-ти узлахъ ходу — небываломъ у насъ съ давнихъ поръ, — весело приближались къ узкому проходу между подводными камнями острововъ Роббитъ и Коней. Здѣсь выказалъ нашъ лоцманъ, прохитравшiй весь переходъ Малаккскимъ проливомъ лихорадками, все — свое молодечество и искусство: не смотря на темную ночь, въ которую мы рѣшились идти этимъ *щекотливымъ* проходомъ, онъ смѣло лавировалъ среди опасныхъ мѣстъ, которыми окруженъ островъ Сингапуръ, и обогнувъ ихъ благополучно, привелъ насъ къ полудню слѣдующаго дня на Сингапурскiй рейдъ.

Небывалый еще флагъ, на рейдѣ этого города, привлекъ множество лодокъ къ нашему борту, и какая необыкновенная смѣсь племенъ и породъ явилась на палубѣ нашего Або!... Здѣсь, смотришь, сидитъ величественный и горделивый Мавръ, прислонясь къ корронадѣ и разложивъ предъ

собою мускусъ, макаassarское масло, мелкій жемчугъ, изумруды и т. п., запрашивая за все въ три-дорога; тутъ Бенгалець съ плодами, предлагаетъ вамъ ананасы, бананы, табакъ и сигары; немного поодаль Китаецъ, съ бородакою и заплетенной косою, съ узкими и продолговатыми глазами, съ засаленою скуфьей на головѣ и въ длинномъ жилетѣ по-поясъ,—продаетъ куртки панталоны, жилеты и башмаки; возлѣ него Малаецъ, въ конусообразной шапкѣ и съ грубой физиономіей, навязчиво предлагаетъ цыповки, малайскія копья и крисы (кинжалы)—, и весь этотъ хаосъ необыкновеннаго ситшенія увлекателенъ, въ высшей степени живописенъ!... Крикъ поугаевъ, пронзительный визгъ обезьянъ, тринадцать нарѣчій, добродушный хохотъ нашихъ людей — все это шумно оглушало воздухъ, воздухъ тихаго, прекраснаго, палющаго и — почти — экваторіальнаго дня!...

На рейдъ стояло множество купеческихъ судовъ; подобнаго разнообразія флаговъ намъ нигдѣ не случалось видѣть. Тутъ были суда Соединенныхъ Штатовъ, Генуи, Голландіи и другихъ европейскихъ державъ, были и китайскія джонки, бугійскія лодки, малайскія проа, сіямскія барки и кохинхинскія суда. Всѣ они были болѣе или менѣе хорошей постройки и опрятнаго вооруженія; разумѣется, я не причисляю къ этому разряду китайскихъ джонгъ; это перлъ дикаго вооруженія, конструкціи и неопрятности!... Сосѣдство подобнаго судна даже отчасти неприятно....

Смотря на торговую дѣятельность юнаго Сингапура, едва только возникшаго въ этомъ столѣтіи, невольно изумишься предприимчивости и опытности Англичанъ, всюду основывающихъ колоніи. Сингапуръ, послѣ мирнаго договора, по которому были возвращены Голландіи почти весь ея владѣнія въ Малайскомъ Архипелагѣ, составлялъ давнишнюю цѣль политическихъ видовъ Британцевъ и въ-особенности англійскаго губернатора въ Батавіи, Сэра Стамфорда Раффльса, желавшаго упрочить для своего отечества передовое владѣніе въ Китайскомъ морѣ. По тщательномъ осмотрѣ удобнѣйшихъ мѣстъ, болѣе всѣхъ обратилъ его вниманіе

островъ Сингапуръ *, и 6 февраля 1819 года, отъ была принять во владѣніе полковникомъ Фергюсономъ, и основаніе конторы положено.

Нельзя надивиться, какъ въ это короткое время нег-ла развилась такая обширная ивовая и частію даже оптовая торговля; разумеется, мануфактурной промышленности нельзя еще требовать отъ только что возникшей колоніи: это пріобрѣтется временемъ. Но замѣчательно, что здѣсь насчитываютъ ежегодно до ста экспедицій, прямо изъ англійскихъ портовъ; кромѣ того, это множество судовъ различныхъ видовъ и флотовъ, о которыхъ я упоминалъ, дѣятельно участвуютъ въ этой промышленности народовъ всего южнаго архипелага. По этому Сингапуръ очень естественно называется центромъ дѣятельности в торговлѣ острововъ Восточной Индіи. Отсюда вывозится много китайки, шелковъ, китайской бумаги, жемчужныхъ раковинъ, камфоры, драконовой крови, перцу, сіамскаго сахару, японской мѣди, кофе, слоновой кости, ревеню, гвоздики, мускатныхъ ореховъ, черепахъ, мускусу и т. п. Говорятъ, что въ настоящее время въ оборотъ ежегодно до 150 милліоновъ франковъ: такъ быстро увеличилась эта торговая дѣятельность южнаго Сингапура. Чего же можно будетъ ожидать въ-послѣдствіи?...

Островъ Сингапуръ, находится при S оконечности полуострова Малакки, отъ котораго онъ отдѣленъ небольшимъ проливомъ. Собственно городъ, носящій имя острова, лежитъ въ широтѣ 1°17' N и 103°500' долготы отъ Гринвича. Онъ раздѣляется на три квартала: Китайскій, Малайскій и Европейскій; послѣдній отличается опрятностью, легкой и красивою архитектурою миленькихъ домиковъ. Китайскій кварталъ служитъ для всего города рынкомъ: здѣсь сосредоточиваются все лавки и магазины. Малайскій кварталъ нѣсколько отдаленъ отъ первыхъ двухъ. Замѣчатель-

* Англійская Остъ-Индская компанія купила у Джогорскаго Султана, которому принадлежалъ Сингапуръ, право завести контору на южной части острова; но быстрое процвѣтаніе этой новой колоніи подало имъ мысль завладѣть, не только всѣмъ Сингапуромъ, но и окружающими его небольшими островами.

но, что все вообще Малайцы живутъ въ мѣстахъ болотистыхъ, около прибрежья. Тамъ, гдѣ болѣе сырости, сирада и зловонныхъ испареній — тамъ и ихъ жилища. Впрочемъ, сингапурскіе жители этого квартала резко отличаются отъ своихъ одноплеменниковъ кротостію нрава и несравненно болѣею образованностію. Но кинжалъ, или крикъ на иль парачин, вѣрный и непремѣнный спутникъ каждаго Малайца; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ Черкесамъ.

Составъ жителей сингапурской колоніи заключаетъ въ себѣ Китайцевъ, Малайцевъ, Индѣйцевъ, Явайцевъ, Сіамцевъ и другихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ; въ особенности два племени народовъ составляютъ главное народонаселеніе Сингапура, которое полагаютъ до 40 тысячъ это Китайцы и Малайцы; ихъ полагаютъ до $\frac{1}{2}$ всѣхъ жителей. Но пальма первенства между ними принадлежитъ, безспорно, Китайцамъ, какъ по дѣятельности, такъ равно и по уму и образованію. Китайцы занимаютъ здѣсь оптовую торговлю, продажу цѣнныхъ галантерейныхъ вещей, маклерство, земледѣіемъ, мореходствомъ и т. п. — а Малайцы занимаютъ должности дровосѣковъ, иногда земледѣльцевъ и лавочниковъ, но преимущественно облавною охотничьимъ и рыбаковъ.

Почва острова Сингапура чрезвычайно плодородна; богатый островой лѣсъ является здѣсь въ изобиліи, а въ немъ множество обезьянъ, дикихъ кошекъ, дикобразовъ и т. п.; но тигровъ, львовъ, носороговъ и другихъ хищныхъ звѣрей полуострова Малакки на Сингапуръ нѣтъ. Птицы чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Говорятъ, здѣсь болѣе 200 породъ звѣй, изъ которыхъ двѣ только ядовитыя.

Мнѣ рассказывали случайно про ловлю обезьянъ; я бы и вѣрить не хотѣлъ, что для ловли этихъ забавныхъ животныхъ употребляются тѣ же средства, о которыхъ я слышалъ въ дѣтствѣ въ *отрадныхъ* сказкахъ. Употребительнейшее изъ нихъ заключается однако въ кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, который, до половины насыпанный рисомъ, зарывается въ землю. Обезьяна, добравшись до риса, ни за что не разожметъ сжатого кулака, чтобъ не выронить и зерна, а между тѣмъ горлышки кувшиновъ дѣ-

лаются такъ узки, что не разжатую лапку обезьяна не вытащить изъ кувшина. Ловцы приходятъ, сажаютъ ихъ въ клетки и потомъ уже *разбиваютъ* кувшинъ, чтобъ освободить лапку пойманной обезьяны. Трудно это приписать глупости этого хитраго животного; скорее, думаю, можно предположить въ немъ настойчивость.

По климату, Сингапуръ нѣсколько ниже Пулю-Пинанга; но и здѣсь воздухъ здоровъ и благопріятенъ больнымъ. Плоды вкусны и благовонны, въ особенности манго и дивные мангустаны; но послѣдніе далеко уступаютъ пулюпинангскимъ. Я видѣлъ здѣсь ананасы необыкновенной величины: бѣльшій діаметръ былъ 8 $\frac{1}{2}$ », а меньшій болѣе 4 дюймовъ длины. И эти сочные, ароматическіе ананасы продавались по пяти пайсовъ *!— Овощи прозябаютъ прекрасно. Мускатовыя плантаціи разведены на всемъ островѣ въ изобиліи.

Все войско сингапурскаго правителя состоитъ въ 50 батальонъ: убѣдительное доказательство въ уваженіи жителей властямъ мудрыхъ Британцевъ. Содержаніе этого войска обходится въ нѣсколько тысячъ піастровъ.

Здѣшній рейдъ представляетъ прекрасную и безопасную якорную стоянку, которая не тревожится ни крѣпкими ветрами, ни штормами. Бывающіе здѣсь по временамъ смерчи не опасны и не оставляющіе, по-крайней-мѣрѣ, грустныхъ воспоминаній. Рейдъ образуется заливомъ, въ юго-западной части острова. Къ NO отъ города есть маленькая бухточка, которую образовалъ мысъ Сенди-Пойтъ (Sandy Point); въ нее впадаетъ рѣчка, въ которую могутъ заходить джонки и туземныя проа. На рейдѣ нѣтъ никакихъ опасныхъ мелей.

Однажды мы собрались на китайскую джонку, въ 300 тоннъ. Она была въ совершенной готовности къ отплытію въ Манилу. Трудно себѣ вообразить хаосъ, который мы встрѣтили на палубѣ этого диковиннаго судна. На ней было, на худой конецъ, 400 человекъ Китайцевъ, отправлявшихся въ Манилу по торговымъ дѣламъ. Каждый изъ нихъ сидѣлъ у своего скарба, размѣщавшагося въ джонкѣ отъ килѣ до самыхъ бортовъ; палубы на ней не было; въ

* Около пяти копѣекъ ассигнаціями.

сколько досокъ было наслано около бортовъ, а открытая середина, перерѣзанная бимсами, представляла одинъ общій люкъ; въ немъ можно было натѣшиться размѣстившимися Китайцами; но смрадъ, нечистота и *звалтъ* этихъ господъ, невольно заставили поторопиться осмотромъ курьозной джонки. Въ особенности замѣчательны кабельтовы и перленни; они выются изъ камыша, и чрезвычайно удобны для завозовъ. Бухту сваливаютъ *за бортъ*; ходовой лопарь крѣпится у борта джонки, а шлюпка съ верпомъ идетъ впередъ, развивая плывущую за нею бухту кабельтова. Это исполняетъ одинъ человекъ. Бѣгучій такелажъ весь травяной и волосяной. Якорь составленъ изъ крѣпкихъ брусевъ желѣзнаго дерева; лапы его окованы желѣзомъ. Эта джонка, стоявшая отъ насъ въ полу-миль, снималась три вечера сряду съ якоря, чтобъ выйти въ море; но вылавировать рейдомъ она никакъ не могла. Сопровождавшій эти церемоніи шумъ, невольно напоминалъ намъ *мартовскій* концертъ, своими дикими возгласая «Еа—еа, оа—оа!» раздававшимися съ джонки, когда на ней подвергивали канать.

Забавенъ предрасудокъ Китайцевъ на-счетъ джонгъ. Они думаютъ, что вырѣзанные и разрисованные глаза на носу джонки,—непремѣнное украшеніе и принадлежность каждой изъ нихъ,—бдительно *смотрятъ впередъ* во-время плаванія; и если завидятъ какую-либо опасность, то непременно объ этомъ донесутъ. Поэтому они не видуютъ никогда часовыхъ, чтобъ смотрѣть на ходу впередъ; случись же несчастіе или раззорительное столкновение, они, по прибытіи въ портъ, затопляютъ джонку и *бьютъ ее палками!*

— Чтò жъ, говорятъ Китайцы, если она не съумѣла сберець своихъ глазъ, будетъ ли она стараться сберець насъ?...

Джонги, плавающія между Маниллою и Сингапуромъ, совершаютъ ежегодно по одному рейсу въ каждое мѣсто; для этого у нихъ два вѣтра: муссоны, которыми онѣ могутъ пользоваться. Лавировка, какъ я уже говорилъ, не далась быстроглазымъ джонгамъ. При первомъ муссонѣ, слѣдственно, съ апрѣля по октябрь, джонги собираются въ Манилѣ, а въ остальное полугодіе снова возвращаются въ Сингапуръ.

Пребываніе наше въ Сингапуръ было чрезвычайно разнообразно и пріятно. На обширномъ рейдѣ этого города собирались ежедневно прекрасныя коммерческія суда, между тѣмъ какъ другія уходили въ море. Картина обширной, кипучей торговой дѣятельности на рейдѣ, имѣеть много красоты, красоту привлекательныхъ, чарующихъ глазъ; это, по моему, неоспоримо. Подъ-вечеръ одного прекраснаго, въ полномъ смыслѣ тропическаго дня, пришло на рейдѣ съ моря англійское коммерческое судно, корветнаго вооруженія. Оснастка, выправка рангоута, опрятность самаго судна, все это какъ нельзя болѣе было превосходно, невольно должно было радовать и веселить каждую душу моряка. Одно показалось намъ на немъ забавнымъ; по-крайней-мѣрѣ мы впервые видѣли эти два паруса палъ бомъ-триумселями, которые у него были поставлены. Это судно, шедшее въ Китай, и сколько я слышалъ, съ онѣумомъ, зашло въ Сингапуръ не на долго, чтобъ запастьсь водою и провизіей. Не смотря однако на непродолжительность его стоянки, мы обязаны ему забавною сценою, которая разсмѣшила насъ встѣхъ на-поваль. Дѣло въ томъ, что два матроса этого судна, оба молодые Индѣйцы, получивъ отъ своего капитана, еще до прихода на рейдѣ, мѣсячное содержаніе, рѣшились на побѣгъ съ судна. Для этого они выбрали довольно темную ночь, и въ первомъ часу смѣло поплыли на вѣдрѣ къ берегу, который былъ отъ нихъ почти въ двухъ миляхъ. Проплывая мимо нашего транспорта, они, для вѣщаго комфорта, вздумали украсть у насъ съ выстрѣла шляпку, и подплывъ, стали на нее украдкою взлезать. Ночь была какъ-то въ-особенности жаркая, удушливая; иные изъ насъ лежали на сигнальныхъ рундукахъ, другіе въ шляпкахъ, вистѣвшихъ на шляпъ-балкахъ. Вахтенный лейтенантъ и бдительные часовые расхаживали на скамьяхъ, кормѣ и бакѣ, и бакъовый часовой вскорѣ замѣтилъ и обратилъ вниманіе на небольшой шумъ въ водѣ, который производилъ вылезавшій на шляпку Индѣецъ. Разсмотрѣвъ наконецъ явственно какое-то привидѣніе чело-вѣческаго образа, вылезавшее изъ воды, часовой громко-гласно закричалъ. Это восклицаніе, повторившееся нѣсколько разъ, разбудило насъ. Между тѣмъ, на бакѣ собрались

всѣ вахтенные, стараясь по-возможности рассмотреть въ темной ночи сингапурскіхъ водяныхъ чертей. Вахтенный лейтенантъ, догадавшійся о сущности этого обстоятельства, немедленно послалъ за ними шлюпку, приказавъ приготовить фонари. Баковой часовой былъ встревоженъ: онъ утверждалъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ одинъ человекъ взлезъ на шлюпку и какъ другой собирался на это.

На другой день извѣстили старшаго лейтенанта того судна, что у насъ задержаны бѣглецы. Онъ не замедлилъ прѣхать за ними и благодарить за обязательность. —

Юля 1, для высокотожественнаго дня рожденія Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Всероссийской, мы раздѣчались флагами и салютовали 31 выстрѣломъ. Шумѣнь этотъ отраднѣйшій юльскій праздникъ въ Петергофъ!... Цѣлзя было не унести мыслью туда, на свѣрь, къ роскошному Петербургу....

Весела, пріятна, увлекательна жизнь моряка въ такомъ плаваніи!... Сколько отраднѣхъ, приводящихъ въ умнленіе душу воспоминаній собираетъ онъ въ этой кочующей жизни!... Не забудемъ при этомъ неоспоримой истины, благодатной склонности человека вспоминать и помнить только одно утѣшительное, только одно отрадное!... Давно ли тому, какъ мы были въ Пуло-Пинангъ, Никобарахъ, Капштадтѣ и Тенерифѣ, — и вотъ мы давно уже въ Сингапуръ, живемъ почти на экваторѣ — не въ смыслѣ однако кропштадтскаго выраженія, — и живемъ весело, наслаждаемся жизнью!... Да, да, чудныя *Saga* и *Margarithe!* вы расшевелили, вы зажгли положительныя сердца нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ!... Но, что я разбалтываю? Меня могутъ, пожалуй, упрекнуть въ предательствѣ этой сердечной тайны, въ нескромности.... нѣтъ, лучше замолчу!...

Между тѣмъ транспортъ былъ приведенъ въ совершенную готовность къ отплытію; всѣ нужды были исправлены, провизія закуплена и вода налита. Малайскіе крысы и копыя, кораллы и раковины, индѣйскіе наряды, китайскія вещицы удивительной работы и многое т. п. было закуплено плавателями, и юля 6, въ седьмомъ часу утра, мы сна-

лись съ якоря и пошли въ Китайское море. Но едва мы вошли въ границы обширнаго моря Небесной Имперіи, пройдя острова Баттамъ, Бинтангъ, и Педро Бранко, насъ подогналъ ровный и свѣжій SW муссонъ, и транспортъ нашъ быстро помчался къ Филиппинскимъ островамъ. Меньшій ходъ ограничивался 6, а самый бѣльшій 10½ узлами.

Плаваніе Китайскимъ моремъ бываетъ въ-особенности опаснымъ и немовѣрно бурнымъ при переменѣхъ муссоновъ. Впрочемъ, кромѣ февраля, марта и первой половины апрѣля, здѣсь господствуютъ постоянныя крѣпкіе ветры, которые, при сильныхъ и неправильныхъ теченіяхъ, нередко служатъ гибелью множеству купеческихъ и даже военныхъ судовъ. Кромѣ того въ Китайскомъ морѣ составляютъ очень обыкновенное явленіе *тифоны*, господствующіе здѣсь съ мая по ноябрь, и силу которыхъ испыталъ г. капитанъ Крузенштерпъ *, *первый русскій мореплаватель*, обнесшій русскій могущественный флагъ *вокругъ свѣта*.

Къ 15 іюлю, мы подошли на видъ Филиппинскихъ острововъ; но по мѣрѣ приближенія къ берегамъ, усерднѣй муссонъ истощался, и послѣ обѣда сдѣлалось тихо, такъ что подѣ конецъ почти заштилело: ходу было не болѣе 1½ узловъ, при маловѣтріи изъ SO четверти. Такъ провели мы и утро 16 числа; но къ полдню однако вѣтеръ разыгрался, и мы побѣжали по 6 узловъ къ Люсону, богатѣйшему острову изъ всего Филиппинскаго архипелага, въ которомъ насчитываютъ до 1000 острововъ и островковъ. Здѣсь, собственно въ Манилѣ, намъ предстояло провести нѣсколько дней, чтобъ окончательно запастись возможною провизіею, по-крайней-мѣрѣ на полъ-года, потому-что отсюда мы шли прямо къ цѣли нашего назначенія—въ Камчатку, гдѣ, вѣроятно, нельзя будетъ запастись никакою провизіею, по недостатку того края въ припасахъ. Между-тѣмъ мы имѣли въ виду пріятное лакомство: превосходныя манильскія сигары!...

Къ вечеру, очертанія береговъ становились все болѣе явственными, и вскорѣ представилась намъ обширная бухта, составляющая Манильскій рейдъ. Онъ разделяется небольшо-

* Въ Японскомъ морѣ, въ 1804 году.

шимъ островомъ Коррихадоромъ на двѣ части; этотъ островокъ вооруженъ сильными баттарейми, и содержитъ значительный гарнизонъ.

Но вотъ мы и въ водахъ прекраснаго рейда!... Величественно роскошные берега его имѣютъ въ окружности болѣе 40 миль. Множество прекрасныхъ судовъ и невзрачныхъ джонгъ были живописно разбросаны на рейдѣ, на которомъ мы бросили якорь въ 8 часовъ вечера, на 6 саженьяхъ, въ разстояніи около 2 миль отъ берега.

Филиппинскій Архипелагъ составляетъ одну изъ богатѣйшихъ странъ по плодородію своей почвы, здоровому климату и роскошному мѣстоположенію. Въ особенности это необходимо отнести къ Люсону, обширнѣйшему острову, этого архипелага. Онъ имѣетъ длину 500 миль по меридіану, а шириною достигаетъ почти 200 миль. Острова Филиппинскаго Архипелага, разбросанные между 8 и 19° N широты, принадлежатъ открытіямъ двадцатыхъ годовъ 16 столѣтія. Лѣтъ пятьдесятъ спустя, Жуанъ-де-Сальсадо разбилъ съ горстью Испанцевъ туземныхъ жителей Люсона, и основалъ Манилу. Съ-тѣхъ-поръ положено прочное владычество Испанцевъ на этомъ благодатномъ островѣ, который названъ побѣдителемъ Люсономъ по слову *Люсонгъ*, что означаетъ на нарѣчій туземцевъ пестъ, употребляемый для шелушенія сарачинскаго пшена, который жители вѣшали надъ входомъ въ домъ.

Первобытные жители Люсона, собственно обитавшіе по побережью этого обширнаго острова, составляли нѣкоторымъ образомъ полуобразованное племя. Они имѣли свое правленіе, начальники которыхъ назывались *Раджами*, и раздѣлялись на людей высшаго сословія и низшаго званія. Всѣ эти народы назывались Тагалама, Паипангами, Цимбалами, Иллоносами и Кайаганами. Между тѣмъ въ горахъ и непроницаемыхъ лѣсахъ Люсона обиталъ другой народъ, называвшійся у Тагаловъ *Этосами* и *Аэтосами*. Испанцы называли ихъ *Горными Неграми*. Они жили въ совершенно дикомъ состояніи; ходили нагіе, и убѣгали заселенныхъ мѣстъ. Замѣчательно, что и по-сіе-время обитаютъ еще на Люсонѣ нѣсколько тысячъ людей, не признающихъ владычества Испанцевъ. Они дѣлаютъ даже на нихъ иногда

набъги изъ своихъ уединенныхъ лѣсовъ. Число жителей на Лусонъ полагають до одного милліона.

Прекраснѣйшее племя изъ этихъ народовъ составляютъ Тагалы. Они были найдены завоевателями въ *Бинондскомъ* предмѣстьѣ; при этомъ надлежитъ замѣтить, что подъ именемъ Маниллы надо понимать ту часть города, которая обнесена крѣпостнымъ валомъ. Собственно же городъ состоитъ изъ предмѣстій: *Бинондо*, *Тондо*, *Санта-Круцъ*, *Санъ-Себастьянъ* и *Санта-Анна*; они распространяются на нѣсколько верстъ въ длину. Тагалы приняли христіанство безъ особенныхъ затрудненій: это можетъ служить доказательствомъ, что они не были подчинены вліянію религіознаго фанатизма, столь гибельнаго для дикарей, этихъ низшихъ братьевъ нашихъ!.... Они кроткаго и тихаго нрава, одарены способностями и имѣютъ благовидную и смѣлую наружность. Костюмъ ихъ почти европейскій; въ особенности мила Тагалка въ своемъ нарядѣ: коврикъ, которымъ она обвертываетъ свою полосатую юбку, плотно прижимаетъ къ тѣлу одежду, и роскошныя формы стана обрисовываются въ правильныхъ очертаніяхъ; прибавьте къ этому мѣдноватый цвѣтъ лица, рядъ прекрасныхъ зубовъ и пушкинскую босую ножку, съ едва держащейся на носкѣ бархатной туфлей,—и портретъ той Тагалки, у которой я по приходѣ на рейдъ покупалъ *Manilla*, у васъ, по возможности, передъ глазами. Замѣчательно, что это племя имѣетъ двѣ господствующія страсти: къ игрѣ и куренію. Но, стопъ однако!... Хорошъ же я, сказать между прочимъ! Мнѣ слѣдовало бы, по настоящему, вести дневникъ: прибавленія не было бы конца!... Видѣть утонченный *пѣтушій бой*, еще въ Сингапурѣ, и не сказать до-сихъ-поръ ни слова: это, отчасти, даже наивно съ моей стороны; но я постараюсь впоследствии загладить опрометчивость, съ которою упустилъ изъ вниманія эту тактическую борьбу.

И такъ, я остановился на томъ, что Тагалы имѣютъ двѣ неизбѣжныя страсти, именно къ игрѣ и куренію. Последняя распространяется и на женщинъ; но этого мало: въ Маниллѣ нѣтъ ни одной хорошенькой дѣвицы, нѣтъ даже 12 лѣтняго ребенка, который бы не курилъ: здѣсь рѣшительно *всѣ* курятъ! Но какъ бы то ни было, а сигара во

рту хорошенькой женщины, въ прозрачныхъ ручкахъ нашихъ очаровательницъ — по моему рѣшительно всего хуже. Хотя бы мнѣ

..... не должно смѣть,
Свое сужденіе имѣть..

Но, воля ваша, — а мнѣ это не нравится. Чего мнѣ: не убожно ли послушать подробности полной насмѣшки, которую разыграли матросы одного французскаго фрегата, посѣщавшаго Маниллу въ 1830 годахъ. Они заказали огромную сигару, въ нѣсколько футовъ длины и соразмерной толщины, и при торжественномъ шествіи по Вивондскому предмѣстью, курили ее слѣдующимъ образомъ; три человека тащили ее съ притворнымъ усиленіемъ на плечахъ, между тѣмъ какъ четвертый, въ костюмѣ Тагалки, курилъ эту громадную сигару, пуская цѣлыя облака дыму. Мужчины смѣялись этой насмѣшкой, а женщины, говорятъ, чуть было не произвели бунта. Долго ли тутъ, право, до бѣды!...

Относя эту страсть Испанокъ и вообще европейскихъ дамъ Маниллы къ одной замѣчательной переимчивости, нельзя удержаться отъ замѣчанія о томъ, что господа Европейцы считаютъ здѣсь неприличнымъ, *mauvais genre*. Вы, можете-быть, не повѣрите, что порядочные люди здѣсь не носятъ неподражаемыхъ соломенныхъ шляпъ, достигающихъ цѣнности нѣсколькихъ тысячъ рублей: они предпочитаютъ имъ *Французскія пуховыя шляпы*, — хотя онѣ воее не по климату, ни чѣмъ не красивѣе, — и потому только, что мода, на которую между-тѣмъ все жаждутся! А въроятно ее ввели не Тагалы, а тѣ же Европейцы.

У Тагаловъ есть особенный родъ сигаръ, называемый *фамильнымъ*: это оправдывается отчасти величиною этихъ объемистыхъ сигаръ, изъ которыхъ каждая удовлетворяетъ все семейство Тагала въ теченіе нѣсколькихъ дней. Можно составить себѣ понятіе о величинѣ этого вида сигаръ.

Вторая необузданная страсть Тагала есть, такъ сказать, удовольствіе олимпійское. Она состоитъ въ кровавомъ боѣ пѣтуховъ — атлетовъ. Иные Тагалы, благодаря смертоноснымъ шпорамъ своихъ пѣтуховъ-бойцовъ, живутъ въ совершенномъ довольствѣ, что называется призываючи, и не-

редко приобретаютъ состояніе. Жизнь такого пѣтуха, истого храбреца, даже завидна; онъ ласкаемъ своимъ господиномъ болѣе, чѣмъ жена и его дѣти. Идетъ ли онъ со двора,—пѣтухъ у него подъ мышкой; онъ непрѣмный товарищъ Тагала, все его достояніе. Какъ горько оплакиваетъ онъ смерть своего славнаго бойца, если она его постигаетъ!...

Я видѣлъ пѣтушій бой на транспортѣ. Борьба этихъ героевъ была дѣйствительно любопытна. Какъ хорошо они знаютъ главнѣйшее орудіе победы: клювъ не бываетъ у нихъ въ употребленіи, а шпоры, надѣленные искусственнымъ пособіемъ со стороны ихъ владѣльцевъ. Передъ борьбою, на ноги этихъ атлетовъ надѣваютъ острия, стальные лезвія: ими бойцы искусно наносятъ другъ-другу смертельные удары. Нерѣдко случается, что оба атлета остаются на полѣ сраженія. Ожесточеніе этихъ мощныхъ пѣтуховъ не имѣетъ границъ. Оцп, оцетивившись, готовы бороться до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ нихъ не погибнетъ. Но ихъ не допускаютъ до этого, если дѣло о первенствѣ не идетъ на значительное пари. Въ борьбѣ на пари этихъ бойцовъ даже подпаиваютъ; серьезно, имъ вливаютъ въ клювъ по нѣскольку капель благовоиного вина, и полное остервенѣніе овладѣваетъ тогда бойцами. Тагалъ, выигравшій ставку, получаетъ и тѣло несчастной жертвы. При этомъ нужно еще замѣтить, что эти бойцы герои, герои воспитанные для брани, для побѣдъ.

Я говорилъ уже, что городъ Манилла состоитъ изъ пяти предѣстій и части, обнесенной крѣпостнымъ валомъ, называемой собственно Маниллой. Весь городъ насчитываетъ до 10 тысячъ жителей; въ немъ есть университетъ, нѣсколько училищъ и госпитали. Знаменитая табачная фабрика, разсылающая въ отдаленнѣйшія страны вселенной свои превосходныя сигары, чрезвычайно обширна; въ ней работаютъ ежедневно—исключая праздниковъ—болѣе двухъ съ половиною тысячъ работниковъ, въ числѣ которыхъ не болѣе 600 человекъ мужчинъ; остальные все женщины. Говорятъ, что испанское правительство получаетъ съ этой фабрики ежегодно чистой прибыли отъ пяти до восьми сотъ тысячъ піастровъ; но чего стоитъ содержаніе фабрика и

такого огромнаго числа рабочихъ?—Каковъ же долженъ быть общій оборотъ?—Въ бытность мою въ Манилль, ты-сяча лучшихъ сигаръ обходилась въ *шесть съ половиною* піастровъ: почти въ *шестеро* дешевле петербургскихъ цѣнъ. Какъ было не запастись этими дивными сигарами!... Манильскія сигара имѣютъ большое преимущество предъ гаваискими сигарами: въ тысячъ трудно отыскать одну, которая бы не курилась. На этой сигарочной фабрикѣ былъ при насъ одинъ рабочій, слѣпецъ, который занимался свертываніемъ испанскихъ *чуртасъ* (въ родъ папиросъ) обѣими руками—но такъ ловко, что нельзя было надивиться его проворству. Королевская сигарочная фабрика въ Манилль устроена превосходно. Она приобретаетъ табакъ отъ жителей, сѣющихъ его, по установленной и самой умѣренной цѣнѣ.

Манилла ведетъ съ давнихъ временъ торгъ съ Китаемъ; но онъ очень незначителенъ. Испанцы народъ вялый для торговой дѣятельности. Для этого благословеннаго края нужна бы опытность Англичанъ, или трудолюбіе Голландцевъ. Китайцы привозятъ сюда чай, фарфоровую и глиняную посуду, шелковыя матеріи и разные плоды въ сахаръ и варенья, изъ которыхъ особенно въ славѣ инбирное. Въ замѣнъ привозимаго, Китайцы находятъ здѣсь сарачинское пшено, пшеницу, маисъ и т. п. естественныя произведенія, кромѣ того индиго, табакъ и хлопчатую бумагу. Не взирая на дурные способы земледѣлія и вялое трудолюбіе, всѣ эти продукты получаютъ здѣсь въ большомъ количествѣ. Мы платили, напримѣръ, за мѣшокъ рису и сахарнаго песку, каждаго по пяти пудовъ, только по два піастра: невѣроятно дешево!—Плодородіе земли и вліяніе климата здѣсь таковы, что пшеницы бываетъ обыкновенно двѣ жатвы въ годъ. Горы Люсона имѣютъ богатые серебряныя, мѣдныя и желѣзныя руды. Словомъ, въ богатствѣ и изобиліи недостатка нѣтъ: были бы только знаніе, опытность и усердіе къ трудолюбію, и тогда этотъ край принесъ бы несмѣтныя сокровища. Было время, что Испанцы строили здѣсь фрегаты и корветы, а теперь они не въ состояніи предпринять и этого.

Торгующее сословіе и ремесленники, болѣею частію, все

Китайцы; они сапожники, кузнецы, портные, столяры, — словомъ, занимаются всѣми мастерствами. Въ числѣ ремесленниковъ, говорятъ, нѣтъ ни одного Испанца и очень не много туземцевъ. Всѣхъ Китайцевъ насчитываютъ въ Манилѣ до 6 тысячъ: это народъ трудолюбивый и предприимчивый, но за-то первые плуты во всей вселенной.

Мѣстомъ гульбищъ для Маниллы служить огромная площадь, идущая вдоль рейда. Здѣсь собирается по вечерамъ вся знать города и даже богатые Тагалы съ женами и Китайцы. Кстати о Китайцахъ. Забавенъ законъ этой обширной имперіи. Имъ воспрещается выѣздъ женщинъ изъ Небесной Имперіи; по этому мы и не могли видѣть ихъ; Хорошаго и дѣльнаго въ этомъ постановленіи мало, а дурныхъ послѣдствій много.

Но наша пятидневная стоянка въ Манилѣ была коротка, пролетѣла почти незамѣтно. Въ 4 часу утра 23 іюля, всѣ были высвистаны на верхъ сниматься съ якоря, — и мы простились съ Маниллою, а съ нею и съ небольшими переходами, которыми плыли отъ Никобарскихъ острововъ. Паруса были отданы, якорь подвертывался, взять наконецъ на-катъ, и при тихомъ вѣтеркѣ мы лавировкою стали выбираться съ манильскаго рейда. Кто тутъ при этомъ не вспомнилъ, что мѣсяца, можетъ-быть, черезъ два, мы перенесемъ изъ знойныхъ тропическихъ странъ въ Камчатку, — въ дикую, уединенную и мрачную Камчатку!...

Такъ мы кончили наше плаваніе отъ Никобарскихъ острововъ, Малаккскимъ - проливомъ и Китайскимъ моремъ, до Маниллы.

КАНИШАНСЪ.

СТРАХИ И УЖАСЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Сцена чрезвычайно нѣжная и въ высшей степени комическая; невѣста провожаетъ своего жениха слишкомъ за полтораста верстъ, и дня на четыре—шутка ли?

Она сидитъ на кушеткѣ, съ грустью смотритъ въ лицо ему, будто хочетъ насмотрѣться, прежде чѣмъ съ нимъ расстанется,—и ласкаетъ его волосы своей маленькой ручкой....

Женихъ сидитъ на низенькомъ табуретѣ у ея ногъ, и съ восторгомъ всматривается въ ея голубенькіе глазки, на которыхъ готова показаться слезинка,—любуется ея правильнымъ носикомъ, ея губками и тонкимъ очеркомъ хорошенькаго личика. Они счастливы въ эту минуту, неизобразимо счастливы!...

Но на долго ли?...

— Завтра онъ уѣдетъ! подумала Анюта.

— Еще цѣлая недѣля, Боже мой, когда пройдетъ эта недѣля! думалъ женихъ.

Анюта смотрѣла на него грустно, задумчиво.... Сколько любви, чистой, — нѣжной любви шестнадцатилѣтней дѣвушки было въ ея глазахъ....

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Ты ѣдешь, Владиміръ, сказала Анюта тихо, какъ бы боясь вспомнить о томъ, что онъ ѣдетъ: — мнѣ скучно будетъ!... И она разомъ спутала всѣ волосы на его головѣ....

— Не грусти, моя хорошенькая; не тоскуй, другъ мой, отвѣчалъ Владиміръ, нисколько не думая о томъ, что говорить. Онъ едва ли въ состояніи былъ думать!

— Ты не повѣришь, Владиміръ, какъ мнѣ грустно, когда я подумаю, что ты ѣдешь.... Мнѣ хочется плакать! Не ѣди, милый мой!

— Аннинька, другъ мой, моя несравненная, — вѣдь я ѣду для того, чтобы все приготовить для нашего счастья....

— Все-равно, мой Вольдемаръ, я бы хотѣла, чтобы ты не ѣздилъ,—а то вдругъ съ тобой что-нибудь случится....

— Что же можетъ случиться со мной, мой другъ, моя невѣста?...

— Не знаю, Вольдемаръ, но я боюсь.... Потому намъ надобно ѣхать къ тебѣ,—я то же боюсь....

— Чего же ты боишься, дитя?

— Какъ же, я никогда не ѣздила! Мы поѣдемъ лѣсомъ,—я никогда не видала большихъ лѣсовъ. Ну что, если на насъ нападутъ звѣри?

Владиміръ захохоталъ.

— Успокойся, мой другъ, не нападутъ! Здѣсь нѣтъ звѣрей!...

Я не трусиха.... мой Владиміръ, я за тебя только боюсь,—не ѣди,—прошу тебя; ну за чѣмъ ѣхать?...

И она пристально смотрѣла ему въ глаза. Въ ея взглядѣ было столько грусти, столько мольбы, что всякій посторонній свидѣтель непременно бы расхохотался надъ этимъ умоляющимъ и прощальномъ взглядомъ, при разлукѣ на четыре дня. Но Владиміръ и въ-самомъ-дѣлѣ готовъ былъ отказаться отъ своей поѣздки, чтобы только утѣшить свою Анюту.... Но потомъ онъ одумался.

— Кто же, мой другъ, приготовить все тамъ? А я бы хотѣлъ, чтобы когда ты съ батюшкой приѣдешь, все было готово!...

— Мы можемъ вѣнчаться здѣсь, Вольдемаръ, а потомъ поѣдемъ вмѣстѣ....

— Послушай, Анюта, ты знаешь, что я люблю тебя до безумія и ни въ чемъ не могу тебѣ отказать, но ты знаешь, что мой батюшка непременно хочетъ, чтобы мы вѣнчались у себя; а развѣ ты не захочешь исполнить желаніе моего отца и моей матери, которые будутъ твоимъ отцомъ и твоей матерью?...

— О нѣтъ, нѣтъ! я хочу! Поѣзжай Владиміръ, поѣзжай; другъ мой! Если папенькѣ и маменькѣ угодно.... Я только боюсь, ты прости меня, мой милый, что я боюсь.... И она задумалась и опустила голову.

— Боишься, милое дитя? Перестань! Будь благоразумна. Моя деревня всего отсюда 170 верстъ;—одни сутки ѣзды. Черезъ четыре дня и вы съ папа отправляетесь за мной, а между-тѣмъ, все будетъ готово, и Богъ дастъ, въ то воскресенье ты моя.... Обѣщаю тебѣ, что я всего себя посвящу твоему счастью.... Анюточка, моя хорошенькая Анюточка!...

— Мой Володя!...

Вошелъ отецъ Анюты, Дмитрій Александровичъ, почтенный и солидный человекъ, нѣжно любившій свою дочь.

Владиміръ, изъ уваженія къ своему будущему тестю, всталъ съ табурета и сѣлъ на ванape подлѣ Анюты.

Дмитрій Александровичъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на

молодыхъ людей и весело повертывала въ рукахъ табакерку.

— Папа, милый папенька, онъ завтра ѣдетъ! сказали Анята чуть не сквозь слезы.

Дмитрій Александровичъ улыбнулся.

— А ты ужъ и плакать, сказалъ онъ: хорошо, нечего сказать, чудесно! Онъ ѣдетъ по дѣлу, — для того, чтобы все приготовить, а ты хоть бы и не отпускатъ!...

— Да, папа, вы шутите, а я боюсь, папа! Ну что, если съ нимъ что-нибудь случится?

— Случится? На это воля Божія, сказалъ старикъ серьезно. И здѣсь вѣдь можетъ случиться что-нибудь! Ты знаешь, — я по-крайней-мѣрѣ, внушалъ тебѣ, что безъ Божьей воли....

Анята молчала. Она опять опустила внизъ свою живую и свѣженькую головку передъ серьезнымъ взглядомъ отца.

— Она и задумалась! продолжалъ старикъ, снова любясь своею дочерью и стараясь ее утѣдить. Полно! полно! Не о чемъ тебѣ горевать! Владиміръ Степановичъ поѣдетъ все приготовить, а то намъ и помѣстится негдѣ будетъ у него въ деревнѣ, — а въ четвергъ, помолясь, и мы тронемся.... Да ну, не грусти же! А то ты и на меня тоску нагонишь!...

Но Анята давно уже улыбалась. Владиміръ говоритъ ей что-то на-ухъ, и глаза ея горѣли, улыбка сіяла удовольствіемъ.... Она такъ любила своего Владиміра! Отецъ снова любовался счастливой четой дѣтей своихъ....

На другой день, рано утромъ, Владиміръ уѣхалъ.

Анята не увидитъ его сегодня, и завтра, и послѣ завтра.... Боже мой, четыре дня, — цѣлые четыре дня пройдутъ, пока они поѣдутъ къ нему.

А еще только вчера онъ былъ подлѣ нея, держалъ ея руку, смотрѣлъ ей въ глаза — а теперь, — будто и никогда не было его, — грустно!... Анята вспоминаетъ, какъ пер-

вѣдъ разъ онъ прѣхалъ; онъ не понравился ей въ первый разъ! Но потомъ она стала всматриваться въ его тонкія черты лица, стала прислушиваться къ его рѣчи—живой, быстрой, полною ума, чувства.... И она сама не знала, какъ привыкла къ нему, стала заслушиваться его.... И Анята стала дольше стоять передъ зеркаломъ, когда знала, что у нихъ обѣдаетъ Владиміръ; стала чаще надѣвать голубое платье, потому-что Владиміръ сказалъ, что онъ любитъ видѣть ее въ голубомъ платьѣ.... При немъ она стала умѣрять свою дѣтскую игривость, не смѣла увлекаться своею живостію,—Что подумаетъ онъ? говорила она себѣ, и робко смотрѣла въ глаза Владиміру.

Онъ тоже некалъ случая быть подлѣ нея, говорить съ ней, бывать у нихъ чаще и чаще; она съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывалась къ нему,—и вотъ она его любитъ, она его невѣста....

! Любовь развивалась въ ней безъ борьбы, безъ столкновеній съ обстоятельствами; тихо, довѣрчиво отдалась Анята своему чувству, и только теперь поняла, что это чувство страсть, и только теперь поняла могущество страсти....

Владиміръ поѣхалъ, чтобы все приготовить къ ихъ свадьбѣ, потому-что отецъ его, разбитый параличемъ, хотѣлъ лично благословить сына на жизнь съ Анятой; онъ требовалъ, чтобы свадьба была въ ихъ имѣніи, и Владиміръ уѣхалъ.... Анята тосковала, Чего не передумала она въ эти два дня, какъ его не было!

— Ну, что если съ нимъ что-нибудь случится, и я его больше совсѣмъ не увижу,—никогда? говорила она себѣ.... И слезинка висѣла на ея рѣсницѣ, и съ невольной грустью твердила она молитву за счастье своего Владиміра....

Два дня прошли. Дмитрій Александровичъ сталъ снаряжать обозъ, который долженъ былъ идти впередъ.

— Мы и горячкую твою впередъ отправимъ, Анятинка, говорилъ отецъ: а сами завтра, въ маленькой коляскѣ, на перемѣнныхъ, мигомъ долетимъ....

— Какъ вамъ угодно, папа, только бы скорѣе, отвѣчала Анята.

Обозъ долженъ былъ дожидаться Дмитрія Александровича и Аняту въ большомъ селѣ; изъ этого села былъ поворотъ съ большой на проселочную дорогу, въ имѣніе Владиміра Степановича, которое и всего-то отъ него было верстахъ въ тринадцати.

— Мы не возьмемъ почтовыхъ, а просто наймемъ подставныхъ—до села сто сорокъ верстъ, налегкѣ, мы сдѣлаемъ ихъ часовъ въ пятнадцать,—разсчитывалъ Дмитрій Александровичъ: значить будемъ въ селѣ засвѣтло! Тамъ люди все приготовятъ, ты оправившись, приодѣнешься, чтобы приѣхать къ Владиміру настоящей невѣстой.... А на другой день по утру-мы какъ тутъ явимся....

— Ахъ, папенька, сказа со вздохомъ Анята: скоро ли я увижу его?

— Скоро, мой другъ, скоро, — много что послѣзавтра къ обѣду!

— Папа, здоровъ ли онъ?

— Богъ милостивъ, другъ мой, успокойся....

И точно, Анята стала покойнѣе. Она думала: мы завтра ѣдемъ къ нему,—я его увижу, Боже мой, поскорѣй бы!... Онъ будетъ со мной, возьметъ мою руку....

И мечты дѣвушки разыгрывались. Она вспоминала поцѣлуй, который при прощаньи, украдкой отъ отца, дала она своему жениху.

Губки ея и теперь еще ощущаютъ всю нѣгу, всю сладость этого поцѣлуя.... краска невольна выступала на ея щечки, а ея ямочка, хорошенькая, миленькая ямочка на правой щечкѣ, казалось перебѣгала на другое мѣсто, и казалось тоже улыбалась сладкой и мечтательной улыбкой.... И Анята не тосковала, не скучала въ этотъ день, какъ она скучала и тосковала первые два дня послѣ отъѣзда Владиміра. Она даже, примѣривая передъ зеркаломъ свое подвенечное платье, которое одно только не успѣла отправить

вмѣстѣ съ другими вещами, вздумала танцовать польку. Цвѣтокъ померанца, приколотый на груди платья, какъ-то радовалъ Анету; ей было весело на него смотрѣть, онъ казался ей залогомъ близкаго счастья....

Только ввечеру ей стало скучно. Анета взяла книгу и принялась читать. Анета взяла—было сперва путешествіе по Индіи; но ей скоро надоѣло безконечное описаніе чуднаго неба, хитростей краснокожихъ и фокусъ съ змѣями. Она схватила на угадь другую книгу, — изъ тѣхъ, которыя ея папа не велѣлъ ей читать до свадьбы.

— Моя свадьба скоро, думала Анята, и принялась читать страшный романъ, съ венеціанскими страстями, ужасами подземныхъ темницъ, таинственностію совѣта десяти и пиратами XVI вѣка.... Анята увлеклась, читая этотъ бредъ разстроеннаго, воображенія. Она съ невольной дрожью вспоминала длинный рядъ событій, воспроизведенный рукой художника. Разбойники, судьи, женщины подъ маской, красавцы, рыцари, хорошенькія венеціанки съ кинжалами за поясомъ, носились передъ ея глазами; нѣкоторыя изъ нихъ указывали на свои раны, изъ которыхъ струилась еще кровь....

— Ну что, если и Владиміръ! подумала Анята. И она затрепетала....

Въ эту минуту въ воображеніи ея живо создавалась картина, будто ея Владиміръ дерется съ главнымъ героемъ романа, отчаяннымъ пиратомъ, жестокосерднымъ злодѣемъ. Сабли сверкаютъ, — глаза разбойника горятъ!... Анята замираетъ отъ ужаса.... Владиміръ храбро отражаетъ удары, нападаетъ на пирата; но у того стальная рука; сабля змѣй вьется въ глазахъ Аняты, онъ, кажется, играетъ, сражаясь съ Владиміромъ, и быстро уклоняется отъ ударовъ, вѣрно рассчитанныхъ.... Владиміръ вновь нападаетъ, и вновь его сабля скользитъ по саблѣ пирата. Владиміръ употребилъ въ дѣло всю ловкость свою, и задѣлъ разбойника по лѣвой рукѣ. Анята видитъ кровь. Но рана только придала пирату новыя силы; одушевленіе вспыхнуло на этомъ звѣрскомъ лицѣ, сверкнулъ огонь въ зеленоватыхъ глазахъ его, пол-

ныхъ отваги; — онъ махнулъ своей окровавленной, изуродованной рукой, съ яростію тигра бросился на Владиміра, ударилъ — искры посыпались, — но Владиміръ успѣлъ уклониться. Разбойникъ нападаетъ съ бѣльшей силой, Владиміръ стойтъ, выдерживаетъ, — но вотъ онъ чувствуетъ, что рука его слабѣетъ, онъ уже не такъ рѣшительно отражаетъ удары, — разбойникъ нападаетъ съ новой силой, — Владиміръ невольно подался назадъ, разбойникъ приступилъ, — еще шагъ! Владиміръ еще уклонился отъ удара, — но еще ударъ, и окровавленный онъ упалъ къ ногамъ Анюты. Она хотѣла-было вскрикнуть, но голосъ замеръ въ груди ея; ее сдавила тоска, ужасная тоска.... Въ ту же секунду она почувствовала, что пиратъ схватилъ ее за талию, подбѣжалъ какъ перышко.... Она чувствуетъ, что ее несутъ далеко, далеко....

Анета видитъ себя на чудномъ острову, подъ голубымъ небомъ Италіи. Апельсины арѣютъ на деревьѣхъ, аромат лавра разносится тихимъ вѣтеркомъ.

— Ты моя, говорилъ пиратъ: я купилъ тебя! И онъ махалъ своей изуродованной рукой, по которой струилась кровь и большими каплями падала къ ногамъ Анюты... Анюта вѣ себя, — не сознаетъ себя....

— Гдѣ Владиміръ? робко спросила она.

Злодѣй засмѣялся, язвительно, нечеловѣчески засмѣялся, и снова выставилъ передъ ней свою окровавленную, красную руку.... Анюта вздрагиваетъ....

И открываетъ глаза.

Она спала. Страшный романъ услышала ее.

Дмитрій Александровичъ между тѣмъ осматрѣлъ маленькую коляску, въ которой они должны были ѣхать, приказалъ привести лошадей, и только что пробило шесть часовъ, велѣлъ разбудить Анюту.

— Пора, пора, говорилъ онъ: надобно послѣть заснуть; а тебѣ ни распорядиться, ни приготовить....

Анюта встала весело; ночныя грезы ея разсѣялись, она съ молитвой встрѣтила ясное утро теплаго лѣтняго дня.

— Здравствуй Анючка, сказалъ отецъ: какъ ты провела ночь?

Анюта бросилась къ нему на грудь и съ чувствомъ обняла старика отца.

— Ёдемъ, папа, милый папа, сказала она,—и они стали собираться.

Сборы снова разстроили Анюту. Нельзя же было немножко и не поплакать, когда она вставала въ послѣдній разъ съ своей дѣвической постели, оставляла навсегда свою чистенькую комнату, бросала всѣ эти бездѣлки, ничтожныя сами по себѣ, но дорогія или по воспоминанію, которое соединялось съ каждой черточкой карандаша на ея столѣ, или наконецъ просто по привычкѣ видѣть ихъ подлѣ себя въ теченіе болѣе нежели пятнадцати лѣтъ. Анюта съ чувствомъ взглянула въ послѣдній разъ кругомъ, вздохнула, пошла изъ комнаты и невольно задумалась....

А тутъ явились съ поздравленіями, пожеланіями, куличами на дорогу.... Явились и близкія подруги, съ привѣтомъ дружества на языкѣ, а сами отъ души готовыя растерзать бѣдную дѣвушку, виноватую передъ ними только въ томъ, что она выходитъ замужъ.... Да и какъ же? Развѣ онѣ хуже ея, развѣ сердца ихъ тише бьются? — Развѣ онѣ не умѣли бы также любить?... Что-жь она такое? Ничтожная, пустая дѣвчонка, — а онѣ хороши, умны, а главное богаты, замѣйте богаты, да къ тому же и связи есть, родство, карьера, — да почему же онѣ именно ее полюбили? Чѣмъ же она лучше другихъ?... И вотъ каждая старается укрѣпить себя, что Владиміръ и глушь, и дурень, — съ родственниками давно перессорившись, да и имѣніе то давно промоталъ, а женится на Анютѣ только для того, чтобы поправить свое состояніе, заплатить долги, за которые кредиторы давно бы уже его посадили, если бы не надѣялись, что онѣ составятъ выгодную партію.... Такимъ хотѣли себѣ представить Владиміра перерѣзанныя нѣвесты, и выходяли изъ себя отъ до-

сады, на чужое счастье.... А между-тѣмъ они мучили Анюту своими привѣтствіями, своими увѣреніями въ неизмѣнной дружбѣ до гроба, даже, если можно, и за предѣлами вѣчности..

Но не одиѣ только подруги мучили Анюту своими поздравленіями. Все, что имѣло когда-нибудь отношеніе къ дому Дмитрія Александровича, все это пришло глазѣть, поздравлять.... Тотъ смотрѣлъ, заплаканы ли у Анюты глаза, та не надѣнетъ ли она подвѣчное платье въ дорогу; а та ждала, что ей дадутъ что-нибудь за ея искусное и безкорыстное пожеланіе счастья.... И вотъ всѣ обступили Анюту,—и дворничиха, и башмачникъ, и сосѣдъ булочникъ, и кучеръ еосѣда богача, и горничная искренней подруги;— всѣ кланялись, поздравляли, кричали, разсматривали....

Анюту отуманилъ этотъ шумъ, привѣты, купленное участіе;—ей хотѣлось осмотрѣться, подумать, помолиться, — хотѣлось вспомнить о прошедшемъ, помечтать о будущемъ, — а тутъ ее мучатъ всевозможными пожеланіями и осматриваніями....

— Что-то будетъ, неволью спрашивала себя Анюта: — будетъ ли онъ любить меня, мой Владиміръ? Также ли ясно я буду встрѣчать утро съ нимъ, какъ встрѣчала до-сихъ-поръ? Съ такою ли радостію, съ такимъ ли спокойствіемъ обниму я своего стараго папа?

— Много, очень много такихъ, или подобныхъ мыслей вертѣлось въ головкѣ Анюты, и ей хотѣлось убѣжать, запереться, пропасть куда-нибудь отъ этихъ любопытныхъ взглядовъ, нескромныхъ намѣковъ,—но ее окружаютъ, смотрятъ на нее, душатъ дружескими поцѣлуями, сердечными изліяніями, двусмысленными замѣчаніями, и хоромъ напѣваютъ ей привѣтствія. А тутъ надобно позаботиться и о своихъ нарядахъ, уложить ихъ самой, иначе переменить, и будетъ ни на что не похоже.... И слезинка неволью наворачивалась на глаза Анюты.

Наконецъ они поѣхали. Коляска выѣхала за городъ. Прохладный утренній вѣтерокъ освѣжилъ головку Анюты.... Она оглянулась. Какъ весело ѣхать! Лошади бѣ-

гутъ крушной рысью; по сторонамъ мелькають деревья, вольный воздухъ насильно врывается въ грудь.... Утро,—ясное, лѣтнее утро:—и солнце, кажется, свѣтлѣе свѣтитъ на небѣ, и жаворонки, кажется, нѣжиѣе поють свою пѣсню любви,—скошенная трава пахнетъ ароматнѣе.... Кажется, будто Божій міръ сегодня только проснулся отъ сна.—И душа невольно любитъ оживающую природою, сочувствуетъ живѣе ея прелести, согласію всѣхъ частей, переливу всѣхъ цвѣтовъ, — а сердце, радостное сердце, бьется отъ напряженія — сочувствовать прекрасному....

И весело, привольно было на душѣ Аниоты; она была внѣ себя; она съ жадностію впивала въ себя сельскіи воздухъ; съ восторгомъ любовалась видомъ окрестныхъ болотъ, на которыхъ кое-гдѣ торчала чахлая, плакучая береза; она любовалась всѣмъ, потому—что мысль ея поражалась новыми впечатлѣніями, а главное потому, что въ груди ея была надежда,—волшебное, могучее слово, которое заставитъ находить ароматнымъ и душный воздухъ, находить музыкальнымъ даже скрипъ немозанныхъ колесъ....

Грудь Аниоты была полна надежды на счастье, и самое завидное счастье взаимной любви. Она скоро увидитъ Владиміра, онъ будетъ подлѣ нея,—онъ будетъ жить для нея! И съ чувствомъ истинной радости Аниота смотрѣла на все, что окружало ее въ эту минуту, или лучше сказать на все, что у ней въ эту минуту бѣжало передъ глазами....

Но вотъ часъ, два, три.... Они ѣдутъ! перепрягли лошадей,—закусили наскоро, ѣдутъ далѣе, еще разъ перепрягли лошадей!...

Наконецъ Аниотѣ стало скучно. Ей показалось утомительнымъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и смотрѣть на зелень, на цвѣты, на лѣсъ, на небо, которое начало заноситься сѣроватыми тучами.... Мѣрное движеніе коляски ее укачало, и Аниота, положивъ голову на плечо отца, закрыла свои выразительные глазки и задремала....

Но и во снѣ она думала о своемъ Владимірѣ.—Вотъ уже четыре дня, какъ она его не видала, здоровъ ли онъ, веселъ ли?—Не разлюбилъ ли ее въ это время? Ну что если онъ

болеть, если онъ ее разлюбилъ?... Анюта трепетала вся во снѣ, сердце ея сильно билось; она вѣсело прижималась къ своему отцу, и судорожно сжимала свою ручку.... Потомъ вдругъ Анютѣ пришли на мысль ужасы, которые видѣла она во снѣ. Ей приснился опять пиратъ, съ своими зеленоватыми, сверкающими глазами,—битва, бой....

— Но вѣдь это я во снѣ только видѣла, говорить себѣ Анюта, и она смѣется отъ радости, что это было только во снѣ, а теперь она увидитъ Владиміра,—скоро, скоро.... вотъ и онъ....

Владиміръ задумчиво смотритъ на нее: онъ очень блѣденъ, щека его подвязана....

— Чтѣ съ тобой, мой Вольдемаръ? спрашиваетъ Анюта.

Владиміръ молчитъ, онъ только такъ нѣжно, такъ грустно на нее смотритъ. Анюта бросается къ нему. Вдругъ къ нему протянулась какая-то огромная, мохвстая рука, схватила его, и увлекаетъ—дальше, дальше.... Анюта хочетъ броситься за нимъ; но у ней нѣтъ силы тронуться съ мѣста.... Она побѣждаетъ свою слабость, бѣжитъ,—напрягаетъ послѣднія силы, чтобы догнать его.... Вотъ она уже подлѣ него, хочетъ схватить руку, которую протягиваетъ онъ своей невѣстѣ, но вдругъ Анюта чувствуетъ что ее тоже схватило — чтѣ-то холодное, скользкое, ужасное.... Анюта взглянула, и обмерла отъ испуга. Змѣя, огромная змѣя обвиваетъ ея станъ, сжимаетъ ея члены.... Анюта, сидитъ оттолкнувъ отъ себя чудовище, и силы ея изнемогаютъ въ неровной борьбѣ,—а Владиміръ дальше дальше,—его увлекаетъ невидимая сила; онъ смотритъ, съ такою любовію, съ такою грустію смотритъ на Анюту, посылаетъ свой прощальный поцѣлуй, и исчезаетъ изъ глазъ....

Анюта осталась одна посреди необозримой стѣны. Чудовище поднимается выше, обвиваетъ грудь ея своими страшными кольцами.... Анюта чувствуетъ, какъ сжимается духъ ея, какъ сдавливаются кости.... Вдругъ передъ глазами Анюты явилась голова чудовища,—сверкнули два зеленые глаза.... Эти два глаза смотрятъ на Анюту, будто любуются мѣстами своей жертвы.... Анюта цѣлится; у-

лазъ въ груди ея, она хочетъ вскрикнуть, но голосъ ея замираетъ, и помертвѣвшія губки не могутъ произнести ни звука....

Вдругъ мускулы чудовища натянулись, потомъ крѣпче обвилась вокругъ нѣжнаго стана Анюты, еще—усиліе, всѣ кости ея хрустнули,—а змѣя пронзительно зашипѣла....

Анюта вся вздрогнула и проснулась....

Выло темно, коляска насилу тащилась по вновь насыпанному шоссе, колеса глубоко уходили въ разбитый камень; лошади опустили головы отъ усталости....

По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся лѣсъ, густой, мрачный;—вѣтеръ заунывно шелестилъ листьями; на небѣ не сверкало ни одной звѣздочки, только вдали, — на темномъ грунтѣ видѣлось нѣсколько огоньковъ села, къ которому они подъѣзжали, да слышался пронзительный лай собакъ....

Холодный вѣтеръ продулъ Анюту насквозь, она дрожала, прижимаясь къ отцу; Дмитрій Александровичъ спалъ.

Ей стало страшно; эта тишина, прерываемая только пронзительнымъ лаемъ, темнота ночи, густая тѣнь лѣса, въ которомъ шумитъ вѣтеръ, производили въ душѣ Анюты особую настроенность, особую склонность къ чудесному: она будто находилась еще подъ вліяніемъ ужаснаго сна, который за минуту передъ тѣмъ томилъ ея воображеніе; она будто видѣла еще зеленые глаза чудовища, которое хватывало ее своими стальными мускулами,—будто слышала еще его свистъ....

Между-тѣмъ вѣтеръ и сырость проникали Анюту насквозь, и дѣлали ее воспримчивѣе къ лихорадочнымъ представленіямъ воображенія; Анюта дрожала отъ холода и страха, и вся отдалась силѣ своей разыгрывающейся фантазіи....

Они вѣхали въ село.

Низенькіе, темные домики, въ окнахъ которыхъ мелькали чуть замѣтные огоньки; изрѣдка изба побогаче другихъ, — да въ одномъ мѣстѣ домъ подъ зеленой елкой.... Такая картина не могла разсѣять мрачныхъ представленій воображенія, и безъ того уже сильно настроеннаго. Стали

стучаться, искать гдѣ остановился обозъ; но всѣ усилія добиться какого-нибудь толку были напрасны.

Дмитрій Александровичъ велѣлъ везти себя къ единственной гостинницѣ.

— Гдѣ прохожіе останавливаются, бабушка? спрашивалъ кучеръ у старухи, которая выглянула наконецъ въ окно послѣ долгаго стуку.

— Напротивъ Парфеновой избы, кормилецъ,—тамъ прямо трахтиръ есть!

— А гдѣ Парфенова изба?

— Да прямо насупрутивъ трахтера-то, — палисаднику еще зеленой краской выкрашень....

А ночь была хоть глазъ выколи....

Наконецъ кое-какъ добрались до трактира; кучеръ сошелъ съ козелъ и зазвонилъ въ огромный колоколъ, точно такой, какой становятъ на маякахъ, чтобы остерегать неосторожныхъ плователей въ осенніе туманы. Вышелъ дворникъ и не смотря на лѣто, въ мѣховой шапкѣ съ большими ушами.

— У васъ тутъ останавливаются, сказалъ кучеръ. Можно лошадей покормить?

— Для-ча нельзя? отвѣчалъ дворникъ, и сталъ отворять ворота.

Коляска въѣхала на дворъ, кучеръ и дворникъ отворили дверцы.

— Ишь какъ вымазался, сказалъ кучеръ, оглядывая дворника съ головы до ногъ.

Дворникъ взглянулъ на кучера.

И Анютѣ показалось, что дворникъ странцо улыбнулся, и пошелъ съ фонаремъ впередъ.

Дмитрій Александровичъ сердился, что нѣтъ обоза, и приказалъ отвести себѣ особую комнату. Вышелъ хозяинъ-гостинницы, низенькій, черноватенькій и тароватенькой человекъ; онъ все кланялся и увѣрялъ, что онъ отведетъ имъ самую лучшую комнату, и что у него найдутъ они все самое лучшее..

Дверь отворилась и въ глазахъ Анюты мелькнула биллиардная,—грязнѣйшая въ мірѣ комната, съ биллиардомъ, надобно полагать, ровесникомъ Петербургу. Этотъ, такъ назы-

важный, биллиардъ былъ освѣщенъ тремя салными огарками, четвертый огарокъ стоялъ на маленькомъ столѣ.

Въ комнатѣ было нѣсколько человѣкъ.

Изъ нихъ бросились въ глаза Аниютѣ: одинъ въ долгополомъ сюртукѣ, съ огромной шишкой на лбу, и съ губами, которыя, кажется, хотѣли сжаться въ одну точку. Другой толстый, одутловатый, съ носомъ маленькимъ, какъ пуговка, и съ волосами, торчавшими, какъ рыжая щетина.

Оба они сидѣли подлѣ маленькаго столика и тянули жидкость неопредѣленнаго цвѣта. Третій высокій, худощавый, съ длинными, темными и взъерошенными волосами, стоялъ съ кѣмъ, четвертый прицѣлывался въ шара, а пятый, въ изорванномъ зипунѣ, очевидно находился подъ влияніемъ Бахуса и шепталъ что-то невнятное, испуская по-временамъ звуки сильные, хриповатые.

Всѣ они устремили на Аnięту свой пристальный взглядъ, казалось пожирали ее глазами. Мѣщанинъ съ шишкой на лбу приподнялся съ мѣста, а съ кѣмъ въ рукахъ сдѣлалъ своимъ оружіемъ что-то подобное тому, какъ дѣлаютъ на караулъ....

Анѣта робко шла за Дмитріемъ Александровичемъ. Ей казалось, будто они идутъ по подземелью, гдѣ толпятся какія-то черныя и рыжія существа; эти существа улыбаются, и киваютъ головой.

Сама не своя отъ волненія, Анѣта шла вслѣдъ за своимъ отцомъ, которому указывалъ дорогу хозяинъ. Анѣта прошла биллиардную и вошла въ запачканную зеленую комнату, съ обвалившейся штукатуркою и съ картинами, изъ которыхъ самая замѣтная представляла женское лицо съ огромнымъ носомъ и съ бородавкой, которую прибавили къ труду живописца мухи.

Эта красавица лежала на кровати, въ комнатѣ, списанной съ спальни какого-нибудь проказника, и держала въ рукахъ своихъ красную эпанчу....

Хозяинъ привелъ ихъ въ эту комнату, и самодовольно улыбнулся, будто онъ привелъ ихъ въ-самомъ-дѣлѣ въ чертогъ. Дмитрій Александровичъ приказалъ распорядиться чаемъ, и началъ хлопотать, какъ бы отыскать обозъ. Онъ послалъ кучера и дворника бѣгать и разспрашивать по се-

ду; потому, когда хозяинъ сказалъ, что всѣ обеды остаются у Парфена, что напротивъ, не вытерпѣвъ, и пошелъ самъ.

— Ты подожди, Анюта, да какъ самоваръ принесутъ, такъ залей чай, сказалъ Дмитрій Александровичъ.... И вмѣстѣ съ хозяиномъ ушелъ.

Анюта осталась одна.

Она осмотрѣла комнату, — выходъ былъ только одинъ, въ биллиардную, откуда слышался стукъ вилами, ножами и стаканами. Она отворила окно, и со страхомъ отодвинулась передъ темной глубокой пропастью, которая ей представлялась. Анюта прошлась по комнатѣ еще разъ, — все было тихо, только изъ биллиардной слышался говоръ, а на полу Анюта замѣтила красноватые слѣды.

Воображеніе ея лихорадочно разыгрывалось; оно представляло ей то мрачное ущеліе, съ его обитателями, то...

— Ну что если? подумала она, и ей стало страшно. Ну что, если Владиміръ попадетъ туда... Анюта обмерла отъ ужаса.

А въ глазахъ у ней, будто нарочно, мелькалъ образъ Владиміра. Она вспоминала любовь его! Думала, какъ сдѣлаетъ онъ ее счастливою!... Анюта будетъ благодарна ему за счастье; въ свою очередь, она окружитъ его угодливіестью, попеченіями, любовію, — въ свою очередь создастъ его счастье, и будетъ счастлива тѣмъ, что онъ счастливъ. А она стоить счастья! Въ груди своей Анюта ощущаетъ всю безконечную твердость женщины посвятить себя любви къ мужу, посвятить себя на постоянную, страстную преданность, которою она замѣнитъ для мужчины цѣлый міръ.... Ну, а что, если эти пятна, — его кровь?...

Анюта лихорадочно дрожала.

Въ биллиардной о чемъ-то спорили, шумъ увеличивался; видно было, что спорящіе выходили изъ себя.

Анюта подошла къ дверямъ, приложила глазъ свой къ замочной скважинѣ, и отскочила въ ужасѣ. Она увидѣла тамъ тоже глазъ, — чужой глазъ, который тоже смотрѣлъ сквозь замочную скважинку въ комнату Анюты.

Анюта съ невыразимымъ страхомъ смотрѣла на дверь.

— Ну вдругъ дверь отвернется — и войдетъ.... Анюта дрожала при одной мысли.

Въ биллиардной шумъ увеличивался, и между многими голосами ясно раздались слова, произнесенныя сиповатымъ прикомъ:

— Я тебѣ говорю одна! Только одна!...

— Какъ одна? отвѣчалъ другой густымъ басомъ.

— Ну да, одна....

— Такъ, я.... вскрикнулъ сиповатый голосъ съ совершеннымъ увлеченіемъ.... За тѣмъ нѣсколько словъ нельзя было разобрать, потому-что всё шумѣли.

— Эка оря,—велика птица, — не видали такихъ! закричалъ дышкантъ, перекрикивая другихъ: — когда говорятъ что одна!

— Онъ ушелъ....

— Ну — да, ушалъ! такъ я хочу.... Да что вы вы-самомъ-дѣлѣ,—на васъ, что-ли, смотрѣть?...

— Одна, такъ и толковать нечего! наконецъ сказалъ кто-то рѣшительно,—и послышались шаги къ двери.

Анюта сама не знала, что сдѣлалось съ ней. Кровь въ ней вся закипѣла, въ глазахъ мелькнули свирѣпыя лица.... Не сознавая себя, съ какимъ-то лихорадочнымъ инстинктомъ самохраненія, она, своими маленькими ручками, схватилась за диванъ,—съ неестественнымъ усиліемъ притащида его къ двери. Анюта не замѣтила, что дверь отворилась не въ комнату, а изъ комнаты, слѣдовательно, диванъ не могъ помѣшать отворить ее; она заставила дверь диваномъ, на диванъ поставила еще небольшой столикъ, поставила стулъ,—хотѣла поставить и другой стулъ, какъ вдругъ услышала еще новые голоса:

— Тамъ? спрашивалъ кто-то.

— Тамъ! отвѣчалъ опять сиповатый голосъ.

— Одна?

— Одна. — Ступайте!...

Раздалось нѣсколько торопливыхъ шаговъ; ручка двери зашевелилась.

Анюта судорожно сжала стулъ въ рукахъ своихъ, и приготовилась бросить его въ голову злодѣя, который войдетъ.

Дверь открылась; Анюта стояла съ приподнятымъ стуломъ, рѣшаясь обороняться до послѣдней крайности.

— Что съ тобой, Анюта? спросилъ Дмитрій Александровичъ, отворивъ двери и поглядывая то на диванъ, столъ и стулъ, которые стояли поперегъ, то на дочь. Сзади Дмитрія Александровича шелъ Владиміръ. Онъ не утерпѣлъ, чтобы не выгнать навстрѣчу своей невѣстѣ. Владиміръ ту же секунду перескочилъ черезъ диванъ, бросился къ Анютѣ, поцѣловалъ ея хорошенькую ручку, и тоже спросилъ:

— Анюта, милая Анюта, что съ тобой?

Анюта не могла придти въ себя отъ изумленія: стулъ она выпустила изъ рукъ, и въ увлеченіи бросилась на грудь Владиміра.

— Это ты, Владиміръ? говорила она съ важностію, подавая руку своему жениху и скрывая на его груди свое личико....

А въ билиардной спорили:

— Я говорилъ вонъ ему, что одна, онъ не слушаетъ, а вѣдь правило до трехъ....

— Да когда ушелъ?...

— Что жъ, что ушелъ? — все до трехъ!...

И. СЛХОНЕНЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА СОММЕРВИЛЬ.

(Романъ Жюль Сандо)

ЧАСТЬ II.

I.

«Возвратясь домой,—такъ продолжалъ Максимъ свой разсказъ,—я нашелъ Альберта возлѣ моей сестры. У Нанси осталось неясное воспоминаніе прошедшей ночи; это воспоминаніе казалось ей скорѣе отголоскомъ ея воображенія, нежели впечатлѣніемъ, оставленнымъ дѣйствительностью. Когда она вмѣстѣ съ Альбертомъ узнала о непредвидѣнномъ отъѣздѣ Коммервилль, едва примѣтная розовая краска покрывала ея блѣдыя щеки, и взглядъ ея устремился съ тоской на молодого человѣка. Подъ этимъ безпокойнымъ, ревнивымъ взгля-

домъ, Альбертъ сохранилъ спокойствіе и равнодушіе; его безстрастное выраженіе лица не открыло чувствъ его души. Онъ долго шутилъ, непринужденно и безъ усилія, надъ фантазіями Авреліи, показалъ только небольшое безпокойство при мысли объ опасностяхъ ея путешествія во-время морозовъ, спросилъ безъ особеннаго вниманія о времени предполагаемаго возвращенія; когда же онъ услышалъ отъ меня о поклонѣ, который г-жа Соммервиль просила меня передать ему, когда онъ узналъ, что Аврелія возвратится въ Анзёмъ не раньше какъ онъ уѣдетъ въ Парижъ, и что онъ не долженъ болѣе видѣть женщину, которую онъ любилъ,—выраженія этихъ сожалѣній были такъ равнодушны, такъ вѣжливы; въ его взглядѣ и словахъ было столько скромности и приличія, что при видѣ такой легкой покорности—Нанси чувствовала сильную радость, и я самъ сомнѣвался въ новой страсти Альберта, зная, какъ Альбертъ былъ нетерпѣливъ, вѣнчалъ чуждымъ горемъ, и какъ искусно управлялъ волненіями своей души. Не находя Авреліи въ нашей деревнѣ, онъ все также постоянно продолжалъ ѣздить къ намъ, въ продолженіе всего времени до отъѣзда. Сестрѣ моей онъ оказывалъ столько нѣжнаго вниманія и заботливости!... Это чувство было не такъ сильно, какъ любовь, но нѣжнѣе дружбы. Нанси, которую не тревожило болѣе присутствіе г-жи Соммервиль, возвращаясь къ жизни; и оба мы еще надѣялись, потому-что надежда похожа на растеніе, распускающееся даже на камнѣ; она цвѣтетъ въ сердцахъ самымъ бесплоднымъ.

Послѣдніе дни были употреблены на переговоры о видахъ Альберта въ будущемъ. Я ему безъ огорченія напомнилъ о слѣдствіяхъ его перваго пребыванія въ Парижѣ, и умолялъ его не тратить своей молодости на пустую восторженность.

— Ты видѣлъ, сказалъ я ему, какъ наши пчелы во-время грозы и сильнаго вѣтра возвращаются въ свой улей съ маленькими камешками подъ крыльями, для того, чтобы вѣтеръ не унесъ ихъ. Молодость похожа на этихъ пчелъ; ее легко унести малѣйшій вѣтеръ, если подъ крыльями у нея не будетъ балласта. Балластъ этотъ доставится ей постояннымъ трудомъ. Безъ серьезнаго и долгаго ученія молодость вѣчно носится во-волѣ прихотей и непостоянства; до-тѣхъ-поръ пока упадетъ безъ силъ и безъ жизни. Откажись же, другъ мой, отъ пустыхъ трудовъ, отъ легкой работы, достоинства слабыхъ умовъ; примись смѣло за истинную науку жизни. Питайся, какъ Ахиллесъ, мозгомъ львовъ и медвѣдей. Ты еще молодъ и можешь слѣвать это. Но торопись, потому-что время скоро пройдетъ.

Ты еще въ томъ возрастѣ, когда жизнь, мягкая и докая, принимаетъ всѣ формы, всѣ оттѣнки и отпечатки; послѣ этотъ воскъ сдѣлается жесткимъ и твердымъ, и ты не сомнешь его по своей волѣ; и когда наконецъ, недовольный всякою формою, принятою имъ, ты захочешь сдѣлать изъ него строгое и благородное изваяніе, онъ будетъ противиться всѣмъ твоимъ усиліямъ. Тогда сожалѣнія твои будутъ горьки, упрёки тяжелы, униженіе глубоко. Напрасно будешь ты стараться освободиться изъ твердой оболочки, славящей тебя со всѣхъ сторонъ. Съ горестью обратишься ты къ прошедшему, и скажешь вмѣстѣ съ поэтомъ:

«О, еслибы небо возвращало намъ прожитые дни!»

И это будутъ напрасныя сожалѣнія, тщетныя упрёки; мы будемъ нести до гроба въ печали нашу страдальческую участь, которую сами себѣ приготовили.

Альбертъ слушалъ меня спокойно, и даже поблагодарилъ. Нанси присоединила нѣжныя просьбы къ моимъ совѣтамъ, и онъ, казалось, принималъ ихъ почти съ любовью. Довѣренность и радость какъ-будто вернулись подъ нашу кровлю. Однако же между нами не было ни воспоминаній о прошедшемъ, ни надеждъ въ будущемъ. Ни одно слово не напоминало о союзѣ, который нѣкогда былъ предметомъ нашихъ мечтаній. Мы заботились только о счастіи Альберта, и никто изъ насъ не говорилъ о томъ, что соединило наши участи въ одну. Повидимому эта цѣпь еще существовала между нами, но въ глубинѣ сердца мы чувствовали, что она готова разорваться, если чья-нибудь рука захочетъ насильно удержать ее.

Маркиза Соммервиль сама не рѣшалась на это. Когда сердечныя связи оканчиваются развлеченіемъ, неизбѣжною во всякой любви, друзья, бывшіе свидѣтелями развитія этой страсти, почти всегда стараются продлить ея существованіе: увлеченію кѣсочно похвальнымъ намѣреніемъ, они хотятъ сдѣлаться примирителями между разъединяющимися сердцами, и находятъ всегда средство растравить раны, вмѣсто того, чтобы залечить ихъ. Но истинные друзья, въ подобныхъ обстоятельствахъ, молча смотрятъ на тяжкую агонію умирающаго счастія, и плачутъ надъ прахомъ его.

Безуменъ тотъ, кто старается воскресить погасшую любовь! Любовь похожа на нить паутины; перервавъ ее однажды, не свяжешь никакимъ узломъ...

Мы часто говорили объ отсутствующей Соммервиль, Альбертъ вспоминалъ объ ней спокойно, Нанси тревожно. Оба

искала причину ея страннаго, внезапнаго отъезда, одинъ же показывая вида, какъ это его занимаетъ, другая съ видимымъ безпокойствомъ. Я, знаяшій страданія этой взволнованной души, тихо молилъ Бога, чтобы Онъ послалъ навстрѣчу бѣдной путешественницы менѣе холодный вѣтеръ и не такой обледенѣлый снѣгъ.

Отъездъ Альберта былъ назначенъ 10-го ноября; 15-го онъ долженъ былъ уже записаться въ Парижъ на слушаніе лекцій.

Съ-тѣхъ—поръ, какъ онъ въ первый разъ покинулъ насъ—прошелъ только годъ: менѣе чѣмъ въ двѣнадцать мѣсяцовъ исчезло наше счастье. Какъ были далеки отъ насъ дни, въ которые я жилъ спокойно, одинъ съ сестрою, вдали отъ свѣта! Ясные дни мира, тишины и уединенія—куда скрылись вы?

Счастіе покинуло нашу кровлю въ тотъ день, когда чуждый намъ пришелецъ сѣлъ за нашъ столъ; съ нимъ вмѣстѣ проникли въ нашу хижину всѣ несчастія. Тамъ, гдѣ были одни простыя и добрыя сердца — поселились всѣ уточенности любви, ревности, подозрительности. Необузданныя страсти закипѣли въ стѣнахъ, гдѣ жила только одна братская нѣжность.

Если вы встрѣтите гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, въ пустынномъ уединеніи счастье между двумя братскими и чистыми душами—скройте его отъ взоровъ толпы, оставьте ему его уединеніе, не призывайте пришельца полюбоваться на его тихую картину. Одинъ чужой взглядъ можетъ возмутить это счастье.

Альбертъ готовъ былъ уѣхать. Еще нѣсколько дней, и присутствіе его перестало бы поддерживать въ сердцѣ Нанси пламя, его поживавшее, и это пламя могло бы погаснуть безъ пищи. Наконецъ насталъ день, котораго страшилась Нанси, который я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, Альбертъ съ такимъ равнодушіемъ.

Наканунѣ своего отъезда онъ не пришелъ къ намъ. Отсутствіе его не удивило насъ. Хлопоты и заботы, неразлучныя со всякимъ путешествіемъ, извиняли его въ глазахъ Нанси.

На другой день мы ждали его все утро: онъ не являлся. Сестра моя и я стали безпокоиться, и я собрался уже идти къ нему, когда чьи-то шаги послышались подъ нашими окнами. Нанси не узнала шаговъ Альберта, и поднялась дрожа съ постели. Я самъ, взволнованный смутными предчувствіями, бросился на встрѣчу пришедшему, и столкнулся съ нимъ въ двѣ-

рякъ. Это былъ крестьянинъ изъ Анзема, съ глупой и зловѣщей физиогноміей.

— Гдѣ Альбертъ? спросилъ я въ испугѣ.

Посланный не отвѣчалъ ни слова, но вынувъ письмо изъ кармана, отдалъ его мнѣ и ушелъ.

Я узналъ по адресу почеркъ Альберта, сломалъ печать, разорвалъ конвертъ, но готовясь читать, остановился. Я почувствовалъ, что на лбу моемъ выступаетъ холодный потъ.... Наконецъ я собрался съ силами, и прочелъ это письмо. Я могу повторить его отъ слова до слова, потому-что не забылъ его.

Вотъ что заключалось въ этомъ письмѣ:

II.

«Максимъ я не ѣду. Это намѣреніе не ново; оно не внушено ни страстью, ни капризомъ. Долго обдумываемое, оно давно уже рѣшено, и моя медленность увѣдомить васъ объ этомъ будетъ доказательствомъ долгой борьбы, которую я вытерпѣлъ, прежде чѣмъ могъ объявить вамъ это рѣшеніе, вамъ, чей строгій образъ мыслей мнѣ азамомъ, вамъ, другъ мой, чью чувствительность я испыталъ, чья благосклонность мое лучшее богатство, вамъ, Максимъ, брату Нанси. Я не поѣду.

«Теперь я болѣе не колеблюсь, и не отрекусь ни за что, отъ своего намѣренія. Вы знаете, что во мнѣ есть энергія, потому-что я поступилъ въ этомъ противъ своего сердца, говорившаго въ вашу пользу. По этому не для того, чтобъ предупредить ваши возраженія, хочу я представить вамъ причины, заставившія меня рѣшиться на этотъ поступокъ. Не надѣясь заслужить вашего одобренія за мой планъ, я хочу только убѣдить васъ въ томъ, что не слѣдовалъ въ этомъ случаѣ дѣтскимъ и поэтическимъ фантазіямъ. Взгляните моими глазами на вещи, и мое отвращеніе къ цѣли, которую вы мнѣ предназначали, покажется вамъ справедливымъ; поставьте себя на мое мѣсто: вы найдете это отвращеніе непобѣдимымъ.

«Вы меня послали въ Парижъ, хотя я и предчувствовалъ скуку, ожидавшую меня тамъ; какъ отецъ, у котораго нѣжность

замѣляетъ силу, вы не слушали ни моихъ, ни вашихъ сожалѣній; вы мнѣ сказали: поѣзжайте.... я уѣхалъ.

«Вы знаете, сколько горя стоило мнѣ васъ оставить; ваша печаль, дурно скрытая при всей вашей энергій, высказывалась противъ васъ и проникала въ мое сердце. Вспомните, сколько мы страдали всѣ трое; подумайте о жертвѣ, которую я принесъ тогда вамъ и ей, и вы поймете, что я имѣлъ бы довольно терпѣнія принести и другую жертву, если бы надѣялся этимъ достигнуть цѣли.

«Мои письма объяснили вамъ уныніе и скуку, которыя сначала преслѣдовали меня въ Парижѣ. Вы сами, бывши въ этой шумной пустынѣ, почувствовали, какъ и я же, эту утомительную тяжесть, которую можно облегчить только удовольствіями или трудомъ. Я презиралъ первое изъ этихъ двухъ средствъ, и скоро узналъ недостаточность втораго. Съ-тѣхъ-поръ я привыкъ къ этому состоянію страданія; я принималъ его за нормальное положеніе, и предаваясь ученію для него самого и для цѣли, имъ доставляемой, съ рѣшительностью погружился въ изысканія правовѣднія. Напрасно старался я хвалить его важность, напрасно повторялъ я главную форму этой науки: защищать противъ, покровительствовать угнетенныхъ,— мое природное равнодушіе превратилось скоро въ обдуманное презрѣніе, и на этотъ разъ опытность утвердила во мнѣ предубѣжденіе.

«Я чувствовалъ впрочемъ весьма слабое влеченіе къ званію адвоката, которое еще за годъ до того мнѣ казалось такимъ благороднымъ, возвышеннымъ. Часто, послѣ моего возвращенія, мы вмѣстѣ разсуждали о моральномъ и общественномъ достоинствѣ путей, избранныхъ мною; все, что я говорилъ вамъ тогда, должно было васъ приготовить къ объясненію, которое я дѣлаю сегодня. Вы видите, что мнѣ нельзя принять ни одну изъ этихъ должностей. Я хочу надѣяться, Максимъ, что доказательства мои убѣдятъ васъ, если не въ непогрѣшимости моихъ сужденій, по крайней-мѣрѣ въ правотѣ моихъ правилъ.

«Рѣшась оставить изслѣдованіе законовъ, я понялъ, что былъ не правъ выбравъ это занятіе безъ разбора, и чтобы не продлить времени моего испытанія въ безплодныхъ опытахъ, хотѣлъ посвятить остатокъ года тщательному изслѣдованію всѣхъ сторонъ нашего общественнаго быта. Въ продолженіе восьми мѣсяцовъ, я употреблялъ дни ночи на эти скучныя изысканія. При каждомъ новомъ изслѣдованіи, я надѣялся найти во мнѣ жажду, способность, стремленіе: но на дѣлѣ желаніе не оправ-

валось, ни одинъ голосъ не возставалъ во мнѣ, или лучше сказать всѣ желанія, толпились во мнѣ, я слышалъ миллионы голосовъ, раздававшихся въ моихъ ушахъ. Всѣ славы призывали меня, улыбались мнѣ, бросали мнѣ цвѣты; я былъ живописцемъ въ музеѣ, поэтомъ въ театрѣ, трибуномъ въ палатѣ, воиномъ въ карусели, когда знамена проходили подъ звуки военныхъ литавръ, я былъ все... Къ-несчастью, я не былъ ничѣмъ.

«Не говорите мнѣ, другъ мой, что восьми мѣсяцевъ не довольно для такихъ важныхъ наблюдений. Вы знаете, что и въ Анзамѣ я не остался чуждъ умственному движенію нашего времени: поэтическое и общественное преобразование живо занимало меня; я зналъ всѣ системы, книги, программы; мнѣ оставалось только судить жрацовъ, поэтовъ и законовѣдцовъ, докончить изслѣдованіе вещей познаніемъ людей: это изслѣдованіе повлекло за собою разочарованіе всякаго рода.

«Я боролся однако... Иногда цѣль труда, который я себѣ предписалъ, ослѣпляла меня въ моемъ безсиліи, иногда она дѣлалась мнѣ; я ставилъ себѣ долгомъ противиться прежде чѣмъ объявить себя слабымъ. И такъ, въ уединеніи и въ бѣдности, посреди сердечныхъ волненій, покушеній на самоубійство, и сильнаго влеченія къ еще неизнаннымъ радостямъ жизни, я на все покушался, все невѣдалъ, и каждый разъ чувствовалъ, какъ быстро скользилъ по длинному пути, который старался пройти.

«Я не обвиняю ни вѣкъ, ни судьбу, никого: я обвиняю только самаго себя. Однако, если бы я родился въ мирное, спокойное время, гдѣ каждое назначеніе находить свое мѣсто, гдѣ каждое существо имѣетъ свою долю счастья на землѣ, можетъ-быть тогда, съ чистою совѣстью, съ ревностными намереніями, оживлявшими меня, я могъ бы создать произведенія, на которыя чувствовалъ себя способнымъ, и возвыситься терпѣніемъ, трудомъ и волею до значенія, достойнаго моихъ добрыхъ стремленій. Но что же дѣлать, когда мы родимся изволнованными и безпокойными, какъ рой пчелъ, выведенный въ ульѣ слишкомъ тѣсномъ? Что дѣлать, если мы чувствуемъ себя увлеченными, отталкиваемыми, осужденными беспорядочной, жадной толпой, когда судьба безъ разбора и размышленія возводитъ насъ на высоту или бросаетъ въ пропасть? Кто будетъ довольно силенъ; чтобы проложить себѣ дорогу въ этомъ шумѣ? Какія крѣпкія плечи надо имѣть; чтобы выдѣлаться изъ такой тѣсноты?...

«Въ Парижѣ я не принялъ никакого рѣшенія: я хотѣлъ судить изъ далека о всемъ, что видѣлъ вокругъ себя. Я обвинялъ печальное состояніе антипатіи и отвращенія ко всему, въ которое меня вовлекла эта шумная жизнь, и надѣялся что, возвратясь къ моимъ тихимъ привычкамъ, къ счастью быть вмѣстѣ съ вами, къ пріятнымъ впечатлѣніямъ любимыхъ предметовъ, я примирюсь съ людьми, съ предметами и самъ съ собою. И я снова увидѣлъ наши лѣса и горы; я искалъ въ поляхъ, гдѣ выросъ, веселую довѣрчивость моихъ прекрасныхъ дней....

«Первымъ дѣйствіемъ этого вновь найденнаго счастья было то, что я сталъ ненавидѣть новую жизнь, которая меня очаровала сначала; но потомъ разсудокъ открылъ мнѣ истину, которую строгость моихъ идей не позволяла мнѣ видѣть: по каждой изъ этихъ дорогъ, покрытыхъ надутымъ ничтожествомъ и униженными талантами, человѣкъ, одаренный сильной организаціей, можетъ идти одинъ смѣло и независимо, приобрести славу и сохранить собственное достоинство. Но я вскорѣ узналъ, что безъ достоинствъ, необходимыхъ для человѣка высшего, успѣхъ, при благородныхъ условіяхъ, невозможенъ. Съ тѣхъ-поръ я рѣшился изслѣдовать, безъ гордости, безъ униженія, могу ли я быть этимъ сильнымъ человѣкомъ. Вывѣдавъ всѣ склонности моего сердца, испытывъ всѣ мои способности, приведя въ движеніе всѣ пружины моего существованія, моя бѣдная, колеблющаяся натура показала мнѣ во всей ея слабости. Максимъ, знаете ли, что я такое? Что-то несовершенное, безъ воли, безъ энергіи, безъ влеченія къ собрату, съ неровнымъ характеромъ, несчастное существо, способное скоро предаться унынію и неспособное къ счастью. Вотъ кого любилъ вы, Максимъ, кого должны еще любить. Но будете ли вы имѣть довольно твердости, и не бросите ли вы того, кто самъ оставляетъ себя?...

«Не ободрите меня. Я самъ себя болѣе не могу вѣрить: мое безсиліе доказано мнѣ. Есть ли хоть одно испытаніе, которому бы я отказался покорить мой разумъ? Не старался ли я по-эзією достать себя какое-нибудь мѣсто въ свѣтѣ, когда видѣлъ, что не было ни одного дѣйствительнаго средства быть достойнымъ вашей сестры? Но какъ во всемъ остальномъ, я напрасно испытывалъ себя и въ этомъ. Нѣжность впечатлѣній, которыя я получалъ отъ Нанси, память моего дѣтства, котораго воспоминаніе я сохранилъ въ моемъ сердцѣ, таинственная любовь, которую я чувствовалъ къ неизвѣстной мнѣ матери, всѣ эти ощущенія души страдальческой и нѣжной ускользали отъ меня,

какъ скоро я хотѣлъ ихъ достигнуть, и напрасно призываю я, чтобы удержать ихъ вдохновеніе, талантъ, гений поэта.

«Максимъ, я ни за что не поѣду!... Я не хочу увеличивать въ Парижѣ толпу жалкой посредственности, враждующей между собою за землю, на которой она топчется; я хочу жить и умереть въ Анземѣ. У меня нѣтъ болѣе ни желаній, ни нужды: я всегда буду имѣть достаточно, чтобы жить въ этой бѣдной странѣ. Что стану я дѣлать въ этомъ мѣрѣ, откуда потомъ бы вышелъ съ ненавистью въ сердца и съ роптаньемъ на устахъ? Повѣрьте мнѣ, лучше оставить его, какъ теперь, безъ сожалѣнія, но и безъ отвращенія, слишкомъ хорошо понимая его, чтобы любить, и не довольно зная, чтобы ненавидѣть его, чѣмъ провести нѣсколько лишнихъ лѣтъ въ борьбѣ и бѣдствіи, чтобы послѣ того вынести изъ него угрюмый нравъ и разстроенную душу.

«Пожалуйте же обо мнѣ, другъ мой! Вы знаете, люблю-ли я васъ, вы знаете, цѣню-ли я сокровище, которое вы сберегли для меня, вы поймете: для того, чтобы отказаться отъ него, надобно, чтобы я былъ увѣренъ, что я его не стою; вы чувствуете, сколько я страдаю. Если вы меня почтете виновнымъ, то, вспомнивъ о счастьи, которое мнѣ было назначено, вы найдете, что я довольно наказанъ.

«Что касается до меня, я не жалю болѣе о себѣ; я перенесу, если не бодро, то, по-крайней-мѣрѣ, съ покорностью участь которую себѣ приготовилъ: я также одинъ пойду по пути страданія, останавливаясь иногда полюбоваться долиною, лежащею у ногъ моихъ, гдѣ я могъ бы жить съ моею молодою подругою, моею любовью; я увижу сквозь деревья дышъ отеческой кровли. Наися найдетъ въ другой любви, болѣе достойной ея, счастье, которое я не умѣю оцѣнить; ея дѣти будутъ играть вокругъ ея; другой образъ, благороднѣе и милѣе, изглядитъ меня изъ вашихъ сердецъ, и вы Максимъ, вы дадите другому нѣжное имя брата, отъ котораго я отказываюсь въ настоящую минуту; я увижу все это, и утѣшенный картиною вашихъ радостей, я понесу мой крестъ, и безъ ропота буду продолжать мое трудное путешествіе. Съ этого времени я не имѣю болѣе права сожалѣть о самомъ себѣ, и хочу имѣть въ будущемъ только одно право—любить васъ всегда.»

III.

Таково было письмо, присланное мнѣ Альбертомъ, Я, можетъ быть, замѣнилъ его слогъ, но память моя вѣрно передала вамъ его смыслъ. Въ другихъ обстоятельствахъ это тщеславное ребячество заставило бы меня улыбнуться изъ жалости; но оно тяготило меня въ настоящемъ случаѣ; я сейчасъ предлагаю, что трудно будетъ передѣлать и покорить упорство Альберта остаться въ Анземъ, потому что о причинѣ этого неожиданнаго рѣшенія нельзя было спорить. Эта причина, о которой письмо моего воспитанника не говорило ни слова, вы ее, безъ сомнѣнія, угадали: вы легко замѣтили въ этихъ зануточныхъ фразахъ нить, приводившую ихъ въ движеніе; вы уже пронесли слово, котораго нѣтъ ни въ одной изъ этихъ фразъ, и которое однако объясняетъ ихъ всѣ; вы, какъ и я, на каждой строчкѣ искали нити, которое было скрыто; и если вы помните видимое равнодушіе съ которымъ Альбертъ выслушалъ извѣстіе объ отъѣздѣ Сомервилль, если вы вмѣстѣ со мною удивлялись беззаботности, которую показалъ тогда нашъ пылкій другъ, то со мною вмѣстѣ вы поймете теперь, что покорность Альберта не была нисколько удивительна, если уже онъ рѣшился до этого не оставлять деревни. Онъ зналъ, что г-жа Сомервилль уѣзжала только на нѣсколько дней, и что по возвращеніи въ Анземъ ей не придется сожалѣть ни объ одномъ отсутствующемъ другѣ.

Я потомъ узналъ, что происходило въ сердцѣ Альберта въ продолженіе этихъ дней. Уже давно занимала его мысль не возвращаться въ Парижъ. Эта мысль, казавшаяся ему прежде неясной, дерзительной при дѣйствительныхъ неудачахъ, которыя онъ встрѣтилъ въ началѣ жизни, приняла видъ болѣе ясный со дня, въ который онъ полюбилъ г-жу Сомервилль, и утвердилась въ его умѣ въ то самое утро, когда я объявилъ объ отъѣздѣ Авреліи. Это путешествіе, предпринятое вдругъ, въ холодное время, заняло его; онъ искалъ причины его съ тайнымъ жаромъ, и между тысячью мыслей, которыя толпились въ немъ, мысль, что наконецъ Аврелія поняла его любовь къ ней, и что ея отъѣздъ былъ не что иное, какъ бѣгство, поселилась въ его умѣ, тихо, таинственно,

Почти непримѣтно, легкой тѣнью надежды, также неуловимой, какъ парь, носящійся по утрамъ надъ водою.

Окончивъ письмо Альберта, я возвратился къ Нанси, и выдумалъ, чтобы успокоить ее, не помню какую причину о долгомъ отсутствіи моего воспитанника: переговоры о дѣлахъ принудили его отложить поѣздку на нѣсколько дней; его присутствіе было необходимо для скрѣпленія какого-то акта.... не помню, что я сочинилъ. Когда Нанси совершенно убѣдилась, я поѣхалъ въ домъ Альберта, которому долженъ былъ заступить мѣсто друга, покровителя и брата.

Пріѣхавъ туда, я узналъ, что Альберта не было дома, и что по-крайней-мѣрѣ недѣля пройдетъ до его возвращенія; наканунѣ онъ отправился въ замокъ молодого графа ***, котораго зналъ давно, и оба должны были отправиться на охоту за кабанями.

Графъ Августъ, раззорившійся дворянинъ, пользующійся дурною славою въ этой сторонѣ, былъ скептикъ и насмѣшникъ, и симпатизировалъ съ Альбертомъ только въ глубокой грусти. И потому-то между имъ и моимъ воспитанникомъ установилась связь, въ которой болѣе мѣняются идеями, нежели чувствомъ, гдѣ вѣжливость сношеній замѣняетъ сердечныя изліянія. Связь эта бываетъ часто продолжительнѣе самой дружбы, потому-что не подвержена простотѣ сношеній, бывающей причиною охлажденія всякой истинной дружбы. Августъ и Альбертъ сошлись, чтобы пожалѣть другъ-друга, и было что-то странное въ сообщеніи двухъ молодыхъ людей, громко жаловавшихся на судьбу, одинъ за то, что не имѣлъ никакого имени, другой за то, что имѣлъ громкое имя.

Я возвратился почти съ радостью, не найдя Альберта: наше общее положеніе было такъ неловко, что я не зналъ, какой видъ долженъ былъ принять и какую роль мнѣ надобно было играть. Что сказалъ бы я Альберту? Что его назначеніе необдуманно, и что письмо, которое онъ мнѣ написалъ, не имѣло здраваго смысла? Онъ зналъ это, вѣроятно, также хорошо, какъ и я. Что дѣлать и чѣмъ рѣшить? Что можетъ случиться по возвращеніи Аврелии? Всѣ четверо мы имѣли одну тайну, и каждый изъ насъ думалъ, что знаетъ эту тайну одинъ. Какія столкновенія, какія событія должны были произойти отъ этого? Г-жа Соммервиль осмѣлится ли появиться снова въ нашъ домъ? Будетъ ли она принимать Альберта? Какого рода обязанности предстоитъ мнѣ въ отношеніи къ Нанси, къ моему воспитаннику и къ самой Соммервиль? Я долго старался распу-

татъ перемѣшанныя вѣти нашей будущности; потомъ, обезсиленный напрасными попытками, просилъ Бога вывести насъ изъ этого затруднительнаго положенія.

Въ продолженіе этого разсказа, мнѣ часто случалось упоминать о происшествіяхъ, которыхъ я не видалъ, передавать чувства, которыхъ я не испытывалъ; подробности этого разсказа, при которыхъ я самъ не присутствовалъ, мнѣ были переданы въ-послѣдствіи также какъ въ-послѣдствіи мы открыли другъ другу тайныя чувства и мысли, которыя каждый изъ насъ таинственно сохранялъ въ то время въ своемъ сердцѣ. Не удивляйтесь же, если я вамъ буду разсказывать сцены, въ которыхъ я не былъ даже свидѣтелемъ; забудьте на минуту, что я также былъ замѣшанъ въ печальной драмѣ, которую вы слушаете; смотрите на меня, какъ на отвлеченный предметъ; вообразите себѣ, что вы одинъ, разбираете неполныя страницы худо написанной тетради; можетъ-быть, тогда разсказъ получитъ, если не болѣе интереса, но-крайней-мѣрѣ болѣе дѣйствительности.

Тутъ Максимъ прервалъ свой разсказъ. Горестныя воспоминанія и сильныя волненія, которыя пробудило въ немъ это повѣствованіе, утомили его болѣе, нежели продолжительность разсказа. Видъ его былъ страдальческій, блѣдность покрывала его лицо.

— Другъ мой, сказалъ ему молодой человекъ, который спокойно и внимательно слушалъ разсказъ: вѣтеръ поднимается и вечерній мракъ покрывъ уже тополи Крезы; я боюсь за васъ этой ночной свѣжести и сырости этихъ береговъ.»

— Вы правы! сказалъ Максимъ, вставая, войдемте въ залу замка, наше присутствіе тамъ теперь никому не помѣшаетъ.

При этихъ словахъ онъ толкнулъ дверь; при первомъ усилии она отворилась, и онъ провелъ своего друга въ залу фамильныхъ портретовъ. Ставни были отворены; лунный свѣтъ, мѣстами скользяшій въ комнату, отдѣлялъ блистающими гирляндами раззолоченныя бордюры готическихъ рамокъ, бросалъ на обои разнаго рода отраженія свѣта, отдыхалъ на спящемъ Эндиміонѣ, или набрасывалъ серебристое покрывало на Диану, выходящую изъ воды и превращающую Актеона, въ оленя.

Амуры, изображенные на потолкѣ, поддерживали люстру, которой хрустальныя вѣтви качались въ воздухѣ съ удивительнымъ блескомъ. Альбомы, которые разбиралъ Альбертъ лежали на фортепiano; виноградная вѣтвь, которую Аврелія употребляла вмѣсто хлыстика, висѣла на стѣнѣ; маленькій книжаль съ ручкой изъ чорнаго дерева, защищавшій г-жу Соммервиль въ ея путешествiяхъ, былъ повѣшенъ на рамкѣ зеркала.

Фортепiano было открыто, и когда два друга остановились посреди комнаты, можно было бы сказать, видя ихъ ужась, что клавиши издали нѣсколько печальныхъ звуковъ, или что присутствiе незнакомцевъ заставило улетѣть блѣдныя тѣни Нанси и г-жи Соммервиль.

Максимъ отворилъ дверь, закрытую обоями въ глубинѣ залы: дверь вела въ спальню г-жи Соммервиль. Они оба проникли въ эту комнату, дышавшую еще роскошью вѣка Людовика XV. Карнизъ потолка округлялся на углахъ, и образуя какъ бы корзину цвѣтовъ висѣлъ въ видѣ арабескъ и фестоновъ; середина потолка была украшена мелкими фигурами, также какъ и карнизъ.

Стѣны внизу кончались гирляндю на сѣромъ грунтѣ и были обтнаны бѣлою матерiею съ нарисованными пагодами, кіосками, деревьями, птицами и красными индѣйцами.

Лунный свѣтъ, падавшiй прямо въ стекла окошекъ, освѣщаль раззолоченныя ручки дверей и позволялъ окинуть однимъ взглядомъ всѣ части мебелировки.

Каменьъ былъ большой, изъ бѣлаго мрамора съ жилами, Перекладина была сдѣлана въ видѣ лука, ножки у камня оканчивались лапами чудовища; чугунная доска посреди камня изображала гербъ Францiи; надъ каминомъ висѣло зеркало, не очень большое, въ золотой рамѣ, составленной изъ переплетенныхъ пальмовыхъ вѣтвей, тростника и цвѣтовъ; надъ зеркаломъ висѣла картина, изображающая яркими красками заходъ солнца.

Надъ каждой дверью висѣли картины, изображавшiя великолѣпные праздники на манеръ Ватто, Ланкре и Франсуа Буше; тамъ вы видите пастушекъ въ платьяхъ изъ атласа и моаре, съ напудренными волосами, въ фижахъ, въ башмакахъ съ красными каблуками, съ китовою костью въ корсетѣ, въ маленькой шляпкѣ, наброшенной на шиньонъ, съ посохомъ въ рукѣ; здѣсь вы видите пастуховъ въ бархатныхъ камзолахъ съ воротничками сизаго цвѣта, въ круглыхъ шляпахъ, въ парикахъ, перчаткахъ; въ рукахъ посохъ и флейта; далѣе пастушка, сидящая посреди своихъ барашковъ, а подлѣ нея пастушескѣ, пред-

лагающий ей гнѣздо горлицъ. Тамъ были изображены также животныя, охота, и картины Удры: дѣти отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, одѣтыя во французскій кафтанъ, со шпагою, въ парикъ, играющіе съ маленькимъ бѣлымъ кроликомъ; обезьяны, одѣтыя въ платья на манеръ Клода Жильо.

Противъ камина стояла мебель Шарля Буля, украшенная фигурами, вылитыми изъ мѣди, и инкрустаціями; надъ столикомъ изъ лучшаго мрамора висѣло большое зеркало, котораго совершенно вызолоченная рамка оканчивалась множествомъ изящныхъ вѣтвей, гнѣздъ и канарсекъ.

Кресла, бержерки и диваны были сдѣланы изъ сѣраго и золотистаго дерева и обиты вышивкой, кровать изъ такого же дерева, какъ и кресла, сѣраго и золотистаго; четыре колонны по угламъ возвышались въ видѣ колчана, наполненнаго стрѣлами, въ видѣ факеловъ Гиднея; вырѣзанный изъ дерева вѣнокъ на потолкѣ, надъ серединою кровати, поддерживалъ малиновые бархатныя занавѣсы, спускавшіеся вокругъ кровати.

На металлическихъ вазахъ, которыя украшали каминъ, былъ изображенъ амуръ, ужасенный пчелою и жалующійся Венерѣ, своей матери. Самые часы стояли на бѣломъ, мраморномъ пьедесталѣ, между группами дѣтей и фарфоровыхъ амуровъ.

Посреди комнаты стояла колонна изъ золотистаго дерева, на верху которой былъ прикрѣпленъ жирандоль съ восковыми свѣчами; свѣчи стояли также и въ раззолоченныхъ жирандоляхъ, вѣтви которыхъ вились надъ каминомъ, какъ будто для того чтобы смотрѣться въ зеркало.

Ковры были изъ Бове; нѣсколько портретовъ Ларжильера висѣло на стѣнѣ.

«Вся эта роскошь сказала Максимъ своему другу, нисколько не соответствовала простому вкусу г-жи Сомервилль; впрочемъ эта комната ей напоминала ея мать, а это воспоминаніе было ужасно для ея сердца. И потому она въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не смѣла входить сюда; она ушла изъ сюда только тогда, когда ходокъ заставилъ ее выйти изъ маленькой комнатки, выбранной ею по своему возвращенію, въ самомъ темномъ и отдаленномъ флигелѣ замка. Пойдемте, прибавилъ Максимъ, возвратимся въ сосѣдную залу: видъ этой комнаты мнѣ очень непріятенъ.»

Онъ сѣлъ оба на диванъ, и Максимъ въ слѣдующихъ словахъ продолжалъ начатый имъ разговоръ.

IV.

20-го ноября, въ темный зимній вечеръ, два путешественника верхомъ проѣхали въ галопъ деревню Анзема, и остановившись у рѣшетки замка. Они казались утомленными усталостью; ледяныя капли висѣли на гривахъ ихъ лошадей. При топотѣ лошадей, раздавшемся на террассѣ, люди г-жи Сомервилль прибѣжали къ рѣшеткѣ, съ зажженными факелами, и узнали свою госпожу. Всѣ окружили ее, и каждый согрѣвалъ поцѣлуями ея руки, оледенѣвшія отъ холода. Она отправилась въ свою комнату, сняла съ себя сырое платье, и закутанная въ шубу изъ чернаго атласа, отогрѣвала охолодѣвшіе члены большимъ огнемъ, который не переставалъ горѣть со дня ея отъѣзда. Была мнута, что она неволью взглянула на себя въ зеркало, висѣвшее надъ каминомъ.

Она очень перемѣнилась! Месяце чѣмъ въ мѣсяцъ, цвѣтъ лица ея превратился въ свинцовый, чело потеряло свою ясность, глаза ихъ блескъ; щеки ея впали, взглядъ былъ мутенъ, вѣки утомлены; болѣзненная, желтая тѣнь обрисовывала ея засохшія губы; сама она совершенно соднулась отъ горя и усталости.

Двадцать дней путешествія убили въ ней всю свѣжесть и красоту! Вамъ случилось, вѣроятно, видѣть, какъ поля наши иногда одѣвались весеннимъ нарядомъ при началѣ осени: готовое погаснуть, солнце еще бросаетъ нѣсколько благодатныхъ лучей; поля еще сохранили веселый видъ, молодыя кустарники пускаютъ новые отростки. Но при первой стужѣ, при первомъ подброскомъ морозѣ, весь этотъ блескъ блѣднѣетъ и исчезаетъ; въ одну ночь холмы и лѣса сбрасываютъ свои листья; вы очень удивлены, пробуждаясь и видя зиму на вашихъ поляхъ, гдѣ еще наканунѣ, казалось, начиналась весна.

Въ этотъ самый вечеръ, нѣсколько часовъ спустя по возвращеніи г-жи Сомервилль, путешественникъ гнѣдомъ входилъ въ деревню. Двуствольное ружье висѣло у него на плечѣ, двѣ собаки шли около него; его взглядъ былъ твердъ и рѣшительнъ, какъ у человѣка, который идетъ ночью по знакомой дорогѣ. Ничто не можетъ придать столько, смѣлости человѣку истинно храброму, какъ хорошее оружіе и увѣренность, что оружіе это можетъ лежать безъ дѣйствія въ

рукъ, которая его держитъ. Наша поступь принимаетъ тогда рѣшимость и самоувѣренность, и мы чувствуемъ въ насъ востановленную силу, призывающую къ намъ опасность, безъ сомнѣнія потому—что мы увѣрены инстинктивно, что опасность эта насъ не достигнетъ.

Впрочемъ молодой охотникъ испыталъ опасности дѣйствительно. Въ продолженіе трехъ дней онъ охотился за кабаномъ въ Шапсангларскомъ лѣсу, чтобы усмирить волненіе мыслей и безпокойство дѣятельнаго и бурнаго чувства. Его веселые товарищи по охотѣ, которые знали его всегда слабымъ и самымъ неловкимъ, видя его самымъ смѣлымъ на охотѣ и рискующимъ своею жизнью съ рѣдкою неустрашимостью, хотѣли до его отъѣзда отпраздновать его храбрость. Всѣ сообрались у графа Августа, и здѣсь, благодаря хитростямъ и изобрѣтеніямъ новаго Калеба, цѣлый день пили за здоровье Альберта, среди криковъ все болѣе возрастающаго восторга. Подъ конецъ обѣда, головы ихъ разгорѣлись отъ вина и отъ жару, съ которымъ они спорили; говорили между-прочимъ о г-жѣ Сомервилль, и уже нѣсколько непочтительныхъ словъ было сказано на ея счетъ, когда Альбертъ приподнялся съ воспламененнымъ взглядомъ, разбилъ на столѣ стаканъ, и общалъ поступить точно также съ первымъ, кто осмѣлится промзнести при немъ безъ уваженія имя этой женщины. Эта рыцарская выходка подѣйствовала на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что Альбертъ, не смотря на слабое и нѣжное сложеніе, казался совершенно готовымъ исполнить свое обѣщаніе. Его окружили, начали поздравлять въ полъ-голоса, и выпивъ за его храбрость, хотѣли пить за его успѣхи въ любви. Молодой чедовѣкъ долженъ былъ понять, что, выставивъ себя защитникомъ оскорбленной чести Аврелии, онъ не подумавъ, объявилъ этимъ самымъ свои права—громко защищать ее. Онъ съ жаромъ оправдывался; но съ-тѣхъ-поръ, какъ добродѣтель г-жи Сомервилль была принесена въ жертву тщеславію Альберта, онъ не хотѣлъ уже не съ кѣмъ ссориться. Онъ услышалъ вокругъ себя такія объясненія теоріи любви, которыя заставили его покраснѣть; предположенія, что онъ былъ счастливымъ любовникомъ, были такъ ясны, такъ скоры, что ему сдѣлалось стыдно.

Онъ удалился недовольный всѣми и самимъ-собою.

Онъ печально переходилъ по гористой дорогѣ, ведущей въ Анзетъ, какъ почувствовалъ, что чья-то рука легко оперлась на его плечо. Альбертъ обернулся и узналъ графа Августа.

— Альбертъ, сказалъ ему молодой дворянинъ, слегка кланяясь:

я долженъ передъ вами извиниться, и прошу васъ принять мои извиненія. Повѣрьте, что я болѣе васъ страдалъ во время неприличной сцены, которая происходила у меня, и что я былъ глубоко оскорбленъ грубыми намеками, сдѣланными на вашъ счетъ. Повѣрьте также, что я неравнодушенъ къ тому, что касается вашего счастья, и если не поздравлялъ васъ вмѣстѣ съ нашими товарищами, то единственно потому, что не хотѣлъ смѣшать съ грубыми намеками моихъ гостей искренняго поздравленія съ успѣхомъ вашей любви.

— Клянусь вамъ!... вскричалъ съ горячностью Альбертъ.

— Не клянитесь, прервалъ Августъ, улыбайсь: я знаю напередъ всѣ клятвы, дѣлаемыя въ подобномъ случаѣ.

— Вы оскорбляете, графъ, продолжалъ Альбертъ съ достоинствомъ: самую чистую изъ женщинъ.

— Надобно, чтобы любовь ваша была въ такомъ случаѣ оскорбленіемъ, а я слишкомъ горжусь вашею дружбою, чтобы не уважать всѣхъ вашихъ привязанностей, какого-бы рода онѣ ни были.

При этихъ словахъ Августъ учтиво поклонился, и Альбертъ продолжалъ свой путь. Его шаги были быстры, онъ не чувствовалъ холода на ледѣвшихъ рукахъ, ни инея, который билъ ему въ лицо; онъ шелъ мучимый тысячью безпокойныхъ мыслей. Самая ужасная изъ всѣхъ—было угрызеніе совѣсти въ томъ, что онъ заставилъ другихъ вѣрить его счастью, которое для него не существовало. Онъ началъ сознаваться, что поступокъ его былъ безчестенъ; потомъ онъ сознался самому себѣ, что въ тотъ день, когда онъ достигнетъ обладанія этимъ счастьемъ, безчестіе будетъ не-что иное, какъ легкое хвастовство, которое нашло бы оправданіе въ самой строгой совѣсти. Съ-этихъ-поръ онъ поклялся достигнуть прощенія за свой проступокъ, думая впрочемъ, что согласиться на похвалу прежде побѣды, значило только торжественно обязать себя одержать эту побѣду.

При такомъ расположеніи ума Альбертъ проходилъ чрезъ Анзель, какъ вдругъ онъ узналъ слѣды Кортеса, по дорогѣ, покрытой инеемъ и снѣгомъ. Онъ хотѣлъ постучать у какой-нибудь лачужки, чтобы справиться о пріѣздѣ г-жи Сомервилъ, какъ вдругъ встрѣтилъ Франка.

— Уже ты возвратился, Франкъ?—спросилъ молодой человекъ.

— Да, судары! отвѣчалъ служитель съ печальнымъ видомъ: но всему замѣтно, что васъ не было съ нами.

К. VI. — Отд. IV.

— Развѣ путешествованіе было опасно?

— Я думаю, г-нъ Альбертъ, что опять участвую въ походѣ: почти цѣлый мѣсяцъ мы вѣхали въ снѣгу и во льду, живя чѣмъ Богъ послалъ.

— Надѣюсь, что это путешествованіе имѣло какую-нибудь цѣль?

— Конечно: получить насморкъ и ревматизмы, отвѣчалъ Франкъ, сердясь. Видите, г-нъ Альбертъ? Маркиза со всѣмъ добра: въ особенности добра со своими служителями, которые любятъ ее; нѣтъ ни одного изъ насъ, который не согласился бы броситься для нея въ огонь... но, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ и осматриваясь, не могъ ли кто его слышать: я думаю, что она много.... Фраза осталась неоконченною, и Франкъ дополнилъ смыслъ ея, проведя указательнымъ пальцомъ правой руки по своему лбу.

— Ты думаешь? спросилъ молодой человекъ.

Франкъ наклонилъ свою голову къ уху Альберта, и шепнулъ ему три слова: «Я это думаю», съ видомъ глубокимъ и таинственнымъ, человека, испуганнаго важностью своихъ собственныхъ открытій.

— Я всегда подозрѣвалъ это! отвѣчалъ равнодушнаго молодой человекъ, находившій, безъ сомнѣнія, интересъ въ нескромности разговорчиваго берейтора.

— Это оттого, что вы видите все ясно, оттого, что вы истинно ученый человекъ, г-нъ Альбертъ. Повѣрите ли вы, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца маркиза пыталась однимъ крестьянскимъ хлѣбомъ, и спала подъ соломенною крышею? Мы прѣзжали вечеромъ и отправлялись поутру, не смотря ни на вѣтеръ, ни на погоду.... Маркиза, говорилъ я ей, вы разстроиваете ваше здоровье; вы убьете себя, маркиза; поберегите себя для тѣхъ, кто любитъ васъ.... Но напрасно! она даже не слышала меня. Если я ей говорилъ: Маркиза, Кортесъ не въ состояніи идти далѣе, Кортесъ умретъ отъ усталости; маркиза, вы уморите Кортеса.... она взмахивала своею тросточкой, и Кортесъ неся, какъ вѣтеръ:—Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца она мнѣ рѣшительно ничего не говорила, кромѣ этихъ словъ: Франкъ, сѣдай лошадей; Франкъ, дай шпоры твоимъ лошадямъ; Франкъ, мы завтра ѣдемъ рано утромъ.... Однажды только разъ она мнѣ сказала:—Франкъ; ты сильно кашляешь.... Надѣюсь, что я кашлялъ. Но я не думалъ объ этомъ, г-нъ Альбертъ, я только думалъ о ней; я бы хотѣлъ отдать ей мою одежду или испытывать одному стужу и холодъ.... Вѣдалъ

женщина!... Одинъ разъ вечеромъ, въ углу у огня, я видѣлъ, какъ она плакала.... Это разрывало мнѣ сердце!

— Здорова ли твоя госпожа? прѣрвалъ его Альбертъ, который не хотѣлъ слишкомъ растрогаться.

— Здорова. Это женщина жемчужнаго сложенія.

— Она отдыхаетъ теперь?

— Отдыхать, ей! Вы ее совсѣмъ не знаете. Два часа ночи пробьетъ на Анземской колокольнѣ, а маркиза все еще не спитъ.... Странная женщина! прибавилъ Франкъ, снова ударивъ себя по лбу.

— А ты куда идешь такъ поздно?

— Вотъ кстати напомнили мнѣ! воскликнулъ Франкъ: маркиза послала меня узнать о здоровьи г-жи Нанси.

При имени Нанси, Альбертъ сдѣлалъ сердитое движеніе, котораго Франкъ не замѣтилъ въ темнотѣ, и они разстались. Походка Альберта сдѣлалась медленнѣе; онъ тихо дошелъ до своего домика, раздумывая о путешествіи Авреліи, отчасти странномъ, отчасти трогательномъ, и подозрѣніе, бывшее до тѣхъ—поръ у него въ головѣ, какъ блѣдное отраженіе мысли, при которой совершилось это путешествіе, принимало съ каждымъ шагомъ Альберта болѣе ясный видъ, и дѣлалось для него понятнѣе.

Придя домой, онъ переодѣнулъ костюмъ и отправился въ Анземъ. Какое намѣреніе заставило его, возвратиться въ деревню? Онъ не зналъ самъ этого; онъ повиновался сильному безпокойству, не стараясь дать себѣ въ немъ отчета, и шелъ увлекаемый пыломъ своихъ желаній.

Онъ прошелъ деревушку, и нашелъ дверь сада запертою. Онъ взобрался на заборъ, окровавивъ себѣ руки объ терновникъ загороди, и соскочилъ въ большую аллею. Ничто такъ не возбуждаетъ нашу храбрость, какъ видъ пролитой нами крови: мужество Альберта удвоилось. Онъ шелъ смѣлымъ и твердымъ шагомъ къ дверямъ на террасѣ. Франкъ, который только что возвратился, хотѣлъ запереть дверь.

— Отвори, вскричалъ Альбертъ: это я.

— Вы, г-нъ Альбертъ! Какъ попали вы сюда?

— Это все-равно, ты видишь, что я здѣсь?

— Что привело васъ?

— Важныя дѣла. Мнѣ сегодня же вечеромъ надо говорить съ маркизою.

— Маркиза удивится вашему посѣщенію; она думаетъ, что вы уѣхали въ Парижъ. Я проведу васъ сейчасъ въ ея комнату.

— Не трудись, любезный, это не нужно.

— Я долженъ за вами слѣдовать: маркиза ждетъ отвѣта отъ г-жи Нанси.

— Я самъ передамъ ей его. Ты, должно-быть, усталъ, бѣдный Франкъ; поди, отдохни. Все тихо въ замкѣ, а ты одинъ не спишь, тогда какъ не спалъ почти цѣлый мѣсяцъ!»

Франкъ отдалъ молодому человѣку ключи отъ террасы и сада, и наказавъ, чтобы онъ положилъ ихъ въ большой алей подѣ дверь въ загородкѣ, пошелъ въ ту часть замка, которую г-жа Сомервилъ назначила своимъ людямъ. Альбертъ въ два прыжка пробѣжалъ лѣстницу, тихо отворилъ дверь и вошелъ въ залу. Онъ надѣялся найти въ ней Аврелію, но обманулся. Г-жа Сомервилъ при первыхъ морозахъ удалилась въ свою спальню. Альбертъ даже не зналъ, въ какой части зданія эта комната находилась. Утомленный, онъ упалъ на диванъ, и одинъ, въ потьмахъ, въ этой сырой, холодной залѣ, спрашивалъ самъ себя, зачѣмъ пришелъ онъ въ этотъ замокъ, какой демонъ занесъ его къ Авреліи, чего онъ надѣялся отъ нея? И при каждомъ изъ этихъ вопросовъ, онъ чувствовалъ, что твердость его ослабѣвала и сила упала. Вскорѣ онъ считалъ себя счастливымъ, что не нашелъ г-жу Сомервилъ, и хотѣлъ встать, чтобы бѣжать отъ нея, можетъ-быть, съ такимъ же жаромъ, съ какимъ искалъ ее, какъ вдругъ надъ дверью, которую онъ прежде не замѣтилъ въ углу комнаты, поднялись обои, скрывавшія ее, и Альбертъ увидѣлъ входящую женщину, которую, онъ едва могъ узнать, такъ она перемѣнилась. На ней была накинута черная атласная шуба, въ рукахъ она держала восковую свѣчу, матовый свѣтъ которой еще болѣе выказывалъ блѣдность ея лица.

V.

Я не знаю менѣе спасительнаго средства для моральныхъ болѣзней, какъ уединеніе: въ самомъ источникѣ зла должно стараться побѣдить наше горе; должно бороться съ нимъ лицомъ къ лицу, чтобы уничтожить его. На извѣстномъ разстояніи оно также растетъ, какъ деревья; оно развивается, дѣлается сильнымъ, и чѣмъ далѣе мы бѣжимъ отъ мѣстъ, гдѣ испытали горе, тѣмъ призракъ его кажется намъ ужаснѣе. Горько уединеніе бѣдняковъ, невѣрующихъ въ счастье: слезы ихъ ѣдки, душевныя раны неисцѣлимы. Многіе убѣгаютъ въ уединеніе отъ мѣста ихъ скорби, съ легкими ранами сердца, и возвращаются съ неисцѣлимыми. Тоже случилось съ г-жею Соммервилъ: стараясь уничтожить свое горе, она только позволила ему глубже утвердиться въ ея сердцѣ; ея страданія дѣйствительно увеличились важностью, которую придаю имъ ея воображеніе. Ея возвращеніе принесло ей больше безпокойства и волненія, чѣмъ ея отъѣздъ. Это впрочемъ очень невѣрное средство спастись отъ какого-бы ни было чувства, также какъ и бѣжать того, что внушаетъ его: далеко отъ своего кумира любовь воспламеняется и дѣлается поэтической. Въ присутствіи любимой предметъ дѣлается скоро существомъ, состоящимъ изъ тѣла и костей, и которое скоро надѣдастъ любящему сердцу: отсутствіе дѣлаетъ его кумиромъ.

Г-жа Соммервилъ сидѣла въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ на одномъ мѣстѣ, безмолвная, задумчивая, ничѣмъ не занятая, ослабѣвшая отъ сильнаго отчаянія. Не одно угрызеніе совѣсти, что она разстроила наше счастье, помрачало ея мысли, она также думала объ Альбертѣ, и можетъ-быть это воспоминаніе заставляло ея совершенно перепестись къ нему. Воротясь въ замокъ, она не имѣла довольно твердости пройти чрезъ залу фамильныхъ портретовъ, еще полную милаго образа; но она хотѣла имѣть эту твердость; она хотѣла видѣть эту комнату, гдѣ происходила первая сцена послѣдней драмы въ ея жизни, гдѣ она почувствовала, что сердце ея еще можетъ биться, прежде чѣмъ затихнетъ навсегда; она хотѣла посидѣть тамъ, гдѣ сидѣлъ Альбертъ, повторить на фортепіано тѣ романсы, которые очаровали его, взглянуть, не осталось ли слѣдовъ его на паркетѣ, послушать, не оставилъ ли онъ между

этими стѣнами отголоска своей молодой души. Ребяческія наслажденія любви, кто не знаетъ васъ!

Она встала, взяла одною рукою свѣчу, а другою прижала ручку двери, ведущей изъ ея комнаты прямо въ залу. Дверь тихо подалась на своихъ крюкахъ. Аврелія подвигалась тихо, поставила на столъ свѣчу, горѣвшую въ ея рукѣ, и окинула взглядомъ эту обширную залу, едва освѣщенную одною свѣчею. Черезъ нѣсколько минутъ взоръ этотъ остановился на Альбертѣ. Аврелія испустила крикъ, взяла свѣчу и пошла скоро къ Альберту. Когда она увѣрилась, что это былъ вѣ-самомъ-дѣлѣ онъ, а не тѣнь его, которая столько разъ уже днемъ и ночью ей представлялась, свѣча выпала изъ ея рукъ, и несчастная, полумертвая упала на диванъ.

Страхъ Аврелии убѣдилъ Альберта, окончательно объяснилъ ему все, и изъ ребенка онъ сдѣлался человѣкомъ. Цокамѣсть онъ видѣлъ Сомервилъ спокойною и дружескою, онъ не смѣлъ видѣть женщины подъ ласками сестры. Но когда онъ увидѣлъ ее взволнованною, онъ торжествовалъ надъ ея сердцемъ. Спокойная Аврелія могла бы легко укротить застѣнчивыя желанія молодого 18-тилѣтняго человѣка. Смущенная, она погубила себя.

Къ ея счастью, нашъ другъ былъ далеко не донъ-Жуанъ. Онъ спокойно подвигалъ свѣчу, которая еще горѣла на паркѣтѣ, и поставивъ ее на фортепiano; онъ сохранилъ передъ Авреліею смѣлый, но почтительный видъ. Г-жа Сомервилъ скоро пришла въ чувство: она не была такой женщиной, которая позволила бы себѣ предаваться долго впечатлѣнію, какое бы оно ни было.

— Вы меня испугали, Альбертъ, сказала она наконецъ измѣнившимся голосомъ.... Вы были такъ далеко отъ моихъ мыслей, я не думала здѣсь найти васъ!

— Мои мысли не оставляли васъ вотъ уже мѣсяць, отиѣчалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ тихаго упрека.

— Я вамъ худо объяснила это, сказала Аврелія, стараясь поубѣдить свое волненіе: я дурно объяснилась Альбертъ, или вы меня не хорошо поняли, я хотѣла сказать: я думала, что вы далеко отъ меня: я полагала, что вы уѣхали.

— Вы думали, маркиза, что я могу оставить эти мѣста, не простясь съ лицами, которыя меня заставили полюбить эти мѣста, не услышавъ, въ часъ отъѣзда, нѣсколько дружескихъ словъ, которыя уменьшили бы его горечь? Вы конечно такъ думали, потому-что точно также поступили уѣхавъ отсюда.

— Если бы вы знали, Альбертъ, сколько сама я перестрадала, вы и не подумали бы жаловаться на меня.

— Я жалуясь только на молчаніе о вашихъ страданіяхъ, маркиза, и если бы имѣлъ право раздѣлять ихъ, я бы не жаловался.

— Будемте говорить лучше о васъ, о вашихъ друзьяхъ, что за дѣло до моихъ страданій? Говорите мнѣ про Нанси, про Максима.

— Я не могу сказать вамъ ничего новаго о нашихъ друзьяхъ, маркиза: я провелъ 8 дней въ Шансангларѣ, и только что вернулся. Я узналъ о вашемъ возвращеніи, проѣзжая деревню, и осмѣлился, не смотря на позднее время, прийти осѣл дожить о васъ самихъ.

— Я счастлива, что опять вижу васъ; я не ожидала этого, Благодарю васъ, что вы замедлили вашъ отъѣздъ для меня, но вы, можетъ-быть, много потеряете чрезъ это. Вы, кажется, должны быть въ Парижѣ 15-го ноября? По-крайней-мѣрѣ, Максимъ сказалъ мнѣ это, и я сожалею, что для меня....

— Вы не должны говорить мнѣ ни вашихъ сожалѣній, ни вашей благодарности; я ничѣмъ вамъ не жертвую, маркиза: я не цѣдѣ.

— Вы не поѣдете! вскричала Аврелія въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, маркиза, отвѣчалъ спокойно Альбертъ: я остаюсь.

Г-жа Сомервилъ снова задрожала, и Альбертъ, въ свою очередь заставлялъ ее трепетать подъ его взглядомъ.

Онъ надѣждался смущеніемъ Авреліи; онъ торжествовалъ находя въ ней женщину, видя ее недоуверчивой и боязливой, ее, которая такъ долго оскорбляла его довѣренность и вниманіе. Но наконецъ и его боялись, избѣгали его присутствія, чего то страшились при немъ! Онъ уже не былъ ребенкомъ, онъ былъ человѣкомъ, и этотъ человѣкъ, можетъ-быть, считалъ себя менѣе счастливымъ. Чувствуя, что его любятъ, онъ болѣе гордился мужественнымъ видомъ, который принималъ на себя въ первый разъ. Эта то гордость спасла г-жу Сомервилъ, и едва не заставила Альберта, снова взять на себя роль, которую онъ исполнялъ уже два мѣсяца: онъ такъ гордился своею новопріобрѣтенною важною, что не искалъ случая воспользоваться ею. Г-жа Сомервилъ могла снова принять на себя рѣшительный видъ, хладнокровіе, необходимое, чтобы избѣжать опасности, которая ей угрожала.

— Вы остаетесь! вскричала она наконецъ.

— Да, маркиза. Я уже вамъ говорилъ о моемъ разочарованіи

ко всему, что встрѣчалъ въ жизни: моя душа не излечилась отъ него и не имѣетъ болѣе твердости бороться съ novelty. Я не жалуясь на тѣхъ, кто бросилъ меня въ этотъ міръ, изъ котораго я не былъ созданъ: пусть же не мѣшаютъ мнѣ спокойно возвратиться въ міръ, который я не долженъ былъ оставлять. Да, маркиза, я остаюсь, я не ѣду.

— Послушайте, сказала г-жа Коммервилъ такимъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, что Альбертъ испугался. Я къ вамъ привязана, вы это знаете, Альбертъ; вы знаете, что я питаю къ вамъ самую нѣжную дружбу; я обязана для васъ и для самой себя, объяснить вашу неопытность. Разумѣется, мнѣ будетъ много стоить разстаться съ вами, различить васъ съ Нанси.... которую вы любите, Альбертъ.... но я буду имѣть на это довольно твердости.... Вы поѣдете, другъ мой.

— Не ждите этого, вскричалъ молодой человѣкъ.

— Я хочу надѣяться на васъ. Оставьте меня всегда думать, что моя привязанность вамъ дорога, что вы пожертвуете для меня вашей прихотью уединенія и отдаленія отъ свѣта. Неужели вы не сдѣлаете для меня того, о чемъ я умоляю васъ для васъ же самихъ?

Голосъ Аврелии сдѣлался такъ нѣженъ, видъ ея былъ такъ важенъ и благороденъ, что Альбертъ въ одну минуту увидѣлъ, что надежды его исчезли; онъ потерялъ всю твердость, которую напротивъ приобрѣла Коммервилъ.

— Вы поѣдете, продолжала она: вы снова возвратитесь къ вашимъ занятіямъ и трудамъ; вы не допустите погибнуть въ бездѣйствіи способностямъ, которыя Богъ вложилъ въ васъ. Притомъ же вы бѣдны, другъ мой: бѣдному человѣку надобно непремѣнно какое нибудь назначеніе.

— Я довольно богатъ для самого себя.

— Для васъ, но для другихъ? Не должны-ли вы заботиться не только объ одномъ самомъ себѣ? Не должны-ли вы чего-нибудь тѣмъ, кто васъ любитъ? Каждый изъ насъ обязанъ занимать какую-нибудь роль въ свѣтѣ; каждый изъ насъ имѣетъ свое назначеніе въ обширномъ кругу человечества. Когда-нибудь Богъ потребуетъ отъ насъ отчета въ добрыхъ и пустыхъ сѣменахъ, которыми мы засеяли это поле.

— Всѣ пути заняты, сказалъ Альбертъ: нѣтъ болѣе мѣста для меня.

— Это старая ложь, выдуманная людьми праздными, чтобы оправдать ихъ посредственность, отвѣчала Аврелия, улыбаясь.... И вы, вѣрно, этому не вѣрите, Альбертъ. Вы сами

стыдился бы вашего бесполезнаго существованія, а я красилась бы за васъ.

— Это оттого, что вы думаете только о тщеславіи! вскричала молодой человѣкъ, чувствовавшій, какъ кровь бросилась ему въ лицо: ваша гордая дружба считаетъ униженіемъ обращаться на бѣднаго человѣка! Самолюбіе въ дружбѣ все-равно, что осадокъ въ винѣ. Вашей гордости необходимы прелести таланта и ослѣпленіе славы.

— Боже мой! кто говоритъ вамъ о славѣ? Богъ свидѣтель, что я не призывала ее никогда на вашу голову. Она лишаетъ насъ многихъ привязанностей и навлекаетъ намъ много зависти; она измѣняетъ насъ самихъ, вредитъ нашимъ добрымъ наклонностямъ; она осуждаетъ насъ на одиночество и не даетъ права намъ жаловаться, потому-что часто отчужденіе людей отъ насъ есть только справедливое возмездіе. Слава—это напитокъ слишкомъ одуряющій для нашего слабого мозга, и я сама, считая себя твердою женщиной, не знаю въ состояніи ли я перенести ее.

Свѣтъ такъ могущественъ! Если бы вы знали, сколько друзей пожертвовали мной для своихъ выгодъ, сколько благородныхъ, прекрасныхъ созданій я видѣла погибшими отъ тщеславія, сколько молодыхъ подругъ моего дѣтства, которыхъ я едва узнавала въ высокой сферѣ, куда таланты ихъ возвели. А они были такъ прекрасны въ домѣ ихъ родителей или въ разрушенномъ замкѣ ихъ предковъ! Поѣзжайте жить безъ славы; не будьте ни героемъ, ни трибуномъ, ни поэтомъ; будьте болѣе великаго человѣка,—сдѣлайтесь человѣкомъ полезнымъ.

— Всякое поприще для меня закрыто, сказалъ Альбертъ.

— Я не знаю ни одного, которое не было бы для васъ открыто.

— Ахъ! маркиза, не ужели надо вамъ говорить о томъ, чего вы, кажется, не хотите понять? Вы забыли, кто я, кому вы говорите это? Вы развѣ не знаете, что я родился отвергнутымъ и что общество не принимаетъ меня въ свой кругъ.

— Бѣдное дитя! времена переѣнились, сказала спокойно г-жа Сомервилль. Въ нынѣшнее время общество никого не отвергаетъ; достоинство облагораживаетъ человѣка.

— Вы слишкомъ умны, чтобы я могъ опровергать васъ, отвѣчалъ Альбертъ. Вы побѣдили, маркиза; я ѣду завтра, и прощаюсь съ вами.

Онъ всталъ и поклонился г-жѣ Сомервилль съ равнодушною учтивостью.

— Завтра! сказала маркиза, которая, может-быть, почувствовала столько же радости, увидя снова Альберта, сколько сильного страха, и которая испугалась, видя, какъ легко и скоро можно было побѣдять этого молодого человѣка. .. Вы завтра ѣдете, и вы такъ равнодушно прощаетесь со мною... Возможно ли это, Альбертъ?

— На что же вы жалуетесь, маркиза? Мой отъѣздъ не есть ли слѣдствіе покорности вашему разуму? Да, я ѣду; я буду страдать въ этомъ мѣрѣ, куда ваша голосъ гонитъ меня. Вы думаете, что свѣтъ нугаетъ меня и что у меня не достанетъ твердости противиться его огорченіямъ? Я, созданный для страданій, я ихъ не боюсь. Для чего же я хотѣлъ остаться, и что вы думали объ этомъ намѣреніи? Что я пожертвовалъ надеждами на будущее, изъ прихоти ребенка, мечтавшаго объ уединеніи? Нѣтъ, вы этого не думали, маркиза; вы могли прочитать въ моемъ сердцѣ то, что я самъ едва сѣбно чувствовать: мечты одного дня, погибшее счастье!... Простите меня, я оставляю васъ навсегда!

— Вы не увидите! вскричала маркиза, бросаясь къ двери: вы выслушаете меня, вы узнаете, что сердце мое страдаетъ болѣе вашего отъ необходимости, которая разлукаетъ насъ; вы выслушаете меня, Альбертъ, потому-что я ваша другъ; вы хорошо знаете, Альбертъ, что я къ вамъ привязана и что моя дружба будетъ оплакивать васъ.

— Поберегите вашу дружбу для Максима: я трабую отъ васъ одного забвенія.

— Но, Альбертъ, что сдѣлала я вамъ? спросила г-жа Сомервилль, голосомъ, въ которомъ слышны были слезы.

— Что вы мнѣ сдѣлали, маркиза? Вы спрашиваете, что вы мнѣ сдѣлали? Вы погубили меня! Я хотѣлъ бѣжать васъ: вы сами пришли ко мнѣ, вы заставили меня узнать счастье, котораго я никогда не достигну. Что сдѣлали вы мнѣ? Вы ослѣпили меня безумными надеждами, вы меня привлекли къ пламени, которое должно меня поглотить; вы играли мной, какъ ребенкомъ, и испытывали могущество вашей красоты надъ любящимъ легковѣрнымъ сердцемъ; вы погасили мою любовь къ Нанси, и ничѣмъ не замѣнили счастья, которое у меня отняли; опутавъ меня вашими сѣтями, вы сами разорвали ихъ; привавъ меня однажды, вашъ голосъ снова оттолкнулъ меня... Вотъ что сдѣлали вы со мною.

— Альбертъ, я этого не дѣлала! вскричала Аврелия.

— Думали ли вы, что я васъ безнаказанно могъ видѣть, что

каждый день я васъ видѣлъ болѣе прекрасною и что мое сердце не воспламенится? Неужели вы никогда не чувствовали, какъ дрожала я подъ вашими неблагоразумными ласками? Неужели вы ничего не видѣли въ моемъ взглядѣ. Не дрожала ли моя рука подъ вашей, когда мы вечеромъ возвращались? Если слова мои не были ясны для васъ, не говорило ли вамъ чего-нибудь мое молчаніе?

— Альбертъ!... Небо будетъ моимъ свидѣтелемъ, я ничего не понимала, ничего не знала, ничего не предвидѣла, ни вашей любви, ни вашихъ мученій.

— Вы знали все, вы все поняли; меня нельзя обмануть! Я соглашаюсь, что вамъ было пріятно часто говорить о вашемъ отжившемъ сердцѣ, о вашемъ разрушившемся существованіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ на моей неопытности испытывать всю прелесть вашей красоты, узнать, такъ ли она слаба и ничтожна, какъ вы объ ней говорили.

— Довольно, Альбертъ, довольно! пощадите меня! воскликнула Аврелія, освобождаясь отъ жаркихъ рукъ Альберта.

— Что значить, послѣ всего этого, счастье и спокойствіе бѣднаго молодого человѣка! Вы можете легко имъ пожертвовать пустой прихоти кокетства, самому ничтожному вашему капризу; онъ не смѣетъ жаловаться. Вы разрушили его настоящее, разочаровали его будущее; что до этого? Онъ послужилъ игрушкой вашимъ фантазіямъ: онъ долженъ быть очень счастливъ!... Но Нанси, но Максимъ, подумали ли вы объ этомъ?

— Вы безжалостны! сказала Аврелія, держа руки Альберта въ своихъ рукахъ.

— Жалость, маркиза! Имѣли ли вы ее къ Нанси, ко всѣмъ намъ, которыми вы пожертвовали вашему тщеславію? Имѣли ли вы ко мнѣ жалость, когда вы дѣйствовали всѣми средствами вашего холодного разума, чтобы изгнать меня изъ этой деревни, употребивъ всѣ силы, въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ, чтобы приковать меня къ вамъ навсегда? Вашъ разсудокъ заговаривалъ слишкомъ поздно! Зло сдѣлано, и вы ничѣмъ не можете исправить его.

— Да, правда, я жалкое созданіе, но вы жестоки, Альбертъ! Вы слишкомъ жестоки къ этому сердцу, подному страданію! Не такъ поступаютъ съ женщиной, которая столько плакала. Вы не чувствуете развѣ, какъ слезы мои текутъ по вашимъ рукамъ?

— Оставьте меня! сказала Альбертъ, отталкивая ее.

— Боже мой! воскликнула вдругъ г-жа Сомервилль, испуганная: ваши руки въ крови!

— Оставьте меня, говорю я вамъ!... Я васъ ненавижу.

— А я, несчастная, я люблю васъ! вскричала она, закрывъ руками глаза, полные слезъ.

Необдуманный порывъ раздражительности и гнѣва произвелъ то, чего не могла бы сдѣлать самая пламенная страсть и хитрость самая обдуманная. Г-жа Сомервилль нашла бы въ себѣ силы сопротивляться любви Альберта, но покорилась ненависти этого молодого человѣка. Самую сильную женщину ненависть любимаго ею человѣка лишаетъ всѣхъ средствъ къ защитѣ.

Альбертъ уже болѣе часу былъ у ногъ Авреліи. Онъ смотрѣлъ на нее съ такою любовью; въ этой любви было столько чистосердечія и восторга, его глаза были такъ прекрасны, его слова такъ молоды и чисты, онъ былъ такъ покоренъ у ногъ этой женщины, такъ полощъ страсти, такъ робокъ; его голосъ былъ такъ сладокъ, его взглядъ такъ нѣженъ, когда онъ умолялъ ее, онъ говорилъ ей о счастіи съ такою вѣрою, о будущемъ съ такою довѣренностью, что забылъ на минуту все прошедшее, полное слезъ....

— Вы возвращаете мнѣ молодость, сказала она, наклоня къ нему свою прекрасную голову.

— А ты даешь мнѣ жизнь! воскликнулъ онъ, обхвативъ руками голову, которая къ нему наклонилась, и жаркими устами коснулся устъ Авреліи.

Этотъ поцѣлуй напомнилъ Авреліи цѣлую жизнь горести и угрызений; эти горячія уста, дрожавшія подъ ея устами, казались ей полными горечи ея воспоминаній; прошедшее представилось ей грознымъ, какъ вѣрное предзнаменованье еще болѣе угрожающаго будущаго; всѣ раны ея открылись, чтобы залить кровью ея сердце, и быстро вырвавшись изъ объятій Альберта, она съ ужасомъ встала. Но ощущеніе, которое охладило кровь женщины, воспламенило молодого человѣка. Чистая довѣрчивость, такъ долго защищавшая Аврелію, могла бы еще спасти ее, но ея ужасъ снова толкнулъ ее въ пропасть, откры-

жавшемуся передъ ней. Альбертъ всталъ въ упоеніи, онъ обвилъ своими руками г-жу Сомервиль, и радовался счастью, чувствуя какъ дрожала она подъ его ласками. Несчастная съ грустью освобождалась, но не отъ объятій этого ребенка: настоящее прошедшее все исчезло; ее мучили воспоминанія, будущее начиналось для нее. Собравъ все, что оставалось въ ней силы и жизни, чтобы избѣгнуть памяти о прошедшемъ.

— Вы хотите, чтобы я умерла? вскричала она наконецъ раздирающимъ голосомъ.

Испуганный этимъ страдальческимъ воплемъ, Альбертъ выпустилъ ее изъ объятій, и Аврелія бросилась въ свою комнату; Альбертъ поспѣшилъ за ней.

Эта комната была освѣщена угасающимъ пламенемъ каминна и небольшимъ свѣтомъ ночной лампы. Г-жа Сомервиль скрылась у изображенія слоновой кости, вѣланнаго на черномъ бархатѣ, въ головахъ кровати; занавѣсы, висѣвшіе надъ кроватью, скрывали ее отъ взгляда Альберта. Альбертъ стоялъ въ замѣшательствѣ, смѣшанномъ съ безпокойствомъ посреди этой темной залы, расположеніе которой ему было незнакомо; его взглядъ искалъ Аврелію и не могъ ее найти, когда огонь въ каминѣ, разгораясь, вдругъ сильно освѣтилъ предметы, его окружающіе. Пораженный при видѣ ихъ, онъ колебался, снова чего-то искалъ, и невольно остановился, разсматривая малѣйшія подробности мебелировки: онъ шелъ, какъ любопытный ребенокъ, разсматривая чернаго дерева канделябры, обдѣланныя мѣдью, съ вызолоченными подсвѣчниками и тремя вѣтвями висѣщими въ воздухѣ, фестоны и арабески, разбросанныя на потолкѣ; далѣе взоръ его скользилъ вдоль обоев и терялся между кіосками, пагодами и красными индѣйцами, слегка касался рисунковъ Ланкре и Франсуа Буше, и задумчиво останавливался на изображеніи, у котораго стояла изумленная Сомервиль. Во время этаго безмолвнаго наблюденія огонь въ каминѣ погасъ, и Альбертъ остался въ темнотѣ. Онъ пошелъ въ залъ, за свѣчей, горѣвшей на фортепіано, возвратился въ спальню Авреліи, осторожно зажегъ свѣчи въ жирандоли, поставленной на подножкѣ, и мѣдные канделябры, прикрѣпленные надъ каминномъ съ обѣихъ сторонъ зеркала; и когда комната была освѣщена какъ для какого-нибудь вечерняго праздника, Альбертъ снова осмотрѣлъ при свѣтѣ двадцати огней то, что онъ едва видѣлъ при неясномъ свѣтѣ почти погасшаго каминна. Онъ оперся головой на обѣ руки, потомъ внимательно устремилъ свой слухъ, какъ будто слышалъ какую-то мелодію,

которая очаровывала его въ дѣтствѣ. Проходи наконецъ въ г-нѣ Сомервилль, которая съ удивленіемъ слѣдила за нимъ:

— Я видѣлъ здѣсь мою мать, на этомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь? воскликнулъ онъ... Вы знаете мою мать, вы, должно-быть, знали ее! Была она сестрой вашей или другомъ? Говорите!

Г-жа Сомервилль, стоявшая еще у изображенія, смотрѣла на Альберта блуждающими глазами и ничего не отвѣчала.

— Говорите мнѣ про мою мать!... Отчего не говорили вы мнѣ никогда объ ней? Вы хорошо знали однако же, что голость, говорившій про нее, былъ бы мнѣ сладокъ, тѣмъ болѣе вапгъ голосы!... Скажите мнѣ, жива ли еще мать моя, счастлива ли она, могу ли я надѣяться еще разъ видѣть ее! Скажите мнѣ, что вы объ знали другъ друга, любили другъ друга, и объ вы будете мнѣ еще милѣ!

Сомервилль не отвѣчала ни слова.

— Но говорите же, маркиза! повторялъ онъ съ нетерпѣніемъ. Не боитесь ли вы открыть мнѣ какую-нибудь тайну вашего семейства? Или хотите сказать, что у меня нѣтъ болѣе матери? Говорите, маркиза, все-таки говорите; скажите мнѣ, что мать моя умерла; только именовъ Бога прошу васъ, говорите объ ней, какъ изгнаннику объ отечествѣ, котораго онъ больше не увидитъ, какъ вы ежедневно говоримъ о небѣ, котораго, можетъ-быть, никогда не достигнемъ.

— Она умерла! отвѣчала наконецъ Аврелія трепещущимъ голосомъ.

— Умерла!... вскричалъ онъ: она умерла!... Маркиза! жестоко заставить бѣдняка такъ долго ждать рѣшенія его участи!... Она умерла!... Вы знали ее; скажите мнѣ, кто она?

Аврелія рыдала.

— Вы знали ее... Но правда ли это? Вы не захотите обмануть меня... Зачѣмъ вы сказали, что знаете ее?... Кто была она?

— Вы ее видите теперь, сказала Аврелія опуская голову, и указывая ему на портретъ.

Онъ вздрогнулъ, и поднялъ глаза свои на портретъ молодой женщины, единственную картину, украшавшую комнату; потомъ обратился къ Сомервилль, которой голова почти касалась носа молодого человѣка:

— Это она? спросилъ онъ съ грустью.

Аврелія отвѣчала наклоненіемъ головы.

Онъ долго стоялъ какъ будто пораженный громомъ. Потомъ удивленіе его замѣнилось грустью. Онъ медленно сложилъ руки

на груди, и бросилъ печальныйъ взглядъ на женщину, стоявшую передъ нимъ въ смущеніи.

— Вы знали мою мать; повторялъ онъ: а она покинула меня! Нѣтъ! мать должна оставаться у колыбели своего сына, беречь его дѣтство; отирать его слезы, успокоивать его горести; мать живетъ только для насъ, только въ насъ, только нами; слава, счастье, любовь, мы ей замѣняемъ все: я выросъ безъ ласкъ, я жилъ въ слезахъ, горе истерзало мое сердце, и ни одна женщина не имѣетъ права назвать меня своимъ сыномъ... Она, можетъ-быть, надѣялась, что, поручивъ важныя обязанности матери постороннему, можетъ свободно путешествовать по свѣту, и потомъ утомленная путешествіемъ и получивъ отвращеніе ко всему, вспомнить наконецъ о своемъ сынѣ.

— Выслушайте меня! говорила Аврелія, отирая слезы: и не обвиняйте ту, которая любила васъ больше всего въ мірѣ. Мать, которая улыбалась вамъ въ дѣтствѣ, питала къ вамъ болѣе нѣжности, нежели та женщина, которая плачетъ теперь передъ вами.

— Вы думаете? отвѣчалъ Альбертъ.

— Думаю ли я это!.. Но въ чемъ вы упрекаете ее? Въ томъ, что она васъ бросила? А знаете ли вы, что это сердце вытерпѣло въ то время, сколько слезъ пролили ся глаза, сколько жаркихъ молитвъ шептали ей уста о васъ? Она бросила васъ!.. Если бы позволили этой несчастной свѣтъ на камиѣ, прибитомъ вѣтромъ и дождемъ къ двери дома, гдѣ ее дитя начало жить, дни и ночи она провела бы тамъ; но жестокіе не хотѣли этого! Они гнали ее, они отняли сына отъ матери, они похитили мать у сына, и она должна была оставить васъ, дитя мое, разлучиться съ вами, Альбертъ!

— Я не упрекаю ее въ томъ, что она покинула меня, сказалъ Альбертъ!

— Въ чемъ же, вы упрекаете ее? строго спросила Аврелія: въ томъ, что она любила васъ, не открываясь вамъ, не говорила, что она ваша мать!.. О! Альбертъ! вы не понимаете нѣжности материнскаго сердца!.. Она была бы счастлива приобрѣти вашу нѣжность, она гордилась бы внушивъ вамъ привязанность. Прежде чѣмъ назвать васъ своимъ сыномъ, она хотѣла быть матерью по чувству женщины, которую ваша любовь предпочла бы всѣмъ. Для женщинъ наступаетъ возрастъ, когда онѣ живутъ только для своихъ дѣтей; онѣ страдаютъ; разочарованія старѣютъ ихъ болѣе, нежели время. Кругъ ихъ друзей уменьшается вмѣстѣ съ ихъ прекрасными днями; вѣра

въ людей гаснетъ въ ничь; имъ остаются одинъ дѣти. Какъ бы ни заблуждалась ваша мать, дѣти! будьте почтительны къ ней, потому-что она никогда не перестаетъ васъ любить, и одинъ Богъ можетъ судить ее.

— Но скажите мнѣ наконецъ, кто была она?

— Она была бѣдная, но благородная и прекрасная женщина. Ея красотѣ равнялись только ея страданія. Я воспитывалась вмѣстѣ съ нею, и съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ была ея подругою. Она полюбила, по несчастію, человѣка, который былъ ниже ея по званію. Родители не соглашались на бракъ ея,—она забыла долгъ повинновенія и скрылась съ своимъ женихомъ. Провидѣніе жестоко наказало ее за проступокъ; тотъ, кто обѣщалъ жениться на ней, въ скоромъ времени захворалъ, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ страданій умеръ, не успѣвъ исполнить своего обѣщанія. Черезъ нѣсколько времени она дала жизнь—сыну, и должна была отъ всѣхъ скрывать его рожденіе, потому-что онъ былъ плодъ любви, неосвященной закономъ и церковью. Она отдала его на воспитаніе къ господину Сент-Естеву, въ здѣшнюю деревню.

Не смотря на заблужденіе подруги моея—я любила ее по-прежнему, и часто въ замкѣ моемъ, доставляла ей случай видѣть своего ребенка. Здѣсь любопытство постороннихъ зрителей не могло помѣшать матери ласкать своего сына. Въ этой самой комнатѣ вы видѣли въ послѣдній разъ вашу мать, и впечатлѣніе это живо сохранилось въ вашей младенческой памяти. Недолго однакоже судьба дала ей наслаждаться и этииъ счастіемъ. Истомленная горестью и страданіями, она умерла въ то время, когда вы едва начинали понимать и различать окружающія васъ лица и предметы. Умирая, она поручила васъ моему надзору, но я, принужденная ѣхать отсюда, не могла слѣдить за вашимъ воспитаніемъ какъ бы хотѣла. Если я до сихъ—поръ не говорила вамъ ни слова о вашей матери, то это по ея же желанію. «Разскажи обо мнѣ моему сыну,—говорила она мнѣ на смертномъ одрѣ,—только въ то время, когда онъ будетъ совершенно счастливъ. Бойся къ его горю и страданію прибавить мысль о его несчастной матери. Онъ легче перенесетъ извѣстіе о ней, когда жизнь будетъ ему улыбаться. Тогда настоящая радость уравниваетъ прошедшее горе, не дастъ такъ сильно почувствовать его.» И я, можетъ-быть, долго бы еще не разсказала вамъ ея исторіи, если бы случай не привелъ васъ въ эту комнату, и вы сами не потребовали отъ меня разсказа о вашей матери. Теперь вы все знаете, хоть я

и не имѣла права открыть вамъ всего, потому-что я вижу, потому-что я увѣрена въ томъ, что вы несчастливы.

— Да! вы правы! вскричалъ Альбертъ въ совершенномъ отчаяніи. Я очень несчастливъ! Мать моя, которую я любилъ бы всю жизнь, не смотря на то, что она оставила меня, умерла! Та, которую я люблю больше всего въ мірѣ, убѣгаетъ отъ меня, хотя говорила, что любить меня.

— Зачѣмъ говорить обо мнѣ? отвѣчала въ смущеніи Аврелія. Будемте говорить о вашей матери, Альбертъ.

— Нѣтъ! будемте говорить объ васъ!... Я все знаю о моей матери. Тихая грусть, возбужденная во мнѣ вашимъ рассказомъ объ ней, не можетъ заглушить въ сердцѣ моемъ любви къ вамъ.. Скажите, можете ли вы, будете ли вы любить меня такъ какъ я люблю васъ?

— Я могу и буду любить васъ такъ, какъ мать! сказала Аврелія важно и торжественно. Какой другой любви можете вы требовать отъ меня, Альбертъ? Вспомните, что я видѣла васъ ребенкомъ, что по лѣтамъ моимъ я бы могла быть вашей матерью. Я виновата въ томъ, что, увлекаясь минутнымъ чувствомъ, повѣрила сердцу своему, спавшему такъ долго, что я уже не вѣрила въ возможность его забиться сильнѣе обыкновеннаго. Видя морщины на лбу моемъ, я забыла, что на сердцѣ не бываетъ морщинъ... Но рассказъ о вашей матери былъ спасителемъ и для меня. Онъ напомнилъ мнѣ о разстояніи между вами и мною, которое я никогда не должна была бы забывать. Я почти старуха, Альбертъ, а вы только что вступили въ юношескій возрастъ. Возможенъ ли какой-нибудь союзъ между мною и вами?... Черезъ пять лѣтъ вы будете еще молодымъ человѣкомъ, полнымъ жизни и силы, а я совершенно отцвѣту и завяну. Скажу вамъ болѣе: любовь ваша ко мнѣ неистинна и неестественна. Это больше ничего, какъ прихоть раздраженнаго самолюбія, вспышка чувственности, необдуманнѣйшій жаръ молодости, увлеченіе необдуманныхъ чувствъ. Отжившему сердцу не отвѣчать на призывъ сердца пламеннаго и молодого!... Вы хотите принести мнѣ въ даръ вашу первую, чистую, страстную, поэтическую любовь; могу ли я отвѣчать на нее, я, которая слышала не одно такое признаніе въ моей жизни, чье сердце перегорѣло и потухло.

— ВЫ ЛЮБИТЕ; МАРКИЗА? СКАЗАЛЪ АЛЬБЕРТЬ ГЛУХО, СЖИМАЯ
руками грудь свою; блѣднѣя все больше и больше.

— Не хотите ли услышать и мою исторію? спросила Сомервилль съ горькой улыбкой: Въ ней также много слезъ, страданій, обмановъ; разочарованія и упрековъ совѣсти. Вы найдете въ ней много сходства съ исторіею вашей матери.

Альберть прислонился къ камину, чтобы не упасть отъ волненія. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью.

— Избавьте меня отъ этого разсказа, маркиза! сказалъ онъ едва слышно. Мнѣ довольно знать и того, что вы не любите меня.

— Вы чувствуете теперь, что я не могу любить васъ, что вы сами не должны любить меня.

— Я чувствую только то, что вы разбили мое счастье, погубили меня!

— Я спасла васъ напротивъ, Альбертъ! отвѣчала спокойно Аврелія: и вы скоро поймете это. Дайте мнѣ слово, что вы уѣдете въ Парижъ продолжать ваши занятія. Богъ и время дадутъ вамъ силы возродиться къ новой жизни. Тяжелый кризисъ вашей жизни послужитъ намъ урокомъ и опытомъ, онъ можетъ даже быть полезенъ для васъ. Объясненіе между нами сняло бремя съ обоихъ насъ. Мы теперь будемъ яснѣе смотреть на жизнь. Вѣрьте, Альбертъ, что въ исполненіи нашего долга есть такое наслажденіе, котораго не доставятъ вамъ никакія земныя страсти. Тяжело будетъ намъ сначала бороться съ вашими чувствами, но тѣмъ славнѣе будетъ побѣда. Дадимъ другъ другу руки и будемъ поддерживать другъ друга на этомъ трудномъ пути.

Она протянула ему свою блѣдную и худую руку; онъ молча сжалъ ее въ своихъ жаркихъ рукахъ; потомъ крепко прижалъ ее къ своимъ горячимъ губамъ; и бросился изъ комнаты...

Тогда Сомервилль упала на колѣни, и поднимая руки къ небу, сказала:

— Господи! теперь помоги мнѣ позабыть и разлюбить его!..

VII.

На другой день, утромъ, пріѣхали въ нашу деревню г-жа Соммервилль и Альбертъ, оба блѣдные и разстроенные, съ глазами, распухшими отъ слезъ. Альбертъ увелъ меня въ садъ; и открылъ мнѣ объясненіе его съ маркизомъ. Это позднее признаніе избавило бы насъ отъ многихъ несчастій, если бы было сдѣлано прежде; оно объяснило мнѣ многое, что казалось мнѣ темнымъ до тѣхъ-поръ, и покрыло мракомъ все, что мнѣ казалось яснымъ и вѣрнымъ. Впрочемъ это смѣшеніе свѣта и тѣни, которое томилъ меня, не остановило ни на минуту лорына моей радости: непредвидѣнное объясненіе моего воспитанника съ маркизомъ обѣщало столько счастья каждому изъ насъ, что я призывалъ на Аврелію всѣ благословенія небесъ; но думая упрекнуть ее медленностью ея объясненія.

Я сжалъ Альберта въ своихъ объятіяхъ, и привелъ въ комнату; гдѣ мы оставили г-жу Соммервилль у постели больной. Когда мы вошли, сестра уже знала все. Мы обняли другъ друга въ молчаніи, и въ глубинѣ сердца многое простили другъ другу. Между нами не было ни жалобъ, ни мести, ни горестныхъ воспоминаній прошедшаго; ни одинъ неловкій вопросъ не заставилъ Аврелію краснѣть; наша радость выказывалась такъ скромно и осторожно. Увѣжая съ Альбертомъ она соединила руки Альберта и сестры моей; долго смотрѣла на нихъ съ нѣжностью, и тихо подвела одного къ другой, подняла на меня свои глаза; съ выраженіемъ неизъяснимой печали и горести. Потомъ, опуская свой взглядъ на Альберта и Наиси, она убринила слезу на ихъ головы; и слеза эта, казалась, должна была омыть ея проступки и несчастія.

По отъѣздѣ нашихъ друзей; подъ нашимъ кровомъ произошло примиреніе не менѣ нѣжное. и не менѣ трогательное. Съ тѣхъ-поръ, какъ Альбертъ возвратился изъ Парижа разстроенный; съ измѣнившимся характеромъ, въ особенности съ того дня, когда онъ былъ принесенъ Кортесомъ къ г-жѣ Соммервилль, братская любовь, соединяющая сестру и меня, измѣнила свой веселый видъ; съ тѣхъ-поръ наши души, привыкшія думать громко и передавать свои чувства одна другой, облеклись холодною скрытностью. Горе дѣйствуетъ такъ на всадато: оно сжимаетъ наше сердце и дѣлаетъ его молчаливымъ. Ра-

дость, напротивъ, оживляетъ въ немъ источники нѣжныхъ ощущеній.

Къ вечеру Нанси захотѣла встать съ постели. Одного дня довольно было, чтобы возвратить ей жизнь и здоровье; ея глаза сіяли веселымъ блескомъ; невинное выраженіе счастья, замѣтно во всѣхъ ея чертахъ, придавало ея блѣдному лицу какую-то мимолетность, какъ при послѣднихъ дняхъ зимы, когда весенніе цвѣты появляются на землѣ, еще покрытой снѣгомъ. Она сѣла возлѣ меня у камна, и тамъ въ продолженіе долгихъ часовъ, быстрыхъ и короткихъ для насъ, мы прослѣдили вмѣстѣ наши молодые годы, припоминая ихъ цвѣты и плоды. Въ особенности мы долго останавливались на первыхъ дняхъ нашей дружбы съ г-жею Сомервилъ; воспоминаніемъ мы старались оживить и представить жесты Аврелии, ея осанку, ея дѣйствія, ея слова, старалась найти въ нихъ предчувствіе тайны, которая открылась. Какъ путешественникъ, который хочетъ видѣть утромъ дороги, которыя онъ проходилъ въ темнотѣ, мы любили разбирать въ прошедшемъ приключенія, которыя для насъ были непонятны и ускользнули отъ нашего вниманія. Нанси припоминала участіе Альберта къ г-жѣ Сомервилъ еще до ея возвращенія; я говорилъ о посѣщеніи г-жею Сомервилъ дома Альберта, объ участіи этой женщины ко всему, что касалось молодаго человѣка, ея стараніи видѣть его, сильною очарованіи, привлекавшемъ ее къ нему. Восходя еще выше къ источнику происшествій, я находилъ отношенія между тѣмъ временемъ, какъ г-жа Сомервилъ скривилась, и рожденіемъ Альберта; всѣ эти обстоятельства такъ согласовались между собою. Поведеніе Аврелии такъ прямо приводило къ развязкѣ, которая случилась, что я и сестра моя, мы удивлялись, что не предвидѣли сами заключенія драмы, которая еще наканунѣ намъ казалась безысходною. Мы придавали важность обстоятельствамъ самымъ ничтожнымъ, находили тайный смыслъ въ самыхъ простыхъ приключеніяхъ; не оставалось самаго незначительнаго случая въ жизни г-жи Сомервилъ, котораго мы не отнесли бы въ умъ нашемъ къ открытію, только что сдѣланному ею. Можно было сказать, слушая насъ, что мы трудились надъ какимъ-нибудь образцовымъ произведеніемъ искусства.

Въ моемъ умѣ оставалось какое-то сомнѣніе, въ которомъ я не отдавалъ самъ себѣ отчета. Ночь, которую провела г-жа Сомервилъ у насъ въ домѣ, бросала на все это блѣдный, сомнительный отблескъ; но если какая мысль благопріятствуетъ

намъ, мы такъ хорошо умѣемъ предостеречься отъ того, что могло бы остановить ея развитіе, что я предоставилъ времени раскрыть завѣсу, которая еще прикрывала темныя мѣста этой исторіи, и принялъ счастье, какъ и всѣ мы принимаемъ его, слѣпо. Случайности судьбы, если онѣ дѣлаютъ насъ счастливыми, кажутся драгоцѣнными.

Я говорю вамъ о счастьи, потому—что была минута, когда мы вѣрили въ него, такая надежда была бы радостна самымъ недовѣрчивымъ; если васъ сколько-нибудь занимали обстоятельства, въ которыя ставила насъ новая страсть Альберта, если вы быстрымъ взглядомъ пробѣжали всѣ несчастія, происшедшія отъ этой страсти, и все, что могло еще произойти потомъ; если, разбирая стеченіе нашихъ горестей, имѣвшихъ самыя простыя и обыкновенныя причины, вы, вѣроятно, спросили себя, чѣмъ могла кончиться задача нашей жизни, то, безъ сомнѣнія, понимаете какое облегченіе почувствовали мы для нашего сердца, когда Аврелія однимъ словомъ развязала гордиевъ узелъ четырехъ существованій, изъ которыхъ три были имѣ одинаково дороги. Это не было однако же обманутое воображеніе, повѣрившее на минуту въ счастье, которое сестра моя уже предвидѣла такъ близко въ будущемъ. Нанси только и видѣла одно препятствіе между ней и счастьемъ: это любовь г-жи Сомервилъ къ Альберту. Это препятствіе уничтожилось: Аврелія была уже для Нанси только благодѣтельнымъ геніемъ, посланнымъ небомъ, чтобы соединить два разрозненныя сердца, и бѣдное дитя предавалось радостно неблагодарному, который такъ долго ею пренебрегалъ. Я уже сказалъ вамъ, что не раздѣлялъ надеждъ сестры моей; я въ тайнѣ страдалъ; я не вѣрилъ, что Альбертъ снова полюбитъ Нанси; скажу болѣе, я его страшился; мое единственное желаніе было удалить этого молодого человѣка. Не купили ли мы себѣ право немного отдохнуть, цѣною долгихъ горестей? Но едва успѣли мы снова найти спокойствіе, которымъ дорожимъ въ грозу, какъ наша душа подвергнулась новымъ бурямъ.

Что я предвидѣлъ, то случилось: черезъ нѣсколько дней Альбертъ объявилъ намъ свое желаніе ѣхать въ Парижъ, продолжать курсъ своихъ наукъ. Мы одобрили его всѣ; если бы мы и вздумали остановить его на нѣсколько времени, Альбертъ не уважилъ бы никого изъ насъ, и никто не могъ бы болѣе шельца продержатъ его въ Анжемѣ. Это не могло быть иначе: онъ былъ въ непріятномъ положеніи въ отношеніи меня, моей сестры, а въ особенності Авреліи. Эта любовь, которую онъ

сохранять въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ, которой пламя развилось съ такою силой, не могла исчезнуть въ одинъ день; его желанія не упали вдругъ въ его сердцѣ, какъ свидецъ на дво сосуда; иногда онъ чувствовалъ, что желанія его снова возвращались. Какъ бы чиста не была любовь, въ ней всегда найдете известное количество примѣси, очищеніе которой будетъ очень долго. Альбертъ вытерпѣлъ долгую, жестокую борьбу; часто онъ блѣднѣлъ подъ ласкамъ г-жи Коммервилъ; онъ держалъ передъ ней; быть съ нею наединѣ было для него горько и неприятно; неразъ, ночныя сновидѣнія оставляли на утро слѣды красноты на щекахъ Альберта и замѣшательство въ его сердцѣ.

Альбертъ уѣхалъ; г-жа Коммервилъ проводила его.

Черезъ три недѣли она пріѣхала назадъ. На другой день своего пріѣзда она призвала меня къ себѣ въ замокъ и сказала.

— Я позаботилась о благѣ нашего Альберта: генеръ я сложилъ. Безъ намѣренія онъ адѣлаалъ вамъ зло: надо ему преслать око; вы всегда будете заботиться объ немъ. Моя благожелательность къ вамъ удвоится, тою, которую вы будете вить къ Альберту. Вы, вѣрно, будете снисходительны въ неровности его характера; вы поможете мнѣ излѣчить ихъ. Его сердце не можетъ остановить всѣхъ его склонностей: вы изтерпѣливо перенесете. Мы вмѣстѣ постараемся укротить аспальничность характера, которая часто увлекаетъ его, и принаимъ опухи, которая иногда завладѣваетъ имъ. Вы будете его такъ любить; вы снова подружитесь съ нимъ, безъ упрековъ и усли. Всю вашу дружбу къ нему я буду считать своєю; я васъ буду любить за себя и за него. Я ничего не говорю вамъ о предположенномъ союзѣ, который не преставаелъ ни на минуту занимать меня; положимся во всемъ на время: оно будетъ искуснѣ насъ; только положитесь на меня въ заботахъ устроить молодость Альберта: я буду готова черезъ нѣсколько времени дать отчетъ объ немъ передъ Богомъ и людьми.

Я беру на себя устроить счастье Альберта вѣ Парижѣ. Если мнѣ не удастся, это будетъ значить, что я въ-самомъ-дѣлѣ несчастна.

Теперь, другъ мой, у меня есть до васъ просьба. Альбертъ въ Парижѣ; сто миль, по-крайней-мѣрѣ, разлучаютъ насъ; я уже чувствую себя старой и измученной; каждый день, проледа надъ моею головою, старѣетъ меня цѣлымъ годомъ; усмиреніе мнѣ тяжело: я хотѣла бы имѣть вокругъ себя добрыхъ и любимыхъ существъ, которыя говорили бы мнѣ объ Альбер-

тъ... Я скуаю, Максимъ. Отчего? не знаю, но мнѣ скучно. Приѣзжайте съ вашей сестрой жить вмѣстѣ со мною; составимъ одно семейство; постараемся образовать на этой бѣдной землѣ трехъ созданій, которыя любятъ другъ друга и живутъ счастливо подъ однимъ кровомъ. Вашъ домъ будетъ нашимъ загороднымъ, увеселительнымъ мѣстомъ; мы будемъ ѣздить туда въ прекрасные дни; по возвращеніи Альберта это будетъ для насъ мѣстомъ охоты; у насъ будетъ лодка на Крезѣ, чтобы спускаться въ бассейны, куда смотрятся ваши ольхи и осины. Замокъ будетъ наше зимнее убѣжище; вы, Максимъ, будете главою нашего семейства. Вы можете заниматься вашимъ дѣломъ, не заботясь о Нанси: она помодолѣетъ для меня, я состарѣюсь для нее. Какая прекрасная жизнь! Нравится ли она вамъ. Подумайте, если вы останетесь тамъ, въ глуши дѣржавъ, мы принуждены будемъ ждать, чтобы увидѣться съ вами, возвращенія ласточекъ. Дороги къ вамъ дурны, воздухъ холодень, зима продолжительна; Нанси только что поправляется; я чувствую себя слабой и больной: мы будемъ очень рѣдко видѣться.

Цѣните ли вы, какъ это ужасно, Максимъ? День, проведенный безъ васъ, кажется такимъ долгимъ, друзья мои! Переѣзжайте же ко мнѣ съ вашей сестрой; перенесите подъ мой кровъ вашихъ домашнихъ пенатовъ; они будутъ жить у меня независимо и свободно. Я знаю, къ несчастью, что я не очень веселая подруга; вы можете быть со мною безъ церемоній: это, я думаю, понятно! Вы сами будете выбирать часы, которыми захотите мнѣ пожертвовать; будете сокращать, какъ хотите, эти часы. Я знаю напередъ, что вы будете отвѣчать мнѣ, но это не то, что хочу я слышать. Приѣзжайте! во-время моего отъѣзда въ Парижъ я велѣла передѣлать правый флигель замка: все готово, чтобы принять васъ.

Если вы откажетесь, значитъ вы меня никогда не любили; если вы согласитесь и вздумаете меня благодарить, вы не понимаете дружбы; я, напротивъ, вамъ обязана.»

Въ предложеніи г-жи Сомервилъ было столько убѣжденія и любезности, что я согласился, не переговора прежде объ этомъ съ Нанси.

Предложеніе Аврелии приняла она съ радостью и благодарностью. 1-го января, въ сухое, морозное утро мы оставили нашъ домикъ и переѣхали жить въ замокъ. Нашъ отъѣздъ былъ печалень и трогателень. Никогда не оставляемъ мы безъ горя мѣсто, гдѣ страдали.

Наша одноколка медленно катилась между двойнымъ рядомъ крестьянъ, которые простодушно выражали намъ ихъ желанія и сожалѣнiя. Не одинъ разъ я и сестра моя нагибались изъ кареты, чтобы еще разъ взглянуть на зеленыя ставни нашей хижины.

Г-жа Сомервилъ встрѣтила насъ у калитки сада. Она сама хотѣла проводить въ комнаты, приготовленныя для насъ. Мы стыдились роскоши, съ которою были убраны наши комнаты. Комната Нанси выходила на террасу, и изъ оконъ видѣнъ былъ сквозь деревья нашъ прежнiй деревенскiй домикъ. Нанси нѣжно благодарила Аврелию за такое вниманiе и тихо упрекала ее въ пышности, съ которою была убрана ее комната: стѣны были обтянуты персидскою матерiею; богатый коверъ лежалъ на паркетѣ; вся мебель была самая модная и выбрана съ изящнымъ вкусомъ. Что всего болѣе поразило сестру, это было фортепiано изъ палиссандроваго дерева, нарочно для нее привезенное изъ Парижа.

— Маркиза, сказала она съ сожалѣнiемъ, я не занималась музыкой.

— Такъ что же! вы теперь будете заниматься, отвѣчала смѣясь Аврелия. Не хотите ли быть моею ученицей?

— Ахъ, маркиза.... вскричала Нанси, обвивая руками шею Аврелии.

— Не зовите меня болѣе маркизою, дитя мое; развѣ вы не хотите быть моею дочерью?

Нанси смутилась и залилась слезами.

Къ комнатѣ Нанси примыкалъ маленькiй кабинетъ для занятiй, выходившiй однимъ окномъ въ садъ и котораго главное украшенiе была богатая библиотечка. Разнаго рода деревья понимали вѣтви свои надъ окномъ, и весной, вѣтеръ приносилъ на паркеть, сквозь открытыя окна, цвѣты съ вѣтвей акацiй. Этотъ кабинетъ былъ расположенъ въ самой возвышенной части башни; потолокъ былъ сдѣланъ изъ толстаго выполированного стекла, позволявшаго видѣть небо и тучи, проходящiя въ воздухѣ.

Противное тому, что обыкновенно бываетъ въ каждой дружбѣ, случилось между нами; мы составили исключенiе изъ общаго правила: мы избѣжали скуки, которую всегда производятъ очень частыя и тѣсныя сношенiя; чѣмъ болѣе связь наша становилась тѣснѣе, тѣмъ болѣе казалась она намъ прiятною и спокойною. Наша жизнь снова нашла спокойствiе, которе потеряла; мы чувствовали, что ожили для счастья. Это не было

однако же то счастье, чистое и свѣтлое, котораго мы лишились, но напротивъ печальное и мрачное, какъ осенній день. На счастья, какъ на крыльяхъ бабочки, есть тонкая и прозрачная пыль, которая однажды стертая никогда не возобновляется. Выздоровленіе Нанси было довольно продолжительно; Аврелія оказывала ей живѣйшее вниманіе. Я не говорю вамъ о радости, которую я чувствовалъ, видя, какъ здоровье сестры поправляется, вспомните мое горе, когда я видѣлъ, что она изнемогала. Г-жа Сомервилъ чуть было не разлучила меня навсегда съ ней, она мнѣ снова возвращала ее, и я благословлялъ ее въ своемъ сердцѣ. Это была уже не та женщина: она сохранила всю прелесть своего ума, своей прекрасной натуры, но скрывала ее подъ важною и строгою наружностью. Во время пребыванія Альберта, она бросила послѣдній блескъ своей молодости и въ день, когда сказала ему, что не любитъ его, все ея существованіе слилось въ одну любовь, въ одну мысль, счастье Альберта и Нанси заняло всю ея жизнь. Она не называла Нанси иначе, какъ своею дочерью, и не смотря на то, что никогда не говорила о своихъ планахъ, она дала замѣтить сестрѣ моей, какую будущность готовила ей. Поддерживаемая г-жею Сомервилъ, любовь сохранилась въ сердцѣ Нанси, какъ источникъ всѣхъ ея тайныхъ радостей и таинственныхъ надеждъ. Обѣ они часто говорили про Альберта: ихъ души понимали одна другую! Душа Авреліи была строже; всѣ мысли ея были заняты трудами Альберта, его успѣхами, его честнымъ и скромнымъ поведеніемъ. Время, которое она не проводила вмѣстѣ съ Нанси, она употребляла на письма къ Альберту. Разлученная съ нимъ значительнымъ разстояніемъ, она твердо и прямо направляла его на истинный путь; она окружала его своими совѣтами, поддерживала своей любовью. Руководимый ею, Альбертъ трудился и дѣлался человѣкомъ. Во-время своего пребыванія въ Парижѣ, она представила его въ нѣсколько знаменитыхъ домовъ, гдѣ онъ по немногу отвыкъ отъ грубыхъ привычекъ, гдѣ онъ изучалъ людей; г-жа Сомервилъ предупреждала всѣ нужды и желанія Альберта. Любовь къ маркизѣ, долго терзавшая сердце его, обратилась въ чистую, тихую привязанность, хотя она началась страстной вѣжностью. Аврелія въ глазахъ Альберта не потеряла всѣхъ прелестей женщины, но онъ любилъ ихъ какъ картины древнихъ, гдѣ красота невинной дѣвушки отнимаетъ всякое желаніе у души, которая ея любитъ. Впрочемъ и въ самой чистой привязанности мы никогда не можемъ совершенно отдѣлаться отъ земли.

Альбертъ не могъ вдругъ побѣдить своего характера, цѣна; наго и склоннаго къ унынію; но когда чувствовалъ, что немогаетъ, Аврелія всегда была готова оживить и поддержать его. Онъ встрѣчалъ много обмановъ, которыхъ не предвидѣлъ, и которыхъ жестокость была сильнѣе уже испытанныхъ имъ разочарованій. Аврелія была готова и тутъ облегчить его горестъ. Есть грустная минута въ жизни: это та, которая отдѣляетъ нашу молодость, такую непродолжительную, отъ зрѣлаго возраста, котораго мы достигаемъ такъ рано; это минута, когда послѣ напрасныхъ усилій продолжать утро нашего существованія, мы чувствуемъ, что оно падаетъ и умираетъ, и намъ вѣдаясь перейти чрезъ порогъ дѣйствительной жизни, представляющей намъ угрюмою и разочарованною, мы отънавиваемся, чтобы проститься съ радостями прошедшаго! Эта минута, грустная для каждаго, не пробила для Альберта, а если и пробила, то неосчерпаемая нѣжность Авреліи ослабила ея силу. Никогда нѣжность не была такъ доходчива, чтобы утѣшать, такъ сильна, чтобы возвысить, которая была бы столько мужественна и вмѣстѣ съ тѣмъ столько женственна, такъ тверда и заботлива.

Нѣсколько разъ г-жа Соммервилъ оставляла деревню и ѣздила въ Парижъ, чтобы самой судить объ успѣхахъ Альберта, о его трудахъ, чтобы также увѣриться, что онъ ни въ чемъ не нуждается. Ея отсутствіе было обыкновенно непродолжительно, но каждое имѣло счастливыя слѣдствія. Альбертъ, увидѣвъ Аврелію, находилъ въ себѣ новую бодрость, и готовъ былъ сдѣлать все для той, которая дѣлала все для него. Онъ писалъ мнѣ рѣдко; съ моей стороны я избѣгалъ сколько возможно было къ нему писать; я любилъ его для него и для Авреліи, я ждалъ, чтобы время утвердило нашу дружбу. Онъ справлялся о Нанси, но безъ любви: онъ не любилъ ее болѣе.

Г-жа Соммервилъ не иначе говорила ему о насъ, какъ съ осторожностью, и не хотѣла, чтобы онъ зналъ о нашемъ переѣздѣ въ замокъ. Безъ сомнѣнія, она имѣла на это свои причины. Ея заботы не ограничивались тѣмъ, что она смотрѣла за Альбертомъ, наставляла его въ жизни, устраивала его будущность, старалась сдѣлать изъ него челоуѣка сильнаго и возвышеннаго: она также смотрѣла за сестрой моею съ одинаковою заботливостію и старалась придать ей всѣ совершенства, которыхъ не доставало въ бѣдной деревенской дѣвушкѣ. Счастливыя способности быстро развились въ Нанси, и я видѣлъ, какъ развиты

всякаго рода открывались въ ней подъ направлениемъ Аврелии.

Къ осени я ввѣлъ на себя управленіе доходами г-жи Суммервилль. Старый Губеръ занимался ими очень дурно, и притомъ его преклонныя лѣта давали ему право на отставку. Аврелия ѣздила на югъ владѣнія, съ которыхъ она не получала дохода уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ отношеніи матеріальныхъ интересовъ она была весьма бездечна; она пошла за все въ ея дѣлахъ. Я съ радостью принялъ на себя это, и немедленно поѣхалъ на югъ, поручивъ старому Губеру управленіе нашимъ домомъ, которое онъ принялъ съ полнымъ удовольствіемъ. Мое отсутствіе было продолжительно: по крайней мѣрѣ въ продолженіе шести лѣтъ владѣнія г-жи Суммервилль были въ бѣдственномъ состояніи, и мнѣ едва достало шести мѣсяцевъ, чтобъ пополнить недостатки и привести въ порядокъ имущество Аврелии. Я возвратился черезъ шесть мѣсяцевъ. Много переменъ произошло съ тѣхъ-поръ въ Анзетъ.

Я назвалъ сестру прекрасною и очаровательною, какою еще никогда не видалъ; горе и болѣзнь оставили въ ея чертахъ блѣдный меланхолическій оттѣнокъ, придававшій ея лицу благородный видъ. Ея талія становилась, ея пальцы сдѣлались длинными, бѣлыми; въ ея осанкѣ, во всѣхъ движеніяхъ было что-то медленное, гибкое, граціозное, чего я не замѣнилъ до того дня; ея взглядъ, долго отражавшій только чистое небо, слегка померкнулъ влагою; ея волосы, также какъ у Аврелии, падали густыми локонами на плеча; она была задумчива; она была прекрасна. Въѣсть съ тѣмъ ужъ ея развилась, но не потеряла однако своей прежней наивности. Ея руки уже съ искусствомъ бѣгали по клавишамъ; ея голосъ былъ не великъ, но пріятенъ и свѣжъ, и выраженіе его проникало въ сердце. Ея нарядъ, обыкновенно простой, не сдѣлался красивѣе прежняго, но дѣлавался нѣсколько невинною кокетливостію. Она переняла у Аврелии всю грацію женщины, не касаясь строгихъ сторонъ, которыя дѣлали изъ Аврелии женщину древнихъ временъ. Аврелия также очень переменилась! Нанси, не оставившая ее, мало замѣчала раннюю, быструю старость нашей подруги; я испугался ее.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, она уѣхала въ Парижъ, и возвратилась черезъ двѣ недѣли. Она намъ объявила, что Альбертъ не будетъ проводить вакантное время въ Анзетъ. Это намѣреніе меня не удивило; я его предвидѣлъ. Если

моя сестра и была огорчена этимъ, по-крайней-мѣрѣ она не давала этого замѣтить. Страсть къ занятіямъ, казалось, заглушала въ ней всѣ другія страсти: она проводила дни, занимаясь съ Авреліей музыкой и рисованіемъ, и большую часть ночи читала въ библіотекѣ. Она довольно часто ходила изъ зѣмка навѣщать крестьянъ нашей деревни, помогать имъ и утѣшать ихъ; она украдкой уходила вечеромъ, и никто, кромѣ несчастныхъ и бѣдныхъ, не зналъ куда она ходила.

Въ зѣмкѣ она устроила, вмѣстѣ съ г-жею Сомервилль, маленькую аптеку, куда приходили больные изъ окрестностей или присылали за лекарствомъ; бывали дни, что зала наша походила на кабинетъ консультацій. Обѣ подруги ходили навѣщать больныхъ; ни въ одномъ сельскомъ семействѣ не случались крестины, гдѣ бы одна изъ нихъ не была крестной матерью, ни сватбы, безъ того, чтобъ они обѣ не были позваны на праздникъ.

Я вамъ говорю о бѣдныхъ и несчастныхъ: со времени возвращенія Авреліи у насъ не было ихъ дѣйствительно въ деревнѣ; довольство вмѣстѣ съ нею проникло во всѣ дома; счастье вездѣ слѣдовало за нею. Когда въ воскресенье она приходила съ Нанси въ анземскую церковь къ обѣднѣ, и онѣ проходили мимо толпы, стоящей на колѣняхъ, чтобы достигнуть скамейки, приготовленной для нихъ, всѣ уста шептали молитвы за нихъ и призывали на нихъ благословенія. Когда Авреліа сдѣлалась больна, вся деревня собиралась каждый вечеръ въ церковь и молилась, и никогда молитвы не были возсылаемы къ небу такъ чисто и горячо.

Я не буду продолжать разсказа объ этой спокойной жизни: есть радости, которыя отгадываются, но о которыхъ не говорятъ; есть опредѣленное счастье, какъ извѣстный ландшафтъ, до того единообразный, тихій, что ускользаетъ отъ искусства живописца. Я только скажу, что наша дружба надѣлала много разговоровъ въ Сен-Леонардѣ, и не было низости, которую бы жители не выдумали, чтобъ замарать отношенія трехъ существъ, которыя любили другъ друга и жили счастливо.

Время проходило и измѣняло насъ всѣхъ. Альбертъ быстрыми шагами шелъ по пути наукъ; онъ бросилъ свои мечтанья и скуку, и сохранилъ только задумчивый и нѣжный характеръ, подкрѣпляемый каждый день занятіями; онъ побѣдилъ равнодушіе, которое прежде имѣлъ къ жизни; неровности его характера сглаживались понемногу; онъ перемѣнилъ на благородную смѣлость и на теплую осторожность свою су-

ровость и робость; молодой, дѣятельный, предприимчивый, жаждущій труда и удовольствій, онъ общался сдѣлаться совершеннымъ.

Съ своей стороны, Нанси дѣлалась все болѣе и болѣе прекрасною, болѣе и болѣе очаровательною. Я напротивъ весь погружался въ дѣйствительность, и смотрѣлъ за матеріальными выгодами всего, что мнѣ было дорого; я удвоивалъ доходы г-жи Сомервиль, и былъ управителемъ сельскаго хозяйства.

Аврелія старѣлась. Темная грусть, которую она старалась скрыть отъ насъ и скрывала отъ Альберта, казалось, иссушала въ ней источники жизни. Я это примѣчалъ съ сожалѣніемъ: письма Альберта ее сильно волновали; при одномъ видѣ ихъ надписи, она дѣлала судорожное движеніе, которое не оставляло ее остальное время дня; она часто обливала слезами бумагу, на которой писала къ нему. Въ одинъ вечеръ, Нанси работала въ своей комнатѣ, я былъ одинъ съ г-жою Сомервиль, она мнѣ сказала:

«Я очень счастлива: Альбертъ уже на пути, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, Нанси очаровательна. Эти дѣти составляютъ мою гордость, мою радость. Если бы мнѣ надо было теперь умереть, это было бы жестоко: все-таки я должна поговорить съ вами объ этомъ. Я не имѣла довольно твердости на это, когда Нанси была со мною: мы всѣ трое были такъ счастливы и такъ вѣрили въ будущее! И потомъ, вы такъ меня любите, что я боюсь огорчить васъ. Я должна сказать вамъ, Максимъ, что боюсь за себя... Болѣзнь увеличивается быстро, и я не могу скрыть ея развитія. Я не знаю, что со мною, но ужасно страдаю; я не имѣю повода скучать, и чувствую, что мною завладѣваетъ смертельная скука. Оттого-то я и думаю, что я больна; силы мои оставляютъ меня совершенно; въ первый разъ въ жизни, мнѣ пришлось признаться самой себѣ въ упадкѣ моихъ силъ. Я больна, милый другъ мой: это, можетъ-быть, отъ рѣзкости воздуха, но я непрерывно задыхаюсь; я не могу пройти вокругъ комнаты не уставъ, ни стоять на ногахъ, не чувствуя слабости. Эта слабость, это нездоровье, эта непрерывная одышка, болѣе пугаютъ меня, нежели самыя страданія. До-сихъ-поръ я жила страдая. Что я испытываю въ эту минуту походить на всеобщее растройство организма. Я не хочу умереть, не дайте мнѣ умереть!.. Максимъ, я слаба... О, дѣти мои! не зная васъ, я не была такой боязливой: я была больна, не думая ни о чемъ. Я привыкла страдать, часто не сердилась на это: физическія страданія примирялись съ мо-

ральными; и притомъ я знала, что всего хуже говорить о своихъ бѣдствіяхъ людямъ, которыя довольно испытать своихъ.

Такъ прожила я нѣсколько лѣтъ, окруженная такою холодностію, что поняла, какъ ничтожна наша личность, какъ мало замѣчаетъ свѣтъ, что въ немъ однимъ лицомъ болѣе или менѣе, что нечего пугаться смерти, когда никто не заботится о вашей жизни.

Въ то время я имѣла однакожъ много друзей и ни одного истиннаго друга. Съ тѣхъ-поръ я научилась понимать дружбу: заботливую, горячую, внимательную, чтобъ избавить васъ отъ жамъйшаго безпокойства; старающуюся однимъ днемъ болѣе продолжить вашу жизнь: могла ли я не быть счастливой, если мнѣ такъ любилъ? Для Альберта, для всѣхъ васъ развѣ я не хотѣла бы жить? Если мною завладѣваетъ малодушный страхъ, это оттого, что вы избаловали меня. Прежде я имѣла большую силу ума и пустоту въ сердцѣ; скорѣе желала смерти, чѣмъ болѣлась ея; вы заставляли меня полюбить жизнь, и такъ-какъ вы почти дали мнѣ ея; вы должны остановить ея упадокъ. Я хочу жить; я буду держаться за васъ: вы должны мнѣ сохранить еще нѣсколько лѣтъ... Спасите меня! Я еще не въ томъ возрастѣ, когда надо умереть: вылечите меня, продлите мое счастье!

— Добрая моя аврелія! говорилъ я ей: я хотѣлъ бы прибавить къ вашимъ днямъ число тѣхъ, которые остается мнѣ прожить!... Но вы будете жить, ваша твердость не должна упадать, вы будете жить: вы слишкомъ любимы, чтобы умереть.

— Да, да, я буду жить!... Я очень хочу этого, Боже мой! Когда я допустила усталости и печали побѣдить себя, я не любила жизнь; но теперь, когда я счастлива, теперь, когда я люблю, я бы не хотѣла разстаться со всѣмъ этимъ такъ рано.... Вы говорите, Максимъ, что я буду жить?

— Мы вамъ не дадимъ умереть.

— Вы обѣщаете мнѣ это? Видите ли вы, другъ мой, счастье пришло ко мнѣ слишкомъ поздно, и я боюсь походить на двѣты; которые свертываются и умираютъ подъ дождемъ, хотя сначала жадно просили его.

Я старался успокоить г-жу Сомервилъ; Нанси также уговаривала ея, и въ свою очередь съ любовью окружала ее своимъ попеченіями, но мы сами не раздѣляли надежды, которую старались ей внушить, и Аврелія не обманывала сама себя: она чувствовала, какъ быстро разрушалась. Иногда отъѣздки здоро-

внѣ, мѣсяцы хорошаго состоянія и силы заставляли насъ надѣяться на скорое ея возвращеніе къ жизни; но каждый упадокъ силъ ея разстроивалъ ее. Она намъ строго запретила говорить Альберту о ея состояніи; сестра моя и я, мы одни знали тайну ея изнеможенія. Она страдала съ удивительнымъ постоянствомъ: ровность ея характера ни на минуту не измѣнялась отъ болѣзни; она всегда сохраняла свободу и спокойствіе своего ума:

— О чемъ плачешь ты, милая дочь моя? говорила она одинъ разъ вечеромъ Нанси. Не теряй твердости, не прибавляй горести къ послѣднимъ днямъ, которые мнѣ остается прожить; сдѣлай ихъ пріятными и свѣтлыми; убаюкивай меня своими ласками, усыпи меня въ твоемъ счастьи: смерть мнѣ будетъ тогда пріятна. Но не плачь: слезы, проливаемые надъ умирающими, тягостны для нихъ. Когда я буду умирать на вашихъ рукахъ, улыбайтесь мнѣ, дѣти мои; видя васъ счастливыми, моя душа отлетитъ радостною.

Нѣсколько минутъ она молчала; потомъ лицо ея сдѣлалось мрачно, и привлекла Нанси къ себѣ:

— Плачь, будешь вмѣстѣ плакать, сказала она въ отчаяніи: тяжело умирать!

Дойдя до извѣстной степени, болѣзнь перестала увеличиваться; и г-жа Совмервиль впала въ состояніе изнеможенія, которое заставило насъ надѣяться, что она еще долго проживетъ. Однако разъ она сказала мнѣ:

— Вы знаете, что если бы это было необходимо, я бы всѣмъ пожертвовала для Альберта безъ усилія и съ радостію; но онъ самъ не хотѣлъ этого. Я его дѣлаю наследникомъ и оставляю ему все мое состояніе. Вѣроятно, онъ не будетъ жаловаться на мѣня? Я умру спокойно: я бы многое могла сдѣлать для его счастья, я бы хотѣла еще болѣе сдѣлать; но я усну спокойно, при мысли, что оставляю ему сокровище драгоцѣннѣе наукъ и богатства: это сокровище—ваша дружба, Максимъ. Вы будете любить Альберта, вы ему замѣните меня, вы будете ему говорить обо мнѣ; вы скажете ему, что я его очень любила; вы сохраните его благороднымъ, чистымъ... Я также надѣюсь на любовь Нанси; но объ этомъ мы переговоримъ послѣ.

Я просилъ г-жу Совмервиль оставить эти скучныя мысли.

— Отчего же? говорила она мнѣ. Смерть пугаетъ меня только потому, что разлучить съ вами на землѣ; иначе я бы не боялась ее. Я вѣрю въ Бога; я сохранила доброту сердца, и

отдамъ ему мою душу чистую отъ всѣхъ дурныхъ настрѣній. Двѣ роли можно занимать въ свѣтѣ: послушанія и сопротивленія. Я избрала вторую изъ нихъ. Если бы я начинала снова жизнь, я, можетъ-быть, сдѣлала бы другой выборъ. Не враждайте съ обществомъ; не надобно, чтобъ друзьямъ былъ необходимъ героизмъ для того, чтобы любить васъ; пусть они, напротивъ, гордятся вами. Друзья намъ все прощаютъ, кромѣ того, если мы уронили себя въ мнѣнїи свѣта: тогда пятно наше упадаетъ на нихъ, и репутація ихъ терпитъ отъ потери нашей репутаціи. Что касается до меня, я устала и утомилась такъ долго враждовать и бороться. По-крайней-мѣрѣ я благородно и упорно сражалась: я боролась при всѣхъ, не ослабѣла, и не приписывала сама себѣ добродѣтелей, которыхъ во мнѣ не было. Я столько сердилась на свѣтъ, но не сержусь уже на него болѣе: съ-тѣхъ-поръ, какъ люблю васъ, я позабыла ненавидѣть весь свѣтъ. Когда я думаю о васъ, когда я въ умѣ своемъ соединяю васъ всѣхъ въ одной любви, я не помню тогда, жила ли я другою жизнью, кромѣ той, которой я вамъ обязана; моя жизнь начинается съ того дня, когда я узнала васъ. Для чего она началась такъ поздно, чтобъ кончиться такъ рано!

Много времени прошло съ послѣдней поѣздки г-жи Сомервилъ въ Парижъ. Альбертъ кончалъ свой курсъ правовѣдѣнія. Способный ко всякому назначенію, онъ хотѣлъ посоветоваться съ Авреліей о выборѣ его. Съ своей стороны, Аврелія, чувствуя все болѣе свою слабость, хотѣла видѣть Альберта. Между нами было условлено, что мы осторожно увѣдомимъ Альберта о состоянїи Авреліи, и призовемъ его къ ней. При первомъ письмѣ, въ которомъ говорилось о нездоровьѣ Авреліи, онъ взялъ потовую карету и поѣхалъ; чрезъ два дня онъ былъ въ Авреліи. Онъ вышелъ изъ кареты у своего домика, и немедленно пошелъ къ замку. Когда онъ проходилъ деревню, крестьяне смотрѣли на него съ любопытствомъ и не узнавали его. Онъ подошелъ къ саду и скоро очутился въ пустой залѣ. Г-жа Сомервилъ была одна въ своей спальнѣ, и не ждала Альберта преле нѣсколькихъ дней. Это было въ первыхъ числахъ апрѣля: веселое пламя освѣщало комнату Авреліи, и весенній воздухъ, напитанный благоуханіемъ цвѣтовъ, проходилъ въ отверстіи окна, и освѣжалъ лицо больной. Она перечитывала послѣднія письма Альберта, какъ вдругъ почувствовала, что руки ея дрожались поцалуями; и она неожиданно увидѣла передъ собою молодаго человѣка.

Это была минута сладкая и вѣстѣ съ тѣмъ ужасная для Альберта: онъ испугался переменѣны, которую болѣзнь произвела въ этой женщинѣ; онъ нѣжно жаловался, что его ранѣе не уведомили объ этомъ. Аврелія успокоила Альберта, долго наслаждалась радостью, снова увидя его, нѣсколько разъ прижимала его къ сердцу; потомъ печально освобождаясь отъ его ласкъ, сказала:

— Съ нѣкотораго времени у меня въ замкѣ живутъ двое друзей, которые будутъ рады видѣть тебя: дай мнѣ руку твою и пойдемъ къ нимъ. Счастье мнѣ возвратило силы, и я чувствую, что, опираясь на тебя, я далеко могу идти, мой Альбертъ.

Они оба вышли, и Аврелія повела его въ ту часть замка, въ которой жила Нанси: я встрѣтилъ ихъ на террасѣ. Альбертъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку, и долго цаловалъ меня. Въ то время, какъ онъ спрашивалъ о сестрѣ моей, мы увидѣли ее; она бѣжала какъ еерна, между распускающимися листьями. Она возвращалась изъ деревни. Когда она замѣтила Аврелію, которая уже почти цѣлый мѣсяцъ не оставляла своей комнаты, то подбѣжала прежде всего къ своей благодѣтельница, потомъ безъ замѣшательства обращаясь къ Альберту, котораго она хорошо узнала съ самаго конца аллен сада, но притворялась, что не видитъ:

— Это вы, Альбертъ! сказала она, подавая ему свою руку, которую онъ не смѣлъ поцѣловать. Я очень рада вашему прѣзду; мы съ истерпѣніемъ ожидали его: вы вылечите г-жу Сомервилъ, не правда ли? Ваше присутствіе придастъ ей довѣріе и здоровье, которыя она потеряла, живя далеко отъ васъ; вы сохраните ее для насъ. Пусть любовь ваша будетъ счастливей и искусней нашей: мы не будемъ сердиться за это... Мы столько обязаны и благодарны вамъ. Вамъ теперь лучше, дорогая моя Аврелія, не правда ли Ваши глаза приняли прежній блескъ, ваши губы не такъ блѣдны; вы могли уже выйти!.. Какъ отъ радно видѣть васъ въ такую минуту!

— Да, милая дочь моя, сказала Аврелія, мнѣ лучше, я буду жить; я слишкомъ счастлива, чтобы умереть... Но вы не поцѣловались дѣти мои, прибавила она, привлекая ихъ одного къ другому.

Оба колебались. Нанси покраснѣла, Альбертъ пробормоталъ какія-то слова, которыхъ мы не разслышали; наконецъ, добровольнымъ движеніемъ они въ одно время поцѣловали г-жу Сомервилъ, которая долго держала ихъ обоихъ въ своихъ объятіяхъ.

Посомъ Аврелія хотѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ по саду; она взяла руку Альберта, я взялъ руку сестры, но не знаю, какъ это случилось, только что мы ехали съ террасы, какъ рука г-жи Коммервилъ опустилась на мою руку, а Нанси шла вѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ. Аврелія и я шли медленно и въ молчаніи. Альбертъ и Нанси шли передъ нами. Въ оградѣ сада, котораго всѣ аллеи были правильны и прямы, находилась маленькая, тѣнистая и густая роща, которую любила Аврелія; аллеи въ ней были извилисты и полны таинственности; никогда ножъ садовника не касался ея вѣтвей, никогда ружье охотника не разогнало птицъ, которыя предпочитали это мѣсто для своихъ гнѣздъ; соловей пѣлъ тамъ ночью, черныя дрозды переключались тамъ. Тамъ была скамейка, едва приметная въ зелени, на которой любила сидѣть Аврелія; часто, во-время отсутствія Альберта, я находилъ ее на этой скамейкѣ одну и мечтающую. Тутъ мы остановились отдохнуть, покаместъ Альбертъ и Нанси гуляли въ сосѣдней аллеѣ. Аврелія начала говорить мнѣ объ Альбертѣ и сестрѣ моей, и кончила тѣмъ, что спросила меня, былъ ли бы я счастливъ, еслибъ эти молодые люди полюбили другъ друга и соединились бракомъ.

— Что касается до меня, прибавила она, это самое задушевное мое желаніе! Счастіе этихъ дѣтей было послѣднею надеждою моею жизни, и я не хотѣла бы умереть, не видя исполненія этой надежды.

— Ваше желаніе, сказала я будетъ всегда и моимъ желаніемъ; но, маркиза, Альбертъ и Нанси еще очень молоды.

— Да, но я уже стара, и не хотѣла бы оставить васъ, не благословивъ ихъ союзъ.

— Вы благословите его, маркиза: Богъ сохранитъ для васъ счастливые долгіе дни.

Г-жа Коммервилъ опустила голову съ видомъ сомнѣнія, и сказала мнѣ:

— Отчего же вы боитесь за молодость Альберта и Нанси?

— Молодость Нанси не пугаетъ меня, но Альбертъ...

— Какіе вы всѣ странныя! прервала она. По вашему чело-вѣкъ долженъ жениться только тогда, когда ему не остается ничего болѣе дѣлать. Ваше сердце и чувства отжили, ваши уста пили изо всѣхъ чащъ: усталый, истощенный, вы хотите наконецъ чѣмъ-нибудь кончить, не правда ли?

Удивляйтесь послѣ этого, если иногда наша кровь вознегодуетъ

и возстанетъ! Призывайте на наши головы обвиненія всякаго рода. Нѣтъ, Максимъ, нѣтъ, съ моею дочерью этого не случится. Она будетъ имѣть мужа молодого, чистаго и прекраснаго, какъ сама; они состарятся въ любви, но любовь ихъ никогда не будетъ старѣться. Я ихъ образовала другъ для друга, готова ввѣрить судьбу Альберта вашей сестрѣ: неужели вы будете менѣ довѣрять ему? Онъ конечно молодъ, но уже понимаетъ жизнь; онъ страдалъ. Это правда, что онъ не имѣетъ еще никакого званія, но достаточно и того, что онъ способенъ принять каждое изъ нихъ; мое состояніе развѣ не освобождаетъ его отъ всѣхъ заботъ въ будущемъ? Въ-первый разъ, Максимъ, я съ радостью замѣчаю, что случай далъ мнѣ богатство.

— Вы забываете, Аврелія, что судьба отказала намъ въ этомъ: Альбертъ богатъ, а сестра моя ничего не имѣетъ.

— Клянусь вамъ, милый другъ, что я никогда объ этомъ не думала, сказала Аврелія, вставая. Пойдемте въ замокъ. Въ воздухѣ, которымъ я дышу, есть какой-то удушливый газъ, который давить и утомляетъ меня. Мы потомъ будемъ говорить объ этомъ; этотъ разговоръ ослабляетъ меня теперь. Мы говоримъ о бракѣ, и не знаемъ еще, любятъ ли эти молодые люди другъ друга; мы располагаемъ ихъ рукой, и забываемъ, что только они имѣютъ права располагать ихъ сердцемъ. Подождемъ.

Въ эту минуту Альбертъ и Нанси подошли къ намъ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились къ замку.

Г-жа Соммервиль съ гордостью смотрѣла на молодыхъ людей: оба были ею развиты; она ихъ слѣдила такими. Альбертъ шелъ возлѣ нея, счастливый, важный, занятый мыслями; Нанси была покойна, тиха, почти равнодушна. Молодой человѣкъ украдкой часто взглядывалъ на нее, и взглядъ его выражалъ удивленіе, смѣшанное съ безпокойствомъ: это не была та молоденькая дѣвушка, которую онъ зналъ неловкою, робкою, и которая такъ долго унижала его своею страстью и своими страданіями; онъ нашелъ ее прекрасною, блестящею и равнодушною, со всеми прелестями, которыя онъ любилъ нѣкогда въ г-жѣ Соммервиль и во всемъ блескѣ молодости, которая скоро привлекла его къ Нанси.

Нанси въ молчаніи торжествовала надъ удивленіемъ, котораго Альбертъ не старался скрыть, или которое скрывалъ дурно; она чувствовала таинственную радость, отмстивъ видимымъ равнодушіемъ за долгое забвеніе неблагодарнаго, который оставилъ ее, но она благословляла Аврелію, и съ любовью под-

держивала ее, когда та медленно шла. На эту женщину она громко обращала свою нѣжность, которую сердце ея питало тайно къ ея воспитаннику.

Вечеромъ Альбертъ хотѣлъ удалиться въ свой домикъ.

Г-на Сомервиль не захотѣла этого. Она приготовила комнату для Альберта, и наше присутствіе въ замкѣ давало ему право также жить въ немъ, не возбуждая злословія свѣта.

Впрочемъ свѣтъ нашъ ограничивался садомъ, и мы были защищены отъ злословія Сенъ-Леонардскихъ жителей.

Альбертъ остался съ нами. Величайшая радость была для г-жи Сомервиль, видѣть вмѣстѣ всѣхъ, кого она любила на землѣ, величайшая радость для насъ, любить другъ друга подъ однимъ кровомъ.

Первые дни, послѣдовавшіе за пріѣздомъ Альберта въ Анземъ, были смѣшаны съ принужденностью, которую воспоминаніе нашихъ прежнихъ сношеній должно было возобновить, и которая скоро покорилась усиліямъ, употребленнымъ нами, чтобы избѣгнуть ее. Каждый изъ насъ такъ добровольно забылъ прошедшее, что Альбертъ началъ даже вѣрить, что это забвеніе было истинно.

За препятствіями этой принужденности, продолжавшейся нѣсколько дней, послѣдовала скрытность, почти всегда возникающая между людьми, которыхъ судьба сводитъ послѣ долгой разлуки.

Отъ этого происходитъ, что мы смотримъ другъ на друга съ недоувѣрчивостью; мы изслѣдуемъ перемѣны, которыя время произвело въ каждомъ изъ насъ, что оно оставило намъ, что отняло отъ насъ, что придало намъ; мы подробно разсматриваемъ другъ друга подъ новой формой, которую приняли во время нашей разлуки. Время насъ такъ скоро измѣняетъ, уноситъ съ такою удивительною быстротою все, что въ насъ есть молодого и добраго, что довольно нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы самую старую дружбу превратить въ знакомство одного дня.

На этотъ разъ наша скрытность не продолжалась слишкомъ долго; наши обоюдныя замѣчанія сдѣлали только счастливыя открытія, и крѣпче соединили узы нашей привязанности.

Попеченія г-жи Сомервиль имѣли полезныя слѣдствія: руководимый маркизою, Альбертъ оправдалъ всѣ блестящія надежды, которыя я видѣлъ въ немъ, когда онъ уѣзжалъ отъ насъ въ первый разъ, полный жизни и молодости; г-жа Сомервиль сдѣлала то, чего я и сестра моя не умѣли сдѣлать, она исполнила обѣщанія Альберта и сдержала клятву, данную имъ.

Что касается до Нанси, она могла сказать вмѣстѣ съ поэтомъ востока:

«Я не роза, но жила вмѣстѣ съ розой».

VIII.

Между тѣмъ каждый день, открывалъ намъ въ этихъ молодыхъ людяхъ какую-нибудь новую прелесть; г-жа Соммервиль наслаждалась вмѣстѣ со мною ихъ взаимнымъ удивленіемъ и отчасти очарованіемъ, которое снова привлекало ихъ другъ къ другу. Мы любили замѣчать за Нанси, когда она придавала любви своей важность, которая смущала Альберта, или веселость, которая еще болѣе удивляла его; любили смотрѣть на него, когда онъ боязливо стоялъ возлѣ нее, въ замѣшательствѣ, смущенный, и обращая на насъ иногда безпокойный взглядъ, какъ будто хотѣлъ спросить: было ли это тоже самое дитя, нѣжностью котораго онъ пренебрегъ когда-то. Теперь была его очередь — покоряться и любить трепеща, заключать свою радость и счастье въ одномъ благосклонномъ словѣ Нанси, въ улыбкѣ ея устъ, его очередь надѣяться и бояться, и вздыхая говорить вечеромъ, когда живая дѣвушка убѣгала веселою и строгою: завтра, можетъ-быть, она меня полюбитъ....

Возвращаясь въ Парижъ, Альбертъ вѣрилъ неизлечимымъ страданіямъ и вѣчной страсти Нанси. Долго въ Парижѣ онъ обвинялъ себя съ горестью, что разрушилъ счастье моей сестры, и часто, переходя отъ раскаянія къ восторгу добродѣтели, онъ давалъ себѣ слово исправить свои ошибки, пожертвовать остаткомъ дней своихъ, чтобы снова призвать къ жизни существованіе, которое такъ жестоко разрушилъ. Но жертва эта наконецъ показалась ему свыше силъ: умный, блестящій и прекраснѣйшій, онъ не могъ жениться на деревенской дѣвущкѣ, которую любилъ изъ дѣтской шалости и которой образъ, представлявшійся ему во всей простотѣ первобытной несловности, заставлялъ его краснѣть за первую любовь.

Стояло въ-самомъ-дѣлѣ ѣздить въ Парижъ, привыкать къ хорошему обращенію, сидѣть въ продолженіи трехъ лѣтъ надъ

наукою и трудами, развить всѣ тонкости таланта, и все это отдать наконецъ крестьянкѣ крезской долины. Альбертъ не нашелъ бы въ себѣ столько храбрости. Когда онъ оставилъ Парижъ, чтобы возвратиться въ Анземъ, онъ общалъ себѣ, сохранить твердость къ слезамъ Нанси, и скоро избѣгнувъ докучливости страданія и любви, которыя ждали его въ деревнѣ.

Онъ былъ удивленъ, когда, вмѣсто крестьянки Анзема, простой и робкой, безъ прелестей ума и искусства, онъ нашелъ Нанси такую, какою образовала ее Аврелія; глубоко было его оскорбленіе, когда онъ увидѣлъ, что бѣдная жертва, которую онъ покинулъ неутѣшною и которая должна была его преслѣдовать, послѣ его возвращенія, вѣчною любовью и вѣчными страданіемъ, совершенно утѣшилась и казалось едва сохранила какое-то воспоминаніе прежнихъ дней. Съ-тѣхъ-поръ они перемѣнились ролями, и Нанси находила удовольствіе отплатить ему частью страданій, которыя нѣкогда она вытерпѣла за него, зная, что въ сердцѣ своемъ она имѣла лекарство, которое должно было ихъ вылечить.

Черезъ мѣсяць послѣ пріѣзда Альберта, мы вздумали навіститъ нашъ старый домъ. Г-жѣ Сомервилъ было лучше, крайней-мѣрѣ мы такъ думали: мы приняли за возвращеніе ея силъ лихорадочныя раздраженія, которыя ее болѣе не оставляли и обманывали ее самую; лихорадочный жаръ, проявлявшійся во всѣхъ ея движеніяхъ, во всѣхъ словахъ, иногда даже въ ея взглядѣ, заставлялъ насъ обманываться и вѣрить въ ея здоровье. Она хотѣла ѣхать съ нами: мы отправились вмѣстѣ, вечеромъ 1-го мая. Это былъ день, въ который Альбертъ и Нанси увидѣли другъ друга въ первый разъ.

Съ волненіемъ увидѣли мы уголокъ земли, на которой каждый изъ насъ вытерпѣлъ свое горе. Гжа Сомервилъ не смѣла войти въ комнату, гдѣ она провела зимнюю ночь, у постели Нанси. Нанси смотрѣла на все съ радостью: видъ мѣстъ, гдѣ мы страдали, пріятенъ намъ въ счастіи. Жестокая дѣвушка видѣла Альберта вездѣ, гдѣ они оставили воспоминаніе ихъ молодой любви; она шла возлѣ него беззаботно и весело, по дорожкамъ, на которыхъ они прежде ходили вмѣстѣ, мечтая и повторяя въ тѣни слова, которыя они не всегда слышали, но которыя доставляли имъ столько счастья. Напрасно старался Альбертъ напомнить былые дни; Нанси поминутно избѣгала этого, проворно прерывая разговоръ какъ только ей надо было представиться нѣжною, останавливаясь сорвать цвѣтокъ, снова

подходя важно къ своему другу, чтобы опять начать споръ, которой сама же прервала, насмѣялась надъ его грустью, видя его по мѣстамъ, гдѣ она такъ долго сама грустила изъ-за него.

Я остался вѣсѣ г-жи Сомервилль, въ залѣ нижняго этажа. Была минута, что двое молодыхъ людей медленно гуляли по аллеѣ сада, простиравшейся подъ окномъ залы гдѣ мы сидѣли, и мы слышали, какъ Альбертъ говорилъ сестрѣ своей:

— Вотъ уже пять лѣтъ, какъ въ этотъ день, я видѣлъ васъ здѣсь въ первый разъ, Нанси: вы не забыли, его? Неужели эти мѣста ничего не говорятъ вамъ? Я слышу въ воздухѣ какой-то шумъ листьевъ, испареніе растений, которые мнѣ рассказываютъ всю мою жизнь счастья и очарованія.

— Вы думаете, отвѣчала невнимательно Нанси, что мы узнали другъ друга весной? а я всегда думала, что мы видѣли другъ друга въ первый разъ къ концѣ осени... Любите вы осень, Альбертъ?

— Нанси, появленіе каждого времени года возбуждаетъ воспомнанія болѣе или менѣе пріятныя, болѣе или менѣе горькія; какъ будто каждое изъ нихъ отражаетъ счастье, которымъ оно было полно, и вѣчно сохраняетъ его образъ. Однимъ осенью напоминаетъ о счастливой любви; гармонія вѣтра въ засохшихъ листьяхъ отражаетъ имъ, какъ эхо, погибшее счастье; жёлтѣющіе виноградные холмы принимаютъ тысячу отблѣсковъ взятыхъ у радости, тайну которой они сохранили: тѣ предпочитаютъ осень; другіе видѣли свои прекрасные дни подъ облачнымъ небомъ зимы: ослѣпительный снѣгъ будетъ имѣть для нихъ болѣе очаровательный видъ, нежели напѣванный запахомъ боярышникъ и цвѣтущій шиповникъ. Я предпочитаю весну.

— А я осень, сказала Нанси равнодушно.

— Можеть-быть при паденіи листьевъ, вы живѣе представляете мои преступленія и ваши страданія? спросила печально Альбертъ.

— Ваши преступленія! говорила смѣясь Нанси. Вы пугаете меня Альбертъ! Что-же вы сдѣлали?

— Я жестоко поступилъ съ вами, Нанси...

— Жестоко, Альбертъ! что говорите вы? Я васъ всегда знала внимательнымъ въ отношеніи ко мнѣ, хотя была еще тогда ребенкомъ. Неужели васъ все еще преслѣдуютъ угрызения совѣсти за гнѣздо куропатокъ, которыхъ съѣли ваши собаки? Во-

ши собаки были варвары; но вы, я помню, почти плакала при моемъ горѣ.

— Въ этомъ развѣ заключаются всѣ воспоминанія бывшихъ страданій, которыя вы вытерпѣли? Вы очень снисходительны, но ваша снисходительность жестока! Я бы желалъ лучше испытать вашъ гнѣвъ: прощеніе пріятнѣе забвенія.

— Слышите, какъ соловей поетъ надъ бесѣдкой, сказала Нанси: знаете ли вы какое-нибудь стихотвореніе, которое имѣло бы болѣе выразительности и мелодической печали?

— Есть звуки еще пріятнѣе: голосъ любимаго нами предмета, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Да, сказала молодая дѣвушка: на примѣръ голосъ нашей матери.

Они удалились, и мы слышали только, какъ песокъ скрипѣлъ въ аллеѣ подъ ихъ ногами.

Г-жа Сомервилль сидѣла въ молчаніи. Она облокотилась на подоконникъ, голова ея лежала на рукѣ.

Я взянулъ на нее при умирающемъ свѣтѣ сумерекъ былъ пораженъ судорожными движеніями ея лица; ея дрожащія губы выражали что-то страдальческое и горькое.

— Вы скучаете, Аврелія? сказалъ я ей, слегка опираясь рукой на ея плечо.

— Скучать! живо сказала она, повернувшись съ выраженіемъ ужаса.... Отчего мнѣ скучать? прибавила она спокойно. Другъ мой, я никогда не была такъ счастлива.

И въ-самомъ-дѣлѣ остатокъ дня она была въ веселомъ, спокойномъ расположеніи духа; никогда Альбертъ и Нанси не видѣли ее добрѣе и нѣжнѣе.

Ея сердце не перемѣнилось, но со времени пріѣзда Альберта характеръ сдѣлался неровнымъ и иногда подозрительнымъ и насмѣшливымъ; хотя очень рѣдко, но въ обращеніи ея проявлялись странности, огорчавшія Альберта, разсѣянность, которая беспокоила насъ всѣхъ. Я помню одинъ вечеръ, когда всѣ четверо мы сидѣли въ залѣ; всѣ четверо мы были молчаливы. Солнце только что спряталось за синія горы Крезы. Г-жа Сомервилль сидѣла возлѣ меня, Альбертъ возлѣ Нанси, оба занятые одною мыслью. Нанси подала свою дрожащую руку Альберту. Онъ съ упоеніемъ смотрѣлъ на сестру, обращавшую къ Авреліи свои глаза, въ которыхъ отражалась любовь къ Альберту. Они были такъ прекрасны оба, такъ полны молодости, любви, счастья, что я долге любовался ими, и

старался обратить на нихъ взоръ г-жи Коммервилъ. Ея взгляды не отвѣчалъ мнѣ: ея лицо было печально, брови сжаты, дыханіе тяжело и прерывисто, ея руки судорожно сжаты вмѣстѣ.

— Аврелія, вы страдаете! съ испугомъ сказалъ я.

— Ужасно! отвѣчала она.

Альбертъ и Нанси тотчасъ же подбѣжали къ ней.

— Что вы, дѣти мои? спросила Аврелія, бросая блуждающіе взгляды, какъ будто мы ее вывели изъ тяжелаго сна.... Это ничего.... здѣсь душно. Максимъ отворите окно!

Не знаю, почему я притворился, что отпираю окно, не давъ замѣтить, что оно съ самаго утра было растворено совершенно.

— Ну теперь хорошо, сказала Аврелія: по-крайней-мѣрѣ можно дышать.

Альбертъ, моя сестра и я, мы помѣнялись печальнымъ скрытнымъ взглядомъ; каждый изъ насъ сохранилъ для себя и въ себѣ горечь своихъ размышленій. Однажды я рѣшился разспросить г-жу Коммервилъ объ этомъ состояніи, пугавшемъ насъ всѣхъ.

— Аврелія, говорилъ я ей: намъ недостаетъ вашего счастья. Отчего вы несчастны? Кажется, все дѣлается по вашимъ желаніямъ? Жизнь и здоровье возвратились къ вамъ вмѣстѣ съ Альбертомъ; никогда женщина не была окружена такою любовью и уваженіемъ, а нѣжность вашихъ дѣтей обѣщаетъ вамъ много прекрасныхъ дней въ будущемъ. Отчего же эта мрачная задумчивость, въ которую вы часто погружаетесь? Нѣтъ ли у васъ страданій, которыя вы скрываете отъ тѣхъ, кто васъ любитъ?

— Эти страданія были въ прошедшемъ, сказала она мнѣ: остаются отъ нихъ одни воспоминанія, но онѣ печальны, и раздражаютъ мнѣ сердце; даже при настоящемъ моемъ счастьи, я не могу думать объ нихъ безъ волненія, какъ о представленіи драмы, которая заставляетъ васъ плакать, несмотря на то, что завѣса раздѣляетъ міръ вымысла отъ дѣйствительнаго. Когда упадетъ завѣса, призракъ исчезаетъ, но впечатлѣніе остается сильнымъ и преслѣдуетъ васъ долго послѣ того, какъ вы оставили театръ. Это то самое состояніе, въ которомъ я нахожусь еще довольно часто. Вы должны мнѣ простить, что я отжила, прежде чѣмъ узнала васъ.

— Но вы мнѣ сказали, что жизнь ваша началась собственно съ того времени, когда вы узнали насъ.

— Я говорила о моемъ счастьи, Максимъ; именно это-то счастье и приводитъ меня въ какое-то раздраженіе при воспоминаніи прошедшаго. Я браю тогда эти воспоминанія, я спрашиваю у судьбы моей, за чѣмъ она была такъ жестока и бѣдственна въ лучшіе дни моей жизни, когда мнѣ было двадцать лѣтъ, когда я была хороша, съ чистотою простаго, довѣрчиваго сердца; отчего я могла любить тогда, когда не встрѣчала васъ, дѣти мои? Тогда я была достойнѣе вашихъ пламенныхъ душъ. Вмѣсто того, я расточила мою привязанность на коварныхъ, холодныхъ людей, потеряла свою молодость переходя отъ разочарованія къ обману; я стара теперь, я отцвѣла, я истомлена, посреди преданныхъ, великодушныхъ людей, въ душу которыхъ я часто переливаю мое сомнѣніе и скептицизмъ моего холоднаго разсудка. Кто возвратитъ мнѣ дни, когда я дѣлала добро съ такою радостью, когда довѣренность была мнѣ такъ легка, когда мое сердце такъ довѣрчиво, готово было на великія пожертвованія? Гдѣ найду я тотъ ровный и тихій характеръ, окружавшій меня радостью со всѣхъ сторонъ, счастье, которое вездѣ за мною слѣдовало? Но какова бы я ни была теперь, не оставляйте меня, вы друзья мои, любите меня, будьте мнѣ вѣрны, помогите мнѣ окончить мое путешествіе на этой пустынной землѣ, гдѣ я прошла такой длинный и темный путь.

— Но правда ли, но-крайней-мѣрѣ, то, что вы не имѣете въ настоящемъ какой-нибудь дѣйствительной скорби? Одно ли это прошедшее тяготитъ надъ вами и мучаетъ васъ? Адрилія, не обманывайте насъ.

— Нѣтъ, Максимъ, нѣтъ; повѣрьте мнѣ. Какъ могу я быть несчастной?... Моя единственная скорбь происходитъ оттого, что я скоро должна буду покинуть это счастье. Другъ мой, говорите что хотите, я себя болѣе не обманываю: болѣе не подвигается скоро, каждый день отнимаетъ у меня часть моего существованія. На минуту я могла повѣрить жизни; но вы увидите, что всѣ эти прекрасныя надежды на силу и здоровье обратятся мнѣ во вредъ. Не правда ли, нередъ тѣмъ какъ ей погаснуть, лампа бросаетъ самый сильный свѣтъ? Такъ, но-крайней-мѣрѣ, говорятъ поэты.

Я старался утѣшить и ободрить ее въ томъ, въ чемъ каждый изъ насъ впрочемъ старался обмануть другъ друга.

— Смерть не пугаетъ меня, потому-что не застанетъ въ расплохъ: я чувствую, какъ она приближается, и ее ожидаю. Но вы знаете, Максимъ, что я не хотѣла бы оставить этого

міра не увидѣвъ дѣтей моихъ счастливыми вполнѣ и соединенными: это мое послѣднее желаніе, это послѣднее счастье, котораго я жду на землѣ.

— Аврелія, отвѣчалъ я: ваша воля будетъ моею волею.

— Да, сказала она съ задумчивой улыбкой: это воля умирающей... Я васъ предупрежу, Максимъ; когда будетъ время.

—

IX.

Местъ Нанси не была жестока и продолжительна, испытанія Альберта продлились не болѣе нѣсколькихъ дней. Они полюбили другъ друга, и счастье ихъ не страшилось прошедшаго, потому-что оба они нашли въ себѣ одни и тѣже источники и сохранили воспоминаніе несчастныхъ дней, которое настоящее ихъ дѣлало пріятнѣе и милѣе; это не была возобновленная любовь, но новая страсть.

— Мнѣ кажется, говорилъ Альбертъ: что наше знакомство началось на землѣ и кончится въ небесахъ.

И такъ этотъ несчастный молодой человекъ былъ назначенъ узнать счастье и любовь у постели больной: у изголовья покинутой сестры онъ полюбилъ Аврелію, при умирающей Аврелии возобновилась въ немъ страсть къ Нанси. Но въ этотъ разъ онъ безъ тоски и угрызений совѣсти, могъ предаться упоенію новой страсти: г-жа Sommerville и я вели себя такъ искусно и скрытно, что молодые люди не понимали болѣзни, которая изнуряла Аврелію, и обманутые признакомъ поддѣльнаго здоровья, думали оба, что она воскреснетъ вмѣстѣ съ ихъ любовью. Надо было знать такъ, какъ я, тайну болѣзни, которая медленно разрушала г-жу Sommerville, чтобы не повѣрить, что она можетъ прожить еще долгіе дни; она съ такимъ искусствомъ и заботой скрывала свой упадокъ, энергія ея неутомимой души такъ удачно замѣняла уничтоженіе ея силъ, она такъ заботливо удаляла отъ молодыхъ людей самое легкое безпокойство, сохраняла во всей чистотѣ прозрачность и ясность ихъ чувства, что, казалась, возвращалась къ жизни по мѣрѣ того, какъ приближалась къ смерти. Можно было приѣхать къ ней сравненіе съ дубомъ, разбитымъ громомъ,

который скрываетъ разрушенный стволъ свой подъ обманчивой свѣжестью и молодостью своихъ листьевъ. Между тѣмъ къ ней никогда не возвращалась ровность характера, которую къ ней прежде видѣли: она сдѣлалась странна, капризна и причудлива, съ Альбертомъ и Нанси, переходя отъ сильной нѣжности къ невыразимой суровости, съ наслажденіемъ принимая поцѣлуи Альберта, потомъ внезапно освобождаясь отъ нихъ, нища и убѣгая его ласкъ, боясь его наединѣ и во мракѣ, дрожа, въ свою очередь, при немъ, какъ прежде онъ трепеталъ предъ ней.

Когда Альбертъ получилъ признаніе въ любви Нанси, онъ считалъ долгомъ открыть ихъ взаимную любовь Авреліи и мнѣ. Его объясненіе было трогательно и благородно: онъ благословлялъ Аврелію за сокровище, которое она сберегла ему въ его отсутствіе; потомъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ меня, хочу ли я ему дать имя брата, отъ котораго онъ отказался когда былъ недостойнъ его, но которое онъ думалъ заслужить теперь, обѣщая посвятить все свое существованіе, чтобы загладить заблужденіе, котораго онъ былъ первою жертвою.

— Я былъ очень виноватъ, прибавилъ онъ: но теперь я прощенъ и оправданъ любовью Нанси; надѣюсь, что ваша дружба будетъ не менѣе снисходительна.

— Другъ мой, сказалъ я ему, обвиняя его: мнѣ не за чтò прощать тебѣ, и я никогда не буду имѣть другаго желанія кромѣ вашего счастья. Я готовъ соединить васъ; но здѣсь есть другая воля, которой я передалъ мои самыя дорогія права.

Тогда Альбертъ, снова обращаясь къ г-жѣ Сомервилль, выразилъ ей съ увлеченіемъ любовь свою къ Нанси; онъ объяснилъ ей съ жаромъ невинныя желанія, завладѣвшія имъ; онъ нашелъ въ сердцѣ своемъ пыкія выраженія, чтобы передать ихъ силу; глаза его одушевлялись вмѣстѣ со словами, онъ былъ краснорѣчивъ, страсть вылилась пылко и чисто изъ его устъ; потомъ онъ успокоился, и съ умоляющимъ взоромъ всталъ на колѣни передъ Авреліей, ожидая утвержденія его восторговъ и надеждъ.

Аврелія, слушая, Альберта погрузилась въ размышленіе. Когда онъ кончилъ, она долго смотрѣла на него съ печалью; потомъ прижала его къ своей груди.

— Ты прекрасенъ, сказала она ему: твой голосъ пріятенъ, милый другъ мой; твои слова тронули меня, какъ мелодія своихъ моихъ молодыхъ лѣтъ; онъ принесли мнѣ какое-то воспоми-

наніе о счастіи, котораго впрочемъ я никогда не знала. Да, Альбертъ, люби Нанси: я благословляю вашу любовь.»

При этихъ словахъ она залилась слезами.

Черезъ мѣсяцъ послѣ объясненія Альберта, дѣла, г-жи Сомервиль снова потребовали меня на югъ. Я уѣхалъ, полный довѣрія и беззаботности, которыя еще болѣе подтверждали письма Альберта и Нанси; я уже начиналъ думать, что Аврелія преувеличила свой страхъ, или преувеличивала свою болѣзнь сама передъ собою, какъ черезъ три недѣли послѣ отъѣзда, я получилъ, съ Сень-Леонардскимъ штемпелемъ на конвертѣ, письмо такого содержанія:

«Максимъ.

«Возьмите почтовыхъ, и приѣзжайте: настало время соединить Альберта и Нанси.

«Аврелія».

Х.

Я возвратился скоро. Сомервиль сидѣла на диванѣ, между Альбертомъ и Нанси. Она хотѣла встать, когда я вошелъ, но слабость не позволила ей этого. Она была чрезвычайно слаба, но всегда спокойна и кротка. До послѣдняго дня она скрывала отъ молодыхъ людей упадокъ ея силъ, и опечаленные состояніемъ Авреліи, они однако же не думали пугаться его. Нанси нѣсколько разъ видѣла, какъ Аврелія приближалась къ смерти, и потомъ снова возвращалась къ жизни; потому сестра моя смѣло разсѣивала безпокойство Альберта, и не колеблясь обѣщала ему скорое выздоровленіе Авреліи. Когда я вошелъ, потухающій взглядъ г-жи Сомервиль на минуту оживился, давая мнѣ замѣтить, что Альбертъ и сестра моя ничего не предвидѣли и не были ни о чемъ предувѣдомлены. Она умоляла меня взглядомъ скрыть отъ нихъ мое горе и ужасъ. Я выдумалъ какой-то вѣроятный предлогъ моего поспѣшнаго возвращенія; они оба обрадовались, увидѣвъ меня. Г-жа Сомервиль пролежала весь день на диванѣ, говоря мало, но съ удовольствіемъ слушающая насъ, впадала иногда безмолвно въ уныніе, но пробуждаясь снова улыбалась намъ. Она просила Альберта читать ей поэтовъ, которыхъ любила, въ особенности тѣхъ, чей голосъ оживляетъ и утѣшаетъ; этихъ великихъ писателей, воспѣвающихъ небесныя блаженства и передающихъ Богу наши

слезы и молитвы. Когда наступило время разстаться, Аврелия захотѣла остаться со мною наследнѣ. Альбертъ и Нанси удалились; я остался у Аврелии.

Мы сидѣли съ часъ, не смѣя обмѣняться однимъ словомъ, жестомъ, взглядомъ. Г-жа Соммервилъ находилась въ какой-то дремотѣ; ея дыханіе было такъ слабо, что я не слышалъ его, и видя ее на этомъ диванѣ, одѣтую въ бѣлое платье, блѣдную, съ багровымъ румянцемъ безъ движенія, я нѣсколько разъ подходилъ къ ней со страхомъ, чтобы увѣриться, что она не умерла. Освободясь наконецъ отъ дремотнаго состоянія, въ которое она была погружена, она обратила ко мнѣ глаза съ смутнымъ выраженіемъ, и я видѣлъ, какъ рука ея искала мою руку. Я взялъ ея руку, покрылъ ее слезами, и въ отчаяніи смотря на несчастную, сказалъ:

— И такъ! Аврелия.... это правда?...

Она мнѣ отвѣчала утвердительнымъ знакомъ головы; ея взглядъ выражалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тихую радость. Я закрылъ лицо мое руками и не могъ заглушить своихъ рыданій.

— Вы мнѣ обѣщали, сказала она наконецъ съ горестью, что не допустите меня умереть!

— Ахъ! Аврелия, вскричалъ я: вы сами отвергаете жизнь! Вы рады оставить насъ!

— Нѣтъ, Максимъ, нѣтъ. Если вы видите меня покорной и тихой, это отъ того, что я не имѣю болѣе силы сопротивляться; если я не плачу вмѣстѣ съ вами, это оттого, что двадцать лѣтъ горя высушили въ глазахъ моихъ источникъ слезъ.... И я рада васъ оставить, Максимъ! Вы не думаете о томъ, что говорите.

— Но, маркиза, не преувеличиваете ли вы вашу болѣзнь? Совѣтовались вы съ докторами Сенъ Леонарда?

— Другъ мой, сказала она мнѣ, улыбаясь: лекарства тутъ ни къ чему не послужатъ. Что касается до болѣзни, которая изнуряетъ меня, она достигла послѣдняго періода, вы мнѣ можете повѣрить въ этомъ. Смерть уничтожала меня медленно, постепенно; теперь я чувствую, что она скоро явится. Теперь вы мнѣ необходимы.

— Ахъ, маркиза, я готовъ для васъ на все; говорите!

— Прежде всего, я надѣюсь на васъ, что вы приготовите Альберта и Нанси къ удару, который поразитъ ихъ; у меня не останется на это силы: они такъ счастливы и спокойны возлѣ меня; они передаютъ мнѣ съ довѣріемъ свои предположенія о счастіи; ихъ любовь даетъ мнѣ столько прекрасныхъ

надеждъ; они мечтаютъ, что существованіе мое, которое гаснетъ, продлится долгое время, и я боюсь предупредить ихъ, что они играютъ у могилы, въ которую я скоро сойду. Будьте тверже меня, Максимъ; сохраните всю вашу твердость, чтобы объявить имъ, что скоро мы должны разстаться. Это порученіе жестоко, но еще хуже не предупредить этихъ дѣтей о несчастіи, которое имъ угрожаетъ. Скажите этимъ милымъ созданіямъ, что умереть предписывается общимъ закономъ, и что все-равно сегодня или завтра проститься съ жизнью; что каждый періодъ нашей жизни имѣетъ свою развязку, что мы должны здѣсь выдержать наше назначеніе; наконецъ, скажите имъ все, что состраданіе можетъ придумать, чтобы утѣшить умирающихъ и тѣхъ, которые ихъ переживаютъ. Не правда ли, Максимъ, вы будете имѣть столько твердости?

— Да, маркиза, сказалъ я ей: я вамъ обещаю это,

— Вы также скажете имъ, чтобы они избавили меня отъ тяжелаго положенія видѣть ихъ горестъ и слезы. Я слишкомъ слаба, чтобы перенести это; вся сила и энергія исчезли во мнѣ.... Скажите же этимъ дѣтямъ, что съ высоты міра, къ которому скоро вознесусь, я безпрестанно буду думать о нихъ, что въ небесной странѣ душа моя сохранить для нихъ слезы сожалѣнія и улыбки нѣжности. Вы имъ скажете все это, Максимъ; вы ихъ утѣшите; но я не буду знать объ этомъ.

— Я ихъ буду утѣшать, маркиза, отвѣчалъ я задыхающимся голосомъ.

— Милый другъ, сказала она: вы также будете сожалѣть обо мнѣ?

— О, маркиза! говорилъ я: неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ умираете?

— Придите въ себя, будьте тверды. Теперь я спокойнѣе. Во время вашего отсутствія я совѣтовалась съ однимъ изъ законовѣдцевъ. Все мое состояніе завѣщано Альберту; я приготовила его бракъ съ Нанси, церковное оглашеніе уже сдѣлано; еще нѣсколько часовъ жизни и я буду присутствовать при бракѣ дѣтей моихъ; мои послѣдніе дни позавидуютъ прекраснымъ днямъ моей молодости. Мнѣ будетъ сладко унести съ собою мысль о счастіи Альберта и Нанси. Мнѣ въ особенности будетъ пріятно покинуть васъ съ утѣшительною мыслию, что вы остаетесь съ ними. Я вполне надѣюсь на васъ, Максимъ; вамъ я завѣщаю долгъ и обязанности, отъ которыхъ одна смерть могла меня избавить; вы окончите то, что я начала. Не правда ли, вы обѣщаете мнѣ это, другъ мой?

— Клянусь вамъ!

— Я вамъ вѣрю. Вы будете любить Альберта; что бы ни случилось, вы будете съ нимъ. Онъ молодъ, свѣтъ представитъ ему много случаевъ паденія и искушенія. Кто не падалъ въ этой долгой битвѣ? И кто оставилъ эту битву такимъ же чистымъ, какимъ вошелъ въ нее? Что бы ни сдѣлалъ Альбертъ, вы позаботитесь о немъ. Вашу дружбу, вы не будете сравнивать съ тою, которую онъ питаетъ къ вамъ. Мы должны любить тѣхъ, кто насъ любитъ, не смотря на ихъ несправедливости и заблужденія. Сильнаго или слабого, робкаго или отважнаго, любите Альберта столько же, сколько и онъ васъ будетъ любить. Не подражайте друзьямъ строгимъ, которые долго вмѣшиваются въ ваше счастье, и удаляются неблагородно, какъ только ихъ гордость найдетъ, что ваши добродѣтели ослабѣваютъ и оставляютъ васъ; не берите примѣра съ нихъ, Максимъ; гордясь непостоянными добродѣтелями, они краснѣютъ за себя, когда васъ злословятъ; они страдаютъ сами отъ клеветы васъ поражающей; не смѣя гордиться вашей дружбой, они оставляютъ васъ въ тотъ день, когда вы ихъ умоляете; они отнимаютъ у васъ свой плащъ, которымъ должны бы были покрыть васъ, и безжалостно скрываютъ отъ васъ свое счастье, раздѣливши съ вами ваше. Эти друзья мнѣ сдѣлали много зла!

Оживленная на минуту, г-жа Сомервилъ снова впала въ то дремотное состояніе, которое предшествуетъ сильнымъ переломамъ болѣзни.

Ночь была холодна; боясь за нее сырости залы, я разбудилъ ее и просилъ перейти въ другую комнату.

— Нѣтъ, сказала она: я хочу лежать на этомъ диванѣ. Мнѣ здѣсь хорошо; вы можете меня оставить.... Прощайте, прошептала она: желаю, чтобы для всѣхъ васъ, друзья мои, жизнь была прекрасна и пріятна.

Исполняя желаніе г-жи Сомервилъ, я мало-по-малу приготовилъ Альберта и Нанси къ этому удару: оба были поражены, и я, который долженъ былъ ихъ утѣшать, я плакалъ вмѣстѣ съ ними; бракъ, который ихъ такъ занималъ, и котораго еще наканунѣ они ждали съ нетерпѣніемъ, показался имъ только погребальной церемоніей, на которую они согласились, уважая только послѣднюю волю Авреліи.

Мы уговорились между нами, скрыть отъ Авреліи нашу горестъ; но когда мы всѣ трое возвратились къ ней, горестъ наша пересилила насъ, и мы всѣ залились слезами.

Въ первый день октября, въ прошедшую осень, солнце радужно и тихо показалось на горизонтѣ.

Съ самаго утра всѣ крестьяне одѣлись въ праздничныя платья и собрались на террасѣ замка; крестьяне нашей деревни, вмѣстѣ съ анземскими, расположились у рѣшетки сада. Всѣ она стояли съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ печальнымъ видомъ.

Сквозь пожелтѣвшія листья ельшился колоколь анземской церкви; это былъ благовѣсть святыхъ Альберта и Нанси и агоніи г-жи Совмerville.

Въ десять часовъ Альбертъ и Нанси вышли изъ замка.

Г-жа Совмerville вслѣда подняла себя къ окну, чтобы видѣть ихъ; какъ только показалась она въ открытомъ окнѣ, всѣ взоры обратились на нее, ропотъ удивленія и горести поднялся со всѣхъ сторонъ. Крестьяне распродожидсь по обѣ стороны загородки, чтобы дать дорогу молодымъ супругамъ. Слезы Нанси падали на ея букетъ; всѣ плакали. Послѣ свадебной церемоніи, молитвы были возсылаемы вслухъ за г-жу Совмerville; къ ней призывали помощь съ небесъ.

Возвратясь въ замокъ, Альбертъ и Нанси встали на колѣна передъ Авреліей. Она долго прижимала ихъ обоимъ къ своей груди. Она говорила мало; мы были молчаливы.

— Друзья мои, сказала она: я виновата, что вы проводите самый прекрасный изъ вашихъ дней такъ печально; но я не хотѣла оставить васъ, не исполнивъ моего долга. Благословляю васъ за то, что вы покорились послѣдному желанію моего сердца! Зачѣмъ не могла я ранѣе соединить васъ, дѣти мои! Я долге наслаждалась бы вашимъ счастьемъ и вашъ бракъ не былъ бы отпразднованъ такъ печально; но я не смѣла: прежде чѣмъ соединить васъ неразрывными узами, я хотѣла дать вамъ время узнать другъ друга; я продолжила, сколько могла, мое слабое существованіе; насталъ мой послѣдній день.

— Вашъ послѣдній день! вскричали Альбертъ и Нанси, которые не думали, что болѣзнь ея уже такъ сильно развилась.

— Мои послѣдніе дни, возразила Аврелія, улыбаясь: но я не хочу умереть, я еще надѣюсь. Богъ сотворить, можетъ быть, это чудо.

Я замѣчалъ, что она все болѣе и болѣе ослабѣвала. Въ серединѣ дня она лежала на своей кровати и спала. Я положилъ ей руку на сердце, и едва слышалъ его бѣненіе; пульсъ ея былъ такъ слабъ, что напрасно я старался найти его; она не страдала, но тихо угасала.

Пробудясь, г-жа Соммервилъ захотѣла видѣть стараго ан-земскаго священника: она осталась съ нимъ на единѣ въ продолженіи двухъ часовъ.

Къ вечеру она согласилась выпить немного испанскаго вина; почти въ ту же минуту глаза ея оживились, щеки покрылись румянцемъ, и разогрѣтая кровь стала обращаться бы-стрѣе.

Она была такъ слаба, что нѣсколькихъ капель этого вина доста-точно было, чтобы подѣйствовать на слабыя нервы: ея взглядъ былъ одушевленъ, движенія быстры, лице сіяло; голосъ снова принялъ смѣлое, отрывистое выраженіе, которымъ отли-чался въ прежнее время ея разговоръ.

Она долго говорила Альберту и Нанси объ обязанностяхъ новой жизни, которая начиналась для нихъ съ этого дня; она говорила краснорѣчиво, мысленно провела ихъ по новымъ пу-тямъ, которые имъ предстояли, научая ихъ съ заботливостью избѣгать бездны, показывая имъ дорогу, которая должна была привести ихъ къ счастію. Она развила прекрасныя теоріи на-уки жизни, предписывала имъ довѣренность въ семейной жиз-ни, достоинство въ несчастіяхъ, пріятность въ сношеніяхъ, снисхожденіе ко всему. Она также говорила имъ, что счастье есть искусство, и что каждый самъ приготовляетъ себѣ судьбу, отъ которой зависитъ; она совѣтовала сохранить въ распредѣ-леніи ихъ существованія благоразуміе и ловкость художника, заботящагося о совершенствѣ его произведенія, говоря имъ, что великая наука состоитъ въ томъ, чтобы подъ пламенными восторгамъ первыхъ нѣжностей удержать горячую дружбу, ко-торою мы должны жить и которая должна согрѣвать оста-токъ нашихъ дней.

Она долго говорила такимъ образомъ; ея воспламененное во-ображеніе представляло ей богатые образы. Она лежала на кро-вати, сложивъ руки на груди; ея голова неподвижно отдыхала на подушкѣ; ея голосъ, сдѣлавшійся важнымъ, медленнымъ и величественнымъ, навѣвалъ на насъ религіозный страхъ. Она говорила безъ усилія и усталости; ея голосъ былъ такъ чистъ и звученъ, что я наблюдалъ за ея губами, чтобы увѣриться, что это точно говорила она. Мнѣ иногда казалось, что жизнь оставила это неподвижное тѣло, и что я слышалъ послѣднее прощаніе души Аврелии, которая парила надъ нашими голова-ми прежде, чѣмъ улетѣть въ вѣчный міръ.

Въ сумерки, она захотѣла, чтобы зажгли свѣчи въ комна-тѣ и спросила цвѣтовъ. Она велѣла открыть окно, выходя-

шее на террасу; на нѣсколько минутъ облокотилась на подушку, опираясь головою на руку, чтобы полюбоваться первыми звѣздами мелькающими въ небѣ и красноватымъ оттѣнкомъ, разстилавшимся на горизонтѣ. Она нѣсколько разъ вдыхала въ себя вечерній воздухъ, доходившій до ея постели, и снова падая на подушку, сказала:

— Жизнь дорогá умирающимъ.

Въ эту минуту мы услышали протяжный, печальный звонъ деревенскаго колокола, и по террасѣ пошли люди, жившіе въ замкѣ, въ анземскую церковь: они ходили вмѣстѣ съ пасторомъ повторять молитвы за умирающихъ.

Утомленная волненіями, которыя переживала въ этотъ день, Аврелія снова васнула, убаюканная звономъ колокола, который обѣщалъ ей вѣчное спокойствіе. Ея сонъ былъ безлюбопытенъ: пульсъ обнаруживался сильнѣе; въ немъ замѣтна была лихорадка; она очень живо разговаривала сама съ собою; ея рѣчи были несвязны; имя Альберта безпрестанно мѣшалось въ нихъ; она произносила его съ любовью и съ отчаяніемъ.

Мы провели ночь подлѣ нея.

Къ утру она быстро повернулась на постели, и раздрающимъ голосомъ позвала Альберта. Она обвила его своими руками; холодными устами она горячо осыпала его поцалунми; ея высохшія глаза еще нашли капли слезъ, быстрый порывъ страсти отразился въ ея потухшемъ взорѣ; потомъ вдругъ, примѣтивъ Нанси, которая на колѣнахъ плакала у ногъ ея,—

— Помнишь ли ты, сказала она ей, какъ провела я съ тобой ту зимнюю ночь, когда ты лежала умирающая?

И тихо отталкивая Альберта, она обратилась съ благочестивою покорностью къ распятію, стоявшему у нея въ головахъ; она съ кротостью сложила руки, и произнесла послѣднія слова Спасителя, умирающаго для спасенія міра: Совершилось!...

Такимъ образомъ, при первыхъ дневныхъ лучахъ, при блѣдномъ свѣтѣ восковыхъ свѣчъ, посреди благоуханій цвѣтовъ, угасла на нашихъ рукахъ женщина, полная поэзіи, силы, граціи и мужественной красоты....

XI.

Есть что-то ужаснѣе потери любимыхъ существъ: это чувствовать, когда они уже не существуютъ, какъ мало занимали они мѣста въ нашей жизни, какую незначительную роль играли въ нашешъ счастіи. Кажется, что, умирая, они уносятъ съ собою половину нашего существованія; но едва они умерли — и ничто не измѣняется вокругъ насъ; ни одно жизненное колесо не сломалось, не тернется ни одинъ звукъ въ гармоніи міра, ни одна привычка наша не была нарушена ударомъ, который долженъ поразить душу. На другой день погребенія все принимаетъ свой обыкновенный видъ. Мы, вѣдалось, должны были плакать всю жизнь, и достаточно перваго луча солнца, чтобы высушить наши слезы; мы обѣщали вѣчность нашимъ сожалеющимъ, и первый пріятный вѣтерокъ, лаская, развеиваетъ и утѣшаетъ насъ; мы носили въ насъ бездну горести: одна капля росы упадетъ въ нее, и бездна эта наполнена.

Сердце человека, что жетъ такое? ты подвижнѣе листка осины и не глубже чашечки цвѣтка.

Однако же прошло нѣсколько мѣсяцовъ со дня смерти г-да Соммервилля, и сожаленія наши были также неутихши и горьки. Если когда-нибудь чье-либо существованіе необходимо было для счастія существъ, окружавшихъ его, это конечно существованіе этой благородной женщины. Но надо признаться, что горестъ Альберта и Нанси не могла не разсѣяться со временемъ; супружеское счастіе скоро смягчило ее силу; картина ихъ блаженства, хотя еще печальная и не исшла, въ нѣсколько мѣсяцовъ изгладила бы печаль въ моемъ сердцѣ, если бы послѣднія слова Авреліи не остались въ нашихъ сердцахъ, какъ неисчерпаемый источникъ сомнѣнія и слабаго безпокойства; эти таинственные слова, смыслъ которыхъ я не смѣлъ отгадывать, заставляла меня задумываться. Эти слова оставили въ умѣ сестры моей впечатлѣніе печальной сны, которую она долго принимала за фантазію ночныхъ сновидѣній, и которая съ этого времени сдѣлалась ей яснымъ воспоминаніемъ ужасной дѣйствительности. Съ своей стороны Альбертъ съ грустью спрашивалъ о томъ же самъ себя, и странно, мы чувствовали какъ бы угрызенія совѣсти, какъ-будто сдѣлали какое-нибудь преступленіе.

Ясно было, что г-жа Сомервиль умерла отъ страданій, которыя никакое искусство не въ состояннн было излечить; но отчего происходили эти страданія, которыя она сохранила въ своемъ сердцѣ, какъ сокровище, и которыя открыло намъ ея безпокойство? Она умерла въ цвѣтѣ силъ, когда все призывало ее къ жизни, въ тотъ день, когда исполнились ея лучшія надежды, умерла уважасмая и почитаемая всѣми, когда будущее предстало предъ ней въ веселомъ видѣ, когда радости настоящаго вознаградили бы ее за слезы въ прошедшемъ; и при всемъ этомъ она умерла съ горь!... Что значитъ эта жертва, которую она принесла Богу, умирая? Что значили слова ея, сказанныя моею сестрѣ? Несчастливая умерла, можетъ-быть, отъ любви худо погашенной....

Безумцы! вмѣсто того, чтобы кротко покориться нашей судьбѣ, мы стараемся проникнуть въ ея тайну. Тайна открыта, но тотъ изъ насъ, кто первый узналъ ее, умеръ отъ того.

Горестъ Нанси вдругъ сдѣлалась странна и упорна; она избѣгала ласкъ Альберта, она удалялась и горевала въ уединеннн; мы нѣсколько разъ находили ее безъ чувствъ на могилѣ г-жи Сомервиль; дни проводила она въ угрюмомъ отчаяннн, ночи въ ужасномъ бреду; грозный образъ Аврелн преслѣдовалъ ее въ сновидѣннхъ; она бросалась на колѣнн и просила прошенн, и когда Альбертъ, разбудя ее, прижималъ къ своему сердцу, она испускала раздирающіе крики и отталкивала его съ гнѣвомъ. Днемъ она была безмолвна и тиха; я нѣсколько разъ заставлялъ ее обливающую слезами какую-то бумагу, которую она поспѣшно прятала, примѣтивъ меня.

Я часто разспрашивалъ ее, но она никогда не отвѣчала мнѣ ни слова.

Я и Альбертъ, мы забыли наше горе и были заняты только Нанси; но напрасно старались мы ее утѣшить. Испуганные этимъ состояннемъ, мы болнлись, чтобы ея разсудкомъ, потрясенный этимъ ударомъ, не помрачился; мы рѣшились увезти ее изъ мѣстъ, которыхъ видъ, возбуждавшій въ ней новыя, жестокія воспомннанн, только увеличивалъ ея горе и отчаянн: Альбертъ, чтобы спасти се, рѣшился прибѣгнуть къ разсвѣнанн путешествнн, и скоро все было готово къ наступающему отъѣду. Время шло въ веснѣ. Они уѣхали; я проводилъ ихъ до границы. При прощаннн мы поцаловались съ сестрой, обливаясь слезами. Мы не должны были болѣе увидѣться.

Я ввѣрилъ Альберту жизнь и очастн Нанси, и принялъ на себя управленн нмѣннемъ во-время ихъ отсутствн. Разсчеты

послѣ наслѣдства г-жи Коммервилъ еще не были кончены; у меня достало твердости возвратиться въ Анземъ, чтобы заняться этими печальными дѣлами; одинъ съ грустными мыслями вернулся я въ эти пустынные мѣста.

Альбертъ и Нанси путешествовали по Италіи; каждую недѣлю я получалъ отъ нихъ извѣстія.

Письма Альберта успокаивали меня; письма сестры моей были печальны и трогательны. Скоро и Альбертъ, въ свою очередь, сталъ писать мнѣ грустно, и я жилъ въ непрерывной тоскѣ и въ страхѣ.

Черезъ три мѣсяца, я получилъ съ флорентинскимъ штемпелемъ пакетъ, содержащій въ себѣ два письма. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ почеркъ Нанси; я торопливо распечаталъ его.

Три недѣли я не получалъ никакого извѣстія. Письмо сестры моей, запечатанное тройною печатью, содержало въ себѣ другое, также запечатанное и безъ надписи. Я прочелъ прежде письмо Нанси.

Эти бумаги никогда не оставляли меня; я могу вамъ ихъ передать, прибавилъ Максимъ. Я ихъ ношу всегда здѣсь, у моего сердца.

Флоренція, въ.... 183...

«Максимъ,

«Разставаясь съ тобою, я сказала тебѣ въ сердцѣ: прости навсегда; я знала, что судьба не соединитъ насъ болѣе на землѣ; разлучаясь съ тобою, я радовалась, что избавлю тебя отъ моихъ страданій. Уже давно не сидѣлъ ты у постели умирающихъ!

«Сколько мѣсяцовъ прошло со времени моего отъѣзда изъ Франціи? Въ какомъ мѣстѣ я теперь, на какой берегъ привезли меня? Я не знаю; мнѣ кажется, что я путешествую цѣлый вѣкъ въ безконечномъ полѣ вѣчныхъ страданій. Душа, терзаемая угрызеніями совѣсти, ничего не можетъ ожидать отъ земли; ей остается одно, оставить этотъ свѣтъ и въ другомъ искать успокоенія.

«Такъ я и сдѣлаю. Между-тѣмъ я чиста, я молода, говорятъ хороша, я люблю, я любима, мой мужъ спрашиваетъ меня, отчего я несчастна..... Отчего я несчастна? Альбертъ, не спрашивай меня объ этомъ: это тайна, которая сводитъ меня въ могилу.

«Между мною и Альбертомъ судьба поставила могилу; жещину, которой мы обязаны всѣмъ, прелестями, талантами,

богатствомъ, любовью, мы убили ее, она умерла отъ нашего счастья!...

«Письмо, которое ты найдешь въ моемъ письмѣ, объяснитъ тебѣ послѣднія слова нашей умирающей благодѣтельницы, роковое письмо, доставленное мнѣ случаемъ и которое влило въ сердце мое ядъ, убивающій меня. Я посылаю тебѣ это письмо, братъ мой, чтобы ты понялъ, что я должна была отказаться отъ жизни, чтобы простилъ мнѣ мою смерть; я тебѣ отсылаю его, боясь, чтобы Альбертъ, въ свою очередь, не узналъ страданий, убивающихъ меня; я тебѣ посылаю его наконецъ для того, чтобы ты въ сердцѣ своемъ благословлялъ превосходное созданіе, погубившее себя для насъ.

«Эта женщина умѣла любить! Она любила лучше насъ, Максимъ!

«Другъ моего дѣтства, прощай.

«Нанси.»

Я сломилъ тройную печать письма, приложеннаго къ письму сестры, и узналъ почеркъ Авреліи. Г-жа Sommerville, умирая, поручила Нанси сжечь бумаги, хранившіяся въ ящикѣ. Эта бумага, исписанная со всѣхъ сторонъ, заинтересовала Нанси нѣсколькими словами, поразившими ее и заставившими прочесть эти строки, вѣроятно, писанныя Авреліей въ минуту тоски и грустнаго изліянія сердца.

Г-жа Sommerville написала на этихъ страницахъ смертній приговоръ Нанси!

Августъ, въ... 183...

«День былъ жаркій; къ вечеру небо покрылось тучами; громъ раздается вдали, молнія извивается въ облакахъ. Я одна, я скучаю; мнѣ хочется плакать.... Что со мной?

«Градъ бьетъ въ мои стекла, вѣтеръ стучитъ черепицами на крышѣ, зелень въ саду шумитъ, какъ бушующія волны на морѣ. Я люблю эту погоду: она напоминаетъ мнѣ ту бурную ночь, когда я сидѣла у камина Альберта.

«Ты былъ печаленъ, другъ мой, и очень разстроены тогда! Скажи, утѣшила ли я тебя? Прекрасна ли жизнь, которую приготовила я для тебя? Бѣдное созданіе, которое я нашла безъ пристанища, согрѣла ли я тебя на груди моей, защитила ли я тебя отъ вѣтра и дождя? Что бы сдѣлалось съ тобою безъ меня? Ты бы очень страдалъ; свѣтъ не старался бы понять тебя, я, можетъ-быть, его тлетворное дыханіе запятнало бы твою еще не разцвѣтшую душу. Сдѣлала ли я тебя счастливымъ и

сильнымъ? Возвратила ли я надежду твоему разочарованному сердцу? развила ли я въ тебѣ мужественныя добродѣтели, и могу ли предстать передъ Богомъ, гордясь твоими молодыми достоинствами?

«Когда я нашла тебя, ты очень торопился жить: твои чувства пробуждались; горячая, нетерпѣливая молодость открыла тебѣ недно радости, еще неиспытанныя тобою, ты призвалъ любовь, и требовалъ отъ меня счастья. Но былъ ли ты увѣренъ, что найдешь во мнѣ это счастье, которое ты представлялъ себѣ въ мечтахъ твоего воображенія? Старая и отжившая, могла ли я понять всю нѣжность души твоей, и недостатокъ во мнѣ душевныхъ силъ не уничтожилъ ли бы избытокъ твоихъ?... Я все-таки любила тебя.... Мое сердце еще не умерло, и я чувствовала иногда, какъ жаръ твоей крови волновалъ мою кровь.... Но гордясь твоей любовью, я боялась не вполне быть достойной ея, и съ твоей судьбой, которая могла быть прекрасною, не смѣла связать мою несчастную судьбу. Я такъ много перестрадала! И если правда, что мы отмикаемъ тѣмъ, кто насъ любить, за тѣхъ, кого любимъ, сколько горя навлекла бы я на твою голову, сколькихъ страданій я была бы причиною.

«Я прожила время любви, а ты еще не достигъ его; я была въ тѣхъ лѣтахъ, когда любовь не имѣетъ уже силы, а ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда любовь бываетъ еще несовершенна. Пылкій и торопящийся жить, ты потребовалъ бы отъ меня одушевленія, котораго во мнѣ уже не было; равнодушная и утомленная жизнью, я бы захотѣла опереться на твои силы, которыхъ тебѣ самому тогда не доставало; ты бы мучилъ сердце мое, чтобы заставить его изрѣдки бросить блѣдныя искры; я бы мучила твою молодость, для того, чтобы она скорѣе созрѣла; усталость скоро преодолѣла бы тебя; скоро цѣпь наша показалась бы намъ слишкомъ тяжелою, и прежде чѣмъ мы могли бы разорвать ее, мы облили бы ее нашими слезами.

«Клянусь тебѣ! я не боялась страданій, которыхъ твоя любовь можетъ-быть мнѣ готовила; вѣтъ, не за себя трепетала я; привыкшая къ страданіямъ, я не блѣднѣя предалась бы новой страсти. Я боялась за тебя, другъ мой, котораго видѣла такимъ слабымъ, котораго такъ легко можно было бы склонить, за тебя, весенній цвѣтокъ, распутившійся отъ дувовенія вѣтерка, блестящій и полный благоуханія, но который бы завялъ и иссохъ отъ сильнаго порыва страсти.

«Если бы въ сношеніяхъ, въ которыхъ мы ищемъ счастья и

вскорѣ находимъ пресыщеніе, судьба дала двѣ равныя доли, одну для радостей, другую для страданій, я могла бы выбрать горестя, а ты радость, могла бы отырыть тебѣ свои объятія не боясь, что ты завлечешь въ нихъ, а ты могъ бы при первыкъ признакахъ разочарованія остаться еще молодымъ. Не жалуясь, не проклиная, я сказала бы тебѣ: «Ты можешь искать во мнѣ блаженствъ, которыкъ жамдешъ, возьми въ моемъ сердцѣ все, что осталось во мнѣ молодости и жизни; возьми все, что горе и гѣта оставили во мнѣ блоска молодости, возьми меня, я принадлежу тебѣ... И разбудить это существованіе, стремившееся только къ покою, если бы ты могъ извлечь изъ него хотя одинъ день, часъ, одно мгновение счастья и радости, я бы благословила тебя въ слезахъ.

«Но случилось не такъ. Если бы ты зналъ, Альбертъ, какую угрюмую, печальную тѣнь набрасываетъ на остатки жизни нашей любовь, которая какъ громъ прошла въ нашей молодости, какую темную ночь оставляетъ она въ душѣ, пораженной! ею! Я это знала, и хотѣла предостеречь тебя отъ горя испытать это чувство; я знала, что ни одна любовь, начинавшаяся обѣщаніемъ вѣчнаго наслажденія, не прошла безъ волненія; ни одна не умѣла погаснуть во время, ни одна не умерла безъ судорогъ и терзаній. Связи разрываются, но не развязываются. Счастливы еще тѣхъ, котораго непредвидѣнный ударъ, разрывающій эту любовь, заставляетъ умереть, не унижая его! Счастливы онъ, если за сльзными и пламенными привязанностями не слѣдуетъ невѣдствъ и презрѣніе! Счастливы, если могутъ уважать то, что должны любить!»

«Простодушное и доверчивое дитя! ты мечтаешь о любви, которую думалъ найти въ моей груди! Въ этомъ опустѣвшемъ сердцѣ, твое сердце думало расцвѣсть, расцвѣтѣть въ этомъ изсохнувшемъ источникѣ. Безъ сомнѣнія, я бы очень любила тебя, но не страдалъ ли бы ты въ менѣ. Объятіяхъ? Съ безпокойствомъ глядя на сльзы моего прошедшаго шага, не спросилъ ли бы ты когда-нибудь у себя, что получила душа твоя отъ меня, въ замятъ твоей невинности? За всѣ твои сокровища, я принесла бы тебѣ одну окаянность, безцвѣтную, безплодную. Ты съ отвращеніемъ оттолкнулъ бы ее; но еслибы даже ты рѣшился принять ее, кто можетъ поручиться что я, слабая женщина, осмѣлилась бы каснуться твоихъ устъ, что моя сльзная невинность не представила бы тебѣ только чашу наслажденій, и завладевъ для себя одной богатствами, которыя Богъ вложилъ въ тебя, я не усныла бы

тебя въ мовхъ объятіяхъ, не истомила бы тебя мнѣнн д-еванн? Славой, будущнностью, уваженіемъ, дружбой, для мена ты пожертвовалъ бы цѣлымъ свѣтомъ, безъ усилія, съ радостью; я это знала; ты бы очень любилъ мена; любовь моя замѣнила бы тебѣ все, и ты остался бы со мною въ этой д-ервнѣ, темнымъ, неизвѣстнымъ, забывая, что роль твоя на зем-лѣ не у ногъ мнѣнхъ.

«Но еслибъ я одумалась, если бы когда-нибудь я покраснѣла за твое безполезное существованіе, если бы, отнявъ у тебя крѣпость твоихъ силъ и твоей молодости, я бы захотѣла сдѣлать изъ тебя что-нибудь, и видя тебя обезсиленнымъ нѣгою снисходительной любви, мое сердце первое оставило бы тебя?... Кто можетъ знать? Я была стара, но сердце непостоянно. Какъ ужасна была бы твоя судьба тогда, потому, что если въ двадцать лѣтъ мы любимъ, и любовь измѣнила намъ, мы лишася тогда всего.

«Позже вы замѣняете любовь честолюбіемъ, славой, тщеславіемъ, наукой; любовь тогда только отдѣльный эпизодъ вашей жизни: въ двадцать лѣтъ она замѣняетъ все, она составляетъ цѣлую жизнь. Можно вылечить себя отъ любви, но слѣды ея остаются; сердце молодѣетъ, но не разцвѣтаетъ болѣе.

«Между тѣмъ молодость призываетъ любовь; эта мечта ея безокошннхъ дней, волненіе ея жаркой безсонницы. Вы думаете, къ-несчастью, что любить такъ легко, и доврѣчно ищете душу, которая должна отвѣчать вамъ. Какіе вы дѣти! Въ нетерпѣнн, вами овладѣвающимъ, вы ускоряете ходъ жизни, вмѣсто того, чтобы замедлять его, доврѣря скорбе вашихъ желаній, нежели силамъ, горячности вашей крови болѣе, нежели энергін души вашей; вы безумно опережаете ваши лѣта, и почти всегда случается, что вы покоряетесь обстоятельствамъ, которыми управляютъ бы въ послѣдствіи.

«Я знала все это; довольно долго я изучала свѣтъ, чтобы узнать его подводные камни, и мнѣ стало жаль бросить тебя, слабого, въ это бурное море...

«И между тѣмъ я любила тебя, Альбертъ! Ты мнѣ представлялся живымъ, прекраснымъ образомъ моей исчезнувшей весны:

«Зачѣмъ не явился ты мнѣ, когда я была чиста и молода, какъ ты, когда я чувствовала пылъ своей души и очарованіе воображенія, и жаждущая илнть что было во мнѣ счастья и любви, я призывала брата, друга? За чѣмъ не пришелъ ты, когда я призывала тебя, Альбертъ?

«Когда судьба съ горькой насмѣшкой столкнула насъ вмѣстѣ, тебя, блистающаго молодостью, меня старую, холодную, грустную, слабую, покинутую, безъ родныхъ, менѣе твердую и сильную, испытанную судьбою, я созналась, что въ твои года любовница тебѣ не такъ нужна, какъ мать, и что я могу скорѣе быть твоею матерью, и увлеченная твоимъ восторгомъ, я готова была покориться; я воспользовалась заблужденіемъ твоихъ воспоминаній, чтобы спасти насъ обоихъ.

«Я знала изъ твоей жизни все, что ты самъ зналъ; мнѣ было легко убѣдить тебя.

«Я назвала тебя сыномъ моего сердца отъ имени твоей матери, съ которой скоро я буду говорить о тебѣ.

«Ты теперь видишь, какъ бы я любила тебя; ты знаешь, что сдѣлала я изъ тебя: связавъ себя однажды съ тобою цѣпью, которую никто не могъ разорвать, я безъ боязни заботилась о твоей судьбѣ; я не могла дать тебѣ счастья, я искала его для тебя въ другой; я отняла сердце твое у Нанси, и возвратила его ей; я разстроила существованіе этого ребенка, и возобновила его живѣе и прекраснѣе; для тебя я передала ей всю любовь мою къ тебѣ, всѣ прелести, которыхъ во мнѣ не было уже болѣе; ты снова увидѣлъ и полюбилъ... Ты слишкомъ скоро полюбилъ ее, Альбертъ!... Я сдѣлала тебя счастливымъ, я приготовила тебѣ спокойную, честную будущность, я искупила жизнь свою вашимъ счастьемъ; ваши достоинства искупятъ мои грѣхи. Я не хочу разказывать тебѣ моей жизни; надо обвинять прошлое, а я не хочу этого. Я затаяла въ моемъ сердцѣ, какъ въ могилѣ, потухшую привязанность: надо уважать прахъ умершихъ! Какихъ бы страданій они намъ не стоили, мы оскорбляемъ себя, не уважая тѣхъ кого любили. Мое первое заблужденіе отравило остатокъ моего существованья.

Анзетъ, въ... 183...

«Сегодняшній вечеръ вы провели со мной, дѣти мои; вы были очень счастливы: рука Нанси, лежала въ твоей рукѣ, Альбертъ; ты съ любовью смотрѣлъ на твою прекрасную невѣсту, ты былъ въ упоеніи, чувствуя ея дыханіе, твои уста дрожа касались ея локоновъ. Сколько счастья, молодости, страсти было въ вашемъ взглядѣ! Какъ вы были оба прекрасны!...

«Жестокій, ты такъ легко повѣрилъ моимъ убѣжденіямъ!...

«Теперь ты понимаешь: отчего я умираю. Я хотѣла отказаться отъ тебя, но жертва эта была выше моихъ силъ. Я заставила тебя полюбить другую. Это убило меня.»

Анжель.. 30 сентября.

«Боже мой, дай мнѣ еще одинъ день, чтобы не умереть, не допивъ чаши до дна.

1-е Октября, въ 11 часовъ утра.

«Теперь я могу умереть, Боже мой. Благослови дѣтей моихъ, сдѣлай ихъ счастливыми, и прими меня въ Твою обитель.

— Несчастная, вскричалъ я, думая о сестрѣ, твоя гордость и губила тебя! Ты хочешь умереть отъ того, что тебя побѣдилъ преданностью и любовью! Ты не поняла эту великую жертву; ты не поняла, что принявъ ее, ты могла бы сдѣлаться достойной ее, покориться своему счастью значило бы молиться за Аврелию и дать ей мѣсто на небесахъ! Ты разстроишь ея великій подвигъ... Зачѣмъ не сказала ты раньше! не открыла мнѣ прежде эту тайну!... Я объясню тебѣ это, я спасу тебя, я успокою твою испуганную совѣсть, и жаръ твоего сердца. Ты будешь жить для меня, для Альберта! Еще есть время....

При этихъ словахъ я замѣтилъ второе письмо, лежащее въ первомъ конвертѣ, котораго я еще не распечатывалъ. Я вздрогнулъ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу: это письмо было отъ Альберта, и печать на немъ была черная. Я успокоился однако, полагая, что онъ еще носилъ трауръ по г-нѣ Сомервилль; я пробѣжалъ первыя строки этого письма, какъ вдругъ стукъ колесъ раздался на террасѣ. Я невольно взглянулъ въ открытое окно: это была почтовая карета; изъ нея Альбертъ вышелъ одинъ....

И такъ! сказалъ Максимъ послѣ долгаго молчанія: ничто вѣтъ прочнаго, совершеннаго въ жизни, все исчезаетъ, все ничтожно!...

— Что же сдѣлалось съ Альбертомъ? спросилъ молодой ловецъ, слушавшій этотъ печальный рассказъ.

— Альбертъ не узналъ никогда тайны, которая убила сестру мою!...

Съ фран. НАД. Ж.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЛАФАТЕРЪ И ЕГО УЧЕНІЕ.

(Окончаніе.)

Въ первомъ томѣ Лафатерова сочиненія, между-прочимъ, мы встрѣчаемъ одинъ отдѣлъ, подъ названіемъ: о фізіогномическомъ тактѣ. Здѣсь онъ говоритъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на насъ каждая наружность, не только человѣка, но и всякой вещи. Впечатлѣнія эти различны и служатъ всегда основаніемъ нашихъ понятій и заключеній о существѣ той самой вещи или лица, которымъ принадлежитъ извѣстная наружность. Это онъ называетъ вообще фізіогномическимъ тактомъ и говоритъ, что человѣкъ всегда и во-всемъ руководствуется собственнымъ фізіогномическимъ тактомъ, отличнымъ нѣсколько отъ такого же такта у другаго человѣка. Потомъ онъ говоритъ о симпатіи и антипатіи. Здѣсь мы остановимся на время, и разберемъ, въ чемъ состоитъ симпатія и антипатія, и почему Лафатеръ даетъ имъ большое значеніе, говоря: «весьма часто, при разсматриваніи человѣка, для опредѣленія его характера, можно руководствоваться первымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на насъ его наружность.» Нѣкоторые люди или не принимаютъ вовсе этого, или, принимая симпатію и антипатію, не даютъ ей никакого значенія; иные же принимаютъ и стараются объяснить ее, прибѣгая къ животному магнетизму. и

т. д. Кажется, что это явление можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Различные предметы одного и того же рода дѣйствуютъ на чувство человѣка пріятно или непріятно, и сообразуясь съ этимъ ощущеніемъ, человѣкъ судитъ объ этихъ предметахъ. Анализируя болѣе и болѣе чувство ощущенія, производимое предметами, всякій человѣкъ составляетъ потомъ извѣстные правила, которыми онъ руководствуется въ этомъ родѣ предметовъ, когда ихъ разсматриваетъ. Такимъ образомъ мы поступаемъ при разсматриваніи цвѣтовъ, произведеній музыки, живописи и всѣхъ другихъ предметовъ, подлежащихъ нашимъ чувствамъ. Обыкновенно, въ этомъ случаѣ, говорятъ, что такой-то человѣкъ со вкусомъ. Вкусъ опредѣляютъ знаніемъ и пониманіемъ гармоніи или согласованіемъ одной вещи съ другою. Это совершенно справедливо. Чѣмъ болѣе человѣкъ упражняется въ разсматриваніи какихъ-нибудь предметовъ и въ анализѣ пріятнаго или непріятнаго чувства, производимого ими, тѣмъ болѣе онъ составляетъ себѣ опредѣленные правила о достоинствахъ такихъ предметовъ, или иначе говоря, его вкусъ совершенствуется. Вкусъ (какъ собраніе извѣстныхъ правилъ о какихъ-нибудь предметахъ) бываетъ не одинаковъ у разныхъ людей. Это показываетъ, что причина его, хотя находится въ существѣ самой вещи, но зависитъ также отъ нашихъ способностей, а такъ какъ способности души различны у каждого человѣка, то и вкусъ у людей не можетъ быть совершенно одинаковымъ. Руководствуясь этимъ сказаннымъ, если мы станемъ разсматривать людей, то-есть ихъ наружности, то они также производятъ на насъ впечатлѣніе пріятное или непріятное, зависящее, такъ сказать, отъ нашего вкуса, направленного на эти предметы. Эти впечатлѣнія, зависящія совершенно отъ нашего вкуса, и называютъ обыкновенно симпатією и антипатією. Отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторые люди, съ извѣстными наружностями, слѣдовательно, съ извѣстными характерами, будутъ производить на насъ пріятное или непріятное впечатлѣніе, смотря потому, каковъ нашъ вкусъ относительно этихъ предметовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на людей, симпатически дѣйствующихъ на насъ, то найдемъ, что они въ своихъ наружностяхъ и характерахъ чрезвычайно сходны между собою; тоже самое замѣтимъ и относительно людей, производящихъ въ насъ антипатію. Это сходство между людьми, симпатически или антипатически дѣйствующими на насъ, показываетъ, что симпатія и антипатія зависятъ отъ извѣстныхъ нашихъ понятій и правилъ относительно наружности.

или иначе говоря, отъ нашего вкуса. Чѣмъ болѣе человѣкъ обращаетъ вниманіе на наружности людей и анализируетъ ихъ, тѣмъ онъ дѣлается чувствительнѣе къ симпатіи и антипатіи; это доказываетъ справедливость нашего объясненія. Такимъ образомъ, хотя симпатія и антипатія являются чувствомъ безотчетнымъ, но это только сначала; при дальнѣйшемъ и частномъ анализѣ оно уже не дѣлается безотчетнымъ, но имѣетъ извѣстную причину, происходящую отъ нашихъ понятій о наружности человѣка и его характерѣ; но какъ въ наружности выражается характеръ, то при разсмотрѣніи человѣка, изъ симпатіи или антипатіи, производимой его наружностью на насъ, мы можемъ иногда сдѣлать какое-нибудь заключеніе о его характерѣ. Намъ кажется, что такое объясненіе этого явленія, безъ содѣйствія животнаго магнетизма, совершенно удовлетворительно, и вслѣдствіе можетъ въ этомъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что чувство симпатіи и антипатіи есть, такъ сказать, первое начало пониманія людей при взглядѣ на ихъ наружность; по этому совѣтъ Лафатера, обращать вниманіе на симпатію и антипатію, данный имъ безъ всякаго объясненія и доказательства, имѣетъ свою причину, и несправедливо говорятъ нѣкоторые, что это совершенно нелѣпо, потому что симпатія и антипатія есть чувство безсознательное и изъ него ничего нельзя заключить. Ко всему этому, о физіогномическомъ тактѣ Лафатера, мы можемъ еще прибавить, что вкусъ заключается въ этомъ понятіи, какъ частное въ общемъ.

Защитники теоріи животнаго магнетизма, за причину взаимнаго дѣйствія глазъ и голоса одного человѣка на другаго, полагаютъ истеченіе магнетической жидкости, находящейся въ человѣкѣ; но объясненіе этого явленія, также какъ и предъидущаго, не требуетъ никакого содѣйствія животнаго магнетизма, и объясняется хорошо слѣдующимъ образомъ. Душа человѣка обнаруживаетъ свои желанія и дѣйствія въ извѣстныхъ частяхъ наружности, какъ-то въ глазахъ, голосѣ и другихъ тѣлодвиженіяхъ. Такимъ образомъ, извѣстное желаніе или какое-нибудь другое дѣйствіе души, если оно является въ глазахъ или голосѣ, производитъ извѣстное впечатлѣніе на другаго человѣка. Впечатлѣніе это воспринимается нами органомъ, соответствующимъ тому органу въ другомъ человѣкѣ, отъ котораго оно исходитъ, и въ слѣдствіе этого впечатлѣнія, въ насъ самихъ происходитъ какое-нибудь дѣйствіе, сообразное съ желаніемъ другаго человѣка. Теперь намъ будетъ понятно, безъ всякаго магнетизма,

отъ чего, иногда, при взглядѣ другаго человѣка, внезапно брошенномъ на насъ, мы опускаемъ глаза и чувствуемъ себя въ стѣсненномъ положеніи, или во-время нашего дѣйствія мы вдругъ бываемъ остановлены однимъ словомъ, кѣмъ-нибудь произнесеннымъ. Въ такихъ и въ другихъ подобныхъ имъ случаяхъ, мы понимаемъ желаніе души другаго человѣка, и чувствуя ея превосходство предъ своею, невольно подчиняемся ей. Сила же души происходитъ не отъ магнетизма, но отъ обширности и преимуществва способностей души одного человѣка въ отношеніи къ другому.

Во-второмъ томѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько отдѣловъ, гдѣ говорится о силуэтахъ и портретахъ. Здѣсь Лафатеръ разсуждаетъ о важности силуэтовъ и ихъ достоинствъ. Это справедливо въ извѣстной степени. Силуэтъ хотя представляетъ намъ очень вѣрное очертаніе лица, но только въ профилѣ и притомъ безъ глазъ, безъ тѣней, слѣдовательно не видно никакихъ выпуклостей. Вотъ почему силуэтъ все-таки не достаточно и далеко не можетъ намъ передать человѣческое лицо такъ хорошо, какъ полный портретъ. Впрочемъ Лафатеръ соглашается въ недостатокъ ихъ, и представляетъ множество разительныхъ прищиповъ, какъ значительно измѣняется лицо, видимое en face и въ профилѣ. По его мнѣнію, только нѣкоторыя черты характера хорошо выражаются въ профиляхъ, напримѣръ: гордость, сердитый, тихій нравъ и проч., другія же вовсе не бываютъ замѣтны. Въ этомъ мѣствѣ Лафатеръ рассматриваетъ голову со всѣхъ сторонъ, и представляетъ нѣсколько такихъ рисунковъ.

По его мнѣнію, голова, кажущаяся совершенно круглою, (когда на нее смотрятъ прямо сзади), показываетъ, говоря собственными его словами: «человѣка съ обыкновенными способностями, который, не будучи глупъ, не можетъ подпрыгнуть выше обыкновенныхъ вещей. Голова пропорціональная **возрасту**—важаетъ болѣе ума, нежели не пропорціональная. Слишкомъ большая—животную тупость, слишкомъ малая—слабость и ограниченность.»

Здѣсь также говорится о необходимости изученія черепа для фizioгномиста. Это замѣчаніе очень основательно, потому-что отъ костей черепа зависитъ лицо, и отъ того, съ измѣненіемъ черепа измѣняется и лицо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только сравнить лицо и окладъ головы человѣка въ его дѣтскомъ возрастѣ и во-время возмужалости. У дѣтей лица обыкновенно

зависимо бывают круглыя, но потомъ съ возрастомъ они измѣняются. Скуловая кость (*arcus zygomaticus*), *sinus frontalis* и др. въ дѣтскомъ возрастѣ не находятся, а вырастаютъ только въ зреломъ состояніи. Но если черепъ развивается съ возрастомъ, то онъ не можетъ быть одинаковъ у всѣхъ людей, и за главную причину его видоизмѣненій никакъ нельзя принять какихъ-нибудь случайностей, извѣстна на него дѣйствующихъ, но скорѣе нужно искать въ насъ самихъ. При всей зависимости лица отъ черепа, нельзя не согласиться съ Лафатеромъ, что по черепу можно сказать о человѣкѣ гораздо меньше, нежели по его наружности. Справедливость этого доказывается тѣмъ, что различіе между черепами весьма мало, до того, что у насъ еще нѣтъ правилъ относительно череповъ всѣхъ племенъ, кромѣ 4 главныхъ поколѣній; между тѣмъ, какъ въ одномъ и томъ же племени, между лицами мы находимъ весьма большое различіе.

До Лафатера не обращали никакого вниманія на разсматриваніе лба (какъ онъ объ этомъ говоритъ) и всѣ предшествовавшіе физиогномисты только списывали одинъ у другаго весьма слабую замѣчанія. Лафатеръ же обращаетъ большое вниманіе на эту часть наружности, и съ помощью рисунковъ даетъ множество замѣчаній и наблюденій.

Между множествомъ лицъ, которыми наполнено все сочиненіе Лафатера, и которыя, болѣею частію, суть портреты знаменитыхъ людей, жившихъ до него и ему современныхъ, встрѣчается много фигуръ и даже цѣлыхъ группъ, взятыхъ изъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. * Каждую изъ нихъ, Лафатеръ разсматриваетъ съ точки зрѣнія своего ученія, т. е. онъ обращаетъ вниманіе на всю наружность, и показываетъ, въ какой степени, по его мнѣнію, художникъ достигалъ вѣрности въ осуществленіи своей идеи. Картины Рафаэля, преимущественно предъ прочими, обладаютъ этими достоинствами. Но за всѣмъ тѣмъ, Лафатеръ показываетъ также большое несовершенство нѣкоторыхъ его фигуръ: на прим., въ одномъ мѣстѣ, онъ представляетъ изображеніе ангеловъ, взятыхъ изъ одной его картины, которые вовсе имъ не соответствуютъ по своей наружности, въ коей нѣтъ ничего ангельскаго. Всѣ почти знаменитыя картины Рафаэля находятся въ этомъ сочиненіи. Изъ нѣкоторыхъ взяты только отдѣльныя лица, какъ на пр., одна изъ его Мадоннъ, Іоаннъ Креститель, Иисусъ Христосъ младенцемъ и во-вр-

* Замѣчательно, что въ немъ не находится ни одного портрета тѣхъ людей, которые участвовали во французской революціи.

мл Преображенія, Марія Магдалина и т. д. Одинъ изъ нихъ представленъ только контурами, другія отгравированы вполне. Кромѣ Рафаеля, у него находится много лицъ, взятыхъ изъ картинъ Голбейна, Рубенса, Микель-Анджело, Гвидо-Рени, Ле-Брюна, Фусли, Ходовицкаго, Гогарта и др., менѣе замѣчательныхъ художниковъ. Все это находится преимущественно во 2 томѣ, въ статьѣ о портретахъ, и также въ остальныхъ томахъ. Лафатеръ, занимаясь разсматриваніемъ портретовъ знаменитыхъ лицъ, часто не находилъ въ нихъ ничего соотвѣтственнаго съ ихъ характеромъ. Въ такомъ случаѣ, онъ всегда старался собрать какъ можно больше такихъ портретовъ одного и того же лица. Находя между ними большое различіе, онъ, руководствуясь этими портретами и описаніемъ характеровъ, старался нарисовать самъ портретъ этого лица, который бы, по его мнѣнію, болѣе согласовался съ его характеромъ. Но всегда въ этомъ случаѣ онъ самъ объ этомъ говоритъ, и потому нельзя приписывать Лафатеру, что онъ всѣ изображенія знаменитыхъ людей переправлялъ по своему, какъ говорилъ нѣкоторые его противники. Иногда онъ находилъ, что нѣкоторыя историческія лица нарисованы гораздо вѣрнѣе въ картинахъ знаменитыхъ художниковъ, нежели въ самыхъ ихъ портретахъ, которыя дошли до насъ. Это весьма справедливо, потому-что художникъ всегда старался, въ такомъ случаѣ, придерживаться историческому портрету, дать наружности выраженіе, вполне соотвѣтствующее характеру того знаменитаго человѣка, котораго онъ хотѣлъ изобразить. Лафатеръ показываетъ нѣсколько такихъ случаевъ. Такъ напримѣръ, портретъ знаменитаго римскаго героя Юлія Цезаря, взятый изъ одной картины художника Рубенса, гораздо лучше и вѣрнѣе выражаетъ характеръ этого человѣка, нежели историческій его портретъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Лафатеръ рисуетъ то и другое, и разсматриваетъ ихъ по своему. Такимъ образомъ у него находится 11 портретовъ Сократа, значительно отличающихся другъ отъ друга, и 33 портрета Вольтера. Во всѣхъ нихъ, по мнѣнію Лафатера, не выражается любви къ человѣчеству (*humanité*), и на этомъ основаніи онъ самъ рисуетъ портретъ Вольтера, въ которомъ выражался бы весь его характеръ. Нѣкоторыя лица представлены у него въ различныхъ возрастахъ, какъ напр. Екатерина II, Фридрихъ Великій, Ньютонъ, и многіе другіе. Говоря о художникахъ, Лафатеръ находитъ, что каждый изъ нихъ, въ своихъ картинахъ, хорошо выражалъ преимущественно одинъ какія-нибудь страсти или характеры, такъ что картины ихъ имѣютъ свой особенный

характеръ, соответствующій характеру самаго художника. По его мнѣнію, у Рафаэля преимущественно выражается чистота. Микель-Анджело превосходно вездѣ рисовалъ характеры энергическіе, гордые, людей презрительныхъ, суровыхъ, упрямыхъ и непобѣдимыхъ. Рубенсъ—гнѣвъ, силу, пылство и всѣ вообще пороки. Рембрандтъ—всѣ страсти черны. Такимъ образомъ онъ разсуждаетъ еще и о другихъ художникахъ. Мы не будемъ разбирать, въ какой степени вѣрны эти сужденія Лафатера относительно произведеній живописи, потому-что это дѣло художника. Притомъ же, въ этомъ случаѣ нужно, чтобы читатель имѣлъ предъ собой свѣдѣнія съ тѣхъ картинъ и лицъ, о которыхъ идетъ дѣло, а это для насъ совершенно невозможно. Скажемъ только, что хотя Лафатеръ не былъ извѣстнымъ художникомъ, но всѣ его приговоры о картинахъ заслуживаютъ большаго вниманія, какъ знатока живописи, съ извѣстной ей стороны, т. е., не въ отношеніи драпировки платья, красокъ и колорита, но въ отношеніи выразительности и вѣрности исполненія самыхъ лицъ. Всѣми замѣчаніями, какъ и вообще сочиненіемъ Лафатера, можетъ руководствоваться великой художникъ, какъ человѣкъ, которому необходимо знать и понимать выраженіе лицъ, свойственное различнымъ характерамъ и страстямъ.

Мы уже говорили о томъ, что характеръ нашъ и способности выражаются не въ одномъ лицѣ, но вообще во всей наружности. Лафатеръ прекрасно понималъ эту идею, и потому обращалъ вниманіе не только на одно лицо, но и на прочія части человѣческаго тѣла, т. е. на всю наружность. Вотъ почему, въ его сочиненіи мы встрѣчаемъ изслѣдованіе различныхъ положеній тѣла (attitude), находящееся въ 3 томѣ, а также и въ другихъ томахъ. Рисунки эти представляютъ людей во весь ростъ, съ различными осанками и съ описаніемъ характеровъ, свойственныхъ имъ. Эти изображенія, ббльшею частью, заимствованы изъ картинъ художника Ходовицкаго. Кромѣ портретовъ, находится еще въ томъ сочиненіи множество патогномическихъ фигуръ, разбросанныхъ по всему сочиненію. Фигуры эти суть изображенія характеровъ во-время дѣйствія какой-нибудь страсти или сильнаго душевнаго волненія. Такъ на пр. испугъ человѣка съ характеромъ твердымъ и съ характеромъ слабымъ; печаль существа добраго и слабаго; отчаяніе властолюбца, скупца и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ заимство-

Впрочемъ онъ умѣлъ хорошо рисовать, въ особенности снимать вер-

ваны изъ картинъ художниковъ, другія составлены изъ снимковъ.

Лафатеръ, въ своихъ эмпирическихкихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, при разсматриваніи лица или всей наружности разомъ, ограничивалъ свое изслѣдованіе тѣмъ впечатлѣніемъ мѣлаго, которое производили на него лицо или вся наружность, и старался узнать, гдѣ и какъ выражается такая-то черта характера.—Вотъ почему въ описаніяхъ своихъ, (впрочемъ не видя) онъ прямо рассказываетъ характеръ того лица, котораго вы видите изображеніе, но не показываетъ, почему именно и въ какой части лица выражается такая-то черта характера. Отъ этого весьма трудно слѣдить за нимъ при чтеніи его сочиненій, особенно сначала, и этимъ самымъ онъ значительно уронилъ его въ глазахъ большей части людей. Кроме того описаніе многихъ лицъ бываетъ очень-коротко, въ родѣ того, какъ написаны: А чувствительнѣе и воспримчивѣе В; L умнѣе, нежели К и N., и т. д. Чтò касается до этого послѣдняго, т. е. короткости описаній, то въ этомъ Лафатера винить нельзя. Если, на самомъ дѣлѣ, въ наружности какого-нибудь человѣка ничего болѣе не видно, какъ-то, что онъ умнѣе или чувствительнѣе другихъ, то весьма естественно, что объ немъ болѣе этого ничего нельзя сказать. Это можетъ очень часто происходить отъ того, что въ самомъ характерѣ и способностяхъ человѣка ничего нѣтъ примѣчательнаго или, говоря другими словами, онъ самый обыкновенный и простой человѣкъ. По этому нѣтъ ничего страшнаго, если о какомъ-нибудь лицѣ говорится весьма-мало, тѣмъ болѣе, что Лафатеръ самъ же сознавался, какъ мы видели выше, въ недостаточности своихъ показаній относительно нѣкоторыхъ лицъ. Если винить въ недостатки Лафатеру его способъ описанія характеровъ, то за всѣмъ тѣмъ нужно сознаться, что онъ не могъ поступать иначе. Потому-что всякій, кто хотя немного наблюдалъ это надъ самимъ собою, согласится въ томъ, что хотя мы понимаемъ выраженіе характера какого-нибудь человѣка въ его наружности, но никакъ не можемъ довести этого до ясности и отчетливости. Такимъ образомъ, мы понимаемъ характеръ лица или какой-нибудь фигуры при разсматриваніи картины, но не можемъ дать себѣ яснаго отчета, почему, напр., такая-то страсть, или такая-то черта характера выражается здѣсь такими явленіями? Въ этомъ случаѣ мы руководствуемся только одною наглядностью и нашими чувствами. Это совершенно подобно тому, какъ въ музыкѣ, слушая какую-нибудь піесу, мы если и понимаемъ то чувство, которое выра-

жается въ ней, но не можемъ отдать себѣ отчета, почему же въ этомъ случаѣ именно въ этихъ-то звукахъ выражается такое чувство. Владеясь глубже въ свои физиогномическія изслѣдованія, Лафатеръ уже въ послѣдствіи старался уловить тѣ характеристическіе признаки, которые преимущественно свойственны какому-нибудь характеру, и повѣрить справедливость этого на другихъ людяхъ, имѣющихъ такіе же признаки. Но до такихъ истинъ онъ могъ дойти только послѣ долгихъ наблюденій, а потому въ первыхъ двухъ томахъ его сочиненія, мы ихъ не встрѣчаемъ. Въ 3 томѣ находится описаніе различныхъ частей тѣла какъ-то, лобъ, глаза, брови, губы и т. д. Въ нихъ находится нѣсколько такихъ истинъ, какъ напр. «Голубые глаза, по преимуществу, означаютъ характеръ женственный и болѣе слабости, нежели черные, впрочемъ иногда голубые глаза соединяются съ умомъ и съ энергіею.»

«У людей злыхъ и сердитыхъ глаза бываютъ черные или сѣрые, но голубыхъ не бываетъ никогда. Этотъ послѣдній цвѣтъ принадлежитъ исключительно флегматическому темпераменту.»

«Густыя, но равно лежація брови соединяются съ глубокою разсудительностію. Горизонтальныя и близко къ глазу лежація брови совпадаютъ съ мужественностію и бываютъ преимущественно у мужчинъ, а легко округленныя, далеко отъ глаза отстояція и рѣдкія, показываютъ слабость и бываютъ преимущественно у женщинъ. Подбородокъ угловатый и двухъэтажный означаетъ чувственность, — маленькій — робость и проч.» Всѣ такія значенія выведены Лафатеромъ изъ однихъ только простыхъ наблюденій, и не могутъ быть опровергнуты, или подтверждены теоретически при нынѣшнемъ состояніи науки.—Лафатеръ, производя розысканія относительно характеровъ различныхъ лицъ, имъ свойственныхъ, обратилъ также свое вниманіе на темпераменты, и представилъ множество рисунковъ лицъ, принадлежащихъ темпераментамъ чистымъ и смѣшаннымъ. Рисунки эти весьма важны, потому что по нимъ гораздо лучше и яснѣе можно опредѣлить и различать темпераменты, нежели по однимъ только описаніямъ.

Въ 4 томѣ, въ которомъ также, какъ и въ предыдущихъ, находится множество портретовъ съ описаніями, мы встрѣчаемъ различныя физиогномическія истины. Нѣкоторыя изъ нихъ мы представляемъ на судъ самаго читателя, надѣясь, что они будутъ не безынтересны для него. Такъ напримѣръ, Признаки глупости, или, по-крайней-мѣрѣ, отсутствія ума Лафатеръ полагаетъ слѣдующіе. «1) Абы слишкомъ отклоненные назадъ или

«очень выпуклые. 2) Носы слишкомъ малые, не выходящіе изъ предѣловъ лица, также плоскіе, дугообразные и наконецъ очень полные. 3) Большой ротъ, всегда открытый, и губы, которыхъ углы подняты вверхъ, также, если губы очень толсты и нижняя выдается впередъ или виситъ. 4) Подбородки очень вдвинутые, или на оборотъ очень выдающіеся.»

«Непропорціональность между верхнею и нижнею губами есть признакъ глупости или злости. Очень большія губы, хотя и пропорціональныя, признакъ неделikatности, чувственности, иногда и злости. Пониженные углы рта,—признакъ презрѣнія, глупости и безчувственности, особенно если при этомъ, нижняя губа превосходитъ верхнюю величиною.» Изъ первыхъ 4-хъ положеній видно, что, по Лафатеру, отсутствие умственныхъ способностей ясно соединено съ физическимъ уродствомъ. Для подтвержденія этихъ истинъ, Лафатеръ представляетъ около 80 лицъ, взятыхъ изъ карикатуръ Гогарта, которыя всѣ подчиняются этимъ условіямъ. Лафатеръ до такихъ отдѣльныхъ проявлѣній дошелъ уже подъ конецъ своей жизни. Ихъ очень немного и всѣ они были собраны и выпущены въ свѣтъ тотчасъ послѣ его смерти, сперва на нѣмецкомъ языкѣ; потомъ они были переведены на французскій языкъ, подъ названіемъ. *Dernier mot de Lavater à ses amis, traduit de l'allemand par C. Schweighauser. Paris 1804.* Въ этомъ изданіи Лафатерова сочиненія, истинны эти, собранныя вмѣстѣ, находятся въ концѣ 4-го тома, подъ особымъ заглавіемъ. *Règles physiognomiques ou observations sur quelques traits caractéristiques.*

Говоря до-сихъ-поръ о достоинствѣ сочиненія Лафатера и его ученія, мы не можемъ умолчать и о недостаткахъ, встречающихся въ немъ. Такъ напримѣръ, Лафатеръ думалъ, что физиогномика, доведенная до совершенства, вселитъ въ человѣка любовь къ его ближнему. Это видно изъ словъ самаго заглавія книги.... *destiné à faire connaître l'homme et à le faire aimer.* Интенбергъ сильно нападаетъ за это на Лафатера, и доказываетъ несправедливость этого положенія. Но всякій согласится, что значеніе физиогномики не измѣняется, если бы даже Лафатеръ и не давалъ ей такого назначенія. Физиогномическія знанія, какъ и всякія другія, могутъ получать различныя примѣненія и назначенія, которыя зависятъ отъ характера человѣка, ими облада-

* Это изданіе сочиненія Лафатера производилось въ Гагѣ; первые 3 тома вышли въ 1781 году, 3-й въ 1796 и наконецъ 4-й въ 1803, два года спустя послѣ смерти Лафатера.

ющаго. Лаватеръ, единственно вслѣдствіе своего характера и наклонностей, всегда дѣйствовать въ пользу ближняго, далъ своему учению такое назначеніе, какимъ онъ пользовался самъ. Эта ошибка не заслуживаетъ большаго вниманія и не можетъ даже считаться ошибкою. Гораздо важнѣе то, что Лаватеръ хотѣлъ возвести фнзіогномику на степень самостоятельной науки. Хотя онъ сознается въ собственной невозможности сдѣлать это самому, * но надѣется что это будетъ сдѣлано впоследствии. Мы уже видѣли выше невозможность этого положенія, потому-что лица людей слишкомъ разнообразны и едва уловимы даже на рисункѣ, а тѣмъ болѣе въ простыхъ описаніяхъ. Лаватеръ часто пытался привести эту мысль въ исполненіе, но при всѣхъ своихъ стараніяхъ онъ ничего не могъ сдѣлать. Казалось, что этотъ человекъ былъ совершенно неспособенъ къ теоретическому взгляду на свой предметъ. Онъ не могъ дать никакихъ вѣрныхъ и собственныхъ доказательствъ, не только истинности своего ученія, но даже того, что черты лица имѣютъ выраженіе. Это видно изъ одного мѣста его сочиненія, гдѣ говорится такъ:» Я не стараюсь, что бы-ло бы дерзко, отрицать, что въ чертахъ лицахъ есть выраженіе или доказать эту истину людямъ не вѣрющимъ, но пишу «фнзіогномику только для людей, признающихъ ее.» ** Вообще во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ старается разсуждать теоретически, выходя изъ круга наблюдательности и опыта, истины его являются совершенно невѣрными. Онъ суть скорѣе фантазіи, нежели мысли, потому-что не имѣютъ никакого основанія. Напр. «Лобъ до бровей,—зеркало ума (intelligence). Носъ и щеки, — зеркало жизни духовной и чувствъ (morale et sensible); ротъ и подбородокъ,—жизни животной, а глазъ есть центръ и сумма всего этого.» *** Но почему это такъ, и откуда оно выведено, объ этомъ онъ ничего не говоритъ. Лаватеръ предлагаетъ раздѣлить фнзіогномику: на собственно фнзіогномическую, — разсматривающую характеръ вообще; анатомическую, — показывающую кости, хрящи, мускулы и т. д.; на фнзіогномію темпераментовъ; медицинскую, духовную, — наклонность къ добру и злу; умственную, и множество другихъ. **** Такое раздѣленіе фнзіогномики ня къ чему не ведетъ. Оно только показываетъ, что фн-

* Lavater. Tom. 1, page 21.

** Tom. 1, page 20.

*** Tome 1, page 22.

**** Tome 1, page 22.

зіогноміка заимствуєть много истинъ изъ другихъ естественныхъ наукъ, какъ-то анатоміи, медицины, психологіи, и т. д. Это служить новымъ доказательствомъ невозможности возвести ученіе о человѣческой наружности на степень самостоятельной науки, потому-что оно вполне зависить отъ другихъ наукъ. Впрочемъ, самъ Лафатеръ вовсе не слѣдовалъ всѣмъ этимъ теоретическимъ правиламъ. Лафатеръ обратилъ вниманіе на животныхъ, и старался опредѣлить характеръ каждаго изъ нихъ, рассматривая его наружность. Вся эта часть, въ сущности своей не имѣетъ никакой основательности, и показываетъ, что Лафатеръ, увлекаясь идеею своего ученія, зашелъ уже слишкомъ далеко. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ разсуждаетъ о словѣ слѣдующимъ образомъ. «Наглость его характера», говоритъ онъ, преимущественно выражается въ качествѣ и величинѣ его костей; масса его мускуловъ означаетъ мягкость, а гибкость хобота—его благоразуміе и хитрость.» * Очевидно, что такое положеніе не имѣетъ никакого основанія, и потому совершенно невѣрно. Встрѣчаются еще другія теоретическія статьи, какъ напр. о сходствѣ родителей съ дѣтьми, о слабости и силѣ тѣла; о дѣтскихъ болѣзняхъ; о юности и старости; вліяніе воображенія матери на зародышъ ребенка и т. д. Всѣ онѣ не имѣютъ никакого значенія, и по этому мы объ нихъ ничего не говоримъ. Вообще можно сказать, что теоретическая часть сочиненія Лафатера, которая значительно меньше практической, не представляетъ ни въ какомъ отношеніи ничего любопытнаго и занимательнаго. Чтò же касается до оцѣнки портретовъ и описаній ихъ, то здѣсь уже нужно самому читателю разсматривать ихъ въ сочиненіи Лафатера.

Окончивши, такимъ образомъ, разборъ сочиненія Лафатера и его ученія, намъ остается сдѣлать о немъ общее заключеніе, и показать, какія произвело оно слѣдствія. Но прежде этого, мы должны сказать нѣсколько словъ объ ученіи доктора Галля, современника Лафатера, жившаго отъ 1758 до 1828 года.

Ученіе его состояло въ слѣдующемъ:

- 1) Расположенія и склонности человѣческія, равно какъ и животныхъ, суть врожденные.
- 2) Чтобы привести ихъ въ дѣйствіе, имъ присвоены нѣкоторые органы или матеріальныя орудія, посредствомъ которыхъ онѣ приходятъ въ соотношеніе съ окружающимъ ихъ міромъ.

* Lavater. Tome 2, page 107.

3) Органы эти находятся въ мозгу, который не принимается за самую способность, но только матеріальное условіе.

4) Мозгъ въ цѣлости своей не есть существенный, необходимый и единственный органъ животной жизни, но онъ составляетъ то мѣсто, гдѣ находятся всѣ частные органы, ибо всякое врожденное расположеніе имѣетъ свой особенный органъ.

5) Эти органы врожденныхъ способностей обнаруживаются на поверхности мозга, и по этому —

6) Составляютъ приѣтныя возвышенности на наружной сторонѣ черепа.

7) По этимъ-то возвышеніямъ черепа можно распознавать присутствіе органовъ, слѣдовательно и способностей, съ нѣкоторыми ограниченіями и условіями.

Исслѣдованія Галля надъ человѣческимъ мозгомъ навели его на эти мысли. Сначала всѣ эти истины принималъ онъ теоретически, въ видѣ предположеній, и потомъ опытнымъ образомъ старался отыскать мѣсто каждой способности въ мозгу и соотвѣтствующаго ей возвышенія на черепѣ. Для этого онъ наблюдалъ характеры людей и нѣкоторыхъ животныхъ, разсматривалъ ихъ черепа, и изъ сравненія и аналогій опредѣлялъ мѣста самыхъ способностей, обозначающихся выпуклостями на черепѣ. Самое же раздѣленіе способностей у него было свое. Такъ-какъ весь мозгъ можно разсматривать, какъ состоящимъ изъ двухъ половинокъ, раздѣченныхъ между собою перпендикулярно, то каждый органъ у него парный, т. е. находится на одномъ полушаріи головы и на другомъ. Для опредѣленія способностей какого-нибудь человѣка, по способу Галля, нужно разсматривать голову этого человѣка, и замѣченныя при этомъ возвышенности на черепѣ покажутъ развитіе тѣхъ способностей, которымъ онъ соотвѣтствуютъ, а слѣдовательно и способностей. Ученіе свое онъ называлъ краниоскопіею (черепословіемъ), а послѣдователи его дали ему названіе френологіи. Преподаваніе свое докторъ Галль началъ въ Вѣнѣ, въ 1792 г. Новость этого ученія навлѣла столько шуму, что вскорѣ оно было запрещено, какъ распространяющее матеріализмъ. Тогда Галль отправился въ Пруссію, гдѣ былъ принятъ благосклонно. Этому много способствовалъ тогдашній придворный медикъ Гуфеландъ, раздѣлявшій его ученіе. Галль былъ потомъ въ Даніи, нѣкоторыхъ германскихъ городахъ, и прибылъ, наконецъ въ Парижъ, гдѣ также читалъ лекціи о краниоскопіи. Это было въ 1808 году. Парижская Академія, для исслѣдованія этого ученія, нарядила

комиссію изъ гг. Тенона, Сабатье, Портала, Пинеля и Кюви. Исслѣдованіи эти продолжались во весь годъ, и Галль, а вѣдѣтъ съ нимъ и Шпурцгеймъ, дѣлали при нихъ свои разсѣченія мозга. Результатомъ всего этого было то, что комиссія признала много анатомическихкія и физиологическія открытія Галля, но не самое ученіе. Изъ новѣйшихъ физиологовъ Мажанди и Legend называютъ это ученіе алхиміею вынѣшняго вѣка, а Мюллеръ говоритъ, что въ сущности своей оно невозможно *. Ученіе Галля продолжали Шпурцгеймъ, Комбъ и въ послѣднее время Бруссе, Дюмутъ и др. Такимъ-образомъ, эта система остается еще неполнѣ признанною въ области науки. Рѣшеніе ея съ стороны практической, т. е. дѣйствительно ли такое-то мѣсто человеческого мозга соотвѣтствуетъ извѣстной способности, не только представляетъ большія препятствія, но и встрѣчаетъ много противорѣчащихъ явленій **. Что же касается до теоретической ея стороны, т. е. до раздѣленія и классификаціи самыхъ способностей души, то тутъ представляется еще болѣе трудностей.

Изъ этого краткаго обзора Галлевой системы видно, что ученіе Лафатера сходно съ нею только въ общей идеѣ, т. е. въ томъ, что тотъ и другой разсматривали, какимъ образомъ обнаруживается присутствіе различныхъ способностей, но во всемъ остальномъ они совершенно отличны другъ отъ друга.

Галль не заимствовалъ своей идеи у Лафатера, котораго ученіе появилось гораздо раньше. Основываясь на зависимости умственныхъ способностей отъ мозга, онъ сначала предполагалъ все теоретически, и потомъ старался подтвердить и оправдать свои предположенія на опытѣ. Ученіе Лафатера есть чисто опытное, наглядное и безъ всякихъ теорій. До главной своей идеи, что въ наружности человѣка выражается его душа, Лафатеръ дошелъ наблюдая людей и принявъ эту идею, онъ не разсматривалъ человѣческихъ характеровъ психологически, не дѣлилъ ихъ на группы и т. п., но описывалъ ихъ просто, принимая во вниманіе, не только главные способности, но даже и малости.

Ученіе Галля обнимаетъ собою только одну голову (черезъ); ученіе Лафатера,—полнаго человѣка, т. е. всю его наружность. Слѣдовательно, онъ не могъ оставить голову совершенно безъ

* I, Muller. Manuel de Physiologie, T. I, page 723 Paris. 1845.

** Тамъ же, стр. 728.

вниманія и, въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что онъ разсматриваетъ голову со всѣхъ сторонъ и по формѣ ея опредѣляетъ нѣкоторыя черты характера. Нѣсколько такихъ опредѣленій сходны съ Галлемъ. Впрочемъ, примѣровъ этихъ слишкомъ мало, и отъ того мы не можемъ дать имъ большой важности. Главная наша цѣль—показать, что Лафатеръ принималъ во вниманіе голову, но только вообще, и не сосредоточилъ своего вниманія на ней одной, какъ сдѣлалъ это Галль, оставившій безъ вниманія все остальное. Наконецъ слова Лафатера: «Болѣе или менѣе мозгу означаетъ больше или меньше способностей души»*, ясно доказываютъ, что онъ понималъ зависимость нашихъ способностей отъ мозга. Въ сочиненіи Лафатера ничего не сказано относительно Галля. Самъ же Галль не совсѣмъ вѣрилъ въ ученіе Лафатера, и отзывался о немъ такъ: «Мускулы лица, подобно мускуламъ всѣхъ другихъ частей тѣла, суть исполнители только нашей воли, коей источникомъ есть мозгъ. И такъ, въ обыкновенномъ состояніи, они только принимаютъ и сохраняютъ впечатлѣнія отъ упражненія, которому подвергаетъ ихъ воля или мозгъ, слѣдовательно, физиогномика можетъ изяснить только привычки»**. Приговоръ этотъ не совсѣмъ справедливъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мускулы лица и тѣла представляютъ впечатлѣнія нашей воли, то слѣдовательно, по этимъ впечатлѣніямъ мы и судимъ о способностяхъ нашей души, въ той степени, какъ она въ нихъ обнаруживается; отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы физиогномика изъясняла только одни привычки, а не характеръ человѣка.

Всѣ современники, знавшіе Лафатера, раздѣлялись на двѣ партіи: одни изъ нихъ, это были болѣею частію ученые и образованные люди, не считали его ученія справедливымъ; другіе — неученые, увлекались его искусствомъ, не знали хорошо предѣловъ, ограничивавшихъ прозорливость этого человѣка при угадываніи людскихъ характеровъ. Эти послѣдніе, т. е. приверженцы Лафатера, также не понимали его. Такой неправильный взглядъ на это ученіе тѣхъ и другихъ современниковъ могутъ лучше всего доказать намъ тогдашнія анекдоты объ этомъ человѣкѣ. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы. Въ одной

* Lavater. Tome 3, page 54.

** Это мнѣніе не находится въ сочиненіяхъ Галля, но въ *Изложеніи Системы Галля. Доктора Пувино*. Спб. 1817. Авторъ этой брошюры учился правоконіи у самого Галля въ Парижѣ, и слышалъ это мнѣніе, вѣроятно, отъ него самого.

изъ нихъ находятя тѣ, которые приписываютъ Лафатеру безпрестанныя ошибки и промахи, показывающіе несправедливость его ученія. Очевидно, что эти анекдоты были созданы его противниками. Другіе же принадлежатъ той партіи людей, которая вѣрила въ него, или его послѣдователямъ. Одинъ изъ такихъ анекдотовъ мы приведемъ здѣсь, для того, чтобы яснѣе показать читателю, какъ самые првверженцы и послѣдователи Лафатера ошибочно смотрѣли на его искусство. Анекдотъ этотъ разсказывается такъ.

Извѣстному композитору Глюку случилось однажды быть въ Цюрихѣ, гдѣ жилъ Лафатеръ. Знаменитый музыкантъ слышалъ мелькомъ о его фізіогномическихкихъ трудахъ, и хотя не советѣмъ вѣрилъ въ справедливость его ученія и наблюденій, однакожъ, при своемъ пылкомъ умѣ и воображеніи, влюбленномъ во все чудесное, желалъ видѣться съ этимъ человѣкомъ, и потому отправился къ нему.

Знаменитый фізіогномистъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и былъ занятъ своей обширной перепиской, которой посвящалъ большую часть утра. Лафатеръ, по видимому, не замѣтилъ прихода артиста, и занятый своимъ дѣломъ продолжалъ писать, даже не взглянувъ на новаго посѣтителя. Такъ прошло полчаса, и Глюку уже началъ приходить въ замѣшательство отъ столь долгаго ожиданія. Наконецъ Лафатеръ, устремивъ на него свои голубыя глаза, исполненные ума и доброты, спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Извините, отвѣчалъ артистъ съ улыбкою: извините, если я не отвѣчу на вашъ вопросъ и предоставлю вамъ самимъ рѣшить его. Для васъ, конечно, не составитъ большого труда сказать мнѣ самому, кто и что я?

Великій фізіогномистъ, нисколько не смутившись такимъ вопросомъ маэстро, сталъ внимательно разсматривать его наружность, и чрезъ нѣсколько минутъ окончилъ свой осмотръ восклицаніемъ:

— Нѣтъ, я не ошибаюсь: вы музыкантъ.....

— Правда, отвѣчалъ артистъ: но это еще не очень опредѣленно. Не можете ли вы сказать, что именно составляетъ предметъ моихъ музыкальныхъ занятій?

При новомъ вопросѣ, Лафатеръ замолчалъ, задумался, и чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ:

— Вы композиторъ..... драматическій композиторъ!.... Ваши отличительные признаки: сила... энергія... снѣлость, возвышенность чувствъ, величіе идей.... Потомъ Лафатеръ началъ рты-

ся въ своей библіотекѣ, вынулъ оттуда великолѣбно переплетенное сочиненіе, и показывая его артисту, сказалъ: Вьюсь объ закладъ, вы авторъ этой партіи.

Глюкъ увидѣлъ свою оперу: Паденіе Гигантовъ, имѣвшую колоссальный успѣхъ въ цѣлой Германіи, и изумился такой необычайной прозорливости этого человѣка.

— Я еще не все высказалъ, продолжалъ Лафатеръ, котораго лицо сіяло, при возрастающей торжественности голоса. — Вы призваны къ великому дѣлу... Вы оставите послѣ себя прекрасный путь, безсмертныя воспоминанія... Вы будете основателемъ знаменитой школы... Вы заключаете въ душѣ своей необыкновенную силу творчества и тотъ пылъ къ борьбѣ и битвѣ, который образуетъ славныхъ предводителей и упрочиваетъ побѣду!..

Глюкъ послѣ въ-самомъ-дѣлѣ былъ основателемъ школы, которая образовалась послѣ выхода въ свѣтъ, его Иогеніи въ Тавридѣ. Она была дана въ Парижѣ, спустя три года послѣ этого происшествія. Такимъ-образомъ Лафатеръ предсказалъ Глюку будущій его успѣхъ.

Отъ неправильнаго взгляда на ученіе Лафатера, даже самихъ его послѣдователей, произошло то, что они смѣшали его ученіе съ хиромантіей и некромантіей*. Многіе изъ нихъ стали заниматься физиогномикой, и писали свои сочиненія по этому предмету. Сочиненія эти, являвшіеся почти на всѣхъ языкахъ, превосходно показываютъ, какъ ошибочно смотрѣли они на Лафатера. Нѣкоторые изъ нихъ находятся даже на русскомъ языкѣ, на которомъ нѣтъ самаго сочиненія Лафатера. Достаточно прочитать одно заглавіе такой книги, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами. Вотъ оно: *Новѣйшій, полный и любопытный способъ, какъ узнавать каждою человека свойства, нравы и участь, или опытный физиогномъ и херомантикъ славнаго Лафатера, прославившагося въ сей наукѣ, открывающій таинственные секреты природы, съ изъясненіемъ счастья и несчастья человека, и въ какомъ родѣ жизни оное случиться можетъ, по членамъ человеческого тѣла, чертамъ лица и рукъ и по прочимъ признакамъ, съ описаніемъ вліянія планетъ на свойства человеческія и съ приложеніемъ таблицы, съ показаніемъ, счастливы ли тотъ день и часъ, въ который кто родился.* Сиб.

* Хиромантія есть искусство угадывать судьбу человѣка, разсматривая ладони на ладони его руки.

1808. *Или Платонъ. Физиономія и Хиромантія. Изъ сочиненія Альберта и Ламберта. Спб. 1817.*

Такимъ-образомъ, въ слѣдствіи Лафатерова ученія, эти ложныя науки, хиромантія и др., вновь какъ бы возродились. Конечно это было только въ обществѣ людей необразованныхъ и склонныхъ къ суевѣріямъ и предрасудкамъ. Въ тогдашнемъ образованномъ и ученомъ обществѣ, гдѣ были распространены идеи французскихъ энциклопедистовъ, ничего подобнаго не было. Такое возобновленіе этихъ ложныхъ наукъ было еще при жизни Лафатера, который въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ: «что современники его не поняли и смѣшали его ученіе съ хиромантією, некромантією и метапоскобією». Наконецъ, это видно въ словахъ его современника Бюффона, которые мы показали въ началѣ нашей статьи.

Изъ ученыхъ, которые занимались этимъ предметомъ болѣе или менѣе правильнымъ образомъ, былъ французскій докторъ Мора. Онъ издалъ сочиненіе Лафатера подлѣ слѣдующимъ заглавіемъ: *L'art de connaître les hommes par la physionomie, précédée d'une notice historique sur l'auteur, augmentée d'une exposition des recherches ou des opinions de La-Chambre, de Lambert et des autres sur la physionomie, par M. Moreau, docteur en médecine. Paris 1806—09.* Въ этомъ изданіи, при гравировкѣ картинъ, участвовали нѣсколько знаменитыхъ художниковъ. Кроме того, докторъ Сальважъ прибавилъ сюда много срѣдствъ медицинскіхъ наблюденій надъ больными лицами. Изданіе это есть одно изъ лучшихъ, но не представляя собою большой важности въ ученостъ отношеніи, и по дороговизнѣ своей, сдѣлалось рѣдкимъ достояніемъ весьма немногихъ частныхъ библиотекъ. Однакожъ Мора вмѣстѣ сюда многія вещи совершенно лишнія, которыя показываютъ, что онъ не разобралъ критически Лафатерова сочиненія.

Самое важное слѣдствіе, происшедшее отъ Лафатерова ученія, было то, что натуралисты обратили вниманіе на національныя лица, а вслѣдъ за ними сдѣлали тоже и живописцы въ срѣдѣ художественныхъ произведеній. Лафатеръ, хотя говоритъ въ своемъ сочиненіи о важности этого предмета, и представляетъ одну картину, гдѣ изображены люди различныхъ націй, но эта картина заимствована у художника Ходовицкаго, самъ же онъ не сдѣлалъ по этому предмету никакихъ розысканій. Современный ему натуралистъ Бюффонъ былъ первый изъ ученыхъ, который, хотя не признавалъ ученія Лафатера, но обратилъ вниманіе на народныя лица. Въ своей естественной исторіи, при

описаніи разныхъ поколѣній человѣческаго рода, кромѣ ихъ череповъ; онъ представлялъ также лица, свойственныя имъ, и представлялъ людей по ихъ тѣлесной красотѣ. По его мнѣнію самый безобразный есть Казмыкъ, а самые красивые люди суть вообще Европейцы и между ними, преимущественно, жители Арменіи, Кавказа, Турціи и Персіи. Почти въ то же самое время, Камперъ преимущественно занимался изслѣдованіемъ череповъ и лицъ, и написалъ, по этому предмету, большое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Dissertation physique de M-r Pierre Camper sur les differences réelles que présentent les traits du visage chez les hommes des différents pays et de différents âges etc.* Онъ согласенъ съ Бюффономъ относительно распредѣленія людей по красотѣ *. Съ тѣхъ-поръ, во всѣхъ сочиненіяхъ натуралистовъ мы встрѣчаемъ всегда, кромѣ череповъ, и рисунки національныхъ лицъ.

Первый изъ художниковъ, который обратилъ на это особенное вниманіе, былъ современникъ Лафатера, Ходовицкій. Камперъ показываетъ, что Гвидо-Рени и Рубенсъ не наблюдали этого, какъ видно изъ ихъ картинъ, гдѣ изображены восточные маги; но что Рафаэль, Пуссенъ и Тиціанъ слѣдовали этому, но весьма рѣдко и не во всѣхъ своихъ картинахъ.

Говоря вообще о ученіи Лафатера и рассматривая строго, собственно говоря, его нельзя назвать ученіемъ, потому-что главная истина проста и извѣстна была до него. До Лафатера были же художники, скульпторы, романисты, и всѣ они, въ своихъ произведеніяхъ, описывали людей съ ихъ характерами, склонностями и страстями, слѣдовательно, они понимали, какимъ образомъ различные характеры и страсти выражаются въ наружности человѣка, потому-что въ искусствѣ все основано на этомъ. Лафатеръ, съ своими произведеніями, отличается отъ нихъ только тѣмъ, что обратилъ все свое вниманіе на этотъ предметъ. Онъ старался раскрыть его, разъяснить и сдѣлать это не только яснымъ, но, увлекшись далѣе, хотѣлъ создать науку, что до-сихъ-поръ никакъ не возможно. Лафатеръ, въ своемъ сочиненіи, также, какъ и всякій художникъ, рисовалъ разные лица, свойственныя извѣстнымъ характерамъ, и описывалъ ихъ. Описанія эти также просты, какъ подобныя имъ, встрѣчаемыя нами у разныхъ писателей. Эти-то портреты и описанія ихъ составляютъ всю сущность его труда. Все-равно,

* Натуралистъ Вирей, въ своей *Histoire naturelle du genre humain*, за красивѣйшихъ считаетъ Лезгиновъ.

дадимъ ли мы ему названіе фیزیогномики (только не въ смыслъ науки) или Лафатерова ученія, главное дѣло не въ названіи, но въ сущности, по которой оно всегда останется истиннымъ. Самое же сочиненіе Лафатера есть трудъ единственный въ своемъ родѣ, потому что никто, ни послѣ, ни прежде его, не предпринималъ ничего подобнаго, и слава Лафатера, какъ великаго фیزیогномиста, останется навсегда въ потомствѣ.

А. Б—СКІЙ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЦЕРКИ

ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ МЕХАНИКОВЪ И СТРОИТЕЛЕЙ.

IV.

ІОСИФЪ БРАМА,

изобрѣтатель гидравлическаго пресси.

Оригинальность и существенная важность изобрѣтеній Іосифа Брами, безспорно, ставятъ его имя на ряду съ именами первостепенныхъ механиковъ. Все имъ произведенное, не только вошло во всеобщее употребленіе, не только распространило предѣлы искусствъ, но вышло изъ его рукъ въ такомъ совершенствѣ, къ которому послѣдніа шестдесятъ лѣтъ опытности и успѣховъ механики, не могли ничего прибавить.

Іосифъ Брама, сынъ небогатаго фермера, родился въ 1749 году, въ мѣстечкѣ Стенборо, въ графствѣ Йоркѣ, въ Англіи. По шестнадцатому году отдалъ его въ ученіе къ столяру, и довольно долгое время ничто въ немъ не обѣщало той знаменитости, которой онъ достигнулъ впоследствии.

Въ 1784 году появилось первое его изобрѣтеніе, теперь во всемъ свѣтѣ извѣстный замокъ, одно изъ совершеннѣйшихъ въ этомъ родѣ механизмовъ, которому и по-сіе-время въ благонадежности и изящной простотѣ устройства нѣтъ ничего подобного. Основная мысль его есть особенное расположеніе нѣсколькихъ рычаговъ или закладокъ, которыя надобно прежде всѣ разомъ приподнять, чтобы освободить засовку, замокъ запирающую. Рычаги эти поднимаются не на одинакую высоту, а каждый имѣетъ свой собственный подъемъ, и чтобы замокъ отворился, необходимо чтобы въ одно и тоже время рычаги поднимались каждый на свою высоту, а это возможно только помощію ключа, у коего сдѣланы соответствующія каждому рычагу

варьзки. Такимъ образомъ, пока хозяинъ замка рачительно держитъ ключъ при себѣ, никогда не вѣрля его чужимъ рукамъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что никакими поддѣльными инструментами замокъ его отпереть невозможно, а обыкновенное плутовское снятіе отпечатка замочнаго отверстия воскомъ не послужитъ ни къ чему, если только злоумышленникъ не можетъ добыть отпечатка ключа.

Необычайное достоинство и польза этого замка, обратившія на себя вниманіе даже англійскаго правительства, были причиною, что завистники, въ разные времена, распускали слухи, будто бы нашлись такіе искусники, которые отпирали его простымъ гусинымъ перомъ. Поводомъ къ этой нелѣпости было то, что самъ Брама, чтобы показать какаго малаго усилія требуетъ отпирание его замка, и следовательно какъ ничтожно треніе его частей, самъ дѣлалъ на перьяхъ точно-такія варьзки, которыми настоящей ключъ приподнимаетъ рычаги, и перо, не ломаясь, отпирало замокъ.

Чтобы показать прочность своего замка, Брама соединилъ вложенный ключъ съ быстро оборачивающимся валомъ машины, такъ что при каждомъ его оборотѣ, замокъ закрутился и отворился. После четырехъ сотъ тысячъ оборотовъ, замокъ казался въ такомъ же состояніи, какъ новый.

Брама болѣе всего прославился своимъ гидравлическимъ прессомъ. Это орудіе, теперь всемірное, есть истинное торжество человеческого ума надъ матеріею. Имя слабая рука ребенка легко разрываетъ толстые брусья крѣпчайшаго желѣза, и огромныя дубовыя бревна ломаетъ въ прахъ.

Гидравлическій или водяной прессъ есть единственное въ ирѣ орудіе, котораго дѣйствіе ничѣмъ другимъ замѣнить невозможно. Хотя по теоріи и нѣтъ предѣла, далѣе котораго не можно увеличить напоръ какой-нибудь механической силы, помощію соединеннаго дѣйствія надлежащимъ образомъ расположенныхъ рычаговъ, колесъ, винтовъ и тому подобныхъ органовъ, но на практикѣ очень тѣсный тому предѣлъ составляютъ треніе и ограниченная крѣпость матеріаловъ, изъ коихъ механическіе органы должны быть сдѣланы.

Одна изъ величайшихъ глупостей, переданныхъ намъ древними писателями, и по-сіе-время усердно перепечатаваемыхъ изъ одной книги въ другую, это есть нелѣпость, будто бы сказанная славнѣйшимъ механическимъ гениемъ древности, Архимедомъ: «Дайте мнѣ точку упора, и я сдвину съ мѣста всю землю». Чтобы оцѣнить пустоту этой безомыслицы, надобно тол-

ко спросить, изъ какихъ бы матеріаловъ сдѣлалъ Архимедъ орудія, которыми изъ одной точки упора, онъ сдѣлалъ бы съ землею такую штуку? допуская, впрочемъ, что онъ бы прожилъ въ добромъ здоровьѣ нѣсколько милліоновъ лѣтъ, которыя, по самому строгому математическому разсчету, необходимы, чтобы подвинуть такую массу на толщину тончайшей паутинки.

Нашъ знаменитый современникъ, Іоель Брана, не сбавляетъ дингата земнаго шара, оставилъ его въ покоѣ, но далъ людямъ довольно несложный инструментъ, которымъ одинъ человекъ можетъ пронарезать напоръ, равный напору груза въ пятьдесятъ тысячъ пудовъ и даже болѣе, и это безвѣрно превышаетъ всѣ, что когда-нибудь было возможно практически сдѣлать, каковы бы то ни было иными образомъ.

Особенно замѣчательна достойно, что французское начало, на коемъ основано устройство водянаго пресса, было совершенно извѣстно еще за полтора столѣтія до Браны, и что отличнѣйшіе ученые, и въ томъ числѣ даже самъ гениальный Паскаль, обращали на него вниманіе. Въ тысячу шестисотыхъ годахъ ни въ чемъ не было недостатка, чтобы извлечь изъ этого начала ту практическую пользу, которую навлекъ изъ него Брана; не было только его вдохновенія.

Этотъ физическій законъ, предлагаемый при всякомъ школьномъ курсѣ, состоитъ просто въ томъ, что два водяные столба производятъ на свои основанія совершенно одно и тоже давленіе, если только эти основанія и высоты жидкихъ столбовъ одинаковы, хотя бы воды въ одномъ столбѣ вышалаась много пудовъ, а въ другомъ только нѣсколько золотниковъ. Рисунки этого пресса, и очень понятное всѣмъ объясненіе его дѣйствія, читатели найдутъ въ каждой учебной физикѣ.

Трудно перечислить услуги, ежедневно оказываемыя этимъ могучимъ орудіемъ, почти всѣмъ отраслямъ промышленности. Нѣкоторыя даже возникли и существуютъ его помощію. Такова, напримеръ, фабрикація искусственныхъ камней и мраморовъ; для концы составляющіе ихъ матеріалы получаютъ плотность и силу сжатія отъ тяжкаго его гнета. Самая платина, одинъ изъ богатѣйшихъ даровъ природы, безъ содѣйствія пресса до сихъ поръ оставалась бы для людей бесполезною, какъ остаются теперь криаллы и нѣкоторые другіе металлы.

Для Россіи, водяной прессъ могъ бы быть цѣнполезнѣйшимъ орудіемъ, если бы во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ было болѣе извѣстнѣе. Перевозка еѣна на дальніе разстоянія, по громоздкости его сопряжена съ большими затрудненіями, равно какъ и сохраненіе его въ большихъ количествахъ отъ дождей требуетъ строеній, которыхъ въ необозримыхъ нашихъ степяхъ нѣтъ.

Посредствомъ водянаго пресса еѣно сжимается до того, отъ

обращается почти въ камень, и точно также удобно можетъ быть отвозимо куда надобно, сухимъ путемъ или водою. У Англичанъ это въ большомъ употребленіи, и во-время испанской войны съ Наполеономъ, сѣно привозимо было въ армію, въ сѣнѣ, какъ камень, видѣ.

Третье изобрѣтеніе Брамъ въ большомъ употребленіи въ Англіи, гдѣ пиво составляетъ народный напитокъ, и гдѣ оно имѣетъ особенную цѣнность. Во всѣхъ заведеніяхъ, въ конхъ пиво продается въ разницу, прежде необходимо было, или безпрестанно ходить въ погребъ и отворять бочки, или держать ихъ множество въ комнатахъ, гдѣ производится продажа, что сопряжено съ многими неудобствами. Брама устроила механизмъ, посредствомъ котораго бочки остаются въ прохладномъ погребѣ и при томъ недоступныя вліянію воздуха, а продавецъ легкимъ движеніемъ рычага, помѣщеннаго у него подъ рукою, нагнываетъ чрезъ трубы напитокъ изъ любой бочки и въ какомъ хочеть количествѣ. Это дѣлаетъ его остроумная пивоточная машина (Beer-Machine).

Потомъ явилась на свѣтъ его прекрасная и для искусствъ весьма важная строгальная машина для дерева. Сначала въ Вулвичскомъ, а теперь почти во всѣхъ европейскихъ арсеналахъ она приноситъ величайшія выгоды, какъ сбереженіемъ множества рабочихъ рукъ и издержекъ на инструменты, такъ и совершенствомъ исправляемой ею работы. Въ Петербургѣ, кромѣ Арсенала, ихъ нѣсколько въ разныхъ частныхъ заведеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта же машина облегчила введеніе новѣйшей строгальной машины для металловъ (metal planing machine), могущественнаго орудія, ничѣмъ не замѣнимаго, которому механическія искусства болѣе всего обязаны вышшимъ, по истинѣ удивительнымъ своимъ совершенствамъ. Теперь и въ Россіи въ одна хорошая мастерская безъ него обойтись не можетъ.

Изъ второстепенныхъ изобрѣтеній Брамъ, которыхъ очень много, можно упомянуть о нумеровальной машинѣ (numbering machine), которую печатаніе номеровъ на бавковыхъ билетахъ и дѣловыхъ документахъ значительно ускоряется, и вмѣстѣ съ тѣмъ ошибки становятся невозможными.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія придуманный имъ подручникъ для токарныхъ станковъ, посредствомъ котораго всякаго размѣровъ шарообразныя поверхности, вышуклыя и круглыя, обтачиваются съ большою вѣрностію механически, вовсе безъ участія рукъ мастера.

Все это вошло во всеобщее употребленіе и по-сѣ-время содѣйствуетъ успѣхамъ искусствъ. Но и одного водянаго прессы, конечно, было бы достаточно, чтобы упрочить славу его изобрѣтателя. Брама умеръ въ 1814 году.

6-го мая, 1850 г.

ВАСИЛІЙ КАРЕЛИНЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

56 *Русскіе на Восточномъ Океанѣ* А. Маркова. Москва, въ университетской типографіи.

Прочитавъ заглавіе, каждый подумаетъ, что въ книгѣ этой описаны или русскія владѣнія на Восточномъ-Океанѣ, или наши побѣды и завосванія на этомъ морѣ; но оказывается, что книга эта содержитъ въ себѣ описаніе путешествія г. Маркова изъ Иркутска, рѣкою Леною, въ Якутскъ, оттуда верхами въ Охотскъ, потомъ моремъ въ Камчатку, отсюда къ американскимъ берегамъ, на островъ Ситху, потомъ въ Калифорнію и потомъ обратно, въ Ситху.

Кто не знаетъ, что на Океанѣ Восточномъ принадлежать намъ острова Алеутскіе, большая часть Курильскихъ и часть сѣверозападнаго берега Америки. Стариковъ нашихъ не останавливало свирѣпое море: безъ компаса, безъ морскихъ картъ, они пускались въ океанъ; счастье благоприятствовало смѣлости, и они познакомились съ Новымъ-свѣтомъ.

Въ первыхъ годахъ прошедшаго столѣтія приобрѣтена Камчатка. Кромѣ соболей и лисицъ огнёвокъ, Русскіе нашли тамъ драгоцѣнныхъ бобровъ морскихъ, и новая приманка возбудила въ нихъ предприимчивый духъ.

Но Камчатка была предѣломъ земли; дагѣ волновался океанъ. Казалось, что геройскіе подвиги нашихъ предковъ уже кончались. На югѣ, въ Дауріи, невыгодный миръ съ Китайцами остановилъ смѣлые шаги Русскихъ; на сѣверо-востокъ остались одни неприступные Чукчи; не съ кѣмъ было уже воевать: все покорилось могуществу русскаго оружія.

Русскіе, съ оконечности полуострова Камчатки видѣли гряду острововъ, которая тянулась къ югу и невѣдомо гдѣ оканчивалась. Буря прибила къ берегамъ Камчатки японскіе суда, и Русскіе узнали о существованіи богатаго и сильнаго государства. Горсть смѣльчаковъ рѣшилась провѣдать Нипонское царство, но успѣхъ не отвѣчалъ смѣлости. Камчатка нуждалась въ вѣсвыхъ подкрѣпленіяхъ; ей было ве до Японіи: Камчадалы безпрестанно возставали, и гдѣ новопостроенныя укрѣпленія при каждой возможности.

Къ сѣверовостоку отъ Камчатки тянется, по Восточному Океану, до самой Америки, опять гряда острововъ; ее не видно съ камчатскихъ горъ. Бернигова экспедиція возвращаясь съ поисковъ о разрѣшеніи вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой, нашла одинъ изъ этихъ острововъ, и сообщила о томъ свѣдѣніе въ Камчатку.

Матросы рассказывали служивымъ и промышленникамъ, что около вновь открытаго острова ныряеть въ морѣ великое множество бобровъ и котиковъ морскихъ, и что они такъ смѣли, что подпускаютъ къ себѣ человека на близкое разстояніе.

Составилась промышленная компанія: купцы Чупровъ, Тренинниковъ и Чабасевскій спарядили судно. Матросъ Неводчиковъ, служившій въ Берниговой экспедиціи, сдѣланъ командиромъ. Въ сентябрѣ 1745 года, судно вышло изъ устья рѣки Камчатки въ море, и держась на востокъ, усмотрѣло ближніе острова Атту и Агату; на нихъ были жители. Почти въ то же время найдены и другіе мелкіе и низменные острова. Судно нагружилось бобрами, котиками, и благополучно возвратилось въ Камчатку. Съ каждымъ годомъ Русскіе подавались къ востoku, и открывали новые острова.

Мореходъ Андрейяъ Толстой отправился изъ Камчатки въ 1760 году, зимовалъ на Берниговомъ островѣ, а на слѣдующій годъ нашелъ островъ Адахъ и всю группу, лежащую около него. Острова эти названы Андрейцовскими, Бобровы и Боткины. Вдальше здѣсь въ такомъ изобиліи, что, въ 1760 году, одно русское судно вывезло съ Алеутскихъ острововъ 4320 бобровъ.

Каждому работнику досталось до 108 шкуръ, по тогдашней цѣнѣ 20 руб. за шкуру.

Послѣ того открыта группа острововъ Крыскихъ. Въ 1759 году, промышленникъ Готовъ присталъ къ острову Умнаку, а вслѣдъ за тѣмъ, найдена остальная группа острововъ, до американскаго полуострова Аляски. Острова эти названы Лисьями.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія промышленники соединялись въ артели и отправлялись на острова, которые получали уже названіе Алеутскихъ. Укрѣпившись на островѣ Увалашкѣ, промышленники замѣтили, что морскіе котикіи каждой годъ, постоянно, проходили весною отъ юга на сѣверъ, а осенью возвращались опять на югъ. Мореходъ Прибылой отправился на суднѣ въ море къ сѣверу, и вскорѣ нашелъ островъ св. Георгія. На немъ водились бобры, котикіи, моржи и сивучи. На слѣдующій годъ партія, оставленная на островѣ, усмотрѣла съ высоты вдаль на сѣверѣ земля. Промышленники пустились туда въ байдаркахъ и открыли островъ, получившій названіе св. Павла. Здѣсь водилось такое множество морскихъ котиковъ, что въ первое лѣто убито ихъ 30,000 штукъ.

Наконецъ явился на поприщѣ бобровой промышленности знаменитый Шелеховъ, и воскресилъ въ себѣ духъ героев сибирскихъ—Хабарцова, Степанова и другихъ. Этотъ характерный чомовикъ родился въ Курской губерніи. Тамъ духъ его не находилъ удовлетворенія. Земляки, возвращаясь изъ Сибири съ богатствами, подстрекали предприимчивость молодого человека; Шелеховъ рѣшился идти по слѣдамъ ихъ. Въ Иркутскѣ онъ присталъ къ зѣброловой артели Голнкова, и отправился въ Камчатку. Вызнавъ все обстоятельства, онъ составилъ планъ компаніи съ братьями Голнковымъ и Ласточкинымъ-Дебедерымъ; набрали матросовъ или артельщиковъ и пустились навъ Охотска въ море; въ 1784 году Шелеховъ избранъ былъ единолично начальникомъ компаніи. Счастье ему благопріятствовало. На большомъ островѣ Кадынь, лежащемъ къ югу отъ полуострова Аляски, и не принадлежащемъ къ группѣ острововъ Алеутскихъ, онъ построилъ бревенчатую крѣпость и учредилъ здѣсь главную факторію. Компанія Шелехова, увидѣвъ, какъ удачно охотились бобры и котикіи утолди въ Китаѣ по дорогѣ на сѣверъ; Иркутскій купецъ Мильниковъ составилъ новую компанію зѣбровыхъ промысловъ на Восточномъ Океанѣ въ послѣдствіи времени она соединилась съ Шелеховскою, и въ 1798 году, приняла названіе Россійско-Американской. Составили правила для дѣйствій компаніи. Въ 1799 году компанія была

принята подъ Высочайшее покровительство, и ей дарована двдцатилѣтняя привилегія. Главное правленіе учреждено было сперва въ Иркутскѣ, а потомъ переведено въ Петербургъ. Шелеховъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1795 году, и надъ прахомъ его возвышается мраморный мавзолей, украшенный стихами безсмертнаго Державина. Такимъ-образомъ приобрѣтена цѣльграда острововъ на Восточномъ-Океанѣ, земля безлѣсная, безплодная, вулканическая, но изобильная дорогими звѣрами.

Въ 1790 году, Шелеховъ, оставляя Кадьякъ, сдѣлалъ прамтелемъ новыхъ заведеній Баранова, уроженца каргонольскаго; люди гениальныя скоро понимаютъ подобныхъ себѣ. Шелеховъ, зная Баранова лично, видѣлъ, что этотъ характерный и постылино благоразумный человекъ устроитъ дѣла Компаніи и будетъ ревностнымъ продолжателемъ началъ своего предѣстника. Шелеховъ не ошибся въ выборѣ. Лишь только осмотрѣлъ Барановъ на Кадьякѣ, тотчасъ увидѣлъ, что компанія дѣйствуетъ въ тѣсныхъ предѣлахъ. Первый подвигъ ознаменовалъ онъ тѣмъ, что перенесъ владычество Русскихъ на берега матерой земли Америки, въ Кенайскомъ и Чугацкомъ заливахъ.—Въ 1796 году заложилъ онъ селеніе въ заливѣ Якутатъ. Въ 1799 году занялъ обширный островъ Ситху, на которомъ обитали воинственные и свирѣпыя Коложки, и построилъ тамъ крѣпость. Немадобно забывать, что Барановъ имѣлъ у себя горсть людей, лишь бы былъ пособій, средствъ, но все это замѣчалъ духомъ предприимчивости и твердой воли.

На Ситхѣ, въ новой крѣпости, онъ оставилъ часть промышленныхъ, а самъ отправился въ Кадьякъ. Тогда Коложки напали на крѣпость, взяли ее приступомъ, а Русскихъ предали мучительной смерти. Въ 1804 году крѣпость была возвращена, и Барановъ избралъ ее мѣстомъ своего пребыванія. Здѣсь онъ открылъ торговлю съ иностранными землями, и на берегахъ Калифорніи, въ заливѣ Бадега, основалъ колонію Россъ, гдѣ открыты недавно золотоносныя россыпи. Преемники Баранова продали эту зем-

Въ-послѣдствіи времени Россійско-Американской Компаніи дарованы важныя привилегіи въ томъ, что служба въ ней считается коронною, правитель колоніи долженъ быть непременно ~~Москвитинъ~~ штабъ-офицеръ. Права эти и богатое жалованье привлекли многихъ въ службу Компаніи, въ числѣ ихъ былъ и г. Марковъ, авторъ сочиненія, которое мы разсматриваемъ. Оно было напечатано сперва въ Москвитинѣ, а потомъ вышло отдѣльною книжкою. Какъ статья журнальная, ограниченная известными условіями, она не подлежала правленію строгого кри-

тивъ; въ такомъ видѣ слѣдуетъ и теперь смотрѣть на нее. Одна-кожъ, книга эта содержитъ въ себѣ географическія, статисти-ческія и коммерческія свѣдѣнія, слѣдовательно она фактъ, на которомъ всякой можетъ основывать свои заключенія.

Авторъ начинаетъ разсказъ такъ:

• Проѣхавъ все пространство Европейской Россіи, простирающееся отъ Москвы до Екатеринбурга, и всю *Западную Сибирь*—страны, представляющія много любопытнаго, я приближался къ Иркут-ску.

Кто не знаетъ, что этотъ періодъ чрезвычайно тяжелъ для слуха, а слово вся Сибирь черезчуріе. Авторъ не проѣхалъ всю Западную Сибирь, а переѣхалъ только ее поперегъ, чрезъ губерніи Тобольскую и Томскую.

• Въ 5-ти верстахъ отъ Иркутска стоитъ монастырь св. Инноцен-тія Чудотворца, гдѣ всѣ проѣзжающіе непременно останавливаются на поклоненіе мощамъ этого угодника.

Въ пяти верстахъ не доѣзжая до Иркутска стоитъ монастырь Вознесенскій, а не святителя Иннокентія.

• Иркутскъ построенъ на правомъ берегу рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы, свойственные тамошнему кли-мату, покрываютъ ее исковерканнымъ льдомъ, не ранѣ января мѣ-сяца; а бываютъ годы, что во всю зиму переправляются черезъ Ангару на плашкоутахъ.

Ангара покрывается льдомъ точно такъ какъ Нева, по боль-шей части въ декабрѣ мѣсяцѣ; ни въ лѣтописяхъ Иркутска, ни въ преданіяхъ, ни въ памяти старожиловъ не сохранилось из-вѣстія, чтобъ Ангара когда-нибудь простояла цѣлую зиму не замерзая.—Переплываютъ черезъ нее не на плашкоутахъ, а на карбазахъ и лодкахъ.

• Прорываясь (Ангара) сквозь озеро Байкалъ, и впадая въ рѣку Енисей, Ангара облегчаетъ сообщеніе съ Кяхтою и служитъ источ-никомъ обогащенія иркутскому купечеству. По ней отправляются суда, нагруженные шерстяными, пушными и металлическими това-рами, въ Кяхту, или обратно изъ Кяхты, съ чаями, съѣстными при-пасами, особливо скотскимъ мясомъ, которое въ большомъ изобиліи находится за Байкаломъ; равнымъ образомъ немаловажную статью торгѣвы составляетъ провозимая тоже черезъ Ангару рыба, добы-ваемая въ озерѣ Байкалѣ, въ особенности омуль.

Ангара не прорывается, а вытекает из Байкала. Водное сообщение из Кяхты идет сперва рѣкою Селенгою, потомъ Байкаломъ, а потомъ уже Ангарою, всего на 60 верстъ. Какое же тутъ облегченіе или обогащеніе? Рыба изъ Байкала привозится въ Иркутскъ не черезъ Ангару, а по теченію рѣки Ангары; омули добываются не въ Байкалѣ, а въ рѣкѣ Селенгѣ и Верхней Ангарѣ; свотское мясо привозится изъ-за Байкала зимою, когда Байкалъ и Ангара покрываются льдомъ; въ это же время идутъ изъ Кяхты товары.

Иркутскъ производитъ также значительную торговлю съ Бурятами или Братскими, которые живутъ большими улусами въ окрестности этого города, и занимаются хлебопашествомъ, звѣриною ловлею и частію скотоводствомъ.

Иной подумаетъ, что Иркутскъ стоитъ въ срединѣ бурятскихъ кочевьевъ и производитъ съ ними торговлю, на дѣлѣ же выходитъ что Бураты, съ одной только стороны города живутъ въ 35 верстахъ отъ него, съ двухъ далѣе ста верстъ, а съ третьей нѣтъ ни одного бурятскаго кочевья. Средина между городомъ и бурятскими кочевьями наполнена русскими крестьянами. Иркутскъ не производитъ и не можетъ производить торговли съ Бурятами, но они пріѣзжаютъ въ городъ, точно такъ же какъ и русскіе крестьяне, и покупаютъ на рынкѣ и въ гостиндомѣ дворѣ, что имъ нужно. Скотоводство у Бурятъ, первая промышленность, а не частію; за нею слѣдуетъ земледѣліе, а наконецъ и звѣринные промыслы.

Наряду этотъ (Бураты) сильно привязанъ къ черкесскому табаку и къ вину. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку женъ, все живутъ отдѣльно, каждая въ своей юртѣ. Мужъ навѣщаетъ ихъ по очереди, и такъ проводитъ все свободное время; зимою же отправляется на звѣриную ловлю, въ пространныя сибирскія степи, или въ лѣса.

Бураты не имѣютъ больше двухъ женъ разомъ, всего чаще одну.—Женятся очень молоды, а когда первая жена состарѣется, мужъ прогоняетъ ее и беретъ другую. Путешественникъ по Восточной Сибири какъ наблюдатель, г. Марковъ вѣроятно замѣтилъ, что въ ней вовсе нѣтъ степей. Бураты отправляются на звѣринные промыслы, только не въ степи, а въ лѣса. Бѣлка, соболь, лисца, медвѣдь, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, а всемъ извѣстно, что звѣродовство именно состоитъ изъ этихъ статей.

При вступленіи весны все оживаетъ (въ Иркутскѣ) необыкновенною дѣятельностію: товары отправляются въ Якутскъ, Охотскъ, Камчатку и въ американскія колоніи.

Ярмарка въ Иркутскѣ бываетъ зимою, и тогда видны въ городѣ многолюдство и дѣятельность. Съ Якутскомъ и странами, лежащими отъ него къ востоку, торгуютъ не многіе; главный товаръ мѣхъ, закупается по деревнямъ приленскимъ. Авторъ жидъ, вѣроятно, въ домѣ Американской Компаніи, гдѣ весною бываетъ необыкновенная дѣятельность, потому-что, въ это время только отправляются товары въ колоніи. Иркутскъ же напротивъ, чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ спокойнѣе становится. Не справедливо также пишетъ авторъ, что въ половинѣ мая вся дорога изъ Иркутска до селенія Качуга покрывается обозами, тутъ ошибка во-времени и преувеличеніе въ количествѣ.

При проезде въ какомъ-нибудь мѣсто, останавливаясь на постояломъ дворѣ, или находясь въ лавкѣ, Буряты непременно стараются что-нибудь украсть... за то и Буряты не остаются у Русскихъ въ долгу: попали къ нимъ Русскіе въ улусъ въ позднее время, - они ограбятъ его совершенно, до послѣдней нитки, безъ всякой жалости.

Періодъ этотъ начинается одною—грамматическою ошибкою, а кончается другою, фактическою. Не было примѣра, чтобы Буряты ограбили кого-нибудь, не только въ своихъ улусахъ, но и на дорогѣ—это совершенно противно ихъ миролюбивому духу. Авторъ говоритъ о нихъ какъ о горцахъ и киргизахъ, все кочующее представляется ему разбоемъ. Къ воровству Буряты склонны, но и тутъ есть большія исключенія. Воруютъ тѣ, кои индигарятъ около Русскихъ, и воровство это всегда мелочное, но чтобы они ограбили кого-нибудь до послѣдней нитки и при томъ безъ всякой жалости, объ этомъ въ цѣлой губерніи не слышно.

Лена - одна изъ величайшихъ рѣкъ Россіи. Во-время плаванія по ней тѣло какъ будто погружается въ сонъ и чувствуетъ какую-то особенную склонность къ бездѣйствію. Берега этой рѣки больше низменны и ровны; теченіе тихое, спокойное; въ пути не встрѣчается ни крутыхъ поворотовъ, ни пороговъ... вокругъ все дико, пустынно, самобытно... ни звука, ни слѣда человеческого.

Большая часть путешественниковъ пребываютъ въ постоянномъ восторгѣ отъ живописныхъ береговъ Лены. Многіе послѣ плаванія по Ленѣ, плавали по Рейну, и смѣло говорятъ, что Лена превосходитъ Рейна. Тутъ кажется, авторъ хотѣлъ только оправ-

дать происхожденіе названія Лены отъ русскаго слова *лѣтъ*. Но почему берега Лены казались г. Маркову *низменными и ровными*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ рѣка Лена течетъ между горами? Площадки сколько-нибудь значительныя встрѣчаются выше и ниже города Киренска, а потомъ у Якутска, на остальномъ пространствѣ селенія лѣнятся по узкимъ закрапамъ, какъ на Рейнѣ. Лена вездѣ быстра, пороговъ нѣтъ, но есть быки или утесы, опускающіеся прямо въ рѣку, на нихъ иногда вавозитъ неосторожныя барки и разбиваетъ. Кто хорошо видѣлъ Лену, тотъ не называетъ ее рѣкою тихою и спокойною. Правда, что въ Якутской области, по лѣвому берегу Лены расположены однѣ станціи, но въ Иркутскомъ и Кирейскомъ уѣздахъ, по берегамъ ея, больше ста пятидесяти селеній. Потому нельзя сказать, что на рѣкѣ Ленѣ *ни звука, ни слѣда человѣческаю!* Не вѣрно также, что и скотоводство по берегамъ Лены въ плохомъ состояніи, въ Киренскомъ уѣздѣ приходится на каждый домъ слишкомъ по три лошади, по четыре коровы и по шести овецъ. Невѣрны также свѣдѣнія о ловлѣ бѣлки. Г. Марковъ говоритъ, что при уловѣ, счастливый охотникъ добываетъ 100 бѣлокъ въ недѣлю. Такъ бывало за 70 лѣтъ. А теперь 100 бѣлокъ во всю осень считается хорошимъ промысломъ. Авторъ кажется, во-время путешествія не записывалъ свѣдѣній, а писалъ свои записки по возвращеніи, изъ памяти, иначе не сдѣлалъ бы столь важныхъ измѣненій.

• Въ Якутскъ собираются Якуты и Тунгусы и ведутъ съ Русскими значительную торговлю. Оба эти народа исповѣдуютъ христіанскую вѣру и ужасно робки, особенно Тунгусы... Въ лѣтнее время они ведутъ кочевую жизнь, переѣзжая съ одного мѣста на другое... При первомъ сибѣ Тунгусы удаляются на зимнее жилие, гдѣ у нихъ довольно хорошо устроены бревенчатыя юрты, обсыпанныя землею и довольно теплыя.

Въ Якутскъ пріѣзжаютъ Якуты, но что касается до Тунгусовъ... едва ли это правда, ихъ вовсе нѣтъ около Якутска; мы готовы спорить, что Тунгусы не христіане, что они бродятъ лѣто и зиму по лѣсамъ и рѣшительно не имѣютъ бревенчатыхъ юртъ, обсыпанныхъ землею и довольно теплыхъ. Не смѣшалъ ли ихъ авторъ съ Камчадалами?

• Якуты живутъ разсѣянными малыми селеніями въ окрестности Якутска, постоянно на одномъ мѣстѣ.

Якуты живутъ не селеніями, а улусами, и перемѣняютъ мѣсто жительства по временамъ года. Улусъ никакъ не долженъ

ушодоблять русской деревнѣ. Улусъ состоитъ изъ нѣсколькихъ юртъ или хозяйствъ, случайно съѣхавшихся напр. на лѣтовку. Настала осень, и всѣ хозяева разъѣхались въ разные стороны, по своимъ зимнякамъ. Скотоводство не позволяетъ Якутамъ жить постоянно на одномъ мѣстѣ; скоть ихъ круглый годъ питается подножнымъ кормомъ, и для свѣжей травы они должны переходить съ мѣста на мѣста.

Не беремса повърять описаніе тѣхъ мѣствъ, которыя не видали. Однакожъ на пути изъ Якутска въ Охотскъ замѣтили въ словахъ автора одну ошибку.—Онъ говоритъ (стр. 11):

•То вдругъ встрѣчаешь лѣсъ, обгорѣлый отъ жару, который въ июлѣ мѣсяцѣ доходитъ затѣсь иногда до чрезвычайности•.

Не было примѣра, чтобъ въ Сибири когда-нибудь загорѣлся лѣсъ отъ лѣтняго жара; мы не слышали даже, чтобъ подобныя примѣры случались гдѣ-нибудь между тропиками. Въ Сибири горятъ лѣса обыкновенно отъ молніи, а чаще всего зажигаютъ ихъ по неосторожности. Звѣроловы, или путешественники ночуютъ въ лѣсу, разведуть огонь, и на завтра, не заливши его, уѣзжаютъ; вѣтеръ раздуваетъ пламя, загорится трава, валежникъ, и когда огонь усилится, тогда горятъ и большія деревья. Иногда переходитъ огонь въ лѣсъ съ пашни или сѣнокоса. Жители имѣютъ обыкновеніе выжигать старую траву и солому на лугахъ и пашняхъ; зажгутъ, а сами домой уйдутъ. Лѣла выгораютъ на ужасныя пространства, и прекращаются отъ перваго сильнаго дождя. Иногда палы ходятъ до половины лѣта.

Путешествіе изъ Якутска верхомъ продолжалъ нашъ авторъ до Охотска; тутъ онъ сѣлъ на судно и спустился по Охотскому морю въ Камчатку.

•Въ 8-й день, говоритъ онъ. нашего плаванія мы увидѣли непрерывную цѣпь горъ со снѣжными вершинами. То были берега Камчатки. Обогнувъ Лопатку, мы стали приближаться къ Петропавловскому порту•.

Въ Камчатку изъ Охотскаго моря проходятъ между вторымъ и третьимъ Курильскими островами; авторъ говоритъ, что они обогнули Лопатку,—что-то непонятное...

Изъ Камчатки пустился авторъ, на компанейскомъ суднѣ, на островъ Ситху, и на пути видѣлъ американское китоловное судно. Онъ говоритъ, что китоловы нападаютъ преимущественно на тѣхъ китовъ, которые выпускаютъ изъ ноздрей по два фонтана, потому-что изъ нихъ получаютъ самый лучший жиръ, из-

вѣстный подъ именемъ спермацета. О вытисканіи китана сонтановъ изъ ноздрей не такъ давно происходили толки. Плиній сказалъ прежде всѣхъ, что китъ пускаетъ сонтанъ; китъ это поддерживалось до нашихъ временъ. Русскіе мореходы признавались торжественно, что они выдали на своемъ вѣку множество китовъ, только ни одинъ изъ нихъ не вытискалъ сонтана.—За то все мы знаемъ, что спермацетъ не жиръ, а мозгъ кита, называемаго кашелотомъ; латинское слово *sperma celi* значить буквально мозгъчекъ кита.

Авторъ послѣ трехъ суточного шторма и качки достигаетъ благополучно острова Ситхи, и вотъ какъ изображаетъ онъ состояніе нашей отдаленнѣйшей колоніи:

«Ново-Архангельскій портъ, на островѣ Ситхѣ, есть главное заселеніе російско-американскихъ колоній: здѣсь постоянно находится главный правитель всѣхъ колоній, или, какъ называютъ его по тамошнему, губернатора, въ чинѣ капитана 1-го ранга; онъ непременно долженъ быть изъ флотскихъ, принимаетъ эту обязанность на пять лѣтъ, съ правами военными и гражданскими, согласно привилегій, получаетъ отъ Компаніи каждый годъ жалованья 10 т. руб. серебромъ, а по истеченіи срока выбываетъ въ Россію. Помощникъ правителя бываетъ изъ лейтенантовъ, и именуется портовымъ начальникомъ; кромѣ того, находится нѣсколько флотскихъ офицеровъ, для мореходства.

Компанія имѣетъ 8 судовъ, величиною отъ 100 до 350 тоннъ. Одинъ пароходъ съ 14 пушками, для проливовъ, и другой поменьше, для разныхъ посылокъ по релутамъ.

Съ прибытіемъ компанейскихъ судовъ, съ разныхъ отдаленъ на зимовку въ Ситху, портъ оживляется, дѣлается шумнымъ, многолюднымъ, веселымъ; въ клубѣ открывается театръ, на которомъ разыгрываются разные небольшія пьесы, и даются вечеринки, на которыхъ дружится все почетное ситхинское общество.

Окрестности Ново-Архангельска пустыни и дикі; тутъ не встрѣтите вы ни зеленыхъ луговъ, ни тѣнистыхъ садовъ; природа не наградила этой отдаленной страны роскошною растительностію, и окаянула ее сплошною цѣпью горъ, поросшихъ елью, лиственницею и дубникомъ.

Климатъ самый неблагоприятный. Солнце рѣдкій гость на тамошнемъ небѣ, почти безпрестанно застилаемомъ густымъ туманомъ. Большую часть года льютъ дожди или дуютъ жестокіе вѣтры. Почва вообще камениста и неудобна къ произведенію плодовъ, кромѣ ягодъ. Огородные овощи приращиваютъ въ садахъ нѣкогда количествомъ, такъ что ихъ недостаетъ на годичное продовольствіе.

Домашнего скота нѣтъ, потому-что его нѣтъ кормить. У гдѣ-ваго правителя есть нѣсколько коровъ, но и имъ съ трудомъ запа-саютъ на зимнее время сѣно.

Вѣсны прѣбывающихъ на службу въ Ситху выдаютъ имъ арсеналъ ружья, для сохраненія порца отъ дикихъ. Нарѣдка, по приказанію правителя, бываютъ внезапныя тревоги. Изъ крѣпости на жилища диндхъ навесены пушки, да жителей и не много; только въ весеннее время съѣзжается ихъ тысячи до полуторы, для ловли сельдей. По Ситхискому заливу водится такое множество рыбы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно проѣхать лодкою.

Въ 1838 году Англичане, по договору съ Россійско-Американской Компаніей, завладѣли на десять лѣтъ нѣкоторыя мѣста, принадлежащія Русскимъ и заселенныя Колюжами, съ тѣмъ, чтобъ платить за то аренду и производить торговлю съ дикими, которые, по условленному раздѣлу, будутъ находиться на земляхъ, взятыхъ ими въ арендное содержаніе; но грубое и неуважительное обращеніе, послужило большимъ препятствіемъ успѣхамъ торговли ихъ съ Колюжами, которые до того честолюбивы, что за малѣйшее оскорбленіе мстятъ смертію. Колюжи знали, что во времена Баранова Англичане хаживали къ нимъ судами, брали на свои корабли по нѣскольку чело-вѣкъ дикихъ, и увозили въ дальныя проливы для ловли звѣрей, об-ходились съ ними безчеловѣчно, иногда высаживали на необитаемые острова, и бросали на произволъ судьбы.

Изъ Ситхи авторъ отправился въ Калифорнію, по дѣламъ компаніи. Туманы мѣшали имъ пуститься въ гавань Сан - Франциско; цѣлую недѣлю лавировали они около береговъ Калифорніи, наконецъ капитанъ рѣшился идти на отвагу и вдругъ открылась предъ ними обширная гавань, со множествомъ судовъ разныхъ націй.

Съ отважностію Русскихъ, въ виду всѣхъ иностранцевъ, мы подъ двумя парусами отъ свѣжаго вѣтра пошли прямо средною пролива въ длинную бухту Санто-Франциско, оставивъ за собою выѣдную стѣну тумана, сдѣлали между судами поворотъ, и ста-ли на якорь.

По всему обширному заливу разносился ароматный запахъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ: вокругъ залива въ живописныхъ ландшафтахъ раскиданы были, на далекое разстояніе, другъ отъ друга, горѣстыя калифорнецъ, между которыми росли зеленые дуга и долины, съ гуляющими по нимъ овцами, коровами, лошадьми и волками; гдѣ то вдалекѣ кричали дикіе гуси.

• Русскіе пользуются въ Калифорніи особеннымъ уваженіемъ по сравненію съ другими иностранцами, за свое ласковое обращеніе съ туземцами; имя Русскаго въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго Океана служитъ эмблемою добродушія, привѣтливости, снѣтливости и находчивости. При каждой встрѣчѣ мы слышимъ одно и тоже: «славной народъ Русскіе.»

Въ четверти мили отъ С. Франциско живетъ русской Нѣмецъ Генпереръ. Онъ родомъ изъ Риги, служилъ въ Американской Компаніи, женился въ Ситхѣ на креолкѣ, поселился въ Калифорніи, и слыветъ подъ именемъ чисто Русскаго, за что пользуется общимъ уваженіемъ. Онъ дѣятеленъ, предпримчивъ, слѣдовательно, на пути къ скорому обогащенію. Въ домѣ у него единственное фортепіано, на которомъ онъ прекрасно играетъ. Испанцы знакомятся съ нимъ даже для того, чтобъ видѣть этотъ чудный для насъ инструментъ. Въ торжественные дни носятъ его фортепіано въ монастырь. Самъ губернаторъ, живущій въ Монтерео, когда бываетъ въ С. Франциско, первымъ долгомъ почитаетъ посѣтить артиста и послушать его вгру.

• Россійско американскія суда ежегодно посѣщаютъ Калифорнію, для покупки съѣстныхъ припасовъ, и всегда во-время стоянки, командиръ каждаго судна считаетъ долгомъ сдѣлать вечеринку, или по тамошнему—фанданго. Нѣсколько разъ мнѣ приводилось бывать въ Калифорніи, для покупки съѣстныхъ припасовъ, и я никогда не видалъ, чтобъ которое-нибудь изъ стоящихъ тамъ иностранныхъ судовъ вздумало сдѣлать для испанцевъ вечеръ; за то и калифорнцы не удостоивали этой чести никого изъ иностранцевъ, кромя Русскихъ.

Изъ С. Франциско отправился нашъ путешественникъ въ Массатланъ; матросы вытащили якорь и съ пѣснями вышли изъ гавани въ Океанъ. Достигнувъ Массатланскаго рейда, капитанъ не хотѣлъ останавливаться, по побывать на берегу въ катерѣ, кончить дѣла и пуститься куда надобно. Вотъ какъ описываетъ г. Марковъ свое прибытіе въ испанскій городъ:

• По обширному рейду стояли военные фрегаты американскіе, англійскіе и одинъ мексиканскій. Борты судовъ были увязаны зрителями, поглядѣть на Русскихъ, еще не бывалыхъ гостей въ Массатланѣ. Многіе изъ тамошнихъ жителей, зная Русскихъ только по слуху, почитали ихъ какииъ-то «беннымъ народомъ».

Когда мы вышли изъ катера, насъ встрѣтилъ комендантъ, и дружески поздоровавшись, спросилъ о причинѣ нашего прихода, и почему мы не становимся на якорь.

Командантъ пригласилъ русскія моряковъ обѣдать, и въ домѣ его они нашли книжку съ изображеніями солдатъ всѣхъ націй. Русской солдатъ предетавленъ былъ въ огромномъ размѣрѣ по сравненію съ прочими; страшные усы и бакенбарды закрывали у него почти все лицо.

Въ Массатланѣ Русскіе были приняты и угощаемы такъ же хорошо, какъ и въ С. Франциско. Для нихъ дѣлали балъ. Яркими красками описываетъ авторъ драгоцѣнную Калифорнію; но какъ не хорошо въ гостяхъ, а дома лучше. Судно наше возвратилось въ дождливую Ситху.

Въ заключеніе авторъ излагаетъ проектъ русской торговли на Восточномъ Океанѣ. На бумагѣ онъ весьма хорошъ и приноситъ важныя барыши. Не знаемъ такъ ли будетъ на дѣлѣ. Желающіе могутъ прочитать его въ самой книгѣ.

Несмотря на то, что въ разсказахъ нашего автора объ Иркутскѣ, Ленѣ и Якутскѣ мы замѣтили нѣкоторыя невѣрности, мы благодарны уже за то удовольствіе, которое онъ доставилъ намъ описаніемъ своего пребыванія въ Калифорніи, кого не порадуешь патріотическое чувство, которое обнаруживаетъ авторъ при каждомъ случаѣ.

Мы увѣрены, что каждая дѣвица, женщина или, пожалуй, дама прочтаетъ ее безъ скуки; тутъ нѣтъ сухой науки, выводовъ, умозрѣній, но одинъ легкой и живой разсказъ, вопреки ученому названію книги. Жаль, что авторъ посѣтилъ Калифорнію до открытія богатыхъ золотоносныхъ россыпей, а потому и не можетъ удовлетворить всеобщаго любопытства, возбужденнаго новымъ богатствомъ Америки.

57 Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Афонской. Часть первая. С. Петербургъ. 1850.

Письма Святогорца могутъ служить прекраснымъ пополненіемъ къ интересному путешествію на Синай г. Уманца, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей въ майской книгѣ Сына Отечества. Авторъ скрылъ свое имя, и тѣмъ лишилъ насъ удовольствія знать, кто такой именно прибавилъ въ нашей литературѣ имя свое къ числу имевъ немногихъ нашихъ писателей, которые такъ занимательно передаютъ русской публикѣ свои путешествія замѣтки и впечатлѣнія. Край, описываемый какъ г. Уманецъ, такъ и неизвѣстнымъ путешественникомъ на Афонскую гору, преимущественно предъ прочими странами, долженъ обращать на себя вниманіе вслѣдствіе и быть предметомъ изученія. То

сторона солнца, свидѣтельница многихъ важныхъ событий и высокихъ подвиговъ христіанства. Начавъ интересныя письма своею передачею того грустнаго ощущенія, которое вслѣдъ испытываетъ переступая за рубежъ родной земли, вѣтряя себя чуждому климату и чуждымъ обычаямъ и повѣрямъ, очерта видѣ Константинополя, авторъ, приступаетъ прямо къ описанію святой Афонской горы. Гора эта, выдающаяся въ воды Архипелага, имѣетъ 80 верстъ длины и 20 въ поперечникѣ. Высота ея простирается до двухъ слишкомъ верстъ въ отвѣсѣ. Она и въ древности была знаменита. До Рождества Христова, такъ же какъ и нынѣ, стекались на нее поклонники, съ тою только разницею, что тогда курился на ней фиміамъ передъ золотымъ кумиромъ Аполлона, находившимся на самой выси Афона, часто покрываемого облаками, а нынѣ приносятся безкровныя жертвы Спасителю міра. Первымъ пустынножителемъ Афона, по словамъ автора, былъ Св. Петръ, и пещера, гдѣ онъ снасая и теперь существуетъ въ неизмѣнномъ видѣ. Нынѣ существуютъ на святой горѣ 20 монастырей, 10 емитовъ и до 800 пустынныхъ келій. Нынѣшняя населенность иноческая простирается до 10 тысячъ человекъ; въ древности она восходила до 50 тысячъ. — Цѣна замѣчательная и утѣшительная въ исторіи вѣры и христіанства! Авторъ прекрасно и увлекательно описываетъ подвиги первыхъ отшельниковъ Афона, и обогативъ свои письма преданіями, переходитъ къ описанію русскаго монастыря, находящагося на святой горѣ. Авторъ относитъ его основаніе къ временамъ княженія Ярослава Владиміровича, основывался на запискахъ Барскаго Григоревича, посѣщавшаго также Афонъ въ прошедшемъ столѣтіи.

Судьба русскаго монастыря на Афонѣ имѣетъ самую высокую занимательность. Нѣсколько разъ онъ подвергался разнымъ переменамъ, то упадалъ, то опять приходилъ въ цвѣтущее состояніе.

Въ настоящее время число братій простирается до 200 человекъ разныхъ націй. Между всеми его русскими иноками, особенно былъ замѣчательнъ одинъ, названный въ монашескѣт Анкикою, отложившій всѣ заслуженныя имъ почести, славу рода и громкость имени русскаго князя и сѣгнувшій кресты, стоящій патристической груди его многихъ трудностей службы. Царю и отечеству, на крестъ иноческаго самоотверженія. Жизнь пустынныхъ Афона и природа его, стоятъ вниманія. На всей вершинѣ Афона нѣтъ ни одного кусточка, ни травки, ни залетной птицы. Афонъ вѣчный и строгій Анахоретъ, и только въ исключеніи

уступамъ ниже, въ грозныхъ трещинахъ его скалъ, растетъ плѣвительный, такъ называемый «неувядаемый цвѣтъ Божіей Матери.» Съ этою строгою природою согласуется и келейная жизнь иноковъ. Пища ихъ самая умѣренная и суровая. Служба церковная продолжается на святой горѣ очень долго, а особливо во дни торжественныя. Она длится иногда двѣнадцать часовъ и болѣе. Вотъ одно любопытное преданіе, переданное намъ авторомъ въ его четырнадцатомъ письмѣ.

Во-время церковнаго служенія въ память святаго Христова Митрофана, продолжавшейся очень долго, слабый силами и сложіемъ, греческій монахъ Иларіонъ, жившій въ русскомъ монастырѣ, утомленный пѣніемъ на клиросѣ, долженъ былъ, наконецъ, не окончивъ бѣднія, удалиться въ свою келью. Въ тихомъ раздумьи и жамобахъ на слабость, во которой онъ не докончилъ своего молитвеннаго подвига въ честь русскаго святаго, онъ задремалъ. Легкій сонъ успокоилъ его чувства, и голова невольна склонилась на подушку. Въ эту самую минуту, Иларіонъ видитъ предъ собою сѣдаго старца, въ архіерейской мантии и съ святительскимъ жезломъ въ рукахъ; святая схима монаха чернѣетъ на осіяваемой небеснымъ свѣтомъ главѣ явившагося, въ чертахъ котораго и въ одѣвнїи, Иларіонъ узналъ русскаго чудотворца. «Вы возлюбилъ меня, кротко сказалъ ему по-гречески Святитель Христовъ Митрофанъ, и я навсегда буду съ вами.» Эти слова потрясли невыразимымъ чувствомъ сердце Иларіона; онъ очнулся, но уже никого не было предъ нимъ. Иларіонъ привязался искренною признанію къ русскому монашескому обществу. Всѣ монахи монастыря русскаго отличаются высокими подвигами пустыннаго сподвижничества, и авторъ очень подробно описываетъ жизнь многихъ изъ нихъ, особливо отца Тихова, о которомъ упоминаетъ и А. Н. Муравьевъ въ своемъ путешествіи во Валааму.

Сынъ бѣднаго велико-устюжскаго перевозчика, отецъ Тихонъ, въ мѣрѣ Тимофей, еще въ Валаамѣ обратилъ на себя вниманіе святостію своей жизни; онъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ обрелъ себя на добровольную пѣмоту, и наконецъ желая жить вдаль отъ всякаго житейскаго шуму, перепросился на св. Афонъ. Не менѣе замѣчательна жизнь другаго русскаго инока, Макарія, бывшаго въ плѣну у Турокъ и потерявшаго отъ нихъ слышанія мученика въру; претъжекуто. Авторъ описываетъ всѣ эти сподвижничества и языкѣмъ легкимъ, увлекательнымъ, отъ котораго интересъ сказа еще больше.

Приведемъ въ доказательство какое нибудь мѣсто на выдерж-

ку. Вотъ какъ мастерски описываетъ авторъ предметъ самый простой. (стр. 127.)

Видѣ, на Пасхѣ, я также бродилъ за обителью, и теперь только что отъ туда. День ясный; тишина невозмутимая на дыханіи вѣтра, ни звуками прижавшихся къ тѣни шташекъ. Долго сидѣлъ я на скалѣ сосѣдней горы, думая о многомъ и тоскуя о невозвратимомъ. Предо мною виды были самыя обворожительныя: внизу, подъ горою, удивленно красовался Русизъ съ зелеными своими крышами и позлащенными крестами, чего на всѣмъ Востокѣ, не только на св. горѣ, не найдти. Зеркальное море словно карта раскинута было на необозримомъ пространствѣ; нѣсколько островковъ возставало изъ его мирной бездны, и неподвижныя канни (челны) съ опущенными парусами, разсыпаны были по ней; а тамъ къ западу. Олимпійскія горы въ поразительномъ видѣ выказывались изъ-за Македонскаго материка. Подъ ногами видѣ еще умиленныя и возвышенныя. Здѣсь были прежде кельи вѣкоторыхъ отшельниковъ, во Турки, въ послѣднюю войну, разсыпали ихъ; и вотъ, въ одномъ стѣнномъ нишѣ, лежитъ предо мною маленькая (?) черепъ какого то убитаго человѣка. Какъ же узнать, что убитаго? По нѣсколькимъ небольшимъ проломамъ на черепѣ и по рассказамъ, потому-что при разореніи вѣдшихъ келій Турки перебили и сыныхъ отшельниковъ.—Осматривая этотъ черепъ я грустно спрашивалъ.

— Чей-то ты? гдѣ-то душа, обитавшая въ тебѣ?

Ни ползвукъ на вопросы!

Я съ чувствомъ поцѣловалъ безжизненный лобъ, увыло прокля надъ нимъ «Со святыми упокой», и сътующею мыслию погружившись въ свое будущее, которое, разумѣется, такъ же разсыплетъ и мои кости, я сложилъ черепъ въ его гробовой нишѣ, и въ глубокомъ раздумьи долго бродилъ подъ тѣвью привѣтливыхъ маслинъ.

Такимъ слогомъ написаны и всѣ письма, которыхъ 18. При концѣ послѣдняго насъ остановили невольно слова: «Конецъ первой части». Отдѣльные выпуски, предать цѣлому. Такіе отдѣльные выпуски могутъ быть допускаемы только тамъ, гдѣ между предыдущимъ и послѣдующимъ нѣтъ никакой связи; имъ только въ такомъ случаѣ готовы извинить нецѣлостность автора, въ выпускѣ своихъ писемъ безъ окончания, если во второй части онъ насъ ознакомитъ съ чѣмъ-нибудь новымъ, несвязаннымъ ничѣмъ съ Афономъ.

58 *Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа съ 1715 по 1828 годъ.* Составилъ А. Вороновъ. Санктпетербургъ 1849.

Составитель этой книги, г. Вороновъ, прекрасно выполнялъ мысль нынѣшняго попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, его превосходительства М. Н. Мусина-Пушкина. Исторія развитія нашего народнаго просвѣщенія, вообще должна имѣть большой интересъ для каждаго изъ насъ. Началомъ нашего образованія мы обязаны преобразователю Россіи, Петру Великому. Желая преобразовать свое государство, онъ видѣлъ, что для исполненія этого, прежде всего, нужно было разсѣять тяготѣвшій надъ нимъ прахъ многихъ предрасудковъ. Наука и просвѣщеніе, вотъ два пути, которыми достигла Россія къ совершенству; поэтому прежде всего занялся учрежденіемъ учебныхъ заведеній, чтобы положить основный камень своему великому предпріятію. Первоначально были заведены спеціальныя школы, которыхъ назначеніе преимущественно состояло въ приуготовленіи молодыхъ людей къ извѣстному занятію, при всѣхъ монастыряхъ и домахъ архіерейскихъ; кромѣ этого, заведены были элементарныя школы, иначе цифирныя, гдѣ каждый, обучаясь грамотѣ, получалъ и начальныя понятія о цифрѣ — т. е. арифметикѣ, геометріи. Конечно, окончивъ курсъ подобной школы, ученикъ выносилъ мало свѣдѣній, но все-таки, между-тѣмъ, ихъ было достаточно для того, чтобы продолжать, какую бы ни было государственную службу. Вотъ причина, почему эти школы были преимущественно посѣщаемы дѣтьми чиновниковъ, готовившимися, какъ и ихъ отцы, поступить на какое-нибудь гражданское поприще. Подобное воспитаніе было важно въ то время, въ томъ отношеніи, что приучало къ знаніямъ, и вотъ почему было постановлено, что окончившіе курсъ въ цифирныхъ заведеніяхъ, не могли поступать на службу и опредѣляться къ должностямъ государственнымъ; имъ *запрещалось* даже *жениться*. Учитель тогдашняго времени не пользовался правами служебнымъ, и получалъ, не только умѣренное, но даже скудное жалованье, именно — *кормовыхъ* по 3 алтына и по двѣ деньги въ сутки, да еще ученики окончившіе курсъ въ цифирной школѣ и получившіе аттестаты, должны были вносить по одному рублю въ пользу своихъ воспитателей.

Первый шагъ, и шагъ трудный, къ просвѣщенію Россіи былъ уже сдѣланъ, но этотъ шагъ былъ еще не твердъ; нужно было содѣйствіе постороннихъ, и все, о чемъ еще до-тѣхъ-поръ немыш-

ли понятія въ нашемъ отечествѣ, мало-по-малу начало прививаться на русской почвѣ, подъ лучами европейскаго просвѣщенія.

Императрица Екатерина II вполне постигала великія намѣренія и еще неоконченныя предпріятія Петра Великаго, и потому посвятила все свое блистательное царствованіе на осуществленіе гениальныхъ предпріятій его. Въ ея царствованіе народъ русскій, и въ особенности русское дворянство, усвоили себѣ полное убѣжденіе, что воспитаніе необходимо челоѣку, дворянство, слыша при дворѣ Императрицы иностранныя рѣчи, въ особенности языкъ французскій, стало посылать дѣтей своихъ за границу, или выписывать для нихъ гувернеровъ. Слухъ о радужія, съ какимъ принимали Русскіе иностранцевъ, толпами привлекалъ, не только гувернеровъ выписанныхъ, но и другихъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ, чтобы заводить пансіоны. Еще въ 1780 году, было въ Петербургѣ 23 подобныхъ заведеній. Подобныя школы не могли вполне содѣйствовать къ распространенію образованія, во-первыхъ потому, что учителя, были, бѣльшою частію, иностранцы; и самыя науки преподавались больше на французскомъ языкѣ, а во-вторыхъ, школы эти не имѣли еще надлежащаго за ними надзора. Вотъ въ какомъ состояніи было народное образованіе въ С.-Петербургскомъ Округѣ, когда Императрица Екатерина II вмѣнила въ обязанность Приказамъ общественнаго призрѣнія, учреждать во всѣхъ городахъ и большихъ селеніяхъ училища, гдѣ бы, за умѣренную плату, и то съ людей только достаточныхъ, можно было воспитывать молодыхъ людей, и готовить ихъ для поступленія въ гражданскую службу. Но для этого нужны были руководства, учебники, которыхъ недоставало.

Въ столицѣ подъ высокимъ надзоромъ самой Императрицы, на счетъ собственнаго ея Кабинета, основано было, въ 1781 году, всакіевское училище и кромѣ его, многія другія школы, гдѣ до 500 челоѣкъ, за незначительную плату, могли получить, по тогдашнимъ требованіямъ, приличное воспитаніе. Безуспѣшныя усилія Приказовъ общественнаго призрѣнія ясно доказали Императрицѣ необходимость новаго на этотъ предметъ устройства. Съ этою цѣлію, въ 1782 году, учреждена была комиссія народныхъ училищъ, съ учрежденіемъ которой дѣло пошло успѣшнѣе.

Прежде всего Комиссія обратила вниманіе на губернію С.-Петербургскую, и начала съ того, что примѣнила методу болѣе сообразную съ общественнымъ воспитаніемъ, заботясь, въ то же

время, а приготовленіи, свѣдущихъ и понимающихъ свое дѣло учителей, и о составленіи необходимыхъ для воспитанія книгъ. Но чтобы учителя могли быть достойны своего назначенія, основано было въ Петербургѣ заведеніе подъ названіемъ главнаго народнаго училища. При томъ же, при тогдашнемъ стеченіи въ отечествѣ нашемъ иностранцевъ, и въ особенности Нѣмцевъ, весьма естественно должна была родиться новая потребность—потребность изученія языка нѣмецкаго. Предусмотрительная внимательность Монархини не оставила и этого безъ вниманія. По ея повелѣнію, современно основанію главнаго народнаго училища, основано было также и училище нѣмецкое. Благодаря заботливости Государыни и неутомимымъ трудамъ Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго и его помощника Яковича, да Миріево, директора темншварскихъ училищъ, въ 1786 г., въ С.-Петербургѣ, считалось уже 26 казенныхъ училищъ и столько же, если не болѣе, училищъ частныхъ, въ которыхъ было около пяти тысячъ учащихся. Но этотъ счастливый результатъ представляла только столица, и такой успѣхъ въ просвѣщеніи еще не былъ замѣтенъ въ провинціяхъ до утвержденія новаго устава народныхъ училищъ, 5 августа 1785 года. Мы не можемъ говорить объ нихъ подробно, чтобы не утомить слишкомъ нашихъ читателей, и скажемъ лишь о тѣхъ губерніяхъ, которыя вошли въ составъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, въ которомъ, въ непродолжительное время, основано было до 30 малыхъ народныхъ училищъ и до 5 сельскихъ. Въ 1805 году было уже 79 училищъ и въ нихъ до 5,500 человекъ учащихся. Но не смотря однако же на благоразумныя распоряженія Комиссіи, училища эти хотя и получили, правильное, одинаковое образованіе, но внутреннее ихъ достоинство еще было далеко отъ той мѣры, которая бы могла вполне удовлетворить желанію правительства. Много было тому причинъ, и главною недостаточное, опредѣлительное управленіе училищами, а равно незначительность выгодъ учащихся тамъ наставниковъ. Г. Вороновъ подробно излагаетъ всѣ права и всѣ обязанности учителей.

С.-Петербургскій Учебный Округъ, по неимѣнію Университета въ столицѣ, зависѣлъ отъ попечителя; попечителями были въ губерніяхъ предсѣдатели Приказовъ, а въ губерніяхъ Псковской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской, попечителями училищъ назначались даже купцы и мѣщане.

Важнѣйшія изъ преобразованій по учебной части сдѣланы были въ 1828 году. Учительская семинарія была преобразована въ Педагогическій Институтъ (1804). Главное народное уч-

лише переименовано въ Гимназію (1805); малыя народныя училища преобразованы въ уѣздныя и приходскія; составился особый комитетъ для изданія учебныхъ книгъ; права и преимущества учащихъ, а равно и самое положеніе ихъ семействъ, обезпечено и проч.

Но болѣе подробный перечень постепеннаго улучшенія въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ желающій найти въ самой книгѣ г. Воронова. Мы ограничились показаніемъ вкратцѣ главныхъ событій. Очень желательнымъ было бы имѣть исторію развитія просвѣщенія въ Россіи вообще. Для этого есть столько данныхъ, особливо со времени основанія университетовъ, которые ежегодно печатаютъ отчеты о дѣйствіяхъ и состояніи просвѣщенія подвѣдомаго имъ округа.

59 *Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты*. А. Рафаловичемъ, съ картою и планами. С. Петербургъ: 1850 г.

Въ прошедшей книгѣ мы представили нашимъ читателямъ разборъ книги г. Уманца «Путешествіе на Синай и въ Египетъ»; нынче рекомендуемъ дневникъ, веденный, въ продолженіе трехъ лѣтъ путешествія по Востоку, г. Рафаловичемъ. Путевыя замѣтки г. Рафаловича были уже, время отъ времени, печатаемы въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, и теперь собраны въ одно цѣлое. Главное достоинство книги нашего ученаго доктора состоитъ, не въ блестящихъ описаніяхъ мѣстностей, но въ вѣрномъ и точномъ наблюденіи нравовъ Египта, обычаевъ и губительныхъ болѣзней, которыя опустошаютъ эту страну. Имѣя случай посѣщать разныя публичныя зданія и входить въ частный кругъ обитателей Нила, авторъ передаетъ свои наблюденія очень подробно. Какъ доктору, ему доступъ всюду былъ болѣе возможенъ, нежели другимъ. Посѣтивъ городъ Розетъ, г. Рафаловичъ осмотрѣлъ его весь, съ его больницами, казармами, и присутствовалъ при совершеніи коптской свадьбы, оригинальной по своимъ обрядамъ.

Розетъ (у Арабовъ Рашидъ) основанъ въ 860 году нашего лѣтосчисленія, багдадскимъ Халифомъ Эль-Мотуакель-Али-Алахомъ, внукомъ Харуна - Аль - Рашида. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Нила, образующаго тутъ родъ бухты, шириною въ 2550 саж. Вокругъ бухты выстроено много казенныхъ и частныхъ фабрикъ, на которыхъ приготовляютъ и очищаютъ

риецъ, составляющій главный, а нынѣ даже, единственный, предметъ отпускной торговли Розета. Жителей въ немъ до десяти тысячъ. Описывая Розетъ, авторъ приводитъ одинъ любопытный фактъ, относящійся ко времени сдачи этого города Французамъ, въ первыхъ числахъ іюля 1797 года. Губернаторъ Розета, генералъ Мэну, не смотря на свои преклонныя лѣта, влюбился въ тамошнюю Египтянку, дочь банщика, и чтобы жениться на ней принялъ исламизмъ. Сдѣлавшись первою дамою въ городѣ, жена Мэну, между тѣмъ, продолжала попрежнему, ходить въ общественную баню, для свиданія съ знакомыми ея женщинами. Последнія, принимая ее съ большимъ уваженіемъ и конечно, не безъ зависти, всегда, съ крайнимъ любопытствомъ, спрашивали — какъ она живетъ съ мужемъ? Разсказани о деликатномъ и почтительномъ обращеніи съ нею супруга, г-жа Мэну, до того вскружила голову своимъ пріятельницамъ, что онѣ рѣшились послать къ Султану-кебиръ (большому султану—Наполеону) отъ имени всѣхъ, прошеніе «о внушеніи мужьямъ—Арабамъ, чтобы они обращались съ женами своими также вѣжливо и ласково, какъ это дѣлалъ Абдаллахъ-Жанъ Мэну съ своею супругою». Авторъ ничего не говоритъ, нѣма ли успѣхъ эта просьба? Онъ обратилъ вниманіе болѣе на больницы Розета. Арабы нигдѣ въ Египтѣ не малюютъ новыхъ учреждений, и потому, очень неохотно, вступаютъ въ казенную госпиталь, въ которой лечатъ бесплатно. Врачъ больницы (Эсенди, воспитывавшійся въ Каирской медицинской школѣ) онъ же и экомоль (!), приходя въ отчаяніе, что ему некогда лечить, очень часто дѣлаетъ внезапные набѣги на казенныя фабрики и силою забираетъ работниковъ, которыхъ здоровье, по его мнѣнію, требуетъ поправленія. Одна изъ такихъ экспедицій подала поводъ къ слѣдствію, и докторъ Мартини, назначенный комендантомъ повѣрить челоуѣколюбіе эсенди, чтобы не сильно огорчить его и оконфузить своего собрата, оставилъ въ больницу только шесть работниковъ изъ множества захваченныхъ, но и тѣ едва, едва были болны маловажными недугами. Вотъ окончательный результатъ, столь расхваленныхъ въ журналахъ, новыхъ челоуѣколюбивыхъ учреждений въ Египтѣ! Такая же участь, по убѣжденію г. Рафаловича, предостоятъ и многимъ другимъ заведеніямъ, устроеннымъ на европейскій образецъ какъ-то: политехническому, медицинскому, артиллерійскому, фабрикамъ и т. п., на которыя Мегметъ-Али истратилъ огромныя суммы. Наблюденіе надъ гигиеною—свидѣтельствованіе съѣстныхъ припасовъ, опрятность улицъ, выдача би-

Ата на погребеніе, поручены въ Розетѣ египетскому врачу. Осмотрѣвъ городъ, нашъ путешественникъ готовъ уже былъ отправиться на барку и отдохнуть, какъ ему представился случай быть свидѣтелемъ одного мѣтнаго обряда. Приближаясь къ пристани, г. Рафаловичъ былъ пораженъ сильнѣе зарвономъ, освѣщавшимъ сосѣднія улицы, сопровождаемымъ необыкновеннымъ шумомъ, криками и ружейными выстрѣлами. Полагая, не пожаръ ли въ городѣ, онъ вышелъ на небольшую площадку, и глазамъ его представилось странное зрѣлище. Площадка наполнена была толпою мужчинъ, женщинъ и дѣтей, изъ которыхъ челоуѣкъ тридцать держали въ рукахъ *мамалы*—прикрѣпленнымъ къ длиннымъ шестамъ цилиндрическія желѣзныя корзины, употребленныя въ Египтѣ вмѣсто фонарей. Не смотря на присутствіе солдатъ и полицейскихъ, порядокъ нарушался каждую минуту, особливо, когда неудачно сунулись ракеты, описавъ небольшую дугу, падали на головы зрителей, или когда безпрестанно раздававшіеся выстрѣлы, изъ старыхъ ружей и пистолетовъ, обжигали волосы толпившихся мальчишекъ и дѣвчонокъ.

То была, по словамъ Арабовъ свадобная *фаншавиде* (такъ означаютъ они всѣ роды публичныхъ увеселеній). Розетъ въ послѣднее время весьма рѣдко посѣщался Европейцами, и потому одежда нашего соотечественника обратила на себя всеобщее вниманіе. Старикъ Коутъ, который праздновалъ свадьбу своего сына, пригласилъ г. Рафаловича на ней присутствовать. Желающимъ прочесть этотъ любопытный обрядъ, мы рекомендуемъ недавникъ, отнюдь не желая отнять у нихъ удовольствія узнать многого новаго. Копты, или какъ г. Рафаловичъ называетъ ихъ Кобты, приняли христіанство въ первыя столѣтія нашей эры, но скорѣе увлеклись въ заблужденія моноизитизма и идоолозства. Въ новѣйшее время римскіе миссіонеры уговорили небольшое число Коптовъ признать владычество папы. Они живутъ въ Египтѣ свои церкви, и хотя, по вѣроуверенности Мегмета-Али, всякій свободно можетъ исповѣдовать свою религію, но фанатизмъ часто обнаруживается, и Копты иногда терпятъ отъ мусульманъ. Авторъ почти ничего не говоритъ о правахъ и благосостояніи этого народа. Посѣтивъ однажды востокъ, нашему путешественнику нежелалось узнать собственнымъ опытомъ всю новизну восточныхъ бань, о которыхъ такъ много было писано. Изъ всѣхъ посѣщенныхъ г. Рафаловичемъ бань, самыя лучшія, по его мнѣнію, константиновскія.

скія, съ которыми египетскія никакъ не могутъ сравниться. Воображеніе невольно охладѣваетъ, когда прочитаешь описаніе г. Рафаловича. Устройство и внутреннее расположеніе бань однообразно на всемъ Востокѣ. Съ улицы прямо входятъ въ большую залу, обыкновенно съ высокимъ куполомъ, поддерживаемымъ мраморными колоннами, съ каменнымъ или мраморнымъ поломъ съ разноцвѣтными узорами. Средину ея занимаетъ фонтанъ, въ которомъ полощутъ бѣлье, развѣшиваемое потомъ на веревкахъ, протянутыхъ отъ одной колонны къ другой. Пространство между колоннами нѣсколько выше остального пола, вышиною на полтора, образуетъ галерею (диванъ) съ досчатый поломъ, который покрытъ циновками. Тамъ лежатъ тюфяки съ подушками и простынею, для отдыха по выходѣ изъ бани. Надѣвъ на ноги деревянные туфли (кубкабъ), входятъ въ другую комнату, поменьше, порядочно нагрѣтую, въ которой остаются нѣсколько минутъ и потомъ переходятъ въ соседнюю залу сильно нагрѣтую, всю вымощенную мраморомъ, изъ котораго вымощены даже стѣны. Банщикъ (мукесатъ) моетъ, ломаетъ и моетъ превосходно. Чего бы, кажется, лучше? Но общій фонтанъ, въ которомъ должны потомъ купаться, во всякомъ разнаго рода, ползающія на тюфякахъ и циновкахъ, и вообще неопрятность и нечистота, а равно какъ и большая часть приличивыхъ болѣзней, получаемыхъ въ египетскихъ баняхъ, могутъ отохотить самаго пристрастнаго любителя. Хуже бань авторъ, кажется, ничего не нашелъ въ Египтѣ. За то онъ въ восторгѣ отъ Нильской воды, о которой Арабы говорятъ что «селибъ Мухаммедъ одинъ разъ вкусилъ ее, то просилъ бы у Аллаха безсмертія, чтобы вѣчно ею наслаждаться.»

Вода Нила, по увѣренію г. Рафаловича, чистѣйшая и прелезоднѣйшая, иауну онъ только имѣлъ случай пить въ разныхъ мѣстахъ трехъ частей свѣта, за исключеніемъ однакожъ воды изъ рѣчки, претендующей черезъ мѣстечко Бадбекъ въ Сирію, которая по вкусу еще превосходитъ. Но между-тѣмъ вода Нила не отличается прозрачностью и почти круглый годъ очень мутна, отъ примѣси желтовато-краснаго ила, содержащагося въ ней въ большомъ количествѣ и сообщающаго ей цвѣтъ «кофе съ молекумъ»; только къ веснѣ она становится нѣмого свѣтлѣе. Простой народъ пьетъ нильскую воду или въ этомъ ея видѣ, въ которомъ вкусъ охраняетъ всю свою пріятность, или даетъ ей отстояться; для ускоренія послѣдняго дѣйствія, стѣнная соорудена, въ которой вода выдѣается, натираютъ влутъ

ри горькими миндалями, или другими бѣловыми сѣменами, напримеръ, арбузными, тыквенными. У людей жаждоточныхъ ее процѣживаютъ чрезъ огромные кувшины, (зирь) выѣщающіе въ себѣ по нѣскольку ведеръ, которыхъ стѣнки натравляютъ внутри квасцами

Вода, цѣдящаяся въ первый разъ чрезъ новый зирь, выходитъ совершенно прозрачная, но красная, какъ кровь, не пить, впрочемъ, никакого посторонняго вкуса; слѣдующая за тѣмъ является свѣтлѣе, цвѣта янтарнаго и, на другой день, дѣлается прозрачною какъ хрусталь, и въ этомъ видѣ вполне заслуживаетъ восторженные отзывы какъ древнихъ, такъ и новыхъ жителей Египта. Послѣдніе говорятъ, что иностранецъ, однажды напившись этой воды, непременно долженъ воротиться въ Египетъ, чтобы пить ее другой разъ. Точные химическіе анализы показали, что вода Нила въ пять разъ чище процѣженной воды Сены въ Парижѣ, и потому, для аптекарскихъ и нѣкоторыхъ другихъ потребностей, она замѣняетъ въ Египтѣ перегнанную воду, обстоятельство немаловажное въ странѣ, гдѣ топливо довольно дорого. Нильская вода столь-же легка, какъ и пріятна для вкуса, и въ какомъ количествѣ ее не пьешь, никогда не разстроитъ и не обременитъ желудка. Малье, въ своемъ описаніи Египта, говоритъ, что между прочими видами воды, нильская должна занять такое же мѣсто, какое занимаетъ шампанское между винами, и что было бы жалъ, еслибъ климатъ Египта не былъ такъ зноенъ, потому-что, тогда превосходную эту воду стали бы меньше пить.

Арабскіе писатели сочинили много ученыхъ диссертаций о нильской водѣ, ея качествахъ и свойствахъ. Нѣкоторые приписываютъ ей причину необыкновенной плодовитости египетскихъ женщинъ. Ширина Нила въ Розетѣ, при устьѣ равняется 2250 футамъ,—глубина около 15 фут. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности Розета, и между прочимъ кожевенный заводъ и бумагопрядильную фабрику, на которой находится 450 станковъ, авторъ не позабылъ ознакомить читателей и съ внутреннимъ устройствомъ домовъ обывателей Египта, которыхъ нравы и обычаи имѣли значительное вліяніе на архитектурныя условія ихъ жилищъ.

Дома египетскіе обыкновенно двухъ или трехъ-ярусные и почти всегда выстроены изъ краснаго кирпича; въ Каирѣ нерѣдко строятся они изъ кирпича сыраго, который снаружи одѣваютъ тонкими квадратными плитами, изъ желтоватаго известняка. Вообще всѣ строения расположены вокругъ четыре-

угольного двора (*шошъ*), такъ, что окна и двери комматъ выходятъ на галерею, окружающую дворъ. По фасаду, обращенному на улицу, оконъ весьма немного и два, три крытые балкона, (*мушарабъ*) защищаемые частою рѣшеткою; въ нихъ стоитъ софа, и женщины на Востокѣ, обыкновенно нпчѣмъ не занимающіяся, сидятъ тутъ цѣлый день и разсматриваютъ проходящихъ по улицѣ, не подвергаясь сами нескромнымъ взорамъ. Лѣстница (*сэлалимъ*), ведущая въ верхніе этажи, всегда каменная, часто вятая, и отличается необыкновенною легкостію. Крыша (*эль-сотухъ*) плоска, устроена террасою и окружена по краямъ стѣнкою, чтобы изъ сосѣднихъ домовъ нельзя было смотрѣть на женщинъ, сидящихъ на этихъ террасахъ вечеромъ, гдѣ многія семейства и спать почю въ жаркіе мѣсяцы. Тамъ, гдѣ лѣстница выходитъ черезъ треугольное отверстіе пли трапъ на террасу, устроенъ родъ навѣса (*мелкэфъ*) изъ досокъ; онъ открывается всегда къ сѣверу и служитъ къ поддержанію сквознаго вѣтра и возобновленію воздуха внутри лѣстницы и самыхъ покоевъ. Передъ домомъ, съ улицы, скамья (*маетабъ*), на которой сидятъ слуги и садятся люди простаго званія, имѣющіе надобность въ домѣ. Наружныя двери не высоки, обыкновенно окованы толстыми гвоздями и запираются изнутри деревянною задвижкою. Но самая замѣчательная особенность египетскихъ домовъ состоитъ въ томъ, что даже въ жилищахъ «слаковъ (простолудиповъ) непремѣнно находится потаенное мѣсто (*махба*), въ которомъ хозяева прячутъ свои сокровища, деньги и т. п.—Г. Рафаловичъ говоритъ, что этому обычаю, встрѣчаемому въ Египтѣ съ искони вѣковъ, должно приписать общее повѣрье Арабовъ о существованіи, особенно въ развалинахъ и старыхъ строеніяхъ, кладовъ, играющихъ такую роль въ ихъ сказкахъ. По этой же причинѣ Арабы убѣждены, что Европейцы посѣщаютъ развалины древнихъ памятниковъ и разрываютъ могилы съ цѣлю отыскивать клады, на существованіе которыхъ, по ихъ мнѣнію, указываютъ таинственные надписи времени фараоновскихъ.

Повѣрья у Египтявъ играютъ не мало важную роль во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ жизни. Такъ г. Рафаловичъ приводитъ примѣръ, что въ Дамьетѣ онъ видѣлъ колонну изъ бѣлаго мрамора, которой вся нижняя половина гораздо тонше верхней; неравна, бугриста, точно-будто се огрызали зубами; мѣстами на ней видѣлись слѣды свѣжей крови. По тамошнему народному повѣрью, одержимые желтухою лизутъ эту колонну языкомъ до-гѣхъ-поръ, пока на немъ выступитъ кровь. Судя по значи-

тельному убавлению объема колонны, число облизывающих ее пациентов должно быть весьма велико. У входа въ мечеть, одна изъ арокъ покроя на двухъ колоннахъ, стоящихъ такъ близко, что промежутокъ между ними весьма малъ и узокъ. Арабы увѣряютъ, что кто можетъ пройти чрезъ этотъ промежутокъ, тотъ долженъ быть человекъ безъ грѣховъ, которому свободно открыты врата Мухамедова рай. Нашъ путешественникъ не упустилъ ничего изъ виду и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только онъ останавливался, старался собрать всевозможныя свѣдѣнія. Но самымъ любопытнымъ мѣстомъ въ десникѣ г. Рафаловича мы почитаемъ взглядъ его на причины развитія чумы въ Египтѣ и на ходъ чумныхъ эпидемій, а также извѣстія о послѣдней болѣзни Мехмеда-Али, во-время которой авторъ самъ находился въ числѣ врачей, призванныхъ для консультацин къ больному пашѣ.

Г. Рафаловичъ, въ отчетѣ своемъ о причинахъ развитія и о ходѣ чумной заразы въ Египтѣ, полагаетъ слѣдующія причины: тѣноту и неопрятность жилищъ простыхъ жителей. Вотъ какъ описываетъ онъ эти хижины, между прочимъ:

«Увидѣвъ деревню въ первый разъ, не пеняешь, какъ и гдѣ собственно помѣщается то число людей, которое дѣйствительно въ ней обитаетъ. Избы фелакховъ позажиточнѣе, окружены кирпичною стѣною изъ глины, образующею крошечный дворикъ, въ которомъ держатъ они домашнюю скотину и дворовую птицу. Пометъ скота тщательно собирается хозяйкою и ея дочерью; онъ обыкновенно доушиленъ, отъ земнаго бережна, которыми кормятъ животныхъ большую часть года. Женщины мѣсятъ эти вещества руками, и прифадивъ немного стѣеной соломы, образуютъ лепешки (челле), которыя для просушки прикладываютъ къ наружнымъ стѣнамъ землянки, а потомъ складываютъ на крышѣ, вмѣстѣ съ сухими стеблями кукурузы, хворостомъ и т. п., служащими затѣмъ вмѣсто топлива. Самыя избы до того дурны и неудобны, что удивляешься, какъ могутъ жить въ нихъ люди, когда у насъ хорошій хозяинъ конечно не согласился бы держать въ нихъ животныхъ. Эти землянки состоятъ изъ одной небольшой комнатки съ крышею изъ тростника или изъ сыраго кирпича, въ видѣ плоскаго купола; онъ такъ низокъ, что въ нихъ нельзя стоять прямо; оконныхъ отверстій вовсе нѣтъ, а дверцы такъ малы, что надобно согнуться въ прыскъ, чтобы пройти. Около половины всего внутреннего пространства землянки занимаетъ широкая, плоская печь безъ дышной трубы, въ которой варятъ пищу и приготавливаютъ хлѣбъ; дышъ весьма бѣднъ, вслѣдствіе аномальна-

дыкъ газомъ, развивающагося изъ чилла, наполняетъ пазу и медленно дѣлится чрезъ двери, запираемыя на ночь; стѣны изънутри покрыты густымъ слоемъ лоснящейся сажи. Зимю семейство спитъ на печи, лѣтомъ на полу, на старой пыновкѣ; значительное пониженіе температуры воздуха въ четыре зимніе мѣсяца и дожди, весьма частыя въ это время, побуждаютъ ниже-египетскаго фелаха дѣлать теплѣйшій уголокъ, особенно при недостаточной одеждѣ, а еще болѣе женщинъ и дѣтей. Можно составить себѣ понятіе о томъ, какого рода газы наполняютъ воздухъ, уже насыщенный дымомъ, въ землянкѣ, окруженной навозомъ и въ которой, на пространствѣ немногихъ квадратныхъ аршинъ, спитъ нѣсколько человекъ. Вдыханіе подобнаго воздуха, въ продолженіе половины каждыхъ сутокъ, не можетъ оставаться безъ вреднаго вліянія на кровотоеніе и, слѣдовательно, на самое развитіе организма.

Второю причиною развитія чумы г. Рафаловичъ полагаетъ самую пищу фелаховъ. По дороговизнѣ мяса, фелахи преимущественно питаются растеніями, изъ которыхъ многія, какъ напримѣръ рѣпка, морковь, лукъ, ѣдятся сырыми, и т. п. Третьею причиною чумы можетъ служить самый вредный составъ воздуха, отъ дурнаго устройства деревенскихъ и городскихъ кладбищъ. Трупы не опускаются въ яму, а складываются, надъ поверхностію земли, въ выстроившихъ, кирпичныхъ склепахъ, формою похожихъ на хлѣбную печь.

Г. Рафаловичъ говоритъ, что обыкновенно спорадическая чума не представляетъ припадковъ тяжкихъ, опасныхъ, часто ограничивается произведеніемъ опухоли лимфатическихъ железъ. Для прекращенія этихъ спорадическихъ случаевъ достаточно или однихъ силъ природы, или способовъ самыхъ простыхъ, напримѣръ, перенесенія больного въ мѣсто болѣе проветренное, доступное воздуху, отдѣленія его отъ сожитія съ другими людьми, провѣтриваніе его пожитковъ и пр.; но опытъ доказываетъ что къ «постоянно существующимъ стихіямъ зарожденія чумы самопроизвольной, спорадической, въ Египтѣ чрезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, 8, 10, 12, 15», присоединяется *новый элементъ*, неизвѣстный въ сущности своей, недоступный пока изслѣдованіямъ и зависящій очевидно отъ какихъ-то космическихъ явленій, подъ вліяніемъ которыхъ, индивидуальное предрасположеніе, дремлющее, такъ сказать, въ Египтянинѣ, до того усиливается, что вся масса населенія мѣлаго города, области или края становится временно расположенною заражаться чумою.

Опытъ наконецъ доказалъ, говорить г. Рафаловичъ, что хотя въ Египтѣ, во-время эпидеміи, обыкновенный путь сообщенія заразы есть прикосновеніе къ больнымъ и пожиткамъ зачумленныхъ, тѣмъ не менѣе — случаи, въ которыхъ люди, касавшіеся чумныхъ, сами заболѣваютъ, составляютъ исключеніе, а тѣ случаи, въ которыхъ люди, не смотря на сообщенія, не заболѣваютъ, составляютъ правило. Это говорятъ враги всѣхъ партій и учевій; это не есть мнѣніе, а выраженіе факта неоспоримаго и наблюдаемаго на Востокѣ, во-время всѣхъ эпидемій.

Г. Рафаловичъ оканчиваетъ свой путевой дневникъ очень интереснымъ рассказомъ о послѣднихъ болѣзненныхъ припадкахъ Мехмета-Али.

Мехметъ-Али заболѣлъ въ Каирѣ, 1847 года. Сначала ему опять сдѣлалось лучше, но послѣ неосторожности въ діетѣ, случившейся съ нимъ во-время посѣщенія имъ старшей дочери, маловажный недугъ превратился въ диссентерію съ рвотою. Продолжительность припадковъ стала сильно беспокоить призванныхъ врачей; видя безуспѣшность употребленнаго леченія, они рѣшились выѣхать съ нимъ въ Европу, и немедленно приступили къ исполненію этого рѣшенія. 10 февраля, большой отправился по Нилу въ Александрію, гдѣ генеральный консулъ Баррѣ представилъ въ распоряженіе паша, французскій казенный пароходъ Александръ. Вслѣдъ за тѣмъ Мехметъ-Али выѣхалъ въ Мальту, въ сопровожденіи египетскаго фрегата, докторовъ Клотъ-Бея и Гахтани-Бея и многочисленной свиты. Во-время рейса и потомъ, въ карантинѣ, въ Мальтѣ, диссентерія опять усилалась, аппетитъ совершенно пропалъ, силы истощались.

Медики рѣшились дѣйствовать съ энергіею. Паша почувствовалъ себя лучше и силы его начали поправляться. Въ одну изъ слѣдующихъ ночей, онъ вдругъ проснулся, призвалъ дежурнаго мамелюка и спросилъ:—Гдѣ шенхи, пріѣхавшіе ко мнѣ изъ Мекки? Я хочу ихъ видѣть.

Изумленный мамелюкъ почтительно отвѣчалъ, что великій паша находится теперь на англійскомъ глурскомъ островѣ; паша сначала не повѣрилъ, но подъ конецъ согласился, что шенхи представились ему, вѣроятно, во снѣ. На другой день и пошину не было объ этомъ разговорѣ, но, чрезъ нѣсколько ночей, больной опять проснулся, воображая, что къ нему явились мужчины Европейцы, съ дамами, и требовалъ, чтобы ихъ ввели въ спальню; въ этотъ разъ онъ долго спорилъ и горячился, прежде чѣмъ убѣдился, что это было только сновидѣніе. Проживъ, по окончаніи карантиннаго срока, еще нѣсколько дней въ Маль-

тѣ, гдѣ онъ занималъ старый дворецъ гротмейстеровъ ордена, Мехметъ-Али выѣхалъ потомъ со свитою въ Неаполь. Физическое его состояніе примѣтно поправилось, но за то умственное разстройство, съ каждымъ днемъ, становилось все примѣтнѣе и сильнѣе; свѣтлые промежутки дѣлались рѣже и короче; впрочемъ, общее направленіе идей было веселое и пріятное. Паша былъ очень ласковъ и благосклоненъ съ окружающими его особами, и все ему правилось. Гуляя, по пріѣздѣ въ Неаполь, по великолѣпной улицѣ «Толедо», въ придворной каретѣ короля, онъ восхищался красотою и громадностію зданій, и все повторялъ Клотъ-Бею выраженіе удовольствія, что, въ теченіе немногихъ недѣль, такъ успѣли украсить и улучшить видъ города. Онъ воображалъ, что находится въ Александріи, и никакъ нельзя было разувѣрить его въ томъ. Послѣдній ударъ разстроивающимся умственнымъ способностямъ Мехмета-Али нанесло извѣстіе о февральскихъ происшествіяхъ во Франціи. Съ-тѣхъ-поръ бредъ у него былъ почти непрерывный, и однимъ изъ характерическихъ признаковъ помѣшательства выставлялась крайняя забывчивость, даже въ событіяхъ недавно случившихся и совершенно свѣжихъ. Онъ приказалъ бывшему при немъ министру, Артынь-Бею, немедленно отправиться въ Парижъ, чтобы закрыть тамъ существующую «египетскую школу», (въ которой на его иждивеніи воспитывались молодые Египтяне), и привести воспитанниковъ въ Александрію. Ночью пришли будить министра, котораго больной требовалъ къ себѣ.—Что, привезъ ты молодыхъ людей изъ Парижа? спросилъ Паша. Напрасно Артынь-Бей увѣрялъ, что получивъ приказаніе ѣхать нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, онъ не успѣлъ еще отправиться въ дорогу. Мехметъ-Али, все повторялъ, что онъ самъ, въ это время, успѣлъ уже побывать въ Вѣнѣ и Парижѣ и даже назвалъ особъ, съ которыми тамъ видѣлся. Врачи, по совѣщаніи съ извѣстными практиками въ Неаполѣ, желали остаться съ больнымъ еще нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ, но проживавшій тамъ, въ ту же пору, Ибрагимъ-паша, настаивалъ на скорѣйшемъ возвращеніи въ Египетъ. Отецъ и сынъ отправляясь на двухъ разныхъ пароходахъ въ Александрію, въ которой никто изъ жителей не зналъ о постигшемъ Пашу несчастіи, и потому цублика, собравшаяся у пристани, подлѣ дворца Рабъ-Эль-Тинъ, не безъ крайняго изумленія, услышала приказаніе Мехмета-Али, при выходѣ съ парохода на берегъ: «немедленно освободить всѣхъ каторжныхъ изъ сосѣдняго арсенала» гдѣ ихъ содержится нѣсколько сотъ человѣкъ. Врачи успѣли предупредить Сейдъ-па-

шу объ умственномъ разстройствѣ его отца, и приказаніе осталось неисполненнымъ.

На другой день по вѣздѣ, открылась у больного перемежающаяся лихорадка, которую послѣ третьяго пароксизма оставили; помѣшательство между тѣмъ все болѣе и болѣе принимало характеръ «старческаго безумія» (*dementia senilis*): идеи потеряли прежнюю веселость, больной сдѣлался несловоохотливымъ, угрюмымъ, раздражительнымъ, и совершенно потерялъ память. Особъ, которыхъ уже нѣсколько времени не видалъ, онъ вовсе не узнавалъ, а бесѣдуя съ приближенными, онъ чрезъ нѣсколько минутъ забывалъ, что они только являлись къ нему; такъ, когда докторъ Газтани-Бей приходилъ поутру во дворецъ, то Мехметъ-Али привѣтствовалъ его довольно ласково и приглашалъ садится; но едва тотъ успѣвалъ обойти кресло Паши, какъ больной снова его привѣтствовалъ, вовсе не помня, что уже видѣлъ; по той же причинѣ, Паша требовалъ безпрерывно ѣсть, и все удивлялся, почему не накрываютъ стола. Тогда члены семейства рѣшились временно поручить управленіе краемъ Ибрагиму-пашѣ, а больного перевели въ гаремъ, въ это время привезенный къ нему изъ Каира. Но опасаясь вредныхъ послѣдствій отъ несообразной діеты въ гаремѣ и кепостояннаго климата въ Александріи, при несовершенной прекратившейся лихорадкѣ, лейб-медики совѣтовали выѣхать съ больнымъ въ Каиръ. Ибрагимъ-паша не согласился и даже обвинилъ врачей, что они руководствуются личными выгодами; между тѣмъ настоящая причина отказа заключалась въ не совсѣмъ пріязненныхъ его отношеніяхъ къ другимъ членамъ семейства Мехмета-Али.

Чтобы окончательно рѣшить это дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергнуть положеніе больного основательному обсужденію, предложено было пригласить нѣсколько медиковъ разныхъ націй, проживавшихъ тогда въ Александрію. Консультанція происходила 18 апрѣля. Вотъ какъ говорить о ней г. Рафаловичъ.

Насъ провели въ залу нижняго яруса въ небольшомъ флигелѣ, подлѣ гарема. Тутъ, въ присутствіи Сеидъ-паши, довольно хорошо говорящаго по-французски, Клотъ-Бей прочелъ намъ краткую записку о ходѣ болѣзни, и развилъ выгоды переезда въ Каиръ, гдѣ пребываніе въ мубраскомъ саду, въ тишинѣ, уединеніи и болѣе ровномъ климатѣ, должно было оказывать благотворное дѣйствіе на здорье Мехмета-Али. За тѣмъ все собраніе отправилось въ залу гарема; широкая, мраморная лѣстница ведетъ въ вышесказаннаго тѣмъ же матеріаломъ, корридоры бель-этажа, на которые отыражаются

двери отдѣльныхъ палатъ пашиевскихъ женъ и едалыкъ; у каждой двери стоялъ евнухъ съ саблею у бедра, держа правую руку на ручкѣ палки; евнухи эти были почти все Абиссинцы; Негроузъ зашѣлъ я шло между ними. Они съ изумленіемъ смотрѣли на насъ, потому-что, по этимъ корридорамъ, вѣроятно, въ первый разъ, шло столько Франковъ. Мехметъ-Али, одѣтый въ синій шафорокъ на нѣху, сидѣлъ въ большихъ креслахъ, съ одной стороны которыхъ стоялъ евнухъ, а съ другой прехорошенькая молодая Француженка, г-жа Р.... сестра главнаго управителя у Ибрагима-паши. Дамъ эта, жена богатаго александрійскаго негодяя, родилась на Востоѣ, а совершенно владѣла турецкимъ языкомъ, была очень любима дочерью Мехмета-Али, которая часто приглашала ее во дворецъ; она держала въ рукѣ *маншо* (нукогонку) изъ тонкихъ финиковыхъ листьевъ, и отгоняла ею мухъ, садившихся на лицо больного.

Перемѣна въ физиономіи Мехмета-Али поразила меня и глубоко тронула. Хотя лицо у него вовсе не такъ похушло и изурядилось, какъ мы полагали, но глаза, всегда столь быстрые и пронипательныя, придававшіе такую чрезвычайную живость игрѣ лицевыхъ мышцъ его, потеряли весь блескъ; прежній огонь ихъ потухъ, взглядъ былъ мутный, неподвижный, безъ выраженія. Паша никого изъ насъ не узналъ: г. Прюса онъ принялъ за особу, умершую двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, а другихъ болѣе или менѣе знакомыхъ ему врачей увѣрялъ, что видитъ ихъ въ первый разъ; причины и цѣли посѣщенія, казалось, онъ нисколько не понималъ, подвергался впрочемъ осмотру безъ вѣтерпѣнія и сопротивленія; позволялъ шупать нервы, голову, бѣеніе сердца, показывалъ языкъ, который мы нашли сухимъ и краснымъ; потомъ, по желанію нашему, всталъ и довольно бодро обошелъ залу два раза кругомъ, поддерживаемый за руки двумя особами. На вопросы отгачалъ онъ скоро, но почти всегда ошибочно, жаловался на шумъ въ ушахъ и на то, что съ утра еще ничего не ѣлъ; однакожъ намъ сказали, что ему уже два раза подавали кушать!

Къ концу осмотра, доктора приступили къ разсужденію о сущности болѣзни, рѣшительно отказавъ Сейдъ-пашѣ присутствовать при совѣщаніи. Пренія шли очень долго, и врачи положили обратиться еще разъ; это однако не состоялось. На другой день, все врачи, участвовавшіе въ совѣщаніи, подписали формальный актъ, въ которомъ подробно изложены были обстоятельства, оказавшіяся при осмотрѣ. Заключение его состояло въ томъ что, при продолжительности болѣзни и преклонныхъ лѣтахъ Паши, ему не только не возможно заниматься дѣлами въ настоящее время, но что имѣется вообще весьма-мало надежды на выздоровленіе.

Этотъ послѣдній оборотъ, говоритъ г. Рафаловичъ, вставленъ былъ въ актъ, вмѣсто употребленнаго сначала выраженія: *онъ жилъ*

лось дикой надеждой, на введение которого главные, изъ бывшихъ при консуляціи, медиковъ египетской службы, по весьма естественной осторожности не соглашались. Что-же касается до туземцевъ, то они вовсе не вѣрили умопомощательству Паши: «Фендиге Мухаметъ-Али, говорили они, только притворяется больнымъ, чтобы узнать кто изъ прежнихъ его любимцевъ и приближенныхъ встанетъ ему въразъ и предастъ и кто ибтъ?»

Но мнѣніе это не подтвердилось. Разстройство мозговыхъ отъправленій знаменитаго паши, было не притворное. Онъ прожилъ еще шестнадцать мѣсяцевъ, въ состояніи умственного дѣтства, и умеръ 80 лѣтъ отъ роду 2 августа (новаго стиля) 1849 г. Нынѣ Египтомъ управляетъ внукъ Мехмета-Али, Аббеть-паша, сынъ Туссуна, родившійся въ 1813 г.

Черезъ нѣсколко дней послѣ послѣдняго посѣщенія г. Рафаловичемъ Мехмета-Али, путешественникъ нашъ простился съ Александрією и прибылъ въ Мальту.

Тутъ и оканчивается, на второй книгѣ, дневникъ г. Рафаловича, по какой-то новой привычкѣ авторовъ, съ нѣкотораго времени, не выдавать своихъ сочиненій вполнѣ. Впрочемъ почтенный нашъ соотечественникъ обѣщалъ ознакомить читателей съ новыми изслѣдованіями своего путешествія. Благодаримъ его, и готовы дожидаться, только не столько времени, чтобъ позабыть первыя двѣ книги.

60 *Практическія правила къ руководству при покупке лошадей.* Сочиненіе Якова Юнсона. С.-Петербургъ. 1850 г.

Очень полезная книга, которую нельзя не посоветовать заняться не только всякому любителю лошадей, но всѣмъ тѣмъ кто только имѣетъ или желаетъ завести себѣ лошадей. Книга эта содержитъ въ себѣ пять главъ, изложенныхъ хотя кратко, но полно и ясно, а именно: о строеніи тѣла и формы отдѣльныхъ членовъ, съ показаніемъ—въ какой степени должна обладать ими хорошая лошадь; опредѣленіе возраста; изложеніе вѣшнихъ болѣзней; бѣглый взглядъ на внутреннія болѣзни и обстоятельства, на которыя всего болѣе должно обращать вниманіе при пробной ѣздѣ. Эта послѣдняя глава особенно важна, по тому искусству и смѣтливости, съ которыми лошадиные барышники и торговцы, умѣютъ скрывать отъ покупателей даже самыя опасныя и неисправимыя пороки и болѣзни лошадей.

61 *Начертаніе русской исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненіе Н. Устрялова, изданіе седьмое. С.-Петербургъ. 1850 г.*

За достоинство и пользу этой книги ручается имя ея автора, уже извѣстнаго своими сочиненіями въ этомъ родѣ, а за превосходство ея, предъ прочими подобными книгами, седьмое ея изданіе.

Указатель замѣчательнѣйшихъ открытій по математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ, составленный М. Хотинскимъ, Чл. Мн. Уч. Общ. 1849. Въ 8 л. л. 12 тетрадокъ.

Вообще журналы, издаваемые у насъ правительственными мѣстами, не смотря на спеціальность своего содержанія, ограничиваемаго самымъ назначеніемъ журнала и составомъ его программы, отличаются прекраснымъ выборомъ статей, въ числѣ которыхъ попадаются часто труды весьма замѣчательные. Но по обширности своей программы ни одинъ изъ официальныхъ журналовъ не можетъ спорить съ Журналомъ Мн. Народнаго Просвѣщенія, въ кругу обзорнѣя котораго заключаются все многообразнѣйшія отрасли человѣческихъ знаній. Этотъ журналъ, кромѣ дѣйствій Правительства по учебной части и другихъ официальныхъ извѣстій, постоянно печатаетъ труды отечественныхъ ученыхъ, развивающіе современное состояніе наукъ, и еще не довольствуясь этимъ, предположилъ ежемѣсячно знакомить своихъ читателей съ важнѣйшими изысканіями, совершившимися въ ученѣмъ мірѣ.

Очевидно, что при обширномъ развитіи, до котораго достигли науки въ наше время, нѣтъ возможности одному журналу помѣщать подробные отчеты о всѣхъ, даже важнѣйшихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ, двигающихъ впередъ наши знанія. Уже и того очень довольно, если журналъ изложитъ въ короткихъ словахъ сущность дѣла, укажетъ источникъ, въ которомъ читатель можетъ найти интересующія его подробности. Такого именно рода Указатель, въ пользу котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія, помѣщается въ Журналъ Народнаго Просвѣщенія. Заботливая редакция, имѣя однакожъ въ виду всю трудность и новизну такого дѣла, весьма благоразумно положила ограничиться, на первый разъ, Указателемъ для однихъ только наукъ математическихъ, физическихъ и естественныхъ. Исполненіе этого дѣла (какъ видно изъ сдѣланнаго въ самомъ журналѣ объявленія) поручено извѣстному нашему ученому-диплетанту М. С. Хотинскому, обладающему обширными знаніями по энциклопедіи физическихъ наукъ.

Указатель, о которомъ идетъ рѣчь началъ свое существованіе съ 1848 года, и, какъ видно изъ ссылокъ, Редакція Журнала Народнаго Просвѣщенія щедро снабдила г. Хотинскаго всѣми нужными для подобнаго труда пособіями. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы встрѣтили въ этомъ Указателѣ ссылки на болѣе, чѣмъ 20 различныхъ ученыхъ періодическихъ изданій. По этому можно су-

лить, какое богатое поле предстать для жаты почтеннаго литератора-натуралиста.

Дабы доставить тѣмъ изъ любителей наукъ, которые не получаютъ упомянутаго журнала, средство пользоваться Указателемъ г. Хотинскаго, отпечатуе небольшое количество отдѣльныхъ экземпляровъ *. По ограниченности этого числа, советуемъ поторопиться тѣмъ изъ любителей наукъ, которые бы пожелали записаться этою полезною и занимательною книгою.

* Продается у книгопродавцевъ Базунова, Полякова и Ратькова 1 руб. 20 коп. за экземпляръ, а съ пересылкою по 1 р. 50.

Чтобы дать понятіе о богатствѣ, разнообразіи и интересѣ ея содержанія, выпишемъ здѣсь заглавіе помѣщенныхъ въ ней статей:

I. По НЕБЕСНОЙ МЕХАНИКѢ:

Эллипсоидальныя фигуры, соотвѣтствующія равновѣсію жидкой массы, подверженной притяженію отдаленной точки (*два статьи*).

II. По АСТРОНОМІИ:

Легкій способъ, приблизительно опредѣлять разстоянія планетъ отъ солнца.—Опредѣленіе времени, широты и азимута помощью двойныхъ прохожденій звѣзды чрезъ различные вертикалы.—Вторая комета Петерсона.—Орбиты двойныхъ звѣздъ.—Новая комета Швейцера.—Новая комета Гурона.—Осьмой спутникъ Сатурна.—Новая метода вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ, сэра Джона Гершеля.—Элементъ Иген.—Объективное стекло Фейля.—Новый микрометръ Фромана.—Орбита Метиды.—Двѣ исчезнувшія звѣзды.—Падающія звѣзды.

III. По ГЕОДЕЗИИ:

Измѣреніе съ одной станціи и однимъ инструментомъ разстоянія и высоты неприступной точки.

IV. По МЕХАНИКѢ:

Машина для закручиванія желѣзныхъ полосъ.—Рычажныя рессоры.—Новая скоропечатная машина.—Новые опыты надъ трубкою Што.—Приборъ для опредѣленія скорости движенія по желѣзнымъ дорогамъ.—Прямая передача давленія на рельсы.—Путевая табличка для желѣзныхъ дорогъ.—Паровозъ Диланпуть.—Подвижная плотина.—Средство противъ соскакиванія вагоновъ съ рельсовъ.—Машина для рѣзки и пробиванія желѣза.—Числительная машина Мореля.

V. По ФИЗИКѢ:

Зависимость между упругостью и температурою плавленія металловъ.—Термометрія.—Напряженіе свѣта раскаленныхъ тѣлъ при различныхъ температурахъ.—Фосфоричность моря и рыбы.—Полярныя часы Утсона, усовершенствованныя Солейемъ.—Приборъ для электрическаго освѣщенія.—Діамагнитныя изслѣдованія Плукера.—Волтанческая батарея Гудмана.—Опредѣленіе напряженія магнитныхъ и діамагнитныхъ силъ.—Лучистыя, поглощающія и разсѣивающія свойства твердыхъ тѣлъ.—Продольныя волны солнечнаго спектра.—Поляризація лучистой теплоты чрезъ отраженіе.—Новое средство тушить огонь.—Вліяніе нервныхъ токовъ на гальванометръ.—Электрическій паровѣтръ.—Увеличеніе газоваго свѣта.—Новѣйшія

ислѣдованія надъ поляризациею теплоты.—Новыя магнитныя и діамантитныя ислѣдованія Плаукера. — Новая эмпирическая формула для упругости водянаго пара. — Измѣреніе индексовъ преломленія.—Очищеніе воздуха въ рудникахъ помошью пара.—Теорія морскихъ теченій.—Опытъ опредѣленія скорости движенія свѣта.—Быстрота звука въ жидкостяхъ.—Распространеніе теплоты въ кристаллическихъ тѣлахъ.

VI. По Физической Географіи:

Высота и распределеніе Боливійскихъ Андозъ.—Двойной токъ въ Гибралтарскомъ-проливѣ.

VII. По Химіи:

Химическая статика чловѣческаго тѣла.—Чувствительный реактивъ виноспирта.—Кристаллическая сѣрная кислота.—Капельножидкая закись азота.—Сгущеніе сѣрной кислоты безъ платиновой посуды.—Дѣйствіе различныхъ жидкостей на цинкъ и гальванизированное желѣзо. — Новый способъ приготовленія нордгаузенской сѣрной кислоты. — Добываніе поташа безъ помощи огня. — Безводная азотная кислота. — Новыя ислѣдованія надъ жидкою закисью азота и виноспиртомъ.—Атомическій вѣсъ хлора и бора.—Опредѣленіе количества амміака въ атмосферѣ. — Новый способъ открытія іода и брома.—Эквиваленты церія, лантана и дидама.—Приготовленіе хлорной кислоты и ея солей. — Возстановленіе хлористаго серебра гальваническимъ путемъ. — Изомерныя видоизмѣненія фосфорной кислоты. — Эквивалентъ силиція и составъ кремнекислоты.—Ислѣдованія Ходнева надъ виноспиртными соединеніями.—Опредѣленіе количества хрома въ его соединеніяхъ.—Новый способъ добыванія азота. — Дѣйствіе азотной кислоты на жирную кислоту. — Приготовленіе искусственныхъ органическихъ щелочей помошью азотистыхъ началъ растений. — Естественные источники сѣрной кислоты.—Новыя щелочи.—Атомическій вѣсъ углерода.

VIII. По Техникѣ:

Очищеніе и обработка гутта-перчи. — Приготовленіе туши. — Ковкій чугунокъ.—Дубленіе тканей.—Литой ираморъ-цементъ.—Горючій матеріалъ Голандса и Грина. — Свѣтильный газъ изъ смолы и воды. — Новый способъ травленія стали и мѣди.—Очищеніе терпентиннаго масла.—Усовершенствованіе выдѣлки сахара.—Усовершенствованіе свѣчнаго производства.—Отливка ирепаратозъ изъ гипса.—Несгораемое дерево и ткани. — Способъ дѣлать дерево весьма прочнымъ. — Возстановленіе поглощающей силы животнаго угля.—Новая смола въ родѣ каучука и гутта-перчи.—Полезное употребленіе дыма доменныхъ печей.—Усовершенствованіе въ приготовленіи свѣтлываго газа.—Круглое желѣзо, покрытое сталью.—Краска изъ гармала.

IX. По Металлургіи:

Новый способъ добыванія чистаго золота.—Литое ковкое желѣзо.

X. По Антропологіи:

Племя Негровъ съ хвостами. — Остро-Негры въ Юго-Восточной Африкѣ.

XI. По Зоологии:

Одомашненіе животныхъ.—Птица *orthotyx spicandus*.—Патагонскій вивинъ.—Инуфузія *mons prodigiosa*.—Искусственное оплодотвореніе устрицъ.—Восемь новыхъ видовъ обезьянъ.—Пастбкомое *hypoderma equi*.—Глаза моллюска *balanus rugosus*.—Звуки, издаваемые слизнякомъ.—Наблюденія Пино надъ инфузіями.—Новыя русскія раковины.—Моллюски, буряшіе каменныя породы.—Безраковинныя инфузіи въ атмосферѣ.

XII. По Ботаникѣ:

Odontoglossum grande.—Микроскопическіе грибы въ печенюхъ *кабъ*.—Быстрая растительность бамбуковъ.—Сѣверныя предѣлы распространенія растений.—Новое масличное растение *Viburnum oleifer*.—Новый овощъ *eripia tuberosa*.—Грибы, растущіе внутри клеточекъ живыхъ растений.—Грибъ *Spirmaria alba*.—Новыя изслѣдованія надъ сахарнымъ тростникомъ.—Конгскій табакъ.—Дикорастущія питательныя растенія.

XIII. По минералогіи:

Новый видъ спинелъ—*Крейтонитъ*.—Малаконъ и кристаллизованная водокремнекислая цирконовъ.—Естественная водная кремнекислота изъ Алжира.—Калифорнійское золото.—Аморфный алмазъ.—Новыя изслѣдованія калифорнійскаго золота.—Золотоносныя пески Новой Гренады и Урала.—Гейсскіе золотоносныя пески.—Новый минералъ *Леснитъ*.—Составъ немалита.—Новый минералъ, содержащій борную кислоту.—Искусственное произведеніе нѣкоторыхъ кристаллическихъ минеральныхъ породъ.—Окаменѣлости опаловиднаго известняка.—Составъ гайденита.—Австралійскія мѣдныя руды.—Окисель марганца въ известковомъ туфѣ.

XIV. По Палеонтологіи:

Оттиски ногъ новаго ископаемаго четвероногаго.—Ислѣдованія надъ геологическимъ распредѣленіемъ вѣсконоидныхъ членимыхъ.—Новыя ископаемыя рыбы третичныхъ формацій Богеміи.

XV. По Физиологіи:

Наблюденія надъ кровообращеніемъ.—Оплодотвореніе безъ участія самца.—Вліаніе нѣкоторыхъ веществъ на скорость обращенія крови.—Вліаніе кислорода на біеніе сердца.—Дѣйствіе спиртныхъ напитковъ и табаку на кровь.—Дыхательная проба.—Ислѣдованіе Сегена надъ голосомъ.—Ислѣдованіе гальванизмомъ жизненныхъ свойствъ мышечной системы.—Физиологическое значеніе желудочнаго сока.—Трубчатое строеніе нервовъ.—Связь между нервами чувствительности и движенія.—Происхожденіе азота, находящагося въ растеніяхъ.

Слѣдовательно въ 12 тетраляхъ, изъ которыхъ составится красивый томъ въ осьмушку, заключается: 2 статьи по небесной механикѣ, 14 по астрономіи, 1 по геодезіи, 12 по механикѣ, 25 по физикѣ, 3 по физической географіи, 26 по химіи, 30 по техникѣ, 2 по металлургіи, 2 по антропологиіи, 13 по зоологіи, 11 по ботаникѣ, 16 по минералогіи, 3 по палеонтологіи и 12 по физиологіи. Всего: 161 статья.

Указатель открытій продолжится и въ 1850 году, по примѣру прошлаго года.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКИХЪ КОЛОНИЙ. *Островъ Гельголандъ.* Островъ Гельголандъ, лежащій противъ Эльбы, къ сѣверу отъ Везера, къ югу отъ Эндера, господствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи надъ устьями этихъ рѣкъ; его можно видѣть со всѣхъ сторонъ, на разстояніи отъ шестнадцати до восемнадцати миль (отъ 48 до 54 верстъ.) Онъ раздѣленъ каналомъ на двѣ части, изъ которыхъ большая заселена довольно многочисленнымъ народонаселеніемъ; другая часть, Песочный-островъ (Sandy Island) большая песчаная равнина, посѣщаемая купающимися, которые прѣзжаютъ туда моремъ.

Всего сто двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ эта вторая песчаная часть острова была отдѣлена отъ другой, большей, во время сильныхъ морскихъ приливовъ. Старожилы припоминаютъ, когда эта часть была втрое длиннѣе и шире, чѣмъ теперь. Она уменьшается до-сихъ-поръ съ каждымъ днемъ, и когда море совершенно покроетъ ее, Гельголандъ лишится песчаного морскаго берега, одной изъ лучшихъ своихъ принадлежностей.

Нѣкоторые комментаторы Тацита предполагаютъ, что поклоненіе богинѣ Гертѣ, первоначально появилось въ Гельголандѣ, и д'Анвяль, раздѣляющій это мнѣніе, основываетъ его на томъ, что названіе Heilig-land означаетъ *святая земля*. Думаютъ, что словами: *Est insula Oceani* и проч. Тацитъ хотѣлъ сдѣлать

намекъ на этотъ островъ, потому-что онъ видимо говоритъ о постороннемъ предметѣ, въ своемъ описаніи Германіи.

Вилліамъ Гель открылъ карту Гельгоганда, на которой означены древніе храмы, укрѣвленія, деревни, окруженныя лѣсами, и обработанныя земли, орошенныя рѣками. По предположенію д'Анвилля, все это было поглощено моремъ отъ VIII-го до XIII вѣка. Въ-самомъ-дѣлѣ, можно слѣдовать на этой картѣ за возрастающимъ разрушеніемъ, которое изъ довольно пространной территоріи, оставило только очень ограниченную мѣстность. Въ 692, при устьѣ двухъ рѣкъ, текущихъ къ сѣверу, находились два храма, посвященные *Иестѣ* и *Юпитеру*. Другіе храмы, въ честь Марса и божества, называемаго *Фоста* или *Фосета*, существовали еще въ VIII столѣтіи. Храмъ Марса возвышался около восточной оконечности острова, а *Фоста* былъ на западѣ, въ *Helger Wold, Hilliger Wolde* или священномъ лѣсѣ. Послѣ введенія христіанства, монастырскіи обитатели были основаны въ долинахъ на югѣ; карта, на которой упоминаются имена монастыря св. *Эгберта*, и капеллы св. *Вигберта*, означаетъ также положеніе двухъ королевскихъ цитаделей или замковъ. Прежде XIII столѣтія, море уже покрывало всѣ эти зданія и земли, окружавшія ихъ. Нынѣшній островъ сохранялъ только полосу, отдѣляемую двумя рѣками, надъ восточными которыми господствуетъ замокъ. Тамъ же находились *Клостербургъ*, *Меленбуль*, *Раббуль*, и церкви святыхъ *Дунизгенга* и *Хиллгенхеве*.

Гельголандъ сохраняетъ со всѣхъ сторонъ сѣбѣ своей древней обширности въ перпендикулярныхъ ущельяхъ, которые, если смотрѣть на нихъ съ океана, походятъ на огромную стѣну. Волны образовали въ скалахъ природныя арки, которыя, въ другія вѣка и въ болѣе умѣренныхъ климатахъ, могли быть

Съ этимъ замѣчаніемъ однакоже не всѣ соглашаются. Другіе писатели относятъ слова *Тапшта* къ острову *Рюгену* въ Балтійскомъ морѣ, и это болѣе подтверждаетъ ихъ въ этомъ мнѣніи то, что на этомъ островѣ узнаютъ лѣсъ (*castum petice*), о которомъ говоритъ *Тапшта*. Въ этомъ лѣсѣ издавна было мѣсто, гдѣ возвышался храмъ, въ которомъ находилась лесница *Герты* (*terga maleti*); наконецъ, озеро, теперь известное подъ именемъ *Чердаго*, находящееся востокъ этого лѣса, могло относиться къ *Castum petice*, латинскаго писателя, въ которомъ кували покрывало, колесницу и если угодно вѣрять, самую богиню, но въ которомъ топили потомъ рабовъ, употребляемыхъ для этой священной церемоніи. Объ этомъ можно справиться въ сочиненіи г-на *Альберта Шварца*, профессора въ *Грейфсвалдѣ*, о географіи сѣверной Германіи, и путешествіи г-на *Цоллара* по острову *Рюгену*.

приняты за произведеніе какого-нибудь поколѣнія великановъ. Если вѣрить преданію, то Гельголандъ нѣкогда соединялся съ твердою землею.

Нужно въ этомъ случаѣ отыскивать слѣды этого соединенія съ Даніею, потому-что образованіе германскаго берега исключаетъ совершенно мысль о возможности такого соединенія.

Медленное, но безпрестанное уменьшеніе острова можетъ быть приписано расщелинамъ, причиняемымъ холодомъ и жаромъ, вслѣдствіе просачиванія дождей, которые, мало по малу отдѣляютъ нѣсколько частей отъ замка и уносятъ ихъ въ море. Прежде, чтобъ остановить это уменьшеніе, придумали средство обрубать утесы въ видѣ покатости, чтобы представлять менше сопротивленія напору волнъ; но исполненіе этого проекта, который еще болѣе бы уменьшилъ поверхность острова, уже и безъ того маленькаго, оказалось неудобноисполнимымъ, и отъ него отказались.

Жители этого острова съ давняго времени извѣстны какъ смѣлую шореплатель. Полагаютъ даже, что одинъ изъ нихъ, по имени Окмеръ, проныкъ въ Балтійское море, и подвѣсь описаніе своего путешествія королю Алфреду, съ которымъ, въ 890 году, онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ.

Съ-тѣхъ-поръ ничего замѣчательнаго не происходило въ Гельголандѣ до августа 1714 г., когда Датчане завоевали его у герцога Шлезвигъ-Гольштейнскаго, которому онъ давно принадлежалъ, и владѣлъ имъ около ста лѣтъ. Въ 1807 адмиралъ Руссель занялъ его именемъ Англіи, которая сохраняетъ его въ силу договора 1814 г., со времени восстановленія общаго мира.

Великобританія умѣла извлечь бодшія выгоды изъ владѣнія Гельголандомъ. Въ то время, когда Наполеонъ заставлялъ Гамбургъ и другіе вольные города отказываться отъ англійскихъ произведеній, не только этотъ островъ служилъ прекраснымъ обсервационнымъ пунктомъ для наблюденія за непріателемъ, но онъ слѣжался мѣстомъ складки товаровъ, которые контрабанда распространяла потомъ по всей сѣверной Германіи. Видъ Гельголанда съ моря самый живописный: просторные дома, чистые и хорошо выстроенные, церковь и маякъ, господствующіе надъ ними, высокія лѣстницы, соединяющія верхнія и нижнія части города; множество рыбацкихъ лодокъ, стоящихъ на якорѣ въ открытомъ морѣ, толпа и шумъ на морскомъ берегу, плоской берегъ Песчанаго острова, съ караванами и купающимися, наконецъ, рядъ огромныхъ утесовъ, раз-

личныя цвѣта которыхъ отражались на солнцѣ, все это ослѣпляетъ иностранца разнообразностью, когда онъ стоитъ перель памятниками, достойными главныхъ городовъ Европы, тамъ, гдѣ онъ думалъ встрѣтить только скромныя жилища бѣдныхъ рыбаковъ.

Первый предметъ, который, при выходѣ на берегъ, привлекаетъ вниманіе путешественника, есть небольшая площадь, на которой выстроены большой кафе-ресторанъ, известный подъ именемъ *Общественнаго дома*. Внутренность этого мѣста собранія замѣчательна своимъ великолѣпіемъ; что касается до его пространства, съ перваго взгляда можно подумать, что оно не соразмѣрно съ мѣстностью, но скоро перестаешь удивляться, когда убѣдишься, что оно еще не достаточно по числу множества купающихся въ прекрасное время года. Балы и концерты служатъ свидѣтельствомъ веселости этихъ добрыхъ Нѣмцовъ, которые совсѣмъ перемѣняются, когда могутъ, на нѣсколько времени, позабыть дѣла и политику, и заняться своимъ здоровьемъ и удовольствіями. По случаю стеченія путешественниковъ, устроено въ Гельголандѣ множество трактировъ, многочисленность которыхъ уменьшаетъ цѣну и гдѣ путешественникъ, жадный новостей, можетъ на свободѣ изучить нѣмецкій характеръ въ представителяхъ разныхъ государствъ, которые каждый годъ тутъ собираются въ числѣ 40 тысячъ, изъ которыхъ, по крайней-мѣрѣ, 500 находятся здѣсь въ первый разъ.

Въ верхней части города учреждена танцевальная зала, которая столько же замѣчательна, какъ и кафе-ресторанъ нижней части города, учрежденный для высшаго сословія. Тамъ лобуются національнымъ костюмомъ и народными плясками во всей ихъ красотѣ.

Красная юбка, неизбѣжная принадлежность туалета каждой молодой жительницы Гельгоганда, развязность танцоровъ, особливо молодыхъ моряковъ, придаютъ этимъ собраніямъ особенный видъ.

Островитяне гордятся тѣмъ, что принадлежать къ числу англійскихъ подданныхъ, они находятъ въ этомъ честь и пользу; если только это званіе стоитъ зависти, не надо забывать что Гельголандъ обiazавъ ему своимъ теперешнимъ, фешіонебельнымъ мѣстомъ сборища купающихся въ Германіи.

Въ лѣтнее время, пароходъ ѣздитъ чрезъ два дня изъ Гамбурга въ Гельголандъ; разстояніе между ними сто миль, но переездъ продолжается только 10 часовъ, на одномъ изъ луч-

шихъ кораблей. Бременскіе и ганноверскіе пассажиры отплываютъ изъ Куксхана.

Гельголандскіе рыбаки проворны и терпѣливы на морѣ; своему опасному промыслу обязаны они хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, которые иногда походятъ на дерзость; но на сухомъ пути лѣтность ихъ доходитъ до того, что они краснѣютъ при мысли о полевыхъ работахъ, и скорѣй согласятся не ѣсть цѣлыя сутки, чѣмъ доставать себѣ работою пропитаніе. Они предоставляютъ эти трудныя работы своимъ женамъ, и поручаютъ имъ даже свои рыболовные снаряды, между тѣмъ какъ, подъ предлогомъ ожиданія судовъ, проводятъ цѣлые дни и недѣли въ бездѣйствіи. Характеръ ихъ миролюбивъ до слабости. Чтобы предупредить или кончить споръ, они предоставляютъ рѣшить дѣло случаю: бросаютъ въ шляпы свои медали, принадлежность рыбаковъ; свидѣтель вынимаетъ одну изъ нихъ, и тотъ, чья медаль вынется, бываетъ правъ. Эти люди имѣютъ удивительное довѣріе къ этому простому роду суда.

Не смотря на то, что на Сѣверномъ морѣ часто бываютъ бури, рыбаки ничего такъ не любятъ, какъ свои барки, на которыхъ они однакожь подвергаются лишеніямъ и самымъ грубымъ трудамъ.

Часто случается, что оставая островъ, они бываютъ занесены на подводные камни, и остаются зимой, цѣлыя сутки подъ открытымъ небомъ, на лодкахъ безъ палубы, безъ огня, безъ пристанища противъ стихій, безъ всякой пищи, кромѣ куска черстватаго хлѣба и соленой рыбы. Не смотря на все это, они крѣпкаго сложенія и не подвергаются болѣзнямъ столь свойственнымъ ихъ роду жизни; но за то суровость воздуха и жаръ солнца портятъ цвѣтъ лица, искажаютъ ихъ черты.

Усталость и однообразность ихъ трудовъ подавляютъ въ нихъ огонь молодости; ихъ осанка важна; въ 25 лѣтъ они кажутся 40-лѣтними; но хотя они и скоро старѣются, однако многіе изъ нихъ достигаютъ глубокой старости.

Теперь рыбная ловля составляетъ главный промыселъ острова. Рыба (доршъ) перевозится на легкихъ судахъ въ Гамбургъ и Бременъ, откуда она разсылается во внутренность Германіи. Морскіе раки, которые привозятся изъ Англіи въ Гамбургъ, гораздо крупнѣе и вкуснѣе норвежскихъ. Рыбакъ доволенъ, если онъ получитъ въ лѣтнее время 12 фунт. стерл. (75 руб. сер.) изъ 5,000 фунтовъ стерлинговъ (31,250 р. с.) суммы, ежегодно добываемой рыбною ловлею.

Въ хорошее время года они питаются свежей рыбой, остальное же время они употребляютъ въ пищу одну сушеную рыбу. Общество рыбаковъ приводитъ въ порядокъ свои счета два раза въ годъ. Въ это время они проводятъ недѣлю въ удовольствіяхъ. Женщины также имѣютъ свои увеселенія на масляной и въ праздники коньковъ, въ которыхъ мужчины не участвуютъ.

Жители Гельголандъ, опредѣляясь матросами на корабляхъ всѣхъ націй, обязаны знать, по крайней мѣрѣ, нѣсколько словъ изъ всѣхъ языковъ, которые они ужасно коверкаютъ, на примѣръ они говорятъ: *теребентинъ* вмѣсто *карантинъ*, *Лохмальтеръ* вмѣсто *Гибралтаръ* и проч.

Привязанные болѣе чѣмъ кто-нибудь къ своимъ прива-легіямъ и старымъ обычаямъ, они бываютъ очень недовольны какимъ-нибудь нововведеніемъ. Они никогда не разводятся, и преступныя связи очень рѣдки между ними. Воровство имъ незнакомо; когда они уходятъ изъ дому, то запираютъ дверь, оставляя однако ключъ, въ полной увѣренности, что у нихъ ничего не тронуть. Промыселъ ихъ требуетъ полного довѣрія и честности.

Самый любимый напитокъ мужчинъ есть Гузумское пиво; женщины пьютъ только чай. Въ праздники они ѣдятъ пироги, называемый *алумболъ*; онъ дѣлается изъ ржаной муки, масла, яицъ и молока, смѣшаннаго съ изюмомъ, сливами и пряностями; иногда они его начиняютъ чайкой или другой морской вѣтцой.

Жители Гельголандъ одѣвались за 100 лѣтъ передъ сими точно такъ, какъ ихъ предки; но мѣрѣ того, какъ ихъ сношенія съ иностранцами дѣлались чаще, они сблизились съ обычаями твердой земли, но однако не измѣнили совершенно въ которыхъ изъ нихъ старинныхъ обыкновеній. Женщины въ продолженіе недѣли закутываютъ голову до крайности, а въ воскресеніе надѣваютъ только легкой чепчикъ; отъ того они часто простужаются. Ихъ жилища содержатся чисто и хорошо даже зимой, которую они проводятъ въ приготовленіи сѣтей и улочей. Тамъ какъ они занимаются только предметами, касающимися до рыбной ловли, то не умѣютъ ни шить, ни прѣсть. Во внутренности домовъ, обожженные кирпичи, называемые *clinkers*, покрываютъ стѣны, украшенныя кромѣ того рядами блюдъ и тарелокъ изъ фаянса, которыя составляютъ самую роскошную часть мебелировки. Кровать также считается однимъ изъ главныхъ украшеній дома.

Гельголандцы женятся въ молодыхъ лѣтахъ; и всегда по нѣ-

клонности. Приданое почти всегда состоитъ изъ одной постели и дубоваго сундука. Когда женихъ уже достигнетъ зрѣлаго возраста и въ состояніи безбѣдно содержать себя, родители его невѣсты позволяютъ ему съ ней видѣться въ нѣкоторые дни; но ему запрещено отираваться въ море прежде сватъбы, потому-что еслибъ съ нимъ случилось несчастье, доброе имя молодой дѣвушки могло бы пострадать. Если молодая дѣвушка бываетъ не просватана до 18 лѣтъ, то она навсегда остается незамужнею, хотя бывають исключенія. Только что день сватѣбы назначенъ, молодыя дѣвушки съ церемоніей несутъ кровать и сундукъ къ родителямъ невѣсты, которые должны заботиться объ нихъ. Всѣ обыкновенія, которыя бывають передъ и послѣ сватѣбы, весьма любопытны. Утромъ въ этотъ великій день молодыя разлучаются; отецъ невѣсты выходитъ изъ комнаты дочери и громко кричитъ: Кто хочетъ жениться на моей дочери? Женихъ приближается и говоритъ: Это я, или я здѣсь. Отецъ; чтобы продлить шутку, представляетъ ему другую дѣвушку; сирѣдывая не та ли это, которую онъ выбралъ. Женихъ выходитъ изъ терпѣнія и требуетъ свою невѣсту; тогда отецъ съ важностію произноситъ слѣдующія слова: Я тебя отдаю моему дочу; живи съ нею такъ; чтобы ты могъ дать отчетъ въ вѣсѣхъ свидѣніи Богу и людямъ. Женихъ целуетъ три раза свою невѣсту и отвѣчаетъ: Я буду съ ней жить какъ обязанъ. Выходя изъ церкви; молодая невѣста идетъ медленно, окруженная подружками; между-тѣмъ какъ молодой идетъ съ отцомъ и съ свекромъ. Они сѣвши къ жилищу; чтобы предупредить ее и встрѣтить на порогѣ дома. Тутъ-то молодой исполняетъ еще труднѣшныя обязанности.

Онъ долженъ идти самъ искать всѣхъ приглашенныхъ и пригласить на праздникъ. Если кто-нибудь, по нечаянности забыть, то считаетъ себя обиженнымъ.

Когда всѣ собралась, тогда садятся за столъ. Молодая на концѣ стола; между дѣушками обдуржками; а молодой на другомъ концѣ; остальные садятся гдѣ хотятъ. Свадебный обѣдъ необыкновенно изобилуетъ, потому-что родители уносятъ себѣ большую часть его, остальное раздается бѣднымъ сосѣдямъ. Къ концу обѣда кухарка пробѣгаетъ, держа въ рукахъ зажженную трубку, жалуетъ, что у ней сгорѣла рубашка; тогда обносятъ чашку, наполненную солью, куда каждый приглашенный бросаетъ монету, для вспомошествованія бѣдной погорѣвшей. Послѣ обѣда хоронятъ покой въ вѣнѣ, выбранную молодой; потомъ курятъ и пьютъ чай; съѣзжаютъ съ корабля и возвращаются, которые ид-

зываютъ они *rottelepot* и которымъ очень любятъ лакомиться. Потомъ танцуютъ и этимиъ заключается праздникъ. Какъ только большая часть гостей разошлась, самые близкіе холостяки, родные молодого, провожаютъ его до самаго дома съ пѣснями.

Нѣкоторые изъ нихъ даже дѣлаютъ видъ, что хотятъ войти въ брачную комнату; но ихъ отталкиваютъ молодыя дѣвушки, и бросаютъ имъ въ головы чулки, запасенные заранѣе заботами молодой. Наконецъ поютъ прощальную пѣсню, и всѣ расходятся спать.

Чтобъ избѣжать этихъ длинныхъ церемоній и издержекъ, много довольно значительныхъ, многіе жители Гельгоганда уѣзжаютъ жениться въ Гамбургъ. — Обычаи при погребеніи не менѣе страшны. Когда кто нибудь умираетъ, то тѣло покойника, обертываютъ бѣлымъ полотномъ, усѣяннымъ черными полукружіями; самые близкіе родные берутся его охранять и принимать молодыхъ друзей и подругъ покойника, которые, если видятъ, что семейство не очень огорчено, играютъ въ смертную игру. Въ этой игрѣ кто-нибудь причетъ предметъ, которой другіе стараются отыскать. Право песты тѣло въ послѣднее его жилище считается честью, которая предоставляется только самымъ искреннимъ друзьямъ. Тогда послѣдніе, которые въ другихъ случаяхъ боялись бы быть замѣченными съ лопатой въ рукѣ, теперь никому въ мірѣ не уступятъ права рыть могилу. Когда полагаютъ, что морякъ погибъ на морѣ, то въ продолженіе цѣлаго мѣсяца молятся, чтобы найти его тѣло; если не успѣли въ этомъ, то тѣ же самыя молитвы и тѣ же церемоніи производятъ надъ пропавшимъ, какъ и при настоящемъ погребеніи.

Жители Гельгоганда фризскаго происхожденія, также, какъ и жители береговъ Гольштейна и острововъ, лежащихъ близъ Давія; поэтому они говорятъ древнимъ нарѣчіемъ Фризовъ; однако же въ церквахъ и школахъ говорятъ только на сѣверномъ нѣмецкомъ нарѣчій. Одинъ изъ тамошнихъ уроженцевъ составилъ многоязычный лексиконъ ихъ нарѣчій, недавно изданный въ Гамбургѣ и достойный вниманія филологовъ, которые найдутъ въ немъ много англійскихъ словъ, независимыхъ отъ вновь заимствованныхъ у разныхъ народовъ.

Политическія учрежденія этого острова соотвѣтствуютъ островамъ Ла-Манша, и состоятъ, кромѣ исполнительной власти, изъ двухъ сословій, представляющихъ почти всѣ семейства. Этого образъ правленія искусство приспособленъ къ требованіямъ вселен-

нительной власти, не смотря на то, что съ перваго взгляда онъ можетъ показаться способнымъ скорѣе возбуждать препятствія.

Всѣ воинскія укрѣпленія острова состоятъ въ одной сторожевой башнѣ и пушкѣ небольшого калибра, которую, по всѣмъ вѣроятностямъ, разорвало бы, еслибъ отважились дѣлать изъ нея какое-нибудь употребленіе. Во время войны одинъ корабль и фрегатъ стоятъ около острова, чтобы защищать его отъ нападенія непріятеля.

Доходы острова состоятъ въ таксѣ, наложенной на купцовъ, матросовъ и всѣхъ тѣхъ, которые занимаются какой-нибудь торговлей или промышленностію.

Эта подать служитъ для уплаты долговъ острова и для постройки и содержанія публичныхъ зданій. Великобританія издерживаетъ ежегодно на гражданское управленіе около 1000 фунт. стерл. (6250 р. с.), половина которыхъ идетъ на содержаніе губернатора, нынѣ капитана Гиндмарша; остальное дѣлится между его секретаремъ и двумя пасторами лютеранскаго вѣроисповѣданія, судѣею города, сторожу башни и проч.

Постепенное уменьшеніе острова, вслѣдствіе прибылн морскихъ водъ в береговъ, придадо ему видъ остроконечнаго треугольника, длиною около одной англійской мили, отъ сѣвера до юга; треть мили широты, отъ востока къ западу, и двѣ мили съ третью въ окружностъ. Его высшая точка надъ поверхностію моря, на восточной сторонѣ, имѣетъ около 200 футовъ. Западная часть менѣе возвышена. Разстояніе отъ Гельголарда до Куксгагена, при устьѣ Эльбы, имѣетъ около 35 англ. миль ври устьяхъ Везера и Ейдера 30 миль; его маякъ служитъ указателемъ всѣмъ кораблямъ, которые плывутъ къ этимъ рѣкамъ. Климатъ острова, умѣренный для сѣверной широты, гораздо теплѣе, нежели на островѣ Альдерменѣ, который находится 5 градусами ниже къ югу; непрерывныя морскіе, періодическіе вѣтры, недопускающіе равно холода и жару, дѣлаютъ воздухъ чище и здоровѣе. Морозы твердой земли не простираются до Гельголарда, гдѣ вода начинаетъ только тогда замерзать, когда ледъ, покрывая Эльбу, препятствуетъ плаванію. Дѣломъ, переломленіе лучей солнца отъ утесовъ къ домамъ и недостатокъ свободнаго теченія воздуха, дѣлаетъ совершенно нестерпимымъ пребываніе въ нижнемъ городѣ. Весной набѣгаютъ тучи. Пѣ-которые моряки замѣтили, что когда на Эльбѣ маленькій вѣтерокъ или даже совершенно тихо, — на островѣ бываетъ ужас-

ный вѣтеръ и на оборотъ; и это приписываютъ отчасти тому, что Гельголандъ образуетъ родъ защиты для ближнихъ береговъ. Жестокия бури были бы опасны для жителей верхняго города, безъ любопытнаго феномена; это потому, что вѣтеръ, который скользитъ по морю, ударяется объ скалы, надъ которыми онъ поднимается, прежде чѣмъ приметъ свое прежнее направление.

О почвѣ Гельголанда существуютъ различныя мнѣнія; но стоитъ ли она изъ вѣчной земли или изъ богатыхъ лѣсовъ, которые когда-то покрывали большую часть его поверхности, она изъ самыхъ плодородныхъ, а ея луга служатъ пастбищами для овецъ, которыхъ доятъ каждый день, и которыхъ зимою кормятъ изыскомъ рыбной ловли. Остальная часть острова покрыта овощами и небольшимъ количествомъ ржи; но малое пространство его не позволяетъ собирать и пятой доли жизненныхъ припасовъ для пропитанія жителей; и потому Гамбургъ составляетъ для нихъ драгоценную житницу, къ которой они обращаются въ случаѣ недостатка. Деревья, растущія на Гельголандѣ, расположены по берегамъ и у подошвы утесовъ, соединяющихъ верхнюю и нижнюю часть острова.

Одинъ или два маленькихъ источника, съ прекрасной водою, открыты недавно; но особенно обидны Гельголандцамъ этимъ предметомъ необходимой потребности. Вода была такъ рѣдка въ послѣднюю войну и сообщенія съ материкомъ были такъ трудны, что англійскій флотъ, вмѣсто того, чтобы получить помощь отъ острова, постоянно дѣлалъ съ нимъ свои прииски.

Въ части острова, предназначенной купальнымъ; есть колодезь, въ сорокъ футовъ глубины; и слѣдовательно иногда выше уровня моря, отъ котораго онъ находится на нѣсколько метровъ разстоянiя; но хотя вода его очень хороша, островитане, съ предразсудкомъ, употребляютъ ее очень рѣдко.

Маякъ, по своему возвышенному положенiю, одинъ изъ верныхъ зданiй, которыя усматриваются на большомъ разстоянiи. Иногда, говорятъ, огонь его видѣнъ съ устья Эмса, и онъ долженъ во всякое время быть замѣченнымъ; по-крайней-мѣрѣ, на тридцать миль. Когда Гельголандъ принадлежалъ Дании, гамбургскiй сенатъ, который еще и теперь извлекаетъ большiя выгоды изъ этого учрежденiя, содержалъ его на свой счетъ.

Народонаселенiе острова, простирающееся теперь до 2550 жителей, исключая иностранцевъ, прибавляющихся, но постоянно, несмотря на то, что много семействъ недавно переселились, въ недостатку работъ. Публичныя школы, основанныя въ высшей

городѣ, прекрасно управляются самымъ младшимъ изъ двухъ духовныхъ особъ, который получаетъ ежегодно 74 фун. стерл. содержанія (463 р. с.); плата же другимъ двумъ учителямъ не такъ высока, но пропорціональна занимаемому ими мѣсту. Эта школа содержится, частью пожертвованіями, частью небольшимъ сборомъ съ семействъ учениковъ, среднее число которыхъ простирается до 370. Тюрьма тоже построена въ верхнемъ городѣ; но къ счастью она рѣдко бываетъ занята.

Въ Гельголандѣ есть маленькій флотъ, составленный изъ десятка судовъ, отъ 30 до 60 тоннъ; которыя предпринимаютъ путешествія въ Англію, въ Норвегію или въ Балтійское море, и кромѣ того изъ 60 лодокъ для рыбной ловли, различной важности.

ПРИМАДОННА. (*Разсказъ Жюль-Зандо*).—Однажды вечеромъ въ одинъ изъ главныхъ веронскихъ отелей было замѣтно необыкновенное движеніе. Множество народа толпилось, не только въ домѣ, но и на дворѣ. Всѣ говорили съ жаромъ. Иностранецъ могъ бы подумать, что дѣло шло о какомъ-нибудь важномъ политическомъ событіи; но у Итальянцевъ, любящихъ страстно изящныя искусства; дебютъ пѣвицы; или успѣхъ оперы возбуждаютъ столько же интереса, сколько у насъ объявленіе войны, или что-нибудь подобное.

Такъ и въ этотъ вечеръ дѣло шло въ Веронѣ о возвращеніи на сцену синьоры Жинны, бывшей наслажденіемъ города, но въ продолженіе многихъ лѣтъ не являвшейся въ театрѣ. Всѣ повторяли ей нѣя, сопровождая виветатами: *Diva* и *Benedetta!*

Глубокое молчаніе замѣнило общій восторгъ. Взоры всѣхъ обратились на вошедшаго въ залу молодого человѣка, который молча прошелъ черезъ толпу, и опустился на прелураэманый стулъ. Онъ былъ хорошъ собою, но страненъ. Онъ положилъ подлѣ себя свой плащъ; правая рука его была спрятана на груди.

— Вальтерна! вскрикнулъ кто-то подлѣ него, ударивъ его по плечу.

Онъ не пошевеливался, только его большіе черныя глаза медленно обратились къ часовой стрѣлкѣ.

— Еще не время, прошепталъ онъ. И взглядъ его, на мигъ одушевленный, снова закрылся длинными рѣсницами.

— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ одинъ Французъ, только за часъ прѣбавшій въ Веронѣ.

— Это Вальтерна, отвѣчали ему.

— Офицеръ? продолжалъ Французъ, смотря на шпагу и усы молодого человѣка.

— Нѣтъ, отвѣчали ему,—это диллетантъ.

— Путешественникъ вокругъ свѣта, сказалъ другой.

— Сумасшедшій, бѣшеный, прибавилъ третій, удаляясь.

— Можетъ-быть не столь сумасшедшій, какъ думаютъ, сказалъ первый: но кто можетъ узнать правду? Это престранная исторія, которую никто не можетъ рассказать, кромѣ его самого.

Французъ, чрезвычайно изумленный видомъ Вальтерна, уступилъ чувству непреодолимаго любопытства, продолжая свои разспросы.

Одни говорили, что Вальтерна былъ безнадежно влюбленъ въ пѣвицу Жану, другіе, что онъ былъ счастливый любовникъ госпожи Р.

— Послушайте, сказали ему: если вамъ любопытно его узнать покороче, попробуйте заставить его говорить; можетъ-быть онъ вамъ окажетъ болѣе довѣренности, чѣмъ старому другу, а можетъ-быть онъ отвернется отъ васъ, не отвѣтивъ ни слова, потому-что онъ чуденъ, страненъ, необъяснимъ, но не золъ.

— До помѣшательства онъ былъ славный человѣкъ.

— Ступайте, поговорите съ нимъ о Жанѣ. Если онъ разговорится, то расскажетъ вамъ много любопытнаго; но не сохвѣтъ можно вѣрить его словамъ, потому-что онъ и самъ не всегда знаетъ, что думать о своей жизни.

Французъ сѣлъ подлѣ стола, гдѣ сидѣлъ Вальтерна. Тогда только ему показалось, что онъ видитъ его не въ первый разъ. Онъ старался вспомнить, когда и гдѣ видѣлся съ этимъ человѣкомъ, какъ вдругъ тотъ кинулся въ его объятія, называя его своимъ товарищемъ, своимъ любезнымъ Нюмъ.

При этомъ имени Французъ вздрогнулъ. Онъ мысленно перенесся ребенкомъ въ монпельесскую колегію, и прижалъ къ сердцу стараго товарища, котораго имя и лицо почти изгладились изъ его памяти, но характеръ котораго, мрачный и восторженный, неизгладимо запечатлѣвался въ воображеніи тѣхъ, которое его хотя однажды встрѣчали.

— Вы видите, что я очень измѣнился, сказалъ онъ своему другу послѣ первыхъ, вѣскольکو восторженныхъ изліяній двухъ сердець, нашедшихъ одно въ другомъ свидѣтельство о потерянномъ счастіи. Горе и болѣзнь имѣли на меня болѣе вліянія, чѣмъ годы.

Нюма освѣдомился о судьбѣ его, съ тою деликатною осторожностію, которая возбуждаетъ довѣренность, не вызывая ея.

— Жина! отвѣчалъ Веронецъ, и адская улыбка исказила его губы.

— Жина!... Вотъ вся моя исторія...

— Кто же эта Жина, которой имя находятъ здѣсь столько оттолосковъ? спросилъ Французъ.

— Вы этого не знаете? сказалъ съ горестію Вальтерна: это госпожа Р.

Нюма невольнымъ движеніемъ выразилъ свое удивленіе.

— Да, повторилъ Вальтерна: жена господина Р., вашего соотечественника. Развѣ вамъ не говорили, что онъ женился на пѣвицѣ?

— Правда, теперь вспоминаю.

— Жина! бѣдная Жинетта... сказалъ Веронецъ: всѣ завидовали ея счастью, она одна ему не вѣрила. Конечно, она могла бы сказать, какъ много скрывается живыхъ страданій подъ блескомъ богатства... Она была прежде такъ прекрасна!... молодая дѣвушка, пѣвшая асккой вечеръ на веронскомъ театрѣ, черпавшая жизнь и счастье въ аплодисманахъ публики, которую она чаровала своимъ волшебнымъ голосомъ, и которая, въ свою очередь, утомляла ее порывами своего восторга!... Дѣвушка, столь прелестная для взора, столь восхитительная для слуха, что нельзя было ее видѣть и слушать въ одно и тоже время. О! еслибы вы видѣли, какъ она выходила на сцену!.. Сперва холодная и прекрасная, какъ греческая статуя, она обнимала, такъ сказать, своимъ взглядомъ нѣмую, ожидающую толпу! Еслибы вы видѣли, какъ одушевлялось ея лицо! какъ дрожали уста! какъ волновалась грудь при первыхъ акордахъ! и какъ потомъ, ея чудный голосъ, вылетавшій гармоническими звуками, то тихо и нѣжно замиралъ, то раздавался сильно и страстно! Голосъ, потрясающій всѣ сердца, раздающійся во всѣхъ душахъ, освѣжая ихъ нѣжными мелодіями, или безжалостно терзая ихъ страшными, раздражающими звуками!... И я видѣлъ потомъ, какъ эта женщина, подобно бойцу, утомленному своей побѣдой, останавливалась, съ опущенными руками, съ потухшими глазами, и слышно было, какъ выдетало дыханіе изъ ея взволнованной груди... А толпа, нѣмая, пораженная, едва дерзала переводить дыханіе... и потомъ, зтотъ сонъ прерывался какъ-будто ударомъ грома... Все сливалось въ одинъ крикъ, въ одинъ восторгъ, и молодая дѣвушка улыба-

лась, ея дрожащія руки складывались на груди, и слезы счастья блистали на опущенныхъ рѣсницахъ....

Вальтерна молча склонилъ голову на грудь.

— Вы любите ея? спросилъ Французъ, сжимая его руку съ чувствомъ искренняго участія.

— Да, она была моею жизнію! отиѣчалъ молодой человекъ. Видѣть ее и слышать была вся моя радость. Пока я ее не зналъ, дни мои проходили скучно и однообразно, я жилъ безъ страстей, безъ мучацій, безъ желаній; я ее увидѣлъ, а ее услышалъ, и дни мои проходили въ одномъ нетерпѣливомъ ожиданіи вечера, а вечеромъ я чувствовалъ по мнѣнїю сдѣлать, что было рождеңъ для счастья...

Другіе любовались ею, я благословлялъ ее въ тайнѣ. Они приходили отъ нея въ шумный восторгъ, а я восхищался ею тихо, въ глубинѣ души... для нихъ она существовала только вечеромъ, мою же жизнь она наполняла всю... О, вы не знаете, что значить это скучное, однообразное существованіе, безъ потрясеній радости и страданій! Такимъ было и мое. Жизнь явилась мнѣ, и жизнь моя вспыхнула отъ ея взгляда, заснувшая душа проснулась отъ звуковъ ея голоса. Повѣрите ли вы, никогда рука моя не касалась ея руки, и думаю, что никогда мой взглядъ не встрѣчалъ ея взгляда, но она возбудила во мнѣ ощущенія, которыя вмѣстѣ и оживляютъ и убиваютъ.

Она сдѣлалась мнѣ необходима. Замѣтила ли меня Жина?... Молва о моемъ фанатическомъ восторгѣ дошла ли до нея?... Мечталось ли душѣ артистки, душѣ восторженной и чудной, о той душѣ, которую она наполняла радостями и блаженствомъ? я долго не зналъ этого. Но право, я почти не нуждался въ ея любви; моя собственная совершенно наполняла мое сердце, я былъ счастливъ... я думалъ, что любовь къ славѣ наполняла всю жизнь Жины и что въ ней не было мѣста другимъ страстямъ. Она плакала при кликахъ толпы, она смѣялась при словѣ любви; слѣдовательно, мнѣ нечего было опасаться соперника. Послѣ счастья любить ее, не было выше наслаженія, какъ быть любимымъ ею, но я удалалъ отъ себя эту мысль; я былъ увѣренъ, что она расточаетъ всѣ свои чувства къ публикѣ, что она всѣ ихъ бросаетъ на сцену.

Я уже разсказалъ вамъ мои первые земныя радости, не стану говорить ни о шумѣ, который произвела въ Веронѣ моя романтическая любовь къ Жинѣ, ни о страшныхъ выдумкахъ, которыя всякой позволялъ себѣ на мой счетъ. Обыкновенныя натуры никогда ни поймутъ того, что смѣло становится выше обы-

поведеной жизни, и какъ бы вѣста, что не могутъ цвѣтать, смѣются надъ тѣмъ. какъ надъ глупостью, или удивляются какъ сумасшествію...

Однажды, два путешественника, вездѣ скучавшіе, пріѣхали въ Верону. Младшій изъ нихъ былъ пустой человекъ, сомнѣвавшійся во всемъ, кромѣ своей красоты и умѣнья оболгать.

Старшій былъ господинъ де-Р., глубочайшій эгоистъ, пресыщенный удовольствіями, готовый на всѣ жертвованія, чтобы оцѣнить немного блѣдную и вдалую жизнь, которую онъ велъ уже болѣе десяти лѣтъ. Тогда всѣ кричали о примадоннѣ.

— Она будетъ моею! вскричалъ г. де-Р. въ одно утро.

Жина сдѣлалась его женою...

Не спрашивайте меня о причинахъ, побудившихъ ее пожелать на титулъ и богатство. Я никогда не могъ узнать ихъ. Думала ли она стать выше во мнѣніи свѣта, соединивъ новый блескъ съ блескомъ, которымъ ее окружалъ талантъ? Имѣла ли она слабость считать себя ниже женщинъ, превозносившихъ ее громко, и завидовавшихъ ей въ тайнѣ? Увы! Она была болѣе, чѣмъ онъ всѣ, и предпочла стать послѣднею изъ нихъ!...

Верона лишилась своихъ вечернихъ наслажденій. Жестокая горячка схватила меня, и я избавился отъ смерти только для того, чтобы мучиться.

Варваръ! Онъ разочаровалъ мою жизнь. И эта женщина, которая была для меня всего дороже въ моихъ сладостнѣйшихъ мечтахъ, принадлежала ему, онъ одинъ владелъ ею! Я хотѣлъ умереть. — Я даже не имѣлъ утѣшенія видѣть ее счастливою, чтобы смягчить горестъ, наполнявшую мой думъ.

Бѣдная Жина! Растеніе, двѣтущее на горахъ, вѣдетъ въ тѣни долинъ. Свадьба ея была великолѣпна, но груста. Всѣ завидовали счастію Жины, она одна приняла его съ трепетомъ. Съ перваго дня, она почувствовала тѣсноту своей новой судьбы.

Прости жизнь артистки, столь полная и столь пламенная! Простите волненія театра, упоеніе славы! Наступила долгая дожительность жизни, холодная и сухая. Бѣдная женщина! Блескъ и изобиліе не могли составить ея счастія, для ея артистической души нужно было болѣе дѣятельности, болѣе простора!...

Щеки ея впали, и большіе голубые глаза оттѣнились темною каймою... груста безъ печалей, она и веселилась безъ радостей.

Если иногда вечеромъ, на балѣ, въ своихъ блестящихъ салонахъ, въ которые собиралось все веровское дворянство, она предавалась влеченію своего таланта, если она снова находила свои пламенные вхопновенія, тогда бы вы увидѣли, какъ вспыхивали ея щеки, какъ одушевлялись глаза. Что-то вдохновенное блестяло въ ея взглядахъ. О какъ она была еще прекрасна! Тогда ее окружали, хвалили ее, но взгляды ея вдругъ потухали, и голова грустно опускалась на грудь...

Эти похвалы не походили на тотъ вѣмой восторгъ, то молчаніе, тотъ трепеть, который прѣисуществовалъ ее на сценѣ. Уже это были не тѣ женщины, дышущія ея страстью, плачущія ея слезами, не было уже тѣхъ платковъ, разбивавшихся въ воздухъ, той люстры, блестящей тысячею огнями подъ высокимъ сводомъ, не было дождя цвѣтовъ, падающихъ къ ея ногамъ; уже это были не тѣ восторги, которые вызывали ее на сцену. Въ салонахъ все было чинно, холодно и равнодушно.

Напрасно старалась она преодолѣть свою задумчивость, напрасно начинала пѣть живыя и веселыя арии; если пальцы ея пробѣгали по клавишамъ ройяла, если она принуждала свой голосъ къ скорымъ и живымъ напѣвамъ, скоро, одинокая, среди удивленной толпы, она возвращалась къ своимъ чернымъ мыслямъ, безпрестанно ее волновавшимъ; пальцы ея тихо брали жалобные акорды, голосъ слабѣлъ, звуки чудной гармоніи глухо вылетали изъ ея груди, а пѣніе, начатое веселіемъ, замрало тоскою...

Скоро положеніе ея стало хуже. Напрасно мужъ окружалъ ее всѣми наружными благами жизни, тѣшилъ всѣмъ, что можетъ доставить богатство; каждый день уносилъ ея красоту... счастье же ея давно уже улетѣло...

Вальтерна прервалъ разговоръ, провелъ нѣсколько разъ рукою по высокому лбу, посмотрѣлъ на часы, и продолжалъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Голосъ его былъ взволнованъ, порою лицо его сіяло радостью. Казалось, сердце его кипѣло нетерпѣніемъ.

— Я путешествовалъ въ надеждѣ разсѣяться, но возвратился несчастнѣе прежняго. Образъ Жинны преслѣдовалъ меня повсюду, какъ мой геній—губитель, неразрывный спутникъ моей жизни, какъ страданіе, сроднившееся съ моимъ сердцемъ. Я находилъ Жинну вездѣ! Вездѣ мнѣ слышался ея голосъ, въ шумѣ вѣтровъ, въ роптаніи волнъ, въ безмолвіи степи. Солнце горячихъ песковъ жгло меня своимъ огнемъ, до изнеможенія

скитался я по утесамъ, спалъ на вершинѣ снѣжныхъ горъ, и вездѣ жилъ только ея воспоминаемъ...

Сердце мое очерствѣло, мой характеръ ожесточился, я возвратился въ Верону съ душею, умершею для нѣжныхъ ощущений. Въ театрѣ, гдѣ я нѣкогда наслаждался жизнью, въ мѣстахъ, гдѣ упивался блаженствомъ, я чувствовалъ только ревность....

Бѣдная Жина потеряла разсудокъ.

Мужъ объявилъ ее сперва сумасшедшей; потомъ сумасшедшую онъ обвинялъ въ неблагодарности. Его душа негодовала на все, что портило его вялое счастье. Было время, когда бѣдная женщина вставала каждую ночь, и блѣдая, молчаливая, медленно одѣвалась, завивала свои длинные черные волосы, и съ грустной улыбкой взглянувъ въ зеркало, отражавшее нѣкогда молодое и прекрасное ея лицо, она проходила всѣ огромныя залы своего палаццо, и вдругъ останавливалась, воображая себя на сценѣ, думая видѣть восторженную публику, вѣнки, падающіе къ ея ногамъ; она попеременно дѣлалась: Авной, Жюльетой, Аменандой; голосъ ея раздавался подъ обширными сводами, самыя плѣнительныя звуки вылетали изъ ея груди, и гармоническія рѣчи, подобно струѣ, текущей по гладкимъ камнямъ, текли сладостно и ровно.

Говорятъ, что иногда, когда она замолкала, ея безпокойный, дикій взглядъ, казалось, вопрошалъ толпу, чтобы она отвѣтила крикомъ на мертвое молчаніе, царствовавшее вокругъ и потомъ она падала, холодная, какъ камень, о который часто ударялась головою....

Увѣряютъ, что въ это время и я помѣшался. Это вздоръ; только странная мечтательность овладѣла мною. Не знаю, по чему мнѣ стало казаться, что Жина меня любила, что во времена счастливыя я отдыхалъ близъ нея, что она и теперь еще звала меня....

Что мнѣ сказать вамъ еще? Я былъ ужасно несчастливъ.

Самъ не помню зачѣмъ, я, въ одинъ вечеръ, когда князь де Р. давалъ праздникъ вельможамъ Вероны, вмѣшался въ блестящую толпу, тѣснившуюся у его дворца, и незамѣченный, пробрался между мраморныхъ колоннъ. Вскорѣ душистая свѣжесть вечера пахнула мнѣ въ лицо, и я очутился въ огромномъ пустомъ саду.

Долго бродилъ я мрачный и задумчивый, подъ звуки мандолинны, полъ напѣвы тарантелы, и когда я разсѣялъ немного

мучительныя мысли, шумъ праздника уже умолкъ, огни были погашены, и палатки высидѣя предо мною безмолвныя, какъ могила.

Освѣщенный вечернимъ воздухомъ, доносившимъ до меня ароматы цвѣтовъ, съ головой немного успокоенной и отлохнувшими чувствами, смотрѣлъ я на фасадъ, не стараясь дать себѣ отчета о мѣстѣ, гдѣ я находился, и о причинахъ, которыя меня туда привели, какъ вдругъ я замѣтилъ между широкихъ, желѣзныхъ рѣшетокъ мерцаніе дрожащаго, бѣловатаго огня, бросающаго отблескъ на бархаты занавѣсовъ....

Въ тишинѣ ночи раздался голосъ, и вѣтеръ какъ-бы съ воплемъ ударялъ въ стекла, которыя, въ то же время освѣщенные луною, блистали тысячами серебряныхъ огней.

Я вздрогнулъ, это былъ ея дивный голосъ!..

Я почувствовалъ, что мое пробудившееся сердце такъ же замерло восторгомъ, какъ въ былые дни счастья. Это была Жина! Я опять слышалъ ее! Множество тяжелыхъ дверей со стукомъ затворились, голосъ приближался все чище и звучнѣе, по травѣ пробѣжала легкая зыбь, пѣ-за деревьявъ послышался шелестъ платья, и я увидѣлъ сквозь марты и лимонныя деревья, что Жина тихо приближалась, блѣдная, съ распущенными волосами, освѣщенной луной, скользившей по ея бѣлой одеждѣ....

Появленіе ея меня поразило, и я оставался недвижимъ, съ распростертыми къ ней руками. Руки ея были обнажены, плеча въ половину закрыты, и тонкая легкая ткань рисовала стройный станъ этого существа, такъ давно страдавшаго....

Она шла на сырой дернъ, и небрежно облокотясь, грустными и жалобными голосомъ запѣла романсъ Дедемоны. Это была Дедемона Шекспира, задумчивая, какъ ночь, которая, казалось, стояла вмѣстѣ съ нею. Дедемона, предчувствующая свою ужасную участь, предсказывающая ее каждымъ звукомъ, каждымъ взглядомъ. Я слушалъ ее въ нѣмомъ упоеніи. Вдругъ она пронзительно вскрикнула, я содрогнулся. Она увидѣла въ тѣни деревьявъ фигуру приближающагося къ ней жестокаго и холоднаго убійцы....

О, надо было видѣть ее, непритворную, какъ страхъ ребенка, или гордую, какъ само презрѣніе! Какъ она переходила отъ умоляющаго страха смерти, къ негодованію, поражающему своимъ чувствомъ достоинства оскорбленной женщины! И потомъ какъ молодая дѣвушка, жаждущая любви и прощенія, она простирала свои прекрасныя руки, какъ бы желая ки-

нуться на шею жестокому, грозить ему, опять молить его, и потомъ безчувственно упасть къ его ногамъ, трепетною, какъ голубка подъ страшными когтями коршуна! А ея моленія, ея жалобные крики, если бы вы ихъ слышали!

И въ минуту, когда привязанность къ жизни развивала всѣ свои силы, въ ту минуту, когда голосъ ея потрясалъ душу раздирающей гармоніей звуковъ. Она остановилась, какъ бы пораженная электричествомъ, съ безпокойнымъ взоромъ, протянутой шеей, неподвижная, и холодная, какъ мраморная статуя.

— Оркестръ нейдетъ, прошептала она медленно, свѣтъ блѣднѣетъ, все нѣмо кругомъ меня!... О Боже мой! вскричала она съ отчаяніемъ: и онъ тоже!... И рука ея, казалось, хотѣла указать мѣсто, куда съ грустію были устремлены ея глаза. Онъ тоже молчитъ! онъ, кому я была жизнію, прибавила она таинственнымъ голосомъ.... Но отъ чего же?...

Я горѣлъ... я бросился къ ней, я хотѣлъ привлечь ее къ себѣ, но только что я коснулся до ея одежды, какъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и въ чертахъ ея изобразилось невыразимое страданіе, обдавшее меня ужасомъ.

— Останься! о останься! кричалъ я, Жина! Я такъ много страдалъ! Подойди! о подойди ближе ко мнѣ... Жина! одинъ звукъ твоего голоса искупилъ всѣ муки, всѣ терзанія, все!

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, и приложивъ одну руку къ сердцу, другою поводя по лбу, казалось, вспоминала что-то.

— О! я тебя хорошо знаю, сказала она....

Взглядъ мой сверкалъ, голосъ дрожалъ, земля кружилась подо мною. Я хотѣлъ заключить Жину въ свои объятія, но она пронзительно вскрикнула, и вырвавшись изъ моихъ рукъ, какъ тѣнь исчезла за деревьями.

Напрасно я бѣжалъ за нею; луна не свѣтила болѣе, ночь была темная. Сумасшедшій, я перескочилъ чрезъ заборъ сада, и долго безъ цѣли бѣгалъ по веронскимъ улицамъ.... Когда я возвратился домой, у меня была лихорадка. Не знаю, что стало со мною послѣ; дни проходили, я не замѣчалъ ихъ теченія.

Возвращенный къ жизни и разуму, я не переставалъ думать о этой чудной, таинственной ночи.

Я вспоминалъ, что прежде вся Верона говорила о симпатической ко мнѣ страсти примадонны. Недовѣрчивый, какъ и прежде, я улыбался при этомъ воспоминаніи, но, по-крайней-

мѣръ, я не былъ для нея незамѣченнымъ, я оставилъ въ ея жизни воспоминаніе о себѣ, я не прошелъ мимо ея, какъ день, замѣняющійся другимъ днемъ, который забывается въ свою очередь. Потомъ ужасная неизвѣстность поселила во мнѣ тысячи страданій. Я думалъ о моемъ помѣшателствѣ, думалъ, что эта ночь была дѣйствиємъ моего разстроеннаго воображенія, и сомнѣвался въ истинѣ. — Моя бѣдная голова была слишкомъ слаба, чтобы вмѣстить такое счастье; я отвергалъ мои надежды, но все таки мнѣ мнилось какое-то невыразимое счастье, и о какихъ-то сладкихъ снахъ вспоминало сердце.

Какъ скоро силы моя возстановились, первымъ желаніемъ моимъ было посѣтить театръ, куда прежде я приходилъ почти жить. Съ трудомъ приобрѣлъ я въ него и въ изнеможеніи сѣлъ на послѣднюю скамейку. Воспоминаніе о Жанѣ еще живо наполнило пустую залу, и все прошедшее воскресло предо мною.... Къ чему говорить вамъ о моей радости и страданіи? Кто не возвращался послѣ тяжкихъ дней грозы и ненастья, къ мѣстамъ, гдѣ протекли его лучшіе годы? Кто не плакалъ тамъ, на гробахъ невозвратно утраченнаго?

Занавѣсъ еще не поднимался, еще не раздались звуки увертюры, какъ вдругъ какой-то ропотъ пробѣжалъ по всему собранію. Взоры всѣхъ обратились съ участіемъ, съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ жалостью къ ложѣ на аван-сценѣ, въ которую вошла молодая женщина, закрытая вуалью. Мнѣ не нужно было слышать ея имя, чтобы узнать ее....

Я не слушалъ оперы, не смотря на то душа моя сочувствовала звукамъ превосходнаго творенія.

Я приблизился къ ложѣ, гдѣ Жина болѣзненно наслаждалась чужимъ торжествомъ. Тамъ, близь нея, я какъ-бы считалъ бѣненіе ея сердца. Пѣвица, игравшая роль Доны-Анны въ Донъ-Жуанѣ, была осыпана рукоплесканіями: я грустно качалъ головой, мнѣ было досадно, я ревновалъ, какъ-будто-бы слава Жины принадлежала мнѣ, какъ-будто значило похищать ее у меня, отдавая другой.

Но Розетта была подруга Жины, моложе ея нѣсколькими годами, она училась у нея пѣнію, ей обязана она была своимъ талантомъ, своимъ успѣхомъ, и можетъ-быть, даже возвышеннымъ чувствомъ великодушной и деликатной благодарности. Жина ободряла ее взглядомъ и жестиами. Успѣхъ молодой дебютантки былъ полный. По окончаніи пьесы она была вызвана и увѣчана. Тогда скромно и трогательно она приблизилась къ ложѣ на аван-сценѣ, и отдала вѣнокъ своей подругѣ,

отказывавшейся отъ него. Я поднялъ его, когда онъ выналъ изъ рукъ Розетты, и нагнувшись къ той, отъ которой меня отдѣляла только легкая перегородка, надѣлъ ей на голову, вскричавъ:

— «Живѣ! Живѣ!

Громъ рукоплесканій отвѣчалъ мнѣ. Жина встала слабая, тронутая; но сіяющая радостью. Опершись одной рукою о мое плечо, среди упоенія своей славы, она подарила меня долгимъ, выразительнымъ взоромъ, и уста ея тихо прошептали мое имя. Но тотчасъ же она была увлечена г. де Р., который оставался мраченъ и недоволенъ. во все время этой сцены, и спѣшилъ оторвать жену отъ мгновенныхъ минутъ, такъ давно невѣданнаго счастья.

Такъ это не былъ сонъ? видѣніе моихъ тревожныхъ ночей? Жина знала мое имя, мою любовь, быть можетъ! Она помнила даже, что говорила со мною въ одну изъ своихъ безумныхъ ночей! Быстрая надежда оживила меня. Я дѣлалъ предположенія, какъ здравый человѣкъ, я понималъ, что происходило вокругъ меня. Жина умирала. И дни и ночи я придумывалъ средства возвратить ее къ жизни. Мнѣ говорили о знаменитомъ докторѣ, пріѣхавшемъ изъ Лондона, и остановившемся въ этомъ отелѣ. Я пошелъ къ нему.

— Если вы спасете, ее, сказалъ я ему, то я вашъ. Не только все имѣніе мое будетъ принадлежать вамъ, но жизнь моя, все будетъ платой за ея спасеніе!

Докторъ разспросилъ меня. Онъ уже былъ у г-жи де Р., и нашелъ ее въ послѣднемъ періодѣ болѣзни, которой причина была ему неизвѣстна.

— Развѣ вы не видите, сказалъ я ему, что это душа артистки, жадная сильныхъ ощущеній, томится и умираетъ внѣ сферы артистической жизни. Артистка сдѣлалась свѣтскою женщиною, и удивляются, отчего Жина умираетъ отъ скуки. Ей нужна слава, возвратите ее къ ея стихіи, и она снова зацѣлится.

Докторъ говорилъ объ этомъ ея мужу. Онъ обѣщалъ все для ея спасенія. Надежда и радость немного подкрѣпили Жину. Сегодня вечеромъ она возвращена театру, Веронѣ, жизни, чрезъ минуту я ее услышу.... Другъ мой! скажите мнѣ, умираютъ ли отъ счастья?...

Часы пробили семь. Толпа кинулась изъ отела, и хлынула въ театръ. Вальтерна прицѣпилъ шпагу, накинулъ плащъ, судорожно схватилъ за руку Француза, и сѣлъ подлѣ оркестра.

Увертюра изъ Ромео и Жюльеты кончилась, медленно взвися занавѣсъ, и оркестръ умолкъ. И такъ было велико безмолвіе, царствовавшее въ залѣ, что долго можно было слышать гулъ послѣднихъ акордовъ, носящійся подобно легкому облаку надъ неподвижной толпой. Когда вошла Жина, всѣ лица прояснились, и быстрымъ движеніемъ толпа встала какъ одинъ человекъ. Ни одного крика, ни одного ропота; она была нѣма. Не было ни радости, ни восторга, было умиленіе и жалость. И какъ видъ всѣхъ этихъ лицъ, подернутыхъ общою одинаковою горестью, былъ трогателенъ!...

Жина приблизилась тихими шагами, худая, съ потухшимъ взоромъ, со впалыми щеками, но прекраснѣе чѣмъ когда-либо, прекрасная своими долгими страданіями, своею жизнью безъ славы, прекрасная, какъ молодая женщина, только что скнувшая трауръ, блѣдная, съ горящими отъ слезъ глазами. Но когда она подошла къ краю сцены, и просто наивно склонилось, тогда какъ громъ, падающій съ трескомъ на заснувшій городъ, толпа загремѣла разомъ. Огонь люстръ вспыхивалъ и дрожалъ отъ криковъ восторга; цвѣты сыпались къ ея ногамъ, ложи блистали драгоценными камнями, розовые и бѣлые шарфы развѣвались въ душистомъ воздухѣ.

Жина была тогда невыразимо хороша... съ блестящими глазами, пожираемая вдохновеніемъ, подъ томящимъ ее гениемъ! Пружины ея пламенной души получили все увлеченіе, всю свѣдость молодости, сильнѣе и огненнѣе, чѣмъ когда-нибудь, подобно эластической силѣ, долго сжатой, которая дѣйствуетъ тѣмъ съ большею силою. Какъ она была хороша, съ своимъ блѣднымъ, страстнымъ лицомъ, съ грудью трепещущею отъ деторщянія звуковъ!...

Она играла, какъ никогда не играла въ счастливые дни своей жизни.

Во все продолженіе пьесы, увлеченная аплодисманами публики, она была выше всего, что Италия заключала въ себѣ гениальнаго и мелодическаго. Сама удивленная могуществомъ своихъ силъ, она сказала Розеттѣ въ послѣднемъ антрактѣ, что ей казалось, будто не ея, а какой-то другой сильный и могучій голосъ игралъ за нее. Розетта играла роль Ромео. Ея прекрасный голосъ, контральто, звучный и громкій, былъ обработанъ стараніями г-жи де Р., и теперь Розетта раздѣляла ея славу, восторгъ и вдохновеніе. Она сама уложила ее въ гробъ, въ которомъ въ послѣднемъ актѣ лежитъ спящая Жюльета. Распусти-

ла ея длинныя черныя волосы, надѣла ей на голову вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, и поцѣловавъ ее съ нѣжностью, сказала:

— «Счастливая! и излеченная!»

Жина улыбулась ей, прижавъ ее къ сердцу.

Толпа ждала.

Занавѣсъ поднялся при грустныхъ акордахъ погребальнаго пѣвья. Ромео является, поетъ прелестный речитативъ послѣдняго акта, снимаетъ крышку съ гроба, находитъ тамъ свою возлюбленную, вмѣсто убитаго вмѣ врага, ломаетъ руки съ ужасомъ и отчаяніемъ, выпиваетъ ядъ, долженствующій соединить его съ Жюльетой, подходитъ къ ней, чтобы сказать послѣднее прощаніе, приподнимаетъ ее....

Тутъ изумленная публика встала.

Розетта съ ужасомъ вскрикнула, и тѣло, которое она приподняла, тяжело опустилось въ гробъ, гдѣ должна была проснуться Жюльета.

Жюльета не просыпалась....

Столько давно невѣданныхъ потрясеній души, такъ давно желаемыхъ, вновь найденныхъ и съ такою силою ощущенныхъ, разбила это тѣло, истомленное болѣзнію.

Жина умерла при тихихъ, погребальныхъ акордахъ Зингарелли, среди послѣдняго и прекраснѣйшаго изъ своихъ триумфовъ.

Вальтерна, стеноя отъ горести, умеръ у ногъ Жюльеты....

ТРИ РАКАНА. — *Анекдотъ.* — Дѣвица де-Курне была одною изъ тѣхъ женщинъ, пабитыхъ знаціемъ и умомъ, которыя всѣ погружаются въ высшія науки, говорятъ какъ Пикъ Мирандольскій, *de omnī re et quibusdams aliis*, и вочитаютъ себя глубоко свѣдущими, потому что читаютъ, (ничего впрочемъ не понимая) философію Декарта или Кассенди.

Если вѣрить ея современникамъ, ничто на свѣтѣ не было такъ ложно, какъ ея сужденіе о чемъ-нибудь, и такъ смѣшно, какъ ея притязанія. Дѣвица де-Курне, однимъ словомъ, была, какъ говорится по-русски, *пребезалаберная* женщина, неспособная даже позабавить кого-нибудь на свой счетъ, но которой однообразное помѣшательство заставило бы потерять терпѣніе и умереть со скуки наблюдателя самаго терпѣливаго.

Въ одно прекрасное утро дѣвица, де-Курне, проснувшись съ позаранокъ, задумалась о томъ, что ей недовольно однихъ познавій, а необходимо также посѣщать всѣхъ знаменитыхъ по-

этовъ и гениевъ, какіе только найдутся въ столицѣ. Это разсужденіе произошло потому, что съ нѣкотораго времени она влюбилась заочно по уши въ нѣкотораго Онората де-Косель, извѣстнаго преимущественно подъ именемъ маркиза де-Ракави, который отличался, какъ извѣстно, маленькими стихами, пропитанными, до послѣдней запятой, цвѣтами любезности.

Никогда не выдавъ его, сіяющей умъ въ женскомъ платьѣ, сходилъ отъ Ракова съ ума, и рѣшился, во-что бы ни стало, увидать его.

Намѣреніе было немаловажно, а дѣвица де-Курне очень нетерпѣлива.... Что дѣлать?

— Написать къ нему? думала она.

Опасно!

— Попросить пріѣхать?

Какъ-то тоже очень смѣло!...

— Ожидать случая?

Но если онъ никогда не представится?

Старая дѣва была въ самомъ затруднительномъ состояніи, когда дверь ея будуара отворилась съ тѣмъ шумнымъ порывомъ, который означать приходъ друга или самаго короткаго знакомаго.

— Кавалеръ де-Росни! вскрикнула дѣвица де-Курне.

— Онъ самый, очаровательная муза, отвѣчалъ де-Росни, взявъ руку старой дѣвы и цѣлуя ее. Развѣ вы не ожидали меня? Развѣ вы не знаете, что вдали отъ васъ я вяну и умираю?

Но на эти нѣжныя чувства, выраженные такъ краснорѣчиво, дѣвица де-Курни отвѣчала только односложными словами и подавленными вздохами. На лицѣ ея была рѣзко написана сильная озабоченность, и де-Росни тотчасъ замѣтилъ, что честь эта принадлежитъ совершенно не ему.

Ему захотѣлось узнать тайну этого волненія; онъ настаивалъ, чтобы ему дозволено было участвовать въ ней, и дѣвица де-Курне наконецъ призналась, что она была подъ гнетомъ одной преобладающей думы.

Новыя просьбы, новыя настоянія со стороны кавалера де-Росни.

Наконецъ истина вылетѣла изъ устъ старой дѣвы.

— Только-то! сказалъ кавалеръ, котораго наморщенные брови совсѣмъ не согласовались съ принужденною улыбкою. Богъ мой! почему же вы такъ долго молчали. Ракави одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей; мы почти каждый день обѣдаемъ вмѣстѣ.

Будьте покойны; я передамъ ему ваше желаніе, и онъ почтетъ первую обязанностію, не медля положить къ ногамъ вашимъ, дань уваженія.

— Вы полагаете?

— Увѣренъ.

— А когда же это будетъ?

— Нынче же!

Дѣвица де-Курне не слыхала подъ собою земли отъ радости, и подавила кавалера всѣмъ игомъ своей искренней благодарности, но Росни принялъ эту благодарность съ такою сухостию, которая не предвѣщала ничего добраго, и ушелъ, подтвердивъ положительно свое обѣщаніе.

Кавалеръ былъ нѣжнымъ вздыхателемъ дѣвицы де-Курне. Онъ вышелъ отъ нее убѣжденный, что старая дѣва была влюблена не въ самаго Ракана, но въ молву о немъ, и рѣшился сыграть съ нею какую-нибудь дурную шутку. Проникнутый этимъ намѣреніемъ, онъ отправился къ одному изъ друзей своихъ, виконту Морваннъ, обычному товарищу всѣхъ забавъ, который былъ изъ числа людей, никогда не отказывавшихся отъ случая надъ кѣмъ-нибудь посмѣяться. Многіе увѣряли даже, что на совѣсти Морванна были даже такія шуточки, которыя, въ иное время, очень легко могли ему стоить дорого.

Росни рассказалъ ему свиданіе съ дѣвицею де-Курне, не скрывая намѣренія отмстить ей за оказанное пренебреженіе.

Морваннъ, въ этихъ случаяхъ, былъ другъ преданный и человѣкъ съ самымъ находчивымъ воображеніемъ. Онъ ударилъ себя по лбу, какъ бы желая выбить оттуда какую-нибудь блестящую мысль; она не замедлила.

Росни вспрыгнулъ отъ радости, и просилъ Морванна сообщить ему счастливую находку свою. Но Морваннъ ограничился только однимъ загадочнымъ отвѣтомъ.

— Иди домой, кавалеръ, не заботься ни о чемъ и предоставь мнѣ дѣйствовать. Только слѣдай одолженіе, побывай завтра въ улицахъ и кварталѣ Magais. Тамъ ты уже получишь свѣдѣнія о чувствительной Курне и Раконѣ; это говорю тебѣ я, виконтъ Морваннъ.

Росни покорился необходимости, остаться въ невѣдѣніи, по крайней-мѣрѣ, на сутки, и чрезъ часъ, послѣ его свиданія съ де-Морванномъ, дѣвицѣ де-Курне уже докладывали о маркизѣ Раканѣ.

При этихъ словахъ дѣва энтузіастка, чуть было не упала въ обморокъ, но разсудивъ, что ей есть еще что дѣлать побла-

разумѣе этого, спѣшила броситься навстрѣчу знаменитому посѣтителю.

Волненіе отняло у нея даръ слова, и она знаками объяснилась съ Раканомъ. Есть крайности, въ которыя гениі иногда впадаютъ!

Послѣ этого немного вѣжнаго вступленія, строгій элементъ взялъ-таки верхъ. Дѣвица де-Курне покатила какъ колесо съ горы: начала говорить о трагедіи, о комедіи, Мазаринѣ, о дворцѣ Рамбуллѣ, о Фрондѣ, о модныхъ колокольчикахъ, и ея слушатель на всякій ея вопросъ, замѣчаніе или мысль, имѣлъ уже на языкѣ готовый отвѣтъ. Морваннъ выдерживалъ свою роль съ удивительною находчивостью.

Дѣвица де-Курне стала умолять его прочесть ей кое-какіе стихи, и Морваннъ, во всю жизнь свою не подобравшій ни одной рѣимы, на удачу началъ декламировать что-то изъ Монтюбана и Гомбервиля, стихи, но его понятіямъ, самой послѣдней новости и прелести.

Восклицаніямъ и удивленію не было конца.

Но всякой пирушкѣ есть также конецъ, говорить по-словида, какъ есть конецъ всему въ этомъ мірѣ. Знаменитому автору нужно ѣхать; его ждуть въ десяти обществахъ, рвутъ его на части; онъ должевъ волею и неволею удовлетворить всѣмъ, чтобы не нажить враговъ. Дѣвица де-Курне, рѣшается наконецъ отпустить его, взявъ съ Ракана честное слово возвратиться къ ней завтра.

Морваннъ общается все, соглашается со всѣмъ, что отъ него желаютъ, и уходитъ сопровождаемый самыми лестными и нѣжными изъявленіями дружбы.

Между-тѣмъ, не прошло и часу со времени отъѣзда очарователя, и дѣвица де-Курне не успѣла еще совершенно прохладиться отъ внутреннего артистическаго жара, какъ вошелъ лакей, и разинувъ ротъ отъ недоумѣнія, сказалъ ей, что въ передней какой-то господинъ, весь облитый золотомъ и укутанный въ бархатъ, проситъ позволенія представиться, называя себя маркизомъ Раканомъ.

— Какъ! опять онъ; онъ уже возвратился! вскрикнула дѣвица де-Курне, обезумѣвъ отъ радости.

— Нѣтъ, сударыня, это другой маркизъ.

— Какъ другой?

— Такъ другой—совершенно другой господинъ Раканъ.

— Что ты говоришь? Ты, кажется, сошелъ съ ума или спишь стоя?

Лакей подтвердилъ истину не словами, а фактомъ, отворивъ дверь.

Вошелъ новый Раканъ.

Видя предъ собою совершенно новое лицо, дѣвица де-Курне задумала—было опять кое-что въ родѣ обморока, но разсудивъ, что онъ нисколько не поможетъ ей къ раскрытію истины, заблагоразсудила повѣрить самозванца и принять его, вполнѣ увѣренная, что онъ самъ себя обличитъ словами, мыслями, или чувствами.

Съ самую любезною улыбкою она приглашаетъ поэта сѣсть въ кресло.

Маркизь усѣлся.

Что это?... обманъ ли зрѣнія? предубѣжденіе ли? Дѣвицѣ де-Курне показалось, что этотъ новый Раканъ слишкомъ неуклюжъ, слишкомъ неповоротливъ и невѣжливъ для маркиза изъ такой старинной и модной фамиліи. Какъ широко на немъ платье! Какъ онъ смѣшно и неграціозно сѣлъ!

Но такъ какъ дѣвица де-Курне рѣшилась не спѣшить своимъ приговоромъ, и притомъ же, человѣку свойственно ошибаться, то и она старалась себя увѣрить, что именно эта самая неловкость, при первой встрѣчѣ, и есть истинное доказательство неподложности втораго маркиза.

— Люди, подумала она, бываютъ иногда такъ неловки въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни... примѣръ тому...

И она начала набирать въ умъ множество примѣровъ.

Но вотъ маркизь открылъ ротъ, и началъ говорить; его гений просыпается; его восторженность обнаруживается.

— Слава Богу, думаетъ старая дѣва: наконецъ я постигаю, что вижу предъ собою ученика Малерба. Какой блескъ! какой приливъ и отливъ самыхъ оригинальныхъ, неслыханныхъ мыслей, странныхъ по выраженію и оборотамъ слова! Сколько въ нихъ простыхъ, деревенскихъ цвѣтовъ, но столь благоухающихъ; онъ такъ и дышать и пламенемъ. Вотъ разговоръ, который я люблю! Вотъ краснорѣчіе, о которомъ я столько мечтала.

Дѣвица де-Курне была въ восторгѣ.

Правда, выдавались минуты, когда поэтъ, желая полюбезничать, начиналъ говорить старой дѣвѣ такіе дикіе компліменты,

что она принуждена была краснѣть, и не смотря на все свое уваженіе къ гению и дарованіемъ маркиза, чуть не выходила изъ себя отъ его грубой фамиліарности.

Но она тотчасъ же успокоивалась, почитая все за истину и не смѣя даже предполагать, чтобы такой знаменитый и нѣжный поэтъ осмѣлился ей смѣяться прямо въ глаза.

Первое изъ двухъ предположеній скоро истребило всю ея брюзгливость.

Когда дѣвица де-Курне вполне убѣдилась, что маркизь де-Раканъ (номеръ второй) есть одинъ истинный и неподложный де-Раканъ, она уже не могла удержаться отъ откровенности, и рассказала ему оригинальный обманъ, въ который невольнѣ вдалась за часъ предъ его появленіемъ.

— Можетъ ли это быть! вскрикнулъ поэтическій маркизь, взбивая свою прическу, и вы, очаровательница, не имѣете никакихъ признаковъ, чтобы отыскать обманщика?

— Боже мой, отвѣчала, нѣжно дѣвица де-Курне: я право не знаю.... но вы совершенно заставили меня забыть его.... Я только помню, что у него были пренеловкіе приемы....

— Какой-нибудь камердинеръ изъ хорошаго дома, бьюсь объ закладъ!...

— Очень можетъ быть.... увѣрены ли вы въ своихъ людяхъ?...

— Можно ли быть постоянно въ нихъ увѣрену! Э! да постоите.... Клянусь честью, я бы нисколько не былъ удивленъ, прекрасная пастушка, еслибъ встрѣтилъ здѣсь своего конюха.

— Конюха?

— Да, клянусь честью!

— Какой ужасъ!

— Впрочемъ, этотъ малый не безъ достоинствъ и, говорятъ, имѣетъ большую склонность къ комедіи, до такой степени, что часто позабываетъ накормить лошадей, предпочитая имъ общество въ бургундской гостиницѣ. Онъ въ состояніи былъ явиться къ вамъ подъ моимъ именемъ, узнавъ, что я имѣлъ честь получить отъ васъ приглашеніе.

— Но вѣдъ это злодѣйство! вскрикнула де-Курне.

— Да, этотъ поступокъ требуетъ наказанія, и будьте увѣрены, я не оставлю этого дѣла такъ, даю вамъ мое слово.

Слова эти успокоили немного нервы дѣвицы де-Курне. Она начала расточать своему драгоцѣнному поэту самыя нѣжныя ласки и удивленіе къ его гениальному дарованію.

Она прочла ему наизусть всѣ его пасторальныя стихотворенія, продекламировала всѣ его оды, стансы, сонеты, о которыхъ онъ не имѣлъ самъ никакого понятія, однако же слушалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ.

Восторгъ дѣвицы де-Курне не помѣшалъ ей впрочемъ замѣтить, что маркизъ довольно часто оборачивалъ голову и посматривалъ на часы.

— Вы спѣшите, сказала она Ракану, растроганнымъ голосомъ.

— Да, меня ждетъ одна герцогиня, отвѣчалъ маркизъ очень серьезно. Потомъ я поѣду во дворецъ кардинала.

Дѣвица де-Курне спустила свой флагъ передъ этимъ знаменитымъ именемъ. Она не смѣла уже удерживать маркиза, и просила только не забывать ее, и поскорѣе явиться, чтобы продолжать интереснѣйшій разговоръ, прерванный такъ некстати.

Прощаясь съ Раканомъ, она подарила ему, въ знакъ своего удивленія къ его генію, бантикъ изъ лентъ со своей груди, который навязала въ его петлицу съ самымъ восторженнымъ порывомъ счастья.

Геній имѣетъ въ себѣ ту особенность, что всегда оставляетъ послѣ себя какой-нибудь слѣдъ.

По уходѣ Ракана (номеръ второй) дѣвица де-Курне прикрыла рукою глаза, сосредоточилась сама въ себѣ, и начала припоминать и его движенія, въ которыхъ господствовала неприужденность и вольность, и его черты, въ которыхъ проглядывало что-то такое отчаянное, и этотъ взглядъ, который никогда не преклонялся и въ которомъ видѣнъ былъ геній — истинный геній, одинъ только геній!

— Вотъ этотъ былъ настоящій Раканъ, заключила она: а первый какой-нибудь плутъ, желавшій воспользоваться моимъ незнаніемъ.

Она недолго предавалась сладостнымъ мечтаніямъ; тотъ же самый лакей, который извѣщалъ ее уже два раза, вошелъ и въ третій разъ; но лицо его было уже гораздо насмѣшливѣе, чѣмъ прежде.

Онъ остановился на самой серединѣ комнаты, и глядя, то на потолокъ, то на полъ, повертывая въ рукахъ пуговицы своего камзола, сказалъ, не показывая даже никакого удивленія, что въ передней дожидается какой-то незнакомый человѣкъ, просящій позволенія быть представленнымъ дѣвицѣ де-Курне.

— Прими, отвѣчала дѣвица де-Курне, и провозгласи, кто такой, добавила она презрительнымъ голосомъ.

Лакей прокричалъ громко:

— Господинъ маркизь де Раканъ!

При этомъ словѣ дѣвица де-Курне вспрыгнула со стула.

Это не была уже женщина, это была львица, потрясавшая своею гривую, приготовляясь въ битву.

Старая дѣва не дала новому пришельцу ступить даже шагу въ свою гостинную. Она бросилась къ нему навстрѣчу блѣдая, съ посѣнвившими губами, съ сверкающимъ взоромъ.

— Сколько же, вскричала она, есть Ракановъ въ мірѣ?... Стало быть Раканы вездѣ... они падаютъ, какъ дождь на землю!.. Хорошо же!.. Кто бы изъ васъ не насмѣялся надо мною, послѣдній заплатитъ за всѣхъ. Притомъ же, добавила она, осматривая новаго посѣтителя, который разсыпался предъ нею въ поклонахъ и шарканьяхъ: я большая фвзюгномистка, и ты, съ своими смѣшными кривляньями и глупымъ лицомъ, не можешь быть никакъ благороднымъ маркизомъ де-Раканомъ.

И быстро снявъ туфлю съ маленькой своей ножки, она пустила ее въ маркиза.

Для почтеннаго человѣка перешедшаго уже за пятьдесятъ * пріемъ этотъ не былъ совершенно радушенъ, или, по-крайней-мѣрѣ, могъ очень его удивить.

Маркизь замоталъ головою и осмотрѣлся кругомъ.

Вторая туфля скользнула ему по плечу.

Полагая, что попалъ къ какой-нибудь сумасшедшей, онъ открылъ-было ротъ и хотѣлъ объясниться съ дѣвицею де-Курне, но первый слогъ его былъ такъ хорошо встрѣченъ, что онъ, понявъ всю опасность своего положенія при цѣлой рѣчи, спѣшилъ бѣгомъ на лѣстницу. Но дѣвица де-Курне не была еще удовлетворена; мщеніе ея еще не насытилось.

Въ своей злобѣ, она схватила кружку съ водою, и улучивъ минуту, когда маркизь повертывалъ по извѣсту лѣстницы, окатила его съ головы до ногъ, безъ всякаго милосердія.

Никогда еще несчастный поэтъ-маркизь не получалъ тако-го угощенія. Онъ приподнялъ фалды своего камзола, и пустился безъ оглядки по улицамъ.

Вечеромъ, — сказано было, что эта поэма должна была окон-чится въ одинъ день, — бѣдная де-Курне узнала, что она под-верглась тройному несчастію:

* Опоратъ де-Рюэль, маркизь де-Раконъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Французской Академіи, родился въ 1589—умеръ въ 1670 году.

1-е. Расточала учтивости Морвенну, извѣстному во всѣхъ парижскихъ игорныхъ домахъ и трактирахъ.

2-е. Подарила бантъ своей лакею Морвенна.

3-е. Наградила настоящаго маркиза де-Ракона такимъ пріемомъ, котораго онъ конечно не проститъ ей цѣлую жизнь.

Увѣряють, что дѣвица де-Курне, дѣвица очень мстительная, никогда тоже, съ своей стороны, не простила этой шутки камереру де-Росни.

НА ПЕРЕГЪ МОРЯ. *Разсказъ Альфонса Карра.* — Быть можетъ кому-нибудь захочется спросить меня, скучаю ли я когда на берегу моря? Море прекрасное зрѣлище, скажете вы, но однообразное и монотонное.

Я, вмѣсто всякаго отвѣта, скажу: Вы не видали моря; пожалуйста выищите лѣто поглядѣть на него и на меня, и потомъ уже скажите мнѣ, однообразно ли оно и монотонно ли оно. Вы любите картины, и такъ, каждыя пять минутъ море представитъ вамъ новую картину Гюдена; вы увидите даже такія, которыя измѣняются каждую минуту. Десять лѣтъ желаю я посмотретьъ хоть разъ еще на солнечный закатъ, однажды мною видѣнный, и что-же? онъ никогда не повторялся; каждый день природа создавала новыя величественныя виды, и никогда не впадала въ однообразіе.

Притомъ же на морскомъ берегу есть жители, морскіе рыбаки, которыхъ вы, вѣрно, полюбили бы также, какъ я, еслибы ихъ знали. Не буду теперь говорить ни о ихъ равнодушіи ко многимъ вещамъ, которыя опариваютъ другъ у друга другіе, люди, ни о ихъ безнорыстной преданности; скажу только о томъ, сколько пища могутъ доставить любопытству эти простые и молчаливые жители берега.

Когда вы будете на берегу моря, мы бы пошли съ вами, послѣ обѣда, купить двѣ сигары у одного лавочника, живущаго на концѣ деревни. Если я вамъ ничего не скажу, вы ничего не увидите; вы войдете въ маленькую лавочку, окрашенную зеленою краскою, на которой начертана обыкновенная надпись: *табакъ*. — Вы спросите двѣ сигары, и человекъ лѣтъ шести-десяти укажетъ вамъ на ящикъ, изъ котораго вы выберете себѣ сигары сами; заплатите, вамъ дадутъ сдачи, потомъ мы выйдемъ, и вы скажете: ну что же изъ всего этого?

— Что? А то, что, прежде, чѣмъ завести въ родной своей деревнѣ, маленькую лавочку, человекъ этотъ болѣе сорока лѣтъ

по волнамъ морей, подъ бурями, добывалъ, крошка по крошкѣ, и сахаръ и кофе и гвоздичныя головки и табакъ, которыя онъ вамъ продаетъ.

Не правда ли, этотъ человѣкъ немножко занимательнѣе жителя вашей улицы, который въ положенное время ходитъ покупать табакъ въ табачномъ депо, а кофе и сахаръ въ Стекланую улицу (Vergerie). Но это еще не все!

Лавочникъ этотъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, бывшихъ во-время Имперіи; онъ разъ двадцать бился съ Англичанами; онъ былъ корсеромъ. Но это еще не все!

Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ одномъ морскомъ сраженіи, съ палубы затопленнаго корабля, и отвезенъ въ Англію.

Десять разъ пытался онъ бѣжать, и десять разъ бывалъ пойманъ и заключаемъ еще надежнѣе; но онъ далъ себѣ слово, во что бы ни стало, но уйдти изъ Англіи.

Однажды, наконецъ, онъ снова ушелъ съ однимъ товарищемъ, столько же несчастнымъ и столько же рѣшительнымъ; они похитили маленькій челнокъ у какого-то рыбака, и тотчасъ же, встыми Норманцами, пустились въ путь, чтобы возвратиться во Францію, переплывя море. Съ ними было немного сухарей и бутылка водки.

Едва только отчалили они отъ берега, небо сильно нахмурилось, и все начало предвѣщать жестокую бурю. Они посоветовались и порѣшили за одно, что лучше утонуть, чѣмъ возвратиться въ плѣнъ. Помолясь Богу, они пустились въ путь. Предвѣщанія погоды исполнились, и черезъ три дня рыбаки нашли челнокъ съ двумя людьми, почти уже умершими отъ голоду, жажды и усталости; но рыбаки тѣ были Французы. Бѣглецы спаслись, и вотъ какъ нашъ лавочникъ завелъ лавочку въ родной деревнѣ.

Но вотъ проходить другой человѣкъ; онъ всегда былъ рыбакомъ и умереть рыбакомъ. Ему болѣе шестидесяти лѣтъ, но онъ такъ же еще силенъ и бодръ, какъ сорокалѣтній. Онъ некогда не служилъ, хотя и всякую минуту былъ готовъ на службу отечеству; но его не потребовали. Между тѣмъ съ нимъ такъ случилось одно происшествіе, которому завидовали моряки, проведеніе всю жизнь въ морской службѣ и на морѣ.

Это было въ то время, когда военные англійскіе корабли бродили около Гаврскаго рейда.

Французскимъ рыбакамъ было приказано возвращаться предъ ночью въ гавань, и отнюдь не плавать такъ далеко, чтобъ можно было потерять ихъ изъ виду. Рыбакъ Петръ былъ тогда ио-

лодь, нѣскольکو дней ничего не ловилъ въ морѣ, и рѣшился съ двумя товарищами, ѣхавшими съ нимъ на одной лодкѣ перейти положенную границу и переночевать на морѣ.

Сказано, сдѣлано. Но должно замѣтить что это непослушаніе было наказано со сказачною скоростію. Едва только забрезжилъ день, какъ маленькій англійскій гальотъ, который рыскалъ *quaerens quae devoret*, «спрашивая кого бы поглотить», увидалъ рыбацкую лодку, прицѣлился въ нее, и поднялъ сигналъ, чтобы она пристала къ его борту.

Рыбаки хотя поздно, но увидали, что надѣлали большую глупость, однако же не оробѣли, и какъ бы не видя и не понимая ничего, подняли всѣ свои маленькіе паруса. Пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, дувшимъ къ берегу, они спѣшили поскорѣе удалиться отъ гальота, полагая, что онъ пренебрежетъ гнаться за простою рыбацкою лодкою и пожалѣетъ тратить на нихъ сколько-нибудь пороха.

Но не тутъ то было!

Капитану гальота необходимо было собрать кое-какія достовѣрныя свѣдѣнія, и онъ повторилъ свой сигналъ. Рыбаки плывутъ, какъ будто не замѣчая. Тогда англійскій командиръ разсудилъ пояснить свою просьбу маленькимъ ядромъ, которое, сдѣлавъ нѣскольکو рикошетовъ около бортовъ лодки, упало въ море, не сдѣлавъ впрочемъ никакого вреда смѣлымъ рыбакамъ. Но рыбаки поняли, что это было только предувѣдомленіе и что слѣдующее ядро непременно прострѣлитъ ихъ насквозь; притомъ же гальотъ могъ ихъ догнать въ нѣскольکو минутъ.

Нечего дѣлать—нужно было покориться необходимости.

Рыбаки ослабили паруса, и волею и неволею поворотили къ англійскому судну. Ихъ приняли на бортъ, потопили ихъ лодку, и принялись допрашивать. Петръ отказался отвѣчать. Другой его товарищъ лгалъ немилосердно на всѣ вопросы. Тогда капитанъ приказалъ подвести къ себѣ третьяго, но тревога помѣшала допросу. Показался французскій бригъ и на всѣхъ парусахъ приближался къ гальоту. Трехъ плѣнныхъ спустили въ трюмъ, связали ихъ и начали приготовляться къ битвѣ.

Зачѣмъ разсказывать подробности сраженія и описывать его; это было-бы довольно скучно; скажемъ только, что битва была упорная и сильная; оба противныя судна надѣлали одно другому много вреда, и каждое, почитая себя побѣдителемъ въ достаточной мѣрѣ, спѣшило удалиться. Англійскій гальотъ потерпѣлъ, повидямому, больше французскаго брига. Капитанъ былъ

убить, старшій лейтенантъ сильно раненъ. Изъ всего экипажа осталось только семь человѣкъ.

Перебѣвши веревки, оборванные ядрами, поставили вмѣсто перебитой мачты новую и поворотили къ англійскому порту. Вдругъ, съ запада показалась черная точка, начала расти, приближаться и распространяться по небу; вѣтеръ подулъ сильными порывами, и градъ, смѣшанный съ дождемъ и вѣтромъ, застучалъ по палубѣ; море вздулось и заходило громадными волнами; на галютѣ убавили парусовъ потому-что началась страшная буря.

Не смотря на смерть капитана и сильную рану старшаго лейтенанта, экипажъ мужественно и искусно сопротивлялся напору бури. Въ эти минуты, трое Норманцевъ были въ сильномъ отчаяніи; они безпрестанно возносили, во-время битвы, горячія молитвы, чтобы Господь помогъ Французамъ восторжествовать надъ Англичанами, и тѣмъ освободить ихъ.

Скоро между тѣмъ они должны были отказаться отъ всѣхъ надеждъ.

У каждаго изъ рыбаковъ были маленькія дѣти, семейства, и потому они еще болѣе горевали, особливо когда приходили имъ на память рассказы о дурномъ положеніи плѣнныхъ, вѣданныхъ въ руки Англичанамъ. Петръ больше всѣхъ кричалъ и ропталъ на то, почему, если уже не удалось Французамъ освободить ихъ, галютъ не пошелъ ко дну. Онъ увѣралъ, что ему бы радостнѣе было утонуть, нежели быть плѣнникомъ, что онъ уже почелъ бы себя въ половину утѣшеннымъ, видя какъ тонули бы съ ними вмѣстѣ непріатели.

— Какое несчастіе, твердилъ другой, что намъ не удалось быть въ эти минуты на палубѣ французскаго брига. Я хоть и некогда не былъ солдатомъ, никогда не сражался, но увѣряю, предпочелъ бы заботы непріателю.

— Бѣдная моя жена, бѣдныя мои дѣти, твердилъ вздыхая третій.

— Но что за погода должна стоять? прервалъ Петръ. Корабль трещитъ такъ что хоть зажимай уши, море шумитъ подъ кормою ужасно, мачты шатаются; пусть буду я пятилѣтнимъ мальчикомъ, если теперь не самая жестокая буря, или по-крайней-мѣрѣ, не далеко отъ нея.

И въ-самомъ-дѣлѣ, буря была не дюжинная и становилась съ каждымъ мгномъ все сокрушительнѣе и опаснѣе. Экипажъ, уменьшившійся до семи человѣкъ, изъ которыхъ половина была

переранена, едва-едва успѣвалъ производить нужные маневры, особливо послѣ порчи, причиненной гальоту сраженіемъ.

Вдругъ изъ трюма выбѣгаетъ матросъ, блѣдный, задыхающійся.

— Капитанъ, сказалъ онъ, старшему лейтенанту: показалась сильная течь....

— Сильная течь! пронеслось по всей палубѣ испуганными голосами.

Все пришло въ движеніе!

Лейтенантъ привелъ все въ порядокъ, и приказалъ приняться за помпы.

Экипажъ, уже и безъ того малочисленный, раздѣлился на двѣ части, и въ то время, какъ одна его половина откачивала воду, другая должна была управляться съ рулемъ и парусами.

Напрасно карабельный плотникъ отыскивалъ мѣсто, откуда пробивалась вода, и старался задѣлать пробовну, вода прибывала все болѣе и болѣе, и отверстіе, слѣдующее, вѣроятно, непріятельскимъ ядромъ, не было найдено.

Не прошло часу, какъ первые матросы, выкачивавшіе воду, были уже не въ состояніи работать отъ утомленія; вода хотя и перестала прибывать, но между тѣмъ и не уменьшалась; помпы помогали только ей держаться въ одномъ положеніи, не дѣлая никакой пользы. Утомленные матросы были смѣнены тремя новыми. Старшій лейтенантъ, хотя и сильно раненный, не покидалъ своего поста. Онъ приказалъ выкатать боченокъ рому и самъ одѣлывалъ каждого по достаточной порціи.

Прошло еще нѣсколько часовъ, но буря не уменьшалась, и свирѣпствовала по-прежнему. Скоро начали замѣчать съ ужасомъ, что вода стала прибывать быстро.

Плѣнныхъ рыбаковъ вывели на палубу, какъ для того, чтобы они не потонули, такъ и потому, чтобы они не тѣснили и не увеличивали тяжести въ трюмѣ. Къ довершенію отчаянія Англичанъ, ходъ корабля видимо сталъ уменьшаться. Вѣтеръ, благопріятный къ отплытію во Францію, былъ совершенно противный для всѣхъ надеждъ гальота.

— Что дѣлать? твердили матросы: трехъ недостаточно для выкачивания воды; вода прибываетъ; мы почти стоимъ на одномъ мѣстѣ; мы погибли!

Старшій лейтенантъ, сохранившій еще присутствіе духа, сообразилъ настоящее положеніе и постигъ всю опасность. Онъ говорилъ по-французски, и приблизился къ трюмъ рыбакамъ.

— Вы—моряки, сказалъ онъ, слѣдовательно, понимаете, что

теперь происходитъ съ нами; корабль сильно течетъ; я не могу поставить къ помпамъ болѣе трехъ человекъ или четырехъ, при самой крайности; не пройдетъ часу, какъ корабль потонетъ, тѣмъ болѣе, что, при противномъ вѣтрѣ, намъ нѣтъ надежды встрѣтиться съ какимъ-нибудь другимъ кораблемъ, который бы могъ подать намъ помощь. Мы всѣ погибнемъ. Вы знаете, что только мертвые не возвращаются въ свои жилища; вы плѣнники, но я увѣренъ, что также, какъ и мы, не захотите погибнуть; я прикажу развязать васъ, вы будете помогать моимъ матросамъ выкачивать воду и маневрировать для общаго блага—для жизни. Поняли ли вы меня?

— Совершенно, отвѣчалъ Петръ. Позвольте намъ посоветоваться между собою.

— Я полагаю, прервалъ лейтенантъ, что мнѣ не нужно напоминать тебѣ, что время дорого.

Петръ и его товарищи отошли въ сторону и начали шептаться. Не прошло пяти минутъ, какъ они уже снова стояли предъ лейтенантомъ.

— И такъ, господинъ Англичанинъ, началъ Петръ: вы говорите, что вы всѣ погибнете, если мы не поможемъ вамъ?

— Да, мы всѣ, точно также, какъ и вы; по этому и не должно болѣе думать. Томъ, развяжи Французовъ.

— Благодарю, прервалъ Петръ: стоить ли труда развязывать для того, чтобы связывать снова; мы не будемъ помогать вамъ.

— Неужели вы сошли съ ума отъ страха? Неужели вы еще сомнѣваетесь въ опасности, которая грозитъ, вскрикнулъ лейтенантъ.

— Знаемъ, отвѣчалъ Петръ, что черезъ часъ мы пойдемъ ко дну, но все-таки не хотимъ, чтобы говорили, что французскіе моряки помогали Англичанамъ везти себя же самихъ въ плѣнъ, въ ихъ портъ. Всякій сталъ бы смѣяться надъ нами.

— Но вѣдь вы погибнете.

— Это очень непріятно и грустно, а между тѣмъ мы все же выигрываемъ больше васъ; плѣннымъ жизнь не такъ дорога, какъ побѣдителямъ. Мы жалѣемъ о жизни, но вы вѣдь, вы вдвое—не правда ли?

— Правда, отвѣчалъ лейтенантъ, и такъ?

— И такъ, сказалъ рѣшительно Петръ: мы не работаемъ; не трудитесь развязывать.

Три матроса, работавшіе у помпъ, кричали, просили у лейтенанта помощи. Они были удивлены и поражены, услышавъ объ отказѣ Французовъ. Лейтенантъ приказалъ развязать рыбаковъ;

къ помпамъ спустились еще двое, но вскорѣ вбѣжали снова на палубу; внизу нельзя было болѣе работать отъ прибывшей воды.

— Но безумные, кричалъ лейтенантъ Французамъ: стало быть вы рѣшительно хотите умереть?

— Кто же хочетъ умереть, отвѣчалъ Петръ: а все-таки лучше умереть чѣмъ везти себя же самихъ въ плѣнъ въ вашу Англию.

— Хорошо, даю вамъ слово, что вы будете свободны, и какъ только мы войдемъ въ портъ, васъ отпустятъ во Францію.

— Вотъ это сказано благоразумнѣе, и поэтому, съ вашего позволенія, мы еще должны посовѣтоваться между собою нѣсколько минутъ, отвѣчалъ Петръ.

— Но вѣдь время идетъ, и каждая минута приближаетъ насъ къ смерти.

— Я это очень хорошо знаю, господинъ Англичанинъ, но все же нельзя не посовѣтоваться; нашъ разговоръ будетъ не долгъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, не прошло и трехъ минутъ, какъ Петръ подошелъ къ лейтенанту, и сказалъ ему очень лаконически и очень хладнокровно:

— На обѣщанія, произнесенныя въ минуту опасности, мы полагаться не можемъ.

— И такъ будемъ все готовиться къ смерти, пробормоталъ лейтенантъ.

— Чтò дѣлать, такъ видно уже суждено!

— Чтò же можетъ разуверитъ васъ, началъ снова капитанъ.

— То, когда вы позволите повернуть гальотъ къ Гаврскому порту.

— Во Францію!

— Да, не пройдетъ и пяти часовъ, какъ дѣло уже будетъ кончено, между тѣмъ какъ до вашего порта намъ не доѣхать и въ пятнадцать часовъ.

— Я это знаю, но тогда мы будемъ плѣнными.

— Это понятно.

— Ты, кажется, сошелъ съ ума!

— Нѣтъ, но мы уже рѣшились: или все вмѣстѣ погубимъ, или отведемъ гальотъ въ Гавръ.

Петръ сѣлъ на палубу и сложилъ руки. Его товарищи послѣдовали его примѣру.

Внизу раздались новые крики; вода все прибывала; гальотъ началъ захлебываться; еще одинъ матросъ спустился къ помпамъ.

Англійскій плотникъ спустился, въ свою очередь, внизъ, переговаривалъ съ матросами и наконецъ съ находившимися на палубѣ, и подошелъ къ лейтенанту.

— Вода остается на одной высотѣ, сказалъ онъ, но люди наши утомлены, только осталось двое, чтобы замѣнить ихъ; — мы погибли.

— Никогда! отвѣчалъ лейтенантъ, и вмѣстѣ съ этими словами, онъ упалъ безъ чувствъ на палубу, ослабѣвъ отъ потери крови, лившейся изъ раны его.

— Что дѣлать намъ теперь! Воскликнули матросы. Теперь мы рѣшительно погибли!

— Нѣтъ еще! сказалъ хладнокровно Петръ ломанымъ англійскимъ языкомъ.

— Кто жъ будетъ теперь командовать гальотомъ? Кто вѣрно рассчитываетъ путь къ берегу въ такую бурю?

— Я, если хотите, отвѣчалъ Петръ. Всѣ прибрежныя скалы и мели, я знаю, какъ свои пять пальцевъ, и проведу васъ благополучно въ портъ.

— Куда же?

— Разумѣется, въ Гавръ! Вашъ англійскій берегъ мнѣ все болѣе извѣстенъ, какъ китайскій языкъ.

— Въ Гавръ! Нѣтъ, мы не хотимъ въ Гавръ! Держи въ Англію!

— Я вижу, что вы хотите держать на дво морское. Покидуй! Я согласенъ! Э-ге! Гальотъ-то, я вижу, не продержится и получаса, если мы будемъ еще разговаривать, да спорить. И Петръ опять сѣлъ къ мачтѣ, сложа руки.

— Ахъ какой упрямый Французъ! вскричали матросы.

— Мнѣ кажется, что вы упрямѣе меня. Э-ге! Я вижу, что черезъ четверть часа нашъ споръ кончится, и съ нами начнутъ спорить и разговаривать морскія рыбы. Нечего дѣлать! быть такъ!

Матросы, видя, что гальотъ въ послѣдней крайности, закричали Петру:

— А если ты будешь держать въ Гавръ, то спасешь ли гальотъ и насъ?

— Ручаюсь, но только слушаться меня, какъ командира.

— Согласны!

— Ладно! И такъ теперь я командиръ вашъ! Дайте сюда ваше орудіе.

— Зачѣмъ?

— Безъ разговоровъ, или я снова сяду на палубу, и тогда мы пойдемъ вмѣстѣ ловить морскихъ рыбъ.

— Но мы тонемъ.

— Такъ слушайтесь же.

Англичане принесли оружіе; Французы взяли себѣ каждый по парѣ пистолетовъ, по саблѣ, остальное оружіе побросали въ море.

— Теперь, вскричалъ Петръ: всѣ семеро Англичанъ къ помпамъ, внизъ, откачивать воду, а мы двое останемся на верху, и будемъ управлять парусами. Ну въ дорогу же, къ берегамъ Франціи и въ Гавръ.

Всѣ повиновались. Вода значительно прибыла въ это время, но Англичане, подкрѣпленные надеждою скорого избавленія отъ опасности, принялись работать съ новыми силами. Вскорѣ успѣхъ наградилъ ихъ усилія.

Между тѣмъ Петръ поворотилъ корабль и распустилъ всѣ паруса.

Облегченный галюотъ, пельзуясь попутнымъ вѣтромъ, быстро началъ расскатъ волны.

— Антонъ, сказалъ Петръ, своему товарищу, сойди внизъ и понци мнѣ гдѣ нибудь кое-какихъ трянокъ, чтобы слѣзая трехцвѣтный флагъ, и вздѣть его вмѣсто англійскаго; мнѣ кажется, такъ будетъ приличнѣе войти въ Гавръ.

Антонъ началъ рыться, и скоро между пожитками отыскалъ чтó нужно. Изъ мундира составили красное поле, и флагъ былъ поднятъ.

Вода убывала все болѣе и болѣе: семеро Англичанъ работали а трое Французовъ расхаживали по палубѣ, вооруженные съ головы до ногъ, боясь, что разобьютъ голову первому, кто только осмѣлится подняться на верхъ.

Черезъ часъ буря стихла, и при стеченіи огромной толпы, рыбаки вошли въ рейдъ Гавра, при крикахъ: да здравствуетъ Франціа!

Они вручили коменданту свой призь и плѣнныхъ.

Корабль былъ такъ поврежденъ, что Петръ съ товарищами мало выручили при его продажѣ:

Все-таки Петръ купилъ себѣ хижину.

Вотъ, посмотрите на него; вотъ онъ—этотъ человекъ съ яркими голубыми глазами и добрымъ лицомъ, идетъ закутить у меня трубку.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Изысканія Кетеле надъ карликами или людьми весьма малаго роста. — Новозобрѣтенная полуда. — Способъ Либиха для приготовленія водки изъ рябиновыхъ ягодъ. — Изслѣдованія надъ цвѣтомъ воды.

Изысканія Кетеле надъ карликами или людьми весьма малаго роста.—Мы представляемъ здѣсь нашимъ читателямъ извлеченіе изъ статьи, написанной непремѣннымъ секретаремъ брюссельской Академіи Наукъ, г. Кетеле (Queetelet), по поводу карлика Жана Ханнема (Jean Hanpema), обратившаго на себя всеобщее вниманіе въ Англіи, Голландіи, Бельгіи и Франціи, гдѣ онъ показывалъ себя за деньги, спорва подъ псевдонимомъ адмирала Тромпа, а теперь сводить съ ума Парижанъ, подъ именемъ князя Колибри.

Г. Кетеле начинаетъ разсужденіемъ о необходимости обращать вниманіе на точные размѣры различныхъ частей организма, не только нормально развитыхъ людей, но и тѣхъ которые отличаются особенно большимъ или малымъ ростомъ. Натуралисты, разсматривавшіе карликовъ и гигантовъ въ отдѣльности, считаютъ ихъ обыкновенно за аномаліи человѣческаго рода; но если взять эти аномаліи вмѣстѣ, и разсматривать ихъ съ высшей точки зрѣнія, то необходимо придетъ къ другому заключенію.

Прежнія, долготѣнія изслѣдованія Кетеле и многихъ другихъ антропологовъ доказываютъ, что относительно развитія человѣческаго роста существуетъ опредѣленный размѣръ, могущій быть принятымъ за *типическій*. Всѣ недѣлимые нашего рода, взятые отдѣльно, представляютъ большія или меньшія отклоненія отъ такого нормальнаго типа, и эти отклоненія происходятъ

отъ весьма различныхъ вліаній. Но какъ ни велики и страшны бываютъ иногда эти отклоненія, совершающіяся подѣ вліаніемъ случайныхъ причинъ, всѣ они подчинены общему закону, который связываетъ цѣпь развитія человѣческаго организма отъ крайнихъ предѣловъ большаго, до крайнихъ предѣловъ малаго. Весьма точныя изслѣдованія показываютъ, что не только существованіе гигантовъ и карликовъ есть слѣдствіе общаго закона, но еще свидѣтельствуютъ о важномъ и любопытномъ фактѣ: что число отклоненій отъ нормальнаго типа находится въ постоянномъ отношеніи къ числу народонаселенія и по этому можетъ быть напередъ вычислено, подобно многимъ другимъ статистическимъ выводамъ. Въ неразрывной цѣпи человѣческаго рода карлы и гиганты составляютъ не-обходимыя, хотя и крайнія звѣнья.

Обратимся къ изслѣдованіямъ бельгійскаго ученаго надъ карликами.

Г. Кетеле полагаетъ, что необходимо должно различать два вида карликовъ. Къ *первому* принадлежатъ такіе малорослые люди которые, вслѣдствіе особенностей ихъ организаціи, должны постоянно оставаться въ своихъ малыхъ размѣрахъ; ко *второму* роду относятся тѣ, у которыхъ развитіе роста остановилось временно, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, по удаленіи которыхъ развитіе роста будетъ вновь продолжаться. Субъекты перваго рода остаются во всю жизнь карликами; субъекты втораго рода бываютъ карлами только въ извѣстную эпоху ихъ развитія.

Изъ многихъ милліоновъ людей едва ли найдется одинъ человекъ, котораго тѣлесное развитіе совершалось бы постоянно, въ опредѣленной послѣдовательности, безъ всякаго нарушенія единожды установившейся прогрессивности. Напротивъ того, въ развитіи роста каждаго субъекта можно замѣтить большія или меньшія колебанія, допускающія замедленіе и ускореніе, которыхъ напряженіе и продолжительность чрезвычайно разнообразны. Такъ напримѣръ, есть дѣти слабыя и хилыя съ младенчества, которыхъ физическое развитіе идетъ чрезвычайно медленно, а иногда и вовсе останавливается, такъ что всѣ полагаютъ, что имъ суждено на всю жизнь остаться карлаками. Но вдругъ, и особенно при наступленіи эпохи возмужалости, отъ вліанія (по большей части неизвѣстныхъ намъ дѣятелей) карликъ начинаетъ расти, и это развитіе, совершаясь съ болѣею или меньшею энергіею, доводитъ его иногда до размѣровъ тѣла, едва уклоняющихся отъ нормальнаго типа. Замѣтимъ

однакожъ, что такія энергическія развитія довольно рѣдки, и субъекты, о которыхъ мы говоримъ, выходя изъ разряда карловъ, все-таки остаются въ категоріи людей невысокаго роста.

Идея о различіи между вѣчными и временными карликами находитъ новую опору въ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ въ наше время надъ двумя весьма извѣстными субъектами, изъ которыхъ одного прозвали *генераломъ Томъ-Пусомъ* (Tom-Pouce), а другаго *адмираломъ Тромпомъ* и *княземъ Колибри*. Оба эти субъекта устроены природою совершенно нормально, и родились на свѣтъ нимадо не отличаясь отъ миллионновъ другихъ новорожденныхъ, если не обращать вниманія на малость ихъ роста; хотя впрочемъ размѣры ихъ при рожденіи очень часто попадаютъ и у другихъ дѣтей, развивающихся потомъ совершенно нормально и достигающихъ иногда до большаго роста. Родители и ближніе родственники обоихъ упомянутыхъ карликовъ не представляютъ никакихъ родовыхъ аномалій или особенностей, и сами эти карлики развивались до 4 или 5 лѣтняго возраста обыкновеннымъ порядкомъ, хотя и весьма медленно, такъ что при упомянутомъ сейчасъ возрастѣ представляли размѣры тѣла, свойственные 13 или 15 мѣсячнымъ младенцамъ. По достиженіи 4 или 5 лѣтняго возраста дальнѣйшее развитіе обоихъ вдругъ остановились отъ неизвѣстныхъ причинъ. Теперь, по всему вѣроятію, обоимъ этимъ карламъ по 11 лѣтъ, хотя лица, ихъ показывающія, и увѣряютъ, что имъ по 14 лѣтъ.

Ростъ Томъ-Пуса равняется 0, 710 метра; ростъ Тромпа = 0, 728 метра; ростъ 13 или 14 мѣсячнаго дитяти обыкновенныхъ размѣровъ полагается въ 0, 710 метра. Г. Кетеле составилъ таблицу, ** въ которой означены съ точностію размѣры разныхъ частей тѣла упомянутыхъ карликовъ, въ сравненіи съ обыкновенными размѣрами 13 или 14 мѣсячнаго младенца. Такого рода таблицы весьма поучительны, и жаль, что прежніе натуралисты, имѣвшіе случай наблюдать гигантовъ и карловъ, не оставили намъ свѣдѣній о точныхъ размѣрахъ разныхъ частей ихъ наружнаго организма.

* Нашимъ читателямъ, вѣроятно, не разъ удавалось встрѣчать въ журналахъ и газетахъ извѣстіе объ этихъ карликахъ, обязавшихъ преимущественно Англію и Францію и собиравшихъ дань съ любопытныхъ.

** Ее можно найти въ № 849 ученаго французскаго журнала *Institut*.

Замѣтимъ въ заключеніе, что карликъ Томъ-Пусъ отличается особенною короткостію рукъ. Мѣсто его родины Бриджепортъ, а Тромпа Франекеръ.

Новоизобрѣтенная полууда. — Бѣлая часть настоящихъ медъ луженія никуда не годится. Наша обыкновенная полууда оловомъ легко плавится, и отдѣляясь отъ поверхности посуды, обнажаетъ ее, или, оставляя слишкомъ тонкій слой своей массы, легко стирается при чищеніи. Это зависитъ отъ свойствъ металла, служащаго для полууды, который слишкомъ плавокъ и не довольно крѣпко пристааетъ къ мѣди, изъ которой дѣлается посуда.

Г. Бюди, послѣ многихъ опытовъ, нашелъ, что сплавомъ изъ никкеля и олова удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ отличной полууды. Лучшая пропорція есть: шесть съ половиною частей никкеля на 100 частей олова; но чтобы послѣдній металлъ не улеталъ при высокой температурѣ, потребной для сплавленія перваго, то прибавляютъ въ тигель 3 части смѣси буры съ толченымъ стекломъ. Эта послѣдняя смѣсь, плавясь, покрываетъ металлы стекловатымъ слоемъ, препятствующимъ доступу къ нимъ воздуха и улетанію олова. Полученнымъ сплавомъ лудятъ какъ обыкновенно. Эта полууда безвредна, дешева и необыкновенно прочна.

Способъ Либиха для приготовленія водки изъ рябиновыхъ ягодъ. Если въ концѣ августа мѣсяца или въ началѣ сентября набрать рябиновыхъ ягодъ и выжать изъ нихъ сокъ, то онъ самъ собою приходитъ въ винное броженіе. Подвергнувъ такой сокъ перегонкѣ, можно получить весьма вкусную водку, которую трудно отличить отъ обыкновеннаго киршвассера. Она содержитъ въ себѣ до 50 процентовъ чистаго виноспирта, и это добываніе до такой степени выгодно, что количество полученной водки равняется $\frac{1}{4}$ всего количества сока, подвергнутаго перегонкѣ. Изъ этой водки весьма легко добыть весьма добротный и чистый спиртъ. Либихъ совѣтуетъ также примѣшивать сокъ рябиновыхъ ягодъ къ картофелю или хлѣбу, изъ которыхъ намѣреваются курить хлѣбное вино.

Советуемъ всѣмъ, кого можетъ интересовать это дѣло, попробовать предлагаемый Либихомъ рецептъ. Онъ особенно важенъ въ Россіи, гдѣ рябина растетъ въ чрезвычайномъ изобиліи и гдѣ ощущается недостатокъ виноградной водки; а водка изъ рябиновыхъ ягодъ, и спиртъ, изъ нея полученный, не содержатъ въ себѣ свинцоваго масла. Можетъ-быть, рябину суждено

замѣнить намъ виноградъ, для приготовленія виноградной водки и спирта.

Ислѣдованія надъ цвѣтомъ воды. Нигдѣ нельзя найти воды столь чистаго зелено-голубаго цвѣта, какъ въ горячихъ Исландскихъ ключахъ. Ислѣдованія надъ этою водою, чистою, спокойною и совершенно прозрачною, побудили профессора *Бунзена* заняться ислѣдованіями надъ цвѣтомъ воды. Изъ полученныхъ имъ результатовъ видно, что химически чистая вода не есть безцвѣтная жидкость, какъ обыкновенно думаютъ, но представляетъ оттѣнокъ прекраснаго голубаго цвѣта, замѣтный впрочемъ только тогда, когда лучъ свѣта проникаетъ чрезъ слой воды, имѣющій значительную толщину. Въ этомъ весьма легко убѣдиться, если взять стеклянную трубку въ 3 аршина длиною, покрыть внутреннюю ея поверхность смѣсью воска съ сажею, и заткнувъ нижній конецъ трубки пробкою, оставить между пробкою и внутреннею черною оболочкою прозрачное пространство въ $\frac{1}{2}$ дюйма вышиною; потомъ наливъ трубку чистою водою, бросить на дно трубки кусочки бѣлаго фарфора, и поставивъ нижній конецъ трубки въ бѣлую фарфоровую чашку, смотрѣть въ трубку чрезъ трехъ-аршинный слой воды. Тогда освѣщенные бѣлымъ свѣтомъ бѣлые кусочки фарфора покажутся намъ окрашенными самымъ пріятнымъ голубымъ цвѣтомъ. Чѣмъ короче будетъ столбъ воды въ трубкѣ, тѣмъ слабѣе будетъ голубой цвѣтъ фарфоровыхъ кусочковъ; наконецъ, если столбъ воды сдѣлается очень коротокъ, то кусочки примутъ опять первоначальную бѣлизну: ясное доказательство, что цвѣтъ ихъ зависѣлъ отъ цвѣта находившагося надъ ними водянаго столба. Тотъ же самый голубой цвѣтъ окажется, если кусочки освѣтять сквозь водяной столбъ и смотрѣть на нихъ чрезъ маленькое сквозное отверстіе въ черной оболочкѣ внутренности трубки. Слѣдовательно, нечего удивляться, что большія массы представляются такъ часто въ разныхъ оттѣнкахъ голубаго или синяго цвѣтовъ. Но при этомъ рождается вопросъ: почему вода принимаетъ иногда совершенно другой цвѣтъ? Вода швейцарскихъ озеръ и исландскихъ гейзеровъ представляетъ намъ всѣ видоизмѣненія зеленаго цвѣта, тогда какъ вода Средиземнаго и Адриатическаго морей густотою синяго цвѣта не уступаютъ индигу.

Бунзенъ замѣчаетъ, что чистота и глубина воды составляютъ необходимиыя условія ея цвѣта. Малѣйшія прихвѣсы измѣняютъ голубой и синій цвѣта воды. Такъ, напримѣръ, прихвѣсы расти-

тельного начала чернозема — *жумуса*, придаетъ водѣ бурый, темный и даже черный цвѣтъ, смотря по количеству примѣся. Многія воды, протекающія по нижнему ярусу лѣссовой формациі, принимаютъ желтый или красный цвѣтъ отъ воднаго окислѣжелеза, разсѣяннаго въ этой формациі. Обломки вулканическихъ породъ, разсыравсь въ мелкій, бѣло-сѣрый порошокъ дѣйствіемъ опускающихся ледниковъ и другими причинами, смѣшиваются съ водами ручьевъ, текущихъ изъ тѣхъ ледниковъ по ущеліямъ исландскихъ скалъ: мудрено ли послѣ этого, что вода въ этихъ ручьяхъ получаетъ молочный цвѣтъ? Во многихъ небольшихъ озерахъ сѣверной Германіи и средней Россіи примѣсь *жумуса* придаетъ водѣ темный цвѣтъ.

Чѣмъ менѣе существуетъ такихъ постороннихъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на цвѣтъ воды, тѣмъ послѣдній является чище. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣстностей, лазурный гротъ близъ Капри, въ Неаполитанскомъ-заливѣ, представляетъ примѣръ самой чистой и прозрачной воды. Здѣсь, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ можно различать мелкую монету, брошенную на дно. Входъ въ лазурный гротъ едва возвышается надъ уровнемъ моря, и почти весь свѣтъ, освѣщающій его внутренность, долженъ пройти предварительно чрезъ огромную толщу чистой воды: вотъ почему всѣ предметы внутри этого грота кажутся голубыми.

Ледники Исландіи и Швейцаріи представляютъ намъ доказательство, что вода сохраняетъ иногда свой голубой цвѣтъ даже при переходѣ въ твердое состояніе. Такъ, напримѣръ, глазъ, наблюдателя въ разстояніи даже нѣсколькихъ верстъ можетъ различать на *Локулъ* полосу синяго льда, рѣзко отливающую рядомъ съ бѣлою пеленою вѣчнаго снѣга, покрывающаго вершину горы. Разсматривая ледъ этихъ ледниковъ въблизи, удивляемся его чистотѣ, прозрачности и совершенному отсутствію воздушныхъ пузырьковъ и другихъ постороннихъ тѣлъ. Трещины огромныхъ льдинъ представляютъ здѣсь всѣ оттѣнки, отъ свѣтлоголубаго до темносиняго цвѣта, смотря по толщинѣ массы, сквозь которую проникаетъ свѣтъ.

Лазурный цвѣтъ атмосфернаго воздуха, вѣроятно, зависитъ отъ той же самой причины, какъ и лазурный цвѣтъ воды.

Что касается до зеленаго цвѣта, то онъ является намъ и здѣсь смѣшеніемъ синяго съ желтымъ. Близъ Каприо есть, кромѣ лазурнаго, еще *зеленый* гротъ, цвѣтъ котораго явно зависитъ отъ смѣшенія голубаго цвѣта воды съ желтымъ цвѣтомъ плавняка, образующаго здѣсь морское дно. Зеленый цвѣтъ швей-

царскихъ озеръ объясняется желѣзною ихъ дна, наполненнаго воднымъ окисломъ желѣза.

Мы разговорились о водѣ; скажемъ кстати нѣсколько словъ о предметѣ довольно близкомъ для насъ, петербургскихъ жителей, именно — о чистотѣ воды въ Невѣ, Ладожскомъ-озерѣ и трехъ петербургскихъ каналахъ. Извѣстно, что невская вода отличается какъ своею чистотою, такъ и пріятнымъ вкусомъ, и въ этомъ отношеніи столица наша имѣетъ важное преимущество предъ другими городами, гдѣ должно или предварительное процѣживать свою рѣчную воду, чтобы сдѣлать ее годною для питья, или довольствоваться на взглядъ чистою, но въ-самомъ-дѣлѣ обременною многими примѣсями колодезною водою. Рѣшительно можно сказать, что наша невская вода есть одна изъ самыхъ чистыхъ и пріятныхъ для употребленія въ пищу рѣчныхъ водъ.

Уже давно нѣкоторые изъ здѣшнихъ химиковъ занимались разложеніемъ воды, какъ невской, такъ и петербургскихъ каналовъ; но въ послѣднее время занялся специально этимъ предметомъ г. *Трантъ*, недавно издавшій брошюру, подъ заглавіемъ: *Das Wasser der Neva, des Ladoga—Sees und dreier Kanäle St.-Peterburgs, etc.* Извлекаемъ изъ этой брошюры слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Относительный вѣсъ невской воды при +15° Реом. и 30,53 англійскихъ дюймахъ барометрическаго давленія=1,000,022. Одинъ миллионъ кубическихъ центиметровъ этой воды содержитъ въ себѣ 40,448,669 куб. цент., свободныхъ газовъ, именно:

Углекислоты	1065,039	куб. цент.
Кислорода	8497,62	— —
Азота	30886,01	— —
	<hr/>	
	40448,669	— —

при температурѣ + 13,5° Реом. и баром. высотѣ = 30,53, англ. д.

Въ одномъ миллионѣ грановъ воды содержится:

Неорганическихъ примѣсей	32,806	гран
Органическихъ примѣсей	22,66	—
всего 56,466 грановъ постороннихъ примѣсей въ чистой водѣ.		

Въ одномъ миллионѣ грановъ воды содержатся, по вѣсу, слѣдующія неорганическія примѣси:

Сѣрниокислаго кали	1,268	гран.
Сѣрниокислаго натра	2,381	—
Хлористаго натрія	1,602	—
Хлористаго алюминія	2,557	—
Углекислой извести	15,247	—
Углекислой магнезіи	7,431	—
Углекислаго желѣза	1,173	—
Кремнекислоты	0,466	—

всего 32,125 грановъ.

Въ прежнихъ разложеніяхъ академика Гесса не показано въ невесткой водѣ содержанія желѣза *, почему г. Траппъ счелъ нужнымъ повторить свои опыты въ отношеніи къ желѣзу, почерпая воду въ различныхъ мѣстахъ рѣки и вдоль обоихъ береговъ: результаты получались постоянно одинаковые; даже вода Ладожскаго озера, изъ котораго течетъ Нева, содержитъ въ себѣ желѣзо.

Вода такъ-называемой Малой-Невки дала почти совершеннотѣ же результаты, какъ и вода Большой-Невы; впрочемъ, вода

* Разложеніе академика Гесса значительно разнится, какъ въ качественомъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ, отъ разложеній г. Траппа. Г. Гессъ нашолъ въ 100 фунтахъ невесткой воды $\frac{1}{10}$ часть по объему газовъ, преимущественно азота, съ небольшимъ количествомъ углекислоты; сверхъ того слѣдующія твердыя неорганическія вещества:

Кремнекислоты	0,04	гран.
Хлористаго алюминія	1,92	—
Хлористой магнезіи	0,97	—
Хлористаго потассія	4,17	—
Хлористаго содія	0,54	—
Хлористаго кальція	4,21	—
Сѣрниокислаго натра	1,93	—
Углекислой извести	9,40	—
Экстрактивныхъ или вытяжныхъ (органическихъ) веществъ	24,00	—

всего 47,20 грановъ.

Memoires de l'Académie des Sciences de St-Petersbourg.

VI série: Sciences math. et natur, T. I, 1831.

Невка оказалась немного почще, чѣмъ въ Большой-Невѣ, и содержитъ въ одномъ миллионѣ грановъ:

неорганическихъ веществъ	32	грана
органическихъ веществъ	22,4	—

слѣдовательно всего только 54,4 грана постороннихъ частей водѣ твердыхъ примѣсей.

Въ миллионѣ грановъ воды, почерпнутой у Анничкова-моста изъ Фонтанки, содержится:

неорганическихъ веществъ	36,406	гран.
органическихъ веществъ	24,9	—

всего 61,306 гран.; слѣдовательно, слишкомъ одною десятою болѣе примѣсей, чѣмъ въ невской водѣ.

Вода Мойки у Полицейскаго-моста еще нечще: она содержитъ гораздо большее количество органическихъ примѣсей, именно въ миллионѣ грановъ воды:

неорганическихъ	34,806	гран.
органическихъ	26,66	—

всего же 61,466 грановъ.

Изъ всѣхъ прочихъ водъ Петербурга нечще вода Екатерининскаго-канала. Миллионъ грановъ воды, почерпнутой у Казанскаго-моста, содержитъ:

неорганическихъ веществъ	37,467	
органическихъ веществъ	28,9	

всего же 66,307 грановъ.

Вода Ладожскаго озера, при относительномъ вѣсѣ = 1,0002, содержитъ въ миллионѣ грановъ воды:

неорганическихъ примѣсей	26,767	гран.
органическихъ	19,75	—

всего же 46,517 грановъ. Слѣдовательно вода Ладожскаго озера гораздо чище невской.

ПОХОЖДЕНИЕ ПРОВИНЦАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

Если бы поэзія была еще въ модѣ, мы начали бы такъ:

Прохладой вѣетъ юный гѣсъ,
Нева сверкаетъ влагой бурной,
И краска сѣрая небесъ,
Смѣнилась краскою лазурной.
Хоть не надолго—все же мы
Въ порѣ *карикатуръ зимы!*

Пора любви, пора шатавій,
По дачамъ, рощамъ и водамъ,
Съ толпой различныхъ ликованій
Ты наконецъ явилась къ намъ!
И чарамъ зелени послушны
Всѣ Петербургъ кидаютъ душный.

Не такъ пестра, не такъ жива,
Толпа гуляетъ по проспекту;
Она несетъ на острова,
Своихъ доходовъ зимнихъ лепту.
У Гунгля, Гильмана, Лумби
Своими деньги не зови!

Вивать, нашъ Излеръ, столь воспѣтый
Деревни Новой, пигмалюнь!
Давай скорый пироги нагрѣтый
Тебя поемъ—насъ ескормитъ онъ!
Да! на твои пиры и ночи
Мы кличемъ всѣхъ, что есть въ насъ мочи.

Пора, пора изъ улицъ душныхъ,
 На дачи всѣмъ переѣзжать,
 Живя въ chalets полувадушныхъ
 Насморкомъ, флюсами страдать!
 За городъ всѣ домашній хламъ
 Везуть по сушѣ и вбаламъ!

И точно, Петербургъ опустѣлъ значительно; въ немъ общее переселеніе, тѣмъ болѣе, что нынѣшнее лѣто, какъ-будто разсердась, что Пушкинъ называлъ его *Карикатурною южной зем.*, хочеть доказать ему противнае. Загородные дилжансы поминутно ходятъ взадъ и впередъ.

Петръ Александровичъ Мошкинъ сперва никакъ не хотѣлъ вѣрить тому что говорилъ ему Францъ Францовичъ Космополитскій, но скоро имѣлъ случай убѣдиться собственнымъ опытомъ.

У Петра Александровича, какъ у человѣка довольно лѣтнихъ самому хлопотать о собственныхъ дѣлахъ, былъ очень полезный человѣкъ, который за благородное возмездіе готовъ былъ за него идти въ огонь и въ воду. Человѣкъ этотъ былъ нѣкто Карпъ Ильичъ Петрошаевъ, сперва служившій Османъ, а потомъ, за сильную свою приверженность къ Бахусу, исключенный ею изъ числа ея служителей. Карпъ Ильичъ былъ, что называется, человѣкъ совершенная заплатка, пренебрегающій суетами и роскошью міра сего до того, что развѣ одинъ Діогенъ могъ войти съ нимъ въ состязаніе на счетъ неприхотливости желаній, умѣренности и всего инаго, прочаго, другаго—понимается кромѣ служенія Бахусу.

Карпъ Ильичъ жилъ гдѣ-то въ Коломнѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ комнаткѣ съ перегородкою, и добывалъ себѣ честный кусокъ хлѣба борзбписаніемъ. Мошкинъ познакомился съ нимъ случайно, и былъ очень доволенъ его аккуратностію, неусыпноностію и тѣмъ, что онъ не гнался за большимъ, а довольствовался малымъ. Никогда языкъ Карпа Ильича не занялся попросить когда-либо прибавить за посылные свои труды болѣе полтины серебра.

И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, слухъ Петра Александровича поразился словомъ, неслышаннымъ отъ Карпа Ильича, просьбою добавить ему за хлопоты трехъ-рублевую девозитную бумажку.

— Чтò это вы, спросилъ удивленный Мошкинъ: не случилось ли что у васъ экстренное?

— Именно экстренное, отвѣчалъ Петрошаевъ: такое экстренное, которое случается только предъ июнемъ мѣсяцемъ.

— Чтò же такое? спросилъ Мошкинъ.

— Переѣзжаю на дачу.

— На дачу!

Петръ Александровичъ вытаращилъ глаза.

— Какъ! вскрикнулъ онъ: вы, Карпъ Ильичъ, на дачу? Изъ какихъ же это доходовъ? Стало-быть у васъ есть кое-какая копѣйка, а между тѣмъ вы вѣчно жалуетесь.... Какъ же это?

— И вѣчно буду жаловаться, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: да, чтò прикажете дѣлать, или у моей жены такъ уже устроена организація, или у нея уже натура требуетъ непремѣнно чистаго воздуха; какъ только разстаетъ снѣгъ, покоя мнѣ день и ночь, батюшка, не даетъ; вилить, какъ пила—нанимай ей дачу да и только; нѣсколько дней чуть мухами одними не кормила. Крокодилъ ты, говорить, этакой... что это ты только о себѣ думаешь?... что ты срамишь и себя и меня: посмотри, булочница наша даже уже переѣхала на дачу, на огороды къ Московской-заставѣ.... Чтò ты будешь дѣлать! Нанялъ, батюшка....

— Гдѣ же это, спросилъ Мошкинъ: на островахъ гдѣ-нибудь, въ Новой-деревнѣ?...

— Куда намъ, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: скорѣе, кажется, можно на облака попасть жить.

— Такъ въ Полустровѣ, чтò ли?

— Куда намъ туда, не по карману!...

— На Крестовскомъ, въ Чухомской деревнѣ?

— И радъ бы, и дешевенько бъ было, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: да благовѣрная половина не желаетъ; говорить, что моя мораль можетъ испортиться; общество, видите ли, слишкомъ тамъ музыкальное и плясовое.

— Да гдѣ же, наконецъ, прибавилъ Петръ Александровичъ, пересчитавъ по пальцамъ всѣ извѣстные ему загородныя помѣщенія, сообщенныя ему обязательнымъ Францомъ Францовичемъ Космополитскимъ.

— Два шага отъ моей зимней квартиры, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: семи минутъ, ходу не будетъ—на Сальномъ-буянѣ....

— Чтò это такое за Сальный-буянь? спросилъ Петръ Александровичъ, впервые слыша такое название мѣстности.

— Чтò такое Сальный-буянь, спѣшилъ объяснить Карпъ Ильичъ. Сальный-буянь, вотъ изволите видѣть, нѣчто въ родѣ,

такъ-сказать, маленькаго островка, на которомъ складываютъ сало, недалеко отъ Бердовскихъ чугунныхъ заводовъ....

— Такъ это, почти что вы дома, замѣтилъ Мошкинъ: зачѣмъ же вамъ было переѣзжать?

— Ну нѣтъ, все-таки нѣкоторымъ образомъ не городъ, а дача, прервалъ Карпъ Ильичъ: и дешево также; хоть помещеніе немного и продуваетъ насквозь, а деревенскія удовольствія такія же, какъ и на островахъ; чего хочешь того просишь... воздухъ прездоровый, особливо когда смолистый запахъ съ Бердовскихъ заводовъ перебьетъ салыный; подалше отъ болотцевъ, влажность всегда такая въ атмосферѣ; кругомъ все такія лафонтеновскія и теньеровскія картины, что кажется бы не растаяла; кругомъ одна природа, единая чистая природа; шоссе даже нигдѣ; не только камня, слѣда нѣтъ, а все натуральное, предъ окнами нашими вода, правда, довольно красноватая, по узости канавы; посмотришь направо, видишь, какъ бабы бѣлье полощатъ, — подалѣ лошадей купаютъ съ коровами; еще подалѣ, мальчишки валяются въ пыли, а еще подалѣ очарованье и прелесть....

— Что же такое?...

— Ольшанникъ и лугъ, лугъ такой, какъ-будто кто по зеленому бархату разсыпалъ золотыя блестки.

— Что же, цвѣты? спросилъ Мошкинъ.

— Ну, нѣтъ, цвѣты, не смѣю сказать, чтобы именно можно назвать цвѣтами, если даже хотите, далеко не цвѣты, нѣчто въ родѣ курпной слѣпоты, но вѣдь согласитесь, намъ съ женою не нюхать, чѣмъ онѣ пахнутъ, а только любоваться, в то издали....

— Гм, гм! откашлянулся Петръ Александровичъ, удовлетворя желаніе Карпа Ильича.

Постоянные жары, видимое опустѣніе начали томить Мошкина; онъ взгрустнулся по своей деревнѣ, и рѣшился было уже совсѣмъ ѣхать, но Космополитскій остановилъ его.

— Что это, сказалъ онъ: какъ это можно? Да я тебя рѣшительно не пушу.

— Что же я буду дѣлать въ Петербургѣ? спросилъ Петръ Александровичъ: концерты теперь прекратились, театральныя представленія также будутъ уже не такъ часто, какъ зимой, что же я буду дѣлать здѣсь въ городѣ? позвольте васъ спросить, Францъ Францовичъ....

— Тоже, что зимой. Концертовъ, положимъ, не услышишь, но за-то можешь наслаждаться прекрасными польками, мазурками, вальсами, увертюрами изъ разныхъ оперъ, гдѣ хочешь: на Минеральныхъ-водахъ, у Излера, на Петербургской-сторонѣ, на дачѣ Королева, въ Полюстровѣ, на дачѣ Кушелева-Безбородки, въ Павловскѣ, на Крестовскомъ-острову, на Фонтанкѣ, близъ Измайловскаго-моста, въ лѣтнемъ Нѣмецкомъ клубѣ; вездѣ, повсюду звуки услѣдятъ тебя, если хочешь... Впрочемъ, что же, Петруша, желашь я тебя угощу и концертомъ?

— Какимъ концертомъ?

— Очень хорошимъ, — концертомъ на скрипкѣ, даваемымъ Франкенштейномъ, въ залѣ Бернадаки.

— А что, онъ прїѣзжій изъ-за границы? спросилъ Петръ Александровичъ....

— Нѣтъ, вашъ, и совершенно молодой человѣкъ.

— Ми, ми, произнесъ Петръ Александровичъ.

— Что у тебя можетъ значить такое мычаніе, Петя? спросилъ Космополитскій.

— Молодо, зелено, Францъ Францовичъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Лѣтами-то онъ точно молодъ, прервалъ Космополитскій: только на скрипкѣ, повѣрь, совершенный старецъ....

Францъ Францовичъ имѣлъ иногда привычку ставить ударенія на послѣднемъ слогѣ.

— Вѣдь скрипка такой инструментъ, продолжалъ Мошкинъ, что требуетъ многолѣтняго изученія....

— Онъ много лѣтъ и изучалъ скрипичную игру, замѣтилъ Космополитскій.

— А вы почему это знаете? Вѣдь это его первый концертъ.

— Нѣтъ, второй, и я разъ уже слушалъ его....

— И что же?

— Восхитился, хлопалъ, не жалѣя перчатокъ. Игра Франкенштейна исполнена чистоты и пѣвучести, въ особенности замѣчательны въ его игрѣ флажолетныя ноты. Какъ исполнитель, я не знаю, кому онъ уступить, и принявъ въ соображеніе его лѣта, можно смѣло ожидать отъ него многого и многого....

— И сочиняетъ онъ? спросилъ Мошкинъ.

— Вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ, отвѣчалъ Космополитскій: а то бы я ему сейчасъ прїискалъ мѣстечко рядомъ, знаешь съ хѣми?

— Съ кѣмъ же? спросилъ Мошкинъ.

— Не скажу, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: послушай его и прими самъ.

Космополитскій умѣлъ подстрекнуть любопытство. Мошкинъ отправился, и началъ слушать. Зала была полна. Франкенштейнъ игралъ фантазію: Воспоминаніе Рубини, сочиненія Арто, — *Orgue* Липинскаго, *Andante* изъ фантазій Аллара, и наконецъ прекрасную мазурку Копскаго, замѣчательную одушевленіемъ и переходами отъ нея къ самой нѣжной мелодіи, что особенно очень хорошо выражало самый характеръ игры Франкенштейна.

Космополитскій, приведенный въ восторгъ, поманутно щипалъ Мошкина, и твердилъ ему:

— Да что же ты, безчувственный, не хлопаешь, посмотри, у меня уже въ клочкахъ всѣ перчатки....

Но Петръ Александровичъ весь обратился въ слухъ, и только сладостно покачивалъ головою со стороны на сторону, поражая въ этомъ многимъ находившимся въ концертѣ дамамъ. Онъ съ нетерпѣніемъ дожидался окончанія игры Вурма, на корнетѣ съ клапанами — *cornet à piston*, и исполнявшаго арію изъ Пуританъ для сопрано,

Qui la voce suave,

напоминавшую Фреццолини, отличавшуюся всегда въ этой сферѣ, чтобы снова послушать молодого артиста, который, какъ будто не сознавая своего дарованія, робко наполнялъ залу задушевными гармоническими звуками.

— Молодецъ, произнесъ рѣшительно наконецъ Мошкинъ.

— Не правда ли, Петя, добавилъ Космополитскій: вотъ тебѣ и молодое, зелено—бутылка шампанскаго за тобою....

— Двѣ за то, что привели меня сюда, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Мегсі, душка. Можетъ—быть, что-нибудь прибавишь за Сеймура-Шифа, — вотъ онъ сейчасъ начнетъ играть свою фантазію изъ *Somnambula*; слушай, слушай....

И Францъ Францовичъ предварительно уже захлопалъ.

Но фантазія Сеймуръ-Шифа не произвела никакого впечатлѣнія на фантазію Петра Александровича; онъ почти привалъ полудремлющее положеніе одного господина, который просыпался только при игрѣ Франкенштейна, одушевлялся, а все прочее время находился въ самомъ пріятномъ *far niente* полудривенія.

— Вашъ Сеймуръ-Шифъ, того, мм, мм, оказалъ Петръ Александровичъ Космополитскому.

— Да, точно, онъ нынче немного не хорошъ, отвѣчалъ Космополитскій. Его фантазія совершенно не соответствуетъ настоящему характеру самой оперы.—Опера имѣетъ характеръ пасторальный, а фантазія Сеймура-Шифа часто бравурная, безъ всякой пѣвучести и мелодіи.

Петръ Александровичъ вполне согласился съ Францомъ Францовичемъ.

— И акомпанировалъ—то онъ Франкенштейну не такъ хорошо, какъ Кашевскій, замѣталъ Мошкинъ.

— Ну, Петья, подтвердилъ Космополитскій: дай послѣ концерта обнять себя; у тебя премувзыкальный тантъ....

Мошкинъ не былъ послѣ концерта Франкенштейна ни на одномъ концертѣ, и обратилъ все свое вниманіе на острова, съ нетерпѣніемъ дожидаясь, когда наведутъ Троицкій-мостъ, чтобы ѣхать въ Излеру на минеральныя воды.

Наконецъ мостъ этотъ былъ наведенъ, и въ одно прекрасное утро, Петръ Александровичъ имѣлъ удовольствіе прочесть, что Излеръ приглашаетъ публику къ себѣ, на хоръ цыганъ, исполнующую музыку, а главное, на воздушное путешествіе чело-вѣка на искусственной лошади.

Петръ Александровичъ хотѣлъ нанять коляску, но Францъ Францовичъ остановилъ его.

— Помылуй, Петръ Александровичъ, сказалъ онъ: какъ ты дичишь; ну что тебѣ коляска? Въ коляскѣ ты можешь ѣздить во всѣхъ городахъ; какъ не столичному жителю, тебѣ нужно испытать всѣ полезныя учрежденія и непременно поѣздить въ загородныхъ дилижансахъ!

— А, прервалъ Мошкинъ, такъ и на дачи ходятъ дилижансы?

— Куда тебѣ угодно, можешь доѣхать за 15 копѣекъ серебромъ: на Крестовскій, въ Полюстрово, въ Новую-деревню, на Черную-рѣчку; за 50 въ Лѣсной институтъ, Сергіевскій-монастырь, Александровскую-мануфактуру. Только на дачу Королева не поедешь въ дилижансѣ, за то можешь ѣхать на маленькомъ рѣвнемъ пароходѣ, который, почти каждый часъ отходитъ отъ пристани Лѣтняго-сада.

— Bravo, bravo! вскрикнулъ Петръ Александровичъ: непременно поѣду въ дилижансѣ.

День былъ прекрасный, самый благопріятный для воздуха

го плаванія, и Петръ Александровичъ, вооружившись, ради прекрасной погоды, на всякій случай, зонтикомъ, отправился къ Гостинному-двору, откуда разъѣзжаются дилижансы во всѣ стороны. Предъ каждымъ дилижансомъ стояли толпы народа, требуя билетовъ.

Петръ Александровичъ подошелъ къ одному стоявшему къ толпѣ господину.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ: здѣсь ѣздить въ Новую-деревню?

Господинъ утвердительно кивнулъ ему головой.

Петръ Александровичъ продрался къ кондуктору, и протянулъ ему руку съ ватпальтинымъ; тотъ вынималъ только жестяной флагъ и втыкалъ его надъ дверцей дилижанса.

— Любезный, кричалъ Мошкинъ: пожалуй мѣстечко къ Излеру.

Кондукторъ молча показалъ ему на флагъ.

— Билетикъ, любезный, билетикъ, знаю и безъ флага куда хочу ѣхать, твердилъ Мошкинъ, не обращая большого вниманія на жестъ кондуктора....

— Извольте видѣть, нельзя....

Петръ Александровичъ поднималъ глаза, и съ большою досадою прочиталъ роковую надпись:

ПОЛОНЪ!

— Вотъ тебѣ и разъ! проговорилъ Мошкинъ: какъ же я теперь попаду въ Новую-деревню?...

— Черезъ часъ, отвѣчалъ кондукторъ.

Въ эту минуту подернулся къ Мошкину извозчикъ, и въ зависти ремесла предлагалъ даже доставить Петра Александровича на Минеральныя-воды гораздо скорѣе дилижанса, за четвертакъ, но Мошкинъ былъ капризенъ и любилъ поставить все на своемъ.

Онъ предположилъ поѣхать не иначе, какъ въ дилижансѣ, а поѣхать бы, еслибъ даже пришлось ему дожидаться до полуночи.

Петръ Александровичъ пошелъ бродить по Гостинному-двору, поморщился отъ продаваемого тамъ малиноваго кваса, котораго достоинство онъ также хотѣлъ испытать, и уже за полчаса времени стоялъ у сборнаго пункта, высматривая появленіе дилижанса.

Чуть только завидѣлъ Мошкинъ возвратившійся загородный дилижансъ, онъ юркнулъ въ него первымъ, и заплативъ пла-

ту за фрахтъ, утѣлся въ самый задній уголъ, занавѣсивъ лицо отъ солнца занавѣсками. Всего мучительнѣе показалось ему время сборовъ, толкотня и хожденіе по чужимъ ногамъ, сопровождаемое многоразличными гримасами.

Наконецъ дилижансъ двинулся въ путь. Петръ Александровичъ началъ осматриваться и прислушиваться къ различнымъ разговорамъ.

Двое какіе-то солидные господа говорили очень серьезно о несчастіи, постигшемъ какого-то, Ивана Ивановича, и поминутно вскрикивали.

— Вотъ онъ вамъ, примѣръ земной коловоротности!

— Не говорите, Николай Петровичъ, на свѣтъ нѣтъ ничего вѣрнаго, кромѣ смерти....

Петръ Александровичъ началъ прислушиваться, и узналъ, что вся земная коловратность и невѣрность міра заключалась въ томъ, что Иванъ Ивановичъ проигралъ семь въ червахъ, нѣтъ шесть старшихъ козырей и два туза....

За упрекомъ судьбѣ слѣдовали глубокомысленныя замѣчанія, что если бы Иванъ Ивановичъ поступилъ такъ или этакъ, вышло бы иначе, но Мошкинъ уже не сталъ ничего слушать, и пропустивъ мимо ушей разговоръ двухъ дамъ о преимуществѣ крахмаленаго коленкора, предъ какою-то *марлею*, погрузился въ полудремоту.

— А между-тѣмъ дилижансъ катилъ себѣ да катилъ. Ызда продолжалась почти сорокъ минутъ, и наконецъ вдругъ наступившій шумъ заставлялъ Мошкина открыть глаза.

Онъ пріѣхалъ на мѣсто своего назначенія.

Господи, какой великолѣпный видъ открылся передъ нимъ— Нева широкою полоскою разстилалась межъ высокихъ береговъ, вдали бѣлѣлись и желтѣлись дома Петербурга, а нагѣво золотые кресты какого-то величественнаго монастыря потонули въ синевѣ неба.

— Это что за зданіе? спросилъ Мошкинъ, у кондуктора.

— Смольный монастырь, сударь.

— А, проговорилъ Петръ Александровичъ: право, для одного мѣстоположенія можно ѣздить.

И онъ пошелъ вслѣдъ за прочими, къ открытымъ дверямъ большаго сада.

— Гдѣ тутъ пройти мнѣ, любезный, на воды, спросилъ Мошкинъ сторожа.

— На какія воды, сударь?

— На минеральныя!

— А! на желѣзныя; еще далеконько; извольте пройти, садъ, потомъ аллею, и какъ разъ вы на минеральныхъ водахъ.

Петръ Александровичъ отправился.

Долго блуждалъ онъ по саду, вышелъ наконецъ въ поле, и благодаря разспросамъ, добрался до какого-то новаго садика, въ которомъ возвышалось строеніе и волновался маленькій прудъ.

Было уже около восьми часовъ вечера, но Петръ Александровичъ не замѣтилъ, не только ни одного экипажа, но даже ни одного гуляющаго.

— Что это, подумалъ онъ: въ афишѣ сказано: начало въ 7¹/₂ часовъ; теперь почти восемь, а ни души живой; неужели праздникъ отмененъ по какому-нибудь экстраординарному случаю?...

И онъ продолжалъ идти, вошелъ наконецъ въ строеніе, и обратился съ вопросомъ къ челевѣку, складывавшему простыни и полотенцы.

— Это минеральныя воды?

— Это-съ.

— Что же у васъ нынче нѣтъ праздника, какъ было объявлено афишами и въ газетахъ?

— Мы не объявляли никакого праздника, отвѣчалъ слуга. Собираются, правда, у насъ кое-когда потанцевать, только гораздо позднѣе, такъ, въ концѣ іюня, да и то безъ всякихъ афишекъ.

— Что ты городишь, вскрикнулъ Петръ Александровичъ, а это что же такое по твоему?

И Мошкинъ подставилъ печатную афишу подъ глаза слуги.

— Вотъ тутъ именно вашъ Излеръ объявляетъ о томъ, какъ будетъ летѣть шаръ.

— У насъ не Излеръ, а докторъ, перебилъ слуга.

— Какъ, вскрикнулъ, Петръ Александровичъ, какой докторъ? Да гдѣ же я? Вѣдь это Новая-деревня?

— Нѣтъ, это Полюстрово, отвѣчалъ слуга.

— Полюстрово!

У Петра Александровича опустились руки.

— Полюстрово, повторилъ онъ, такъ стало-быть я ошибся дилижансомъ, и вмѣсто однихъ водъ попалъ на другія; не хорошо, очень нехорошо. А далеко отсюда Новая деревня?

— Да верстъ пять будетъ, получилъ онъ въ отвѣтъ.

Можкивъ покачалъ головою, и усталый, снова побрелъ назадъ, по длинной аллеѣ; онъ уже не хотѣлъ ѣхать въ Излеру и остался въ Полюстровѣ. Полюстровскій садъ и дачи напомнили ему уѣздный городокъ, въ которомъ все тихо, все степенно, и также въ общественномъ саду играетъ музыка, кое-когда впрочемъ.

Неудача съ дилижансомъ разстроила его впрочемъ немного, и онъ на другой же день сказалъ Францу Францовичу.

— Ну, Францъ Францовичъ, ваши дилижансы завезли-было меня Богъ знаетъ куда, впрочемъ, я не очень сердился и могъ узнать, что, такъ-сказать, въ самомъ Петербургѣ, есть воды минеральныя и не искусственныя. Скажите пожалуйста, отъ чего ими такъ мало пользуются, и давно ли онѣ открыты?

— Открыты онѣ очень давно, отвѣчалъ Космополитскій; еще при Петрѣ Великомъ, а пользуются ими мало отъ того, что не вошло мѣсто въ моду. Надо, чтобъ кто-нибудь имъ далъ толчекъ, чтобы какой-нибудь богатый и модный человекъ прославилъ ихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, случилось бы на нихъ какое-нибудь романическое, пѣжное приключеніе.

— Тогда жъ, чтѣ бы, спросилъ наввио Петръ Александровичъ Космополитскаго.

— Тогда люди кишили бы на этихъ водахъ, какъ сельди въ Норвежскомъ морѣ; проходу бы не было. И не такія воды влекли къ себѣ несмѣтную толпу, безъ музыки, безъ воксала, безъ всякихъ пѣсенъ. Вотъ, напримѣръ, Лизинъ прудъ въ Москвѣ?

— А чтѣ такое? спросилъ Петръ Александровичъ.

— Вавда! вскрикнулъ Космополитскій.

— Почему же это?

— Татаринъ!

— Да отчего же?

— Не Рускій и не Москвичъ! окончилъ Францъ Францовичъ.

Францъ Францовичъ имѣлъ слабость почитать себя урожденцемъ всевозможныхъ существующихъ городовъ, гдѣ только

ни случилось, какое-нибудь знаменитое происшествіе, или родился, жилъ и умеръ какой-нибудь замѣчательный человекъ. Иногда случалось такъ, что когда говорили вдругъ о какихъ-нибудь замѣчательныхъ лицахъ, оказывалось, что Космополитскій родился въ одно и тоже время на двухъ противоположныхъ полюсахъ земли. Но это не мѣшало ему быть восторженнымъ поклонникомъ всего великаго, прекраснаго и вѣжнаго. Итакъ, Францъ Францовичъ продолжалъ исторію о бѣдной Лизѣ.

Онъ разсказалъ Петру Александровичу, какъ Карамзинъ, сожалея объ участи, одного тинистаго, мелкаго, московскаго пруда, обставленнаго ивами, пожелалъ и ему доставить такую же извѣстность, какою пользовались, не только пруды Прѣсни, но и самые Чистые-пруды, названныя такъ издавна, вѣроятно, по меньшему количеству тины противъ болотъ. Онъ создалъ бѣдную Лизу.

Одно только чудное перо Карамзина могло свершить въ этомъ пруду такое чудо, и ему всё повѣрили.

— И что же? спросилъ Мошкинъ.

— То, отвѣчалъ Космополитскій: что Лизинъ-прудъ, съ этого времени, принесъ много благъ и сдѣлался моденъ, какъ баденъ-бааденскія, спааскія, ахенскія и карлсбадскія воды, всё вмѣстѣ. О поѣздкѣ за границу не было и толку; всё болѣзни исчезли. Всѣ дамы переродились въ Лизы, и уже не толковали ни о нервныхъ болѣзняхъ, ни о томительныхъ лихорадкахъ, а только и бредили, чтобы побывать на Лизиномъ-прудѣ.

— Вѣдь это ужасъ что такое! вскрикнулъ Мошкинъ. Что жъ мужа?

— Мужья предоставляли имъ дѣлать, что угодно, въ полной увѣренности, что ихъ супруги примутъ только необходимую, очень успокоительную ванну.... А между-тѣмъ, гулянье и извѣстность все-таки составились.

— Да это недурно, замѣтилъ Петръ Александровичъ: такъ стало-быть и на излеровскихъ минеральныхъ водахъ, случилось что-нибудь подобное, сочиненное.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: по у него случаются изверженія Везувія, пепель и тому подобное, такъ очень многіе и спѣшатъ посмотрѣть на такое разрушительное дѣ-

ствіе природы, чтобы ужасаться пресноюкою проглатывая сладкіе пирожки.

— Bravo, вскрикнулъ Петръ Александровичъ: жаль, что мнѣ не удалось побывать у Излера; теперь, можетъ-быть, онъ долго не дастъ объявленія о какомъ-нибудь праздникѣ.

— Успокойся, отвѣчалъ Францъ Францовичъ можешь быть у него каждый день, съ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ. По воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ слушать концерты Ивана Гунгля и хоръ московскихъ цыганъ, которыхъ пора бы, за ихъ долговременное здѣсь, пребываніе, переименовать въ петербургскихъ. По средамъ и пятницамъ, концерты Гунгля и магическія представленія Мартини. По понедѣльникамъ и субботахъ тотъ же Гунгль, по програмѣ. Все это за 50 коп. сереб., если не хочешь заплатить за весь лѣтній сезонъ, исключая бенефисовъ, 50 руб. сер. за 100 билетовъ.

— Да вѣдь все каждый день да каждый день одно и то же, можетъ наскучить, замѣтилъ Мошкинъ.

— Тогда поѣзжай на дачу Королева, хотя въ меньшее, но хорошее общество, и наслаждайся оркестромъ Люмби. Наскучить Королева дача; отправляйся въ Павловскъ, слушать превосходный оркестръ Юсіа Гунгля. Любишь военную музыку— поѣзжай на Крестовскій-островъ, въ Лѣсной-Институтъ, въ Александровскій-паркъ. Одна только Черная рѣчка лишена музыки, но и тамъ, вѣроятно, она когда-нибудь явится.

— Только я уже поѣду на рѣчныхъ пароходахъ, сказалъ Петръ Александровичъ.

— И то добре, подтвердилъ Францъ Францовичъ.

Плаваніе на рѣчныхъ пароходахъ очень понравилось Петру Александровичу; новость путешествія, разнообразіе общества и склоны паровой трубы подъ мостами, съ выходящимъ дымомъ, манили его своею новостію. За 20 коп. серебромъ, онъ побывалъ такъ и на Королевой-дачѣ, и на Минеральныхъ-водахъ и на Крестовскомъ-островѣ, на которомъ имѣлъ удовольствіе видѣть многообразныя дарованія русскаго народа. Онъ стоялъ полуразинувъ отъ страха ротъ, видя, какъ человекъ на тонкомъ канатѣ, очень высоко натянутомъ, выдѣлывалъ разныя, трудныя на, и твердо рѣшилъ въ своемъ умѣ, что это долженъ

быть какой-нибудь Нѣмецъ, получающій огромную плату, какъ вдругъ, около его ушей раздался голосъ:

— Ай да Тришка, вотъ у человѣка два разума въ головѣ: и жилеты славно тачаетъ, и по воскресеньямъ публичку тѣшитъ.

Мошкинъ сталъ прислушиваться.

Оказалось, что это былъ какой-то подмастерье портной, который, находилъ удовольствіе забавляться по праздникамъ пеганами.

Тутъ же онъ могъ убѣдиться, что пускаться на такое отважное воздушное путешествіе, игра не стоила свѣчь. Послѣ громкихъ аплодисментовъ и одобреній публички, Тришка, отправился собирать съ зрителей дань за свое искусство. Дань бросали въ испанскій токъ.

Петръ Александровичъ очень щедро опустилъ въ него четвертакъ, опасаясь, не обидѣлъ ли онъ этимъ артистовъ; но онъ скоро успокоился, видя, какъ другіе кидали въ этотъ испанскій токъ даже копѣйку серебра, а иные, вѣроятно, къ видѣ букетовъ, и простую полевую травку.

Мошкинъ весь предался путешествіямъ по дачамъ, не предполагая, чтобы ему могли готовиться какія-нибудь другія наслажденія, кромѣ музыки, виду зелени, да воды и все воды, какъ однажды утромъ вошелъ къ нему Космополитскій.

— Петя, вскричалъ онъ: плачь мой другъ, плачь скорѣе.

— Почему, отъ чего?

— Рыдай, не разсуждай!

— Да что такое случилось, по-крайней-мѣрѣ, добивался Петръ Александровичъ.

— Дѣлай хоть грустную мину, тогда скажу, упрасивалъ Космополитскій.

Петръ Александровичъ кое-какъ ухитрился исполнить желаніе пріятеля.

— Ну, теперь слушай, онъ уѣзжаетъ, онъ растается съ нами.

— Да кто, Боже мой? я рѣшительно не понимаю, Францъ Францовичъ.

— Мой, твой, нашъ.... теперь понимаешь, черствое сердце?...

Мошкинъ замоталъ головою.

— Каратыгинъ старшій ѣдетъ за границу, проговорилъ протажно Космополитскій.

— Да, это грустно для любителей трагедій, подтвердилъ Петръ Александровичъ.

— Позволь тебя поцѣловать за такой здравый толкъ; но между-тѣмъ знай, что онъ нынче въ послѣдній разъ восклицаетъ нубляку, играя Лира, въ трагедіи Шекспира, пойдемъ, протанисся.

Они отирались; театръ былъ полонъ, и рукоплесканія не умолкали. Каратыгинъ былъ вызванъ разъ тридцать. Поднимались голоса вызывать его еще, но онъ уже не показался, утомленный сильною игрою и тѣми ощущеніями, которыхъ онъ не могъ не раздѣлять.

Вскорѣ начались представленія и на Каменно-островскомъ театрѣ, но Петръ Александровичъ не былъ на нихъ, и только ѣздитъ отзывы отъ Космополитскаго о новомъ актерѣ Лешенилѣ, ангажированномъ здѣшней Дирекціею.

За то, прочитавъ объявленіе, что въ залѣ придворной пѣвческой Капеллы гг. придворные пѣвчіе дадутъ духовный концертъ, въ пользу вдовъ и сиротъ, не замедлилъ посѣтить этотъ концертъ и преслужать восемь нумеровъ, состоявшихъ изъ концертовъ Бертинскаго и духовнаго пѣнія, сочиненія Львова.

Мошкинъ возвратился вполне довольный концертомъ, не жалѣя давнаго рубля серебромъ, и вполне согласна, что такой прекрасной и полной вокальной музыки, какъ у насъ, рѣдко найдешь, гдѣ въ цѣлой Европѣ.

О кустарникѣ, называемомъ по-латынѣ—*Crataegus*. Много уже писали, и безпрестанно еще пишутъ о томъ, какъ познакомить съ кустарникомъ, называемымъ полатынѣ—*Crataegus*, — и какъ усвоить своей землѣ этотъ полезный кустарникъ, и не скупятся выписывать сѣмена онаго изъ-за границы; вѣроятно полагая, что латинское названіе придастъ ему болѣе цѣнности: на повѣрку же выходитъ, что это чинная мистификація, ибо *Crataegus* есть не иное что, какъ боярышникъ, который растеть дико по всѣмъ мѣстамъ южной и средней полосѣ обширной Россіи; кустарникъ, который знаютъ старый и малый въ этихъ полосахъ, и ягоды котораго многіе кушаютъ очень охотно: разведеніе же онаго въ сѣверной полосѣ не требуетъ особой заморской премудрости, а дѣлается очень просто; и вотъ въ чемъ состоитъ всѣхвѣтность.

Надобно достать переспѣлыя ягоды боярышника изъ средней полосы Россіи, поближе отъ того мѣста, гдѣ захочется его разводить; сажать ихъ цѣлякомъ, или вынувъ изъ нихъ сѣмяна, (какъ кому заблагоразсудится, но первое лучше) послать ихъ въ позднюю осень, когда почва уже охладѣла; для этого сухое мѣсто лучше, нежели сырое или мокрое; сѣмяна посыпаютъ сверху немного куринымъ или другимъ птичьимъ пометомъ; закрываютъ ихъ землею, на полъвершка толщины, а потомъ сухою соломой, также около полъвершка: отъ этого весной снѣгъ позже растаетъ на этомъ мѣстѣ, и молодые растенья пойдутъ сильнѣе. Въ первую за тѣмъ зиму осыпаютъ молодые побѣги сухимъ древеснымъ листомъ, чтобы предохранить ихъ корни отъ дѣйствія сильныхъ морозовъ; чему насъ научаетъ сама природа, ибо мы видимъ, что деревья, чьи корни оставляютъ на зиму подъ упавшимъ съ нихъ листомъ, лучше переносятъ зиму, нежели тѣ, съ которыхъ сметаютъ этотъ листъ.

Если боярышникъ посѣяли грядками, для будущей пересадки, то пересаживаютъ молодые деревца не прежде второй осени; а если его сѣютъ для составленія живой ограды, то лучше сдѣлать посѣвъ порѣже; такъ чтобы оставить молодые деревца на мѣстѣ безъ пересадки; а чтобы онѣ скорѣе кустались, то отъ времени до времени срѣзываютъ верхушки главныхъ вѣтвей; когда же онѣ составятъ собою стѣну, тогда стригутъ ихъ по обыкновенію; только не должно ихъ ни обрѣзывать, ни стричь, въ то время, когда сокъ жидокъ, то есть въ іюнѣ и

юмѣ мѣсяцахъ: иначе это можетъ причинить течь, и повредить растенія.

Такимъ простымъ образомъ можно усвоить, и въ сѣвѣрной нашей полосѣ этотъ столь полезный кустарникъ, подѣ природнымъ русскимъ названіемъ боярышника, не имѣя надобности, ни въ латинскомъ названіи, ни въ выпискѣ сѣмянъ изъ-за границы, ни въ заморской премудрости для разведенія его; въ зачѣвъ, не вздумаетъ ли кто попробовать отвезти за границу нѣсколько возовъ сѣмянъ нашего боярышника, чтобы ихъ тамъ продать подѣ настоящимъ русскимъ названіемъ, не объясняя того, что это тоже самое, что они оттуда къ намъ присылали подѣ названіемъ — *Cratoegus*?

Старый русскій агрономъ.

Простыя средства противъ чахотки. Взять муравленнѣй горшокъ, положить въ него слой телячаго легкаго, нѣрѣзаннаго ломтиками; потомъ слой истолченнаго леденцу; за тѣмъ слой коринки; опять слой легкаго; продолжая такимъ образомъ, пока горшокъ полонъ: потомъ накрывъ его крышкою, замазать тестомъ, поставить въ вольную печь, и оставить тамъ пока печь остынетъ; тогда вынуть изъ печи, процѣдить и выжать жижу. Этому сиропу надобно давать больному два или три раза въ сутки по столовой ложкѣ до выздоровленія.

2. Собирать въ маѣ мѣсяцѣ росы съ ромашки, и выпавать на тонцакъ каждое утро, отъ одной столовой ложкѣ до большой рюмки, сколько уластся набрать. Набираютъ же эту росу, наставлявъ съ вечера на грядку съ ромашкою простыню или салфетки, и въ слѣдующее утро до восхода солнца, выжать изъ нихъ росу; которую должно тотчасъ выпить; послѣ того полезно проходиться около четверти часа, не принимая никакой пищи.

3. Положить на фаянсовое, фарфоровое, или стеклянное блюдо три фунта мелко истолченнаго сахару рафинаду, а на него отъ 20 до 25 живыхъ крупныхъ, желтыхъ улитокъ, (которыя безъ доминокъ) по французски, *limaçons jaunes*; отъ этого сахаръ приходитъ въ нѣкоторый родъ броженія, при чемъ вбираетъ въ себя весь сокъ изъ улитокъ, такъ что наверху останутся только ихъ кожицы, которыя бросаютъ. Образующійся отъ того густой сиропъ сохраняютъ для употребленія въ стеклян-

водъ брызгѣ, въ холодномъ мѣстѣ. Каждый разъ что большой закашляетъ, онъ долженъ взять на языкъ чайную ложку этого сирова, и проглотить его по мѣрѣ того, какъ онъ разоидется: впрочемъ чѣмъ чаще, тѣмъ лучше.

4. Взять вѣскольго живыхъ лягушекъ (зеленыхъ), положить ихъ въ глянцую муравленую чашку; накрыть другою такою же чашкою; скрѣпить эти двѣ чашки вмѣстѣ плотно, посредствомъ проволоки, и стоять въ воющую печь: лягушки совершенно тамъ высохнутъ; послѣ чего истолочь ихъ въ мелкій порошокъ: этого порошка даютъ больному принимать вѣсколько разъ въ день, смѣшивая пол-драхмы его, съ двумя драмами розоваго варевья. Драхма равняется $\frac{1}{4}$ золотника.

Баронъ Александръ Бодэ.

Новосици иностранныя. — Дѣтскіе балы въ Парижѣ, въ бѣдшой модѣ. На эти балы приглашаютъ ихъ свѣтлости князя и княгиню Колибри. Этотъ князь и эта княгиня самые прелестныя карлики, какіе только могутъ быть на свѣтѣ. Чтобы торжество ихъ было полное, вмѣстѣ съ ними приглашаютъ знаменитаго великана изъ Мюльхаузенской кофейни. Контрастъ удивительный. Однимъ взглядомъ вы объимаете и самое гиперборейское преувеличеніе и самое уменьшительное олицетвореніе рода человѣческаго.

Эти забавныя особы часто являютъ въ Зимнемъ-саду, гдѣ праздники слѣдуютъ одинъ за другимъ безпрерывно.

Заразительный примѣръ г-жи Зонтагъ продолжаетъ обнаруживаться. Не одни только привлекательность славы или необходимость поправить разстроенное состояніе заставляютъ особы, оставшіяся театръ, по какому-нибудь благоприятному стеченію обстоятельствъ или блестящему положенію въ свѣтѣ, снова являться на сцену. Театръ имѣетъ разнаго рода очарованія; есть артисты, которые любятъ его просто, не требуя отъ него ни славы, ни богатства, и которые для этого охотно отказываются отъ самаго пріятнаго и заманчиваго существованія.

Молодая актриса одного изъ театровъ, дѣвица Д... оставила сцену нѣсколько времени тому назадъ по прихоти судьбы, которая излила на нее свои богатые дары: Ст-тѣхъ-портъ дѣвица Д... красовалась въ числѣ самыхъ роскошныхъ дѣвицъ. У нея прекрасный домъ, въ пятнадцати шагахъ отъ Оперы; роскошно меблированный, чудные экипажи, лошади, лакеи, и пр. Когда она проѣзжаетъ по бульвару или по Елисейскимъ полямъ въ своей коляскѣ или въ своемъ гелуфомъ купѣ, любителя восхищаются прелестью ея упряжки, осанкою ея: англійскаго лучера въ бѣломъ парикѣ, красотою кареты и пріятностью лица, которое выказывается изъ-за дверца.

Кажется дѣвица Д... имѣть все, что только можетъ составить счастье женщины; она имѣть все, чѣмъ можно затмить самыхъ отчаянныхъ свѣтонихъ дамъ; все удовольствія, все торжество, которое можетъ дать богатство въ ея распоряженіи, — однакожъ послѣ двухъ лѣтъго пользованія этими удовольствіями, они ей наскучили; денежное существованіе стало ей въ тягость; она стала сожалѣть о своей театральной жизни и, наконецъ, снова вступила на сцену, гдѣ, въ скоромъ времени повзрѣетъ.

Можно понять отчасти эту страсть къ театру въ дѣвицѣ: которая свободно предается своему искусству, являясь на сценѣ, отъ времени до времени, отдыхая два дня, чтобы торжественно вѣзвать въ третій, употребляя время отдыха какъ ей домръса; пользуясь отличнымъ уваженіемъ и сохраняя величавость, въ контрактъ, ее обогащающемъ. Но во вступленіи на сцену дѣвица Д... совѣтъ другое дѣло.

Нѣтъ ничего тягостнѣе обязанности артиста на какомъ-нибудь небольшомъ французскомъ театрѣ.

Всякій день надо встать утромъ рано, надо быть на репетиціи, и актриса должна быть на сценѣ въ полномъ одѣланіи, до двенадцатаго. Репетиціи продолжаются до четырехъ часовъ по полудни. Актриса располагаетъ послѣ это: воспользоваться минутой свободы, чтобы отобѣдать, что она должна сдѣлать какъ можно поспѣшнѣе, потому что, если она играетъ въ первой пьесѣ, то должна явиться въ свою ложу, по крайней мѣрѣ въ шесть часовъ, чтобы успѣть одѣться. Если она играетъ въ послѣдней пьесѣ, то должна оставаться въ театрѣ до полуночи. Пока она раздѣвается, стираетъ свои румяны, одѣвается въ обыкновенное платье и пріѣзжаетъ домой, уже часъ ночи; и она только и свободна на столько времени, сколько необходимо, чтобы заснуть; въ это же время, она должна выучить свои ро-

ли, научить, эффекты, если она изъ тѣхъ немногихъ, которыя ихъ изучиваютъ.

Въ награду за всѣ эти пожертвованія и за эту совершенную зависимость, актриса, которой талантъ состоитъ въ хорошенькомъ личикѣ и прекрасныхъ костюмахъ, получаетъ жалованья пятьдесятъ экю въ мѣсяцъ.

Для этой-то выгоды дѣвица Д.... отказывается отъ своего блестящаго образа жизни. Въмѣсто того, чтобъ показывать себя въ Булонскомъ лѣсу, ея экипажъ будетъ стоять у дверей театра; вмѣсто того, чтобъ проводить время въ роскошныхъ комнатахъ своего дома, она будетъ съ утра до вечера въ законченной залѣ; вмѣсто того, чтобъ жить независимо, она должна покоряться театральнымъ правиламъ. Но ея имя будетъ напечатано въ афишахъ и въ журналахъ; она будетъ являться каждый вечеръ въ разныхъ видахъ передъ множествомъ зрителей; она наконецъ будетъ комическою актрисой, и это званіе, вѣрно, имѣетъ много прелести, потому-что его покупаютъ такою дорогою цѣною...

— Бельгія, какъ я уже писалъ вамъ, преимущественно страна праздниковъ и разныхъ церемоній. Каждый городъ имѣетъ свой годовой праздникъ, каждый праздникъ свою процессію; все время дня наполнено почти нив. Но въ Бельгій праздники и торжественныя процессіи — необходимыя условія каждаго праздника, имѣютъ особенный характеръ — который можно встрѣтить во Франціи только въ нѣкоторыхъ областяхъ, близкихъ къ Бельгій.

Бельгійцы, и особенно Фламандцы, глубоко уважаютъ обычая своихъ предковъ и обряды стараго времени; они вчитаютъ преданія, и тому, кто хоть мало знакомъ съ туземнымъ языкомъ, смѣло можно обратиться съ вопросомъ къ какому-нибудь образованному жителю Фландріи и узнать отъ него что нужно. Каждый изъ нихъ знаетъ превосходно исторію своего отечества, не смотря на разные перевороты, которые оно потерпѣло отъ восточныхъ чужеземныхъ вторженій.

Религіозныя празднества въ этой странѣ, имѣя историческій характеръ, всегда находятъ сильное сочувствіе въ народѣ, особливо въ Брюгѣ, въ самомъ сердцѣ Фландріи. Годовой праздникъ *Святой Крови Господней* привлекаетъ туда безчисленныя толпы народа.

Весь городъ, начиная съ самыхъ богатыхъ фамилій до самыхъ бѣдныхъ, старается принять какое-нибудь участіе въ церковной процессіи этого праздника.

Брюгъ съ радостію принялъ на себя обязанность исполнять это торжество.

Шествіе процессіи среднихъ вѣковъ, посреди этихъ древнихъ памятниковъ, даетъ празднеству какой-то мѣстный оттънокъ и торжественность.

Нынѣшній годъ процессія была назначена 6 мая (1850), но измѣнчивость погоды заставила отложить ее до слѣдующаго дня.

Съ 5 мая, всѣ дома, гостиницы и окна были уже заняты и отдавались за огромную плату. Нѣкоторые Англичане платили по двѣ гинен, чтобы только просунуть голову въ окно, чрезъ головы другихъ. Всѣ улицы, по которымъ должна была проходить процессія, были украшены и убраны зеленью, цвѣтами и установлены бельгійскими, французскими, голландскими и англійскими знаменами или флагами съ эмблематическими изображеніями. Колокола звонили безъ умолка; жители, въ праздничныхъ одеждахъ, кишѣли на улицахъ.

7 мая, не смотря на переменчивое состояніе погоды, процессія двинулась изъ церкви Богоматери, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Хоръ музыкантовъ кирасирскаго полка; отрядъ того же полка; взводъ егерей національной гвардіи; цехъ столяровъ; историческій цехъ *древней гильдіи*, *gilde*, родъ конгрегаціи среднихъ вѣковъ, установленной вслѣдствіе слѣдшаго обѣта. Сперва идутъ члены гильдіи, предшествуемые герольдами съ богатыми знаменами, украшенными гербами городовъ Брюга, Гента, Куртре, Лалла, и Инера; всѣ въ одеждахъ того времени. За ними графъ Робертъ Бетунскій съ дворомъ.

Кортежъ этотъ напоминаетъ сраженіе Монсъ-ан-Тоальское, въ 1304 году, въ которомъ, Брюгцы одержали побѣду надъ Французами.

Молодые дѣвушки везутъ аллегорическую колесницу и держатъ въ рукахъ лавин и зеленыхъ пальмовыхъ вѣтви.

Кортежъ этотъ идетъ между двумя рядами дѣтей, украшенныхъ цвѣтами и одѣтыхъ въ бѣлыя и голубыя платья.

Хоръ музыкантовъ 7 линейнаго полка.

Хоругви церкви Святой Анны.

Кортежъ, напоминающій крестовый походъ, въ которомъ вельможа Фландрія и бароны помогали св. Людовику. Они всѣ одѣты въ полный придворный нарядъ, предшествуются герольдами и послѣдуются пажами и конюшными.

Группа дѣвицъ, представляющая символъ *страданій*, въ шелковыхъ платьяхъ, пурпурнаго цвѣта, въ бархатныхъ мантияхъ того же цвѣта, съ золотыми вѣнцами и украшеніями.

Толпа дѣвицъ, представляющая символъ *ликованія*, въ голубыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ мантияхъ бархатныхъ того же цвѣта, въ золотыхъ вѣнцахъ и украшеніяхъ.

Толпа дѣвицъ, изображающая символъ *славы*, въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ бархатныхъ мантияхъ того же цвѣта, въ золотыхъ вѣнцахъ и украшеніяхъ.

Кортежъ, напоминающій учрежденіе мальтійскаго ордена Іоанномъ Мальтой, докторомъ богословія въ Парижѣ, имѣвшаго дѣлю освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ. Оно выкупило въ то время до 2,400 плѣнниковъ.

Шествующіе представляютъ христіанскихъ невольниковъ въ дѣлкахъ, торговцевъ невольниками въ восточныхъ одеждахъ, Іозада Мальту и пустыинника Федикса де Валуа, основателей ордена, бургомистръ Брюгской, освобожденный изъ неволи рыцарями съ его семействомъ; матросы корабля, который привезъ *де Милдера* въ Брюгъ; горожане въ обыкновенныхъ вывѣшнихъ платьяхъ.

Хоръ музыки гражданской гвардіи.

Отрядъ гражданской гвардіи.

Кортежъ пилигримовъ въ одеждахъ среднихъ вѣковъ.

Кортежъ Карла-Смѣлаго, герцога Бургундскаго, и дочери его Маріи, которыхъ гробницы находятся въ Брюгѣ.

Толпа составляетъ два кортежа, Карлъ-Смѣлый окруженъ своими вельможами, рыцарями и баронами въ латахъ, съ обшитыми щечками въ руки.

Марія Бургундская съ своими придворными дамами, въ одеждахъ того времени.

Кортежъ, представляющій въездъ Тьерри Алзаскаго въ Брюгъ послѣ крестоваго похода.

Герольды, пажы, рыцари въ полномъ вооруженіи.

Кортежъ заключается факельщиками въ черныхъ мантияхъ обшитыхъ мехомъ, семинаристами и наковнець епископами гальскимъ, англійскимъ, гентскимъ, намуронскимъ, Литтигскимъ и Брюгскимъ, въ полномъ облаченіи.

Бургомистры и чиншваннъ города, губернаторъ провинціи и всѣ должностныя лица, въ полномъ парадномъ платьѣ, послѣдующіе отрядомъ 2 краснаго цвета полка.

Шествіе кортежа продолжалось нѣскольکو часовъ, и не смотря на дождь, начавшійся въ полдень, представляло прекрасное зрѣлище.

Процессія состояла болѣе чѣмъ изъ тысячи пяти сотъ чело- вѣкъ, одѣтыхъ съ самою точною историческою вѣрностію и роскошью. Что бы не представлять много примѣровъ, скажу, что иѣ дамъ; изображавшей Марію Бургундскую, было болѣе чѣмъ на 60,000 тысячъ франковъ брилліантовъ.

Празднество продолжалось съ 5 по 16 мая; процессія тану- лась на протяженіи 600 метровъ, болѣе версты.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Можно ли спорить о вкусахъ?—Счастіе и несчастіе.—Правъ и неправъ.— Прислушиваться и всматриваться.—Правда.—Адресъ и прогрессъ.— Бер- нулли и Ньютонъ.—Солнечный лучъ.—Ворона въ павлиньихъ перьяхъ.— Визиты.—Число тринадцать.—Противурѣчія, или я и мой сосѣдь.

Можно ли спорить о вкусахъ?—Въ искусствѣ существуетъ извѣстная степень совершенства, точно такъ, какъ въ природѣ существуетъ извѣстная степень зрѣлости.

Тотъ, кто понимаетъ и умѣетъ цѣнить эту степень, имѣетъ изящный вкусъ.

Тотъ, кто не понимаетъ ее, кто цѣнитъ то, что *за* или *не- редъ* этою степенію, имѣетъ дурной вкусъ.

Слѣдовательно, *есть* хорошій и дурной вкусъ.

Слѣдовательно о вкусахъ спорить можно.

Люди вообще требуютъ отъ жизни болѣе, нежели она въ со- стояніи дать имъ; мы привыкли искать счастія въ вещахъ не- возможныхъ, и видѣть несчастіе въ вещахъ неизбѣжныхъ.

— Онъ не правъ, то есть: *онъ не одного со мною мнѣнїа.*

— Онъ правъ, то есть: *онъ разделяетъ мое мнѣнїе.*

Такъ думаютъ очень многіе.

Мужчины *прислушиваются* другъ въ друга, женщины *всматриваются* одна въ другую.

Правда для ума тоже, что свѣтъ для глаза.

У насъ принято писать *адресъ*, съ однимъ *с*, а *прогрессъ* съ двумя. Есть даже люди, которые утверждаютъ, что такъ должно писать.

Почему?

Адресъ пишется по-французски *adresse*.

Прогрессъ—*progrès*.

Иоханнъ Бернулли, извѣстный ученый, возвращаясь изъ Россіи въ Швейцарію, встрѣтился въ дилижансѣ съ французскимъ геометромъ *Трантомъ*, весьма ученымъ и умнымъ человекомъ.

Разговорились. Французъ, узнавъ только, что собесѣдникъ его былъ родомъ изъ Базеля, и будучи самъ почитателемъ идей Бернулли, заговорилъ о послѣдемъ съ восторгомъ, сравнивая его даже съ Ньютономъ.

Пріѣхавъ на мѣсто, Трантъ сталъ прощаться съ Бернулли и изливалъ сожалѣніе, что долженъ разстаться съ человекомъ, съ которымъ провелъ столько прїятныхъ словъ.

— Позвольте мнѣ узнать, кому я обязанъ этими прїятными часами? спросилъ Французъ.

— Я Иоханнъ Бернулли, отвѣчалъ Швейцарецъ: а вы?

— Исаакъ Ньютонъ, отвѣчалъ Трантъ съ досадою, воображая, что собесѣдникъ хотѣлъ мистифицировать его.

Дѣлю, однакожъ, объяснилось, и люди, случайно встрѣтившіеся, остались друзьями.

Подъ солнечнымъ лучемъ грязь превращается въ пыль, а
цвѣтокъ—въ плодъ.

Ворона съ павлиньими перьяхъ.

Воронѣ стало разъ завидно,
И стыдно,
Что нѣтъ у ней павлиньяго хвоста;
Покравилася ей тѣхъ перьевъ вострота,
И красота,
И вознамѣрилась во что бы то ни стало,
Достать себѣ такой же хвостъ.
Хлопотъ было не мало.

Но вотъ
Ворона какъ рѣшила:
Головку подняла,
Павлиньихъ перьевъ набрала,
И на себя ихъ налѣпила.
Легко достать,
Труднѣе удержать.
Павлины прибѣжали,
Услышали вороній крикъ
И вмгъ,
Ее бѣдняжку, оцпиали.

Такъ щеголь, въ долгъ набравъ вещей,
Гордится;
Но какъ придетъ срокъ векселей,
Уборовъ всѣхъ лишится.

Докторъ прислалъ только-что выдворенному пациенту эти лекарства и визитамъ.

— Вотъ деньги за лекарства, сказалъ пациентъ присланному слугѣ, а визиты я самъ отдаю.

Вопросъ. Правда ли, что не хорошо, если за обѣдомъ сидятъ тринадцать человѣкъ?

Отвѣтъ. Правда; но только въ такомъ случаѣ, если обѣдъ приготовленъ на двѣнадцать человѣкъ.

Въ одномъ журналѣ напечатано:

«Извѣстный англійскій библіофилъ д'Израэли замѣчаетъ довольно справедливо, что удачно придуманное заглавіе книги рѣдко выпадаетъ на долю сочиненій истинно-прекрасныхъ, и въ доказательство приводитъ примѣры доктора Джейсона и Алдисона,—писателей, никогда не остававшихся довольными заглавіемъ своихъ сочиненій. По нашему мнѣнію, усиліе талантливаго писателя сочинить ловкое названіе для своей книги составляетъ предполагать въ этомъ писателѣ какію-то мелочность, и собственное заключеніе наше, мы можемъ подкрѣпить примѣромъ....»

Въ томъ же номерѣ того же журнала напечатана повѣсть:

Новоизобрѣтенная, привиллешированная краска, братьевъ Дирлингъ и Ко.

Въ другомъ номерѣ того же журнала напечатано:

«....Мнѣ извѣстно изъ чтенія обертки «Отечественныхъ За-

писокъ», что въ послѣдней книжкѣ этого журнала печатаются разомъ три англійскіе романа, а именно: «Пиквикскій Клубъ» Диккенса, «Семейство Какстоновъ» Вульвера и «Ярмарка Тщеславія» Теккерея. Не лучше ли было бѣ, вмѣсто того, чтобъ безпрестанно перебивать въ своихъ книжкахъ отрывки безъ начала и конца, поступить такимъ образомъ: сперва перевести весь романъ Диккенса и помѣстить его въ двухъ книжкахъ, потомъ напечатать Теккерея разомъ и безъ значительныхъ перерывовъ, и потомъ приняться такимъ же образомъ за «Какстоновъ»? А то какой читатель не заблудится между тремя романами, Богъ знаетъ, когда начатыми, и которые неизвѣстно когда окончатся?»

Отвѣтъ:

Мнѣ тоже извѣстно изъ чтенія обертки «упомянутого мною журнала» что въ послѣдней книжкѣ этого журнала печатаются разомъ, одинъ французскій и одинъ англійскій романъ, а именно: «Денежный бракъ» и «Ярмарка тщеславія» Теккерея. Не лучше ли было бѣ, вмѣсто того, чтобъ безпрестанно перебивать въ своихъ книжкахъ отрывки безъ начала и конца, поступить такимъ образомъ: сперва перевести весь «Денежный бракъ» и помѣстить его въ двухъ книжкахъ, потомъ напечатать Теккерея разомъ и безъ значительныхъ перерывовъ? А то какой читатель не заблудится между двумя романами, особенно въ книгѣ, въ которой есть уже конецъ давно начатой повѣсти и статья пятая полу-романа, попавшагося почему-то въ охапку наукъ!...

Еще иностранное слово: *бомо*.

Французъ говорить *bon mot*; слѣдственно, если и добустить у насъ это слово, то должно бы говорить и писать *боммо*...

Еще французская фраза:

«*De choc des opinions jaillit la vérité*»—эта истина кому не знакома?»

Тому, кто не знает французскаго языка.

••

Копія съ копіи (изъ романа *Ярмарка Тисселевска*):

«Маркизь Осборнъ написалъ *billet doux* и отправилъ къ Леди Амелии своего миниатюрнаго жокея.

Красавица получила душистую записку изъ рукъ своей *femme de chambre, Mademoiselle Anastasie*.

— Милый маркизь! Какъ онъ любезенъ!

Въ запискѣ было приглашеніе на балъ къ лорду Бумбубу.

— Кто эта прелестная дѣвушка? спросилъ въ тотъ же вечеръ индійскій принцъ Моччигунгукъ, прикатившій изъ Пикадилли на шестеркѣ вороныхъ коней.

— Имя ея—миссъ Седли, *Monseigneur!* сказалъ лордъ Дюзефъ многозначительнымъ тономъ.

— *Vous avez alors un beau nom*, отвѣчалъ Моччигунгукъ, отступая назадъ съ озабоченнымъ видомъ. Въ эту минуту онъ наступилъ на ногу стараго джентльмена, который стоялъ позади и любовался на очаровательныя прелести леди Амелии.

— *Trente-mille tonnerres!* Закричалъ старый джентльменъ, скривившись подъ вліяніемъ *agonie du moment*.

— Ахъ, это вы, *monseigneur! Mille pardons!*

— Какими судьбами, *mon cher!* вскричалъ Моччигунгукъ, увидѣвъ своего банкира. Пару словъ, *mon cher*,—намѣрены ли вы теперь разстаться съ вашимъ жемчужнымъ ожерельемъ?

— *Mille pardons!* Я уже продалъ его за двѣсти-пятьдесятъ тысячъ фунтовъ Князю Эстергазу.

— *Und das ist nicht theuer!* воскликнулъ Моччигунгукъ, и прочая, и прочая....

Я удивляюсь, какъ послѣ такихъ словъ есть еще люди, принимающіеся за фешенебельную литературу!...

—

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Хотите ли знать: какія самыя модныя шляпки, какъ онѣ дѣлаются, изъ чего?—Мода вамъ отвѣтитъ: какія кому нравятся. Но послѣдній фасонъ шляпокъ? Тотъ же самый... поля нѣсколько кверху, довольно широкія, граціозно округляютъ лицо и почти сходятся у подбородка. Что-жь касается до украшеній шляпокъ, то это уже дѣло фантазіи и вкуса. Какое разнообразіе въ соломенныхъ шляпкахъ! Не говоря уже о шляпкахъ изъ соломы флорентинской и *paille-de-riz*, которыя считаются аристократическими, возьмите, на примѣръ, соломенные шляпки, которыя имѣютъ видъ кружевныхъ; другія составлены изъ фалбалокъ; третьи, вышиты соломою; не забудьте шляпокъ *à jour* съ разными узорами и витками; шляпокъ изъ итальянской соломы, волосяныхъ... да всѣхъ и не перечесть. Соломенные шляпки преимущественно украшаются одними цвѣтами, положенными съ боковъ и снизу тульи. Но опять скажемъ, что во всемъ дѣло вкуса. Многія предпочитаютъ отдѣлку изъ лентъ или перьевъ. Кромѣ соломенныхъ, мы видѣли превосходныя шляпки тюлевыя, вышитыя соломою, и бѣлыя креповыя, сборчатыя, съ отдѣлкою изъ цвѣтовъ. Подъ полями шляпокъ носятъ бульоны и цвѣты. Многія къ краямъ полей пришиваютъ рюшь изъ узкой газовой ленточки. Но довольно.... мы уже все, кажется, высказали.

Теперь обратимся къ платьямъ. Любимый фасонъ талій—это съ вырѣзомъ напередѣ. Фасонъ этотъ разнообразять по произволу и по вкусу. Иногда вырѣзь дѣлають небольшой, иногда онъ доходитъ почти до шнурка. Эти талій носятъ гладкими и сборчатыми. Но здѣсь особенное вниманіе обращаютъ на шемизетки (*guimpes*), необходимыя при этомъ фасонѣ талій. Здѣсь фантазія даетъ себѣ полную свободу. Вы удивляетесь изяществу и разнообразію этихъ *guimpes*. Шемизетка (*Watteau*) съ фалбалками изъ кружевъ; другія съ бульона и кружевами; третья съ прошивками и лентами. Советуемъ обратиться въ лавку С. А. Костина, въ гостиномъ дворѣ, № 127, чтобъ познакомиться съ новостями моды по этой части. Тамъ вы найдете превосходные кружевные платки, косынки, воланы, шарфы, вуалетки; шемизетки разныхъ фасоновъ; воротнички *guirige* и англійской вышивки; канзу съ длинными рукавами; кружевные мантильи фасона *Andalouse*; косыночки *Fanchon* для головныхъ уборовъ.. все это ново, изящно, привлекательно. Модныя ленты *à la Dubarry, Algérien* и ленты *chinés* такъ хороши, что недостаетъ выраженій, чтобъ ихъ описывать. Обратимся опять къ описанію платьевъ. Фалбалы на платьяхъ давно уже составляютъ любимое украшеніе. Для платьевъ изъ дорогихъ матерій, модная отдѣлка—фалбалы изъ цвѣтныхъ кружевъ. Самыми лучшими почитаются французскія кружева *de Chantilly*, которыя стоятъ очень дорого. Кружева *de Cambrai* не много уступаютъ первымъ, но продаются дешевле. Для отдѣлки домашнихъ платьевъ, входятъ въ употребленіе шерстяныя кружева. Рукава съ перехватами очень милы. Но и прежній фасонъ, т. е. рукава не совсѣмъ длинные, расширяющіяся книзу, въ большомъ употребленіи. Теперь въ модѣ кофточки. Фасонъ ихъ разнообразять и потому онѣ имѣютъ разныя названія: кофточки *Basquines*, кофточки *Casaque* и кофточки *Arragonaises*. Однѣ подлиннѣе и сходятся напередѣ; другія короче и не сходятся, а перевязываются сверху поясомъ съ длинными концами, висящими напередѣ. Много дѣлають кофточекъ изъ одной съ платьемъ матеріи, шелковыя безъ подкладки, кисейныя, шерстяныя, жакетовыя и другія.

Мода предписываетъ для баловъ тончайшіе узорчатые чулки и съ выгнутыми каблучками башмаки. Дѣлать нечего, надобно покориться модѣ. Батистовыя платки вышиваются такими богатыми узорами, что батиста почти не остается, а платокъ состоитъ изъ одной вышивки.

Серьги безъ подвѣсокъ взяли преимущество надъ прежними

серьгами. Мы любовались серьгами этого фасона. Они эмальрованы въ видѣ цвѣтка или листка и украшены бриллиантами. Кованые золотые браслеты съ большими замками, съ эмалью и бриллиантами, также въ видѣ цвѣтка, превосходны. Броши носятъ въ томъ же видѣ. Но вотъ еще браслетъ, достойный вниманія: это нитка жемчужныхъ бусъ, обвитая нѣсколько разъ вокругъ руки, или, правильнѣе сказать, ручки, которая по красотѣ своей сама походила на жемчужину. Болѣе нѣтъ, покуда, пріятельныхъ модныхъ извѣстій.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІА ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛОВЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ.

*Въ С.-Петербурѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Сукоконной-линіи
подъ № 17.*

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ДВОРЦОВЫЕ РАЗРЯДЫ, ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ИЗДАННЫЕ. Томъ первый 1612-1628. С. П. 1850 Ц. 3 руб., съ перес., 3 руб. 50 коп.

МОСКВА И МОСКВИЧИ. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издавныя М. Н. Загоскинымъ. Выходъ четвертый М. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп., тоже выходы 1, 2, 3. цѣна равная.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ О ДВОРЯНСТВѢ. М. 1849. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

О ЛИТУРГИИ ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННЫХЪ ДАРОВЪ. Соч. П. Малиновскаго. С. П. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О ТОРГОВЛѢ. С. П. 1848. Ц. 75 коп.

НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЛЮБВИ. Романъ Поль-де-Кока, въ двухъ частяхъ. М. 1850. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 к.

ТОМЪ ДЖОНСЪ. Романъ Генриха Фильдинга. Перев. А. Кронберга. 2 т. С. П. 1849. Ц. 3 руб.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ. Съ чертежемъ къ устройству и расположенію ширмоваго театра. С. П. 1848. Ц. 80 коп., съ перес. 1 руб.

НЕБЫВАЛОЕ ИЗДАНИЕ. По 20 коп. сер. за книжку, соединяетъ въ себѣ изящную наружность, съ типографическою роскошью печати и бумаги, и съ необыкновенною дешевизною.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ. 2 ч. 40 коп.

ГЕРЦОГЪ АНГИЕНСКІЙ. 1 ч. 20 коп. сер., за пересылку прилагается 25 коп. сер.

НАСТАВЛЕНІЕ, КАКЪ ДОЛЖНО ПОДАВАТЬ ПОСОБІЕ БОЛЬНЫМЪ ДО ПРИБЫТІЯ ВРАЧА. Составленное докторомъ Медицины А. Наквтинымъ. Издающее съ дозволенія Медицинскаго Совѣта. С. П. 1846. Ц. 1 руб. 50 коп.

ВСЕОБЩАЯ СКОТОВРАЧЕБНАЯ КНИГА. Или наставленіе городскому и сельскому жителю, какъ выкармливать лошадей, крупный рогатый скотъ, овецъ, свиней, козъ и собакъ, какъ выбирать ихъ при покупкѣ, ходить за ними, распознавать и лечить ихъ болѣзни. Соч. І. Н. Рольвеса, удостоенное награды Королевско-Прусскимъ Экономическимъ Обществомъ въ Потсдамѣ. Перев. съ нѣмец. съ 14 изд., съ рецептами, изложенными на русскомъ языкѣ. Въ 2 ч. М. 1843, Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КУРСЪ ЭСТЕТИКИ. Или наука изящнаго. Соч. В. Ф. Гегеля. Пер. В. Модестова. С. П. 1844. 2 т. Ц. 3 руб. сер.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ И ОПЫТНЫЯ ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ. Соч. А. Глаголева, въ 4 частяхъ, удостоенное Императорскою Академіею Наукъ одной изъ Демидовскихъ премій, изд.

второе съ приложеніемъ автографированнаго снимка съ Акта Берестскаго Собора. Ц. на лучшей желенной бумагѣ 2 руб.

БЛАГОГОВѢЙНЫЯ ХРИСТИАНСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ. Составила Норова. С. П. 1847. Ц. 1 руб. 50 коп.

ЧУВСТВА ХРИСТИАНИНА. Или возвышеніе ума и сердца къ Богу. Подражаніе Виланду, Норовой. 1848. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ Главныхъ доводовъ о божественномъ происхожденіи христіанской религіи. Соч. Портьюса. Изд. 3. 1842. Ц. 1 руб.

СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНАЯ ГЕОГРАФІЯ. Показывающая происхожденіе народовъ, состояніе Палестины отъ Авраама до нашихъ временъ, съ историческими и географическими замѣчаніями обо всѣхъ важнѣйшихъ мѣстахъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, историческое распространеніе и состояніе Христовой Церкви и современное состояніе христіанства, съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ и священно-церковно-историческимъ и географическимъ атласомъ, 15 картъ составлена В. П. П. Изданіе второе, исправленное и умноженное. С. П. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. сер.

РАЗСУЖДЕНІЯ О ВИДИМЫХЪ НЕБЕСНЫХЪ ТѢЛАХЪ. С. П. 1841. Ц. 75 коп. сер.

ТЕЛЕМАКЪ. Описаніе удивительныхъ и чрезвычайно любопытныхъ странствованій сего знаменитаго мужа древности. Соч. Фенелона. Новый переводъ Ф. Лубяновскаго. 2 т. С. П. 1839. Ц. 3 руб.

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ И НИЖЕГОРОДСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ МИНИНЪ, Освободители Россіи; историческое сказаніе XVII вѣка. Въ 3 ч. М. 1849. Ц. 1 руб. 50 коп.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикованными и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василія Петровича Полякова, со всею благонадежностію на скорую и аккуратную высылку.

Требованія Гг. многогородныхъ покупателей исполняются съ первоотходящею почтою, съ препровожденіемъ отчета въ полученныхъ деньгахъ.

Гг. многогородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удвоивается.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА,

КОМЕДИЯ-ПОСЛОВИЦА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Питра-Шевалье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРОНЪ КАРЛЪ де-ВЕРАКЪ (отъ 25 до 35 лѣтъ)

МАРКИЗЪ ФРАНВИЛЬ.

ЕМИЛІЯ де-ЛЕРИ, вдова (22 лѣтъ)

Г. АРНО.

Г-жа АРНО.

МАРТЫНЪ, лакей.

ЛУИЗА, горничная.

МАЛЬЧИКЪ.

Сцена происходитъ въ Кодбекѣ, въ 1788 году, въ домѣ
госпожи де Лери.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала у госпожи де Лери. Фортепіано, стулья, дверь въ глупанѣ. На-право другая дверь въ комнату Емилии.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луиза убираетъ залу; Емилиа, въ глубинѣ комнаты.

Емилиа. Послушай, Луиза. Чтò это за посланный, который оставался такъ долго съ тобою, и вручилъ тебѣ съ такою осторожностію письмо къ г. А'Рно, моему опеуну?

К. VI. — Отд. VII.

Луиза. Не могу сказать, сударыня; мнѣ приказано говорить, что я ничего не знаю.

Емилия. Всѣ эти тайны начинаютъ мнѣ казаться странными.

Луиза, *съ самымъ удивленіемъ*. Ужъ не угодно ли вамъ принять участіе въ вашихъ дѣлахъ?

Емилия. А почему же и вѣтъ?

Луиза. Мнѣ гораздо пріятнѣе повиноваться вамъ, чѣмъ г. и госпожѣ д'Арно. И только потому, что они были прежде вашими опекунами, они имѣютъ большую власть въ домѣ.

Емилия. Ты меня знаешь, Луиза. Доходы мои—для меня послѣдняя вещь... Овдовѣвъ мѣсяць спустя послѣ свадьбы, и не успѣвъ даже познакомиться съ моими дѣлами, я поручила ихъ достойнымъ людямъ, чтобъ самой и не думать объ нихъ. Но однакъже есть предѣлъ и моему доверію!... Я хочу теперь знать все, что дѣлается у меня въ домѣ.

Луиза. Наконецъ-то! Правда, это только начало... но и за

Емилия. Ты мнѣ скажешь тайну этого посланія? одно благоразумное слово...

Луиза. Извольте сами отгадать... Думаете ли вы когда-нибудь снова выйти замужъ, сударыня?

Емилия. Зачѣмъ объ этомъ думать?

Луиза. Право, объ этомъ стоить подумать. Я вамъ скажу самую правду, что меня не оставляетъ мысль пристроить себя... Сама бы рада не думать—по не могу!

Емилия. Какъ ты смѣшна!

Луиза. Нѣтъ, я откровенна.

Емилия. Право?... я иногда думаю о новомъ замужествѣ, но такъ неопредѣленно... неясно...

Луиза. Вы неясно, а я постоянно... Это, какъ бы вамъ сказать?... Между постояннымъ и неяснымъ помышленіемъ почти такое же сходство, какъ между звѣздами и планетами.

Емилия. Какъ! ты знаешь астрономію?

Луиза. Вы же сами многое объясняли мнѣ, во-время нашихъ прогулокъ, съ книгой Фонтенелля.

Емилия. Какъ ты умна, Луиза.

Луиза, *присѣдая*. Вся къ вашимъ услугамъ, сударыня.

Емилия. Возвратимся къ... твоей постоянной мысли...

Луиза. Къ вашей неясной... Ну, что-же? когда она у васъ бываетъ, эта неясная, — случается ли вамъ... то, что было съ нами, помните, когда мы занимались астрономіей и видели человѣческое лицо на лунѣ?...

Емилия *смѣется*. Какъ ты хитра!

Луиза. Скажите, сударыня, ваша планета походитъ ли на кого-нибудь?... Но астрономію въ сторону, есть-ли у васъ въ виду какой-нибудь женихъ?

Емилия. Ахъ, перестань, Луиза!

Луиза. Ага! я вижу, что вы хотите, чтобъ вамъ прямо говорили. Я вамъ говорю, судя по себѣ; я имѣла въ виду двадцать партій, и ни одна изъ нихъ не была по мнѣ. Увѣрю васъ, женихъ такой товаръ, который не валяется подъ ногами! Правда, вамъ въ нихъ не будетъ недостатка. Вы хороши, богаты и свободны; вамъ только стѣдуетъ закинуть удочку, многимъ захочется попасть на крючокъ... Вотъ почему я и спрашивала у васъ, не клюнулъ ли кто-нибудь?... Не отличили ли вы кого-нибудь, какъ выражаются высокимъ слогомъ? (*Емилия дѣлаетъ движеніе*) Извините меня, сударыня, теперь я въ двадцать-первый разъ закидываю сѣть, и на этотъ разъ надѣюсь имѣть рыбку въ своей вершѣ.

Емилия. Гдѣ же могла я отличить кого-нибудь, я, которая живу затворницей въ этомъ маленькомъ городѣ, вдовою и сиротой въ двадцать-два года, безъ родныхъ, забытая всѣмъ свѣтомъ, которой единственнымъ обществомъ служатъ книги, пріятными удовольствіями одишь прогулки, концертами пѣніе монаховъ птицъ?

Луиза. А наше путешествіе нынѣшнею зимою въ Парижъ, а наше пребываніе въ Версали?

Емилия. Версаль—это толпа, Парижъ снѣговіе, гдѣ никто не замѣтилъ провинціалки. (*Съ нервышительностію*) Впрочемъ, быть-можетъ...

Луиза, *въ-сторону*. А! (*Вслуха*) Быть можетъ?...

Емилия. Молодой человекъ, котораго я и имени не запомнила...

Луиза. Подумайте хорошенько... авось вспомните... онъ, вѣрно, пріютился въ какомъ-нибудь уголку вашей памяти, (*въ-сторону*) или вашего сердца.

Емилия. Постой, дай подумать.... Кажется, баронъ Карлъ де-Веракъ... кажется такъ...?

Луиза *удивленная*. Карлъ де-Веракъ? (*Всторону*). Какой странный случай!

Емилия, *съ осмисленіемъ*. Ты его знаешь?

Луиза. Я! (*съ притворнымъ простосердечіемъ*) Не больше васъ, сударыня. (*Всторону*) Предоставишь ей пріятность неожиданности, такъ какъ есть счастливая звезда для влюбленныхъ! (*Вслухъ*) Отгадали ли вы теперь тайну посланія?

Емилия. Можетъ-быть.... Вѣроятно какой-нибудь женихъ адресуется къ моему опекуну?

Луиза. Беру васъ въ свидѣтели, что я ничего вамъ не говорила.

Емилия. Тѣмъ больше, что я подозревала это прежде, чѣмъ узнала.

Луиза. Да? Такъ вы хотѣли только убѣдиться? Поздравляю васъ съ вѣщей... несвойной мыслию.

Емилия. И я заранѣе жалѣю объ этомъ женихѣ, потому-что терпѣть не могу никакихъ рекомендацій, особенно изъ дѣлазъ сердца.

Луиза. Вы любите встрѣчи по сочувствію, по взаимному влеченію?

Емилия. Ты знаешь, что я совсѣмъ не мечтательница... Но при моей совершенной независимости и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужество, я полагаю, что надо самой узнать человека и что самой женщинѣ надо предоставить выборъ по сердцу.

Луиза. Не забывая существеннаго, сударыня! Это главное. Скажи мнѣ, что у тебя есть, а я тебѣ отвѣчу, чего ты стоишь! Вотъ мой девизъ!

Емилия. Вотъ посланный. Оставляю тебя закидывать ему свои сѣти.

Луиза. Въ двадцать первый разъ? Вы и это отгадали?

Емилия. Кому нечего дѣлать, тотъ по-неволѣ наблюдаетъ...
(Уходитъ въ дверь съ правой стороны).

ЯВЛЕНИЕ II.

Луиза, Мартынъ.

Мартынъ. А! Моя красоточка! (Показывая въ ту сторону, куда ушла Емилия). Это ли та, которая...? Она ли?...

Луиза. Отгадали.

Мартынъ. Какая раскрасавица! А попало ли мое посланіе по принадлежности?

Луиза. Вы увидите, какое оно произвело дѣйствіе. Г. д'Аррѣ прибывалъ въ вышину и въ ширину отъ каждой строчки. На послѣдней онъ чуть не лопнулъ отъ восхищенія и чуть не досталъ головою до потолка. Онъ-теперь надѣваетъ свои жабо и маншеты, чтобы лично переговорить съ нами. Кажется, что г. де Веракъ, вашъ господинъ, блистательная партія?

Мартынъ. Лышу себя надеждою, сударыня, что онъ не осканитъ

меня... я его выростилъ, я ходилъ за нимъ, я воспиталъ его. Я говорю вамъ это не изъ тщеславія, но только для того, чтобы это было вамъ извѣстно. Были ли вы когда-нибудь въ театрѣ?

Луиза. Была, когда странствующие комедианты проѣзжали черезъ Кодбекъ.

Мартынъ, *важно*. Фи! Фи!... я говорю о той высокой комедіи, которая, какъ сказалъ кто-то, есть школа нравовъ.

Луиза. Какихъ? Дурныхъ?

Мартынъ. Нѣтъ. Бываютъ и хорошіе. И такъ, мадамъ Лери и баронъ де-Веракъ сдѣлали бы великую ошибку, если бы не употребили въ дѣло мой умъ и ваше хорошенькое личико.

Луиза. Они должны сперва увидѣться.

Мартынъ. Это наша забота.

Луиза. Надобно, чтобы они понравились другъ-другу.

Мартынъ. Непремѣнно. Вирочемъ это дѣло не сиѣшное.

Луиза. Чтобы не было какого-нибудь преслѣствія ихъ союзу.

Мартынъ. Это мы уладимъ къ вечеру.

Луиза. Наконецъ, надобно, чтобы они были счастливы.

Мартынъ. Объ этомъ постарается завтра... Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы узнать, будемъ ли мы довольны этой свадьбой...

Луиза. Для меня она будетъ очень пріятна, если моя барыня будетъ счастлива.

Мартынъ. Прекрасно, прекрасно; но вотъ въ чемъ дѣло! Надобно подумать сперва о нашихъ маленькихъ доходахъ, потомъ о нашей будущности и, наконецъ, о развязкѣ. Я вложу вамъ свою мысль яснѣе: въ высокой комедіи, какой производится въ камердинеры или дворецкіе молодого, а дѣвушка въ камер-юнкеры, и оба слѣдуютъ примѣру своихъ господъ, которые награждаютъ ихъ, и въ потомъ дѣйстви женятъ. Вы меня понимаете, сударыня?

Луиза. *всторону*. Клянуль, клянуль! (*Вслухъ*) Кажется, не знала. Но я вамъ отвѣчу, что... при моемъ совершенно независимомъ положеніи и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужество, надо самой узвать хорошо человѣка, и женщина должна выбирать по своему сердцу. (*Всторону*). Кажется, барыня выразилась такъ.

Мартынъ. О, какъ вы красно говорите!

Луиза, *всторону*. Еще бы!

Мартынъ. Судите же, меня, какъ я васъ сужу. Миѣ тридцать два года; конечно, самому себя хвалить не годится, да и не зачѣмъ.... вы сами видите, наковъ я; получаю четьреста

лировъ жалованья; кромѣ того, имѣю: дѣйстви лировъ доходу; тысячу пятьсотъ лировъ я накопилъ себѣ.... на другой день спатьбы еще кое-что будетъ.... достаточно ли это? И въ жѣнѣ всего исчисленнаго, я прошу, только вашу хорошенькую ручку.

Луиза, *осторожно*. Надо держать его; лучшей партіи я не найду. (*Вслухъ*) Милостивый государь, ваши достоинства порезали мое сердце; если прибавка жалованья состоится, то.... (*Протягиваетъ къ нему руку*).

Мартынъ *беретъ ее*. Превосходно! Это самое приличное выраженіе согласія въ высокой комедіи. (*Раскрываетъ женскую книжку*). И такъ, будемъ плыть осторожно, и приготовимся къ сегодняшней экспедиціи: если корабль нашихъ господъ потонетъ—увы! тогда и вашъ пойдетъ ко дну!... Теперь познакомьте меня съ лицами, съ которыми намъ предстоитъ имѣть дѣло.

Луиза. Сейчасъ. Во-первыхъ: госпожа Лери — жемчужина между всѣми! Уваженіе ко всему, что хорошо, ненависть ко всему, что дурно, влеченіе ко всему возвышенному, презрѣніе ко всему низкому. Она одна съ самаго дѣтства, только тринадцать дней была замужемъ, одарена талантами, учена, какъ книга, щедра; она думаетъ о своемъ богатствѣ только для того, чтобъ помогать, и рѣшительно презираетъ всѣ свѣтскія удовольствія. (*Съ важностію*). Но, надо сказать правду, она цѣнитъ ихъ итакъ и выжидаетъ только случая, чтобъ воспользоваться ими приличнымъ и достойнымъ образомъ; она затмитъ всѣхъ нашихъ Шришановъ.

Мартынъ. Особенно въ союзѣ съ нашимъ барономъ. О, мы надѣляемъ шуму нашими титлами и нашими блескомъ.

Луиза. Именно; въ Версали мы его встрѣтили. Онъ былъ очень любезенъ, и (*съ танкетвенностію*) мы поминимъ это.

Мартынъ. О главномъ пунктѣ довольно! Я имѣю достаточныя свѣдѣнія о немъ. Перейдемъ ко второму.

Луиза. Нумеръ 2-й: г. д'Арно, который спалъ двадцать лѣтъ въ своемъ креслѣ, и наконецъ проснулся опекуномъ моей госпожи, женою предлогомъ какого-то родства въ десятомъ колѣнѣ. Онъ считаетъ себя вторымъ отцомъ своей питомицы, и съ благородствомъ отвергнулъ жаждованье, чтобъ лучше пользоваться доходомъ двадцатью тысячами лировъ, нашимъ домомъ, землями, нашей каретой и нашими лошадьми. Ябедникъ, своенравный, скряга, готовый преломляться передъ богатствомъ, управляемый своею женою, которой онъ говоритъ такъ, чтобъ показать, будто онъ господитъ въ домѣ; во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ уязво

грубъ.... Таковъ нашъ мосье д'Арно. Особенныя примѣты его: страсть играть въ лото, боязнь опрокинутой солонки, своя система ѣсть, пить, спать, чихать. Половину своей жизни онъ проводитъ повѣряя часы, разсматривая барометры и нюхая табакъ. Такъ какъ онъ совершенно здоровъ, то думаетъ, что ему угрожаютъ всея роды болѣзней; вслѣдствіе этого всегда носить фуфайку. Онъ дѣлаетъ три милліона шаговъ въ день, и говорить по двадцати пяти минутъ въ каждой часъ. Какъ пройдетъ послѣдняя минута, онъ никому въ свѣтъ и ни за что не скажетъ слова.

Мартынъ. Прекрасно; продолжайте.

Луиза. Номеръ третій: госпожа совѣтница д'Арно. Не забывать частицы *de*, къ которой она тѣмъ болѣе привязана, что сама ее выдумала. Вы можете ее величать даже президентшей, когда имѣете какое-нибудь важное дѣло до нея. Она высохла отъ честолюбія, и говоритъ *вы* своему мужу, чтобъ легче имъ управлять. Она командуетъ заѣсъ всеми, не исключая и госпожи Лери, которая поддается, для избѣжанія ссоры. Надо видѣть, какъ она распоряжается кошелькомъ, столомъ, мебелью, лошадьми своей питомницы. — дакъ она сама ее называетъ. У нея страсть беречь лошадей, она отказывается въ нихъ друзьямъ, даже и самой хозяйкѣ, которую заставляетъ ходить вѣшникомъ, и все это для того, чтобъ поберечь скотину, которая запыливаетъ жиромъ. Только четыре собачки ея, болонки и шницы. въ бѣднѣйшей милости у нея, чѣмъ наши лошади. Ихъ только однихъ она и ласкаетъ, и всякій долженъ быть адѣсъ имъ преданный слуга, потому-что надо снискать ихъ благосклонность, чтобъ пользоваться благосклонностію госпожи опекуниши! — Каково вамъ это покажется? Вашъ господанъ, вѣроятно, исполнять это условіе, если судить по дѣйствию, которое произвело на нихъ письмо о немъ.

Мартынъ. О, я знаю содержаніе письма, какъ будто я самъ его писалъ; оно отъ пріятеля г. д'Арно, къ которому я ѣздилъ въ Руавъ. Въ письмѣ рекомендуютъ барона, какъ единственнаго наслѣдника дяди, маркиза де Франвилля, имѣющаго доходу двѣнадцать тысячъ экю. Этого дядя большой оригиналъ! Я его знаю, какъ нельзя лучше: онъ пользуется моими талантами и платитъ мнѣ половину моего жалованья. Онъ философъ новѣйшей школы, ученикъ Калиостро, придворный человекъ по рожденію и докторъ по страсти, учевый, разгадывающій все, выдающій секреты только другихъ и мистифирующій васъ при удобномъ случаѣ. Къ счастью, онъ душамъ не слышитъ въ своемъ пле-

мянникъ, который получаетъ въ придачу половину его шибид, съ надеждой на остальную половину, какъ выражаются вельжодушно наследники. Онъ управляетъ барономъ, черезъ мое посредство, во всѣхъ его дѣйствіяхъ! Надо было послушать наставленія, которыя онъ ему давалъ въ день нашего отъѣзда въ Кодбекъ. Онъ все это прежде провѣдалъ, что вы теперь нѣтъ говорите объ опекунахъ и о вашей барынѣ. Онъ раздѣляетъ ваши предположенія о скрытомъ честолюбіи хорошенькой мовушки.—Выкинь изъ головы твою философію, сказалъ онъ барону, не бойся показаться любезникомъ и придворнымъ чловѣкомъ.

Луиза. Этотъ маркизъ, право, кажется, прекрасный человекъ. Мартынъ. Мой баринъ пріѣдетъ никогда.

Луиза. Прекрасно! Тише! вотъ идетъ г. д'Арно!

Мартынъ. *(Съ живостію)* Когда баронъ пріѣдетъ, не забудьте никогда, и сдѣлайте, чтобъ я могъ съ нимъ переговорить прежде другихъ и сообщить ему эти замѣчанія *(Показываетъ свою записную книжку, которую опять кладетъ въ карманъ)*.

Луиза. Будьте спокойны, я не прозѣваю!

ЯВЛЕНІЕ III.

Мартынъ, Луиза, г. д'Арно. *На последнемъ короткая фуфайка сверхъ платья, а другая виситъ на рукѣ. Входя, онъ омотритъ на барометръ, на термометръ, на стѣнные часы, на свои карманные; потомъ сморкается, нюхаетъ табакъ, вынимаетъ письмо изъ кармана, надѣваетъ очки и смотритъ на Мартына).*

Мартынъ, тихо Луиза. Вы прекрасно описали портретъ!

Г. д'Арно, всторону. Жены моей нѣтъ въ залѣ! *(Громко)* Вы дворецкій барона де Верака, и податель этого письма?

Мартынъ. Точно такъ, господинъ совѣтникъ.

Г. д'Арно посмотрѣвъ еще на него, всторону. Онъ ловкій малый. Я думалъ, что жена моя здѣсь.... *(Громко)* Я очень радъ, любезный! Вы, конечно, устали? *(Луиза.)* Гдѣ барыня?

Луиза. Въ столовой, сударь.

Г. д'Арно. Сведи туда этого молодца и дай ему позавтракать. *(Съ важностію)* Ты подашь ему бутылку бордо. *(Мартынъ кланяется).*

Луиза, Мартыну. Бордо! о! это хорошій знакъ!

Г. д'Арно. Или нѣтъ, подожди немного, мадамъ д'Арно пріедетъ и скажетъ тебѣ, что дѣлать. Это письмо извѣщаетъ насъ о пріѣздѣ г. де Верака. Скоро ли онъ можетъ пріѣхать?

Мартынь. Я думаю, что онъ будетъ къ вечеру, а можетъ быть и раньше.

Г. д'Арно. Раньше, уф! Не успѣемъ приготовиться.... Луиза! Луиза. Что прикажете?

Г. д'Арно. Ничего. *(Всторону)* Что же дѣлаетъ моя жена? Какъ ей не стыдно! Это дѣло гораздо занимательнѣе ея собакъ. А я то надрываюсь здѣсь. *(Бросивъ взглядъ на термометръ, онъ снимаетъ свою фуфайку, которая была надѣта сверхъ платья, и надѣваетъ ту, которая была на рукѣ; потомъ говоритъ съ досадою).* Луиза, скажи мадамъ д'Арно, *(поласково)* что я ее умоляю принять въ залу.

Луиза. Вотъ она идетъ.

Г. д'Арно. А! какое счастье! наконецъ-то....

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и госпожа д'Арно *(одна собачка у нее на рукахъ, а другая на ленточкѣ).*

Г. д'Арно *небрежно.* Я тебя ждалъ, мой другъ, чтобъ объясниться на счетъ небольшого дѣла. *(Тихо, вручая письмо)* Очень, очень важнаго дѣла!

Г. д'Арно, *(садится, кладетъ собаку на колѣни, беретъ лорнетъ и читаетъ. При каждой строкѣ она откидываетъ лорнетъ отъ глаза и смотритъ на Мартына).* Отъ вашего сослуживца? Добрый знакомый.... *(Въ сторону, читая съ возрастающимъ восхищеніемъ)* Хорошо!... прекрасно! неподобно! *(Вставая и опустивъ на полъ собаку)* Это чудесно! *(Тихо мужу).* Да, это золотое дѣло, другъ мой!

Г. д'Арно. Конечно, и вотъ почему....

Г-жа д'Арно *Мартыну.* Вы податель письма?

Мартынь. Къ вашимъ услугамъ, госпожа президентша.

Г-жа д'Арно. И вы здѣсь будете ждать вашего барина?

Мартынь. Какъ прикажете, госпожа президентша.

Г-жа д'Арно, *всторону.* Опъ прекрасно въясняется; видно, что онъ изъ хорошаго дома. *(Громко и самымъ ласковымъ тономъ)* И такъ, любезный, будьте у насъ, какъ дома!... Луиза къ вашимъ услугамъ. Сперва позавтракайте.... отдохните, гуляйте.... Проводя его, Луиза, и устройте виѣстъ большую зеленую комнату для барона.

Луиза, *са удивленіемъ.* Большую зеленую комнату?

Г-жа д'Арно. Надѣюсь, что баронъ осчастливитъ насъ своимъ присутствіемъ на вѣсколько дней....

Мартынь. Я думаю. Благодарю васъ, за вниманіе, госпожа президентша.

ЯВЛЕНІЕ V.

Г. и госпожа д'Арно. (*Г. д'Арно снимаетъ часы и открываетъ табакерку.*

Г-жа д'Арно. Я удивляюсь твоему равнодушію!

Г. д'Арно. (*спокойно*). Да я, напротивъ, въ восторгѣ! (*Нюхая табакъ*). Посланіе мнѣ показалось такъ важно, что не дожидаясь тебя, я предложилъ посланному бутылку бордо.

Г-жа д'Арно. Вы хорошо сдѣлали. (*Открывая письмо*). Онъ намъ принесъ осуществленіе всѣхъ нашихъ желаній.... (*перечитывая*). Любезный совѣтникъ, рекомендую вамъ барона де Верака, который ѣдетъ къ вамъ, чтобъ просить руки госпожи де Лери. Это прекрасная партія.... для васъ....

Г. д'Арно, *растрогавшись*. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно, *читая*. Одинъ изъ щедрѣйшихъ дворянъ въ цѣлой провинціи». Щедрѣйшій! Мы останемся опекунами, подъ названіемъ управляющихъ.

Г. д'Арно. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно *читаетъ*. При каждой остановкѣ она снимаетъ свой лорнетъ. «Прекрасный собою, настоящій вельможа.»

Г. д'Арно. Онъ будетъ цѣлый день охотиться.

Г-жа д'Арно. А мы будемъ управлять дѣлами. Какая блестящая участь для Емилиі! (*Она быстро подбѣгаетъ къ звонку. Луиза показывается въ глубинѣ*). Луиза, приготовь весь первый этажъ въ распоряженіе барона де Верака.

Луиза. Слушаю, сударыня. (*Уходитъ*).

Г. д'Арно. Увидимъ, вѣрна ли рекомендація сослуживца.

Г-жа д'Арно, *читая*. Имѣетъ тридцать шесть тысячъ ливровъ доходу.

Г. д'Арно. Почти вдвое болѣе нашего.

Г-жа д'Арно. Мы помѣстимъ нашего сына, неспособнаго ни къ чему, смотрителемъ за фазанами. Это будетъ очень кстати. (*Звонитъ; Луиза является*). Луиза, пусть настрѣляютъ дичи къ обѣду барону! Приготовь мою шелковую юбку со шлейфомъ и верхнее платье съ большими разводами.

Луиза. Слушаю, сударыня.

Г. д'Арно. И мое платье сизаго цвѣта и позолоченныя пражки.

Луиза. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

Г. д'Арно. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно, *читая*. «Наконецъ, мой другъ, если эта свадьба состоится, то вы можете рѣшительно, не только сохранить ваше состояніе, но еще порочно увеличить его.»

Г. д'Арно. Тутъ написано поряdochно?

Г-жа д'Арно. По-ря-доч-но. (*Звонитъ. Луиза лѣллется*). Луиза, ты пригласишь уѣзднаго судью съ женою и съ дѣтьми; пятерыхъ дѣвиць Керкаревиль, чтобъ играть на фортепиано в г. Видама съ его поэмою «Значеніе цвѣтовъ».

Г. д'Арно, (*тихо жентъ*). Смотри, чтобъ дѣвицы Керкаревиль не поправились жениху?...

Г-жа д'Арно, *также тихо*. Поправились! Передъ нами!... Возможно ли это?... Впрочемъ, все равно; я не буду съ нихъ глазъ спускать. (*Громко*). Луиза, чтобъ наши лошади были цѣлый день въ упряжи для барона.

Луиза, *всторону*. Цѣлый день въ упряжи!... Это непостижимо! (*Громко*). Слушаю, сударыня!

Г-жа д'Арно. А на всякій случай, если баронъ пріѣдетъ въ своей каретѣ, то очистить конюшню, и сарай на залворкѣ.

Луиза. А куда помѣститъ вашихъ собакъ, сударыня?

Г-жа д'Арно, *съ запальчивостію*. Выгнать собакъ! (*Какъ бы опомнившись*). Я ихъ помѣщу у себя въ комнатѣ.

Луиза. Слушаю, сударыня (*Всторону*). Настоящій переворотъ! (*Уходитъ*).

Г. д'Арно. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно. Она не можетъ пожаловаться, что мы равнодушны къ ея счастію.

Г. д'Арно. Я такъ горячо принялъ это дѣло къ сердцу, что боюсь захворать. (*Перемѣняетъ фуфайку, садится, вынимаетъ изъ кармана часъ и молчитъ*).

Г-жа д'Арно. Боже! я чуть не забыла главнаго! Надо предупредить Емилию; вало, чтобъ она показала себя во всемъ блескѣ, надо... Но вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Емилія.

Емилія. Чтѣ съ вами? вы такъ взволяваны?

Г. д'Арно. *Встаетъ, подаетъ ей руку, и опять садится*. Я въ изнеможеніи. (*Дѣлаетъ знакъ, что не можетъ говорить*).

Г-жа д'Арно. Мы заняты вами, моя несравненная. (*Цалуетъ ее въ лобъ и смотритъ на нее*). Вы прелестны сегодня и очень кстатъ. (*Тамиственно*) Это великій день!..

Емилія. Великій день?

Г-жа д'Арно *всторону*. Не будемъ терять времени, надобно,

чтобъ она успѣла одѣться. (Громко). Это, быть-можетъ, канунъ сватъбы!..

Емилія, *встороу и улыбаясь*. Вотъ какъ! (Громко съ недобривностью). Да! Канунъ!.. Такіе кануны могутъ, какъ въ Дон-Кихотѣ, длиться до безконечности.

Г-жа д'Арно. Мужъ мой и я стары... Можетъ-быть, скоро вы лишитесь насъ, а мы считасмъ за долгъ пристроить васъ; не для того, чтобъ разстаться съ вами, Емилія, напротивъ...

Г. д'Арно, *съ усиленіемъ*. Напротивъ! (Указываетъ рукой на юрло).

Г-жа д'Арно. Да! мы уже имѣли на примѣтъ множество жениховъ! Наконецъ, мы льстимъ себя надеждою, что нашли такого, который достоинъ васъ.

Емилія, *немного смущенная*. Я вполне чувствую ваше расположение ко мнѣ.

Г-жа д'Арно. Пріятно ли это вамъ или нѣтъ,—про то вѣдаетъ Богъ! А я люблю васъ и хочу вамъ добра.

Г. д'Арно. Мы хот..... (Остается ливается; тотъ же жестъ).

Емилія. Но такое дѣло важно, и требуетъ сперва....

Г-жа д'Арно. Вашего согласія? Конечно, развѣ мы не всѣ вамъ преданные слуги?.. Мы вамъ предлагаемъ партію, партію безподобную, а вы будете судьейо...

Емилія. Благодарю еще разъ, любезная кузина; но говоря откровенно, я бы желала лучше, чтобы мнѣ никого не предлагали, а если я встрѣчу сама...

Г-жа д'Арно. Дитя! Вы думаете, что встрѣчаешь мужей... на большахъ дорогахъ... какъ въ волшебныхъ сказкахъ!.. Нѣтъ! вѣрьте нашей опытности... (Съ крадчивостію). Онъ пріѣдетъ сегодня, сейчасъ!..

Емилія. Боже мой!...

Г-жа д'Арно. Ему двадцать пять лѣтъ; онъ изъ прекрасной фамиліи, знатнаго происхожденія, статный, красивый собою, принять при дворѣ ... (Съ особеннымъ удареніемъ). И доходу съ имѣнія вдвое больше вашего!...

Г. д'Арно *вставая*. Въ Нормандіи!..

Емилія, *холодно*. Это прекрасно, слишкомъ хорошо для меня, конечно...

Г-жа д'Арно. Полноте!... О, эти глаза стоять княжеской короны!..

Емилія. Позвольте вамъ замѣтить, что и у меня есть свои выды, и, быть можетъ, а честолюбивѣе, чѣмъ вы полагаете.

По моему надо соединять сердца, а не пмѣнія... Я многого буду требовать отъ того, кто захочетъ быть моимъ мужемъ.

Г-жа д'Арно. Вы можете всего требовать отъ этого жениха! Его достоинства превышаютъ его богатство.

Емилия. Не захваливайте заранѣе; преждевременныя похвалы часто вредятъ....

Г-жа д'Арно, *лукаво*. Подумайте лучше, моя очаровательная, чтобъ показать *себя* достойно. Совѣтую вамъ надѣть ваше зеленое платье; этотъ цвѣтъ соответствуетъ этому случаю, съ уборкой изъ кружевъ...

Емилия. Для меня нѣтъ ничего несвояка подобнаго первымъ свиданіямъ... Я надѣюсь избавиться отъ этой неприятности...

Г-жа д'Арно, *испуганная*. Боже милостивый!

Емилия. Женщины! придумали для подобнаго случая мигрень...

Г-жа д'Арно *съ досадою*. Мигрень!

Емилия. Да вотъ, уже отъ одной мысли она начинается!.. Но если я не могу отворотить отъ себя этой чаши, то, по крайней мѣрѣ избавлю себя отъ приготовленій... Мой женихъ... условный... увидитъ меня такъ, какъ я теперь, и чѣмъ онъ будетъ больше приготавливаться, тѣмъ и буду проще.

Г-жа д'Арно, *всторону*. Она все разстроитъ. (*Громко, съ высокопарностью*). Но, дитя мое, подумайте, что это торжество для нашего дома!..

Емилия. Торжество!

Г-жа д'Арно. Что мы пригласили всѣхъ сосѣдей на обручальный обѣдъ...

Емилия. Обрученіе!.. И меня не предупредили!

Г-жа д'Арно. Что у насъ будутъ играть на фортепіано дѣвцы Керкарениль!..

Емилия, *съ сердцемъ*. Но это обманъ, коварство!.. Я уйду и совѣмъ не покажусь. (*Хочетъ идти*).

Г-жа д'Арно, *не выслушавъ*. Знайте же, что мы должны принять племянника маркиза де-Франвила!..

Г. д'Арно. Барона Карла де-Верака!

Емилия, *всторону и останавливаясь*. Барона де-Верака! (*Возвращается*). Барона... де...Верака?..

Г-жа д'Арно. Именно!

Емилия. Я въ немъ думала найти больше такта и больше благородства; онъ былъ такъ скромнъ и простъ въ Версали; я удивляюсь, что онъ является сюда съ такимъ шумомъ...

Г-жа д'Арно. Боже мой! Развѣ онъ не достоинъ... зеленатафянаго платья и кружевъ?

Емилія. Хорошо, что вы хоть теперь предуѣдомили нас... (всторону). Впрочемъ еще рано осуждать его. (Гро. Я согласна принять его... какъ можно лучше... изъ уважкѣ вамъ, любезная кузина.

Г-жа д'Арно. Слава Богу! (Всторону). Я была увѣрена, уговорю ее. (Слышенъ звонокъ; она вздрагиваетъ). Звонили. Кажется, звонили?..

Г. д'Арно. Кажется звонили...

Г-жа д'Арно. Если это онъ! (Видя себя и озоравшись). Алостивый Боже! такое неглиже!.. в на что не готово! (Зовет Луиза! (Ходитъ взадъ и впередъ и поспышно звонитъ). д'Арно, пожертвуйте собою! Подите, остановите его. (Емилія вы, моя милая, подите одѣваться! (Останавливая ее). Кулева!.. Зеленое платье!.. Умоляю!.. (Зоветъ еще громче и снова звонитъ). Луиза!

Емилія уходитъ смѣясь. Въ то время, какъ г-жа д'Арно вводитъ своихъ собакъ, г. д'Арно перемѣняетъ фуфайку. Потомъ когда онъ подходитъ къ двери, которая въ глубинѣ комнаты Луиза сталкивается съ нимъ и заставляетъ его отскочить назадъ. Ошеломленный, онъ падаетъ въ кресла. Мартынъ идетъ за Луизой.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Г. и г-жа д'Арно, Луиза, Мартынъ, потомъ г. де-Веракъ.

Г. д'Арно. Сумасшедшая! (Мартынъ ухаживаетъ за г. д'Арно)

Луиза. Извините, сударь! Я васъ ушибла?

Г-жа д'Арно. Нѣтъ, ничего! (Съ живостію). Это баронъ?

Луиза. Какой Баронъ?

Г-жа д'Арно, такъ же. Баронъ де-Веракъ? Ты видѣла его лошадей, его лакеевъ?

Луиза, смѣясь. Ха! ха! ха! какіе лакеи! Пришелъ какой-то мужичина безъ всякаго лакея; вѣроятно, какой-нибудь приказный, который пришелъ переговорить о дѣлахъ съ барономъ или съ вами.

Мартынъ, тихо Луизѣ. Bravo, bravo!

Г-жа д'Арно, удерживая своихъ собакъ. Слава Богу!

Г. д'Арно. О! я успоковлся!

Г-жа д'Арно. Насъ дома нѣтъ. Пусть онъ придетъ завтра или черезъ недѣлю.

Луиза. Нѣтъ, сударыня, ужь поздно; я просила этого господина слѣдовать за мною... И..

(Г. де-Веракъ входитъ. Платье, походка, манеры его очень просты, но показываютъ человека свѣтскаго).

Мартынъ, говоритъ ему на ухо. Это опекуны. Они васъ не знаютъ; не забудьте моихъ замѣчаній.

Г-жа д'Арно, крича съ досадой Луизѣ. Насъ дома нѣтъ, говорю я тебѣ! (Обернувшись, она видитъ незнакомаго, прерываетъ свои приказанія, дѣлаетъ гримасу, и кланяется принужденно. — Веракъ учтиво кланяется. Молчаніе).

Г. де-Веракъ, встору. Вотъ приемъ, который много обѣщаетъ.

Г-жа д'Арно. Извините меня, милостивый государь, это было... я не знала...

Г. де-Веракъ. Что я стоялъ за вами... Эта вина вашихъ людей, и я прошу у васъ извиненія. Я вижу, что мое присутствіе вамъ непріятно.

Г-жа д'Арно, становясь высокомерно по мѣрѣ того, какъ баронъ оказываетъ ей болѣе учтивости. Въ-самомъ-дѣлѣ, намъ некогда, мы ожидаемъ одну особу.

Г. де Веракъ встору. А я не особа. (Громко). Я пришелъ, милостивая сударыня..

Г-жа д'Арно, не слушая его и оборотясь къ нему спиною, говоритъ ласково Мартыну. Послушайте, любезный, когда господинъ вашъ хотѣлъ пріѣхать?

Мартынъ стараясь удержаться отъ смѣха. Право, не могу вамъ ничего сказать рѣшительнаго...

Г. де-Веракъ. Сударыня, я пришелъ, чтобы...

Г-жа д'Арно Мартыну. Вы, который знаете обхожденіе высшего общества, попросите этого несноснаго выдти вонъ. (Комическое движеніе Мартына).

Мартынъ встору. Моего барина вонъ!

Г-жа д'Арно. Прошу васъ, любезный...

Г. де-Веракъ, встору. Чистая противоположность! Полная благосклонность къ лакею, всѣ непріятности мнѣ! Да! Мартынъ былъ правъ. Это меня забавляетъ. Будемъ продолжать игру. (Возвышая голосъ). Честь имѣю вамъ доложить, сударыня...

Г-жа д'Арно, сухо. Мнѣ некогда васъ выслушивать, обратитесь къ моему мужу. (Она указываетъ на г. д'Арно.)

Г. де-Веракъ, Г. д'Арно. И такъ, милостивый государь, я пришелъ, чтобъ предложить вамъ покупку...

Г. д'Арно *невнятнымъ голосомъ*. Не могу вамъ отвѣчать...
Періодическая потеря голоса... (*Слѣзъ оканчивается знаками*).

Г. де-Веракъ, *не понимая его*. Покупку пастбища...

Г. д'Арно *всторону*. Что онъ, смѣется надо мною? (*Тѣ же знаки*).

Г. де-Веракъ. Это пастбище совершенно... будетъ пригодно вамъ.

Г. д'Арно, *всторону*. Онъ, кажется, посылаетъ меня на невозможный кормъ. (*Тѣ же знаки*).

Г. де-Веракъ, *иронически*. Милостивый государь, вы потяряете прекрасную сдѣлку...

Г. д'Арно, *сильнымъ голосомъ*. Я только потеряю терпѣніе; я вамъ сказалъ, что не могу говорить. Обращайтесь къ женті моеи!..

Г. де-Веракъ, *всторону*. Это прекрасно. (*Громко и кланяясь*). Милостивый государь и милостивая государыня, я васъ позвалъ! Благодарю васъ за ласковый пріемъ... Я посмотрю, какъ меня приметъ сама хозяйка дома (*Луизъ, стоявшей въ глубинѣ комнаты*). Доложите обо мнѣ г-жѣ де-Лери...

Г-жа д'Арно, *всторону*. Онъ, кажется, даетъ приказанія!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Емилія. (*Она поправила свою прическу и прибавила къ своему туалету нѣсколько украшеній*).

Емилія (*смѣясь и не замѣчая г. де-Верака*). И такъ, вы встревожились совершенно напрасно, это былъ не баронъ? (*Увидя Верака*). Чтѣ я вижу? г. де-Веракъ! (*Они кланяются*).

Мартынъ (*тихо Луизъ*). Вотъ будетъ кутерьма!..

Г-жа и г. д'Арно, *въ смущеніи*. Г. де-Веракъ!.. Вы, баронъ де...

Г. де-Веракъ. Я самъ, любезные хозяева.

Г-жа д'Арно, *падая въ кресло*. Мы погибли! Душить!

Г. д'Арно. Такъ вы инкогнито... это пастбище!..

Г. де-Веракъ. Выдумка Мартына... Предлогъ, чтобъ возвратить вамъ голосъ. (*Г. д'Арно упадаетъ въ другое кресло*).

Г-жа д'Арно, *всторону*. Выдумка Мартына! Я ласкала змѣю! (*Бросаетъ на Мартына злобный взглядъ*).

Г. де-Веракъ. Извините средство, (*с.мотря на Емилію*) въ пользу дѣла (*всторону*). Она прелестнѣе чѣмъ когда-либо!

Г-жа д'Арно, *всторону*. Надо взглянуть вину во что бы то ни стало. (*Къ Вераку съ большою и большою любезностію*). Мы должны, милостивый государь, просить у васъ извиненія (*Кланяется*).

Г. д'Арно, *такъ же*. Тысячу извиненій.

Г-жа д'Арно. Если бы мы знали... (*Новый поклонъ*).

Г. д'Арно. Если бы могли предвидѣть... (*Новый поклонъ*).

Г-жа д'Арно. Но согласитесь, что выдумка нашего лакея... (*Снохватись*). Впрочемъ, принятая вами.... она становится.... очень остроумна. (*Кланяется*).

Г. д'Арно. Мы не знали вашу оригинальность. (*Кланяется*).

Г. де-Веракъ. Я могу вамъ сказать тоже самое. И такъ, мы квиты и помиримся теперь. (*Подаетъ руку*).

Г-жа д'Арно, *взвѣвъ се*. Ахъ, какъ вы добры! (*Кланяется*).

Г. д'Арно, *такъ же*. Доброта равняется уму! (*Кланяется*).

Мартынъ, *тихо Луизъ*. Дядя былъ правъ. Вотъ опекуны-то и показали себя!

Луиза, *такъ же*. Да, вполнѣ!

Г. де-Веракъ, *Емилии*. А вы, сударыня, извините ли мой нежеланный пріѣздъ, который также былъ придуманъ мною, послѣ нашей встрѣчи въ Версаи.

Емилія. Мнѣ очень лестно, что вы сохранили обо мнѣ воспоминаніе.

Г. д'Арно, *тихо жепь*. Не поправитъ ли намъ нашу ошибку, оставя ихъ наединѣ?

Г-жа д'Арно, *также*. Это умная мысль! (*Вераку*). Надѣюсь, баронъ, что ваше пребываніе здѣсь не кончатся такъ внезапно, какъ началось. (*Г. де-Веракъ кланяется*). Позвольте намъ распорядиться, чтобъ васъ принять прилично и показать вамъ наши окрестности, которыя прелестны. Вы насъ застали въ неглиже!...

Г. де-Веракъ. Сударыня, прошу васъ...

Г-жа д'Арно, *прерывая его*. Мы знаемъ приличія свѣта...

Г. д'Арно. Вы найдете, баронъ, готовый завтракъ черезъ нѣсколько минутъ.

Г-жа д'Арно. Карета и лошади будутъ къ вашимъ услугамъ, баронъ.

Г. д'Арно. Мартынъ проводитъ васъ въ назначенную вамъ комнату, баронъ.

Г-жа д'Арно. Наконецъ, баронъ, вы сдѣлаете намъ величайшую честь, если будете у насъ какъ дома.

Г. д'Арно, *кланяясь*. Баронъ, до свиданія...

Г-жа д'Армо, *тихоже*. Баронъ, до свиданія... *(Тихо Луиза. Уведи моихъ собакъ. Тихо Мартыну)*. А вы, ступайте за мной. *(Г. и г-жа д'Армо уходятъ)*.

Мартынъ *(тихо Верку)*. Я напоминаю вамъ, сударь, наставленія вашего дядюшки. Вы удостовѣрились собственнымъ опытомъ, что значать ваши титула, ваше богатство и удовольствія, которыя оно можетъ доставить. Помните также и слова ея служанки: «Барыня живетъ вдали отъ свѣта, для того, чтобы впоследствии явиться въ немъ въ новомъ блескѣ». Это прекрасный случай показать себя и устроить дѣло однимъ ударомъ. *(Уходитъ)*.

Г. де-Веракъ, *всторону*. Я думаю, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ правъ. Провинціальныя странности такъ заразительны! Но представлять выгоды? Нѣтъ, это не въ моемъ характерѣ, и я буду довольно шеловокъ въ этой роли, тогда, какъ я хотѣлъ бы открыть мое сердце этой милой женщицѣ. Но такъ какъ мнѣ нужно понравиться, то попробуемъ.... хоть бы для того, чтобы лично удостовѣриться.... Еще будетъ время прибѣгнуть къ главной цѣли; надѣюсь, что она сама приведетъ меня къ ней.

(Во-время этихъ разговоровъ Емилія дала приказанія Луизѣ, которая ушла послѣдняя съ собаками).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г. де-Веракъ и Емилія.

(Г. де-Веракъ посмотрѣлся въ зеркало, какъ человекъ, который сбрасываетъ играть роль и старается принять другія манеры).

Г. де-Веракъ *(принимая рѣзкій тонъ)*. Признаться сказать, сударыня, васъ такъ охраняютъ, что трудно до васъ добраться. Ваши люди тоже неприступны.

Емилія, *всторону*. Какой тонъ! Я не узнаю его. Не думаетъ ли онъ ослѣпить меня? Будемъ осторожны! *(Вслухъ)* Это не люди мои, милостивый государь, это мои прежніе опекуны, мои друзья.

Г. де-Веракъ, *всторону*. Она оправдываетъ ихъ? *(Вслухъ)* Я буду подражать вашему великодушію. Ихъ отсутствіе вознаграждаетъ меня за пріемъ. Я все забываю, когда вижу васъ.

Емилія. Мы вѣдь, я думаю, имѣемъ нужду въ вашей свисходительности. Версаль слишкомъ уменъ для Кодбекъ. *(Всторону)* Кодбекъ однако будетъ защищаться!

Г. де-Веракъ, *всторону*. Она хочетъ выпытать мое мнѣніе! *(Вслухъ)* Я до-сихъ-пора былъ того же мнѣнія. Но теперь го-

товъ отказаться отъ него. Я буду говорить съ вами иначе, чѣмъ съ вашими опекунами. Вся дипломатія, которую я употребилъ предъ ними, принадлежитъ къ вашимъ стонамъ, и я осмѣливаюсь сказать вамъ прямо, что одинъ изъ пріятелей напцсалъ вашимъ опекунамъ; а именно то, что счастье всей моей жизни зависитъ отъ одного слова, произнесеннаго вами....

Емилия, *стараясь скрыть свое смущеніе подъ улыбкой.* Въ самомъ-дѣлѣ, эта тайна была, какъ обыкновенно случается, тайна комедіи. Та, которая должна была ее узнать поддѣвля, узнала ее прежде всѣхъ. (*Серьозно*) Г-жа д'Арно рассказала мнѣ ваши намѣренія; они такъ лестны для меня, что я со своею простотою никогда не могла бы отгадать ихъ. Но теперь я все знаю, и потому считаю долгомъ отвѣчать вамъ прямо и откровенно. Я не соглашусь иначе оставить свободное уединеніе, въ которое погрузило меня мое раннее вдовство, какъ на извѣстныхъ условіяхъ, заключенныхъ заранѣе.

Г. де-Веракъ, *всторону.* О! о!

Емилия. И главное изъ всѣхъ, это совершенное знаніе.... (*Она останавливается.*)

Г. де-Веракъ. Человѣка, который долженъ составить ваше счастье! Именно это-то условіе я и пріѣхалъ исполнить, объяснившись съ вами. Что касается до меня, я только желаю вашего согласія. (*Входя въ свою роль.*) Но нѣкоторыя преимущества, какъ на примѣръ: знатность, богатство, которыя считаются счастьемъ, дѣлаютъ меня, быть-можетъ, не совсѣмъ недостойнымъ васъ. (*Съ самодовольствомъ*) Званіе, которое навиду какъ въ государствѣ, такъ и при дворѣ.

Емилия, *всторону.* Тщеславіе! Буду покатничать и дамъ ему урокъ, котораго онъ заслуживаетъ. (*Громко, съ хорошо выдержаннымъ высокопріемъ.*) Мнѣ это же самое говорилъ маркизъ д'Енневиль, когда я рѣшилась ему отказать, несмотря на всѣ его титулы....

Г. де-Веракъ, *всторону.* Не хочетъ ли она быть герцогиней? (*Громко, тѣмъ же тономъ.*) Порядочное родовое имѣніе, которое добрый мой дядюшка хочетъ устроить въ моемъ контрактѣ....

Емилия, *также.* Важную роль я буду играть въ обществѣ съ вашими доходами!... отвѣчала ли я вышней дамочкѣ, откупщику, {который предлагалъ мнѣ свои тридцать тысячъ дохода?

Г. де-Веракъ, *всторону.* Ей надо миллионера? (*Громко, ставляя свою роль.*) Меня поразило въ Версали изъ всѣхъ достоинствъ вашихъ особенно....

Емилия. Простота моего вкуса. Онъ всегда будетъ соответствовать моему состоянію.

Г. де-Веракъ, *всторону*. Все или ничего.... Это ясно! Мартынъ былъ правъ!

Емилия, *всторону*. Выведу его изъ терпѣнія! (*Громко, съ высокомеріемъ и съ колкою иронією*). Позвольте васъ попросить описать мнѣ то счастье, которое доставятъ мнѣ ваша знатность и ваше богатство?

Г. де-Веракъ. Я опасаюсь, что это счастье не будетъ соответствовать вашимъ требованіямъ.

Емилия. А я боюсь, что оно превзойдетъ ихъ. И потому не совѣтую преувеличивать.

Г. де-Веракъ, *всторону*. Чтò это? Сарказмъ или ложная скромность? Все равно, пойдемъ дальше! (*Громко, выходя съ своею ролью и одушевляясь*). И такъ, сударыня, зимою небольшою, но красивый домъ въ Парижѣ и квартира въ Версали. Утромъ въ Трианонъ или на охотѣ; вы въ нашей каретѣ, между первыми красавицами двора; а я буду слѣдовать за звуками охотничьяго рога, посреди моихъ охотниковъ и собакъ. Возвратясь, мы будемъ обѣдать у короля или у королевы... Вечеромъ, или во дворцѣ, или на оперномъ балѣ, гдѣ я попрошу васъ не возбуждать черезъ-чуръ большой ревности и не дѣлать слишкомъ много несчастныхъ.

Емилия, *жеманно*. Не спорю, это довольно заманчиво.

Г. де-Веракъ, *всторону съ надеждою*. Накопецъ!

Емилия. Однако, отчего небольшой домъ въ Парижѣ, и просто квартира въ Версали? Зачѣмъ королевскія охоты, вмѣсто нашихъ собственныхъ? Но посмотримъ, будетъ ли лѣто соответствовать зимѣ.

Г. де-Веракъ, *всторону*. (*все болѣе и болѣе разгорячался*). Лѣтомъ, мы можемъ жить или въ нашихъ помѣстьяхъ, или въ замкѣ нашего лядюшки; можемъ путешествовать, ѣздить на воды, или жить въ деревнѣ, гдѣ отъ васъ зависитъ быть первествующею посреди провинціальныхъ красавицъ, имѣть свои пріемные дни, свои обѣды, театр....

Емилия. Однимъ-словомъ, Версаль въ мнѣіаторѣ.

Г. де-Веракъ. Вы отгадали.

Емилия, *съ презрѣніемъ*. Да! солнце, отражающееся въ каплѣ воды.

Г. де-Веракъ. Я знаю многихъ баронессъ, даже герцогинь, которыя довольствуются этимъ, — и которыя посреди своихъ удовольствій не имѣютъ мужа, единственно занятаго ихъ счастьемъ.

омъ, ревностнаго исполнителя всѣхъ ихъ желаній, подвластнаго ихъ малѣйшимъ прихотямъ. (*Хочетъ встать на колѣни*).

Емилия, *оставая*. Встаньте, милостивый государь! (*Всторону*) Какое разочарованіе! (*Громко*). Я не ищу слугу; еще того меньше раба ... И я вынуждена отвѣтить вамъ то же, что маркизу и откушнику: всѣ эти прекрасныя обещанія не удовлетворяютъ моего честолюбія!

Г. де-Веракъ *обиженный, всторону*. Нѣтъ, это уже слишкомъ; это невыносимо! (*Громко, съ досадою*). Я вижу, что Кодбекъ превышаетъ Версаль. Очень сожалѣю, что я такъ ошибся въ самомъ себѣ, воображая, что могу удовлетворить ваши требованія.

Емилия, *также обиженная*. Пословица говоритъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись». Я могу также быть огорчена, что меня такъ худо поняли.

Г. де-Веракъ, *съ сарказмомъ*. Вы сами тому виною; вы забыли въ вашихъ условіяхъ требовать чудесь свѣта.

Емилия, *тѣмъ же тономъ*. Вы же наобѣщали мнѣ столько неполюныхъ, несовершенныхъ чудесь....

Г. де-Веракъ, *всторону*. Мартынъ слишкомъ снисходительно говорилъ объ ней. Это, просто, капризная нормандская кокетка.

Емилия, *всторону*. Какъ я ошибалась; пустѣйшій человекъ! (*Ласково*). Извините, баронъ, я скоро вернусь; я въ свою очередь займусь тѣмъ, чтобъ все было прилично у меня въ домѣ. (*Прерываетъ его извиненія, кланяется и уходитъ*).

ДВЛЕНІЕ X.

Г. де-Веракъ, одинъ.

Какой сонъ, и какое пробужденіе! Мы поѣхали съ дядюшкой прошлою зимою въ Версаль. Тамъ встрѣтили мы молодую женщину, которая обратила на себя мое вниманіе своею красотою и вмѣстѣ скромностію.... Вотъ какую тебѣ надо жену.... сказали мнѣ мое сердце и дядюшка. Поѣзжай къ ней, прибавилъ послѣдній, но не слишкомъ полагайся на ея простоту. Я думаю, она порядочно честолюбива. Старайся показать ей выгоды, которыя она будетъ имѣть отъ союза съ тобою. Я привѣзжаю сюда, по его совѣту, съ Мартыномъ, нашимъ факторомъ. И я, дворянинъ, безъ всякихъ притязаній, я умудрюсь показать себя вельможей; — для какой цѣли? Чтобъ получить отказъ! Я предлагаю этой кодбекской вдовушкѣ руку, чтобъ слѣзть изъ этой вдовушки знагную даму, и мнѣ объявляютъ, вмѣсто на-

грады, на отрізъ, что все это недостаточно для ея честолюбія! (Стараясь смѣяться). Ха! ха! ха! Слыхалъ ли кто такую неподражаемую дерзость! (Становясь серьезнымъ). Увы! да, неподражаемая! Бѣда въ томъ, что я въ-самомъ-дѣль не перестаю ея находить такою! Но я ее все еще люблю, Боже мой! не смотря на ея странныя требованія! Полно, полно! это отчаянная провинціалка! Полно думать объ ней и оставишь ее и глупыхъ омуковъ, которые передавали ее на свой образецъ!...

ДВАНЦІИ XI.

Гг. де-Веракъ и Мартынъ.

Мартынъ, весело. Что же, сударь, первое свиданіе?...

Г. де-Веракъ. Будетъ и послѣднее. Ёдемъ!

Мартынъ, пораженный. Какъ! Ёдемъ?... За подарками?

Г. де-Веракъ. Ёдемъ навсегда отсюда!... Дошадь моя въ гостиницѣ Золотаго Льва. Сѣлай ее скорѣе. Я прощусь съ мѣдми милыми хозяевами и буду ждаль тебя... (Мартынъ стоитъ какъ окаменелый). Слышалъ?

Мартынъ. Простите, сударь,.... одну минуточку, я не могу опомниться.... Такая неожиданность подкосила мнѣ ноги.... Вы шутите?...

Г. де-Веракъ. Я не расподожень смѣяться.

Мартынъ. А я я того мѣнѣе, клянусь вамъ! (Всторону). Вотъ тебѣ и свадьба! Какъ его удержатъ? (Громко). Вы уже поссорились, какъ будто бы, знаете,.... сѣиграли свадьбу....

Г. де-Веракъ, выходилъ изъ терпѣнія. Пошелъ, говорить тебѣ!...

Мартынъ. Бѣгу, сударь.

Г. де-Веракъ. Я буду въ саду. Мнѣ нужно освѣжиться. (Она уходитъ. Луиза вбѣгаетъ, встревоженная, держа письмо въ рукѣ; удерживаетъ Мартына).

ДВАНЦІИ XII.

Мартынъ и Луиза.

Луиза. Ахъ! Мартынъ, знаете ли что?...

Мартынъ. Вы уже слышали объ нашемъ несчастіи?

Луиза. Вы еще не все знаете; я шла рассказать вамъ....

Мартынъ. Увы! я узналъ все прежде васъ.

Луиза. Вы знаете содержаніе письма маркиза?

Мартынъ. Какъ! письмо отъ маркиза? Развѣ два несчастія всто одного?

Луиза. О какомъ же несчастіи вы говорите?

Мартынъ. А вы? Наши господа поссорились!...

Луиза. Поссорились!—Это не то! Г. де-Веракъ раззоренъ!

Мартынъ. Раззоренъ! Это что! Объяснитесь, ради Бога!... Поссорился!... Раззорился!... Не понимаю!... Ничего не понимаю!... Рѣшительно ничего не понимаю!...

Луиза, *подавая ему письмо*. Прочитайте это письмо маркиза де-Фраввилля, которое г. д'Арно получилъ сейчасъ.

Мартынъ, *читая*. «Милостивый государь! Баронъ де-Веракъ, мой племянникъ, поѣхалъ просить руки г-жи де-Лери, вашей прежней питомицы. Я позволилъ ему объявить ей и вамъ, что я ему отдаю половину моего имѣнія, а остальную часть онъ наследуетъ послѣ моей смерти. Не зная, получить ли онъ это письмо въ дорогѣ, и не желая невольно васъ обманывать, спѣшу уведомить этимъ письмомъ, что я сейчасъ получилъ извѣстіе о моемъ совершенномъ раззореніи, и сообщать вамъ мое отчаяніе, что г. де-Веракъ можетъ теперь только поправиться своей собственной особою и своимъ скромнымъ баронствомъ. Примите... и проч. и проч.»

«Маркизь де-Франвилль».

Луиза. Поняли ли вы теперь?

Мартынъ, *бросаясь въ кресло и протирая себя глаза*. Совершенное раззореніе!... Такъ и написано: совершенное раззореніе!... Значитъ онъ потерялъ процессъ, о которомъ онъ мнѣ часто говорилъ!—Только этого не доставало! (*Письмо выпадаетъ изъ рукъ его*).

Луиза, *поднимаетъ письмо*. Но это еще не все. Прочитайте приписку.

Мартынъ. Какъ!... и приписка еще есть?... (*Читаетъ*). «Чтобъ быть вполне честнымъ и откровеннымъ, я долженъ вамъ признаться, какъ докторъ, что племяннику угрожаетъ аневризмъ, болѣзнь сердца, съ которою онъ можетъ конечно прожить долго въ счастливомъ и скромномъ семействѣ, избѣгая шумныхъ удовольствій и пылкихъ страстей,—но которая свела бы его быстро въ могилу, среди бурной придворной и свѣтской жизни...» и такъ далѣе....

Луиза. Что же?

Мартынъ, *плачевно*. Дайте мнѣ понюхать спирту!... Мнѣ дурно!...

Луиза. Какъ мнѣ жаль васъ! Я оставила г. д'Арно безъ памяти; онъ послалъ меня снести это письмо къ его женѣ!... Но я хотѣла прежде посоветоваться съ вами.

Мартынъ. Что же я могу сказать вамъ? Подъ такую удаль самую высокая комедія кончается! Мы строили воздушные замки.... Теперь намъ остается, какъ говорить дядюшка, похоронить себя.... чтобъ жить. (*Молчаніе*).

Луиза, складывая письмо. Скучная жизнь!...

Мартынъ, пораженный внезапной мыслью и оборачиваясь съ мѣлкостью. Вы одни могли бы утѣшить меня....

Луиза. Я! Какимъ же образомъ?

Мартынъ, простирая къ ней руки. Похоронивъ себя съ нами! Все для того, чтобы подольше пожить!...

Луиза, в сторону. Благодарю!

Мартынъ. Вы бы этимъ доказали, что любите меня безкорыстно.... а не за то презрѣнное богатство, которое одно письмо можетъ уничтожить.

Луиза. Презрѣнное! Недавно еще вы были другого мѣнѣя.

Мартынъ. Я говорилъ безъ философіи!... Воспользуйтесь моимъ опытомъ (*съ увлеченіемъ*) и скажемъ прости благамъ этого міра!...

Луиза. Вамъ хорошо говорить! Вы ихъ потеряли, а я ищу...

Мартынъ. Вы сказали высокую вещь, но философія.... философія несравненно лучше!...

Луиза. Оставайтесь съ вашей философіей; а мы лучше правятся ваши правила сегодняшняго утра. Я сохраняю свои надежды; беру назадъ свое слово, и остаюсь ваша покорная служанка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мартынъ, сначала пораженный, потомъ быстро вскочивъ съ неподованіемъ. Вотъ люди, подумаешь! Вотъ женщины-то особенно!... У вашихъ ногъ, когда кошелекъ вашъ пологъ; смѣются не хотятъ, когда пустъ. (*Ходя взадъ и впередъ*). Одно средство оставалось, чтобъ поправить наше несчастье: эта маленькая Луиза довольно богата для насъ обоихъ; мнѣнья ея госпожи достаточно бы было для барона!... Вотъ тебѣ и нѣтъ впчего!... (*Сядясь и закрывая лицо руками*). А! я слышаюсь отшельникомъ и буду плакать надъ суетою этого мира.... Кто-то идетъ. (*Смотря въ окно*). Мой баринъ! Какъ сказать ему? Боже мой! спасайся, кто можетъ! (*Бѣжитъ вонъ изъ кабинета*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорациа таже.

ДВЛЕНІЕ I.

Г. де Веракъ, Мартынъ. *(Оба вбѣгаютъ въ комнату однихъ носилъ друаго).*

Г. де Веракъ. Наконецъ я тебя поймалъ, бездѣльникъ! Говори сейчасъ, что это значить....

Мартынъ, *(запылавшись и въ недоумѣніи).* Сударь, избавьте меня отъ такого страданія!

Г. де Веракъ *(строга).* Къ дѣлу! Осѣлана моя лошадь?

Мартынъ *(умоляющимъ голосомъ).* Прошу у васъ, сударь, униженно прощенія! У меня онѣмѣніе членовъ превратилось въ настоящій параличъ.

Г. де Веракъ. Оттого ты такъ проворно и бѣгаешь? Полно врать! Какъ ты смѣлъ меня ослушаться?

Мартынъ. Потому что.... потому.... *(Въ сторону.)* У меня недостаетъ духу.... однакожъ надо... *(Громко, съ усиліемъ).* Видите-ли, громъ разразился надо мною, и разразится также и надъ вами.

Г. де Веракъ. Ты получилъ непріятныя извѣстія?

Мартынъ. Очень непріятныя.

Г. де Веракъ. Отъ моего дялюшки?

Мартынъ. Отъ вашего дялюшки.

Г. де Веракъ, *(съ безпокойствомъ).* Онъ боленъ?

Мартынъ. Онъ совершенно здоровъ..... но.... вы нездоровы. *(Движеніе Верака).* Умоляю васъ, сударь, выслушайте меня терпѣливо; это дѣло требуетъ большой осторожности.

Г. де Веракъ. Не думаю! Даю тебѣ пять минутъ.... Проворнѣе. *(Садится).*

Мартынъ, *(сторону, глядя на него пристально).* Ктѣ бы подумалъ, что такой знатный дворянинъ разоренъ, что такая прекрасная наружность скрываетъ неизлечимую болѣзнь? *(Подойдя къ нему съ участіемъ).* Какъ вы себя чувствуете?

Г. де Веракъ. Въ самомъ дурномъ расположеніи духа!

Мартынъ. Успокойтесь, сударь! Я спрашиваю о вашей здоровьи.

Г. де Веракъ, *(изумленный).* О здоровьи?

Мартынъ. Да, что вы чувствуете.... тамъ.... внутри?....

Г. де Веракъ. Страшную охоту взыскать съ тебя, если ты будешь продолжать дурачиться....

Мартынъ. Ради Бога, сударь, успокойтесь! Эти ощущения для васъ убійственны.... Позвольте мнѣ пощупать вашу пульсъ... Не чувствуете ли вы.... съ лѣвой стороны.... что-то въ родѣ... біевія?

Г. де Веракъ, (*вставалъ съ досадою*). А! это уже слишкомъ!... Говорю тебѣ рѣшительно...

Мартынъ, (*всторону*). Вотъ и признаки! Я теперь понимаю. Всякій разъ, какъ онъ меня бранитъ, кровь у него приливаетъ къ сердцу! Лучше его поразить съ одного разу. (*Громко*). Ради Бога, сударь, будьте благоразумны и доверитесь судьбѣ....

Г. де Веракъ, (*всторону*). Что-же это такое? Я начинаю наконецъ беспокоиться!... (*Громко и сарказмо*). Объяснись.

Мартынъ. Извольте, извольте... но, пожалуйста, будьте хладнокровнѣе!... Ваша горячность васъ убьетъ! Маркизь написалъ г. д'Арно, что онъ совершенно разорентъ....

Г. де Веракъ. Не можетъ быть! Ты видѣлъ письмо?

Мартынъ. Писанное его собственною рукою.... Горничная мнѣ показала его прежде, чѣмъ отдала г-жѣ д'Арно.

Г. де Веракъ, (*опускался въ кресло*). Бѣдный маркизь!...

Мартынъ. Бѣдный баронъ!

Г. де Веракъ. Мнѣ то что же!

Мартынъ (*растроганный*). Но его разореніе есть и наше собственное разореніе! И это еще самое мѣньшее изъ нашихъ несчастій.... Маркизь прибавляетъ... Не тревожьтесь сударь, не разстраивайте себя... Маркизь прибавляетъ, что ваше здоровье требуетъ большой осторожности, что придворныя и свѣтскія удовольствія сведутъ васъ въ могилу, (*дрожащими отъ волненія голосомъ*) и что мы должны отказаться отъ нихъ и похоронить себя въ тихомъ спокойномъ убѣжищѣ.

Г. де Веракъ, (*спокойно*). Великая жертва!

Мартынъ, (*съ отчаяніемъ*). Однимъ словомъ,—вынесите эту послѣднюю ударъ!... вамъ угрожаетъ скрытая, безвѣстная болѣзнь сердца!...

Г. де Веракъ. Болѣзнь сердца? Ну чтожь, тѣмъ лучше! Я буду жить по влеченію моего характера, и обязанности мои будутъ въ моихъ удовольствіяхъ.

Мартынъ, (*съ смущеніемъ*). Какъ онъ это принимаетъ! А я боюсь взрыва! Ничего не понимаю!

Г. де Веракъ, (*вставая*). Ты кончалъ, не правда ли? Поди, осѣдай мою лошадь. Гроза собирается.... Я хочу сегодня же вечеромъ быть у дядюшки.

Мартынь. Мы успѣемъ, сударь, успѣемъ! (*Всторону*). О непровищаемость сердца человѣческаго! (*Уходя стадживается съ 1-жою д'Арно, которая вводитъ, разодышал духа въ шолоковомъ платьѣ со швейфомъ, и присядаетъ съ жеманствомъ*). Г-жа д'Арно къ такому нарядѣ и съ такимъ праздничнымъ лицомъ! Луиза еще не отдала ей письма, и если-бы баронъ захотѣлъ!., (*Тига Вераку*). Есть еще надежда на спасеніе, сударь! Можно еще устроить вашу свадьбу! (*Веракъ приказываетъ Мартыну уйти. Она уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. де Веракъ, 1-жа д'Арно, Луиза. (*Г-жа д'Арно дѣлаетъ три желанные поклона, на которые Веракъ отвечаетъ холодно*).

Г-жа д'Арно. Баронъ, весь нашъ домъ къ вашимъ услугамъ. Если вамъ угодно что-нибудь приказать....

Г. де Веракъ, *всторону*. Она еще ничего не знаетъ! Слава Богу! Я еще успѣю отплатить ей; (*иромко и цѣмъ 1-жа д'Арно съ нимъ ласковѣе, тѣмъ онъ становится высокомернѣе*). Вы слишкомъ добры, сударыня, напрасно вы безпоковились...

Г-жа д'Арно. Надѣюсь, что это будетъ ненапрасно; вы, вѣроятно, не будете торопиться отъѣздомъ.

Г. де Веракъ. Напротивъ, я долженъ ускорить его, и шель, чтобъ съ вами проститься.

Г-жа д'Арно, *въ испуль*. Уже! (*съ кокетствомъ*). Наказать насъ за наши проступки, недавъ времени загладить ихъ! Нѣтъ! Вѣрно, вы не будете такъ жестоки, баронъ!

Г. де Веракъ. Не понимая, въ чемъ состоятъ ваши проступки, я не знаю, за что и мстить вамъ, сударыня. Непредвидѣнное дѣло заставляеть меня удалиться....

Г-жа д'Арно. Но нарета у подѣзда, для прогулки.

Г. де Веракъ. Я избавлю вашихъ лошадей отъ этого труда; у меня есть своя лошадь и я долженъ ѣхать (*показывая на небо*), прежде чѣмъ разразится гроза.

Г-жа д'Арно. Мы пригласили къ обѣду гостей изъ города.

Г. де Веракъ. Они вамъ вполне замѣнятъ того, который не стоить такой чести.

Г-жа д'Арно. Никто здѣсь не можетъ замѣнить васъ.... (*Стараясь улыбаться*). Но вы очень остроумно шутите.... какъ сегодня утромъ.... Да! мой мужъ правду говорилъ: вы оригинальнѣе баронъ....

Г. де Веракъ. Клянусь вамъ, сударыня, что я говорю серьезно.

Г-жа д'Арно *всторону*. Чтожь это такое?... Неужели разоле-

ка? Емилія не поправилась ему? (*Грохко*). Г-жа де Лери сама одѣвается.

Г. де Веракъ, *улыбаясь*. Не безпокойтесь, сударыня; вы были заняты вашимъ туалетомъ, и конечно не знаете....

Г-жа д'Арно, *испуѣнная*. Что же? Что наша питомица вамъ неоправилась....

Г. де Веракъ, *прерывая*. Довольно объ этомъ, сударыня. Прешу васъ доложить ей, что я пришелъ съ нею проститься.

Г-жа д'Арно, (*изумленная, всторону*). Проститься!... Нѣтъ сомнѣній! Вотъ она не послушалась меня, не надѣла кружегъ!... Какъ теперь помочь горю! (*Блеснула молнія и пошелъ дождь*). А! вотъ погода мнѣ поможетъ! (*Вслухъ*). Громъ гремитъ, гроза будетъ сильная; неужели вы рѣшитесь поѣхать въ такую погоду....

Г. де Веракъ. Я ѣзжу во всякую погоду....

Г-жа д'Арно, *съ бѣльшею настойчивостію*. Но мы не допустимъ этого....

Г. де Веракъ, (*Всторону*). Она хочетъ употребить насиліе.

Г-жа д'Арно. Вы нашъ гость и мы за васъ отвѣчаемъ.... Боже! какая молнія!... Вы не уѣдете! Даже стихіи возстаютъ противъ васъ!

Г. де Веракъ. Увѣрю васъ, сударыня.... (*Кланяется и хочетъ идти*).

Г. д'Арно. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

Г. де Веракъ, *смотря въ окно*. Вотъ и Мартынь съ моею лошадейю....

Луиза, *входитъ; всторону*. Наконецъ, я ее нашла! (*Вынимаетъ нисѣмо изъ кармана и хочетъ отдать его г-жу д'Арно; но останавливается, увиди Верака*). Баронъ!... Я не смѣю отдать при немъ....

Г-жа д'Арно. Луиза, ты пришла очень кстати.... Скажи Мартыну, что г. Веракъ остается....

Г. де Веракъ. Но, сударыня....

Г-жа д'Арно. Что онъ можетъ поставить лошадь барона въ нашу большую конюшню....

Г. де Веракъ. Но, сударыня, я вамъ повторю....

Г-жа д'Арно. Безъ извиненій.... Конюшня обширная! Въ ней могутъ помѣститься десять подобныхъ лошадей!

Г. де Веракъ. Въ послѣдній разъ, сударыня....

Г-жа д'Арно, *съ натянутою любезностію*. Ни слова болѣе.... Пока не разгуляется погода.... мы васъ не пустимъ.... Помилуйте! развѣ мы какіе неучи, не знаемъ, какъ живутъ въ свѣтъ

образованные люди.... И такъ это дѣло конченное. (*Всторону*) И не безъ труда! О, еслибы она надѣла кружева и зеленое платье!...

Г. де Веракъ *всторону*. Рѣшительно я въ плѣну.... (*Тихо и съ живостію Луизы*). Скажите вашей Госпожѣ, что я прошу у нея позволенія придти къ ней проститься, а Мартыну, чтобъ лошадь моя была готова и чтобъ онъ явился черезъ десять минутъ. (*Всторону*). Это единственное средство избавиться отъ этой старой кокетки!...

(*Въ то время какъ Луиза уходитъ. г. д'Арно является съ разстроеннымъ лицомъ; жабо на сторонѣ, манишка не застегнута, фуфайка наскоро накинута*).

Луиза, *тихо г. д'Арно, отдавая ему письмо*. Вотъ сударь, письмоцо отъ маркиза; я не могла его отдать барынѣ при баронѣ.... Возьмите его, пожалуйста, и отдайте сами. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Г. де Веракъ, г-жа и г. д'Арно. (*Онъ небрежно кланяется Вераку. Его холодность составляетъ противоположность съ восторженностію г-жи д'Арно*).

Г-жа д'Арно, *съ торжествомъ*. Подите сюда, я наконецъ убѣдила барона, который собирался ѣхать. Вамъ пользоваться побѣдой!

Г. д'Арно *тихо женѣ*. Ты его удержала? Ты не знаешь....

Г-жа д'Арно, *не слушая его, и обратясь къ г. Вераку*. Докажемъ барону, что Кодбекъ сноснѣе дождя....

Г. д'Арно *также*. Но пускай онъ лучше ѣдетъ....

Г-жа д'Арно, *также*. Мы найдемъ, чѣмъ замѣнить прогулку: парижскія газеты, бостонъ, лото.... (*Показывая на мужа*). Вы видите передъ собою самаго отчаяннаго игрока!

Г. д'Арно, *также*. Но послушай-же, и узнай....

Г-жа д'Арно *также*. Не считая сюрпризовъ, которыя васъ ожидаютъ за обѣдомъ: кодбекскія красавицы и здѣшній поэтъ. Да! у насъ есть поэтъ въ Кодбекѣ!

Г. д'Арно *также*. Но ради Бога!... (*Дергая за рукавъ*). Онъ намъ не нуженъ.... Онъ разоренъ!...

Г-жа д'Арно, *въ недоумѣніи*. Гм?.... Вы говорите?...

Г. д'Арно, *также*. Читай! (*Вручаетъ ей письмо маркиза*).

Г-жа д'Арно *также*. Что это такое?

Г. д'Арно *также*. Читай!

Г. де Веракъ *наблюдая за ними, всторону*. Это письмо мое!

го дяди! Я спасенъ! Они постараются меня выпроводить! (Принимаетъ важную и торжественную осанку).

Г-жа д'Арно, встопорону, читая. «Совершенное разоревіе... сердечная болѣзнь... скромный образъ жизни...» (Прочитавъ, и разочаровавшись, тихо) Боже, милосердый! Что я сдѣлала! (Принимая совершенно другой видъ, презрительно осматриваетъ Верака съ ногъ до головы; потомъ зѣвонитъ съ оживленіемъ. Является Луиза. Она отдаетъ ей письмо)

Г-жа Арно. Снеси это сей часъ г-жѣ Лері.

(Луиза уходитъ).

(Въ это время г. де Веракъ съ насмѣшливыми видѣми старался завязать разговоръ съ г. д'Арно, который вмѣсто всякаго ответа, показывалъ рукой на горло, какъ будто недоставало ему голоса).

Г-жа д'Арно, (встопорону, опускалась въ кресло). Ахъ, я готова упасть въ обморокъ!

Г. де Веракъ, (г. д'Арно съ насмѣшливою улыбкою). Г-жа д'Арно удивительно любезна! Она меня совершенно очаровала... (Г. д'Арно молчитъ, также знаки). У васъ перемежающееся прекращеніе голоса. Я вамъ скажу лекарство вовремя нашей игры въ лото. (Также знаки. Эта сценическая игра продолжается нѣсколько минутъ. Является Емилія. Веракъ восклицаетъ): Наконецъ! вотъ моя свобода!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Емилія, (въ зеленомъ платьѣ съ кружевами. Она держитъ въ рукахъ письмо, которое только что прочитала). Потомъ Мартынъ и Луиза.

Г-жа д'Арно, (вставъ, увидя Емилію, встопорону). Теперь кружева и зеленое платье! Очень кстати!

Емилія, (съ поспѣшностію и старалась казаться веселой). Мнѣ сказали, что вы уже собираетесь ѣхать! Неужели это правда?

Г. де Веракъ. Да, это дѣйствительно правда, сударыня... къ крайнему моему сожалѣнію... я только хотѣлъ съ вами проститься... (Смотря съ ироніею на г-жу д'Арно). Но г-жа д'Арно своимъ искусствомъ и милою настойчивостію удержала меня....

Г-жа д'Арно, (съ меньшею учтивостію). Въ чемъ я и прошу у васъ извиненія... (Тихо Емиліи). Вы читали письмо?

Емилія (тихо, съ чувствомъ), Увы! читала. (Разсматривая Верака съ участіемъ). Онъ еще не знаетъ, надѣюсь.... Еслибъ я могла ему облегчать горе...

Г. де Веракъ, *г-жа д'Арно, смотря на Емилию.* Я радуюсь, напротивъ, сударыня, что нахожусь у васъ въ пѣту.

Г-жа д'Арно. Сохрани меня Боже, чтобъ я шла наперекоръ нашимъ намѣреніямъ!... Я просила, чтобъ вы переждали грозу..... но..... теперь..... (*Смотритъ въ окно.*)

Емилия, *всторону.* Не думаетъ ли она заставить его уѣхать, потому-что онъ несчастливъ!

Г. де Веракъ, *открывъ окно.* И теперь прекрасная погода! (*Слышенъ проливной дождикъ и сильные удары грома.—Молчаніе.*)

Г. д'Арно. Дѣйствительно небо проясняется. (*Вздвигается и надъбываетъ другую удушайку.*)

Емилия, *всторону.* Какая странность! (*Смотритъ строго на своихъ опекуновъ.*)

Мартынъ, *вымокшій подъ дождемъ, а за нимъ Луиза.* Лошадь готова, сударь. Можно въ такую погоду завязнуть въ любомъ оврагѣ.

Г. де Веракъ, *кланяясь г-жѣ д'Арно.* Прощайте, сударыня; примите увѣренія моей искренней благодарности, которая вполне отвѣчаетъ вашимъ ласкамъ.

Г-жа д'Арно, *низко кланяясь.* Позвольте пожелать вамъ счастливаго пути. (*Емилия подходит съ видомъ негодования.*)

Г. де Веракъ, *къ Емилии, съ глубокимъ чувствомъ.* Простите мнѣ, сударыня, что я своимъ прїѣздомъ осмѣлился смутить ваши мечты; будьте счастливѣе меня, и забудьте мое сумасбродство.

Емилия, *также.* Я только вижу сумасбродство въ вашемъ отъѣздѣ, и рѣшительно встаю противъ него. (*Повышая голосъ.*) Вы въ домѣ г-жи де Лері, а не г-жи д'Арно. Г-жа де Лері не отпускаетъ своихъ гостей въ такую погоду. Если моя настойчивость не такъ искусна, то она, по-крайней-мѣрѣ, искренна и добродушна; не огорчите меня отказомъ.

Г. де Веракъ, *всторону.* Какая перемена! (*Вслухъ*) Смѣю ли я вамъ отказать, сударыня?... я пережду грозу, я желаю даже, чтобъ она продолжалась. (*Емилия и Веракъ продолжаютъ говорить тихо. Емилия, какъ бы старается извинить г-жу д'Арно.*)

Г-жа д'Арно, *тихо и сухо мужу.* Это намъ урокъ. Уйдемъ. (*Кланяются съ холодностію и получаютъ такіе же поклоны. Тихо и повелительно Луизѣ*) Чтобъ обѣдъ не готовили, пошла отказъ Видаму, Керкаренвилямъ.... (*Скоро уходитъ съ мужемъ, которая увлекается, взявъ подъ руку.*)

Луиза, *тихо Мартыну.* Что вы скажете?

Мартынъ, *также, наблюдая за Емилиєю и за Веракомъ.* Не

вашемъ мѣстѣ, я бы не отказалъ, потому что лучше выждать.....

Лиза, *всторону, смотря на него съ удовольствіемъ.* Этотъ Мартынъ рѣшительно большой полтикъ. *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕМИЛІЯ, Г. ДЕ ВЕРАКЪ.

(Оба съ искренностію и непринужденностію, не такъ, какъ при первомъ свиданіи.)

Емилія. Какъ я вамъ обязана, что вы меня повали и оставьсь.... *(Проситъ его сѣсть).* Это послужитъ урокомъ, кому слѣдовало. Вашъ отъѣздъ наль бы на меня собственно....

Г. де Веракъ. На васъ, сударыня! Когда я не знаю, что дѣлать отъ удвленія и благодарности!... *(Всторону)* Это непостижимо! Вотъ теперъ она тоже, что была въ Версали. *(Садятся. Емилія беретъ шитье.)*

Емилія. Оставимъ комплименты и будемъ просто говорить, какъ друзья; теперъ мы.... *(улыбаясь)* прошлые суженые.... *(Подаетъ ему руку.)*

Г. де Веракъ, *взавъ ея руку, всторону.* Увы! *(Вслухъ).* Да, вы отказали мнѣ, сударыня.

Емилія, *всторону.* Онъ, кажется, поблѣднѣлъ.... Неужели ему сказали?... *(Вслухъ.)* Вы долго разговаривали съ г-жою д'Арно?... Она вамъ.... ничего не говорила?...

Г. де Веракъ. О чемъ?

Емилія, *съ радостію.* Прекрасно! Я только и хотѣла это узнать *(Всторону.)* Я приготовлю его къ этому несчастію.... *(Вслухъ, ласково улыбаясь.)* Не безпокойтесь, дѣло идетъ о маленькой морали, которую я хотѣла вамъ прочесть первая.... Я собираюсь проповѣдывать.

Г. де Веракъ. Съ наслажденіемъ буду слушать васъ, но боюсь, чтобъ вы не проповѣдывали обращенію....

Емилія. Нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ показали ваши недостатки, и я буду васъ осаждать съ трехъ пунктовъ:

Г. де Веракъ. Ваши наставленія будутъ для меня драгоценны.

Емилія. И такъ я приступаю къ дѣлу. — Первый пунктъ.... Вы считаете себя сильнымъ, крѣпкимъ, какъ и всѣ молодые люди, вы мало заботитесь о вашемъ здоровьи, и можете совершенно его разстроить. Напримѣръ, путешествовать верхомъ къ такую погоду, не есть ли это величайшая глупость?...

Г. де Веракъ. Чтобъ скорѣе быть у васъ....

Емилія. Если это такъ, то вы должны долѣе оставаться. Вы

воспользуетесь моей каретой, чтобъ ѣхать домой.... когда вы поѣдете.... (*Движеніе Верака.*) Безъ отговорокъ! Я буду такъ же настойчива, какъ г-жа Д'Арно! И замѣтите, что мои предписанія касаются и до Парижа, и до Версаля! Да,—вы пойдете ко мнѣ очень строгаго доктора!... Я вамъ запрещаю то, что вы наиболѣе любите: продолжительныя поѣздки, поздніе визиты, неумѣренное занятіе охотой, игрой, танцами, всѣ эти утомленія, которые вы называете версальскими удовольствіями.... Теперь перейдемъ ко второму пункту....

Г. де Веракъ, *улыбаясь.* Извиняте, что я осмѣлюсь прервать васъ; но версальскія удовольствія мало меня занимаютъ.

Емилія, *удивленная.* Въ самомъ дѣлѣ! Вы не поѣдете (*Подражая голосу Верака въ первомъ дѣйствіи, но безъ ироніи*) «на королевскую охоту, на придворныя собранія, въ большую оперу?»

Г. де Веракъ, *просто.* Я! Я думаю провести это время у лядюшки или въ моемъ помѣстьѣ.

Емилія. Да! точно! Вы тамъ найдете даже зимою (*подражая Вераку*) «вашъ провинціальныи дворъ, домашній театръ, веселыхъ друзей и остроумныхъ собесѣдниковъ.»

Г. де Веракъ. Избави Боже отъ такой напасти! Я найду остроумныхъ собесѣдниковъ въ моей библіотекѣ, разнообразныя наслажденія въ природѣ, тишину уединенія, тѣсный кругъ друзей послѣ обѣда и вѣсколькихъ одаренныхъ мною бѣдныхъ.

Емилія (*всторону*). Что я слышу? (*Громко, съ болзнію.*) Вы шутите?

Г. де Веракъ (*съ прямодушіемъ*). Клянусь, что нѣтъ!

Емилія, (*съ радостію*) Значить, моя проповѣдь производитъ чудеса, или вы несравненный ученикъ! Такая быстрая перемена въ вашихъ привычкахъ!... Это дѣлаетъ вамъ честь.

Г. де Веракъ. Я въ отчаяніи, что принужденъ былъ открыть вамъ мои недостатки и показать вамъ качества, которыя, конечно, вамъ не понравятся: простоту и умѣренность моихъ желаній....

Емилія, *всторону.* Можетъ ли это быть? (*Громко.*) Однако жизнь, которую вы мнѣ описывали сегодня утромъ.... (*Подражая ему*) «Домъ въ Парижѣ и квартара въ Версали?»

Г. де Веракъ. Это было бы для васъ, сударыня.

Емилія. «Театры, вечера, придворныя балы?»

Г. де Веракъ. Тоже для васъ, сударыня!

Емилія. «Лѣтомъ путешествіе, воды или въ своемъ помѣстьѣ безпрестанныя собранія, охота, и прочее?»

Г. де Веракъ. Все, все для васъ, сударыня!

Емилія. А вашъ образъ жизни развѣ не таковъ?

Г. де Веракъ, (*всторону*). Такъ какъ теперь я не смѣю имѣть на все виды, то не за чѣмъ мнѣ и скрываться; я могу оставить мою утреннюю роль. (*Громко*.) Хотите, чтобъ я вамъ представилъ откровенно картину моего образа жизни? Хотя бы она вамъ показала смѣшною, послѣ той, которая заслужила ваше нерасположеніе?....

Емилія, *съ живостію*. О, пожалуйста!.... противоположность описаній меня займетъ болѣе, чѣмъ вы думаете. (*Оставляетъ шитье, чтобъ слушать внимательнѣе.*)

Г. де Веракъ, (*съ полною откровенностію*). И такъ, сударыня, я рѣшительно не имѣю никакой склонности къ тому, что вы мнѣ запрещаете, и люблю, напротивъ все то, что вы полагаете противнымъ мнѣ: спокойствіе домашнее и личную независимость. Свѣтъ шумный деспотъ, капризы котораго меня часто забавляютъ, но никогда не увлекаютъ. Понимая только умственные наслажденія, я смотрю на богатство, какъ на перстень, надѣтый на палецъ; очень блестящій при яркомъ освѣщеніи. Когда я охочусь, какой-нибудь видъ отводитъ меня отъ сѣда встрѣтившагося звѣря.... Я рѣдко ѣзжу въ оперу, потому что тамъ показываютъ себя, а не слушаютъ музыку. Когда Мартынь меня снаряжаетъ на балъ, я часто забываю, что надо ѣхать, зачитавшись какой-нибудь хорошей книги или разговорившись съ пріятелемъ. Иѣтомъ я живу деревенскимъ дворяниномъ, а зимой дворяниномъ наблюдателемъ. Я лучше люблю ѣздить верхомъ, чѣмъ въ каретѣ; ходить пѣшкомъ, чѣмъ ѣздить на лошади; оставаться на мѣстѣ, чѣмъ путешествовать. Я предпочитаю мѣдную монету, данную бѣдняку, золотой выигранной въ карты; пожатіе руки добраго человѣка.—всѣмъ комплимантамъ толпы; чистосердечную улыбку женщины—брилліантамъ и дорогимъ уборамъ; достатокъ, съ честью и спокойствіемъ въ небольшомъ домикѣ, роскоши, со всѣми ея тревоженіями, въ великолѣбныхъ палатахъ. Вотъ, сударыня, мой вкусъ и мой образъ жизни. Извините смѣлость такого признанія.

Емилія, (*стараясь скрыть свое смущеніе*). Я признаюсь, что оно меня удивляетъ послѣ утренняго нашего разговора. Вы говорили какъ свѣтскій человѣкъ, теперь вы разсуждаете какъ философъ. Кому я должна вѣрить?

Г. де Веракъ. Вѣрьте философу, онъ безкорыстенъ.

Емилія. Но.... зачѣмъ же вы меня хотѣли.... обмануть.... на счетъ....

Г. де Веракъ. А! зачѣмъ?... Это будетъ мое послѣднее признаніе. Сегодня утромъ я былъ женихомъ; я выказывалъ себя... противъ моей собственной охоты, Богъ свидѣтель тому! Меня предупредили о вашемъ свѣтскомъ, честолюбіи. Это меня огорчало, извините меня, но я думалъ, что долженъ польстить вашимъ недостаткамъ, чтобъ понравиться, и надѣялся, что со временемъ я излечить бы васъ отъ этой болѣзни..... да, я считаю это болѣзнію, извините меня.....

Емилія, (*улыбаясь*). Я вамъ прощаю. Продолжайте.

Г. де Веракъ. Я вамъ предлагалъ счастье такое, какое вы сами себѣ составили: дворъ, собранія, почести, пиры, наружный блескъ и прочее.... Вы меня наказали моимъ же собственнымъ простукомъ, найдя мои предложенія слишкомъ мелочными. Я, конечно, заслужить наказаніе и остановлюсь на этомъ началѣ..... Откровенность впрочемъ не была бы успѣшнѣе; если бы я вамъ сказала.....

Емилія. Еслибъ вы мнѣ сказали?....

Г. де Веракъ. Зачѣмъ говорить теперь?...

Емилія. Пожалуйста; говорите.....

Г. де Веракъ. Если бы я вамъ сказалъ: «я хочу тѣхъ же семейнаго счастья; я мечтаю о женщинѣ прекрасной и умной, какъ вы, наивной и скромной, какъ я; я ищу образа жизни простаго, и спокойнаго. Въ Парижѣ хорошенькій домъ, вдали отъ толпы, убѣжище, которое намъ показывалось бы еще пріятнѣе послѣ свѣтскихъ тревогъ, друзей которые любили бы насъ самихъ; разговоры, дѣла, искусства; уединеніе, чтобъ лучше цѣнить общество, и общество, чтобъ лучше любить уединеніе; небольшой замокъ въ провинціи, съ рощею и съ садомъ, изученіе природы, дожденіе за цѣтями; весеннія прогулки на солнцѣ, лѣтній отдыхъ въ тѣни; осеннія деревенскія праздники; кругъ знакомства избранныхъ сосѣдей, какъ можно меньше людей непріятныхъ...»

Емилія, (*тронутая, всторону*). Совершенно мои мечты, увя!... (*Вслухъ*). Если бы вы мнѣ это говорили утромъ, я бы вамъ отвѣтила, что у васъ совершенно одинъ вкусъ со мною. Это образъ жизни, который я себѣ составила, и я не хочу, я никогда бы не желала другаго!

Г. де Веракъ, (*вставая, какъ пораженный*). Боже великій!... (*Дрожащими голосомъ*). Но тогда я попрошу васъ объяснить мнѣ...

Емилія, *также вставая*. Мой утренній разговоръ?....

Г. де Веракъ. «Что такое знатность?... Что я стану дѣлать въ обществѣ съ доходомъ въ 30,000 ливровъ?»

Емилія. Мое оправданіе будетъ такое же, какъ и ваше.... Вы старались выказать себя, я старалась васъ унижить; вы играли роль фата, я кокетки.... Чтожь мнѣ было дѣлать?.... Поставьте себя на мое мѣсто.... Мы интриговали другъ друга какъ въ маскарадѣ, не узнавая самихъ себя подъ маской.... и въ этомъ не я виновата.... а вы.

Г. де Веракъ, *(печально и съ чувствомъ.)* Вы правы.... Теперь только мы узнали другъ друга. Простите меня! *(Она дѣлаетъ движеніе, чтобъ броситься на колѣни;—потомъ останавливается, какъ пораженный въ сердце и отворачиваетъ голову.)* Или лучше, забудьте меня, потому-что небо прояснилось для меня слишкомъ поздно. *(Утираетъ слезу.)*

Емилія, *(въ сильномъ волненіи).* Слишкомъ поздно! Отчего жъ?

Г. де Веракъ. Потому-что.... я, который говорилъ вамъ о богатствѣ, не могу даже обѣщать....

Емилія, *(въ изумленіи).* Вы знаете.... несчастье.. вашего дя-дюшки? *(Показываетъ ему письмо маркиза.)*

Г. де Веракъ, *(также).* Вы тоже знали! *(Съ оживостію беретъ письмо и бросаетъ на него быстрый взглядъ.)* А теперь я васъ понимаю!.... Извините безразсудной мечтѣ.... Ваше трогательное участіе объ моемъ здоровьѣ.... очаровательный урокъ философіи.... Это все было съ цѣлю приготовить меня къ этому извѣстію! Вы ангелъ доброты.... и моя вѣчная благодарность....

Емилія. Опять комплименты! Вы просилъ у меня прощенія, я васъ прощаю, но только въ томъ, что вы все еще не умѣете понять меня. Однакожь надо объясниться.... откровенно;—моего состоянія станетъ для насъ двухъ, съ нашими желаніями.... Г-жа д'Арно, не спросясь меня и прежде полученія письма, которое она теперь проклиняетъ, приготовила племяннику маркиза де Франвила обручальный обѣдъ.... Я, въ свою очередь, приглашаю барона де Верака, не предупредивъ г-жу д'Арно и послѣ полученія этого письма, которое я благословляю.... Понимаете ли вы теперь?.... *(Подаетъ ему руку.)*

Г. де Веракъ, *(прерывающимся голосомъ и взявъ ея руку).* О да, понимаю!... и не перевесу этого.... потому что баронъ де Веракъ, лишившись наслѣдства маркиза де Франвила, и обязаный вести жизнь уединенную и печальную, не можетъ принять отъ васъ такой жертвы, не дѣлаясь недостойнымъ васъ.... Теперь гроза перестала, и съ нею прошло мое счастье.... Прощайте, сударыня, прощайте.... *(Емилія не въ состояніи выговорить слова, Веракъ идетъ къ двери. Является лажъ, озабоченный.)*

ДВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ЛАКЕЙ, ПОТОМЪ Г. ДЕ ФРАНВИЛЬ.

Лакей. Сударыня, сударь, какой-то толстый господинъ, прѣхавшій въ каретѣ, принятый лаксеемъ барона, имѣеть что-то сказать вамъ, сударь, и вамъ, сударыня. Я спросилъ его имя, онъ расхохотался. И я тотчасъ пошелъ доложить. Вотъ онъ и самъ.

(Лакей уходитъ, маркизъ де-Франвиль входитъ съ важностію и еще смѣясь. Онъ одѣтъ какъ вельможа, но безъ изысканности).

Г. де-Веракъ. Дядюшка, вы здѣсь?

Емилія. Маркизъ де-Франвиль!

Г. де-Франвиль. Какъ видите. (Кланяясь Емилии). У вашихъ ногъ, сударыня. (Пожимая руку Верака). Здравствуйте, баронъ. Вы меня не ожидали? (Нюхаетъ табакъ съ величайшимъ хладнокровіемъ).

Г. де-Веракъ, (замираясь). Совсѣмъ нѣтъ.

Емилія, (успокоившись). Пріѣздъ вашъ тѣмъ пріятнѣе для насъ, маркизъ. (Всторону) Какъ онъ веселъ, послѣ такого несчастія!...

Г. де-Франвиль. Что жъ вы хотите! Я оригиналь. Я не могъ вамъ объявить прежде, потому-что вчера вечеромъ еще не зналъ, что пріѣду сегодня утромъ. Лучъ солнца заставлялъ меня рѣшиться.

Г. де-Веракъ, (всторону). Какія могутъ быть его намеренія?

Емилія, (также.) Какъ онъ добръ!

Г. де-Франвиль. Что же новенькаго въ Кодбекѣ? (Всторону, наблюдая за ними изъ-подлобья). Мы плакали.... Мартынъ правъ; дѣло идетъ хорошо (Велухъ). Согласны ли?... Поссорились ли?... Устраивается ли свадьба?...

Г. де-Веракъ, (всторону, въ смущеніи). Я узнаю его! Онъ надѣляетъ чудесъ. (Молчаніе).

Г. де-Франвиль. Нѣтъ отвѣта? Молчаніе....

Емилія, покраснѣвъ. Вы идете прямо къ цѣли, маркизъ!...

Г. де-Франвиль. Я оригиналь; я предупредилъ васъ.

Емилія. Я люблю такихъ оригиналовъ.... (Подаетъ ему руку) Дайте мнѣ руку, маркизъ, придите ко мнѣ на помощь, противъ барона.

Г. де-Франвиль. Противъ моего племянника?

Емилія. Да, онъ хочетъ вѣхать.... Онъ отказывается отъ семейнаго обѣда, приготовленнаго въ честь ему.

Г. де-Франвиль, (всторону). Понимаю. Это прекрасно!

Г. де-Веракъ. Дядюшка одобрить причины, которыя заставляли меня вѣхать къ нему.

Г. де-Франвиль. Безподобно; но такъ какъ мы теперь всѣ собрались....

Г. де-Веракъ, (въ недоумѣніи). Вы остаетесь?

(Входитъ 1. и 2-жа д'Арно, не замѣтя сперва маркиза и съ неодоволіемъ браня Луизу и Мартына, которые стараются оправдываться).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и г. и г-жа д'Арно, Луиза и Мартынъ.

Г-жа д'Арно, (Луизѣ). Ты дерзкая дѣвчонка!

Г. д'Арно, (Мартыну). А ты грубіанъ!

Емилія. Что тамъ такое?

Г-жа д'Арно. То, что теперь меня не слушаютъ. Я приказала Луизѣ послать отказъ обществу, которое было не по вашему вкусу, и было не нужно по случаю отъѣзда барона. Она этого не сдѣлала по совѣту (указывая на Мартына) этого новаго хозяина; и вотъ всѣ званые гости, судья, Виланъ и Керкарренъ вѣдутъ въ шарбанъ!

Г. д'Арно. И въ парадныхъ платьяхъ!

(Слышенъ сильный стукъ каретъ. Емилія улыбается. Веракъ хочетъ заговорить съ дядей. Маркизъ хохочетъ, переилкуещисъ съ Мартыномъ).

Г. де-Веракъ, (всторону). Боже праведный! Какое положеніе!

Г-жа д'Арно. Посмотрите, сударыня, прилично ли вамъ принимать ихъ....

Емилія. Конечно, да... потому-что у насъ еще новый гость... Маркизъ де-Франвиль....

Г-жа д'Арно, (озадаченная, замѣтя наконецъ маркиза и кланяясь ему съ важностію). Маркизъ де-Франвиль!

Г. д'Арно, также. Это маркизъ?... (Тихо 2-жа д'Арно). Разоренный дядя! Какая снѣловы! (Маркизъ поджуетъ се табакомъ. Г. д'Арно смотритъ на него съ недоумѣніемъ).

Емилія, Вераку, съ нѣжностію. А теперь баронъ, неужели вы поѣдете? Кажется вѣтъ предлога?...

(Веракъ въ нерѣшимости смотритъ на дядю, который наблюдаетъ за нимъ съ любовію),

Г-жа д'Арно, всторону. Тутъ что-то недобро кроется!

Г. д'Арно, также. Ноги мои подкашиваются!

Г. де-Франвиль, (тихо Вераку, пожимая ему руку). Я поздравляю тебя! Благородное сердце, ты страдаешь также, какъ я и ты богаче ея!

(Веракъ целуетъ своего дядю, падаетъ на колѣни передъ Емиліей и покрываетъ руки ея слезами).

Г. де-Веракъ. Я остаюсь! остаюсь! Моё мѣсто здѣсь навсегда!

Емилія, поднимая его. Давно бы такъ!

Г-жа д'Арно, (смущенная, въ полголоса). Неужто они жевятся?

Г. де-Франвиль, (разслышавъ это, съ насмѣшкою). Вы отгадали, господа совѣтница.

Г-жа и г. д'Арно, (также). Безъ состоянія!

Мартынъ, г. д'Арно. Состоянія госпожи де-Леря станеть на ихъ обонхъ.

Г-жа д'Арно, (такъ же). На обонхъ! (Мужу). Это ясно! Все кончено! (Вслухъ). Теперь наша очередь удалиться. (Емиліи). Баронесса, примите наши поздравленія и прощайте....

Г. д'Арно. Мы уѣзжаемъ. (Мартынъ съ живостію толкаетъ локтемъ Луизу).

Г. де-Франвиль, (останавливая Емилію, которая ласково подходитъ къ своимъ откунамъ). Г-жа де-Веракъ не соглашается на вашъ отъѣздъ, и проситъ управлять ея домоу и имѣніемъ бодбекскимъ, а сама она будетъ жить или въ одномъ изъ моихъ парижскихъ домовъ, или въ моемъ Франвильскомъ помѣстьѣ, которыя я дарю барону, какъ задатокъ наслѣдства, съ половиною моего имѣнія.

(Общее удивленіе. Емилія и Веракъ жмутъ, отъ избытка чувства, руки маркизу).

Г-жа д'Арно, наконецъ. Такъ вы не разорены, маркизъ?

Г. де-Франвиль, смѣясь, Разорень! Кто это вамъ сказалъ?

Г-жа д'Арно. Но.... вы сами, въ письмѣ, которое я получила сегодня утромъ. ..

Емилія. Вотъ оно! (Она подаетъ письмо г. де-Франвиллю, который беретъ его съ живостію и улыбается, бросивъ на него быстрый взглядъ).

Г-жа д'Арно. Не молодець ли этотъ Мартынъ смастерилъ это письмо?.. Онъ способенъ на все....

Г. де-Франвиль, (всторону, пользуясь этииъ истолкованіемъ). Какая счастливая мысль! Да! урокъ будетъ еще дѣйствительнѣе! (Вслухъ). Точно такъ, госпожа совѣтница. Мартынъ сообщилъ мнѣ свой планъ.... Злодѣйскій. (Мужъ и жена оборачиваются съ яростію къ Мартыну).

Мартынъ, (изумленный, бѣжитъ къ Франвиллю). Клянусь вамъ, сударь!....

Г. де-Франвиль, (тихо Мартыну). Молчи! Не противорѣчь мнѣ ни въ чемъ! (Мартынъ останавливается какъ пораженный. Вслухъ, съ ироніею подъ видомъ откровенности). Такъ какъ вы его видите, Мартынъ тонкій дипломатъ, дакей высокой комедіи, и вотъ шутка, которую онъ намъ всѣмъ сыгралъ. Онъ подумалъ: «Мой господинъ достойный человекъ, для котораго состояніе послѣдняя вещь. Ему надо жену, которая бы походила на него и вышла бы за него безкорыстно. Посмотришь, достойна ли г-жа Леря моего барина, или нѣтъ? она только на наше золото и почести... какъ нѣкоторые люди....» (Комическое движеніе Мартына и г. и г-жи д'Арно. Емилія напрасно хочетъ остановить маркиза). Это Мартынъ говоритъ, а не я. (Знакъ извѣщенія. Онъ подуетъ табакомъ г. д'Арно). И такъ, хитрецъ привелъ каждаго къ своей цѣли, начиная съ барона....

Мартынъ, (*всторону*). А, понимаю! Онъ садятся въ мои сани, чтобъ лучше отблать каждаго.

Г. де-Франвилль. Да, вы всѣ были его маріонетками; онъ держалъ за нитку, а вы всѣ плясали, кто какъ умѣлъ. Это комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Въ первомъ дѣйствіи мой племянникъ показалъ себя фатомъ, старался выказать свои достоинства и надежды; всѣми силами старался себя обезобразить. Г-жа Лері отвергла его съ большимъ достоинствомъ а.... нѣкоторые люди попали въ ловушки не такъ-то умно.... (*Движеніе Мартына и д'Арно*). Все это Мартынъ говоритъ. (*Знаки извиненія*). Во второмъ дѣйствіи хитрецъ придумалъ разорить своего хозяина и грозить ему аневризмомъ, если тотъ не будетъ вести спокойную и скромную жизнь. Тутъ тройной оборотъ всѣхъ маріонетокъ! Баронъ тутъ показываетъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, солиднымъ, скромнымъ. Г-жа Лері, женщина съ прекрасною душою, перешла отъ участія къ уваженію, отъ уваженія къ нѣжности, отъ нѣжности къ героизму, а.... нѣкоторые люди, снявъ маски съ большою неосторожностію.... Это все Мартынъ говоритъ. (*Знаки извиненія. Движеніе тѣхъ же троехъ. Онъ подчуетъ табаконъ и д'Арно*). Хотѣли вытолкать за двери нѣкотораго разорившагося барона... а я удержалъ ихъ тогда, когда они сами хотѣли бѣжать очень некстати.... Вотъ штука Мартына!... Онъ заставилъ каждаго выказать себя.... въ настоящемъ видѣ! Согласитесь, что урокъ удачно приспособленъ, и извините его смѣлость, такъ какъ я ее извиняю, во уваженіе хорошаго успѣха.

(*Г. и г-жа д'Арно стоятъ въ молчаніи и неподвижно*).

Мартынъ, *всторону*. О! высокая комедія!

Емилія, (*тихо и де-Франвиллю, смѣясь съ Веракомъ*). Это не Мартынъ, а вы насъ всѣхъ провели! Вы настоящій чародѣй и безпощадный моралистъ!

Г. де-Веракъ. Ловите насъ всегда такъ, какъ теперь.

Г-жа д'Арно, (*не помявъ намѣренія маркиза, тихо Мартыму*). Ты не уйдешь отъ меня, бездѣльникъ!

Г. д'Арно, (*также*). И отъ меня также!

Мартынъ (*въ испугъ, тихо Франвиллю*). Они меня изведутъ, сударь!

Г. де-Франвилль, (*также*). Ты скажешь мнѣ, чтобъ они обратились ко мнѣ. (*Мартынъ гордо поднимаетъ голову*).

Луиза. Вы великій человекъ! Я согласна похоронить себя съ вами. (*Даетъ ему руку*).

Г. де-Франвилль, (*Емиліи*). Баронесса, вотъ вашъ гербъ съ новымъ девизомъ. (*Отдаетъ ей перстень съ брилліантомъ*).

Емилія (*читая*): Нѣтъ худа безъ добра.

(*Дверь въ глубинѣ комнаты отворелась. Входятъ судья съ супругою, Видамъ, Керкареновили въ нарядныхъ платьяхъ. Замѣтъ опускается*).

К о н ц ь .

